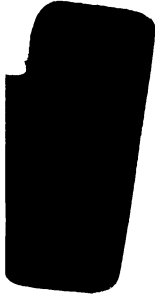

Stanford University Libraries

3

36105007601789

Археологическiй с'ездъ, 5th, Tiflis, 1881.

ТРУДЫ
I^{го} АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА

ВЪ ТИФЛИСѢ

1881

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Графини Уваровой

Съ приложеніемъ 41 таблицы

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5

1887

STANFORD
LIBRARIES

DK30
A724
1881
F

~~CCSI
A7
1881
F~~

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПАМЯТИ

ОСНОВАТЕЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ СЪЪЗДОВЪ ВЪ РОССИИ

графа Алексья Сергѣевича

Уварова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

V Археологическій Съѣздъ въ Тифлисѣ состоялся въ 1881 г. (отъ 8 до 21 сент.). Ни для одного Съѣзда не было сдѣлано такъ много, какъ для Тифлискаго: Августѣйшій Намѣстникъ Кавказа, Вел. Князь Михаилъ Николаевичъ, предложилъ для засѣданій Съѣзда и помѣщенія гг. членовъ свой собственный дворецъ и отпустилъ на нужды Съѣзда и предварительныя работы 15,000 р. Были составлены инструкціи, предприняты поѣздки, посланы экспедиціи, произведены раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа, былъ изданъ цѣлый томъ Трудовъ Предварительнаго Комитета. Предсѣдатель послѣдняго въ Москвѣ, Графъ А. С. Уваровъ, самъ лично руководилъ предварительными раскопками, и съ этою цѣлью провелъ на Кавказѣ лѣто и осень 1879, 1880 и 1881 годовъ и производилъ раскопки въ горахъ и ущельяхъ Осетин, въ Дагестанѣ, въ долинѣ Аракса, въ Абаранскомъ и Делижанскомъ ущельяхъ, изучилъ Эчмиадзинскую бібліотеку и своими неутомимыми усиліями далъ сильный толчекъ къ дальнѣйшему изученію края. Ревностными помощниками Графа по части изученія вещественныхъ памятниковъ края были В. Б. Антоновичъ и И. С. Поляковъ, Ф. С. Байернъ, А. А. Руссовъ, А. Д. Ерицовъ, К. И. Ольшевскій, Н. О. Циоссани, И. Т. Бѣленскій, В. Л. Бернштамъ и А. В. Комаровъ. Гг. же Н. О. Эминъ, А. П. Загурскій, В. Ө. Миллеръ, И. Д. Мансветовъ, Д. З. Бакрадзе, С. Г. Вейденбаумъ и др. помогли дѣлу своими филологическими изученіями, указаніями на исторію и преданія страны, разъясненіемъ языковъ, историческихъ актовъ и преданій и пр. Покидая Кавказъ послѣ закрытія Съѣзда, прощаясь съ мѣстными учеными, Графъ выразилъ желаніе потрудиться и надъ изданіемъ Трудовъ Тифлискаго Съѣзда, вслѣдствіе чего на послѣднемъ засѣданіи было рѣшено печатать ихъ въ Москвѣ, при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ.

Къ несчастію, злой недугъ, унесшій впоследствии Графа въ могилу, скоро послѣ окончанія Съѣзда, парализировалъ его силы, заставилъ для лѣченія уѣхать за границу и помѣшалъ ему докончить дѣло, надъ которымъ онъ работалъ съ любовью и

самоотверженіемъ. Послѣ кончины Графа Московское Арх. Общество пожелало окончить дѣло, начатое его бывшимъ Предсѣдателемъ, и обратилось въ Тифлисъ за полученіемъ документовъ и рефератовъ по Тифлисскому Съѣзду. Только черезъ годъ, т. е. въ октябрѣ 1885 г., получились изъ Тифлиса стенографическіе отчеты засѣданій Съѣзда; рефераты же почти всѣ пришлось собирать у самихъ авторовъ, что, къ несчастію, не для всѣхъ оказалось возможнымъ. Изъ 86 рефератовъ, заявленныхъ на Съѣздѣ, многіе не могли быть напечатаны по слѣдующимъ причинамъ; такъ рефераты: Штида — Объ антропологии Евреевъ, Загурскаго — О значеніи лингвистики для Кавказа, Тизенгаузена — Дипломатическія сношенія золотой орды съ султаномъ Мамелюковъ, Прахова — О Кирилловскихъ фрескахъ, Анучина — Объ остаткахъ собаки изъ отложеній каменнаго вѣка съ побережья Ладожскаго озера, Цвѣтаева — Объ Археолог. Институтѣ въ Римѣ, Иловайскаго — О народности Гунновъ, Кельсіева — О каменныхъ орудіяхъ въ Воронежской губ., Стасова — О Руссахъ по Арабскимъ писателямъ, А. П. Богданова — О курганныхъ жителяхъ Сѣверянской земли, Жители древнихъ Болгаръ и Доисторическіе Тверитяне оказались уже помѣщенными въ другихъ повременныхъ изданіяхъ; А. В. Комаровъ (О нѣкоторыхъ неизданныхъ Грузинскихъ монетахъ, Дербентъ и его стѣны и Описаніе Тифлиса и Кутаиса изъ путешествія Гюldenштета по Кавказу) не нашель возможнымъ возстановить своихъ рефератовъ по весьма плохимъ стенографическимъ отчетамъ; В. Б. Антоновичъ, Л. К. Ивановскій и Мейчикъ не отвѣчали на обращенныя къ нимъ просьбы и не доставили въ Редакціонный Комитетъ ни одного изъ своихъ рефератовъ; остальные же 37 рефератовъ предлагаются нынѣ читающей публикѣ, въ той формѣ, въ которой доставлены авторами, или какъ удалось ихъ возстановить по стенографическимъ отчетамъ и запискамъ секретарей отдѣленій.

Несвоевременное доставленіе рефератовъ и необходимость возстановлять нѣкоторые изъ нихъ по весьма неудовлетворительнымъ краткимъ отчетамъ, помѣшало систематическому ихъ распредѣленію по отдѣламъ и на много увеличило трудъ гг. Д. И. Анучина, В. О. Миллера, Н. В. Никитина, А. В. Орѣшникова, И. Л. Окромчеделова-Серебрякова, Б. Е. Румянцева и Н. О. Эмина, которымъ угодно было принять на себя заботы по просмотру и провѣркѣ корректурныхъ листовъ.

Изъ Высочайше дарованныхъ 15,000 р. на изданіе Трудовъ Съѣзда доставлено изъ Тифлиса Моск. Археологическому Обществу 1,200 р., которые обращены въ уплату расходовъ по изданію.

Въ нумераціи таблицъ вкрались двѣ незначительныя ошибки: табл. XIII — къ статьѣ Агапитова — не напечатана вовсе; табл. XXIX къ статьѣ Бакрадзе — соединена съ табл. XXVIII и отмѣчено на оной № 12.

Москва,
4 сентября 1887 г.

Графиня Уварова.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Правила Създа	I
Вопросы, предложенные къ обсужденію на Създѣ	III
Вопросы, по которымъ желательно къ Създу получить свѣдѣнія	VII
Списокъ членовъ и участниковъ Археологическаго Създа	XI
Открытіе дѣйствій Совѣта Създа	XII
Открытіе Археологическаго Създа	XIII

Протоколы засѣданій Създа:

Общія	XL, LI, LXXXIX
Отд. I. Памятники первобытныя	XXIV, LXIII, LXXXIV
Отд. II. Памятники языческія и классическія	XXVIII, LXVII, LXXII
Отд. III. Памятники христіанскія	XXX
Отд. IV. Восточныя древности	XXXV
Отд. V. Памятники искусствъ и художествъ	XXXIII, LXIII, LXXXVII
Отд. VI. Памятники письма и языка	XXXVII
Отд. VII. Лингвистика	XL
Отд. VIII. Историческая географія и этнографія	XVII, LVII, LXXV
Протоколъ засѣданія комиссіи для выработки программъ археологическаго изслѣ- дованія Кавказа	XCVIII
Къ вопросу о составленіи программъ для производства лингвистическихъ изслѣдо- ваній на Кавказѣ. Л. П. Загурскаго	XCIX—C
Программа для собиранія матеріала по Осетинскому языку. В. Θ. Миллера	C—CIII
Проектъ программы для изученія Кавказа съ нумизматическими цѣлями. Барона В. Г. Тизенгаузена	CIII—CVI
Проектъ программы для собиранія матеріаловъ для антропологическихъ изслѣдо- ваній. Л. К. Ивановскаго	CVI—CVII

П р а з д н е с т в а:

Открытіе Кавказскаго музея	XVII
Праздникъ въ саду Намѣстника	XVII
Поѣздка въ Мцхетъ, Кутаисъ и Гелать	LII

	Стр.
Представленіе въ Армянскомъ театрѣ	LXVII
Обѣдъ, данный городскимъ Обществомъ	LXXXII
Обѣдъ во дворцѣ Намѣстника	LXXXV
Представленіе въ Грузинскомъ театрѣ	XCV

Рефераты и рѣчи, упоминаемые въ протоколахъ Съѣзда:

Князя <i>Меликова, Лев. Ив.</i> Рѣчь при открытіи Съѣзда	XIII
Графа <i>Уварова, А. С.</i> Рѣчь при открытіи Съѣзда	—
— О слѣдахъ торговли Россіи съ Индіей	XL
— О необходимости скорѣйшаго изданія трудовъ Съѣздовъ	LV
— О лицевыхъ сосудахъ	LXXXI
— Обсидіановыя орудія, доставленныя съ р. Цалки	LXXXV
<i>Иловайскаю, Дм. Ив.</i> Рѣчь при открытіи Съѣзда	XV
— О народности Гунновъ	LIX
<i>Стасова, В. В.</i> О національности Руссовъ по Арабскимъ писателямъ	XVII
<i>Цилосани, Н. О.</i> О раскопкахъ древняго города Бердаа	XXI
<i>Штида.</i> О двухъ нефритовыхъ топорахъ Дерптскаго музея	XXIV
— Объ антропологій Евреевъ	LXXXIII
— Объ антропологическихъ таблицахъ	XI
— О краниологическихъ признакахъ жителей Сѣверянской земли, Болгаръ и Тиверцевъ	LXXIII
— О раскопкахъ гр. фонъ-деръ Браель Платеръ въ Ковенской губ.	—
<i>Мушкетова.</i> О гробницѣ Тамерлана въ Самаркандѣ	XXIV
<i>Эмина, Н. О.</i> Легенда о Семирамидѣ по армянскимъ источникамъ	XXVIII
<i>Миллера, В. Ф.</i> Миѳъ о Прометѣѣ на Кавказѣ	XXIX
— О значеніи Кавказа для языкознанія	XL
— Объ осетинскомъ языкѣ и объ его мѣстѣ въ группѣ иранскихъ языковъ	XLVIII
<i>Байерна.</i> О находкахъ близъ г. Петровска	XXX
<i>Чубинова, Д. Г.</i> О понтійской эрѣ по грузинскимъ источникамъ	—
Протоіерея <i>Лебедитцева.</i> О вліяніи Кавказа на ереси, распространенныя на Руси— письмо	XXXII
<i>Стоянова, А. И.</i> О раскопкахъ, произведенныхъ около Кутаискаго собора	XXXIII
— О Сванетскихъ пѣсняхъ	XLIX
<i>Мурзакевича, Н. Г.</i> О Пицундскомъ храмѣ	XXXIII
Архимандрита <i>Антонина.</i> О грузинскихъ и армянскихъ древностяхъ въ Іерусалимѣ	XXXIV
Барона <i>Тизенгаузена, В. Г.</i> Эпизодъ изъ дипломатическихъ сношеній хановъ Золотой Орды съ султаномъ Мамлюковъ	XXXVI
— О слѣдахъ торговли Россіи съ Индіей	XL
<i>Мейчика.</i> Матеріалы для исторіи и археологій Сибирѣ въ XVII в.	XXXVII
<i>Хвольсона.</i> О надгробномъ камнѣ съ еврейскою надписью изъ Мцхета	XXXIX
<i>Обста.</i> О цвѣтѣ глазъ и волосъ Саксонцевъ	XI
<i>Смирнова.</i> О цвѣтѣ глазъ и волосъ Кавказцевъ	—
<i>Вирхова.</i> Объ антропологій Кавказа	—
<i>Радда.</i> Ной и первое насажденіе винограда и маслины на Араратѣ	—
<i>Заурскаю, Л. П.</i> О значеніи лингвистики для этнологіи и изученія прежняго быта Кавказскихъ народовъ	XLIII

	Стр.
<i>Брикнера</i> . Нѣсколько словъ о В. И. Григоровичѣ, И. И. Срезневскомъ и Ф. К. Брунѣ	LIII
<i>Цытаева, И. В.</i> Исторія археологическаго института въ Римѣ	LIV
<i>Самоковасова, Д. Я.</i> О заслугахъ Фелицина	LV
— О поднесеніи Гр. А. С. Уварову „золотой медали“ отъ членовъ Тифлискаго Съѣзда	XCIV
<i>Комарова, А. В.</i> Описаніе Тифлиса по Гюльденштету	LVI
— О нѣкоторыхъ неизданныхъ грузинскихъ монетахъ	LXIII
— Укрѣпленія Дербента и Кавказская стѣна	LXXXVII
<i>Ершова, А. Д.</i> Описаніе Тифлиса по Артемію Араратскому	LVI
<i>Прахова, А. В.</i> О Кирилловскихъ фрескахъ въ Кіевѣ	LXIII
Графа <i>Завиша</i> . О мамонтовой пещерѣ въ Кѣлецкой губ.—письмо	—
<i>Амучина, Д. Н.</i> О породахъ собакъ каменнаго періода на побережьѣ Ладожскаго озера	LXIV
— О черепахъ кавказскихъ, измѣренныхъ при участіи Черныявскаго, Фелицина, Филлимонова и др.	LXXIII
<i>Шапошникова, К. А.</i> Орудійныя и фигурныя издѣлія изъ кремня, найденныя въ Валдайскомъ уѣздѣ	LXVI
<i>Антоновича, В. Б.</i> О погребальныхъ обычаяхъ древнихъ жителей Кавказа	LXVIII
— О погребальныхъ обычаяхъ Древлянъ и Тиверцевъ по новѣйшимъ раскопкамъ	LXXII
<i>Филлимонова, Г. Д.</i> О раскопкахъ на станціи Казбекъ	—
<i>Ивановскаго, Л. К.</i> О раскопкахъ въ Петербургской губ.	LXXIII
<i>Кельсиева, А. И.</i> О каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ съ костями мамонта въ Воронежской губ.	LXXXV
Князя <i>Орбеліана, Г. Д.</i> Рѣчь на обѣдѣ во дворцѣ Намѣстника	LXXXVI
<i>Майкова, Л. Н.</i> О заслугахъ Гр. А. С. Уварова въ дѣлѣ русской археологіи.	XCI

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

	Стр.
Графа <i>Уварова, А. С.</i> Къ какому заключенію о бронзовомъ періодѣ приводятъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ	1—9
— Курганы съ разчлененіемъ близъ Дербента	61—75
<i>Бранденбурга, Н. Е.</i> Нѣсколько замѣчаній по поводу погребальныхъ обычаевъ обнаруживаемыхъ въ курганахъ съ трупосожженіемъ по южному побережью Ладожскаго озера	10—18
Князя <i>Путятина, П. А.</i> Чашечные камни Новгородской губ.	19—30
<i>Троицкаго, Н.</i> Ископаемые остатки послѣ-ледниковой фауны по Тульской губ.	31—35
— Одно изъ мѣстъ находженія каменныхъ орудій въ Приволжскомъ краѣ	36—38
<i>Самоковасова, Д. Я.</i> Могильныя древности Пятигорскаго округа	37—60
— Генстическое, этнографическое сродство Скифовъ и Славянъ	196—202
<i>Кельсиева, А. И.</i> О каменныхъ бабахъ	76—80
<i>Алапотова, Н. Н.</i> Археологическія изслѣдованія въ Иркутской губ. въ 1881 г.	81—86
<i>Лихачева, А. Ѳ.</i> Серебряное блюдо изъ эпохи Сассанидовъ	87—100
<i>Гаркави, А.</i> О географическомъ распредѣленіи наименованій потомковъ Ноевыхъ въ генеалогической таблицѣ народовъ	101—103
<i>Цацарелли.</i> Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности	104—107

<i>Соловьева, Е. Т.</i> О необходимости изучения знаковъ собственности кавказскихъ туземцевъ и другихъ племенъ Россіи	108—114
<i>Патканова, К. П.</i> Клинообразныя надписи	115—122
<i>Жаринцева.</i> Археологическая топографія Таманскаго полуострова	123—127
Архимандрита <i>Степана.</i> Центры просвѣщенія въ древней Арменіи по XI в.	128—139
Протоіерея <i>Каменскаго.</i> Обращеніе Осетинъ въ христіанство въ XVIII в.	140—160
<i>Мансветова, И. Д.</i> Художественныя и бытовыя данныя въ славянскомъ спискѣ лѣтописи Георгія Амартала изъ библиотеки Моск. Дух. Академіи	161—169
<i>Петрова, Н. И.</i> О миниатюрахъ греческаго Никомидійскаго евангелія (XIII в.) въ сравненіи съ миниатюрами евангелія Гелатскаго монастыря XI в.	170—179
<i>Аладова.</i> Списокъ Грузинскихъ памятниковъ, находящихся въ Кіевѣ	180—186
<i>Ерицева, А. Д.</i> О сектѣ Тондравскихъ армянъ	187—192
<i>Авдѣева, А. А.</i> О планахъ церквей Грузіи и Арменіи и ихъ отношеніи къ планамъ церквей византійскихъ	193—195
<i>Покровскаго, Н. В.</i> О брачныхъ вѣнцахъ	203—206
<i>Бакрадзе, Д. З.</i> Грузинская палеографія	207—214
— Древніе варианты грузинскаго четверо-евангелія	215—220
— Грузинскій монастырь Св. Креста въ Іерусалимѣ	328—331
<i>Окромчеделова-Серебрякова, И. Л.</i> Объ изобрѣтеніи грузинскаго алфавита	221—229
<i>Султанова, Н. В.</i> Русскія шатровыя церкви и ихъ соотношеніи къ грузино-армянскимъ пирамидальнымъ покрытіямъ	230—244
<i>Лихачева, И.</i> Чиловская пещера и легенда объ Абласкирѣ-Прометѣе	245—248
<i>Иверсена, Ю. Б.</i> О кладахъ	249—252
<i>Черныяскаго, В. И.</i> Дополненія и замѣчанія	253—260
<i>Витковскаго, Н. И.</i> Отчетъ о раскопкѣ могилы каменнаго періода въ Иркутской губ., произведенной въ 1880 г.	264—277
— О раскопкахъ въ Иркутской губ. 1881 г.	278—320
Епископа <i>Порфирія.</i> Нѣсколько свѣдѣній объ Иверскомъ на Афонѣ монастырѣ и о бывшихъ насельникахъ онаго Грузинахъ	321—327
<i>Никитскаго, А.</i> Слѣды Востока въ Новгородско-Ганзейской торговлѣ	261—263
<i>Савельева, П. С.</i> Индійскія монеты, найденныя близъ Переяславля - Залѣскаго и Ростова	332—336
<i>Анучина, Д. Н.</i> О древнемъ лукѣ и стрѣлахъ	337—411

ТРУДЫ

ПЯТАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА

ВЪ ТИФЛИСѢ.

I.

Правила Създа,

утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, 12 апрѣля 1880 года.

1) Съездъ открывается въ Тифлисѣ -го сентября 1881 г. и будетъ продолжаться не болѣе двухъ недѣль.

2) За недѣлю до открытія Създа, а именно 1-го сентября 1881 года, открываетъ свои дѣйствія въ Тифлисѣ Совѣтъ Създа.

3) Совѣтъ Създа составляютъ: а) всѣ, прибывшіе къ Създу, члены предварительнаго комитета и б) присланные на Съездъ депутаты отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ учреждений и археологическихъ обществъ, коихъ представителей не было на предварительномъ комитетѣ.

4) Членами Създа признаются всѣ лица, изъявившія желаніе принять участіе въ занятіяхъ Създа и заплатившія 3 р. 60 к. Этимъ лицамъ выдается членскій билетъ и особый знакъ, который предоставляетъ имъ право посѣщать засѣданія Създа и участвовать въ его занятіяхъ.

5) Члены Совѣта не освобождаются отъ членскаго взноса.

6) Записаться въ члены Създа, внести установленную плату и получить членскій билетъ можно заблаговременно, или въ Московскомъ археологическомъ обществѣ, или у членовъ корреспондентовъ.

7) Съездъ раздѣляется на 8 отдѣленій: I) Памятники первобытныя. II) Памятники языческіе и классическіе. III) Памятники христіанскіе. IV) Памятники мусульманскіе. V) Памятники искусствъ и художествъ. VI) Памятники письменности и языка. VII) Лингвистика. VIII) Историческая географія и этнографія. Совѣтъ Създа въправѣ, если признаетъ необходимымъ, увеличить число отдѣленій или слить нѣкоторыя изъ нихъ вмѣстѣ.

Труды Тифлискаго създа.

8) При Създѣ предполагается устроить археологическую выставку.

9) Въ секретари Създа и отдѣленій его приглашаются заблаговременно Совѣтомъ нѣсколько лицъ изъ членовъ Създа. Секретари признаются членами Совѣта Създа.

10) Всякій членъ можетъ, по своему желанію, приписаться къ одному или нѣсколькимъ отдѣленіямъ.

11) Совѣтъ Създа, въ первомъ засѣданіи своемъ, избираетъ изъ своей среды председателя Совѣта и шесть членовъ въ распорядительный комитетъ, на все время Създа. Независимо отъ сего, Совѣтъ въ томъ же засѣданіи раздѣляется по числу отдѣленій Създа на комиссіи, впредь до открытія отдѣленій, которыя немедленно избираютъ своихъ особыхъ председателей и секретарей.

12) Распорядительный комитетъ завѣдываетъ всею хозяйственною частью и всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ распорядкомъ Създа.

13) Въ составъ распорядительнаго комитета, кромѣ 6 членовъ, избранныхъ Совѣтомъ, входитъ казначей Създа.

14) Председатели и секретари отдѣленій и секретари Създа составляютъ ученый комитетъ Създа.

15) Ученый комитетъ руководитъ всею ученою частью Създа и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ его ученыхъ работъ.

16) Комитеты распорядительный и ученый сами избираютъ своихъ председателей. Комитеты засѣдаютъ ежедневно, въ продолженіе всего Създа.

17) Совѣтъ Създа и комиссіи Совѣта созываются ихъ председателями. Каждая комиссія вправѣ избирать въ свои члены, изъ среды Създа, ученыхъ, коихъ постоянное содѣйствіе она считаетъ для себя необходимымъ. О такихъ выборахъ председатели комиссій доводятъ до свѣдѣнія председателя Совѣта.

18) Засѣданія какъ Совѣта, такъ и комитетовъ — ученаго и распорядительнаго, а равнымъ образомъ комиссій Совѣта, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

19) Засѣданія Създа бываютъ общія и частныя, по отдѣленіямъ. Въ общихъ засѣданіяхъ обсуждаются всѣ предметы, относящіеся къ древностямъ вообще. На засѣданіяхъ отдѣленій обсуждаются спеціальныя вопросы, входящіе въ кругъ занятій того или другаго отдѣленія.

20) Засѣданія Създа всѣ публичны.

Примѣчаніе. Корреспонденты журналовъ и газетъ обращаются въ Тифлискій распорядительный комитетъ за полученіемъ особыхъ мѣстъ.

21) Председатели какъ общихъ собраній Създа, такъ и собраній отдѣленій назначаются на каждое засѣданіе особо ученымъ комитетомъ, изъ среды членовъ Създа.

Наблюденіе за порядкомъ засѣданій лежитъ на председателяхъ. Председатель обязанъ остановить каждаго члена Създа, который въ своей рѣчи удалится отъ предмета обсуждения или уклонится отъ научной цѣли.

22) Программа каждаго засѣданія какъ общихъ собраній, такъ и отдѣленій определяется заблаговременно, на каждый разъ особо, ученымъ комитетомъ. Программы засѣданій вывѣшиваются наканунѣ у дверей залы. Ни одинъ новый вопросъ не можетъ быть возбужденъ въ засѣданіяхъ Създа безъ предварительнаго разрѣшенія ученаго комитета.

23) Во время продолженія Създа издаются, отдѣльными выпусками, по окончаніи засѣданій, краткіе о нихъ отчеты, которые выдаются членамъ Създа бесплатно.

24) Время каждаго засѣданія какъ общихъ собраній Създа, такъ и его отдѣленій, назначается распорядительнымъ комитетомъ.

25) На засѣданіяхъ Създа допускаются какъ словесныя, такъ и письменныя сообщенія, но ни одинъ членъ Създа не вправе говорить или читать болѣе $\frac{1}{2}$ часа, не испросивъ на то предварительно разрѣшенія ученаго комитета.

26) Всѣ разсужденія и пренія въ засѣданіяхъ Създа какъ общихъ, такъ и частныхъ, по отдѣленіямъ, происходятъ на русскомъ языкѣ; но ученый комитетъ можетъ назначить особое засѣданіе для выслушанія сообщеній иностранныхъ ученыхъ, признанныхъ комитетомъ важными для археологической науки. На этихъ особыхъ засѣданіяхъ сообщенія могутъ быть сдѣланы на французскомъ или на нѣмецкомъ языкахъ.

27) Исслѣдованія и сообщенія, присланныя на Създъ, въ отвѣтъ на предложенные вопросы, поступаютъ въ ученый комитетъ, разсматриваются въ комиссіяхъ Совѣта и докладываются кѣмъ-либо изъ членовъ въ одномъ изъ засѣданій Създа.

28) Каждый членъ Създа долженъ предъявлять свой членскій билетъ или знакъ при входѣ въ засѣданіе и имѣть при себѣ тотъ знакъ, который ему выданъ.

29) Для напечатанія трудовъ Създа избирается Совѣтомъ Създа особый редакціонный комитетъ.

Новые вопросы могутъ быть присылаемы въ предварительный комитетъ V Археологическаго Създа, на имя гг. предсѣдателей онаго: графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, въ Москву (домъ Московскаго Археологическаго Общества) и Александра Виссаріоновича Комарова, въ Тифлисъ (Военно-народное управленіе). Лица, предложившія вопросы, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ на себя обязанность представить по нимъ Създу докладъ или сообщеніе.

Предварительный комитетъ извѣщаетъ гг. ученыхъ и лицъ, желающихъ прибыть на Създъ, что предложено включить въ программу занятій Създа археологическія экскурсіи и раскопки, подробное обозначеніе которыхъ будетъ объявлено при началѣ Създа.

II.

Вопросы, предложенные къ обсужденію на Създѣ.

А. Вопросы общіе.

- 1) Программа для изслѣдованія памятниковъ древности на Кавказѣ.
- 2) Какое участіе имѣли геологическія явленія въ исторической жизни кавказскихъ народовъ.

Б. Вопросы частныя.

Отдѣленіе I. Памятники первобытныя.

- 3) Слѣды каменнаго періода на южномъ побережьи Финскаго залива.
- 4) Возстан овить первобытную культуру горскихъ народовъ изъ ихъ языка.

5) Къ какому заключенію о бронзовомъ періодѣ приводятъ насъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ.

6) Какія имѣемъ мы свѣдѣнія объ ископаемыхъ животныхъ на Кавказѣ и въ особенности о торфяной свиньѣ, сравнительно съ остатками, найденными въ свайныхъ постройкахъ западной Европы.

7) Какія имѣются данныя о первыхъ слѣдахъ появленія собаки на югѣ Россіи.

8) Къ какому заключенію приводятъ насъ свѣдѣнія о желѣзномъ вѣкѣ на Кавказѣ.

Отдѣленіе II. Памятники языческіе и классическіе.

9) Какія домашнія животныя существовали совместно съ человѣкомъ на курганахъ южнаго побережья Финскаго залива.

10) Сравненіе предметовъ древности, находимыхъ въ гробницахъ Кавказа, съ нѣкоторыми предметами древности, найденными въ курганахъ Днѣпровскаго бассейна и ихъ отношенія между собой.

11) Погребальные обычаи по раскопкамъ, произведеннымъ въ Осетіи и Кабардѣ.

12) Погребальные обычаи Древлянъ и Тиверцевъ, по раскопкамъ доселѣ произведеннымъ.

13) Топографія Мцхетскихъ могильниковъ и ихъ раскопки.

14) Древнія могилы у Маріенфельда (Сартачалы) и въ Делижанскомъ ущельѣ.

15) Что держатъ въ рукахъ человѣческія изваянія изъ камня, извѣстныя подъ названіемъ каменныхъ бабъ.

16) О принадлежности по происхожденію, Болгарь Хазарь и Аваровъ — Кавказу и Прикавказію.

17) Въ какомъ состояніи находится нынѣ вопросъ о происхожденіи Хазарь и возможно ли рѣшить его.

18) Какой религіи держались Грузины, до введенія въ Грузіи христіанства.

19) Въ какомъ отношеніи находятся кавказскія сказанія о прикованныхъ къ горамъ великанахъ къ классическому мѣю о Прометей.

20) О религіозныхъ обрядахъ Осетинъ, въ связи съ языческими вѣрованіями другихъ индо-европейскихъ народовъ.

21) Легенда о Семирамидѣ по армянскимъ источникамъ и особенности этой легенды въ сравненіи съ рассказомъ Геродота и другихъ.

22) Объ армянской мифологіи.

Отдѣленіе III. Памятники христіанскіе.

23) О введеніи христіанства въ Грузіи, разборъ источниковъ.

24) Сводъ апокрифовъ, сохранившихся на армянскомъ языкѣ и доселѣ не изданныхъ.

25) Въ какомъ отношеніи стоятъ древне-христіанскіе брачныя вѣнцы къ вѣнкамъ языческимъ. Каковы ихъ древнѣйшія формы въ Россіи и на Кавказѣ. Изъ какого матеріала приготовлялись они и какія имѣли украшенія.

26) Какіе сохранились памятники стараго богослужебнаго пѣнія Имеретинской, Грузинской и пр. церкви?

27) Что извѣстно о богослужебномъ пѣніи армянскаго Эчміадзинскаго Патріарха.

Отдѣленіе IV. Памятники мусульманскіе.

28) Въ чемъ заключается мусульманскій обрядъ погребенія и какое вліяніе онъ имѣлъ на погребальныя обряды Кавказскаго народа.

Отдѣленіе V. Памятники искусствъ и художествъ.

29) Послѣдовательная переработка плана византійскихъ церквей на русской почвѣ.

30) Существуютъ ли черты сходства между русской архитектурой и грузинской.

31) Исторія перваго византійскаго періода грузинской архитектуры, въ эпоху Багратидовъ, до царствованія Баграта III, отъ VIII до IX вѣка.

32) Сборникъ не изданныхъ грузинскихъ монетъ изъ собраній А. В. Комарова. Ф. С. Байерна и В. Н. Вырубова.

33) Отношеніе грузинской иконографіи къ византійской.

34) О древности южно русскаго орнамента въ вышивкѣ.

35) Исслѣдованіе объ укрѣпленіяхъ Дербента и о Кавказской стѣнѣ.

36) Какія миниатюры и заставки находятся въ рукописяхъ Софійской и Кирилло-Бѣлозерской библіотекъ (теперь С.-Петербургской Духовной Академіи).

37) О происхожденіи и значеніи орнамента изъ переплетающихся животныхъ въ миниатюрѣ и въ скульптурѣ.

Отдѣленіе VI. Памятники письма и языка.

38) Нельзя ли объяснить названія албанскихъ мѣсяцевъ и другія албанскія слова, встрѣчающіяся у армянскихъ писателей, посредствомъ Удинскаго языка.

39) Сборникъ всѣхъ надписей Кавказа до конца XIII вѣка.

40) Какія надписи встрѣчаются на скалахъ въ С.-Петербургской и Новгородской губерніяхъ.

41) Таблицы для палеографіи грузинской и армянской.

42) Сборникъ грузинскихъ народныхъ пѣсень.

43) Матеріалы, относящіяся къ археологій, въ русскихъ законодательныхъ и административныхъ актахъ, касающихся Кавказа (по бумагамъ Министерства Юстиціи и Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

44) Слѣды древне-армянскаго эпоса въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго.

Отдѣленіе VII. Лингвистика.

45) Состоятъ ли въ лингвистическомъ сродствѣ группы языковъ: Иверійская, Восточно-горская и такъ называемая Западно-горская.

46) О фонетическихъ особенностяхъ осетинскаго языка по діалектамъ и о мѣстѣ занимаемомъ этимъ языкомъ въ Иранской группѣ.

47) Можетъ ли мингрельскій языкъ считаться діалектомъ грузинскаго языка.

48) Возможно ли при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ о грузинскомъ и родственныхъ ему языкахъ, окончательное, научно доказанное опредѣленіе генетической связи ихъ съ установленными въ наукѣ семьями языковъ.

49) Въ какой мѣрѣ можетъ способствовать изслѣдованіе языковъ юго-восточнаго

побережья Чернаго моря (какъ-то: Лазскаго, Мингрельскаго и Сванетскаго) къ уясненію давно минувшей судьбы этого побережья и его обитателей.

50) Грузинскій языкъ по отзывамъ европейскихъ лингвистовъ.

51) Грузинскій языкъ принадлежитъ къ флективнымъ или агглютинативнымъ языкамъ.

Отдѣленіе VIII. Историческая Географія и Этнографія.

52) Провѣрка плана древняго Кутаиса по Дюбуа и описаніе теперешняго состоянія развалинъ.

53) Археологическая карта Кавказа по печатнымъ даннымъ и сборникъ географическихъ названій, съ объясненіями ихъ.

54) Карта Кутаисской губерніи, съ обозначеніемъ всѣхъ памятниковъ и остатковъ старины.

55) Археологическая карта Сухумскаго отдѣла.

56) Археологическая карта Кубанской области.

57) Кавказъ по книгѣ „Большаго Чертежа“.

58) О причинахъ, побудившихъ Грузинъ, въ прежнія времена, строить укрѣпленія въ трудно доступныхъ мѣстахъ и притомъ преимущественно вмѣстѣ съ церковью.

59) Археологическій путеводитель по Тифлису.

60) Какія имѣются данныя объ исторіи переселенія Армянъ въ юго-западную Русь.

61) Южная граница Хазаріи до ея разгрома Святославомъ.

62) Возможно ли нынѣ доказать, на основаніи монументальныхъ памятниковъ, пребываніе Евреевъ на Кавказѣ за нѣсколько столѣтій до Р. Х.

63) Программа для Археологическо-Географическаго словаря Кавказа.

64) Сборникъ Сванетскихъ пѣсенъ, сказаній и словъ.

65) Какія мы имѣемъ свѣдѣнія о мѣологіи горскихъ народовъ Кавказа.

66) Въ чемъ состоитъ обрядъ развода въ Абхазіи.

67) Подробное изслѣдованіе и подробное описаніе древнихъ развалинъ въ Келассури.

68) Абхазскія преданія о старинныхъ башняхъ, крѣпостяхъ и другихъ древнихъ сооруженіяхъ въ Сухумскомъ отдѣлѣ.

69) Можно ли объяснить происхожденіе названія р. Болгара или Болгару-чай, къ сѣверу отъ Ленкорана.

70) О слѣдахъ востока въ Москвѣ, и о тѣхъ ея урочищахъ, которыя носятъ на себѣ слѣды востока.

71) Можно ли общепринятую гипотезу Френа о городѣ Куявѣ (Кіевѣ) считать достовѣрной? Какой городъ должно разумѣть подъ Куявою.

72) Можно ли Каратаевъ принимать за особенное Мордовское племя, подобно племенамъ Мокша и Эрзя.

73) Существуютъ ли доказательства бывшихъ человѣческихъ жертвоприношеній у нѣкоторыхъ Угро-Финскихъ народовъ въ сѣверо-восточной Россіи.

74) Какіе существуютъ признаки перерожденія и перекрещиванія между собою инородческихъ племенъ бывшей территоріи Булгарскаго и Казанскаго царства.

Вопросы, по которымъ желательно къ Съезду получить свѣдѣнія.

I. Памятники первобытные.

- 1) Карта слѣдовъ ледниковаго періода на Кавказѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ.
- 2) Какими способами и орудіями дѣлались свозныя отверстія на каменныхъ молотахъ.
- 3) Обзоръ мѣста нахожденія всѣхъ ископаемыхъ остатковъ послѣдниковой или четверичной фауны.
- 4) Формы и украшенія глиняной посуды каменнаго вѣка. Встрѣчаются ли ручки на сосудахъ этого періода.
- 5) Собрать свѣдѣнія о костеносныхъ пещерахъ.
- 6) Гдѣ въ русскихъ общественныхъ и частныхъ коллекціяхъ находятся орудія изъ нефрита и ядента.
- 7) Собрать свѣдѣнія о находкахъ каменныхъ орудій.
- 8) Какіе остатки животныхъ встрѣчаются въ нашихъ поселеніяхъ каменнаго вѣка.
- 9) Собрать свѣдѣнія о чашечныхъ камняхъ.
- 10) Не имѣется ли въ нашихъ коллекціяхъ рисунковъ на кости и рогѣ, или скульптурныхъ изъ нихъ изображеній (найденныхъ въ Россіи).
- 11) Собрать свѣдѣнія о мегалитическихъ памятникахъ на Кавказѣ.
- 12) Желательно бы имѣть описаніе и рисунки тѣхъ скульптурныхъ изображеній изъ кремня, которыя нерѣдко попадаютъ у насъ на фабрикахъ каменныхъ орудій (подобныя изображенія найдены, напримѣръ, въ Зимней Златицѣ (изображеніе тюленя) и въ Волосовѣ (изображенія людей, птицъ, рыбъ и прочихъ).
- 13) Откуда шель янтарь, находимый въ древнихъ могилахъ Кавказа.
- 14) Собрать свѣдѣнія о слѣдахъ древней выработки рудниковъ.
- 15) Какія литейныя формы найдены въ городищахъ Билярскомъ и Увекскомъ и нельзя ли получить съ нихъ оттисковъ? Вообще, гдѣ въ Россіи еще найдены литейныя формы перстней и другихъ бронзовыхъ украшеній.
- 16) Свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія кремня и обсидіана на Кавказѣ.

II. Памятники языческіе и классическіе.

- 17) Можно ли получить какія-либо свѣдѣнія о мѣдномъ болванѣ съ золотой головой, у Темировой богатыревой могилы за рѣкою Теркою, близъ желѣзныхъ воротъ, у града Титянова, на рѣкѣ Савинцѣ, подъ Яскими и Черкасскими горами, гдѣ въ 1319 г. погибъ Тверской великій князь Михаилъ Ярославичъ.
- 18) Гдѣ приготовлялись бусы изъ цвѣтной массы, встрѣчающіяся во множествѣ въ Болгарскомъ городищѣ.
- 19) Какія литейныя формы для перстней и другихъ украшеній находимы были въ Болгарскомъ городищѣ; нельзя ли получить съ нихъ гипсовыхъ или гуттаперчевыхъ снимковъ.

III. Памятники христіанскіе.

- 20) Какими языческими обрядами сопровождается на Кавказѣ христіанское празднованіе главнѣйшихъ праздниковъ: Рождества, Пасхи, Пятидесятницы.

IV. Памятники искусствъ и художествъ.

21) Изслѣдовать теперешнія жилища горскихъ народовъ, въ отношеніи типическихъ формъ жилья, сохранившихся отъ древнѣйшихъ временъ; сравнить теперешнія жилища съ жилищами, высѣченными въ скалахъ.

22) Изслѣдовать укрѣпленія, башни, мосты и пути сообщенія, сохранившіеся отъ древнѣйшихъ временъ.

23) Когда впервые появились на Кавказѣ стрѣльчатые арки.

24) Имѣются ли на Кавказѣ древнія постройки, аналогичныя съ Керченскими каменными гробницами, купольной и пирамидальной.

25) Романскій стиль есть ли самостоятельное произведеніе Запада, или онъ заимствованъ въ Малой Азіи.

26) Какіе остались памятники гражданскаго зодчества византійскаго періода на Кавказѣ.

27) Въ какую эпоху кавказскія церкви замѣняютъ свой внѣшній византійскій обликъ мѣстнымъ армяно-грузинскимъ.

28) Съ какого времени и вслѣдствіе какихъ причинъ сферическая форма куполовъ замѣняется конической или пирамидальной.

29) Не сохранилось ли памятниковъ церковнаго зодчества, гдѣ была бы замѣтна позднѣйшая передѣлка древняго сферическаго купола на болѣе новый коническій или пирамидальный.

30) Имѣются ли образцы непосредственнаго покрытія купольнаго барабана каменнымъ, пирамидальнымъ верхомъ, или же подъ нимъ всегда имѣется внутри сферическій куполь.

31) Встрѣчается ли византійская двойная форма купола, образцы которой имѣются въ древнихъ цистернахъ Константинополя (смотри Виоле-ле-Дюка „Русское искусство“, стр. 24, перев. Н. Султанова. М. 1879 г.) и которая, между прочимъ, повторяется въ средней главѣ нашей кievской Софіи.

32) Имѣются ли образцы косої кладки сводовъ, наклонными рядами, безъ помощи кружалъ, подобной кладкѣ византійскихъ сооружений IV вѣка въ Ефесѣ и Салоникахъ (ibid., стр. 19).

33) Какіе, кромѣ парусовъ, встрѣчаются еще переходы отъ квадрата къ многоугольнику или кругу, при устройствѣ барабана центрального купола.

34) На сколько распространенъ приѣмъ устройства купольнаго барабана на угловыхъ коническихъ сводахъ, или такъ-называемыхъ сассанидскихъ нишахъ (церковь въ Узунларѣ), или же на четырехъ пересѣкающихся подпружныхъ аркахъ (усыпальница въ Ахпатѣ. Гриммъ, вып. 7).

35) Въ какое время появляются впервые оба приѣма.

36) Съ какого вѣка и по какой господствуютъ формы, сходныя съ романскими.

37) Есть ли формы сходныя съ сирійскими.

38) Въ чемъ выразилось сассанидское вліяніе.

39) Въ чемъ выразилось магометанское вліяніе и какое именно: арабское или персидское?

40) Какіе остатки и какой эпохи сохранились отъ древнихъ звонницъ, въ родѣ Узунларской.

- 41) Въ какую эпоху онѣ были замѣнены колокольнями.
- 42) На сколько распространено устройство вокругъ церквей галлерей (Узунлярская церковь).
- 43) Устроивались ли онѣ вслѣдствіе какихъ-либо обрядовъ, или символическихъ требованій, или же были результатами одной „моды“, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи (Кондаковъ).
- 44) Съ какихъ поръ иконостасы замѣнили въ кавказскихъ церквяхъ алтарную преграду? Нѣтъ ли новыхъ данныхъ, послѣ изслѣдованій г. Филимонова?
- 45) Откуда и въ какую эпоху появляются на фасадахъ церквей треугольныя, въ планѣ, ниши?
- 46) Существуетъ ли соотношеніе между архитектурою грузинскою и армянскою.
- 47) На сколько вліяло грузино-армянское искусство на русское и ограничилось ли это вліяніе только орнаментикою, или же имѣло значеніе и для чисто архитектурныхъ формъ?
- 48) Въ чемъ заключается разница армяно-грузинскаго конического и пирамидальнаго покрытія и каменнаго шатра русскихъ церквей Московскаго періода.
- 49) Можно ли на основаніи ихъ сходства заключить, какъ это сдѣлали нѣкоторые авторы (Віоле-ле-Дюкъ), о происхожденіи русской формы отъ армяно-грузинской.
- 50) Въ чемъ заключается сходство и различіе между ходовыми папертями русскихъ церквей и наружными галлерейми армяно-грузинскихъ храмовъ.
- 51) Можно ли, на основаніи этихъ признаковъ, выводить первыя изъ вторыхъ.
- 52) Какія свѣдѣнія о храмахъ до VIII вѣка сохранились въ памятникахъ кавказской письменности.
- 53) На сколько распространенъ на Кавказѣ стиль базиличный, въ примѣненіи къ храмамъ христіанскимъ и въ какомъ отношеніи стоитъ онъ къ базиликамъ греческимъ.
- 54) Существовали ли на Кавказѣ иконописные подлинники и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ подлинникамъ византійскимъ и русскимъ.
- 55) Сдѣлать снимки съ изображеній общеправославныхъ и грузинскихъ историческихъ личностей, встрѣчающихся во множествѣ во всей Грузіи, на стѣнахъ древнихъ храмовъ.
- 56) О грузинскихъ нотныхъ знакахъ для церковнаго пѣнія и настоящее положеніе древняго пѣнія въ Грузіи.
- 57) Въ какой степени кавказскія и горскія племена занимаются вокальнымъ пѣніемъ, и нѣтъ ли нотныхъ сборниковъ изъ народныхъ пѣсней?
- 58) Какъ былъ устроенъ музыкальный инструментъ *бамбиренъ*, о которомъ Хоренскій упоминаетъ въ своей хроникѣ.
- 59) Какіе существуютъ еще памятники *музыкальныхъ* инструментовъ, употреблявшихся кавказскими и горскими племенами.
- 60) Въ какой мѣрѣ кавказскія и горскія племена пользуются нынѣ музыкальными инструментами и какіе изъ нихъ употребляются нынѣ на Кавказѣ.
- 61) Въ какомъ отношеніи стоятъ миниатюры армянскія и грузинскія къ византійскимъ.

VI. Памятники письма и языка.

62) Собрать свѣдѣнія о грузинскихъ рукописяхъ и мѣстѣ ихъ нахождения, съ обозначеніемъ ихъ названій, опредѣленіемъ ихъ вида, формата, количества листовъ, при чемъ, если возможно, приложить краткое изложеніе содержанія рукописи, опредѣленіемъ время написанія и имя ея автора.

63) Собрать и записать, съ точнымъ соблюденіемъ діалектическихъ особенностей осетинскіе тексты такъ называемыхъ Нартовскихъ сказаній, мѣстныхъ преданій, сказокъ и легендъ.

64) Хронологическій обзоръ, по вѣкамъ, литературныхъ произведеній на грузинскомъ языкѣ.

VII. Лингвистика.

65) Составить очеркъ грамматики осетинскаго языка, соотвѣтственно современному уровню сравнительнаго языковѣдѣнія.

66) Есть-ли въ осетинскомъ языкѣ элементы, заимствованные изъ кавказскихъ языковъ и чуждые другимъ индо-европейскимъ языкамъ.

67) Въ осетинскомъ нарѣчій, кромѣ еврейскаго слова „Кадошъ“ (по осетински: Кодошъ) святой, нѣтъ-ли еще другихъ словъ еврейскихъ.

68) Не имѣютъ-ли загадочные знаки на камняхъ и черепицахъ сходства съ знаками, приводимыми у арабскаго писателя Ибнъ-Акъ-Недима, какъ русскія письма.

69) Какое отношеніе имѣютъ діалектическія особенности языка евреевъ, живущихъ около Дербента, къ средневѣковому и теперешнему языку.

VIII. Историческая Географія и Этнографія.

70) Изслѣдовать храмы огнепоклонниковъ (Атешга), близъ Баку.

71) О мѣстѣ нахождения Хозарской столицы Итиль.

72) Какъ далеко на Западъ отъ Баку заходятъ нефтяные источники.

73) Изслѣдовать острова на Каспійскомъ морѣ, около Баку, на которыхъ, основываясь на словахъ Массуди, можно думать, имѣли стоянку Руссы, во время своего похода на Кавказъ.

74) Что даетъ Кавказъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи цыганъ.

75) Нельзя-ли изслѣдовать мѣстность у Армазис-цихе, близъ Мцхета, Накалакеви на Техурѣ и Армавира, въ Эриванской губерніи.

76) Изслѣдовать поселеніе каменнаго періода у Еленовки, но которое указано И. С. Поляковымъ въ его отчетѣ.

77) Существуетъ-ли на Кавказѣ древнѣйшій обрядъ оклика мертворожденныхъ и при какихъ условіяхъ.

78) Существуетъ ли на Кавказѣ повѣріе, замѣченное на югѣ Россіи, что укушенные свиньею не воскреснутъ на страшномъ судѣ? Если существуетъ, то нѣтъ-ли народныхъ объясненій причинъ такого повѣрья.

79) Въ какомъ отношеніи находятся Нартовскія сказанія черкесовъ (Адиге) къ осетинскимъ.

80) О родовомъ бытѣ у грузинъ.

81) О формахъ землевладѣнія у грузинъ.

- 82) О народно-юридической символикѣ при заключеніи сдѣлокъ по имуществу.
83) Объ ордаляхъ, или судѣ Божіемъ.
84) О бракѣ и брачномъ правѣ у армянъ.
85) Въ нѣкоторыхъ бытовыхъ чертахъ кавказскихъ туземцевъ и по сохраняющимся у нихъ обычаямъ нельзя ли прослѣдить и доказать слѣды и остатки древне-халдейской магіи.
86) О необходимости собранія армянскихъ сказокъ, повѣрій, космогоническихъ сказаній и всякаго рода народныхъ легендъ.
87) Какъ далеко заходили генуэзцы внутрь Кавказа и малой Азіи.
88) Съ какого времени началось поклоненіе огню въ Баку.

III.

Списокъ членовъ и участниковъ Археологическаго Съѣзда.

Авдѣевъ, Алексѣй Александровичъ.	Миллеръ, Всеволодъ Федоровичъ.
Амиханьянъ, А. Б.	Морозовъ, Юрій Ивановичъ.
Антонинъ, архимандритъ.	Мурзакевичъ, Н. И.
Антоновичъ, Владиміръ Бонифаціевичъ.	Мушкетова, Екатерина Павловна.
Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ.	Мушкетовъ, Иванъ Васильевичъ.
Аристовъ, Николай Яковлевичъ.	Никитскій, Александръ Ивановичъ.
Бакрадзе, Дмитрій Захаровичъ.	Обсть, Германъ.
Бернштамъ, Вильямъ Лудвиковичъ.	Паткановъ, Керопе Петровичъ.
Богдановъ, Анатолій Петровичъ.	Петровъ, Николай Ивановичъ.
Бранденбургъ, Николай Ефимовичъ.	Поляковъ, Иванъ Семеновичъ.
Брикнеръ, Александръ Густавовичъ.	Покровскій, Николай Васильевичъ.
Бюллеръ, баронъ Феодоръ Андреевичъ.	Помяловскій, Иванъ Васильевичъ.
Вахъе, Полидоръ Петровичъ.	Потанинъ, Григорій Николаевичъ.
Вейденбаумъ, Евгенийъ Густавовичъ.	Пурцеладзе, Д. П.
Вирховъ, Рудольфъ.	Путятинъ, князь Павелъ Арсентьевичъ.
Висковатовъ, Павелъ Александровичъ.	Праховъ, Адрианъ Викторовичъ.
Гавронскій, Константинъ Денисовичъ.	Проценко, Юрій Петровичъ.
Габеркорнъ, Феодоръ.	Радде, Густавъ Ивановичъ.
Гаркави, Авраамъ Яковлевичъ.	Самогвасовъ, Дмитрій Яковлевичъ.
Гегеръ, Францъ.	Статковскій.
Гибшъ, Іосифъ Эмануилъ.	Сергѣевичъ, Василій Ивановичъ.
Гротъ, Яковъ Карловичъ.	Смирновъ, Михаилъ Николаевичъ.
Джорджадзе, князь Дмитрій, председатель
Общества Любителей Кавказской Ар-
хеологіи.	Стебницкій.
Долбижевъ, Василій Ивановичъ	Стояновъ, Александръ Ильичъ.
Ерицовъ, Александръ Дмитріевичъ.	Султановъ, Николай Владиміровичъ.
Жаба, Константинъ Августовичъ.	Тизенгаузенъ, баронъ.
Загурскій, Леонгардъ Петровичъ.	Толстой, графъ Дмитрій Ивановичъ.
	Толмачевъ, Николай Александровичъ.
	Трубецкая, кн. Надежда Борисовна.

Застера, Иванъ Ивановичъ.
Ивановскій, Левъ Константиновичъ.
Иверсенъ, Юлій Богдановичъ.
Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ.
Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ.
Кауноцевичъ, Аполлонъ Викторовичъ.
Квитницскій, генераль-маіоръ.
Кельсіевъ, Александръ Ивановичъ.
Кисель, Софья Марковна.
Комаровъ, Александръ Виссаріоновичъ.
Константиновичъ, Николай Александровичъ.
Костомаровъ, Николай Ивановичъ.
Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ.
Линниченко, Иванъ Андреевичъ.
Майковъ, Леонидъ Николаевичъ.
Мансветовъ, Иванъ Даниловичъ.
Мейчикъ, Давидъ Марковичъ.
Миловъ, Сергій Алексѣевичъ.

Уварова, графиня Параскева Алексѣевна.
Уварова, графиня Параскева Сергѣевна.
Уваровъ, графъ Алексій Сергѣевичъ.
Фелицынъ, Евгенийъ Дмитриевичъ.
Филимоновъ, Георгій Дмитриевичъ.
Фортинскій, Федоръ Яковлевичъ.
Фонъ-Эргертъ, генераль-маіоръ.
Хатисовъ, Г. С.
Хвольсонъ, Данилъ Авраамовичъ.
Цагарелли, Александръ Антоновичъ.
Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ.
Цилосани, подполковникъ.
Чубиновъ, Давидъ Евсеевичъ.
Шапошниковъ, Константинъ Александровичъ.
Штида, Людовикъ Христіановичъ.
Эмиль, Никита Осиповичъ.
Юрченко, Петръ Осиповичъ.

IV.

3 сентября, въ 8 ч. веч , на основаніи § 2 Правиль Създа, открылъ свои дѣйствія въ Тифлисъ Совѣтъ Създа, въ составъ котораго вошли всѣ прибывшіе къ Създу члены Предварительныхъ Комитетовъ и присланные на Създъ депутаты отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ учреждений и археологическихъ обществъ, коихъ представителей не было на Предварительномъ Комитетѣ.

Въ засѣданіи этомъ, согласно § 11 Правиль, происходили выборы должностныхъ лицъ Създа, причемъ оказались избранными:

Предсѣдателемъ Совѣта и Създа Александръ Виссаріоновичъ *Комаровъ*.

Предсѣдателемъ Ученаго Комитета Създа графъ Алексій Сергѣевичъ *Уваровъ*.

Секретари Създа: Иванъ Даниловичъ *Мансветовъ* и Евгенийъ Густавовичъ *Вейденбаумъ*.

Предсѣдателемъ Распорядительнаго Комитета Густавъ Ивановичъ *Радде*. Членами сего Комитета: Константинъ Денисовичъ *Гавронскій*, Константинъ Августовичъ *Жаба*, Аполлонъ Викторовичъ *Кацюевичъ* и Юрій Петровичъ *Проценко*.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ СЪЗДА:

Отд. I. Памятники первобытные.

Предсѣдатель графъ *А. С. Уваровъ*.

Секретарь *Д. Н. Анучинъ*.

Отд. II. Памятники языческіе и классическіе.

Предсѣдатель *Л. К. Ивановскій*.

Секретарь *В. Б. Антоновичъ*.

- Отд. III. Памятники христіанскіе.
Предсѣдатель *Н. О. Эминъ*.
Секретарь *Н. В. Покровскій*.
- Отд. IV. Восточныя древности.
Предсѣдатель *К. П. Паткановъ*.
Секретарь *А. Я. Гаркави*.
- Отд. V. Памятники искусствъ и художествъ.
Предсѣдатель *Н. И. Петровъ*.
Секретарь *А. Д. Ерицовъ*.
- Отд. VI. Памятники письма и языка.
Предсѣдатель *Д. З. Бакрадзе*.
Секретарь *А. А. Цагарели*.
- Отд. VII. Лингвистика.
Предсѣдатель *В. Ф. Миллеръ*.
Секретарь *Л. П. Заурскій*.
- Отд. VIII. Историч. географія и этнографія.
Предсѣдатель *А. Я. Аристовъ*.
Секретарь *Ю. П. Проценко*.

V.

Открытіе Археологическаго Съѣзда 8-го сентября 1881 г.

8-го сентября 1881 года, въ 1 ч. пополудни, произошло въ Тифлисъ, въ большой залѣ дворца Намѣстника Кавказскаго, торжественное открытіе V археологическаго съѣзда.

По порученію почетнаго предсѣдателя съѣзда, Его Императорскаго Высочества Государя Великаго князя Михаила Николаевича, съѣздъ былъ открытъ слѣдующими словами исправляющимъ должность намѣстника кавказскаго, генераль-адъютантомъ княземъ Леваномъ Ивановичемъ Меликовымъ.

„Его Императорское Высочество Государь Великій князь Михаилъ Николаевичъ, нашъ Августѣйшій почетный предсѣдатель, покидая Кавказъ, изволилъ поручить мнѣ открытъ въ Тифлисъ V Археологическій съѣздъ. Почитаю для себя особенной честью исполненіе этого порученія Великаго Князя.

„Желая полного успѣха съѣзду въ его занятіяхъ, я привѣтствую иностранныхъ и отечественныхъ гг. представителей ученыхъ обществъ и учреждений, прибывшихъ въ нашъ далекій край для освѣщенія его свѣтомъ науки, и объявляю V Археологическій съѣздъ открытымъ“.

Предсѣдатель ученаго комитета съѣзда графъ А. С. Уваровъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующей рѣчью:

„Милостивые Государи! Кн. Меликовъ изволилъ отъ имени нашего Почетнаго Предсѣдателя объявить открытымъ пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисъ. Съѣхавшіе нынѣ въ пятый разъ со всѣхъ концовъ Россіи во имя дорогой намъ всѣмъ археологи-

ческой науки, не излишне будетъ припомнить, что съезды имѣютъ уже свою исторію, и исторію, тѣсно связанную съ развитіемъ отечественной археологіи. Стоитъ только сравнить изслѣдованія, изданныя въ послѣднія 12 лѣтъ, чтобы убѣдиться въ томъ несомнѣнномъ вліяніи, которые съезды имѣютъ на научную обработку археологическихъ изслѣдованій.

Конечно, когда впервые Московское Археологическое Общество, въ 1869 году, основало Археологическіе Съезды, тогда нетолько успѣхъ ихъ, но даже и самая возможность созвать Съездъ, могли подлежать сомнѣнію. Но многотомные труды Московскаго, Кіевскаго, Петербургскаго Съездовъ, служатъ убѣдительнымъ отвѣтомъ на такое сомнѣніе. Ученые русскіе относятся съ уваженіемъ къ трудамъ Съездовъ, часто цитируютъ ихъ въ своихъ трудахъ и даже иностранные ученые, несмотря на затрудненія отъ незнанія русскаго языка, чутко слѣдятъ за нашими археологическими изданіями, и во многихъ нѣмецкихъ, французскихъ и другихъ журналахъ, помѣщены подробныя библиографическія свѣдѣнія о русскіхъ археологическихъ книгахъ.

Второй съездъ созванъ былъ въ Петербургѣ 1871 году, по случаю празднованія 25 лѣтія основанія Археологическаго Общества; а затѣмъ третій съездъ собрался въ Кіевѣ. Тутъ, въ присутствіи многихъ представителей науки изъ славянскихъ земель, члены изучали южно-русскіе памятники на великолѣпной выставкѣ — устроенной при съездѣ. Сверхъ того, поѣздкою по Днѣпру, доставлена членамъ возможность изслѣдовать какъ древнія поселенія, такъ и древнія могилы, единственные сохранившіеся слѣды многихъ исчезнувшихъ народовъ.

Понятно, что послѣ обслѣдованія береговъ Днѣпра, на очереди стояло изслѣдованіе другаго воднаго пути нашихъ древнѣйшихъ торговыхъ сношеній, нашей обширной Волги. Собравшись въ Казани, въ 1877 году, тогда же Съездъ намѣтилъ необходимость съѣхать въ Тифлисѣ. Но первоначальная мысль о Тифлискомъ Съездѣ возникла гораздо раньше Казанскаго Съезда, такъ какъ Великій Князь Намѣстникъ уже прежде не разъ высказывалъ С. А. Талызину желаніе принять на Кавказѣ русскіхъ и иностранныхъ ученыхъ. Но политическія событія заставили отсрочить созывъ съезда; затѣмъ подготовительные труды въ продолженіи двухъ лѣтъ, оказались тѣмъ болѣе необходимыми, что, судя по библиографическимъ начаткамъ Міансарова и Дубровина, литература Кавказа весьма обширна, но мало содержитъ изслѣдованій по части Археологіи. Несмотря на ученія путешествіе Гюльденштета, Палласа, Клапрота и другихъ, доселѣ все-таки путешествіе Дюбуа остается лучшимъ и даже единственнымъ въ своемъ родѣ путеводителемъ по Кавказу, потому что Дюбуа первый обратилъ должное вниманіе на древніе памятники. Его описаніе архитектурныхъ зданій, художественныхъ произведеній и всякихъ другихъ издѣлій древнѣйшей культуры служитъ цѣннымъ матеріаломъ для нашей археологіи. Въ этомъ отношеніи, какъ я сказалъ, чувствовалась необходимость, нетолько дополнить и провѣрить описанія Дюбуа, но въ особенности произвести, согласно требованіямъ археологической науки, новыя и болѣе основательныя изслѣдованія такихъ памятниковъ, значеніе которыхъ важно для отечественной исторіи.

Сверхъ того другая еще причина замедлила созывъ археологическаго съезда. Его Высочество хотѣлъ ко дню открытія съезда увеличить самое зданіе мѣстнаго музея и открыть цѣлый рядъ залъ, вполне удобныхъ для тѣхъ научныхъ предметовъ,

которыми изобилуетъ Кавказъ. Но для всѣхъ этихъ ученыхъ трудовъ, для всѣхъ этихъ ученыхъ экспедицій, для созданія такого музея, необходимо было то милостивое содѣйствіе, которое оказано было Великимъ Княземъ Намѣстникомъ. Вездѣ, въ малѣйшихъ подробностяхъ чувствовалось заботливое покровительство Его Высочества, который самъ водилъ меня по этимъ заламъ, спрашивая объ удобствахъ ихъ для созванія съезда. Наконецъ принятіе Великимъ Княземъ Почетнаго Предсѣдательства съезда, связало неразрывно имя Его Высочества съ трудами самого съезда; а потому поставляю себѣ пріятнымъ долгомъ, Милостивые Государи, предложить вамъ, послать Его Высочеству телеграмму отъ имени всѣхъ членовъ съезда слѣдующаго содержанія:

„Члены V археологическаго съезда, въ лицѣ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, собравшихся въ Тифлисъ въ день торжественнаго открытія съезда, повергаютъ предъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ выраженіе одушевляющихъ ихъ чувствъ глубокой благодарности за высокое покровительство, которое Вы изволили оказать этому ученому предпріятію, за милостивое содѣйствіе его ученымъ задачамъ и единодушно привѣтствуютъ своего Августѣйшаго почетнаго Предсѣдателя“.

Предложеніе графа Уварова было принято съ живѣйшимъ сочувствіемъ.

Предсѣдатель съезда, генералъ-лейтенантъ А. В. Комаровъ, перечисливъ въ бѣгломъ обзорѣ всѣ археологическія работы, совершенныя для съезда предварительными комитетами Московскимъ и Тифлискимъ, представилъ краткій отчетъ о расходѣ суммъ, отпущенныхъ на эти работы по приказанію почетнаго Предсѣдателя съезда, Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича. Рѣчь свою А. В. Комаровъ окончилъ привѣтствіемъ, обращеннымъ къ депутатамъ и гостямъ, среди которыхъ находился знаменитый ученый Р. Вирховъ изъ Берлина. Затѣмъ предсѣдатель сообщилъ о полученныхъ съездомъ поздравительныхъ телеграммахъ: отъ Псковскаго Археологическаго Общества, отъ Казанскаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи, отъ Императорской Академіи художествъ, отъ Совѣта Казанскаго Университета, отъ Эчмиадзинской армянской, духовной Кеворкянъ Академіи.

Профессоръ Моммсенъ, предсѣдатель Берлинской Археологической комиссіи въ Берлинѣ, привѣтствовалъ съездъ письмомъ на имя гр. А. С. Уварова.

На привѣтствіе Предсѣдателя съезда, обращенное къ депутатамъ, отвѣчалъ Д. И. Иловайскій въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Мои товарищи, члены-гости настоящаго Тифлискаго Съезда, возложили на меня пріятную обязанность принести нашу глубокую благодарность многоуважаемому предсѣдателю съезда и вмѣстѣ достойному представителю мѣстныхъ археологическихъ изыскателей, А. В. Комарову, за тѣ подготовительные труды, которые онъ подъялъ, чтобы обезпечить успѣхъ нашего общаго дѣла.“

„Собравшись здѣсь съ разныхъ концовъ нашего обширнаго отечества, ради высокаго интереса науки древностей, мы, въ свою очередь, горячо привѣтствуемъ нашихъ братьевъ по оружію, т. е. мѣстныхъ археологовъ и любителей, которые своими сильными трудами по исторіи, этнографіи и археологіи края и собраніемъ разныхъ болѣе и менѣе драгоцѣнныхъ коллекцій, по возможности, подготовили почву для научныхъ изслѣдованій и выводовъ.“

„Многіе изъ насъ, обитателей сѣвера, можно сказать, жаждали посѣтить этотъ

чудный край, составляющій истинный перлъ въ ряду областей необъятной Россійской Имперіи. И наконецъ, мы его видимъ. Бьемъ тебѣ челомъ, величественный и славный Кавказъ, и просимъ тебя открыть намъ свои несмѣтныя богатства, вѣками и цѣлыми тысячелѣтіями накопленныя какъ въ твоихъ таинственныхъ нѣдрахъ, такъ и на поверхности твоихъ роскошныхъ горъ и долинъ.

„Въ высшей степени замѣчательны и любопытны вѣковыя отношенія Кавказскаго края къ Русской землѣ. Исторія великаго русскаго народа начинается въ близкомъ сосѣдствѣ съ этимъ краемъ, именно въ Приазовье. Наши древніе князья долгое время, до самаго появленія Золотой Орды, часто находились то въ борьбѣ, то въ союзѣ съ древними кавказскими народами, каковы хазары, косоги (черкесы), ясы (осетины), обезы (абхазцы) и т. д. Нерѣдко они избираютъ себѣ женъ между дочерьми кавказскихъ владѣтелей, въ тѣ времена большею частію исповѣдовавшихъ христіанскую религію. Входятъ даже въ родство съ царственнымъ грузинскимъ домомъ. Извѣстенъ бракъ одного изъ суздальскихъ князей, одного изъ сыновей Андрея Боголюбскаго съ знаменитой царицей Тамарой.

„Потомъ наши сношенія съ Кавказомъ становятся рѣже, отрывочнѣе; однако, въ дѣйствительности они никогда не прекращались. Наконецъ, русская жизнь, какъ бы совершивъ свой полный кругъ, въ исходѣ прошлаго столѣтія начинаетъ снова приходить къ тому же Кавказу. Православная Грузія, измученная, истерзанная внутренними неустройствами и своими мусульманскими сосѣдями, прибѣгаетъ подъ покровъ могущественной Россіи. А въ теченіе послѣдующихъ дѣсятилѣтій наша доблестная армія, съ помощью піонеровъ русской народности, казаковъ Кубанско-Терской линіи, шагъ за шагомъ подчиняетъ русской коронѣ храбрыхъ кавказскихъ горцевъ и весь громадный хребетъ, отдѣлявшій насъ отъ рыцарственнаго грузинскаго народа и отъ народа армянскаго, который, по справедливости, гордится своею чрезвычайно древней гражданственностію. За громомъ оружія, за бранными тревогами наступаетъ періодъ благодѣтельнаго мира, періодъ внутренняго культурнаго развитія, который долженъ окончательно упрочить тѣсныя, неразрывныя связи этого благодатнаго края съ великимъ русскимъ государствомъ

И вотъ, по стопамъ совершившихъ свое славное дѣло, русскихъ военныхъ людей, приходятъ мирные труженики науки, чтобы на мѣстѣ изучать и удивляться историческимъ памятникамъ Кавказа.

Излишне было бы говорить вамъ о томъ, какъ драгоценны и разнообразны эти памятники, разсѣянные на его почвѣ. Кто же изъ васъ этого не знаетъ? Напомню еще, что рядомъ съ вещественными памятниками сѣдой древности Кавказъ заключаетъ въ себѣ живые отрывки и остатки многихъ историческихъ племенъ, которыхъ волны народныхъ движеній забросили когда-то въ его ущелья и скалы, гдѣ они сохранились въ своей болѣе или менѣе первобытной оригинальности, а потому представляютъ необыкновенный интересъ для научныхъ наблюденій. Историка, филолога, археолога, этнографа и антрополога ожидаетъ здѣсь богатое поле для воздѣлыванія.

„Итакъ, примемся дружно за работу, во имя чистой науки, все примѣряющей и всѣхъ объединяющей“.

Въ 1 ч. 40 мин. засѣданіе было закрыто и члены приступили къ осмотру устроенной при сѣздѣ археологической выставки.

Въ 2 часа дня послѣдовало торжественное открытіе *Кавказскаго Музея* надстроеннаго и увеличеннаго къ Съѣзду. Къ участию въ церемоніи были приглашены: экзархъ Грузіи и высшее духовенство, генералитетъ, русскіе и иностранные гости, пріѣхавшіе на пятый археологическій Съѣздъ, а равнымъ образомъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ членовъ Съѣзда.

По окончаніи торжественнаго молебствія и провозглашеніи экзархомъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, пѣвчіе грянули громкое и стройное „Многая лѣта“, а за нимъ раздались дружные звуки стоявшаго въ саду, у входа въ музей, военнаго оркестра, съигравшаго „Боже, царя храни“. За симъ директоръ музея изложилъ исторію основанія и постепеннаго роста музея, обязаннаго также развитіемъ и увеличеніемъ своихъ коллекцій Съѣзду и тѣмъ раскопкамъ, которыя произведены были Предварительнымъ Комитетомъ. Послѣ рѣчи директора, его высокопреосвященство со всѣмъ духовенствомъ и пѣвчими, которые пѣли „Спаси, Господи, люди Твоя“, обошелъ всѣ залы *Музея* и окропилъ ихъ святою водою. Присутствовавшая публика разошлась по заламъ, обмѣниваясь весьма лестными для музея замѣчаніями о дѣйствительно пріятномъ впечатлѣніи, производимымъ разстановкой вещей и интересными его коллекціями.

Вечеромъ того же дня Распорядительнымъ Комитетомъ Съѣзда былъ данъ пріѣзжимъ членамъ *Праздникъ въ саду* дворца Намѣстника. Садъ былъ роскошно освѣщенъ, въ разныхъ мѣстахъ разстановлены оркестры музыки. Ночь была теплая, тихая, лунная и долго за полночь сидѣли гости подъ кипарисами и пальмами, наслаждаясь южною ночью, толкуя о предстоящихъ трудахъ, о томъ далекомъ, дивномъ краѣ, въ который забросила ихъ любовь къ археологическимъ розысканіямъ.

VI.

Протоколы засѣданій Археологическаго Съѣзда.

8 сентября, въ 7 часовъ вечера.

Отдѣленіе VIII. Исторической географіи и этнографіи.

Почетный предсѣдатель засѣданія: *И. В. Цыплевъ*.

Предсѣдатель отдѣленія: *Н. Я. Аристовъ*.

Секретарь отдѣленія: *Ю. П. Проценко*.

Н. Я. Аристовъ доложилъ записку *В. В. Стасова* „о національности Руссовъ по арабскимъ писателямъ“, преимущественно по *Ибнъ-Фадлану*, по которой оказывалось въ заключеніи, что эти Руссы, вѣроятно же всего, не славяне, а скорѣе какой-либо народъ *финскаго или тюркскаго происхожденія*.

Это заключеніе г. *Стасова* подкрѣпилъ *Н. И. Костомаровъ*, который замѣтилъ, что еще 20 лѣтъ тому назадъ онъ утверждалъ то же самое.

Гр. А. С. Уваровъ, выразивъ свое сожалѣніе, что, не будучи ориенталистомъ, онъ лишенъ возможности читать арабскихъ писателей въ подлинникъ, и долженъ былъ познакомиться съ *Ибнъ-Фадланомъ* по переводу *Френа*, при изученіи котораго

невольно бросается въ глаза неосновательность и не послѣдовательность сообщенія Ибнъ Фадлана о Руссахъ.

Извѣстія Ибнъ-Фадлана можно раздѣлить на два разряда: на данныя, сообщаемыя имъ о нѣкоторыхъ бытовыхъ обычаяхъ Руссовъ, и на обряды, наблюдаемые ими при погребеніи: оба эти разряда извѣстій передаются Ибнъ-Фадланомъ съ неодинаковой обстоятельностью, видимо не вполне согласуются другъ съ другомъ, а потому Графъ выражаетъ мнѣніе, что въ такомъ видѣ едва-ли возможно признавать Ибнъ-Фадлана за серьезное основаніе для изученія бытовыхъ особенностей древнихъ Руссовъ и допускаетъ вѣроятность, что тщательное изученіе подлиннаго текста извѣстій Ибнъ-Фадлана, безъ сомнѣнія, докажетъ что это ничто иное какъ собраніе извѣстій изъ нерозысканныхъ пока еще источниковъ и лишитъ ихъ характера основательности для сужденія о народности Руссовъ.

Д. А. Хвольсонъ замѣтилъ, что съ своей стороны, онъ такъ же подтверждаетъ мнѣніе, что извѣстія Ибнъ-Фадлана видимо извлечены имъ изъ двухъ разныхъ источниковъ, а потому должны подлежать и различному сужденію.

Онъ можетъ указать на писателя X-го вѣка *Аду-зайдъ-ель Бальхи*, у котораго извѣстія Ибнъ-Фадлана о нѣкоторыхъ бытовыхъ обычаяхъ древнихъ Руссовъ буквально повторяются, а описанія погребальныхъ обычаевъ—нѣтъ.

Онъ также подтверждаетъ предположеніе гр. А. С. Уварова, что подлинный арабскій языкъ имѣетъ дѣйствительно такія особенности, напр., присутствіе многихъ суффиксовъ и т. п., что дѣйствительно можетъ подать поводъ къ чтенію одного и того же текста въ различномъ смыслѣ. Такъ, напр., извѣстіе *Ибнъ-Даста о торговлѣ Руссовъ съ Булгарами* по-арабски выражается грамматически такимъ образомъ, что при самомъ внимательномъ разслѣдованіи остается неизвѣстнымъ, кто къ кому ѣздилъ для торговли: Руссы-ли къ Булгарамъ, или Булгары къ Руссамъ.

Н. И. Костомаровъ напомнилъ, что, кажется, въ Суздальской лѣтописи находится извѣстіе о войнѣ Суздальской Руси съ Мордвою, причемъ на сторонѣ этого финскаго племени упоминается *Пурисова Русь*. Онъ просилъ-бы гг. членовъ Съезда высказать ихъ мнѣніе насчетъ народности этой *Пурисовой Руси*?

Д. И. Иловайскій, замѣтивъ сперва, что *Пурисовой Русью*, вѣроятно, былъ названъ какой-либо *наемный отрядъ* у Мордовскаго князя изъ сосѣдней Руси, приступилъ къ подробному разбору записки В. В. Стасова.

Во-первыхъ, онъ находитъ записку эту составленной односторонне, сторонникомъ норманской теоріи происхожденія Руси.

Лично онъ, г. Иловайскій, уже достаточно разобралъ и сопоставилъ рядомъ другъ съ другомъ какъ норманскую, такъ и славянскую теоріи происхожденія Руси.

Славянство древнихъ Руссовъ, кромѣ Ибнъ-Фадлана, доказывается и другими источниками и послѣднимъ извѣстіемъ Ибнъ-Фадлана вовсе не противорѣчатъ.

Такъ, у древнихъ славянъ издревле была и религія, и своеобразное обрядовое служеніе.

Идолы съ одной человѣческой головой и поставленные безъ храмовъ, на открытомъ воздухѣ, вовсе не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для составленія заключенія, чтобы они не могли быть славянскими, а такъ же для выраженія мнѣнія что въ русской землѣ вообще не было идоловъ до Владиміра святаго, и что, будто бы,

только тогда, т. е. незадолго до принятія христіанства, „русская земля осквернилась кровавыми жертвами“.

Примѣръ жертвоприношенія при Владимірѣ, очевидно, не первый. а былъ, безъ сомнѣнія, и гораздо раньше.

Предполагаемое г. Стасовымъ заимствованіе славянами своихъ боговъ у Персовъ и Финновъ ни съ чѣмъ несообразно: примѣровъ подобнаго заимствованія неизвѣстно.

Наши лѣтописи ясно говорятъ о богослуженіи, отправляемомъ въ древней Руси, и оно было не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ городахъ.

По плащу — *корзно* — въ рисункѣ Святослава Изборника, на одномъ только кн. Святославѣ, никакъ нельзя судить, чтобы остальной народъ вовсе не носилъ этой одежды, въ особенности знатные люди.

Относительно обрядовъ погребенія у Руссовъ Ибнъ-Фадлана не слѣдуетъ упускать изъ вида, что это происходило въ *чужой землѣ*, при особыхъ условіяхъ.

Замѣтка г. Стасова о шапкѣ Руссовъ заставляетъ спросить его: неужели древніе Руссы не носили шапокъ?

Сопоставленіе обряда *жюанія одного барана* передъ жертвоприношеніемъ у Черемисовъ съ *жюаніемъ двухъ лошадей* Руссами Ибнъ-Фадлана вовсе не тождественно другъ съ другомъ.

Способъ удушенія любимой жены покойника, описанный у Ибнъ-Фадлана, не находитъ себѣ подкрѣпленія въ томъ, чтобы онъ былъ исключительно тюркскій. Примѣры же, приводимые г. Стасовымъ изъ XVI и XVII ст., именно, случаи задушенія въ Константинополѣ и пр., вовсе не могутъ быть сопоставлены рядомъ съ извѣстіями X-го вѣка Ибнъ-Фадлана.

Вообще подобные приемы защиты своихъ выводовъ онъ, Иловайскій, находитъ довольно странными.

Въ данномъ случаѣ онъ видитъ только фактъ умерщвленія одной изъ женъ умершаго. Этому же обычаю встрѣчается нѣсколько примѣровъ въ историческихъ извѣстіяхъ о славянахъ, напр., объ этомъ положительно говорится въ извѣстномъ *письмѣ Бонифція*.

Н. И. Костомаровъ, признавая необходимымъ точнѣе выразиться о *Пурасской Руси*, замѣтилъ, что это былъ, очевидно, народъ, жившій вблизи Булгаровъ, и что это хотя, вѣроятно, было финское племя, но, должно быть, весьма воинственное. Примѣръ подобнаго племени онъ видитъ въ финскомъ племени *Эрзи*—народъ воинственный. Поэтому онъ желалъ бы получить точнѣе указаніе на такое русское племя, которое могло бы быть по найму, въ видѣ отряда, у Мордовскаго князя.

Д. И. Иловайскій, отвѣчая на вопросъ Н. И. Костомарова, замѣтилъ, что *Пурасская Русь* могла быть въ родѣ *Бродниковъ*, которые были несомнѣнно славяно-руссами и по найму поступали на службу къ любому князю.

Затѣмъ, онъ, поддерживая мнѣніе свое о несостоятельности выводовъ Стасова о Руссахъ Ибнъ-Фадлана, замѣтилъ, что, во всякомъ случаѣ, видѣнные этимъ повѣствователемъ Руссы не есть какой-либо особый народъ, а только лишь группа русскихъ торговцевъ въ чужой землѣ. Что руссы-торговцы встрѣчались и въ сосѣднихъ земляхъ повсюду, на примѣръ, у Хазарь въ Итилѣ и у Византійцевъ въ Константинополѣ и пр., то это положительно извѣстно изъ разныхъ источниковъ.

Вообще же Руссы арабовъ изучены настолько обстоятельно, что руководствоваться въ опредѣленіи ихъ національности однимъ Ибнъ-Фадланомъ, конечно, уже невозможно.

А. Я. Гаркави замѣтилъ, что хотя арабскіе писатели иногда и перепутываютъ извѣстія о разныхъ народахъ, но въ данномъ случаѣ это совсѣмъ невѣроятно относительно Якута, такъ какъ онъ увѣряетъ, что рассказъ Ибнъ-Фадлана приводится имъ *слово въ слово* и что рассказъ этотъ кажется ему самому страннымъ.

Затѣмъ, А. Я. Гаркави, признавая важность изслѣдованія В. В. Стасова въ общемъ и цѣломъ, находитъ, однако, что аргументація во многихъ пунктахъ недостаточно сильна: такъ, напр., отсутствіе храмовъ не можетъ въ настоящемъ случаѣ служить доводомъ, потому что путешественникъ видѣлъ Руссовъ не дома, а на чужбинѣ, куда они явились только для продажи своихъ товаровъ и не могли, конечно, заниматься постройкою храмовъ.

Изъ словъ Ибнъ-Фадлана ясно видно, что покойникъ Руссъ, при похоронахъ котораго арабскій путешественникъ присутствовалъ, былъ главою или княземъ, почему у него могли оказаться вещи, не имѣвшіяся у простыхъ людей, какъ, напр., шапка и подушки.

Странное *наращеніе боговъ* Руссами является обыкновеннымъ дѣломъ, если назовемъ его болѣе точно *благодарственной жертвою*, которая существовала у всѣхъ культурныхъ народовъ древности.

У Ибнъ-Фадлана не говорится про *длинные* волосы и что *киса* надѣвалась на голое тѣло.

Невѣрность рассказа Ибнъ-Фадлана о царѣ Руссовъ, такъ какъ тутъ путешественникъ говоритъ не какъ очевидецъ, а передаетъ только то, что онъ слышалъ, не имѣетъ ничего общаго съ остальнымъ его показаніемъ, гдѣ онъ передаетъ видѣнное имъ самимъ.

Д. А. Хвольсонъ замѣтилъ, что обдѣланные въ видѣ бюстовъ столбы идоловъ также не могутъ служить признакомъ, чтобы у Руссовъ въ то же время не было бы въ употребленіи статуй боговъ и болѣе совершенныхъ: примѣромъ подобнаго могутъ служить древніе Аѣины, гдѣ рядомъ съ самыми совершенными статуями употреблялись и столбы съ поясными бюстами наверху. У *Паганія* встрѣчается множество древнихъ и даже болѣе странныхъ изображеній, изъ которыхъ можно убѣдиться въ весьма распространенномъ обычаѣ у древнихъ употребленія бюстовъ.

Съ другой стороны необходимо принимать во вниманіе, что арабскіе писатели не всегда, говоря о Руси, говорятъ о нашемъ народѣ. Какъ примѣръ подобному, онъ, Хвольсонъ, можетъ указать на племя *Эрзя*. Подъ этимъ именемъ арабы, очевидно, разумѣютъ не Руссовъ, а другой народъ и обрусеніе или ославяненіе этого имени сдѣлано *Эвертцомъ*.

Арабы, называя славянъ, во многихъ случаяхъ подъ этимъ именемъ разумѣли и Финновъ и Тюрковъ. Примѣръ подобнаго распространенія одного имени на множество племенъ можно видѣть въ имени *Скивоовъ*, подъ которымъ древніе греки несомнѣнно разумѣли самые разнородные между собою народы.

Послѣ перерыва засѣданія на $\frac{1}{4}$ часа, Н. Я. Самоквасовъ счелъ, съ своей стороны, необходимымъ подкрѣпить выводы Стасова о Руссахъ Ибнъ-Фадлана тѣмъ, что при раскопкахъ черниговскихъ кургановъ онъ, г. Самоквасовъ, убѣдился, что раз-

сказъ Ибнъ-Фадлана о погребальныхъ обычаяхъ Руссовъ вполне подтверждается находками при этихъ раскопкахъ, и удивляется, почему В. В. Стасовъ умолчалъ объ этомъ.

Н. О. Циловани доложилъ собранію съѣзда свой *дневникъ раскопкамъ* произведеннымъ на мѣстѣ остатковъ древняго города *Бердаа* въ 1881 году, по порученію Тифлисскаго предварительнаго комитета.

Основаніемъ къ опредѣленію мѣста расположенія города *Бердаа*, взятаго Руссами въ 333 году (944 г.) геджры, послужило извѣстіе арабскаго писателя *Ибнъ-Эсиръ-Джезери*, умершаго въ 630 г. геджры (1253 г.), который говоритъ, что Руссы, замѣченные въ Хазарскомъ морѣ, поднялись вверхъ по р. Курѣ и внезапно появились передъ Бердою, столицею Аррана, отстоящею около 3 фарсантовъ къ югу отъ рѣки (ок. 20 вер.).

На этомъ основаніи онъ произвелъ раскопки въ 14 мѣстахъ около *сел. Берда*, въ Елисаветпольской губерніи, на р. Тертерѣ, расположеннаго въ подобномъ же разстояніи отъ р. Куры.

Однако, раскопки его не привели къ заключенію, чтобы здѣсь были бы когда-нибудь Руссы. Всѣ находимые здѣсь остатки или видимо относились къ числу памятниковъ мусульманства, или же не давали возможности вывести какого-нибудь опредѣленнаго заключеніе.

Во время этой экскурсіи имъ осмотрѣна такъ же мѣстность на р. Курѣ въ сосѣдствѣ *деревни Пиразы*, вслѣдствіе созвучія этого имени съ именемъ *Перозабадъ*, которымъ такъ же называлась столица Агваніи *Партавъ*, но здѣсь онъ, Циловани, не нашелъ никакихъ слѣдовъ города.

Ю. П. Проценко замѣтилъ, что въ данномъ случаѣ болѣе достовѣрнымъ источникомъ, чѣмъ названный выше писатель арабскій, надо признавать агванскаго историка *Х вѣка Моисея Каганкатваца*, переводъ котораго въ 1862 году сдѣланъ *К. П. Патканіаномъ*. Этотъ Каганкатвацъ жилъ въ сосѣдствѣ съ *Партавомъ*, въ дер. *Каганкайтунъ*, онъ не могъ не имѣть точныхъ свѣдѣній о гибели столицы своей родной земли отъ Руссовъ. Даже можно сказать болѣе: описаніе этого бѣдствія есть послѣднее событіе, описанное Каганкатваца. На немъ его исторія прерывается.

Между тѣмъ, этотъ историкъ въ одномъ мѣстѣ точно выражается, что *Партавъ*, столица Агваніи, *находился на р. Курѣ*.

Въ другомъ мѣстѣ, перечисляя агванскихъ католиковъ, правившихъ агванскою церковью, онъ говоритъ, что *такой-то католикосъ перенесъ свой престолъ изъ Партава въ Бердакъ* (вар. Бердакоръ, Бердаканъ) свое лѣтнее мѣсто пребыванія. Поэтому онъ, Проценко, думаетъ, что *Партавъ и Берда* въ отношеніи взаимнаго своего мѣста расположенія могутъ быть уподоблены *Москвѣ и Троицко-Сергіевской лаврѣ*, что, конечно, не тождественно, и даже самое перенесеніе патріаршаго престола изъ Партава въ Бердакъ произошло, вѣроятно, вслѣдствіе разоренія перваго пункта.

Городъ *Бердаа*, какъ извѣстно, впослѣдствіи времени возросъ и поднялся до цвѣтущаго положенія, а потому весьма естественно допустить смѣшеніе этихъ пунктовъ арабскимъ писателемъ, слышавшимъ про взятіе столицы мѣстной страны Руссами.

Затѣмъ г. Проценко замѣтилъ, что въ разсказѣ восточнаго писателя о взятіи Партава его поражаетъ выраженіе: *внезапнаго захвата* столицы. Онъ находитъ невозможнымъ внезапно подняться по р. Курѣ на 350 верстъ, при сильномъ теченіи въ

этой рѣкѣ и посреди страны, въ которой издревле было развито коневодство. Допустить это возможно только въ томъ случаѣ, если предположить вдоль Нижней Куры *длинный и узкій заливъ* или *лиманъ*, въ подтвержденіе чего сослался на самостоятельное впаденіе въ море р. Аракса по Страбону, карту Каспійскаго моря 20-хъ годовъ Колодкина, на которой нижнее теченіе Куры сопровождается длинною цѣпью лимановъ до самаго Зардоба и извѣстнымъ случаемъ отдѣленія Куры отъ р. Аракса въ 1868 году, о чемъ писалось въ то время въ газетахъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Проценко представляетъ выкопировку нижняго теченія р. Куры съ карты Колодкина.

А. Я. Гаркави прочелъ свою записку: *Новыя соображенія о географическомъ распределеніи наименованій въ генеалогической таблицѣ потомковъ Ноевыхъ*, въ которой онъ старался доказать, что, допуская чисто географическое пониманіе родословія народовъ (въ книгѣ Бытія), многія затрудненія могутъ быть устранены и, между прочимъ, затрудненія въ генеалогіи потомковъ Сима и Хама, гдѣ въ числѣ народовъ, происходящихъ отъ Сима и Хама, являются не семитскіе и не хамитскіе народы. При этомъ г. Гаркави объяснилъ этимологію названій нѣкоторыхъ мѣстностей, между прочимъ, названіе *Эламъ*, которое, по его мнѣнію, на ассирійскомъ языкѣ означаетъ *передъ*, т. е. *переднюю* или *восточную страну*. (См. Прилож. стр. 101—103).

По поводу упомянутаго А. Я. Гаркави тождества греческаго *Нифатеса* съ армянскимъ *Непатомъ*, К. П. Паткановъ, на основаніи данныхъ, встрѣчавшихся у армянскихъ писателей, выразилъ сомнѣніе на счетъ этого тождества. При этомъ онъ изложилъ свои соображенія, заставляя видѣть въ нихъ двѣ различныя мѣстности.

Г. И. Стебницкій заявилъ, что при историческихъ розысканіяхъ, относящихся къ глубокой древности, непременно необходимо принимать во вниманіе то вѣроятное физическое положеніе данной страны, которое могло быть въ данное время.

Такъ, напр., видя полнѣйшую бесплодность суровыхъ курдистанскихъ горъ, онъ, г. Стебницкій, сомнѣвается, чтобы онѣ были и въ древности болѣе способны къ жизни, чѣмъ нынѣ, а потому уже по одному этому едва ли могли быть мѣстомъ значительнаго населенія въ глубокой древности.

К. П. Паткановъ, въ подтвержденіе значительнаго населенія въ глубокой древности между рр. Тигромъ и Ефратомъ; ссылается на ассирійскія историческія надписи, свидѣтельствующія объ этомъ.

Г. И. Стебницкій указываетъ, что въ сужденіи о пространствѣ между рр. Тигромъ и Ефратомъ надо принимать во вниманіе, что плоскостная часть того пространства, конечно, болѣе удобна для жизни, чѣмъ пагорная, которая, вѣроятно, и въ древности была столь же мало удобна для этого, какъ и нынѣ.

Ю. П. Проценко заявилъ, что, поднимая въ 1879 году вопросъ «*объ обычаяхъ Кавказскихъ Племенъ*», онъ ожидалъ видѣть этотъ вопросъ обработаннымъ и доложенномъ Съезду къмъ нибудь изъ профессоровъ болѣе подготовленныхъ, чѣмъ онъ самъ, причемъ указалъ на бывшаго профессора Новороссійскаго университета, *Бошшича*, который въ зиму 1871 — 1872 г., по оставленіи университета, прибылъ сперва въ Абхазію, а затѣмъ въ Тифлисъ и другія мѣста Кавказа, гдѣ и занимался изученіемъ обычаевъ кавказскихъ горцевъ изъ дѣлопроизводства мѣстныхъ горскихъ словесныхъ окружныхъ судовъ и военно-народныхъ управленій.

Г. Проценко указалъ на громадныя матеріалы обычнаго народнаго горскаго

права, собранные въ дѣлопроизводствѣ означенныхъ окружныхъ судовъ, а также въ кавказскихъ изданіяхъ, каковъ, напр., *Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ* и др. По его заявленію, матеріалы эти только ждутъ тѣхъ юристовъ, которые взяли бы на себя трудъ разработки кавказскаго горскаго народнаго права.

Разбирая интересныя и оригинальныя черты этихъ обычаевъ г. Проценко указалъ на замѣченные имъ три слѣдующія особенности: 1) *Обычай молочнаго родства*, почитаемый горцами болѣе священнымъ, чѣмъ самое кровное родство. Какъ на болѣе разительное выраженіе этого обычая г. Проценко указалъ на извѣстіе, сообщаемое путешественникомъ прошлаго столѣтія *полковникомъ Гердеромъ*, въ которомъ сообщается, что въ Дагестанѣ, Кайтагѣ и Каракайтагѣ наследника мѣстнаго владѣтеля, *уцмю*, вскорѣ послѣ его рожденія носятъ изъ деревни въ деревню и всѣ матери, имѣющія въ данное время грудныхъ дѣтей, поочередно кормятъ его грудью, обычай отрывающій ребенка на долгое время отъ дома его матери. 2) *Обычай народной сходки, наблюдаемый въ средѣ абхазцевъ*. Отличіе абхазской сходки отъ нашихъ мірскихъ сходокъ состоитъ въ томъ, что у абхазцевъ каждое дѣло обсуждается не толпою, не скопомъ, а группами или кучками народа, начиная съ 3-хъ человѣкъ каждая (именно въ Очемчирскомъ округѣ), или пофамильно (въ Пицундскомъ), и затѣмъ въ постепенно увеличиваемомъ собраніи сопедшагося народа, пока вопросъ не получитъ послѣдняго своего разсмотрѣнія во всей толпѣ собравшихся людей. Находя такой способъ обсужденія дѣлъ на сходкахъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ на нашихъ сходкахъ, такъ какъ онъ даетъ возможность каждому человѣку въ полной обстоятельности знать, о чемъ идетъ дѣло, онъ, г. Проценко, выразилъ предположеніе, что обычай такого именно порядка обсужденія дѣлъ, можетъ быть, ведетъ свое начало отъ глубокой древности, когда по абхазскому берегу Чернаго моря существовали греческія и генуэзскія колоніи, и 3) *обычай, наблюдающійся въ Абхазіи въ случаѣ развода между несогласными супругами*. Особенности этого обычая состоятъ въ томъ, что кромѣ исполненія того договора, который былъ постановленъ при заключеніи брака, разводимые должны въ особомъ собраніи мѣстнаго народа, на которомъ должны присутствовать родители или родственники обѣихъ сторонъ, произнести еще клятву, приблизительно подобнаго содержанія: *клянусь, что еслибы при такихъ обстоятельствахъ и условіяхъ, какъ настоящія, разводилась бы моя дочь, сестра или мать, то я не признавалъ бы себя оскорбленнымъ*. Подобную же клятву произноситъ и другая заинтересованная сторона.

По заявленію г. Проценко, г. Бошшичъ не встрѣчалъ обычая подобной клятвы ни у одного изъ европейскихъ племенъ и признавалъ за нимъ высоко-гуманное значеніе.

А. В. Комаровъ замѣтилъ, что уцмю въ Дагестанѣ сдѣлались наследственными только за время установленія въ Дагестанѣ русскаго владычества. До того же они, сколько ему извѣстно, были не *наследственными, а выборными*, и потому онъ сомнѣвается, чтобы указываемый г. Проценко обычай выкармливанія дѣтей уцмю существовалъ въ Кайтагѣ и Каракайтагѣ.

Г. Д. Шервашидзе подтвердилъ, что въ Абхазіи дѣйствительно существуетъ обычай выкармливанія родившихся дѣтей не только князей, но даже и просто знатныхъ лицъ, всѣми матерями, живущими въ окрестности, но что при подобномъ выкармливаніи вовсе не устанавливается *молочнаго родства* между сыномъ князя или знатнаго лица и народомъ, или вообще отношеній, которыя могли бы быть сравниваемы съ

родствомъ. Родственныя же отношенія устанавливаются въ Абхазіи при отдачѣ дѣтей на воспитаніе въ другое семейство.

Кн. Микеладзе заявилъ, что онъ сомнѣвается, чтобы абхазская сходка была заимствована отъ какого-либо сторонняго народа, такъ какъ, вообще говоря, обычай народной сходки въ одинаковой степени распространенъ между кавказскими племенами, какъ и между европейскими народами.

9 сентября, утромъ.

Отдѣленіе I. Памятники первобытныя.

Почетный предсѣдатель засѣданія: *А. Г. Брикнеръ*.

Предсѣдатель отдѣленія: графъ *А. С. Уваровъ*.

Секретарь отдѣленія: *Д. Н. Анучинъ*.

Графъ *А. С. Уваровъ* доложилъ статьи *Н. И. Витковскаго*—о могилахъ каменнаго періода въ Иркутской губерніи. Смот. Прил., стр. 264—320.

По поводу статей, доложенныхъ гр. Уваровымъ, проф. *Хвольсонъ* высказалъ замѣчаніе, что если нефритъ происходитъ изъ Средней Азіи и если нефритовыя орудія встрѣчаются въ Западной Европѣ въ могилахъ до-исторической эпохи, то отсюда можно заключить, что уже въ то время въ Европѣ жили монголо-тюрскія племена, принесшія съ собою изъ Азіи нефритовыя орудія,—выводъ, способный, въ свою очередь, бросить новый свѣтъ на вопросъ о національности скифовъ.

Профессоръ дерптскаго университета, *Штида*, въ отвѣтъ на вопросъ, поставленный Подготовительнымъ Комитетомъ съѣзда: „*идь въ русскихъ общественныхъ и частныхъ коллекціяхъ находятся орудія изъ нефрита и ядеита*“, сообщилъ о двухъ нефритовыхъ топорахъ въ Дерптскомъ археологическомъ музеѣ, причемъ представилъ подробное описаніе ихъ и рисунки. Одинъ изъ этихъ топоровъ, сѣро-зеленаго цвѣта, съ деревянной рукояткой, полученъ въ даръ отъ графини Мантейфель и, вѣроятно, приобрѣтенъ графомъ Мантейфелемъ въ Восточной Сибири (гдѣ графъ путешествовалъ и гдѣ орудія изъ нефрита были въ употребленіи у чукчей, а топоры съ подобной-же привязкой къ рукояткѣ были найдены у жителей Алеутскихъ острововъ). Другой топоръ, весьма оригинальной формы, продолговато-четыреугольный, съ боковыми вырѣзками; цвѣтъ его похожъ на цвѣтъ сыворотки съ зеленоватымъ отливомъ и подходит къ цвѣту туркестанскаго нефрита, описаннаго Фишеромъ. По мнѣнію проф. Гревинга, топоръ этотъ, не носящій слѣдовъ употребленія, имѣлъ символическое значеніе. Доставленъ онъ въ музей въ нынѣшнемъ году ветеринарнымъ врачомъ *А. Келлеромъ* изъ внутренней Киргизской орды, Астраханской губерніи, ставки Нарынъ-Пески.

Проф. горн. инст. *Мушкетовъ* сообщилъ о замѣчательномъ нефритовомъ монолитѣ, находящемся въ Самаркандѣ, въ мавзолеѣ Тамерлана, и представилъ подробный разборъ вопроса о мѣстахъ рожденія нефрита. Гробница Тимура находится въ мечети Гуръ-Эмиръ, въ особой комнатѣ подъ куполомъ, гдѣ помѣщается нѣсколько надгробныхъ плитъ. Между ними рѣзко выдѣляется камень темнозеленаго, почти чернаго цвѣта, надъ могилою Тимура и рядомъ совершенно черный камень надъ могилою его учителя, Миръ-Сеидъ-Берка. Вокругъ нихъ много другихъ надгробныхъ плитъ

изъ разноцвѣтнаго мрамора, надъ могилами женъ, дѣтей и сподвижниковъ Тимура. Самыя могилы находятся въ нижнемъ отдѣленіи, подъ поломъ верхняго, куда спускаются по узкой, темной лѣстницѣ.

Надгробная плита надъ могилою Тимура сдѣлана изъ темно-зеленаго нефрита, прекрасно отполированнаго, который, при недостаточномъ освѣщеніи внутренности мечети, кажется почти чернымъ. (Г. Мушкетовъ представилъ собранію рисунокъ плиты, сдѣланный съ натуры, красками, г. Симаковымъ). Въ общемъ плита представляетъ параллелопипедъ, суживающійся къ основанію; на верхней поверхности находится арабская надпись, которая образуетъ не широкую окраинную полосу въ 2,25 дюйма. Г. Мушкетовъ передалъ снимокъ надписи, для прочтенія, академику Розену, который разобралъ въ ней годъ смерти Тимура и имена его сподвижниковъ. На вертикальныхъ бокахъ камня, такой-же ширины, полоса занята фигурными украшеніями, отъ которыхъ внизъ идутъ три маленькихъ ступеньки; далѣе-же до нижней поверхности бока гладко отполированы. Направленіе изголовья, обращеннаго къ Меккѣ, обозначено на верхней поверхности изогнутой бороздкой. По срединѣ плиты проходитъ ясная, поперечная трещина, которая дѣлитъ ее почти на двѣ равныя половины; относительно происхожденія этой трещины существуютъ различныя сказанія, большей частью приписывающія ее покорителю Самарканда, Надирь-Шаху, который, будто бы, велѣлъ принести себѣ плиту въ ставку, или, по другому варианту, искалъ подъ нею какихъ то легендарныхъ сокровищъ. Размѣры плиты слѣдующіе: длина 7,8 фута; ширина вверху — 1,5, ширина внизу — 1,4 ф., высота — 1,2 ф. Вѣсъ плиты, по всей вѣроятности, превышаетъ 50 пудовъ, между тѣмъ какъ самыя громадныя, извѣстныя до сихъ поръ, нефритовыя валуны вѣсятъ не болѣе 20 пудовъ. По своему цвѣту и составу, тимурскій нефритъ наиболѣе подходитъ къ хатангскимъ, отличается такимъ же темнымъ цвѣтомъ и такъ же богатъ желѣзомъ.

Перейдя затѣмъ къ разсмотрѣнію мѣстамъ рожденія нефрита, г. Мушкетовъ привелъ данныя, доказывающія, что настоящій нефритъ встрѣчается только въ Азій, такъ какъ американскій и ново-зеландскій нефриты, судя по анализамъ нѣкоторыхъ орудій, сдѣланныхъ изъ этихъ горныхъ породъ, оказываются не нефритами, а особыми породами (бовенитомъ). Что касается азиатскихъ мѣстъ рожденія нефрита, то путешественники Шау, Германъ Шлагинтвейтъ и Хейвортъ встрѣтили нефритовыя копи близъ Балакчи, на сѣверномъ склонѣ долины Кара-кашъ, въ горахъ Куень-Луень. Г. Мушкетовъ называетъ эти копи шахидульскими, по ихъ нахожденію около Шахъ-ид-уллахъ или Шахидулля. Здѣсь нефритъ залегаеъ на высотѣ 12,252 англ. фут., по словамъ Шлагинтвейта, въ контактѣ гнейсовъ и діоритовъ, а по изслѣдованіямъ Столички—жилами въ хлоритовомъ и кремнистомъ сланцѣ, переходящемъ въ слюдяный и роговообманковый, причемъ, по словамъ Рихтгофена, встрѣчается всѣхъ цвѣтовъ: бѣлаго, зеленаго и чернаго. Означенное мѣсто рожденія можетъ, слѣдовательно, считаться кореннымъ; въ то же время его слѣдуетъ считать и самымъ южнымъ, такъ какъ прочія мѣста рожденія находятся уже на сѣверъ отъ Куень-Луень и именно: западное около перевала Киліанъ, на высотѣ 6,070', и восточное—у селеній Ашма и Камать, на высотѣ 5,790', близъ дороги въ Хотанъ. Четвертое мѣсто рожденія можно предполагать въ истокахъ Хотанской рѣки или Юрунь-каша. Кромѣ того, отдѣльныя валуны нефрита находятъ въ рѣкахъ Кара-кашъ, Юрунь-кашъ и Керіа, которые и

доставляютъ главную массу нефритовъ, такъ какъ коренныя мѣста рожденія разрабатывались сравнительно мало.

Такимъ образомъ, Куень-Лунь представляетъ пока единственную мѣстность, заключающую коренныя залежи нефрита. Можно думать, однако, что кромѣ Куень-Луны мѣста рожденія нефрита находятся еще у насъ въ Иркутской губ., близъ озера Байкала, и въ горѣ Бутуголь, гдѣ нефритъ встрѣчается часто въ видѣ огромныхъ валуновъ, около 20 пуд. вѣсомъ; тѣмъ не менѣе, кореннаго мѣста рожденія его здѣсь неизвѣстно. Ни на Уралѣ, ни на Алтаѣ, ни въ Тянь-Шанѣ не находили до сихъ поръ никакихъ залежей нефрита, равно какъ ихъ не существуетъ и на Кавказѣ. Всѣ древнія нефритовыя орудія, имѣющіяся въ петербургскихъ музеяхъ, происходятъ изъ Восточной Сибири и по минералогическимъ свойствамъ тождественны съ нефритомъ байкальскимъ или бутугольскимъ. Г. Мушкетовъ не встрѣтилъ между ними ни одного куень-луньскаго, и только между издѣліями новѣйшаго времени, въ этнографическомъ собраніи Академіи Наукъ, оказалось нѣсколько сдѣланныхъ изъ этой породы нефрита.

Проф. Варш. унив., Д. В. Самоквасовъ, сообщилъ о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ въ текущемъ году въ окрестностяхъ Пятигорска и Кисловодска и употребляемыхъ имъ средствахъ опредѣленія мѣстностей, отличающихся особеннымъ обиліемъ археологическаго матеріала. (См. Приложение, стр. 39—60).

Профессоръ Самоквасовъ указалъ на случаи находокъ частей человѣческаго остова надъ гробницами и въ гробницахъ, изслѣдованныхъ на Кавказѣ профессоромъ Антоновичемъ, и, приведя извѣстіе Страбона о лютости древнихъ обитателей странъ Припонтійскихъ, питавшихся человѣческимъ мясомъ, высказалъ предположеніе о людоедствѣ древнѣйшихъ обитателей окрестностей Кисловодска.

Гр. А. С. Уваровъ. Возражая Самоквасову, замѣтилъ, что по вопросу о людоедствѣ у него примѣшалась громадная доля фантазіи, причемъ собственными наблюденіями и собственными раскопками старался объяснить ту путаницу въ костяхъ, которая такъ смущаетъ референта. Путаница эта, по словамъ графа, встрѣчается чрезвычайно часто, и происходитъ вслѣдствіе того, что гробницы, въ прежнее время, весьма часто подвергались ограбленію. Очень часто, напримѣръ, не находятъ черепа въ гробницахъ; дѣло весьма понятное, ибо весь интересъ для тѣхъ, которые грабили курганы, заключался именно около черепа, особенно въ женскихъ могилахъ, въ которыхъ представляли обыкновенно большую или меньшую цѣнность головные уборы. Грабители продѣлывали небольшія отверстія въ гробницѣ, въ которыя можно было вытащить голову трупа, вынимали ее, чтобы снять украшенія. Иногда грабители эти вынимали все и разбрасывали кости; другіе же, жаждавшіе, повидимому, только золотомъ, довольствовались только золотыми вещами, и оставляли въ гробницахъ вещи, не возбуждавшія ихъ корыстолюбія. Но бывало вѣроятно множество и такихъ случаевъ, когда грабители не находили того, чего искали, но при своихъ поискахъ разбивали и разбрасывали все. Не удивительно потому, если мы находимъ въ этихъ ограбленныхъ гробницахъ не только разбитые сосуды самаго высокаго интереса и достоинства, но и кости, поврежденіе которыхъ могло зависѣть и отъ самого устройства могилъ. Если гробница была земляная, то добываніе костей и вещей сопряжено съ большими затрудненіями: грабителямъ приходилось шарить посредствомъ лопатъ и ножей, которые часто находятся на самомъ мѣстѣ преступленія и заставляютъ насъ предполагать, что поврежденія могли быть произведены во время ограбленія.

Дж. Н. Анучинъ. Подтверждаетъ, что представленныя кости недостаточно доказываютъ фактъ людоедства и что ему случалось видѣть массу костей, расколотыхъ съ такою силою, что расколъ поддавался не только въ длину, но переходилъ въ поперечный. Отрицать совершенно возможность людоедства въ прежнія времена невозможно, но слѣдуетъ продолжать изысканія и относиться съ большою осторожностью къ добываемымъ даннымъ, такъ какъ часто они обладаютъ такими свойствами, которыя противъ нашего желанія заставляютъ насъ измѣнить наше мнѣніе въ ту или другую сторону.

Самоковасовъ. Напомнилъ, что перечисляя причины безпорядка костей въ могилахъ, онъ указалъ и на тѣ причины, о которыхъ упомянулъ многоуважаемый предсѣдатель. Могила, которая была раскопана подъ Кисловодскомъ, не имѣла отверстій, была заложена вездѣ весьма тщательно и въ ней не найдено никакихъ признаковъ, чтобы въ нее влѣзали животныя. Онъ обратилъ особенное вниманіе на нее, но всѣ усилія найти причину, по которой могли попасть въ нее отдѣльныя кости, остались тщетны. Такое впечатлѣніе вынесъ не только онъ самъ, но и другіе ученые, которые присутствовали при раскопкахъ, между прочимъ и проф. Ивановскій, содѣйствію котораго референтъ обязанъ многимъ.

Л. К. Ивановскій. Присутствуя при раскопкахъ г. Самоковасова около Кисловодска, имѣлъ случай видѣть, какимъ образомъ онъ приходилъ къ высказанному имъ мнѣнію о людоедствѣ. Кости, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ и не принадлежавшія, очевидно, одному человѣку, обратили на себя его вниманіе, но онъ не придавалъ сперва этому особеннаго значенія. Когда же количество ихъ увеличилось, тогда мало по малу онъ сталъ вникать серьезно въ смыслъ этого явленія, тѣмъ болѣе интереснаго, что кости эти находились иногда во 2-мъ и 3-мъ ярусахъ внизу, гдѣ, очевидно, разграбленія могилы не могло быть.

Гр. А. С. Уваровъ. Подтверждаетъ, что такой безпорядокъ въ могилахъ обращалъ не разъ вниманіе и профессора Антоновича, но о слѣдахъ людоедства не было и помысленій. Встрѣчались, на примѣръ, гробницы, повидимому совершенно цѣлыя, а между тѣмъ въ нихъ находились во множествѣ остатки земляныхъ черепахъ, которыя, проникая въ могилу, не могли не внести безпорядка въ костяхъ. Стѣдовало бы, при изученіи костей, придерживаться метода Шмерлинга, который изслѣдовалъ не только всѣ кости, но даже слѣды зубовъ, замѣчаемыхъ на костяхъ, добываемыхъ въ могилахъ и кострищахъ.

Л. К. Ивановскій. Разсматривая кухонныя остатки Даніи, находятъ раздробленныя кости для употребленія въ пищу заключающагося въ нихъ мозга; въ періодъ свайныхъ построекъ осколки костей носятъ слѣды каменныхъ орудій, у всѣхъ дикихъ народовъ военно-плѣнные употребляются въ пищу и до сихъ поръ и потому нѣтъ никакой надобности сомнѣваться въ возможности антропофагии.

Баронъ Тизенгаузенъ. Возражая референту, доказывающему, что за недостаткомъ пищи люди, находясь на низкой степени культуры, должны были прибѣгать къ человѣческой пищѣ, говорить, что наукой, между прочимъ, доказано, что въ эпоху каменнаго вѣка человѣкъ убивалъ мамонта и носорога и ими питался. Слѣды же людоедства были найдены въ пещерахъ въ позднѣйшую эпоху, когда человѣкъ перешелъ на другую степень, гораздо большаго развитія.

Дж. Н. Анучинъ. Говорить, что Профессоромъ Иностранцевымъ на берегу Сясскаго

канала найдены кости, на которыхъ видны слѣды каменныхъ орудій, но изъ всѣхъ этихъ костей были попытки сдѣлать ножи.

Самокасоев. Заканчивая пренія, сказалъ, что всегда остороженъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, но въ данномъ случаѣ не могъ не обратить вниманія Съезда на фактъ, поразившаго его самого и очень надѣется, что новыя раскопки и изслѣдованія подтвердятъ высказанное имъ мнѣніе о слѣдахъ антропофагіи въ Кавказскихъ могильникахъ. Относиться же отрицательно къ новымъ открытіямъ не слѣдуетъ, ибо такимъ образомъ можно впасть въ крайне опасныя ошибки. Кому, напримѣръ, не памятенъ фактъ въ исторіи Европейской Археологіи, что когда были представлены первые экземпляры каменныхъ орудій, то всѣ находили ихъ не только сомнительными, но совершенно отрицали возможность такихъ орудій, но не прошло и десяти лѣтъ и каменные орудія получили право гражданства въ наукѣ и въ дѣйствительности ихъ существованія никто болѣе не сомнѣвается.

9 сентября, вечеромъ.

Отдѣленіе II. Памятники языческіе и классическіе.

Почетный Предсѣдатель *И. В. Помяловскій.*

Предсѣдатель Отдѣленія *Л. К. Ивановскій.*

Секретарь *В. Б. Антоновичъ.*

Во время этого засѣданія получено изъ Карлсруэ отъ почетнаго Предсѣдателя Съезда, Его Императорскаго Величества Великаго Князя Михаила Николаевича слѣдующая телеграмма, адресованная на имя графа А. С. Уварова:

„Поздравляю съ открытіемъ Съезда. Весьма сожалѣю, что не могу лично предсѣдательствовать. Надѣюсь на успѣхъ Съезда и убѣжденъ, что онъ принесетъ пользу дорогому и прекрасному Кавказу“. Михаилъ.

Н. О. Эминъ въ своемъ рефератѣ „*Легенда о Семирамидѣ по армянскимъ источникамъ и особенности этой легенды въ сравненіи съ рассказомъ Геродота и др.*“ (Моисей Хоренскій и Древній Эпосъ Армянскій, Москва, 1881, in 8, 82 стр.) передалъ поэтическія преданія о Семирамидѣ, встрѣчающіяся и до сихъ поръ въ Арменіи. Легенда эта гласитъ, что въ Арменіи царствовалъ прекрасный Арай, находящійся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Ассиріи, гдѣ тогда царствовала сладострастная Шамирамъ (Семирамида). Услыхавъ о красотѣ Арая, она приглашала его къ себѣ въ Ниневію, для удовлетворенія своей страсти, и, получивъ отказъ, пошла на него войной. Произошло сраженіе, и Арай палъ смертію героя, хотя Шамирамъ и приказала щадить его жизнь и привести къ ней плѣнникомъ. Шамирамъ велѣла отыскать трупъ Арая и принести его въ свои горницы и надѣялась оживить его. Но когда трупъ сталъ разлагаться, сладострастная царица нашла себѣ новаго любовника и распустила слухъ, что то былъ оживленный Арай. Успокоивъ такимъ образомъ армянскій народъ, опечаленный смертію Арая, Шамирамъ отправилась путешествовать на югъ Арменіи, облюбовала ее и порѣшила каждый годъ проживать въ Арменіи четверть года, а остальное время въ Ниневіи. На берегу Соленаго Озера она нашла роскошную долину и студеныя воды и рѣшила основать здѣсь городъ, для чего вызвала 12,000 работниковъ и 6,000 мастеровъ. Здѣсь она проживала по лѣтамъ. Однажды, когда она

была въ Арменіи, возсталъ противъ нея одинъ изъ ея вельможъ и захватилъ въ свои руки власть. Шамирамъ посѣшила въ Ниневію, но была побѣждена и спаслась въ Арменію пѣшкомъ. Однажды стала ее мучить жажда. Шамирамъ подошла къ морю, бросила въ него свое ожерелье—талиманъ и превратилась въ камень. Объ этомъ ожерельѣ существуетъ слѣдующее сказаніе. На берегахъ озера Ванъ дѣти нашли ожерелье и разсматривали его. Въ это время подошла къ нимъ царица, поняла цѣну ожерелья, взяла его себѣ и наградила дѣтей. При помощи этого ожерелья—талисмана она сдѣлалась волшебницей, привораживала къ себѣ любовниковъ и изводила, кого хотѣла. Одинъ только старикъ изъ окружающихъ царицу зналъ силу ея ожерелья. Онъ отнялъ у нея ожерелье и побѣжалъ; царица распустила свою косу, вплела въ нее скалу и бросила вслѣдъ за старикомъ, который, между тѣмъ, добѣжалъ до озера Ванъ и бросилъ въ него ожерелье.

А. Д. Ерицовъ, въ дополненіе къ этому реферату, сообщилъ, что Шамирамъ есть отчасти историческая, отчасти мифическая личность. По сказанію Моисея Хоренскаго, она доходила до Арарата и возвратилась къ озеру Ванъ. И доселѣ въ Арменіи многія горы, крѣпости и мѣстности носятъ названіе Арая прекраснаго и Шамирамъ. Есть и такія крѣпости, которыя приписываются влюбленнымъ другъ въ друга царю и царицѣ, соперничавшимъ между собою въ сооруженіяхъ.

В. Ө. Миллеръ, указавъ на греческихъ писателей, связывавшихъ мифъ о Прометей съ Кавказскимъ хребтомъ (Аполлдоръ и др.), или съ Азіей сосѣднею со Скиѳами и Сарматами (Эсхилъ), задался вопросомъ какое основаніе имѣли греки для своего мнѣнія. Въ отвѣтъ на это онъ указалъ на цѣлый рядъ кавказскихъ преданій о прикованныхъ къ горамъ великанахъ. По преданіямъ кабардинцевъ, великанъ прикованъ къ вершинѣ Эльбруса. Это — старикъ, окованный цѣпями, который прежде близокъ былъ къ Богу, но наказанъ за гордость. Его нельзя видѣть. Онъ большею частію находится въ оцѣпенѣніи, но, проснувшись, спрашиваетъ своихъ стражей, родятся ли ягнята, произрастаетъ ли тростникъ. Тѣ отвѣчаютъ ему, что ягнята еще родятся, тростникъ произрастаетъ, но что нѣтъ конца его мученіямъ. Тогда старикъ въ отчаяніи рветъ свои оковы, стонетъ и плачетъ, отъ того происходятъ землетрясенія, громы и дождевыя тучи. Въ Осетіи есть преданіе о великанѣ Амиранѣ, который за притѣсненія людей запертъ въ пещеру; но если не преданіе, то имя Амирана заимствовано осетинами у грузинъ.

Грузинскій Амиранъ прикрѣпленъ къ горѣ желѣзными цѣпями; собака грызетъ его цѣпи; но каждый разъ, когда уже цѣпь почти перегрызена, являются кузнецы и снова заковываютъ великана. Есть и у армянъ свой Прометей Артаваздъ. Приведемъ эти и другія сказанія, референтъ прежде всего сблизилъ ихъ со сказаніями персидскаго эпоса о Джемшидѣ, наказанномъ за гордость чрезъ злаго Зогака, который въ свою очередь побѣжденъ Феридуномъ и прикованъ къ скалѣ. Въ основѣ этихъ сказаній лежитъ общеарійское преданіе, которое извѣстно было и грекамъ въ двухъ видахъ, въ сказаніяхъ о Тифонѣ и Прометей, около которыхъ однако работаетъ одинъ и тотъ же Гефестъ. Первый стихійная сила, второй—культурная. Сходство греческаго мифа съ кавказскими преданіями о прикованныхъ къ горамъ великанахъ объясняется тѣмъ, что греки вынесли изъ Азіи мифъ о борьбѣ свѣтлаго бога съ темнымъ и выразили его сначала въ мифѣ о Тифонѣ, а потомъ выработали изъ него изящный типъ Прометея. Греки перенесли этотъ типъ на Кавказъ, вѣроятно, въ болѣе позднее

время, когда завязали сношенія съ Кавказомъ и слышали здѣсь преданія о горныхъ великанахъ.

Б. Н. Статковскій въ дополненіе къ реферату проф. Миллера, рассказалъ интересное сообщеніе о томъ, какъ во время постройки военно-грузинской дороги, онъ пытался вскрыть пещеру, гдѣ, по народному преданію осетинъ, заключенъ былъ Амиранъ и какъ, достигнувъ своей цѣли послѣ многихъ препятствій, онъ нашелъ въ пещерѣ только немного угля.

Н. Д. Мансветовъ производилъ наши народныя сказанія изъ астрологическихъ и мистическихъ бредней гностическихъ сектъ первыхъ временъ христіанства и особенно ереси Вардеса, которая впоследствии смѣшалась съ еврейскими элементами и выразилась въ книгѣ „*Testamentum Solomonis*“ представляющей иногда разительное сходство съ русскими сказаніями о 12-ти трясавицахъ и укротителѣ ихъ св. Сисиніи. Что этотъ астральный культъ имѣлъ бытовое значеніе еще въ Византіи, въ подтвержденіе этого референтъ привелъ свидѣтельства Михаила Пселла, Георгія Пахиера и друг.

Рефератъ г. *Байера*, прочитанный г. Ивановскимъ, состоялъ изъ перечня и описанія предметовъ, найденныхъ въ курганахъ около города Петровска.

10 сентября, утромъ.

Отдѣленіе III. Памятники христіанскіе.

Почетный предсѣдатель *В. С. Иконниковъ*.

Предсѣдатель отдѣленія *Н. О. Эмиль*.

Секретарь *Н. В. Покровскій*.

Д. Г. Чубиновъ прочелъ рефератъ „*О понтійской эрѣ по грузинскимъ источникамъ*“.

Въ 1752 году ученые Фрѣлихъ и Кари приняли за начало понтійской эры 297-й годъ до Р. Х., но это начало не совпадаетъ съ какимъ-либо замѣчательнымъ событіемъ, которое могло бы служить исходнымъ пунктомъ для лѣтосчисления и не согласуется съ хронологическими данными, находимыми у греко-римскихъ историковъ. Въ виду этого референтъ призналъ началомъ понтійской эры 284-й годъ, когда, спустя 40 лѣтъ послѣ смерти Александра Македонскаго, малоазійскія царства: Каппадокія, Пафлагонія, Понтъ и Виѣинія сдѣлались независимыми. Эта эра принята была и грузинами, такъ какъ окончившійся въ 780-мъ году второй 532-лѣтній циклъ предполагаетъ начало этого цикла именно въ 284-мъ году ($780 + 284 = 532 + 532$). При такой поправкѣ въ эрѣ легко разрѣшаются многія, доселѣ необъяснимыя недоумѣнія. 1) Напр., „по Лукіану, Ассандръ наименованъ былъ воспорскимъ царемъ отъ Августа (Сабатье)“. Но на медаляхъ Ассандра первымъ годомъ его царствованія обозначенъ 715 годъ отъ основанія Рима и 39 до Р. Х., слѣдовательно, 258-й годъ понтійской эры, если начинать ее отъ 297 года ($297 - 39 = 258$). Между тѣмъ Августъ не былъ за 39 л. до Р. Х. императоромъ римскимъ и, слѣдовательно, не могъ утверждать на царство римскихъ вассаловъ; если же принять за исходное начало эры 284 годъ, то 258-й годъ будетъ 26-мъ годомъ до Р. Х., въ это время Августъ царствовалъ уже 4 года. 2) Въ греческой надписи Полемона I-го говорится, что онъ былъ жрецомъ храма, посвященнаго Риму и кесарю Августу, *отцу отечества*. Полемонъ умеръ въ 296 году понтійской эры, т. е. за годъ до Р. Х., а титулъ „отца отече-

ства⁴ Августъ получилъ во 2-мъ году по Р. Х. Очевидное несоотвѣтствіе, которое легко устраняется, коль скоро мы примемъ за начало эры 284-й годъ, такъ какъ $296 - 284 = 12$ г. по Р. Х. 3) Въ царствованіе Діоклетіана, какъ рассказываетъ Константинъ Багрянородный, царь воспорскій Савроматъ вторгся въ страну Лазовъ и пробрался до рѣки Гались и т. д. Одна изъ монетъ этого Савромата (VI-го) отмѣчена годомъ понтійской эры 572-мъ; вычтя изъ 572 — 284, получимъ 288-й годъ по Р. Х., совпадающій съ временемъ царствованія Діоклетіана (284—305), тогда какъ, принявъ за начало эры 297-й годъ и вычтя это число изъ 572, получимъ 275 г. по Р. Х.; въ это время Діоклетіанъ не былъ еще императоромъ. Примѣры эти ясно указываютъ на необходимость перенести начало понтійской эры съ 297-го года на 284-й годъ.

Профессоръ Хвольсонъ замѣтилъ, что мнѣніе референта новое, почти революціонное въ началѣ, но оно основано на немногихъ данныхъ, тогда какъ для утвержденія его слѣдовало бы прослѣдить всю понтійскую хронологію, собрать и рассмотреть всѣ надписи съ понтійской эрой, которыхъ насчитывается до 100. Референтомъ не принято во вниманіе „*Congrus inscriptiōnum graecarum*“. Но профессоръ Хвольсонъ не разобралъ критически ни одного приводимаго рефератомъ факта, на что въ отвѣтъ своемъ, довольно рѣзко и указалъ г. Чубиновъ.

Г. Пурицеладзе прочиталъ списокъ *грузинскихъ и армянскихъ памятниковъ, находящихся въ городѣ Кіевѣ*, составленный студентомъ кіевской дух. академіи Аладоновымъ. См. приложение стр. 180—186.

Н. И. Петровъ, приписывая этимъ памятникамъ болѣе позднее происхожденіе, замѣтилъ, что пока они представляютъ единственный матеріалъ для рѣшенія поставленнаго въ программѣ Съезда вопроса о томъ, существовали ли на Кавказѣ иконописные подлинники, и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ подлинникамъ византійскимъ и русскимъ. Такъ какъ Синайскіе святцы изображаютъ только святыхъ византійскихъ, а грузинскія надписи представляютъ только подстрочный переводъ греческихъ надписей, то поставленный вопросъ слѣдуетъ рѣшать отрицательно, т. е. что не было въ Грузіи иконописныхъ подлинниковъ, имѣвшихъ національное развитіе.

Г. Покровскій прочиталъ рефератъ „*о брачныхъ вѣнцахъ русскихъ и грузинскихъ*“. См. приложение, стр. 203—206.

Д. И. Иловайскій по поводу этого реферата сблизилъ слова *вѣнокъ* и *вѣно*.

Н. И. Петровъ указалъ на особую форму брачныхъ вѣнцовъ въ южной Россіи, состоящихъ изъ маленькаго деревяннаго проволочнаго или картоннаго ободка, обтянутаго и укращеннаго разноцвѣтными лентами.

Я. А. Гаркави указалъ на соотношеніе между еврейскими и христіанскими вѣнцами не по ихъ значенію, а по ихъ формѣ, на что референтъ замѣтилъ, что еврейскіе вѣнцы заимствованы отъ другихъ народовъ и не имѣютъ самостоятельнаго значенія, съ чѣмъ согласился г. Гаркави, не отказываясь, впрочемъ, отъ мысли о соотношеніи помянутыхъ вѣнцовъ.

А. Д. Эрицовъ, указавъ на русскихъ сектантовъ на Кавказѣ, какъ-то: духоборцевъ, молоканъ, прыгуновъ и т. п., распространился въ особенности объ армянской тондракской сектѣ. См. приложение, стр. 187—192.

Амирханьянъ, одинъ изъ присутствовавшихъ на Съездѣ мѣстныхъ протестантскихъ пасторовъ, заявилъ, что обвиненія тондракцевъ въ разныхъ темныхъ дѣлахъ болѣе чѣмъ сомнительны. Это были лишь протестанты тогдашняго времени, которыхъ

старались очернить и представить чудовищами. Архіепископъ Іаковъ былъ хорошій человекъ, любимый народомъ. Такъ-называемый референтомъ катехизисъ тондрак-скаго ученія не выражаетъ ихъ ученія. Нынѣшніе александропольскіе такъ-называемые сектанты не скрываютъ своего ученія и не имѣютъ никакой связи съ тондракійцами. Но, правда, что у нихъ есть пророки въ Александрополѣ и даже въ Тифлисѣ, которые посѣщаютъ собранія прыгуновъ.

Гр. А. С. Уваровъ прочиталъ письмо протоіерея Кіево-Софійскаго собора о. Лебдинцева слѣдующаго содержанія:

„У нашихъ историковъ принято, что христіанство пришло въ Кіевъ изъ Царьграда, утвердилось въ Кіевѣ при св. Владимірѣ и потомъ изъ Кіева распространилось во всѣ концы тогдашняго русскаго государства. Между тѣмъ, изъ лѣтописей видно, что на сѣверовостокъ Россіи—въ Ростовской и Муромской области—христіанство развилось такъ скоро еще при св. Владимірѣ, что трудно думать, чтобы оно не проникло туда еще раньше времени св. Владиміра и чтобы эта страна не имѣла и другихъ негласныхъ просвѣтителей, кромѣ иноковъ и пастырей, посланныхъ изъ Кіева. Съ другой стороны, въ самомъ сознаніи христіанства у поселенцевъ сѣверовостока Россіи оказалось въ послѣдствіи времени столько особенностей, отличавшихъ ихъ отъ югозападной церкви русскаго, что эту разницу въ русской церкви никакъ нельзя объяснить себѣ, оставаясь въ убѣжденіи, что христіанство и на югозападѣ и на сѣверовостокѣ Россіи выходило изъ одного и того же Константинополя чрезъ Кіевъ. Таковы особенности, на примѣръ, въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, въ осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ, въ строгости постовъ, въ стремленіи къ пустынножительству, въ отношеніяхъ къ церкви, бѣлому духовенству и монашеству, въ нѣкоторыхъ обрядахъ, устройствѣ храмовъ и ихъ украшеніи, въ привязанности большей къ внѣшности церковной, въ нравахъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ, наконецъ — появленіе ересей и расколовъ на сѣверовостокѣ Россіи, которые неизвѣстны въ югозападной Руси.

Всѣ эти особенности приводятъ къ мысли, что христіанство проходило въ сѣверовосточную Русь, можетъ быть, не изъ одного Кіева и что прибытію сюда епископовъ, посланныхъ кіевскимъ митрополитомъ, предшествовали учителя вѣры, не видѣвшіе ни Кіева, ни Царьграда. Откуда же они вышли? Волга представляла для сѣверовостока Россіи такой же большой водный путь, какимъ служилъ Днѣпръ для югозападной Россіи. Послѣдній вводилъ насъ въ общеніе съ Царьградомъ; первый поставлялъ въ связь съ церквами грузинскою и армянскою, а чрезъ нихъ съ Антиохіей и Александріей, а также съ разными поселками еретическими, ссылаемыми Византіей на Кавказъ. Естественно потому спросить, нѣтъ ли на Кавказѣ историческихъ слѣдовъ того, что христіане Кавказа вліяли на просвѣщеніе сѣверовосточной Руси свѣтомъ христіанства и что церковь Грузинская, находившаяся болѣе столѣтія въ зависимости отъ Антиохійскаго патріархата, и церковь Армянская, которой католики съ 302 по 439 годъ принимали рукоположеніе отъ Кесарійскаго (въ Каппадокіи) архіепископа, вносили въ сѣверовосточную Русь нѣкоторыя свои особенности, не встрѣчающіяся въ южной митрополіи русскаго.

Вопросъ этотъ мнѣ представляется заслуживающимъ вниманія гг. членовъ Археологическаго Съѣзда, и потому покорнѣйше прошу Васъ предложить его на ихъ обсужденіе.

10 сентября, вечеромъ.

Отдѣленіе V. Памятники искусства и художествъ.

Почетный предсѣдатель засѣданія: Ю. И. Морозовъ.

Предсѣдатель отдѣленія: Н. И. Петровъ.

Секретарь отдѣленія: А. Д. Ерицковъ.

А. И. Стояновъ сообщилъ о предпринятыхъ имъ по порученію Тифлисскаго Предварительнаго Комитета *раскопкахъ въ Кутаисскомъ древнемъ соборѣ* и о мѣрахъ охраненія его развалинъ на будущее время. При содѣйствіи М. Н. Кутателадзе, А. Ф. Рѣдько и Е. Н. Посполитаки и на отпущенные отъ Комитета 200 руб. референтъ, лѣтомъ 1881 года, расчистилъ внутри соборъ, причемъ найдено до 200 большихъ и малыхъ фрагментовъ, капители, подоконники и проч., рисунки коихъ были представлены Съезду.

Это сообщеніе вызвало нѣсколько замѣчаній и дополненій со стороны высокопреосвященнаго епископа Грузіи Іоаннікія, А. В. Комарова и гр. А. С. Уварова.

Н. И. Петровъ сообщилъ „о *Миніатюрахъ греческаго никомидійскаго Евангелія XI—XII в., въ сравненіи съ миніатюрами евангелія Гелатскаго монастыря XI в.*“ Описавъ никомидійское Евангеліе, референтъ перешелъ къ гелатскому, фотографическіе снимки съ миніатюръ коего пришлось ему видѣть здѣсь, въ Тифлисѣ, у кн. С. Н. Трубецкаго. Сопоставивъ описаніе двухъ означенныхъ памятниковъ съ мозаическими и фресковыми изображеніями Кіево-Софійскаго собора, онъ пришелъ къ тому заключенію, что византійское вліяніе одинаково простиралось и на Русь, и на Грузію. (Напечатано въ чтеніи церковно-армянскаго общества при Кіевской духовной академіи. Вып. I-й, Кіевъ, 1883 г.). См. прил., стр. 170—179.

Д. П. Пурцеладзе, въ дополненіе къ прочтенному утромъ докладу „О грузинскихъ церковныхъ памятникахъ, находящихся въ Кіевѣ“, доказывалъ, что иконопись и иконописцы въ Грузіи упоминаются въ лѣтописяхъ еще во времена царя Давида Возобновителя, въ 1134 году. При этомъ онъ сослался на нѣкоторые грузинскіе историческіе документы, въ которыхъ говорится о грузинской иконописи.

Н. И. Петровъ, не отвергая существованія иконописи въ Грузіи съ древнихъ временъ, однакожь, не знаетъ о существованіи грузинскихъ „иконописныхъ подлинниковъ“, которые должны были служить руководствомъ для мѣстныхъ иконописцевъ.

А. Д. Ерицковъ доложено письмо вице-президента Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей, Н. Г. Мурзакевича, въ которомъ онъ, излагая судьбу *Пицундскаго храма Успенія Пресвятыя Богородицы* за послѣднее 40-лѣтіе, предлагаетъ, при предстоящемъ возстановленіи этого храма, привести его въ первоначальное состояніе изображеніемъ въ алтарѣ, на горнемъ мѣстѣ, Пресвятой Богородицы Влахернской, Тайной Вечери и проч. При этомъ представленъ былъ и рисунокъ съ внутренняго вида Пицундскаго храма, снятый въ 1836 году академикомъ Н. Чернецовымъ.

А. В. Комаровъ, пополняя свѣдѣнія, сообщенныя Мурзакевичемъ, пояснилъ, какимъ образомъ было приступлено къ возстановленію Пицундскаго храма, разореннаго во время послѣдней турецкой войны.

Труды Тифлисскаго съезда.

Несмотря на недостатокъ средствъ и трудность задачи, возстановили стѣны, очистили церковь, исправили иконостасъ и освятили храмъ; черезъ нѣсколько времени при немъ устроился отдѣльный монастырь, братія котораго была прислана изъ Сергіево-Троицкой Лавры, близъ Москвы; выстроенъ корпусъ и тамъ производилось богослуженіе; но во время войны монахи ушли оттуда, впрочемъ, они начали расходиться и раньше войны, такъ какъ не въ состояніи были выносить ни климата, ни той уединенной жизни, которую привелось вести въ Пицундѣ. Во время войны абхазцы произвели въ храмъ небольшое разрушеніе: испортили деревянный иконостасъ, раскладывали въ храмъ огонь и кое-гдѣ его закоптили, но тѣмъ не менѣе храмъ все-таки остался и по настоящее время годенъ для богослуженія. Въ ноябрѣ прошлаго года нынѣ командующій арміей князь Меликовъ ѣздилъ осматривать Пицундскій храмъ и Аѳонскій монастырь, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ. Кутаисскій архіерей желаетъ обратить Пицундскій храмъ въ приходскую церковь; бывшіе монахи Троицко-Сергіевской лавры желаютъ снова туда возвратиться, а настоятель Аѳонской обители заявилъ, что если правительство предоставитъ эту церковь въ распоряженіе монастыря, то они обязуются открыть въ ней еще отдѣленіе Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, и отправлять въ немъ богослуженіе. Несмотря на то, что Мурзакевичъ пишетъ, что храмъ этотъ построенъ во имя Св. Софіи, и что мѣстные жители раздѣляютъ это воззрѣніе, аѳонскіе монахи признаютъ его построеннымъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Каменный иконостасъ, о которомъ упоминаетъ Мурзакевичъ, сохранился, но впереди его троицкими монахами поставленъ новый деревянный; и трудно рѣшить, согласятся ли монахи снять деревянный иконостасъ, потому что въ настоящее время условія самаго богослуженія нѣсколько измѣнились противъ того, что было въ прежнее время. Такъ, напримѣръ, въ церквахъ Сванетіи святыя дары показывались въ окно, но никогда не выносились, обычай, который невозможно возстановить въ Пицундскомъ храмѣ, въ настоящее время. Горнее мѣсто осталось въ томъ же видѣ, какъ и было и, на сколько возможно замѣтить, надъ алтаремъ написано изображеніе Богоматери, подобное существующему въ Киево-Софійскомъ соборѣ подъ названіемъ „нерушимой стѣны“, въ куполѣ изображеніе 12 апостоловъ. Мнѣніе Мурзакевича, что стѣны храма были бѣлы, вполнѣ ошибочно, ибо во многихъ мѣстахъ замѣтны слѣды древнихъ фресокъ, на необходимость возстановленія которыхъ указываютъ и аѳонскіе монахи въ просьбѣ, обращенной къ Его Высочеству о томъ, чтобы храмъ этотъ былъ имъ отданъ въ ихъ вѣдѣніе. Экзархъ Грузіи склонился на сторону аѳонскихъ монаховъ, представилъ ихъ ходатайство на разрѣшеніе Святейшаго Синода тому назадъ девять мѣсяцевъ, но отвѣта по настоящее время никакого не получено. Изъ всего вышесказаннаго г. Комаровъ усматриваетъ, что всѣ, кому дорога родная старина, должны заботиться о томъ, чтобы Пицундскій храмъ былъ возстановленъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ древнія времена.

Д. З. Бакрадзе и А. Д. Ерицовъ доложили сущность *записки архимандрита Антонина о грузинскихъ и армянскихъ древностяхъ, найденныхъ въ Иерусалимѣ*. Предпославъ нѣсколько словъ о древне-грузинскихъ монастыряхъ въ Палестинѣ и на Аѳонѣ, служившихъ въ средніе вѣка центромъ духовнаго образованія грузинъ, Д. З. Бакрадзе перешелъ къ составленному архимандритомъ Антониномъ описанію грузинскаго монастыря Креста въ Иерусалимѣ и богатствъ храма „Воскресенія Христова“, пожертвованныхъ благочестивыми грузинами. Изъ когда-то богатой при грузинскомъ мона-

стырѣ бібліотеки, нынѣ сохранились три-четыре десятка сильно пострадавшихъ грузинскихъ рукописей церковно-богослужебнаго и церковно-учительскаго содержания, въ томъ числѣ 5—6 книгъ на пергаментѣ. Сдѣлавъ описаніе современнаго состоянія монастыря Креста, докладчикъ перешелъ къ снятымъ отцомъ Антониномъ грузинскимъ надписямъ съ монастырей: Креста, Никольскаго и Авраамскаго. Разобранныя докладчикомъ надписи показываютъ, что церковь св. Креста построена „царемъ царей“ Багратомъ, росписана при настоятелѣ монастыря Никифорѣ, при помощи и издержкахъ „государя Левана Дадіани въ 1644 г.“. Въ фресковой живописи на стѣнахъ церкви изображены цари: Миріанъ, Вахтангъ и Багратъ, а также много другихъ лицъ. Эти изображенія возбудили въ отцѣ Антонинѣ нѣкоторое сомнѣніе относительно вопроса о глубокой древности появленія грузинъ въ Іерусалимѣ. Докладчикъ согласился, что рассказъ о приобрѣтеніи, сдѣланномъ царемъ Миріаномъ въ Іерусалимѣ и о завоеваніи Палестины Вахтангомъ въ V столѣтіи, передаваемый лишь грузинскою лѣтописью, пока ничѣмъ другимъ не подтверждается. Появленіе же изображеній этихъ царей въ фрескахъ церкви св. Креста докладчикъ объяснилъ тѣмъ, что упомянутый рассказъ ходилъ въ грузинскомъ населеніи съ давнихъ поръ и строители или возобновители церкви воспользовались имъ. По мнѣнію Д. З. Бакрадзе, ничѣмъ не доказывается, чтобы грузины владѣли сказаннымъ монастыремъ ранѣе XI вѣка. Въ заключеніе, докладчикъ возбудилъ вопросъ, есть ли вышеозначенный Багратъ абхазо-грузинскій царь Багратъ IV одиннадцатаго вѣка, или же онъ имеретинскій царь XVI вѣка. По этому поводу онъ сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія историческихъ именъ, вѣроятно, неправильно снятыхъ съ надписей.

А. Д. Ершцовъ обратилъ вниманіе Съезда на одну изъ присланныхъ отцомъ Антониномъ четырехъ армянскихъ надписей, открытыхъ въ послѣднее время въ Іерусалимѣ. Надпись эта на надгробномъ камнѣ, на которомъ сверхъ письма изображены пѣтухъ, рыба и гусь, писана древнимъ армянскимъ шрифтомъ *ерхатаиурь*. Содержаніе ея: „сіе есть положеніе (т. е. могила) благочестивой Шушаники, матери Артавана, мѣсяць Хори 18“. Докладчикъ привелъ нѣсколько фактовъ въ пользу предположенія о принадлежности этой усыпальницы матери Артавана, потомка армянскихъ аршакидовъ, переселившагося въ V вѣкѣ изъ Арменіи въ Византію.

11 сентября, утромъ.

Отдѣленіе IV. Восточныя древности.

Почетный предсѣдатель: *Н. И. Костомаровъ*.

Предсѣдатель отдѣленія: *К. П. Паткановъ*.

Секретарь отдѣленія: *Я. А. Гаркави*.

К. П. Паткановъ сообщилъ обзоръ трудовъ по части изученія клинообразныхъ надписей вообще, и такъ-называемыхъ арменіакскихъ (ванскихъ) въ особенности, причемъ онъ представилъ свои соображенія о великомъ историческомъ значеніи сихъ послѣднихъ. См. приложение, стр. 115—122.

И. В. Помяловскій прочиталъ обстоятельное сообщеніе *А. Θ. Лихачева* изъ Казани о серебряномъ блюдѣ эпохи Сассанидовъ, найденномъ въ Оренбургской губерніи, на кото-

ромъ находится пехлевійская надпись, заключающая имя сассанидскаго царя Фирусана. См. приложение, стр. 81—94.

Докладчикъ предпослалъ своему докладу нѣсколько словъ о заслугахъ г. Лихачева по части собиранія и изслѣдованія древностей Приволжскаго края.

Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ сробщилъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Эпизодъ изъ дипломатическихъ сношеній хановъ Золотой Орды съ султанами мамелюковъ“. Указавъ на надгробный памятникъ, уцѣлѣвшій на одномъ изъ каирскихъ кладбищъ надъ могилою татарской „Хатунъ“ Тулунбѣи, переселившейся въ XIV столѣтіи съ береговъ Волги въ столицу мамелюкскихъ султановъ, баронъ Тизенгаузенъ представилъ, на основаніи арабскихъ лѣтописей, краткій очеркъ дипломатическихъ сношеній, происходившихъ между Египтомъ и Золотою Ордою съ конца XIII вѣка, въ видахъ общаго противодѣйствія завоевательнымъ замысламъ персидскихъ монголовъ или хулагидовъ. Для бѣльшаго закрѣпленія этихъ узъ, султанъ египетскій Эль-Меликъ Эннасыръ выражаетъ желаніе вступить въ родственныя связи съ ханомъ Узбекомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, дѣло улаживается и Хатунъ Тулунбѣи, выдаваемая Узбекомъ за княжну Чингизханова рода, въ 1320 году отправляется, въ сопровожденіи бѣльшаго посольства, въ Египетъ. Здѣсь ей дѣлается самый почетный пріемъ, а затѣмъ заключается брачный договоръ. Черезъ 8 лѣтъ бракъ расторгается, такъ какъ до султана египетскаго доходитъ свѣдѣніе, что Тулунбѣи не ханскаго происхожденія. Затѣмъ отношенія между Египтомъ и Золотою Ордою охладѣвають и мало по малу совсѣмъ прекращаются.

Д. А. Хвольсонъ докладывалъ о находкахъ караима А. Фирковича, прежней оцѣнкѣ ихъ научнаго значенія самимъ референтомъ и объ отрицательномъ отношеніи къ нимъ другихъ ученыхъ, считающихъ эти памятники подложными. Затѣмъ Д. А. Хвольсонъ рассказалъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ 1878 и 1881 гг. въ Крыму и о найденныхъ при этомъ зарытыхъ надгробіяхъ. На основаніи безсомнѣнно подлинныхъ, по его мнѣнію, надгробныхъ надписей, референтъ пришелъ къ убѣжденію, что на караимскомъ кладбищѣ въ Чуфуть-Кале находятся *безсомнѣнныя* надписи начала VII вѣка по Р. Х., а можетъ быть, даже половины III вѣка. Съ другой стороны, референтъ убѣдился такъ же, что ученые, обвинявшіе Фирковича въ совершеніи подлоговъ въ припискахъ къ разнымъ кодексамъ и въ надгробіяхъ (какъ, напр., А. Я. Гаркави), были вполне правы. Для того, чтобы отличать подлинныя надписи отъ подложныхъ, г. Хвольсонъ руководствуется, главнымъ образомъ, палеографіею, и въ этихъ видахъ имъ собрано значительное количество еврейскихъ надписей, большею частью доселѣ неизвѣстныхъ; стараясь съ точностью опредѣлить ихъ время, и на прочномъ основаніи еврейской палеографіи, онъ получилъ возможность отличать поддѣльныя памятники отъ вѣрныхъ. При этомъ проф. Хвольсонъ заявилъ, что уже находится въ печати и скоро выйдетъ въ свѣтъ его обширный трудъ о крымскихъ надписяхъ, гдѣ онъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, будто *всѣ* чуфуть-кальскія надписи, древнѣе XIII столѣтія, подложны. См. прил., стр. 95—100.

А. Я. Гаркави, сдѣлавъ нѣкоторыя замѣчанія касательно принципиальнаго различія въ воззрѣніяхъ ученыхъ на ново-открываемые историческіе источники, заявляетъ, что съ своей стороны онъ весьма радъ видѣть почтеннаго референта на пути къ истинѣ и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ присутствующіе вполне оцѣнятъ тотъ научно-безкорыстный духъ, который побудилъ Д. А. заявить публично о своихъ прежнихъ

ошибкахъ. Но если въ практическомъ мѣрѣ говорить, что отступающему противнику слѣдуетъ строить золотой мостъ и вообще обходиться съ нимъ великодушно, то нельзя примѣнять этого правила къ научнымъ спорамъ, не допускающимъ по существу своему никакихъ компромиссовъ, и гдѣ собственно противниковъ-то и нѣтъ; такъ какъ обѣ стороны должны стремиться къ одной цѣли, къ научной истинѣ. Нисколько не сомнѣваясь въ научной важности новаго труда проф. Хвольсона, г. Гаркави замѣчаетъ, однако, что новые памятники, найденные референтомъ въ Крыму, не способны пока внушить ученымъ большаго довѣрія къ себѣ, чѣмъ памятники Фирковича, подложность коихъ нынѣ признается самимъ г. Хвольсономъ. Такъ, напр., неспорченныя надгробныя надписи, заключающія въ себѣ только обозначеніе года безъ упоминанія именъ покойниковъ—вещь неслыханная въ эпиграфикѣ. По мнѣнію Гаркави, нынѣ еще преждевременно строить научное зданіе на еврейской палеографіи. Впрочемъ, если по появленіи въ свѣтъ сочиненія г. Хвольсона окажется, что доводы, тамъ представленныя, основательны и убѣдительны, то онъ, Гаркави, готовъ откровенно признаться въ своихъ ошибкахъ, точно такъ же, какъ это сдѣлалъ теперь Даниилъ Абрамовичъ.

11 сентября, вечеромъ.

Отдѣленіе VI. Памятники письма и языка.

Почетный предсѣдатель *Баронъ В. Г. Тизетаузенъ.*

Предсѣдатель отдѣленія *Д. З. Бакрадзе.*

Секретарь *А. А. Цагарелли.*

Мейчикъ въ своемъ рефератѣ „*Материалы для исторіи и археологіи Сибири въ XVII вѣкѣ*“ обратилъ вниманіе на нѣкоторые документы, касающіеся Сибири, начиная съ 1626 г.

Профессоръ Петербургскаго университета *Цагарелли* сообщилъ „*Свѣдѣнія о памятникахъ Грузинской письменности*“. См. приложение, стр. 104—107.

Ерицовъ, пополняя докладъ *Цагарелли*, обратилъ вниманіе на библиографію старопечатныхъ грузинскихъ книгъ. Первые попытки печатанія грузинскихъ и армянскихъ книгъ являются въ первой половинѣ XVI в. въ Венеціи. Проходитъ нѣсколько времени и въ началѣ XVII в. тамъ же были изданы псалтырь и азбука на грузинскомъ языкѣ. Причиной появленія грузинскихъ книгъ въ Венеціи послужило то, что въ это время ученики католической Римской пропаганды принялись за распространеніе католицизма въ Арменіи и имъ необходимо было запастись печатными книгами для свободнаго распространенія своего ученія въ Грузіи и Арменіи. Переходя къ рукописямъ, *Ерицовъ* возбуждаетъ вопросъ о сравнительной древности подобныхъ грузинскихъ памятниковъ. Извѣстно, говоритъ онъ, что грузинская нація, пользующаяся гражданственностью слишкомъ 15-ть столѣтій и имѣвшая извѣстную культуру, должна была имѣть, безъ сомнѣнія, и своихъ лѣтописцевъ. Между тѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что единственно оставшееся историческое сочиненіе, обнимающее исторію Грузіи, это книга, редактированная цѣлою комиссіею. Редакція этой книги, какъ она ни безукоризненна, но до открытія первоначальныхъ источниковъ, откуда приведенные факты заимствованы, можетъ всегда возбуждать нѣкоторое сомнѣніе. Хотя сомнѣніе это отчасти исчезло, въ виду того, что въ настоящемъ столѣтіи издано на армянскомъ

языкъ значительное число армянских лѣтописцевъ, которые отчасти подтверждаютъ факты, приводимые въ исторіи Грузіи, но, съ другой стороны, при сравненіи свѣдѣній, передаваемыхъ армянскими лѣтописцами, съ фактами исторіи Грузіи иногда замѣчаются противорѣчія. Такія противорѣчія встрѣчаются, между прочимъ, въ одной лѣтописи, появившейся въ печати на армянскомъ языкѣ въ прошломъ столѣтіи въ Мадрасѣ подъ названіемъ „Исторія остатковъ Грузіи и Арменіи. Лѣтопись эта значительно подтверждаетъ первоначальную исторію Грузіи, но она носитъ на себѣ характеръ перевода съ грузинскаго языка. Кто авторъ этой лѣтописи, откуда армянскій лѣтописецъ ее заимствовалъ, остается до сихъ поръ неоткрытымъ. Между тѣмъ, въ августѣ мѣсяцѣ, въ Венеціи появилось одно твореніе археологическаго характера, описаніе древней провинціи Шерахъ, гдѣ встрѣчается и описаніе Шерагерской и Александропольской области. Такъ какъ Грузія въ началѣ XIII столѣтія играла въ этой странѣ немаловажную роль, то сохранились тамъ какъ грузинскія, такъ и армянскія надписи, относящіяся къ грузинской исторіи. По поводу этихъ надписей, авторъ описанія ссылается на исторію Грузіи, составленную нѣкіемъ Джеваширомъ, имя котораго въ исторіи неизвѣстно. Ерицовъ проситъ лицъ, знакомыхъ съ грузинской библіографіей, обратить вниманіе не только на этого, доселѣ неизвѣстнаго лѣтописца, но и на нѣкоего патера Филиппа, жившаго въ началѣ настоящаго столѣтія въ Тифлисъ и дѣятельно занимавшагося изученіемъ грузинской литературы. Патеръ этотъ собралъ значительную коллекцію грузинскихъ книгъ и выслалъ ихъ въ Римъ; что случилось съ этой коллекціей, неизвѣстно, но у Ерицова сохранились два документа—одно письмо къ патеру Филиппу и другое отъ него, въ которыхъ упоминается, что для него собирались грузинскія лѣтописи и передавались ему. Въ заключеніе Ерицовъ напомнилъ, что венеціанскіе монахи, такъ усердно обошедшіе Грузію и Арменію пѣшкомъ, побывавшіе чуть не въ каждомъ домѣ и въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, собиравшіе все лучшее, что находилось на Кавказѣ, составившіе самую богатую коллекцію армянскихъ рукописей, между прочимъ имѣютъ и собранную при своихъ путешествіяхъ коллекцію грузинскихъ лѣтописей, хранящихся нынѣ въ Венеціи.

Бакрадзе замѣтилъ, что изъ реферата А. А. Цагарелли видно, что референтъ, специально занятый составленіемъ каталога грузинскихъ книгъ, не обратилъ вниманія на самый важный источникъ, имѣющійся на грузинскомъ языкѣ, то есть на собраніе Гуджаровъ, массами лежащихъ въ грузинской и имеритинской синодальной конторѣ и въ управленіи государственныхъ имуществъ и заключающіе въ себѣ исключительно каталоги книгъ, принадлежащіе разнымъ монастырямъ, между прочимъ и Пицундскому храму. Когда какой-нибудь настоятель сдавалъ въ былыя времена имущество монастыря своему пріемнику, то обыкновенно составлялся каталогъ всему имуществу и отдѣльно каталогъ книгамъ, имѣющимся въ монастырѣ. Изъ этихъ каталоговъ можно извлечь чрезвычайно серьезныя и интересныя свѣдѣнія. Въ каталогѣ Пицундскаго собора, относящемся къ XV в., въ числѣ прочихъ манускриптовъ или книгъ значится и лѣтопись Грузіи; къ несчастію неизвѣстно, куда она дѣлась. Въ Азіатскомъ музеѣ, Петербургской Академіи, имѣются нѣсколько списковъ древнихъ грузинскихъ лѣтописей и въ числѣ ихъ двѣ, одна принадлежащая царевичу Таймурадѣ, а другая Имеритинской царицѣ, Нинѣ. Эти два списка легли въ основаніе изданія грузинскихъ лѣтописей на французскомъ и грузинскомъ языкахъ и академикъ Броссе, занимав-

шійся изданіемъ ихъ, воспользовался нѣкоторыми приписками въ этихъ двухъ спискахъ и внесъ ихъ въ изданный имъ французскій переводъ лѣтописей. Между прочимъ одна изъ этихъ приписокъ показываетъ, что одинъ списокъ былъ въ рукахъ Вахтанга VI, когда онъ вмѣстѣ съ другими занимался изученіемъ грузинскихъ лѣтописей. Къ несчастію, Броссе не обратилъ вниманія на палеографическій характеръ этихъ списковъ, которые оба обрываются на XV в. Относительно указаній, что въ армянскихъ лѣтописяхъ есть свѣдѣнія, касающіяся грузинской исторіи, слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Въ 48 г. была найдена армянская хроника (такъ она названа академикомъ Броссе) на армянскомъ языкѣ, затѣмъ переведена на французскій языкъ и помѣщена въ изданіе Броссе. Заканчивается она XII в., именно на царствованіи Давида Возстановителя и по справкамъ оказывается, что она переведена съ грузинскаго языка на армянскій и есть не что иное, какъ повтореніе въ сокращенномъ видѣ тѣхъ лѣтописей, которыя приписываютъ Вахтангу VI, такъ что самые промахи въ переводѣ грузинскихъ словъ на армянскій показываютъ, что это не есть произведеніе армянское, а чисто грузинская лѣтопись, переведенная на армянскій языкъ.

Засѣданіе прервано на 20 минутъ; послѣ чего Хвольсонъ доложилъ „О надгробномъ камнѣ съ еврейскою надписью“, найденномъ въ Мцхетѣ, въ семидесятыхъ годахъ г. Байернъ. Надпись эта въ переводѣ гласитъ слѣдующее: „это есть гробница дорогаго отца, Югуда, который называется Гуркъ. Пусть ложе его будетъ съ праведными! Пусть воскресеніе его будетъ вмѣстѣ съ справедливыми“. У евреевъ, въ древнія времена какъ и нынѣ, часто давались два имени, одно еврейское, а другое персидское, арабское, греческое, нѣмецкое и т. д. Одно изъ этихъ именъ употребляется въ религиозныхъ случаяхъ, а другое въ случаяхъ обыкновенныхъ. Гуркъ значитъ по грузински волкъ. Въ V в. въ Грузіи былъ царь, называемый Гуръ-заръ, т. е. голова волка. Основываясь на палеографическихъ данныхъ, референтъ приурочиваетъ эту надпись къ V или VI в.

Окромчедловъ-Серебряковъ прочелъ рефератъ „О грузинскомъ алфавитѣ“. См. Приложение, стр. 221—229.

Ерицовъ въ своемъ возраженіи референту находилъ слишкомъ смѣлымъ возводить начало грузинскаго письма до Рождества Христова. Правда, говорилъ онъ, что армянскій и грузинскій алфавиты имѣютъ общее сходство съ зендскимъ, финикійскимъ и другими восточными алфавитами и представляютъ изъ себя видоизмѣненія клинообразнаго письма, но это видоизмѣненіе могло явиться сначала въ Арменіи, гдѣ есть памятники клинообразнаго письма, а не въ Грузіи, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Трудъ Месропа, на который указывалъ Окромчедловъ-Серебряковъ, состоялъ лишь въ примѣненіи восточнаго письма (клинообразнаго) къ араратскому нарѣчію, письмо, которое было впоследствии усвоено и грузинами.

Бакрадзе прочелъ рефератъ „О древнихъ вариантахъ грузинскаго Четвероевангелія“. См. Приложение, стр. 215—220.

12 сентября, утромъ.

Засѣданіе внѣ очереди (Seance libre).

(Доклады и пренія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ).

Предсѣдатель профессоръ *Рудольфъ Вирховъ*.

Секретарь *Г. И. Радде*.

Dr. Obst: ueber die Farbe der Augen und Haare der Sachsen.

M. Smirnoff: de la couleur des yeux et des cheveux des peuples du Caucase.

Professor *L. Stieda*: ueber anthropologische Tabellen.

Professor *R. Virchow*: zur Anthropologie des Kaukasus.

Dr. G. Radde: Noah, der Weinstock und der Oelbaum, am Ararat.

Comte A. Ouwaroff et *M. Baron Tiesenhausen*: ueber die Spuren der Handelsverbindungen zwischen Russland und Indien.

12 сентября, вечеромъ.

Отдѣленіе VII. Лингвистика.

Почетный предсѣдатель *Баронъ Ѡ. Бюлеръ*.

Предсѣдатель отдѣленія *В. Ѡ. Миллеръ*.

Секретарь отдѣленія *Л. П. Заурскій*.

В. Ѡ. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе о значеніи Кавказа для языковѣдѣнія. „Прежде, чѣмъ приступить къ чтенію болѣе спеціальнаго реферата, я позволю себѣ сказать нѣсколько вступительныхъ словъ о значеніи Кавказа для языковѣдѣнія. Мысли, которыя я выскажу, не отличаются ни новизною, ни оригинальностью, но не лишне иногда вспомнить и старое. Едва ли есть на земномъ шарѣ другая мѣстность, болѣе благодатная для лингвистическихъ изслѣдованій, чѣмъ Кавказъ. Разнообразіе и многочисленность языковъ Кавказа были извѣстны въ глубокой древности: есть свидѣтельства, что въ классическія времена, въ колоніи Діоскурійхъ, для торговыхъ сношеній съ разными народцами Кавказа, служили десятки переводчиковъ; арабскіе географы называли Дагестанъ „горюю языковъ“. Конечно, со временъ классическихъ многіе кавказскіе народы уже прекратили свое существованіе, но тѣмъ не менѣе и въ настоящее время кавказскіе языки считаются еще десятками. Является само собою вопросъ: чѣмъ же можно объяснить такое разнообразіе, такую многочисленность кавказскихъ языковъ. Для отвѣта на этотъ вопросъ достаточно взглянуть на географическую карту Кавказа. Кажется, сама природа устроила на этомъ перешейкѣ, такъ сказать, международную крѣпость, въ которой находили пріютъ многочисленные народы и народцы, вытѣсняемые съ одной стороны, съ сѣвера, въ степи, съ другой стороны—съ юга, съ нагорныхъ мѣстностей Малой Азіи. Было время, когда Азія, достигшая культуры раньше молодой въ то время Европы, сбывала изъ послѣднюю излишекъ своего населенія. Можно думать, что было два большихъ главныхъ пути изъ Азіи въ Европу, для переселенія народовъ, одинъ путь—сѣверный, можно назвать

степнымъ; онъ шелъ между сѣвернымъ побережьемъ Каспійскаго моря и Ураломъ; другой путь, который можно назвать нагорнымъ, шелъ чрезъ Малую Азію. Такимъ образомъ, Кавказъ явился какъ бы стѣной, какъ бы гранью, трудно преодолимой, которая раздѣляла между собою двѣ струи постоянно двигавшагося населенія. Простѣдимъ въ нашемъ воображеніи судьбу какого-нибудь небольшого племени, двигавшагося въ Европу сѣвернымъ путемъ. Проходя черезъ тѣ естественныя ворота, о которыхъ я сказалъ, это племя попадало въ степи сѣвернаго Кавказа; затѣмъ стремилось далѣе, въ южно-русскую равнину. Занимая торный путь, этотъ народъ долженъ былъ постоянно испытывать напоръ новыхъ переселенцевъ, которые безконечной вереницей тянулись на западъ изъ Азіи. Если въ борьбѣ за свою почву это племя должно было уступить дорогу другимъ, оно было оттѣсняемо либо къ сѣверному берегу Чернаго моря, либо на сѣверъ Кавказа. Предположимъ, что это племя попало на сѣверный Кавказъ. Съ одной стороны, передъ нимъ на востокъ тянулось Каспійское море, съ другой, на западъ — Азовское и Черное моря, на югѣ былъ хребетъ. Такимъ образомъ это племя попадало какъ бы въ ловушку, изъ которой оно не могло выбраться на плоскость, ибо съ сѣверной плоскости было тѣснимо другими племенами. Племя далѣе подавалось въ горы, встрѣчало другія, раньше его поселившіяся въ этой мѣстности, и вотъ начиналась борьба, въ которой вновь прибывшее племя могло сохранить свою самостоятельность только въ томъ случаѣ, если отличалось силой и воинственностью; въ другомъ случаѣ оно погибало въ борьбѣ съ болѣе сильнымъ сосѣдомъ. Тѣ историческія явленія, которыя происходили на сѣверѣ Кавказа, могли и должны были происходить и на югѣ. На южномъ склонѣ Кавказа то же собирались племена, тѣснимыя со стороны Колхиды и южнаго побережья Каспійскаго моря. Такимъ образомъ, и съ сѣвера, и съ юга на Кавказѣ накоплялись массы мелкихъ народовъ, которыхъ можно назвать обломками болѣе крупныхъ національностей. Этимъ объясняется необыкновенное разнообразіе кавказскихъ языковъ. Кавказъ не представляетъ легкихъ условій для культуры. Племена, забиравшіяся въ горы изъ болѣе плодородныхъ мѣстностей, должны были выдерживать упорную борьбу съ природою. Въ этой борьбѣ многія племена должны были погибнуть, потому что не легко степняку выработаться въ типъ горца. Тѣ немногіе народы, которые выработали въ себѣ этотъ типъ, сохранились до нашего времени, но большинство, можно думать, исчезло въ этой борьбѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ я сказалъ, и до сихъ поръ многочисленныя національности населяютъ оба склона Кавказа и представляютъ богатый матеріалъ для лингвистики, вызывая у языковѣда цѣлый рядъ вопросовъ: каковъ строй этихъ многочисленныхъ языковъ, изъ которыхъ на однихъ говорятъ сотни тысячъ человѣкъ, на другихъ—два, три аула? Въ какомъ отношеніи между собою состоятъ эти языки, какіе они образуютъ семьи, чтò можно добыть изъ словарей этихъ языковъ для заключенія о раннемъ бытѣ народовъ, на нихъ говорящихъ? Словомъ, не видно конца вопросамъ, и одинъ любопытнѣе другаго, а разработка этихъ вопросовъ едва лишь начата.

Не менѣе богатое поле представляетъ Кавказъ и для этнографическихъ изслѣдованій: этнографъ можетъ наблюдать здѣсь цѣлый рядъ народовъ различнаго происхожденія, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культуры. Одни сохранили въ первоначальной свѣжести такія формы быта, такіе обычаи и обряды, которыя у другихъ доживаютъ свой вѣкъ; у однихъ первоначальное язычество почти не тронута вліяніемъ

монотеистическихъ религій; у другихъ является удивительная смѣсь возрѣній языческихъ и христіанскихъ, языческихъ и магометанскихъ; у однихъ формы юридическаго быта основаны на обычномъ правѣ, еще свято наблюдаемомъ цѣлымъ обществомъ; у другихъ же замѣтно сліяніе обычнаго права съ мусульманскимъ шаріатомъ, то въ большей, то въ меньшей степени. Словомъ, всюду удивительное разнообразіе въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ, всюду смѣшеніе древнихъ отживающихъ формъ быта съ новыми. Какъ дорожить этнографъ всякимъ, еле замѣтнымъ слѣдомъ отжившихъ формъ быта у европейскихъ народовъ, съ какою тщательностью собираетъ онъ крупіцы старины, сохранившіяся въ видѣ „переживаній“ гдѣ нибудь во Франціи, Англіи или Германіи! Здѣсь, на Кавказѣ, этнографъ можетъ черпать старину полной рукой, и всюду собирать богатый матеріалъ для своихъ наблюденій⁴.

Д. П. Цурцеладзе представилъ возраженія на мнѣніе проф. Окромчеделова о происхожденіи грузинскаго церковнаго письма, высказанное имъ на засѣданіи Отдѣленія Памятниковъ письменности языка (11 сентября). „Вчера профессоръ Окромчеделовъ выразилъ мнѣніе, что въ Грузіи прежде всего появилось гражданское письмо и что церковное письмо выродилось изъ гражданскаго. Очевидно, что мысль эта высказана противъ той, которую я защищаю въ моей статьѣ „О научномъ значеніи грузинскихъ церковныхъ гуджаровъ (граматъ), помѣщенной въ протоколахъ предварительнаго комитета по устр. V Археол. съѣзда въ Тифлисѣ¹⁾. Я занимаюсь не одинъ годъ, а уже нѣсколько лѣтъ изученіемъ исторіи края, изучилъ ее во всѣхъ документахъ и нашелъ первые и слабые признаки гражданскаго письма въ грамотахъ Афонскаго монастыря 1024 г. Затѣмъ ни г. Окромчеделовъ, ни кто другой, смѣю надѣяться, не укажетъ мнѣ, чтобы въ Грузіи были какіе нибудь признаки гражданскаго письма до 1024 г. Если нѣтъ никакихъ признаковъ, стало быть, письменность и несуществовала, а потому первая письменность, которая была здѣсь, была письменность церковная, и я нахожу, что это чрезвычайно естественно. Положите на столъ алфавиты: ефіопскій, санскритскій, еврейскій, армянскій; положите по бокамъ на одну сторону церковный алфавитъ грузинскій (такъ называемый хуцури), а на другую гражданскій (мхедрули) и вы увидите, что грузинскій церковный алфавитъ и по начертанію, и по общей характеристикѣ имѣетъ чрезвычайно много общаго съ названными алфавитами и что гражданскій грузинскій алфавитъ ни по начертанію, ни по другимъ свойствамъ, ничего общаго съ ними не имѣетъ. Пойду дальше. Грузинскій церковный алфавитъ даже заимствовалъ нѣкоторыя буквы изъ ефіопскаго, хотя грузинскія буквы носятъ не тѣ названія, какія носятъ эти самыя знаки въ азбукѣ ефіопской. Сдѣлавъ сравненіе отдѣльныхъ грузинскихъ буквъ съ буквами названныхъ алфавитовъ, мы убѣдимся, что церковный грузинскій алфавитъ современенъ древне-восточнымъ алфавитамъ. Этотъ выводъ подтверждается и исторіей всѣхъ старыхъ памятниковъ древне-грузинской письменности, какіе дошли до насъ: всѣ они писаны церковнымъ алфавитомъ. Возьмете-ли Евангеліе, возьмете-ли жизнеописанія святыхъ, возьмете-ли какой нибудь переводъ съ греческаго, всѣ они писаны грузинскимъ церковнымъ алфавитомъ. Тотъ же грузинскій церковный алфавитъ встрѣчается и въ надписяхъ на церквахъ, напр., древняя надпись на стѣнахъ церкви Святаго Креста сдѣлана этимъ алфавитомъ. Древнія рукописи, надгробныя надписи, которыя встрѣчаются въ Грузіи,

¹⁾ См. на стр. 429.

всѣ онѣ написаны церковнымъ алфавитомъ, тогда какъ гражданскаго алфавита вы нигдѣ не встрѣчаете ранѣе 1024 г., какъ я уже имѣлъ честь докладывать. Потомъ уже послѣдній алфавитъ начинаетъ понемногу развиваться и, наконецъ, черезъ два столѣтія получаетъ ту форму, которую мы имѣемъ теперь. На основаніи всего этого я вывожу положительное убѣжденіе, что первоначальной азбукой была въ Грузіи азбука церковная; я убѣжденъ, что грузинскій *гражданскій* алфавитъ дѣйствительно образовался изъ церковнаго, а не на оборотъ.

Л. П. Заурскій прочелъ рефератъ *О значеніи лингвистики для этнологіи и изученія пражмяго быта кавказскихъ народовъ*. При чтеніи этого реферата докладчикъ сдѣлалъ слѣдующія дополненія и поясненія къ своей статьѣ объ изслѣдованіи кавказскихъ языковъ *).

1) Кавказъ какъ вслѣдствіе мѣстныхъ географическихъ условій, такъ и вслѣдствіе историческаго хода событій, образовалъ множество отдѣльныхъ владѣній, множество отдѣльныхъ земель. Жители этихъ отдѣльныхъ владѣній и земель носили особыя названія. Такъ, напр., возьмемъ хотя бы Грузію: здѣсь были грузины, кахетинцы, имеретинцы, гурійцы и т. д. Всѣ эти жители считались особыми народами. Тоже самое, если взять Дагестанъ. Тамъ еще больше было раздѣленія, тамъ иногда небольшое общество считалось особой націей. Часто жители одного аула даже считались особой націей. И дѣйствительно, былъ такой хаосъ въ понятіяхъ о народностяхъ, что этнографіи не было возможности въ немъ разобраться. Чтобы показать до какой степени доходило здѣсь раздѣленіе, вотъ статья, напечатанная въ 1858 г., посвященная обзору горскихъ племенъ Кавказа.

Къ кавказскому племени отнесено 40 народовъ, къ чеченскому—21 народъ, къ лезгинскому—37, и это число можетъ быть удвоилось бы, если бы тогда былъ завоеванъ совершенно Дагестанъ. Въ числѣ народовъ значится, напр., Дадьяновскій аулъ; племя сванетское дѣлится на 3 народа; племя адиге — на Большую Кабарду, Малую Кабарду и бѣглыхъ кабардинцевъ. И бѣглые кабардинцы составляютъ особую націю! Авторъ этой статьи, отсутствующій теперь, къ сожалѣнію, поясняетъ, что онъ пользовался; главнымъ образомъ, свѣдѣніями, доставленными закавказской тріангуляціей.

2) Долго существовало мнѣніе, на основаніи грузинскихъ лѣтописей, что всѣ кавказскіе народы происходятъ отъ правнука Ноя Таргамоса. Въ грузинской лѣтописи говорится, что Таргамосъ имѣлъ 8 сыновей, жилъ спокойно возлѣ Арарата, но вдругъ ни съ того, ни съ сего они рѣшились основать особыя націи и разошлись въ разныя стороны. Отъ Гайкоса произошли армяне, отъ Картлоса — грузины, Кавказосъ положилъ начало кавказскимъ народамъ; Лекосъ пошелъ въ Дагестанъ и отъ него пошли лезгины и т. д. Теперь вопросъ: какъ же образовались разные языки? Этотъ вопросъ тоже рѣшается въ лѣтописяхъ довольно куріозно. Въ одномъ трактатѣ на эту тему говорится, что старшій сынъ Таргамоса Гайкосъ, такъ какъ жилъ долго съ отцомъ, усвоилъ себѣ лучше языкъ отца; а другіе сыновья, такъ какъ жили меньше съ отцомъ, перезабыли многое изъ этого языка и такимъ образомъ образовались многіе языки кавказскіе. Это убѣжденіе о родственности кавказскихъ народовъ не вывелось еще и до настоящаго времени. Вчера одинъ оппонентъ замѣтилъ, что если армяне и грузины родственныя націи, то необходимо должна доказать это археоло-

*) См. пятый Археол. съездъ, стр. 105 и слѣд.

гія. Теперь посмотримъ, что сдѣлала лингвистика по этому предмету. Вотъ главные выводы. Среднюю часть края и западную часть Закавказья занимаютъ народы *иверской* группы. Къ этимъ народамъ относятся слѣдующіе: грузины, мингрельцы, лазы и сванеты; къ западной группѣ относятся: абхазцы и черкесскіе народы; къ восточной; народы, живущіе по обѣимъ сторонамъ андійскаго водораздѣла — чеченцы и лезгины. Эти 3 группы языковъ, какъ дальше увидимъ, не имѣютъ сходства между собою въ отношеніи какъ лексическомъ, такъ и генетическомъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ сходство это не замѣчается. Затѣмъ, эти 3 группы до сихъ поръ не представляютъ сходства съ языками другихъ народовъ. Это обстоятельство является фактомъ чрезвычайно важнымъ. Въ Европѣ сохранился только одинъ такой народъ, стоящій особнякомъ отъ европейскихъ. Это — баски. Когда изучали языкъ басковъ и нашли, что они въ отношеніи лексическомъ такъ отличаются отъ другихъ народовъ бѣлой расы, то по этому поводу явились цѣлыя теоріи и, между прочимъ, одна теорія такая: въ началѣ бѣлой расы появились народы, говорящіе языкомъ приставочнымъ, а потомъ появились народы, говорящіе болѣе совершеннымъ языкомъ. Но здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе этой теоріи и я только дѣлаю сближеніе между судьбою языка басковъ и языковъ названныхъ трехъ группъ. Здѣсь же, на Кавказѣ, цѣлыхъ 3 группы языковъ, сходныхъ съ которыми нигдѣ, какъ извѣстно, въ настоящее время на земномъ шарѣ не встрѣчается.

2) Теперъ позвольте мнѣ сдѣлать небольшую характеристику кавказскихъ языковъ. Начнемъ съ *восточныхъ иорскихъ языковъ*, которые мнѣ больше извѣстны. Корни словъ отличаются въ нихъ большимъ постоянствомъ, приставки представляютъ видимое сокращеніе отдѣльныхъ словъ. По крайней мѣрѣ, въ большинствѣ очень легко прослѣдить, изъ какихъ словъ они образовались. Эти приставки обыкновенно служатъ для образованія падежей, которыхъ въ нѣкоторыхъ языкахъ насчитываютъ до 50, по крайней мѣрѣ такъ насчитывали тѣ лица, которые занимались этимъ предметомъ, хотя въ строгомъ смыслѣ эти формы не могутъ быть названы падежами. Глагольные формы образуются или при помощи вспомогательныхъ глаголовъ или при помощи приставокъ. Мѣстоимѣній относительныхъ нѣтъ; словъ, служащихъ для соединенія предложений, тоже нѣтъ. Все это замѣняется приставками или лучше сказать, суффиксами, потому что они помѣщаются въ концѣ словъ; въ началѣ же словъ являются приставки, на примѣръ, въ мѣстоименіяхъ указательныхъ. Префиксы являются чаще всего и въ родовыхъ формахъ. Большинство кавказскихъ языковъ не имѣетъ родовыхъ признаковъ; они въ слабой степени обнаруживаются въ абхазскомъ языкѣ, но въ восточногорскихъ группахъ отсутствіе ихъ бросается весьма сильно въ глаза. Только одинъ *аварскій* языкъ въ этомъ случаѣ пользуется умѣренно 3 родами: мужскимъ, женскимъ и среднимъ. Въ другихъ же языкахъ роды обозначаются посредствомъ префиксовъ.

3) Сдѣлавъ такую характеристику группы *восточныхъ иорскихъ языковъ* *), Л. П. Загурскій перешелъ къ группѣ *западныхъ иорскихъ языковъ*, изъ которыхъ съ наибольшей полнотою остановился на языкѣ абхазскомъ и представилъ характеристику его склоненія и спряженія. Переходя затѣмъ къ характеристикѣ иверской группы языковъ, референтъ указалъ на то, что знаменитый лингвистъ Боппъ старался приурочить гру-

*) Къ сожалѣнію, запись стенографа не даетъ возможности представить подробное изложеніе сообщенія Л. П. Загурскаго и редакціи приходится ограничиться лишь передачей главнаго содержанія этой статьи.

зинъ къ индо-европейской семьѣ, основывая свое мнѣніе на разборѣ личныхъ мѣстоимѣній, числительныхъ, которыя онъ исковеркалъ, дѣлая различныя натяжки. Потомъ другой замѣчательный лингвистъ, М. Мюллеръ, отнесъ иверскіе языки къ туранскимъ языкамъ, а Ф. Мюллеръ, вѣнскій профессоръ, человѣкъ осторожный въ этомъ дѣлѣ, предложилъ считать ихъ группой языковъ, стоящей особнякомъ. Остановившись на грузинскихъ глаголахъ, референтъ замѣтилъ, что они чрезвычайно трудны; Шлейхеръ даже отказался отъ ихъ анализа. Трудность эта заключается въ томъ, что въ грузинскихъ глаголахъ есть показатель лица, котораго нѣтъ въ горскихъ языкахъ; онъ всегда сливается съ глагольной формой, рѣдко выпускается и приэтомъ измѣняется въ другія буквы. Что касается морфологическаго строенія иверскихъ языковъ, то референтъ высказалъ предположеніе, что эти языки флексивные, но при этомъ и приставочный элементъ играетъ въ нихъ свою роль. Такъ, въ иверской группѣ языковъ замѣчается чрезвычайная экономія въ употребленіи флексій. Въ сванетскомъ языкѣ очень часто родительный падежъ вовсе не употребляется. Такъ: вмѣсто—лошадь больше *осма*, говорится — лошадь великій *осемъ*; вмѣсто *рука мужчины* — *мушина рука* и т. д. Прилагательныя имена, когда стоятъ передъ существительными, склоняются только въ грузинскомъ языкѣ, а въ другихъ не склоняются. Если существительное стоитъ съ числительнымъ, оно тоже не склоняется. Затѣмъ, если разобрать флексіи, то окончаній падежныхъ чрезвычайно мало. Для винительнаго падежа въ этихъ языкахъ нѣтъ окончаній. Для родительнаго падежа, пожалуй, есть окончаніе, но еще нужно посмотрѣть, нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь соотношенія между нимъ и приставкою, приставляемою въ началѣ слова. Во всякомъ случаѣ, во множественномъ числѣ окончаніе носить приставочный характеръ. Далѣе Л. П. Загурскій указалъ на то, что изслѣдованіе кавказскихъ языковъ, подвинутое въ особенности трудами покойнаго барона П. К. Услара, только поставлено недавно на твердую почву. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые частныя выводы изъ лингвистическихъ данныхъ касательно первобытной культуры и родины нѣкоторыхъ кавказскихъ народовъ могутъ быть дѣлаемы и теперь. Какъ образчикъ такихъ выводовъ г. Загурскій привелъ соображенія одного знатока аварскаго языка, который на основаніи лингвистическихъ данныхъ послѣдняго, старался выяснитъ ранній образъ жизни аварцевъ; изъ этихъ данныхъ обнаруживается, напримѣръ, что предки горцевъ Дагестана жили нѣкогда въ негористой мѣстности, въ умѣренномъ климатѣ, и что они пришли въ Дагестанъ съ сѣвера.

А. В. Комаровъ, по поводу реферата Л. П. Загурскаго, замѣтилъ слѣдующее: Почтенный референтъ Л. П. Загурскій, указавъ на трудность изученія этнографіи Кавказа, совершенно справедливо замѣтилъ, что въ этомъ дѣлѣ до настоящаго времени встрѣчается очень много ошибокъ и недоразумѣній. Занимаясь отчасти и самъ этимъ предметомъ, А. В. Комаровъ пришелъ къ слѣдующему убѣжденію. Одно изъ самыхъ главныхъ препятствій, почему мы не можемъ понимать другъ друга, заключается въ томъ, что до настоящаго времени у насъ смутно еще у всѣхъ понятіе о словахъ: родъ, племя, нація, народъ, раса и т. д. Одинъ понимаетъ ихъ такъ, другой совершенно иначе. До того времени, пока не установится строго научное опредѣленіе этихъ различныхъ понятій, трудно ожидать, чтобы изслѣдованія привели къ какимъ-нибудь результатамъ. Понятно, что въ прежнее время, когда шла Кавказская война, всѣ и считали отдѣльнымъ народомъ тотъ, который воевалъ противъ насъ, а тотъ, который

не воевалъ, считался другимъ. Вотъ почему и явился народъ „бѣглые кабардинцы“, потому что онъ былъ для насъ въ то время отдѣльнымъ народомъ и мы не входили въ разсужденіе о его происхожденіи. Или другой болѣе рѣзкій примѣръ. Есть этнографическая карта Кавказа, гдѣ отдѣльнымъ народомъ въ Закавказскомъ округѣ названы *беки*, тогда какъ *бекъ* значитъ — князь, владѣлецъ. Это показываетъ, что между изслѣдователями не установлено, какъ понимать данное выраженіе. Затѣмъ, конечно, нельзя не согласиться, что лингвистическія изслѣдованія много помогаютъ изученію происхожденія различныхъ кавказскихъ племенъ; но должно оговориться, что нельзя имъ однимъ придавать слишкомъ большое значеніе. Необходимо, чтобы, независимо отъ лингвистическаго изслѣдованія языка даннаго народа, было обращено вниманіе и на жизнь, и на привычки его. Въ настоящее время всѣ стремятся соединиться въ одно, и старина, какъ А. В. Комаровъ замѣчаетъ въ теченіе его 26-лѣтней службы на Кавказѣ, во многихъ мѣстностяхъ начинаетъ мало по малу исчезать. А потому, надобно поторопиться. Одинъ языкъ не служитъ еще несомнѣннымъ указаніемъ того или иного происхожденія народа. На это А. В. Комаровъ привелъ слѣдующій примѣръ. Въ Самурскомъ округѣ есть селеніе Мисканджи. Жители этого селенія около 300 лѣтъ назадъ были переселены изъ Ирана Шахъ-Абасомъ. До сего времени они сохранили персидскую одежду, шитскую вѣру, всѣ персидскіе обычаи, но говорятъ кюринскимъ языкомъ. Происхожденіе этого племени извѣстно и опредѣлено, но языкомъ они говорятъ кюринскимъ. Слѣдовательно, если только на основаніи ихъ языка причислить ихъ къ кюринскому племени, то это будетъ явная ошибка. Ограничиваясь этими примѣрами А. В. Комаровъ настаивалъ на мысли, что одни лингвистическія изысканія, веденныя даже самостоятельно, еще недостаточны для того, чтобы сдѣлать какой-нибудь прочный выводъ о происхожденіи того или другаго народа. При этомъ нужно обратить особенное вниманіе на то, что, напримѣръ, въ Дагестанѣ встрѣчается чрезвычайно странное явленіе. Всѣ, говорящіе языкомъ аварскимъ, живутъ сплошь, между ними нѣтъ никакихъ промежутковъ, между тѣмъ аварскій языкъ въ Дагестанѣ дѣлится на два большихъ отдѣла и каждый отдѣлъ, въ свою очередь, дѣлится на нѣсколько другихъ меньшихъ, которые называются нарѣчіями этого языка. Хотя, дѣйствительно, жители при встрѣчѣ другъ друга понимаютъ, но довольно трудно. А крайніе жители, напримѣръ, жители нуцубулинскаго общества не въ состояніи говорить съ жителями чарцалійскаго общества, помѣщающагося на противоположномъ концѣ. Такое же явленіе можно наблюдать и въ даргинскомъ языкѣ, имѣющемъ нѣсколько нарѣчій; которое изъ этихъ нарѣчій признавать за основное — еще неизвѣстно. Не входя въ подробности по поводу вышеуказаннаго явленія, А. В. Комаровъ заявилъ, что на ряду съ языкомъ необходимо изслѣдовать и домашнюю жизнь, обычаи, одежду, и тогда только мы можемъ прійти къ какому-нибудь заключенію о народности. Когда въ своей статьѣ „Этнографія Кавказа“ онъ кубачинцевъ отнесъ къ отдѣльному племени, тогда возникло противъ него обвиненіе въ томъ, что кубачинцы не отдѣльное племя, такъ какъ они говорятъ нарѣчіемъ языка даргинскаго. Въ виду краткости названной статьи, авторъ въ видѣ пополненія счелъ нужнымъ высказать слѣдующее. Дѣйствительно, кубачинцы говорятъ нарѣчіемъ языка даргинскаго, но они никакимъ образомъ не могутъ быть признаны одноплеменниками съ ними и вотъ почему: что они пришельцы — доказывается тѣмъ, что они не имѣютъ у себя ни клочка пахатной земли; селеніе состоитъ изъ 15(0) дворовъ, а засѣваютъ хлѣба едва двѣ съ

половиною десятины, что совершенно сходится съ ихъ преданіемъ. Преданіе это говоритъ, что когда-то какой-то царь персидскій вызвалъ изъ Греціи оружейныхъ мастеровъ, привелъ ихъ въ даргійскую землю, гдѣ они занимались выдѣлкой оружія, а когда размножились, даргинцы не нашли удобнымъ держать ихъ и выгнали; ходили они долго по горамъ Дагестана, искали мѣста и нашли то, на которомъ живутъ теперь; никто даромъ земли имъ не давалъ и они заняли небольшой клочокъ; ведя постоянную войну, которая не окончилась и по настоящее время, они успѣли, однако, удержаться и размножиться при посредствѣ мѣстныхъ владѣльцевъ. Вотъ это обстоятельство показываетъ, что они пришлецы. Постройка домовъ у нихъ совершенно другая, нежели у ихъ сосѣдей; женская одежда также другая, самый обликъ лица у мужчинъ и женщинъ совершенно другой. Изъ этого видно, что если бы только руководствоваться одними лингвистическими изслѣдованіями, мы кубачинцевъ должны были бы причислить къ даргинскому племени, тогда какъ они по своему происхожденію никакого родственнаго отношенія къ нимъ не имѣютъ. Что касается выводовъ, дѣлаемыхъ г. референтомъ о раннемъ состояніи культуры того или другаго народа изъ словъ его языка, то А. В. Комаровъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе. Какъ ни кажутся остроумны и справедливы съ перваго раза нѣкоторые выводы подобнаго рода у покойнаго Услара, однако къ нимъ слѣдуетъ относиться съ осторожностью. Напримѣръ, на аварскомъ языкѣ говорятъ: *разбить домъ*, а окошко названо *выходнымъ отверстіемъ* для дыма, и это даетъ будто бы право предполагать, что аварцы были прежде кочевымъ народомъ. Однако, такихъ доказательствъ, по мнѣнію А. В. Комарова, совершенно недостаточно. Для поясненія своей мысли, докладчикъ сослался на одинъ примѣръ, хотя сознался, онъ не совсѣмъ рельефенъ. По русски говорятъ: *строить домъ* и всякій понимаетъ, что строить надо изъ кирпича, дерева или вообще изъ твердыхъ матеріаловъ. Но, кромѣ того, у насъ говорятъ: строить кафтанъ, строить мундирную одежду и т. д. Значить, строить можно не только изъ твердыхъ матеріаловъ, но и изъ мягкихъ, изъ матеріи и т. д. Поэтому-то, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ аварскомъ языкѣ *повѣсить* домъ значить повѣсить его не только изъ холста, но изъ бревень, камня и т. д. Референтъ предполагаетъ, что движеніе аварцевъ было съ сѣвера на югъ, основываясь на томъ, что страна, которая осталась на сѣверѣ, называется у нихъ *набабъ*, что значить *задняя стѣна* и, сопоставляя его съ словомъ *гумбетъ*, которое будто бы значить стѣна южная или передняя. Но дѣло въ томъ, что само названіе *гумбетъ* значить—лицомъ къ солнцу. Кто знаетъ положеніе этой мѣстности, для того станеть яснымъ, почему ей дано это названіе: она лежитъ на южномъ склонѣ хребта и находится прямо подъ солнечными лучами. А. В. Комаровъ привелъ эти примѣры, съ цѣлью указать на односторонность взгляда, будто бы лингвистика можетъ рѣшить всѣ вопросы о происхожденіи дагестанскихъ народовъ. Ея одной совершенно не достаточно, хотя нельзя не сознаться, что она въ настоящее время почти единственное средство, которое можетъ освѣтить этотъ предметъ; но не слѣдуетъ, какъ замѣтилъ и самъ Л. П. Загурскій, основывать на ней одной всю свою надежду для разъясненія этихъ темныхъ вопросовъ.

Л. П. Загурскій заявилъ, что онъ не утверждалъ, чтобы въ лингвистикѣ заключалось все спасеніе. Она, дѣйствительно, необходима, но чѣмъ разностороннѣе изслѣдованіе, тѣмъ лучше. Затѣмъ онъ указалъ на одинъ еще болѣе поразительный примѣръ,

что по языку нельзя узнать происхожденія народа. Восточная часть Закавказья, въ Бакинской губерніи, сплошь населена народомъ, который съ перваго взгляда надо причислить къ кавказской расѣ. Между тѣмъ, онъ говоритъ по татарски. Такихъ примѣровъ можно представить много....

По поводу указанія на кубачинцевъ, Л. П. Загурскій замѣтилъ, что занимался этимъ предметомъ и языкъ ихъ, дѣйствительно, не только нарѣчіе, а просто говоръ даргинскаго языка. Что же касается преданій, то это весьма цѣнный источникъ, но съ нимъ надо обходиться очень осторожно. Во многихъ случаяхъ, это источникъ весьма мутный. Покойный Усларъ рассказываетъ слѣдующій примѣръ. Вступилъ онъ въ бесѣду съ однимъ осетиномъ и спросилъ его, нѣтъ ли у нихъ преданія о происхожденіи Осетинъ. „Есть, сказалъ осетинъ, мы приходимъ отъ нѣмцевъ“.—Кто вамъ сказалъ?— „Вотъ пріѣзжалъ ученый нѣмецъ“. Это покойный Гакстгаузенъ такую чепуху сочинилъ и она пошла ходить по Осетіи. Такъ и на счетъ кубачинцевъ. Референту самому кубачинцы рассказывали преданіе о своемъ происхожденіи. „Мы, говорятъ, французы“.— Какъ же вы попали на Кавказъ?— „Тамъ, гдѣ живутъ французы, было два аула, которые сильно враждовали между собою; наши предки напали на другой аулъ и перерѣзали жителей; тогда родичи перерѣзанныхъ собрались вмѣстѣ и напали на насъ: мы ушли отъ нихъ и пришли въ Дагестанъ“.—А ты по французски говорить умѣешь? спросилъ референтъ этого кубачинца. Если вы французы, поговоримъ съ тобою по французски.— „Нѣтъ, нашъ языкъ очень древній, даже у французовъ нѣтъ такого древняго языка“. На счетъ кубачинцевъ Л. П. Загурскій сомнѣвается, чтобы когда-нибудь ихъ предки говорили другимъ языкомъ и вотъ на какомъ основаніи. Въ горахъ Дагестана есть очень мелкіе и слабые инородцы, которые, однако, всѣ сохранили свой языкъ, хотя у всѣхъ у нихъ общеупотребительный *аварскій* языкъ. Кубачинцы занимаютъ между ними высокое положеніе, ведутъ особый образъ жизни, они отличные ремесленники и потому они, конечно, могли сохранить свой языкъ. Въ заключеніе референтъ считаетъ долгомъ поблагодарить уважаемаго А. В. Комарова за то, что онъ разъяснилъ вопросъ; дѣйствительно, могло показаться, что референтъ придаетъ слишкомъ исключительное значеніе лингвистикѣ.

6. В. Ө. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе „Объ Осетинскомъ языкѣ и его мѣстѣ въ группѣ иранскихъ языковъ“¹⁾. Обозначивъ границы распространенія осетинскаго языка и различивъ въ немъ два главныхъ нарѣчія—дигорское и иронское,—референтъ остановился на нѣкоторыхъ звуковыхъ явленіяхъ, отличающихъ послѣднія одно отъ другаго и выразилъ мнѣніе, что нарѣчіе дигорское отличается отъ иронскаго большей архаичностью. Затѣмъ, для уясненія звуковой исторіи осетинскаго языка, референтъ остановился на вопросѣ объ отношеніи его звуковъ къ звукамъ иранскаго праязыка, т. е. языка родоначальника всѣхъ иранскихъ языковъ какъ древнихъ (языка Авесты и древнеперсидскаго), такъ и современныхъ: новоперсидскаго, курдскаго, афганскаго, балучскаго и памирскихъ иранскихъ діалектовъ. Опредѣливъ вокализмъ и консонантизмъ иранскаго праязыка, В. Ө. Миллеръ прослѣдилъ соответствіе отдѣльныхъ звуковъ осетинскаго языка звукамъ праиранскимъ и такимъ образомъ уяснилъ, какіе осетинскіе звуки представляютъ наслѣдіе или дальнѣйшее видоизмѣненіе праиранскихъ.

¹⁾ Въ виду того, что изслѣдованіе г. Миллера объ осетинскомъ языкѣ вошло въ составъ II части его осетинскихъ этюдовъ (Москва, 1882), оно помѣщается здѣсь въ краткомъ изложеніи.

Далѣе, — какъ вторичное наслоеніе, — были разсмотрѣны тѣ звуки (гласные и согласные), которые явились въ послѣдствіи въ осетинскомъ языкѣ и которыхъ не было въ праиранскомъ. Къ такимъ звукамъ въ средѣ гласныхъ принадлежатъ, на примѣръ, гласн. *r* (произносится почти какъ *ы*) въ *иронскомъ* діалектѣ, и рядъ согласныхъ звуковъ особаго произношенія (*tepues* съ закрытіемъ гортани), которые референтъ считаетъ спеціально кавказскими, такъ какъ они являются и въ другихъ кавказскихъ языкахъ (грузинскомъ, кабардинскомъ). Таковы особаго вида звуки: *к, т, п, и, ч*, которые проникли въ осетинскій языкъ вмѣстѣ съ заимствованными словами, а затѣмъ появились даже въ нѣкоторыхъ, хотя немногихъ, чисто осетинскихъ словахъ. Третьимъ крупнымъ явленіемъ въ исторіи звуковъ осетинскаго языка можетъ быть названо распаденіе его на діалекты, вслѣдствіе появленія фонетическихъ различій въ области занятой нѣкогда однимъ и тѣмъ же языкомъ, который можетъ быть названъ „праосетинскимъ“. Переходя затѣмъ отъ фонетики къ морфологіи, В. Э. Миллеръ остановился на осетинскомъ *скломеніи* и *спряженіи*. Относительно перваго онъ указалъ на то, какимъ образомъ осетинскій языкъ возмѣстилъ древнія утраченныя иранскія падежныя окончанія и развилъ именную флексію посредствомъ *постпозицій*. Относительно же глагола было указано на то, что въ осетинскомъ, съ одной стороны, сохранились въ извѣстной степени древнія праиранскія наклоненія, съ другой — появились нѣкоторыя новообразованія въ формахъ времени, вслѣдствіе чего осетинское спряженіе представляется довольно богатымъ.

Переходя затѣмъ къ вопросу о мѣстѣ осетинскаго языка въ группѣ иранскихъ языковъ, референтъ указалъ на то, что древняя территоріальная связь между діалектами, на которые распадался праиранскій языкъ, была нарушена историческими причинами; нѣкоторые изъ иранскихъ діалектовъ вымерли, другіе, — вмѣстѣ съ народами на нихъ говорившими, были отторгнуты отъ прародины. Поэтому относительно осетинскаго языка слѣдуетъ ограничиться лишь тѣмъ положеніемъ, что онъ представляетъ собою послѣдній остатокъ одного изъ *сѣверныхъ* діалектовъ иранскаго языка. Предки нынѣшнихъ осетинъ, по мнѣнію В. Э. Миллера, отторгнувшись отъ непосредственнаго сосѣдства съ другими иранскими народами, перешли изъ Азіи въ Европу въ доисторическія времена и нѣкогда подъ различными названіями (сарматовъ, аорсовъ, сираковъ), занимали сѣверный Кавказъ, нижнее теченіе Дона и часть Сѣвернаго побережья Чернаго моря. Только незначительная часть этихъ европейскихъ иранцевъ сохранилась подъ названіемъ осетинъ въ горахъ Кавказа, но на широкое распространеніе иранскаго элемента въ древнія времена во всѣхъ названныхъ мѣстахъ есть цѣлый рядъ историческихъ указаній, которыя референтъ предполагаетъ разсмотрѣть въ III части „Осетинскихъ Этюдовъ“.

А. И. Стояновъ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе по поводу представленнаго имъ рукописнаго сборника сванетскихъ пѣсней: „я являюсь передъ вами, мм. гг., не въ качествѣ ученаго филолога, а въ качествѣ скромнаго собирателя, о чемъ заявляю съ самаго начала. Не желая утруждать вашего вниманія, я постараюсь быть краткимъ. Тѣмъ не менѣе, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о языкѣ народа, мало кому извѣстнаго. Еще въ 70 году я сталъ учиться этому языку у своихъ бывшихъ учениковъ въ Кутаисѣ. Извѣстная сванетская азбука, изданная „Обществомъ возстановленія христіанства на Кавказѣ“, меня не удовлетворяла, потому что она очень далека отъ живой народной рѣчи. Въ 72 году я отправился въ Сванетію и тамъ сталъ на мѣстѣ

изучать памятники народной словесности, сталъ записывать слова, фразы, пѣсни, сказки. Существенную помощь оказалъ мнѣ бывший мой ученикъ, кн. Дадешкельяни, который былъ моимъ первымъ учителемъ. Въ своей книжкѣ ¹⁾ я напечаталъ двѣ пѣсни и одну легенду, но тамъ онѣ были напечатаны безъ всякой транскрипціи, однимъ русскимъ шрифтомъ и потому для филолога въ фонетическомъ отношеніи совершенно непригодны. Въ настоящее время я представляю вниманію ученыхъ филологовъ только нѣсколько пѣсенъ. Къ сожалѣнію, болѣзнь помѣшала мнѣ приготовить весь матеріалъ, который у меня есть. Я думаю съ однимъ сванетомъ, учителемъ одной школы, отправиться, когда будетъ время и возможность, спеціально для того, чтобы записать сванетскіе тексты. Представляемые мною пѣсни слѣдующія. Во 1-хъ, пѣсня *Наижуръ*. Эта пѣсня поетъ о борьбѣ двухъ сванетскихъ родовъ — Ричіани и Дадешкельяни; 2-я пѣсня *Метки*, есть не что иное, какъ рассказъ о хитрости женщины; 3-я пѣсня *Бимурзела*—кровавая месть. 4-я пѣсня *Лили*—это значитъ любить. Пѣсня эта поетъ о подвигахъ двухъ Дадешкельяни и любви ихъ; 5-я пѣсня, подъ названіемъ *Несчастный ушкульскій священникъ*—рассказываетъ о борьбѣ ушкульскихъ сванетовъ съ осетинами; 6-я *Барболъ* — жертвоприношеніе св. Варварѣ; 7-я о царицѣ Тамарѣ; 8-я поетъ о борьбѣ охотниковъ съ горной природой. Къ этимъ пѣснямъ мною составленъ словарь. Несмотря на то, что здѣсь всего 8 пѣсенъ, словарь имѣетъ 800—900 словъ. Я перевода не приложилъ на томъ основаніи, что словарь составленъ подробный и каждый читающій можетъ самъ перевести пѣсни, не будучи подъ давленіемъ перевода, который часто можетъ быть и неправиленъ. Скажу еще нѣсколько словъ въ заключеніе. Для европейца, для русскаго, транскрипція сванетскихъ звуковъ вещь чрезвычайно трудная: напр., точное различеніе звуковъ к, которыхъ 3 въ сванетскомъ языкѣ, или гласныхъ а и е, которыя такъ тонко различаются въ нѣсколькихъ степеняхъ, что нужно одно слово повторять въ нѣсколько приемовъ, иначе вы рискуете ошибиться. Поэтому, я думаю, что если бы всѣ ученые филологи профессора русскихъ университетовъ отправились въ Сванетію, каждый отдѣльно и каждый изъ нихъ записалъ бы одну и ту же сванетскую пѣсню, то, вернувшись назадъ, они нашли бы существенную разницу между однимъ и другимъ текстомъ. Въ виду этого, было бы желательно, чтобы то отдѣленіе, въ которомъ я имѣю честь читать свой рефератъ, составило намъ, собирателямъ, программу, какимъ образомъ нужно записывать кавказскіе тексты, преимущественно такихъ малоизвѣстныхъ языковъ, какъ сванетскій. Мы на многое не претендуемъ. Мы не можемъ дѣлать обобщеній, не можемъ создавать грамматикъ, — это не наше дѣло, это можетъ сдѣлать только филологъ-спеціалистъ, да еще по сравнительной филологіи. Но мы можемъ записывать тексты и мы можемъ содѣйствовать составленію ариадниной нити въ тѣхъ непроходимыхъ дебряхъ, которыя называются кавказской лингвистикой. Слѣдуетъ только дать намъ строгую и точную инструкцію, и я полагаю, что собранные нами тексты, если они будутъ подвергнуты тщательному изслѣдованію ученыхъ знатоковъ, могутъ принести свою пользу и плоды. Вѣдь жизнь, мм. гг., не ждетъ! Вѣроятно всѣмъ извѣстно, что кавказскіе языки вымираютъ, что нѣкоторые любители и собиратели горько плачутъ о томъ, что на сѣверо-западѣ Кавказа безвременно погибло. Какъ бы и съ нами на юго-западѣ не было того же. Пока мы будемъ ждать ученыхъ филологовъ, нѣкоторыхъ языковъ и не останется!

¹⁾ Путешествіе по Сванетіи. Тбились. 1876 г.

Это очень возможно. Поэтому, да позволено будетъ намъ, простымъ смертнымъ, продолжать свои работы, но только неизмѣнно по намѣченной программѣ. Оканчивая свою замѣтку, я думаю, что представленный мною матеріалъ можетъ составить предметъ изученія для филологовъ и, если окажется, что онъ записанъ, какъ слѣдуетъ, то я буду продолжать записываніе сванетскихъ текстовъ. Во всякомъ случаѣ, думаю (это мое убѣжденіе или предчувствіе, а не убѣжденіе, такъ какъ убѣжденіе должно быть основано на наукѣ), что этотъ лингвистическій матеріалъ, при изученіи его специалистомъ по сравнительной филологіи, долженъ пролить яркій свѣтъ на темное прошедшее юго-западной части нашего Кавказскаго края.

Л. П. Загурскій по поводу сообщенія *А. И. Стоянова* замѣтилъ, что онъ не менѣе референта придаетъ особенное значеніе правильному записыванію текстовъ и потому считаетъ не лишнимъ напомнить, какъ записываніе дѣлается вообще и какъ это дѣлалось другими изслѣдователями. Самая трудная вещь это фонетика даннаго языка, фонетика, такъ чуждая европейскому уху. Въ этомъ отношеніи лучше всего, еслибы самъ чужеземецъ могъ записывать текстъ; онъ одинъ только и можетъ различать чуждые европейцамъ звуки; онъ одинъ только и можетъ быть компетентнымъ судьей при передачѣ звуковъ. Есть такія націи, которыя на столько образованы, что могутъ доставлять контингентъ такихъ людей, напр., грузины, армяне. Но есть и такія націи, гдѣ образованіе стоитъ на весьма низкой ступени. Возьмите, напр., горцевъ Дагестана. Между ними даже рѣдко можно встрѣтить знающаго русскій языкъ. Школъ у нихъ нѣтъ ни одной. Изучаютъ языкъ русскій или тѣ, которые состоятъ въ конвоѣ Его Величества, или сосланные въ ссылку. Но отыскиваются иногда личности, случайно получившія образованіе. Вотъ эти-то личности должны записывать тексты. Покойный Усларъ такъ и дѣлалъ. Его лингвистическіе труды въ высшей степени обстоятельны. Напримѣръ, его труды по аварскому языку занимаютъ около 700 страницъ in quarto и нѣтъ ни одной ошибки транскрипціи словъ. Надъ каждымъ словомъ правильно поставлено удареніе. Но онъ ничего своей рукой не записывалъ. Всегда при немъ былъ развитой туземецъ, который на столько уже былъ подготовленъ, что могъ записывать. При помощи туземца составлялась азбука, потомъ записывались отдѣльные слова и тексты. Въ посмертныхъ бумагахъ Услара до сихъ поръ хранятся матеріалы, записанные туземцами. Это единственный разумный путь для записыванія, потому что записывать самому нѣтъ возможности. Такой текстъ при самомъ тщательномъ стараніи всегда будетъ представлять ошибки и не будетъ имѣть научнаго достоинства, потому что, при малѣйшей ошибкѣ въ звукахъ иногда выходитъ совершенно другое. Есть такіе кавказскіе языки, что поставишь одно *к* вмѣсто другаго и получается совершенно другое слово. Различить нѣкоторые звуки можетъ только туземецъ.

А. И. Стояновъ, по поводу замѣчанія *г. Загурскаго*, заявилъ, что онъ и самъ слѣдовалъ способу собиранія текстовъ, рекомендуемому *Л. П. Загурскимъ*: сванетскія пѣсни, представленныя имъ, были записаны не имъ самимъ, а сванетомъ, ученикомъ 4-го класса гимназіи. Тѣмъ не менѣе, онъ полагаетъ, что нѣкоторыя общія указанія специалистовъ относительно транскрипціи кавказскихъ текстовъ были бы полезны для собирателей-неспециалистовъ и могли бы предостеречь ихъ отъ ошибокъ.

Почетный предсѣдатель засѣданія, *баронъ Ѡ. Я. Бюлеръ*, покидая Тифлисъ до окончанія Съѣзда, выражаетъ о томъ свое сожалѣніе и проситъ принять его искрен-

ною благодарность за вниманіе, оказанное московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ. Архивъ былъ приглашенъ къ участию въ Съездѣ и этимъ участіемъ всегда будетъ гордиться. Это останется однимъ изъ лучшихъ его воспоминаній.

Гр. А. С. Уваровъ. Въ отвѣтъ на заявленіе Барона Бюлера благодарить его за всѣ доставленные изъ Архива матеріалы, которые, при ближайшемъ ознакомленіи съ ними, не могутъ не пролить новаго свѣта на исторію и археологію Кавказа.

13, 14 и 15 сентября.

13-го сентября, въ 6 часовъ утра, выѣхала изъ Тифлиса съ экстреннымъ поѣздомъ археологическая экспедиція, состоящая изъ гостей и многихъ членовъ Археологическаго Съезда. Въ Мцхетѣ членами археологической экскурсіи осмотрѣны были соборъ и женскій монастырь и разрыты три гробницы до-христіанскаго времени. Затѣмъ былъ осмотрѣнъ пещерный храмъ близъ Уплисц-цихе, не доѣзжая Гори. Вечеромъ экскурсія прибыла въ Кутаисъ, гдѣ, на платформѣ иллюминированнаго вокзала, торжественно была встрѣчена мѣстными представителями власти и массой кутаисской публики.

На другой день, 14 сентября, состоялась поѣздка въ Гелатъ; причемъ всего отправилось въ экскурсію до 300 человекъ. Въ Гелатѣ осмотрѣнъ былъ древній монастырь и всѣ заключающіяся въ немъ богатства. На обратномъ пути, представителями дворянства и города данъ былъ гостямъ торжественный обѣдъ, оживленный множествомъ тостовъ, пожеланій и рѣчами Костомарова, Хвольсона, Иловайскаго, Помяловскаго и др. Вечеръ окончился танцами.

15-го сентября, въ древнемъ Кутаисѣ, осмотрѣны развалины храма Багратовъ, послѣ чего путешественники вернулись обратно въ Тифлисъ, куда прибыли уже ночью.

16 сентября, утромъ.

Общее собраніе Съезда.

Предсѣдатель *А. Вис. Комаровъ.*

Секретари: *И. Д. Мансветовъ* и *Е. Г. Вейденбаумъ.*

Выслушаны привѣтствія полученныя изъ Англіи, Вѣны, Берлина и отъ Псковскаго Археологическаго Общества.

Проф. Дерптскаго университета *Брикнеръ* помянулъ слѣдующими словами ученыхъ дѣятелей нынѣ почившихъ, но потрудившихся на прежнихъ археологическихъ съездахъ:

Мм. гг. Наши археологическіе съезды служатъ средствомъ сближенія между товарищами по наукѣ. Члены съездовъ, историки, археологи, лингвисты и пр. составляютъ, благодаря этому учрежденію, ученую корпорацію, которая въ этомъ видѣ не существовала бы безъ съездовъ. Периодическая встрѣча съ братьями въ той или другой мѣстности сдѣлалась существенною потребностью для ученыхъ. Личное свиданіе, непосредственный обмѣнъ мыслей между специалистами, не только въ собраніяхъ и засѣданіяхъ, но и вообще во время съездовъ можетъ считаться однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ поощренія нашей научной дѣятельности.

Чѣмъ сильнѣе мы всѣ ощущаемъ удовлетвореніе этой потребности личнаго свиданія съ знакомыми, съ лицами, высоко цѣнимыми всѣмъ ученымъ міромъ, тѣмъ болѣе чувствительными оказываются пробѣлы въ рядахъ членовъ нашихъ собраній. Въ числѣ членовъ настоящаго съѣзда недостаетъ нѣкоторыхъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей прежнихъ такихъ собраній. Съ глубокимъ чувствомъ искренней благодарности, душевной привязанности и уваженія мы вспоминаемъ о дорогихъ товарищахъ, въ послѣднее время выбывшихъ изъ строя, до послѣдней минуты своей жизни трудившихся на пользу науки и посвящавшихъ всѣ свои силы и средства задачамъ, занимающимъ археологическіе съѣзды.

Мы, повтому, не можемъ не посвятить нѣсколько словъ памяти тѣхъ тружениковъ, которыхъ, если бы смерть не прекратила ихъ дѣятельности, мы, вѣроятно, привѣтствовали бы и въ настоящемъ собраніи, которые были бы украшеніемъ Тифлискаго Археологическаго Съѣзда и которымъ мы были бы обязаны важными научными сообщеніями. Мы говоримъ о *Викторѣ Ивановичѣ Григоровичѣ*, объ *Измаилѣ Ивановичѣ Срезневскомъ*, о *Филиппѣ Карловичѣ Брунѣ*.

В. И. Григоровичъ скончался уже въ 1879 г. О его значеніи въ исторіи науки Славистики было заявлено въ разныхъ ученыхъ изданіяхъ. Большое число учениковъ и слушателей умѣло и умѣетъ цѣнить значеніе Виктора Ивановича какъ профессора. Его дѣятельность въ Казанскомъ, а затѣмъ въ Новороссійскомъ университетѣ составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ страницъ въ лѣтописи этихъ ученыхъ учреждений. Многіе помнятъ и будутъ помнить, съ какою ревностью, съ какимъ самоотверженіемъ Викторъ Ивановичъ посвящалъ себя всецѣло научнымъ интересамъ молодаго поколѣнія, какъ онъ, не ограничиваясь преподаваніемъ въ стѣнахъ университета, былъ постоянно наставникомъ, другомъ учащихся, руководителемъ всѣхъ желавшихъ посвятить себя болѣе глубокому и основательному изученію предметовъ языковѣданія, археологіи и исторіи. Особенно охотно и успѣшно онъ участвовалъ и въ собраніяхъ съѣздовъ. Еще въ Кіевѣ онъ въ 1874 году принималъ самое дѣятельное участіе въ ученыхъ преніяхъ и своею многосторонностью, богатствомъ познаній, владѣніемъ разныхъ языковъ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ членовъ съѣзда. Такъ, напр., въ одной изъ такъ-называемыхъ „séances libres“ онъ на рефератъ г. Дудика, читанный на нѣмецкомъ языкѣ, отвѣчалъ довольно обширнымъ сообщеніемъ на нѣмецкомъ языкѣ, послѣ читаннаго на сербскомъ языкѣ реферата г. Новаковича говорилъ о томъ же предметѣ на сербскомъ языкѣ и на польскій рефератъ г. Дзіялинскаго возразилъ по польски.

8—9 февраля 1880 г. не стало нашего знаменитаго слависта, *Измаила Ивановича Срезневскаго*. Не разъ съ тѣхъ поръ было высказано въ печати, какую потерю понесла наука славянскою филологіи и археологіи, какую потерю понесли и Академія наукъ и С.-Петербургскій университетъ въ кончинѣ этого ученаго, оставившаго огромное количество ученыхъ трудовъ и подготовившаго длинный рядъ учениковъ, посвящающихъ свои труды и способности наукѣ и преподаванію въ области славистики, русской литературы и древностей. Къ Археологическимъ Съѣздамъ Измаилъ Ивановичъ относился всегда особенно сочувственно. Члены прежнихъ съѣздовъ помнятъ, какъ онъ послѣ открытія съѣздовъ умѣлъ указывать на значеніе той мѣстности, въ которой происходило собраніе, на историческое и археологическое значеніе, напр., Кіева и Казани, на ту долю, которая въ разработкѣ этихъ наукъ принадлежала съ дав-

нихъ поръ мѣстнымъ ученымъ и пр. Никто не станетъ отрицать значенія этихъ общихъ характеристикъ, служившихъ, такъ сказать, введеніемъ въ спеціальныя занятія съѣздовъ. Кроме того, Измаилъ Ивановичъ на каждомъ съѣздѣ участвовалъ весьма дѣятельно въ преніяхъ и сообщалъ рефераты. Онъ бывалъ обыкновенно на предварительныхъ съѣздахъ и участвовалъ въ составленіи программы занятій.

Ф. К. Брунъ скончался 3 іюля 1881 года. Труды его въ области исторической географіи не перестанутъ служить важнымъ пособіемъ при изученіи нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся въ этой спеціальности. Въ ней онъ пользовался извѣстностью и въ Россіи и внѣ предѣловъ ея. Въ особенности въ Германіи и въ Италіи высоко цѣнятся его ученые труды. Успѣхъ его неутомимой дѣятельности обусловливался безграничною любовью въ наукѣ, обширнымъ образованіемъ, мѣткостью сужденій, смѣлостью соображеній и необычайною способностью, путемъ остроумныхъ и тонкихъ комбинацій, приводить въ ясность самые запутанные вопросы науки.— Съ самаго начала развитія и осуществленія мысли объ Археологическихъ Съѣздахъ Филиппъ Карловичъ своими работами, своимъ участіемъ въ засѣданіяхъ поддерживалъ это учрежденіе. Уже въ Москвѣ въ 1868 году онъ былъ членомъ съѣзда въ качествѣ депутата Новороссійскаго университета. Съ тѣхъ поръ онъ особенно дѣятельно участвовалъ въ занятіяхъ съѣздовъ въ Кіевѣ въ 1874 г. и въ Казани въ 1877 году. Онъ предполагалъ побывать и въ Тифлисѣ и переписывался съ предсѣдателемъ предварительнаго комитета о нѣкоторыхъ предметахъ, подлежащихъ обсужденію въ настоящихъ засѣданіяхъ. Судьба прекратила его ученые занятія и уничтожила его надежду быть среди насъ въ настоящую минуту.— Мы всѣ помнимъ оживленную бесѣду этого достойнаго и фанатически любящаго науку труженика. Его спеціальность — историческая географія въ связи съ археологіею — особенно соответствовала программамъ съѣздовъ и потому мы въ Брунѣ, при его начитанности, при обширности его свѣдѣній и при его, такъ сказать, до гроба сохранившемся, юношески тепломъ отношеніи къ дѣлу, лишились одного изъ самыхъ замѣчательныхъ членовъ нашего собранія.

Милостивые Государи! Связь, тѣсно соединяющая между собою представителей науки вообще, солидарность, развившаяся между членами нашихъ Археологическихъ Съѣздовъ, глубокое уваженіе, которое мы съ давнихъ поръ привыкли питать къ личностямъ и дѣятельности нашихъ покойныхъ товарищей заставили насъ вспомнить о тѣхъ труженикахъ, которые могли бы быть членами настоящаго собранія и отсутствіе которыхъ на всѣхъ насъ производитъ тяжелое впечатлѣніе. Я полагаю, что дѣйствую въ духѣ всѣхъ присутствующихъ, упоминая о покинувшихъ насъ дорогихъ намъ дѣятеляхъ.

Въ дополненіе къ сказанному проф. Брикнеромъ, *А. Д. Ерицовъ* припомнилъ дѣятельность покойнаго С. А. Талызина, бывшаго организатора и предсѣдателя „Общества Любителей кавказской археологіи“, *Л. П. Заурскій* — дѣятельность барона Услара, посвятившаго почти четверть вѣка на изученіе археологіи и лингвистики Кавказа и дѣятельность Ханькова, вызвавшаго къ жизни „Кавказское Географическое Общество“; а баронъ Тизенгаузенъ напомнилъ о заслугахъ Бартоломея, много потрудившагося въ области восточной нумизматики.

Проф. И. В. Цѣтмаевъ прочелъ Исторію археологическаго института въ Римѣ.

Баронъ Тизенгаузенъ и *В. О. Миллеръ* передаютъ предсѣдателю Программы по нѣко-

торимъ отраслямъ кавказской археологіи. Рѣшено составить особую комиссію для разсмотрѣнія ихъ и составленія новыхъ программъ по другимъ отраслямъ археологіи.

Гр. Уваровъ обратилъ вниманіе на необходимость скорѣйшаго изданія трудовъ съѣзда и на принятіе къ тому необходимыхъ мѣропріятій. Обыкновенно, когда съѣзды оканчиваютъ свои занятія, избирается редакціонная комиссія, которой поручается дѣло изданія трудовъ, но редакціонныя комиссіи эти, къ несчастію, не всегда добросовѣстно относятся къ дѣлу, не смотря на то, что для успѣха археологической науки, необходимо, чтобы изданіе трудовъ съѣзда послѣдовало немедленно послѣ заключенія съѣзда, потому что всякій промежутокъ времени отзывается весьма тяжело и вредно на наукѣ. Петербургское Археологическое общество, на примѣръ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, по винѣ лицъ, которыхъ уже болѣе нѣтъ на свѣтѣ, издало труды 2-го съѣзда 11 л. спустя. Такое же замедленіе видно и въ изданіи трудовъ 4-го Археологическаго Съѣзда въ Казани. Въ послѣднемъ засѣданіи Съѣзда была избрана комиссія, подъ предсѣдательствомъ одного изъ мѣстныхъ профессоровъ, всѣ средства были даны для изданія трудовъ, но по неизвѣстнымъ причинамъ до сихъ поръ изданіе трудовъ не двигается. Если и въ Казани дѣло отложится на одиннадцать лѣтъ то это можетъ повліять самымъ пагубнымъ образомъ на развитіе Съѣздовъ. Весьма желательно, чтобы Тифлискій съѣздъ на основаніи нынѣ сдѣланнаго заявленія избралъ комиссію, которая могла бы выработать мѣры для болѣе успѣшнаго изданія трудовъ Археологическаго Съѣзда. Графъ проситъ избрать комиссію изъ 3—4 членовъ, и, поручивъ имъ выработать этотъ вопросъ, сдѣлать о немъ докладъ слѣдующему общему собранію.

Д. Н. Самоковасовъ обращаетъ вниманіе присутствующихъ на работы секретаря Статистическаго Комитета, Е. Д. Фелицына, одного изъ тѣхъ тружениковъ, который вдали отъ главнѣйшихъ центровъ науки, единоличнымъ трудомъ, при ничтожныхъ средствахъ, накопляетъ необходимый матеріалъ для созданія священнаго зданія науки. Когда комитетъ по устройству Московской Антропологической Выставки обратился къ мѣстнымъ силамъ съ просьбой оказать помощь къ достиженію намѣченной имъ цѣли, то однимъ изъ первыхъ отозвался г. Фелицынъ и представилъ матеріалы, за которые ученый комитетъ выставки нашелъ необходимымъ присудить ему второстепенную награду, именно золотой жетонъ. Работы, произведенныя имъ, подъ направленіемъ и указаніямъ Гр. А. С. Уварова, очень цѣнны и еще разъ доказываютъ, что можно сдѣлать съ весьма скудными средствами, но съ любовью къ дѣлу и честнымъ отношеніемъ къ разъ принятымъ на себя обязаностямъ. Фелицынъ собралъ во 1-хъ, очень полныя свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія кургановъ, городковъ и вообще древнихъ земляныхъ насыпей; многія изъ мѣстъ нахожденія этихъ памятниковъ посѣщены были имъ лично и съ нихъ сняты были рисунки; затѣмъ собраны свѣдѣнія о мѣстѣ нахожденія долменовъ; сняты интересныя формы съ памятниковъ, доселѣ неизвѣстныхъ и фотографическіе съ нихъ снимки; сняты также фотографическіе снимки съ мѣстностей, гдѣ всего больше расположены этого рода памятники; собраны свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, статуяхъ и барельефахъ; собраны свѣдѣнія о раскопкахъ и находкахъ; между прочимъ одна драгоценная находка осталась въ предѣлахъ Россіи только благодаря Евгенію Дмитріевичу. Находка эта состоящая изъ золотыхъ вещей, приобретенныхъ нынѣ Гр. Уваровымъ для Моск. Истор. Музея, случайно сдѣлана казаками и была на пути за границу. Затѣмъ снята надпись съ древнегреческаго креста и скаль и наконецъ составлена карта памятниковъ древностей Кубанской

области, съ обозначеніемъ памятниковъ знаками, утвержденными Стокгольмскимъ археологическимъ съюзомъ. Сюда занесены: мѣстности, гдѣ находятся курганы, древнія укрѣпленія, городища, земляные и каменные валы, древнехристіанскія церкви и часовни, магометанскія часовни, гробницы, каменные статуи, дольмены; на могилахъ греческіе кресты, развалины древнихъ колоннъ, мѣста находенія орудій каменнаго вѣка и орудій бронзоваго вѣка. Это почти первая работа въ Россіи, которая исполнена въ такой полнотѣ и она можетъ вполнѣ служить указаніемъ и руководствомъ для будущихъ изслѣдованій древнихъ памятниковъ. Въ виду важности работа и трудовъ, Фелицина, проф. Самоквасовъ предлагаетъ отъ лица всѣхъ, которымъ дороги интересы науки, засвидѣтельствовать ему признательность.

А. И. Кельсиевъ. Пополняя сказанное Самоквасовымъ, напомнилъ присутствующимъ, что уже для Моск. Антропологической выставки въ слѣдствіи разосланной программы въ статистическіе комитеты всѣхъ губерній было получено отъ г. Фелицына изъ Кубанской области столько, что предметы, присланные имъ, составляли ровно $\frac{1}{3}$ часть всей этнографической коллекціи выставки. Богатство присланнаго имъ матеріала уже тогда поразило удивленіемъ организаціонный Комитетъ выставки, который ждалъ оцѣнить его труды выдало ему въ награду, предсѣдательскій жетонъ.

Смирновъ, по порученію предсѣдателя Съезда А. В. Комарова, читаетъ *Описаніе Тифлиса по Гюльденштету.* Академикъ Гюльденштетъ путешествовалъ по Кавказу въ 1770, 71—73 гг. и результаты своего путешествія представилъ на нѣмецкомъ языкѣ въ академію наукъ. Академія издала это сочиненіе на русскомъ языкѣ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ въ 1809 г. Въ этомъ русскомъ изданіи путешествія академика Гюльденштета есть описаніе Тифлиса, которое представляетъ нѣкоторый интересъ для изслѣдователей старины, при чемъ слѣдуетъ однакожь замѣтить, что тотъ Тифлисъ, который описанъ академикомъ Гюльденштетомъ, можно въ настоящее время найти только до извѣстной степени, вслѣдствіе того, что весь городъ былъ разрушенъ въ 1795 г. Ага-Магометъ-Ханомъ.

А. Д. Ерицовъ докладываетъ о другомъ сочиненіи, относящемся къ этой же эпохѣ—ко времени посѣщенія Тифлиса Гюльденштетомъ. Описаніе Гюльденштета представляетъ чрезвычайный интересъ для прошлаго Тифлиса, но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ всѣ недостатки произведенія челоуѣка, пріѣхавшаго въ Тифлисъ въ прошломъ столѣтіи. Не зная ни языка, ни мѣстности, ни исторіи края, Гюльденштетъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, въ этомъ отношеніи подвергся общей участи путешественниковъ прежнихъ временъ. Въ сочиненіи же Артемія Араратскаго, на которое обращаетъ вниманіе Ерицовъ, представлена жизнь и состояніе Тифлиса въ концѣ прошлаго столѣтія, черезъ нѣсколько дней послѣ нашествія Ага-Магометъ-Хана. Ага-Магометъ-Ханъ вступилъ въ Тифлисъ 11 сентября 1795 г. и предалъ городъ разоренію и пламени. Тифлисъ горѣлъ восемь дней. Ага-Магометъ-Ханъ имѣлъ пребываніе во дворцѣ на Курѣ, тамъ гдѣ находится теперь экзархскій домъ, который принадлежалъ послѣднимъ грузинскимъ царямъ. Остатки этого дворца видны еще и въ настоящее время со стороны Куры. Вступивъ въ Тифлисъ и разоривъ его окончательно, Ага-Магометъ-Ханъ черезъ 8 дней поспѣшилъ удалиться изъ города, такъ какъ оставаться въ немъ не было возможности, потому, во 1-хъ, что онъ горѣлъ, со всѣхъ сторонъ не осталось почти ни одного зданія цѣлымъ, а съ другой стороны, Тифлису угрожало другое, болѣе важное бѣдствіе чума, потому что среди улицъ Тифлиса лежали трупы

убитыхъ жителей и подвергались гнѣнію. Жить въ Тифлисѣ не было возможности. Жители Тифлиса бѣжали въ горы и въ городѣ не оставалось почти никого. Въ это-то время посѣтилъ Тифлисъ Артемій Араратскій, тогда молодой человекъ лѣтъ 20. Человекъ неграмотный, знающій почти одно только чтеніе на армянскомъ языкѣ, онъ былъ очевидцемъ ужаснаго положенія города и описалъ это подробно въ своемъ путешествіи по Закавказскому краю, которое носитъ оригинальное названіе: „Жизнь Артемія Араратскаго“. Эта книга издана въ 2-хъ частяхъ на русскомъ языкѣ, въ началѣ настоящаго столѣтія, въ Петербургѣ и составляетъ большую библиографическую рѣдкость, такъ что врядъ ли она извѣстна кому изъ гг. присутствующихъ. А. Араратскій бѣжалъ отъ этого ужаснаго положенія края въ Россію и впоследствии саморазвитіемъ добился чиновъ и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, оставивъ намъ чрезвычайно любопытныя записки о своей жизни. Описаніе Араратскимъ Тифлиса имѣетъ за собою то преимущество передъ описаніемъ Гюльденштета, что онъ зналъ мѣстный языкъ, нравы, зналъ городъ Тифлисъ довольно хорошо и такъ рельефно представилъ ужасное положеніе города, что всякій, кому пришлось читать описаніе Тифлиса, представлялъ себѣ живо картину нашествія варваровъ на Тифлисъ и ужасное состояніе города въ ту эпоху.

16 сентября, вечеромъ.

Отдѣленіе VIII. Историческая географія и этнографія.

Предсѣдатель *Я. К. Гротъ*.

Секретарь *Ю. П. Проценко*.

Засѣданіе открывается пріветственной рѣчью почетнаго предсѣдателя *Я. К. Грота*, пріѣхавшаго на Съездъ представителемъ Академіи Наукъ.

Д. Ф. Жаринцевъ докладываетъ рефератъ свой „*Археологическая топографія Таманскаго полуострова*“. См. приложение, стр. 123—127.

Баронъ Тиземаузенъ, пополняя и возражая референту, сказалъ, что дѣйствительно Дюбуа указывалъ на изверженіе вулкана Шумукая; но гораздо ближе его находятся и другія вулканическія горы. Нѣкоторые изъ этихъ вулкановъ дѣйствуютъ и до сихъ поръ. Г. Референтъ говоритъ, что здѣсь нѣтъ никакихъ вулканическихъ давленій, но стоитъ только обратить вниманіе вотъ на это пространство, которое постоянно засоряется. По словамъ старожилловъ, это прежде составляло одно сплошное озеро, а теперь здѣсь образовалась полоска земли, такъ что теперь здѣсь два озера. Точно также въ дождливое, сырое время, здѣсь образуются протоки. Слѣдовательно, тутъ происходило, если не вулканическое засореніе, то, по крайней мѣрѣ, обыкновенное засореніе береговъ. Затѣмъ, еще главное основаніе, которое принималось въ расчетъ тѣми, которые отстаивали старое русло, это то, что на всемъ этомъ пространствѣ, довольно широкомъ, мы не встрѣчаемъ ни одного кургана, тогда какъ все остальное пространство покрыто курганами. Такъ, что является вопросъ: отчего же это мѣсто не занято курганами? Ясно, что этому препятствовало прежнее теченіе рѣки. Другое основаніе, которое заставляетъ предполагать здѣсь существованіе этого русла, это положеніе Фанагоріи, о которомъ г. референтъ не упоминаетъ вовсе. Страбонъ, описывая этотъ заливъ, говоритъ, что „въѣзжая въ этотъ заливъ, мы видимъ Фанагорію

на лѣвомъ берегу его“. Если предположить этотъ рукавъ, то оказывается положеніе Фанагоріи на этомъ лѣвомъ берегу. Куда же теперь г. референтъ переноситъ Фанагорію — намъ неизвѣстно. Съ положеніемъ Киммеріона у него связаны всѣ доказательства, но самое положеніе Киммеріона не выяснено окончательно и потому всѣ остальные выводы оказываются довольно шатки. Слѣдуетъ обратить вниманіе на памятникъ Сатира. Дѣйствительно, прежде его предполагали здѣсь. Здѣсь находится довольно высокая батарея, какъ называютъ ее мѣстные жители, т. е. старое городище довольно древнее; вещи, которыя найдены въ немъ, относятся ко II или III вѣку послѣ Р. X. Здѣсь на выдающемся мысѣ возвышается громаднѣйшее городище, которое принималось за мѣсто памятника Сатира. Раскопки однако показали, что это ошибочно. Памятникъ Сатира, по описанію, находился чрезвычайно высоко и виднѣнъ былъ на далекомъ разстояніи въѣзжающимъ въ заливъ. И. Е. Забѣлинъ въ своемъ докладѣ, напечатанномъ въ трудахъ Кіевскаго съѣзда, доказалъ, что памятникъ Сатира помѣщался на Васюринской горѣ, но громадный курганъ, который находился на этой горѣ былъ разсѣдованъ и оказался царскимъ, по всѣмъ тѣмъ драгоцѣнностямъ, которыя были въ немъ открыты. (Сравни Труды Кіев. Съѣзда 11, 25).

Д. Ф. Жаринцевъ, замѣтилъ, что трудъ Забѣлина ему неизвѣстенъ, такъ какъ въ послѣднее время онъ отсталъ отъ этого вопроса, но если Забѣлинъ помѣщаетъ памятникъ Сатира на Васюринской горѣ, то всетаки въ общемъ это скорѣе склоняется въ пользу его предположенія, чѣмъ къ предположенію Дюбуа. Продолжая возраженіе, Жаринцевъ считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту высказаннаго имъ мнѣнія о постепенномъ пониженіи почвы. Доказательство это существуетъ, если только держаться теоріи Лайеля, если держаться взгляда, что и понынѣ въ мірѣ дѣйствуютъ тѣ же причины, которыя дѣйствовали отъ сотворенія міра, что никогда не было другихъ физическихъ силъ, кромѣ тѣхъ, которыя мы видимъ въ настоящее время. Если мы обратимъ вниманіе на берега Ахтанизовскаго лимана, этого водовмѣстилища, имѣющаго малое протяженіе, гдѣ мы не можемъ получить большихъ волнъ, могущихъ размывать берега, то мы съ изумленіемъ увидимъ, что эти берега отвѣсны, какъ будто ихъ подмываетъ море. Между тѣмъ, мѣсто это на столько мелко, что вода не можетъ произвести здѣсь подмытія и, по теоріи Лайеля, это явленіе объясняется пониженіемъ почвы, т. е. тогда можетъ существовать отвѣсъ, когда почва садится. Въ противномъ же случаѣ, при разрушеніи моремъ образуется отсыпь и эта отсыпь предохраняетъ отъ дальнѣйшаго размытія. Что почва здѣсь именно садилась, на эту мысль наводитъ оригинальное явленіе, которое долго оставалось внѣ вниманія прежнихъ изслѣдователей, именно, что въ южной дельтѣ Кубани, посреди громаднѣйшаго болота, видны клочки горъ, которыхъ вершина плоска, а бока отвѣсны и состоятъ изъ той же самой глины, изъ которой состоятъ почва этого материка. Эти островки мѣстные жители называютъ „степокъ“, т. е. уменьшительное отъ степи, такъ какъ они сохраняютъ характеръ степи. Эти острова могли образоваться только тѣмъ способомъ, что при постепенномъ пониженіи почвы боковой отвѣсъ сохранялся и мало по малу они обратились въ столбы, стоящіе посреди болота.

Проф. А. И. Никитскій читаетъ рефератъ „о Слѣдахъ востока въ Новгородской торговлѣ“. См. прил., стр. 262—263.

В. Б. Антоновичъ дѣлая замѣчанія по вопросу о Хопыльскѣ, говоритъ, что еслибы г. референтъ указалъ на свойство товара, или болѣе точные слѣды сношеній съ востокомъ,

тогда, конечно, представилась бы скорѣе возможность опредѣленія; но такъ какъ его гипотеза, кажется, держится только на созвучіи именъ, то можно высказать и другую гипотезу, подѣ условіемъ, если мнѣніе г. референта основано на фактѣ XV в. Дѣло въ томъ, что въ концѣ XV в. въ Новгородѣ былъ княземъ Михаилъ Улевковичъ; этотъ Михаилъ былъ сынъ Улевка Владиміровича, который былъ лишенъ своего стола королемъ Казиміромъ и который былъ княземъ Хопыльскимъ. Когда Хопыль былъ возвращенъ Кіеву, то старшій братъ самъ сидѣлъ въ Кіевѣ, а Михаила перевелъ въ княжество Хопыльское. Такимъ образомъ, если въ концѣ XV в. является въ Новгородѣ Хопыльскій рядъ, то можно сблизить его съ названіемъ князя Хопыльскаго. Если этотъ рядъ характеризуется товарами, которые въ немъ продавались, то опять возможно себѣ представить слѣдующее. Хопыль—страна, черезъ которую съ одной стороны шелъ издавна трактъ Мордовско-Галицкой торговли на Вильну и Литву, а съ другой стороны — страна издавна извѣстная своей кожевенной торговлей. Впрочемъ, можно привести еще одно небольшое основаніе въ одномъ терминѣ кожевеннаго производства. Въ югозападной Руси въ качествѣ технического термина при сапожномъ искусствѣ есть слово копыло. Нѣтъ ли въ названіи ряда указанія на ремесленное производство? Не настаивая на этомъ 2-мъ аргументѣ, какъ на случайномъ, В. Б. Антоновичъ заявилъ, что для него названіе князя Хопыльскаго важнѣе, но если только документъ приводимый референтомъ относится къ болѣе раннему періоду, то противъ его гипотезы ничего нельзя сказать.

А. И. Никитскій, замѣтилъ, что ему представляется несостоятельнымъ сближеніе Новгородскаго Хопыльскаго ряда съ Литовскимъ Хопыльскимъ княземъ. Дѣло въ томъ, что упоминаніе Хопыльскаго ряда и Хопыльскихъ гостей появляется не только въ Новгородѣ. Хопыльскіе гости, какъ очень хорошо извѣстно проф. Антоновичу, упоминаются въ началѣ XIV в. и въ Твери, и въ сношеніяхъ новгородцевъ съ московскими князьями. Такъ что всѣ указанія, которыя будутъ имѣть въ виду западную Россію, а не востокъ, не будутъ имѣть ни малѣйшаго для него основанія.

Д. И. Иловайскій въ рефератѣ своемъ „о Народности Гунновъ“ резюмировалъ послѣдній трудъ свой, напечатанный въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Народъ этотъ, который въ IV в. потрясъ всю Европу и далъ толчекъ великому переселенію народовъ, былъ, по мнѣнію референта, Славяне съ примѣсью другихъ племенъ. Разобравъ доказательство Тюркскаго ихъ происхожденія, основаннаго на описаніи Гунновъ у Амміана Марцелина и Юрнанда, референтъ не нашелъ у этихъ писателей ничего противорѣчащаго славянскому происхожденію Гунновъ, а въ свидѣтельствѣ современника Приска, бывшаго въ византійскомъ посольствѣ къ Аттілѣ, видитъ болѣе прямое подтвержденіе славянской теории происхожденія Гунновъ. Славянскою теоріей объясняется и происхожденіе славянскихъ государствъ на Дунаѣ, по распаденіи монархіи Аттіла.

Н. И. Костомаровъ говоритъ, что въ 1846 г., въ то время, когда его пригласили на кафедру въ университетъ Св. Владиміра и допустили читать вступительную лекцію, онъ читалъ о началѣ Русской исторіи и доказывалъ именно то, что теперь слышитъ отъ Д. И. Иловайскаго. Въ то время эта идея показалась слишкомъ фантастичной и профессора, его товарищи, и слушатели студенты не признали справедливости этой идеи. Теперь къ его величайшему восхищенію, черезъ 35 лѣтъ, онъ слышитъ то же самое отъ человѣка, котораго не можетъ глубоко не уважать. Къ сказанному Ило-

вайскимъ Костомаровъ добавляетъ сказаніе Іорнанда о томъ, что гунны были порожденіемъ волшебницъ, прогнанныхъ изъ земли готской, т. е. порабощенной готтами, въ пустыню между Дунаемъ и Волгою, которыя якобы прижили тамъ съ злыми духами этотъ дикій, чудовищный народъ, едва похожій, по выраженію Іорнанда, на людей. Въ этомъ сказаніи Костомаровъ видитъ легенду, имѣющую вѣрный историческій смыслъ и объясняетъ ее слѣдующимъ образомъ: изъ порабощенныхъ земель славянскихъ, нынѣшней Россіи, вышли въ пустыню всѣ недовольные порабощенными и тамъ, смѣшавшись, можетъ быть, съ другими племенами, образовали воинственное общество, которое потомъ, когда окрѣпло, грянуло на державу готтовъ и съ своей стороны разрушило ее. Случай, подобный этому, можно указать въ нашей же русской исторіи, именно, казачество. Недовольные польскимъ владычествомъ и постояннымъ стремленіемъ олатынивать ихъ, казаки бѣжали въ Запорожскую Сѣчь, образовали воинственное общество, и подъ начальствомъ энергической личности, подобной Б. Хмѣльницкому, грянуло и, если не разрушило польской Рѣчи Посполитой, то по крайней мѣрѣ, потрясло до основанія и заложило потомъ общество, которое существовало цѣлое столѣтіе. Сказка Іорнанда указываетъ, по мнѣнію Костомарова, на подобное же событіе. Что гунны были дѣйствительно славяне, по крайней мѣрѣ, что зерно ихъ составляло славянство, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія уже потому, что самъ Іорнандъ, описывая державу готскую, говоритъ, что масса народонаселенія порабощеннаго состояла изъ славянскихъ народовъ; слѣдовательно, у этого же Іорнанда видно, что тѣ, которые поднялись противъ Готской державы, конечно, въ большинствѣ своемъ были славяне. Правда, нельзя сказать, чтобы это были одни славяне, потому что тамъ были и другіе народы. Какъ теперь въ Россіи, такъ и тогда были и другія племена, но главное зерно составляли славяне. Интересно самое слово „гунны“. Откуда могло оно произойти? Думается, что это просто кличка, данная и распространенная тѣми же врагами готтами, народомъ нѣмецкаго племени. На это есть даже указаніе одного писателя IX вѣка, Гельмгольда. Онъ рассказываетъ о событіи, случившагося позже Атиллы, и объясняетъ, что значитъ это слово Гунны. Онъ говоритъ, что одинъ князь славянскій хотѣлъ жениться на дочери саксонскаго герцога и тотъ отвѣчалъ ему: „какъ я могу отдать свою дочь за тебя, когда ты приходишь изъ такого племени, которое мои соплеменники называютъ собаками!“... При этомъ лѣтописецъ объясняетъ, что наименованіе гунновъ произошло отъ старонѣмецкаго слова, равнаго теперешнему слову *hunt*—собака. Эта презрительная кличка, данная врагомъ, подобно тому, какъ поляки называли малороссовъ „псыя кровь“ собачья кровь. Точно такъ и кличка „гунны“ была распространена готтами между другими народами и стала нарицательнымъ именемъ народа, а ученые, какъ видно изъ реферата Дмитрія Ивановича, приняли ее на вѣру и потомъ даже дополнили собственными измышленіями.

Заурскій. Одинъ изъ слушателей Костомарова въ 1846 г. говоритъ, что въ то далекое время, доказательства, приведенныя Н. И., показались ему болѣе убѣдительными, и онъ тогда скорѣй готовъ былъ согласиться съ доводами о славянскомъ происхожденіи гунновъ, нежели теперь, выслушавши рефератъ Дм. И. Иловайскаго. Исторія, дѣйствительно, даетъ намъ по этому вопросу нѣкоторыя данныя, но для того, чтобы изъ этихъ данныхъ извлечь результаты, сколько нибудь удовлетворяющіе, необходимо не дѣлать имъ натяжки.

Гаркави говоритъ, что *Иловайскій* представилъ изслѣдованіе по такому важному вопросу, который, конечно, интересуется всѣхъ ученыхъ историковъ и, такъ какъ въ результатѣ выходитъ, что гунны были славяне, то преимущественно историковъ отечественныхъ. Въ его изслѣдованіяхъ представляются двѣ отдѣльныя части, т. е. часть отрицательная—доказательство того, какъ нетверды, какъ шатки основанія, на которыхъ зиждется туранское или финское происхожденіе гунновъ—и другая положительная. Что касается отрицательной части, то должно отдать справедливость *Дмитрію Ивановичу*, что онъ въ этомъ успѣлъ поколебать прежнюю теорію, потому что до сихъ поръ не представлено доказательствъ—кто такіе были гунны—монголы или финны. Переходя, затѣмъ, къ положительнымъ доказательствамъ, *Гаркави* находитъ, что они слабы и не доказательны, ибо невозможно строить цѣлую систему славянизма гунновъ на трехъ славянскихъ словахъ, встрѣчаемыхъ въ ихъ нарѣчій. Другихъ же доказательствъ въ пользу славянизма гунновъ г. *Иловайскій* пока не представилъ, между тѣмъ византійцы и вообще западно-европейскіе писатели, которые называютъ славянъ, то склавенами, то антами, то вендами, нигдѣ не указываютъ на гунновъ, какъ о народѣ славянскаго происхожденія. Всѣ источники эти говорятъ, что это дѣйствительно было смѣшанное государство, что гунны подчинили себѣ много другихъ народностей и что собственно за время существованія Гунскаго государства тамъ были народности различныхъ расъ и различнаго происхожденія, но все-таки господствующее племя должно было довольно ярко обозначиться, а между тѣмъ никто изъ этихъ писателей не заикнулся, что это именно тѣ же самые склавены, которые были извѣстны въ Европѣ. Затѣмъ, почтенный *Дмитрій Ивановичъ* говоритъ, что онъ дошелъ до славянства гунновъ посредствомъ болгарскаго вопроса, по которому онъ сдѣлалъ другое изслѣдованіе. Между прочимъ славянское происхожденіе болгаръ дунайскихъ онъ основываетъ единственно на собственныхъ именахъ, но это доказательство весьма шаткое, такъ какъ собственные имена часто заимствуются и лучше было бы обратить вниманіе на имена числительныя.

Д. И. Иловайскій. На запросъ проф. *Гаркави*, спрашивающаго, почему писатели, которые даютъ намъ извѣстіе о гуннахъ, не называютъ ихъ славянами, говоритъ, что достаточно извѣстно, что имя славянъ, какъ названіе всей славянской расы, является довольно поздно, гораздо позднее того времени, о которомъ идетъ рѣчь. Въ то время, т. е. въ V, VI вв. славянами византійскіе писатели называютъ только одну незначительную часть славянъ, именно, одно племя на Дунаѣ, но рядомъ съ этимъ они употребляютъ другія названія, какъ, напр., анты, венды и гунны, не говоря о томъ, что это славяне, но мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что это несомнѣнно. Стало быть, тутъ вопросъ въ обобщеніи. Нельзя требовать отъ византійскихъ писателей, чтобы они въ то время обобщали всѣ славянскія племена. Да имъ и дѣла не было къ какой расѣ принадлежалъ тотъ или другой народъ, съ которымъ они воевали и на какомъ языкѣ онъ говорилъ; объ этомъ, если встрѣчаются извѣстія, то только случайно; ихъ занимали совсѣмъ другіе интересы; они сообщали совсѣмъ о другихъ фактахъ. Слѣдовательно, ставить въ упрекъ, дѣлать доказательствомъ не славянства то, что въ III, IV, V вв. византійцы гунновъ не называютъ славянами, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Тѣ же самые писатели говорятъ о готтахъ, не называя ихъ германцами, а между тѣмъ мы изъ другихъ источниковъ знаемъ, что готты были соплеменники германцевъ, что они были нѣмцы.

Иконниковъ. Теорія Дмитрія Ивановича и Николая Ивановича не нуждается въ подтвержденіи, но ими упущено изъ виду два обстоятельства. Одно изъ этихъ обстоятельствъ, вѣроятно упущено совершенно случайно, такъ какъ Д. И. Иловайскій заявилъ, что онъ представилъ рефератъ только въ извлеченіи, а если бы рѣчь шла о полномъ собраніи доказательствъ, то, вѣроятно, прежде всего Дмитрій Ивановичъ указалъ бы на тотъ духъ, который лежитъ въ описаніи несомнѣнно вѣрнѣйшаго изъ источниковъ, касающагося гунновъ, именно въ описаніи Приска, который, конечно, не можетъ быть поставленъ ни въ какое сравненіе съ А. Марцелиномъ или Юрнандомъ. Резюмирую все сказанное по этому вопросу въ засѣданіи, референтъ, обратилъ вниманіе на то, что невозможно также во всѣхъ доводахъ, приведенныхъ Дм. Ив. Иловайскимъ видѣть одну только случайность; если желаютъ видѣть случайное созвучіе въ приведенныхъ авторомъ словахъ, то какъ же отнестись къ приведеннымъ обычаямъ и способу украшенія жилищъ, общимъ у гунновъ и славянъ? Не слѣдуетъ также упустить изъ виду и то обстоятельство, о которомъ рассказываетъ Прискъ. Это рассказъ о томъ, какъ одинъ грекъ покинулъ свое отечество, гдѣ терпѣлъ отъ неправды людской, и нашелъ полное спокойствіе среди варваровъ гунновъ, куда занесла его судьба. Такая мягкость и человѣчность въ обращеніи съ иноплеменникомъ, на котораго нельзя было иначе смотрѣть, какъ на раба, не напоминаютъ ли намъ подобныя отношенія у славянъ, у которыхъ по мнѣнію ученыхъ рабство не существовало въ той суровой формѣ, которую замѣчаемъ у другихъ народовъ.

Д. И. Анучинъ. Не касаясь обсуждения теоріи происхожденія гунновъ и ихъ сродства съ арійской или монгольской расой, высказываетъ только нѣсколько замѣчаній относительно изображенія типа гунновъ у А. Марцелина и Юрнанда. Въ противоположность мнѣнія высказаннаго Д. И. Иловайскимъ, почтенный профессоръ находитъ что оба автора весьма характеристично описали признаки туранскаго происхожденія гунновъ: малый ростъ, большая голова (это признакъ монгольскаго типа, даже измѣренія, произведенныя надъ калмыками и бурятами, показываютъ, что окружность ихъ головы отличается большимъ размѣромъ, нежели европейская), маленькіе глаза. Они не говорятъ *малыя косы*. Но вѣдь косость глазъ требуетъ большаго навыка, наблюденія, а потому выраженіе *маленькіе глаза* можно признавать за признакъ монгольскаго племени. Наконецъ: *рѣдкая борода, курносость, смуглость*. Все это признаки чисто туранскіе. Что касается до бороды, то Д. И., указывая на нѣкоторыя данныя, приводимыя у А. Марцелина, гдѣ говорится, что для уничтоженія растительности волосъ дѣлаются глубокіе нарѣзы на щекахъ, замѣчаетъ слѣдующее: если плохо росла борода, то зачѣмъ же было бороться съ этимъ? Какъ извѣстно, нынѣшніе калмыки занимаются вырваніемъ волосъ у себя на лицѣ, чѣмъ обусловливается отчасти ихъ безбородость. Слѣдовательно, и теперь они борются съ растительностью волосъ, которая у нихъ незначительнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ подъ вліяніемъ, вѣроятно, наследственности въ теченіе многихъ поколѣній передаваемой изъ рода въ родъ. Что касается до нарѣзовъ на щекахъ, то трудно себѣ представить, чтобы они дѣлались для того, чтобы избавиться отъ растительности. Нельзя ли тутъ предположить смѣшенія двухъ извѣстій: съ одной стороны о вырваніи волосъ, а съ другой стороны извѣстіе о татуировки, которую производили многія финскія и татарскія племена. Такимъ образомъ, рѣдкая растительность и знаки на щекахъ смѣшивались вмѣстѣ и вышло, что этотъ народъ дѣлалъ нарѣзы на щекахъ, чтобы избавиться отъ волосъ.

Д. И. Иловайскій. Возражая и не соглашаясь ни съ однимъ изъ приведенныхъ возраженій, полагаетъ, что въ племенахъ восточныхъ Славянъ во времена отдаленныя, доисторическія, была какая-то значительная помѣсь, помѣсь съ другими народами, жившими въ близкомъ съ ними сосѣдствѣ и которые, вѣроятно, принадлежали къ народамъ Туранской расы. Но эта случайность нисколько не мѣшала имъ оставаться по языку и по другимъ качествамъ чистыми Славянами.

17 сентября, утромъ.

Отдѣленіе V. Памятники Искусствъ и Художествъ.

Почетный Предсѣдатель *Л. Н. Майковъ.*

Предсѣдатель отдѣленія *Н. И. Петровъ.*

Секретарь отдѣленія *А. Д. Ерицовъ.*

Н. В. Султановъ. Прочелъ рефератъ: „Русскія шатровыя церкви и ихъ соотношеніе къ грузино армянскимъ пирамидальнымъ покрытіямъ“. См. Приложение, стр. 230—244.

Н. Д. Мансветовъ. „Художественныя и бытовыя данныя въ славянскомъ спискѣ лѣтописи Георгія Амартола изъ библиотеки Московской духовной академіи“. См. Приложение, стр. 161—169.

А. В. Комаровъ. „О нѣкоторыхъ неизданныхъ грузинскихъ монетахъ“.

Н. И. Петровъ докладывалъ записку *Прахова* „о Кирилловскихъ фрескахъ въ Кіевѣ“. (Напечатано подъ названіемъ „Открытие Фресокъ Кіево-Кирилловской церкви XII в. исполнены въ 1881 и 1882 г. А. В. Праховымъ“. СПб., 1883, въ Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія).

Докладчикъ записки *А. В. Прахова*, предпослалъ ей нѣсколько словъ о примѣненіи приѣмовъ къ опредѣленію времени и очисткѣ фресокъ древнихъ грузинскихъ храмовъ въ Мцхетѣ, Кутаисѣ и Гелатѣ. По мнѣнію *Петрова*, въ Мцхетѣ и Гелатѣ фрески позднѣйшія XVI—XVII вѣговъ, но подъ ними должны скрываться остатки древнихъ фресокъ, подобныхъ остаткамъ ихъ въ развалинахъ кутаисскаго храма, хотя и послѣднія, покрывая мѣстами древній орнаментъ, едва ли могутъ быть названы современными постройкѣ храма. Самая записка г. *Прахова* излагаетъ ходъ предварительныхъ распоряженій и работъ по очисткѣ и промывкѣ фресокъ Кирилловскаго монастыря въ Кіевѣ, относящихся къ XII, XVII и XVIII вѣкамъ, указывала техническіе способы очистки и перечисляетъ наиболѣе важныя открытія. Къ числу ихъ относятся Страшный Судъ, Лоно Авраамле, изображеніе солнца и луны и особенно изображеніе нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ жизни Св. Кирилла Александрійскаго въ правомъ алтарѣ.

17 сентября, вечеромъ.

Отдѣленіе I. Памятники первобытныя.

Почетный предсѣдатель *Ю. Б. Иверсенъ.*

Предсѣдатель отдѣленія *А. С. Уваровъ.*

Секретарь отдѣленія *Д. Н. Анучинъ.*

Графъ *Уваровъ* доложилъ письмо графа *Завиша* о мамонтовой пещерѣ въ Кълевской губерніи. При письмѣ приложены двѣ фотографіи съ двухъ предметовъ, найден-

ныхъ недавно графомъ Завиша въ означенной пещерѣ, раскопки въ которой начаты были имъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и описаны, съ приложеніемъ 2 таблицъ рисунковъ, въ Мемуарахъ Парижскаго Антропологическаго Общества за 1877 г. (*La Caverne du Mamouth en Pologne par M. le comte Zavicza. Mém. de la Soc. d'Anthrop. de Paris. 2 des. T. 1*). Одинъ предметъ представляетъ часть мамонтова ребра, 25,5 сант. длиною, на которомъ замѣчаются двѣ зарубки и конецъ котораго сръзанъ (сплющенъ), повидимому, помощью каменнаго долота. Другой предметъ — конечная часть мамонтова бивня, служившая, повидимому, колотушкой. Заостренный конецъ бивня игралъ роль рукоятки, а другой конецъ, значительно оббитый, употреблялся, вѣроятно, какъ молотокъ. Острый конецъ выказываетъ нѣсколько сръзанныхъ плоскостей (граней), придающихъ ему нѣкоторое сходство съ кремневымъ ядрищемъ (нуклеусомъ).

Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ сообщеніе „о Породѣхъ собакъ каменнаго періода на побережьи Ладожскаго озера“. Указавъ въ краткихъ словахъ на значеніе, для археологій, вопроса о древнѣйшихъ породахъ домашнихъ животныхъ, референтъ остановился на вопросѣ о происхожденіи домашней собаки и описалъ древнѣйшія породы ея, остатки коихъ найдены были въ отложеніяхъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Западной Европѣ (преимущественно—въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, Германіи и Австріи). Это именно, порода каменнаго вѣка или такъ называемая „торфяная“ собака (*Canis f. palustris Rüt.*) и порода бронзоваго вѣка (*Canis f. matris optimaе Lettel.*). Первая была, сравнительно, небольшого роста и представляла сходство съ шпицемъ, а отчасти также съ болѣе мелкими породами гончей и лягавой; изъ дикихъ видовъ она наиболѣе приближается къ шакалу (*Canis aureus L.*), отъ котораго, вѣроятно, и произошла ¹⁾. Вторая порода, остатки которой встрѣчаются въ позднѣйшихъ отложеніяхъ бронзоваго вѣка, отличалась значительно болѣе крупнымъ ростомъ и по формѣ своего черепа приближалась къ борзымъ; вѣроятнымъ дикимъ родичемъ ея *Letteleis* считаетъ степнаго индійскаго волка (*Canis pallipes Sykes*). Позже *Woldrich* описалъ еще третью породу, *Canis intermedius*, установленную имъ на основаніи остатковъ, добытыхъ изъ нѣкоторыхъ отложеній бронзоваго вѣка въ Австріи, и которая, по своимъ размѣрамъ, занимаетъ промежуточное положеніе между *C. palustris Rüt* и *C. matris optimaе Lettel*. Что касается Россіи, то относительно древнѣйшихъ породъ ея домашнихъ животныхъ покуда еще не собрано никакихъ данныхъ, поэтому г. Анучинъ нашелъ не лишними интереса тѣ данныя относительно домашней собаки, къ которымъ онъ могъ придти на основаніи изученія остатковъ ея изъ отложеній на южномъ побережьи Ладожскаго озера. Здѣсь, какъ извѣстно, при прорытіи новаго Сясьскаго канала, профессоръ Петербургскаго университета, А. А. Иностранцевъ, собралъ богатый матеріалъ для изученія челоука каменнаго періода, равно какъ и современной ему флоры и фауны. Между прочимъ, въ числѣ костей животныхъ оказались также и кости собаки; которыя и были предложены г-мъ Иностранцевымъ, для болѣе подробнаго изученія, г. Анучину. Всего можно было констатировать до 14 особей собаки, которыя оказались принадлежащими двумъ породамъ.

Одна порода, болѣе мелкая, представляетъ, по своимъ размѣрамъ и формѣ че-

¹⁾ *Woldrich*, въ своей новѣйшей работѣ (*Mitth. d. Anthropol. Ges. in Wien XI 1881*) считаетъ, впрочемъ, родоначальникомъ *C. palustris* — одинъ дилювіальный видъ *Canis Maximii*, установленіе котораго нуждается, однако, въ подтвержденіи.

репа, значительное сходство съ болѣе крупными экземплярами *Canis f. palustris* Rüt., почему г. Анучинъ и предложилъ назвать ее *Canis f. palustris Ladogensis*. Другая порода, болѣе крупная, приближается по величинѣ къ *Canis matris optimaе* Jettel., въ особенности къ той разновидности ея, отличающейся болѣе вогнутымъ профилемъ, которую Науманъ назвалъ „гончеобразною“, а Jetteleis—„овчарковидною“. Наибольшее сходство по формѣ черепа могло быть констатировано, однако, съ экземпляромъ изъ свайныхъ построекъ Бильскаго озера (бронзоваго періода), описаннаго Штудеромъ; что же касается подробностей размѣровъ, то черепъ крупной ладожской породы выказываетъ приближеніе отчасти къ *Canis matris optimaе* Jettel., отчасти къ *Canis intermedius* Woldr., отличаясь въ то же время и своеобразными особенностями. Вслѣдствіе этого, г. Анучинъ не нашелъ возможнымъ, на основаніи имѣющагося матеріала, отождествить крупную ладожскую породу съ породами бронзоваго вѣка Западной Европы и предложилъ выдѣлить ее, по крайней мѣрѣ временно, въ особую породу—подъ названіемъ *Canis fam. Inostranzewii*. Выдѣленіе представляется тѣмъ болѣе естественнымъ, что на Западѣ крупныя породы собакъ появляются только въ отложеніяхъ бронзоваго вѣка, тогда какъ на побережьи Ладожскаго озера мы встрѣчаемъ крупную породу, одновременно съ болѣе мелкой, въ отложеніяхъ неолитическаго періода. Изъ сравненія съ современными породами г. Анучинъ могъ заключить, что типъ болѣе мелкой ладожской породы, происшедшей, вѣроятно, отъ шакала, и теперь еще встрѣчается иногда между дворянками Средней Россіи, и что потомками этой же породы слѣдуетъ, повидимому, считать различныя первобытныя породы пшцевъ Сѣверной Россіи, Сибири и Сѣверо-Западной Америки. Труднѣе опредѣлить ближайшихъ родичей другой, болѣе крупной породы, которая была, повидимому, настоящей охотничьей, имѣла хорошо развитое чутье, отличалась сильнымъ развитіемъ мышцъ и была превосходно приспособлена къ быстрому бѣгу. Представляя результаты своего изученія, какъ матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій по-этому предмету, г. Анучинъ указалъ на довольно странный фактъ, что въ другихъ отложеніяхъ неолитическаго періода въ Средней Россіи, какъ, напр., около села Волосова, на р. Велетьмѣ (близъ Муромъ)—не могло быть констатировано покуда никакихъ остатковъ домашней собаки, несмотря на то, что тамъ найдено множество костей различныхъ дикихъ видовъ. Заканчивая свое сообщеніе, г. Анучинъ обратился съ просьбой, къ занимающимся археологическими раскопками — не оставлять безъ вниманія встрѣчающихся костей животныхъ, особенно домашнихъ, и доставлять ихъ, если будетъ возможно, въ зоологическій музей Московскаго университета, гдѣ онѣ могли бы быть классифицированы и изучены.

Въ отвѣтъ на предложеніе г. Анучина, Л. К. Ивановскій заявилъ, что у него и у г. Бранденбурга имѣется нѣсколько череповъ собакъ, добытыхъ при курганныхъ раскопкахъ, каковыя черепа онъ и можетъ доставить для изученія г. Анучину.

Князь П. А. Путятинъ сообщилъ „о Чашечныхъ камняхъ, найденныхъ въ Новгородской губерніи“. См. Приложение, стр. 19—30.

Графъ Уваровъ. Вопросъ о чашечныхъ камняхъ довольно загадочный и въ первобытной археологій самый отдаленный. Прототипы чашечныхъ камней встрѣчаются болѣе въ Индіи и часто на совершенно неприступныхъ скалахъ. По мнѣнію графа употребленіе чашечныхъ камней было перенесено въ западную Азію изъ Индіи, а потомъ въ Европу. Мнѣніе, выраженное кн. Путятинымъ имѣетъ много за себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно

трудно примѣнимо къ отвѣснымъ скаламъ, въ томъ смыслѣ, чтобы возможно было объяснить ихъ произведеніемъ огня. Скалы эти имѣли значеніе, вѣроятно религиозное.

К. А. Шапошниковъ сообщилъ объ „*Орудійныхъ и фигурныхъ издѣліяхъ изъ кремня, найденныхъ въ Валдайскомъ уездѣ*“, Новгородской губ., въ окрестностяхъ дер. Озеревичи. Первые свѣдѣнія объ этихъ находкахъ были сообщены въ „*Russische Revue*“, въ журналѣ „*Мысль*“ и въ Трудахъ Петерб. Археолог. института. Кремневые издѣлія были найдены въ большомъ количествѣ, въ полуверстѣ отъ дер. Озеревичи, на песчаной полосѣ между озерами Боруи и Стрепятицы. Всего собрано до 10,000 экземпляровъ (осколковъ, ножей, стрѣлокъ, скребковъ, изображеній и др.), кромѣ того, добыто много черепковъ глиняной посуды — гладкой, съ орнаментомъ и съ сквозными отверстіями, — трубочекъ изъ сѣрой стекловидной массы и изъ охристой глины, — массы мелко раздробленныхъ костей животныхъ и пр. Между кремневыми издѣліями встрѣчаются ножи, пилки, скребки и топоры, рѣже — хорошо обдѣланные наконечники копій и стрѣлъ; между послѣдними попадаются экземпляры съ плоскимъ, рѣжущимъ лезвіемъ. По формѣ и способу обработки, бѣльшая часть орудій представляетъ такъ называемый типъ „*Moustier*“, но встрѣчаются также орудія типа „*St. Acheuil*“, а равно тщательно обработанные наконечники копій типа „*Solutré*“. Кромѣ означенныхъ, несомнѣнныхъ орудій, попадаютъ еще миниатюрныя формы ихъ, которыя, по мнѣнію референта, не могли имѣть практическаго употребленія, но служили, вѣроятно, лишь миниатюрными моделями дѣйствительныхъ орудій и употреблялись для украшенія тѣла, для орнаментаціи или при погребеніи, замѣняя собою настоящія орудія.

Далѣе, г. Шапошниковъ могъ констатировать еще большее число скульптурныхъ изображеній человѣка и животныхъ, выдѣланныхъ весьма ловко изъ кремня нѣсколькими ударами. Въ большинствѣ случаевъ эти изображенія представляютъ, по мнѣнію г-на Шапошникова, профили человѣка и животныхъ, звѣрей и птицъ, иногда $\frac{3}{4}$ лица; встрѣчаются даже цѣлые ряды профилей на одномъ кускѣ кремня. На многихъ изваяніяхъ замѣчается глазъ, или выбитый однимъ косымъ ударомъ, или высверленный въ видѣ правильной, круглой ямки. По мнѣнію г. Шапошникова, эти изображенія имѣли не столько художественно-эстетическій, сколько религиозный смыслъ. Кромѣ собственно глазковъ, на многихъ кремняхъ встрѣчаются еще ямкообразныя выемки и иногда въ большомъ количествѣ; по мнѣнію г. Шапошникова, эти ямки имѣли, вѣроятно, какой-либо символическій смыслъ, служили, напр., для обозначенія числа и т. п. Референтъ представилъ четыре фотографіи съ характеристичнымъ предметомъ своихъ находокъ, а также демонстрировалъ нѣсколько картоновъ съ кремневыми издѣліями.

А. И. Кельсіевъ обращаетъ вниманіе присутствующихъ на важность прочитаннаго г. Шапошниковымъ реферата и на представленныя имъ вещи, которыя, по словамъ А. И., составляютъ важную находку въ Россіи и вопросъ о которыхъ необходимо было бы обсудить въ присутствіи собравшихся специалистовъ. Подобныя мѣста, гдѣ собраны Шапошниковымъ представленныя орудія, могутъ быть причислены къ фабрикамъ каменныхъ орудій. Такія находки пока въ Россіи еще очень рѣдки, но Кельсіеву повезло побывать на двухъ такихъ фабрикахъ: по порученію комитета Антропологической выставки на Ледовитомъ океанѣ и Бѣломъ морѣ, и въ Воронежской губерніи на берегахъ Дона. Первая фабрика довольно поздняго времени, но въ Воронеж-

ской губернии — самого древнѣйшаго. На основаніи видѣннаго на фабрикахъ этихъ матеріала Кельсіевъ позволяетъ себѣ отнести мнѣніе Шапошникова къ области фантазій и съ своей стороны видитъ въ фигурныхъ изображеніяхъ его коллекціи одни осколки, которые находятся обыкновенно массами на каждой стоянкѣ человѣка каменнаго періода.

Вечеромъ, послѣ засѣданія, въ Тифлисскомъ театрѣ, постоянной армянской труппой данъ былъ спектакль въ честь V Археологическаго съѣзда. Распорядителями были употреблены всѣ усилія для чествованія почетныхъ гостей, но, къ сожалѣнію, полному блеску вечера помѣшала дурная погода. Были исполнены слѣдующія пьесы: „Разводъ“, драма въ 1 дѣйствіи, пер. съ французскаго Абг. Іоаннисіани; „Вспышка у домашняго очага“, водевиль въ 1 дѣйствіи, переводъ его же, и картина изъ комедіи Сундукіянца „Раззоренная семья“.

18 сентября, утромъ.

Отдѣленіе II. Памятники языческіе и классическіе.

Почетный предсѣдатель *Д. Я. Самоквасовъ*.

Предсѣдатель отдѣленія *Л. К. Ивановскій*.

Секретарь *Антоновичъ*.

Графъ Уваровъ прочелъ рефератъ „о Дербентскихъ курганахъ“. См. Прил. стр. 61—75.

А. В. Комаровъ. Въ дополненіе къ сказанному говорить что преданіе о томъ, что нѣкоторыхъ умершихъ слѣдуетъ не хоронить, а выставлять на открытое мѣсто, пока не слетятъ духи и не возьмутъ ихъ, сохранилось около Дербента и до настоящаго времени. На глазахъ референта былъ такой случай. Въ Касумкентѣ Евреи поссорились въ саду съ Имеретинцами и одинъ еврей убилъ двухъ мусульманъ; самъ же получилъ тяжелую рану, отъ которой умеръ. Это былъ сельскій старшина—ахи. По обычаю, его должны были немедленно похоронить; между тѣмъ его положили на коверъ, выставили на крышу дома и не хотѣли хоронить, ожидая, пока не слетятъ духи и не возьмутъ его. И только, когда это произвело волненіе во всей окрестности, то было прислано приказаніе отъ начальства и онъ былъ зарытъ въ землю обыкновеннымъ порядкомъ.

Л. К. Ивановскій. Дѣлая съ своей стороны нѣсколько дополненій къ реферату гр. А. С. Уварова, напоминаетъ, что случаи разчлененія труповъ встрѣчались и раньше; напр., Лебогъ упоминаетъ нѣсколько случаевъ погребенія, причемъ трупы разчленялись; подобный же интересный случай разчлененія встрѣченъ Малаховымъ при раскопкахъ въ Петербургской губ.: трутъ былъ погребенъ съ отнятой головой, а голова была положена въ горшокъ, въ которомъ оказались угли. Относительно того, что трупы выставлялись на открытое мѣсто, Ивановскій напоминаетъ тѣ случаи, когда въ Римѣ трупы сжигались и выставлялись на колоннахъ, при чемъ цитируетъ случай, когда, въ томъ же Римѣ, предполагался обрядъ апотеоза какому-нибудь умершему выдающемуся лицу, для чего созидалась высокая удобосгораемая башня, приготовлялось восковое изображеніе того покойника, котораго желали возвести въ санъ божества, изображеніе это ставилось на пьедесталъ изъ слоновой кости во второмъ этажѣ башни; башня наполнялась разными благовоніями, поджигалась и въ эту минуту вы-

пускали изъ башни коршуна или орла, который долженъ былъ какъ бы унести на высоту духъ покойнаго.

В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ сообщеніе „о Погребальныхъ обычаяхъ древнихъ жителей Кавказа“. Дѣлая въ своемъ рефератѣ выводы изъ раскопокъ, произведенныхъ въ Осетіи и Кабардѣ, почтенный профессоръ говоритъ, что погребальныя пещеры Комунты выродились въ каменные кисты; кисты же — въ тѣ надгробныя постройки или домики, которые мы и до сихъ поръ встрѣчаемъ повсемѣстно въ горахъ и долинахъ Осетіи. Монеты, находимыя въ Комунтѣ, принадлежатъ почти исключительно Императорамъ Анастасію (V в.) или Гераклию съ сыновьями (VII в.); дергеми же всѣ VIII вѣка. Въ насыпныхъ курганахъ (вдоль ущелій) Влад. Бон. Антоновичъ находилъ покойниковъ, окруженныхъ камнями—какъ бы послѣднее воспоминаніе прежней каменной покрывки.

Д. Н. Анучинъ — возражаетъ противъ мнѣнія, высказаннаго референтомъ, что Кавказъ служилъ главной дорогой, черезъ которую двигались Арійскія племена изъ Азіи въ Европу. Какъ замѣтилъ профессоръ Вирховъ въ своей рѣчи, принимая во вниманіе всѣ физическія условія страны, едва ли можно полагать, что Кавказъ былъ дорогой, по которой двигались народы. Трудно предположить, чтобы народы выбирали самый неудобный путь и обходили тѣ пути, которые были удобнѣе для переселенія. Въ самомъ дѣлѣ, если Кавказъ даже въ настоящее время трудно доступенъ, то что же было въ тѣ отдаленныя времена, когда, по всей вѣроятности, ледниковыя явленія были здѣсь болѣе развиты, горы были цѣлостнѣе, доступъ къ нимъ былъ гораздо болѣе затруднителенъ, чѣмъ теперь, и переселеніе должно было сопровождаться громадными трудностями; тогда какъ на оборотъ, путь, лежащій вдоль береговъ Каспійскаго моря, въ обходъ Кавказскаго хребта, гораздо болѣе удобенъ и въ настоящее время, въ прежнія же времена, конечно, былъ сравнительно еще удобнѣе. По всей вѣроятности переселеніе народовъ происходило вдоль западныхъ береговъ Каспійскаго моря или вдоль сѣверныхъ его береговъ изъ Арало - Каспійскихъ степей въ южную Россію, или же на югъ по Малой Азіи, въ Грецію и далѣе. *Д. Н. Анучинъ* находитъ также невозможнымъ согласиться и съ высказаннымъ мнѣніемъ референта, что бронзовая культура Осетинъ не имѣетъ ничего общаго съ бронзовой культурой въ западной Европѣ. Этотъ вопросъ еще не можетъ быть рѣшенъ потому, что бронзовая культура Кавказа только начинаетъ разрабатываться ¹⁾, но тѣмъ не менѣе, надо думать что будущіе изслѣдователи найдутъ точки соприкосновенія. Конечно, если сравнивать съ типическими формами бронзовой культуры на западѣ — вещи, найденныя на Кавказѣ, то сходства будетъ мало, но также мало сходства замѣчается вообще между западной и восточной бронзовой культурой въ древнія времена.

Обращая вниманіе на бронзовыя издѣлія другихъ странъ, напр., на бронзовыя издѣлія Греціи, которыя только что начали разрабатываться, на бронзовыя древности Египта, Ассиріи и Индіи, которыя въ настоящее время начали описываться наконецъ, Китая и Японіи, о которыхъ въ послѣднее время тоже начинаютъ поступать свѣдѣнія, опасно еще выступать съ какимъ либо рѣшительнымъ мнѣніемъ; во всякомъ случаѣ и теперь можно утверждать, что точки соприкосновенія все-таки есть.

¹⁾ Передъ нами столько вопросовъ, что мы и предположеній никакихъ не можемъ дѣлать.

Напр., въ Москвѣ недавно былъ проѣздомъ датскій ученый Софусъ Мюллеръ, который возвращался изъ Аѳинъ, съ прекрасными рисунками съ древностей, найденныхъ за послѣднее время въ Греціи и Малой Азіи. Сравнивая рисунки эти съ бронзовыми вещами, изъ раскопокъ Филимонова въ Осетіи С. Мюллеръ могъ найти любопытныя черты сходства въ особенности въ нѣкоторыхъ бронзовыхъ кинжалахъ, въ орнаментахъ на нихъ и другихъ мелкихъ подробностяхъ. Понятно, что эти сходныя черты должны быть изучены подробно и, по всей вѣроятности, соприкосновеніе найдется. Д. Н. высказываетъ предположеніе, что какъ самъ Кавказъ относительно его народовъ, такъ и его первобытная культура должны быть рассматриваемы какъ особый уголокъ восточной Европы, въ которомъ скопились съ одной стороны вліянія, шедшія съ сѣверовостока, а съ другой съ юга; съ одной стороны изъ Сибири, съ другой изъ странъ южныхъ, изъ Ирана и т. д. при чемъ выражаетъ даже мнѣніе, что движеніе народовъ на Кавказѣ могло быть съ сѣвера на югъ. Тоже и относительно культуры. Несомнѣнно, что бронзовыя изображенія животныхъ, если имѣютъ съ чѣмъ сходство, то наиболѣе съ сибирскими. Съ другой стороны есть нѣкоторыя точки соприкосновенія съ греческой культурой, заимствовавшей свои первоначальныя типы изъ Азіи. Думается, что бронзовая культура Кавказа не имѣетъ прямой связи съ западно-европейской; но для рѣшительнаго вывода слѣдуетъ еще подождать. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ на столько любопытенъ, что разрѣшеніе его будетъ имѣть громадное значеніе не только для Россіи, но и для археологіи вообще. Такъ, повидимому, понимаютъ это западные ученые, которые съ нетерпѣніемъ ждутъ его разъясненія и сами стараются предупредить Русскихъ ученыхъ въ его разработкѣ.

А. В. Комаровъ дополняетъ рефератъ В. Б. Антоновича слѣдующія свѣдѣнія. Коллективныя могилы существуютъ и въ настоящее время; видѣлъ ихъ А. В. во время поѣздки въ Лечь - гумъ, въ селеніи Таберъ; находятся они при церквахъ и состоятъ изъ большихъ каменныхъ ящиковъ, покрытыхъ каменными плитами, которыя приподымаются при каждомъ новомъ погребеніи. Мѣстные старожилы помнятъ, когда еще въ этихъ могилахъ погребались умершіе. Было это тогда, когда церковь еще существовала, теперь она упразднена. Насчитываютъ ихъ при церкви въ Таберѣ 7. Въ Сванетіи, при Листенской и Мулахской церквахъ, кладбища, несомнѣнно христіанскія, устроены чрезвычайно похоже на тѣ каменные ящики, о которыхъ идетъ рѣчь. Независимо отъ нихъ, есть и общія могилы, входъ въ которыя открывается сбоку и священникъ М. церкви самъ въ прошломъ году хоронилъ тамъ одного покойника, родственники котораго желали похоронить его на общемъ кладбищѣ, и тѣмъ самымъ способомъ, который употреблялся и прежде; священникъ отодвинулъ плиту, всунулъ туда покойника и опять закрылъ. Вмѣстѣ съ покойникомъ въ Сванетіи и теперь кладутся тѣ вещи, которыя онъ носилъ. Въ одномъ селеніи Комарову пришлось осмотрѣть женскія украшенія, въ числѣ которыхъ онъ нашелъ бусу подобную тѣмъ, какія находятъ въ Комунтскомъ могильникѣ. Изъ всего этого видно, что опредѣлять существованіе и срокъ коллективныхъ могилъ можно только тогда, когда найдутся несомнѣнныя доказательства, какъ, напр., монеты и т. п., такъ какъ способъ погребенія продолжается и въ настоящее время.

Отвѣчая на замѣчаніе проф. Анучина относительно неудобства Кавказскаго края для переселенія народовъ А. В. напоминаетъ, что за послѣднее время, на памяти

всѣхъ, со всего сѣвернаго Кавказа, горцы переселились въ Турцію, вся Абхазія ушла туда и что все это движеніе, равно какъ и заселеніе русскими всего Закавказья, происходитъ большею частью по одной военно-грузинской дорогѣ, что можетъ нѣкоторымъ образомъ объяснить, по мнѣнію Комарова, пригодность этого пути и въ историческія времена, о которыхъ идетъ рѣчь.

Н. Е. Бранденбургъ прочелъ рефератъ „о Погребальныхъ обычаяхъ въ курганахъ съ трупосожженіемъ на южномъ побережьи Ладожскаго озера“. См. приложение, стр. 10—81.

Д. Б. Антоновичъ. Въ дополненіе къ реферату сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ собственныхъ наблюденій и раскопокъ. Такъ, напр., въ Терской облас. въ одномъ курганѣ, который имѣлъ форму почти четырехугольника, при раскопкѣ нашли кусокъ пряжки въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ нашелся шпинекъ; кости же лежали въ разныхъ мѣстахъ. Что касается до того, что иной разъ слѣды погребенія оказывались на поверхности земли, онъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что большею частью въ курганахъ съ трупосожженіемъ трупы находятся въ верхнемъ слое бѣлаго песку; и что на самой высотѣ находится обыкновенно черный слой, въ которомъ попадаются куски горшковъ и ломанныя ведра. Слѣдовательно, можно положительно сказать, что такіе курганы насыпались впоследствии. Наконецъ, что касается до тѣхъ кремневыхъ орудій которыя попадаются въ могилахъ бронзоваго періода, то такъ какъ они находятся во многихъ курганахъ и обыкновенно въ угольномъ слое, то здѣсь нельзя даже и предполагать какой либо случайности: орудія эти клались въ могилу, вѣроятно, какъ воспоминаніе о прежней обрядности.

Грифъ Уваровъ. Находитъ, что въ любопытномъ рефератѣ г. Бранденбурга проведена между прочимъ мысль о скандинавскомъ характерѣ фибулъ въ видѣ чашечекъ, связанныхъ между собою цѣпочками, мысль подтвержденіе которой приходилось не разъ находить и Графу въ скрытыхъ имъ гробницахъ, начиная, съ береговъ Балтійскаго моря вглубь до Ярославской губерніи. Затѣмъ, Бранденбургъ нашелъ ломаное оружіе, что опять таки пріемъ чисто скандинавскій, который былъ указанъ въ запискѣ Общества Сѣверныхъ Антикварій. Слѣдовательно, возможно остановиться на мысли г. Бранденбурга, что вскрытыя имъ могилы принадлежатъ народу, у котораго сильно замѣтны слѣды скандинавскаго вліянія. Продолжая возраженія Графъ возстаетъ въ особенности противъ тѣхъ, ни на чемъ не основанныхъ мнѣній, которые иногда вводятся въ археологію членами Съезда, повторяются впоследствии какъ фактъ и составляютъ ересь, весьма опасную для науки. Какъ примѣръ такой ереси Графъ указываетъ на мнѣніе Л. К. Ивановскаго—объ обкладываніи дерномъ кургановъ. Мнѣніе это было высказано 2 раза въ Петербургѣ, здѣсь на Съездѣ его повторилъ въ 3-й разъ, Бранденбургъ, въ своемъ рефератѣ, и то же самое слышалъ Графъ въ одномъ засѣданіи Арх. института г. Колачева.

Л. К. Ивановскій. Возражая на замѣчанія гр. А. С. Уварова увѣряетъ, что онъ никогда не былъ проповѣдникомъ ереси одернованія насыпей, а былъ наведенъ на мысль соображеніями обстоятельствъ, которыя безпрестанно попадались ему при раскопкахъ. Дѣло въ томъ, что 1-й разъ пришлось высказать мнѣнія объ одернованіи кургановъ по поводу могильныхъ насыпей, подобныя тѣмъ, которыя изслѣдованы г. Бранденбургомъ по берегамъ Свири, Паши и другихъ рѣкъ, тянутся по берегамъ Волхова, Ловати и др., составляющихъ бассейнъ Ильменскаго озера. На берегу этихъ рѣкъ расположена цѣпь кургановъ, безспорно принадлежащихъ народу иному, болѣе

древняго происхожденія, потому что они заключаютъ въ себѣ образцы погребенія нѣсколько не тождественныя съ тѣми, которые усматриваются въ курганахъ меньшихъ размѣровъ, но за то въ большемъ количествѣ расположенныхъ по сосѣдству первыхъ могильныхъ насыпей. Что касается до большихъ кургановъ, то они представляютъ изъ себя вертикальныя насыпи, вышиною въ 5—7 саж., при основаніи діаметромъ сажень 9, 11, 12. Крутизна боковъ такая, что насыпь, нанесенная въ какой бы то ни было болѣе или менѣе короткій промежутокъ, (считая даже годъ—два), никогда не въ состояніи была бы удержаться. Въ этомъ мнѣніи убѣждаетъ референта слѣдующее. Когда онъ началъ изслѣдованіе этихъ могильныхъ насыпей, то ему пришлось предварительно вскрытія колодца прорѣзать ихъ траншеями. Насыпь состояла изъ песку, въ которомъ оказалось небольшое количество разныхъ камешковъ голышей и она была настолько сыпуча, что траншея съ уклономъ 45° обсыпалась, и онъ былъ часто поставленъ въ критическое положеніе. Однимъ такимъ курганомъ, разсѣченнымъ траншеей, засыпало 13 рабочихъ, которыхъ пришлось быстро откопать, чтобы они не погибли. Если траншея въ 45° уклона обсыпается, то пришлось позадуматься, что же сдѣлается съ курганомъ, уклонъ боковъ котораго доходитъ до 60°. Никто не взберется на него прямо, а долженъ всходить спиралью, какъ при подъемѣ на крутую гору. Какъ же такая насыпь, состоящая изъ такого матеріала, который много разъ на глазахъ изслѣдователя по прошествіи одного-двухъ дней осыпалась при уклонѣ въ 45°, выдерживала тысячелѣтія при уклонѣ въ 60°? Вотъ это то противорѣчіе и отсутствіе на поверхности могильной насыпи какого бы то ни было замощенія каменными плитами или остатками дерева, прикрѣплявшаго эти бока, заставили референта предположить одернованіе ихъ. Ересь эта проистекаетъ такимъ образомъ изъ невозможности существованія самаго памятника при противномъ предположеніи.

Гр. Уваровъ. Настаивая на опасности нововводимой ереси не желаетъ оставить замѣчанія Ивановскаго безъ отвѣта. Графъ соглашается, что курганы круты, но, проситъ обратить вниманіе на тѣ мелкіе слои (въ одинъ и не болѣе 1½ вершковъ), изъ которыхъ состоитъ вся насыпь кургана и которые весьма легко прослѣдить при проведеніи траншей. Отчего не допустить, что эти слои составлялись постепеннымъ воздвиганіемъ кургана? Отчего думать, что народъ, который, вслѣдствіе своихъ духовныхъ или религіозныхъ обрядовъ, привозилъ для насыпки кургановъ иногда землю за нѣсколько верстъ, что народъ этотъ непременно въ 2—3 дня воздвигалъ свои насыпи? Очень можетъ быть, что онъ ихъ воздвигалъ въ нѣсколько лѣтъ. Если же допустить еретическій дернъ, то слѣдуетъ допустить и возможность оползовъ его съ крутыхъ бортовъ кургана, какъ это часто замѣтно на крутыхъ стѣнахъ желѣзнодорожныхъ траншей. Допуская даже, что этотъ дернъ при обкладкѣ вбивался клиньями, все таки въ продолженіе извѣстнаго времени изслѣдованіи доказали бы, что слои дерна у подошвы кургана толще [чѣмъ на вершинѣ, чего до сихъ поръ никто не успѣлъ прослѣдить или замѣтить. Не проще ли видѣть во всемъ процессѣ одернованія кургановъ дѣло времени и природы и ожидать отъ нее вліянія, не только разрушительнаго, но и созидательнаго.

К. А. Шапошниковъ. Возражая референту налегаетъ на мнѣніи, что на одномъ и томъ же кладбищѣ, весьма часто замѣчаются случаи обыкновеннаго положенія костяка и вмѣстѣ съ тѣмъ трупосоженія; подобные случаи приходилось ему наблюдать въ Ярославской губерніи, въ д. Петровской, гдѣ одно и то же кладбище состояло изъ

могилъ, въ которыхъ оба обряда были перемѣшаны. Разница заключалась только въ томъ, что въ однихъ попадались вещи преимущественно костяныя и бронзовыя, а въ другихъ только желѣзныя. Но отсюда не слѣдуетъ еще выводить заключенія относительно того, что курганы эти относились къ двумъ различнымъ эпохамъ; слѣдуетъ скорѣй предположить, что различіе въ обычаяхъ вытекало просто изъ извѣстныхъ отношеній къ покойному. Извѣстно, напр., что и въ настоящее время, у нѣкоторыхъ калмыцкихъ племенъ существуетъ обрядъ трупосожженія для лицъ, наиболѣе уважаемыхъ, а для остальныхъ подобнаго обряда не существуетъ. Подобный же фактъ совмѣстнаго существованія простыхъ могилъ и могилъ съ трупосожженіемъ наблюдалъ Шапошниковъ и въ Тверской губ., въ Бѣжецкомъ уѣздѣ. Что касается вопроса о томъ, что трупы сжигались на томъ кострищѣ, которое замѣчается въ курганѣ, то личныя наблюденія его привели къ тому заключенію, что трупы сжигались на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ хоронились. Такъ, напр., въ Ярославскомъ уѣздѣ на кладбищѣ, гдѣ встрѣчался обрядъ трупосожженія, на кострищѣ находился почти весь костякъ, нѣсколько подобранный, отодвинутый, но тѣмъ не менѣе части его имѣли ясную связь между собою и показывали, что трупосожженіе совершилось на томъ же мѣстѣ. Тутъ же въ другомъ курганѣ найдена была урна, слишкомъ малыхъ размѣровъ чтобы вмѣстить въ себѣ всѣ кости сожженнаго костяка, и части кости лежали на кострищѣ рядомъ съ урной. Подобныя же факты замѣчены въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, и въ Бестужевскомъ, Новгородской губерніи. Что же касается до того, что иногда попадаются кремневые орудія и другія такія же издѣлія среди культуры позднѣйшей, въ періодъ бронзовый и желѣзный, то это фактъ не рѣдкій и доказываетъ только то, что традиціи каменнаго періода существовали долго. Подобный фактъ извѣстенъ даже относительно знаменитаго Анапьевскаго могильника, гдѣ среди бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей были найдены въ большемъ количествѣ кремневые издѣлія.

19 сентября, утромъ.

Отдѣленіе II. Памятники языческіе и классическіе.

Почетный предсѣдатель *Г. Д. Филимоновъ.*

Предсѣдатель отдѣленія *Л. К. Ивановскій.*

Секретарь отдѣленія *В. Б. Антоновичъ.*

Г. Д. Филимоновъ. Открывая засѣданіе, обратилъ вниманіе присутствующихъ на раскопки, произведенныя имъ на станціи Казбекъ (вещи эти нынѣ находятся въ Москвѣ, въ Историческомъ Музеѣ) и на то сродство, которое онъ находитъ между бронзою Кавказа и древнѣйшими типами подобныхъ же предметовъ, встрѣчаемыхъ въ Музеяхъ и Собраніяхъ Западной Европы, при чемъ указалъ однакожъ на большую древность Кавказскихъ могильниковъ и отнесъ культуру Кавказа за 1000 л. до Р. Х. Въ бѣгломъ очеркѣ описалъ онъ тѣ памятники архитектуры, которые осмотрѣлъ въ Мухетѣ и Гелатѣ, сравнивая сокровища Гелатскаго монастыря съ ризницей св. Марка въ Венеціи и выразилъ надежду, что мѣстные дѣятели съумѣютъ не только сохранить, но и изучить всѣ эти сокровища.

В. Б. Антоновичъ прочиталъ рефератъ „О погребальныхъ обычаяхъ Древланъ и Тиверцевъ по новѣйшимъ раскопкамъ“.

Д. И. Анучинъ. Указывая на прекрасный рефератъ, прочитанный В. Б. Антоновичемъ, обращаетъ вниманіе присутствующихъ, насколько въ послѣднее время развились и умножились археологическія свѣдѣнія, въ особенности относительно курганнаго періода; кромѣ Антоновича, многочисленныя новыя данныя собраны Д. Я. Самоквасовымъ, Гр. Уваровымъ и другими. На основаніи этихъ данныхъ, русскимъ археологамъ пора бы подумать совокупными усиліями приступить къ составленію большой археологической карты Россіи. Возможность такого предпріятія доказалъ Е. Д. Фелицынъ, скромный дѣятель въ странѣ обширной, малоизвѣстной, иногда трудно доступной. Неужели же цѣлый рядъ русскихъ археологовъ, находящихся въ различныхъ городахъ Россіи, не могутъ сдѣлать того же самого? Понятно, что въ подобной картѣ будутъ на первомъ планѣ пробѣлы; но эти пробѣлы будутъ ясны тогда, когда будутъ сопоставлены съ мѣстностями изслѣдованными, на которыхъ многое будетъ занесено. Слѣдовало бы поступить въ этомъ дѣлѣ, какъ поступило нѣмецкое арх. общество, которое для своихъ цѣлей взяло большую карту Германіи. Въ Россіи существуетъ военно-топографическая карта, состоящая изъ множества листовъ, которые могли бы быть розданы разнымъ лицамъ соотвѣтственно той мѣстности, въ которой они производили изслѣдованіе, для нанесенія туда всего того, что имъ извѣстно изъ личнаго опыта и литературы, относящейся къ данной мѣстности.

Поступая такимъ образомъ отъ одного археологическаго съѣзда до другаго, многіе листы карты пополнялись бы новыми, интересными свѣдѣніями.

Разъ это будетъ сдѣлано въ большихъ размѣрахъ, можно бы въ послѣдствіи съ большой карты перевести на маленькія и тогда мы получили бы наглядную археологическую карту, которая дала бы намъ понятіе о группахъ кургановъ, объ ихъ границахъ и направленіяхъ. Такая карта была бы полезна не только для археологовъ, но и для историковъ и лингвистиковъ. Съѣздъ по мнѣнію Анучина могъ бы поднять этотъ вопросъ, обсудить его въ особой комиссіи, и обратиться за его исполненіемъ ко всемъ присутствующимъ членамъ.

Л. К. Ивановскій прочелъ рефератъ „*О раскопкахъ въ Петербургской губ. и объ остаткахъ домашнихъ животныхъ встрѣчающихся въ нихъ*“.

Штида познакомилъ Съѣздъ съ результатами работъ профессора Богданова по изслѣдованіямъ „*О краниологическихъ признакахъ жителей Сѣверянской земли, жителей древнихъ Болгаръ и доисторическихъ Тиверцевъ*“.

Д. Н. Анучинъ излагаетъ свѣдѣнія „*О черепахъ кавказскихъ, измѣренныхъ при участіи Чернявскаго, Фелицына, Филимонова и др.*“

Штида сообщаетъ краткій отчетъ „*О раскопкахъ графа фонъ-деръ-Браель Платеръ въ Ковенской губ.*“

Того же числа, въ 3 часа дня, Тифлисъ, въ лицѣ своихъ представителей — городской думы — рѣшилъ почтить гостей V Археологическаго съѣзда обѣдомъ отъ города. Обѣдъ на 200 человекъ, въ числѣ которыхъ было до 50 человекъ, пріѣзжихъ гостей, состоялся въ лѣтнемъ помѣщеніи Тифлискаго Собранія. На обѣдѣ присутствовали: исправляющій должность Намѣстника, генералъ-адъютантъ князь Л. И. Меликовъ, начальникъ Главнаго Управленія Намѣстника, генералъ-лейтенантъ Д. С. Старосельскій и многіе другіе представители судебной и административной

власти въ краѣ. Въ числѣ приглашенныхъ были и почти всѣ представители мѣстной русской и туземной прессы. Обѣдъ состоялъ почти исключительно изъ блюдъ туземной кухни. Послѣ тостовъ за здоровье почетнаго предсѣдателя съѣзда, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, и въ честь исправляющаго должность Намѣстника князя Л. И. Меликова, городской голова А. С. Маниловъ произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ радость и гордость мѣстнаго населенія, которому дана возможность видѣть въ стѣнахъ своего города столькихъ извѣстныхъ ученыхъ. Городской голова высказалъ также общее и самое искреннее желаніе своихъ согражданъ увидать когда-либо присутствующихъ ученыхъ не гостями, а также хозяевами, когда и Кавказъ, наконецъ, будетъ имѣть свой университетъ.

На рѣчь головы отвѣчалъ графъ А. С. Уваровъ. Поблагодаривъ городскихъ представителей за радушіе, съ которымъ принимаютъ гостей въ Тифлисъ, графъ Уваровъ указалъ на то, что Археологическій съездъ пользуется видимо особымъ вниманіемъ интеллигентнаго населенія, такъ какъ засѣданія съѣзда посѣщаются публикой весьма усердно. Графъ Уваровъ также чрезвычайно сочувственно отнесся къ стремленію населенія имѣть въ Тифлисъ университетъ.

Послѣ тостовъ въ честь главныхъ дѣятелей администраціи и съѣзда, произнесены были рѣчи профессорами Д. А. Хвольсономъ, Вирховымъ и Цвѣтаевымъ.

Рѣчь Хвольсона, обращенная исключительно къ армянской интеллигенціи, была посвящена вопросу о значеніи сохраненія національности и разработки національной литературы, при томъ, впрочемъ, непримѣнномъ условіи, чтобы это не мѣшало единенію разнообразныхъ народностей, населяющихъ Кавказъ, подъ эгидою русскаго правительства.

Профессоръ Вирховъ произнесъ на нѣмецкомъ языкѣ, длинную рѣчь, въ которой высказалъ, что, какъ радушный пріемъ, такъ и вниманіе, которымъ пользуются ученые работы Съѣзда, доказываютъ, что цивилизація сдѣлала въ послѣднее время громадныя успѣхи въ этомъ далекомъ отъ западной Европы уголкѣ. Присоединившись къ высказанному городскимъ головою желанію, чтобы Тифлисъ сдѣлался центромъ цивилизаціи въ краѣ и чтобы въ немъ былъ основанъ университетъ, который еще болѣе подвинетъ дѣло развитія населенія и прогрессъ его въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, профессоръ Вирховъ попросилъ позволенія поднять бокалъ въ честь старѣйшаго изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ представителей русской цивилизаціи, профессора Н. И. Костомарова.

Профессоръ Цвѣтаевъ, сравнилъ настоящій Съездъ съ ученымъ съездомъ въ Италіи въ 1875 году, въ которомъ онъ принималъ участіе, причемъ, несмотря на всѣ принятые мѣры, ни результаты работъ, ни количество предложенныхъ къ разработкѣ вопросовъ, ни участіе и сочувствіе населенія далеко не могутъ сравниться съ настоящимъ Съездомъ. Говорилъ также профессоръ Чубиновъ о значеніи грузинской литературы.

Обѣдъ окончился послѣ 6-ти часовъ; но и послѣ него до поздняго вечера раздалась оживленная бесѣда и обмѣнъ мыслей въ Собраніи и въ отдѣльныхъ кружкахъ.

19 сентября, вечеромъ.

Отдѣленіе VIII. Историческая географія и этнографія.

Почетный предсѣдатель *Д. Н. Мейчикъ.*

Секретарь *Ю. П. Проценко.*

Л. Н. Майковъ читаетъ рефератъ *Соловьева* „(о) необходимости изученія знаковъ собственности у кавказскихъ туземцевъ и другихъ племенъ, населяющихъ Россію“. См. прибавл., стр. 108—114.

Гаркави. Дѣлая дополненіе къ реферату г. Соловьева напоминаетъ собранію, что въ трудахъ Съезда ориенталистовъ, происходившаго въ Петербургѣ въ 1876 г., въ первомъ томѣ г. Люценко, директоръ Керченскаго музея издалъ изображенія разныхъ надгробныхъ памятниковъ Таманскаго полуострова на которыхъ замѣчаются различные знаки, не понятные г. Директору. Въ примѣчаніяхъ редакціи, которыя, должно быть, принадлежать В. В. Григорьеву, справедливо говорится, что эти знаки, по всей вѣроятности, ничто иное, какъ *тавро* или вообще знаки собственности. Хотя знаки эти не совсѣмъ удобно относить—къ Кавказу, но, при изслѣдованіи кавказскихъ знаковъ собственности необходимо опредѣлить на сколько таманскіе знаки сходны или различаются съ ними.

Л. Н. Майковъ докладываетъ статью *Апанитова* объ „Археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Иркутской губерніи въ 1881 г.“ См. прибавленіе, стр. 81—86.

Д. Я. Самоквасовъ „О генетическомъ, и этнографическомъ сродствѣ Скифовъ и Славянъ.“ См. приложение стр. 196—202.

Д. И. Иловайскій. — Коментируя рефератъ Самоквасова, представляющаго параллели между разными славянскими обычаями и тѣми извѣстіями, которыя имѣются о Скифахъ, находитъ, что параллели эти могли бы быть продолжены еще на многія указанія и свидѣтельства въ пользу выводовъ, которые были предложены референтомъ. Съ своей стороны Иловайскій указываетъ на слѣдующія свидѣтельства: Геродотъ, какъ сообщилъ г. референтъ, передаетъ имена разныхъ божествъ скифскихъ, Папая, Итосура и т. п. Но замѣчательно, что имена эти были, конечно, туземныя, очевидно, скифскія, между тѣмъ, изъ описанія того же Геродота видно, что главнымъ почитаніемъ у скифовъ все таки пользовался богъ войны, которому они воздвигали особые храмы для жертвоприношенія, приносили въ жертву плѣнниковъ, слѣдовательно, человѣческія жертвы; но этотъ богъ войны называется не какимъ либо туземнымъ скифскимъ именемъ, а постоянно называется Аресь, т. е. греческимъ именемъ бога войны. Такое отсутствіе туземнаго имени въ названіи главнаго божества было бы немного странно. Какимъ образомъ Геродотъ, который пересчитываетъ столько именъ божествъ варварскихъ для грека, не можетъ узнать имени важнѣйшаго божества скифскаго? По этому поводу Иловайскій высказываетъ свое личное соображеніе, сущность котораго заключается въ томъ, что, вѣроятно, скифское названіе этого божества было такъ близко, что почти совпадало съ названіемъ греческимъ. Дѣйствительно, между славянскими божествами находимъ нѣчто подобное, только съ начальною гласною смягченною. Именно, находимъ божество, въ которомъ корень является *ар* или *яр*.

x*

Такъ, у западныхъ славянъ находимъ Яровить, у насъ Яръ или Ярило и т. д. (славянскому яро — вѣсна соотвѣтствуетъ нѣмецкое Jahr — годъ или лѣто, — намѣкающее на что то подобное и у древнихъ германцевъ). Слѣдовательно, вотъ фактъ, который тоже можетъ служить въ пользу выводовъ Д. Я. Самоквасова. Затѣмъ, однако, смѣло было бы считать этотъ вопросъ уже рѣшеннымъ въ смыслѣ, сейчасъ предложенномъ. Пока можно только полагать прочнымъ завоеваніемъ науки то положеніе, что скифы были несомнѣнно арійцы. Въ прежнюю эпоху ученые относили ихъ къ Туранскому племени, какъ монголовъ, финновъ, и т. д., все на томъ основаніи, которое прежде такъ путало и мѣшало историко-этнографическій вопросъ, т. е. на томъ основаніи, что эти племена были дикія, свирѣпыя, кочевыя и т. п. Въ наше время подобныя основанія отброшены, какъ ничего недоказывающія. На нихъ нельзя дѣлать выводовъ о расахъ и племенахъ. Итакъ несомнѣннымъ становится, что скифы было племя арійское, что подтверждается въ наше время по многимъ отраслямъ изслѣдованія; между прочимъ, это положеніе упрочилось въ особенности тѣмъ, что изображенія, найденныя въ раскопкахъ скифскихъ могилъ, не имѣютъ въ себѣ ничего туранскаго или монгольскаго, а, напротивъ, въ этихъ изображеніяхъ видится арійскій типъ; все таки точнѣе опредѣлить, какая это народность, очень трудно, т. е. признать ли въ нихъ славянское или другое родственное арійское племя? Входя далѣе въ болѣе подробный разборъ реферата Дм. Ив. дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе. Въ началѣ его г. референтъ бралъ данныя собственно изъ эпохи нѣсколько позднѣйшей, изъ вѣковъ уже послѣ Р. Х., начиная съ I, II, потомъ преимущественно V и VI вв. Относительно этого обстоятельства надобно замѣтить, что въ тѣ времена скифы уже имѣли болѣе географическое названіе, чѣмъ народное или племенное. Это географическое названіе идетъ затѣмъ очень долго; въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ его нѣсколько переживаетъ Сарматія, Сарматы; но оно переживаетъ и это названіе. Такъ что въ IX, X вв. у Византійскихъ писателей встрѣчаются подъ именемъ скифовъ уже совершенно не арійскія племена печенѣговъ, половцевъ, мадьяръ и т. д. Обращаясь къ болѣе раннему періоду, подъ именемъ скифовъ, встрѣчаемъ у византійскихъ писателей, готтовъ. Эти извѣстія относятся къ IV в., тамъ можно положительно найти что подъ скифами они разумѣли готтовъ. Это нѣсколько усложняетъ вопросъ тѣмъ болѣе, что въ теченіе IV в. владычество готтовъ въ Скифіи встрѣчается одновременно съ возстаніемъ противъ нихъ гунновъ и руссовъ. Несомнѣнно, что восточно германскія племена, т. е. готты жили въ Скифіи; были однимъ изъ народовъ, населявшихъ Скифію, а въ началѣ переселенія народовъ двинулись далѣе на западъ. Слѣдовательно, кромѣ славянъ въ Скифіи находимъ другое арійское племя, это готты. Что славяне тамъ были это несомнѣнно. Г. референтъ справедливо указалъ, что не могло же быть полнаго отсутствія извѣстій о какомъ нибудь переселеніи славянъ изъ Азіи, ежели бы они не жили тамъ въ то время, когда писалъ Геродотъ о Скифіи; ибо переселеніе ихъ совершилось бы на глазахъ исторіи, и исторія не могла бы упустить этого изъ виду; она обмолвилась бы хотя одной фразой объ ихъ движеніи. Слѣдовательно, тутъ находились два арійскія племена, славяне и готты, а затѣмъ имѣемъ полное право предположить, что въ числѣ арійскихъ племенъ, жившихъ въ Скифіи, жило еще 3-е, именно литовское племя, которое по всѣмъ признакамъ позднѣе было отодвинуто далѣе на сѣверъ, въ лѣса къ Нѣману и въ окрестныя области. Такимъ образомъ вопросъ осложняется. Затѣмъ, хотя позднѣе слово Скифія приобрѣтаетъ географическое значеніе, тѣмъ не менѣе въ началѣ

это названіе принадлежало непременно какому нибудь извѣстному народу и вотъ является вопросъ: какому же народу оно принадлежало? Въ этомъ отношеніи, кажется, нужно остановиться на тѣхъ извѣстіяхъ, которыя относятся къ такъ называемымъ царскимъ скифамъ, которые обитали между Днѣпромъ и Дунаемъ во время Геродота. Онъ рассказываетъ о томъ, какъ царскіе скифы брали дань съ другихъ сосѣднихъ съ ними народовъ. Но къ какому племени, именно, относятся эти царскіе скифы къ славянамъ или къ готамъ? — это еще остается вопросомъ.

Юрченко. Дмитрій Ивановичъ сейчасъ сказалъ, что вопросъ о народности скифовъ довольно трудно рѣшить, что можно сказать только одно, что скифы, вѣроятно, принадлежатъ арійскому племени, а не туранскому. Это въ значительной степени вытекаетъ и изъ реферата г. Самоквасова. Дѣло въ томъ, что между прочимъ основываютъ это, такъ сказать, славянство Скифовъ на сравненіи этнографическихъ показаній о нравахъ и бытѣ скифовъ, какъ они представляются у Геродота, и потомъ на тѣхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ о Славянахъ отъ писателей сравнительно позднѣйшихъ. Но данныя, которыя г. референтъ извлекаетъ у писателей—(неговорю о раскопкахъ), едвали могутъ быть во многихъ случаяхъ приложимы непременно къ Славянамъ. Такъ напр., самъ г. Самоквасовъ уже указываетъ на то, что Тацитъ даже Вендовъ сомнѣвался какъ назвать, сарматами или можетъ быть германцами. Затѣмъ, та легенда, по которой Скифы считали себя происшедшими отъ одного лица, у котораго было 3 сына, повторяется и у другихъ индо-европейскихъ народовъ, и Германцы полагали, что они произошли отъ трехъ сыновей бога Мана. Достаточно вспомнить греческую легенду объ Эллинѣ. Все это показываетъ, что Скифовъ можно причислить къ индо-европейской расѣ, а не къ туранской, но никакъ не болѣе. Затѣмъ, въ частности изъ этнографическихъ свойствъ Скифовъ указывается на то, что у нихъ жрецовъ не было и жертвы приносились обыкновенно царемъ. Если читать извѣстія Тацита о Германцахъ, то окажется, что это совершенно приложимо и къ древнимъ Германцамъ; и у нихъ оказывается жертвоприношеніе обыкновенно совершалъ князь. А Ю. Цезарь, жившій нѣсколько раньше Тацита, проводя параллель между древними Кельтами, Галлами и Германцами, заявляетъ, что Германцы тѣмъ отличаются отъ Кельтовъ, что у нихъ нѣтъ жрецовъ, или, вѣрнѣе что жрецы у нихъ не имѣли значенія точно организованнаго сословія. Слѣдовательно, указаніе относительно права приносить жертвы и относительно ничтожнаго значенія жрецовъ одинаково приложимо и къ славянамъ и къ германцамъ. Далѣе указано было на то, что и у Скифовъ и у Славянъ обыкновенно лицо, которое на судебномъ поединкѣ проигрывало, выдавалось головою тому, кто одерживалъ побѣду. Опять таки и это приложимо одинаково и къ славянскому и къ германскому судебному процессу. Такимъ образомъ, цѣлый рядъ этнографическихъ параллелей между извѣстіями о Славянахъ и извѣстіями о Скифахъ по Геродоту одинаково приложимо и къ Германцамъ, и къ Славянамъ, и къ Скифамъ и это доля доказательствъ должна быть признана, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, недостаточно обоснованной.

Гр. Уваровъ. — Обратилъ вниманіе на то, что Д. Я. Самоквасовъ въ своемъ рефератѣ затрогиваетъ важный вопросъ о народности скифовъ и не довольствуясь лингвистическими доказательствами, которыя доселѣ мало подвинули рѣшеніе этого вопроса, прилагаетъ къ изученію вопроса новый, такъ сказать, этнографическій приемъ. Сопоставляя тѣ этнографическія черты, которыя, по его мнѣнію, всего болѣе согласуются

между обычаями Скифовъ и обычаями Славянъ, Дмитрій Яковлевичъ выбираетъ тѣ, которыя имѣютъ болѣе всего сходства между собой и указываетъ въ особенности на погребальныя обряды. Онъ говоритъ, что каждый народъ, учреждая обряды погребенія, строго держался своихъ религіозныхъ обычаевъ и не отступалъ отъ нихъ, въ примѣръ чего приводитъ Скифскій обычай, когда умиралъ царь, убивать его женъ и служащихъ при немъ, и указываетъ на такой же обычай у Славянъ. Но все это составляетъ только обрядовую сторону вопроса; существуетъ другая сторона болѣе существенная и составляющая главную суть погребальныхъ обрядовъ и, если дѣйствительно Скифы и Славяне были одинъ народъ, то существенная сторона должна быть у нихъ одна и та же. Несомнѣнно, что Геродотъ имѣлъ въ виду только Скифовъ царскихъ и вѣроятно, Д. Я. Самоквасовъ имѣлъ въ виду тѣхъ же Скифовъ, которые, какъ указалъ Д. И. Иловайскій, занимали пространство отъ Днѣпра до Дуная. О погребеніи этихъ царскихъ Скифовъ Геродотъ дѣйствительно говоритъ, что тамъ убивали и погребали. Раскопки, произведенныя г. Забѣлинымъ, доказали дѣйствительно, что всѣ скифскія гробницы были съ тѣлами погребенныхъ. Тоже самое можно сказать и о скифскихъ могилахъ открытыхъ на сѣверномъ Кавказѣ, на берегахъ р. Лабы, Между прочимъ, у Славянъ эта главная суть исчезаетъ; ибо Славяне, хотя и убивали женъ и служащихъ умершаго лица, но они ихъ сожигали. Слѣдовательно, тутъ видна существенная разница между погребальными обрядами славянскими и скифскими. Довольно этой одной черты, чтобы дозволить сомнѣніе и не согласиться съ заключительными словами референта, что доказательства его несомнѣнны.

Д. И. Иловайскій. — Не соглашается съ замѣчаніемъ гр. Уварова потому что еще не доказано, чтобы всѣ славяне не иначе погребали, какъ посредствомъ трупосожженія. Пока, по мнѣнію Дм. Ив. это можно сказать только о тѣхъ Славянахъ, которые жили нѣсколько сѣвернѣе, а о Славянахъ, жившихъ во времена скифскія въ степяхъ, едва ли можно предположить, чтобы они сожигали трупы, потому что это, въ свою очередь, должно было находиться въ зависимости отъ природы, такъ какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ можно было имѣть всегда лѣсъ, трупосожженіе могло господствовать, но гдѣ лѣса не было, тамъ трудно предположить трупосожженіе.

Гр. Уваровъ. — Удивляется замѣчанію Д. И. Иловайскаго, ибо, возражая Самоквасову, онъ не думалъ говорить о всѣхъ обрядахъ погребенія у Славянъ, а говорилъ единственно о тѣхъ свидѣтельствахъ, которыя привелъ референтъ. Въ приведенныхъ Самоквасовымъ свидѣтельствахъ онъ указалъ только на сходство между обрядами погребенія и упомянулъ о фактѣ сожженія труповъ у Славянъ, но не думалъ вовсе окончательно рѣшать вопроса о способѣ погребенія у Славянъ; вопросъ этотъ разрѣшать со временемъ раскопки.

Холмсонъ. — Пополняя и комментируя рефератъ Самоквасова и его возражателей, говоритъ что вопросъ о скифахъ поднятъ въ первый разъ въ началѣ нашего столѣтія Нибуромъ. Были высказаны весьма различныя мнѣнія, многіе стояли за ихъ монгольское происхожденіе, другіе за славянское и иранское. Всѣ представители этихъ различныхъ мнѣній основываютъ свои доказательства на тѣхъ же самыхъ источникахъ, которыя послужили и Дмитрію Яковлевичу: языкъ, мифологія, религія и обычаи. Геродотъ описываетъ религіозныя взгляды скифовъ, ихъ обряды, приводитъ нѣсколько словъ и именъ... Многіе писатели и ученые воспользуются этими словами чтобы доказать, что они были монгольскаго происхожденія, другіе, напротивъ, приводятъ почти тѣ же слова

и доказываютъ, что они были славяне; третьи—что они были иранцы. Всѣ эти филологическія доказательства слѣдуетъ теперь считать уничтоженными съ тѣхъ поръ какъ наука доказала, что варварскія имена, дошедшія до насъ въ греческой транскрипціи должны имѣть для насъ очень мало значенія. На этомъ основаніи кажется, что изслѣдованіе вопроса о скифахъ доказательствами языка слѣдуетъ совершенно оставить въ сторонѣ. Обряды и религіозныя взгляды скифовъ, переданные намъ Геродотомъ, тоже мало доказываютъ, потому что Греки, большею частью, видѣли въ богахъ чужихъ народовъ своихъ собственныхъ боговъ, вслѣдствіе того, что они не были въ состояніи вникнуть въ духъ религіи другаго народа. Самоквасовъ обращаетъ также вниманіе на разные сосуды, которые были найдены въ гробницахъ, но Хвольсонъ не придаетъ значенія подобнымъ памятникамъ, утверждая что у первобытныхъ народовъ, большею частью, была одна и та же форма сосудовъ. На Кавказѣ напр., и до сихъ поръ употребляются кувшины для вина, подобные тѣмъ какіе были у древнихъ грековъ. Тѣ-же наблюденія можно сдѣлать при посѣщеніи музеевъ по всей Европѣ. Изъ всего сказаннаго и написаннаго можно сдѣлать одинъ выводъ, именно тотъ, что для грековъ имя Скифъ былъ коллективное имя: всѣ народы, жившіе на сѣверѣ, которыхъ греки не понимали и не знали, назывались ими скифами. Между ними были и монголы, и славяне, и иранцы, и многіе другіе народы. Во II и III вв. скифы исчезаютъ; почему? Скифская народность распалась на болѣе мелкіе подраздѣленія: явились готты, славяне и другіе народы; мало по малу грекамъ пришлось съ ними столкнуться и познакомиться по ближе и общее имя скифы исчезло. На это есть прямое доказательство: много надписей греческихъ изъ тѣхъ странъ, которая называлась ими скифией съ чисто варварскими именами, доказываютъ, что надписи эти принадлежали разнымъ народамъ, происхожденіе которыхъ греки не знали, и которыхъ величали потому однимъ общимъ именемъ.

Дм. И. Иловайскій. — Настаиваетъ на томъ, что наука по вопросу о скифахъ пришла къ положительному результату, и что невозможно сомнѣваться въ томъ, что это были арійцы.

Хвольсонъ. — Возражая еще разъ указываетъ на сочиненіе Киперта, гдѣ въ особомъ параграфѣ относительно скифовъ упоминается о разныхъ мнѣніяхъ по этому предмету; самъ Кипертъ склоняется къ тому мнѣнію, что они были туранско-монгольского происхожденія, при чемъ оставляетъ вопросъ открытымъ и говоритъ, что онъ далеко нерѣшенный, потому что есть много мнѣній pro et contra. Что касается надписей, то они еще далеко еще не разобраны; и если и доказано, что они не монгольскія, то вмѣстѣ съ тѣмъ доказано, что они а не арійскія. Есть описаніе скифовъ у Гиппократата на основаніи котораго антропологи говорятъ, что скифы должны быть туранско-монгольского племени.

Д. Я. Самоквасовъ. — Возражая всѣмъ своимъ опонентамъ, приводитъ, въ подтвержденіе своей теоріи, еще новое доказательство—новооткрытыя монеты съ изображеніемъ скифской головы, монеты на которыхъ нельзя найти ничего монгольского, а напротивъ, всѣ признаки индо-европейскіе. Онъ находитъ также вполне ошибочнымъ мнѣніе тѣхъ которые различаютъ скифовъ — пахарей, отъ скифовъ кочевыхъ или царскихъ. Геродотъ этого не говоритъ. Единственное различіе, на которое онъ обращаетъ вниманіе относительно этихъ племенъ — это ихъ образъ жизни. Геродотъ наримѣръ не дѣлаетъ никакого различія, говоря, о религіи и обрядахъ, у скифовъ вообще. Разбирая мнѣніе

оппонентовъ касательно того сходства въ обычаяхъ, которое находятъ у Славянъ и Германцевъ, Самоквасовъ объясняетъ это происхожденіемъ Германцевъ, подобно Славянамъ, отъ Скифовъ и тому ошибочному мнѣнію, которое составилось въ наукѣ о самой Скифіи, которую представляютъ себѣ обыкновенно въ предѣлахъ, приданныхъ ей на картѣ Бруна, то есть между Дунаемъ, Кіевскою губ. и Дономъ. Упираясь на Геродота, референтъ доказываетъ и настаиваетъ на ошибочности этого мнѣнія.

Д. Н. Анучинъ. — Находить, что доказательства, представленныя Д. Я. Самоквасовымъ, относительно приуроченія скифовъ къ славянскому племени или, по крайней мѣрѣ, близкаго родства ихъ между ними, доказательства, какъ этнографическія такъ и антропологическія, едва ли представляютъ достаточную убѣдительность. Подобный методъ привелъ бы къ убѣдительному доказательству, тогда, если бы прослѣжено было подобное сравненіе не только между одними скифами и славянами, но также и между германцами, между туранскими племенами Кавказа и т. д. и, смотря потому, гдѣ было бы найдено болѣе сходственныхъ чертъ, можно было бы вывести нѣкоторое отношеніе. Референтъ привелъ примѣръ сходственной черты, бани; но обыкновеніе париться въ баняхъ существуетъ у всѣхъ финскихъ племенъ, во всей сѣверной Америкѣ и даже въ средней Азіи; можно даже съ увѣренностью сказать, что и у всѣхъ первобытныхъ народовъ были бани. Этотъ фактъ ничего ровно не доказываетъ. На кавказскія племена тоже до сихъ поръ указывали, какъ на родственныя скифамъ. Слѣдовательно, если проводить параллель, то родится вопросъ, гдѣ больше сходства, между кавказскими племенами и скифами или между этими послѣдними и древними славянами. Съ другой стороны, если обратимся къ антропологическимъ признакамъ, то, совершенно вѣрно, что въ изображеніи скифовъ нѣтъ ничего подходящаго къ монгольскому типу, при чемъ слѣдуетъ оговориться, что въ изображеніяхъ этихъ нѣтъ ничего и славянскаго. Изображеніе даковъ, напр., представляютъ большое сходство со славянами, однако едвали современная наука согласится, что они тоже славяне. Но есть еще одна особенность, на которую необходимо обратить вниманіе: Скифы на всѣхъ изображеніяхъ являются народомъ коннымъ, живущимъ при своихъ лошадяхъ. На знаменитой серебряной скифской вазѣ мы въ изображенныхъ лошадяхъ узнаемъ нашу степную киргизскую лошадь. Съ другой стороны, обращаемся къ славянамъ и видимъ, что это народъ совершенно неконный, о чемъ имѣемъ положительныя свѣдѣнія, отъ X в.: въ житіи Льва діакона, прямо говорится, что они не только не умѣютъ ѣздить, но не умѣютъ сидѣть порядочно на лошади; извѣстно также, что въ XIII в.: новгородцы отказывались ѣздить на лошадяхъ и предпочитали сражаться пѣшими. Эта особенность заставляетъ призадуматься надъ приуроченіемъ скифовъ къ славянамъ. Что скифы не монголы въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; что въ языкѣ ихъ, по тѣмъ немногимъ извѣстіямъ, которыя сохранились объ этомъ языкѣ, есть сродство съ иранскимъ, это тоже несомнѣнно; что же касается до типа, то между славянами и монголами есть такая масса племенъ, между которыми, можетъ быть, и найдутся гораздо болѣе близкіе родичи скифовъ, чѣмъ славяне.

Гр. Уваровъ. — Не касаясь далѣе вопроса о скифахъ, дѣлаетъ вѣскія замѣчанія академику Хвольсону, сказавшему, что нѣтъ никакой разницы между сосудами и вообще вещественными памятниками различныхъ народовъ и эпохъ. Подобное странное мнѣніе въ человѣкѣ, ученомъ, въ высшей степени поражаетъ графа, ибо, допуская такой взглядъ на науку и искусство, пришлось бы совершенно отказаться отъ того,

что называется стилемъ, что привыкли называть школой. Подобный взглядъ совершенно непонятенъ въ наше время, когда по монетамъ пришлось возстановлять всю древнюю исторію Босфора кимерійскаго, когда по тѣмъ же монетамъ удалось прочесть надписи, молчавшія до тѣхъ поръ и соединить, такимъ образомъ, въ одно цѣлое всѣ эти свѣдѣнія, которыя дали намъ монеты о всѣхъ столѣтіяхъ и по всѣмъ столѣтіямъ этого царства.

Гр. Уваровъ.—Обращаетъ вниманіе Съѣзда на 4 памятника, которые сравниваетъ съ одной стороны съ тѣми урнами, которыя Шлиманъ нашелъ въ Малой Азіи и на задней сторонѣ которыхъ находятся изображенія, подходящія иногда подъ изображенія человѣческія, иногда представляющія филина и пр: съ другой—съ такъ называемыми личными сосудами, найденными въ Пруссіи профес. Вирховымъ, родиной которыхъ считаютъ прибалтійскій край до береговъ р. Одера. Пр. Вирховъ спеціально занялся этимъ вопросомъ, собралъ всѣ свѣдѣнія, но не пришелъ еще къ положительнымъ результатамъ относительно народности этихъ личныхъ урнъ, которыя отличаются отъ личныхъ урнъ Шлимана особенными украшеніями. Разбирая подробно мнѣніе пр. Вирхова, демонстрируя по рисункамъ, приложеннымъ къ послѣдней брошюрѣ почтеннаго профессора, лично прибывшаго на Съѣздъ, Графъ Уваровъ пополняетъ все сказанное разборомъ и изученіемъ тѣхъ личныхъ сосудовъ, которые найдены въ Россіи. Первый изъ нихъ, принадлежащій Тиолисскому музею, найденъ на Кубани, табл: ХLI; на этомъ сосудѣ, на оборотъ тѣхъ, которые найдены Шлиманомъ и въ сѣверной Пруссіи, лицо человѣческое находится на главной части сосуда; уборъ головы довольно характеристиченъ, на затылкѣ же особая прядь волосъ, какъ бы нарочно отдѣленная, для указанія что ей придается особое значеніе. Другихъ знаковъ отличія, или указаній происхожденія этого сосуда пока не имѣется, но Графъ сравниваетъ его съ тѣмъ рѣзнымъ камнемъ, который былъ демонстрированъ Съѣзду и былъ изданъ покойнымъ академикомъ Дорномъ. На этомъ камнѣ находится такая же прическа, какъ и на Кубанскомъ сосудѣ. 2-й памятникъ, по топографіи близкій этому сосуду, есть бронзовая голова, найденная въ Астраханской губерніи, табл: ХLII. На этой бронзовой головѣ есть признакъ, положительно указывающій на вліяніе Индіи, именно знакъ ясно видимый на лбу между глазъ. Извѣстно, что нѣкоторые сектанты въ Индіи выводили посредствомъ татуировки разные символическіе знаки между глазъ; съ другой стороны разсматривая различныя исторіи ересей, мы находимъ, что нѣкоторыя секты, которая особенно развились въ XI, XII, XIII и XIV вв. установили тотъ самый знакъ на самой срединѣ, между бровями, который замѣчается и на этой фигурѣ. 3-й памятникъ—бронзовая лампа, табл: ХLIII найденная въ Смоленской губер., въ курганѣ с. Гнѣздова, возлѣ урны, наполненной золой и возлѣ 2-хъ наконечниковъ желѣзныхъ копій, воткнутыхъ въ землю; копья эти поддерживали землю и урна съ лампой сохранились въ совершенной цѣлости. На ней такая же женская голова, безъ знака между бровями, но зато со вставленной въ носъ бирюзой. Такъ какъ въ то время, когда насыпались эти курганы — они относятся къ IX или X вв., — мѣсто находенія бирюзы въ Россіи не было извѣстно, то присутствіе бирюзы опять таки указываетъ на Востокъ. Наконецъ, 4-й памятникъ — бронзовый сосудъ изъ коллекціи Графа, табл. ХLIII, найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ монахомъ, обезсмертившимъ свое имя, вырѣзавъ его на сосудѣ, возлѣ Великихъ-Луки, Петербургской губерніи. Этотъ сосудъ изображаетъ также женскую фигуру, довольно грубо отдѣланную, въ особенности по отношенію ушей и носа, но въ глазахъ, видимо были вставлены камни или эмаль, которая выпала. Въ этомъ сосудѣ замѣ-

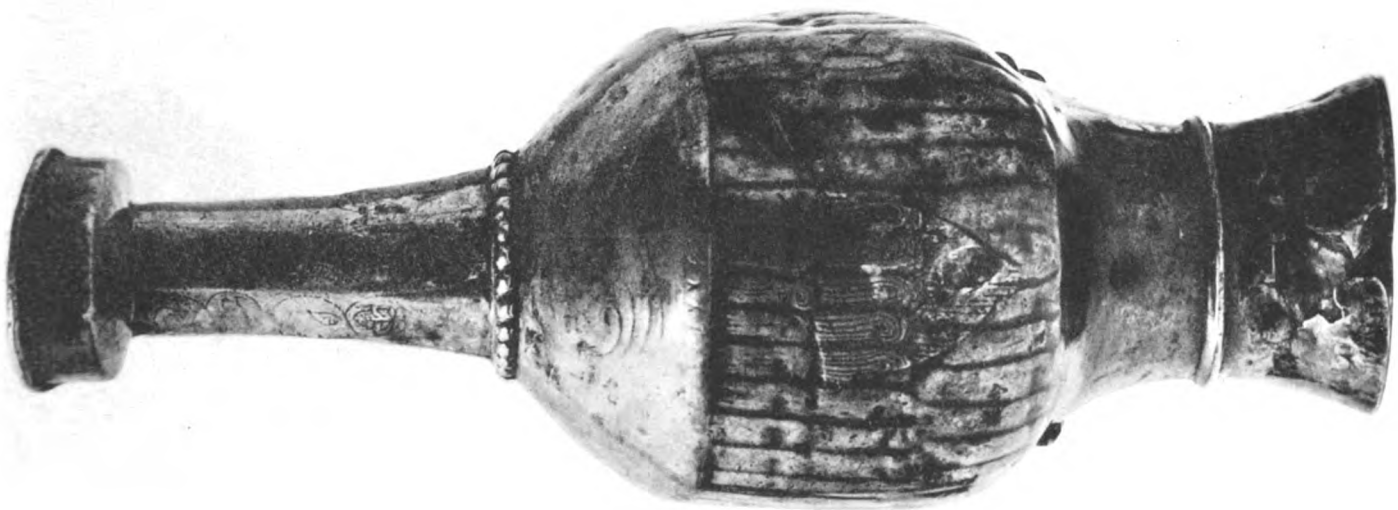
чается между бровями тотъ же самый знакъ, какъ и на вышеупомянутой Астраханской головѣ, знакъ указывающій на индійское вліяніе, въ X и XII в. На основаніи всего вышесказаннаго Графъ считаетъ всѣ эти сосуды произведеніемъ востока и видитъ въ нихъ прямое указаніе на торговлю съ Востокомъ и даже съ Индіей.

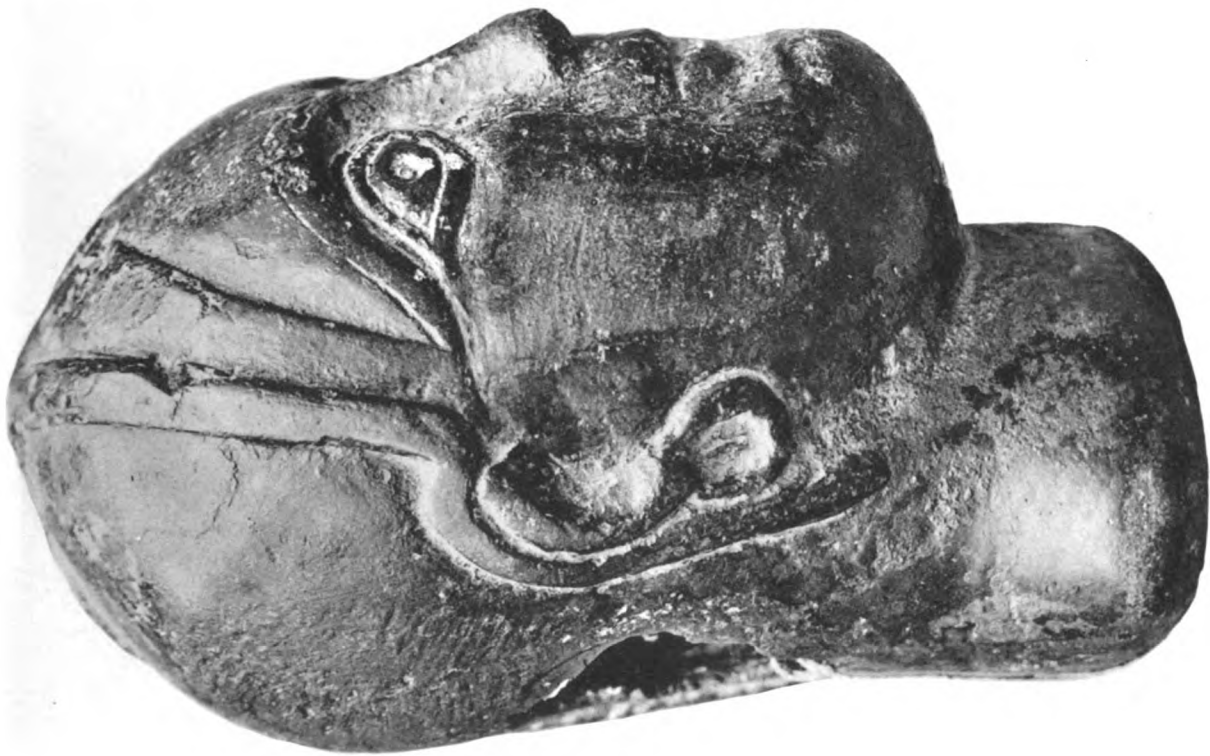
Бар. Тизенгаузенъ. — Я позволю себѣ привести только нѣсколько свидѣтельствъ въ пользу тѣхъ соображеній, которыя высказалъ гр. А. С. Уваровъ, именно, въ пользу древнихъ сношеній между Индіей и восточной Европой, сношеній, которымъ мы, вѣроятно, обязаны тѣмъ, что сосуды, о которыхъ говорилъ гр. А. С. Уваровъ, занесены были въ Россію. Обращаюсь сперва къ памятникамъ вещественнымъ. Тѣ, которые имѣли случай быть на Петербургскомъ съѣздѣ ориенталистовъ, припомнятъ, вѣроятно, выставленные на немъ серебряные сосуды, принадлежащіе кн. А. Г. Гагарину. Сосуды эти, найденные въ Россіи, несомнѣнно буддійскаго происхожденія съ типичными индійскими фигурами; находящіеся на нихъ письма къ сожалѣнію до сихъ поръ не разобраны, но большею частью признаны за письма индійскія. Подобный сосудъ уже былъ изданъ акад. Бетлингомъ въ академическомъ бюллетенѣ за 1848 г. (Т. IV, 160—165). Очень жаль, что я не могу представить вамъ одну изъ таблицъ послѣдняго отчета Археологической Коммиссіи, на которой также изображены сосуды, несомнѣнно индійскіе, находящіеся въ коллекціи гр. Строганова и найденные въ Пермской губерніи. Затѣмъ, есть свидѣтельство нумизматическое, и я попрошу васъ обратить вниманіе на 2 монеты, изображ. въ брошюрѣ Фридендера (*Der Fund von Obrzycko. Berlin. 1844*). Монеты эти значатся тамъ подъ №№ 8 и 9 на 3-й таблицѣ. На первой съ одной стороны изображены волъ и надпись индійская, которая читается „*Сри Саманта Дева*“ (названіе одного изъ Кабульскихъ царей); съ другой всадникъ. Монеты эти изслѣдованы подробно еще Принсепомъ и Вильсономъ; но приурочивались однимъ къ слишкомъ отдаленному, а другимъ къ слишкомъ близкому къ намъ времени, пока, наконецъ, находка Обржицкая не разъяснила дѣла: въ ней такая монета была найдена съ монетами куфическими, византійскими и германскими, относящимися къ X в. Затѣмъ, какъ Лонперье, такъ и Рено ясно доказали, что эти монеты относятся къ X в. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго П. С. Савельева, находится рукописная замѣтка, посвященная разбору этихъ монетъ и, мнѣ кажется, мы сдѣлали бы доброе дѣло для памяти покойнаго, если бы помѣстили эту статью въ трудахъ нашего Съѣзда (см. ниже). Я готовъ пополнить ее тѣми указаніями, которыя успѣлъ собрать по этому предмету. Статья эта была имъ написана по поводу находки такихъ индійскихъ или кабульскихъ монетъ, когда онъ производилъ раскопки кургановъ около Переяславля Залѣскаго и около Ростова въ 1853 и 1854 г. Наконецъ, подобная монета была найдена въ Смоленской губерніи въ 1868 г. и описана въ Извѣстіяхъ Петербургскаго Археологическаго Общества (т. VII, стр. 74). Рядомъ съ монетой подъ № 8 въ брошюрѣ Фридендера значится другая монета подъ № 9, найденная въ томъ-же Обржицкомъ кладѣ въ Пруссіи, тоже индійскаго происхожденія; хотя письма, которыя на ней находятся, еще не разобраны, но они имѣютъ большое сходство съ письмами нѣкоторыхъ монетъ индійскихъ, описанныхъ Э. Томасомъ въ статьѣ: *Indo-parthian coins. London, 1870*. Нѣсколько такихъ индійскихъ монетъ найдено въ Пермской губерніи и находится въ коллекціи гр. С. Г. Строганова. Другая такая-же монета, найденная въ Пермской-же губ., вмѣстѣ съ византійскими и сассанидскими монетами VI—VII ст. по Р. Х. описана вкратцѣ въ V томѣ Зап. Петерб. Археол. Общ. (стр. 59) и хрон. въ Импер. Эрмитажѣ.

4 3 2 1

Фигура Гравюра Шлепса Иаковича 1878 Мемора

Фиг. 1. Лице на човек, изваяно в камък.

Фиг. Грассога Шерепа Надручича и Мокрица

Монеты эти относятся къ VI и VII вв. Наконецъ, тѣ, которые занимались исторіей Золотой Орды, припомнятъ описаніе индійскихъ патанскихъ монетъ, найденныхъ на берегахъ Волги въ развалинахъ г. Сарая. Монеты эти относятся къ XIV в. нашего лѣтосчисленія. Подобнаго рода монеты патанскихъ султановъ найдены были также въ Болгарахъ Казанской губерніи. Вотъ это памятники нумизматическіе. Наконецъ, есть прямое свидѣтельство письменное, которое я позволю себѣ заимствовать изъ изданнаго сочиненія арабскаго путешественника Ибнъ-Батуты XIV в. Онъ, между прочимъ, посѣтилъ Золотую Орду и подробно описываетъ, что видѣлъ въ ней и слышалъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о дѣятельной торговлѣ лошадьми, которая происходила между южной Россіей, или Кипчакомъ, и Индіей. Позволю себѣ привести его слова во французскомъ переводѣ (см. Ibn. Batouta, II, 371—374). Здѣсь есть, слѣдовательно, ясное указаніе о торговлѣ, происходившей между Кипчакомъ и Индіей. Въ другомъ мѣстѣ (Ibid., стр. 401) описывая „страну мрака“, т. е. сѣверъ Россіи, онъ упоминаетъ о торговлѣ горностаемъ, простиравшейся до Индіи, а описывая жизнь ханскихъ женъ (Ibid. стр. 413), говоритъ о состоявшихъ при одной изъ нихъ индійскихъ прислужникахъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ ясное доказательство, что въ ханскую орду завѣзали прямо на службу Индійцы. Наконецъ, я узналъ отъ А. В. Комарова, что одна изъ улицъ въ Астрахани называется Мултанскою или Индійскою. Всѣ эти примѣры, приведенные мною, собраны случайно; вѣроятно еще найдется много другихъ; но надѣюсь, что и эти немногія свидѣтельства подтверждаютъ указаніе на индійское происхожденіе сосудовъ, описанныхъ гр. А. С. Уваровымъ.

А. В. Комаровъ.—Въ дополненіе къ сообщеніямъ Гр. Уварова и Бар. Тизенгаузена сообщаетъ, что преданіе о торговлѣ съ Индіей и прямыхъ сношеній ея съ Западомъ, очень сильно и до сихъ поръ сохранилось въ Астрахани. Торговля эта развивалась, вѣроятно, съ давняго времени и наибольшее ея развитіе было въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. Въ Астрахани и въ настоящее время много улицъ и даже цѣлый кварталъ, называются Индійскимъ; тоже самое названіе носить и старый гостинный дворъ. Сохранилась также фамилія Мултановыхъ, которые производятъ себя отъ послѣднихъ индійскихъ купцовъ, поселившихся въ Астрахани.

Штида прочелъ рефератъ „Объ Антропологій Евреевъ“. Разсмотрѣвъ всю европейскую литературу объ антропологій разныхъ расъ, г. Штида указалъ на существенный пробѣлъ въ этой наукѣ, вслѣдствіе страннаго отсутствія измѣренія и изслѣдованія череповъ Евреевъ. Причины этому онъ находитъ, какъ въ мнѣніи относительно потери основнаго типа Евреевъ, вслѣдствіе смѣшенія крови, такъ и по причинѣ нерасположенности Евреевъ къ производству измѣреній надъ ними. Затѣмъ онъ приводитъ данныя, полученныя изъ наблюденій гг. Коперницкаго, Майера и д-ра Дыбовскаго, которыя приводятъ къ заключенію, что Евреи оказываются дѣйствительно смѣшанной крови. Вейсбахъ, значитъ, правильно заключалъ, что въ средѣ Евреевъ можно различить два типа: длинноголовые съ узкимъ лицомъ и короткоголовые съ широкимъ. Однако, наблюденій вообще пока сдѣлано еще недостаточно.

М. И. Смирновъ.—Вопросъ объ антропологическомъ описаніи евреевъ весьма важенъ для науки уже по тому интересу, который представляется самимъ этимъ народомъ. Вслѣдствіе того, что Евреи постоянно избѣгали скрещиванія съ другими народами, гораздо легче будетъ небольшимъ, сравнительно, числомъ измѣреній воссоздать настоящій типъ еврейскаго народа, тотъ типъ, который представленъ на египет-

скихъ изображеніяхъ 18-й династіи и который такъ характеренъ, но до сихъ поръ былъ такъ мало и такъ не точно описанъ. На Кавказѣ еврейскій вопросъ представляетъ особенный интересъ. Нашъ извѣстный кавказскій ученый лингвистъ, этнографъ и историкъ Усларъ въ статьѣ, озаглавленной „*Распространеніе христіанства на Кавказѣ*“ и напечатанной въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ „Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горахъ“, указалъ на кавказскихъ Евреевъ, обратилъ вниманіе на то, что по всей вѣроятности эти Евреи суть остатки тѣхъ 10 колѣнъ, которыя никогда не возвратились на родину послѣ плѣненія ихъ, которые вѣроятно постепенно, теряли отчасти свою національность, но сохранили однакожъ названіе и особенности своего рода и до сихъ поръ заселяютъ часть Бакинской губерніи и южнаго Дагестана. На этомъ основаніи по мнѣнію М. И. слѣдуетъ начинать антропологическія изысканія Евреевъ на Кавказѣ, съ Бакинской губерніи и Дагестанѣ.

Иверсенъ прочелъ рефератъ „*О кладяхъ съ монетами*“, находимыхъ въ Россіи, причѣмъ выразилъ свое мнѣніе, что извѣстная древняя рѣдкая монета съ надписью: „Владиміръ на столѣ“, всего вѣроятнѣе, принадлежитъ Владиміру Святому. См. Прил: стр: 249—252.

20 сентября, утромъ.

Отдѣленіе I. Памятники первобытныя.

Почетный предсѣдатель *Л. Х. Штида*.

Предсѣдатель отдѣленія графъ *А. С. Уваровъ*.

Секретарь отдѣленія *Д. Н. Анучинъ*.

Лихачевъ доложилъ „*о Чировской пещерѣ въ Абхазіи*“. См. прил. стр. 245—248.

А. В. Комаровъ.—Возражаетъ въ особенности противъ выраженного *Лихачевымъ* мнѣнія, что пятиверстная карта Кавказа не вѣрна. Онъ полагаетъ, что ошибки вкрались потому, что селенія въ Абхазіи расположены не такъ, какъ селенія въ другихъ мѣстахъ. Селеніемъ называется тамъ цѣлый округъ, раскиданный иногда на пространства 30 и болѣе квадратныхъ верствъ, потому что Абхазцы живутъ отдѣльными дворами. Само собою разумѣется, что на пятиверстную карту невозможно нанести каждый дворъ, а наносится только тотъ пунктъ, въ которомъ находится сельское управленіе. По всей вѣроятности при составленіи пятиверстной карты и сельское управленіе Чировское находилось на томъ мѣстѣ, гдѣ оно дѣйствительно существуетъ ¹⁾. Затѣмъ обращаясь къ предположенію о томъ, что изъ пещеры вытекалъ въ водѣ конскій навозъ, *Комаровъ* замѣчаетъ, что въ такой глубокой пещерѣ, съ такимъ узкимъ входомъ, нѣтъ возможности держать лошадей и накоплять столько навоза, чтобы онъ могъ въ послѣдствіи выноситься и быть замѣченъ неоднократно. *Комаровъ* полагаетъ, что замѣченная мутность воды происходитъ отъ экскрементовъ летучихъ мышей, которыя водятся въ абхазскихъ пещерахъ въ громадномъ количествѣ. По всей вѣроятности, мыши прячутся въ этой пещерѣ и когда прибываетъ вода, то она смываетъ эти экскременты и потому замѣчается, что вода какъ будто выноситъ навозъ.

¹⁾ Пятиверстная карта Абхазіи вполне не удовлетворительна и не правильна, что весьма часто замѣчалось экспедиціей снаряженной Имп: Моск: Арх: Обществомъ на средства пожалованнаго Государемъ Императоромъ. Замѣчаніе Редакціи.

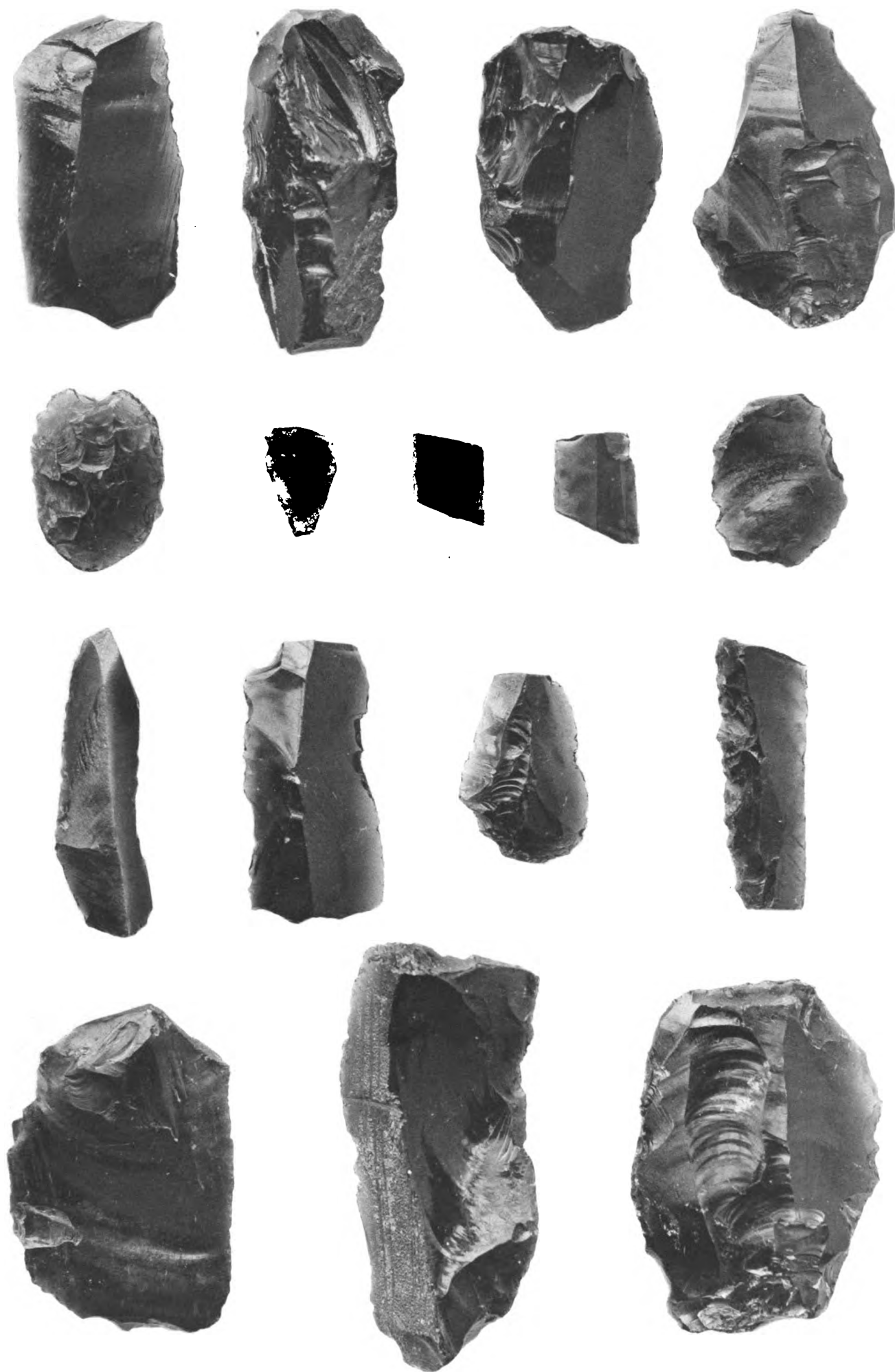

Фото-Гравюра Шерера. Наблюдать в № 105. Москва.

Обсидіановыя съ береговъ р. Цалки. Бурчалинскаго уѣзда, Тифлиской губ.

Находка А. Я. Юакимова.

Фото-Гравюра Шерера. Наброски в Казь Мостки.

Глиняные сосуды съ береговъ р. Цалки. Бурчалинскаго уѣзда, Тифлискаго губ.

Находка А. Я. Иоакимова.

Предсѣд. Графъ Уваровъ докладываетъ „объ Обсидіановыхъ Орудіяхъ“, найденныхъ на р. Цалкѣ въ Триалетскомъ приставствѣ учителемъ А. Я. Іоакимовымъ. См. табл: XXXIX, XL. Гр. Уваровъ, демонстрируя орудія и глиняные сосуды г. Іоакимова, указываетъ на важность находки, на тонкую отдѣлку обсидіановыхъ стрѣлъ, пилъ и ножей и выражаетъ мнѣніе, что ихъ слѣдуетъ отнести къ каменнымъ орудіямъ неолитической эпохи. Оканчивая, Графъ выражаетъ желаніе, чтобы на Кавказѣ встрѣтилось много такихъ добросовѣстныхъ тружениковъ, относящихся къ научнымъ предметамъ съ такою горячею любовью, какъ Іоакимовъ.

А. В. Комаровъ. — Въ дополненіе къ доложенному гр. Уваровымъ реферату сообщилъ, что посѣтилъ также описываемую мѣстность на р. Цалкѣ и можетъ заявить, что самое большое количество каменныхъ орудій находится на такъ называемой старой Александропольской дорогѣ, гдѣ послѣ каждого дождя, смывающаго верхній слой, на самой дорогѣ можно набрать огромное количество каменныхъ орудій. Мѣстные инженеры заявляютъ, что въ длину почти всего слоя находятъ огромныя кучи осколковъ обсидіана, сложенныхъ совершенно правильно, осколковъ между которыми однакожь весьма трудно найти хорошо оббитое орудіе, такъ что они пришли къ заключенію, что здѣсь была когда то фабрикація каменныхъ орудій и что всѣ эти кучи обломковъ происходятъ именно отъ этого. А. В. Комаровъ полагаетъ, что мѣстность по р. Цалкѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія, не только какъ мѣсто нахождения каменныхъ орудій, но и потому что она весьма богата пещерами, которыхъ онъ осмотрѣлъ числомъ до 15. Многія изъ нихъ заняты въ настоящее время курдами, но во многихъ изъ нихъ уже у выхода находятъ обсидіановыя орудія. Заканчивая свои замѣчанія А. В. выражаетъ мнѣніе, что тщательно отдѣланныя стрѣлы появляются довольно поздно и кромѣ того что онѣ, повидимому, находятся въ связи съ наклонностями народа, т. е. какъ съ воинственными его потребностями, такъ и съ требованіями болѣе мирныхъ жителей. Въ иныхъ случаяхъ находятъ большое количество стрѣлъ, тщательно обдѣланныхъ, а въ другихъ, напротивъ, такихъ стрѣлъ оказывается мало и одновременно съ ними появляется цѣлая масса издѣлій изъ кремня, которыя могли служить для другихъ цѣлей, въ болѣе мирное время, и невольно требовались простой домашней обстановкой.

А. И. Кельсиевъ доложилъ: а) „О Каменныхъ Орудіяхъ“, найденныхъ вмѣстѣ съ костями мамонта въ Воронежской губ. и б) „О Каменныхъ Бабахъ въ Бахмутскомъ уездѣ“. См. прилож. стр. 76—80.

Д. Н. Анучинъ: „О Варіаціяхъ формъ древнихъ наконечниковъ стрѣлъ“. См. Прил. стр. 322.

Графъ А. С. Уваровъ. „Къ какому заключенію о бронзовомъ періодѣ приводятъ насъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ“. См. Прил. стр. 1—9.

20-го сентября, въ 6 часовъ вечера, данъ былъ въ залѣ дворца Намѣстника прощальный обѣдъ въ честь ученыхъ гостей V Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ. Четыре стола во всю длину залы и, на особомъ возвышенномъ мѣстѣ, столъ въ ширину подъ портретомъ покойнаго Государя, были богато сервированы и украшены тропическими растеніями. Хозяинъ обѣда, временно исправляющій должность Намѣстника Кавказскаго, князь Иванъ Ивановичъ Меликовъ, любезно принималъ въ гостин-

ной какъ ученыхъ гостей, такъ и всѣхъ приглашенныхъ къ обѣду высшихъ представителей мѣстныхъ властей. Въ 7-мъ часу заняли мѣста за столомъ болѣе 250 человекъ. Было провозглашено множество тостовъ: въ честь Государя Императора, въ честь Августѣйшаго Почетнаго Президента Съѣзда, Его Высочества В. Князя Михаила Николаевича, сочувствію и высокому покровительству котораго Съѣздъ обязанъ своимъ открытіемъ въ Тифлисѣ; въ честь князя Меликова и др. Затѣмъ маститый князь Г. Д. Орбелиани въ теплой рѣчи развилъ значеніе Съѣзда ученыхъ въ Тифлисѣ. Послѣ профессора Чубинова, который сдѣлалъ историческій очеркъ сношеній Россіи съ Грузіей, профессоръ Иловайскій, желая ярче освѣтить взаимныя историческія отношенія послѣдней къ Россіи, произнесъ нижеслѣдующую рѣчь:

„Грузія имѣетъ богатую исторію, исполненную всевозможныхъ превратностей, всевозможныхъ событій. Въ этой исторіи вы найдете и счастливыя и бѣдственныя эпохи. Апогеемъ ея величія и славы по справедливости считается вѣкъ царицы Тамары, когда Грузія пользовалась политическимъ единствомъ, внѣшнимъ блескомъ и внутреннимъ процвѣтаніемъ. Какъ это обыкновенно бываетъ въ жизни народовъ, съ такимъ вѣкомъ находится въ непосредственной связи разцвѣтъ грузинской литературы, поэзіи, искусства. Во времена Тамары явилась цѣлая плеяда замѣчательныхъ писателей и поэтовъ, во главѣ которыхъ сталъ Руставели, авторъ знаменитой поэмы „Барсова кожа“. Не даромъ также народныя преданія связали съ именемъ этой царицы почти всѣ важнѣйшіе памятники Грузіи. Но потомъ послѣдовали внутреннія смуты и разъединеніе, наступили вѣка бѣдствій и угнетеній отъ сосѣднихъ мусульманскихъ народовъ, каковы Татары, Турки, Персы и Лезгины. И вотъ уже съ конца XV вѣка взоры владѣтелей Кахетіи, Имеретіи и Мингреліи обращаются на единовѣрныхъ имъ Великихъ Князей и Царей Московскихъ, у которыхъ они начинаютъ искать покровительства и помощи противъ сосѣдей, и уже въ XVII вѣкѣ заходитъ рѣчь о подданствѣ. Но Россія въ тѣ времена была слишкомъ озабочена собственными дѣлами; ей было не до Грузіи, еще столь отъ нея отдаленной. Только въ XVIII вѣкѣ мы постепенно придвинули свои предѣлы къ Кавказу и устроили военную Терско-Кубанскую линію. Такимъ образомъ мы могли уже подавать руку помощи мѣстнымъ владѣтелямъ, какъ это было, напримѣръ, въ 1768 году, когда Русскіе, подъ начальствомъ Тотлебена, ходили на помощь противъ Турокъ къ Соломону Имеретинскому.

„Въ концѣ XVIII вѣка случилось событіе, которое дало сильный толчекъ къ болѣе тѣсному сближенію Грузіи съ Россіей, ускорило ихъ соединеніе. Это былъ страшный погромъ, испытанный Тифлисомъ и болѣею частью Грузіи отъ варварскихъ полчищъ персидскаго шаха Ага-Магометъ-Хана. Въ 1795 году Тифлисъ былъ буквально превращенъ въ груды развалинъ, а въ странѣ водворилась полнѣйшая анархія. Я напому мѣстнымъ жителямъ одну изъ печальныхъ картинъ этого разгрома и желалъ-бы, чтобы она навсегда удержалась въ ихъ памяти. Въ полуразрушенномъ Ананурскомъ монастырѣ, въ ветхой кельѣ, сидѣлъ престарѣлый человекъ, покрытый овчиннымъ тулупомъ, съ глазами мутными отъ слезъ. „Кто это сидитъ въ углу?“—спрашивали проходившіе. „Это царь Ираклій“—отвѣчалъ старый преданный слуга - армянинъ, одинъ не покинувшій своего господина въ бѣдственную минуту; „тотъ самый Ираклій, который сорокъ лѣтъ со славою управлялъ Грузіей“.

„Царь Ираклій II, вскорѣ умершій, и затѣмъ преемникъ его Георгій XIII, обратились къ Императору Павлу I съ просьбою о принятіи Грузіи не только подъ не-

посредственное покровительство Россіи, но и просто въ подданство. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ уже по смерти Георгія и Павла при Императорѣ Александрѣ I. Александръ сначала колебался, считая присоединеніе Грузіи излишнимъ и неудобнымъ для насъ бременемъ. Только послѣ усиленныхъ настояній Грузинскаго посольства, поддержанныхъ главнѣйшими совѣтниками Императора, онъ согласился, наконецъ, принять подданство Грузіи, о чемъ заявилъ манифестомъ 12 сентября 1801 года, слѣдовательно, ровно восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

„Вы видите, мм. гг., что мы, Русскіе, явились въ Закавказье не завоевателями и поработителями мѣстнаго населенія; мы были призваны сюда въ качествѣ освободителей такихъ многострадальныхъ христіанскихъ странъ, какъ Грузія и потомъ Арменія, отъ внутренней анархіи и внѣшнихъ враговъ; мы водворили здѣсь миръ и безопасность, безъ которыхъ невозможно гражданское развитіе края.

„Однимъ изъ первыхъ русскихъ главнокомандующихъ въ Закавказь былъ грузинъ, князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ, человекъ въ высшей степени даровитый и энергичный, замѣчательный не только какъ полководецъ, но и какъ администраторъ. Его усиляемъ, между прочимъ, мы обязаны присоединеніемъ Имеретіи и Мингреліи. Дѣятельность его преемниковъ вамъ слишкомъ хорошо извѣстна, чтобъ о ней говорить. вмѣстѣ съ именемъ Циціанова надолго останутся памятны Кавказу и Закавказью имена Ермолова, Воронцова, Барятинскаго и нашего Августѣйшаго хозяина, Великаго Князя Михаила Николаевича. Тифлисъ въ особенности много обязанъ этимъ дѣятелямъ. Русское господство нашло его въ развалинахъ и едва обитаемымъ, а теперь, по истеченіи 80 лѣтъ, мы видимъ его городомъ богатымъ и цвѣтущимъ.

„И—такъ судьбѣ было угодно, чтобы пятый Археологическій Съѣздъ и это чествованіе мирныхъ дѣятелей русской науки совпали съ восьмидесятилѣтнимъ юбилеемъ соединенія Грузіи съ Россіей. Выпьемъ-же, мм. гг., за ихъ крѣпкія, неразрывныя узы навсегда.”

За Д. И. Иловайскимъ говорили академикъ Гротъ и другіе, причемъ были провозглашены тосты: за неразрывную связь ученаго міра съ Кавказомъ, за здоровье Гр. Уварова, профессоровъ Вирхова и Костомарова и многихъ другихъ.

Оживленный обѣдъ кончился въ 9-мъ часу, послѣ чего гости долго еще не расходились.

21 сентября, утромъ.

Почетный предсѣдатель: *Н. В. Султановъ.*

Секретарь: *А. Д. Ерицовъ.*

А. В. Комаровъ: прочелъ „Объ укрѣпленіяхъ Дербенда и о Кавказской стѣнѣ“.

Ерицовъ прочиталъ рефератъ *А. А. Авдѣева* „о Планахъ грузинскихъ и армянскихъ церквей въ сравненіи съ планами византійскихъ церквей“. См. Прил. стр. 193—195.

Князь *Микеладзе* представилъ нѣсколько эскизовъ и рисунковъ съ церковей новопріобретеннаго края, изъ Чартыжской, Ардаганской и Олтенской областей, рисованныхъ съ натуры молодымъ художникомъ *Перидзе*, посѣтившаго край съ *Дм. Зах. Баградзе*. Особое вниманіе Князь обратилъ на могильные камни въ видѣ лошади на *Ортулскомъ* кладбищѣ и на церковь *Св. Георгія* въ *Пеняхъ*, церковь изукрашенную

фресками и имѣющей оригинальную форму трехлиственника среди правильнаго четвероугольника. Колонны, украшающія внутренность этого роскошнаго храма, представляютъ переходъ отъ чисто іонической и коринфской капители въ болѣе сжатую византійскую подушку. Стиль храма, по мнѣнію Бакрадзе, самый древнѣйшій, и относится вѣроятно къ 1-му вѣку христіанства въ Грузіи и Арменіи. Подобныя церкви VI—VII ст. Бакрадзе нашелъ и въ Ани. Соборъ нынѣ представляетъ груды развалинъ, между которыми находятъ много грузинскихъ надписей. Князь Микеладзе желаетъ своимъ докладомъ опровергнуть существующее мнѣніе, будто бы области Ардаганская, Ольтенская, Чартыжская и др. составляли когда-то великую Арменію и доказать, что всѣ вышеприведенные памятники очевиднымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что эти области составляли такую же часть Грузинской территоріи, каковыми являются Кахетія и Карталинія.

Ершовъ. Возражая Кн. Микеладзе, подробно разбираетъ исторію вышеупомянутыхъ областей и доказываетъ что они подъ общимъ названіемъ Испиръ еще во времена Алек. Македонскаго были покорены Греками, которые оттуда добывали золото и серебро и вывозили въ Грецію. Греки старались сохранить за собою эту богатую провинцію и у многихъ греческихъ писателей можно найти подробныя свѣдѣнія объ Испирѣ и всей этой области. Пенякъ и Тавускари извѣстны еще во времена Ксенофонта; при знаменитомъ своемъ отступленіи въ V ст. до Р. Х. онъ переходилъ черезъ это ущелье и спускался черезъ горы къ Черному морю. Послѣ греческаго владычества эта провинція составляла принадлежность Персіи. Не разъ велась борьба между Римлянами, потомъ Византійцами и Персами изъ за обладанія этой мѣстностью. Но такъ какъ мѣстность эта представляется естественно сильно защищенною, то не смотря на частые набѣги и непріятельскія нашествія въ ней сплотилось смѣшанное населеніе изъ Грузинъ и Армянъ, которымъ пришлось защищаться здѣсь сперва отъ Арабовъ, потомъ Персовъ и вообще мусульманъ и затѣмъ отчасти отъ Лезгинскихъ полчищъ, которые доходили до этой мѣстности для грабежа. Христіанскому населенію, пришлось также выдержать борьбу противъ Персовъ-огнепоклонниковъ и во главѣ этого населенія является фамилія Багратидовъ. Багратиды, получивши титулъ Курополатовъ, даютъ впоследствии двѣ вѣтви царской династіи Арменіи и Грузіи; если Давидъ Курополать приобрѣлъ такое политическое значеніе, то только благодаря сплоченію армянскаго и грузинскаго населенія, которое не могло не оставить по себѣ слѣды въ видѣ тѣхъ могилъ, надгробныхъ камней и церквей, о которыхъ упоминалъ Кн. Микеладзе. Если же на тѣхъ или другихъ церквахъ видимъ надписи на грузинскомъ или армянскомъ языкѣ, то не всегда возможно по этимъ надписямъ судить о принадлежности церкви той или другой народности. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующее: извѣстно что Ани—столица Арменіи, между тѣмъ въ Ани встрѣчаются грузинскія надписи; извѣстно также, что въ Кагизманѣ сидѣли грузинскіе епископы, а между тѣмъ, недалеко отъ г. Гори находился цѣлый городъ Али, погибшій въ VIII ст. и населенный преимущественно Армянами; затѣмъ на правомъ берегу р. Куры, противъ Уплисцихе, во время недавней поѣздки въ Кутаисъ, всѣ члены съѣзда видѣли армянскую пещерную церковь съ надписью, примѣрно, XI и XIII ст. Вотъ въ какое время среди Грузіи были армянскіе колоніи и въ свою очередь во времена могущества Грузинскаго царства, въ XII и XIII ст., грузинскія колоніи были въ Ани и доходили вѣроятно до самаго Эрзерума. Рядомъ съ Пенягскими церквами находятся чисто армянскія церкви,

съ армянскими надписями, алтарными частями свойственными армянскимъ храмамъ. Желательно, чтобы вопросъ этотъ, чрезвычайно спорный, но вмѣстѣ съ тѣмъ интересный, и требующій весьма основательныхъ знаній, былъ бы когда нибудь разрѣшенъ, но пока при имѣющихся скудныхъ свѣдѣнiяхъ трудно надѣяться на его разрѣшенiе.

Архимандритъ Степане дѣлаетъ сообщенiе „*О центрахъ просвѣщенiя въ древней Арменiи по XI в.*“. См. Пр. стр. 128—139.

А. В. Комаровъ. Сообщаетъ, что Совѣтъ Съѣзда постановилъ: поднести Его Высочеству Августѣйшему Покровителю Съѣзда благодарственный адресъ, на что послѣдовало соизволенiе Г. И. Д. Намѣстника. По выслушанiю адреса члены приглашаются подписать его.

Общее собранiе.

21 сентября, вечеромъ.

Предсѣдатель Съѣзда: *А. В. Комаровъ*.

Секретарь Съѣзда: *Е. Г. Вейденбаумъ*.

Л. К. Ивановскiй доложилъ заключенiе Коммиссiи, избранной Съѣздомъ для разсмотрѣнiя программъ изслѣдованiя Кавказа въ археологическомъ, антропологическомъ, лингвистическомъ и нумизматическомъ отношенiяхъ. Коммиссiя эта, собравшаяся 20 сентября, состояла изъ слѣдующихъ лицъ; Д. Н. Анучина, Л. П. Загурскаго, Л. Х. Штида, Авдѣева, В. Г. Тизенгаузена, Н. О. Эмина, К. П. Патканова, Е. Д. Фелицына, Потанина и Л. К. Ивановскаго. Въ заключенiе, докладчикъ прочиталъ записку Л. П. Загурскаго „*Къ вопросу о составленiи программъ для производства лингвистическихъ изслѣдованiй на Кавказѣ*“. Въ запискѣ этой указывается на тѣ затрудненiя, съ которыми приходится бороться изслѣдователямъ кавказскихъ горскихъ языковъ. Затрудненiя эти, даже для недюжиннаго изслѣдователя, заключаются, главнымъ образомъ, въ звуковой системѣ горскихъ языковъ; при транскрипцiи этихъ звуковъ европеецъ никакъ не можетъ положиться на свой слухъ; одни только туземцы могутъ быть компетентны при изображенiи звуковъ роднаго языка. Для языковъ болѣе многочисленныхъ восточно-горскихъ народовъ имѣются уже алфавиты, въ основу которыхъ легла русская азбука. Для однообразiя, послѣднiй алфавитъ долженъ быть примѣненъ, съ нѣкоторыми видоизмѣненiями и дополненiями, и къ неизслѣдованному еще горскимъ языкамъ, что можетъ быть исполнено лишь при условiи знакомства съ русскою грамотою тѣхъ туземцевъ, которые будутъ избраны въ помощники занимающагося изслѣдованiемъ горскихъ языковъ. Но въ Дагестанѣ, — гдѣ остается еще не мало языковъ для изученiя, — знанiе русской грамоты между туземцами составляетъ чрезвычайную рѣдкость: найдется не мало народцевъ, въ средѣ которыхъ нѣтъ положительно ни одного человѣка, не только ознакомленнаго съ русскою грамотою, но даже и съ русскою рѣчью. Въ виду изложеннаго, авторъ записки предлагаетъ Съѣзду обратиться къ господину начальнику Главнаго Управленiя Намѣстника Кавказскаго съ просьбою о предоставленiи возможности нѣсколькимъ молодымъ туземцамъ, хотя-бы по одному изъ каждой народности, получать среднее образованiе въ школахъ Кавказскаго края.

Съѣздъ постановилъ возбудить ходатайство, согласно предложенiя Л. П. Загурскаго.

По поводу программы антропологических изслѣдованій, составленной Л. К. Ивановскимъ, М. Н. Смирновъ, указавъ на важность подобныхъ изслѣдованій на Кавказѣ и на отсутствіе въ краѣ, за смертью д-ра Сцепуры, лицъ, занимающихся антропологическими измѣреніями, высказалъ желаніе, чтобы нынѣшній Археологическій Съѣздъ, признавъ важность подобныхъ изысканій, постарался найти средства для того, чтобы специалисты по антропологии могли посвящать лѣтнее каникулярное время антропологическимъ изысканіямъ на Кавказѣ: тогда, можно надѣяться, и мѣстные дѣятели пойдутъ по проложенной дорогѣ и примутся за подобныя изслѣдованія, отсутствіе которыхъ составляетъ столь важный пробѣлъ въ Кавказовѣдѣніи.

Съѣздъ призналъ важность и необходимость антропологическихъ изслѣдованій на Кавказѣ.

Л. Ю. Майковъ доложилъ заключеніе Коммисіи, избранной совѣтомъ Съѣзда и состоявшей изъ В. Г. Тизенгаузена, Е. Г. Вейденбаума, И. В. Помяловскаго и докладчика, для обсужденія вопроса о скорѣйшемъ изданіи Трудовъ Археологическихъ Съѣздовъ. Заключеніе это состоитъ въ слѣдующемъ:

„Вообще крайне желательно, чтобы Труды Съѣздовъ были издаваемы въ возможной скорости послѣ самыхъ Съѣздовъ; замедленіе же въ изданіи Трудовъ отзывается самымъ вреднымъ образомъ на успѣхахъ науки. Вслѣдствіе сего Коммисія съ удовольствіемъ видитъ, что Труды Петербургскаго Съѣзда наконецъ приведены къ окончанію. Напротивъ того, Коммисія съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что Труды Съѣзда Казанскаго остаются, повидимому, безъ движенія въ теченіе четырехъ почти лѣтъ. Коммисія признаетъ необходимымъ выяснитъ вопросъ о причинахъ такого замедленія и потому полагаетъ полезнымъ, чтобы Московское Археологическое Общество вошло по этому предмету въ сношеніе съ редакціоннымъ комитетомъ Трудовъ Казанскаго Съѣзда. По раскрытіи обстоятельствъ, препятствовавшихъ до сихъ поръ изданію этихъ Трудовъ, обязанность ихъ печатанія могла бы быть возложена на Казанское Общество археологии, исторіи и этнографіи, которое само возникло послѣ Казанскаго Съѣзда.

„Что же касается Трудовъ Тифлисскаго Съѣзда, то Коммисія питаетъ увѣренность въ томъ, что къ печатанію ихъ будетъ приступлено немедленно: Съѣзду же, въ настоящемъ послѣднемъ его засѣданіи, предстоитъ указать на тѣхъ лицъ, которыя обязаны будутъ наблюдать за печатаніемъ этихъ Трудовъ, и въ томъ случаѣ, если изданіе ихъ окажется затруднительнымъ въ Тифлисѣ, войдутъ по сему предмету въ сношенія съ Москвою и Петербургомъ“.

По поводу высказаннаго въ запискѣ предложенія поручить Московскому Археологическому Обществу снестись съ редакціонной Коммисіей въ Казани, для выясненія причинъ, замедляющихъ изданіе Трудовъ Казанскаго Съѣзда, графъ А. С. Уваровъ, председатель Московскаго Археологическаго Общества, замѣтилъ, что въ продолженіе трехъ лѣтъ Общество по нѣскольку разъ въ годъ обращалось по этому поводу къ редакціонной Коммисіи въ Казани, но коммисія ни разу не удостоила даже отвѣтомъ. Вслѣдствіе этого, графъ А. С. Уваровъ отказывается входить въ сношеніе съ Коммисіей отъ имени Общества и предлагаетъ слѣдующее постановленіе:

„V Археологическій Съѣздъ въ Тифлисѣ, находя необходимымъ разъяснитъ причины замедленія въ изданіи Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда, обращается къ председателю Археологическаго Общества въ Казани съ просьбою разъяснитъ эти причины и принять на себя заботу объ изданіи этихъ Трудовъ“.

Предложеніе это принято Съѣздомъ.

В. Г. Тизенгаузенъ доложилъ заключеніе Коммисіи (В. Б. Антоновичъ, Д. И. Анучинъ, В. Г. Тизенгаузенъ, Е. Д. Фелицынъ и Г. Д. Филимоновъ), избранной Съездомъ для обсужденія вопроса объ археологической картѣ Россіи. Заключеніе это выражено въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Принявъ въ соображеніе изданныя уже на Западѣ археологическія карты и приспособивъ ихъ къ нашимъ даннымъ, необходимо сперва выработать, при содѣйствіи означенныхъ членовъ Коммисіи, одинъ общій образецъ знаковъ и легендъ, которыми предполагается обозначить на нашихъ 3-хъ-и 5-ти-верстныхъ картахъ мѣста нахождения различныхъ видовъ памятниковъ древности, какъ первобытныхъ, такъ и историческихъ, приблизительно до Петровскихъ временъ.

2) Этотъ выработанный Коммисіей образецъ, со всѣми необходимыми къ нему поясненіями, передать въ началѣ будущаго года, черезъ г. Анучина, въ Московское Археологическое Общество, для напечатанія въ видѣ проекта и для разсылки въ наши археологическія учрежденія, историческія общества и нѣкоторые статистическіе комитеты, равно какъ и извѣстнымъ нашимъ археологамъ, съ приглашеніемъ сообщить ему (т. е. Моск. Арх. Общ.), къ опредѣленному сроку, именно не позже весны 1883 г., свои замѣчанія и соображенія по этому предмету.

3) Просить Московское Археологическое Общество принять на себя трудъ составленія общаго свода всѣмъ этимъ матеріаламъ и изготовленія полнаго доклада о соображеніи выработанномъ такимъ образомъ *планъ* задуманной карты, который и представить на окончательное обсужденіе и утвержденіе слѣдующаго Археологическаго Съезда.

Въ заключеніе докладчикъ, выразивъ пожеланіе успѣха задуманному труду, замѣтилъ, что если составленіе карты осуществится, то это будетъ одинъ изъ лучшихъ результатовъ настоящаго Съезда.

А. В. Комаровъ, указавъ на возбужденіе въ краѣ интереса къ археологій въ послѣдніе годы, обратилъ вниманіе Съезда на то, что вмѣстѣ съ развитіемъ этого интереса увеличилось, къ сожалѣнію, также и хищничество предметовъ древности. Можно бы указать много примѣровъ тому, что люди, рѣшительно ничего не понимающіе въ археологій, разрываютъ и грабятъ древнія могилы и найденныя въ нихъ вещи продаютъ не только частнымъ лицамъ внутри края, но и отправляютъ въ значительномъ количествѣ за-границу. Такимъ образомъ, множество любопытныхъ предметовъ пропадаетъ совершенно безслѣдно для науки археологій въ Россіи. Такъ какъ исходатайствованное нѣсколько лѣтъ тому назадъ Обществомъ любителей Кавказской археологій распоряженіе объ охраненіи памятниковъ древности забылось и не соблюдается, то *А. В. Комаровъ* считаетъ полезнымъ, чтобы Съездъ ходатайствовалъ предъ Намѣстникомъ Кавказскимъ о положительномъ воспрещеніи производства раскопокъ на казенныхъ и общественныхъ земляхъ безъ вѣдома и разрѣшенія того ученаго археологическаго общества или учрежденія, которое будетъ учреждено въ Тифлисѣ.

Съездъ постановилъ ходатайствовать.

Графъ *А. С. Уваровъ* выразилъ желаніе, чтобы настоящій Съездъ, возбуждившій такое живое вниманіе и сочувствіе жителей Кавказа къ археологій, вызвалъ бы къ существованію въ Тифлисѣ такое археологическое общество, которое бы вполнѣ удовлетворяло требованіямъ, предъявляемымъ къ ученымъ обществамъ. Хотя на Кавказѣ и существуетъ Общество любителей Кавказской археологій, но дѣятельность его, никогда не отличавшаяся особенной оживленностью, въ послѣдніе годы совершенно пре-

кратилась. Причину этого явления Графъ находитъ, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ недостаткахъ самаго устава Общества. Вслѣдствіе этого необходимо воскресить, возобновить это Общество, а именно гр. А. С. Уваровъ предлагаетъ, чтобы бывший Тифлисскій Предварительный Комитетъ Съезда, исполнившій поставленную ему задачу вполне научно и добросовѣстно, преобразовался и, слившись съ Обществомъ любителей археологіи, составилъ бы новое археологическое общество на новыхъ прочныхъ основаніяхъ, на тѣхъ научныхъ основаніяхъ, на которыхъ существуютъ у насъ всѣ ученые общества. Положеніе такого Общества въ Тифлисѣ ораторъ находитъ въ высшей степени удобнымъ: оно имѣетъ подъ рукою превосходный Кавказскій музей, коллекціи котораго могутъ быть предметомъ изученія и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ хранилищемъ для тѣхъ предметовъ древности, которые найдетъ Общество. Но такъ какъ Кавказскій музей созданъ и держится пока только неутомимыми трудами одного человѣка, не специалиста по археологіи, то необходимо, чтобы въ помощь Г. И. Радде былъ данъ такой человѣкъ, который принялъ на себя специальное завѣдываніе археологическими коллекціями. Вслѣдствіе этого графъ А. С. Уваровъ предлагаетъ Съезду ходатайствовать: 1) о разрѣшеніи учредить Кавказское Археологическое Общество; 2) о включеніи въ штатъ Кавказскаго музея должности консерватора археологическихъ коллекцій музея съ тѣмъ, чтобы эта должность замѣщалась по рекомендаціи Общества и избранное на эту должность лицо дѣйствовало подъ контролемъ Общества; 3) о приглашеніи на Кавказъ двухъ или трехъ лицъ, которыя бы специально занялись антропологіею, лингвистикою и археологіею Кавказа и тѣмъ способствовали бы скорѣйшему изученію этого края.

„Я убѣжденъ, сказалъ въ заключеніе графъ А. С. Уваровъ, что правительство, которое уже столько сдѣлало для Кавказскаго музея и для изученія археологіи края, несомнѣнно благосклонно отнесется и къ ходатайствамъ V Археологическаго Съезда“.

Съездъ постановилъ ходатайствовать.

А. В. Комаровъ, въ дополненіе къ сказанному графомъ А. С. Уваровымъ объ Обществѣ любителей археологіи, заявилъ, что одними изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Предварительнаго Комитета Съезда были лица, стоявшія во главѣ Общества любителей археологіи. Поэтому онъ надѣется, что это Общество само преобразуетъ въ настоящее время свою дѣятельность и измѣнитъ свой уставъ согласно тѣмъ указаніямъ, которыя были сдѣланы на Съездѣ.

Графъ *А. С. Уваровъ* предложилъ, чтобы была выражена и внесена въ протоколъ благодарность V Археологическаго Съезда Густаву Ивановичу Радде за труды его по устройству Кавказскаго музея.

Предложеніе это принято Съездомъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ, выразившимся въ громкихъ рукоплесканіяхъ.

Послѣ перерыва засѣданія на 15 минутъ, взошелъ на кафедру *Л. И. Майковъ* и обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

„Милостивыя государыни и милостивые государи!

„Прежде чѣмъ закроется настоящій Съездъ, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ нѣсколькими словами о главномъ виновникѣ нашего настоящаго собранія. Вы понимаете: я говорю о гр. А. С. Уваровѣ. Говорить о немъ теперь какъ нельзя болѣе умѣстно, такъ какъ онъ — основатель археологическихъ съездовъ въ Россіи, а для съезда въ Тифлисѣ потрудился болѣе, чѣмъ для какого-либо иного

„Въ настоящемъ году истекаетъ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ появился въ свѣтъ первый ученый трудъ гр. Уварова. Въ 1851 году, еще молодымъ человѣкомъ, графъ выступилъ на поприще науки съ сочиненіемъ, которое сдѣлало бы честь и зрѣлому ученому: то были „Изслѣдованія древностей сѣвернаго берега Чернаго моря“. Трудъ этотъ представляетъ важное пособіе при опредѣленіи мѣста нахождения многихъ греческихъ поселеній на берегахъ Чернаго моря и заключаетъ въ себѣ множество открытыхъ и объясненныхъ гр. Уваровымъ памятниковъ, между прочимъ, эллинскихъ надписей и предметовъ древняго искусства. До сихъ поръ ученые спеціалисты признаютъ за этими разслѣдованіямъ рѣшающее значеніе, и имя гр. Уварова нерѣдко приводится въ ряду лучшихъ современныхъ знатоковъ греческаго міра.

„Но все же этотъ трудъ Ал. С. еще не былъ такимъ, въ которомъ сказала бы самостоятельность его ученаго почина: изучая скискія и греческія древности, онъ являлся еще только продолжателемъ другихъ изслѣдователей. Послѣ этихъ своихъ работъ гр. Уваровъ обращается къ древности русской, и тутъ какъ задачи его ученыхъ работъ, такъ и характеръ ихъ сразу становятся самостоятельными, тѣмъ болѣе, что въ кругу памятниковъ русской древности онъ останавливается на самыхъ мало-изслѣдованныхъ. Онъ собираетъ рукописи, изучаетъ русскую миниатюру и иконопись и предпринимаетъ сочиненіе о символикѣ древне-русскаго искусства; онъ изучаетъ памятники нашего древняго зодчества и разъясняетъ вопросъ о нашихъ старинныхъ деревянныхъ постройкахъ. Наконецъ, и это самое главное, онъ предпринимаетъ рядъ обширныхъ и систематическихъ раскопокъ кургановъ въ средней Россіи. Мѣсто раскопокъ въ Ростово-Суздальскомъ краѣ выбрано имъ чрезвычайно удачно: нѣмыя могилы заговорили, и предъ нимъ раскрылась въ замѣчательной полнотѣ жизнь Мери, одного изъ финскихъ народцевъ, обитавшихъ нѣкогда въ средней Россіи, и о которомъ мы до сихъ поръ ничего не знали изъ письменныхъ памятниковъ, кромѣ его имени. До графа Уварова никто не производилъ строго-научнаго изслѣдованія кургановъ въ средней Россіи, а случайнымъ находкамъ въ нихъ не давалось никакого значенія. Графъ же Уваровъ указалъ на методъ, который слѣдуетъ примѣнять въ подобныхъ изслѣдованіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ образецъ всесторонней и законченной разработки собраннаго такимъ способомъ матеріала. По слѣдамъ гр. Уварова пошелъ цѣлый рядъ изслѣдователей, которые вскрыли курганы во многихъ частяхъ Россіи, но никому изъ нихъ еще не удалось довести свой трудъ до такой степени полноты и законченности, какими отличается классическая работа гр. Уварова.

„А, между тѣмъ, неутомимая ученая пылкость уже влекла свое вниманіе къ новымъ предметамъ: гр. Уваровъ занялся розысканіемъ остатковъ каменнаго вѣка въ Россіи, и вскорѣ ему удалось сдѣлать по этой части одно изъ замѣчательнѣйшихъ открытій на русской почвѣ: въ селѣ Карачаровѣ, Владимірской губ., онъ нашелъ остовъ мамонта вмѣстѣ съ грубыми каменными орудіями и, такимъ образомъ, представилъ яркое доказательство обитаемости центральной Россіи въ палеолитическую эпоху.

„Но гр. Уваровъ не остановился и на этомъ открытіи, хотя и чрезвычайно важнымъ, но все же отдѣльнымъ: онъ предпринялъ общее изученіе памятниковъ каменнаго вѣка въ предѣлахъ Россіи и результатъ этого изученія уже предъ нами въ двухъ большихъ томахъ, заключающихъ въ себѣ не только описаніе находокъ каменныхъ орудій на русской почвѣ, но и полную картину жизни древнѣйшихъ обитателей Россіи и въ высшей степени вѣроятную гипотезу о томъ, какъ совершилось заселеніе Во-

сточной Европы въ каменный періодъ. По богатству фактовъ, соображеній и выводовъ это монументальное сочиненіе должно быть руководящимъ пособіемъ для нашихъ изслѣдователей первобытной древности, а археологамъ западно - европейскимъ оно должно представить множество новыхъ указаній и заключеній, долженствующихъ существенно измѣнить или поколебать ихъ выводы.

„Таковы главныя черты ученой дѣятельности гр. А. С. Уварова. Не упоминаю о многихъ отдѣльныхъ его трудахъ, ни о множествѣ статей, посвященныхъ предметамъ археологіи, ни о послѣднихъ работахъ его на Кавказѣ; не говорю и о той разумной и воодушевленной поддержкѣ, которую онъ оказывалъ всѣмъ, кто трудится на одномъ съ нимъ поприщѣ.

„Довольно и сказаннаго, чтобы видѣть, что въ лицѣ гр. А. С. наше отечество обладаетъ первокласснымъ ученымъ, который съ пылкостью и проникательностью соединилъ огромныя познанія и неустанное трудолюбіе и тѣмъ поставилъ русскую науку древностей въ ряду самыхъ цвѣтущихъ отраслей нашего современнаго просвѣщенія. Пожелаемъ же, мм. гг. чтобы славное имя этого энергическаго дѣятеля русской науки еще долгое время стояло-бы во главѣ ея и служило бы ея украшеніемъ“.

Затѣмъ слово было дано профессору *Д. Н. Самоквасову*, который сказалъ:

„Вы слышали, мм. гг. и мм. гг., о заслугахъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова въ области ученой литературы. Не менѣе плодотворна дѣятельность нашего достопочтеннѣйшаго предсѣдателя и въ области археологической практики, особенно, въ значеніи организатора научныхъ силъ и направителя ихъ къ правильному рѣшенію научныхъ вопросовъ. Благодаря инициативѣ графа Уварова и его неутомимой энергіи, обусловленной безпредѣльною преданностью интересамъ науки, возникло Московское Археологическое Общество, ознаменовавшее свое существованіе сохраненіемъ множества историческихъ памятниковъ и изданіемъ множества ученыхъ работъ, направленныхъ къ научной разработкѣ вопросовъ, рѣшеніемъ которыхъ обуславливается правильное развитіе нашего историческаго самосознанія. Графу же А. С. Уварову всецѣло принадлежитъ инициатива и организациа археологическихъ съѣздовъ въ Россіи, соединившихъ разрозненныя силы русской археологіи въ крѣпкую дружину, вызвавшихъ много новыхъ силъ на путь изученія древностей и породившихъ длинный рядъ ученыхъ работъ, большая часть которыхъ никогда не осуществилась бы безъ посредства и помощи археологическихъ съѣздовъ. Наконецъ, графу А. С. Уварову принадлежитъ первое мѣсто въ правильномъ направленіи ученыхъ изслѣдованій, посвященныхъ изученію старины нашего отечества. Принявъ на себя трудное дѣло охраны вещественныхъ памятниковъ исторіи культуры нашихъ предковъ, графъ Уваровъ первый вооружился противъ варварскаго ихъ уничтоженія и безтолковаго, не научнаго собиранія. „Когда мы изслѣдуемъ могилы разныхъ племенъ, населявшихъ русскую землю, и въ точности отмѣтимъ черты различія и сходства въ ихъ устройствѣ и содержаніи, тогда только мы получимъ возможность распредѣлить безчисленные памятники древности, сохранившіеся въ обширныхъ предѣлахъ нашего отечества, по историческимъ эпохамъ и народностямъ. Только предметъ, мѣстонахожденія котораго и положеніе въ могилѣ въ точности извѣстны, имѣютъ значеніе цѣннаго, научнаго факта, а вещь, о которой нѣтъ сказанныхъ свѣдѣній, теряетъ научную цѣнность“.

Таковы основныя положенія изслѣдованія графа Уварова: „*О признакахъ народности древнихъ могилъ*“, положенія, развитыя Кіевскимъ Съѣздомъ археологовъ въ программу

научнаго изслѣдованія древнихъ памятниковъ, представляющую собою нынѣ общій законъ, нравственно обязательный для всѣхъ русскихъ археологовъ. Мало того, несмотря на всѣ неудобства, трудности, непріятности, всегда сопровождающія практику археологическихъ работъ, графъ Уваровъ собственнымъ примѣромъ учитъ молодыхъ изслѣдователей, какъ должны быть раскапываемы пещеры, городища, курганы, дольмены и другіе памятники древности, какъ должны быть описываемы ихъ устройство и содержаніе. Кто изъ насъ, русскихъ археологовъ, не обязанъ графу Уварову, всегда доступному, всегда готовому подѣлиться съ нами его обширными познаніями, признанною опытностью и богатыми матеріалами, собранными въ его безцѣнныхъ коллекціяхъ.

„Въ виду сказанныхъ заслугъ, научныхъ и общественныхъ, V-й Археологическій Съѣздъ предположилъ ходатайствовать о разрѣшеніи поднести графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову золотую медаль, съ его изображеніемъ и надписью отъ Пятаго Археологическаго Съѣзда. Медаль эта, по надлежащемъ разрѣшеніи, будетъ немедленно изготовлена и вручена нашему достопочтеннѣйшему предсѣдателю.

„Высокоуважаемый графъ Алексѣй Сергѣевичъ! Покорнѣйше просимъ васъ принять сказанную медаль, какъ знакъ глубочайшаго къ вамъ уваженія со стороны Общества и какъ выраженіе сердечной признательности со стороны членовъ V-го Археологическаго Съѣзда“.

Объ рѣчи вызвали продолжительныя и громкія рукоплесканія.

Предсѣдатель Съѣзда доложилъ телеграмму отъ попечителя Одесскаго учебнаго округа, полученную въ отвѣтъ на сдѣланное Съѣздомъ предложеніе совѣту Новороссійскаго университета принять на себя устройство VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ въ 1884 году. Въ телеграммѣ этой выражено, что совѣтъ университета считаетъ за честь принять на себя устройство VI Съѣзда въ 1884 г. Затѣмъ предсѣдатель Съѣзда сказалъ: „Хотя мнѣ слѣдовало бы сдѣлать краткій очеркъ дѣятельности V Археологическаго Съѣзда предъ его закрытіемъ, но такъ какъ засѣданія его очень усердно посѣщались гг. членами и постороннею публикою, то я нахожу это излишнимъ, полагая, что каждый самъ сдѣлаетъ должную оцѣнку, и на основаніи правилъ Съѣзда, утвержденныхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, объявляю V Археологическій Съѣздъ закрытымъ“.

Графъ А. С. Уваровъ: „По закрытіи Съѣзда, когда я немного успокоился отъ только что испытанныхъ волненій, прошу и предлагаю выразить единогласную благодарность Съѣзда нашему предсѣдателю, который положилъ столько труда для успѣха работъ V Съѣзда“. Предложеніе это принято съ живѣйшимъ сочувствіемъ.

Въ понедѣльникъ, 21 сентября, грузинскою драматическою труппой былъ данъ первый сезонный спектакль въ честь гг. членовъ V Археологическаго Съѣзда.

Грузинскій театральнй комитетъ распорядился поставить на сцену пьесы, которыя, по содержанію и внѣшней сценической обстановкѣ, могли представить ученымъ нашимъ гостямъ національную грузинскую жизнь со всѣми ея прелестями и недостатками. Играли оригинальный водевиль кн. Р. Д. Эристова: „Комедія съ дядюшкой“ и по одному акту изъ драмы „Мареа“ и комедіи „Другія нынче времена“, принадлежащихъ перу молодого и талантливаго грузинскаго драматурга А. А. Цагарели.

Въ этихъ трехъ актахъ авторы пьесъ обрисовали сословія, нравы, обычаи, и костюмъ Грузинъ, начиная отъ самодовольнаго кахетинскаго князя и кончая дикимъ горнымъ хевсуромъ и имеретиномъ-лакеемъ.

Не довольствуясь однѣми этими пьесами, къ исполненію которыхъ артисты приложили все свое стараніе и весь свой талантъ, театральнй комитетъ озаботился показать нашимъ гостямъ самую лучшую лезгинку, въ которой принимали участіе семь—восемь человекъ. Дайра, зурна, національныя пѣсни нерѣдко пересѣкали удачный во всѣхъ отношеніяхъ спектакль.

Въ дивертисментѣ были прочитаны со сцены два привѣтственныхъ стихотворенія, написанныхъ ad hoc. Первымъ читалъ кн. Ак. Церетели. Великолѣпно продекламированные и съ чувствомъ прочитанные стихи поэта вызвали въ публикѣ неописанный восторгъ.

Послѣ кн. Церетели привѣтствовалъ Съездъ кн. Д. Г. Эрнстовъ, но уже на понятномъ гостямъ, русскомъ языкѣ. Ставъ на аванъ-сцену, кн. Эрнстовъ своимъ звучнымъ голосомъ и съ знакомымъ всему Тифлису искусствомъ чтенія продекламировалъ:

Привѣтъ вамъ, гости дорогіе,
Отъ всей души привѣтъ!
На наше прошлое пришли вы
Пролить науки свѣтъ.
Издавна Грузія съ врагами
Вела кровавый бой —
За независимость, за вѣру
И за языкъ родной!
Здѣсь наши предки умирали,
Чтобъ Грузія жила,
Чтобъ тамъ, гдѣ кровь лилась потокомъ,
Наука расцвѣла!
И вотъ свершается отнынѣ
Прадѣдовскій завѣтъ.
Примите-жъ, свѣточи науки,
Отъ Грузіи привѣтъ!
Давно ужъ русскіе поэты
Прославили Кавказъ.
Они съ любовью описали
Нашъ милый край и насъ!
Воспѣлъ и Лермонтовъ и Пушкинъ
Печальный нашъ напѣвъ,
И холмы Грузіи, и нивы,
И нашихъ стройныхъ дѣвъ,
И небо вѣчно голубое,
И южной нѣги рай.
Ихъ мощный геній обезсмертилъ
Нашъ отдаленный край.

Теперь-же, гости дорогие,
Друзей нашли мы въ васъ!
Вы благосклонно посѣтили
Далекій нашъ Кавказъ.
Вы міру вѣсти понесете
Про древнюю страну,
Лучемъ познанья озаряя
Сѣдую старину.
И съ тѣмъ лучемъ заря науки
Взойдетъ у насъ въ глуши...
Вамъ, за починъ вашъ просвѣщенный,
Спасибо отъ души!

Прекрасное стихотвореніе это, написанное г. Тхоржевскимъ, произвело большой эффектъ и вызвало единодушныя рукоплесканія.

По окончаніи спектакля, гости были приглашены въ роскошно-убранный цвѣтами и персидскими коврами буфетъ въ театральномъ саду. Тамъ имъ былъ сервированъ ужинъ à la fourchette. Кн. Акакій Ростомовичъ Церетели, отъ имени распорядителей вечера, обратился къ гостямъ съ слѣдующей рѣчью:

„Милостивые Государи! Въ исторіи Грузіи, а также въ былинахъ и сказкахъ ея, мы находимъ сходство между судьбою Грузіи и судьбою Прометея, прикованнаго къ кавказскимъ скаламъ, того Прометея, который такъ хорошо извѣстенъ въ каждомъ уголкѣ нашего края всякому туземцу подъ именемъ Амираана. Подобно коршуну Прометея, съ давнихъ временъ, несмѣтныя полчища варваровъ терзали Грузію, клочками вырывая у нея ея части, но она, какъ видите, выказала замѣчательную живучесть и сохранила свою жизнь, говорю словами былины, „не какъ гидра стоглавая, но какъ фениксъ, изъ огня и пепла выходящій, обновленный для новой жизни“. О прошломъ Грузіи будущее скажетъ намъ больше настоящаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ жизни многострадальнаго Кавказа, или, лучше сказать, самаго стараго и культурнаго его народа, Грузинъ, есть періоды, заслуживающіе полнаго вниманія. Изученіе ихъ важно не только для исторіи Кавказа и Грузіи, но и всего Востока. Остатки эти и доказательства въ настоящее время лежатъ въ развалинахъ и покрыты тьмою. И вы, господа ученые, пріѣхали изъ дальнихъ странъ вызвать ихъ изъ подъ развалинъ и освѣтить лучемъ науки. Велика ваша заслуга, безпредѣльна наша признательность.

Но не этимъ однимъ только ограничиваются ваши заслуги. Вы первые подаете примѣръ другимъ изучать наше настоящее съ такою-же любовью, съ какою вы изучаете прошлое. И въ этомъ, признаться, нуждается Кавказъ, пока все еще малоизвѣстный и почти неизслѣдованный. Примѣръ на глазахъ. Ученый ориенталистъ, которому хорошо извѣстно, гдѣ, въ какомъ уголкѣ Азіи, какой камень съ какою надписью, и который недавно доказывалъ намъ, что умершій въ V вѣкѣ и похороненный въ Мцхетѣ еврей назывался Іудюю-Гуркъ, а не Буркъ, не знаетъ, гдѣ Грузія и въ Тифлисѣ ищетъ памятниковъ Армянской древности. Это я привожу не въ упрекъ ученому мужу, или кому бы то ни было, а въ доказательство малоизвѣстности исторіи нашего края“. „Привѣтствуемъ васъ съ двойною благодарностью за ваши двойныя

заслуги, пожелаемъ успѣха въ вашихъ предпріятіяхъ вообще, а въ частности счастливаго пути каждому изъ васъ⁴.

Въ отвѣтныхъ рѣчахъ князю Церетели благодарили грузинскую публику: графъ Уваровъ, Иловайскій, Гаркави, Мейчикъ, Радде и др. Къ часу ночи гости начали мало по малу расходиться, унося съ собою самое пріятное и свѣтлое впечатлѣніе отъ этого дивнаго, южнаго вечера.

ПРОТОКОЛЬ

засѣданія коммисіи для выработки программъ археологическаго изслѣдованія Кавказа.

Подъ предсѣдательствомъ *М. К. Иванскаго*.

Присутствовали: *А. В. Комаровъ, Авдѣевъ, Амучинъ, Иверсенъ, Мейчикъ, Петровъ, Покровский, Смирновъ, Султановъ, Тизенгаузенъ, Филимоновъ, Цагарелли, Эрицовъ и Загурскій*.

1. *В. Г. Тизенгаузенъ* сообщилъ составленную имъ программу для нумизматическихъ изслѣдованій Кавказа.

А. В. Комаровъ при этомъ случаѣ указалъ на имѣющуюся литературу предмета и на то, что благодаря Бартоломею, въ Тифлисѣ имѣется изданіе Князя Александра Ал. Сибирскаго о монетахъ Босфора Киммерійскаго.

2. *Н. В. Султановъ* и *Ю. Д. Филимоновъ* заявили, что хотя ими и были составлены программы по храмовому, гражданскому и военному зодчеству Кавказа и закавказскихъ странъ, а равно и программа по священной иконографіи Кавказа по источникамъ, но нынѣ, по изученіи памятниковъ на мѣстѣ, они найдены составителями недостаточно полными и ясными, а потому *будутъ оставлены къ 1-му январю 1882 г. прямо въ Московское Археологическое Общество*¹⁾.

3. *Миллеръ*, черезъ *Загурскаго* представилъ весьма подробную программу для собранія данныхъ по изученію Осетинскаго языка.

4. *Эрицовъ* добавилъ, что необходимо изученіе куртинскихъ нарѣчій, изученія, представляющаго немаловажный трудъ и полагалъ необходимымъ собрать матеріалы объ языкѣ Цыганъ.

5. *Загурскій* заявилъ, что относительно языка куртинскаго это уже сдѣлано и ожидается печати, относительно же языка Кавказскихъ цыганъ, матеріалы собраны *Вейденбаумомъ*.

6. *Ивановскій* представилъ программу по собиранію антропологическихъ матеріаловъ и прибавилъ, что въ дополненіе слѣдуетъ руководствоваться программой, выработанною на сей конецъ на *Кіевскомъ Съѣздѣ*.

7. Вошедшій въ засѣданіе *Потанинъ* предложилъ свои услуги по составленію программы для археологическихъ изслѣдованій Кавказа въ видѣ постановки ряда вопросовъ о повѣртіяхъ, вѣрованіяхъ и преданіяхъ, находящихся въ связи съ археологіей.

Просимъ его представить эту часть программы въ Московское Археологическое Общество къ 1-му январю 1882 г.²⁾

¹⁾ Программы эти остались не составленными. *Замѣчан. Редакціи*.

²⁾ Программа эта также не составлена.

8. *Эрицовъ* выразилъ желаніе представить этнографическую программу, относительно обрядовъ и обычаевъ, сопровождающихъ армянина со дня рожденія по самую смерть, при всѣхъ случаяхъ жизни. Программа эта будетъ тоже обнимать міръ созерцательный и вѣрованія Армянъ.

Программу *Эрицовъ* обѣщаетъ представить къ 1-му январю 1882 года въ Московское Археологическое Общество.

Къ вопросу о составленіи программъ для производства лингвистическихъ изслѣдованій на Кавказѣ.

И. П. Заурскію.

Еще въ началѣ 50-хъ годовъ Кавказскій Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества, предпринявъ изученіе кавказскихъ языковъ, обратился къ Императорской Академіи Наукъ съ просьбою снабдить его совѣтомъ относительно способа изслѣдованія означенныхъ языковъ. Въ отвѣтъ на это Академія Наукъ, —высказавъ, что собираніе лингвистическихъ матеріаловъ (поговорокъ, преданій, пѣсенъ) на тѣхъ языкахъ, которые имѣютъ съ давнихъ поръ установившуюся письменность, можно поручить туземцамъ и вообще лицамъ, ознакомленнымъ съ данными языками, —отсовѣтовала поручать изученіе неизслѣдованныхъ или малоизслѣдованныхъ языковъ лицамъ, неподготовленнымъ къ лингвистическимъ занятіямъ.

Кавказскій Отдѣлъ не послѣдовалъ благоразумному совѣту Академіи Наукъ: составилъ сборники русскихъ словъ, онъ разослалъ ихъ въ разныя мѣста края къ неспециалистамъ въ языковѣдѣніи, съ просьбою записать названія словъ на туземныхъ языкахъ, присоединить къ этому фразы и главныя грамматическія правила. Черезъ нѣсколько времени, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ края исполнена была просьба Отдѣла. Что-же оказалось? Сборники словъ, составленные лицами, несвѣдущими въ филологіи, немогущими выдѣлить корня отъ словообразовательныхъ элементовъ и вникнуть въ фонетическія особенности данныхъ языковъ, рѣшительно никуда не годились; грамматическія же замѣтки о мѣстныхъ языкахъ, представляющихъ совершенно особенное строеніе, были составлены по шаблону русскихъ грамматикъ. Въ концѣ концовъ, доставленные лингвистическіе матеріалы сложены были въ архивъ. Вслѣдъ затѣмъ акад. Шифнеръ и незабвенный для Кавказа Усларъ принялись за изученіе горскихъ языковъ, и тогда дѣло изслѣдованія кавказскихъ языковъ приняло совершенно другой оборотъ: капитальные труды этихъ ученыхъ открыли для науки совершенно новый лингвистическій міръ.

Опытъ прошлаго указываетъ намъ, что успѣхъ въ изслѣдованіи кавказскихъ языковъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ научныхъ дѣятелей, —программы тутъ играютъ второстепенную роль. Въ настоящее время имѣется нѣсколько личностей, могущихъ вполнѣ успѣшно вести дѣло изслѣдованія кавказскихъ языковъ, что они доказали своими трудами. Таковы: К. П. Паткановъ для армянскаго языка, В. Ө. Миллеръ—для осетинскаго и вообще языковъ иранской группы и А. А. Цагарели для языковъ иверской группы. Подъ ихъ руководствомъ и по программѣ, ими составленной, могутъ успѣшно работать второстепенные дѣятели. В. Ө. Миллеръ представилъ такую программу для занятій по осетинскому языку.

Что-же касается горских языковъ, то здѣсь дѣло лингвистическихъ изслѣдованій осложняется: здѣсь недостаточно имѣть людей, подготовленныхъ къ лингвистическимъ занятіямъ и ознакомленныхъ основательно съ существующими трудами объ этихъ языкахъ. Даже для недюжиннаго изслѣдователя составлять камень преткновенія звуковыя системы горскихъ языковъ; при транскрипціи этихъ звуковъ европеецъ никакъ не можетъ положиться на свой слухъ; одни только туземцы могутъ быть компетентны при изображеніи звуковъ родного языка. Языки болѣе многочисленныхъ восточно-горскихъ народовъ изучены, — для нихъ имѣются уже алфавиты, въ основу которыхъ легла русская азбука ¹⁾. Для однообразія, послѣдній алфавитъ долженъ быть примѣненъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и дополненіями и къ остальнымъ, неизслѣдованнымъ еще горскимъ языкамъ, языкамъ менѣе малочисленныхъ горскихъ народовъ, что можетъ быть исполнено только подъ тѣмъ условіемъ, если туземцы, избранные въ помощники занимающимся изученіемъ горскихъ языковъ, ознакомлены съ русскою грамотою. Но въ Дагестанѣ, — гдѣ остается еще немало языковъ для изученія, — знаніе русской грамоты между туземцами составляетъ чрезвычайную рѣдкость: найдется немало народцевъ, въ средѣ которыхъ нѣтъ, положительно, ни одной личности, не только ознакомленной съ русскою грамотою, но даже и съ русскою рѣчью.

Въ виду изложеннаго, остается одно средство: обратиться къ Господину Начальнику Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго съ просьбою предоставить возможность нѣсколькимъ молодымъ туземцамъ, хотя бы по одному изъ каждой народности, получить среднее образованіе въ школахъ, существующихъ въ другихъ пунктахъ края.

Податель этой записки съ величайшею готовностью возьметъ на себя трудъ указать, изъ какихъ мѣстъ Дагестана нужно было бы выбрать подобныхъ молодыхъ людей. Эти молодые люди, быть можетъ, принесутъ пользу не только въ дѣлѣ изученія горскихъ языковъ: по всей вѣроятности, рано или поздно, будетъ признана необходимость учрежденія школъ и для горцевъ. Тогда на долю молодыхъ людей — помощниковъ изслѣдователей горскихъ языковъ — выпадетъ завидная роль быть первыми распространителями среди своихъ соотечественниковъ образованія, долженствующаго связать ихъ тѣсными нравственными узами съ обширнымъ отечествомъ и сдѣлать то, чего до сихъ поръ не могли сдѣлать ни штыки, ни ссылки.

Программы для собиранія матеріала по осетинскому языку.

В. Ө. Миллера.

Между другими языками горскихъ народовъ, языкъ осетинскій привлекъ къ себѣ болѣе всего вниманіе изслѣдователей въ виду того, что онъ принадлежитъ къ индоевропейской семьѣ языковъ, на изученіи которой сложилась наука сравнительнаго языковѣдѣнія. У насъ есть довольно подробная и для своего времени весьма цѣнная грамматика этого языка, составленная академикомъ Шегреномъ, небольшой глоссарій осетинско-русскій (осет.-нѣмецкій), русско-осетинскій словарь, составленный Юсифомъ,

¹⁾ Русско-горскіе алфавиты, составленные Усларомъ, были переложены удачно на латино-горскіе алфавиты покойнымъ Шенеромъ.

епископом Владикавказским (въ 1884 г.), значительное число переводов богослужбныхъ книгъ и два собранія осетинскихъ народныхъ сказаній и пѣсенъ, записанныхъ въ оригиналѣ и снабженныхъ русскимъ переводомъ ¹⁾. Все это даетъ уже значительный матеріалъ для изученія этого языка. Тѣмъ не менѣе еще многое остается сдѣлать: многіе вопросы по фонетикѣ и грамматикѣ требуютъ обстоятельнаго обслѣдованія, разработка діалектологіи едва лишь начата, мѣсто, занимаемое осетинскимъ языкомъ въ группѣ иранскихъ, едва намѣчено, не болѣе 350 словъ возведены къ иранскому праязыку и до сихъ поръ еще нѣтъ полнаго словаря осетинскаго языка по діалектамъ. Научая разработка вопросовъ, касающихся фонетики, грамматики и исторіи языка можетъ быть предпринята только специалистами по сравнительному языковѣдѣнію, но собраніе матеріаловъ можетъ быть съ успѣхомъ предпринято всякимъ, кто практически знакомъ съ приемами, необходимыми для подобныхъ работъ. Въ виду этого мы позволяемъ себѣ предложить нѣсколько замѣчаній объ этихъ приемахъ.

1) Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на правильную (научную) транскрипцію осетинскихъ звуковъ. Слова, записанныя неточно, могутъ повести къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ. Азбука, составленная для осетинъ акад. Шёгреномъ и принятая съ нѣкоторыми измѣненіями для переводовъ богослужбныхъ книгъ, не вездѣ выдерживаетъ критику въ лингвистическомъ отношеніи, что разъяснено подробно во 2-й части моего изслѣдованія „Осетинскіе этюды“. Транскрипція, соотвѣтствующая научной точности, употреблена мною въ 1-й части „Осетинскихъ этюдовъ“, (Осетинскіе тексты — Москва, 1881 г.) и можетъ служить дальнѣйшимъ собирателямъ осетинскихъ сказаній. Чтобы пояснить ее, предлагаю слѣдующій инвентарь звуковъ осетинскаго языка.

Г л а с н ы е.

А—широкое, открытое, соотвѣтствующее иранскому долговому *ā* или ставшее, при извѣстныхъ условіяхъ, долгимъ на осетинской почвѣ. Долгота и краткость этого звука не различается, если на немъ нѣтъ ударенія и потому вносить въ азбуку два *a* (*a* и *ā*) едва ли умѣстно. Примѣры: мад (мать) авд — семь, и т. п.

Ä — средней между *a* и *e*, но ближе къ *a* (у Шёгрена *ae*); одинъ изъ самыхъ употребительныхъ гласныхъ въ осет. языкѣ, напримѣръ: ләг (человѣкъ) афtä (такъ). Долгаго *ä* намъ не приходилось слышать.

I, i краткое и *ī* долгое: первое въ дигорскомъ нарѣчій обычно соотвѣтствуетъ иронскому (тагаурскому) *v*—диг. фидä (отецъ), ирон. фуд. Долгое иронс. *ī* (напр. мīдаг—средній) соотвѣтствуетъ дигорскому *ë*.

Ë—этой буквой мы выражаемъ закрытое, всегда долгое *e*, имѣющее свойство палатализировать предшествующій согласный и восходящее къ протоиранскому дифтонгу *ai* (черезъ *ie*). Примѣры: дигор. ледзун (иронское лідзун) бѣжать; мѣг'ä (ирон. мīg') облако. Иногда *ë* вышло изъ стяженія *a+i* уже на почвѣ осетинскаго языка: фѣдустон (я слышалъ) или ä+i: дѣфсумär = дä äфсумär — твой братъ. Въмѣсто *ë* можно выражать тотъ же звукъ простымъ *e*.

¹⁾ Осетинскіе тексты, собранные Дан. Чонкадзе и Вас. Цоравымъ, изд. акад. Шёнеромъ и Осетинскіе тексты собранные Вс. Миллеромъ въ 1 ч. «Осетинскихъ Этюдовъ».

О—закрытое, всегда долгое, восходящее къ протоиранскому дифтонгу *ai* или, при извѣстныхъ условіяхъ, къ долгому *ā*: дигор. *ходā* (ирон. *хūd*) шапка; *зонви* — знать, *фондз* — пять.

У краткое и *ū* долгое. Первое въ дигорскомъ обычно соотвѣтствуетъ иронскому *у*: *муд* (пр. *муд*) *медь*. Долгое *ū* въ иронскомъ соотвѣтствуетъ дигорскому *о*.

У звукъ неопредѣленный, бѣглый, всегда краткій, близкій къ русскому *ы*: *фуд* (отецъ). Въ дигорскомъ его *нѣтъ*. Ему соотвѣтствуетъ въ этомъ нарѣчьи либо краткое *у* либо краткое *і*: *фус* (ир. *фус*) *овца*, *мізд* (ирон. *мүзд*) *плата*.

Переходными отъ гласныхъ къ согласнымъ можно назвать *й*, *ј*. Первый вышелъ изъ *у* передъ гласнымъ и соотвѣтствуетъ англійскому *W*: *йād*, *йāzāg*; второй изъ *і* передъ гласнымъ: *јā* (его) или между гласными: *тохнајі* (род. пад.) отъ *тохна* (печь, труба).

С о г л а с н ы е.

Заднебные (гортанные): осетинское *к* ближе подходит къ нѣмецкому, нежели къ русскому и романскому. Но придыханіе въ немъ до такой степени слабо, что не требуетъ обозначенія: *к* выражаетъ *кавказскій* звукъ, какъ, напр. въ словахъ *к'ах*—нога, *к'ūх* — рука, произношеніе котораго я разъяснилъ въ Осетинскихъ этюдахъ (II, 18). Такимъ же знакомъ надъ буквой выражаемъ мы и прочіе кавказскіе согласные: *т*, *п*, *ц*, *ч*. — Осетинское *г* не отличается отъ русскаго; *г* выражаетъ заднебный спирантъ, соотвѣтствующій приблизительно новогреческому *γ* и русскому *г* въ словахъ: Бога, благо; *х* соотвѣтствуетъ грузинскому *ჟ*, оно рѣзче и гуще русскаго *х*; *q* (напр. въ словахъ *qūg* — *корова*, *qaz* — гусь *qūs* — ухо) самый крайній заднебный звукъ (еврейск. *קoph*). Буквами *к'* и *г'* обозначаемъ мы *к* и *г* небные, смягченные изъ гортанныхъ передъ гласными *і* и *ё*; въ иронскомъ нарѣчьи вмѣсто нихъ слышатся уже *ч* и *дж*. Зубные (переднебные): *т*, *д*, *с*, *з*, *н*, не отличаются отъ русскихъ. Дигорскіе и отчасти южно осетинскіе *ш* и *ж*, не вполнѣ соотвѣтствуютъ русскимъ, а представляютъ звуки средніе между *с* и *ш*, *з* и *ж*. Буквами *ц* и *д*, выражаются звуки хотя и сложные, но производящіе впечатлѣніе цѣльныхъ: *ц* отлично отъ *тс*, *дз* — отъ *дз*. Тоже относится къ *ч* (изъ *т + ш*) и *дж* (изъ *д + ж*).

Губные: буквы *п*, *б*, *ф*, *в*, *м*, выражаютъ тѣже звуки, какъ и русскія буквы.

2) Пользуясь выше объясненной транскрипціей, слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе на точное обозначеніе ударенія, такъ какъ присутствіе или отсутствіе ударенія на томъ или двугомъ слогѣ слова оказываетъ значительное вліяніе на исторію его звуковъ. Напримѣръ, гласная, не носящая ударенія, способна къ выпаденію или ослабленію.

3) Для изученія синтаксическихъ оборотовъ языка гораздо важнѣе оригинальные тексты, нежели переводы, въ которыхъ нерѣдко встрѣчается искусственное подлаживаніе осетинскаго синтаксиса къ русскому. Въ виду этого было бы желательно, чтобы были собираемы народныя сказанія, пословицы, пѣсни и т. п. Пѣсни должны быть записываемы прямо съ голоса, а не подъ диктовку, потому что, диктуя пѣсню пословно, диктующій нерѣдко выпускаетъ отдѣльныя слова и этимъ нарушаетъ стихотворный складъ пѣсни.

4) Одной изъ ближайшихъ задачъ по изученію осетинскаго языка представляется составленіе болѣе или менѣе подробнаго осетинско-русскаго словаря. Было бы желательно, чтобъ этотъ трудъ, слишкомъ обременительный для одного лица, былъ предпринятъ одновременно нѣсколькими лицами. Чтобы осетинскій словарь могъ оказать пользу и западно-европейскимъ иранистамъ, слѣдовало бы присовокупить къ нему переводъ значеній словъ на нѣмецкій или французскій яз. Для лингвистическихъ цѣлей было бы также желательно, чтобъ осетинскій языкъ былъ сближенъ съ родственными языками иранской группы. Этотъ трудъ съ готовностью взялъ бы на себя авторъ этой программы ¹⁾.

Проектъ программы для изученія Кавказа съ нумизматическими цѣлями.

Барона В. Тизенгаузена.

Въ нумизматическомъ отношеніи Кавказъ представляетъ чрезвычайно обширное поле для самыхъ разнообразныхъ изысканій. Изъ найденныхъ доселѣ кладовъ видно, что тамъ встрѣчаются и древне-персидскіе дарики и такъ называемыя колхидки, греческія, византійскія и римскія, сассанидскія и арсакидскія, армянскія и грузинскія, венеціанскія и польскія, наконецъ различныя мусульманскія монеты. Между послѣдними заслуживаютъ особеннаго вниманія монеты тѣхъ династій, которымъ на болѣе или менѣе продолжительное время удавалось утвердиться или на самомъ Кавказѣ, или въ прилегающихъ къ нему странахъ. Сюда относятся монеты восточныхъ халифовъ, Саманидовъ, Зіаридовъ, Саджидовъ, Зейдидовъ, Шеддадидовъ, Мерванидовъ, малоазійскихъ Сельджуковъ, Ортокидовъ, Атабековъ, Ширваншаховъ, Шахарменовъ, Баберидовъ, Джучидовъ, Хулагуидовъ, Тимуридовъ, Тогатимуридовъ, Джелаиридовъ, Каракоюнлу и Аккоюнлу, монеты персидскія и турецкія.

На монетахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ династій встрѣчаются имена городовъ, существовавшихъ нѣкогда или еще доселѣ существующихъ на Кавказѣ. Такъ мы находимъ имена Ганджа (нынѣшній Елисаветполь) на монетахъ хулагуидскихъ, персидскихъ и турецкихъ; Бердаа или Арранъ на монетахъ халифскихъ, саджидскихъ, хулагуидскихъ и джелаиридскихъ; Балхъ-эль-Бейда (Эндери) на монетахъ халифскихъ; Джулладъ, Махмудабадъ и Маджаръ на джучидскихъ; Гюштаспи, Аланджа и Астара на джелаиридскихъ; Ани на монетахъ хулагуидскихъ и джелаиридскихъ; Алагиръ (въ Сомхетіи) на монетахъ хулагуидскихъ и джучидскихъ; Тиѳлисъ на монетахъ халифскихъ, хулагуидскихъ, персидскихъ и турецкихъ; Дербендъ или Эль-Бабъ на монетахъ халифскихъ, ширваншахскихъ, джучидскихъ и персидскихъ; Эриванъ на хулагуидскихъ и персидскихъ; Баку на монетахъ золотоордынскихъ, хулагуидскихъ, джелаиридскихъ, ширваншахскихъ и каракоюнлускихъ; Шемаха на монетахъ золотоордынскихъ, джелаиридскихъ, ширваншахскихъ, каракоюнлускихъ, персидскихъ и турецкихъ; Ширванъ и Шабранъ на монетахъ хулагуидскихъ, джелаиридскихъ и ширваншахскихъ;

¹⁾ *Примѣчаніе* 1887 года. Въ настоящее время, по инициативѣ Вс. О. Миллера, собранъ значительный словарный матеріалъ по осетинскому языку (болѣе 7 тысячъ словъ) и есть надежда, что этотъ осетинско-русскій словарь будетъ оконченъ составителями въ ближайшіе года.

Нахичевань на монетахъ хулагуидскихъ, джелаиридскихъ, музафферидскихъ и персидскихъ; Нуха, Шеки и Ордубадъ на персидскихъ монетахъ; Ардебиль на саджидскихъ, атабекскихъ, хулагуидскихъ, джелаиридскихъ и персидскихъ.

Изъ отысканныхъ на Кавказѣ кладовъ монетъ мнѣ извѣстны слѣдующіе:

Въ 1825 г., въ Нухѣ найдено болѣе 150 новѣйшихъ мухаммеданскихъ монетъ, въ особенности разныхъ кавказскихъ ханствъ. См. Dorn, Das Asiat. Mus. стр. 46.

Въ 1828 году, близъ Мцхета, найдены 5 сассанидскихъ монетъ. Ibid., р. 52. Можетъ быть это таже находка, о которой говорится въ Зап. Русскаго Археол. Общ. т. III, переч. засѣдан., стр. 79—80.

Въ 1830 году, въ Бамбакскомъ округѣ, въ Лори, на бер. рѣки Каменки, найдено болѣе 7 фунтовъ серебр. монетъ византійскихъ, золотоордынскихъ, хулагуидскихъ, джелаиридскихъ, мамелюкскихъ, тимуридскихъ, ширваншахскихъ, каракоюнлускихъ, аккоюнлускихъ, грузинскихъ, персидскихъ и турецкихъ. Dorn, Das Asiat. Mus., р. 62.

Въ 1836 году, въ Грузіи, въ Шурагельской дистанціи, найдено 88 сер. сассанидскихъ и испегбедскихъ монетъ. Ibid. р. 70.

Въ томъ-же году, въ Ставропольской губ., найдены древнія золотыя монеты греческія. См. Зап. Археол. Общ. Т. III, переч. засѣд., стр. 82.

Въ 1839 году, въ Ширванской губ., между деревнями Тирджанъ и Зергаранъ, найдены монеты Ширваншаховъ. Dorn, Das Asiat. Mus. р. 87.

Въ томъ-же 1839 году, въ Эрмитажъ доставлены Босфорскія монеты, найденныя въ Анапѣ, Тифлисѣ и древн. Фанагоріи (изъ дѣлъ Эрмитажа).

Въ 1841 году, въ Карабагскомъ и Шекинскомъ уѣздахъ, найдены монеты персидскія, турецкія, грузинскія, баберидскія и венеціанскія. Dorn, Das As. Mus. р. 665—667.

Въ томъ-же году, въ Новороссійскѣ найдено 16 сер. римскихъ монетъ Антонина, Коммода, Аврелія Вера и Юліи Домны (изъ дѣлъ Эрмитажа).

Около 1847 (?) года, въ Абхазіи, въ Самурзакани, найдена серебряная бельгійская монета 16 и 17 столѣтій. Brosset, Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie. 8-e Rapport, р. 127.

Около 1847 года открыты греческія и римскія монеты близъ Накалакеви, въ Мингреліи. См. Brosset, 7-e Rapport, р. 60.

Въ 1848 году, найдено около 500 мѣдныхъ грузинскихъ монетъ Русуданы у Надеждинскаго форта, при истокѣ Большаго Зеленчука. См. Mélanges Asiat. I, р. 212.

Въ 1850 году, въ окрестностяхъ Тифлиса, найдены грузинскія монеты XV-го ст. Revue Archéologique, 1856, р. 717—722. Mél. Asiat. IV, 193.

Въ 1851 году, въ Дербентѣ, найдено болѣе пуда мѣдной монеты адзербейджанскихъ атабековъ. См. газ. Кавказъ за 1851 годъ, № 96, и Зап. Арх. Общ., т. V, переч. засѣд. ст. 64.

Въ 1854 году, въ 7—8 верстахъ отъ Тифлиса, въ Дигомѣ, найдены 441 мѣд. грузинскія монеты и 33 мон. Сельджуковъ и адзербейджанскихъ атабековъ. См. Mél. Asiat. III, 82—87.

Въ 1855 году, на берегахъ Сунджи, близъ Сунджинской станицы, найденъ кладъ изъ 200 сер. куфич. монетъ. См. Извѣстія Археол. Общ. I, стр. 119.

Въ 1857 году, близъ Тифлиса, найдено около 200 сер. куфич. монетъ. См. Bartholomaei, Lettres р. 33 и 42—43, и Mél. Asiat III, 222—235.

Въ томъ-же году, въ Имеретіи, при прокладкѣ дороги около Сурама, найдены въ

разныхъ мѣстахъ сереб. дарика, монеты колхидскія, арсакидскія, сассанидскія, римскія, сельджукскія, хулагуидскія, персидскія, турецкія, грузинскія и византійскія. Bartholomaei, Lettres, p. 63.

Въ 1858 году, въ Эриванской губ. въ Ордубадѣ, найдено 500 сер. джелаиридскихъ и музафферидскихъ монетъ. Ibid., p. 94—95. Журн. Мин. Вн. Дѣль 1858, ч. 33, кн. II, отд. 5.

Въ 1861 году, около Тифлиса (?) найдено 160 хулагуидскихъ, джелаиридскихъ, джучидскихъ и грузинскихъ монетъ Bartholomaei, 3-e Lettre à M. Soret, p. 5.

Около того-же времени, найдены, близъ Ахалцыха, мѣдныя ортокидскія и атабекскія монеты (Bartholomaei, 2-e Lettre, p. 6) и близъ Баку мѣдныя-же монеты сельджукскія, атабекскія и др. Ibid. p. 6.

Въ 1862 году, въ окрестностяхъ Эривани, найдены 282 хулагуидскія монеты. Bartholomaei, 4-e Lettre à M. Soret, p. 3.

Въ 1864 году, въ Сартичалѣ, близъ колоніи Мариенфельдъ, у Тифлиса, открыты 243 хулагуидскія монеты. Ibid. p. 4.

Въ 1873—1875 годахъ, въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ, близъ древняго монастыря Сафаро, найдено 13 золотыхъ визант. монетъ XI стол. См. Зап. Общ. Любителей Кавказск. археологии I, стр. 184.

Около того-же времени, въ Тифлисѣ, при рытіи фундамента подъ зданіе женской гимназіи, найдено 6 бактр. монетъ. Ibid., p. 184.

Въ 1879 году, около берега Гокчи, открыты 3 сер. сассанидскія монеты. См. Протоколъ засѣд. Предвар. Комитета Тифл. Археол. Съѣзда, стр. 161.

Въ 1878—1881 годахъ, въ могильникахъ около села Комунта, найдены золот. и мѣд. визант. монеты V—IX вѣковъ и сер. куфич. монета VIII вѣка (изъ сообщеній К. И. Ольшевскаго).

По словамъ бар. Кене (Музей кн. Кочубея I, 418 и 428) въ Имеретіи и Мингреліи находятъ монеты Вионинскаго Агриппы, обыкновенно вмѣстѣ съ монетами Фанагоріи и Пантикапей, и въ Мингреліи встрѣчаются значительныя клады Колхидскихъ триболовъ.

На важность собиранія свѣдѣній о мѣстахъ нахожденія всѣхъ такихъ кладовъ уже указалъ пок. И. А. Бартоломей. „On comprend (говоритъ онъ) toute l'importance de la connaissance des lieux où les découvertes ont été faites, pour la détermination des monnaies sur l'attribution desquelles plane encore quelque incertitude. Ceci est particulièrement essentiel pour les monnaies en cuivre, beaucoup moins sujettes à se répandre au loin, que celles en métaux plus précieux. Indépendamment des divisions politiques des pays à différentes époques de leur histoire, divisions qui ont exercé leur influence sur la nature des monnaies qu'on y a fait frapper; indépendamment de l'action du commerce dont le résultat est de transporter d'une extrémité du globe à l'autre certaines espèces qui deviennent courantes fort loin du lieu de leur émission; il faut encore tenir compte de l'action produite par la conformation orographique des grandes chaînes de montagnes, qui créent des limites naturelles à la diffusion des monnaies. Ainsi on peut observer que la chaîne du Caucase sépare avec une précision parfaite le terrain où l'on trouve les monnaies samauides, djoudjides ou bien des khans de Crimée, de celui où abondent les selgioukides d'Icône, les houlagouïdes, les djelaïrides etc. Le bassin de Kour depuis Akhaltzikhy jusqu'au littoral de la mer Caspienne, montre une notable différence dans le numéraire qu'on y découvre, d'avec

celui des trouvailles faites dans le bassin du Rion, de Koutaïs, à la Mer noire. Enfin les monnaies déterrées dans l'Adserbeidjan sont tout autres que celles de l'Iraque persique, du Mazenderan ou du Ghilan; il est à remarquer que ces dernières provinces essentiellement boisées et où l'agriculture est presque nulle, ne livrent leurs trésors qu'avec une extrême parcimonie, tandis que les découvertes sont fréquentes dans les pays régulièrement cultivées". См. Bartholomaei, 1 Lettre à M. Soret, p. 7—8.

Такимъ образомъ на первомъ планѣ является необходимость собранія возможно полныхъ свѣдѣній о найденныхъ на Кавказѣ монетныхъ кладахъ и составленныхъ изъ нихъ мѣстныхъ коллекцій, не только большихъ, но и малыхъ.

Чтобы облегчить мѣстнымъ собирателямъ классификацію какъ найденныхъ, такъ и будущихъ кладовъ, практичнѣе всего было бы издать таблицы рисунковъ главнѣйшихъ типовъ каждаго рода этихъ монетъ. Особенно желательно было бы, чтобы собиратели обратили вниманіе на пополненіе нашихъ свѣдѣній о Кавказскихъ монетныхъ дворахъ, т. е. на собираніе такихъ монетъ, которыя выбиты на самомъ Кавказѣ, на способы чеканки и на вѣсъ ихъ

На важное значеніе послѣдняго также указалъ уже пок. Бартоломей.

„Un travail intéressant, говоритъ онъ, et que je regrette de n'avoir pas eu le temps de faire, eût été de comparer les poids des pièces appartenant à chaque enfouissement; on y trouverait, sans nul doute, des indices de l'influence qu'exerce le système monétaire du pays envahi sur celui des envahisseurs, et ces tables comparatives contribueraient à jeter du jour sur quelques problèmes historiques... que des prises de possession passagères et alternatives n'ont pas peu contribué à embrouiller". Bartholomaei, 2-e Lettre à M. Soret, p. 4—5.

За тѣмъ полезно было бы, вмѣстѣ съ упомянутою выше таблицею рисунковъ, издать хотя краткій перечень главнѣйшихъ нумизматическихъ трудовъ, по которымъ желающіе могли бы ознакомиться съ литературою предмета и съ общими приѣмами, необходимыми при изученіи различныхъ отраслей нумизматики на Кавказѣ.

Прозектъ программы для собиранія матеріаловъ для антропологическихъ изслѣдованій.

Л. К. Ивановскаго.

При настоящемъ состояніи антропологической науки единственнымъ *методомъ*, который можетъ претендовать на наибольшее къ себѣ довѣріе, — это *методъ статистическій*, а *выводы*, сдѣланные по этому методу, будутъ тѣмъ болѣе приближаться къ истинѣ, чѣмъ на большемъ количествѣ данныхъ они основаны и чѣмъ болѣе подверглись критикѣ.

Первая и главная потребность, которой долженъ удовлетворять антропологическій матеріалъ, это количество.

Вторая, къ достиженію которой долженъ стремиться собиратель, возможная однородность данныхъ.

Потому, если дѣло идетъ объ изслѣдованіи остововъ, погребенныхъ въ тѣхъ или другихъ могильныхъ сооруженіяхъ, то количество ихъ должно быть по возможности

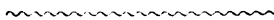
большее изъ каждого даннаго древняго кладбища, для того, чтобы костяки, исключенные за плохую сохранностью ихъ, или за болѣзненными на нихъ процессами, препятствующими изслѣдованію, или за неправильнымъ развитіемъ самыхъ костей, не уменьшали матеріала настолько, чтобы выводы, за малочисленностью данныхъ, стали мало вѣроятными.

Полагая вообще, что треть матеріала по тѣмъ или другимъ причинамъ должна будетъ быть, на вышеприведенныхъ основаніяхъ, отброшена и что minimum данныхъ для построения выводовъ мы принимаемъ за 20,—всегда слѣдуетъ брать изъ каждого отдѣльнаго кладбища не менѣе 30 костяковъ, увеличивая это количество при возможности и ограничиваясь меньшимъ числомъ единственно въ случаѣ недостатка самыхъ могилъ въ кладбищѣ.

Имѣя въ виду возможность присутствія небольшого числа могильныхъ насыпей или погребальныхъ сооружений въ одной группѣ, а потому и вѣроятность встрѣтить весьма ограниченный антропологическій матеріалъ въ такомъ случаѣ, изслѣдователю слѣдуетъ удвоить осторожность при вскрытіи могилъ, чтобы устранить весьма возможную порчу матеріала при спѣшной или невнимательной работѣ.

Оставляя въ могилѣ можно только такія кости, которыя пришли въ совершенное разрушеніе, всѣ же остальные тщательно перенумеровать, отнюдь не подвергая ихъ дѣйствію влаги, нанести хотя на приблизительный планъ и, озаботившись о совершенномъ обособленіи остововъ, приступить къ ихъ упаковкѣ. Дневникъ работъ всегда долженъ быть составленъ такъ, чтобы безъ малѣйшаго затрудненія возможно было отыскать въ коллекціи вещи, сопровождавшія костякъ, и составить себѣ понятіе о ихъ расположеніи около костяка. Черепа обыкновенно, по извлеченію изъ могилъ, оказываются наполненными землею и, кромѣ того, земля весьма плотно облегаетъ основаніе черепа, нѣбо и наполняетъ небныя ямы, отнюдь не слѣдуетъ очищать эту землю или вытряхать ее изъ полости черепа, раньше просушки послѣдняго, что можно сдѣлать или на воздухѣ, или же, если погода дурная, въ комнатѣ. Когда земля и кости просохнутъ, тогда слѣдуетъ осторожно очистить поверхность черепа и ямки на немъ щеткою и затѣмъ вытрясти землю, его наполняющую. Зубы, если выпадутъ, слѣдуетъ вставить на клею въ ихъ луночки обратно, укрѣпивъ съ помощью клея и остальные.

Другія кости равнымъ образомъ слѣдуетъ очистить отъ земли щеткой по ихъ просушкѣ, ни въ какомъ случаѣ не позволяя себѣ употреблять воду для обмыванія ихъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ какому заключенію о бронзовомъ періодѣ приводятъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ.

Графа А. С. Уварова.

Для Кавказа такъ же трудно опредѣлить существованіе настоящаго, такъ называемаго, бронзоваго вѣка, какъ и для многихъ другихъ странъ. Даже есть основаніе предполагать, что предѣлы настоящаго бронзоваго вѣка труднѣе будутъ опредѣлены для Кавказа, чѣмъ для западной Европы. Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, несмотря на то, что была сдѣлана попытка приурочить нѣкоторыя Кавказскія находки къ бронзовому вѣку, можно сказать положительно, что ни одна изъ нихъ не принадлежитъ къ этой эпохѣ. Всѣ доселѣ сдѣланныя на Кавказѣ находки должны быть отнесены къ тѣмъ временамъ, когда желѣзо было уже въ употребленіи, и слѣдовъ настоящаго бронзоваго вѣка на Кавказѣ еще покуда не найдено.

Хотя, такимъ образомъ, мы не имѣемъ передъ собою древнѣйшихъ остатковъ той эпохи, когда человекъ впервые познакомился съ металлами, однако памятники, о которыхъ хочу говорить, вполне достойны нашего вниманія какъ по технической своей отдѣлкѣ, такъ и въ особенности по своеобразному ихъ стилю. Еще большій интересъ представляютъ они при сравненіи ихъ съ древнѣйшими памятниками другихъ странъ въ видахъ опредѣленія, конечно по возможности, ихъ относительной древности. Такое опредѣленіе можетъ быть сдѣлано только на основаніи изученія мельчайшихъ подробностей стиля найденныхъ предметовъ и опираясь на извѣстную, точно установленную дату. Изъ четырехъ извѣстныхъ до сихъ могильниковъ въ Осетинскихъ горахъ близъ *Кобани*, *Казбека*, *Гаматы* и *Комунты*— послѣдніе два (*Галиата* и *Комунта*) могутъ быть опредѣлены довольно точно по отношенію ко времени, такъ какъ въ нихъ найдены византійскія монеты VI—VIII вѣковъ по Р. Х.

Кобанскіе и *Казбекскіе* предметы (между коими монетъ не найдено) древнѣе *Комунтскихъ*, какъ въ томъ можно убѣдиться съ перваго же взгляда; по въ какомъ взаимномъ отношеніи находятся они между собою и къ какой эпохѣ, приблизительно, относятся,—является вопросомъ, который заслуживаетъ внимательнаго разсмотренія. Я начну съ *Кобанскихъ вещей*, которыя состоятъ изъ бронзовыхъ кинжаловъ и наконечниковъ копій, топоровъ или сѣкиръ, булавокъ, браслетовъ, колець, шейныхъ гривень, большихъ поясныхъ пряжекъ, фибулъ, привѣсокъ, изображеній животныхъ, бусъ и сосудовъ.

При изученіи Кобаньскихъ издѣлій мы получаемъ не только представленіе о степени развитія народа, который ихъ производилъ, и открываемъ не только данныя для приблизительнаго опредѣленія ихъ эпохи, но отчасти также приходимъ къ новому воззрѣнію на находки, такъ называемаго бронзоваго вѣка въ западной Европѣ. Мы убѣждаемся, именно, что *культура Кавказскихъ племенъ предшествовала многимъ вѣкамъ культуръ остальной Европы*, — какъ это я постараюсь доказать далѣе, на основаніи сравнительнаго изученія стили.

Эпоха Кобаньскаго могильника можетъ быть опредѣлена *началомъ желѣзнаго вѣка*, что доказывается, на примѣръ, извѣстною формою пряжекъ въ видѣ полукруга съ шпинкомъ и нѣкоторыми другими формами по сравненію съ находками въ западной Европѣ. Но самое положительное доказательство даетъ присутствіе желѣза, вещи изъ котораго были найдены профессоромъ В. Б. Антоновичемъ въ двухъ раскопанныхъ имъ Кобаньскихъ могилахъ; именно *фрагменты* желѣзныхъ копій, желѣзный *топорикъ* и выложенныя желѣзомъ фигуры, сдѣланныя вглубь на плоскихъ, бронзовыхъ поясныхъ пряжкахъ. Такая *желѣзная насѣчка* по бронзѣ доказываетъ рѣдкость и цѣнность желѣза въ тѣ времена; на что указываетъ также и миниатюрность найденнаго топора. Подобныя желѣзныя насѣчки были найдены еще во Франціи, въ департаментѣ Верхнихъ Альпъ въ селеніи Гюйлертеръ (*Materiaux*, IX, p. 312). Вообще Кобаньскіе предметы принадлежатъ къ началу желѣзнаго вѣка, и по *формамъ* и *узoramъ* могутъ быть сравниваемы съ тѣми находками въ западной Европѣ, которыя причисляются къ той же эпохѣ. Сюда принадлежатъ по мнѣнію Г. Шантра (*Etudes paléontologiques dans le bassin du Rhone. Age de bronze. Tome 2, p. 245*) предметы, найденные въ Галльштадтѣ, Голласеккѣ, Виллановѣ и др. — Къ этой же переходной эпохѣ могутъ быть отнесены свайныя постройки Мѣрингена, гдѣ бронза является почти исключительнымъ металломъ для выдѣлки домашнихъ и военныхъ орудій, а желѣзо встрѣчается только въ исключительныхъ случаяхъ и въ незначительномъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ этими слѣдами желѣза замѣчаются и первые слѣды новаго вліянія иноземной и болѣе развитой культуры, которая, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе становится преобладающею.

Далѣе Г. Шантръ замѣчаетъ, что это иноземное вліяніе, вполне очевидное въ Галльштадтѣ, Голласеккѣ, Виллановѣ и другихъ могильникахъ *прото-итрусскихъ* опредѣляется появленіемъ: *бритвъ, пряжекъ, шейныхъ гривень, нѣкоторыхъ необычныхъ предметовъ, вѣроятно, религіознаго значенія и маленькихъ поребальныхъ колесницъ*. Къ этимъ предметамъ присоединяются новые узоры орнамента: какъ-то: *спирали, кресты, свастика* и наконецъ металлическіе *шлемы, сосуды и панцыри*.

Вообще Г. Шантръ находитъ, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою не упадокъ и вырожденіе отжившей культуры, а только появленіе новыхъ типовъ въ средѣ культуры процвѣтающей. Обращаясь по преимуществу къ Галльштадту, Шантръ замѣчаетъ, что здѣсь появляются впервые:

1. Пряжки, шейныя гривны, бритвы, сестры, мечи съ плоскими ребрами вдоль клинка, шлемы, сосуды и панцыри.
2. Изображенія звѣрей, спирали, кресты и свастики.
3. *Золото, янтарь, яагъ (jauc)* и *стекло*.
4. *Желѣзо* и *олово*, какъ украшенія: желѣзо на бронзѣ, а олово на гончарныхъ сосудахъ.

5. Браслеты замкнутые, кольцеобразные, дутые.
6. Пряжки дутые, въ видѣ ложекъ съ привѣсками.
7. Налокотники.
8. Пояса изъ тонкаго бронзоваго листа *кованнаю*.

9. Домашнія орудія и оружія изъ желѣза. Сверхъ того къ существеннымъ признакамъ надо причислить воздвиганіе *куриановъ* и устройство *большихъ, обширныхъ мильниковъ*. Этотъ перечень типическихъ предметовъ Галльштадта для насъ важенъ, какъ хронологическая база для ближайшаго опредѣленія различія, существующаго между *переходною эпохою* на Кавказѣ и въ западной Европѣ.

Первое различіе, которое бросается въ глаза, это: *отсутствіе янтаря и золота*.

Второе—отсутствіе *курианыхъ насипей*, не смотря, что мѣстность представляетъ возможность ихъ воздвигать.

Третье—отсутствіе такъ называемыхъ *кельтовъ, топоровъ съ загнутыми крыльями (haches à ailegons)* и *серповъ*.

Четвертое различіе состоитъ въ преобладаніи *своеобразныхъ формъ и своеобразныхъ украшеній*, составляющихъ отличительныя черты особаго, мѣстнаго, такъ сказать, *Осетинскаго стиля*. Къ какимъ формамъ относятся:

А) *Топоры* или *сыкиры* *изогнутой формы съ овальнымъ отверстіемъ для рукоятки и съ расширеннымъ, полукруглымъ лезвиемъ*. Они отлиты изъ бронзы почти по одному образцу, а потомъ выкованы и окончательно отдѣланы. Попадаются и миниатюрные молоты совершенно такого-же типа. (См. табл. VI).

Б) *Кинжалы*—хотя по своему назначенію имѣютъ одну и ту же общую форму,—однако въ деталяхъ выказываютъ много разнообразія. Украшеніе рукояти *звѣрями* или *выпуклыми воздьями* и пр. даетъ иногда имъ особый своеобразный видъ. По общей формѣ рукояти они напоминаютъ всего болѣе кинжалы, найденные въ бассейнѣ Роны во Франціи (Chantre, pl. XLIV, LVIII) и совершенно отличаются отъ сибирскихъ, венгерскихъ, итальянскихъ и пр. (См. табл. VI).

В) *Поясные пряжки* плоскія, въ видѣ продолговатыхъ параллелограмовъ, не были находимы нигдѣ въ западной Европѣ. Эти пряжки украшены часто различными орнаментами, между которыми попадаетъ и *свастика* или рѣзныя (вглубь) изображенія оленей и леопардовъ, расположенныхъ по *три* или по *пяти, шести* одинъ надъ другимъ во всю длину пряжки. По три расположены всегда звѣри одной породы; при пятерномъ же числѣ—средній звѣрь бываетъ другой породы или замѣняется орнаментомъ; при шестерномъ—три звѣри одной породы, три—другой. На одномъ краю пряжки находится рядъ дырочекъ для пришивки, а съ другой стороны того же края—крючекъ, имѣющій иногда видъ *птичей головы*. Изъ изображеній на такихъ плоскихъ пряжкахъ, чаще всего встрѣчаются изображенія *оленей*; онѣ сдѣланы вглубь бронзовой полосы и выложены обыкновенно *жельзомъ*. Не рѣдки впрочемъ и совершенно *мадкія* пряжки.

Г) *Бронзовыя пряжки*, вѣроятно тоже поясныя, сдѣланныя въ видѣ: а) *раскрытой правой кисти руки*, съ изображеніемъ двухъ леопардовъ одинъ за другимъ; б) *двухъ леопардовъ*, стоящихъ на заднихъ ногахъ и борющихся между собою; в) *скачущаго леопарда*; г) *стоящаго коня*; д) *блуждаю коня*; е) *лежащей собаки*; ж) *колесъ* разныхъ величинъ, съ спицами; з) *большихъ и маленькихъ крючковъ*. (См. табл. VII, VIII и IX).

Д) *Булавки*—достигаютъ замѣчательной величины и встрѣчаются въ могилахъ, положенными на крестъ на груди; по всей вѣроятности, эти *колоссальныя булавки* съ

плоскими широкими головками носились на груди и служили для украшения. При этомъ весьма замѣчательна *парность* ихъ. Нигдѣ доселѣ не найдено подобныхъ предметовъ. Булавки такого же образца, но менѣе коллосальныя и съ нѣкоторыми выкованными узорами, ромбами или выпуклыми кругами. Булавки не парныя и меньшихъ размѣровъ отличаются иногда оригинальною формою. Большинство такихъ булавокъ съ *плоскими головками* или въ видѣ *полуовала* или *топорика*, или съ *тремя баранами*, *стоящими рядомъ* или съ *двумя волками* (шакалами), *держащими въ пасти маленькаго зѣрка*, вѣроятно зайца. (См. табл. VI и VII).

Е) *Привѣски*, находимыя на шеѣ вмѣстѣ съ бусами и представляющія весьма разнообразныя формы. Несомнѣнное назначеніе этихъ предметовъ для ношенія на шеѣ или на груди ясно опредѣляется *петлею* или *особымъ отверстіемъ*, *сдѣланнымъ въ самомъ предметѣ*. Привѣски эти представляютъ слѣдующія типы:

Головы барановъ разныхъ породъ, *головы козловъ*, *изображенія оленей*, *изображенія коровъ*, *изображенія барановъ*, *изображенія медвѣдей*, *человѣческое изображеніе* совершенно обнаженное. *Привѣски изъ четырехъ зѣриньихъ* (волчьихъ или шакаловыхъ) *головъ*. *Зѣринья голова* съ остроконечною мордою (медвѣдя или свиньи). *Привѣски въ видѣ дуль* или *роговъ*. (См. табл. IX и X).

Ж) *Фибулы*—дугобразныя, различной величины, но весьма разнообразной формы. (См. табл. VIII).

З) *Браслеты*; найденные профессоромъ Антоновичемъ, представляли *два изображенія утокъ* и оказались на лѣвомъ предплечіи. Они состояли изъ двухъ бронзовыхъ треугольниковъ, обращенныхъ другъ къ другу основаниями и хвосты которыхъ выказывали изображенія въ видѣ утокъ. Такія утки дѣлались двухъ видовъ, или съ *длинными прямыми ушами*, или съ *круглыми ушами*. (См. табл. IX).

Пятое различіе составляетъ своеобразность украшеній на Кобанскихъ гончарныхъ издѣліяхъ. Неправильная форма ярко выказываетъ ручную работу. Сосуды мало обожжены и постоянно одного и того же *сыроватаго цвѣта*. Узоры *размѣщены* около дна или нижней части сосудовъ и производились *вдавленіемъ* по сырой глинѣ *вырѣзаннаго обронно узора*. (См. табл. XI).

Самые узоры весьма просты и состоятъ изъ *треугольниковъ*, *ромбовъ*, *шродковъ*, *полосокъ* и *точекъ*; вообще они гораздо менѣе разнообразны, чѣмъ узоры на западныхъ издѣліяхъ бронзоваго вѣка (Chantre. I, p. 236); нѣтъ ни *кружковъ*, ни *крестовъ*, ни *звѣздъ*. Любопытно замѣтить, что глубина узоровъ, между полосками, наполнена *блочною массою* въ родѣ *извѣстки* (Chantre, ibid., p. 239), или *свѣтло-коричневою*.

Шестое—изобиліе сердоликовыхъ бусъ, весьма грубо обточенныхъ и со слѣдами *наръзовъ*, несомнѣнно сдѣланныхъ *посредствомъ желѣзнаго орудія*. *Сердолики* указываютъ на Персію, какъ на мѣсто происхожденія. Изъ другихъ камней попадаются, въ весьма незначительномъ количествѣ только бусы изъ *лазита*. *Сверлина* производилась пустою *трубочкою*, какъ видно изъ начатой сверлины на одной сердоликовой бусѣ, въ которой виднѣнъ *стержень*. Форма бусъ большей частью *кружлая*, *въ два ската съ ребромъ вокругъ* и весьма рѣдко *продолговатая*.

Кромѣ того встрѣчаются стеклянныя бусы, раковинки, (сургаса монета), игральныя кости, металлическія зеркалаца.

Приступая къ ближайшему изученію изображеній и орнаментовъ на Кобанскихъ издѣліяхъ, надо замѣтить, что узоры, какъ я сказалъ выше, до такой степени еще

просты, что не могут быть и сравниваемы съ разнообразными формами украшеній, встрѣчаемыхъ на западныхъ памятникахъ бронзоваго вѣка. Тѣмъ болѣе не встрѣчается на нихъ *звѣринаго орнамента*,—какъ въ Галльштадтѣ, или *иреческихъ меандровъ*, какъ на издѣліяхъ изъ Виллановы. Изъ этого можно, пожалуй, заключить, что *Кобанскія вещи древнѣе Галльштадтскихъ и Вилланововскихъ*.

Затѣмъ, останавливаясь по преимуществу на звѣриныхъ изображеніяхъ, можно замѣтить, что *нѣкоторыя изображенія исключительно употреблялись для известнаго рода издѣлій*. Такимъ образомъ на *топорахъ* встрѣчаются: а) змѣи, б) драконы или фантастическое животное, заканчивающееся змѣинымъ хвостомъ, в) рыбы, г) олени съ оленками, д) тигръ или волкъ или шакаль и е) наконечникъ стрѣлы. *На прямыхъ и плоскихъ пряжкахъ* повторяются нѣкоторыя изъ такихъ же изображеній, какъ-то: тигры или леопарды, змѣи и олени, но *рыбы* никогда не встрѣчаются. Такое же замѣчаніе можно сдѣлать на *привѣскахъ*, между которыми *бараньи головы* съ длинными завитыми рогами встрѣчаются всего чаще и повидимому предпочитались всякимъ привѣскамъ съ другими изображеніями. Такое преобладаніе *бараньихъ головъ* въ привѣскахъ и помѣщеніе *рыбъ* исключительно только на *топорахъ* несомнѣнно должны были соответствовать какому-нибудь особымъ понятіямъ о значеніи, можетъ быть мифологическомъ или символическомъ, этихъ животныхъ.

Рыба по своему символическому значенію должна быть разсматриваема совокупно съ символизмомъ змѣи и въ особенности въ отношеніи къ *топорамъ* или *сѣкирамъ*, на которыхъ они неразлучны. *Змѣя*, можетъ быть, изображалась тутъ по смыслу ведійскихъ гимновъ *), какъ имѣющая божественную природу. Ведійскій богъ огня, *Аgni*, который, какъ родившійся изъ воды, получаетъ названіе ахир-будхвіа, сравнивается со змѣею съ золотою гривой. Самъ Индра называется имѣющимъ силу змѣи.

Змѣя любитъ сырость, воду, амврозію и дождь. Когда въ Маохабаратѣ мать всѣхъ змѣй, сожженныхъ солнцемъ, упрашиваетъ о дождѣ, тогда Индра, соглашаясь на ея просьбу, покрываетъ небо тучами. Змѣя защищаетъ и скрываетъ потерянные клады, по мнѣнію народному, и вмѣстѣ съ тѣмъ охраняетъ души убитыхъ героёвъ. Отъ того въ Индіи змѣи почитаются, какъ воплощенные души умершихъ. Вообще персидскія преданія всегда придаютъ змѣямъ демоническое значеніе, между тѣмъ, какъ болѣе гибкій Индійскій духъ видитъ въ змѣяхъ то злое, то доброе начало. Не только халдейскія преданія (*Fr. Lenormant. La divination. p. 88*), но вообще преданія всѣхъ народовъ, даже дикихъ, видятъ въ змѣѣ символъ науки и сверхъестественныхъ умственныхъ способностей. Такимъ же образомъ смотрѣли на это животное Вавилоняне и Ассирійцы. Наконецъ въ ведійскихъ гимнахъ змѣи получаютъ божественное значеніе.

Если перейти теперь къ символическому значенію *рыбы*, мы увидимъ, что она постоянно имѣетъ доброе, благотворное значеніе.

Въ Кхорда-Авестѣ рыба, которая все хорошо видитъ, *Каро-масіо* защищаетъ бѣлый хаома или амврозію отъ злыхъ духовъ. Въ такомъ же значеніи защиты встрѣчается рыба и въ Ригведѣ, при описаніи походовъ бога Индры. Кромѣ этого значенія, *рыба* употребляется иногда и какъ символъ *быстроты* и въ этомъ значеніи она совпадаетъ съ значеніемъ змѣи. (*Friedreich § 288, p. 601*). Такой символизмъ змѣи и рыбы можетъ объяснить до нѣкоторой степени ихъ изображенія на сѣкирахъ, употребленіе коихъ требовало *быстроты* движеній для достиженія полной, надежной защиты.

*) *De Gubernatis p. 643, 651.*

Баранъ принадлежитъ также къ излюбленнымъ символамъ Кобанскихъ издѣлій и встрѣчается въ изобиліи на *привѣскахъ*, то въ видѣ цѣлаго животнаго, то только головы его съ длинными витыми рогами. Въ индійскихъ мифахъ, баранъ является символомъ солнца, скрытаго тучами или тѣнью ночи. На языкѣ Ведъ, по замѣчанію Де Губернатиса, ага означаетъ „толкающаго, тянущаго, шевелящаго“ (ageus), а также и барана. Баранъ ударяетъ рогами; солнце ударяетъ въ тучи лучами. Самъ Индра, въ ведійскомъ гимнѣ, представляется въ видѣ хваленаго, геройскаго барана. Въ другомъ гимнѣ оба Асвина сравниваются съ двумя баранами. Въ Кхорда-Авестѣ богъ Верстрахна представляется летающимъ „въ тѣлѣ барана, дикаго, красиваго съ звучащими когтями“; или „въ тѣлѣ козла готоваго къ борьбѣ, красиваго, съ острыми когтями“ (*Spiegel* III pag. 145. p. XXXII). На основаніи всего вышесказаннаго привѣска *баранья голова* съ длинными, витыми рогами, могла сохранять отъ всякаго несчастья (*Friedreich*. pag. 489).

Такое подробное изученіе звѣриныхъ изображеній на Кобанскихъ издѣліяхъ и точное опредѣленіе, съ какими вещами связаны исключительно только извѣстныхъ изображенія, можетъ пояснить до нѣкоторой степени вѣрованія народа, оставившаго этотъ древній могильникъ, а затѣмъ дать указанія и для опредѣленія самой народности. Даже разсматривая эти звѣриныя изображенія съ точки зрѣнія естественной исторіи, я думаю, можно раскрыть нѣкоторыя черты быта Кобанскихъ жителей и степени ихъ культуры.

Въ заключеніе, послѣ краткаго обзора предметовъ, найденныхъ въ Кобанскихъ могилахъ, я долженъ коснуться времени, къ которому они принадлежатъ. При отсутствіи прямыхъ документовъ, приходится руководиться только указаніями, которыя мы получаемъ изъ подробнаго изученія самихъ памятниковъ по ихъ формѣ и по встрѣчаемымъ на нихъ орнаменту и изображеніямъ.

Какъ я уже сказалъ выше рѣдкость желѣза при изобиліи бронзы указываетъ намъ на *начало желѣзнаго вѣка*. Еще яснѣе опредѣляетъ культуру эпохи находка *стеклянныхъ бусъ* весьма изящной отдѣлки и съ изысканнымъ узоромъ и наконецъ *наръжки на сердоликовыхъ бусахъ*, которыя не иначе могли быть сдѣланы, какъ посредствомъ остраго желѣзнаго орудія. Эта эпоха была вѣрно опредѣлена Г. Д. Филимоновымъ, который относитъ Кобанскій могильникъ къ *первому періоду желѣзнаго вѣка*. Но такое научное выраженіе, примененное объективно къ исторіи Кавказа, какое имѣетъ оно значеніе? Какую надо тутъ подразумѣвать эпоху, въ тысячелѣтій или столѣтій? Вотъ вопросы, которые, въ отношеніи къ Кавказу, навѣрно рѣшатся иначе, чѣмъ въ отношеніи къ находкамъ, сдѣланнымъ въ западной Европѣ. Очень можетъ быть, что обиліе тутъ бронзовыхъ вещей характеризуетъ не эпоху, а только указываетъ на изобиліе мѣдныхъ рудниковъ при рѣдкости или даже отсутствіи желѣзной руды. Весьма незначительное употребленіе желѣза позволяетъ даже затронуть вопросъ о пользованіи *метеорологическимъ желѣзомъ* вмѣсто рудниковаго. Вообще обиліе одного металла и почти отсутствіе другаго не составляетъ, по моему мнѣнію, такого характеристичнаго признака, по которому можно бы было прійти къ точному выводу о времени Кобанскаго могильника. Скорѣе такой выводъ можетъ быть сдѣланъ изъ отдѣльныхъ чертъ нѣкоторыхъ предметовъ.

Весьма важнымъ хронологическимъ признакомъ является *отсутствіе янтара*, который между тѣмъ попадаетъ уже между Казбекскими вещами, повидимому болѣе поздними. Нѣкоторыя указанія даетъ также изученіе стиля Кобанскихъ издѣлій, который

выразился во 1-хъ въ *формахъ*, во 2-хъ въ *узорахъ*, въ 3-хъ въ *звѣриныхъ изображеніяхъ* и, въ 4-хъ въ *способъ отдыжки*.

Форма сосудовъ, какъ бронзовыхъ такъ и гончарныхъ, самая простая; первые—кованы изъ тонкаго и гладкаго листа безъ всякихъ украшеній; вторые—лѣплены рукою и представляютъ лишь грубо вдавленные узоры. Обжигъ и цвѣтъ гончарныхъ издѣлій доказываетъ несовершенство ихъ работы и непрочность глины. Вся поверхность шероховата и безъ всякаго глянца. Глинянная курительница въ собраніи Ольшевскаго, какъ будто, сдѣлана въ подражаніе болѣе древней модели изъ бронзы, такъ какъ глина не удобный матеріалъ для формы и въ особенности для сосуда, предназначеннаго для подвѣшиванія.

Узоры на бронзовыхъ гончарныхъ издѣліяхъ состоятъ, кромѣ общихъ мотивовъ, самыхъ древнихъ (круги, точки, завитки), по преимуществу изъ прямыхъ линий, какъ-то четырехугольники, треугольники, ромбы и пр. и наконецъ изъ *свастики*, свидѣтельствующей объ *азиатскомъ вліяніи* на орнаментъ. Сверхъ того примѣсь къ узорамъ симметрически расположенныхъ изображеній животныхъ выказываетъ сходство съ *Ассирійскими памятниками*. Въ особенности это сходство замѣтно въ пряжкѣ (*agrafe*), составленной изъ двухъ тигровъ, стоящихъ на заднихъ лапахъ (ассирійскіе памятники, львы въ Микенахъ). При этомъ способъ изображенія *тигровъ* не напоминаетъ природу, а ту условную, какъ бы герольдическую форму, которою отличаются изображенія ассирійскія. Весьма характерно въ этихъ узорахъ полное отсутствіе греческаго *меандра*, или инаго мотива, попадающагося на римскихъ и греческихъ издѣліяхъ (рядъ яицъ, пальметъ).

Изображенія животныхъ, отличающіяся иногда удивительнымъ реализмомъ (олени, бараны, медвѣди), большею частью воспроизводили представителей той фауны, которая окружала Кобаньскихъ художниковъ. Правильность такого мнѣнія видна изъ того, что многіе виды животныхъ, часто встрѣчающіеся на сибирскихъ вещахъ, вовсе не попадаютъ на Осетинскихъ—несомнѣнно по той причинѣ, что эти звѣри не водились и не водятся въ Осетинскихъ горахъ. Къ такому же разряду отсутствующихъ въ Осетіи видовъ принадлежатъ *тиръ и леопардъ*; ихъ и не изображали съ натуры, а помѣщали на издѣліяхъ по видимому съ готовыхъ уже образцовъ. Такимъ образомъ *тиры* имѣютъ условный видъ, геральдическій и, какъ я замѣтилъ выше, навѣрно сдѣланы по *ассирійскимъ образцамъ*. Постоянно открытая пасть, скачущее или стоячее на заднихъ лапахъ положеніе могутъ также служить признаками ассирійскаго стиля. Всѣ остальные звѣри, безъ всякаго сомнѣнія сдѣланы, съ натуры, а потому въ нихъ и схваченъ такъ ловко характеръ животныхъ.

Наконецъ переходя къ самому *способу отдыжки* Кобаньскихъ издѣлій можно, сказать, что мастера умѣли отливать предметы весьма искусно, если орнаментъ былъ простой и не сложный, но даже самыя удачныя изображенія звѣрей являются весьма грубыми, хотя иногда довольно близкими къ натурѣ. Въ *человѣческихъ изображеніяхъ* выказывается наиболѣе неумѣлость литейщика или формовщика. Кромѣ того, часто отлитый предметъ дурно отчищенъ отъ тѣхъ наплывовъ, которые образуются при отливкѣ въ двухъ формахъ. Любопытно также замѣтить, что *паять* или *спаивать* сломанныя части древніе Кобаньцы не умѣли. Всѣ поврежденныя части они *заклепывали* мѣдными или бронзовыми листами.

Изъ всего высказаннаго можно прийти къ слѣдующимъ выводамъ:

Преобладаніе во всѣхъ Кобаньскихъ предметахъ *особаю, своеобразною отпечатка*, является неоспоримымъ доказательствомъ мѣстнаго развитія подѣ вліяніемъ мѣстныхъ условій и мѣстныхъ вѣрованій. Такое мѣстное развитіе или мѣстная культура извѣстнаго племени, населявшаго ущелія сѣвернаго склона Кавказа, свидѣтельствуетъ въ пользу духовной силы и живучести этого племени, которое развивалось, не смотря на свою обособленность отъ другихъ племенъ Кавказа и на удаленность отъ тѣхъ большихъ торговыхъ путей, по которымъ разносилось вліяніе древнихъ культуръ, къ самостоятельному и мѣстному стилю Кобаньскихъ издѣлій примѣшивается, однако, до извѣстной степени *видимое чуждое вліяніе*, которое, отчасти можетъ быть объяснено самымъ топографическимъ положеніемъ Кобани, но подробности котораго объясняются гораздо труднѣе.

Кобань, какъ мы знаемъ, лежитъ въ Тагаурскомъ ущельѣ, на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, который заканчивается, какъ извѣстно, на Таманскомъ полуостровѣ, гдѣ уже около половины VI вѣка до Р. Х. основанъ былъ богатый греческій городъ Фанагорія. Около того же времени (511 л. до Р. Х.) на противоположномъ берегу Керченскаго пролива, на супротивъ Фанагоріи, была основана Пантикапея, ранѣе которой на полтора ста лѣтъ, на сѣверномъ берегу Чернаго моря, уже существовала Ольвія, основанная въ 655 году. Обширная торговля Ольвіи, начиная съ VII вѣка, распространилась на весь сѣверномъ берегу моря и достигала даже береговъ Волги. При такой торговлѣ, такъ близко подходившей къ самому Кавказу, слѣдовало бы ожидать и вліянія греческаго искусства на произведенія Кобани. Но такого вліянія нельзя открыть въ стилѣ бронзовыхъ и гончарныхъ Кобаньскихъ издѣлій. Мы не встрѣчаемъ, на примѣръ, на нихъ узора, напоминающаго греческій меандръ или другіе греческіе орнаменты. Судя по такому отсутствію, можно было бы полагать, что греческая торговля не доходила до Тагаурскаго ущелья Кавказа; однако находки *стеклянныхъ бусъ*, разноцвѣтныхъ или съ желтыми узорами по болѣе темному фону, указываютъ на распространеніе *греческихъ издѣлій*. Несомнѣнное сходство этихъ бусъ съ бусами, находимыми во всѣхъ почти древне-греческихъ поселеніяхъ Чернаго моря, довольно ясно опредѣляетъ, гдѣ они изготовлялись. Возможно, впрочемъ, что и въ Азіи изготовлялись такія же бусы, но прямыхъ доказательствъ того мнѣ не извѣстно. Во всякомъ случаѣ, если вліяніе греческихъ поселеній выразилось только въ снабженіи бусами, то очевидно, что эти поселенія не имѣли прямого, непосредственнаго сношенія съ жителями Осетинскихъ горъ.

Съ другой стороны неоспоримое *вліяніе ассирійскихъ памятниковъ* указываетъ на какую-то связь между поселенцами Тагаурскаго ущелья съ народами дальняго Востока. То вліяніе, котораго Греки, въ начальную эпоху своихъ черноморскихъ поселеній, еще не могли достигнуть, — такимъ вліяніемъ уже вполне обладали азіатскіе народы и въ особенности Ассирійцы. Припоминая развитіе, до котораго дошло ваяніе у Ассирійцевъ (*Lenormand. livre IV, chap. V. § 6 les Arts.*) и умѣніе ихъ вырѣзать въ глубь на твердыхъ камняхъ, можно сравнить Кобаньскія пряжки и ихъ символическія изображенія съ ассирійскою рѣзьбой. Не относится ли это ассирійское вліяніе къ VIII вѣку до Р. Х., когда царь Саріукинъ (721—704 г.), окончивъ покореніе Египта, обратился на сѣверъ, войною на Урарти или Кавказъ. Впрочемъ, и прежде этого времени, уже въ IX вѣкѣ началось наступательное движеніе Ассиріи на Урарти. Салманазаръ IV (787—784) четыре раза ходилъ на Кавказъ, и, какъ говорятъ писатели, —

Изображение уменьшено в 2 раза

УМЕНШЕНО ВЪ ПОЛОВИНУ.

Фот. Галерея Шервуд в Британском музее

УМЕНШЕНО ВЪ ПОЛОВИНУ.

Фот. Давыра Шеру, в Национальн. муз. Мюнх.

НАТУРАЛЬНАЯ ВЕЛИЧИНА.

Фото Гравюра Шерер, Хитинский и др. в Мюнхен

НАТУРАЛЬНАЯ ВЕЛИЧИНА.

Фото Гравюра Шерри, Населения Кавказа

НАТУРАЛЬНАЯ ВЕЛИЧИНА.

Реплика изготвена по оригинала в Музея

УМЕНШЕНО ВЪ ПОЛОВИНА.

страны, подчиненныя Ассиріи, приняли и ассирійскую культуру и ассирійскія искусства и даже письма (Maspéro. p. 399.—Lenormant. Lettre assyrielle 1-e série. Tome 1, p. 121—122, 138—145).

Коснувшись вліянія Ассиріи на обитателей Кавказа, нельзя не припомнить, что на Кобанских ожерельяхъ часто попадаются *просверленные риквины, supraea moneta*, указывающія также на сношенія съ Индією. Съ другой стороны, при разсмотреніи внѣшнихъ воздѣйствій на культуру Кобани, нельзя не обратить вниманія на *сердоликовья бусы*, единственныя каменныя бусы, которыя попадаютъ въ этомъ могильникѣ.

Огромное количество *сердоликовьяхъ бусъ* сравнительно съ незначительнымъ числомъ стеклянныхъ, — ясно доказываетъ преобладаніе азіатскаго или даже *персидскаю* вліянія на обитателей Кавказскихъ горъ. Къ такому же *персидскому* или скорѣе *мало-азіатскому вліянію* долженъ быть отнесенъ и особый узоръ, состоящій какъ бы изъ крестовъ въ перевивающихся рамкахъ. Тотъ же узоръ, но на прямой вертикальной поверхности, находится и на передней сторонѣ гробницы Фригійскаго царя Мидаса (Texier. Description de l'Asie Mineure I p. 56).

Нѣсколько замѣчаній по поводу погребальныхъ обычаевъ обнаруживаемыхъ въ курганахъ съ трупосожженіемъ, по южному побережью Ладожскаго озера.

Н. Е. Бранденбурга.

При тѣхъ особенностяхъ, которыя представляетъ наше отечество относительно своего географическаго распространенія и этнографіи своего населенія, мы встрѣчаемъ весьма существенныя различія въ деталяхъ погребальныхъ обычаевъ нашихъ языческихъ предковъ, различія, приурочивающіяся къ мѣстностямъ даже не весьма отдаленнымъ другъ отъ друга. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о погребальныхъ обычаяхъ нашей языческой древности далеко еще не можетъ считаться исчерпаннымъ, почему да позволено будетъ мнѣ изложить здѣсь нѣсколько замѣчаній на факты, какъ результатъ наблюденій при моихъ раскопкахъ по южному побережью Ладожскаго озера.

Съ другой стороны позволю себѣ также замѣтить, что нерѣдко и самый смыслъ тѣхъ или другихъ встрѣчаемыхъ слѣдовъ погребальныхъ обычаевъ, представляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ неяснымъ, почему считаю умѣстнымъ поставить ихъ на видъ, въ надеждѣ вызвать надлежащее объясненіе со стороны многуважаемыхъ членовъ настоящаго собранія.

Наконецъ, предлагаемое сообщеніе непосредственно связывается и съ разрѣшеніемъ двухъ вопросовъ изъ числа поставленныхъ нынѣшнимъ съѣздомъ, именно: 1) по вопросу о существованіи доказательствъ, бывшихъ человѣческихъ жертвоприношеній у нѣкоторыхъ Угро-Финскихъ народовъ СВ. Россіи и 2) относительно собранія свѣдѣній о находкахъ каменныхъ орудій.

Археологическія данныя, которыя будутъ изложены ниже, извлечены изъ могильныхъ насыпей, находящихся на южномъ побережьи Ладожскаго озера, между рѣками Сясю и Пашею, т.-е. въ восточномъ углу Петерб. губерніи, гдѣ съ Ладожскимъ озеромъ соединяются три большія, далеко въ разныя стороны расходящіяся рѣки: Свирь, Дять и Паша. Главнѣйшее количество изслѣдованныхъ мною кургановъ находится впрочемъ на нижнемъ теченіи послѣдней, почему въ моемъ изложеніи я главнѣйшимъ образомъ имѣю въ виду именно ихъ.

Могильныя насыпи по берегамъ Паши разсѣяны частью небольшими группами, заключающими каждая около десятка кургановъ, частью же расположены отдѣльно и

въ большинствѣ случаевъ на самомъ краю высокихъ обрывистыхъ береговъ, такъ что многія изъ нихъ уже и въ настоящее время, будучи подмыты водою, исчезли безслѣдно отъ обваловъ берега въ рѣку. Всего кургановъ, на 30-ти верстномъ протяженіи отъ устья Паши въ верхъ, насчитывается нѣсколько болѣе полутора, и всѣ они, какъ обнаружено произведенными раскопками, (мною изслѣдовано здѣсь до ста кургановъ) относятся къ X, XI столѣтіямъ; послѣднее можно заключить какъ изъ найденныхъ при раскопкахъ монетъ, такъ и изъ весьма близкой аналогіи упоминаемыхъ курганавъ въ культурномъ отношеніи съ курганами Вотской пятины и Морянскими.

Обнаруженные раскопками погребальные обычаи въ курганахъ Южно-Ладожскаго побережья указываютъ на одновременное существованіе и здѣсь двухъ видовъ погребенія, именно: одно по обряду трупосожженія, другое—преданіе землѣ обыкновеннымъ образомъ, т.-е. безъ предварительнаго сожженія останковъ умершаго; но въ настоящемъ случаѣ я имѣю въ виду коснуться изъ нихъ только перваго.

Позволю себѣ сначала напомнить въ двухъ словахъ, какой видъ представляютъ здѣсь эти курганы съ трупосожженіемъ, и именно относительно своего внутренняго содержанія, такъ какъ внѣшняя ихъ форма ни чѣмъ не отличается отъ могильныхъ насыпей съ костями не сожженными.

Курганы эти состоятъ изъ песчаной насыпи, основаніе которой занято сплошнымъ, болѣе или менѣе густымъ и толстымъ слоемъ золы или пепла, съ частицами угольковъ; слой этотъ рѣзко отдѣляется отъ остальнаго грунта и къ центру кургана идетъ обыкновенно толще и характернѣе, чѣмъ на краяхъ. Самыя могилы расположены всегда выше этого слоя, въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ, и представляютъ разровненные кучки перегорѣлыхъ, измѣльченныхъ костей, на которыхъ сложены вещи погребеннаго здѣсь покойника. Въ срединѣ кургана обыкновенно огневище, о которомъ скажемъ ниже.

Такимъ образомъ устройство этихъ кургановъ весьма простое, но тѣмъ не менѣе оно прямо наталкиваетъ на два вопроса: 1) гдѣ же производился самый процессъ сожиганія трупа и въ какой связи съ этимъ находится присутствіе упомянутого пепельнаго слоя въ основаніи курганной насыпи и 2) что можетъ выразять присутствіе въ курганѣ нѣсколькихъ могилъ съ остатками трупосожженія?

Сдѣланными до сихъ поръ раскопками первый вопросъ пока еще не разрѣшается. Мы не имѣемъ достаточно неопровержимыхъ данныхъ, чтобы положительно утверждать: совершался ли процессъ трупосожженія на томъ самомъ пунктѣ, на которомъ сооружена насыпь, или въ послѣднюю складывались остатки костей уже преданныхъ предварительно сожженію гдѣ-либо въ другомъ пунктѣ, болѣе или менѣе удаленномъ? Несомнѣнно одно, какъ мы увидимъ ниже, что во всякомъ случаѣ остатки сожженнаго трупа лежатъ въ курганѣ уже систематически сложенными, т.-е. не лежащими на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ непосредственно былъ совершенъ процессъ сожженія.

На первый взглядъ казалось бы, что упомянутый слой золы въ основаніи кургана долженъ представлять остатки огромнаго выгорѣвшаго до тла костра, на которомъ, слѣдовательно, могъ быть совершенъ обрядъ трупосожженія; но подобное заключеніе было бы поспѣшнымъ, такъ какъ фактъ присутствія слоя золы можетъ имѣть и другія объясненія.

Такъ во-первыхъ, присутствіе пепельнаго слоя не составляетъ исключительной,

характерной черты только кургановъ съ трупосожженіемъ,—онъ не рѣдко встрѣчается и въ могильныхъ насыпяхъ съ костяками не сожженными. Во-вторыхъ, подобные же характерные слѣды золы или пепла попадаютъ непосредственно подъ почвеннымъ дерномъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ кургановъ вовсе не существуетъ; слои эти иногда тянутся на значительномъ, напр., до ста сажень въ длину протяженіи, и ихъ съ особенною ясностью можно отличать, на пр., въ профили свѣжихъ обваловъ высокихъ береговъ рѣки, въ вертикальныхъ обрѣзахъ земли при выемкѣ послѣдней для починки дорогъ и т. дал. Очевидно, что въ таковыхъ мѣстахъ пепельно-углистый слой является простымъ продуктомъ лѣснаго пожара, безъ всякаго значенія въ культурномъ смыслѣ. Подобное же происхожденіе пепельнаго слоя возможно допустить и подъ основаніемъ насыпнаго кургана, тѣмъ болѣе, что онъ встрѣчается всегда на уровнѣ сосѣдней почвы и въ немъ не удавалось находить костей, вещей или чего нибудь подобнаго; однако такъ какъ въ большинствѣ случаевъ пробныя ямы копанныя рядомъ съ курганомъ указывали, что внѣ предѣловъ насыпи пепельный слой не распространяется, то въ этихъ случаяхъ являлось несомнѣннымъ, что онъ составлялъ принадлежность только самого кургана; но и тутъ можетъ являться новое объясненіе: возможно что передъ возведеніемъ кургана, на мѣстѣ, подъ него предназначенномъ, выжигались кусты, трава и проч., въ силу требованія погребальнаго обряда, и такимъ образомъ въ результатъ получался болѣе или менѣе толстый слой золы, встрѣчаемый нами при раскопкахъ, слой при первомъ взглядѣ какъ бы указывающій на остатки погребальнаго костра.

Не невозможно наконецъ и то, что пепломъ или золой отъ подобнаго костра, если послѣдній находился гдѣ нибудь даже внѣ предѣловъ погребальной насыпи, просто усыпалась предназначенная подъ курганъ площадка, на что даже, быть можетъ, намекаютъ дѣлаемые иногда находки желѣзныхъ лопатъ, положенныхъ или воткнутыхъ въ золу; но въ такомъ случаѣ подобный пріемъ обуславливаетъ до извѣстной степени близкое сосѣдство самаго костра, а между тѣмъ слѣдовъ послѣдняго по близости кургана не удавалось еще замѣтить.

Итакъ, присутствіе обширнаго зольника въ курганахъ съ трупосожженіемъ, не можетъ еще служить доказательствомъ въ пользу того, что самый процессъ сожганія совершался именно на мѣстѣ возведеннаго кургана.

Другой вопросъ, невольно возникающій при внимательной оцѣнкѣ конструкціи упоминаемыхъ кургановъ, это, какъ уже сказано выше, присутствіе, и притомъ вовсе не исключительное, нѣсколькихъ могилъ, или кучъ сожженныхъ костей, въ одной и той же насыпи. Кости эти, какъ мы увидимъ и ниже, бываютъ вообще сложены слишкомъ систематически, чтобы въ относительномъ расположеніи ихъ въ разныхъ пунктахъ дать мѣсто случайности; ихъ преднамѣренное расположеніе слишкомъ очевидно, такъ что необходимо допустить или нѣсколько одновременныхъ погребеній въ одномъ и томъ же курганѣ, или одновременное погребеніе въ немъ нѣсколькихъ особей. Необходимо впрочемъ оговориться, что въ однихъ курганахъ отдѣльныя скопленія сожженныхъ костей встрѣчаются на разныхъ уровняхъ отъ материка, въ другихъ же на одномъ и томъ же, и если для первыхъ возможно допустить случайность одновременныхъ погребеній, то для вторыхъ это допущеніе требуетъ весьма большихъ натяжекъ. Мнѣ самому случалось встрѣчать по нѣсколько грудъ сожженныхъ костей въ одной и той же насыпи, какъ напр. въ большомъ курганѣ у впаденія рѣчки

Конбежки въ Пашу, причѣмъ эти группы костей были расположены на одномъ уровнѣ и такъ одна къ другой близко, что если бы которыя изъ нихъ являлись продуктами повторительнаго погребенія, то порядокъ сосѣдней могилы былъ бы непремѣнно нарушенъ. Между тѣмъ всѣ они найдены въ полной цѣлости, очевидно нетронутыми и слѣдовательно уложенными въ насыпь одновременно. Можно еще замѣтить, кромѣ того, что въ каждомъ изъ языческихъ кладбищъ, по крайней мѣрѣ въ изслѣдуемой мною мѣстности, встрѣчалось по нѣсколько кургановъ совершенно пустыхъ, сооруженіе которыхъ вѣроятно также является результатомъ извѣстныхъ обрядовыхъ требованій, слѣдовательно эти курганы могли бы представлять уже готовое помѣщеніе для устройства въ нихъ могилъ, если бы почему-либо не представлялось возможности возвести самостоятельную насыпь надъ новымъ покойникомъ; но однако подобные курганы были и остались пустыми.

Итакъ будетъ ближе къ истинѣ допустить второе изъ выставленныхъ выше предположеній, именно, что находженіе въ одномъ и томъ же курганѣ нѣсколькихъ могилъ съ сожженными костями, по крайней мѣрѣ изъ числа близко другъ къ другу и на одной глубинѣ находящихся, представляетъ намъ слѣды одновременнаго погребенія нѣсколькихъ особей?

Если бы удалось установить подобное положеніе несомнѣнно, то мы бы встрѣтились съ обстоятельствомъ весьма важнымъ, встрѣтились бы съ фактическимъ подтвержденіемъ письменныхъ извѣстій объ обрядѣ, въ силу котораго напр. жена умершаго или рабыня должна была слѣдовать въ могилу за покойникомъ, т. е. передъ нами бы оказались доказательства бывшихъ человѣческихъ жертвоприношеній!

Но для этого въ могилахъ съ остатками трупожженія необходимо самымъ рациональнымъ образомъ убѣдиться, что встрѣчаемыя при упомянутыхъ условіяхъ скопленія горѣлыхъ костей принадлежатъ дѣйствительно нѣсколькимъ особямъ, а не представляютъ остатки одного и того же сожженаго трупа, разложенные въ нѣсколькихъ пунктахъ! По моему мнѣнію на подобный вопросъ слѣдовало бы обратить строгое вниманіе, путемъ тщательнаго опредѣленія находимыхъ костей, но къ сожалѣнію послѣднее въ свою очередь сопряжено съ огромными затрудненіями: обломки перегорѣвшихъ костей очень часто лишены уже всякой формы; они иногда настолько безформенны, что даже самую породу ихъ можно опредѣлить лишь путемъ микроскопическаго изслѣдованія, т. е. работы во всякомъ случаѣ въ высшей степени кропотливой, долгой и требующей спеціальной основательной подготовки, и вотъ конечно этимъ затрудненіямъ мы обязаны, что до сихъ поръ не имѣемъ никакихъ путеводныхъ указаній для категорическаго разрѣшенія вопроса объ одновременности погребенія нѣсколькихъ сожженныхъ тѣлъ въ одномъ и томъ же курганѣ, со всѣми дальнѣйшими отсюда выводами.

Однако это обстоятельство не исключаетъ другихъ, хотя и косвенныхъ указаній на тѣ же слѣды упомянутыхъ человѣческихъ жертвоприношеній.

Такъ, напр., на ту же мысль насъ можетъ наталкивать характеръ предметовъ, находимыхъ нерѣдко въ одномъ и томъ же курганѣ, если въ послѣднемъ встрѣчаемъ нѣсколько могилъ съ сожженными костями. Для примѣра возьму хоть выше упоминавшійся курганъ у впаденія рѣчки Конбежки въ Пашу, курганъ имѣвшій весьма значительные размѣры, именно около 70 арш. въ окружности и до 3-хъ арш. вышиною. Въ немъ находилось четыре могилы съ сожженными костями, занимавшія каждая

около $\frac{3}{4}$ квадратнаго аршина и лежавшія всѣ на одномъ уровнѣ отъ материка, причемъ три изъ нихъ были размѣщены рядомъ, почти вплотную.

Средняя изъ нихъ, судя по находившимся въ ней вещамъ, была мужскою, такъ какъ въ ней были найдены: большой желѣзный топоръ, стрѣла, большія конскія удила, подковообразная бронзовая фибула и еще какая-то часть повидимому отъ конскаго убора. Въ другой могилѣ оказались предметы какъ бы женскаго наряда; здѣсь лежали: бронзовая шейная гривна, два литыхъ бронзовыхъ браслета, двѣ скорлупообразныя фибулы, третья фибула продолговатая въ видѣ брошки, съ цѣпочкой, ножичекъ, ручное колечко въ видѣ плоской спирали, нѣсколько бусъ и сегментообразная костяная бляшка съ отверстіемъ, значеніе которой неизвѣстно.

Въ третьей могилѣ оказались остатки вещей, относящихся также повидимому къ женскому наряду, а именно: два бронзовыхъ колечка съ руки, два ножика, остатки тонкихъ бронзовыхъ и серебряныхъ изъ канители цѣпочекъ, а также шейной гривны, плетеной изъ серебряной проволоки и два обгорѣлыхъ обломка Аббасидскихъ монетъ X—XI в.

Наконецъ четвертая могила была въ упоминаемомъ курганѣ отдѣльно и хотя въ ней костей заключалось почти такое же количество какъ и въ другихъ, но изъ вещей найдена только одна подковообразная фибула.

Въ общемъ квадратное протяженіе костей въ трехъ первыхъ, рядомъ лежавшихъ, могилахъ, было около $2\frac{1}{4}$ квадр. аршинъ, при толщинѣ слоя около двухъ вершковъ, что составляетъ пространство много превышающее размѣры одиночныхъ могилъ, т. е. такихъ, которыя представляютъ остатки отъ одного сожженнаго трупа.

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой по крайней мѣрѣ двѣ разнородныхъ по содержанію могилы, находившіяся рядомъ въ самомъ тѣсномъ сосѣдствѣ,—могилы схороненныхъ одновременно мужчины и женщины. Примѣръ этотъ вовсе не единственный, не исключительный, даже при моей ограниченной практикѣ; мнѣ не разъ встрѣчались подобныя же курганы съ нѣсколькими могилами и смѣю думать, что ихъ не мало попадалось въ другихъ мѣстностяхъ, сходственныхъ по обнаруживаемой раскопками культурѣ и слѣдамъ погребальныхъ обычаевъ. Въроятно однако указываемое обстоятельство ускользало отъ вниманія, иначе мы бы были гораздо богаче фактами въ разбираемомъ отношеніи.

Итакъ пока приходится ограничиться болѣе или менѣе единичными фактами, указывающими на слѣды человѣческихъ жертвоприношеній при совершеніи погребальнаго обряда трупосожженія. Для уясненія же этого вопроса хоть въ будущемъ я позволю себѣ повторить, что при раскопкахъ было бы крайне необходимо обратить вниманіе на относительное расположеніе могилъ въ курганѣ, на количество костей, характеръ находокъ, сдѣланныхъ въ каждой могилѣ одной и той же насыпи, и наконецъ на хотя затруднительное, но тѣмъ не менѣе необходимое и нѣсколько возможно точное опредѣленіе числа особей, которымъ могутъ принадлежать эти сожженныя кости.

Теперь продолжу еще о другихъ слѣдахъ погребальныхъ обычаевъ, въ тѣхъ же курганахъ съ трупосожженіемъ.

Состояніе вещей или предметовъ въ нихъ находимыхъ, прямо указываетъ, что всѣ они находились съ самымъ трупомъ въ пламени погребальнаго костра. Покойникъ сожигался во всемъ убранствѣ и затѣмъ всѣ остатки, не исчезнувшіе окончательно

въ огнѣ, тщательно подбирались и складывались въ могилу. Тщательность эта выражается, напр., присутствіемъ въ перегорѣлыхъ костяхъ разныхъ даже безформенныхъ обломковъ расплавленной бронзы, бусъ, обгорѣлыхъ остатковъ монетъ, мелкихъ обрывковъ цѣпочекъ и проч. Все это укладывалось въ могилѣ поверхъ груды костей, покрывалось сверху корой или берестой и затѣмъ заливалось пескомъ.

Изучая эти остатки, мы видимъ, что въ погребальный костеръ помѣщали рѣшительно все, желѣзо, бронзу, драгоценные металлы, ткани, костяныя издѣлія и т. д., слѣдовательно вопросъ о матеріалѣ, изъ котораго состояли тѣ или другіе предметы, не имѣлъ значенія. Тѣмъ любопытнѣе однако два встрѣченныхъ исключенія: въ двухъ курганахъ съ сожженными костями при послѣднихъ были найдены—въ одномъ остатки деревянной чаши или кубка, съ серебряными оковками, въ другомъ—костяной кружокъ въ $2\frac{1}{4}$ д. въ діаметрѣ, съ просверленнымъ въ центрѣ отверстіемъ; кружокъ украшенъ съ одной стороны четырьмя концентрическими круглыми дорожками, на другой же сторонѣ, слегка выпуклой,—двумя по краямъ рядами треугольныхъ ямокъ. Оба эти предмета не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ присутствія ихъ въ огнѣ и слѣдовательно почему-то были изъяты изъ общаго порядка погребенія по обряду трупопожженія.

Естественно при этомъ можетъ рождаться опять вопросъ, —имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ простою случайностью, или наталкиваемся на новый, неизвѣстный намъ фактъ погребальной символики? Но какую-же надобно допустить случайность? Надобно предположить, что предметы эти или находились въ кострѣ при какихъ нибудь особыхъ условіяхъ, хотя быть можетъ и не преднамѣренныхъ, но тѣмъ не менѣе предохранившихъ ихъ отъ разрушительнаго дѣйствія пламени, или что ихъ просто положить въ костеръ забыли! Попасть же случайно въ самую насыпь они положительно не могли, такъ какъ обстановка ихъ положенія въ послѣдней исключаетъ всякую возможность подобнаго предположенія. Костяной кружокъ напр. былъ систематически уложенъ съ остальными предметами и вмѣстѣ съ ними накрытъ общей крышкой изъ бересты; что же касается до кубка, то онъ лежалъ рядомъ съ большимъ желѣзнымъ ведромъ и явно относится къ числу предметовъ, положенныхъ въ могилу съ схороненнымъ въ ней покойникомъ. Не знаю, на сколько возможна другая случайность, предохранившая указываемые предметы отъ дѣйствія пламени, но во всякомъ случаѣ обращаю вниманіе на самый фактъ, который можетъ получить особое значеніе, если будетъ констатированъ нѣсколько разъ при послѣдующихъ разысканіяхъ.

Изъ порядка расположенія предметовъ, находимыхъ въ могилахъ съ сожженными костями, видно, что предметы эти выбирались изъ погребальнаго костра отдѣльно отъ костей, т. е. не сваливались вмѣстѣ съ послѣдними заразъ въ могилу, въ одну безпорядочную груды. Такъ напр. случалось находить болѣе или менѣе длинныя части цѣпочекъ (въ одномъ курганѣ найденная цѣпочка была до 2-хъ аршинъ длины), находить скорлупообразныя фибулы, соединенныя также цѣпочками, т. е. при такихъ условіяхъ, для которыхъ нужно было снимать подобные предметы съ испепелившагося трупа болѣе или менѣе осторожно и затѣмъ въ относительномъ порядкѣ складывать ихъ въ могилу. Обгорѣлыя, часто полурасплавленныя шейныя гривны, бывали обыкновенно находимы положенными въ могилу горизонтально, а внутри ихъ оказывались разложенными прочія вещи, какъ-то фибулы, запястья, кольца и проч.; скорлупообразныя фибулы бывали иногда сложены даже попарно, т. е. одна на другую, кра-

ями вмѣстѣ, лицомъ вверхъ и внизъ; одинъ разъ была найдена пара мечей, сложенная въ видѣ косаго креста, словомъ, положеніе находимыхъ предметовъ явно обличаетъ ихъ сознательную раскладку. Вещи обыкновенно почти всѣ находятся поверхъ костей и сверху прикрыты, какъ уже упоминалось, берестой, которая плотно облегаетъ поверхность болѣе крупныхъ предметовъ. Здѣсь замѣтимъ кстати, что подобный обычай живъ еще и въ наше время,—старообрядцы и досихъ поръ покрываютъ берестой гробы своихъ покойниковъ въ могилахъ.

Изъ находимыхъ предметовъ вооруженія нѣкоторые носятъ на себѣ довольно характерные признаки умышленной ломки; такъ въ одномъ курганѣ (у дер. Вихмесь) было найдено большое желѣзное копье настолько согнутое, что представляло собою форму крюка и лежало на слѣб сожженныхъ костей вмѣстѣ съ конскими удилами, фибулой и ножомъ. Въ другомъ курганѣ (у дер. Щуковщины) былъ найденъ мечъ, при слѣдующихъ условіяхъ: клинокъ въ верхней части сломанъ и весь искривленъ; шишка рукояти отломана, при чемъ желѣзо въ мѣстѣ перелома имѣетъ развороченные края, какъ бы отъ неоднократнаго перегибанія въ противоположныя стороны,—обстоятельство прямо указывающее, что изломъ произошелъ или произведенъ до помѣщенія меча въ могилу; наконецъ и самая шишка рукояти найдена у середины клинка. Такимъ образомъ въ изложенныхъ обстоятельствахъ имѣемъ слѣды обряда—ломанія оружія, принадлежавшаго умершему.

Остатки сожженнаго трупа складывали непосредственно въ насыпь кургана, т. е. не помѣщая ихъ въ погребальныя урны, причемъ, какъ я уже имѣлъ случай упоминать выше, характеръ могилъ съ сожженными костями исключаетъ всякую возможность, чтобы процессъ трупосожженія былъ произведенъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы эти кости находимъ нынѣ. Дѣйствительно, пространство ими обыкновенно занимаемое очень не велико, всего около двухъ квадр. футовъ, чаще же и того менѣе; около мѣста ихъ расположенія нѣтъ слѣдовъ кострища, кости измельчены и перемѣшаны, хотя между ними и можно иногда отличить даже цѣлые суставы пальцевъ, зубы и другія; кости лежатъ равномернымъ, верхка въ два толщины, слоемъ, вмѣстѣ съ систематически разложенными на нихъ вещами; все это ясно указываетъ, что онѣ здѣсь сложены уже послѣ обряда сожженія, совершеннаго гдѣ то въ другомъ мѣстѣ. Высота размѣщенія могилъ въ насыпи весьма разнообразна, такъ какъ онѣ встрѣчаются и въ самой подошвѣ кургана, и на самой его поверхности; послѣднее обстоятельство даетъ право заключать, что поверхность кургана по окончаніи погребенія покрывалась дерномъ, иначе трудно допустить, чтобы предметы и кости, оставшіеся послѣ сожженія, размѣщались открыто на верху насыпи, гдѣ ихъ случается находить нынѣ непосредственно подъ самымъ дерномъ.

Въ числѣ погребальныхъ обычаевъ надо упомянуть еще объ одномъ, весьма по видимому употребительномъ, именно о встрѣчаемыхъ въ курганахъ огневищахъ или очагахъ, которые устраивались независимо отъ слоя пепла, устилавашаго основаніе насыпи, какъ уже выше о томъ упоминалось. Огневища эти встрѣчаются обыкновенно въ центрѣ кургана, болѣею частью на уровнѣ его подошвы и состоятъ изъ слоя мелкихъ камешковъ, на которомъ находятся остатки костра въ видѣ крупнаго угля, нерѣдко сохраняющаго форму головней. Величина этихъ огневищъ болѣею частью около квадратнаго аршина, но встрѣчались длиною и до 3-хъ аршинъ, толщина же обыкновенно въ нѣсколько вершковъ. На очагахъ и близъ нихъ не рѣдко

попадаютъ предметы домашней утвари, какъ напр. глиняные горшки, желѣзные котлы, сковороды, и сковородники, а также бывали случаи находокъ и остатковъ костей животныхъ, однако не сожженныхъ; такъ напр.: въ большомъ курганѣ у впаденія рѣчки Рыбежки въ Пашу былъ на очагѣ найденъ обломокъ таза домашняго жвачнаго животнаго, что можетъ представлять слѣды тризны, совершившейся здѣсь при погребеніи. Въ размѣщеніи упомянутыхъ предметовъ домашней утвари также проглядываетъ извѣстная систематичность: горшки и сковороды разставлены прямо, неопрокинутыми, но ничего кромѣ грунтоваго песка въ себѣ не заключаютъ; въ одномъ курганѣ былъ найденъ надъ очагомъ котелъ въ такомъ положеніи, какъ бы онъ былъ подвѣшенъ для варки, т. е. дужка котла стояла прямо, поддѣтая на крюкъ цѣпи, причемъ послѣдняя поднималась вертикально кверху и оканчивалась прямо стоявшимъ другимъ крюкомъ. Наконецъ не безъинтереснымъ можетъ быть и то обстоятельство, что въ двухъ курганахъ были найдены только дужки отъ котловъ, самихъ же котловъ не оказалось, хотя по массивности этого рода утвари нельзя допустить полнаго ея отъ дѣйствія времени исчезновенія.

Ограничиваясь выше изложеннымъ относительно деталей погребальныхъ обычаевъ, обнаруживаемыхъ раскопками кургановъ въ указанной мѣстности, я прибавлю еще нѣсколько словъ о сдѣланныхъ въ этихъ курганахъ находкахъ каменныхъ орудій, такъ какъ этимъ вопросомъ интересуется и программа настоящаго съѣзда.

Въ изслѣдуемой мною мѣстности пока было еще только три случая таковыхъ находокъ; изъ нихъ два при раскопкѣ кургановъ съ остатками трупосожженія и одинъ въ курганѣ съ погребеніемъ обыкновеннымъ. Всего найдено четыре каменныхъ орудія: 1) Родъ четырехграннаго топора изъ слюдистаго песчаника, къ обоимъ концамъ суженнаго, длиною около $7\frac{1}{2}$ д.; 2) широкой обломокъ кремневаго скребка или ножа; 3) родъ небольшого плоскаго, острозаточеннаго долотца изъ глинистаго сланца, длиною въ $3\frac{1}{4}$ д. и 4) толстое шлифованное долото изъ глинистаго песчаника, длиною въ $3\frac{1}{2}$ д. (Два первыхъ найдены въ огромномъ курганѣ при впаденіи рѣчки Большой Рыбежки въ Пашу, третье въ курганѣ у впаденія въ послѣднюю рѣчку Конбежки и четвертое въ одномъ изъ кургановъ, составляющихъ кладбище на правомъ берегу Паши, нѣсколько выше Большой Рыбежки).

Находки эти однако мы не вправѣ приурочить къ культурѣ именно упоминаемыхъ кургановъ, такъ какъ всѣ онѣ найдены отдѣльно отъ могилъ и по всей вѣроятности случайно вошли въ составъ грунта насыпи. Да и какую же роль могли играть подобные предметы въ эпоху столь уже широкаго примѣненія желѣза, если бы стараться видѣть въ нихъ какое либо практическое значеніе? Гораздо болѣе важное обстоятельство можетъ скрываться за фактомъ самой случайности попаданія каменныхъ орудій въ составъ курганныхъ насыпей, если смотрѣть на эти орудія какъ на слѣды или остатки гораздо еще раннѣйшей мѣстной культуры?

Въ такомъ случаѣ мы были бы вправѣ стремиться къ разрѣшенію вопроса о томъ, въ какомъ-же отношеніи другъ къ другу были эти двѣ культуры и не было-ль это поколѣніе, которое оставило намъ столько памятниковъ въ видѣ могильныхъ кургановъ, столь сходственныхъ по своему содержанію съ курганами Мерянскими и Вотскими, не было ли это поколѣніе пришлымъ, чуждымъ предшествовавшему населенію тѣхъ-же мѣстъ Южно-Ладожскаго побережья?

Подобные вопросы конечно весьма любопытны и важны, но для разрѣшенія ихъ нужно сгруппировать еще много фактовъ, чтобы не оставаться въ области однихъ догадокъ; поэтому позволю себѣ закончить горячимъ пожеланіемъ, чтобы литература нашей дорогой, юной науки отечественной археологіи, поскорѣе обогатилась изданіями матеріаловъ уже накопленныхъ изслѣдованіями въ разныхъ углахъ нашей такъ широко, безгранично раскинувшейся родины.

Чашечные камни Новгородской губернии.

Князя П. А. Лутягина.

Прежде, чѣмъ начну описаніе находокъ, сдѣланныхъ близъ Бологова, Новгородской губернии, постараюсь изложить кратко разныя мнѣнія насчетъ назначенія чашечныхъ камней, выставлю предполагаемыя начала, руководившія цѣлью этихъ изображеній и проведу догадки о народности, оставившей у насъ эти памятники.

Вообще, назначеніе чашекъ рѣшительно не опредѣлено. О нихъ высказывается много различныхъ предположеній и существуетъ большая литература. Напримѣръ: послѣдователь Исторической школы, Г. Keller, относитъ подобныя углубленія къ стремленію первобытныхъ народовъ—увѣковѣчить ими какое либо знаменательное событіе.

Такое предположеніе нельзя признать рациональнымъ.

Мы видимъ, что во многихъ мѣстностяхъ чашечные камни не отличаются большими размѣрами и, слѣдовательно, не могло быть разумной цѣли,—въ періодъ громадныхъ мегалитическихъ сооружений, —увѣковѣчивать такимъ скромнымъ путемъ что либо историческое.

Гораздо ближе къ дѣлу подходятъ изслѣдованія Г. Morlot. Они представляютъ слѣдующую цѣль изображеній: чашки, которыя Г. Morlot долго изучалъ въ Швейцаріи, имѣли назначеніемъ жертвоприношенія богамъ и злымъ гениямъ (что подтверждается и до нынѣ приношеніями, въ извѣстные дни, нѣкоторыми суевѣрными крестьянами Швейцаріи и Швеціи,—на этихъ камняхъ жертвъ).

Съ мнѣніями Г. Morlot соглашаются и нѣкоторые другіе ученые ¹⁾, добавляя, что чашки могли служить сосудами для собиранія жертвенной крови, которою жрецы окропляли народъ.

Другой изслѣдователь, Г. Rivet Carnac, связываетъ круглыя выточки съ отправленіемъ древняго индѣйскаго культа бога генераций—Mahadeva.

Подобная постановка вопроса раздѣляется нѣкоторыми писателями, признающими чашки за символъ силы возрожденія. Послѣднія извѣстія констатируютъ фактъ соединенія чашечныхъ камней съ фаллическими изображеніями. Изъ этихъ сопоставленій

¹⁾ Напримѣръ: Henri Martin.

возникает мнѣніе объ одновременности этого древняго культа съ чашечнымъ ¹⁾. Напримѣръ: а) Въ Нижнихъ Пиренеяхъ, въ общинѣ De—Billere, находится огромный гранитный монолитъ въ 4 метра 70 сантиметровъ въ діаметръ, представляющій это изображеніе, съ 63-мя выбитыми на немъ чашками.

б) Въ Пиренеяхъ Cailhaou des Pouries (pierre des poussins—цыплята)—съ 62-мя чашками и Arriba Pardin (arriba pèr Dieou—arrivé par Dieu) — также изъ того же разряда и служитъ мѣстомъ, гдѣ и до настоящаго времени устраиваются крестьянами разныя свиданія, напоминающія язычество. Кромѣ того въ окрестностяхъ бассейна Роны найденъ извѣстный чашечный камень Boule de Gargantua съ подобною выбивкою.

Очень близко къ вышеупомянутымъ камнямъ подходятъ недавно открытыя мною въ Валдайскомъ уѣздѣ два камня, которые, хотя и были найдены въ разныхъ мѣстахъ: но, нужно думать, сначала были сложены вмѣстѣ и составляли такое же изображеніе.

Соединеніе этихъ изображеній можетъ быть объяснено тѣмъ, что чашка (глазокъ у Арійцевъ) могла служить къ добыванію вещественнаго Агни (огня) чрезъ Арани, два куска дерева, посредствомъ тренія которыхъ добывался огонь ²⁾, а подобное добываніе, какъ извѣстно, имѣетъ соотношеніе съ этимъ культомъ ³⁾.

Оканчивая разборъ мнѣній о происхожденіи чашечныхъ камней, не могу не остановиться на недовѣрїи къ нимъ нѣкоторыхъ ученыхъ.

Такъ Г. Bonstetten не хочетъ видѣть въ нихъ даже трудъ человѣка; на что маркизъ Nadaillac, въ своемъ новомъ произведеніи „Les Premiers hommes et les temps préhistoriques“ (1881 г. т. I стр. 286) ему правильно возражаетъ формулированнымъ заключеніемъ, что „Г. Bonstetten, дѣлая подобный выводъ, вѣроятно не знакомъ съ новѣйшими изслѣдованіями“.

Гораздо болѣе серьезно отнесся къ этому предмету Г. Grüner въ своей книгѣ *Opfersteine Deutschlands* (1881 г.), гдѣ онъ говоритъ, что жертвенные камни, дѣйствительно, могли имѣть выбивки отъ руки человѣка, но что нѣкоторые изъ нихъ—игра природы. Съ этимъ пожалуй можно согласиться. Человѣкъ, хорошо понимающій предметъ, въ состояніи отличить *чашечный камень отъ какого-нибудь выветрившагося или проточеннаго водою обломка*. Было бы, напримѣръ, большею ошибкою приписывать природѣ чашечные ряды Индѣйскихъ скалъ Камау, вертикальныя начертанія дольменовъ и мейнгировъ или чашечныя углубленія на стѣнахъ церкви Богородицы въ Грейсвальдѣ и еще на двадцати шести другихъ церквахъ Пруссїи. Видно еще не рѣдки случаи непониманія искусственнаго излома камней и слѣпой скептицизмъ продолжаетъ свою пропаганду.

Привода различныя мнѣнія, высказанныя относительно назначенія чашечныхъ

¹⁾ Діодоръ Сицилійскій, въ книгѣ 1-й, отдѣлъ 1-й указываетъ на поклоненіе Фаллусу Озириса (солнца), брошеннаго въ воду Тифономъ, во время эры Изиды (луна, лунка).

²⁾ Rig-veda, секція I-я гимнъ 12-й. О, Агни! ты который родился чрезъ Арани.

³⁾ Rig-veda «секція III-я, гимнъ 23-й». Разумный жрецъ! наши верхнимъ вускомъ нижній и тотчасъ плодоносный Арани родитъ бога, который исполняетъ все наши желанія. Между тѣмъ, принятая въ горсть листьевъ, красноватая искра заблестѣла и сынъ Илы (земли) появился нашимъ очамъ. О, Агни, владѣлецъ всего добра! мы тебя помѣщаемъ на перси Илы, на тронъ земли, чтобы убоготворить тебя нашими жертвами». Переводчикъ. «Rig ved'ы», г-нъ Langlois, дѣлаетъ примѣчаніе, что въ этомъ параграфѣ мнѣ Агни подходитъ къ мнѣу Бахуса, такъ какъ положеніе Агни на персяхъ Илы сходно съ мѣологическимъ рассказомъ о нахожденіи Бахуса въ объятіяхъ Прозерпины.

камней, я нахожу, что ни одно изъ нихъ не можетъ назваться окончательнымъ. Положительное рѣшеніе этого вопроса нужно искать въ древней обстановкѣ Арійской семьи.

Такую же мысль проводитъ извѣстный изслѣдователь свайныхъ построекъ, Г. Desor, относя чашечные камни къ неолитическому періоду и къ произведеніямъ Арійской расы, предпринявшей свои миграціонныя въ Европѣ передвиженія въ началѣ этого періода.

Названій для чашечныхъ камней очень много, на примѣръ: французское—*piéges à esuelles*, англійское—*cup stones*, на сѣверѣ Европы—камни эльфовъ и Бальдеровы, въ Германіи *Opfersteine* (жертвенные), *Näpfsteine* (чашечные), Друидовы, Дьяволы, *Odinsteine* (Одиновы), *Hexenbürglein* (бугоръ колдуній), *Hexenkessel* (котель вѣдьмъ), *Hexenwaschbecken* (тазь вѣдьмъ), *Hexenschüsseln* и прочее.

Изъ всѣхъ этихъ названій, мнѣ кажется, чашечные самое подходящее, потому что до жертвеннаго назначенія (*Opferstein*) могущаго возникнуть въ послѣдствіи, они имѣли символическій смыслъ, а до того, вѣроятно, просто матеріальный, для домашнихъ цѣлей.

Мнѣ могутъ возразить, что подобныя изображенія находятся на дольменахъ, то-есть на могильныхъ камняхъ Друидовъ. Совершенно вѣрно.

Вѣрно и то, что существуютъ мейнгиръ съ чашечками, подъ которыми тоже находятъ жженыя кости и уголь. На примѣръ, въ *Pont l'abbé* (Финистере) подъ мейнгиромъ *Saint Urnel*, имѣющимъ 27 чашекъ, найденъ уголь, полированный топоръ изъ діорита, скребки и нѣсколько осколковъ съ обработкой и безъ обработки краевъ.

Но все-таки похоронная обстановка не уничтожаетъ религіозной стороны чашечныхъ камней. Вначалѣ они не могли быть назначены для погребенія, а только, вѣроятно, служили алтаремъ Агни, который потомъ приспособлялся какъ дольмень или мейнгиръ. Мы видимъ, что даже цѣлые дома съ покойниками вводились въ курганы (*tumuli*). Подтвержденіемъ этого можетъ, на примѣръ, служить мейнгиръ бальдеръ или бальдуръ, въ Скани, имѣющій нѣкоторыя изображенія, разбитыя пополамъ ¹⁾. *Sirtonsimson* описываетъ *Kustevans*, то-есть каменные гроба, находимые въ курганахъ, тоже съ нѣкоторыми изображеніями чашекъ и круговъ, переломленными посрединѣ. Это обстоятельство приводитъ маркиза *Nadaillac* къ весьма остроумному заключенію, что подобныя чашечные камни могли вначалѣ употребляться для другихъ цѣлей.

Впрочемъ, если бы и принять начально вертикальную постановку чашечныхъ камней, какъ слѣдующую эпоху вымирающихъ алтарей Агни, когда добываніе огня приняло другую форму и сдѣлалось болѣе легкимъ, но еще оставались нѣкоторые остатки этой обрядности при совершеніи поклоненія предкамъ, то все-таки первичное обоготвореніе огня у Арійцевъ въ Европѣ, нужно думать, было алтари Агни. Мы видимъ много обращиковъ горизонтальныхъ чашечныхъ изображеній, на примѣръ: во всемъ Индостанѣ, скалы Камау, въ Накпорѣ, на берегахъ Инда, въ долинѣ Кашемира и у подножія Гималайской цѣпи, въ Малой Азіи, близъ Смирны въ Алжирѣ, на Кавказѣ, въ Швеціи, въ *Hallande* и въ *Falsoring*, то-есть вездѣ тамъ, гдѣ медленно распространялась Арійская раса.

Переходя къ началамъ, руководившимъ цѣлью производства чашечныхъ изобра-

¹⁾ Камни съ изломанными изображеніями встрѣчаются довольно часто, на примѣръ, въ *Craigie Hall*, *Saigobog* и проч.

женій, которыя, какъ я думаю, составляли послѣдующую форму поклоненія, а именно: анимизмъ, внесенный въ Европу Арійцами, я долженъ буду сдѣлать маленькое уклоненіе для выясненія моего мнѣнія на счетъ первичныхъ мѣологическихъ стадій, породившихъ эти уклоненія.

По мнѣнію многихъ ученыхъ и по наблюденіямъ надъ недавною жизнью дикарей Ванъ-Дименовой земли, Тасманійцевъ и проч., въ первые вѣка развитія человѣчества умѣніе добывать огонь какимъ-либо механическимъ путемъ было вовсе неизвѣстно и первые обитатели земнаго шара, навѣрное, съ большимъ трудомъ сберегали огонь ¹⁾. Огонь, полученный съ неба нагрѣваніемъ ли солнечнаго луча или ударомъ, въ какой-нибудь легко воспламеняющійся предметъ, громовой стрѣлы (молніи),—былъ для первобытнаго жителя единственнымъ источникомъ его пріобрѣтенія ²⁾. Матеріальный огонь, какъ одно изъ величайшихъ благъ человѣчества, мысленно соединялся съ анимическимъ представленіемъ, принимающимъ жизнь за внутреннее огненное начало. Начало это развивается, на примѣръ, сказаніями объ огнѣ, похищенномъ Прометеемъ съ неба для оживленія глинянаго человѣческаго тѣла и даже самымъ названіемъ огонь-Агни, Ignis сходнымъ съ семитическимъ **שן** ишъ человекъ, **שן** -ешъ-огонь.

Потомъ вещественный огонь начинаетъ дѣлаться все болѣе и болѣе нужнымъ; онъ служитъ обороною отъ вредныхъ животныхъ, дѣлается необходимымъ для улучшенія пищи, для отогрѣванія оконченѣвшихъ отъ холода членовъ. И вотъ, послѣ въ Египтѣ возникаютъ періоды Фта (Ееестіонъ или Вулканъ) и Фре или Ре (Иліоса или солнца). У Арійцевъ начинается поклоненіе солнцу и лунѣ, олицетворяющимъ вообще огненное начало, какъ начало добра и зла, то-есть животворящее или мертвящее. При первыхъ шагахъ человекъ въ мірозданіи, даръ зрѣнія далъ ему понятіе объ окружающей его средѣ. Черезъ посредство глаза онъ отыскиваетъ ³⁾ себѣ вначалѣ растительную пищу, потомъ — животную; но при этомъ и самъ въ свою очередь подвергается нападеніямъ дикихъ звѣрей, которые, разумѣется, безъ зрѣнія не могутъ дѣлать сильныхъ нападеній.

Глаза у хищныхъ животныхъ по большинству свѣтятся ночью; человекъ обороняется отъ нападающаго на него врага, стараясь по глазамъ предугадать, откуда

¹⁾ Діодоръ Сицилійскій, въ книгѣ 1-й, отдѣлъ 1-й, говоритъ, что когда еще не было найдено ничего нужнаго къ болѣе или менѣе удобному существованію человѣчества, первые люди вели трудную жизнь, — они не имѣли ни домовъ, ни одежды, не запасали на зиму плодовъ, не знали употребленія огня, а потому многіе изъ нихъ зимою, отъ чрезмѣрной стужи или отъ голода умирали.

Мало по малу первые люди научались искусствамъ, стали въ зимнее время уходить въ пещеры, запасать въ прокъ плоды и проч. Узнавъ же свойство огня и другія удобства, — начали изобрѣтать искусства и многое полезное въ жизни.

²⁾ Огонь у Египтянъ назывался по имени Ееестіона, которому приписываютъ его сохраненіе. Ееестіонъ, по сказанію Діодора Сицилійскаго (кн. 1-я, отд. 1-й), увидѣвъ зимою лѣсъ, загорѣвшійся отъ стоявшаго на горѣ дерева, пораженнаго молніей. Жаръ этого огня сдѣлался ему приятенъ. Когда же огонь потухалъ, то Ееестіонъ подожилъ въ него горячее вещество (сухой мохъ, листья, губки, ткань) и тѣмъ сохранилъ его. Затѣмъ онъ призвалъ другихъ людей, чтобы и тѣ поняли пользу, приносимую огнемъ. Благодаря этому, нѣкоторые жрецы Египта признаютъ Ееестіона первымъ царемъ, утверждая, что онъ получилъ царство за найденный имъ огонь, хотя другіе ранѣе этого ставятъ въ Египтѣ эпоху Иліоса (солнца).

³⁾ Діодоръ Сицилійскій, въ книгѣ 1-й, отдѣлъ 1-й, говоритъ, что первые люди вели жизнь грубую и звѣрскую, а пища ихъ состояла изъ растений пажитей и дикихъ плодовъ.

будетъ направленъ ударъ. Отсюда понятіе о солнцѣ и лунѣ, какъ бы объ очахъ Арійскаго бога-Агни ¹⁾. У Египтянъ, въ іероглифическихъ изображеніяхъ правый глазъ, Утень, назывался божественнымъ глазомъ солнца Озириса (утень близокъ къ сѣверному наименованію одинъ), а лѣвый, себъ, означалъ луну Изиду (Geschichte der Schrift. K. Faulman, стр. 37). Изображеніе глаза имѣетъ чрезвычайно древнее происхожденіе. Мы видимъ, напримѣръ, въ эпоху Магдаленъ, различные рисунки въ профиль животныхъ и человѣка съ обозначеніемъ глаза. Такія же начертанія, но не въ видѣ рѣзанаго круга или эллипсиса, а въ видѣ маленькой чашечки (глазка), встрѣчаются на различныхъ издѣліяхъ. Эту особенность замѣтилъ извѣстный Boucher de Perth. Сходныя съ открытыми чрезъ посредство Boucher de Perth кремневые издѣлія съ глазками, найдены и нами на мѣстѣ поселенія человѣка каменнаго періода, близъ деревни Озеревичи, Валдайскаго уѣзда. Прежде, чѣмъ глазокъ сталъ входить въ различныя издѣлія, доисторическій человѣкъ уже старался производить на камняхъ разныя выбивки, иногда даже круглыя, которыя предназначались для лучшаго удерживанія орудія рукою ²⁾. Однимъ словомъ, первоначальное назначеніе выбивныхъ камней было практическое, обращенное потомъ въ символическое.

Когда еще не было изобрѣтено оружіе, то первобытные люди, по словамъ Діодора Сицилійскаго, оборонялись отъ нападеній какимъ-нибудь деревомъ и употребляли вмѣсто одежды звѣриной шкуры. Такое употребленіе деревянныхъ орудій длилось очень долго у Галловъ и другихъ народовъ древности въ видѣ, напримѣръ, палицы съ обожженными концами. Чтобы свалить дерево, необходимое для обработки орудій, они, у основанія его, раскладывали костры. При этомъ дерево обугливалось и, такимъ образомъ, являлась возможность отдѣлать его отъ корня. Послѣ же при обработкѣ дерева для орудій, доисторическій человѣкъ, дѣлая желобокъ, чашечку или сквозное отверстіе, легко могъ напасть на способъ добыванія огня продольнымъ ли треніемъ желобка, треніемъ ли расположенныхъ на крестъ двухъ кусковъ дерева или верченіемъ въ деревянной чашечкѣ деревяннаго же луча, при нажиманіи грудью.

Впослѣдствіи возникаетъ усовершенствованный способъ полученія огня огнесверлиломъ (Арани) ³⁾. Это треніе деревяннаго луча, сдѣланнаго изъ лучины (коло-

¹⁾ Для болѣе точныхъ объясненій приведу нѣсколько выдержекъ изъ «Rig-ved-ы»:

а) Секція III-я, гимнъ 9-й, § 3-й: «Великодушный Агни, *глазъ природы*, блести посреди темноты!»

б) Секція VIII-я гимнъ 8-й, § 2-й: *Его голова помѣщена на очахъ. Но его два глаза (солнце и луна) видятъ его. Богъ, освобождающій тѣло своимъ языкомъ, пожираетъ дерево.*

в) Секція VII-я, гимнъ 11-й въ которомъ говорится объ усопшихъ.

Въ § 3-мъ сказано слѣдующее: *глазъ покойника, отправляйся съ солнцемъ, дыханіе съ Ваю (богъ вѣтра или зѣбра).* Передай небу и землѣ то, что ты долженъ. Передъи водамъ и растеніямъ части твоего тѣла, которыя имъ принадлежатъ».

д) Секція V-я, гимнъ 1-й, § 2-й, «О, Митра и Варуна (формы неба или солнца)! Солнце восходитъ и идетъ къ намъ. *Это глазъ міра, сторожитъ всѣхъ существъ, оживленныхъ и неоживленныхъ, онъ видитъ между смертными справедливое и несправедливое.*

²⁾ Напримѣръ: Габріэль и Адриэнъ Мортилье, въ ихъ книгѣ «Musée préhistorique», прилагаютъ рисунокъ № 9 изображающій кремневые орудія четверичной эпохи, Chelléene, приравленные къ лучшему держанію рукою. Въ Озеревичской же коллекціи находятся нѣсколько типовъ орудій съ подобными же выбивками. Теперь я оставлю только на двухъ, эпохи Solutré (сѣвернаго оленя): а) орудія лавро-листной формы и б) маленькая удлиненная ромбодальная модель орудія съ одной ямочкой по срединѣ.

³⁾ Богъ, который имѣетъ всѣ блага, — заключается въ двухъ кускахъ Арани. Онъ въ нихъ какъ эмбрионъ на грудяхъ матери.

таго огонотка), ¹⁾ породило огненный лучъ земнаго солнца-огни. Добытый огонь принимался у Арийцевъ, какъ говорятъ Веды,—на листья. Огонь потомъ раздували въ чашечкахъ и сохраняли пламя, подливая на него масло ²⁾. Когда священный огонь разгорался, то совершались поклоненія, жертвоприношенія, а въ самой глубокой древности онъ просто переносился на костеръ, а потомъ и на очагъ.

Однимъ изъ мѣстъ поклоненій былъ очагъ „асманта“. Словопроизведение очага замѣчательно объяснено Г. Pictet въ его книгѣ *Les origines Indo-Européennes, Essai de Paléontologie Linguistique* (т. 2, § 268, листъ В, Pierres). Тамъ онъ слово „асманта“ производитъ отъ санскритскаго „асманъ“—камень, соответствующаго литовскому акму, акмень, Русск.—камень, каменка, греческое — *κίτινος* очагъ, латинское *сатипиус* (то же значеніе). Слѣдовательно, „камень“ и очагъ назывались общими словами и были предназначаемы для обыденныхъ нуждъ первобытныхъ народовъ. У насъ въ Россіи очень долго оставались въ употребленіи каменные очаги. (Кромѣ каменныхъ, въ Ведахъ есть указаніе и на земляные очаги) ³⁾.

Когда только что начинали входить въ употребленіе спички, въ Тверской и смежныхъ съ нею губерніяхъ огонь часто добывался еще продольнымъ треніемъ луча о деревянную заслонку. У насъ въ Россіи существовало (да, кажется и теперь еще не совѣмъ вывелось) обыкновеніе, въ великій четвергъ непременно добывать подобнымъ способомъ огонь, который назывался живымъ. Добывши его, крестьяне окуривали верескомъ (можжевельникомъ) членовъ семьи, думая этимъ предохранить ихъ отъ болѣзней. Болѣе дѣйствительнымъ, лучшимъ въ этомъ отношеніи, считался огонь добытый въ полѣ изъ камня ⁴⁾. Огонь, добытый въ великій четвергъ посредствомъ тренія, долго сохранялся въ угольяхъ горшка, вмazanнаго въ горнушку (порсокъ). Когда же нужно было получить пламя, то тлѣющій уголь переносили въ лунку (чашечку, выдолбленную въ кирпичѣ шестка), прикладывали къ нему лучину, и раздувая, получали огонь.

Въ каменныхъ стѣнахъ церкви Богоматери, въ Грейсвальдѣ, выдолбленные чашечки суевѣрные поселяне смазывали масломъ ⁵⁾.

Кромѣ смазыванія масломъ, поселяне Грейсвальда дули въ чашечки (это указаніе чрезвычайно важно), думая, что этимъ можно получить освобожденіе отъ лихорадки.

1) Колотый—отъ слова—колъ, которымъ дѣлается продольный разрывъ дерева.

2) Агни, политый (священнымъ масломъ)! блести великолѣпнѣе и оберегай наши обряды.

3) «Rig-veda», секція 5-я, гимнъ 3-й § 5-й: Агни возсѣлъ на очагъ, приготовленномъ Девасами (отъ *deva* — блестящій; Девасы раздѣлялись на боговъ и смертныхъ) и онъ чрезъ свои дѣянія спасъ Амритасовъ (жрецовъ). Сынъ растений и деревьевъ, онъ содержитъ все и поддерживается земнымъ алтаремъ.

4) «Rig-veda», секція 3-я, гимнъ 23-й, § 6-й: Колеблемый силою, Агни мчится какъ быстрый конь. Онъ приходитъ на костеръ блестать съ сіяніемъ. Непобѣдимый въ пути, какъ колесница Асвиновъ, онъ выходитъ изъ камня, который его содержитъ,—пожирая растенія.

Allgemeine Kulturgeschichte von I. F. Sonegger, I-я часть, Vorgeschichtliche Zeit 1882 г. стран. 357, „Die Kunst Feuer zu machen, jedenfalls schon in oder vor der Steinzeit aus dem Schleifen und Reiben von Holz und Steinstücken entstanden, machte also die ersten Feuerzunder im Glauben der Welt zu geehrten und gefürchteten Magieren“.

5) Агни рождается и говоритъ: я Джатаведасъ; священное масло образуетъ мой глазъ; Амброзія изліяніями оmyваетъ мой ротъ; мой блескъ тройственъ. Агни блеститъ на очагъ—какъ *tryagni*, въ солнцѣ—какъ *Aditya* (12 перемѣнъ солнца) въ облакахъ—какъ *Vaidyuta* (молнія) или какъ *Vāyu* (богъ вѣтра, зебра).

Не есть ли это остатокъ обрядности, въ которой Ангирасы ¹⁾ позволяли вѣрующимъ раздувать въ чашечкѣ очага (алтаря) уголь, по ихъ мнѣнію, имѣющій способность исцѣлять отъ болѣзней? Всѣ вышеупомянутые доводы привели меня къ тому заключенію, что нѣкоторыя чашечки чашечныхъ камней, на алтаряхъ жрецовъ Агни, могли служить для добыванія и раздуванія огня.

Можетъ быть, большія изъ нихъ наполнялись масломъ со свѣтильной, образуя лампы.

Меня занимала мысль,—не могу ли я треніемъ дерева о камень, посредствомъ огнесверлила, съ помощію песка и другаго куска дерева добыть огонь? *Производя въ гранитъ треніе огнесверлиломъ и пескомъ, я съ небольшимъ въ часъ сдѣлалъ въ камень чашечку въ 1/2 сантиметра глубины.*

Что же касается до полученія огня, то веретено моего огнесверлила, помѣщаясь въ большой чашечкѣ камня и поставленное на лучъ, въ полторы минуты дало дымъ. Чашка тутъ служила какъ упоръ или приспособленіе, помогающее добыванію огня ²⁾. Впрочемъ и одинъ дымъ съ искрами былъ-бы достаточенъ для возбужденія фантазіи у дикихъ народовъ, и потому пользуясь, этимъ, жрицы и жрецы могли вліять въ свою пользу на воображеніе первобытныхъ людей.

При этомъ утвердительно формулирую слѣдующіе выводы: 1. Чашки на найденныхъ мною камняхъ—произведеніе рукъ человѣческихъ.

2. Съ помощію огнесверлила и луча кромѣ образованія чашекъ можетъ быть, вѣроятно, полученъ огонь, хотя при нашихъ опытахъ получались только дымъ и искры. Что же касается до послѣдующихъ положеній, то я попросилъ бы гг. археологовъ сообразно моимъ выводамъ рѣшить слѣдующее:

1. Не могли ли чашки служить для раздуванія угля при надобности получить огонь?

2. Какъ производители огня не назначались ли еще чашечки для отправленія языческихъ обрядностей?

3. Не могли ли онѣ употребляться какъ лампы?

Изображая глаза, вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, чашечки, не имѣли-ли символическое или духовное значеніе ³⁾.

¹⁾ О, ты, Агни (огонь), который носилъ имя Ангирасы! «Rig-veda» секція 3-я, § 6-й) слово „angirasa“ сходно съ „angara“ (уголь) и можетъ означать вообще жреца. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что его приравниваютъ къ Агни (огню). Это же имя (angirasa) давалось священно-дѣйствующему лицу семьи. Одна легенда соединяетъ богатаго Ангираса съ огнемъ.

²⁾ Въ Zeitschrift für Ethnologie за 1883 годъ на стр. 209 и 210 имѣется замѣтка Вихеля (Wichel) о чашкахъ и желобахъ на стѣнахъ древнихъ храмовъ приэльбскаго района. Эти изображенія находимы обыкновенно по правой сторонѣ порталовъ; они встрѣчаются въ церквахъ Дрездена. — Мейсна, Пирна и Дипольсвальда и всѣ до реформаціоннаго времени. По мнѣнію г. Вихеля, нужно думать, что 1) чашки и желобки есть результатъ стариннаго позабытаго обычая (какъ извѣстно обряды язычества долго держались и во время христіанства) 2) желобки происходили отъ наточки на нихъ ножей, 3) чашечки производились верченіемъ женщинами разныхъ предметовъ. (Не составляетъ ли этотъ обрядъ остатокъ отъ уцѣлѣвшихъ обязанностей жриць зича). При статьѣ приложенъ рисунокъ чашекъ и желобовъ на стѣнѣ церкви Св. Николая въ Дипольсвальдѣ. Расположеніе чашекъ напоминаетъ созвѣздіе большой Медвѣдицы.

³⁾ Извѣстный англійскій ученый, Сиръ-Джонъ-Лебокъ въ своемъ письмѣ отъ 18 февраля 1882 года говорить по поводу этого слѣдующее: «Your suggestion that cup makings were produced by friction, or rather deepened by friction in the production of fire, seems to me far from improbable».

⁴⁾ По мнѣнію г. Лангла, въ Ведахъ гимнъ 4-й, параграфъ 3-й касается до звѣздъ, которые напоминаютъ Труды Индическаго съѣзда.

Что же касается до третьяго моего положенія, то есть до народности, оставившей у насъ чашечные камни, то я уже давно высказалъ, что это было Арійское племя.

У насъ на Сѣверѣ это племя называлось Вудинами (Венеты, Венды, Ванды, Анты, Анды и проч.).

Вудины были Скиѣы, преимущественно же Скиѣо-Славяне (Прото-Скиѣы). Въ моей небольшой замѣткѣ, читанной въ Англійскомъ Антропологическомъ Обществѣ подъ Предсѣдательствомъ знаменитаго Тайлора, и проводилась эта мысль. Г. Desor отнесъ чашечные камни къ неолитическому періоду. Имплементы, найденные въ Озервичахъ, были признаны Г. Лебокъ принадлежащими къ (Скиѣскому) неолитическому періоду; слѣдовательно, и выводъ Г. Robiou (*Observation critique sur l' Archeologie dite prehistorique 1879 г. стр. 106-я*), въ которомъ онъ предполагалъ, что Прото-Кельты, при движеніи своемъ на крайній западъ, могли перейти съ востока чрезъ покатости Сѣвернаго и Балтійскаго морей, точно также, какъ и другіе Арійцы бронзоваго періода, чрезъ Кавказъ и бассейнъ Дуная,—на Западъ, имѣлъ полное основаніе. Это-то племя, при употребленіи полированныхъ орудій и ввело дольмены.

Интересно мѣсто изъ „Ригъ-Веды“ о переселеніяхъ Арійскихъ народовъ,—секція 1-я Гимнъ 12-й, § 3-й². *Когда Ами, треніемъ ты былъ извлеченъ изъ лона своихъ родителей, то тебя сперва отнесли на востокъ (Ahavaniya), потомъ на противоположную сторону, Западъ (garhapatya).*

Большинство ученыхъ признають дольмены произведеніями Арійскаго племени.

Постановка чашечныхъ камней въ Kustevaens и проч. доказываетъ уваженіе къ нимъ древнихъ народовъ. Слѣдовательно, какъ это религіозное воззрѣніе, такъ и находеніе въ множествѣ чашечныхъ камней дольменовъ въ Индіи—доказываютъ общность ихъ въ Арійской семьѣ, которая на древнѣйшемъ мѣстѣ передвиженія, Сѣверѣ, сохранилась дольше вслѣдствіе неблагоприятныхъ мѣстныхъ климатическихъ условій (холодъ, худые пути сообщенія и проч.).

глаза. «Мудрыя взываютъ къ помощи Индры и Ваю (Vayu), быстрыхъ какъ мысль, одаренныхъ тысячею глазъ, и господъ молитвъ». Въ настоящее время, благодаря астрономіи, археологическое значеніе чашекъ значительно разъяснилось. Г. Klopfluisch въ своемъ трудѣ, *Vorgeschichtliche Alterthümer der Provinz Sachsen 1884 г. тетрадь II-я, страница 75, на рисункѣ 15 (а), изобразилъ въ натуральную величину глиняный цилиндръ, неолитическаго періода, изъ кургана Катценъ-кюгель (S. Weimar), вырытый съ веревочной керамикой, а на страницѣ 106, фиг. 106, имъ помѣщенъ рисунокъ неолитическаго глинянаго вѣса, найденнаго близъ станціи Локрасъ въ Швейцаріи (изъ свайныхъ построекъ) съ изображеніемъ козерога. Мною то же лѣтомъ 1884 года въ болѣе древнемъ неолитномъ слое мыса Бологовскаго озера вырыта шиферная пластинка съ круглыми выбивками, изображающими созвѣздія большой Медвѣдицы, Дракона и Боота. Пластинка эта г. Камилемъ Фламариономъ признана уникаю, такъ какъ подобныхъ изображеній на мелкихъ камняхъ до сихъ поръ кромѣ нея не найдено.*

Рисунокъ пластинки съ мѣткими г. Фламариона помѣщенъ въ его журналѣ *L'Astronomie. 2 №, 1885 г., стр. 48*. При этомъ онъ упоминаетъ о начертаніяхъ углубленіями созвѣздій большой Медвѣдицы и Кассіопей, видѣнныхъ имъ въ числѣ прочихъ изображеній на уединенныхъ скалахъ Бретани близъ Геронды и бугра Балъ. По его примѣчанію, трудно сказать, къ какому времени принадлежатъ эти начертанія. По картѣ г. Шантра близъ этихъ мѣстъ найдены остатки бронзоваго и переходнаго отъ камня къ бронзѣ періодовъ. *Эти условія Астрономическихъ начертаній древнихъ періодовъ поднимаютъ новые вопросы, требующіе специальныхъ изслѣдованій чашечныхъ камней, такъ какъ нѣкоторые ученые уже начинаютъ думать, что многіе изъ нихъ имѣютъ астрономическое значеніе.*

У Геродота есть выражение, объясняемое такъ, что Будины расписывали свое тѣло какъ Кельты голубою и огненною краскою ¹⁾.

При нашихъ раскопкахъ и изслѣдованіяхъ чрезвычайно часто попадался вапъ, подтверждающій это мнѣніе и слѣдовательно находеніе Будиновъ въ этихъ краяхъ.

Сенковскій, въ „Энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара“ (томъ XII, стр. 450, „Гелонъ“) выводитъ мнѣніе, что Гелонъ, городъ Будиновъ, долженъ былъ находиться недалеко отъ озера Ильмена и что городъ царственныхъ Скифовъ, Герросъ (Герры), былъ на Днѣпрѣ. Между этихъ двухъ городовъ проходилъ торговый путь, соединявшій Черное море съ Балтійскимъ. Подтвержденіемъ находенія Гелони на Сѣверѣ служитъ то, что великаго многоводнаго (глубокаго) озера, близъ котораго находился Гелонъ, — нельзя отыскать ближе къ Герросу, какъ Ильмень или Чудское; но Ильмень для этого удобнѣе, потому что соединяетъ Балтійское море съ Чернымъ системами рѣкъ.

Приведа настоящія немногія историческія данныя, остановлюсь на дальнѣйшемъ развитіи этой темы въ виду недостатка времени для чтенія. Но, все таки, мое личное убѣжденіе состоитъ въ томъ, что чашечные камни должны были быть произведеніями Арійцевъ Славяно-Скифовъ (Будиновъ).

Выяснивъ назначеніе, цѣль изображеній и исторію чашечныхъ камней, теперь приступлю къ описанію моихъ находокъ въ Новгородской губерніи.

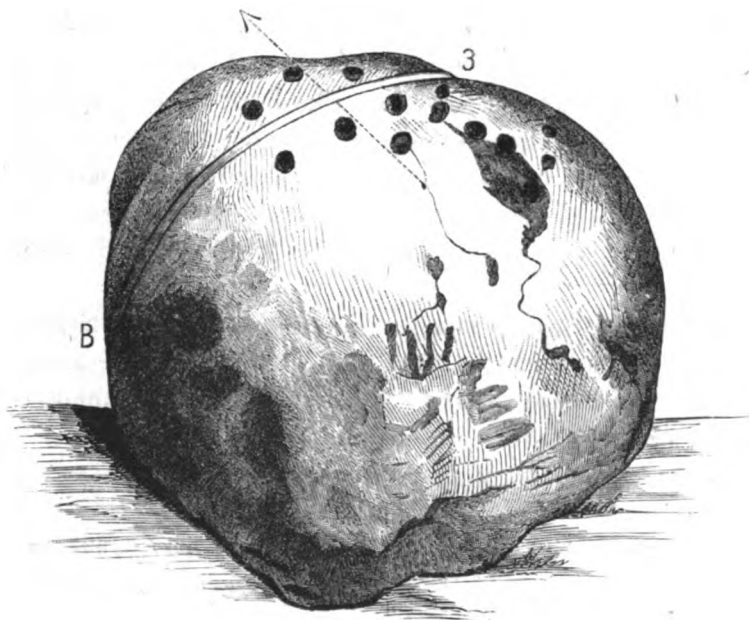
Въ 1878 году въ Валдайскомъ уѣздѣ, на землѣ Хотиловскаго бора, близъ *старыхъ одворковъ*, села *Малаго* мною были *изслѣдованы два чашечныхъ камня*. Первый изъ нихъ представляетъ видъ четырехъ-угольнаго жертвенника съ наклонною плоскостью ²⁾. По этому наклону расположены четырнадцать большихъ чашекъ, ширина которыхъ варьируетъ около 4-хъ сантиметровъ, а глубина—отъ 1½ до 2½. Кромѣ того, имѣются еще меньшія чашки да двѣ группы продольныхъ высѣчекъ, можетъ быть, для продольныхъ треній. Порода камня—гранитъ съ поперечной бѣлой жилой. Видно, что къ ней принаравливались—отеска камня и расположеніе чашекъ. Камень въ окружности по низу камня имѣетъ 21 футъ. Длина площади въ поверхности его—7 футовъ, а ширина—6. Наибольшая высота отъ земли—3 фута. До почвы около 4 футовъ 3 дюймовъ. Жила по площадкѣ составляетъ основаніе въ 5 футовъ и направляется отъ Запада

¹⁾ Будины—народъ большой (сляный) и многочисленный, съ свѣтлоголубыми глазами бѣлокурый. У нихъ есть деревянный городъ; имя же городу тому Гелонъ. Величина окружной стѣны съ каждой стороны—тридцать стадій; она высока, но вся деревянная; да и дома у нихъ деревянные, и храмы тожь. Есть также у нихъ и храмы греческихъ боговъ, по гречески убранные статуями, и алтарями, и святилищами. Три дня у нихъ продолжается празднество въ честь Бахусу, и тогда они пьютъ вакхически, потому, что и сами они первоначально были греки. Изгнанные изъ (Черноморскихъ) торговыхъ пристаней, поселились они у Будиновъ, и языкъ употребляютъ частью Скифскій, частью Греческій. Будины же говорятъ не тѣмъ языкомъ, что Гелонцы, да и образъ жизни у нихъ не тотъ. *Будины, туземцы и скотопасы*, и одни занимаются отиропагіей въ той странѣ; *Гелонцы же — земледѣльцы и хлебопды, сяды разводятъ*, ни видомъ не походятъ на нихъ, ни цвѣтомъ кожи. Но у (Черноморскихъ) Грековъ и Будины славутъ Гелонцами, да это напрасно и несправедливо. Вся ихъ земля покрыта густыми лѣсами, а среди этихъ дремучихъ лѣсовъ есть озеро, великое и многоводное, а въ окрестностяхъ его болота и тростникъ. Въ этомъ озерѣ водятся выдры и бобры, и еще одна порода животныхъ, съ квадратнымъ лбомъ, которыхъ шкуры употребляются на полушубки, а одна часть тѣла служитъ лѣкарствомъ противъ желудочныхъ болѣзней, Геродотъ, томъ I, книга IV, Мельпомена, § 108.

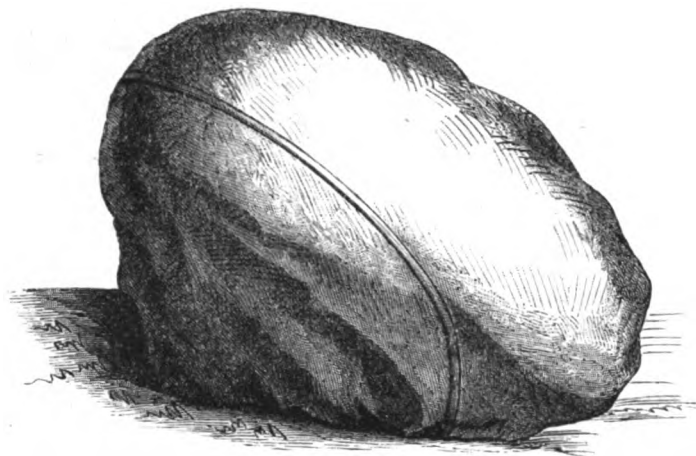
²⁾ «Rig-veda» секція VIII-я, гимнъ 9-й § 3-й, *всегда красивый и молодой (жертвенникъ) представляетъ свои—четыре стороны; онъ покрывается жертвами и увлажняется Гритой (масломъ).*

къ Востоку. Трехъ-угольникъ у одного угла закругленъ и имѣетъ равныя стороны по 3 фута мѣрою. Перпендикуляръ, проведенный къ основанію изъ вершины угла, образуемаго равными сторонами,—равенъ 2 футамъ и предположенная отъ него прямая линія— $4\frac{1}{2}$ фут.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Исслѣдованія посредствомъ щупа выяснили слѣдующее: въ землѣ около одного бока, на глубинѣ 4-хъ футовъ, оказался слой угля. Тутъ же найдены два кремневыхъ обломка неопредѣленной формы и кусокъ грубо-обработаннаго гранита.

Второй камень расположенъ у старой дороги въ разстояніи 52 сажень отъ перваго направленіемъ къ Юго-востоку. Вѣроятно, онъ былъ случайно отнесенъ отъ перваго, и, на сколько замѣтно, съ одной стороны его даже недавно старались обламывать.

Ходили слухи, что предполагалось употребить его на изготовленіе жернова, но крестобразное расположеніе чашекъ помѣшало этой попыткѣ. Окружность камня 7 футовъ; по площади онъ представляетъ видъ трехъ-угольника съ закругленными краями. Длина двухъ сторонъ трехъ-угольника по 2 фута, основаніе—2 фута 5 дюймовъ.

Размѣръ чашекъ:

Чашка	1-я	ширина	7	сантиметровъ	глубина	$2\frac{1}{2}$	сантиметра.
"	2-я	"	6	"	"	1	"
"	3-я	"	8	"	"	$2\frac{1}{2}$	"
"	4-я	"	7	"	"	2	"
"	5-я	"	5	"	"	1	"
"	6-я	"	9	"	"	4	"
"	7-я	"	9	"	"	4	"

Чашка 8-я ширина 7 сантиметровъ глубина $1\frac{1}{4}$ сантиметра.

„ 9-я „ 3 „ „ „ $\frac{1}{2}$ „ „ 1)

Сколько мнѣ извѣстно, подобныхъ изваяній, за исключеніемъ Кавказа, до сихъ поръ въ Европейской Россіи еще не было открыто.

Находка, сдѣланная вначалѣ нынѣшняго лѣта, заключается въ такъ называемомъ *pierre à fossettes* (камни съ ямочками).

Найденный камень лежитъ близъ ручья пустоши Крюково, принадлежащей селу Хотилову. Ямочки на камнѣ имѣются въ большомъ количествѣ ¹⁾ и расположены или рядами, или по три (трехъ-угольникомъ) ²⁾, или же неопредѣленно, по всей площади и бокамъ. На самой же плоскости камня видно рельефно, въ профиль выбитое изображеніе человѣческаго лица (янусообразное въ обратномъ положеніи). Высѣчка груба, голова укорочена, глаза косые вродѣ манчжурскихъ, носъ большой, длиною 2 фута 5 дюймовъ; длина ноздри $11\frac{1}{2}$ дюймовъ. Отъ ноздрей до подбородка 1 футъ 5 дюймовъ. Длина усѣченій головной чашки 1 футъ 9 дюймовъ. Окружность всего камня $15\frac{1}{2}$ футовъ. Окончательное заключеніе по поводу этого камня представить трудно, такъ какъ мѣстность, гдѣ онъ найденъ, еще мало изслѣдована. Скажу только одно, что онъ расположенъ не далеко отъ древняго кладбища первыхъ вѣковъ нашего христіанства, изслѣдованіемъ каменныхъ крестовъ котораго занялся многуважаемый Николай Васильевичъ Покровскій.

Я думаю, что камень этотъ—древній идолъ, по происхожденію, можетъ быть, даже старѣе чашечныхъ камней. (Есть основаніе приписывать это произведеніе такъ называемой эпохѣ *Solutré*) ³⁾.

Христіане же, разрушая идолопоклонство, на мѣстѣ языческаго капища воздвигли церковь, случайно оставивъ идола не уничтоженнымъ.

По другую сторону ручья найдены тоже интересные камни съ углубленіями. Кромѣ того, какъ нужно предполагать, два каменныхъ орудія.

1) Нѣкоторыя изъ чашекъ болѣе новыя имѣютъ гладкую поверхность. Когда я воспроизводилъ чашки то внутренность ихъ полировалась. Въ замѣчательномъ трудѣ, Е. С. графа А. С. Уварова *Археологія Россіи томъ I* на страницѣ 73 упоминается, что хорошо сохранившіяся чашки представляютъ совершенно гладкую поверхность.

2) У Арійцевъ отдѣлялся вещественный огонь отъ небснаго и потому то трудно сказать, что глаза на камняхъ имѣли ли фигуральный земной смыслъ, или изображали глаза боговъ? Приведу два текста «*Rig-veda*»: секція I, гимнъ 4, § 3: «умные люди прибѣгаютъ къ помощи Индры (бога — вѣира) и Ваю (Бога вѣтра), которые быстры, какъ мысль, одарены тысячею глазъ и суть господа молитвы»

Секція I, гимнъ 3, § 7: «освященные отцы семей (Сури) постоянно высматриваютъ высокой станъ Вишну (солнца); ихъ лица какъ бы всегда обращены къ небу».

3) Число *три* играло большую роль у Арійцевъ: они считали 3 огня простыхъ и 3 божественныхъ, 3 атмосферы, 3 церемоніи, 3 изліанія, 3 стихіи, 3 матери огня, 3 рожденія огня, 3 очьга (триведи), 3 очистительныхъ сосуда, 3 класса (безъ подраздѣленийъ) 3 неба, 3 земли, 3 воздуха, 3 кубка сомы, выпитой Индромъ (богъ вѣира), 3 солнцестоянія, 3 ручья изліаній, 3 очищенія и 3 бассейна; 3 бога, дающіе изобиліе земли, 3 вѣсть обоготворяемыя богини, 3 времени года.

4) Я потому отношу этотъ камень къ эпохѣ *Solutré*, что на другой сторонѣ Крюковскаго ручья найденъ К. А. Шапошниковымъ валунъ съ изображеніемъ руки человѣка, со скульптурной рукою подъ рельефной фигурой Сѣвернаго огня. Рука сдѣлана изъ кремнистаго известняка. Это изображеніе изъ Солютры помѣщено въ «*Musée préhistorique*» Габріэля и Адриэна Мортилье, фиг. XIX, № 126.

Окончивъ мою небольшую статью, прошу съѣздъ сочувственно отнестись къ нашему сѣверу.

Онъ бѣденъ дорогими вещевыми остатками, но изслѣдованіе доисторической стороны отроговъ Валдайскихъ горъ необходимо, и потому думаю, что хорошо бы было, если бы въ Новгородской губерніи употребили возможно болѣе усилій на подробное изслѣдованіе доисторической жизни Сѣвера, такъ какъ наши одиночныя усилія еще малы для всесторонняго обслѣдованія мѣстности, слѣдовъ переселеній народовъ и ихъ медленной акклиматизаціи, культуры и жизни обитавшихъ въ ней доисторическихъ расъ.

Ископаемые остатки (мамонта и лося) послѣ-ледниковой или четверичной фауны по Тульской губерніи.

Н. Троицкаго.

Въ маѣ настоящаго 1881 года мною были сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о нѣсколькихъ мѣстахъ находенія остатковъ мамонта въ почвѣ четырехъ уѣздовъ Тульской губерніи, и хорошо сохранившіеся изъ этихъ остатковъ были представлены въ музей Московскаго археологическаго Общества. Въ сообщеніи своемъ объ этихъ находкахъ я между прочимъ выяснилъ, что мѣста находенія ихъ лежатъ всѣ на одной, не совершенно прямой линіи, проходящей чрезъ четыре уѣзда губерніи—Ефремовскій, Богородицкій, Епифанскій и Веневскій.

Уже самая постепенность моего опредѣленія этой линіи не позволяла мнѣ остановиться только въ одной плоскости ея направленія и только въ четырехъ уѣздахъ; мнѣ желательно было поразслѣдовать, не находилось-ли прежде и нѣтъ ли теперь такихъ же остатковъ въ другихъ мѣстахъ и другихъ уѣздахъ. Съ этою цѣлю я въ прошедшемъ юлѣ совершилъ нѣсколько экскурсій на югъ и сѣверъ губерніи. Результатъ моихъ изысканій и на этотъ разъ получился не менѣе значительный, чѣмъ прежде. Недавно собранныя мною свѣдѣнія теперь имѣю честь сообщить Съѣзду съ цѣлю—отвѣтить на одно предложеніе, поставленное въ программѣ Съѣзда между „вопросами, по которымъ желательно получить свѣдѣнія“, именно—восполнить „Обзоръ мѣстонаходенія ископаемыхъ остатковъ послѣ-ледниковой фауны“ (отд. I, вопр. 3) и отчасти—отвѣтить на вопросъ: „какіе остатки животныхъ встрѣчаются въ нашихъ поселеніяхъ каменнаго вѣка“ (I, 8).

На первыхъ порахъ исходнымъ мѣстомъ моихъ археологическихъ изысканій была южная окраина Тульской губерніи, именно Ефремовскій уѣздъ; во второй разъ исходнымъ мѣстомъ для того принята была мною юго-восточная граница, именно Епифанскій уѣздъ.

Недалеко отъ границы между Епифанскимъ уѣздомъ и Скопинскимъ (Рязанской губерніи) находится село Молоденки, расположенное на берегахъ рѣчки Молоденки, впадающей въ р. Сухую Таболу (притокъ р. Дона). Въ этой-то мѣстности много разъ находились остатки первобытной фауны. По осмотрѣ этой мѣстности оказалось слѣ-

дующее. Село Молоденки расположено на обоих берегах своей рѣчки. Лѣвый берегъ ея сравнительно крутъ и значительно возвышенъ. Слои почвы, составляющіе его, есть возможность частію видѣть безъ раскопокъ и отмѣтить въ такомъ порядкѣ. Сверху — небольшой слой чернозема, за нимъ—глина нѣсколькихъ осадковъ и видовъ, попреимуществу красная, съ примѣсью желѣзистыхъ осадковъ; подъ глиной—тонкій слой каменнаго угля (неудобнаго, впрочемъ, къ разработкѣ, какъ оказалось по произведеннымъ опытамъ), слѣдующій слой каменный, промываемый водой, наполняющей и резервуаръ р. Молоденки. Эти слои можно непосредственно видѣть въ одномъ оврагѣ, который находится на сѣв. - сѣв. - восточной сторонѣ села и глубоко прорѣзаетъ лѣвый берегъ рѣки. Отмѣчаю этотъ ровъ и потому, что здѣсь, по завѣренію нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей, компетентныхъ очевидцевъ - свидѣтелей, были найдены нѣкоторыя, покрайней мѣрѣ, примѣчательныя вещи, именно: а) въ 1838 году здѣсь была найдена берцовая кость отъ человѣческаго скелета, величиною въ 4 1/2 четверти-арш. Эта кость, какъ вещь безъ назначенія, долго валялась у конторы сахарнаго завода мѣстнаго помѣщика г. Самарина, а потомъ похоронена за кладбищемъ. б) Въ другое время найдены были конскія желѣзныя удила, которыя по мѣрѣ въ длину, кромѣ конечныхъ колечекъ, оторжавѣвшихъ въ землѣ, равнялись 2 четв. арш. Наконецъ в) гдѣ 10—12 назадъ дѣти тамошнихъ крестьянъ нашли очень объемистую кость—челюсть необыкновенно большаго животнаго, но, къ сожалѣнію, разбили ее. Рѣка Молоденка принимаетъ въ себя два небольшихъ притока—съ лѣвой стороны въ самомъ селѣ Молоденкахъ рѣчку Мурашку и съ правой стороны, версты полторы къ сѣверу отъ села, р. Дегтянку. При впаденіи р. Дегтянки расположена деревня Ольховецъ. Здѣсь-то, въ р. Дегтянкѣ во время весенняго разлива воды, когда крутые берега рѣчки глубоко наводняются и потомъ размываются, мѣстные жители и находятъ „большія кости“—разные остатки мамонта: бивни, коренные и прочіе зубы, и т. д. При осмотрѣ этой рѣчки оказалось, что берега ея, крутые при самомъ устьѣ, далѣе, къ сѣверу отъ него, постепенно понижаются до обыкновеннаго уровня. Наслоеніе почвы то же, что и въ берегахъ р. Молоденки: та же глина, каменный уголь, выступающій съ праваго берега рѣчки наружу, и пр.; есть, впрочемъ, одна особенность: чѣмъ ближе къ истоку р. Дегтянки, тѣмъ болѣе встрѣчаются торфяныя болота, ближайшая часть которыхъ находится около самой деревни Ольховецъ. Неглубокой фарватеръ рѣчки усѣянъ мелкими камнями, которые значительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ занесены иломъ. Есть сильно бьющіе ключи.—По собраннымъ мною здѣсь свѣдѣніямъ, оказалось достовѣрнымъ, что ископаемые остатки въ разное время по берегамъ р. Дегтянки находились во множествѣ, но не сохранялись тщательно,—ихъ приходилось снова разыскивать... На мои разспросы получались слѣдующіе отвѣты: „а вотъ отнесли барину одинъ зубъ большой—большой...“ „Дѣйствительно, одинъ бивень мамонта былъ проданъ помѣщику г. Самарину и доселѣ хранится у него.—„А то вотъ намедни продали лѣкарю много зубьевъ“. Дѣйствительно, также, разнаго вида и различной величины зубы мамонта были проданы мѣстному врачу г. Феодорову, который переслалъ пріобрѣтенныя вещи въ Кіевъ одному изъ своихъ знакомыхъ, протоіерею Троицкому, у котораго они хранятся и теперь. Между прочимъ былъ данъ и такой отвѣтъ:—„кости-то? а что съ ними дѣлать? — мы ихъ разбиваемъ, толчемъ, да присыпаемъ раны лошадямъ, али себѣ...“ Увы, и такъ-то истребляются памятники отечественной археологіи!—Однако и я попытался пріобрѣсти себѣ хоть нѣкую

часть ископаемыхъ остатковъ, найденныхъ по берегамъ р. Дегтянки, и — не безъ успѣха. Одна старуха продала мнѣ часть бивня за 20 коп. и почему-то сочла нужнымъ вразумить меня, что это „рогъ“. А когда я спросилъ ее — „чей же этотъ рогъ, старушка?“ она развязно и твердо сообщила мнѣ слѣдующее, какъ уже готовое, объясненіе. — „Видишь, батюшка, — былъ въ старину быкъ, прозывался *мамъ* (sic!); ему нужно было плыть сорокъ дней; плылъ онъ, да и утомился, до нашей деревни не доплылъ и здохъ... А какъ стали теперича его кости-то показываться, значить, и свѣту конецъ. Вонъ и планида явилась сказываютъ...“ и т. д. Вотъ оно народное толкованіе. Оно легко можетъ послужить основаніемъ для всевозможныхъ народныхъ представлений и баснословій о чудовищныхъ предметахъ подземной области. Какъ бы то ни было, для науки остается безспорнымъ тотъ фактъ, что берега р. Дегтянки несомнѣнно содержатъ въ себѣ много остатковъ четверичной фауны. И этотъ фактъ тѣмъ дѣйствительнѣе, что и при самомъ истокѣ той же рѣчки были сдѣланы подобныя же находки. При истокѣ р. Дегтянки находится село Алмазово. Года три тому назадъ, крестьяне этого села въ торфяномъ болотѣ, откуда вытекаетъ Дегтянка, нашли бивень мамонта величиною въ длину до 3-хъ арш. Находка была продана и стала собственностію помѣщика с. Полибина, г. Нечаева ¹⁾).

При переходѣ отъ одного пункта къ другому, по направленію съ юга на сѣверъ, мнѣ пришлось напасть еще на одинъ слѣдъ ископаемой фауны въ томъ же уѣздѣ. Это — село Бучалки. Въ приходѣ этого села, въ имѣніи кн. Голицына и на его землѣ, на берегу р. Мокрой Таболы недавно одинъ крестьянинъ, раскапывая слой глины, нашелъ огромный черепъ мамонта и доселѣ имѣетъ его въ своемъ домѣ. Не зная, какое лучшее употребленіе изъ него сдѣлать, крестьянинъ пользуется имъ просто какъ тяжестью, вмѣсто огромнаго камня, кладетъ его вмѣсто прессы на пеньку, когда она отмачивается въ рѣкѣ. Характеръ почвы, образующей берега Мокрой Таболы, тотъ же, что и р. Молоденки: болѣе мощный слой — глина; по мѣстамъ встрѣчаются обширныя торфяныя болота.

Переходя изъ Епифанскаго уѣзда въ сосѣдній — Богородицкій, я отмѣчаю опять самое южное мѣсто нахождения ископаемыхъ остатковъ. Это — село Непрядва, расположенное по обоимъ берегамъ р. Непрядвы, верстахъ въ 12-ти отъ станціи Малевки по Елецко-Вяземской желѣзной дорогѣ. Составъ почвы тотъ же, что и на берегахъ рр. Молоденки и Мокрой Таболы. Слой красной глины на низменныхъ мѣстахъ покрытъ торфяными болотами. Въ этихъ то болотахъ и находятъ мѣстные жители немало ископаемыхъ остатковъ первобытной фауны, принадлежащихъ разнымъ животнымъ. Такъ, въ іюлѣ настоящаго года, во время покоса, въ лощинѣ, которая носитъ названіе „Поповки“, и находится въ разстояніи 4-хъ верстъ отъ с. Непрядвы, управляющій имѣніемъ кн. Юсупова въ селѣ Прудахъ, г. Гетцъ нашелъ зубъ мамонта. Мнѣ удалось приобрести двѣ изъ такихъ находокъ, именно — зубъ мамонта и рогъ первобытнаго лося. Послѣдній взятъ изъ слоя обыкновенной глины ²⁾). Сколько

¹⁾ Считаю мѣстнымъ отмѣтить и тотъ несомнѣнный фактъ, что остатки мамонта лѣтъ 8—10 назадъ были найдены и при самомъ истокѣ р. Сухой Таболы въ с. Затворномъ, Скопинскаго уѣзда Рязанской губ. (близъ самой границы ея съ Тульской). Берега рѣки Сухой Таболы имѣютъ тѣ же свойства, что и берега ея притока р. Молоденки.

²⁾ Отмѣтимъ кстати и тотъ несомнѣнный фактъ, что лѣтомъ настоящаго года въ с. Боршевомъ Скопинскаго уѣзда, недалеко, впрочемъ, отъ границы его съ Епифанскимъ и отъ устья р. Непрядвы (верстъ 20), въ торфяномъ болотѣ найденъ и сохраняется теперь у мѣстнаго священника большой рогъ первобытнаго лося.

миѣ известно, это второе мѣсто нахождения ископаемыхъ остатковъ на р. Непрядвѣ (первое — с. Михайловское, на берегу той же рѣки, ближе къ мѣсту впаденія ея въ р. Донъ).

Въ сѣверной части Богородицкаго уѣзда, близъ самой границы его съ Тульскимъ, можно указать еще мѣсто нахождения ископаемыхъ остатковъ; это—село Стубленки, расположенное на обоихъ берегахъ р. Шата, довольно близко отъ впаденія ея въ р. Упу. Мѣстность эта скорѣе низменная, луговая и въ нѣсколькихъ частяхъ болотистая; въ холмистыхъ частяхъ почвы преобладающій слой глина, подъ нимъ на значительной глубинѣ—каменный уголь. Въ приходѣ этого села, въ одномъ оврагѣ, близъ станціи Оболенской по Рязско-Вяземской желѣзной дорогѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, несомнѣнно были найдены кости мамонта. Не излишне отмѣтить, какъ очень оригинальное, употребленіе, какое получили здѣсь найденные остатки этого первобытнаго звѣря; именно: найдя берцовыя кости звѣря, крестьяне придумали сдѣлать изъ нихъ мѣры сыпучихъ тѣлъ.

Нѣсколько дней назадъ, мною получены вполне достовѣрные свѣдѣнія о томъ, что ископаемые остатки первобытной фауны были найдены и въ одномъ изъ западныхъ уѣздовъ—Бѣлевскомъ, гдѣ прежде не было известно о такихъ находкахъ. Здѣсь въ 1864—5 годахъ въ сельцѣ Прильпахъ, находящемся на р. Иствѣ (притокъ р. Оки), именно на лѣвомъ берегу рѣки, помѣщикомъ г. Клингенъ найдена челюсть мамонта съ однимъ зубомъ.

Алексинскій уѣздъ, находящійся къ сѣверу отъ Бѣлевскаго и сѣверо-западу отъ Богородицкаго, также до послѣдняго времени не представлялъ данныхъ для опредѣленія въ немъ мѣста нахождения ископаемыхъ остатковъ послѣ-ледниковой фауны. Только въ послѣднюю экскурсію миѣ посчастливилось открыть одинъ слѣдъ пребыванія этихъ остатковъ въ почвѣ Алексинскаго уѣзда. Это мѣсто—село Пятницкое, находящееся въ юго-восточной части Алексинскаго уѣзда, недалеко отъ границы его съ Тульскимъ, близъ сѣвернаго берега р. Упы. Не такъ давно здѣсь былъ найденъ бивень мамонта и теперь находится у священника мѣстнаго прихода.

Наконецъ, перемѣщаясь еще далѣе къ сѣверу и сѣверо-востоку Тульской губерніи, я попалъ и такъ же въ первый разъ на одинъ слѣдъ дѣйствительнаго нахождения ископаемыхъ остатковъ въ самыхъ сѣверныхъ предѣлахъ Тульскаго уѣзда. Это мѣстечко—деревня Черруга. Она расположена на берегу ручья Черужки, который отдѣляетъ деревню Черугу отъ д. Вишняковой и впадаетъ въ р. Безпуту (притокъ р. Оки). Здѣсь лѣтъ 8—9 назадъ мѣстный крестьянинъ, разрывая слой глины, нашелъ часть бивня мамонта и продалъ оную за небольшую цѣну помѣщику деревни Толконѣва г. Тескову, у котораго эта находка остается и доселѣ. Характеръ мѣстности въ общемъ тотъ же, что и другихъ подобныхъ. Главный и мощный слой—глина, прикрывающая слой камня разныхъ породъ. Самый верхній слой—черноземъ очень тонкій, скорѣе культурнаго, чѣмъ первобытнаго происхожденія.

Прежде и теперь сообщенныхъ мною свѣдѣній достаточно, чтобы констатировать тотъ фактъ, что почти вся территория Тульской губерніи представляетъ слѣды ископаемыхъ остатковъ четверичной фауны. Они находятся въ уѣздахъ: Ефремовскомъ, Епифанскомъ, Богородицкомъ, Бѣлевскомъ, Алексинскомъ, Тульскомъ и Веневскомъ. Остаются уѣзды: Каширскій, Одоевскій, Крапивенскій, Чернскій и Новосильскій, въ которыхъ миѣ доселѣ еще не пришлось найти слѣдовъ четверичной фауны. Но отно-

сительно Каширского уѣзда, гдѣ ничего не найдено мною, однако уже извѣстно въ литературѣ, что и здѣсь (собственно около города Каширы) нѣкогда найдены остатки мамонта ¹⁾. Относительно уѣздовъ Крапивенскаго и Новосильскаго я недавно получилъ подобныя интересныя свѣдѣнія и могу основательно надѣяться констатировать фактъ нахожденія ископаемыхъ остатковъ четверичной фауны въ почвѣ и этихъ уѣздовъ (эти извѣстія пока еще не провѣрены мною). Остаются такимъ образомъ изъ 12-ти уѣздовъ только два, о которыхъ въ этомъ отношеніи мнѣ совершенно ничего неизвѣстно, именно — Чернскій и Одоевскій. Однако напередъ можно предположить, что и въ этихъ уѣздахъ навѣрно содержатся искомые слѣды, какіе находятся въ пяти-шестыхъ всей территоріи Тульской губерніи; тѣмъ вѣроятнѣе это предположеніе, что данныя уѣзды находятся между другими, — Чернскій между Бѣлевскимъ и Богородицкимъ, Одоевскій лежитъ по правому берегу р. Оки и между Бѣлевскимъ, Алексинскимъ и Тульскимъ; наконецъ и почва ихъ въ геологическомъ отношеніи нисколько не разнится отъ другихъ, съ ними смежныхъ, уѣздовъ. Если гдѣ и когда, то здѣсь въ данномъ случаѣ политическая граница навѣрно не имѣетъ важнаго значенія.

Сознаю, конечно, что моихъ свѣдѣній, представленныхъ въ этомъ сообщеніи вниманію Съѣзда, крайне недостаточно для людей науки; но прошу имѣть ихъ въ виду какъ результатъ только самыхъ первоначальныхъ и предварительныхъ изысканій для послѣдующихъ моихъ собственныхъ или чьихъ-либо стороннихъ специально-обстоятельныхъ изслѣдованій. Многое, что слѣдовало бы сдѣлать по этимъ „слѣдамъ“ (напр., обстоятельнѣе изучить составъ почвы, постепенность ея наслоеній, сдѣлать тщательныя раскопки и т. п.), я не могъ по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ и по недостатку времени, какое оставалось до начала археологическаго Съѣзда въ Тифлисі.

Въ заключеніе позволю себѣ присоединить одно объясненіе. Сообщая извѣстія объ ископаемыхъ остаткахъ первобытной фауны, я прежде и теперь отмѣчалъ и то употребленіе, какому они подвергались въ рукахъ простолюдиновъ, непосредственныхъ въ своемъ сужденіи о нихъ почти столько же, какъ и насельники данныхъ мѣстъ, современные мамонту; я имѣлъ въ виду при этомъ слѣдующее. Если сообщаемыя мною извѣстія прежде всего констатируютъ тотъ фактъ, что ископаемые остатки первобытной фауны разсѣяны въ почвѣ всей Тульской губерніи; то свѣдѣнія объ употребленіи, какое получаютъ нѣкоторые изъ найденныхъ остатковъ въ настоящее время, могутъ, пожалуй, послужить къ поясненію чьихъ-либо догадокъ о томъ употребленіи, какое могли сдѣлать изъ нихъ насельники этихъ мѣстъ въ палео или неолитическую эпоху каменнаго періода. Кости мамонта, бивни, зубы (особенно рѣзцы) и пр. не могли-ли служить для первобытныхъ поселенцевъ не только орудіями защиты и нападенія, но и домашнею утварью, хранилищемъ пици (особенно сыпучихъ продуктовъ) и даже предметами украшенія? По крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, съ этой точки зрѣнія слѣдовало бы обратить усиленное вниманіе при осмотрѣ ископаемыхъ остатковъ четверичной фауны, не имѣютъ-ли они на себѣ слѣдовъ искусственной подѣлки, хотя бы въ грубомъ видѣ (палеолитическомъ) и части костей, всѣ-ли случайно повреждены или намѣренно разрушены и съ какою цѣлію.

¹⁾ Графа А. С. Уварова: Археологія Россіи, т. I, стр. 151, гл. VI, № 166.

Одно изъ мѣстъ находенія каменныхъ орудій въ при- волжскомъ краѣ.

Н. Троицкаго.

Въ программѣ пятаго археологическаго Съезда между „вопросами, по которымъ желательно Съезду получить свѣдѣнія“, предложено — „собрать свѣдѣнія о находкахъ каменныхъ орудій“ (1, 7). Это предложеніе, выраженное въ такой формѣ, даетъ мнѣ возможность отвѣтить на него слѣдующимъ сообщеніемъ.

Въ 1879-мъ году, во время пребыванія моего въ Костромской губерніи, я, въ качествѣ члена корреспондента Моск. Арх. Общества, предпринялъ собрать возможно полныя свѣдѣнія объ историческихъ и доисторическихъ памятникахъ отечественной старины, какія могли быть открыты тамъ, кромѣ уже извѣстныхъ въ литературѣ. Попытка моя не осталась безъ успѣха. Въ короткое время тамъ было собрано и имѣетъ быть обработано мною нѣсколько письменныхъ и устныхъ памятниковъ древняго народнаго быта. Между всякаго рода свѣдѣніями мною было получено извѣстіе, что въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ берега р. Волги, находится курганъ, а около него подняты нѣкоторыя „любопытныя вещи“.

Что это за „любопытныя вещи?“ Этотъ вопросъ, конечно, слѣдовало и можно было рѣшить только при осмотрѣ самыхъ вещей. Но сдѣлать осмотръ любопытной находки было на первыхъ порахъ довольно затруднительно. Неожиданное мною затрудненіе встрѣтилось со стороны лицъ, пріобрѣтшихъ находку. И только благодаря особенному, на этотъ разъ удачному, пріему и нѣкоторому благопріятному для меня обстоятельству, мнѣ посчастливилось не только видѣть найденныя вещи, но одну изъ нихъ пріобрѣсть и теперь представить благосклонному вниманію Съезда, какъ вещественное данное для точнаго опредѣленія одного изъ мѣстъ обитанія насельниковъ каменнаго періода неолитической эпохи. Это — кремневый оббивной наконечникъ стрѣлы. Другая, непредставленная мною, вещь — кремневый молотокъ.

Мѣсто находенія этихъ (и другихъ) каменныхъ орудій — курганъ, находящійся въ деревнѣ Скопинѣ, а деревня Скопино находится въ приходѣ села Рождествина — Мятлевыхъ, Одѣлевской волости, Нерехтскаго уѣзда, Костромской губерніи. По разстоянію отъ г. Костромы—60 в. отъ заштатнаго города Пlesa (на р. Волгѣ)—25 в., отъ станціи Ермолино по Шуйско-Ивановской желѣзной дорогѣ — 20 в.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьянинъ Рождественскаго прихода нашелъ нѣсколько каменныхъ орудій близъ извѣстнаго кургана и, какъ необыкновенную рѣдкость, на первыхъ порахъ скрывалъ ихъ у себя. Затѣмъ, признавая въ необыкновенныхъ вещахъ сверхъестественную силу, онъ обратилъ ихъ къ оригинальному практическому употребленію, именно сдѣлалъ ихъ орудіями врачеванія грудныхъ болѣзней. Естественно, вещи при такомъ назначеніи и частомъ употребленіи получили далекую огласку. Чѣмъ болѣе развивалась практика такого врача, тѣмъ большее значеніе и цѣну имѣли эти вещи въ его мнѣніи. Поэтому, когда я пожелалъ познакомиться съ любопытною собственностью крестьянина-врача, то мнѣ на первыхъ порахъ было отказано наотрѣзъ не только пріобрѣсти въ собственность, но даже и осмотрѣть дорогой талисманъ. Однако, чѣмъ затруднительнѣе было познакомиться съ этими вещами, тѣмъ любопытнѣе было узнать, въ чемъ — причина такой неподатливости, что служить собственно основаніемъ такого суевѣрнаго взгляда на какія-то случайно найденныя вещи. Вскорѣ дѣло разъяснилось. При содѣйствіи священника мѣстнаго прихода, о. А. Тр., мнѣ удалось осмотрѣть найденныя вещи и теперь сообщить Съѣзду нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ.

Фиг. 1.

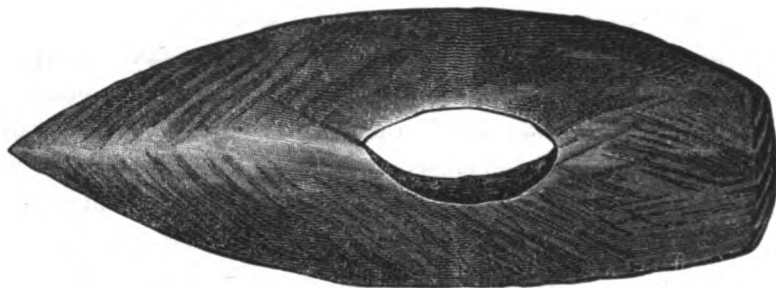

Типъ наконечника, представленнаго мною при семъ извѣстїи, именно его величина, составъ, форма, отдѣлка — очевидны; его, конечно, должно отнести къ эпохѣ неолитической. Типъ молотка (или топора) въ общихъ чертахъ слѣдующій. По составу онъ изъ темно-синяго кремня, величина въ длину нѣсколько болѣе 2-хъ верш., въ толщину 1 верш.; форма въ общемъ — нѣсколько неправильный цилиндръ съ однимъ совершенно тупымъ, а другимъ сплюснутымъ и довольно острымъ концомъ; въ срединѣ имѣетъ сквозное отверстіе (см. приложенный рисунокъ въ натуральную величину). Имѣя въ виду отверстіе, форму обоихъ концовъ и нѣсколько зазубринки на остромъ концѣ, должно полагать, что это орудіе имѣло разнообразное назначеніе и приложеніе въ современной ему практикѣ, и, вѣроятно, между прочимъ, оно служило для отбивки кремневыхъ наконечниковъ. По тому, что этотъ молотокъ отлично отшлифованъ и по другимъ признакамъ, онъ долженъ быть отнесенъ также къ неолитической эпохѣ.

Къ сожалѣнію, я не могъ пріобрѣсти и теперь представить Съѣзду обоихъ орудій. И между тѣмъ, какъ наконечникъ стрѣлы былъ уступленъ мнѣ безъ особенныхъ просьбъ, молотокъ не отданъ ни за-что. Причина этого довольно характеристична. — „По чему же, спрашиваю, нельзя уступить мнѣ этотъ молотокъ?“ — „Потому что онъ помогаетъ“, былъ данъ отвѣтъ. Изъ этого можно было видѣть, что за наконечникомъ такого значенія не признавалось. Я постарался болѣе разъяснить себѣ такую значительную разность во взглядѣ владѣтеля на свою собственность, имѣвшую одно и то же происхожденіе. Съ этою цѣлію я предложилъ вопросъ — при какомъ употребленіи молотокъ „помогаетъ?“ — „А когда почувствуешь боль въ груди, аль и здѣсь, примѣрно (въ лѣвомъ боку), да постукаешь молоточкомъ, такъ и полегче станетъ“... Вотъ оригинальный способъ употребленія первобытныхъ орудій (напоминающій, впрочемъ, новый способъ изслѣдованія груди молоточкомъ, такъ распространенный въ современной медицинской практикѣ). Послѣ такого объясненія логически выступалъ слѣдующій вопросъ: если въ дѣйствительности несправедливо, чтобы молотокъ исцѣлялъ указаннымъ образомъ, то на чемъ же основалось твердое суевѣріе? — Очевидно, не на про-

исхожденіи молотка, найденнаго при курганѣ; наконечникъ стрѣлы, поднятый тамъ же и понятый вѣрно въ своемъ значеніи (именно—какъ часть стрѣлы) долженъ былъ бы пользоваться такимъ же суевѣрнымъ почтеніемъ, чего однако же не было. Положительный отвѣтъ съ вѣроятностію можно вывести изъ общаго взгляда мѣстныхъ простолюдиновъ на вещи, имѣющія форму такого молотка. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ оказывается, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Костромской губерніи доселѣ еще не искоренилось идолопоклонство, рѣзко замѣтное въ суевѣрномъ отношеніи крестьянъ къ разнымъ предметамъ природы, неимѣющимъ иногда даже слѣдовъ искусства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь еще можно найти даже идоловъ въ собственномъ смыслѣ, на примѣръ идоловъ, грубо вытесанныхъ изъ камня въ видѣ молотка. Это—предохранители отъ разнаго рода бѣдствій. Такъ у крестьянъ Макарьевскаго уѣзда Завражской волости имѣются такъ называемые „куриные боги“. Это ни что иное, какъ особой формы камни, имѣющіе естественное углубленіе или искусственное сквозное отверстіе. Крестьяне вѣшаютъ ихъ въ курятникахъ. Полагаю, сходство даннаго молотка съ подобными истуканами и даетъ ему значеніе избавителя отъ болѣзни, что не такъ удобно усвоить наконечнику стрѣлы, далеко непохожему на фигуру идола. Во всякомъ случаѣ есть особенности въ такого рода взглядѣ на каменные орудія у современныхъ простолюдиновъ.

Фиг. 2.

Итакъ, если найденныя орудія констатируютъ фактъ обитанія насельниковъ неолитической эпохи въ данномъ мѣстѣ, то суевѣрное понятіе о значеніи оныхъ восполняетъ данныя, на которыхъ основывается общій научный взглядъ на употребленіе первобытныхъ орудій при настоящей степени культуры въ приволжскомъ краѣ.

Могильныя древности Пятигорскаго Округа.

Проф. Д. Самоквасова.

Поэтический Кавказъ съ глубочайшей древности привлекалъ къ себѣ вниманіе поэтовъ и историковъ. На горѣ Араратъ библейское сказаніе помѣщаетъ праотца всѣхъ, нынѣ существующихъ, человѣческихъ племенъ; съ центральными высотами Кавказа связаны древнѣйшіе греческіе мифы о Прометѣѣ, похитителѣ небеснаго огня, и Язонѣ, искателѣ золотаго руна; сѣверные склоны Кавказа древнѣйшая европейская исторія признаетъ главною дорогою народовъ, переходившихъ изъ Азіи въ Европу. Но эти древнѣйшія сказанія о Кавказѣ и его обитателяхъ такъ отрывочны, такъ въ нихъ перепутаны историческія преданія и факты съ мифами и поэтическими вымыслами, что, при современныхъ намъ средствахъ историческаго познанія, нѣтъ никакой возможности отдѣлить въ нихъ историческую дѣйствительность отъ поэтическихъ вымысловъ и связать историческіе факты въ общемъ, послѣдовательномъ разсказѣ. Несомнѣнно только, что съ глубокой древности Кавказъ признавался одною изъ красивѣйшихъ и богатѣйшихъ странъ въ мірѣ и былъ заселенъ многими племенами, состоявшими въ постоянныхъ сношеніяхъ съ народами наиболѣе цивилизованными.

Въ началѣ христіанской эпохи на южномъ склонѣ Кавказа встрѣчаемъ городъ Диоскуриату, торговый центръ, въ которомъ сходились народы, говорившіе на семидесяти языкахъ. Въ то же время области сѣвернаго Кавказа были заселены различными, родственными намъ, варварскими племенами, Скифо-сарматскаго происхожденія, сносившимися съ цивилизованными народами Европы чрезъ посредство греческихъ колоній, Фанагоріи и Пантикапеи, изъ которыхъ первая лежала на кавказскомъ берегу Босфора Киммерійскаго, а вторая на Крымскомъ. Съ паденіемъ греко-римской цивилизаціи почти совершенно прекращаются историческія извѣстія о народахъ сѣвернаго Кавказа и его исторія на многія столѣтія покрывается совершеннымъ мракомъ.

Невозможно сомнѣваться также, что съ глубокой древности народы Кавказа имѣли сношенія съ варварскими народами сѣверной Европы, древнѣйшими обитателями центральныхъ областей нашего отечества, хотя первыя историческія указанія на эти сношенія мы встрѣчаемъ очень поздно, въ сказаніяхъ восточныхъ писателей IX, X и XI столѣтій и въ свидѣтельствахъ начальной русской лѣтописи. Мы не знаемъ,

когда и при какихъ условіяхъ на берегахъ Босфора Киммерійскаго образовалось русское княжество, извѣстное подъ именемъ Тматораканскаго; не знаемъ исторіи этого княжества; знаемъ только, что въ первую эпоху Рюриковичей славяно-русскіе народы имѣли непосредственныя сношенія и столкновенія съ кавказскими народами того времени. Татарскій погромъ и образованіе царства Золотой Орды обособили сѣверный Кавказъ отъ европейскаго міра и снова надолго порвали нить европейскихъ свѣдѣній, относящихся къ его исторіи, начинающуюся снова только въ прошедшемъ столѣтіи, со времени появленія тамъ побѣдоносной русской арміи.

Въ сѣверный склонъ Кавказа Русскіе нашли въ одичаломъ состояніи. Племена, здѣсь обитавшія, представляли собою разрозненные, полудикіе, безграмотные, полумусульманскіе, полуязыческіе народцы, мало занимавшіеся земледѣліемъ и почитавшіе личную свободу и удачную войну съ сосѣдями главнѣйшимъ добромъ человѣческой жизни. Естественныя, громадныя богатства почвы оставались безъ разработки; проѣзжихъ дорогъ почти не было; древніе храмы, крѣпости, каналы и колодцы лежали въ развалинахъ; повсюду замѣтны были безчисленные памятники древности, закрытые грудами мусора и щебня, принадлежавшіе разнымъ историческимъ эпохамъ и народамъ и свидѣтельствовавшіе о древнемъ процвѣтаніи края.

Археологическія раскопки, произведенныя Императорскою Археологическою Комисіею на Таманскомъ полуостровѣ, открытіе подъ Мцхетомъ Самтаврскаго кладбища, свѣдѣнія объ археологическихъ памятникахъ и находкахъ на Кавказѣ, собранныя гг. Филимоновымъ, Фелицынымъ, Ольшевскимъ и Байерномъ, обратили на себя вниманіе всего ученаго міра, интересующагося задачами исторіи человѣчества. Но кромѣ вещественныхъ памятниковъ древности, скрытыхъ подъ землею, интересы ученаго привлекаютъ этнографическія особенности кавказскихъ народовъ настоящаго времени, сохранившихъ многія архаическія черты въ ихъ обычаяхъ, образѣ жизни, вѣрованіяхъ, языкѣ и наружности, представляющія собою драгоцѣнные матеріалы для историка, лингвиста, этнографа и антрополога.

При сказанныхъ условіяхъ, предложеніе Великаго Князя Михаила Николаевича о пятомъ сѣздѣ археологовъ въ Тифлисъ, заявленное на Казанскомъ сѣздѣ археологовъ было встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ. Благодаря высокому покровительству Великаго Князя, бывшаго намѣстника Кавказа, неутомимой энергіи графа А. С. Уварова, общему сочувствію дѣлу сѣзда со стороны мѣстной администраціи и мѣстнаго образованнаго общества, Тифлисскій сѣздъ археологовъ былъ организованъ и обставленъ превосходно. Образованы были предварительныя комитеты по устройству сѣзда въ Москвѣ и въ Тифлисъ, предпринятъ былъ цѣлый рядъ спеціальныхъ, подготовительныхъ изысканій; въ разныя области Кавказа командированы были спеціалисты для археологическихъ развѣдокъ: нѣкоторые вопросы, поставленные предварительными комитетами, получили разработку въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ; по другимъ вопросамъ поставлены опредѣленныя задачи для будущихъ изслѣдованій. Одни отчеты объ этихъ подготовительныхъ работахъ для Тифлискаго сѣзда, вмѣстѣ съ протоколами засѣданій комитетовъ и разными приложеніями, составили объемистый томъ научныхъ матеріаловъ.

Будучи назначенъ депутатомъ отъ Варшавскаго Университета на Тифлисскій сѣздъ археологовъ и желая, съ своей стороны, оказать посильную помощь въ рѣшеніи спеціальныхъ задачъ этого сѣзда, я рѣшился посвятить лѣтнее, каникулярное время 1881 года изысканію могильныхъ древностей на сѣверномъ склонѣ Кавказа.

Съ этою цѣлю, я прибылъ въ Пятигорскъ въ послѣднихъ числахъ Юня и первая двѣ недѣли употребилъ на ознакомленіе съ вышними формами мѣстныхъ древностей и на собираніе объ нихъ предварительныхъ свѣдѣній отъ туземцевъ. Лично мною осмотрѣны были древнія кладбища и селитьбы, сохранившіяся на склонахъ горъ Верблюда, Быка, Развалки, Желѣзной, Змѣиной, Лысой, Бештау, Машуки и въ окрестностяхъ Кисловодска, а также собраны отъ мѣстныхъ жителей свѣдѣнія о находкахъ, сдѣланныхъ ими при раскопкѣ древнихъ могилъ, при проведеніи дорогъ и канавъ, при добываніи камня и проч. На основаніи собранныхъ такимъ образомъ свѣдѣній, опредѣлились мѣстности, казавшіяся наиболѣе интересными въ археологическомъ отношеніи, и замѣчены были пункты для раскопокъ.

Первое интересное свѣдѣніе было сообщено мнѣ Желѣзноводскимъ докторомъ Ивановымъ. Въ 1878 г. г. Ивановъ, проѣздомъ изъ Эссентукъ въ Желѣзноводскъ, по проселочной дорогѣ, лежащей между горами Верблюдомъ и Бештау, замѣтилъ на возвышенности, въ двухъ верстахъ отъ Горькой рѣчки, слѣды каменнаго ящика, сложеннаго изъ четырехъ большихъ плитъ и закрытаго сверху пятою, каменною же плитою. На другой день, возвратившись сюда съ рабочими, г. Ивановъ снялъ верхнюю плиту гробницы и вынулъ землю, ее наполнявшую. Въ верхней половинѣ гробницы открыты были четыре человѣческихъ остова, расположенныхъ по угламъ, въ сидячемъ положеніи, а при нихъ замѣчены были слѣды окисшихъ желѣзныхъ вещей. Подъ этими остовами, въ нижней части гробницы, на ея днѣ, обнаружены слѣды разложившагося человѣческаго остова и найдены бронзовые, трехгранные наконечники стрѣлъ, крупныя, мозаичныя, глазированные бусы и маленькая, каменная, продырявленная привѣска, изображавшая человѣка. Такъ какъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, оказалось, что въ окрестностяхъ горы Верблюда, по берегамъ Горькой рѣчки, нерѣдко встрѣчались каменные гробницы, по устройству своему подобныя гробницѣ, изслѣдованной г. Ивановымъ, что мѣстный житель, г. Дыденко, свезъ въ свою усадьбу съ окрестныхъ полей до 20-ти большихъ каменныхъ плитъ, прикрывавшихъ древнія могилы, то начальнымъ пунктомъ моихъ изслѣдованій на Кавказѣ были избраны берега Горькой рѣчки, въ окрестностяхъ горы Верблюда. Но десятидневные поиски въ этой мѣстности не оправдали предположеній. Только въ двухъ дольменахъ, изслѣдованныхъ на правомъ берегу Горькой рѣчки, противъ хутора Дыденки или Назаренкова, найдены были слѣды разложившихся человѣческихъ костяковъ, а при нихъ, раздавленные землею, грубые, глиняные сосуды, окисшія желѣзныя удила, маленькіе трехгранные наконечники стрѣлъ и стеклянная подвѣска. Бѣдность находокъ съ одной стороны, а съ другой, трудность добыванія и содержанія рабочихъ въ мѣстности, удаленной на пятнадцать верстъ отъ Желѣзноводска, ближайшаго общественнаго поселенія, побудили меня перенести изслѣдованія въ другой пунктъ и оставить неизслѣдованными пещеры на горѣ Верблюдѣ и большіе курганы, разсѣянные по красивымъ горнымъ склонамъ, возвышенностямъ и долинамъ, заключеннымъ между горами Бештау, Шелудивою, Медовою, Быкомъ и Верблюдомъ.

Обозрѣвая окрестности Пятигорскихъ горъ, я замѣтилъ особенное скопленіе кургановъ на землѣ нѣмецкихъ колоній Карраса и Николаевской. Кромѣ количества кургановъ, эта мѣстность обѣщала археологическій интересъ еще по слѣдующимъ причинамъ. Горы Машука, Бештау, Желѣзная, Развалка, Змѣиная и Лысая замыкаютъ собою кругообразную площадь, имѣющую около десяти верстъ въ окружности. Въ

центрѣ этой площади имѣется глубокая котловина, еще недавно представлявшая собою топкое болото. Поселенцы Николаевской колоніи прорыли канаву отъ этой котловины къ ближайшему источнику и, наполнивъ ее водою, образовали прекрасное прѣсное озеро, имѣющее болѣе версты въ окружности, въ настоящее время изобилующее разною рыбою. Мѣстности, прилежащія къ этому озеру, орошаются еще множествомъ источниковъ прекрасной прѣсной воды, вытекающихъ изъ горъ Бештау и Машуки. Склоны этихъ горъ, равно какъ и склоны горъ Желѣзной, Развалки, Змѣиной и Лысой, покрыты богатою растительностью, образующею собою, въ однихъ мѣстностяхъ, прекрасные строевые лѣса, а въ другихъ, богатыя пастбища и плодородныя поля, на которыхъ засѣваются и разводятся пшеница, кукуруза, разныя огородныя растенія и, наконецъ, въ послѣдніе годы, виноградъ, на необыкновенной добротѣ котораго мѣстные колонисты основываютъ большія надежды. Наконецъ, описываемая мѣстность чрезвычайно живописна и обладаетъ очень здоровымъ климатомъ; здѣсь не извѣстны злокачественныя лихорадки, свойственныя другимъ мѣстностямъ Кавказа. Въ силу сказанныхъ условій, описанное междугорье въ настоящее время представляетъ собою въ высшей степени удобную мѣстность для общественныхъ поселеній и предусмотрительные нѣмцы колоній Карраса и Николаевской не ошиблись, выбравъ ее для своего поселенія, какъ лучшую въ окрестностяхъ Пятигорска. Невозможно сомнѣваться, что и въ древности стратегическія, экономическія и гигиеническія удобства описаннаго междугорія манили къ себѣ, какъ кочевыхъ, такъ и осѣдлыхъ обитателей. И дѣйствительно, произведенныя мною изысканія обнаружили здѣсь очень многочисленныя слѣды древности. Кромѣ новѣйшихъ общественныхъ кладбищъ Черкесовъ—Кабардинцевъ, выселившихся въ нынѣшнемъ столѣтіи въ Турцію, на рѣку Малку, Владикавказскаго Округа, и въ другія мѣстности, здѣсь сохранилось множество могилъ, различнаго устройства и содержанія, принадлежащихъ неизвѣстнымъ исторіи народамъ и различнымъ историческимъ эпохамъ.

Въ раскопкахъ на Кавказѣ, я придерживался того же правила, какому слѣдовалъ въ другихъ мѣстностяхъ; именно, первое кладбище, новаго устройства и содержанія, раскапывалъ до тѣхъ поръ, пока встрѣчались предметы новые и разнообразныя, пока убѣждался, что оставшіяся нераскопанными могилы заключали въ себѣ только повтореніе того, что уже было извѣстно мнѣ изъ могилъ раскопанныхъ. Встрѣчая затѣмъ кладбища того же характера, по устройству и содержанію, я довольствовался раскопкою двухъ или трехъ могилъ и переносилъ изслѣдованія въ другой пунктъ. Благодаря этому приему, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ я успѣлъ найти и изслѣдовать четырнадцать могильниковъ, принадлежащихъ, по предметамъ въ нихъ найденнымъ, тремъ историческимъ эпохамъ.

Первая эпоха, самая новая, характеризуется фактами раскопки кургановъ, сохранившихся на возвышенностяхъ, окружающихъ вышеупомянутое Николаевское озеро или Николаевскій общественный прудъ. Здѣсь сохранилось до трехсотъ кургановъ, сгруппированныхъ въ двухъ могильникахъ: около двухсотъ насыпей у самаго озера, противъ колоніи Карраса, и около ста насыпей въ разстояніи версты отъ него, за виноградниками Николаевской колоніи.

Различаясь по величинѣ, отъ одного до четырехъ арш. отвѣсной высоты и отъ двадцати до пятидесяти арш. въ окружности основанія, почти всѣ насыпи были обложены булыжникомъ, выбраннымъ восемь лѣтъ тому назадъ, при устройствѣ шоссеиной

дороги изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ, такъ что насыпи получили видъ возвышеній, со всѣхъ сторонъ обрѣзанныхъ. Преданій о значеніи ихъ у мѣстныхъ жителей, какъ нѣмцевъ и русскихъ, такъ и татаръ, не сохранилось, и туземцы очень удивлялись, когда подъ курганами были обнаружены могилы.

Въ окрестностяхъ Николаевскаго пруда раскопано мною сто пять могилъ, оказавшихся принадлежавшими одной исторической эпохѣ и одному племени.

Всѣ курганы этого вида были насыпаны изъ черной земли и прикрывали собою деревянный гробъ, или погребальную колоду, поставленные, въ большинствѣ случаевъ, прямо на материкъ, безъ могильной ямы. Въ шестнадцати случаяхъ встрѣчены неглубокія ямы, отъ двухъ четвертей до одного аршина глубины, вырытыя въ каменистомъ грунтѣ. Мѣсто, на которомъ ставили гробъ, дно могилы, часто вымазано глиной, или засыпано мелкимъ каменнымъ щебнемъ. Часто гробъ устанавливали на толстомъ деревянномъ брусѣ, или на толстой доскѣ. Въ нѣкоторыхъ, преимущественно въ женскихъ могилахъ, установленный въ могилѣ гробъ обкладывали крупнымъ булыжникомъ. Гробъ приготовляли изъ шести толстыхъ досокъ, сколоченныхъ деревянными, а иногда и желѣзными, толстыми гвоздями. Крышка гроба дѣлалась плоская, или нѣсколько выпуклая. Въ шести мужскихъ могилахъ, вмѣсто гроба, открыты толстыя, выдолбленныя колоды, закрытыя толстыми брусьями. Длина гробовъ и колодъ зависѣла отъ длины погребяемаго тѣла, но гробъ женскій, въ могилахъ болѣе богатаго содержанія, всегда значительно длиннѣе тѣлъ погребенныхъ, такъ какъ около шести вершковъ требовало головное украшеніе. Въ нѣкоторыхъ могилахъ, поверхъ гробовъ, встрѣчены деревянные помосты или закладки могилъ.

Костяки во всѣхъ гробахъ и колодахъ найдены въ одинаковомъ положеніи: обращенные головою на западъ; лицомъ вверхъ; руки вытянуты по бокамъ туловища, такъ что кисти помѣщались ниже тазовыхъ костей; туловище на спинѣ; ноги вытянуты. Положенный въ гробъ остовъ иногда замазывали желтою глиною, взятою со дна озера, а иногда засыпали мелкимъ камнемъ, землею и углемъ. Въ гробъ же, въ головахъ и ногахъ остова, иногда были находимы плоскіе камни, поставленные у поперечныхъ стѣнокъ гробовъ, отъ четырехъ до шести вершковъ длины и ширины; а въ двухъ женскихъ могилахъ, въ головахъ и ногахъ костяковъ, вмѣсто камней, стояли пятиугольныя, деревянные дощечки, въ одну четверть длины и ширины и одинъ вершокъ толщины. Въ пятидесяти двухъ могилахъ, при остовахъ покойниковъ, найдены различные предметы. По этимъ предметамъ легко различаются мужскія могилы отъ женскихъ.

Въ мужскихъ могилахъ найдены:

Шесть желѣзныхъ сабель, около семи четвертей длины, съ заостренными, на подобіе штыка, концами; при нихъ, остатки деревянныхъ ручекъ и деревянныхъ ноженъ, обтянутыхъ берестой и окованныхъ желѣзомъ.

Сто сорокъ пять желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, различной формы и величины, между которыми пять экземпляровъ съ двойнымъ остриемъ.

Остатки семи деревянныхъ колчановъ, обтянутыхъ берестой и украшенныхъ желѣзными кольцами, пряжками и бляшками различной формы.

Остатки пяти деревянныхъ дужекъ отъ луковъ, съ желѣзными концами.

Тридцать желѣзныхъ ножей, различной величины.

Тридцать желѣзныхъ огнивъ, различной формы и величины, съ кремнями къ нимъ.

Четыре желѣзныхъ и пять бронзовыхъ колечекъ, съ пазументными и нитяными шнурами, на которыхъ носились ножики и мѣшечки изъ кожи и различной матеріи, расшитые шелкомъ, серебромъ и золотомъ, предназначенные для храненія огнивъ съ кремнемъ.

Остатки тканей отъ одежды и кожи отъ обуви.

Продолговатая, серебряная привѣски, различной величины, подобныя серебрянымъ привѣскамъ, носимымъ въ настоящее время кавказскими народами на поясахъ.

Серебряныя и бронзовыя пуговицы, пряжки и бляхи, различной формы и величины.

Въ женскихъ могилахъ найдены:

Двѣнадцать головныхъ украшеній, одной формы. Каждое изъ нихъ представляетъ собою серебряную трубочку, отъ трехъ до пяти вершковъ длины, къ нижнему концу которой прикрѣплена серебряная, воронкообразная бляха, а вверху остроконечный шишакъ. Къ трубочкѣ, нѣсколько выше ея середины, подъ шишакомъ, прикрѣплялась серебряная бляха, формы выгнутого лавроваго листа, около двухъ вершковъ длины и одного вершка ширины. Это украшеніе вѣнчало собою шапочку изъ золотой или серебряной парчи, къ которой прикрѣплялась нижнимъ концомъ воронкообразной бляхи.

Остатки парчевыхъ тканей отъ шапочекъ.

Два серебряныхъ наушника, формы воронкообразныхъ, нижнихъ бляхъ головного украшенія.

Девять золотыхъ и пять серебряныхъ подвѣсокъ, формы изогнутыхъ листиковъ на длинныхъ черенкахъ.

Семнадцать серебряныхъ и бронзовыхъ, плоскихъ и граненыхъ, ушныхъ колець, безъ спайки концовъ, различной величины.

Бусы изъ сердолика, гешира, стекла и глины.

Десять серебряныхъ привѣсокъ, различной формы.

Серебряныя пуговицы, пряжки и бляхи, различной формы и величины.

Восемь серебряныхъ застежекъ.

Два серебряныхъ крючка.

Пятнадцать серебряныхъ перстней, со стеклами и камнями, различнаго цвѣта.

Серебряный несесерь, на длинной серебряной цѣпочкѣ, съ четырьмя серебряными подвѣсками.

Серебряный несесерь, подобный предыдущему, но безъ подвѣсокъ и безъ серебряной цѣпочки, вмѣсто которой сохранился кусокъ шелковаго шнура.

Расшитые шелкомъ, серебромъ и золотомъ мѣшечки изъ кожи и различной матеріи, въ которыхъ хранились костяныя гребенки, проколки и пр.

Остатки парчевыхъ, шелковыхъ, шерстяныхъ и холстинныхъ тканей отъ одежды.

Остатки кожаной обуви и узорчатая, серебряныя бляхи, ее покрывавшія.

Наконецъ, одиннадцать желѣзныхъ ножницъ, различной величины и формы, подобныхъ тѣмъ, какія употребляются и нынѣ для стрижки овецъ.

Курганы, совершенно сходные съ описанными по формѣ, величинѣ и содержанію, замѣчены мною еще въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Тридцать двѣ насыпи у самой подошвы горы Машуки, съ правой стороны дороги, ведущей изъ Николаевской колоніи въ колонію Константиновку, въ урочищѣ „Каменная Ломка“.

2) До пятидесяти насыпей между Николаевской колоніей и подошвой горы Мапуки, на распаханномъ полѣ, въ урочищѣ „Михайлово Курганье“; большая часть могильника уже запахана.

3) До двадцати насыпей въ полуверстѣ отъ Николаевской колоніи, въ кустарникахъ, съ правой стороны дороги, ведущей на Пятигорскъ.

4) До ста насыпей возлѣ виноградниковъ колоніи Карраса.

5) До тридцати насыпей у станицы Кисловодской, въ углу, образуемомъ рѣчками Поддумкомъ и Аликоновкою, противъ Кольца горы.

Въ перечисленныхъ могильникахъ были раскопаны мною только по двѣ и по три насыпи, убѣдившія, что эти могильники принадлежать, по совершенному сходству устройства могилъ и содержанія ихъ, къ той исторической эпохѣ и тому народу, какимъ принадлежать описанные курганы, изслѣдованные въ окрестностяхъ Николаевского общественнаго пруда.

Но на пятой верстѣ отъ Кисловодска, по шоссе на Эссентуки, съ лѣвой стороны дороги, надъ р. Поддумкомъ, въ урочищѣ „Противъ Третьей Балки“, встрѣченъ мною могильникъ, хотя также относящійся къ позднѣйшей желѣзной эпохѣ, но въ устройствѣ могилъ и ихъ содержаніи представившій значительную разницу, въ сравненіи съ перечисленными могильниками, а потому здѣсь раскопано было семнадцать могилъ. Этотъ могильникъ заключалъ въ себѣ до шестидесяти кургановъ, совершенно подобныхъ описаннымъ курганамъ окрестностей Николаевского общественнаго пруда, и шестнадцать каменныхъ ящиковъ, вставленныхъ въ землю, сложенныхъ изъ известковыхъ плитъ, отъ двухъ до четырехъ верш. толщины и отъ двухъ четвертей до двухъ арш. длины и ширины, закрытыхъ такими же плитами. Раскопано было шесть кургановъ и одиннадцать каменныхъ гробницъ. Какъ въ курганахъ, такъ и въ гробницахъ открыты деревянные гробы, съ человѣческими костями, въ совершенно одинаковомъ положеніи: головой на западъ, лицомъ вверхъ, туловище на спинѣ, руки вытянуты по бокамъ, ноги вытянуты.

При оставахъ кургановъ найдены: четыре желѣзныхъ ножица; два желѣзныхъ огнива и одинъ кремь; пять желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ; двѣ бронзовыя сережки и желѣзныя ножницы.

Въ гробницахъ найдены: двѣ желѣзныя сабли; шесть желѣзныхъ ножицъ; два каменныхъ оселка; два огнива; четыре желѣзныхъ наконечника стрѣлъ; остатки двухъ берестовыхъ колчановъ; серебряная пряжка; золотая сережка; пять серебряныхъ, продолговатыхъ поясныхъ привѣсокъ; стеклянный сосудъ; пять серебряныхъ сережекъ, оригинальнаго рисунка; пять колецъ; одна янтарная, одна сердоликовая и двѣ стеклянныя бусы; два перстня, съ голубыми стеклами; два широкихъ серебряныхъ браслета, украшенныхъ рѣзбою, и пара желѣзныхъ ножницъ, употребляемыхъ для стрижки овецъ.

Ко второй эпохѣ, болѣе древней, я отношу шесть могильниковъ, открытыхъ подъ Пятигорскомъ, въ окрестностяхъ нѣмецкихъ колоній Карраса и Николаевской. Общюю характеристикою этого разряда могильниковъ служатъ факты, полученные мною при раскопкѣ могильника въ самой колоніи Каррасъ, при выѣздѣ на Желѣзноводскъ, на возвышенности, извѣстной у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Чеснокъ горы и Чеснокъ кургана.

Чеснокъ курганъ представляетъ собою естественный, продолговатый склонъ горы

Бештау, имѣющій около ста сажень длины. Съ южной стороны эта возвышенность прорѣзана канавою, ограждающею прилежащія къ ней сады и огороды Каррасскихъ колонистовъ; съ запада, со стороны шоссе, она была раскопана на протяженіи около двадцати сажень каменщиками, добывавшими изъ нея матеріалъ для Пятигорскаго шоссе. На уцѣлѣвшемъ протяженіи возвышенности замѣтны слѣды небольшихъ ямъ, расположенныхъ въ равномъ разстояніи одна отъ другой. Эти ямы были выкопаны колонистами, желавшими устроить на Чеснокъ горѣ бульваръ; но деревья не принялись. Вообще же на поверхности Чеснокъ горы не было замѣтно никакихъ признаковъ кладбища. Возвышеніе представляло ровную поверхность, поросшую травою. Между тѣмъ, изъ разспросовъ мѣстныхъ обитателей оказалось, что при добываніи камня для шоссе, и при проведеніи канавы, ограждающей сады и огороды колонистовъ, въ Чеснокъ горѣ находили много камня, а между камнями человѣческія кости, мѣдные наконечники стрѣлъ, мѣдныя кольца и окисшее желѣзо. Проверка этихъ свѣдѣній, послѣ пятидневныхъ поисковъ, привела къ открытію уцѣлѣвшей части очень древняго кладбища, съ весьма интереснымъ содержаніемъ.

Мною раскопана Чеснокъ гора на протяженіи пятидесяти аршинъ длины и, сверхъ того, проведена пробная траншея въ ближайшемъ въ Чеснокъ горѣ саду колониста Швагеруса, въ размѣрѣ восьми аршинъ длины и четырехъ аршинъ ширины. Пробная траншея въ саду колониста Швагеруса обнаружила двѣ могилы, разрушенныя при устройствѣ сада. Въ нихъ найдены только отдѣльные фрагменты человѣческихъ костяковъ, обломки глиняной грубой посуды, желѣзный кинжалъ, три бронзовыхъ наконечника стрѣлъ и двѣ крупныя сердоликовыя бусы. Чеснокъ гора раскапывалась „на перевалѣ“, т. е. срѣзывалась часть поверхности горы до каменистаго грунта, участками въ двѣ сажени ширины и двадцати арш. длины, причемъ земля послѣдующаго участка сбрасывалась въ предыдущій. Начата раскопка съ того мѣста, на которомъ остановились каменщики, добывавшіе въ Чеснокъ горѣ камень для устройства шоссе.

Открыто здѣсь одиннадцать гробницъ, слѣдующаго устройства и содержанія:

Подъ слоемъ дерна, на глубинѣ отъ одной до трехъ четвертей, встрѣчается слой булыжника, занимающій площадку отъ двухъ до четырехъ аршинъ въ длину и ширину. Подъ срединной частью этой площадки встрѣчается могильная, квадратная яма, имѣющая отъ одного до двухъ арш. длины и ширины, вырытая въ каменистомъ грунтѣ и заваленная камнемъ, въ глубину отъ одного до двухъ арш. Дно и стѣнки могилы, часто выложены булыжникомъ. Одну изъ мужскихъ могилъ прикрывала большая каменная плита, имѣвшая два съ половиной арш. длины и два арш. ширины. Въ двухъ ямахъ, вмѣсто камня, дно могилъ составлялъ слой плотно утрамбованной глины.

Въ девяти могилахъ открыто по одному человѣческому оставу, въ одной два и въ одной три. Всѣ оставы найдены въ сидячемъ положеніи, съ нѣсколькими откинутыми назадъ туловищемъ и головою; руки сложены на бедрахъ крестообразно, такъ что правая кисть помѣщалась у лѣваго бедра, а лѣвая у праваго; голени подогнуты подъ туловище также крестообразно, такъ что пясть правой ноги помѣщалась у лѣвой тазовой кости, а пясть лѣвой ноги у правой тазовой кости; колѣни составляютъ конечную часть остава съ передней стороны; бедра раздвинуты и колѣни удалены другъ отъ друга на разстояніе отъ двухъ до двухъ съ половиною четвертей.

При оставахъ найдены слѣдующіе предметы:

Двадцать четыре глиняныхъ сосуда, различной формы и величины.

Два желѣзныхъ меча, по формѣ и величинѣ, подобныхъ бронзовымъ мечамъ.

Шесть желѣзныхъ кинжаловъ.

Пять желѣзныхъ копій.

Девять желѣзныхъ ножей.

Двѣ желѣзныя кирки.

Около пятидесяти маленькихъ, трехгранныхъ, желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, подобныхъ бронзовымъ.

Желѣзное колечко и четыре желѣзныхъ обломка вещей, неизвѣстнаго назначенія.

Три каменныхъ оселка.

Три кремневыхъ осколка, со слѣдами при нихъ окисшаго желѣза, вѣроятно, разложившихся огнивъ.

Шесть костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ.

Три продыравленныхъ зуба хищнаго животнаго.

Продыравленный клыкъ вепря.

Обломокъ костяной ручки.

Баранья бабка и три костяныхъ предмета, неизвѣстнаго назначенія.

Двадцать восемь бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ, различной формы и величины.

Семнадцать мелкихъ продыравленныхъ бронзовыхъ бляшекъ.

Бронзовый дѣтскій нашейникъ.

Бронзовая дугообразная фибула.

Двѣ бронзовыя булавки.

Двѣ бронзовыя рѣзныя привѣски.

Двѣ сережки изъ тонкой бронзовой проволоки.

Бронзовое височное кольцо.

Двадцать два бронзовыхъ браслета.

Десять бронзовыхъ колець, безъ спайки, съ концами въ видѣ змѣиныхъ головокъ.

Круглое бронзовое зеркало, съ маленькою поперечною ручкою, на которой выдвленъ знакъ въ видѣ звѣздочки.

Большое бронзовое зеркало, лирообразной формы, съ длинною, массивною ручкою, оканчивающеюся бронзовымъ рельефнымъ изображеніемъ животнаго.

При зеркалахъ — куски краски, вѣроятно, древнихъ румянъ.

Кусочекъ холстинной ткани.

Наконецъ, до семисотъ бусъ, между которыми различаются: крупныя (тридцать восемь) и мелкія (шестьдесятъ четыре) янтарныя; крупныя (двѣнадцать) и мелкія (четыреста сорокъ двѣ) глиняныя; крупныя (девять) и мелкія (двадцать одна) стеклянныя; бородавчатыя, глазированные изъ композиціи (десять); крупныя мозаичныя (пять) и мелкія (сорокъ пять) гешировыя; гранатовыя и сердоликовыя (восемь); крупныя, граненыя и полированныя изъ топаза (три) и горнаго хрусталя (три); черепаши, извѣстныя подъ названіемъ монета ципрея (восемь); крупныя, костяныя (двѣ); бронзовыя (тринадцать), желѣзныя (три) и, наконецъ, крупныя изъ простой глины, обыкновенно называемыя пряслицами (пять).

Второй могильникъ описываемаго вида открытъ въ разстояніи одной версты отъ колоніи Карраса, на плоской возвышенности, въ урочищѣ, извѣстномъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Длиннаго кургана. Этотъ могильникъ до такой степени перекопанъ добывателями камня, что въ настоящее время найти въ немъ вполне уцѣ-

лѣвшія гробницы очень трудно. Въ теченіи семи дневной работы мною открыты здѣсь только три удѣлѣвшихъ гробницы, по ихъ устройству и содержанію, совершенно сходныхъ съ гробницами могильника на Чеснокъ курганѣ. Первая могила скрывалась подь слоємъ булыжника, имѣвшимъ около трехъ арш. длины и ширины и полтора арш. глубины. На днѣ могилы, заваленной камнемъ, найденъ человѣческой остовъ, посаженный на слоѣ камня, которымъ выложено дно могилы; остовъ былъ обращенъ спиною къ западу, руки сложены на бедрахъ; голени подогнуты подь бедра; въ ногахъ остава стояли два большихъ глиняныхъ сосуда, а съ боковъ его лежали: желѣзный мечъ; два копья; ножикъ; два кремня; сто бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ и одинъ желѣзный; бронзовый браслетъ; два бронзовыхъ воронкообразныхъ предмета и каменный продыравленный оселокъ. Въ двухъ другихъ могилахъ, по устройству и положенію костяковъ, сходныхъ съ предыдущею, найдены два глиняные сосуда, три бронзовыхъ браслета, двѣ косточки неизвѣстнаго назначенія, два костяныхъ и два желѣзныхъ наконечника стрѣлъ и остатки двухъ окисшихъ кинжаловъ или копій.

Въ томъ же могильникѣ, въ могилахъ, раскопанныхъ прежде добывателями камня, при провѣрочной ихъ раскопкѣ, найдены: два обломка бронзоваго зеркала; два цѣлыхъ и два поломанныхъ браслета; бронзовое кольцо; разнообразныя бусы; четыре бронзовыхъ наконечника стрѣлъ; обломки ножей, копій и кинжаловъ и черепки побитыхъ глиняныхъ сосудовъ.

Третій могильникъ открытъ былъ возлѣ большаго кургана, лежащаго за кладбищемъ жителей колоніи Карраса, между дорогами, ведущими изъ колоніи на Желѣзноводскъ, съ одной стороны, и къ Лысой горѣ, съ другой, въ разстояніи приблизительно, ста сажень отъ той и другой дороги. Здѣсь, по словамъ мѣстныхъ каменщиковъ, при проведеніи Желѣзноводскаго шоссе, подь ровною поверхностью возвышенности, открыто было много могилъ съ человѣческими костяками, при которыхъ находили глиняные сосуды, мѣдные браслеты и мѣдные наконечники стрѣлъ, совершенно похожіе на такіе же предметы, найденные въ гробницахъ Чеснокъ горы. Сдѣланная мною провѣрочная раскопка обнаружила въ этой мѣстности только одну разрушенную могилу, въ которой, при остаткахъ человѣческаго остава, найдены три бронзовыхъ наконечника стрѣлъ обломокъ бронзоваго кольца и черепки разбитаго глинянаго сосуда.

Четвертый могильникъ былъ открытъ на склонѣ Бештау, въ разстояніи около трехъ четвертей версты отъ колоніи Карраса, въ ста сажень отъ Пятигорскаго шоссе. Здѣсь, по сказанію мѣстныхъ жителей, выбрано было много камня, прикрывавшаго могилы, съ различными бронзовыми, желѣзными и глиняными вещами. Осмотрѣвъ эту мѣстность, я убѣдился въ существованіи здѣсь могильника, подобнаго предыдущимъ, но такъ перекопаннаго, что было мало вѣроятности встрѣтить въ немъ нетронутыя гробницы, а потому предпочелъ перейти къ изслѣдованію могильниковъ, сохранившихся въ окрестностяхъ Николаевской колоніи.

Пятый могильникъ, подобный Каррасскому могильнику на Чеснокъ курганѣ, былъ открытъ колонистами Николаевской колоніи на мѣстѣ, гдѣ разведенъ ими виноградникъ. По сказанію колонистовъ, при разработкѣ земли подь виноградникъ были обнаружены каменные площадки, прикрывавшія собою заваленныя камнемъ могилы, съ человѣческими костяками, при которыхъ иногда встрѣчались бронзовые браслеты, разныя бусы, мѣдныя стрѣлки и глиняные горшки. Изъ этихъ находокъ у колониста

Ивана Байера сохранились приобретенные мною толстый бронзовый браслетъ, съ концами въ видѣ змѣиныхъ головокъ, поломанный тонкій браслетъ изъ бронзовой проволоки, огибавшій руку три раза, одинъ конецъ котораго имѣетъ видъ змѣиной головки, и половинка бронзоваго проволочнаго колечка. Производить раскопки въ этой мѣстности было невозможно, такъ какъ она засажена виноградникомъ.

Надонецъ, шестой могильникъ этого вида былъ открытъ лѣтъ двадцать тому назадъ на восточномъ склонѣ горы Машуки, въ урочищѣ Берегъ, съ лѣвой стороны дороги, ведущей изъ Николаевской колоніи въ колонію Константиновку. Изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей, между прочимъ, оказалось, что лѣтъ двадцать тому назадъ, когда они еще не умѣли добывать камень, при посредствѣ пороха, изъ естественныхъ его наслоеній, а весь каменный матеріалъ для построекъ собирали на поверхности земли, преимущественно изъ древнихъ могилъ, то особенно старались отыскать могилы, сложенные изъ каменныхъ плитъ и прикрытыя такими же плитами. Такое кладбище, между прочимъ, было найдено ими въ сказанномъ урочищѣ Берегъ, лежащемъ въ разстояніи двухъ верстъ отъ Николаевской колоніи. Весь камень изъ этого кладбища давно уже выбранъ, перевезенъ въ Николаевскую колонію и употребленъ на постройки. Вынимая смазанныя плиты, колонисты находили въ могилахъ человѣческія кости, много мѣдныхъ наконечниковъ стрѣлъ, бронзовыя бляшки, окисшее желѣзо и проч.

Осмотрѣвъ урочище Берегъ, я нашелъ здѣсь ровную возвышенную площадь, около полуверсты въ длину и ширину. Съ запада надъ нею возвышается гора Машукъ, съ сѣвера пролегаетъ дорога, ведущая изъ Николаевской колоніи въ колонію Константиновку, съ остальныхъ сторонъ ее ограничиваютъ крутые, каменные спуски и обрывы, подъ однимъ изъ которыхъ вытекаетъ обильный источникъ прекрасной прѣсной воды. Съ этой площади открывается превосходный видъ на окрестныя горы и на долину, по направлению къ станціи Минеральныя воды. Часть площади, помѣщенная надъ сказаннымъ источникомъ, составляла въ древности мѣсто общественной селитьбы, защищенной съ одной стороны глубокимъ и широкимъ рвомъ, слѣды котораго еще явственно видны въ настоящее время, а съ другихъ сторонъ крутыми обрывами и спусками; другая часть той же площади была занята общественнымъ кладбищемъ, на столько уничтоженнымъ колонистами, ради камня, что въ настоящее время отыскать нетронутую могилу оказалось невозможнымъ. Въ различныхъ пунктахъ описанной площади мною вырыты пять пробныхъ ямъ, имѣвшихъ отъ одной до трехъ сажень въ ширину и въ длину, а въ глубину отъ двухъ до четырехъ арш. Въ одной изъ ямъ встрѣчена была одна изъ плитъ, составлявшихъ древнюю гробницу, разрушенную колонистами, а возлѣ нея нѣсколько разрозненныхъ человѣческихъ костей и бронзовая воронкообразная вещь, неизвѣстнаго назначенія. Три ямы доказали существованіе на этомъ мѣстѣ сказанной древней общественной селитьбы, обнаруживъ толстый, до четырехъ арш. глубины, слой перегноя растительныхъ веществъ, въ которомъ въ изобиліи попадались черепки древней глиняной посуды, часто украшенные различными узорами, разбитыя кости различныхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ, уголь, зола, а въ одной ямѣ, сверхъ того, прекрасно сохранившаяся костяная проколка и два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, подобныхъ найденнымъ въ выше описанныхъ гробницахъ.

Мѣсто другой древней селитьбы, современной описанному виду могильниковъ,
Група Тяглицскаго сѣзда.

открыто на вышеупомянутомъ Длинномъ курганѣ, въ разстояніи одной версты отъ колоніи Карраса. Длинный курганъ представляетъ собою естественную, продолговатую съ запада на востокъ возвышенность, окруженную со всѣхъ сторонъ крутыми спусками. Вершина этой возвышенности, заключающая въ себѣ площадь около трехъ сотъ арш. въ окружности, обведена со всѣхъ сторонъ рвомъ и валомъ, еще хорошо замѣтными въ настоящее время. Общій видъ площади, разрѣзанной поперечнымъ рвомъ на двѣ неравныя части, совершенно подобенъ древнимъ городищамъ или городкамъ внутреннихъ областей Россіи.

На площади этой селитьбы вырыты мною пять пробныхъ ямъ до каменистаго грунта, на глубину отъ одного до трехъ аршинъ. Четыре изъ нихъ, подъ слоемъ дерна, обнаружили слой щебня, обыкновенно встрѣчаемый на древнихъ селитьбахъ, состоящій изъ перегноя растительныхъ веществъ, угля, пепла, битыхъ костей, битаго камня, битой глиняной посуды, а въ этомъ щебнѣ, найдены слѣдующіе предметы: продыравленный зубъ хищнаго животнаго; двѣнадцать бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ; бронзовое кольцо; бронзовая шпилька и нѣсколько узорчатыхъ глиняныхъ черепковъ; всѣ эти предметы совершенно подобны вещамъ, найденнымъ въ гробницахъ вышеописаннаго могильника, лежащаго возлѣ Длиннаго кургана.

Въ пятой ямѣ, выкопанной въ западной части площади Длиннаго кургана, подъ слоемъ дерна, обнаруженъ слой булыжника, около четырехъ арш. длины и ширины и около арш. глубины. Подъ этимъ слоемъ открытъ каменный продолговатый ящикъ, сложенный изъ четырехъ большихъ плитъ, закрытый сверху тремя такими же плитами. Длина ящика три, а ширина два арш. Снявъ верхнія плиты, нашли въ гробницѣ только рыхлую землю, нѣсколько разрозненныхъ человѣческихъ костей и два глиняныхъ черепка. Въ сѣверо-западномъ углу гробницы обнаруженъ пробой, около трехъ четвертей въ діаметрѣ, закрытый снаружи тремя камнями.

Могилы третьей эпохи, еще болѣе древней, представляютъ собою курганы широкаго основанія и значительной высоты, доходящей до двадцати арш. по отвѣсу, разбросанные одиночно, по два и по три. Судя по изслѣдованнымъ мною этого вида курганамъ величина ихъ насыпей зависитъ отъ количества гробницъ, ими прикрытыхъ. Насыпались они не одновременно. Для перваго покойника вырывали неглубокую могилу въ почвѣ, а въ мѣстностяхъ каменистыхъ, покрытыхъ тонкимъ слоемъ почвы, вырубали ее въ камень. Положивъ въ могилу покойника, закрывали ее каменными плитами, а потомъ забрасывали камнемъ и засыпали землю, образовавъ такимъ образомъ небольшой курганъ. При второмъ покойникѣ, рядомъ съ первою могилой, устраивали вторую и возводили надъ обѣими могилами общій курганъ, большій прежняго. При третьемъ покойникѣ устраивали третью могилу, рядомъ съ двумя первыми, и возводили надъ ними насыпь еще болѣе широкую и высокую. Такимъ образомъ, съ каждымъ новымъ покойникомъ, погребаемымъ въ одномъ курганѣ съ прежними, общая надъ ними насыпь дѣлалась шире и выше. Когда курганъ достигалъ извѣстной высоты, то послѣдующихъ покойниковъ хоронили въ насыпи, устраивая надъ нижними верхнія могилы и возвышая насыпь еще болѣе. Такимъ образомъ, всѣ большіе курганы этого вида многомогильные. Вслѣдствіе указаннаго способа образованія кургановъ, насыпи этого вида не всегда имѣютъ правильную конусообразную форму; иногда они продолговаты; иногда, при обыкновенной конусообразной формѣ, имѣютъ присыпки съ боковъ, подъ которыми помѣщаются позднѣйшія могилы;

иногда на большом курганѣ, имѣющемъ форму полушара, помѣщается небольшая конусообразная насыпь, которою прикрыта гробница послѣдняго покойника; и т. д.

Типичными представителями этого вида могильниковъ могутъ служить курганы, изслѣдованные мною подѣ Кисловодскомъ, на возвышенности, лежащей между рѣчками Аликоновкою, Подкумкомъ и Березовкою, въ урочищѣ „Три камня“. На этой возвышенности разсѣяны двадцать два кургана, съ основаніемъ отъ пятидесяти до двухъ сотъ арш. въ окружности и отвѣсною высотой отъ пяти до пятнадцати арш. Изъ нихъ раскопаны мною пять кургановъ; въ двухъ встрѣчены по три могилы, въ одномъ пять, въ одномъ восемь и въ одномъ четырнадцать.

Устройство гробницъ, не только въ отдѣльныхъ курганахъ, но и въ одномъ и томъ же курганѣ, не одинаково. Простѣйшія изъ нихъ представляютъ собою четырехугольныя, продолговатыя ямы, около трехъ аршинъ длины, отъ четырехъ до пяти четвертей ширины и около аршина глубины, закрытыя сверху каменными плитами и слоємъ булыжника до аршина толщиною. Другой видъ гробницъ отличался отъ перваго тѣмъ, что стѣнки ихъ были сложены изъ маленькихъ известковыхъ плитъ, искусно подобранныхъ и положенныхъ плашмя одна на другую, не связанныхъ никакимъ цементомъ. Гробницы третьяго вида были сложены изъ цѣльныхъ каменныхъ плитъ, имѣвшихъ до трехъ арш. длины и до полутора арш. ширины, за исключеніемъ одного костьяка, сохранившагося въ полной цѣлости, всѣ остальные были найдены въ такомъ состояніи, что, по открытіи могилъ, немедленно разрушались, такъ что не было никакой возможности ихъ вынуть изъ могилы и сохранить. Въ положеніи остатки покойниковъ отличались тѣмъ, что были обращены головами въ различныя стороны. Въ однихъ и тѣхъ же курганахъ встрѣчались гробницы съ покойниками, обращенными головами на востокъ и западъ, на сѣверъ и на югъ. Положеніе туловища, рукъ и ногъ покойниковъ во всѣхъ гробницахъ было одинаково: лицомъ вверхъ; на спинѣ; руки вытянуты по бокамъ; ноги вытянуты.

Большинство гробницъ не заключало въ себѣ никакихъ предметовъ за исключеніемъ остатковъ человѣческихъ костьяковъ. Только въ двѣнадцати гробницахъ найдены, кромѣ человѣческихъ костей, слѣдующіе предметы:

Семь глиняныхъ маленькихъ сосудовъ, изъ которыхъ три съ ручками и украшены орнаментомъ, состоящимъ изъ дырочекъ и черточекъ.

Восемнадцать бронзовыхъ бусъ.

Круглая, бронзовая, узорчатая привѣска, съ ушкомъ.

Двѣнадцать змѣвидныхъ бронзовыхъ колецъ, безъ спайки концовъ.

Четырехгранный бронзовый наконечникъ стрѣлы, съ длиннымъ стержнемъ.

Три тригранныхъ наконечника стрѣлъ, съ боковыми шипами.

Двѣ бронзовыя булавки, имѣющія около десяти вершковъ длины; сверху онѣ оканчиваются большими, рѣзными, фигурными бляхами, украшенными сложнымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ кривыхъ, точечныхъ линий, пересѣкающихся въ различныхъ направленіяхъ.

Костяной продыравленный молотокъ, около четверти длины, расширенный съ одного конца, по опредѣленію г. Р. Вирхова, изъ рога сѣвернаго оленя. Найденъ въ нижней могилѣ, вырубленной въ камнѣ, при молодомъ скелетѣ, настолько хорошо сохранившемся, что его возможно было вынуть и сохранить.

Три осколка обсидіана, съ двумя и тремя гранями на выпуклой поверхности.

Маленькій, со сверлиною, топорикъ — молотокъ изъ нефрита, превосходно шлифованный.

Долото изъ андезита.

Два круглыхъ, плоскихъ, шлифованныхъ камня, служившихъ для отдѣлки каменныхъ орудій изъ очень твердой каменной породы (порфиритъ?).

Сверхъ того, во многихъ гробницахъ, при человѣческихъ костяхъ, были встрѣчены кусочки какой-то краски, въ родѣ охры.

Ни въ одной гробницѣ описываемаго вида кургановъ не было встрѣчено никакихъ признаковъ желѣза. Бронзовые предметы были находимы только въ могилахъ верхнихъ ярусовъ, а каменные и костяной молотокъ только въ могилахъ, устроенныхъ въ материковомъ, каменномъ грунтѣ.

При раскопкѣ Кисловодскихъ кургановъ, обратили на себя вниманіе еще слѣдующіе факты.

При раскопкѣ большаго кургана, заключавшаго въ себѣ четырнадцать гробницъ, надъ гробницами, въ насыпи, рядомъ съ разбитыми и поломанными костями разныхъ животныхъ, часто встрѣчались обломки человѣческихъ костей, на которыхъ иногда замѣтны были царапины и слѣды ударовъ, сдѣланныхъ острымъ орудіемъ. Въ одной изъ каменныхъ гробницъ того-же кургана встрѣченъ человѣческій оставъ, на столько сохранившійся, что всѣ его конечности, очищенные сверху отъ земли, были видны въ гнѣздахъ; но сверхъ обѣихъ рукъ этого остава, открыта у ногъ его человѣческая рука и кость барана, положенная въ могилу рядомъ съ стоявшимъ тутъ же глинянымъ горшечкомъ. Въ другой гробницѣ того-же кургана найденъ оставъ, сохранившійся на столько, что его черепъ, конечности и всѣ крупныя кости могли быть очищены и видимы въ первоначальномъ положеніи; но сверхъ костей этого покойника, въ ногахъ его, найдены еще черепъ, нога и тазовая кость, сложенные въ кучу и принадлежавшія другому оставу, остальныхъ костей котораго въ могилѣ не было найдено; на одной изъ костей черепа сохранился слѣдъ удара, сдѣланнаго при жизни его острымъ орудіемъ. Въ одной изъ могилъ другаго кургана, при горшечкѣ, поставленномъ въ могилу покойника, найдены: лошадиный зубъ и обломокъ человѣческой голени, не принадлежавшей оставу, погребенному въ этой могилѣ. Въ другой могилѣ того же кургана найдена одна кость человѣческаго таза, также не принадлежавшая покойнику, для котораго была устроена гробница. Наконецъ, въ курганѣ, раскопанномъ подъ наблюдениемъ профессора Висковатова, раздѣлившаго со мною труды по изслѣдованію Кисловодскихъ кургановъ, точно также въ насыпи встрѣчались обломки человѣческихъ костей, а сверхъ того, возлѣ одной изъ гробницъ, открыта каменная плита, съ лежавшимъ на ней человѣческимъ черепомъ, не принадлежавшимъ покойникамъ, погребеннымъ въ этомъ курганѣ.

Совокупность фактовъ, сказаннаго характера, оставила убѣжденіе во мнѣ, въ профессорѣ Висковатовѣ и у всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ при раскопкѣ, что народъ, насыпавшій курганы описаннаго характера, принадлежалъ къ антропофагамъ.

Въ гробницахъ кургановъ, расположенныхъ на возвышенной площади, въ окрестностяхъ Пятигорска, между горами Машукою и Лысою, по ихъ устройству, совершенно подобныхъ описаннымъ Кисловодскимъ, мѣстными каменщиками были найдены слѣдующіе предметы, поступившіе въ мою коллекцію: бронзовое долото, съ продол-

говатымъ желобкомъ по срединѣ, бронзовый кинжалъ, поломанный находчикомъ, и нефритовый, граненый, превосходно шлифованный топоръ-молотокъ, со сверлиною.

Къ изложеннымъ фактамъ я долженъ прибавить случайныя находки, сдѣланныя въ курганахъ подъ Кисловодскомъ и переданныя въ мою коллекцію Директоромъ Кутаисской гимназіи, г. Стояновымъ, и секретаремъ Статистическаго Комитета Кубанской области, г. Фелицынымъ, которымъ, при этомъ случаѣ, выражаю глубокую признательность. Г. Стояновъ передалъ мнѣ въ одномъ изъ засѣданій Тифлискаго съѣзда археологовъ: бронзовое кольцо, съ загнутыми спиралью концами; бронзовое кольцо изъ плоской проволоки, безъ спайки концовъ, и два бронзовыхъ, тригранныхъ наконечника стрѣлъ. Отъ г. Фелицына мною получены: бронзовая привѣска, изображающая четвероногого животного, одѣтаго въ броню; рѣзная бронзовая проковка, украшенная шестью тупыми отроствами по бокамъ; круглая, выпуклая массивная, узорчатая, бронзовая бляха, съ двумя дырочками сверху; рѣзная, бронзовая, узорчатая привѣска и пятнадцать бронзовыхъ бусъ, различной формы и величины.

Предложенный рефератъ, сообщенный на Тифлисскомъ съѣздѣ археологовъ, я до-полню описаніемъ устройства и содержанія одного изъ кургановъ, изслѣдованныхъ мною подъ Пятигорскомъ въ 1882 году. Этотъ курганъ заключалъ въ себѣ наслоеніе могилъ, соответствующихъ тремъ вышесказаннымъ могильнымъ типамъ.

Къ числу мѣстностей, особенно интересныхъ въ археологическомъ отношеніи, намѣченныхъ мною въ окрестностяхъ Пятигорска при предварительномъ собираніи свѣдѣній въ 1881 году, принадлежала возвышенная площадь, состоящая въ общественномъ владѣніи нѣмецкой Константиновской колоніи, имѣющая около четырехъ верстъ длины въ протяженіи отъ подошвы горы Машуки до подошвы горы Лысой и около трехъ верстъ въ направленіи отъ колоніи Константиновки до колоніи Николаевской. На этой площади сохранилось множество могильныхъ насыпей различной величины, расположенныхъ одиночно и группами, заключающими въ себѣ отъ трехъ до восьмидесяти кургановъ. На той же площади открыты древнія могилы подъ ровною поверхностью, не имѣвшія наружныхъ признаковъ.

Отъ мѣстныхъ жителей я получилъ слѣдующія свѣдѣнія.

Нѣмецкіе колонисты, поселившись на лѣвомъ берегу р. Подкумка лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, не умѣли добывать камень изъ естественныхъ его наслоеній, а весь матеріалъ для построекъ добывали изъ древнихъ могилъ. Разрывая курганы, колонисты находили въ нихъ каменные плиты и много булыжника, а между камнемъ человѣческія кости и разныя вещи, которыя бросали, какъ имъ ненужныя. Лѣтъ 15 тому назадъ колонисты научились добывать камень изъ горы Машуки, при посредствѣ пороха, и тогда раскопки древнихъ могилъ прекратились, такъ какъ добываніе камня въ каменоломняхъ горы Машуки было сопряжено съ меньшимъ трудомъ и этому камню можно было придать любую форму. Въ послѣдніе годы свободная ломка камня на горѣ Машукѣ запрещена; за право ломки назначена извѣстная плата, а потому бѣднѣйшіе колонисты снова обратились къ раскопкѣ древнихъ могилъ.

Изъ находокъ колонистовъ въ мѣстныхъ курганахъ сохранились и приобрѣтены мною слѣдующіе предметы: превосходно шлифованный топорикъ-молотокъ, со сверлиною; круглая, шлифованная булава, со сверлиною; два обломка бронзоваго меча, разбитаго на наковальнѣ мѣстнымъ кузнецомъ, желавшимъ испробовать прочность мѣди; три обломка металлическаго зеркала; продыравленный зубъ животного; двѣ золотыя

подвѣски, формы листиковъ на длинныхъ черенкахъ; желѣзная сабля, наконечники стрѣлъ и стремена.

Въ 1882 году, получивъ новую командировку для археологическихъ изслѣдованій на сѣверномъ склонѣ Кавказа, я раскопалъ въ разныхъ пунктахъ вышеописанной площади восемьдесятъ пять могильныхъ насыпей различной величины.

Наибольшій археологическій интересъ представила раскопка насыпи, извѣстной у мѣстныхъ жителей подъ разными именами: Горы, Острой горы, Шпиць-Кугеля, Остраго кургана, Высокаго кургана и Большаго кургана. На картѣ окрестностей Пятигорска, приложенной къ „Путеводителю по кавказскимъ минеральнымъ водамъ“ г. Милютина, эта насыпь обозначена именемъ „Большаго кургана“. Величина и форма насыпи оправдывала названія, данныя ей мѣстнымъ населеніемъ; при обыкновенной конусообразной формѣ, этотъ курганъ имѣлъ около трехсотъ аршинъ въ окружности, восемнадцать аршинъ отвѣсной высоты и заканчивался острою вершиною, часть которой была раскопана нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстными колонистами.

По словамъ мѣстныхъ жителей, въ началѣ семидесятыхъ годовъ Владикавказскій землемѣръ, копая яму на вершинѣ Большаго кургана для установки столпа, встрѣтилъ остатки сгнившаго деревяннаго гроба, человѣческія кости, сережки, манисто и большія желѣзныя ножницы. По отъѣздѣ землемѣра, поставившаго каменный столпъ на восточной половинѣ вершины кургана, Константиновскіе колонисты, замѣтивъ въ курганѣ присутствіе камня, углубили вырытую землемѣромъ яму и выбрали изъ кургана около сажени каменнаго булыжника, прекративъ дальнѣйшую раскопку, изъ боязни обрушить землемѣрческій столпъ. Выбирая камень, колонисты нашли человѣческія кости, мѣдныя трехгранныя наконечники стрѣлъ, мелкія бусы и золотое проводное кольцо, безъ спайки концовъ.

Мною срѣзана вершина Большаго кургана на глубину семи аршинъ; на полученномъ срѣзѣ заложенъ колодезь въ двадцать аршинъ въ діаметрѣ, углубленный до подошвы насыпи, выкопаны восемь пробныхъ ямъ на полахъ кургана и прорѣзана сѣверная пола его траншеею въ десять аршинъ ширины.

По результатамъ раскопки, Большой курганъ оказался двойнымъ, состоящимъ изъ двухъ кургановъ, насыпанныхъ разновременно одинъ на другомъ. Слой желтой глины, плотно утрамбованный, раздѣлялъ насыпь на двѣ половины, верхнюю и нижнюю. Боковая траншея и пробныя ямы на полахъ кургана показали, что глинистый слой, начинаясь на восьмомъ аршинѣ отъ вершины насыпи, имѣлъ въ верхней части пять четвертей толщины, а потомъ, образуя форму полушара и постепенно утолщаясь, спускался въ полахъ насыпи до ея подошвы, у которой имѣлъ два аршина толщины. Нижний курганъ, покрытый глинистою броней, имѣвшій 10 аршинъ отвѣсной высоты, состоялъ изъ чрезвычайно плотнаго чернозема, подобнаго нетронутому матеріку; верхній курганъ, лежавшій на глинистомъ слоѣ, имѣлъ 8 аршинъ отвѣсной высоты и состоялъ изъ чернозема менѣе плотнаго. Въ Большомъ курганѣ открыты семь могилъ: четыре вставныхъ, двѣ подъ верхнимъ курганомъ и двѣ подъ нижнимъ курганомъ.

Изъ вставныхъ могилъ три открыты въ верхней части насыпи и одна въ прорѣзѣ сѣверной ея полы. Три верхнія могилы, по устройству и содержанію, принадлежатъ къ могиламъ древняго кабардинскаго типа, совершенно сходны съ могилами, открытыми мною въ 1881 году въ курганныхъ кладбищахъ окрестностей Николаевскаго общественнаго пруда. Между остатками деревянныхъ гробовъ найдены хорошо

сохранившіеся человѣческіе костяки, въ положеніи головами на западъ, лицомъ вверхъ, туловище на спинѣ, конечности вытянуты вдоль туловища; а при нихъ: желѣзные наконечники стрѣлъ, желѣзное огниво съ кремнемъ, желѣзные ножи, желѣзныя ножницы, серебряныя кольца и бусы. Вставная могила, открытая въ прорѣзѣ сѣверной половины кургана, на глубинѣ четырехъ аршинъ отъ поверхности склона насыпи, заключала въ себѣ очень разложившійся человѣческій остовъ, обращенный головою на востокъ; туловище на спинѣ, конечности вытянуты вдоль туловища, признаковъ гроба не замѣчено; при остовѣ найдены: въ ногахъ—два глиняныхъ сосуда, изъ которыхъ одинъ имѣлъ форму обыкновеннаго горшка, а другой—круглаго блюда 10 вершковъ въ діаметрѣ; въ блюдѣ—остатки почти цѣлаго бараньяго остова и маленькій, изогнутый желѣзный ножикъ; возлѣ сосудовъ—нижняя челюсть и нога верблюда; у лѣвой кисти остова—прямой желѣзный ножикъ и желѣзный наконечникъ стрѣлы.

Двѣ могилы верхняго кургана представляли собою четырехугольныя ямы, лежавшія въ разстояніи трехъ аршинъ одна отъ другой, имѣвшія около 2 $\frac{1}{2}$ аршинъ въ квадратѣ, вырытыя въ глинистой бронѣ, покрывавшей нижній курганъ.

На днѣ могилъ, заваленныхъ камнемъ-булыжникомъ, открыты слѣды очень разложившихся человѣческихъ остововъ, первоначальное положеніе которыхъ невозможно было опредѣлить, и слѣдующіе предметы: мѣдные трехгранные наконечники стрѣлъ, обломки бронзовой бляхи, обломки золотой бляхи, проволочное золотое кольцо, мелкія бронзовыя и глиняныя бусы, желѣзныя удила, желѣзный ложкообразный предметъ, желѣзный ножъ и глиняный сосудъ.

Двѣ могилы нижняго кургана помѣщались на его подошвѣ, въ разстояніи 12 аршинъ одна отъ другой. Признаки первой изъ нихъ, лежавшей подъ южною половиною насыпи, обнаружены на глубинѣ 13 аршинъ отъ вершины Большаго кургана и на 5 аршинъ ниже вышеописаннаго глинистаго слоя.

Верхняя часть гробницы представляла собою продолговатый четырехугольникъ, въ 8 аршинъ длины и 5 аршинъ ширины, обставленный съ боковъ и заложный сверху каменнымъ булыжникомъ и каменными плитками, имѣвшими отъ трехъ четвертей до шести четвертей длины и ширины и отъ двухъ вершковъ до шести вершковъ толщины. Подъ двумя рядами такихъ плитъ, положенныхъ плашмя другъ на друга, открытъ очень разложившійся и раздавленный камнемъ человѣческій остовъ, обращенный головою на востокъ, а при немъ — каменная плитка, формы трапеціи, осколокъ обсидіана и кремень. Ложе остова составлялъ слой плотно утрамбованной желтой глины, смѣшанной съ мелкимъ каменнымъ щебнемъ, а съ боковъ остовъ былъ обставленъ каменными плитками, поставленными ребромъ другъ возлѣ друга. Подъ сказаннымъ ложемъ остова, имѣвшимъ около 2 четвертей толщины, обнаруженъ снова толстый слой камня, подъ которымъ, на подошвѣ кургана, встрѣченъ хорошо сохранившійся человѣческій остовъ, обращенный головою на востокъ, лицомъ вверхъ, туловище на спинѣ, конечности вытянуты вдоль туловища. Весь остовъ былъ покрытъ яркою красною краскою; въ головахъ его, за черепомъ, найдены: раздавленный глиняный сосудъ; костяной молотокъ, со сверлиною; два кремня; человѣческая голень и нѣсколько раковинъ.

Верхняя часть гробницы сѣверной половины нижняго кургана, открытая на 14-мъ аршинѣ отъ вершины насыпи и на шестомъ аршинѣ ниже глинистой брони, представляла собою четырехугольникъ въ шесть аршинъ длины и четыре аршина ширины,

заложены каменными плитками и крупнымъ булыжникомъ. Подъ слоемъ камня, имѣвшимъ около трехъ аршинъ толщины, открыты двѣ каменные гробницы, лежащія одна на другой, такъ что дно верхней гробницы составляло крышку нижней. Верхнюю гробницу составлялъ каменный ящикъ изъ плитокъ, положенныхъ въ пять рядовъ плашмя одна на другую, закрытый сверху большими плитами, лопнувшими отъ напора верхняго каменнаго слоя и обрушившимися въ гробницу. На днѣ ящика открыта гряда гнилыхъ и сдавленныхъ костей, между которыми можно было различить два лошадиныхъ черепа, лошадиныя конечности и одинъ человѣческій зубъ. Дно гробницы составляли двѣ каменные плиты, плотно прилегавшія другъ къ другу, имѣвшія по два аршина въ квадратъ и около 5 вершковъ толщины. Это дно верхней гробницы прикрывало собою нижнюю гробницу, сложенную изъ четырехъ плитъ, въ размѣрѣ 4 аршинъ длины, 1½ аршина ширины и 5 четвертей высоты. На днѣ этой гробницы лежалъ человѣческій остовъ, обращенный головою на западъ, лицомъ вверхъ, на спинѣ, конечности вытянуты. При остовѣ найдены: нефритовый топоръ-молотокъ, со сверлиною, необыкновенно красивой формы и превосходно шлифованный; бронзовое копье; бронзовый дротикъ; бронзовое долото; 12 круглыхъ, плоскихъ, продырявленныхъ бусъ или пуговокъ изъ кости; ожерелье изъ бронзовыхъ бусъ и подвѣсокъ, различной величины и формы; серебряное, змѣевидное, очень разложившееся колечко, безъ спайки концовъ, и два сосуда грубой глины въ фрагментахъ ¹⁾.

По изложеннымъ результатамъ раскопки Большаго кургана, его должно отнести къ могильнымъ сооруженіямъ, наиболѣе интереснымъ въ археологическомъ отношеніи. Въ немъ открыто наслоеніе трехъ видовъ могилъ, существенно различныхъ по устройству и содержанію, принадлежащихъ тремъ историческимъ эпохамъ, а слѣдовательно, и тремъ народамъ или поколѣніямъ, послѣдовательно смѣнившихъ другъ друга въ области Пятигорія.

Древнѣйшее поколѣніе схоронило двухъ покойниковъ въ каменныхъ гробницахъ, устроенныхъ на материкѣ, подъ курганомъ въ 10 аршинъ отвѣсной высоты, закрытымъ сверху глиняною броней. Эти гробницы, по устройству и содержанію, очень сходны съ каменными гробницами, открытыми мною въ 1881 году въ большихъ курганахъ подъ Кисловодскомъ, въ урочищѣ Трехъ Камней. Содержаніе ихъ характеризуется полнымъ отсутствіемъ желѣза и присутствіемъ орудій, сдѣланныхъ изъ глины, кости, камня и мѣди. Эти предметы, по составу и формѣ, грубѣе и проще, древнѣе соответствующихъ имъ предметовъ извѣстнаго Кобанскаго могильника въ Дигоріи, относимаго къ эпохѣ бронзовой культуры. Въ Кобанскомъ могильникѣ не встрѣчаются каменные орудія, а съ другой стороны, рядомъ съ бронзовыми кинжалами, топорами, косами и пр.; иногда встрѣчается желѣзо, какъ въ видѣ орнаментики на бронзовыхъ предметахъ, такъ и цѣльными желѣзными предметами ²⁾; въ древнѣйшихъ

¹⁾ Последняя гробница была вскрыта и обследована въ присутствіи графа А. С. Уварова, графини П. С. Уваровой, ихъ семейства, Екатерины, Сергѣя и Федора Алексѣевичей, и профессора Казанскаго Университета Н. А. Толмачева, раздѣлившихъ мой трудъ по изслѣдованію древнихъ могилъ въ окрестностяхъ колоніи Константиновки.

²⁾ Въ моей коллекціи древностей изъ Кобанскаго могильника имѣются бронзовые пряжки и браслеты, украшенные накладками изъ желѣза, и желѣзное кольцо. Профессоръ В. Б. Антоновичъ въ одной гробницѣ Кобанскаго могильника, рядомъ съ бронзовыми топорикомъ и кинжаломъ, нашелъ „неопредѣленные по назначенію желѣзные фрагменты“, а въ другой „бронзовый кинжалъ съ узорчатою рукояткою и подъ нимъ желѣзный топорикъ.“ См. пятый Арх. съездъ, Протоколы подготов.: Комитета. Изд. 1882 г., стр. 244.

же гробницахъ подъ Кисловодскомъ и Пятигорскомъ, содержащихъ орудія изъ камня и бронзы, не было найдено никакихъ признаковъ желѣза.

Находка серебряннаго колечка въ одной изъ древнѣйшихъ могилъ Вольшаго кургана доказываетъ, что владѣлецъ его, стоявшій на ступени бронзовой культуры, имѣлъ случай посредственныхъ или непосредственныхъ сношеній съ народомъ, знавшимъ употребленіе серебра на человѣческія потребности. По всей вѣроятности, это колечко было произведеніемъ Грековъ, попавшимъ къ первобытнымъ обитателямъ области Пятигорія, можетъ быть, чрезъ посредство греческихъ колоній, появляющихся на побережьяхъ Чернаго моря съ VI вѣка до Рождества Христова. Въ моей коллекціи древностей имѣется такое же змѣвидное серебрянное колечко, найденное въ одной изъ древнѣйшихъ греческихъ могилъ, раскопанныхъ на Таманскомъ полуостровѣ, возлѣ Фанагорійскаго городища.

Эпоха бронзовой культуры въ областяхъ сѣвернаго Кавказа не особенно древняя. Еще въ V вѣкѣ до Рождества Христова обитатели прикаспійскихъ областей не знали добыванія и употребленія желѣза и серебра, приготовляли оружіе и домашнія орудія изъ мѣди, а украшенія изъ золота ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, гробницы коллективныхъ кургановъ, открытыя въ окрестностяхъ Кисловодска и Пятигорска раскопками 1881 и 1882 годовъ, содержащія въ себѣ орудія изъ кости, нефрита, серпентина, обсидіана, кремня, глины и бронзы, по нашему мнѣнію, должны быть отнесены къ наиболѣе древнимъ могиламъ, открытымъ по настоящее время на сѣверномъ склонѣ Кавказа. Эти могилы принадлежатъ народу, стоявшему на ступени бронзовой культуры, жившему, по крайней мѣрѣ, за пять или шесть вѣковъ до Рождества Христова, когда скифо-сарматскіе народы, занимавшіе области сѣвернаго Кавказа, чрезъ посредство прикаспійскихъ греческихъ колоній, познакомились съ употребленіемъ желѣза и серебра.

Къ настоящей статьѣ прилагаются двѣ таблицы предметовъ изъ кости, камня и бронзы, найденныхъ въ многомогильныхъ курганахъ подъ Кисловодскомъ и Пятигорскомъ, относящихся къ эпохѣ бронзовой культуры. Предметы изображены въ натуральную ихъ величину.

Таблица I.

1. Продолговатая, шлифованная, съ обоихъ концовъ заостренная кость.
2. Костяной продыравленный молотокъ.
3. Осколокъ обсидіана.
4. Круглый, плоскій, шлифованный камень (порфиритъ?).
- 5, 6 и 7. Три топора—молотка изъ нефрита.
8. Булава изъ серпентина.
9. Четырехгранный, съ двухъ сторонъ заостренный, бронзовый дротикъ.
10. Бронзовое копье.
11. Бронзовое долото.

¹⁾ По сказанію Геродота, Скифы, Массагеты, обитавшіе за р. Араксомъ, противъ Исседоновъ, въ областяхъ прибалтійскихъ, „изготовляли всѣ предметы изъ мѣди и золота; именно, копья, наконечники стрѣлъ и топоры дѣлали изъ мѣди; головные уборы, пояса и уздечки украшали золотомъ; также надѣвали лошадямъ на грудь мѣдные панцыри, совершенно не зная употребленія ни желѣза, ни серебра.“ Исторія Геродота, кн. I, гл. 201, 215.

12. Бронзовыя бусы.
13. Бронзовыя подвѣски.
14. Серебрянное колечко.
15. Костяныя пуговицы.
16. Четырехгранный наконечникъ стрѣлы.

Таблица II.

1. Двѣ бронзовыя, узорчатыя головныя фибулы, вѣнчавшія женскій головной уборъ.
2. Бронзовыя бусы, съ круглою бронзовою подвѣскою.
- 3, 4, 5 и 6. Бронзовыя кольца.
7. Колесообразный бронзовый предметъ.
8. Бронзовая узорчатая подвѣска, изображающая четвероногое животное.
9. Бронзовая, узорчатая булавка.
10. Бронзовая, выпуклая, узорчатая бляха.
11. Обломокъ бронзовой, узорчатой бляхи.
12. Бронзовыя бусы.
13. Бронзовая подвѣска.
14. Бронзовая, узорчатая буса или подвѣска.
15. Бронзовое долото.

Квадратныя могильныя ямы, вырубленныя въ глинистой бронѣ нижняго кургана заваленныя булыжникомъ и покрытыя верхнимъ курганомъ, несомнѣнно принадлежатъ народу, стоявшему на степени желѣзной культуры. По устройству и содержанию, эти могилы очень сходны съ квадратными могилами, заваленными булыжникомъ, открытыми мною въ 1881 году возлѣ колоніи Карраса, въ Чеснокъ горѣ или Чеснокъ курганѣ. Въ могилахъ этого рода, рядомъ съ грубою глиняною посудою, желѣзными мечами, кинжалами и копьями, имѣющими величину и форму бронзовыхъ мечей, кинжаловъ и копій, часто встрѣчаются предметы, характеризующіе содержаніе могилъ южной Россіи, относящихся къ старо-сарматской эпохѣ, къ первымъ столѣтіямъ до и послѣ Рождества Христова. Сюда принадлежатъ, на примѣръ, мелкіе трехгранные бронзовые и желѣзные наконечники стрѣлъ, металлическія зеркала; крупныя топазы, превосходно шлифованныя и граненыя; ожерелье изъ янтаря; ожерелье изъ раковинъ, монета ципрея; ожерелье изъ бородавчатыхъ и мозаичныхъ бусъ, представляющихъ собою дуплеты ожерелій, находимыхъ въ греческихъ и скифскихъ могилахъ южной Россіи. На третьей таблицѣ прилагаемыхъ рисунковъ изображены предметы, составлявшіе содержаніе женской могилы этого типа, открытой мною въ 1881 году возлѣ колоніи Карраса, въ Чеснокъ курганѣ.

Таблица III.

1 и 2 (уменьшенныя въ три раза) металлическія зеркала, одно изъ которыхъ представляетъ собою совершенный дуплетъ зеркалъ, найденныхъ въ курганахъ первыхъ столѣтій, изслѣдованныхъ въ Роменскомъ уѣздѣ, у с. Аксютинцы, вмѣстѣ съ золотыми и бронзовыми издѣліями Грековъ и Римлянъ (см. Прохорова: Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ, стр. 42—43, № 12).

3. Бусы изъ кости, глины, стекла, раковинъ и египетской композиціи, совершенно сходныя съ такими же бусами изъ греческихъ и скифскихъ могилъ южной Россіи.

4. Бусы изъ топаза и горнаго хрусталя, превосходно шлифованныя и граненыя.

5. Ожерелье изъ янтара.
6. Проволочный бронзовый браслетъ.
7. Массивный бронзовый браслетъ, съ рѣзными змѣиными головками на концахъ.
8. Змѣевидное бронзовое колечко.
9. Бронзовая булавка.
10. Два бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, изъ которыхъ одинъ круглый, очень рѣдкій, а другой трехгранный, самый обыкновенный.
11. Желѣзный ножикъ.
12. Орнаментированная глиняная крышечка.

Три вставныя могилы, открытыя на вершинѣ Большого кургана, по устройству и содержанію, совершенно сходны съ могилами, изслѣдованными мною въ 1881 году въ курганныхъ кладбищахъ у колоній Карраса и Николаевской, а также съ могилами курганныхъ кладбищъ, изслѣдованныхъ въ разныхъ пунктахъ сѣвернаго Кавказа В. А. Беренштамомъ и В. Б. Антоновичемъ, названными проф. Антоновичемъ могилами старо-Кабардинскаго типа ¹⁾. Могилы этого типа не древнѣе времени вторженія въ Европу монголо-татарскихъ народовъ, смѣшенію которыхъ съ туземными обитателями сѣвернаго Кавказа обязанъ своимъ происхожденіемъ типъ кабардинскихъ племенъ. Въ одной изъ старо-кабардинскихъ могилъ была найдена татарская, золотоордынская, серебрянная монета ²⁾ и въ двухъ свинцовыя пули.

Двѣ таблицы прилагаемыхъ рисунковъ изображаютъ предметы, составлявшіе содержаніе двухъ могилъ, женской и мужской, раскопанныхъ мною возлѣ Николаевскаго общественнаго пруда.

Женская могила. Таблица IV.

1. Серебряное головное украшеніе.
2. Двѣ золотыя подвѣски.
3. Серебряный несессерь, на серебряной цѣпочкѣ, съ четырьмя такими же подвѣсками.
4. Двѣ серебряныхъ застежки.
5. Три серебряныя пуговицы.
6. Серебряная привѣска.
7. Двѣ серебряныя бляхи.
- 8 и 9. Два серебряныхъ перстня.

Таблица V.

1. Обломокъ серебряной бляхи, покрывавшей обувь.
2. Желѣзныя ножницы.
3. Часть кошелька, расшитаго серебромъ.
4. Кошелекъ, расшитый золотомъ, серебромъ и шелкомъ.
5. Костяной гребень, съ остатками кошелька, расшитаго серебромъ.

Мужская могила:

6. Желѣзный ножъ.
7. Двурогій желѣзный наконечникъ стрѣлы.
8. 9 и 10. Желѣзные наконечники стрѣлъ.

¹⁾ См. Протоколъ Подготов. Комитета къ V археол. съезду, стр. 216 и слѣд.; 297 и слѣд.

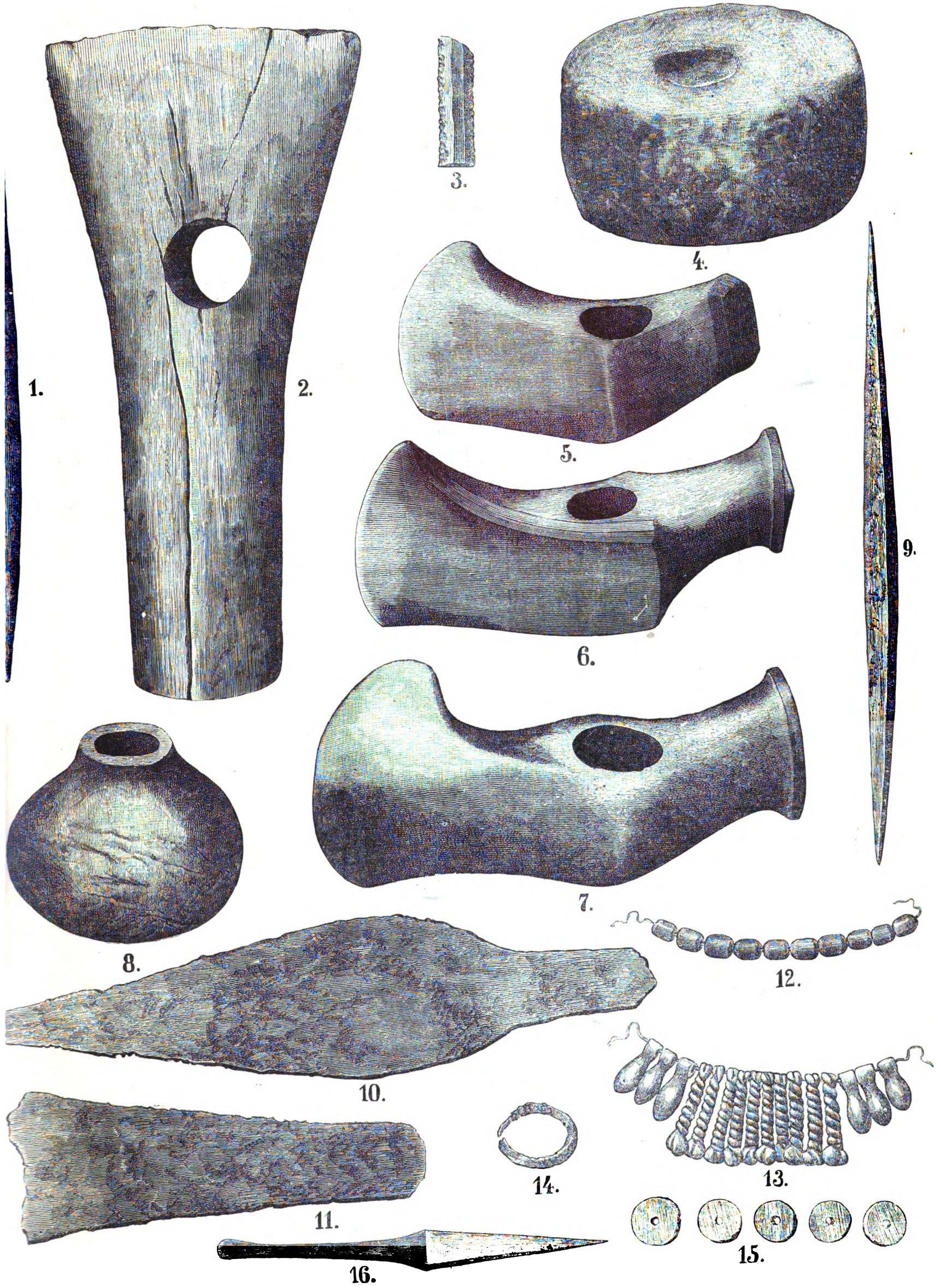
²⁾ Тамъ-же, стр. 306.

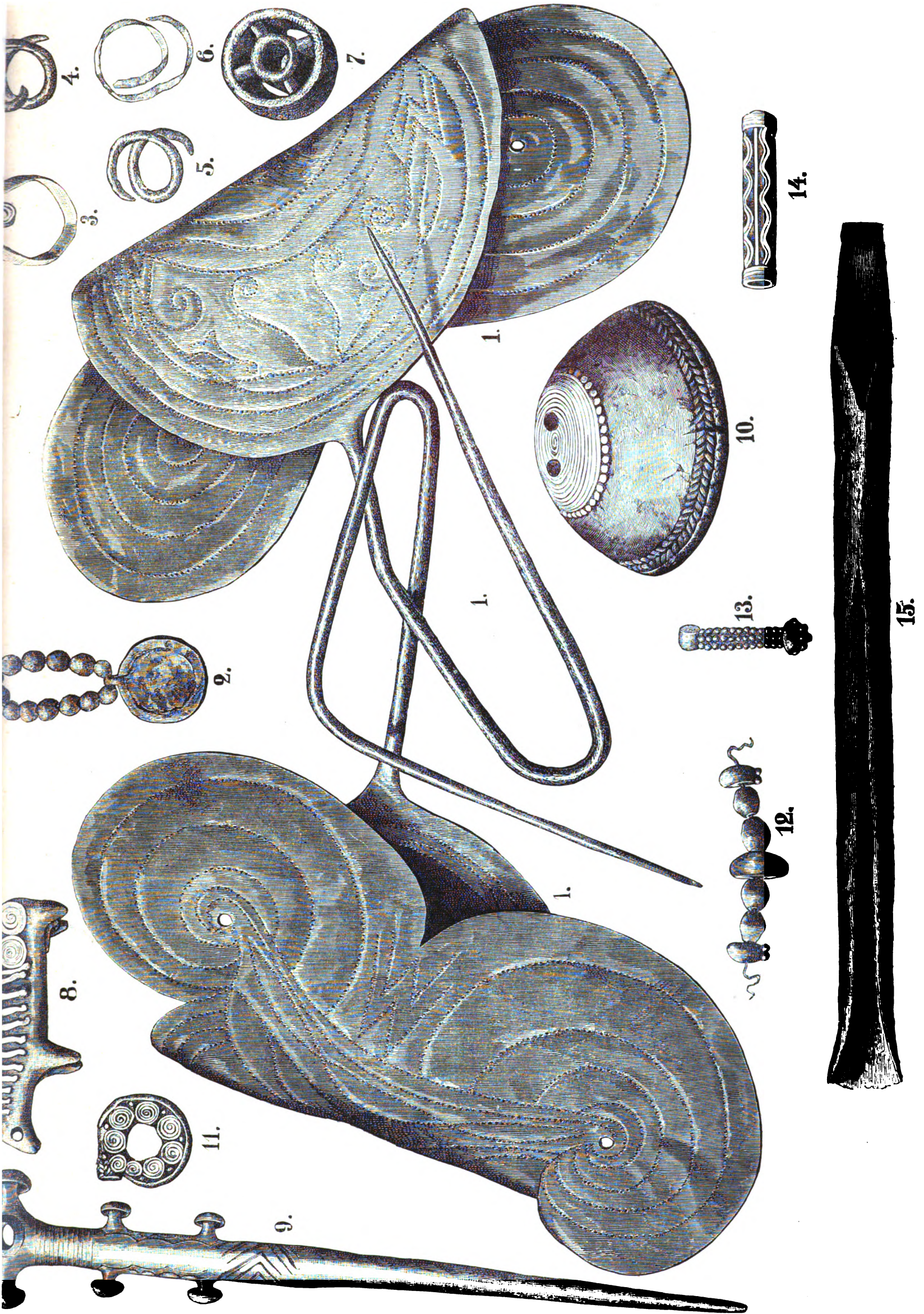
11, 12 и 13. Желѣзная бляшка, пряжка и колечко отъ колчана.

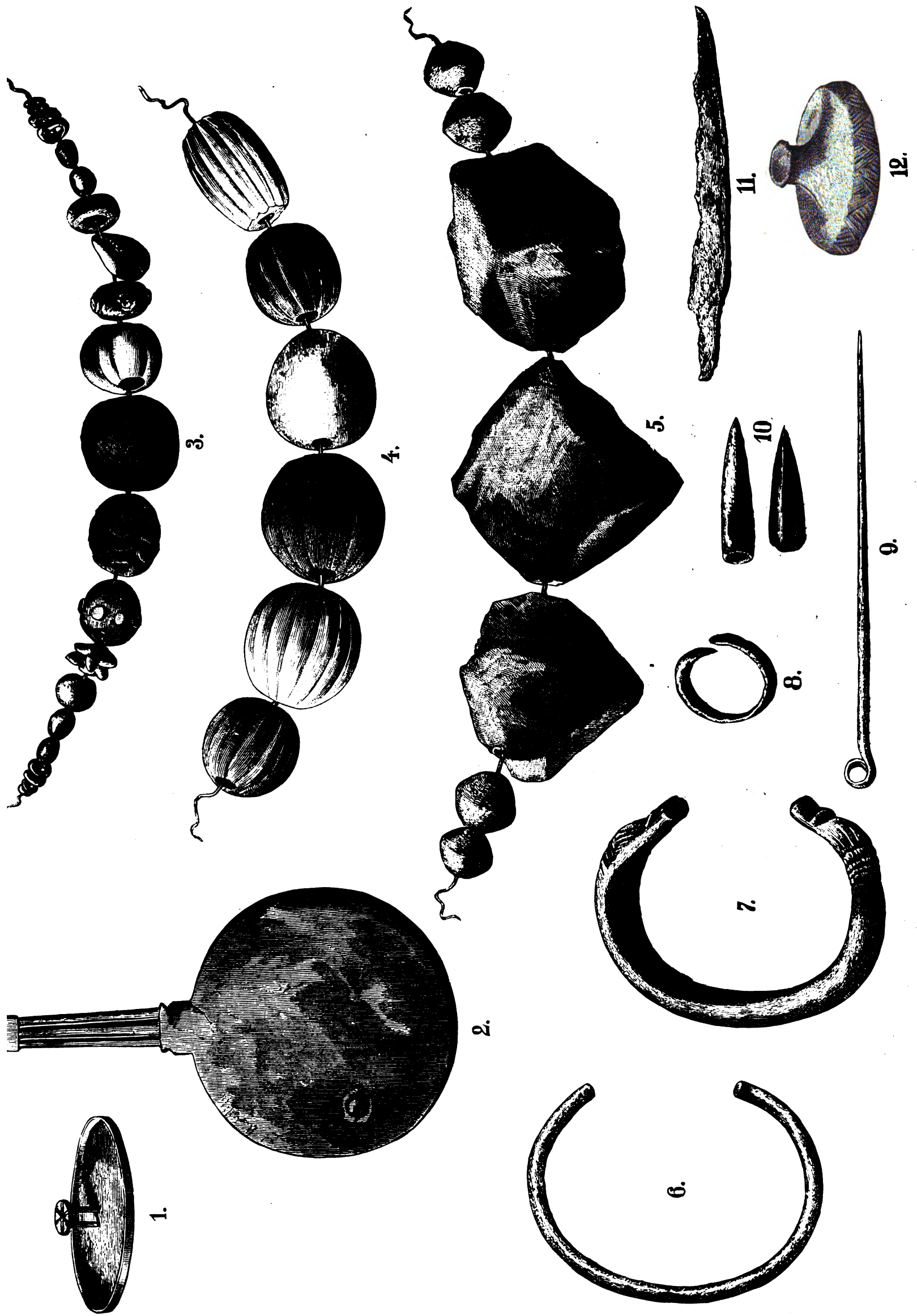
14 и 15. Желѣзное огниво и кремень къ нему.

16. Желѣзный гвоздь отъ гроба.

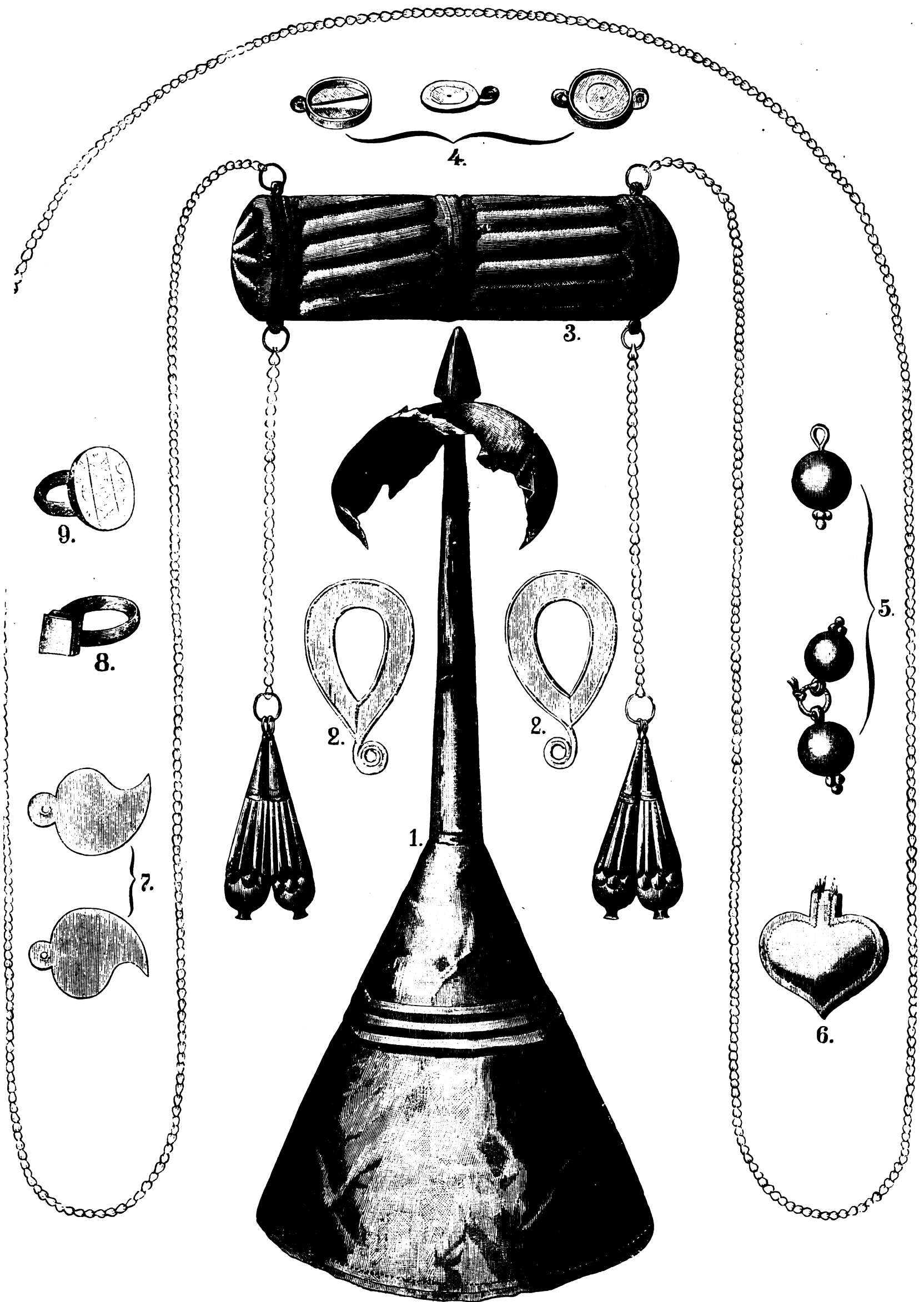
Вставная могила, открытая въ боковомъ прорѣзѣ сѣверной полы Большого кургана, относящаяся къ эпохѣ желѣзной культуры, отличается отъ могилъ второго типа своимъ устройствомъ, а отъ могилъ третьяго типа содержаніемъ пищевыхъ сосудовъ и костей животныхъ, никогда не встрѣчающихся въ могилахъ старо-кабардинскихъ. Ближайшее опредѣленіе времени происхожденія этой могилы невозможно.

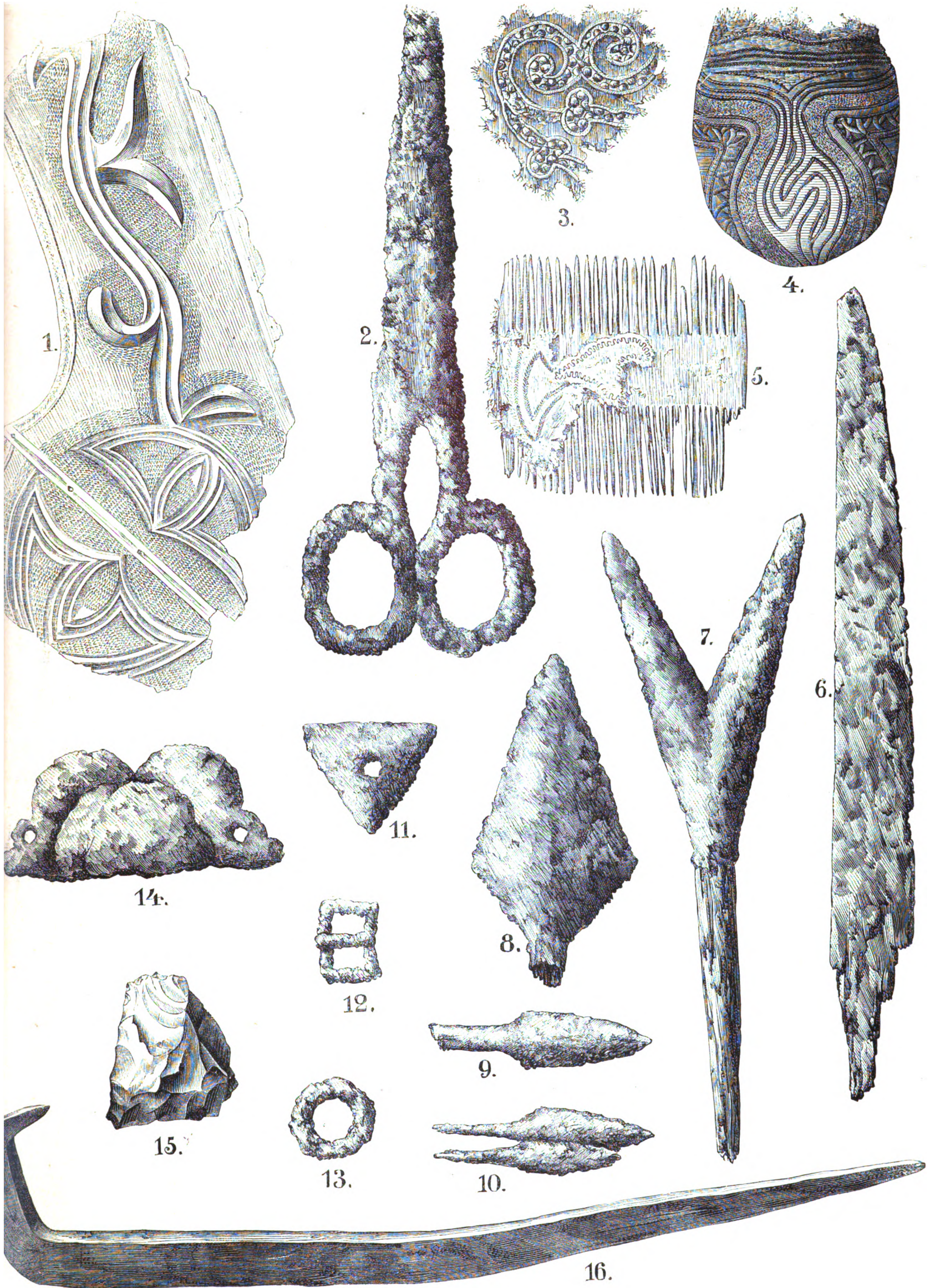

III.

Курганы съ разчлененіемъ близъ г. Дербента.

Графа А. С. Уварова.

Когда лица, никогда не производившія еще археологическихъ изслѣдованій, не собиравшія матеріала для археологіи, приступаютъ къ раскопкѣ кургановъ, то всегда у нихъ разыгрывается фантазія, они себѣ воображаютъ, что попадутъ на такіе клады, на такія художественныя сокровища, что съ перваго же раза, ихъ труды и старанія, покроются полнѣйшимъ успѣхомъ.

То же самое случилось съ двумя членами нашего съѣзда, которые отправились производить раскопки въ Дагестанъ. Видя огромные курганы, находящіеся на югъ и на сѣверъ отъ Дербента, они себѣ вообразили эти курганы, наполненными и золотомъ и всевозможными рѣдкими предметами. Но, къ сожалѣнію, чѣмъ дольше они рыли, тѣмъ приходили къ большому разочарованію. Раскрывая курганъ, они находили въ немъ такой непонятный безпорядокъ, такой, незатѣйливый обрядъ погребенія, что у нихъ рѣшительно отнималась всякая энергія для продолженія дальнѣйшихъ изысканій. Въ этотъ моментъ я пріѣхалъ туда и нашелъ ихъ въ полномъ отчаяніи. Чѣмъ больше они открывали кургановъ, тѣмъ больше они отчаявались найти въ этомъ безпорядочномъ распредѣленіи костей какой нибудь отвѣтъ на вопросъ, который каждый археологъ долженъ себѣ задавать, именно о народности могилъ. Между курганами, которые они разрывали, нашлись два главныхъ типа, различаемые способомъ погребенія. Внѣшній видъ былъ, впрочемъ, у нихъ одинаковъ, и раскопки производились въ обоихъ случаяхъ обыкновеннымъ способомъ, вырываніемъ сверху колодца, почти до материка. Здѣсь неизмѣнно оказывались слѣды четырехугольника, пространство котораго было весьма легко опредѣлить, потому что въ остальныхъ частяхъ кургана былъ твердый грунтъ, а этотъ 4-хъ-угольникъ состоялъ изъ насыпной земли. Въ этомъ 4-хъ-угольникѣ встрѣчались иногда сдѣланныя изъ того же грунта 2—3 ступеньки или было положено 2—3 камня и, затѣмъ, этимъ пространствомъ открывался путь къ овальной гробницѣ. Эта гробница была покрыта правильнымъ сводомъ, обнимающимъ всю величину гробницы, и была видимо устроена слѣдующимъ образомъ. Углубленіе назначаемое для самой могилы опускалось до болѣе твердой почвы, тутъ почва была вынута и пространство засыпано рѣчнымъ пескомъ. На этомъ

рѣчномъ пескѣ находился слой иловатой или зеленоватой глины, которая не встрѣчается въ горахъ, а только на низкихъ мѣстахъ по теченію рѣкъ. На этомъ иловатомъ слоѣ зеленой глины были положены камни въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. систематически и довольно симметрично. Напримѣръ, въ одной сторонѣ лежалъ камень, смазанный глиной и на немъ кусокъ черепа. На противоположной сторонѣ было положено симметрично нѣсколько камней и на нихъ уложены 3 — 4 позвонка; противъ нихъ остальные позвонки также были положены на такихъ же камняхъ, смазанныхъ этой же глиной. Такой безпорядочный способъ погребенія называется разчлененіемъ, потому что тутъ, несомнѣнно, части тѣла намѣренно были положены въ такомъ симметрическомъ безпорядкѣ. Случайности здѣсь не могло быть, ибо подъ каждой костью была особая подстилка. Я разсматривалъ всѣ кости съ большимъ вниманіемъ, изслѣдовалъ ихъ, но не нашелъ никакихъ слѣдовъ антропофагіи. Весьма любопытна оказалась одна могила. Какъ только былъ снятъ камень, которымъ обыкновенно закладывался входъ въ могилу, то назади этого камня найдена была задняя часть чело-вѣческаго черепа. Передняя часть этого же черепа, совершенно правильно отдѣланная въ родѣ чаши, была расположена на камнѣ въ другомъ мѣстѣ. Въ этой гробницѣ со слѣдами разчлененія трупа были найдены нѣкоторыя, не особенно, впрочемъ, характеристичныя вещи.

Между такими гробницами, съ обрядомъ *разчлененнаго погребенія*, находились курганы другаго рода. Раскапывая ихъ, нападали сперва на такой же четырехугольный спускъ, изъ котораго полуовальный входъ велъ въ гробницу съ овальнымъ сводомъ. Но способъ погребенія въ этихъ могилахъ былъ совершенно иной. Костякъ здѣсь лежалъ совершенно правильно на спинѣ, направленіемъ на западъ и съ нѣкоторыми при немъ вещами. Характерныхъ вещей было найдено, впрочемъ, весьма мало, за исключеніемъ любопытнаго украшенія изъ сердолика въ золотомъ ободкѣ. Къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало было произведено изслѣдованій, мало разрыто кургановъ подобнаго рода. Между прочимъ, въ нихъ найдено было 2 сосуда у головы, съ оригинальными украшениями.

Такъ какъ курганы обоихъ типовъ находились смежно одни возлѣ другихъ, въ перемежку, то несомнѣнно, что, не смотря на различіе обрядовъ погребенія, они принадлежали одному и тому же народу. При отсутствіи въ древнѣйшія времена вѣротерпимости, немислимо допустить погребеніе на одномъ мѣстѣ людей различной народности и религіи. Слѣдовательно, имѣя рядомъ эти два способа погребенія, намъ слѣдуетъ поискать, нельзя ли по возможности, хотя бы приблизительно, опредѣлить народность этихъ могилъ. Я думаю, что если мы обратимся къ древнимъ священнымъ книгамъ Иранцевъ, то мы можемъ найти въ нихъ разгадку подобныхъ погребеній. Какъ извѣстно, главный пророкъ Иранцевъ, Заратхустро, котораго Греки называютъ Зороастромъ, собралъ разныя религіозныя книги. Сперва эти книги были довольно многочисленны (при Саманидахъ ихъ насчитывали до 21), но изъ всего этого наслѣдства священныхъ книгъ осталось весьма мало, да и то онѣ испытали судьбу всѣхъ священныхъ книгъ,—ихъ исказили, измѣнили, дополнили. Самая древняя изъ нихъ, на которой я долженъ особенно остановиться, это—Вендидадъ, которая раздѣляется на 22 главы или фаргарда.

Послѣ *первыхъ двухъ главъ*, по преимуществу, историческаго и топографическаго содержанія, слѣдуетъ *третій фаргардъ*, съ характеромъ чисто законодательнымъ. Такъ

какъ доброе божество, *Ахура-мазда*, создало, по учению Заратхустры, весь міръ и заботится объ огражденіи всѣхъ тварей вселенной отъ грѣха, то Вендидадъ изложенъ въ видѣ вопросовъ, съ которыми Заратхустро обращается къ богу, и отвѣтовъ на нихъ Ахура-мазды. Въ *третьемъ фаргардѣ* Заратхустро, какъ законодатель народа хлѣбопашественнаго, прежде всего, обращается къ Ахуръ-маздѣ съ вопросами относительно Земли и за разъясненіемъ, что пріятно, и что непріятно Землѣ, какъ важному божеству для Иранцевъ.

- § 25. Создатель міра тѣлеснаго, о Чистый?
26. Что во-вторыхъ непріятнѣ всего этой Землѣ?
27. На это отвѣтилъ Ахура-мазда: когда въ ней погребаютъ много умершихъ собакъ и умершихъ людей.
28. Создатель міра тѣлеснаго, о Чистый!
29. Что въ третьихъ всего непріятнѣ этой Землѣ?
30. На это отвѣтилъ Ахура-мазда: когда воздвигаютъ на ней во множествѣ дакхмы, на которыхъ кладутъ умершихъ людей. (Spiegel. Avesta I, p. 80).
- Далѣе Заратхустро продолжаетъ вопрошать:
38. Создатель міра тѣлеснаго, о Чистый!
39. Кто во-первыхъ доставитъ Землѣ величайшее наслажденіе?
40. На это отвѣтилъ Ахура-мазда: кто преимущественно выгребаетъ тамъ, гдѣ умершіе собаки и люди были погребены.
41. Создатель міра тѣлеснаго, о Чистый!
42. Кто во-вторыхъ доставитъ Землѣ величайшее наслажденіе?
43. На это отвѣтилъ Ахура-мазда: кто по преимуществу до основанія будетъ уничтожать дакхмы, на которыхъ умершіе люди кладутся.

Затронутый вопросъ о землѣ считался такимъ важнымъ для Иранцевъ, что Заратхустро возвращается къ тѣмъ же священнымъ предписаніямъ, даннымъ уже въ третьемъ фаргардѣ и въ другихъ послѣдующихъ фаргардахъ. Съ этими приказаніями связана забота объ избѣжаніи всякаго оскверненія земли, слѣдовательно, надо было ниже позаботиться объ установленіи такого похороннаго обряда, который не нарушалъ бы все то, что высказано было богомъ Ахура-мазда. Такимъ образомъ законодатель въ другихъ фаргардахъ возвращается къ тѣмъ же понятіямъ и этимъ путемъ подробнѣе выясняетъ предосторожности, которыя слѣдуетъ принимать въ этомъ случаѣ. Не даромъ Ахура-мазда замѣтилъ Заратхустрѣ въ томъ же третьемъ фаргардѣ:

123. Когда въ Землю погребаютъ умершую собаку или умершаго чело-
вѣка и въ продолженіи полугода не выгребаютъ ихъ.
124. Какое за то наказаніе?
125. На это отвѣтилъ Ахура-мазда: дайте пятьсотъ ударовъ лошадиною
палкою и пятьсотъ ударовъ „сраосхошарана“¹⁾).

¹⁾ Spiegel замѣчаетъ, что *астра* переведено Персами словомъ означющимъ острый кинжалъ; между тѣмъ въ Ведахъ *астра* означаетъ острую палку, которою погоняютъ скотину. Слово «сраосхошарана» совершенно непонятно, и Персы теперь уже болѣе не помнятъ, какое значеніе оно могло имѣть въ древнія времена. Spiegel, l. c. I, p. 86, nota 4; p. 90.

Послѣ *четвертаго фаргарда*, посвященнаго на исчисленіе разныхъ грѣховъ и наказаній за нихъ, въ *пятомъ*—Заратхустро возвращается къ прежней мысли, какимъ образомъ устроить похороны безъ оскверненія земли. Сначала перечисляются разные случаи, когда не происходитъ никакого оскверненія отъ трупа, и любопытно тутъ слѣдующее замѣчаніе бога:

12. На это отвѣтилъ Ахура-мазда: никакой трупъ, который разнесенъ будетъ собаками, птицами, волками, вѣтрами или мухами, не можетъ осквернить человѣка.

Далѣе, въ томъ же фаргардѣ, указывается еще яснѣе (§ 32) на услугу, которую оказываютъ птицы, съѣдающія и уносящія части трупа; такъ какъ злой демонъ, Астотухотусъ удерживаетъ трупъ, а птицы уносятъ задержаннаго. Еще далѣе Заратхустро спрашиваетъ, какъ поступать съ покойниками зимою, вѣроятно подразумѣвая тутъ, когда снѣгъ и морозы мѣшаютъ похоронамъ.

42. Въ немъ должны положить (безжизненное) тѣло, лишившееся души, на двѣ ночи, на три ночи или даже на цѣлый мѣсяць.
43. До тѣхъ поръ, пока птицы прилетятъ, и деревья пойдутъ въ ростъ.
44. Вредные (демоны) поспѣшно удалятся, а вѣтеръ высушитъ землю.
45. Потомъ, когда птицы прилетѣли, деревья пошли въ ростъ, вредные поспѣшно удалились и вѣтеръ высушилъ землю.
46. Тогда Маздаяснѣйцы должны тѣ тѣла выставить на солнце.
47. Если Маздаяснѣйцы тѣ тѣла не выставятъ на солнце.
48. Тогда предпиши имъ на цѣлый годъ то же наказаніе, какое предписано за убійство чистаго человѣка.
49. (До тѣхъ поръ), пока трупы не вычищены, дакхмы не вычищены, нечистоты не унесены и птицы не съѣли (трупъ).

Въ такихъ случаяхъ Ахура-мазда приказываетъ готовить временныя помѣщенія или *ката*.

Въ томъ же *пятомъ фаргардѣ* упоминается также объ оскверненіи тѣхъ людей, которые жили вмѣстѣ съ умершимъ человѣкомъ или животнымъ; упоминается потомъ какъ поступить съ огнемъ, когда кто-либо умираетъ.

126. Они должны вынести изъ дома, о святой Заратхустро, огонь, баресму (сучекъ¹⁾), чашу, хаому и ступку.
127. Вынести они должны покойника.
128. Подобно какъ человѣка, по закону, приносятъ, къ погребальному мѣсту и тамъ онъ будетъ съѣденъ.

Въ *шестомъ фаргардѣ* продолжаютъ вопросы объ оскверненіи отъ покойниковъ и спрашивается о наказаніяхъ за проступки противъ приказаній Ахура-мазды.

¹⁾ *Spiegel*, I. с. II, р. LXVIII. Разныя деревья могли служить для баресмы, какъ-то: финиковое, гранатовое и tamarix. Отрѣзаніе сучка отъ этихъ деревьевъ производилось съ известными обрядами и непремѣнно металлическимъ ножомъ. *Ibidem*. р. LXXII. Хаома или Парахаома, есть питіе одинаковое съ сомою Индѣйцевъ. Кромѣ питія это слово означало также геній, и въ томъ и въ другомъ случаѣ питіе или геній сохраняющіе жизнь; а при воскресеніи только чрезъ этотъ напитокъ достигалось безсмертіе тѣла.

Въ *седьмомъ фаргардѣ* еще болѣе разъясняется, что покойники должны быть съѣдаемы собаками и птицами (§ 75, 78, 89) и затѣмъ опредѣляется, сколько времени слѣдуетъ выставять тѣла на свѣтъ.

122. Создатель! Какъ долго умершій человекъ лежитъ въ землѣ, выставленный на свѣтъ, смотря на солнце и земля остается чистою?
123. На это отвѣтилъ Ахура-мазда: цѣлый годъ, о чистый Заратхустро, умершій человекъ лежитъ на землѣ, выставленный на свѣтъ, смотря на солнце и земля остается чистою.
124. Создатель! Какъ долго можетъ тѣло человека быть погребено въ землѣ и земля остается чистою.
125. На это отвѣтилъ Ахура-мазда: пятьдесятъ лѣтъ, о святой Заратхустро, должно тѣло человека быть погребено въ землѣ, а земля остается чистою.

Всѣ эти параграфы (122—125) сами по себѣ хотя и ясны, но какъ будто противорѣчатъ главному основному закону и Спигель ¹⁾ замѣчаетъ, что неясность этого мѣста можетъ объясниться неполнотою рукописей. Не можетъ ли это видимое противорѣчiе объясниться тѣми замѣчанiями, которыя, какъ увидимъ далѣе, дѣлаютъ Геродотъ и Страбонъ о случаяхъ погребенiя покойниковъ. Наконецъ этотъ фаргардъ заканчивается примѣчанiями о способѣ очищенiя *сосудовъ*. *Золотые и серебряные сосуды* очищаются разными умовенiями, но (§ 188) „когда *сосуды* изъ *глины, дерева или свища*, тогда они осквернены навсегда“.

Въ *восьмомъ фаргардѣ* продолжаются вопросы о томъ же предметѣ, т. е. объ оскверненiи и очищенiи отъ оскверненiя, при чемъ многiе параграфы (§ 26—28, 93 и слѣд.) суть какъ бы повторенiе сказаннаго въ шестомъ фаргардѣ. Тутъ упоминается о трупахъ высохшихъ (§ 107—109) и о трупахъ съѣденныхъ собаками и птицами (§§ 115, 274). Любопытно затѣмъ строгое запрещенiе сжигать трупы (§§ 229—236) и приказанiе даже прекращать такое сожиганiе, когда его встрѣтятъ гдѣ-либо. Наконецъ въ *девятомъ фаргардѣ* оканчиваются вопросы по тому же предмету и описываются только различныя обряды очищенiя.

Всѣ эти предписанiя священнаго закона древнихъ Персовъ отразились на обрядѣ погребенiя, такъ какъ первая обязанность каждаго Маздаяснiйца, какъ строгаго послѣдователя закона Заратхустры состояла въ избѣжанiи всякаго оскверненiя земли, которой поклонялись. Конечно, между различными предписанiями Авесты встрѣчается много неясныхъ параграфовъ, вслѣдствiе плохихъ, неполныхъ рукописей и позднѣйшихъ въ нихъ вставокъ; однако, ясно видно, что для всѣхъ народовъ, исполнявшихъ законы Заратхустры, *погребенiе труповъ* считалось гнуснымъ преступленiемъ и оскверненiемъ земли. Для избѣжанiя такого оскверненiя Персы не допускали соприкосновенiя труповъ съ священною для нихъ Землею и съ этою цѣлью строили особыя *баши* «*Дакхма*» ²⁾, въ которыхъ трупы выставлялись на съѣденiе птицамъ. При этомъ клали покойника, по замѣчанiю шестаго Фаргарда (§ 103), на такую высоту, до которой не могли доставать ни собаки, ни барсы, ни волки. Самая *дакхма*, какъ сооруженiе не-

1) Pag. 132.

2) *Spiegel*. I. c. II. p. XXXV.

Труды Тавлесскаго съѣзда.

пріятное Землѣ (I, § 43), воздвигалась на мѣстахъ *неплодородныхъ*, потому что въ противномъ случаѣ было приказано (VII; § 128) разрушать такія дахмы, оскверняющія удобную Землю, занятую подъ постройку ихъ. Возвращаясь къ самому обряду похоронному, надо замѣтить, что когда всѣ мягкія и другія части трупа были съѣдены птицами, и сверхъ того когда *кости* окончательно очищены дождевою водою, которою ихъ омывалъ Ахура-мазда (V, § 49—56), тогда только *очищенные кости* могли быть погребены въ землѣ, въ нарочно заготовленныхъ могилахъ, называемыхъ *ката*. Законная мѣра такой могилы опредѣляется въ *пятомъ фаргардѣ* (§ 39—41) слѣдующимъ образомъ: чтобы отверстіе могилы и сводъ надъ нею были удобны и не задѣвали за голову, даже если она будетъ высоко лежать. Для длины и ширины могилы принята величина человѣческаго тѣла. Вообще изъ этихъ словъ видно, что могилы должны были устраиваться какъ тѣ, которыя разрыты были (Г. Цилосани) на югѣ отъ Дербента. Не смотря на то, что помѣщеніе однихъ костей, не требовало такой обширной могилы, однако величина ея равнялась и тутъ обыкновенной могилѣ, годной для погребенія цѣлаго человѣческаго тѣла. То же самое замѣчу и о сводѣ, который надъ могилою возвышается постоянно приблизительно на уровень человѣческаго роста. Итакъ хотя для погребенія костей не надо было столько мѣста, но все таки придерживались величины человѣческаго тѣла; потому что только могила такого размѣра считалась вполнѣ соответствующею предписанію Вендидада (V, 41), въ которомъ прямо сказано: „*ибо это есть законная мѣра каты для умершаго тѣла*“. Конечно, нѣкоторые другіе параграфы Вендидада какъ бы затемняютъ настоящее значеніе *каты*; и даже Спигель ¹⁾ отличаетъ различіе между назначеніями *каты* и *дахмы*. Онъ полагаетъ, что ката было временное зимнее помѣщеніе для трупа до переноски его въ дахму. Такое мнѣніе основано вѣроятно на неясномъ смыслѣ двухъ параграфовъ пятаго фаргарда:

35. Создатель! когда прошло лѣто, и наступила зима?

36. Какъ должны поступать Маздаяснійцы?

37. На это отвѣтилъ Ахура-мазда: они должны устроить въ каждомъ домѣ, въ каждой деревни три каты для того кто умеръ.

Если понять это предписаніе добраго божества въ прямомъ его смыслѣ, то число катъ превышало бы число домовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчило бы предписанію объ оскверненіи, наносимомъ на весь домъ умершимъ человѣкомъ. Неясность этихъ параграфовъ, по моему мнѣнію, разъясняется устройствомъ тѣхъ могилъ, которыя были изслѣдованы около Дербента. Рыть такія могилы зимою весьма неудобно, а потому готовились эти могилы напередъ, можетъ быть по три на деревню или по три на семью или родъ, обитавшіе въ тѣ времена всѣ вмѣстѣ; такъ, что слово домъ или жилье, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ жилья цѣлаго рода. Я даже думаю, что *ката* кромѣ значенія могилы, могла вмѣстѣ съ тѣмъ означать также или дахму или иную другую постройку въ этомъ родѣ, потому, что въ *восьмомъ фаргардѣ* упоминается, что изъ дома умершаго два носильщика выносятъ:

26. (Покойника) обнаженнаго и безъ платьевъ, (положеннаго) на кирпичъ, на камнѣ или на глинѣ, до каты.

¹⁾ *Avesta*. II. p. XXXIII.

27. Они должны его тамъ положить на землю; (слѣдовательно кирпичи, камень или глина не допускали соприкосновенія трупа съ землею).
28. Такъ, чтобы его хорошо могли замѣтить собаки и птицы, питающіяся мясомъ.

Всѣ эти предписанія, повидимому, относятся до *дакхмы*—*башни* или до *дакхмы*—*каты*, гдѣ умершіе выставались на съѣденіе собакамъ и птицамъ. Дальнѣйшіе обряды еще точнѣе опредѣляются, изъ самой послѣдовательности параграфовъ въ шестомъ фаргардѣ.

92. Создатель! Куда должны мы выносить тѣла покойниковъ, о Ахура-мазда, и куда должны мы ихъ класть?
93. На это отвѣтилъ Ахура-мазда: на самыя высокія мѣстности, о святой Заратхустро.
94. Гдѣ ихъ скорѣе замѣтятъ собаки и птицы, питающіяся мясомъ.
95. Эти Маздаяснійцы (т. е. носильщики) должны прикрѣпить трупъ у ногъ и у волосъ.
96. Желѣзомъ, камнемъ или свинцомъ.
97. Если они не прикрѣпятъ трупъ, тогда собаки и птицы, питающіяся мясомъ, разнесутъ его кости къ водѣ или на деревья.
98. Создатель! Если не прикрѣпятъ покойника и такимъ образомъ собаки и птицы, питающіяся мясомъ, разнесутъ его кости къ водѣ или на деревья.
99. Какое будетъ за то наказаніе?
100. На это отвѣтилъ Ахура-мазда: (За такое оскверненіе) его грѣшнаго тѣла надо дать двѣсти ударовъ палкою, которою погоняютъ лошадей, и двѣсти ударовъ орудіемъ Сраосхо-шарана.

Этими словами заканчиваются всѣ предписанія, относящіяся до съѣденія труповъ звѣрьми, затѣмъ остальные параграфы опредѣляютъ дальнѣйшій обрядъ, когда уже кости очищены отъ всякихъ мясныхъ частей. Въ первомъ изъ нихъ слово *azdebis*, Спигель переводитъ словомъ тѣло, но при этомъ замѣчаетъ, что считаетъ этотъ переводъ неточнымъ ¹⁾; а потому мнѣ кажется, что если перевести *azdebis*, *костякомъ*, *скелетомъ*, то смыслъ былъ бы совершенно ясенъ.

101. Создатель! куда мы должны отнести кости или костяки умершихъ, о Ахура-мазда, куда должны мы ихъ класть?
102. На это отвѣтилъ Ахура мазда: ихъ надо положить лицомъ вверхъ.
103. Выше, чѣмъ куда могутъ достать собаки, барсы и волки.
104. Такимъ образомъ, чтобы дождевая вода не могла бы ихъ мочить.
105. Если Маздаяснійцы могутъ, то они должны положить костякъ на камень, мину или коври.
106. Если они этого не могутъ, то они должны положить на его собственную постель или собственную рогожу, выставленнымъ на свѣтъ, лицомъ къ солнцу, опустить на землю.

¹⁾ I. c. I. pag. 122.

Дѣйствительно и въ могилахъ Дербентскихъ подъ различными костями лежали камни, и сверхъ того особый слой зеленой рѣчной глины.

То слово, которое Спигель переводитъ чрезъ Mörtel, означаетъ вещество служащее вязью между камнями или кирпичами при постройкѣ. Это можетъ быть и известь и глина; и по этой причинѣ, вѣроятно, въ Дербентскихъ могилахъ съ различнымъ обрядомъ погребенія надъ костями положенъ былъ слой глины.

Если даже, согласно мнѣнію Спигеля, принять ката не за окончательную могилу, а за временное помѣщеніе, какъ думаетъ и Роде ¹⁾, когда выпавшій снѣгъ и холодъ мѣшали съѣденію трупа птицами, и тогда готовили особымъ способомъ, дно такого временнаго помѣщенія или покрытіемъ глиною, или, за неимѣніемъ глины, камнями, или—сухимъ пескомъ. Въ Дербентскихъ могилахъ, какъ я уже сказалъ, дно могилы было засыпано толстымъ слоемъ рѣчнаго песку, на которомъ намазанъ былъ толстый слой зеленой, тоже рѣчной глины. Такимъ образомъ археологическія изслѣдованія доказали, что даже для погребенія человѣческихъ костей принимались такія же предосторожности, какія предписаны были въ восьмомъ фаргардѣ для самыхъ труповъ. Доселѣ я старался доказать, что въ Дербентскихъ могилахъ съ погребальнымъ обрядомъ *разчлененія*, несомнѣнно сохранилось вліяніе религіи Заратхустры; но теперь надо объяснить и остальные могилы, въ которыхъ Г. Цилюсани открылъ *цѣлымъ погребеннымъ тѣломъ*. Такой обрядъ погребенія хотя съ перваго взгляда кажется прямо противорѣчащимъ основному авестскому закону, что земля не любитъ, когда погребаютъ въ нея умершихъ собакъ или людей; однако это внѣшнее противорѣчіе совершенно объясняется тѣми любопытными свѣдѣніями о погребальныхъ обрядахъ древнихъ Персовъ, которыя переданы намъ Геродотомъ и Страбономъ.

Геродотъ пишетъ (кн. I, гл. CXL); „что обыкновенные обычаи Персовъ ему извѣстны, а потому онъ можетъ говорить о нихъ положительнымъ образомъ; но обряды относительно умершихъ скрываются, и потому онъ не можетъ сказать о нихъ ничего вполне достовѣрнаго. Они говорятъ, что не погребаютъ тѣло умершаго Перса, прежде чѣмъ оно не растерзано птицею или собакою. Что же касается до Маговъ, то Геродотъ зналъ положительно, что они исполняютъ этотъ обычай, такъ какъ они исполняютъ его публично, при всѣхъ. Геродотъ добавляетъ потомъ, что онъ можетъ также удостовѣрить, что Персы *покрываютъ трупы воскомъ* и потомъ хоронятъ ихъ ²⁾).

Страбонъ (кн. XV, гл. III, § 13) прямо говоритъ, что Персы *погребаютъ покойниковъ, покрывши ихъ воскомъ*. Что же касается до Маговъ, то ихъ не погребаютъ въ землю; ихъ отдаютъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Послѣ этихъ замѣчаній Страбона, любопытно также привести его описаніе гробницы Кира, которую Александръ осмотрѣлъ (гл. III, § 6) „Александръ потомъ пошелъ въ городъ Пазаргады, который былъ также древнею царскою столицею. Онъ посѣтилъ тутъ гробницу Кира, которая состояла изъ маленькой башни, воздвигнутой по срединѣ сада и скрытая въ зелени. Нижняя часть этой башни цѣльная; но на вершинѣ видна комната и родъ часовни, въ которую можно было войти только чрезъ маленькое отверстіе. Аристоклѣсъ рассказываетъ, что онъ вошелъ туда, по приказанію Александра, чтобы украсить гроб-

¹⁾ Rhode; Die heilige Sage. p. 490.

²⁾ Любопытно замѣчаніе, сдѣланное по этому поводу въ французскомъ переводѣ Геродота (изданномъ въ 1802, часть I, стр. 424, примѣчаніе 342) объ осмотрѣ могилы Эдуарда I, умершаго въ 1307 году, тѣло котораго было тоже покрыто воскомъ.

ницу. Онъ нашелъ тутъ золотое ложе, столъ покрытый сосудами, золотой гробъ, много одеждъ и дорогія украшенія съ драгоценными камнями. Всѣ эти вещи находились тамъ при первомъ посѣщеніи Аристобула, но въ послѣдствіе ихъ унесли, кромѣ ложа и гроба, которые разломали, переставивъ трупъ, что доказываетъ, какъ говорить Аристобуль, что это ограбленіе не произведено сатрапомъ, но ворами, которые, взобравшись въ эту башню, оставили только тѣ вещи, которыя имъ невозможно было вынести.⁴

Я привелъ свидѣтельство Геродота и Страбона, чтобы объяснить возможность другаго обряда погребенія, кромѣ разчлененія, подъ вліяніемъ однихъ общихъ религіозныхъ законовъ. И тѣ и другія могилы принадлежатъ послѣдователямъ Заратхустры, ибо иначе не были бы погребены на одномъ кладбищѣ, т. е. въ одной и той же группѣ кургановъ. Но въ могилахъ съ цѣльными костяками, надо видѣть тотъ обрядъ, при которомъ *трупъ покрывался слоемъ воска* и, вѣроятно, на основаніи такого обряда было такимъ же образомъ поступлено и съ тѣломъ Кира. Однако изъ свидѣтельствъ Геродота и Страбона можно вывести заключеніе, что такой способъ погребенія, когда *слой воска* считается достаточнымъ, чтобъ не нарушать и не осквернять святость земли, употреблялся при погребеніи царей и другихъ важныхъ лицъ. Но на это, такъ сказать, отступленіе или уловку и въ точномъ исполненіи священнаго закона Заратхустры, Маги или жрецы Персовъ смотрѣли не одобрительно, какъ это замѣтно со словъ Геродота, что всѣ Маги для себя придерживались обряда съѣденія и исполняли его публично, слѣдовательно, какъ будто, хвастались сохраненіемъ этого обряда. Вслѣдствіе такой публичности, Геродотъ и получилъ о немъ вполне точныя свѣдѣнія.

Опредѣливши такимъ образомъ на основаніи какого религіознаго закона совершенъ былъ погребальный обрядъ въ Дербентскихъ курганахъ съ *цѣльными* или съ *разчлененными костяками*, я только объяснилъ часть поставленнаго мною вопроса. Я старался доказать, что всѣ люди, здѣсь погребенные, принадлежатъ къ послѣдователямъ закона Заратхустры, но не коснулся еще вопроса: *къ какому народу принадлежали эти послѣдователи?*

Я сказалъ выше, что вѣра иранская или вѣра Заратхустры возникла между Иранцами во время ихъ пребыванія въ Бактріанѣ. Первымъ послѣдствіемъ проповѣди Заратхустры и введенія новой вѣры является фанатизмъ между принявшими новый законъ и желаніе распространить новую вѣру между всѣми остальными арійскими племенами. Отсюда начались распаденія между арійскими племенами и религіозная борьба между *Иранцами*, принявшими Заратхустрову вѣру и между другими арійскими племенами, оставшимися вѣрными прежней ихъ ведійской вѣрѣ. Эти послѣдніе не устояли въ религіозной борьбѣ, и должны были покинуть Бактріану и переселиться по ту сторону Инду-Куша, между тѣмъ какъ Иранцы, послѣдователи Заратхустры, сохранили за собою Бактріану, Согдіану и Моргіану и сверхъ того, подвинувшись въ юго-западу, заняли Мидію, Сузіану и Персію, а за 2400 л. до Р. Х. даже покорили себѣ Вавилонъ.

Занявши *Мидію* ¹⁾, Иранцы нашли большую часть страны занятою туранскимъ племенемъ, колыбель котораго находилась на востокѣ отъ Аральскаго моря. Самое

¹⁾ Lenormand. II, p. 8, 335. *Maspero*, p. 470.

название *Мидии*, составлено изъ туранскаго слова, означающаго *страну*. Это одно, по мнѣнію Ленормана, достаточно доказываетъ, что страна принадлежала всегда тюрко-финскому племени, хотя послѣ известной эпохи, преобладающій, аристократическій классъ въ ней состоялъ уже изъ арійскаго племени. По этой причинѣ два высшіе класса или сословія, жрецы и воины, по словамъ Страбона, говорили на языкѣ Персовъ, Бактрійцевъ и Сузіанцевъ. Это нарѣчіе въ Мидіи составляло языкъ высшаго, образованнаго сословія, какъ халдейско-туранское нарѣчіе въ Вавилонѣ. Но низшія сословія хлѣбопашцевъ, пастуховъ и ремесленниковъ сохраняли свое древнее нарѣчіе угро-финскаго происхожденія и этотъ языкъ былъ настоящимъ языкомъ всей страны, потому что на немъ говорила большая часть народонаселенія. Вѣроятно по причинѣ такого большинства не иранскаго элемента, а чуждаго ему племени, въ *первомъ же фаргардѣ* Вендидада (§ 60—66) упоминаются страны Рачха и Шаххра, лежащихъ въ Мидійской землѣ, какъ колыбели еретическихъ отступленій отъ закона Заратхустры, которыя объясняются враждебнымъ вліяніемъ злаго духа, Аграмайніуса, § 66—дурные, неимѣющихъ искупленія поступки: сожиганіе покойниковъ. Вообще въ *Мидіи* вѣра Заратхустры или Маздеизмъ сильно измѣнился въ столкновеніи съ чуждыми суевѣріями. Даже *Маги*, о которыхъ упоминаетъ Геродотъ, были жрецами туранскихъ племенъ въ Мидіи ¹⁾, преемственно сохраняющими свою должность. Эти Маги втерлись и къ приверженцамъ Маздеизма, завладѣли вѣрою побѣдителей и сдѣлались наконецъ однимъ изъ шести сословій Мидіи. До чего доходили въ Мидіи эти отступленія отъ кореннаго закона Заратхустры, видно по сожиганію покойниковъ, допущенному въ восточныхъ странахъ Мидіи, въ Рачхѣ и въ Шаххрѣ. Между тѣмъ въ Дербентскихъ могилахъ незамѣтно никакихъ такихъ отступленій, а скорѣе замѣтно точное и даже дословное исполненіе священныхъ законовъ Ахура-мазды. На этомъ основаніи эти могилы должны принадлежать къ тому *времени*, когда *Маздеизмъ существовалъ въ известной чистотѣ и безъ явной примѣси чуждыхъ элементовъ*. Такая эпоха скорѣе всего совпадаетъ съ вступленіемъ на престолъ *Кира* (559 до Р. Х.), который положилъ конецъ Мидійской имперіи. Какъ ни важно было такое событіе для Азіи, однако весь этотъ переворотъ не привелъ никакихъ чуждыхъ народностей. Какъ паденіе Мидійской имперіи, такъ и возникновеніе Персидской имперіи, совершились съ тѣми же народами, но отношеніе между ними стало иное. Астиагъ и его преемники царствовали надъ Мидійцами и Персами, теперь стали царствовать Киръ и его наследники надъ Персами и Мидійцами. Иранскій элементъ по прежнему получилъ теперь первенствующую роль.

Какъ прежняя Мидійская имперія, такъ и теперь Персидская—съ сѣвера граничили съ землею *Урррти* или *Арррти*, подъ именемъ которой понимали южный Кавказъ и Закавказье. Страбонъ, описывая границы Аріаны, указываетъ на сѣверѣ Каспійскія ворота, какъ на крайній предѣлъ, до котораго Аріана простиралась на сѣверѣ. Такая естественная граница не можетъ, впрочемъ, считаться непроходимой при поселеніи народовъ, потому что археологическія изслѣдованія 1880 года, доказали, что какъ на югѣ отъ Дербента, такъ и на сѣверѣ, встрѣчаются съ однимъ и тѣмъ же обрядомъ погребенія, съ *разчлененіемъ* или *Мадзеисскимъ обрядомъ*. Курганы на югѣ, изслѣдованные г. Цилосани оказались тождественны съ курганами, разрытыми А. А. Руссовымъ на сѣверѣ отъ Дербента.

¹⁾ *Maspero*, p. 471.

И тѣ и другія могилы принадлежали племенамъ мидійскимъ, такъ какъ Мидія ближе граничила съ Урарти, чѣмъ Персія. Одинаковое погребеніе во всѣхъ этихъ курганахъ ясно доказываетъ строгое исполненіе законовъ Заратхустры, и дѣйствительно, при Кирѣ и его преемникахъ Закавказье находилось въ тѣсной связи съ Персидскою имперіею. При Даріи ¹⁾ XXIII сатрапія занимала страну на югѣ отъ Дербента, отъ западнаго берега Каспійскаго моря и далѣе на западъ до озера Урумїи. По этимъ соображеніямъ можно предположить, что упоминаемыя могилы могутъ относиться къ VII или V столѣтію до X; но болѣе точныя указанія слѣдуетъ искать въ тѣхъ предметахъ, которые попадались въ этихъ могилахъ.

Еще однимъ доказательствомъ глубокой древности Дербентскихъ могилъ можетъ служить любопытное изслѣдованіе, сдѣланное въ Англіи въ концѣ прошлаго столѣтія.

Какъ извѣстно, англійскій король Эдуардъ I скончался въ 1307 году, въ Кумберландѣ, въ мѣстечкѣ Борг-опон-сандъ (Burgh upon Sands), на походѣ противъ Шотландцевъ. Съ его тѣломъ было поступлено такъ, какъ говорятъ Геродотъ и Страбонъ о древнихъ Персахъ; его также покрыли слоемъ воска, и этотъ слой былъ потомъ дважды возобновленъ при Эдуардѣ III и при Генрихѣ IX. Члены Археологическаго Общества, обратившись къ англійскому правительству за разрѣшеніемъ осмотрѣть тѣло Эдуарда I, нашли его, 2 мая 1774, въ отличной сохранности, какъ сказано въ составленномъ протоколѣ (the annual Register for the year 1774, pag. 117); слѣдовательно, тѣло, по прошествіи 467 лѣтъ, оказалось хорошо сохранившимся, и такое же состояніе продолжалось и до 1800 года, къ какому времени имѣется о немъ послѣднее свѣдѣніе. Такимъ образомъ, тѣло Эдуарда I не только сохранилось въ продолженіи 467 лѣтъ, но также и 493 года, не смотря на осмотры его ²⁾.

Почти такія же любопытныя свѣдѣнія можно почерпнуть изъ разсказа Страбона объ осмотрѣ Аристобуломъ гробницы Кира. Киръ, по народнымъ преданіямъ, умеръ въ 529 году ³⁾, и Страбонъ говоритъ, что Александръ Великій посѣтилъ его гробницу въ Пазаргадахъ около 331 года; слѣдовательно 198 лѣтъ, по смерти Кира, тѣло его было еще сохранено. Конечно такой срокъ кажется незначительнымъ въ сравненіи съ пятью столѣтіями сохранности тѣла Эдуарда I, но оно важно въ томъ отношеніи, что доказываетъ, что и древніе Персы хорошо умѣли сохранять покойниковъ въ воскѣ. Между тѣмъ въ Дербентскихъ могилахъ найдены одни костяки, не смотря на сухость грунта и на отсутствіе всякаго внѣшняго воздуха, которые способствовали бы къ сохранности, если промежутокъ времени не многимъ превысилъ извѣстные пять сотъ лѣтъ. Тутъ не только отъ времени уничтожался восковой слой, но даже всякія слѣды какъ отъ него, такъ и отъ самаго тѣла совершенно исчезли.

Возвращаясь теперь къ числу изслѣдованныхъ могилъ, надо сознаться, что оно недостаточно, въ особенности по количеству найденныхъ въ нихъ предметовъ, для полнаго изученія стили послѣднихъ и для болѣе точнаго опредѣленія эпохи и народности этихъ могилъ. Во всякомъ случаѣ, онѣ въ высшей степени любопытны, какъ основанная на вещественныхъ доказательствахъ связь между древнѣйшими обитателями этой страны и тѣми позднѣйшими жителями тѣхъ же мѣстностей, о которыхъ

¹⁾ Maspero, p. 532, 544.

²⁾ Histoire d'Hérodote. ed. Larchev. Paris 1802. Tome I, page 424, note 342.

³⁾ Maspero, p. 521.

восточные писатели сохранили намъ свѣдѣнія, достигающія до XII вѣка нашей эры. Я разумѣю *Кубачей*, свѣдѣнія коихъ подтверждаютъ мои предположенія объ изслѣдованныхъ могилахъ.

Кубачинское общество состоитъ изъ четырехъ ауловъ: *Кубачи*, *Амюза*, *Сулержанъ*, *Шарали* ¹⁾ и находится въ южномъ Дагестанѣ, въ Дербентскомъ уѣздѣ, въ Кайтаго Табасаранскомъ округѣ. Ауль *Кубачи* лежитъ на горѣ, у крутаго склона ущелья, въ которомъ течетъ рѣчка Сулевка. Селеніе Кубачи, говоритъ А. П. Берже, *славится своими оружейниками*. Впрочемъ, если ружья ихъ и имѣютъ большой сбытъ, то причиною тому не столько внутреннее достоинство, сколько внѣшняя ихъ отдѣлка, которая дѣйствительно превосходна. Кромѣ этого промысла аула Кубачи, Дорнъ упоминаетъ, что въ *Сулержанъ* готовятъ глиняную посуду; въ *Амюзъ*—холодное орудіе, подковы, замки; въ *Шарали*—суконныя и желѣзныя издѣлія.

Изъ статьи Г. Пѣтухова въ газетѣ *Кавказъ*, (1866. № 86, 87, перепечатана въ сборникѣ *Кавказъ* за 1866. Тифлисъ I. 1867), видно, что Кубачи, по мѣстнымъ условіямъ, не могутъ заниматься хлѣбопашествомъ и занимаются только промыслами и торговлею. Они отличаются отъ всѣхъ остальныхъ дагестанскихъ племенъ какъ по типу, характеру, такъ и по нравственнымъ качествамъ. Не только Кубачи не могутъ быть сравнены съ Кайтахами, но даже несомнѣнно принадлежать къ племени совершенно, чуждому другимъ дагестанскимъ племенамъ. Они имѣли свое особенное нарѣчіе, которое постепенно изглаживается наплывомъ кайтакскихъ словъ. Теперь извѣстно только изъ прошедшихъ временъ этого народа, что они имѣли свою особенную вѣру, которую храбро отстаивали, при нашествіи арабовъ—мусульманъ въ Дагестанъ и продолжали отстаивать до самаго XIV или XV вѣка, когда насильно должны были принять исламизмъ. Доказательствомъ такого сильнаго отпора противъ всякаго чужестраннаго вліянія можетъ служить и то, что въ Кубачахъ древнѣйшія арабскія надписи относятся къ тому же времени, къ 1397—1490 годамъ. Исповѣдуя исламизмъ, Кубачи и теперь отличаются отъ прочихъ мусульманъ тѣмъ, что у нихъ находятся мечети для женщинъ и школы для дѣвочекъ.

О своемъ происхожденіи, до пришествія арабовъ, Кубачи рассказываютъ, что они вызваны были изъ Рума, какъ опытные оружейники, какимъ то владѣтелемъ южной приморской части Дагестана и поселены были *близъ самаго Дербента*. Однажды потерялся *быкъ*, котораго потомъ нашли на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ ихъ ауль. Такъ какъ подобная *находка быка повторилась трижды*, то Кубачи поняли это, какъ указаніе, сдѣланное имъ съ небесъ и переселились на предназначенное мѣсто. Такая *легенда о быкѣ*, кажется мнѣ, въ высшей степени любопытною, какъ отголосокъ глубокой древности. Этотъ *быкъ* считающійся Кубачами небеснымъ предзнаменованіемъ, напоминаетъ о *первобытномъ быкѣ* ²⁾, созданномъ въ одно время съ первобытнымъ человекомъ по книгамъ Авесты, и о которомъ въ *Виспередъ* сказано: XXIV. 3. „*Мы начинаемъ хвалу и поклоненіе быку*“; тутъ подразумѣвается первобытный, божественный быкъ. Такъ какъ отъ этого быка, по ученію Заратхустры, произошли всѣ плоды зем-

¹⁾ Названія написаны такъ, какъ они написаны въ статьѣ А. П. Берже въ *Кавказскомъ Календарѣ* на 1857 годъ (стр. 376). Дорнъ (*Bulletin*. XVIII, p. 324) пишетъ ихъ иначе: Сулей-кала или Сурали, Амюзгей или Амюскала и Шири или Шаала.

²⁾ Spiegel. I. c. III, p. LV., II, p. 31.—*Rhode*. Die heilige Sage, p. 383.

ныя, то появленіе его не могло не считаться хорошимъ предзнаменованіемъ. Слѣдовательно, Кубачи придерживались маздеисма, какъ можно заключить изъ этого преданія.

Въ самомъ аулѣ Кубачахъ находится двурусное каменное строеніе, внутреннія и внѣшнія стѣны котораго покрыты обронными изображеніями людей, всадниковъ, хищныхъ звѣрей, птицъ, драконовъ, змѣй и пр. Всѣ эти изображенія, по рисункамъ Дорна, *чисто персидскаго стиля*, такъ, что они сдѣланы были несомнѣнно до пришествія арабовъ-мусульманъ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ Персіи.

Наконецъ свѣдѣнія о бытѣ Кубачей, въ особенности важныя для подтвержденія всего сказаннаго объ обрядѣ погребенія найденнаго въ дербентскихъ курганахъ, встрѣчаются у арабскихъ писателей.

Изъ писателей XII вѣка, Абу-хамидъ-эл-андалузи (+ 565=1169) пишетъ въ своемъ сочиненіи: „*Подарокъ для сердецъ и выборъ чудесныхъ предметовъ*“ слѣдующее:

„Въ близи Дербента находится высокая гора, у подошвы которой лежатъ два мѣстечка. Тутъ обитаетъ народъ Сираих-каранъ т.е: дѣлатели кольчугъ. Тутъ изготовляется всякое военное оружіе, кольчуги, латы, шишаки, мечи, копья, луки, ножи, кинжалы и мѣдная посуда разнаго рода. Ихъ жены, сыновья, дочери, слуги и служанки всѣ вмѣстѣ изготовляютъ эти издѣлія. Они не имѣютъ обработанныхъ полей и садовъ. Однако эти люди пользуются благосостояніемъ и обладаютъ имуществомъ въ изобиліи, потому что къ нимъ сходятся со всѣхъ странъ торговцы съ хорошими товарами. Они не имѣютъ никакой *впры* и не платятъ податей. Если у нихъ умираетъ мушнина, то они передаютъ его въ подземные дома, мушчинамъ, которые разчленяютъ (отрѣзаютъ всѣ члены) у покойника, очищаютъ кости отъ мяса, все мясо откладываютъ въ сторону и даютъ его воронамъ на сѣденіе. Они стоятъ по близости съ луками, чтобы помѣшать другимъ птицамъ ѣсть это мясо. Когда же умираетъ женщина, тогда передаютъ трупъ ея въ подземелье другимъ мушчинамъ, которые очищаютъ кости, а мясо выбрасываютъ коршунамъ, причеиъ сами стоятъ съ ножами, чтобы помѣшать другимъ птицамъ приблизиться къ мясу“. Далѣе послѣ разсказа о чудесномъ избавленіи Кубачей при нашествіи арабовъ, Андалузи объясняетъ это спасеніе колдовствомъ и продолжаетъ: „Все это было только тщеславное колдовство со стороны мушнинъ, которые выдергиваютъ кости изъ покойниковъ и хранятъ ихъ въ домахъ. Они кладутъ ихъ также въ мѣшки, для богатыхъ и сильныхъ людей. Ихъ мѣшки сдѣланы изъ золотой парчи или изъ греческой шелковой ткани; а для слугъ и служанокъ—изъ небѣленной ткани. Они вѣшаютъ ихъ въ домахъ и пишутъ на каждомъ мѣшкѣ имя того, отъ котораго происходятъ кости“.

Весь этотъ разсказъ о мѣшкахъ вѣрно отражаетъ народность писателя. Геродотъ (I, 140) говоритъ скромно, что такъ какъ похоронные обряды скрываются, то нельзя объ нихъ сказать ничего достовѣрнаго. Между тѣмъ восточный писатель, по поводу тѣхъ же скрываеиыхъ обрядовъ даетъ полный просторъ своему воображенію и сочиняетъ разсказъ о мѣшкахъ, хотя самъ прежде замѣтилъ, что, при нападеніи на аулъ Кубачи, жители его обитали подъ землею, въ какихъ-то невидимыхъ жилищахъ. Слѣдовательно, Андалузи въ эти дома не входилъ и не видалъ мѣшковъ, о которыхъ повѣствуетъ.

Гораздо болѣе древнія свѣдѣнія собраны у Френа ¹⁾. Въ VI вѣкѣ по Р. X. упо-

¹⁾ Bulletin scientif. IV, p. 34.— Любопытно, что Френъ (pag. 36) догадался о существованіи у нихъ Парсиана.

минается о Сирхгеранахъ или Кубачахъ въ царствованіи Сассанида Ануширвана, когда онъ заперъ проходъ Дербентскою стѣною. Но изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, для моей цѣли, въ особенности важны сказанія *Масуди*, половины X вѣка, и *Стеерія Казвини*, XIII вѣка. Оба писателя распространяются объ обрядъ погребенія Кубачей, и содержатъ подробности еще болѣе точныя, чѣмъ у Андалузи. Въ обѣихъ деревняхъ, въ которыхъ обитаютъ Кубачи или Сирхгераны, они имѣли, для каждаго пола, особое обширное подземное помѣщеніе (вата?), въ которыхъ они разрѣзали трупы, отдѣляли мясо отъ костей и кости клали потомъ въ мѣшокъ, на которомъ надписывались имя умершаго, годъ рожденія и годъ его смерти. Между тѣмъ мясо и внутренности они относили на двѣ возвышенности, отдѣльныя для каждаго пола, и лежащія внѣ аула, и тамъ предоставляли ихъ на съѣденіе воронамъ и коршунамъ.

Въ заключеніе надо замѣтить, что происхожденіе Кубачинскаго общества совершенно загадочно. Судя по ихъ этнографическимъ особенностямъ, нѣкоторые писатели считали ихъ Генуэзцами, Греками, Евреями, потомками Алановъ, или даже Германцами, но ни въ какомъ случаѣ не племенемъ Лезгинскимъ ¹⁾.

Возвращаясь къ описанію обряда погребенія, можно замѣтить, что мѣшки, о которыхъ упоминаютъ Масуди, Андалузи и Казвини, если они не присочинены воображеніемъ этихъ писателей, должны быть отнесены къ числу отступленій отъ первоначальнаго погребальнаго обряда по закону Заратхустры. Такія отступленія не только могли встрѣчаться въ X, XI и XII вѣкахъ послѣ Р. Х., но и въ гораздо болѣе древнюю эпоху. Я даже думаю, что обзоръ такихъ отступленій отъ первоначальнаго закона Заратхустры или такихъ измѣненій, не сходственныхъ съ предписаніями Авесты, можетъ отчасти послужить указаніемъ эпохи Дербентскихъ кургановъ.

Лэйардъ ²⁾ говоритъ, что въ земляномъ слѣбѣ, надъ поверхностію развалинъ Нимруда, онъ нашелъ могилы, которымъ не можетъ приписать никакой положительной эпохи. Эти могилы доказываютъ только, что развалины ассирійскаго города совершенно прикрыты были земляными холмами, и что внутреннее содержаніе этихъ холмовъ совершенно было неизвѣстно тѣмъ людямъ, которые тутъ устраивали могилы. За тѣмъ онъ добавляетъ, что эти могилы навѣрно не принадлежали христіанамъ и навѣрно также не принадлежатъ послѣдователямъ ученія Маговъ, какъ оно преподавалось при Сассанидскихъ царяхъ. Обрядъ погребенія не согласенъ также съ египетскимъ обрядомъ, но ближе всего напоминаетъ обрядъ древнихъ персовъ. О гробницѣ Кира, мы видѣли выше, что она представляла уже отступленіе отъ точныхъ предписаній Авесты. Гробница же Дарія (521—485), судя по описаніямъ, еще болѣе удалялась отъ первоначальнаго обряда. Теофрастъ упоминаетъ о саркофагѣ изъ алебастра, въ которомъ положено было тѣло царя. По словамъ Эліана, когда Ксерксъ (485—465) открылъ гробницу Белоса, то увидѣлъ, что тѣло его находилось въ саркофагѣ, почти до верху наполненномъ масломъ,

Вообще всѣ эти отступленія отъ предписаній Авесты, являются въ такую эпоху, когда эти предписанія не исполнялись во всемъ Иранѣ. Чѣмъ болѣе удалялись отъ временъ Заратхустры, тѣмъ болѣе отступленія становились характерны. Дарій погре-

¹⁾ О селеніи Кубачи и населяющихъ ихъ Кубачинцахъ приведены, въ последнее время, свѣдѣнія г. Анучинимъ, въ его отчетѣ о поѣздкахъ въ Дагеставъ, въ «Извѣстіяхъ Географич. Общества» т. XX. 1884. *Примѣчаніе редакціи.*

²⁾ A. H. Layard, Niniveh und seine Ueberreste. deutsch v. Meissner. Leipzig. 1850, pag. 203, 304.

баются въ саркофагѣ, между тѣмъ какъ въ способѣ погребенія Кира, повидимому, еще были исполнены предписанія Авесты. Такимъ же образомъ, въ болѣе новѣйшія времена, по рассказамъ восточныхъ писателей, Кубачи, хотя и послѣдователи маздеизма, но измѣнили древній обрядъ по своему. Изъ этого можно, по моему мнѣнію, заключить, что наши дербентскія могилы, сохранившія древній обрядъ въ первоначальной его чистотѣ, гораздо древнѣе эпохи, когда начаты были измѣненія въ обрядѣ. На основаніи такихъ соображеній, можно будетъ отнести эти могилы къ временамъ до Кира или къ началу его царствованія; можетъ быть къ той эпохѣ, когда Мидійцы, въ VII вѣкѣ до Р. Х., подчинили себѣ Урарти и всѣ смежныя съ этою областью страны Кавказа ¹⁾. Найденныя въ Дербентскихъ курганахъ предметы не противорѣчатъ такому заключенію.

¹⁾ Масперо. 1. с., р. 478.

О каменных бабахъ.

А. И. Кельсиева.

Въ истекшемъ августѣ сего 1881 года я былъ занятъ порученіемъ отъ Императорскаго россійскаго Историческаго Музея собрать для музея въ южной Россіи коллекцію наиболѣе типичныхъ и лучше сохранившихся изваяній, извѣстныхъ подъ именемъ каменныхъ бабъ. Мнѣ удалось разыскать, приобрести и выслать въ Москву 33 бабы изъ губерніи Екатеринославской и Кубанской области. Эти предметы еще прежде, въ Москвѣ, возбуждали во мнѣ высокой интересъ, который при личномъ осмотрѣ получилъ только частію удовлетвореніе. Я посѣтилъ многіе, но не всѣ, наиболе известныя пункты мѣстонахожденія каменныхъ бабъ; считаю для себя затруднительнымъ приступить къ обработкѣ собраннаго матеріала и сдѣлать выводы, прежде нежели обстоятельства позволятъ мнѣ пополнить второю специальною поѣздкою крупныя пробѣлы моихъ свѣдѣній. Въ настоящемъ собраніи, мм. гг., я постараюсь удовлетворить первому любопытству и вкратцѣ передать, гдѣ я былъ и что видѣлъ.

Чтобы судить о томъ, какія бабы заслуживаютъ или не заслуживаютъ пріобрѣтенія, надо было предварительно пересмотрѣть ихъ достаточное количество, и я, руководствуясь имѣвшимися въ наукѣ свѣдѣніями, главнымъ образомъ запискою Пискарева (Зап. Имп. Арх. общ. 1851), былъ въ г. Харьковѣ и его окрестностяхъ, въ г. Екатеринославѣ, въ г. Бахмутѣ и бахмутскомъ уѣздѣ въ гг. Новочеркасскѣ и Пятигорскѣ. Весьма замѣчательныя статуи въ Харьковѣ составляютъ собственность Университета. Кромѣ статуй въ Новочеркасскѣ и Пятигорскѣ, уступленныхъ музею, благодаря содѣйствію администраціи, самыя важныя находки и пріобрѣтенія мнѣ удалось сдѣлать въ разныхъ селеніяхъ Бахмутскаго уѣзда, особенно въ усадьбѣ Ступки, принадлежащей И. П. Голубу.

Изъ всѣхъ скульптурныхъ памятниковъ, оставленныхъ древностью, каменные бабы представляютъ ту странность, что онѣ не сопровождаются никакими остатками сооружений или иныхъ предметовъ быта. Наравнѣ со степными курганами онѣ происходятъ отъ весьма темнаго историческаго періода, до татарскаго. Ихъ приписываютъ и гуннамъ и готамъ и половцамъ и ногайцамъ. Вопросъ продолжаетъ быть нерѣшеннымъ. Остается, помимо кабинетныхъ способовъ, подойти къ нему съ другой стороны: тща-

тельно изучить внешность истукановъ, типы ихъ лицъ, мельчайшія подробности ихъ костюма и украшеній. Такой путь будетъ все таки шагомъ впередъ въ наукѣ; нельзя сомнѣваться, что со временемъ, на ряду съ успѣхами курганной археологіи, онъ приведетъ къ нѣкоторымъ положительнымъ выводамъ.

Я совершалъ поѣздку вмѣстѣ съ искуснымъ и старательнымъ молодымъ художникомъ г. Гарденинымъ. Мы оба заносили въ альбомъ очертанія и детали каждой встреченной фигуры. Рисунковъ накопилось нѣсколько сотенъ. Эти рисунки вмѣстѣ съ планами мѣстонахожденій я и считалъ главнымъ результатомъ своего путешествія. Разработки, пополненія и критика собранныхъ данныхъ есть вопросъ времени.

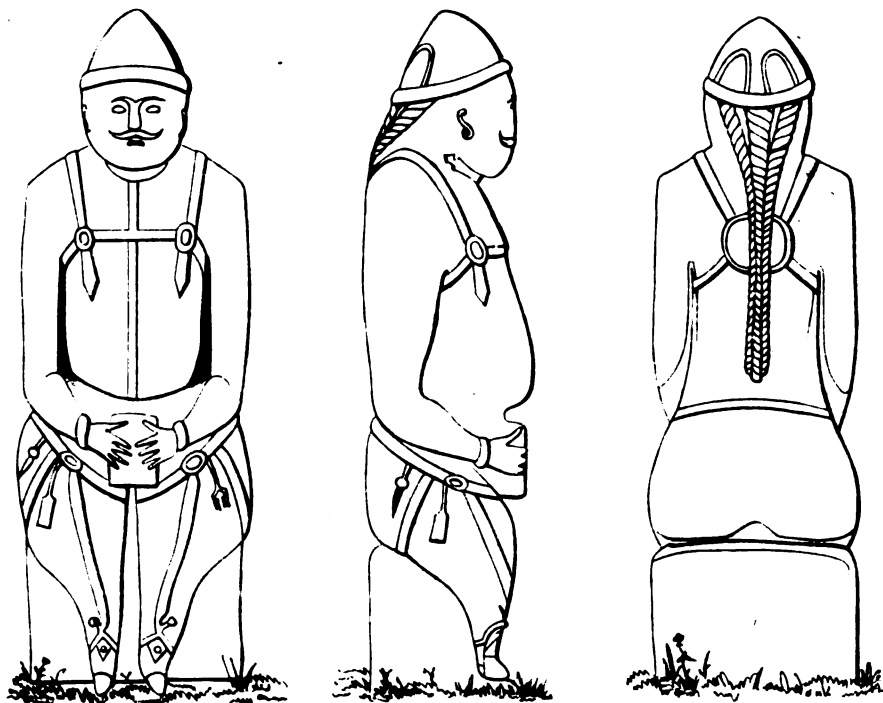
Каменные бабы въ городахъ, занесенныя въ списки прежнихъ изслѣдователей, стоятъ въ сохранности; не то пришлось мнѣ видѣть въ селеніяхъ. Въ Бахмутскомъ уѣздѣ, гдѣ я посѣтилъ и тщательно осмотрѣлъ до 25 селеній, я нашелъ эти любопытные памятники въ очень печальномъ состояніи. Крестьяне обращаются съ изваяніями какъ съ простыми тумбами, точатъ о нихъ заступы и косы, сглаживаютъ ихъ внешнія очертанія, спибаютъ имъ головы, разбиваютъ ихъ на куски и даже въ щебень для хозяйственныхъ надобностей. Отъ шалости фигуры измазываются дегтемъ или разными красками, выбираются мишенью для метанья камней и т. п. Я видѣлъ бабъ, заложанныхъ въ фундаменты домовъ и мельницъ, вдѣланныхъ при входѣ вмѣсто порога, замазанныхъ въ стѣны хлѣбовъ, брошенныхъ въ топкія мѣста для перехода черезъ грязь, врытыхъ, по прихоти крестьянъ, въ землю вверхъ ногами. При такихъ условіяхъ, часто по ничтожнымъ обезображеннымъ фрагментамъ приходилось изучать подробности формъ и костюмовъ. Нѣкоторыя бабы пользуются особыми симпатіями своихъ владѣльцевъ, и тѣ, при случаяхъ, перевозятъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Бабы, первоначально поставленныя на курганахъ, гдѣ видъ ихъ представлялъ наибольшій эффектъ, теперь всѣ свезены въ селенія, и разыскваніе ихъ сопряжено съ большими хлопотами. Въ общей сложности бабъ сохранилось до нашего времени во всякомъ случаѣ свыше тысячи, можетъ быть, немного больше.

Мнѣ пришлось встрѣтить не мало примѣчательныхъ фигуръ съ исключительными особенностями. Не остановлюсь на нихъ, а ограничусь только очеркомъ типа каменныхъ бабъ, наиболѣе распространеннаго въ осмотрѣнныхъ мною мѣстностяхъ.

Эти истуканы суть несомнѣнно изображенія умершихъ людей, а не божествъ или существъ мистическихъ. Не извѣстно ни одной бабы со сверхъестественными формами тѣла или членовъ. Въ память умершихъ людей онѣ высѣкались, на ихъ могилахъ, вѣроятно, и ставились. Самое слово *баба* надо понимать не въ русскомъ значеніи, а какъ непосредственное заимствованіе изъ языка какого-то исчезнувшаго кочеваго монгольскаго племени: *Баба*, какъ извѣстно, на многихъ монгольскихъ нарѣчіяхъ значитъ *отецъ*, предокъ. Каменные бабы въ значительномъ большинствѣ имѣютъ (не считая предназначеннаго для врытія придатка, вполнину или треть видимой фигуры), высоту соответствующую росту человѣка, и въ равномъ числѣ изображаютъ и мужчинъ, и женщинъ. Мѣстные скульпторы высѣкали фигуры изъ мѣстнаго матеріала съ тѣми подробностями головныхъ уборовъ, одежды и украшеній, которыя передъ собою видѣли.

Каменные бабы поражаютъ своимъ оригинальнымъ архаически уродливымъ стилемъ, удивительно искаженнымъ вкусомъ всѣхъ многочисленныхъ скульпторовъ того времени, стремившихся изображать, при нормальной высотѣ, верхнюю половину человеческой фигуры значительно крупнѣе натуры и соответственно варварски сокращать

размѣры нижней половины. Физиономіи бабъ очерчивались слабо и наиболѣе пострадали, но вездѣ очевидны приплюснутые лобъ и затылокъ, лицо монголовидное, плоское, круглое, съ широкими скулами и щеками, большимъ подбородкомъ, малыми глазами и ртомъ, и придавленнымъ носомъ. Фигура всегда вся строго симметричная, угловатая, съ невыработанной мускулатурой, грудь и животъ отвисшіе, спина плоская. Руки прижаты локтями къ бокамъ, кистями придерживаютъ у нижней части живота небольшой сосудъ, въ родѣ стакана. Ноги выдѣланы на передней части столба, поддерживающаго фигуру; онѣ постоянно вдвое — втрое короче нормальной длины, вверху толсты и оканчиваются миниатюрными ступнями. По слегка согнутому положенію ногъ, ихъ малости и неспособности поддерживать массивное туловище, увеличенное въ ущербъ ихъ, фигуры обыкновенно кажутся сидящими.

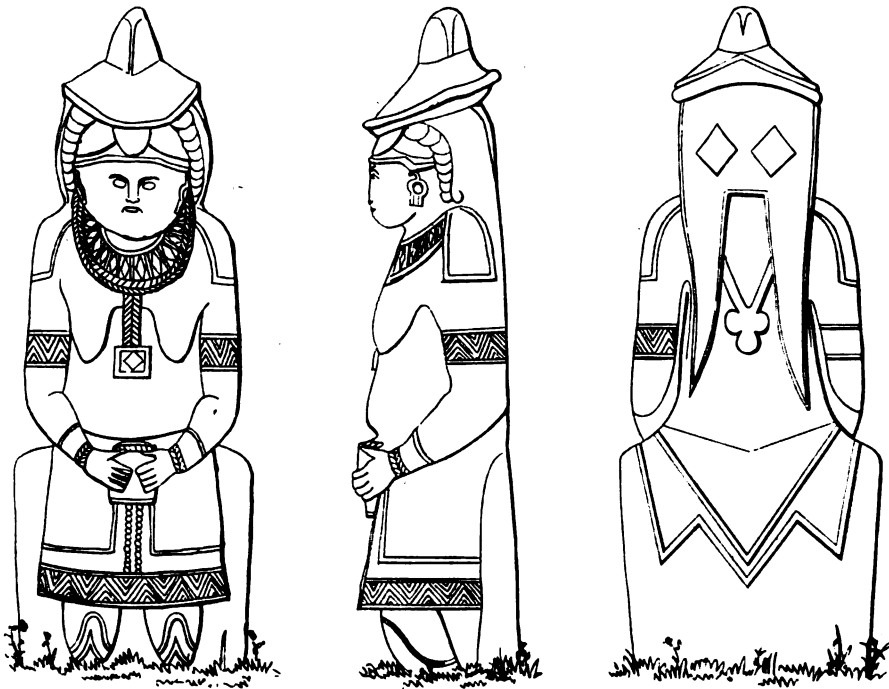

Главное различіе мужскихъ и женскихъ фигуръ составляетъ головное покрытие: у мужчинъ—небольшой колпачекъ съ выпушкой, у женщины высокая суживающаяся (обыкновенно со сшибинной верхушкой) шляпа, вродѣ нынѣшней киргизской, съ широкими полями, опущенными надъ лбомъ и приподнятыми надъ затылкомъ. Иногда женская шляпа какъ бы сшита изъ четырехъ треугольниковъ, иногда напоминаетъ форму колокольчикъ.

Мужчины имѣютъ нерѣдко тонкіе горизонтально-расположенные усы, никогда бороды или бакенбарды; въ ухахъ иногда по серьгѣ. Волосы сзади изъ подъ шапочки спускаются тремя длинными доходящими до пояса жгутами. На тѣлѣ кафтанъ или чаще куртка съ узкими рукавами и выпушками по борту, фалдамъ и обшлагамъ. Грудь подъ мышку перехвачена ремнемъ, который на спинѣ между лопатками скрещивается и скрѣпляется большой бляхою; концы его перекинута черезъ плечи на передъ и на грудяхъ закрѣплены двумя бляхами. Къ поясу прицѣплены на рѣмеш-

кахъ ножикъ, гребешокъ, мѣшечекъ (или огниво). Ноги, вѣроятно въ узкихъ штанахъ, имѣютъ на себѣ не рѣдко ременныя переплетенія, перехваченныя кольцами ¹⁾, и внизу крючки, поддерживающіе спереди голенища невысокихъ сапожковъ.

Женскій головной уборъ сложнѣе и не такъ ясенъ. Голова подъ шляпой имѣетъ плотную повязку, поверхъ которой съ боковъ за висками и ушами уложены на манеръ бараньихъ роговъ толстыя жгуты, вѣроятно волосъ, приподнятыя въ верхнихъ изгибахъ весьма высоко. Сзади изъ подъ шляпы спускается полотенецъ или платокъ съ двумя заостренными лопастями и прикрѣпляется къ затылку двумя ромбическими или круглыми бляхами (шпильками?). Въ ушахъ серьги въ видѣ кольца съ подвѣсками. На шеѣ широкое ожерелье изъ обручей, бусъ и переплетеній. Оно дополнено иногда зубчатыми придатками, которые нерѣдко принимаютъ видъ зубчатаго ворот-

ника, на манеръ воротника, характеризующаго старинныхъ западныхъ шутовъ. Изъ подъ ожерелья свѣшивается на грудь какой-то четырехугольный предметъ ²⁾. Поко- лѣнный узорукавный кафтанъ, изъ подъ котораго обрисовываются отвисшія груди, украшено на плечевинахъ, обшлагахъ и по подолу узорчатыми нашивками. На но- гахъ сапоги съ голенищами, какъ и у мужчинъ удлиненными спереди къ верху. Сзади какъ бы пришилленныя къ поясу куски тканей.

Каменные бабы, вѣроятно болѣе ранняго происхожденія, имѣютъ иногда видъ просто столбовъ съ головою и съ нѣкоторыми болѣе или менѣе ясно намѣченными спереди деталями. Но и тутъ по головному убранству всегда можно ясно различить полъ статуи.

¹⁾ Круглыя отливныя кольца дюйма $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ встрѣчаются на бедрахъ оставовъ въ курганахъ средней Россіи. Назначеніе ихъ до сихъ поръ необъяснено.

²⁾ Можетъ быть, коробочка съ монетами, о которой говорятъ Ибизъ-вадлонъ.

Сказаннымъ ограничусь. Мнѣ осталось еще внимательно осмотрѣть всѣ прибрежья Азовскаго моря и Чернаго въ окрестностяхъ Одессы, также собрать свѣдѣнія изъ Юговосточной Россіи. Изъ доклада г. Фелицына и по свѣдѣніямъ изъ Сибири извѣстно, что отъ Кубанской области къ востоку идутъ бабы уже другаго типа, отличающагося главнѣйше руками, сложенными не симметрично; правая держитъ у груди сосудъ, а лѣвая у живота мечъ или кинжалъ.

Мною составлена уже циркулярная инструкція для собиранія свѣдѣній о каменныхъ бабахъ, которая по отпечатаніи и будетъ распространена въ южныхъ губерніяхъ отъ имени Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Археологическія изслѣдованія въ Иркутской губерніи въ 1881 году).

Н. Н. Агапитова.

За немногими исключеніями, о которыхъ будетъ ниже упомянуто, Иркутская губернія по какимъ-то причинамъ считалась бѣдною памятниками древности. Обыкновенно мысль археолога обращалась къ тѣмъ частямъ Сибири, которыя соприкасаются съ величественной горной массой Алтая или прилегаютъ къ берегамъ верхняго Енисея и его притоковъ въ Минусинскомъ округѣ. Въ этихъ благословенныхъ мѣстностяхъ жизнь издавна была живымъ ключемъ и тысячи памятниковъ оставлены прежними обитателями этихъ странъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: въ видѣ городищъ, могилъ, кургановъ, каменныхъ бабъ, изваяній изъ камня, изображеній и надписей на утесахъ. Списокъ лицъ, интересовавшихся древними памятниками достаточно длиненъ, мы ограничимся упоминаніемъ Палласа, Страленберга, Спасскаго, князя Кострова, Н. И. Попова, Титова. Число лицъ, занимавшихся археологіей Восточной Сибири къ востоку отъ Енисея, гораздо ограниченнѣе и самыя изслѣдованія далеки отъ законченности и полноты (отчасти достигнутой, напр., для Минусинскаго округа, который обладаетъ и мѣстнымъ музеемъ, гдѣ собрано не малое число предметовъ по археологіи), чтобы по нимъ приблизительно можно было составить представленіе о богатствѣ и разнообразіи остатковъ старины и затѣмъ уже хотя отрывочными, неполными штрихами возсоздать картину той жизни, о которой ничего не говорится ни въ историческихъ сочиненіяхъ съ одной стороны, ни въ народныхъ преданіяхъ и лѣтописяхъ съ другой.

Забайкальская область, обладаетъ однако, многочисленными древними могилами (съ каменными плитами въ видѣ маяковъ), надписями на скалахъ, но Иркутской губерніи особенно несчастливилось въ этомъ отношеніи, точно будто этотъ край изъ вѣка въ вѣкъ былъ безслѣдной пустыней до прихода бурятъ, а за ними и русскихъ. Только остатки каменнаго вѣка были найдены въ губерніи — сперва г. Ровинскимъ и г. Черскимъ по р. Иркуту около с. Тункинскаго, а потомъ въ самомъ Иркутскѣ г. Черскимъ и наконецъ въ минувшемъ 1880 году г. Вятковскимъ при устьѣ р. Китою.

*) Изслѣдованія произведены на средства Вост.-Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Иркутская губернія въ археологическомъ смыслѣ была непочатымъ краемъ, terra incognita.

Нынѣшнимъ лѣтомъ (въ концѣ іюня) мнѣ удалось открыть и до нѣкоторой степени изслѣдовать значительное количество древностей. Относительно полноты, изслѣдованія мои оставляютъ желать еще многого, но на томъ, что сдѣлано, остановиться я не думалъ и вернулся въ Иркутскъ съ цѣлью пригласить съ собой фотографа или художника и запастись особыми распоряженіями г. Губернатора къ Ольхонской степной Думѣ, въ вѣдѣніи которой, находится мѣстность, гдѣ найдены самыя важныя древности и гдѣ, слѣдовательно, предстоятъ наиболѣе тщательныя работы.

Открытыя древности всѣ находятся въ Иркутскомъ и Верхоленскомъ округахъ. Въ Иркутскомъ округѣ—въ бассейнѣ р. Куды, и въ Верхоленскомъ—на берегу Байкала какъ по Малому морю, такъ и южнѣе, а также въ окрестностяхъ Ольхонской Думы и на островѣ Ольхонѣ.

По ихъ характеру древности могутъ быть классифицированы слѣдующимъ образомъ:

1. *Городища*. Бурятами городища называется *китайскими дворами*; въ нихъ будто бы китайцы загоняли скоть. Обыкновенно городища располагаются на горахъ, отдѣльно стоящихъ или составляющихъ одно изъ звѣнцевъ горной гряды. Городища представляютъ вершину возвышенной, господствующей надъ окрестностью горы, причемъ вершина ограничивается валами и рвами (передъ каждымъ валомъ); валовъ концентрически расположенныхъ всегда нѣсколько, не меньше трехъ; при этомъ, если гора имѣетъ крутое паденіе къ рѣкѣ, то со стороны, обращенной къ рѣкѣ — ни валовъ, ни рововъ не встрѣчается; въ томъ же случаѣ, когда не представляется такой естественной защиты, то пространство замыкается валами и рвами со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Подобныхъ городищъ осмотрѣно и вымѣрено 9, да не менѣе четырехъ, о которыхъ имѣлись свѣдѣнія, остались не посѣщенными. Всѣ эти городища наблюдались лишь въ предѣлахъ Иркутскаго округа въ бассейнѣ р. Куды. Валы сверху покрыты дерномъ и не толстымъ слоемъ растительной почвы и поросли деревьями, представляющими правильные ряды, обусловленные чередованіемъ валовъ и рововъ; внутри валы сложены изъ щебня и гальки, которые несомнѣнно взяты тутъ же на мѣстѣ изъ рва или со склона горы. Наблюденіе 9-ти городищъ показало, что *размѣръ и форма городищъ безусловно определяются величиною (площадью) и очертаніемъ вершины горы, гдѣ располагается городище*.

Всего вѣроятнѣе, что городища, находимыя и въ другихъ мѣстахъ Сибири (Минусинскій округъ) и въ Россіи, въ Германіи (Burgwaelle) и сѣв. Америкѣ (гдѣ допускается даже существованіе особаго народа, называемаго „строителями валовъ“),— были древнія укрѣпленія. Между прочимъ, мѣстные жители въ окрестныхъ пашняхъ находили желѣзныя стрѣлы 3-хъ гранной формы, какихъ нынѣ не употребляютъ и не имѣютъ буряты. Какъ видно изъ послѣдующаго, мнѣ удалось открыть и самихъ строителей валовъ—это было то племя, которое буряты нынѣ называютъ хара-монголы (черные монголы); объ нихъ упомянуто далѣе.

2. *Китайскія гряды или монгольскія пашни* представляютъ невысокія грядообразныя возвышенія, параллельныя одно другому при высотѣ не болѣе $\frac{1}{2}$ или 1 фута и ширинѣ въ 2—3 сажени, длиною же сажень въ 10; ихъ замѣчается 4, 5 или болѣе,

такъ какъ нѣкоторыя незамѣтно сливаются съ поверхностью почвы; наблюдалъ я ихъ только въ 2-хъ пунктахъ, но, по словамъ бурятъ, онѣ встрѣчаются повсюду. По мѣстнымъ преданіямъ китайцы сѣяли здѣсь буду (родъ проса (?). Буряты, вмѣсто того, чтобъ пользоваться такими пашнями, уже расчищенными, тщательно ихъ избѣгаютъ; если случайно какъ-нибудь задѣнуть сохой уголокъ такой монгольской пашни, то бывають сильно встревожены и тотчасъ же стараются умиловительной жертвой хара-монголу исправить свою ошибку—и дѣлаеть поэтому кирикъ (рѣжутъ барана, мясо котораго послѣ произнесенія молитвъ и брызганья тарасуна, сѣдають, а кости завертываютъ въ солону и, привязавъ къ березѣ, втыкають на мѣстѣ жертвоприношенія).

3. *Китайскія ступки (чаши Чингизъ-хана)* являются въ видѣ различной формы углубленій, произведенныхъ какимъ-то сверлящимъ орудіемъ рукою человѣка въ камняхъ, обнажающихся въ утесахъ или на вершинахъ горъ и высокихъ мысахъ Ольхона. Форма ступокъ или чашъ коническая, цилиндрическая, полушаровидная. Глубина наибольшей ступки— $15\frac{1}{2}$ дюймовъ, діаметръ устья той же ступки—9 дюймовъ. Углубленія въ камняхъ, назыв. китайскими ступками („въ нихъ китайцы будто бы толкли буду, которую сѣяли на своихъ пашняхъ“, такъ гласить бурятское преданіе) можно принять за надгробныя урны, куда клали жидкую пищу; но они же могли служить и для приготовленія пищи. Такія-же углубленія въ камняхъ встрѣчаются и въ другихъ странахъ на сѣверѣ и въ центрѣ Европы (Швеція и Швейцарія), а въ Сиріи и теперь часто варятъ кофе въ углубленіяхъ камня (Revue d'anthropologie, 1881, p. 320).

4. *Каменные стѣны—монгольскія стѣны.* Свѣдѣнія объ этихъ стѣнахъ впервые доставилъ г. Черскій въ концѣ отчета о своей полонической экскурсіи на Байкалѣ, указавъ только, что въ такихъ-то пунктахъ Ольхона и сосѣдняго материка замѣчаются каменные стѣны безъ всякаго ихъ описанія.

Мнѣ удалось осмотрѣть 4 стѣны: двѣ на Ольхонѣ — на Шибетскомъ и Харгойскомъ мысахъ и двѣ на материкѣ около Ольхонскихъ воротъ, въ верстѣ отъ базара. Каждая изъ Ольхонскихъ стѣнъ отграничивала собою вдающуюся въ озеро часть мыса и направлялась поперекъ мыса отъ одного берега къ другому, заканчиваясь тамъ, гдѣ начинался крутой обрывъ къ озеру. Размѣръ въ длину поэтому зависѣлъ прямо отъ ширины мыса и въ одномъ случаѣ былъ—83 саж. (на Харгоѣ), въ другомъ 70 саж. (на Шибетѣ) и до 60 саж. имѣли объ параллельныя одна другой стѣны на материкѣ. Высота стѣны тамъ, гдѣ она еще уцѣлѣла отъ разрушенія, достигала въ высшемъ пунктѣ на Харгоѣ до 3 метровъ, но большая часть стѣны уже развалилась. Такія стѣны сложены изъ гнейсовыхъ или гранито гнейсовыхъ плитъ безъ всякаго цемента, просто положенныхъ другъ на друга; каждая плита длиною до 1 арш. и ширины отъ $\frac{1}{2}$ до 1 фута; длина плитъ даетъ ширину (толщину) стѣны, такъ какъ плиты положены перпендикулярно направленію стѣны. Самое направленіе стѣнъ не прямое, но стѣна два или три раза изгибается дугообразно, обращаясь вогнутостью то къ сторонѣ острова, то къ озеру; передъ стѣною устроенъ по всей его длинѣ ровъ и кромѣ того спереди и сзади стѣны прилегають къ ней небольшія, въ діаметрѣ 2—3 сажени, четырехъугольныя или полукруглыя, ограниченныя камнями пространства, которыя можно принять за остатки передовыхъ укрѣпленій и бастіоновъ. Направленіе стѣнъ также, вѣроятно, обусловлено положеніемъ и направленіемъ мыса—на Харгоѣ направленіе стѣны съ С. на Ю., а на Шибетѣ съ СЗ, на ЮВ.

Гораздо важнѣе и интереснѣе:

5. *Мошлы монголовъ* или какъ ихъ называютъ *Хара-монголовъ*. Преданіе бурятское говоритъ, что эти хара-монголы были за какой-то проступокъ прокляты Далай-Ламой (сами Ольхонскіе буряты-шаманисты) и осуждены лежать въ могилахъ сколько-то сотенъ лѣтъ; теперь эти вѣка истекають, и хара-монголы встають и уходятъ.

Могила находится во многихъ мѣстахъ, по слухамъ почти у cadaго улуса, на каждой горѣ, на Ольхонѣ и на материкѣ, но для изслѣдователя онѣ не легко доступны, такъ какъ старательно скрываются. По устройству онѣ принадлежать къ нѣсколькимъ типамъ, а по эпохѣ всѣ (или большинство) относятся къ желѣзному вѣку.

Мошлы перваго типа обложены камнями, образующими правильнѣйшій кругъ, въ диаметрѣ около сажени; покойникъ лежитъ головой къ СЕ, почти на С, слѣдовательно, лицомъ къ югу; все тѣло обернуто шелковой тканью, которая мѣстами очень хорошо сохранилась и даже была вышита золотомъ (?), судя по блестящимъ ниткамъ, замѣтнымъ кое-гдѣ въ ткани; поверхъ ткани лежали на крестъ деревянныя тонкія (3—4 линіи) планочки, шириною въ дюймъ, преимущественно поверхъ головы; правая голень лежала почти съ В на С, можетъ быть колѣни были согнуты при положеніи въ могилу; слѣдовъ гроба не оказалось; голова покоилась на сѣдлѣ, деревянномъ съ желѣзной отдѣлкой. Украшенія были около головы и состояли изъ бусъ стеклинныхъ разнаго цвѣта (желтаго, прозрачныя и непрозрачныя, — послѣднія величиною съ молодой картофель или вишню, — чернаго и зеленаго, черныя непрозрачныя); между бусами найдены двѣ несомнѣнно *янтарныя*, цвѣта темной апельсинной корки; найдена также серебряная (?) серьга съ бусой на концѣ, похожая на тунгусскую серьгу, изображенную на рисункѣ у Миддендорфа (Коренные жители Сибири, русское изданіе, стран. 717), только съ одною бусою продѣтою на проволоку.

Кости черепа сильно истлѣли и развалились; сохранены только нижняя челюсть, и то съ разрушенными скуловымъ и суставнымъ отростками. Присутствіе янтарныхъ бусъ возбуждаетъ особенный интересъ и тотчасъ же рождается вопросъ: откуда попалъ на берега Байкала янтарь? Имѣется-ли собственно азіатское мѣстонахождение янтаря? или онъ съ береговъ Балтики?

Подобный же вопросъ возбужденъ на сѣздѣ относительно кавказскаго янтаря. Сходство начертаній на утесѣ Байкала съ начертаніями на утесѣ Онѣжскаго озера (Шеме-мысь) повидимому говоритъ за возможность сношеній съ отдаленнымъ западомъ, хотя, разумѣется, это слишкомъ предположительно. Г. Reboux (*Mémoires de la Société d'anthropologie de Paris* и *Revue d'anthropologie*, 1881, въ извлеченіи) допускаетъ уже два главныхъ мѣсторожденія янтаря — ос-въ Сицилію и южные берега Балтійскаго моря, тогда какъ Карлъ Риттеръ зналъ лишь одно послѣднее; сицилійскій янтарь и встрѣчаемый на востокъ темнѣе цвѣтомъ сѣвернаго янтаря. Но не было-ли и несуществуетъ-ли на сѣверѣ Сибири и въ ближайшихъ къ нему странахъ собственнаго янтаря?

Могила перваго типа была вскрыта (и только одна) на Шибетскомъ мысу, и лежала между стѣной и концомъ мыса; весьма вѣроятно, что погребенная женщина (судя по украшениямъ) принадлежала народу, сдѣлавшему и стѣну; возлѣ такой-же стѣны на Харгоѣ найдены нѣсколько углубленій въ камняхъ, извѣстныхъ подъ именемъ китайскихъ ступокъ; изъ этого далѣе можно заключить, что и ступки принадлежали тому-же народу, такъ какъ подобныя же произведенія были встрѣчены и въ

области распространения городищ или китайских дворовъ, то отсюда я и вывелъ, что строение валовъ и стѣнъ было дѣло одного племени: выборъ характера постройки для предполагаемаго городища или укрѣпленнаго стана зависѣлъ, при этомъ, отъ конфигураціи страны и геологическаго строенія коренныхъ подпочвенныхъ породъ: былъ камень въ формѣ плитъ подъ рукой и присутствіе выдающихся мысовъ на Ольхонѣ—строились стѣны; плитъ каменныхъ не встрѣчалось, какъ, напр., въ бассейнѣ р. Куды, и въ результатѣ—городища, т. е. валы изъ щебня и гальки въ основаніи, форма же городищъ опредѣлялась очертаніемъ вершины, избранной для него горы.

Могила стораю типа имѣютъ небольшую насыпь (въ 1 футъ высоты), на которой уже наклонно поставлены каменные плиты (изъ гнейса или гранито-гнейса) такимъ образомъ, что образуется родъ конуса или пирамиды съ полостью внутри, высотой до 70 сантиметровъ отъ почвы; число плитъ въ нѣкоторыхъ разрытыхъ могилахъ было до 30, величиною отъ 1 до 4 футовъ въ длину, при ширинѣ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 фута; нѣкоторыя плиты встрѣчались на небольшой глубинѣ, тотчасъ же по снятіи верхней насыпи (замѣтной только по снятіи намогильныхъ стоячихъ плитъ, образующихъ пирамиду) и лежали горизонтально, впрочемъ безъ особой правильности; быть можетъ, онѣ служили опорой для стоячихъ плитъ. Каждая изъ большихъ стоячихъ плитъ была погружена въ землю до половины своей длины. Могила этого типа усмотрѣно въ одномъ только мѣстѣ, въ 3 верстахъ отъ Ольхонской Думы на такъ называемомъ Абазаевомъ утугѣ (покосъ, всегда удобряемый назыв. утугъ), отъ 250 до 300; нѣкоторыя изъ могилъ едва замѣтны, такъ какъ наносимая съ вышележащей возвышенности земля постепенно закрываетъ ихъ.

На поверхности насыпи въ образованной плитами полости лежатъ кости животныхъ (нижняя челюсть барана, одна вѣтвь), черепки горшковъ, иногда съ украшеніемъ; при дальнѣйшей раскопкѣ трехъ могилъ до глубины двухъ аршинъ встрѣчены только въ верхнемъ растительномъ слое на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина черепки глиняныхъ горшковъ и почти цѣльные горшки; работа горшковъ грубая; за растительнымъ слоемъ (1 арш.) начался щебень, а наконецъ и крупные камни, которые извлечь при одномъ рабочимъ было невозможно (послѣ полутородневной почти безплодной крайне тяжелой работы); остатковъ человѣка въ этихъ трехъ могилахъ поэтому, за недоконченностью работы, не найдено; послѣ принятія мѣръ къ приисканію рабочихъ раскопка этихъ могилъ возобновится. Главнымъ препятствіемъ найти рабочихъ изъ бурятъ (а больше никого нѣтъ, на протяженіи 100 верствъ въ окружности) служитъ то обстоятельство, что, при развитіи суевѣрій и боязни покойниковъ вообще, (хара-монголы, могилы которыхъ я разрывалъ, считаются *бурханами*, ихъ называютъ хори-бурханъ) бурятъ даже близко не подойдетъ къ могиламъ. Раскопку, понятно, они считаютъ дѣломъ богопротивнымъ. Въ первый же день работы изъ первой разрытой могилы вырытъ былъ полный скелетъ; онъ лежалъ въ верхнемъ растительномъ слое на глубинѣ отъ 65 до 80 сантиметровъ (ноги были приподняты, нижніе концы голени лежали на 65 сант. отъ поверхности почвы, а голова (надбровныя дуги) на 80 сантиметровъ); положеніе скелета было съ З на В, голова на З, слѣдовательно, лицомъ къ востоку, причемъ лицевая часть черепа была обращена вверхъ; кости сохранились весьма хорошо, руки и ноги были вытянуты; около рукъ лежалъ въ полости таза желѣзный ножъ въ деревянныхъ ножнахъ, и выше были найдены 2 стрѣлы, желѣзныя удила; возлѣ кости правой руки найдена черная стеклянная буса, но потомъ утеряна.

На Ольхонѣ встрѣчены были могилы и третьяго типа, но не раскапывались за неизмѣнимъ рабочихъ.

6. *Изображеніе на утесѣ.*

Изображенія находятся на берегу оз. Байкала, между р. Ангой и Бугульдейкой; они вырѣзаны на бѣломъ кристаллическомъ известнякѣ Лаврентійской формации (по опредѣленію г. Черскаго). Утесъ у бурятъ носитъ названіе *Цаган-Заба* (цаганъ-бѣлый по бурятски), что указываетъ на цвѣтъ утеса; но я слышалъ и другое объясненіе отъ протоіерея Орлова, автора бурятской грамматики на русскомъ языкѣ: цаганъ-бѣлый и, вмѣстѣ, славный, знаменитый, заба-падъ, проходъ, слѣдовательно цаганъ-заба — значитъ „*славный-проходъ*“. Изображенія располагаются группами на высотѣ 2 сажень отъ осыпи при основаніи утеса и 4 сажень отъ уровня Байкала; (я разумѣю самое верхнее изображеніе). Всѣ изображенія вырѣзаны не глубоко на протяженіи болѣе 73 саж. и состоятъ изъ изображеній людей въ разныхъ положеніяхъ, различной величины и характера контуровъ, животныхъ и птицъ. Человѣческихъ фигуръ 28, животныхъ — 14, между которыми можно отличить зубра и лошадь, можетъ быть быка и сѣв. оленя; птицъ— 12, повидимому лебедей. Самая большая фигура человѣка (литера *a* на таблицѣ) достигала 2 фута и болѣе, судя на глазомѣрь. (См. табл. XIII).

Нѣкоторыя фигуры людей (4) напоминаютъ изображенія на скалахъ Онѣжскаго озера (Поли-мысь и Крестовой); остальные совершенно другаго типа и не встрѣчались ни у Спасскаго (Записки Географ. Общ. кн. XII 1857 г.), ни у Попова Н. И. (въ Извѣстіяхъ Вост.-Сиб. Отдѣла Географ. Общ.). Животныя очень сходны съ Томскими и Минусинскими начертаніями (Майдашинскими, Аглакшинскими, Петрошиловскими, Тенсисскими и др.).

Птицы совершенно сходны съ изображеніями на Поли-мысь Онѣжскаго озера на камнѣ В. (Таблица II Записки Географ. Общ. 1857 г. кн. XII).

Подробный отчетъ будетъ представленъ Восточно Сибирскому Отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и напечатанъ въ „Извѣстіяхъ“ отдѣла за 1881 годъ.

На вторичную поѣзду Отдѣломъ предложено командировать со мною фотографа для изготовленія точныхъ снимковъ.

Успѣхъ моей поѣздки много зависѣлъ отъ моего спутника М. Н. Хангалова, учителя Кудинскаго инородческаго училища, который, какъ бурятъ, пользовался довѣріемъ своихъ соплеменниковъ; собственная любознательность Г. Хангалова много, конечно, помогала дѣлу. Этими обстоятельствами объясняется, отчего ни Георги, ни Раде, ни г. Черскій не открыли ранѣе этихъ изображеній.

Серебряное блюдо изъ эпохи Сассанидовъ.

А. Ф. Лихачева.

Весной 1880 года было доставлено ко мнѣ древнее серебряное блюдо, относящееся къ эпохѣ Сассанидовъ, купленное по словамъ продавца, въ г. Чистополѣ. Я былъ очень заинтересованъ, какъ самымъ блюдомъ, такъ и мѣстомъ, гдѣ оно было куплено. Сколько извѣстно, доселѣ еще не было находимо предметовъ этого рода въ низовьяхъ Камы, и всѣ тѣ, изображенія которыя были изданы, въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣсто нахожденіе ихъ могло быть безспорно опредѣлено, по преимуществу относятся къ Пермской губерніи. Ближайшее мѣсто древняго поселенія отъ г. Чистополя,—есть пригородъ Билярскъ, гдѣ иногда находятъ цѣнныя вещи, которыя, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, всего чаще бывають отвозимы находчиками въ г. Чистополь, гдѣ и сбываются мѣстнымъ или прїѣзжимъ мастерамъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Такъ, какъ по разсказу и блюдо было куплено при посредствѣ такого мастера, проживающаго въ г. Чистополѣ, то у меня возникло подозрѣніе, что эта драгоценная находка сдѣлана въ мѣстности пригорода Билярска. Еслибы моя догадка могла быть подтверждена совершенно точными и несомнѣнными свѣдѣніями, то археологическія изслѣдованія въ нашемъ отечествѣ могли бы обогатиться новымъ и очень интереснымъ фактомъ такъ, какъ подобная находка въ Казанской губерніи оказалась-бы, по всей вѣроятности, первой.

Для разъясненія точнаго мѣста находки необходимо было добраться до первоначальнаго источника: слѣдовало сдѣлать развѣдки въ самомъ г. Чистополѣ. Я такъ и поступилъ; но мѣстомъ находки оказался, однакоже, не пригородъ Билярскъ, а Оренбургская губернія, гдѣ блюдо куплено у находчиковъ крестьянъ одной деревни, странствующимъ скупщикомъ находокъ изъ драгоценныхъ металловъ, не съ археологическими цѣлями, а просто для переплава. Такъ, какъ это блюдо по вѣсу металла представляло собою значительный капиталъ, ибо вѣситъ 251 золотникъ, а у скупщика денегъ было не много, то онъ и предпочелъ продать его въ г. Чистополѣ, съ нѣкоторой надбавкой, тому лицу, отъ котораго я купилъ это блюдо уже въ г. Казани. Болѣе точныхъ свѣдѣній о мѣстѣ находки, т. е. названія деревни, волости и уѣзда Оренбургской губерніи, мнѣ добыть не удалось, также, какъ и подробностей

сопровождавших самую находку; но уже и то интересно, что всетаки, въ данномъ случаѣ, мы выходимъ изъ района Пермской губерніи, въ которой преимущественно были находимы всѣ, доселѣ извѣстные, предметы этого рода.

Форма, купленного мной блюда представляетъ дискъ, имѣющій діаметръ въ 28¹/₄ сантиметровъ. Съ наружной или лицевой стороны, средняя часть диска имѣетъ легкую выпуклость, круто сходящую къ краю, который загнутъ къверху и обведенъ толстымъ валикомъ; углубленіе же, окружающее среднюю часть блюда, около валика, имѣетъ видъ желобка. Нижняя или оборотная сторона блюда представляется вогнутой и въ срединѣ плоской части ея замѣтенъ слѣдъ ножки, вѣроятно не высокой, имѣвшей видъ кольца. Діаметръ, занятого кольцомъ ножки круга имѣетъ 9 сантим.; это кольцо, повидимому, было утрачено уже давно и отломалось въ слѣдствіе того, что было припаяно посредствомъ серебряныхъ опилокъ, которыхъ употреблено было въ дѣло слишкомъ мало. Высота борта, съ наружной стороны 2 сантим.

Лицевая сторона блюда украшена барельефомъ, исполненнымъ отливкой и послѣ отдѣланнымъ рѣзцемъ, отъ руки. Нѣкоторыя детали, необозначенныя рельефомъ, дополнены мастеромъ гравировкой въ глубь. Главный интересъ, представляемый барельефнымъ украшеніемъ заключается въ томъ, что онъ изображаетъ сцену охоты одного изъ Персидскихъ царей Сассанидской династіи при такой обстановкѣ, которая доселѣ еще не встрѣчалась на подобнаго рода сосудахъ, и описываемый нами экземпляръ представляется единственнымъ въ своемъ родѣ. Сцены охоты на памятникахъ Сассанидской эпохи нерѣдко встрѣчаются и повидимому были даже любимымъ сюжетомъ для художниковъ, также, какъ и любимымъ развлеченіемъ властелиновъ Персіи, какъ въ древнія времена, такъ и въ новѣйшія. (См. табл. XII).

На барельефѣ нашего блюда царь изображенъ вѣдущимъ не на конѣ, а на верблюдѣ и, при томъ, не одинъ, а въ сопровожденіи другой фигуры, сидящей позади него на томъ же верблюдѣ. Голова царя увѣнчана короной весьма близко похожей на царскія тиары Сассанидской эпохи: она зубчатая, напередѣ украшена серпомъ луны; на верхушкѣ утверждена другая серповидная луна, поддерживающая шаръ. По рисунку эта корона ближе всего походитъ на тиару Пируза, изъ первыхъ годовъ его царствованія. Въ ней мы замѣчаемъ сочетаніе особенностей тиаръ его предшественниковъ: Іездегерда I и Іездегерда II. Въ послѣдствіи на тиарѣ Пируза появляются и крылья ¹⁾. Въ такой крылатой тиарѣ изображенъ царь на блюдѣ, принадлежавшемъ герцогу де Люинъ и, за исключеніемъ крыльевъ, ея рисунокъ совершенно походитъ на тиару нашего блюда. На блюдѣ, находящемся у графа Строгонова, тиара на головѣ царя также не имѣетъ крыльевъ; но спереди у нея нѣтъ луны и серпа ²⁾.

Лице царя на нашемъ блюдѣ представлено смотрящимъ въ профиль и значительно моложавымъ такъ, что легка, какъ-бы едва пробивающаяся борода, обозначена лишь сдѣланными вглубь точками; усовъ-же вовсе нѣтъ. Въ правомъ ухѣ, вѣта серьга съ одной жемчужиной, какъ на монетахъ сассанидской династіи. Голова царя окружена нимбомъ, выгравированнымъ по фону блюда. Одежда царя, въ общемъ составѣ, походитъ на ту, въ которой мы видимъ Сассанидовъ на монетахъ, а также и на упомя-

¹⁾ См. «Collection de monnaies Sassanides de feu le lieut. general J. de Bartholomaei», publié par B. Dorn St Petersburg 1873 г., Tab. XIV et. XV.

²⁾ J. R. Aspelin, «Antiquités du Nord Finno-Ougrien; II l'âge de fer, p. 142.

нутыхъ другихъ блюдахъ; но вооруженіе здѣсь разнится. На обоихъ упомянутыхъ блюдахъ герцога де Люинь и графа Строгонова, при царѣ, съ права виситъ колчанъ, съ лѣва—мечъ, рукоятка котораго виднѣется изъ за спины. На нашемъ блюдѣ мечъ отсутствуетъ вовсе, а на мѣстѣ колчана находится короткій прямой кинжалъ. Какъ и на другихъ блюдахъ, царь изображенъ здѣсь стрѣляющимъ изъ лука, именно въ тотъ моментъ, когда онъ готовится спустить стрѣлу; но здѣсь наконечники стрѣлъ имѣютъ *зуюобразную* форму, тогда какъ на блюдѣ герцога де Люинь они съ *бородками*, т. е. той формы, которую можно признать обычной, условной для ихъ изображенія. На рисункѣ блюда графа Строгонова формы наконечника стрѣлы нельзя ясно опредѣлить; но, быть можетъ, онъ имѣлъ поперечное лезвіе и походилъ, отчасти, на топорикъ. Если это такъ, то мы имѣемъ въ данномъ случаѣ, три различные вида наконечниковъ и если признать, что художники, приготовлявшіе формы для отливки этихъ блюдъ, руководствовались, при изображеніи предметовъ, не исключительно своей фантазіей, а придерживались натуры, то съ помощью этихъ трехъ древнихъ памятниковъ мы можемъ получить понятіе о томъ, какого вида наконечники для стрѣлъ употреблялись, въ персидскомъ вооруженіи, при Сассанидахъ для охоты на звѣрей; а можетъ быть и на войнѣ.

При безпрестанномъ спусканіи стрѣлъ, неизбѣжномъ на охотѣ того рода, который наиболѣе господствовалъ въ царскихъ забавахъ въ Персіи, необходимо было имѣть при себѣ большой запасъ стрѣлъ; а между тѣмъ царь вовсе не имѣетъ колчана, на нашемъ блюдѣ. Отсутствіе его должно быть объясняемо присутствіемъ другой фигуры, сидящей за спиной царя и, повидимому, держащей въ рукахъ колчанъ или, просто, пучекъ стрѣлъ, которыя были передаваемы царю. Около спины царя и рукъ сидящей за нимъ фигуры, фонъ блюда проломанъ и потому очертанія предмета, который находится въ рукахъ царскаго спутника, утратили ясность.

Было-бы очень интересно опредѣлить, съ точки зрѣнія царскихъ обычаевъ Сассанидской эпохи, кого представляетъ эта вторая фигура. Голова ея также увѣнчана тиарой, аналогичной съ той, которая покрываетъ голову царя; слѣдовательно это особа несомнѣнно царскаго рода. Длинная, почти по щиколку, развивающаяся одежда указываетъ, повидимому, на то, что это особа женскаго пола и сидитъ она на верблюдѣ также по женски, бокомъ. Сравнительно съ фигурой царя, эта женская фигура представляется, какъ будто, дѣтской и потому признать въ ней спутницу его жизни, любимую супругу, съ перваго раза кажется невозможнымъ. Но, если припомнить себѣ размѣры того уваженія, почти богопочтенія, которымъ персидскіе *цари-царей* всегда пользовались у своихъ подданныхъ, если обратить вниманіе на то, что здѣсь голова царя окружена *славой* или *нимбомъ*, какъ у божества, то не покажется удивительнымъ, что размѣры его изображенія, какъ сверхъестественнаго героя, преувеличены даже на счетъ роста членовъ его собственной семьи. Замѣтимъ при этомъ также, что женская фигура изображена хотя и въ тиарѣ, но голова ея не обведена нимбомъ. Впрочемъ, на двухъ другихъ блюдахъ, упомянутыхъ выше, голова царя также безъ нимба.

Можетъ быть, однакоже, что въ фигурѣ, сопровождающей царя, слѣдуетъ видѣть не женщину, а подростка—мальчика, безъ сомнѣнія, царскаго сына, которому было-бы свойственно принимать участіе въ охотничьихъ царскихъ забавахъ и играть роль оруженосца. По его юному возрасту ему могла быть присвоена и длинная еще одежда и посадка бокомъ, какъ болѣе надежная. Которая изъ этихъ догадокъ вѣрнѣе, мы не

беремся рѣшать, тѣмъ болѣе, что здѣсь можетъ скрываться какой нибудь еще неизвѣстный историческій фактъ.

Если признавать царскія изображенія на серебряныхъ сосудахъ не просто условными, а имѣющими реальный, портретный характеръ и такимъ образомъ, сравнивая барельефныя изображенія съ изображеніями монетными, стараться опредѣлить эпоху, къ которой можетъ быть отнесена та или другая древняя вещь, то наше блюдо слѣдовало-бы относить къ началу царствованія Пируза, т. е. ко второй половинѣ пятого столѣтія нашей эры.

Г. А. де Лонперъ относитъ блюдо, принадлежавшее герцогу де Люинъ, тоже къ этому времени. Что касается до блюда, хранящагося въ Имп. эрмитажѣ и другаго, принадлежащаго графу Строгонову, то въ находящихся на нихъ царскихъ изображеніяхъ ученые признали Варарана ¹⁾).

Но существуютъ еще и другіе признаки, которые указываютъ на значительную древность нашего блюда. Такъ, напр., наконечники стрѣлъ, которыми стрѣляетъ царь имѣютъ здѣсь видъ серпа луны. Извѣстно, что такими стрѣлами римскій имп. Коммодъ, царствовавшій съ 180 по 192 г. отъ Р. Х. убивалъ на полномъ бѣгѣ страуса: отточенный наконечникъ луновидной формы отсѣкалъ ему голову ²⁾). Этотъ видъ наконечниковъ стрѣлъ для охоты на звѣрей употреблялся еще и въ послѣдствіи, въ среднихъ вѣкахъ. Подобные образцы наконечниковъ изъ этого времени можно видѣть въ нѣкоторыхъ музеяхъ древняго оружія ³⁾). Лицевая сторона нашего блюда по фону вызолочена такъ, что барельефъ, имѣющій натуральный цвѣтъ серебра, выступаетъ на золотомъ фонѣ. Царь охотится за дикими козами, изъ которыхъ двѣ убѣгаютъ впереди верблюда и двѣ другія, уже пораженные, лежатъ подъ его ногами. Стиль барельефныхъ изображеній замѣчательнъ: въ немъ проглядываетъ архаизмъ ассирійскихъ скульптуръ въ соединеніи съ наклонностью къ идеализаціи формъ, не лишеной извѣстной степени изящества и своеобразной красоты. Фигурѣ верблюда придана здѣсь несоотвѣтственная натурѣ животнаго миловидность и грація. Формы тѣла обоихъ всадниковъ имѣютъ правильные размѣры частей; но руки и ноги преднамѣренно уменьшены для преданія имъ болѣе изящества. Оба лица изображены въ профиль сообразно традиціямъ древне-греческаго искусства; но глаза нарисованы впрямь, какъ на египетскихъ и ассирійскихъ изображеніяхъ.

Большая часть подобныхъ блюдей, по борту, имѣютъ просверленное отверстіе, служившее для привѣшиванія ихъ ⁴⁾). На нашемъ блюдѣ такого отверстія на борту нѣтъ; но фонъ его, подъ второй бѣгущей серной, проткнутъ круглымъ отверстіемъ, вѣроятно, для той-же цѣли. Вообще наше блюдо за все время своего существованія, очевидно, подвергалось многимъ случайностямъ: оно нѣсколько смято и изъ фона его, въ трехъ мѣстахъ, вырѣзаны цѣлые куски. Копыто правой задней ноги верблюда подверглось той же участи.

На оборотной поверхности блюда, въ кружкѣ, вычеканена углубленными точ-

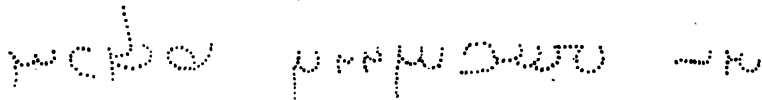
¹⁾ J. R. Aspelin, «De la civilisation» etc, p.p. 408 et 409. Но по классификаціи ген. Бартоломея персидскихъ царей сассанидской династіи, носившихъ это имя было *шестъ*. Котораго же изъ нихъ изображаютъ барельефы на упомянутыхъ блюдахъ?

²⁾ Herodian. liv. I, ch. XV.

³⁾ См. A. Demmin, «Guide des amateurs d'armes et armures anciennes», 494, fig 22.

⁴⁾ J. R. Aspelin «De la civilisation» etc p. 410.

нами надпись, въ трехъ строкахъ письменами пеглевійскими. Мы прилагаемъ здѣсь копію съ этой надписи, снятую съ оригинала посредствомъ кальки:

Точно такими же письменами и тѣмъ же способомъ сдѣланная, извѣстна еще надпись на другомъ, прежде найденномъ и изданномъ въ свѣтъ блюдѣ ¹⁾. Первая строка читается ориенталистами, видѣвшими блюдо: „Фирузанъ“; вторая же къ сожалѣнію, остается не прочитанной.

Извѣстный Финскій ученый г. Аспелинъ оказалъ большую услугу изслѣдователямъ древностей, тѣмъ, что собралъ не только изображенія, но и описанія всѣхъ найденныхъ прежде, и въ разное время описанныхъ, драгоценныхъ предметовъ древней посуды, какъ то: блюдъ, чашъ, кувшиновъ и пр., относящихся къ первымъ вѣкамъ нашей эры и преимущественно найденныхъ въ предѣлахъ древней Біарміи. Число такихъ сосудовъ, по мнѣнію г. Аспелина, доходитъ до 28 экземпляровъ ²⁾. Но, кажется, что оно должно быть нѣсколько увеличено и одна изъ такихъ находокъ, невошедшихъ въ списокъ г. Аспелина, сдѣлана, несомнѣнно, въ Пермской губерніи, въ 1755 году, въ имѣніи барона Строганова, которымъ и сообщена въ Парижъ президенту французской академіи надписей де Броссъ (de Brosses). Находка эта состояла изъ серебрянаго сосуда, въ родѣ кувшина безъ ручекъ и описана де Броссъ, въ Мемуарахъ Парижской академіи.

Другая находка, сдѣланная въ Россіи, — то самое серебряное блюдо, которое принадлежало герцогу де Люинъ и было описано г. Адрианомъ де Лопперье. Оба эти предмета относятся къ сассанидской эпохѣ.

По замѣчанію г. Аспелина, въ томъ случаѣ, когда мѣсто находки подобнаго предмета не могло быть съ точностью приведено въ ясность, очень хорошимъ признакомъ можетъ служить для предметовъ, побывавшихъ въ рукахъ обитателей древней Біарміи, присутствіе на предметахъ особыхъ рисунковъ, варварскаго стиля, грубо выцарапанныхъ на гладкихъ частяхъ сосуда. Дѣйствительно, всѣ такіе рисунки имѣютъ между собой родственный характеръ и, если бы были постоянно встрѣчаемы на вещахъ, найденныхъ въ Пермской губерніи, то могли бы служить безспорнымъ указаніемъ на мѣсто ихъ находки. Но, дѣло въ томъ, что хотя такіа изображенія нерѣдко встрѣчаются на предметахъ, найденныхъ въ предѣлахъ древней Біарміи, однакоже бывали находимы тамъ и вещи, на которыхъ такихъ рисунковъ не было. Въ этомъ можно легко убѣдиться, разсматривая изображенія древнихъ предметовъ въ сборникѣ самого автора.

На нашемъ блюдѣ такихъ позднѣйшихъ рисунковъ нѣтъ вовсе; но на немъ замѣтны различныя черты и царапины какъ древнія, такъ и новѣйшія. На оборотѣ, около того мѣста, гдѣ вырѣзанъ изъ фона большой кусокъ металла въ видѣ треугольника, замѣтны черты, имѣющія видъ арабскихъ буквъ, выцарапанныхъ курсивомъ, какимъ то остріемъ.

¹⁾ J. R. Aspelin «Ant. du Nord Fin. Ougr. II, L'age du fer, p. 143, fig. 613.

²⁾ I. K. Aspelin. „De la civilisation“ etc. p. 412.

Наше блюдо найдено, какъ уже сказано, въ Оренбургской губерніи. Казалось бы, что въ данномъ случаѣ мѣсто находенія предмета лежитъ внѣ границъ древней Біарміи. Но, возможно ли имѣть положительную увѣренность въ томъ, что послѣднее мѣсто находки блюда есть, въ то же время и первичное со времени вывоза его изъ Персіи? Оно, очевидно, потерпѣло много случайностей на своемъ вѣку и переходило изъ однихъ рукъ въ другія. Самая Біармія неоднократно подвергалась грабежамъ со-сѣдей. Съ теченіемъ времени, блюдо могло переходить изъ рукъ въ руки и такимъ образомъ удаляться на значительное разстояніе отъ первичнаго своего мѣста находенія. Но даже и въ новѣйшія времена, на сто—двѣсти лѣтъ тому назадъ, блюдо *могло быть* найдено на берегахъ Камы и, какъ сокровище, перевезено въ Оренбургскій край, гдѣ для большей сохранности было спрятано въ землю, за тѣмъ забыто и впослѣдствіи снова найдено въ землѣ. При отсутствіи точныхъ обстоятельствъ находки, можно до-пускать множество предположеній; но они не могутъ имѣть достовѣрности факта.

Было бы несомнѣнно важно приводить въ извѣстность, съ возможной точностью, всѣ такого рода находки потому, что это привело бы къ разъясненію путей, которыми, шли эти предметы въ Россію; но, къ сожалѣнію, подобныя находки дѣлаются вообще не часто и еще рѣже попадаютъ въ руки лицъ, понимающихъ ихъ значеніе для историческихъ изслѣдованій. Весьма вѣроятно, что ихъ было найдено гораздо большее число, нежели то, которое извѣстно теперь, ибо мы знаемъ лишь тѣ предметы, кото-рымъ удалось спастись отъ плавильнаго горшка.

Конечно, должно пройти много времени, прежде нежели откроется истинна по вопросу о путяхъ древней торговли; но для торговыхъ сношеній Угро-Финновъ съ Персіей, если признать водный путь за удобнѣйшій, было бы, кажется прямѣе вести ихъ по Волгѣ и Уралу, нежели по Иртышу, какъ предполагаетъ г. Аспелинъ. Если не находятъ на побережьяхъ Волги такихъ древнихъ предметовъ, то быть можетъ потому, что они проходили только транзитно въ центръ древней Біарміи, гдѣ исклю-чительно были въ употребленіи. Отсутствіе ихъ между памятниками Волжской Бул-гаріи не можетъ ли объясниться еще и тѣмъ, что такіе предметы, когда они попали въ Булгарію случайно, или были въ ней находимы впослѣдствіи при монголо-татарахъ переплавлялись на монетныя слитки „сумъ“, которыхъ въ эпоху Джучидовъ обраца-лось такое множество въ странѣ? Въ настоящее время почва Волжской Булгаріи въ отношеніи драгоцѣнныхъ находокъ уже значительно истощена; а еще сто лѣтъ тому назадъ Палласъ жаловался на это обстоятельство. Въ низовьяхъ Волги и Камы не только древности сансанидской эпохи не встрѣчаются; но и клады съ древнѣйшими арабскими диргемами находятъ сравнительно гораздо рѣже и не въ такомъ обиліи, какъ въ предѣлахъ древней Біарміи.

Во времена историческія намъ извѣстень двоякаго рода путь, которымъ шла торговля Азіи съ Россіей: сухопутный и водный. Послѣднимъ путемъ служила Волга. Мы знаемъ, что Булгары и Хозары вели свой торгъ именно этимъ путемъ; но эти народы, занявшіе нижнее поволжье, вѣроятно въ эпоху великаго переселенія народовъ, т.-е. въ V столѣтіи нашей эры, были не первыми поселенцами въ этомъ краѣ и, если взялись за торговлю, то не потому ли именно, что нашли ее уже вполне установившейся ранѣ ихъ прибытія въ страну? Вѣроятно, что и важные въ торговомъ отношеніи пункты древнѣйшихъ поселеній, какъ города Итиль и Булгаръ привлекали къ себѣ новыхъ пришельцевъ именно въ силу своего уже упроченнаго торговаго значенія.

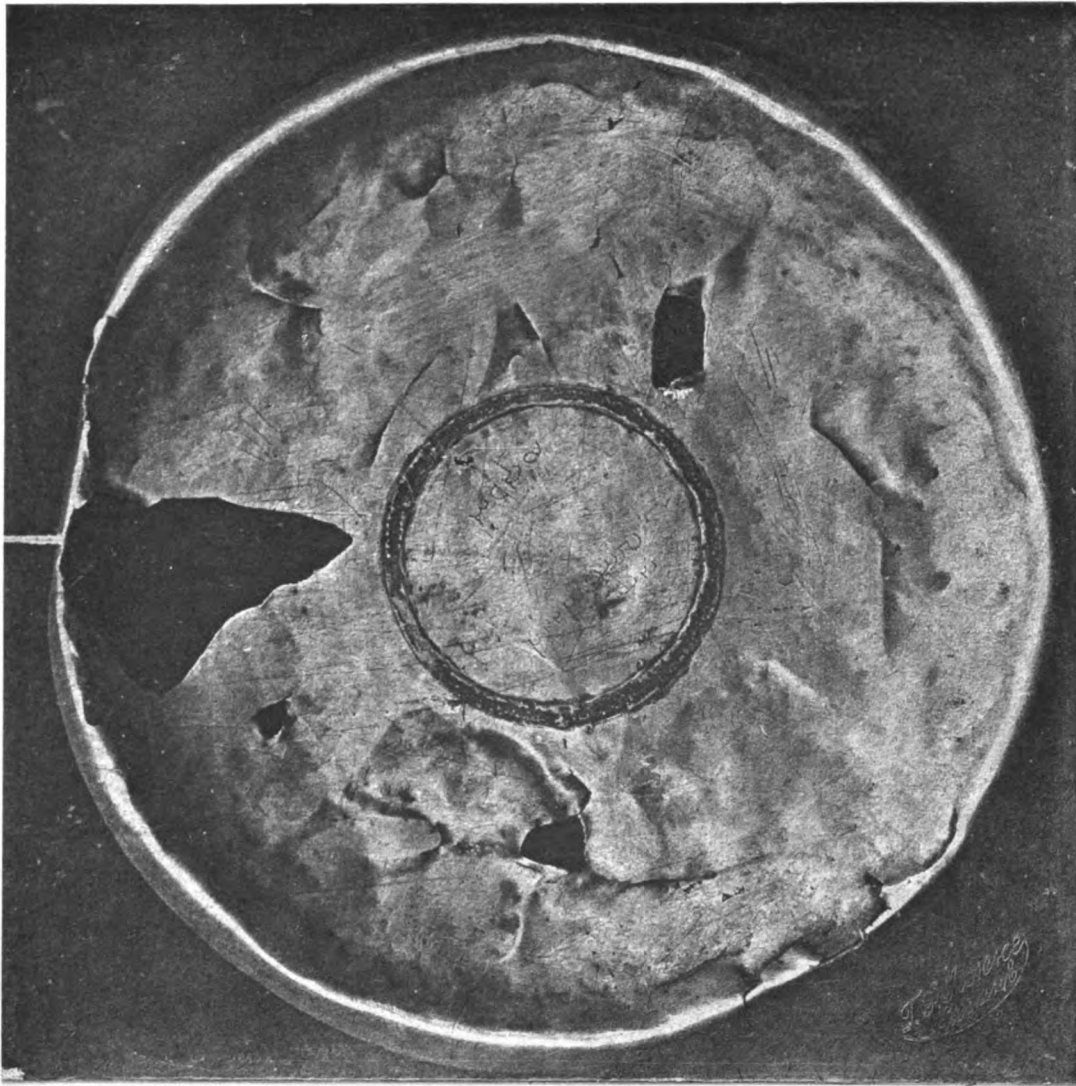
Пришельцы же, лишь забирали торговлю въ свои руки, устраняя прежнихъ хозяевъ, но не были первыми вводителемъ ея. Впослѣдствіи такъ же поступили и Монголо-Татары съ Булгарами.

Въ этомъ описаніи принадлежащаго мнѣ персидскаго блюда, относящагося къ эпохѣ Сассанидовъ, я старался собрать по возможности всѣ извѣстія о подобныхъ находкахъ въ Россіи; но въ то время, когда я писалъ мою статью, мнѣ не было извѣстно, что нашъ знаменитый знатокъ древности, А. Н. Оленинъ, также описывалъ одно персидское блюдо (см. „Извѣстіе о старинномъ (Персидскомъ) блюдѣ“ во 2 т. Археол. трудовъ А. Н. Оленина. 1882. изд. Имп. Рус. Арх. Общ.), рисунокъ котораго приложенъ къ этому описанію (см. таб. XXVIII, фиг. 137). Съ цѣлью дополнить вышеприведенныя извѣстія о такихъ находкахъ въ Россіи, считаю необходимымъ упомянуть здѣсь объ этомъ блюдѣ, тѣмъ болѣе, что въ Сборникѣ г. Аспелина о немъ вовсе не упоминается, конечно, потому, что это описаніе А. Н. Оленина не было ему извѣстно.

На блюдѣ этомъ также представленъ персидскій всадникъ на охотѣ за звѣрями: онъ, оборотясь назадъ съ коня, скачущаго въ лѣво, стрѣляетъ изъ лука въ льва, ставшаго на заднія лапы. Въ низу, подъ ногами коня, лежитъ уже пораженный стрѣлами вепрь. Замѣчательная особенность этого блюда заключается въ томъ, что изображенный на немъ всадникъ не имѣетъ на головѣ сассанидской тиары; но его кудрявые волосы сдерживаетъ одинъ лишь узкій ободокъ, состоявшій изъ повязки (*ленты-діадема*) или же изъ узкаго металлическаго обруча? Такое головное украшеніе соответствуетъ царской діадемѣ на греческій манеръ и было усвоено римскими императорами. Такой же она является и на монетахъ бактрійскихъ и парейанскихъ царей династїи Арсакидовъ. На сколько можно судить по приложенному рисунку, блюдо это должно быть относимо къ той же категорїи древне-персидскихъ сосудовъ изъ Сассанидской эпохи; но отсутствіе на головѣ всадника тиары можетъ указывать на то, что въ немъ слѣдуетъ видѣть не персидскаго, а какого либо инаго царя изъ сосѣдственныхъ съ Персіею странъ. По мнѣнію А. Н. Оленина эпоха, къ которой должно быть относимо это блюдо можетъ опредѣляться тѣмъ, что при сѣдлѣ здѣсь находятся уже *стремья*. На другихъ изображенїяхъ изъ эпохи Сассанидовъ, ни на одномъ изъ блюдъ не видно стремьянъ. Основываясь на этой детали, А. Н. Оленинъ полагаетъ, что эпоха, къ которой можетъ быть относимо это блюдо, должна быть опредѣляема царствованїемъ Хозроя Нуширвана, или Хозроя Парвиза, т. е. отъ 531 или 591 года христіанской эры до Іездиджерда, т. е. до 641 года. Введеніе въ употребленіе стремьянъ относится именно къ VI вѣку нашей эры; а такъ какъ, на блюдѣ представлена охота за *вепремъ*, то слѣдовательно такая сцена должна была относиться къ временамъ, предшествовавшимъ водворенію исламизма въ Персіи, который былъ введенъ туда въ 641 году. А. Н. Оленинъ полагаетъ, что при распространеніи мусульманства, изображеніе вепря, какъ животнаго нечистаго, не было бы дозволеннымъ для мусальманина (см. стр. 105). На оборотной сторонѣ этого блюда сдѣлана пунктиромъ надпись письменами, походившими на *пелевійскія* (см. таб. XXIX, фиг. 139), т. е. тѣмъ же шрифтомъ и такимъ же способомъ сдѣланная, какъ на описанномъ мною и на другихъ подобныхъ сосудахъ. Къ сожалѣнію и она осталась до сихъ поръ не прочтенной и не объясненной, не смотря на то, что Оленинъ посылалъ снимки съ нея гг. Сильвестру де-Саси, Бюрнуфу и другимъ европейскимъ ориенталистамъ.

Блюдо или чаша изъ коллекціи герцога де Люинь, описанное г. Адриеномъ де Лонперрье находится, въ настоящее время, съ нѣкоторыми другими подобными, въ кабинетѣ медалей Парижской національной бібліотеки. Мы уже говорили, что г. А. де Лонперрье по формѣ тиары нашель возможнымъ видѣть въ фигурѣ Сассанидскаго царя— Фируза, царствовавшаго съ 458 по 488, и слѣдовательно относить это блюдо къ V вѣку нашей эры. Въ числѣ звѣрей, за которыми охотится царь, здѣсь видны и кабаны или *сепри*, какъ на блюдѣ А. Н. Оленина. Теперешній консерваторъ въ кабинетѣ медалей г. Шабуйе (Chabouillet), находи сходство въ чертахъ лица Сассанидскаго царя на чашѣ съ изображеніями на монетахъ Сапора II, полагаетъ, что на блюдѣ изображенъ именно этотъ царь и слѣдовательно самое блюдо должно относиться къ IV вѣку, т. е. къ эпохѣ его царствованія (род. 301, † 380). Однакоже форма тиары на головѣ царя, изображеннаго на барельефѣ блюда, не появляется на монетахъ ранѣе Фируза, и слѣдовательно догадка г. А. де Лонперрье имѣетъ болѣе твердое основаніе, нежели сходство въ чертахъ лица, которое на блюдахъ едва ли могло быть исполняемо такъ, чтобы имѣть значеніе портрета. Впрочемъ, относительно происхожденія и значенія подобной древне-персидской драгоцѣнной посуды еще многое для насъ остается въ совершенномъ мракѣ, который могъ бы разсвѣтаться лишь тогда, когда будутъ разобраны и прочтены надписи, почти всегда вычеканенныя на этихъ предметахъ.

Чаша, или блюдо, находившееся въ коллекціи герцога де Люинь, описанное г. А. де Лонперрье, и еще другое, на которомъ изображена богиня Анаитисъ (Anaitis) съ восемью фигурами *адорантовъ* и двумя бюстами Ормузда на полумѣсяцѣ, въ тиарахъ на головѣ, по всѣмъ соображеніямъ были найдены также въ Россіи и вѣроятно на бережьяхъ Камы въ странѣ Біарміи, ибо на послѣднемъ сосудѣ, который можетъ относиться къ VI вѣку, мы находимъ уже знакомыя намъ, нацарапанныя очень наивно, различныя изображенія, указывающія на то, что сосудъ побывалъ уже въ рукахъ древнихъ обитателей Біарміи (см. у А. Jacquemart Histoire du mobilier p. 490—493).

Фот. Греческий Музей в Париже.

САССАНИДСКОЕ БЛЮДО.

О надгробныхъ памятникахъ въ Чуфуть-Калэ.

Проф. Хвольсона.

Извѣстно, что въ 40-хъ годахъ покойный Фирковичъ представилъ археологическому обществу въ Одессѣ разныя еврейскія рукописи и оттиски съ древнихъ надгробныхъ камней. Въ 1866 г. я писалъ книгу въ защиту подлинности этихъ надписей, другіе же, и между прочимъ нашъ почтенный сочленъ Гаркави, писали противъ подлинности, утверждая, что главнѣйшія изъ этихъ находокъ, или цѣликомъ, или въ частностяхъ, носятъ на себѣ слѣды подлоговъ.

Я долгое время занимался этими надписями и потому позвольте мнѣ изложить мое отношеніе къ этимъ древностямъ и результаты моихъ послѣднихъ изслѣдованій.

Прежде всего я хочу указать на то, что между учеными проявляются два разныхъ, можно сказать даже противоположныхъ, взгляда: одни относятся къ новымъ находкамъ всегда крайне скептически, полагая, что результаты нашей науки прочны и основательны, что мы знаемъ хорошо древній міръ, и что новыя находки, противорѣчація до сихъ поръ добытымъ результатамъ науки, должны быть непременно подложны; и если объявляютъ о какой нибудь новой находкѣ, указывающей на доселѣ неизвѣстный историческій фактъ, то ученые-скептики часто говорятъ: такъ какъ это не подтверждается другими источниками, то это должно быть подложно.

Другіе совершенно иначе относятся къ новымъ находкамъ. Они знаютъ, что результаты историческихъ наукъ не во всѣхъ частностяхъ прочны, что много данныхъ ея сомнительны, что наши свѣдѣнія о древнемъ мірѣ и даже средневѣковомъ имѣютъ много пробѣловъ; они знаютъ, что историческіе документы, дошедшіе до насъ съ древнихъ временъ, крайне отрывочны, что литература древнихъ народовъ сохранилась въ относительно малыхъ частяхъ. Мы, напр., знаемъ наиболѣе хорошо греческую литературу, но мнѣ кажется, что и изъ этой литературы сохранилась, можетъ быть, только $\frac{1}{300}$ часть того, что было написано; о весьма многихъ народахъ мы рѣшительно ничего не знаемъ, или знаемъ очень мало.

Я представлю другой примѣръ. Мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія о древнеегипетской литературѣ; между тѣмъ лѣтъ 20 тому назадъ найденъ медицинскій папи-

русь, написанный около XVII в. до Р. Х. Въ немъ находится много цитатъ, не только древне-египетскихъ, но даже иностранныхъ писателей, изъ чего вытекаетъ, что существовали у древнѣйшихъ народовъ богатая литература, о которыхъ мы не имѣемъ ни малѣйшихъ свѣдѣній.

Мы знаемъ, что древніе Финикіяне имѣли богатую литературу, которая совершенно потеряна; изъ весьма богатой литературы древнихъ евреевъ сохранилась одна только Библія; о древней литературѣ Вавилонянъ и Ассирійцевъ мы теперь только начинаемъ получать кое какія свѣдѣнія, а между тѣмъ намъ теперь положительно извѣстно, что они имѣли богатую литературу, имѣли свои библіотеки и т. д. Мы видимъ такимъ образомъ, какіе значительные пробѣлы имѣютъ наши свѣдѣнія относительно древняго міра. Несмотря на то, что мы—профессора университетовъ, представители разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, но можемъ откровенно сознаться, что мы далеко еще не вполне знакомы съ древнимъ и даже средневѣковымъ мірами. Мы вынуждены сдѣлать это признаніе.

Я принадлежу къ послѣдней партіи, вслѣдствіи чего не отношусь черезъ чуръ скептически къ новымъ открытіямъ. Смѣю васъ увѣрить, что я отношусь къ предмету, о которомъ я буду говорить, вполне объективно, не смотря на то, что я прежде защищалъ подлинность всѣхъ находокъ Фирковича; полагаю, что, ученымъ ошибаться, неприятно, но не стыдно. Я всегда готовъ признаться, что ошибался въ томъ или иномъ отношеніи; вотъ почему я могу сказать, что отношусь къ предмету моего сужденія совершенно безстрастно.

Въ началѣ 50-хъ годовъ Фирковичъ представилъ свои находки тогдашнему директору Императорской Публичной Библіотеки барону М. А. Корфу для пріобрѣтенія ихъ въ собственность этой библіотеки, и мнѣ было поручено пересмотрѣть всю эту коллекцію и дать свой отзывъ относительно ихъ древности, научнаго достоинства и подлинности. Фирковичъ утверждалъ, что нашелъ эти предметы въ разныхъ синагогахъ, преимущественно въ крымскихъ. Это показалось мнѣ весьма вѣроятнымъ. Извѣстно, что евреи никогда не уничтожаютъ своихъ рукописей и печатныхъ религіозныхъ книгъ, потому что въ нихъ встрѣчается имя Божіе; они имѣютъ особое мѣсто въ каждой синагогѣ, гдѣ хранятся старыя печатныя книги и рукописи. Это мѣсто называется „Гениза“.

Фирковичъ отыскалъ большинство своихъ находокъ, какъ онъ утверждаетъ, въ подобныхъ генизахъ, что само по себѣ весьма вѣроятно. Я и самъ нашелъ въ подобномъ мѣстѣ весьма драгоцѣнныя рукописи и книги въ Евпаторіи; сперва въ синагогѣ мнѣ показали рукописи, не имѣющія особеннаго достоинства, а когда я хотѣлъ уйти, мнѣ указали темный, сырой чуланчикъ гдѣ я нашелъ около 50-ти драгоцѣнныхъ рукописей, и между прочимъ настолько рѣдкихъ, что подобныя существуютъ только въ Парижѣ и Берлинѣ: это были отчасти рукописи сочиненій, составленныхъ въ началѣ XI вѣка; самыя рукописи написаны въ концѣ XII столѣтія. Рукописи конца XII вѣка уже сами по себѣ рѣдкость. Караимы, по моему внушенію, перенесли эти рукописи и положили ихъ въ сухое мѣсто, причемъ оказалось, что нѣкоторые были испорчены. Въ синагогѣ же я нашелъ шкафъ, наполненный разными сочиненіями; между прочимъ тамъ оказались отрывки разныхъ сочиненій XIII столѣтія, также много Инкунабелей, которыя весьма высоко цѣнятся.

Такимъ образомъ, само по себѣ очень вѣроятно, что Фирковичъ въ самомъ дѣлѣ

могъ найти цѣнныя вещи въ древнихъ синагогахъ. А потому, имѣя въ виду, что его находки, хотя частью не согласуются съ результатами нашихъ познаній, все же нѣтъ основанія утверждать, что эти вещи непременно подложны.

Между его рукописями былъ одинъ библейскій кодексъ, который нынѣ находится въ Публичной Библиотекѣ въ С.-Петербургѣ. Этотъ кодексъ имѣетъ совершенно другую вокализацию, чѣмъ всѣ другіе библейскіе кодексы. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что евреи прежде писали только согласными, а гласные знаки стали писать только въ концѣ VI вѣка по Р. Х., обозначая эти послѣдніе большею частью точками надъ или подъ буквой.

Въ найденномъ же Фирковичемъ кодексѣ совершенно другая вокализациа и другая акцентуациа. Я прежде полагалъ, что эта система вокализациа и акцентуациа была въ употребленіи у евреевъ около семи или восьми вѣковъ, а именно отъ VII—XIV вѣк., но потомъ оказалось, что эта система употреблялась еще и въ XVII вѣкѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что система вокализациа, которая не только по внѣшней формѣ, но и въ грамматическомъ отношеніи отстуетъ отъ системы извѣстной до сихъ поръ, была въ употребленіи около тысячи лѣтъ у евреевъ разныхъ странъ, а между тѣмъ во всей еврейской литературѣ не находится ни малѣйшаго указанія на существованіе подобной системы, и до находки Фирковича она была намъ совершенно неизвѣстна. Слѣдовательно, мы не въ правѣ утверждать, что то, чего мы до сихъ поръ не знаемъ, не существовало. Многое могло существовать, о чемъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Въ надписяхъ, представленныхъ Фирковичемъ, встрѣчаются нѣкоторыя буквы столь древней формы, о которой въ то время еще не было извѣстно въ Европѣ. Въ послѣдствіи, въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ гг., найдены были нѣкоторыя древне-еврейскія надписи, въ которыхъ встрѣчаются буквы той же древней формы. Вслѣдствіи этого я тогда высказалъ мнѣніе, что памятники этой коллекціи, частью подтвержденные новыми археологическими находками, подлинны, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ не согласуются съ научными мнѣніями, до сихъ поръ принятыми, и потому эту коллекцію стѣдуетъ приобрѣсти. Касательно цѣнности этихъ находокъ, я отказался высказать свое мнѣніе. Однажды покойный баронъ Корфъ спросилъ меня: „Во сколько можно оцѣнить эти рукописи“? Я отвѣтилъ, что научное значеніе этихъ памятниковъ я могу цѣнить, но не рублями.

Я вамъ уже говорилъ, что въ 1866 г. я писалъ въ защиту подлинности этихъ рукописей и надписей, другіе же писали противъ. Я рѣшился самъ отправиться въ Крымъ, чтобы убѣдиться на мѣстѣ въ подлинности памятниковъ, производилъ раскопки въ Чуфуть-Калѣ и въ текущемъ (1881 г.) былъ тамъ вторично и въ тотъ и въ другой разъ сдѣлалъ новыя и важныя находки, которыя Фирковичу не были извѣстны.

Теперь позвольте представить вамъ свои соображенія, какъ результатъ послѣднихъ изслѣдованій.

Фирковичъ представилъ нѣкоторые надгробные камни въ оригиналѣ; съ многихъ надписей онъ представилъ бумажные снимки. Я готовъ предположить, что онъ сдѣлалъ измѣненія въ самихъ оригиналахъ, представленныхъ имъ, также и въ тѣхъ оригиналахъ, съ которыхъ имъ представлены только снимки; я даже готовъ признать, что онъ сдѣлалъ измѣненія въ такихъ камняхъ, съ которыхъ онъ даже снимковъ не представлялъ. Но, такъ какъ я самъ нашелъ нѣкоторые весьма древніе памятники, о ко-

торыхъ положительно можно сказать, что они Фирковичу не были извѣстны, то я убѣжденъ, что на чуфуть-кальскомъ кладбищѣ въ самомъ дѣлѣ находятся весьма древнія надписи. Но, очевидно, убѣдившись, что Фирковичъ дѣйствительно дѣлалъ подлоги, мы во многихъ случаяхъ не можемъ положительно узнать, какіе памятники подлинны и какіе нѣтъ.

Въ паралель я привожу вамъ сравненіе. Представьте себѣ, что ктонибудь приноситъ мѣшокъ со старыми монетами въ количествѣ ста штукъ, между которыми находятся фальшивыхъ монетъ штукъ 60—70. Что намъ дѣлать? Мы знаемъ, что имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, совершавшимъ подлоги, но знаемъ также, что между фальшивыми монетами находятся и настоящія. Намъ остается одно средство — изслѣдовать отдѣльно каждый предметъ.

Мы имѣемъ передъ собою надписи. Для разрѣшенія вопроса, поддѣлалъ ли Фирковичъ надписи, или онѣ подлинны, нужно изслѣдовать каждую надпись въ отдѣльности. Но вы, можетъ быть, спросите, какія данныя мы имѣемъ, чтобы опредѣлить, какая надпись подлинна, какая нѣтъ? Здѣсь рѣшеніе возможно. Я это рѣшеніе нахожу въ тѣхъ надгробныхъ камняхъ, которые я самъ нашелъ, и которые, какъ можно убѣдительно доказать, Фирковичъ не видалъ. А потому позвольте мнѣ прежде показать вамъ то, что я самъ нашелъ. (Профессоръ показываетъ фотографическіе снимки съ найденныхъ имъ самимъ камней, и доказываетъ, основываясь на характерѣ фотографическихъ снимковъ, что Фирковичъ никоимъ образомъ не видалъ ихъ и, что слѣдовательно онъ не могъ сдѣлать въ нихъ никакихъ поддѣлокъ).

Одна изъ этихъ надписей относится къ 613 г. по Р. Х., какъ показываетъ дата и въ ней уже употреблена Эра по сотворенію міра. Одно изъ главныхъ доказательствъ противниковъ подлинности этихъ надписей состоитъ въ томъ, что въ нихъ употребляется довольно рано эра по сотворенію міра, которая, по мнѣнію ихъ, не была въ употребленіи ранѣе X-го в.; а между тѣмъ на надписи, въ подлинности которой сомнѣваться нельзя, мы находимъ употребленіе этой эры уже въ началѣ VII в., и притомъ еще въ сокращенномъ видѣ, изъ чего явствуетъ, что она была въ то время уже общеизвѣстна.

Я нашелъ еще одинъ камень съ надписью и съ датой 4606 г. по сотворенію, что соотвѣтствуетъ 846 г. по Р. Х. Въ подлинности этого камня также нельзя сомнѣваться. Такимъ образомъ доказано, какъ фактъ положительный, что на чуфуть-кальскомъ кладбищѣ есть надгробные камни начала VII в. и середины IX в., а между тѣмъ противники полагаютъ, что тамъ нѣтъ ни одного камня древнѣе XIII вѣка.

Кромѣ этихъ я нашелъ тамъ нѣкоторые надгробные камни до извѣстной степени загадочные. Я нашелъ четыре надписи, которыхъ также Фирковичъ не видалъ и которыя отличаются отъ другихъ надписей тѣмъ, что на нихъ обозначенъ только годъ, а именно 4000, 4049, 4090 и 4305 то есть 240, 289, 330 и 545 по Р. Х. Я на этихъ надписяхъ ничего не основываю, потому что тутъ, хотя не вѣроятенъ, но возможенъ подлогъ, но два упомянутые выше отъ 613 и 846 гг. камни находятся у меня и въ нихъ подлогъ невозможенъ.

Для рѣшенія вопроса о томъ, существуютъ ли тамъ вообще камни древнѣе XIII ст. совершенно достаточно, если были найдены два камня, въ подлинности которыхъ нельзя сомнѣваться, и на основаніи которыхъ уже нельзя предположить, что снимки камней, представленные Фирковичемъ, а ргіогі подложны.

Изъ находокъ, добытыхъ мною, явствуетъ, что тамъ въ началѣ VII и по всей вѣроятности даже въ III ст. жили евреи, потому что и та надпись, на которой была обозначена только дата, а именно 4000 т.-е. 240 по Р. Х. по всей вѣроятности также подлинна.

Кромѣ этого у насъ есть другой способъ для опредѣленія подлинности надписей—это способъ палеографическій. Тѣ, которые не занимались палеографіей, можетъ быть думаютъ, что каждый пишетъ, какъ ему угодно; но наука палеографія учитъ насъ, что каждое время имѣетъ особенный характеръ шрифта и по характеру шрифта можно узнать, въ какомъ приблизительно столѣтіи писалась данная надпись.

Противники подлинности полагаютъ, что Фирковичъ, перемѣняя, напр., въ оригиналѣ букву h на d, сдѣлалъ надпись на 1000 лѣтъ старше, и такимъ образомъ будто бы перемѣстилъ надписи XVI, XVII и XVIII вѣковъ въ VI, VII и VIII вѣка. Но если бы онъ передѣлалъ надписи XVI, XVII и XVIII вѣковъ, то это не очень трудно было бы узнать посредствомъ палеографіи. Палеографія есть вспомогательное средство при изслѣдованіи древнихъ шрифтовъ; при помощи ея можно узнать, какой шрифтъ болѣе древній и какой болѣе новый. (Профессоръ чертитъ на доскѣ формы нѣсколькихъ буквъ, относящихся къ памятникамъ различныхъ вѣковъ, причемъ легко можно было убѣдиться, какія изъ этихъ формъ болѣе древнія и какія болѣе новыя).

Такимъ образомъ, сравнивая нѣсколько недатированныхъ надписей между собою, мы можемъ опредѣлить, какая изъ нихъ болѣе древняя и какая новѣе. Палеографія знакомитъ насъ съ законами развитія шрифта. Случайнаго ничего нѣтъ—всему есть законъ! Палеографія успѣла доказать, что развитіе формы шрифта зависитъ главнымъ образомъ отъ стремленія, по возможности, упростить и ускорить письмо. Древній шрифтъ состоитъ изъ прямыхъ и косыхъ линій, круглыя линіи не употреблялись. (Профессоръ приводитъ въ примѣръ формы древнѣйшаго шрифта и послѣдовательное его развитіе). Форма буквъ такимъ образомъ большею частью можетъ служить руководствомъ при разрѣшеніи вопроса, къ какому вѣку относится надпись, потому что извѣстная форма буквъ употреблялась исключительно въ извѣстное время.

Но такъ какъ еврейскихъ памятниковъ было мало, и установить развитіе шрифта было трудно, то мнѣ приходилось собирать матеріалы для палеографіи еврейскаго шрифта, въ слѣдствіи чего я собралъ всѣ древне-еврейскіе памятники, изданные до сихъ поръ и весьма много неизданныхъ. Я старался пріобрѣсти всевозможныя надписи изъ Франціи, Испаніи, Итали и съ востока. Я собралъ множество древнихъ надписей и воспроизводилъ ихъ фотографическимъ путемъ; между ними находятся много датированныхъ, гдѣ годъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ что у меня оказался цѣлый рядъ надписей, которыя или датированы, или время начертанія которыхъ можетъ быть приблизительно установлено. Эти надписи могутъ служить намъ исходнымъ пунктомъ для опредѣленія датъ другихъ надписей.

Иногда и по побочнымъ историческимъ соображеніямъ возможно опредѣлить приблизительно дату недатированной надписи. Привожу вамъ примѣръ: въ сточной канавкѣ, находящейся подъ іерусалимскимъ храмомъ, извѣстный французскій академикъ Сосу (Saulcy) нашелъ надпись на мраморѣ. Хотя эта надпись не датирована, но можно съ увѣренностью предположить, что эта надпись должна была быть написана до разрушенія храма, т.-е. не позже I-го вѣка по Р. Х. Укажу другой примѣръ.

Упомянутымъ выше академикомъ Сосу была найдена еврейская надпись на ко-

лоннѣ въ мечети Эль-Акса, въ Иерусалимѣ. Эта мечеть находится на горѣ, гдѣ находился іерусалимскій храмъ; въ подвальномъ этажѣ этой мечети находится колонна, совершенно своеобразная по формѣ. Соси былъ даже того мнѣнія, что эта колонна происходитъ изъ Соломонова храма; но извѣстные новые изслѣдователи Ренанъ и Вогюэ (Vogüé) утверждаютъ, что эта колонна изъ храма Ирода. Эта мечеть была прежде христіанской церковью и была построена Юстиніаномъ около 530 г. по Р. Х. Пока этотъ столбъ стоялъ въ христіанскомъ храмѣ, не можетъ быть, чтобы еврей съ женою написалъ тамъ эту надпись, слѣдовательно эта надпись должна быть написана за время до 530 г., когда эта колонна, вѣроятно, еще валялась на мѣстѣ храма.

Имѣя цѣлый рядъ надписей, время происхожденія которыхъ мы приблизительно знаемъ, мы получаемъ средство для повѣрки надписей, представленныхъ Фирковичемъ. Путемъ сравненія крымскихъ надписей съ датированными южно-итальянскими IX в., я убѣдился, что форма шрифта на надгробныхъ памятникахъ того же времени, найденныхъ въ Крыму, весьма сходна съ означенными надписями южной Италіи.

Помимо повѣрки подлинности крымскихъ надписей путемъ доказательствъ, изложенныхъ выше, я пользовался еще *внутренней* повѣркой ихъ, путемъ сравненія ихъ между собою. Противники полагаютъ, что Фирковичъ, перемѣняя букву h на d, дѣлалъ надписи старше на тысячу лѣтъ, или перемѣняя h на t на 600 лѣтъ. Считая это вѣрнымъ, приходилось бы предположить, что надписи имѣющія, даты VIII в., принадлежатъ XVIII в.; если же сравнить эту якобы подложную надпись съ надписью дѣйствительно происходящею изъ XVIII в., мы увидимъ, что форма шрифта послѣдней совершенно отличается отъ формы шрифта первой и имѣетъ характеръ несравненно болѣе новый, такъ что онѣ не могутъ быть почти современны. Совершенно не мыслимо думать, чтобы почти *современныя*, на одномъ и томъ же кладбищѣ находящіяся, надгробныя надписи были написаны, одна письмомъ древнимъ, вышедшимъ изъ употребленія, а другія совершенно новымъ шрифтомъ.

Кромѣ того я бы могъ доказать, что разныя иныя научныя и литературныя доказательства, приведенныя противъ подлинности этихъ надписей, не основательны, или по крайней мѣрѣ, не всѣ основательны, но теперь я не буду говорить объ этомъ, потому что это не будетъ общепонятно. Желающіе ближе познакомиться съ даннымъ вопросомъ могутъ обратиться къ моему, С.-Петербург. Археологическимъ Обществомъ изданному сочиненію подъ заглавіемъ: „Сборникъ еврейскихъ надписей, содержащій надгробныя надписи изъ Крыма и надгробныя и другія надписи изъ иныхъ мѣстъ, въ древнемъ еврейскомъ квадратномъ шрифтѣ, также и образцы шрифтовъ изъ рукописей отъ IX—XV столѣтія. С.-Петербургъ 1884 г.“ *).

Въ заключеніе не могу не заявить, что я очень благодаренъ моимъ противникамъ за трудъ, который они взяли на себя; иначе я оставался бы при прежнемъ заблужденіи и думалъ бы, что Фирковичъ во всѣхъ отношеніяхъ правъ; теперь же убѣдился, что многое изъ его открытій подложно. Этимъ я обязанъ моимъ противникамъ.

*) Это же сочиненіе издано также и по нѣмецки подъ заглавіемъ: *Corpus inscriptionum hebraicarum etc.* S.-Petersburg 1882. Русское изданіе полнѣе и во многихъ отношеніяхъ исправлено.

О географическом распредѣленіи наименованій потомковъ Ноевыхъ въ генеалогической таблицѣ народовъ.

А. Гаркави.

Въ древнѣйшемъ документѣ, по всеобщей географіи и этнографіи, дошедшемъ до насъ, въ такъ - называемой родословной таблицѣ народовъ въ (X главѣ кн. Бытія), при распредѣленіи человѣческихъ расъ на три группы народовъ, встрѣчаются различныя затрудненія, устранить которыхъ, по сознанію лучшихъ критиковъ, до сихъ поръ ученымъ не удалось. По нашему глубокому убѣжденію, затрудненія эти обязаны своимъ происхожденіемъ той неопредѣленности возрѣніемъ на характеръ нашего документа и тому отсутствію строгой послѣдовательности, которыя господствуютъ во взглядахъ ученыхъ, трактовавшихъ объ этомъ предметѣ. Въ монографіи, напечатанной мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Трудахъ Имп. Русс. Археологическаго Общества, я входилъ въ обстоятельный разборъ всѣхъ мнѣній и системъ толкованій генеалогической таблицы, при чемъ я старался доказать, что съ научной точки зрѣнія можетъ быть оправдываема только чисто-географическая система, и что большая путаница происходитъ отъ того, что ученые толкователи нашего документа, признавая въ принципѣ географическій характеръ сего послѣдняго, дѣлаютъ все-таки различныя уступки то въ пользу мифологической, то въ угоду этнографической или этнологической системы. Въ названіяхъ трехъ сыновей Ноевыхъ мы нашли указанія на исходные пункты поселенія народныхъ группъ, входящихъ въ составъ Ноевскаго человечества, при чемъ мы слѣдующимъ образомъ резюмировали первоначальный смыслъ разсказа въ кн. Бытія:

Вслѣдъ за потопомъ потомки Ноя оставались нѣкоторое время въ горной странѣ Араратъ. Если даже допустимъ предположеніе тѣхъ ученыхъ, которые склонны видѣть въ первоначальномъ названіи Араратъ Аріаварту арійцевъ или другую дальнюю арійскую мѣстность на Гималаѣ, мы однако должны признать, что въ историческія времена, до которыхъ восходятъ воспоминанія какъ семитовъ, такъ и арійцевъ, названіе Араратъ всегда приурочивалось къ той горной возвышенности, которая и нынѣ носитъ это названіе. Доказательствомъ тому служатъ какъ *Урарту* ассиро-вавилонянъ, такъ и *Аираратъ* армянъ и *Амародія* классической географіи, а еще болѣе вся сово-

купность сказанія о потомствѣ Ноя, какъ сейчасъ увидимъ. На Араратѣ народныя массы раздѣлились на три группы, изъ коихъ одна удалилась на югъ въ *Симъ*, т. е. въ ту часть Таврскихъ горъ, которая находится между озеромъ Ванъ и Тигромъ и носить въ армянской географіи названіе *Симъ*. Другая группа ушла дальше на западъ и остановилась въ той части Таврской горной цѣпи, которая называется *Хамомъ*, т. е. въ *Хаману* ассирійскихъ клинообразныхъ надписей (окончаніе *аму* есть ассирійскій знакъ мн. чис.) откуда произошло названіе *Аманусъ* въ древне-классической географіи. Третья группа, наконецъ, избрала себѣ обиталищемъ часть тѣхъ же Таврскихъ горъ, которая называется *Тэфетомъ* или *Яфетомъ*, т. е. *Непатъ* армянскихъ писателей, *Нифатесъ* греко-римскихъ географовъ (начальный носовой звукъ часто смягчается въ семитскихъ языкахъ).

Этимъ объясненіемъ выигрывается не только единство и цѣлостность воззрѣнія въ разсматриваемомъ памятникѣ, но и устраненіе многоразличныхъ трудностей въ древнѣйшей родословной народовъ. Такъ какъ ограниченность времени не позволяетъ мнѣ входить въ большія подробности, то я позволю себѣ обратить вниманіе гг. членовъ Археологическаго Съѣзда только на слѣдующіе важнѣйшіе пункты:

А. Шестой стихъ въ нашемъ документѣ гласитъ: „Сыны Хама суть: *Куиъ Мираимъ, Путъ и Ханаанъ*“.

Начиная съ тѣхъ поръ, какъ ученые начали заниматься объясненіемъ родословни въ кн. Бытія, всегда они затруднялись объяснить, почему Ханаанцы (или Финикіянцы), которые по религіи, по языку и по другимъ этнографическимъ признакамъ чистѣйшіе семиты, причислены здѣсь къ потомству Хама, и до сихъ поръ не найденъ сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Нѣкоторые ученые полагали, что тутъ кроется политическая причина, а именно, что имѣлось въ виду оправдать нѣкоторымъ образомъ актъ насилія, совершенный Израильтянами надъ первоначальными обладателями Палестины, отнявъ у нихъ эту страну, и посему старались представить ихъ какъ бы проклятымъ племенемъ (*la race maudite*). Но противъ этого можно справедливо возразить, что древне-еврейскіе бытописатели и священныя лѣтописцы никогда не прибѣгали къ такому приему относительно друзей и враговъ, и нигдѣ въ библейскихъ книгахъ нельзя подмѣчать пристрастнаго отношенія къ разнымъ народамъ и племенамъ, основаннаго на родственныхъ связяхъ и расовомъ происхожденіи. Мы видимъ на оборотъ, что Израильтяне и Іудеи относились въ разныя историческія эпохи къ хамитскимъ Египтянамъ и къ арійскимъ Персамъ гораздо благосклоннѣе и дружественнѣе, чѣмъ къ семитскимъ Ассирійцамъ и Вавилонянамъ, и даже лучше чѣмъ къ ближайшимъ по родству народностямъ къ Терахитскимъ Аммонитянамъ и Моавитянамъ и къ Авраамитскимъ Идумейцамъ. Точно также еврейскіе бытописатели нисколько не стараются скрывать, что лучшіе ихъ цари, служившіе имъ всегда идеаломъ хорошихъ монарховъ, Давидъ и Соломонъ, отчасти иностраннаго происхожденія. Точно такія же затрудненія встрѣчаются намъ въ нашемъ документѣ при исчисленіи потомковъ Симовыхъ. Стихъ 22-й въ нашей родословнѣ гласитъ: „Сыны Сима Эламъ, Ассуръ, Арпахшадъ, Лудъ и Арамъ“.

Что касается *Элама*, Элимаида и Сузіана классическихъ писателей, то долгое время ученые думали, что страна эта была споконъ вѣковъ населена Иранцами. Шпигель, Ренанъ и др. находили ее въ самомъ названіи *Ауриама-Ваеджо* Зенд-Авесты. Хотя историческія клинообразныя надписи доказали неосновательность этого мнѣнія,

но вмѣстѣ съ тѣмъ эти же надписи свидѣтельствуютъ намъ, что древнѣйшее населеніе—Элимаиды не имѣло въ себѣ ничего семитскаго.

Точно также и *Лудъ*, *Лидійцы*, не были никогда Семитами, хотя и подвергались долгое время вліянію послѣднихъ при ассирійскомъ и вавилонскомъ владычествѣ въ Малой Азіи. Всѣ эти трудности и многія другія исчезаютъ при чисто-географическомъ методѣ толкованія нашего документа, принятомъ мною. Дѣло въ томъ, что семитскіе языки чрезвычайно благопріятствуютъ системѣ географическихъ эпонимовъ, такъ какъ словомъ *бене*, *бану* (сыны) обозначаются жители извѣстной мѣстности не только въ поэзіи, но и въ прозѣ, и для обозначенія, напр., Египтянъ, Вавилонянъ и т. п. въ простой рѣчи употребляются большею частью выраженіе: сыны Египта, сыны Вавилона и т. д.

Исходя съ этой точки зрѣнія, мы получаемъ возможность понимать слова нашего текста безъ всякой натяжки, такъ какъ названія, фигурирующія здѣсь какъ потомки *Симовы*, *Хамовы* и *Яфетовы*, дѣйствительно группируются около трехъ выше-названныхъ мною отраслей Таврской горной цѣпи, или же размѣщены по порядку естественнаго разсѣленія колоній, сошедшихъ съ означенныхъ нагорій внизъ.

Такъ сынами *Хама*, или странами, получившими свое народонаселеніе отъ *Амануса* названы въ обратномъ порядкѣ (потому что колоніи, спустившіяся раньше, должны находиться дальше отъ первоначальнаго обиталища): *Кушъ* (семитское и египетское названіе Эіопіи), *Мицраимъ* (Египетъ), *Путь* (египетское *Пунтъ*, по обѣимъ сторонамъ Баб-ель-Мандебскаго залива) и *Ханаанъ* (Финикія, находящаяся у самаго подножія горы Аманусъ).

Точно также сынами *Сима*, или странами, населенными чрезъ горную возвышенность, находящуюся между озеромъ Ванъ и Тигромъ, обозначаются *Эламъ* юго-восточное побережье Тигра (слово *эламъ* по ассирійски значитъ *передній* или *восточный*); *Ассуръ* (Ассирія къ западу отъ Тигра), *Арпахшадъ* (*Арпахитида* Грековъ, около Ванскаго озера), *Лудъ* (къ сѣверо-западу отъ того же озера и Тигра) и *Арамъ* (Сирія и Месопотамія) къ юго-западу отъ Вана и Тигра.

Такимъ же образомъ и сынами *Яфета*, т. е. странами, получившими свое населеніе чрезъ сѣверо-восточную часть Таврскихъ горъ или чрезъ *Нифатесъ*, второй стихъ нашей родословной считаетъ: *Гомеръ* (*Гимираи* ассирійцевъ землю Киммровъ или прародителей Армянъ) *Магоъ* (Скию классической географіи), *Мадай* (Мидію), *Яванъ* (Малоазійскихъ Топійцевъ), *Тубалъ* и *Мешехъ* (*Табаль* и *Мошкаи* ассирійскихъ надписей), которые нѣкоторые ученые отождествляютъ съ прародителями Грузинъ, что однако никакъ не предрѣшаетъ вопроса о принадлежности Грузинъ къ арійскому племени, такъ какъ нашъ документъ, какъ мы уже замѣтили, совсѣмъ не занимается вопросомъ о расовомъ происхожденіи народовъ.

Свѣдѣнія о Памятникахъ Грузинской письменности.

Цагарелли.

Почти до начала текущаго столѣтія мы не видимъ подробнаго систематическаго каталога древне-грузинской литературы. Первый систематическій каталогъ грузинскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ является вначалѣ текущаго столѣтія. Царевичъ Таймуразъ, сынъ послѣдняго царя грузинскаго, составилъ каталогъ своихъ книгъ и своей обширной библіотеки, вывезенной имъ изъ Грузіи въ Петербургъ. Покойный Броссе перевелъ еще кромѣ того два каталога двухъ князей Грузинскихъ Циціанова и Авалова, присоединивъ къ нимъ свои примѣчанія о книгахъ, которыя ему приходилось видѣть и читать, и такимъ образомъ напечаталъ первый подробный каталогъ грузинскихъ книгъ. Каталогъ этотъ напечатанъ въ 1838 г. въ изданіи Академіи наукъ (*Recueil des actes*) и занимаетъ 58 страницъ. Онъ раздѣленъ на 22 отдѣла, заключающихъ въ себѣ свыше 1000 названій рукописныхъ и старопечатныхъ книгъ. Это самый полный и подробный каталогъ. Въ 30-хъ годахъ на Аѳонской горѣ, въ Иверскомъ монастырѣ, жилъ монахъ Иларіонъ, духовникъ послѣдняго царя Имеретинскаго Соломона II. Онъ составилъ каталогъ книгъ Иверскаго монастыря, который въ подлинникъ, или въ хорошей копіи, я нашелъ въ бумагахъ покойнаго владѣтеля Мингреліи Давида. Онъ составилъ приложеніе къ моему каталогу. Этотъ владѣтельный князь былъ большой библіофилъ, его рукою намѣченъ на Аѳ. каталогъ 1836 годъ. Этотъ каталогъ книгъ Иверскаго монастыря перевелъ Броссе, а В. Ланглау въ 1867 г. напечаталъ его въ *Journ. Asiatique*. Затѣмъ, свѣдѣнія библіографическаго характера о грузинскихъ рукописяхъ и старопечатныхъ книгахъ встрѣчаются у Н. И. Юселиани въ его изданіяхъ грузинскихъ авторовъ. Какъ извѣстно, онъ издалъ произведенія писателей XII и XVII вв., и снабдилъ ихъ множествомъ примѣчаній, библіографическаго содержанія—правда, требующихъ еще провѣрки, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнныхъ, какъ матеріалъ для исторіи груз. письменности. Затѣмъ, встрѣчаются библіографическія свѣдѣнія въ предисловіи г. Чубинова къ изданной имъ исторіи Вахушта въ 50-хъ годахъ, равно и въ грамматикѣ Броссе, изд. 1834 г. Вотъ все, что было сдѣлано до сего времени по части каталогизаціи грузинскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ.

Въ каталоги, которые я пересчиталъ, занесены уже названія нѣсколькихъ тысячъ рукописей.

Въ описаніи каталога, часть котораго у меня уже составлена, войдутъ главнымъ образомъ и составятъ ядро каталога рукописи покойнаго князя И. Г. Грузинскаго. Далѣе названіе рукописей и старопечатныхъ книгъ, Дадіановской библіотеки, которая принадлежитъ нынѣ князю Мингрельскому. Далѣе каталогъ рукописей Иверской обители на Афонѣ; затѣмъ, отдѣльныя сочиненія, которыя мнѣ приходилось видѣть и читать, что составитъ до 1000 названій. Я сказалъ, что ядромъ этого каталога будетъ коллекція рукописей, оставшихся отъ кн. Ив. Гр. Грузинскаго и находящихся въ настоящее время въ Спб. Публичной Библіотекѣ. Въ этой коллекціи имѣется до 700 названій. Считаю не лишнимъ вкратцѣ изложить исторію этой коллекціи. Еще дѣдъ царевича Ивана Грузинскаго вывезъ изъ Грузіи значительную коллекцію грузинскихъ рукописей; объ этомъ можно судить по тѣмъ записямъ, которыя встрѣчаются въ началѣ и концѣ книгъ равно и на поляхъ, гдѣ записано, когда, кто и гдѣ приобрѣлъ эти книги. Сынъ этого царевича Григорій, отецъ Ивана Грузинскаго, былъ тоже большой библіофилъ и собиралъ книги. Самъ Иванъ Грузинскій былъ также большой любитель древностей и собиралъ ихъ. Такимъ образомъ, рукописи накопились въ теченіи трехъ поколѣній; наконецъ, значительную часть онъ приобрѣлъ самъ, въ бытность свою въ Тифлисъ въ 1860-хъ годахъ отъ покойнаго археолога Юселиани, который имѣлъ довольно богатую библіотеку и коллекцію старопечатныхъ книгъ. Самое большое количество этихъ книгъ приходится на отдѣлъ духовнаго содержанія. Тутъ есть книги библейскія, церковно-богослужебныя, богословскія и Житія Святыхъ; за этими слѣдуютъ отдѣлы: поэтическій, историческій, медицинскій, военный (артилеріи, стратегіи), географіи и путешествій. По всѣмъ этимъ отраслямъ, есть нѣсколько десятковъ экземпляровъ разныхъ вѣковъ. Но что составляетъ истинное украшеніе этой коллекціи, это Евангеліе X в. Рѣдко приходится библіографу встрѣчать такую книгу. Тутъ только прочитать и больше ничего не требуется никакихъ догадокъ, никакихъ комментарій не нужно: въ ней имѣется обстоятельное указаніе, когда книга написана, по чьему приказанію, въ какой мѣстности. Писано это Евангеліе заглавными буквами; есть и строчныя, но весь текстъ Евангелія унциального письма. Безъ всякаго сомнѣнія оно написано въ X в. (995 г.). Затѣмъ, въ немъ имѣются искусно раскрашенныя въ виз. стилѣ изображенія евангелистовъ. Въ самомъ началѣ встрѣчаются на двухъ страницахъ красивыя цвѣтныя символическія изображенія съ обозначеніемъ дневныхъ чтеній и позднѣйшая (XI — XII в.) запись, гласящая, что рисунки привезены изъ Константинополя. Рукопись эта превосходно уцѣлѣла, пергаментъ совершенно свѣжъ. Рукопись эта написана въ *Тбетскомъ* монастырѣ въ Шавшетѣ, — нынѣшней Батумской области. Затѣмъ въ той же коллекціи кн. Грузинскаго есть рукописи XI, XII и XIII вв. исключительно духовнаго содержанія. Въ числѣ этихъ памятниковъ есть и замѣчательный требникъ IX—XI в., написанный на пергаментѣ въ видѣ большаго свитка, до пяти аршинъ длиною, въ немъ встрѣчаются чрезвычайно важныя варианты. Далѣе есть еще Евангеліе XII в., Псалтырь конца XII и начала XIII в. въ два съ половиною вершка длины и 2 вершка ширины. Затѣмъ дѣлается скачекъ — въ XIII, XIV и даже XV вѣкахъ мало письменныхъ матеріаловъ и являются они опять во множествѣ въ XVII и XVIII вв., но уже преимущественно свѣтскаго характера, и нѣтъ болѣе того знанія и искусства въ письмѣ. Я сказалъ, что кромѣ рукописей въ этой коллекціи

есть значительное количество груз. старопечатныхъ книгъ, весьма важныхъ для исторіи книгопечатанія въ древней Грузіи. Эти послѣдніе памятники даютъ драгоцѣнный матеріалъ для возстановленія исторіи грузинскаго книгопечатнаго дѣла. Мы не приходилось встрѣчать нигдѣ въ такомъ изобиліи книгъ за весь періодъ книгопечатанія въ Грузіи (1709—1820 гг.), какъ въ библиотекѣ кн. Грузинскаго. За неимѣніемъ другихъ свѣдѣній приходится по этимъ книгамъ возстановлять исторію книгопечатанія и въ этомъ отношеніи книги нашего времени не могутъ сравниться съ древними. Въ книгахъ XVIII столѣтія подробно указано въ царствованіе какого царя напечатано, гдѣ и при какомъ патріархѣ, по какому поводу, кто былъ смотрителемъ типографіи, кто былъ корректоромъ, наборщикомъ, типографщикомъ и т. д. По этимъ книгамъ я постараюсь вкратцѣ рассказать исторію книгопечатанія въ Грузіи.

Къ 1709 г. уже является книгопечатный станокъ въ Тифлисѣ, какъ гласятъ мemento этихъ книгъ, привезенный изъ Валахіи. Теперь спрашивается: какая была причина востребованія станка изъ Валахіи, а не изъ другаго какого нибудь мѣста? Мы знаемъ, что тогда книгопечатныхъ станковъ въ Константинополь и Греціи еще не было, Москва была далеко, слѣдов., оставалось привезти его изъ Валахіи, гдѣ господари греческаго происхожденія покровительствовали книгопечатному дѣлу и литературѣ, тѣмъ болѣе, что Валахія была страна Христіанская, православная и не было опасности, что съ книгопечатаніемъ завезутъ въ страну какую нибудь ересь. Печатались при царѣ Вахтангѣ VI (1709—1724 гг.) главнымъ образомъ книги духовнаго содержанія. Онъ имѣлъ въ виду напечатать и всю библію, но не успѣлъ. Было напечатано также нѣсколько свѣтскихъ книгъ. Послѣ переселенія Вахтанга въ Москву (1724 г.), книгопечатаніе прекращается въ Тифлисѣ и переносится въ Москву. А именно, тамъ вышло извѣстное изданіе груз. библіи въ 1843 г. Въ 50-хъ годахъ XVIII в. снова печатаются книги въ Тифлисѣ. Въ 1762 г. царь Ираклій II возобновляетъ и улучшаетъ типографію и здѣсь снова печатаются книги духовнаго и свѣтскаго содержанія. Но печать 1724—1782 годовъ не отличается красотой и изяществомъ, какъ при Вахтангѣ VI. Поэтому въ 1782 г. Ираклій посылаетъ одного изъ своихъ чиновниковъ грека Мелитона въ Константинополь, чтобы привезти оттуда мастеровъ и устроить и улучшить книгопечатное дѣло въ Грузіи. Все это мы узнаемъ изъ одной брошюры, находящейся въ коллекціи кн. Грузинскаго. Брошюра эта составлена на грузинскомъ языкѣ и напечатана церковнымъ шрифтомъ—въ новообразованной типографіи Ираклія въ 1782 г. и заключаетъ въ себѣ похвальное слово этому царю по поводу возобновленія типографіи. Эта маленькая брошюра проливаетъ новый свѣтъ на грузинское книгопечатное дѣло прошлаго вѣка. Типографія эта продолжаетъ свою дѣятельность до 1795 г., когда Шахомъ Персидскимъ Ага Магомедъ-Ханомъ былъ разрушенъ Тифлисъ и сама типографія. Въ концѣ одного требника встрѣчается перечень всѣхъ изданій, сдѣланныхъ по порученію Царя Ираклія, въ 90-хъ годахъ XVIII в. нѣкимъ священникомъ Кеража-Швили числомъ 7400 экземпляровъ. Послѣ 1795 г. опять возникаетъ типографія и мы видимъ, что въ 1800 г. въ ней напечатана Всеобщая Исторія на Грузинскомъ языкѣ, составленная старшимъ сыномъ послѣдняго Грузинскаго Царя Гедля XIII, Давидомъ. Исторія эта обнимаетъ собою исторію Персіи, Греціи, Рима и Грузіи. Такимъ образомъ, и послѣ погрома Тифлиса и разрушенія типографіи въ 1795 г., спустя нѣсколько лѣтъ она снова возникаетъ въ Тифлисѣ.

Въ этой же коллекціи есть другіе экземпляры книгъ, которыя указываютъ на дру-

гія мѣста печатанія, именно, на *Сачгерэ* и *Цеси* въ Имеретіи. Тамъ печатаются съ 1800 по 1820 гг. только исключительно духовныя книги.

Вотъ тѣ краткія свѣдѣнія, которыя я могу сообщить объ исторіи книгопечатанія въ Грузіи, на основаніи печатныхъ книгъ коллекціи князя Грузинскаго. Рукописи, которыя я перечиталъ и которые войдутъ въ мой каталогъ, не исчертываютъ еще всѣхъ сокровищъ Грузинской письменности. Ихъ очень много и въ частныхъ рукахъ и въ церквахъ. Что не все еще исчерпано, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: иногда куда нибудь заброшенная книга, является тогда и тамъ, когда и гдѣ ее никто не ожидалъ найти и никто не искалъ. По этому я хотѣлъ бы обратиться съ покорнѣйшей просьбой къ тѣмъ изъ членовъ нашего Съѣзда, если у кого найдутся рукописи, сообщить объ нихъ свѣдѣнія мнѣ или еще ближе Д. З. Бакрадзе, чтобы такимъ образомъ пополнить каталогъ неизвѣстными до сихъ поръ рукописями. Извлекая эти свѣдѣнія, мы съ одной стороны обогатимъ науку, съ другой стороны [воздадимъ дань уваженія памяти прежнихъ тружениковъ на поприщѣ грузинской литературы и письменности.

О необходимости изученія знаковъ собственности кавказскихъ туземцевъ и другихъ племенъ, населяющихъ Россію.

Е. Т. Соловьева.

Историческая географія и этнографія, не смотря на свои капитальные успѣхи по части Россіи во многихъ отношеніяхъ, обладаетъ однимъ пробѣломъ, который на первый взглядъ является настолько неощутительнымъ, что его трудно признать, а между тѣмъ это несомнѣнный фактъ.

Пробѣлъ этотъ составляетъ собой ничто иное, какъ ученіе о знакахъ собственности, или юридическихъ знакахъ, и изученіе таковыхъ у различныхъ народностей Россіи. Эти знаки съ перваго раза кажутся такими неважными въ дѣлѣ историческихъ изысканій, что ихъ, какъ бы, свободно можно пропустить безъ ущерба въ отношеніи истинности тѣхъ или другихъ выводовъ, которые касаются опредѣленія извѣстной народности, культуры ея, правовыхъ воззрѣній и проч.

Въ силу чего изученіе знаковъ собственности до сихъ поръ находится въ зачаткѣ, особенно это можно сказать о Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ весьма интересный и, какъ мы увидимъ дальше, во многихъ отношеніяхъ важный предметъ до настоящаго времени затронуть не болѣе, какъ въ десяткѣ статей, касающихся почти исключительно сыраго матеріала, собраннаго крайне неполно, отрывочно, или общихъ мѣсть о сущности дѣла. Единственною, болѣе полною по содержанію является статья г. Ефименко, помѣщенная въ „Журн. Минист. Нар. Просвѣщенія“ за 1874 годъ, подъ заглавіемъ: „Юридическіе знаки“, но и она, какъ строго-научная монографія, не выдерживаетъ никакой критики, потому что, во-1-хъ, авторъ ея, при изученіи знаковъ собственности, почему-то нашелъ нужнымъ примѣнить теорію Дарвина о происхожденіи видовъ, что представляетъ собой чистый абсурдъ; во-2-хъ, у г. Ефименко рѣшительно отсутствуетъ понятіе о томъ, какое дѣйствительное значеніе ученіе о знакахъ собственности имѣетъ или можетъ имѣть въ исторіи народной жизни, въ исторической географіи и этнографіи, въ археологіи и другихъ сторонахъ науки и жизни. Отсутствіе у автора этого понятія сводитъ его работу на степень сборника сыраго матеріала. И, къ слову сказать, сборника не вполне обстоятельнаго по отношенію къ

той части его, которая касается изображенія знаковъ. Дѣло въ томъ, что авторъ, по-видимому, заинтересовавшись серьезно дѣломъ, не далъ себѣ, какъ бы слѣдовало, труда сгруппировать знаковъ въ опредѣленную систему и по народностямъ. Вообще недостатковъ въ трудѣ г. Ефименко немало, но, не смотря на это, онъ представляетъ собой первую серьезную попытку положить начало строго-научному изученію знаковъ, за что, конечно, авторъ заслуживаетъ благодарности. Тѣмъ не мѣнѣе у насъ, въ Россіи, строго говоря, по изученію знаковъ собственности сдѣлано весьма мало: племень, населяющихъ Россію, наука до сихъ поръ въ приведенномъ отношеніи коснулась слабо, а о кавказскихъ туземцахъ не слышно до настоящаго времени ни слова. Далѣе, хотя во многихъ историческихъ сочиненіяхъ, особенно по исторіи русскаго права, и есть свѣдѣнія о знакахъ, но они исключительно касаются русской народности, способовъ изображенія ихъ, названія, употребленія и важности нѣкоторыхъ изъ нихъ въ глазахъ законодательной власти и въ сфрагистикѣ, какъ замѣтилъ объ этомъ г. Котляревскій, объ ихъ-же историческомъ значеніи въ упомянутомъ выше смыслѣ никто не говоритъ.

А между тѣмъ необходимость изученія знаковъ собственности, или юридическихъ знаковъ, какъ русской народности, такъ и кавказскихъ туземцевъ и другихъ племень, населяющихъ Россію, вызывается многими весьма существенными причинами, на выясненіи которыхъ я и остановлюсь теперь съ указаніемъ на то, какая доля значенія принадлежитъ знакамъ собственности въ той или другой области значенія, съ какою они могутъ соприкасаться по своему существу.

Прежде всего остановлюсь на значеніи юридическихъ знаковъ въ семьѣ, въ обществѣ и государствѣ.

Въ обыденной жизни различныхъ племень, населяющихъ Кавказъ и остальную часть русской территоріи и живущихъ въ селеніяхъ и городахъ, знакамъ собственности принадлежитъ важная роль, гдѣ, при одинаковости предметовъ, бываетъ необходимо каждому домохозяину выдѣлить свой. Такихъ случаевъ бываетъ немало: перемѣшиваются овцы одного домохозяина съ другими, могутъ быть смѣшаны разные лѣсные и другіе матеріалы на мѣстѣ ихъ складки, принадлежащіе различнымъ лицамъ; можно чужіе холсты принять за свои, особенно въ томъ случаѣ, когда ихъ для отбѣливанія десятками раскладываютъ въ одномъ мѣстѣ различныя крестьянскія семейства; можно случайно выжать чужую полосу и т. д. Чтобы избѣжать всѣхъ перечисленныхъ и подобныхъ имъ случаевъ, обращаютъ вниманіе на знаки собственности, которые обыкновенно всегда выводятъ изъ недоразумѣнія и даютъ каждому возможность пользоваться тѣмъ, что ему принадлежитъ. Вообще путемъ знаковъ собственности разрешается множество мелкихъ недоразумѣній, возникающихъ въ обыденной жизни сельскихъ и городскихъ сословій, въ семьѣ и обществѣ ихъ. И если бы знаки собственности не существовали, то тогда бы большое количество недоразумѣній въ отношеніи правъ собственности на извѣстные предметы пришлось бы вѣдать суду, что для государства было бы большимъ обремененіемъ, такъ какъ неизбѣжнымъ результатомъ отсутствія знаковъ собственности было бы обиліе судебныхъ процессовъ, чего, при существованіи знаковъ, нѣтъ.

Этихъ краткихъ замѣчаній, мнѣ кажется, достаточно для того, чтобы видѣть, какую видную роль играютъ знаки собственности въ семейной, общественной и государственной жизни Россіи.

Для того, чтобы определить роль знаков собственности в сфере гражданского и уголовного права и суда, приходится сказать немного.

В виду того, что юридическіе знаки вполне замѣняютъ отсутствующіе акты укрѣпленія правъ на вещи за извѣстными лицами, тѣмъ болѣе, что, будучи взяты извѣстной семьей по произволу, знаки эти въ своей первоначальной формѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, повторяются изъ года въ годъ и даже сохраняются въ потомствѣ, имѣя большое значеніе въ глазахъ народа, схода и волостнаго суда, такъ какъ служатъ неопровержимымъ доказательствомъ принадлежности того или другого предмета извѣстному лицу. А потому получается, что знаки собственности, какъ замѣняющіе акты укрѣпленія правъ на имущество, имѣютъ такое же юридическое значеніе, какъ и самые акты, слѣдовательно, упомянутые знаки являются юридическими въ полномъ смыслѣ слова.

Вообще знаки собственности, указывая на принадлежность извѣстной вещи определенному лицу, имѣютъ прямымъ назначеніемъ своимъ огражденіе собственности. Въ силу чего, порча этихъ знаковъ разсматривается волостными судами крестьянъ какъ преступленіе и строго ими преслѣдуется во всѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ только существуютъ эти суды.

То пониманіе археологіи въ широкомъ смыслѣ слова, какое лежитъ въ основѣ дѣятельности ученыхъ археологическихъ обществъ и отдѣльныхъ археологовъ, имѣетъ весьма капитальное значеніе для развитія науки, для прочной установки ея основъ и плодотворнаго содѣйствія не только археологіи, но и исторіи.

Въ силу этого обстоятельства, я нахожу, что изученіе знаковъ собственности кавказскихъ туземцевъ и другихъ племенъ, населяющихъ Россію, тѣхъ знаковъ, какіе ставятся и ставились упомянутыми народностями, населяющими и населявшими Россію, на различныхъ предметахъ роскоши, ежедневнаго потребленія, животныхъ и вообще на движимости со времени глубокой древности, имѣетъ немаловажное значеніе съ археологической точки зрѣнія. И это я говорю потому, что юридическіе знаки встрѣчаются и на археологическихъ находкахъ. Такъ мы знаемъ свинцовые оттиски, найденные въ р. Бугѣ ¹⁾. Знаки собственности могутъ встрѣчаться на различныхъ предметахъ и при археологическихъ раскопкахъ кургановъ, городищъ и другихъ древнихъ земляныхъ насыпей, распространенныхъ по разнымъ мѣстностямъ Кавказа, Европейской Россіи и Сибири.

При этомъ, заручившись обстоятельнымъ изученіемъ знаковъ собственности у разныхъ народностей, живущихъ въ Россіи теперь, со включеніемъ кавказскихъ туземцевъ, и составивъ вполне точное понятіе о томъ, какіе знаки принадлежатъ каждой народности и какимъ характеромъ обладаютъ знаки ихъ, — такъ какъ они у каждой народности имѣютъ свой особый характеръ и значительно отличаются (что я могу судить по собраннымъ мною знакамъ разныхъ народностей Европейской Россіи, за исключеніемъ Кавказа), — мы можемъ всегда безошибочно определить найденные во время археологическихъ раскопокъ старинные предметы въ отношеніи того, какому народу они принадлежатъ и тѣмъ въ нѣкоторыхъ или во многихъ случаяхъ напасть на мысль о нахожденіи въ старое, давнее время въ извѣстной мѣстности той или дру-

¹⁾ Древности. Труды Москов. археол. Общ. 1867 г., вып. 2, статья А. Котляревскаго.

гой народности или того или другого племени, а также, въ связи съ другими данными, придти къ послѣдующимъ какимъ-либо выводамъ, не безынтереснымъ для науки.

Важность знаковъ собственности въ отношеніи исторіи состоитъ въ томъ значеніи ихъ, что они, съ постепеннымъ развитіемъ государственной культуры, обращаясь изъ символическихъ, простыхъ, въ буквенные и гербы государства, а также дворянскихъ родовъ и характеризуясь въ своей простотѣ строгою художественностію, могутъ, вмѣстѣ съ другими данными, служить указателями какъ на степень культурнаго развитія цѣлаго государства, такъ и отдѣльныхъ сословій его въ данное время.

Что можетъ считаться несомнѣннымъ, мнѣ кажется, видно изъ того, что строгая простота стили въ изображеніи вензелевыхъ, буквенныхъ, знаковъ собственности и гербовъ обуславливается умственною зрѣлостію цѣлаго народа или отдѣльнаго слоя его.

При этомъ я долженъ замѣтить, что, по моему мнѣнію, различные гербы, напр., русскаго государства, губерній, уѣздовъ, княжескихъ, графскихъ и дворянскихъ родовъ не только Россіи, но и другихъ цивилизованныхъ государствъ, существующихъ на земномъ шарѣ, есть такіе же знаки собственности, какіе существуютъ у городскихъ сословій и сельскихъ жителей Россійской имперіи, тѣмъ болѣе, что, напр., мы весьма нерѣдко встрѣчаемъ изображеніе княжескихъ, графскихъ или дворянскихъ гербовъ на зданіяхъ, принадлежащихъ князьямъ, графамъ и дворянамъ. Да и сущность принадлежности ихъ семействамъ и продолжительности существованія совершенно одинаковы съ обыкновенными знаками городскихъ сословій и крестьянъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ гербъ Русскаго государства неизмѣнно принадлежитъ ему, такъ и гербы дворянъ и упомянутыхъ титулованныхъ лицъ принадлежатъ имъ пріемственно.

При потомственномъ переходѣ родовыхъ гербовъ мы наблюдаемъ два случая. Въ одномъ изъ нихъ, при отсутствіи у потомка какихъ-либо особенныхъ заслугъ, гербъ остается безъ измѣненія; въ другомъ — къ нему дѣлаются новыя прибавленія, совершенно аналогичныя съ крестьянскими: у крестьянина къ потомственному домовому знаку прибавляется черточка, у дворянина изображеніе ордена за заслуги въ видѣ крестика. Въ другомъ случаѣ, какъ крестьянскіе знаки собственности, такъ и гербы есть знаки символическіе.

Всего сказаннаго, надѣюсь, достаточно, чтобы убѣдиться, что гербы, обладая всѣми свойствами знаковъ собственности, ничѣмъ инымъ, какъ упомянутыми знаками, быть не могутъ.

Въ отношеніи правильности и степени художественности въ изображеніи символическихъ знаковъ, буквенныхъ и гербовъ мы видимъ, что символическіе знаки крестьянъ обладаютъ древнею безыскусственностію, простотою, и неправильною формою очертаній, потому что дѣлаются ими отъ руки, безъ всякихъ особыхъ пособій; тогда какъ буквенные знаки и гербы, если и простые, то изображеніе ихъ отличается художественностію, представляющею собой результатъ прежняго развитія, постепенной работы мысли и искусства. Послѣднее указаніе еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что гербы есть дѣйствительно такіе же знаки собственности, какіе на различныхъ предметахъ движимости и недвижимости встрѣчаются у различныхъ племенъ Русскаго государства.

Далѣе, переходя къ исторической географіи и этнографіи, должно замѣтить, что,

такъ какъ мы видѣли, что на символическихъ знакахъ собственности отражается известная степень народной культуры, то при этомъ условіи они въ состояніи помочь, въ связи съ другими данными, съ одной стороны, опредѣлить болѣе точно географическое распредѣленіе тѣхъ или другихъ племенъ, въ ту или другую эпоху, а съ другой—опредѣлить тѣ особенности какими, въ общихъ чертахъ, известное племя отличается особенностями.

Что это вѣрно, мы можемъ прослѣдить на нѣкоторыхъ народностяхъ, знаки которыхъ помѣщаются въ прилагаемой здѣсь таблицѣ. См. табл. XIV.

Въ самомъ дѣлѣ, обращая вниманіе на *русскихъ*, мы видимъ, что, напр., наши крестьяне хотя и не обладаютъ достаточною степенью грамотности, но, благодаря историческимъ условіямъ ихъ жизни, сформировались въ отношеніи общественной жизни такъ, что имѣютъ у себя обстоятельно сформировавшееся обычное право. Что касается городскихъ сословій, то они живутъ, во 1-хъ, въ большинствѣ случаевъ по писанымъ законамъ, а, во 2-хъ, преимущественно обладаютъ научными знаніями. Въ силу этого знаки собственности русскихъ имѣютъ строго реальное значеніе, касаются почти всѣхъ предметовъ собственности и, благодаря своей реальности, просты, какъ это видно изъ приложенной таблицы.

Культура *малороссовъ* стоитъ въ одинаковой степени съ культурой русскихъ, и потому въ изображеніи ихъ знаковъ та же простота. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на таблицу ихъ знаковъ.

Культура же *мордвы*, *чуваши*, *черемисъ*, *вогтовъ* и *татаръ* стоитъ въ религіозномъ отношеніи нѣсколько ниже приведенныхъ выше двухъ народностей и въ нравственномъ и умственномъ развитіи она имѣетъ мало отличій, а потому ту же простоту знаковъ мы видимъ и у нихъ.

Но не то приходится встрѣтить намъ у такихъ народностей, которыя не имѣютъ у себя опредѣленно сложившагося и вполне развитаго общественнаго быта, гдѣ главное поле дѣятельности отмежовано не для умственной дѣятельности въ отношеніи примѣненія къ дѣлу знаній и соображеній, построенныхъ на этихъ знаніяхъ, а для воображенія и фантазіи. Таковы приуральскіе народцы *вогуль* и *остяки*. У нихъ употребленіе знаковъ собственности хотя и существуетъ, но также не развито, какъ и ихъ общественный бытъ. Въ силу чего фантазія у этихъ народцевъ имѣетъ въ жизни преобладающее значеніе надъ разумомъ. А потому и знаки собственности у нихъ слишкомъ вычурны.

На основаніи всего сказаннаго, мы можемъ придти къ слѣдующему:

1) Простая и правильная форма юридическихъ знаковъ, изображенныхъ буквами, принадлежитъ народу вообще научно развитому и обладающему известною степенью государственнаго благоустройства.

2) Простая, но неправильная форма знаковъ, представляющихъ собой символическія фигуры, принадлежитъ такому народонаселенію, которое еще не доросло до того, чтобы жить по законамъ писанымъ, но живетъ по сформировавшемуся вполне обычному праву.

3) Слишкомъ вычурная форма знаковъ собственности, воспроизведенная подъ особеннымъ вліяніемъ фантазіи, указываетъ на народъ, еще не сформировавшимся въ культурномъ отношеніи.

Вотъ главныя черты того значенія, какое, по моему мнѣнію, могутъ имѣть знаки

собственности въ исторической географіи и этнографіи, помогая въ первомъ случаѣ точнѣе опредѣлить границы той территоріи, которую въ извѣстное время въ ней занимала та или другая народность, а во второмъ—болѣе или менѣе обстоятельно изучить народъ.

Если юридическіе знаки будутъ изучены у каждой народности, населяющей Россію, обстоятельно и будутъ сдѣланы серіозныя изысканія въ отношеніи того, какіе знаки собственности принадлежали древнему до историческому и историческому времени, то ученый антропологъ будетъ имѣть при своихъ изысканіяхъ у себя подъ руками еще одно изъ тѣхъ средствъ, которыя содѣйствуютъ ему опредѣлить то обстоятельство, къ какой, напр., народности принадлежалъ извѣстный костюмъ, который былъ найденъ при какой-либо ученой раскопкѣ съ какими-нибудь предметами, на которыхъ сохранились извѣстные знаки собственности.

А если антропологу пришлось сдѣлать рядъ такихъ находокъ въ отношеніи одной и той же народности, которую онъ могъ опредѣлить лишь по знакамъ собственности, въ связи съ историческими данными, то отсюда онъ можетъ опредѣлить и племенной типъ этой народности.

Это касается тѣхъ народностей, которыя сошли со сцены; въ отношеніи же опредѣленія типа живущихъ народностей знаки собственности, въ связи съ другими данными, могутъ помочь ему выдѣлить для своей цѣли лишь тѣ особи, которыя имѣютъ въ своемъ распоряженіи знаки одного и того же характера, которыя лишь считаютъ себя за ту народность, какая подвергается изслѣдованію; но, судя по знакамъ собственности и другимъ даннымъ, къ ней въ дѣйствительности не принадлежитъ. Такія особи антропологомъ, благодаря различнымъ даннымъ, и вмѣстѣ юридическимъ знакамъ, въ расчетъ приняты не будутъ.

Изъ изложеннаго сейчасъ видно, что юридическимъ знакамъ и въ антропологіи принадлежитъ не послѣдняя роль.

Все сказанное мною до сихъ поръ есть плодъ десятилѣтнихъ спеціальныхъ изысканій по изученію знаковъ собственности у различныхъ племенъ русскаго государства.

Я сочту цѣль моего настоящаго сообщенія достигнутою, если ученое собраніе найдетъ полезнымъ признать справедливостію необходимость изученія знаковъ собственности кавказскихъ туземцевъ и другихъ племенъ, населяющихъ Россію въ томъ направленіи, какое мною здѣсь намѣчено при выясненіи значенія упомянутыхъ знаковъ.

Что касается программы, по которой должно быть ведено изученіе юридическихъ знаковъ, то, мнѣ кажется, что она, въ главныхъ основаніяхъ, должна заключаться въ слѣдующемъ.

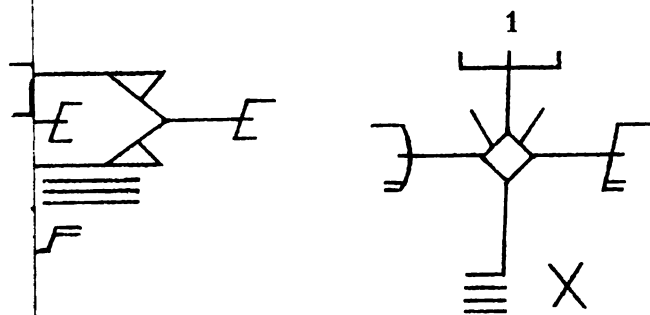
- 1) Точное обозначеніе мѣстности, подвергающейся изученію и названіе народности, а также объясненіе способовъ изученія.—2. Опредѣленіе характера формы знаковъ.—3. Происхожденіе ихъ.—4. Отношеніе къ нимъ закона и обычнаго права.—5. Способы обозначенія или изображенія юридическихъ знаковъ на предметахъ и названіе этихъ знаковъ.—6. Изображеніе юридическихъ знаковъ (чѣмъ больше придется собрать этихъ изображеній, тѣмъ важней для дѣла).—7. Условія существованія знаковъ.—8. Значеніе знаковъ въ обыденной жизни изслѣдуемой народности и степень ея культурнаго развитія.—9. Сравненіе знаковъ различныхъ племенъ и выводы изъ этого сравненія.—10. Опредѣленіе коренныхъ знаковъ, принадлежащихъ извѣстной народности, и заимствованныхъ у другой народности.

Выработка и издание программы для собиранія данныхъ о знакахъ собственности у кавказскихъ туземцевъ и другихъ племенъ, населяющихъ Россію, а также привлеченіе къ дѣлу возможно большаго числа лицъ могли бы, или вообще могутъ дать для успѣха науки благодѣтельный результатъ, особенно по исторической географіи и этнографіи, пополнивъ ее запасомъ совершенно новаго фактическаго матеріала, могущаго на изысканія по приведеннымъ отраслямъ знанія пролить новый свѣтъ. А это, во всякомъ случаѣ, немаловажный шагъ впередъ. Собиратели же фактическаго матеріала при настоящемъ культурномъ состояніи нашего отечества у насъ всегда найдутся, стоитъ только не забывать о поощреніи ихъ къ дѣлу сочувственнымъ отношеніемъ къ нимъ.

ВЕННОСТИ.

		4	6	17	18	19	20	21	22	23	24	25
		△	▽	С	⊂	W	⊂	⊂	⊂	⊂	—	/=
	2	2	13	14	} На ухахъ животныхъ у русскихъ тѣ же мѣты.							
⊙	⊙	⊂	⊂	⊂								
			8	9	10							
			∟	∟	∟							
1	2	3	15	16	17	18	19	20	21	22		
×	×	×	⊂	∟	∟	∟	∟	∟	∟	∟	∟	∟
			10	11	12	13	14					
			▽	∟	∟	∟	∟					
			9	10	11	12						
			⊂	∟	∟	∟	∟					
1	2	14	15	16	17	18	19	20				
∟	⊙	⊂	∟	∟	∟	∟	∟	∟	⊙	⊙		

9. Остяки.

Примѣчаніе. Знаки пещеръ—мѣстностямъ, прилегающимъ къ Уральскому хребту на сѣверо-востокѣ. Приводятся

Клинообразныя надписи.

К. Л. Латканова.

Мы слышали обстоятельное, изящно изложенное сообщеніе объ армянскихъ преданіяхъ о Семирамидѣ, въ которомъ говорилось, что Семирамида, устроивъ городъ Ванъ, вырубивъ жилища въ скалѣ, возвышающейся надъ городомъ и перебравшись на Ванское озеро, гдѣ въ настоящее время находится цитадель, покрыла стѣны своихъ построекъ какими-то странными надписями и что подобныя же надписи она оставила въ разныхъ мѣстахъ Арменіи, завоеванной ею въ то время. Понятно, что Семирамида тутъ не причемъ. Но надписи, о которыхъ говорится въ преданіяхъ, сохранились и до настоящаго времени.

Въ первой трети настоящаго столѣтія, одинъ изъ выдающихся французскихъ ориенталистовъ, Сень-Мартенъ, обратилъ особенное вниманіе на то мѣсто въ Исторіи Хоренскаго, гдѣ съ такою положительностью говорится о существованіи въ его время надписей въ Арменіи. Вліяніе, которымъ онъ пользовался въ то время въ правительственныхъ сферахъ, дало ему возможность организовать экспедицію въ Турецкую Арменію и самое дѣло было поручено молодому нѣмецкому ориенталисту, Шульцу.

Въ 1824 году Шульцъ, преодолевъ большія препятствія, достигъ наконецъ мѣста своего назначенія и весьма тщательно списалъ все, что было ему доступно. Къ счастью Шульцъ не оставилъ этихъ снимковъ у себя, а отправилъ ихъ немедленно во Францію. Я говорю *къ счастью*, потому что въ слѣдующемъ году онъ погибъ насильственною смертію. Его убили Курды и большая часть бывшихъ при немъ бумагъ также погибла. По полученію снимковъ въ Парижѣ тотчасъ замѣтили, что они начертаны письменами, получившими названіе *воздѣобразныхъ* или *клинообразныхъ*. Въ то время не было еще людей, которые могли бы понять, чтѣ заключаютъ въ себѣ эти надписи, кѣмъ и на какомъ языкѣ они написаны и даже въ чемъ состоитъ особенность самаго шрифта. Одно только было ясно, что надписи начертаны *клинописью*.

Между тѣмъ другія системы клинописи уже обратили на себя всеобщее вниманіе ученыхъ съ конца XVIII столѣтія. Извѣстные путешественники Піетро делла Валле, Шарденъ, Нибуръ и др., странствуя по Персіи, замѣтили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

на развалинахъ дворцевъ и другихъ построекъ странныя, невѣдомыя до того времени и непонятныя надписи. Цѣныя памятники древности, они списали ихъ и доставили въ Европу; но ученые долгое время оставались въ невѣдѣнны касательно системы и содержания этихъ надписей. Наконецъ одному нѣмецкому любителю древности, *Гротефенду*, удалось напасть на мысль по историческимъ соображеніямъ угадать нѣсколько словъ.—Эти надписи состоятъ обыкновенно изъ трехъ частей или столбцевъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга вертикальными линиями. Приступая къ ихъ изученію, не понимая еще не только ихъ смысла, но и алфавитной системы, онъ замѣтилъ однако, что эти три столбца заключаютъ въ себѣ не одинъ языкъ, не одну и ту же систему письма, а каждая изъ нихъ—различныя; замѣтилъ, что первый столбецъ заключаетъ въ себѣ шрифтъ простѣйшій чѣмъ другіе два: въ другихъ двухъ столбцахъ группировка клинцевъ оказалась гораздо сложнѣе.

Въ 1802 г. разбирая самый простѣйшій изъ этихъ трехъ столбцовъ, именно первый, Гротефендъ пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ: изъ того, что надписи найдены на почвѣ древней Персіи, даже специально въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были резиденція древнихъ персидскихъ царей, онъ сообразилъ, что первый столбецъ долженъ заключать въ себѣ надпись на персидскомъ языкѣ; далѣе, зная исторію Персіи по Геродоту и другимъ источникамъ, онъ былъ увѣренъ, что найдетъ въ этихъ надписяхъ нѣчто похожее на имена сохранившіяся у Греческихъ классиковъ по исторіи Персіи. Но какъ найти имена, въ незнакомой письменности? Для этого пришлось ему прибѣгнуть къ известной комбинаціи: онъ сталъ искать въ нихъ имена Кира и Камбиза—два имени, которыя начинаются одною и тою же буквою, т. е. однимъ и тѣмъ же знакомъ. Такихъ именъ не оказалось. Кира и Артаксеркса онъ тоже не нашелъ въ тѣхъ словахъ, которыя отмѣтилъ, и ему пришлось прибѣгнуть къ именамъ Ксеркса и Дарія, которыя по размѣру своему не велики, равны другъ съ другомъ и въ надписяхъ часто попадаютъ вмѣстѣ. Онъ представилъ себѣ, что въ одномъ изъ этихъ словъ должно заключаться имя Ксеркса, а въ слѣдъ за нимъ имя Дарія, отца его. Вотъ на этомъ простомъ соображеніи онъ остановился и, благодаря случаю, угадалъ, что первое слово дѣйствительно заключало въ себѣ названіе Ксеркса, а другое—Дарія... Онъ обратилъ вниманіе на то, что въ имени Ксеркса въ греческой формѣ встрѣчаются два раза *κ* и *σ*. Персидская форма этого имени могла быть нѣсколько иная, во всякомъ случаѣ одна изъ этихъ буквъ должна была встрѣчаться два раза. И дѣйствительно, въ предполагаемомъ имени Ксерксъ онъ встрѣтилъ два раза букву *с*—*ш*. Вотъ какимъ медленнымъ путемъ онъ достигъ того, что разобралъ нѣсколько буквъ. Далѣе онъ замѣтилъ, что передъ именемъ царя постоянно встрѣчается известная группа знаковъ. Онъ предположилъ, что это слово есть *царь*, въ чемъ и не ошибся. Эти, повидимому, простыя соображенія послужили основаніемъ тому, что чтенію клинописи было положено начало. Хотя съ 1802 г. и по тридцатые годы настоящаго столѣтія мало было сдѣлано успѣховъ относительно дальнѣйшаго чтенія и пониманія этихъ надписей, но все-таки начало было сдѣлано, приобрѣтено знаніе нѣсколькихъ знаковъ. Затѣмъ это открытіе было подхвачено другими учеными, особенно Бюрнуфомъ и Лассеномъ, которые въ 1836 году обнародовали результатъ своихъ изслѣдованій. А для такого рода изысканій то было время самое удобное, потому что изученіе Санскритскаго и Зендскаго языковъ стало распространяться въ Европѣ.—Работая въ направленіи данномъ Гротефендомъ, стали мало по малу уяснить себѣ и другія группы знаковъ, составили

слова, весьма сходны съ тѣми, которыя встрѣчались въ Зендскихъ книгахъ, и замѣтя, что языкъ надписей имѣеть весьма близкое отношеніе къ Зенду, назвали его съ самаго начала *древне-Персидскимъ*, а надписи—Ахеменидскими. Не будь Гротефенда, вѣроятно, долго бы пришлось ожидать другаго гениальнаго человѣка, который могъ бы найти ключъ къ чтенію надписей. Другіе неизвѣстные шрифты, сопровождаемые переводами, даютъ возможность съ помощью собственныхъ именъ угадать смыслъ азбуки, тогда какъ въ клинописи гдѣ нѣтъ переводовъ на извѣстные языки, безъ проицательности Гротефенда было бы трудно добиться ея пониманія. Въ тридцатыхъ же годахъ, если не ошибаюсь, молодой англійскій инструкторъ, отправленный для обученія персидскаго войска въ Кирманшанъ, *Раулинсонъ*, (въ настоящее время знаменитый оріенталистъ и государственный дѣятель), видѣлъ недалеко отъ Кирманшаха на одной высокой скалѣ громаднѣйшую надпись. До того времени надписи, извѣстныя въ Европѣ, были большею частью небольшихъ размѣровъ, собственныхъ именъ въ нихъ встрѣчалось мало, что сначала весьма затрудняло дѣло дешифровки. Замѣтивъ въ окрестностяхъ Кирманшаха, въ Бехистунѣ, на скалѣ большую надпись Дарія, состоящую изъ пяти частей, Раулинсонъ списалъ ее и прочиталъ на первый разъ, какъ онъ говоритъ, безъ помощи тѣхъ открытій, которыя до того времени были сдѣланы въ Европѣ. Какъ бы то ни было, самое открытіе этого громаднаго памятника, окончательно упрочило дѣло изученія древне-персидской письменности. Такимъ образомъ уже къ пятидесятымъ годамъ дешифровка и чтеніе персидскихъ надписей было въ существенныхъ частяхъ, кончено. Большинство Ахеменидскихъ надписей относится къ царствованіямъ Дарія и сына его Ксеркса, хотя есть и другія надписи Артаксерксовъ, но надписи небольшія. Для наглядности я хочу нарисовать на доскѣ тѣ слова, которыя дали поводъ къ чтенію (пишетъ на доскѣ нѣсколько словъ). Такимъ путемъ было достигнуто изученіе одной только системы, системы самой простѣйшей, въ которой различныхъ знаковъ встрѣчается только 34. Послѣ изученія алфавита языка первой системы, т. е. персидской клинописи, казалось, чтеніе остальныхъ системъ не представитъ особыхъ затрудненій. Собственные имена должны были доставить ключъ къ уясненію знаковъ въ другихъ системахъ. Дѣло, однако, оказалось не такъ просто. Приступивъ указаннымъ путемъ къ разбору надписей *Второй* системы, Дескоръ убѣдился, что имѣютъ дѣло съ какимъ-то страннымъ языкомъ, не имѣвшимъ ни въ словахъ, ни въ формахъ даже отдаленнаго сходства съ языками, доступными ученымъ. Языкъ этотъ назвали туранскимъ, скиѣскимъ и наконецъ *Мидійскимъ*. Тѣ же приемы были примѣнены и къ *Третьей* системѣ. Хотя самое примѣненіе сопряжено было съ большими затрудненіями, но въ надписяхъ этой системы открыли языкъ, болѣе доступный ученымъ, именно языкъ семитическаго характера. Главныя затрудненія состояли въ томъ, что во Второй и Третьей системахъ встрѣчались не алфавитныя буквы, какъ въ Первой, а силлабическіе знаки. Тамъ не было буквъ: *б. к. д.* и пр. а былъ слогъ: *би, би, бу, ка, ку, аб, уб,* и пр. и для всякаго такого слога встрѣчались совершенно особые знаки. Приходилось отмѣчать всевозможные отдѣльные слоговые знаки. Далѣе, оказалось, что не для однихъ простыхъ слоговъ имѣлись особые знаки, но и для выраженія болѣе сложныхъ звуковъ: *бар. дил. кур* и пр. Такихъ знаковъ набралось въ настоящее время до 600. Можно себѣ представить, какая память способна совмѣстить въ себѣ 600 знаковъ. Чтобъ составить себѣ приблизительное понятіе о трудности удержанія въ памяти такого количества знаковъ, слѣдуетъ припомнить, что всѣ группы

или слоговые знаки имѣютъ въ основаніи одинъ только знакъ—*клинь*. До какихъ комбинацій слѣдуетъ додуматься, чтобъ изъ простыхъ клиньевъ составить отъ 600 — 700 знаковыхъ группъ! Поэтому и весьма опытные въ своемъ дѣлѣ Ассириологи затрудняются безъ справочной книги, безъ приведенныхъ въ порядокъ знаковъ, приступать къ чтенію этихъ надписей. Надписи Третьей системы, какъ и слѣдовало ожидать, оказались тождественными по содержанію съ надписями Первой системы, а языкъ, въ нихъ заключающійся — Ассирійскимъ. Чтеніе Третьей системы Ахеменидскихъ надписей и открытіе Ассирійскаго языка, возбудили между тѣмъ всеобщій интересъ вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ. Французъ *Ботта* и англійскій дипломатическій дѣятель, впоследствии посланникъ въ Константинополь, *Лейардъ*, получивъ вспоможеніе отъ своихъ правительствъ, стали производить раскопки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, лежала древняя Ниневія, именно на лѣвомъ берегу Тигра, насупротивъ Массула. Расходы и труды, положенные на раскопки, оказались весьма производительны затраченными, потому что открыты были въ большомъ количествѣ не только архитектурныя украшенія дворцовъ и большое количество произведеній искусства, но и множество надписей. Дворцы, открытые въ холмахъ Ниневіи, заключали въ себѣ массу письменныхъ памятниковъ, полы въ нѣкоторыхъ комнатахъ оказались также покрытыми историческими надписями. Результаты, добытые чтеніемъ Ахеменидскихъ надписей, въ значительной степени облегчили дешифровку и чтеніе этихъ памятниковъ. Оказалось, что Ассирійцы самый историческій изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ народовъ древности: болѣе чѣмъ другіе они заботились о томъ, чтобъ память о нихъ не умерла въ потомствѣ. Это видно между прочимъ изъ того, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полы покрыты надписями, они дѣлали на противоположной поверхности каменныхъ плитъ такую же надпись во второмъ экземплярѣ на случай, если первая будетъ стерта или попорчена. Съ особенной энергіей приступили ученые къ чтенію этихъ надписей, въ виду того, что объ исторіи Ассиріи не имѣлось въ то время удовлетворительныхъ свѣдѣній. Свѣдѣнія эти ограничивались, какъ извѣстно, краткими сообщеніями классическихъ писателей. Господствовало мнѣніе, что въ Ассиріи царствовали Нинъ, Семирамида и какіе-то тридцать бездѣльниковъ, которые жили въ своихъ дворцахъ и ничего не дѣлали, тогда какъ изъ надписей выяснилось, что никакого Нина и Семирамиды не было, и что не тунеядцами были ассирійскіе цари, а людьми, весьма предприимчивыми и воинственными, подвиги которыхъ и были переданы потомству въ безчисленныхъ надписяхъ, частью только дошедшихъ до насъ. Когда приѣмъ, выработанный при чтеніи ахеменидскихъ надписей, примѣнился къ чтенію открытыхъ въ Ниневіи и Вавилонѣ письменныхъ памятниковъ, то оказалось, что система письма въ нихъ одна и та же, но что ассирійскія письма, будучи на много вѣковъ древнѣе, представляли болѣе сложныя фигуры и археологическія формы. Какъ бы то ни было, мало по малу въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ чтеніе ассирійскихъ памятниковъ было доведено до такой, сравнительно, точности, что мы можемъ смѣло полагаться на большую часть переводовъ этихъ историческихъ надписей. Въ началѣ же не всѣ довѣряли вѣрности самаго чтенія и добытыхъ изъ нихъ фактовъ. Рѣшено было сдѣлать опытъ съ цѣлью убѣдить сомнѣвающихся. Первый же опытъ показалъ, что приемы, положенные въ основу чтенія ассирійскихъ надписей, вѣрны: нѣсколько ученыхъ рѣшились перевести надпись Такладъ Паласара I самостоятельно каждый у себя безъ всякаго другъ съ другомъ

сообщенія, и оказалось, что всѣ они перевели относительно смысла довольно вѣрно. Это было въ 1850 году. Другой случай, доказавшій, что чтеніе ассирійскихъ надписей упрочено, заключался въ томъ, что въ 1860 году Г. Раулинсонъ, бывшій въ то время въ Лондонѣ, писалъ англійскому консулу въ Курдистанѣ, Тейлору, чтобы онъ порылся гдѣ-то у истоковъ Тигра, что тамъ онъ непременно долженъ напасть на надпись и на изображенія ассирійскихъ царей. Самъ Раулинсонъ попалъ на эту мысль слѣдующимъ образомъ: въ одной изъ надписей ассирійскаго царя Асур-насирбала IX вѣка, онъ прочиталъ; „Я, Асур-насирбалъ, сосчиталъ свои колесницы и полки, и у истоковъ рѣки Супнаты, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отцы мои, Такладъ - Паласаръ и Такладъ-Самданъ, цари ассирійскія, воздвигли свои изображенія, и я приказалъ начертать свое изображеніе рядомъ съ ними“. Дѣйствительно, консулъ Тейлоръ, путешествуя съ 1862—63 годъ по Курдистану, по указанію Раулинсона отыскалъ рѣку Супнать (нынѣ Зибене-су), вытекающую изъ озера Гельчикъ, и тутъ же недалеко нашелъ скалу, на которой находилось изображеніе Такладъ-Паласара I съ клинообразною надписью, нѣсколько пострадавшею. Нѣсколько далѣе найдены были изображенія второе и третье, тоже пострадавшія. И такъ, къ началу 60 годовъ чтеніе ассирійскаго письма было упрочено. Но не въ одинъ день явились и были объяснены всѣ эти многочисленные знаки, которые встрѣчаются въ этихъ надписяхъ. Помимо простыхъ и сложныхъ словъ, о которыхъ я говорилъ выше, изслѣдователи встрѣтили въ большомъ употребленіи знаки идеографическіе, нѣкоторый родъ іероглифовъ. На видъ они имѣютъ характеръ простыхъ группъ, но на дѣлѣ обозначаютъ не звуки, а понятія, напр., *домъ*, *царь*, *небо*, *множество*, *судитъ* и пр. И такихъ іероглифовъ можно насчитать около сотни. Весьма часто, вмѣсто того, чтобы написать слово звуковымъ способомъ, Ассирійцы раздѣляли это слово на двѣ части; если одна изъ частей въ произношеніи подходила къ какому-нибудь предмету, изображаемому іероглифомъ, то они ставили этотъ іероглифъ. Такъ, напр., названіе города Вавилона, они раздѣляли на двѣ части (объясняетъ какъ было раздѣлено это слово), обозначали ихъ двумя іероглифами и читали *Баб-илу*, т. е. врата бога. Но и этимъ еще не ограничивались всѣ затрудненія, такъ какъ ассирійское письмо представляетъ еще слѣдующія осложненія: одинъ какой-нибудь знакъ имѣетъ не одно, а нѣсколько фонетическихъ и іероглифическихъ значеній, напр., одинъ горизонтальный клинъ можетъ читаться: *ас*, *рув*, *дил*, *има*, *харра*, и кромѣ того имѣетъ значенія: *покорный*, *въ*, *небо*, *дать*, *Ассирія*, *одинъ*. Все искусство чтеца состоитъ въ томъ, чтобы узнать, какое значеніе слѣдуетъ придавать извѣстному знаку въ извѣстномъ мѣстѣ. Конечно невозможно въ краткихъ словахъ, да и неумѣстно распространяться о всѣхъ затрудненіяхъ, представляемыхъ чтеніемъ ассирійскаго письма. Я хотѣлъ только дать вамъ о нихъ нѣкоторое понятіе. Главнымъ образомъ, я имѣлъ въ виду обратить ваше вниманіе на важность содержанія ассирійскихъ памятниковъ, пролившихъ яркій свѣтъ на многія забытыя страницы всеобщей исторіи и на исторію Ассиріи въ особенности. Изъ нихъ возникаетъ исторія Ассиріи въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ какъ мы знали ее прежде. Выяснилось, что ассирійское государство представляло собою въ полномъ смыслѣ слова военный лагерь, расположенный на лѣвомъ берегу Тигра, вѣчно готовый къ походамъ; что съ самаго начала и до паденія государства, во главѣ Ассиріи, вопреки прежнимъ извѣстіямъ, стояли люди, весьма энергическіе и мужественные, оставившіе на многочисленныхъ барельефахъ изображенія своихъ подвиговъ. Кромѣ того, мы познакомились съ куль-

турою Ассиріи и близъ лежащихъ странъ. Хотя евреи имѣютъ весьма богатую историческую литературу, но многія мѣста ихъ книгъ во всякомъ случаѣ стали яснѣ послѣ открытія этихъ памятниковъ.

Въ своихъ надписяхъ ассирійскіе цари говорятъ между прочимъ о походахъ въ страны частію близкія къ нашему отечеству, частію входяція въ составъ обширнаго Русскаго государства. Я говорю о странахъ къ сѣверу отъ Ассиріи, объ Арменіи, гдѣ ассирійцы встрѣтили многочисленное и воинственное населеніе, жившее въ племенномъ состояніи. Я избѣгаю называть этотъ народъ армянами, потому что въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, арійцы-армяне еще не владѣли этой страной. Мы узнаемъ, что, дѣлая походы на сѣверъ, ассирійцы сталкивались съ множествомъ мелкихъ племенъ, а немного далѣе встрѣтили одинъ болѣе крупный народъ, организованный въ государство. Всѣ эти мелкія племена у нихъ отдѣльно поименованы, а большое государство названо именовъ *Урарти*. По соображеніямъ географическимъ ясно, что понимали ассирійцы подъ этимъ терминомъ. Всю область, населенную вполнѣдствіи армянами, они дѣлили на двѣ крупныя части: на южную — *Наири*, и на сѣверную — *Урарти*. Линія раздѣляющая ихъ, проходила съ востока параллельно Ванскому озеру до рѣки Мурадъ-чая и по теченію этой послѣдней до впаденія ея въ Ефратъ. Походы ассирійскихъ царей въ эти страны такъ многочисленны, такъ часты, что въ описаніи ихъ мы получаемъ богатѣйшій матеріалъ въ географическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, названія, которыя встрѣчаются у ассирійцевъ, настолько для насъ чужды, настолько имѣютъ мало сходства съ тѣмъ, что встрѣчаемъ мы въ историческое время на этой территоріи, что уяснить и отождествить ихъ съ нынѣшними названіями не представляется пока возможнымъ. Скажемъ только, что, переходя изъ южнаго Наира къ сѣверу чрезъ Мурадъ-чай, ассирійцы встрѣчали двѣ небольшія области: Сукме и Даяни, а нѣсколько далѣе собственный Урарти съ главнымъ городомъ Арзаскуномъ, положеніе котораго пока неизвѣстно. Хотя эти географическія подробности намъ недоступны въ настоящее время, но есть надежда, что многое современемъ уяснится. Эта надежда основывается на обыкновеніи ассирійскихъ царей, на каждомъ мѣстѣ, гдѣ выиграно большое сраженіе, гдѣ взятъ большой городъ, непременно ставить столбъ или свое изображеніе съ болѣе или менѣе пространною надписью о результатахъ похода. Вѣроятно, когда нибудь случай натолкнетъ путешественниковъ или искателей на нѣкоторыя изъ подобныхъ изображеній съ надписями, и тогда для насъ станутъ ясны тѣ географическія названія, которыя носили та или другая мѣстность въ эпоху ассирійцевъ.

Вернемся теперь къ тѣмъ надписямъ, которыя когда-то Шульцъ отправилъ въ Парижъ. Ихъ одно время называли армянскими, теперь называютъ ихъ ванскими по мѣсту, гдѣ въ первый разъ они были открыты. Познакомившись съ тремя системами ахеменидской клинописи, ученые однако ни на шагъ не подвинулись въ чтеніи этихъ ванскихъ надписей. Чтеніе этой *Четвертой* системы остается и до сихъ поръ благочестивымъ желаніемъ для ученыхъ. Уже въ сороковыхъ годахъ ученые замѣтили, что многіе знаки Ассирійскаго письма попадаютъ и въ ванскихъ надписяхъ. Но это открытіе на первыхъ порахъ не привело ни къ чему, такъ какъ примѣненіе ассирійскаго силлабара къ ванскому письму не дало въ то время никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ. Другаго пути къ дешифровкѣ этой системы однако не было. Самое сходство многихъ ванскихъ слоговыхъ знаковъ съ ассирійскими указывало на

то, что творцы ванскихъ надписей заимствовали свое письмо у ассирійцевъ и только приладили его къ своему языку. Слѣдовательно, для дешифровки ванскихъ надписей не оставалось другаго средства, кромѣ примѣненія къ нимъ ассирійскихъ знаковъ. Такъ и поступилъ *Тиксъ* (1848), который тотчасъ замѣтилъ силлабическій характеръ шрифта, опредѣлилъ около 40 знаковъ и вѣрно прочиталъ имя царя Аргистѣса. Но дальше онъ не пошелъ, какъ и его ближайшіе пріемники. Всѣ попытки прочитать что нибудь давали какой-то невозможный языкъ, въ которомъ нельзя было отличить никакихъ грамматическихъ формъ. Такъ прошло 20 слишкомъ лѣтъ, когда извѣстный ученый *Ленорманъ*, въ первомъ томѣ своихъ *Lettre Assyriologiques*, обнародовалъ результаты своихъ изслѣдованій о ванской системѣ. Въ этой статьѣ авторъ увѣрялъ, что, основываясь на ассирійскомъ письмѣ, которое къ тому времени уже хорошо было извѣстно въ Европѣ, онъ не только дешифровалъ надписи, но и уловилъ ихъ содержаніе. Это послѣднее отчасти справедливо. Дѣло въ томъ, что въ ванскомъ письмѣ, какъ и въ ассирійскомъ, существуютъ *указатели*. Указателями называются тѣ знаки, которые необходимо предшествуютъ извѣстнымъ словамъ или именамъ. Передъ собственными именами всегда стоитъ вертикальный клинъ. Хотя самаго имени вы не прочтете, но знаете, что за вертикальнымъ клиномъ слѣдуетъ собственное имя. Именамъ божествъ предшествуетъ другой знакъ—указатель. Точно также *страна, городъ, рѣка, домъ, люди* и пр. имѣютъ своихъ указателей. Цифры въ ванской системѣ схожи съ ассирійскими. Слѣдя за этими указателями въ надписяхъ можно угадать *царя, города, людей, животныхъ, число ихъ*, и, соображая съ общимъ впечатлѣніемъ, передать смыслъ надписи. Но такое угадываніе смысла не лишено многихъ неудобствъ. И въ самомъ дѣлѣ, при неизвѣстности значенія глагола, какъ угадать точный смыслъ фразы? Какъ узнать, ограничиваясь указателями напр. царя и города, построилъ, разрушилъ или сжегъ царь такой-то городъ? Что касается языка надписей, то *Ленорманъ* нашелъ въ нихъ языкъ *доисторическихъ Грузинъ*. Затѣмъ вопросъ, кто начерталъ эти надписи и на какомъ языкѣ, *Ленорманъ* согласно *Раулинсону*, рѣшилъ въ томъ смыслѣ, что надписи написаны на языкѣ *Аларадійцевъ-Араратійцевъ*, т. е. царями тѣхъ *Урарти*, съ которыми ассирійцы вели столь продолжительныя войны. Такимъ образомъ *Ленорманъ* хотя и не прочиталъ надписей въ полномъ смыслѣ слова, но остроумно извлекъ изъ нихъ нѣсколько положительныхъ фактовъ, и лучше своихъ предшественниковъ прочиталъ имена пяти царей оставившихъ надписи.

Почти одновременно на страницахъ журнала Нѣмецкаго Восточнаго Общества появилась обширная статья *д-ра Мордмана* — *Entzifferung und Erklärung der Armenischen Keilschriften von Van und der Umgegend*—въ которой авторъ, исходя изъ предположенія, что въ надписяхъ заключается *древне-армянскій* языкъ, разобралъ съ этой точки зрѣнія всю лексику надписей, перевелъ самыя надписи и присоединилъ къ своему труду полный Глоссарій Ванскихъ, т. е., по его мнѣнію, *древне-армянскихъ* словъ. Но и этотъ трудъ далеко не оправдалъ надеждъ на него возложенныхъ. Исходя изъ ложной точки отправленія, предвѣшая сущность недоступнаго еще языка, авторъ уклонился отъ точныхъ научныхъ пріемовъ при исполненіи своей задачи. Много имъ было потрачено труда, но результаты имъ добытые никого не удовлетворили. То, что онъ называетъ древне-армянскимъ языкомъ, не только не есть армянскій, но и вообще какой-либо языкъ. Сами авторы двухъ послѣднихъ изслѣдованій остались при убѣжденіи, что они проникли въ тайны Ванскаго или Аларадійскаго языка и поняли

точный смысл надписей. Чтобы показать, какъ они его поняли, приведу для образца часть одной надписи, которую они оба самостоятельно перевели. Ленорманъ переводитъ: „построилъ 3 дворца, построилъ 23 укрѣпленныхъ города, возобновилъ дворецъ въ замкѣ, владѣлъ городомъ, владѣлъ странюю... Мужчины и женщины“. По Мордману это мѣсто передается слѣдующимъ образомъ: „затѣмъ я сжегъ 3 храма и приказалъ разрушить 23 города. Я завладѣлъ храмами и укрѣпленіями всѣхъ городовъ страны, и взялъ въ плѣнъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ“. Изъ этихъ примѣровъ видно, что они сходятся только при переводѣ словъ, обозначенныхъ указателями, но въ смыслѣ совершенно расходятся.

Такимъ образомъ до настоящаго времени не только чтеніе, т. е. полное пониманіе надписей, но и самая дешифровка ихъ не достигла желаемого совершенства, хотя попытки въ томъ и другомъ направленіи не остались совершенно безъ результатовъ.

Я объяснилъ, что понимали ассирійцы подъ именемъ Урарти. Это сѣверная Арменія, а не та часть Арменіи, гдѣ находился Ванъ и гдѣ открыта большая часть надписей. Если эти надписи оставлены урартійскими царями, то слѣдуетъ ожидать, что еще большее количество этихъ надписей будетъ открыто въ ихъ родовыхъ земляхъ, большая часть которыхъ вошла нынѣ въ составъ Россіи. Поэтому мы вправѣ надѣяться, что и въ Россіи найдутся люди, которые, интересуясь древностью, посвятятъ свои досуги и средства на раскопки и на изученіе остатковъ давно минувшей цивилизаціи и исторической жизни въ одномъ углу ихъ обширнаго отечества.

Оканчивая, позволяю себѣ выразить сожалѣніе въ томъ, что не могу и въ этомъ случаѣ сообщить вамъ о побѣдѣ человѣческаго ума надъ загадкой, брошенной намъ древностью, въ этихъ надписяхъ, но утѣшаюсь мыслью, что побѣда эта недолго заставитъ ждать себя. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ одинъ оріенталистъ, что тайна, въ нихъ заключающаяся, уступитъ современемъ проникательной пытливости человѣка. и надписи, написанныя для того, чтобъ ихъ читали, будутъ прочтены.

Археологическая топографія Таманскаго полуострова.

Жаринцева.

На обоихъ берегахъ керченскаго пролива, въ древности называвшагося Босфоромъ Киммерійскимъ, въ 1-хъ вѣкахъ нашей эры существовало богатое и могущественное Босфорское царство. Это царство оставило послѣ себя обширныя развалины городовъ, богатыя гробницы, въ которыхъ было найдено множество предметовъ, уяснившихъ многое въ исторической жизни народовъ. Но есть одинъ вопросъ въ археологическомъ Босфорскомъ царствѣ, именно вопросъ объ археологической топографіи, который до настоящаго времени еще не выясненъ вполне. Самыя древнія географическія свѣдѣнія объ этой странѣ мы имѣемъ въ сочиненіи Страбона. Послѣ него можно извлечь географическія свѣдѣнія у Плинія Старшаго, Стефана Византійскаго, Скимна Хиосскаго и др. Но всѣ эти свѣдѣнія настолько неясны, что, несмотря на множество комментарій лучшихъ ученыхъ нашего вѣка, все таки археологическая топографія Босфорскаго царства не приведена въ точность. Крымская страна Керченскаго пролива подверглась, очевидно, мало измѣненію въ теченіи 2,000 л., прошедшихъ со времени Страбона, по крайнѣй мѣрѣ, его описаніе крымскихъ береговъ Босфора Киммерійскаго весьма близко съ настоящимъ, и возникаютъ только частныя вопросы о расположеніи городовъ, да и тѣ большею частью могутъ быть рѣшены почти точно. Что же касается восточныхъ береговъ Керченскаго пролива, т. е. Таманскаго полуострова, то здѣсь, по всей вѣроятности, со временъ Страбона, произошли такія значительныя измѣненія въ топографіи мѣстности, что, несмотря на усилія комментаторовъ, никакими историческими данными нельзя объяснить разницу между современной топографіей полуострова и той, которой описаніе дѣлаетъ Страбонъ.

Палласъ, Леметръ, Дюбуа, Ашикъ, Надеждинъ, Иванюковъ, гр. Уваровъ, Дюбрюкъ и многіе другіе комментаторы древнихъ авторовъ старались объяснить, въ какомъ именно видѣ былъ Таманскій полуостровъ во времена Страбона, но, несмотря на всѣ усилія ихъ, до сихъ поръ этого нельзя точно опредѣлить. Путешественники, которые бывали на Таманскомъ полуостровѣ и могли бы сообщить болѣе дословѣрныя свѣдѣнія, относятся только къ прошлому вѣку: въ концѣ прошлаго вѣка англійскій путешественникъ Кларкъ объѣхалъ Таманскій полуостровъ, послѣ него Палласъ и, наконецъ, въ по-

слѣдніе годы прошлаго вѣка русскій путешественникъ П. Сумароковъ. Сумароковъ сдѣлалъ большое путешествіе какъ по Тавридѣ, такъ и по Таманскому полуострову. Но путешественники прошлаго вѣка не могли разяснить тѣхъ существенныхъ измѣненій топографіи, которыя произошли въ теченіе 2000 л. Затѣмъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, труды многихъ изслѣдователей: Бибикова, Бѣгичева, Тизенгаузена, Лаунца, Голицына были посвящены Таманскому полуострову. Ими были произведены раскопки, но раскопки эти не выяснили топографіи полуострова. Такъ, напр., по описанію Страбона говорится, что на Таманскомъ полуостровѣ существовалъ большой городъ, который былъ азіатской столицей Босфорскаго царства, назывался онъ Фанагоріей. Въ какой мѣрѣ трудно понимать топографію Таманскаго полуострова, по Страбону, можно судить потому, что даже положеніе самой Фанагоріи еще недостаточно опредѣлено и мнѣнія ученыхъ расходятся по этому предмету. Въ 1867 г. географическое общество командировало своего ученаго члена Данилевскаго для изслѣдованія дельты Кубани и въ то же время вся дельта Кубани и полуостровъ были изслѣдованы академикомъ Абигомъ. Но труды, какъ Данилевскаго, такъ и Абиха не дали ничего новаго и оба они держатся исключительно тѣхъ гипотезъ, которыя были даны до нихъ и преимущественно гипотезы французскаго ученаго Дюбуа Демонпере, который въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія объѣхалъ весь Кавказъ. Такимъ образомъ, полнѣйшій недостатокъ историческихъ свѣдѣній о Таманскомъ полуостровѣ привелъ къ тому, что ученые вынуждены были предполагать въ топографіи края явленіе вулканическое. Первый высказалъ эту мысль Дюбуа Демонпере, а затѣмъ, съ нѣкоторыми вариантами пришли къ этой мысли почти всѣ ученые и, наконецъ, она окончательно, такъ сказать, узаконена мнѣніемъ академика Абиха. Для того, чтобы понять, въ чемъ состоитъ здѣсь вопросъ, я позволю себѣ сдѣлать въ нѣсколькихъ словахъ описаніе мѣстности полуострова. Рѣка Кубань, вытекая изъ главнаго хребта, поворачиваетъ назадъ, въ такомъ направленіи идетъ почти 400 верстъ, стремясь къ морю и направляясь къ Керченскому проливу; не доходя до пролива около 60 верстъ, Кубань раздѣляется на два рукава. Для объясненія именно Страбоновой географіи установилась гипотеза, заключающаяся въ томъ, что между Лиманомъ и Керченскимъ проливомъ существовалъ нѣкогда рукавъ Кубани по направленію отъ юго-западнаго лимана къ южной сторонѣ Таманскаго залива или, такъ назыв., Шемарданской бухточкѣ. Это мнѣніе, высказанное впервые Дюбуа Демонпере и получившее право гражданства основывается на томъ, что между Ахтанизовскимъ Лиманомъ и Таманскимъ заливомъ существуетъ долина, которая, по мнѣнію Дюбуа Демонпере, принятому и позднѣйшими учеными, какъ будто составляетъ самое низкое мѣсто между лиманомъ и моремъ, до такой степени низкое, что Дюбуа Демонпере утверждалъ, что это мѣсто даже покрыто болотами и болотной растительностью, что, словомъ, русло рѣки ясно видно даже по сіе время. Для объясненія того, какимъ образомъ это русло исчезло Дюбуа Демонпере первый употребилъ гипотезу засоренія этого русла изверженіями грязныхъ вулкановъ. Всѣ холмы Таманскаго полуострова идутъ на востокъ и всѣ они представляютъ родъ холмовъ, возвышающихся отъ 200 до 500 ф. надъ уровнемъ моря. Нѣкоторые покрыты грязными вулканами; на верху вулканы имѣютъ конусъ, наполненный жидкой грязью, которая черезъ нѣкоторые періоды подымается и переливается черезъ край. Дюбуа Демонпере предполагалъ, что въ прежнее время изверженіе вулкановъ было болѣе сильно и что грязь этихъ вулкановъ, выливаясь изъ хребта Шумукая, залила русло Кубани и прек-

ратила сообщеніе Кубани съ Таманскимъ заливомъ. Въ 1865 и 66 гг. я, въ числѣ прочихъ инженерныхъ офицеровъ, былъ командированъ для изслѣдованія судоходства по рѣкѣ Кубани. Между прочими предположеніями существовалъ проектъ соединить Ахтанизовскій лиманъ съ Таманскимъ заливомъ. Поэтому мы произвели самыя точныя изслѣдованія между этими двумя водовмѣстилищами. Была произведена точная нивелировка. Но такъ какъ я въ то же время совершенно случайно познакомился съ археологическимъ вопросомъ по этому предмету, то я не удовольствовался спеціально мнѣ порученнымъ изслѣдованіемъ, но произвелъ добавочныя работы, которыя въ настоящее время желаю представить и которыя, по моему мнѣнію, показываютъ, что гипотеза Д. Демонпере, хотя и была подтверждена многими учеными, но должна была быть принята съ большою осторожностью, такъ какъ есть много фактовъ, которые ее опровергаютъ. Мы произвели бурильныя работы, которыя покрываютъ весь Таманскій полуостровъ въ разныхъ направленіяхъ. Работы были произведены не на большую глубину, но все таки вездѣ на глубину ниже грунтовой воды и ниже уровня моря. Бурильныя работы показали, что вся подпочва холмовъ совершенно однообразна и состоитъ изъ плотной буро-желтой глины, совершенно сухой. Если анализировать эту глину подъ микроскопомъ, то увидимъ, что она содержитъ мельчайшія крупинки алебаstra и богата сѣрнистой извѣстью и хлористымъ магнезіемъ. Изъ этого видно, что эта глина есть образованіе чисто морское и никогда не могла образоваться изъ заносовъ Кубани. Сверхъ того микроскопическое изслѣдованіе показываетъ мельчайшія раковины, которыя также слѣдуетъ признать морскимъ образованіемъ. Затѣмъ, я изслѣдовалъ грязь, извергаемую вулканами. Она показала въ себѣ большое обиліе хлористыхъ щелочей: хлористый калий и натрій именно тѣхъ двухъ предметовъ, которые не содержатся въ бурожелтой глинѣ. Слѣдовательно бурожелтая глина никакимъ образомъ не можетъ быть сравниваема съ изверженіями вулкановъ. А такъ какъ мы въ этомъ направленіи произвели цѣлый рядъ скваженъ и вездѣ почва оказалась совершенно одинакова, то нѣтъ никакой вѣроятности предполагать, что мы упустили гдѣ-нибудь это русло рѣки, которая могла протекать на этой мѣстности. А такъ какъ бурожелтая глина и по химическимъ, и по микроскопическимъ изслѣдованіямъ существенно отличается отъ изверженія вулкановъ, то нельзя признать, что это русло рѣки было засыпано этими вулканами. Сверхъ того, когда стали производить нивелировку, то увидѣли, что предположеніе о томъ, что долина, соединяющая лиманъ съ бухточкой, есть самое низкое мѣсто—далеко не основательно. Самая точная нивелировка показала, что это соединеніе сѣверо-западнаго угла лимана съ сѣверо-восточнымъ угломъ Таманскаго залива гораздо ниже, и если можно предположить, что здѣсь гдѣ-нибудь протекала рѣка, то скорѣе по этому направленію. Такимъ образомъ можно имѣть чисто фактическія доказательства для того, чтобы не согласиться съ мнѣніемъ Дюбуа Демонпере на счетъ предположенія здѣсь когда-то рукава Кубани. Если мы перейдемъ къ Страбону и будемъ даже цитировать его дословно безъ всякой предвзятой мысли, то увидимъ, что гипотеза Дюбуа Демонпере во всякомъ случаѣ требуетъ большой натяжки. Теперь прямо является вопросъ, гдѣ же помѣстить памятникъ Сатира? Дюбуа помѣщаетъ его на Сѣверной косѣ, но надобно сказать, что такое предположеніе не имѣетъ никакого основанія, какъ мы увидимъ сейчасъ изъ слѣдующихъ словъ Страбона (кн. 11, гл. II, 4, 6, 7):

„Въ прибрежномъ плаваніи этомъ, на разстояніи 800 стадій отъ Танаиса, нахо-

дится, такъ называемый Великій Ромвѣтъ ¹⁾, въ которомъ много рыбныхъ заводовъ и торговля солеными рыбами. Потомъ на разстояніи другихъ 800 стадій Малый Ромвѣтъ, имѣющій на мысу также рыбные заводы въ меньшемъ размѣрѣ. На этомъ побережьи живутъ вездѣ Меоты, хотя они и земледѣльцы, но не менѣе номадовъ войны. Они дѣлятся на многія племена, изъ которыхъ живущіе близъ Танаиса болѣе дикіе, а живущіе ближе къ Воспору болѣе кроткіе. Отъ малаго Ромвѣта до Тирамба и рѣки Антикита ²⁾ 600 стадій, далѣе до деревни Киммериконъ 120 стадій; деревня эта служитъ исходнымъ пунктомъ для плывущихъ по озеру. Въ этомъ прибрежномъ плаваніи нѣкоторыя сторожевыя башни называются Клазоменскими.

„Потомъ далѣе деревня Ахилліонъ ³⁾, въ которой былъ храмъ Ахиллеса, 20 стадій. Здѣсь самое узкое мѣсто устья Меотійскаго озера. Ширина его 20 стадій не болѣе. На противоположной сторонѣ находятся деревни Мирмикіонъ и Парѣніонъ близъ Иракліона.

„Отсюда до памятника Сатира 90 стадій. Памятникъ этотъ на вершинѣ насыпанной горы и поставленъ въ честь одного изъ знаменитыхъ мужей, царствовавшихъ на Воспорѣ ⁴⁾“.

Теперь надо имѣть въ виду, что здѣсь Таманскій заливъ имѣетъ въ настоящее время около 14 ф. глубины, и такъ какъ, покрайней мѣрѣ, за послѣдніе 2 вѣка карта не показываетъ измѣненія въ проливѣ, да и нѣтъ вѣроятности предполагать этого, то нельзя считать, что при Страбонѣ этотъ заливъ не существовалъ; если же онъ существовалъ въ томъ видѣ, какъ теперь, то онъ для тогдашнихъ судовъ представлялъ такую хорошую гавань, что не могъ быть пропущенъ въ описаніи Страбона, а такъ какъ Страбонъ и другіе древніе географы считаютъ всегда разстояніе по берегу, то если помѣстить здѣсь памятникъ Сатира и далѣе слѣдить по исчисленію Страбона вдоль по берегу, то это предположеніе будетъ противорѣчить слѣдующимъ словамъ Страбона (ib. 8):

„По близости находится деревня Патраевсъ, а отъ нея до деревни Корокондамы, лежащей на концѣ называемаго Киммерійскаго Воспора, 130 стадій. Этимъ именемъ называется узкій проходъ, который начинается у устья Меотійскаго озера и простирается до Корокондамы и противулежащей деревушки Акра, находящейся на Пантикапейской землѣ и раздѣляющей проливомъ въ 70 стадій. До сихъ поръ простирается ледъ. Меотійское озеро замерзаетъ во время морозовъ до того, что по немъ ѣздить. Весь этотъ узкій проходъ имѣетъ хорошія пристани“.

Дѣйствительно и по нынѣ Керченскій проливъ въ этомъ мѣстѣ покрывается льдомъ. Изъ моихъ данныхъ оказывается, что здѣсь не могло быть русла рѣки, а въ такомъ случаѣ всѣ дальнѣйшія предположенія Дюбуа уничтожаются сами собою. Вообще въ изслѣдованіи подобнаго рода вопросовъ, надо быть до крайности осторожнымъ. Даже у позднѣйшихъ изслѣдователей, напр., у Герца, Данилевскаго мы можемъ видѣть грубыя ошибки. Напр. Ахтанизовскій лиманъ по общему убѣжденію мѣстныхъ жителей имѣетъ до 6 сажень глубины и рассказъ этотъ мѣстныхъ жителей повторяетъ и Герцъ и Данилевскій; между тѣмъ самая точная провѣрка показала, что глубина тамъ не болѣе

¹⁾ Теперь Тогальникскій заливъ

²⁾ Притокъ р. Кубани до соединенія ея съ моремъ.

³⁾ Сѣлядьба, бывшая не подалеку отъ Эничале.

⁴⁾ Его полагаютъ въ Таманскомъ полуостровѣ, вблизи залива.

9 ф. Затѣмъ, я не касаюсь мнѣнія Дюбуа, такъ какъ онъ иногда говоритъ больше, чѣмъ видѣлъ въ дѣйствительности. Такъ, описывая мѣстность, по которой онъ ѣхалъ, онъ говоритъ, что видѣлъ рѣку въ этомъ мѣстѣ, по которой весьма недавно проходили суда. Между тѣмъ путешественники прошлаго вѣка—я не говорю о Кларкѣ, который говоритъ поверхностно, но Сумароковъ говоритъ подробно, а главное мы имѣемъ свидѣтельство безхитростнаго свидѣтеля Мокея Гулика, войсковаго старшины Запорожскаго войска: когда Запорожская сѣчь была разрушена и Екатерина II подарила кавказскія земли Запорожцамъ, то Запорожскій старшина былъ посланъ для осмотра мѣстности и вотъ этотъ старшина М. Гуликъ точно рассказываетъ свое путешествіе, указываетъ точно черезъ какіе рѣки, ручьи и болота онъ переправлялся; но ничего того, что видѣлъ Дюбуа, нѣтъ. А такъ какъ Гуликъ былъ въ 1792 г., то врядъ ли то, что видѣлъ Дюбуа, существовало въ дѣйствительности. Затѣмъ, кромѣ указанія М. Гулика то же самое можно видѣть на старой картѣ. Первая старая карта Керченскаго пролива, хотя очень грубая, сдѣлана при Петрѣ I, когда онъ предпринималъ первый морской походъ. Затѣмъ, въ 1772 г. сдѣлана опись Керченскаго пролива Воиномъ. Въ 1803 г. сдѣлана подробная и точная опись Влитомъ. Всѣ эти карты не показываютъ того, что описывается въ путешествіи Дюбуа. Вотъ почему я и позволилъ себѣ сказать, что къ гипотезѣ Дюбуа слѣдуетъ относиться осторожно, что она во всякомъ случаѣ требуетъ провѣрки вновь. Теперь остается такой вопросъ: ежели толковать географію Страбона, то какимъ же образомъ намъ обойти вопросъ о Таманскомъ заливѣ? Если Таманскій заливъ на столько глубокъ, что долженъ былъ обратить вниманіе Страбона, а между тѣмъ онъ пропущенъ въ его географіи, то надобно предположить, что во время Страбона этотъ заливъ не существовалъ, потому что въ противномъ случаѣ онъ или былъ бы описанъ въ его географіи, или же толкованіе Страбона совершенно невозможно. Уничтоженіе Таманскаго залива, какъ гипотеза, гораздо болѣе вѣроятно, чѣмъ засыпка русла рѣки изверженіями вулкановъ, которые не въ состояніи засыпать и простой канавы. Если допустить, что вся почва Таманскаго полуострова медленно понижается (такое явленіе мы видимъ во многихъ мѣстностяхъ Европы), то достаточно общаго пониженія почвы всего на 12 ф., т. е. на $\frac{3}{4}$ ф. въ столѣтіе, для того, чтобы Таманскій заливъ не существовалъ въ то время. Можетъ быть онъ и существовалъ въ видѣ Соленого озера, отдѣленнаго отъ моря косой; очевидно во времена Страбона оно было на столько мало, что онъ не обратилъ на него вниманія. Если мы согласимся съ этой гипотезой, тогда описаніе Страбона становится ясно (*объясняетъ по картѣ*). Такимъ образомъ если возьмемъ гипотезу, основанную на такомъ явленіи, которое мы видимъ повседневно во многихъ мѣстностяхъ, то можемъ объяснить съ гораздо болѣею вѣроятностью географію Страбона, чѣмъ, если будемъ объяснять, какъ объяснялъ Дюбуа и его послѣдователи, т. е. допуская въ природѣ такое явленіе, котораго мы въ настоящее время не видимъ, и, слѣдовательно, давая возможность своей фантазіи допустить все, что угодно.

Центры просвѣщенія въ древней Арменіи по XI вѣкѣ.

Архимандрита Степане.

Непосредственно по возвращеніи моемъ въ началѣ настоящаго мѣсяца изъ Западной Европы, гдѣ, по порученію Святѣйшаго Католикоса, втеченіи 14 мѣсяцевъ я изучалъ педагогію, Его Святѣйшеству благоугодно было поручить мнѣ представить Археологическому Съезду въ Тифлисъ его сочувственныя поздравленія, искреннѣйшія благопожеланія и усерднѣйшія благословенія.

Понятно, на сколько считалъ я для себя счастьемъ присутствовать на засѣданіяхъ Съезда, этого счастливѣйшаго событія въ умственной жизни Кавказа, страны, которая представляетъ обширное и интересное поприще дѣятельности и изысканій для Археологическихъ обществъ; такъ какъ древнѣе библейскаго Эдема, первоначальнаго жилища человѣческаго рода, не было страны, а Эдемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ библиологовъ, помѣщался между Араратомъ и Ванскимъ озеромъ.

Живое и лестное вниманіе высокопочтенныхъ членовъ Съезда къ нашему чудному, по выраженію профессора Иловайскаго, краю—Грузіи и Арменіи, воодушевило и меня неспеціалиста и побудило составить настоящую статью, которую и рѣшаюсь предложить свисходительности гг. членовъ въ знакъ глубокаго сочувствія Святѣйшаго Католикоса армянскаго и Эчмιάдзина къ Археологическому Съезду.

До воцаренія въ Арменіи Вагаршака, перваго царя армянскаго изъ рода Аршакуни, въ 150 г. до Р. Х. въ Арменіи не встрѣчаемъ ни школъ, ни другихъ общепользныхъ учрежденій, о чемъ свидѣтельствуется Моисей Хоренскій. Вагаршакъ писалъ брату своему Аршаку царю Парсискому, которымъ и былъ поставленъ царемъ въ Арменіи, слѣдующее: „не видно, чтобы здѣсь существовали какія нибудь постановленія или богослуженіе при храмахъ; неизвѣстно, кто первый между главными лицами страны и кто послѣдній; нѣтъ ничего опредѣленнаго: все перепутано, все дико (1, 9)“.

Началомъ армянскаго просвѣщенія было начало христіанства въ Арменіи. Арменія была не только, по словамъ Агатагела, армянскаго писателя IV вѣка, но даже по убѣжденію западнаго ученаго армяниста С. Мартена. (Ист. Вост. Имп. Lebeau. Paris, 1885, т. I, стр. 76 и 77) первою страной, гдѣ услышанъ былъ голосъ того божественнаго пастыря, который явился положить жизнь свою за спасеніе овецъ,

внося въ угасающую жизнь древняго міра свѣтъ и истину. Армянскій царь Авгарь приглашалъ даже Спасителя въ свою столицу Едессу, которая и стала первымъ центромъ, откуда молва о божественномъ свѣтѣ расходилась по сосѣднимъ странамъ. Въ Едессѣ же былъ учрежденъ царемъ Авгаромъ знаменитый архивъ рѣдкихъ книгъ, который какъ святыня привлекалъ туда постоянно всѣхъ людей науки въ продолженіе послѣдующихъ четырехъ вѣковъ. Намъ извѣстно, что туда были отправлены изъ учениковъ Саака и Месропа Езникъ и Овсепъ, чтобы перевести на армянскій языкъ нужныя книги. Тамъ же занимался и работалъ Мойсей Хоренскій. Послѣ проповѣди христіанства въ Арменіи апостолами Фаддеемъ и Вареоломеемъ, христіанство было утверждено въ Арменіи Григоріемъ Просвѣтителемъ, которымъ и были основаны первыя христіанскія школы и въ нихъ воспитывались преимущественно дѣти армянскихъ древнихъ жрецовъ. Христіанство бросило глубокіе корни легко потому, что сотрудинокъ вѣтомъ дѣлѣ у Григорія Просвѣтителя былъ царь Тирдатовъ и весь царскій домъ.

До Тирдата же изъ царей армянскихъ можно остановиться лишь на цивилизаторской дѣятельности Арташеса Втораго и Тиграна II-го.

Хотя, по Мойсею Хоренскому, много учреждено установленій и прекрасныхъ обычаевъ Вагаршакомъ и другими государями, однако эти послѣдніе не имѣли понятія о наукахъ и искусствахъ. Будучи заняты набѣгами, они или не заботились о наукахъ, или же не постигали ихъ; они даже не знали раздѣленія недѣль, мѣсяцевъ и годовъ. Суда не ходили по озерамъ и рѣкамъ нашего отечества, земля воздѣлывалась въ рѣдкихъ мѣстахъ. Какъ въ сѣверныхъ странахъ, такъ и у насъ питались сырымъ мясомъ. Все это приведено въ порядокъ только при Арташесѣ. Непонятно, почему Арменія такъ поздно подчинилась цивилизаціи классическихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны Армяне должны были знать Грецію посредствомъ малоазійскихъ грековъ, съ другой стороны римскую цивилизацію чрезъ посредство Сиріи; притомъ сами цари Аршакуни назывались филеллинами. При Тигранѣ II-мъ, въ пятидесятыхъ годахъ до Р. Х., при армянскомъ дворѣ давали театральныя представленія на греческомъ языкѣ. По свидѣтельству Паутарха, царь армянскій Артаваздъ, сынъ Тиграна II-го, писалъ трагедіи на греческомъ языкѣ. Но сношенія армянскаго двора съ греками не имѣли вліянія на народъ. Быть можетъ единственнымъ послѣдствіемъ ихъ было то, что Армяне приобрѣли нѣкоторыя понятія о западномъ художествѣ чрезъ выписанныхъ, напр., Тирдатомъ художниковъ и архитекторовъ изъ Рима.

И такъ, первыя школы появляются вмѣстѣ съ христіанствомъ при Григоріи Просвѣтителѣ въ началѣ V вѣка. Но онѣ не были для народа, а для приготовленія духовенства. Обучали въ нихъ Св. Писанію и сирійскому языку въ восточной и южной Арменіи, а греческому языку — въ западной. Учителями были сирійцы и греки. По свидѣтельству Агатангела — секретаря царя Трдата, писателя IV вѣка, одна школа называлась царскою школою. Въ ней Григорій Просвѣтитель обучалъ родичей царскаго дома Аршакуни (*Արշակ. ըն.*). Были также въ разныхъ мѣстахъ общественныя школы, учрежденныя царемъ Трдатомъ по совѣту Григорія Просвѣтителя. Царь назначалъ надъ школами преданныхъ архимандритовъ, знающихъ языки греческій и сирійскій, жалованье же отпускалъ имъ отъ казны. Ученики были раздѣлены на два отдѣленія: одни изучали сирійскій языкъ, другіе греческій (Агаѳ. *ՅԻ.*).

Свѣтлою личностью и великимъ цивилизаторомъ Арменіи въ IV вѣкѣ былъ Нер-

сесь Великій, подобнаго которому не видала Армения (отъ 374 до 383 г. послѣ Р. Х.) Онъ посвятилъ себя распространенію евангельскаго ученія и обогатилъ Армению всякаго рода благотворительными учрежденіями. Однихъ монастырей, по свидѣтельству Месропа Іерея, было основано имъ болѣе двухъ тысячъ. Онъ учреждалъ школы, богадѣльни, больницы, пріюты, вдовьи и сиротскіе дома, дома для странниковъ и для всѣхъ этихъ учреждений назначалъ доходы съ городовъ и деревень. По этому и говоритъ Моисей Хоренскій: „съ тѣхъ поръ можно было видѣть жителей нашей земли не безобразными варварами, но скромными горожанами (9. хх.)“. По словамъ Бюзанда, писателя IV столѣтія, въ школахъ, основанныхъ Нерсесомъ Великимъ въ разныхъ мѣстахъ Арменіи, обучали дѣтей сирийскому и греческому языкамъ. Къ несчастію учрежденія Нерсеса Великаго недолго продолжались и двумъ славнымъ дѣятелямъ Арменіи V вѣка — Сааку и Месропу пришлось начать съизнова. Саакъ былъ сынъ Нерсеса Великаго и вмѣстѣ съ отцемъ будучи въ Византіи изучилъ греческій языкъ и литературу. Нерсесь и Саакъ имѣли такое сильное вліяніе на гражданскія дѣла Арменіи, что между духовною и свѣтскими властями связь стала неразрывною, а по прекращеніи политической жизни католикосы централизовали въ себѣ верховную народную власть. Сотрудникомъ католикоса Саака въ продолженіе 40 лѣтъ въ дѣлѣ народнаго возрожденія и распространенія просвѣщенія былъ товарищъ его изъ школы Нерсеса Великаго вардапетъ Месропъ, творецъ армянскаго алфавита.

До изобрѣтенія армянскихъ письменъ, т. е. до V вѣка, армянскіе юноши не довольствуясь, конечно, тѣмъ элементарнымъ образованіемъ, которое давалось въ армянскихъ школахъ, отправлялись за границу въ Аѳины, Византію, а при ученикахъ Саака и Месропа преимущественно въ Александрію. Вліяніе Греціи и греческаго языка въ это время было такъ сильно, что оно отразилось на слогѣ даже такихъ классическихъ писателей какъ Моисей Хоренскій, въ третьей книгѣ исторіи Арменіи котораго, нерѣдко встрѣчаются эллинизмы. Вліяніе это продолжалось до XII столѣтія, когда стало уже преобладать вліяніе латинскаго языка. Оно и понятно.

Григорій Просвѣтитель получилъ греческое образованіе, Нерсесь и Саакъ Великіе получили образованіе въ самой Византіи. Съ IV вѣка Армяне постоянно ѣздили въ Аѳины. Знаменитый Григорій Богословъ говоритъ въ своемъ надгробномъ словѣ надъ Василиемъ Кесарійскимъ, что нѣсколько Армянъ, прибывшихъ въ Аѳины прежде Василія, спорили съ нимъ. Вардапетъ Ванаканъ (XIII столѣтія) также говоритъ, что въ Аѳинахъ былъ обычай учиться молча и въ повиновеніи, а нашихъ (т. е. Армянъ) упрекаютъ въ томъ, что они учились мало и пребывали долго въ разговорахъ. Объ этомъ рассказывалъ во всеуслышаніе Григорій Богословъ въ надгробной рѣчи Василія. Но лестнѣе для Армянъ другое свидѣтельство Григорія Богослова о Прозресіи, котораго онъ вмѣстѣ съ Василиемъ Кесарійскимъ былъ ученикомъ въ Аѳинахъ. „Какъ люстра не можетъ сравниться въ солнцемъ, говоритъ онъ, такъ смертный человекъ не можетъ соперничать въ риторикѣ съ Прозресіемъ, который своимъ краснорѣчіемъ покорилъ весь міръ“. О немъ же рассказываетъ Евнапій, авторъ IV вѣка въ своемъ жизнеописаніи философовъ, что нѣкто, рожденный въ Великой Арменіи по имени Прозресій, преподаватель риторики, побывавъ въ Аѳинахъ, такъ ознаменовалъ себя, что въ Римѣ воздвигли ему памятникъ, называя его царемъ риторики.“ Дѣйствительно, когда Прозресій прибылъ въ Римъ, соотечественники Цицерона были изумлены и на воздвигнутомъ памятникѣ начертили слѣдующую надпись: *regina regum Roma, regi*

eloquentiae. (Царяца царей, Римъ—царю краснорѣчія). Едва ли кто-либо изъ риторовъ достигалъ подобной чести.

Нѣкоторые отправлялись для полученія образованія въ Кесарію, гдѣ воспитывался самъ Григорій Просвѣтитель. О Нерсесѣ Великомъ католикосъ Іоаннъ пишетъ слѣдующее: „Атанагинесъ оставилъ только своего сына младенца, по имени Нерсесъ, который въ то время находился въ Кесаріи въ ученіи“ (М. XIII, 16). Тамъ же или въ Византіи получилъ образованіе Месропъ, о которомъ армянскій писатель Корюня говоритъ, что онъ, получивъ греческое образованіе, въ юношескомъ возрастѣ, прибылъ въ область царей Аршакуни въ Великую Арменію. Въ началѣ V вѣка, послѣ изобрѣтенія армянскихъ буквъ Месропомъ, Католикосъ Саакъ и сотрудникъ его Месропъ, задумавъ приступить къ исправленію армянскаго перевода, сдѣланнаго ранѣе съ сирійскаго языка св. Писанія, сличеніемъ съ переводомъ 70 толковниковъ, рѣшились отправить 60 лучшихъ своихъ учениковъ, однихъ въ Александрію, другихъ въ Аѳины и Византію для усовершенствованія себя въ греческомъ языкѣ, риторикѣ, философскихъ и историческихъ наукахъ въ знаменитѣйшихъ школахъ того времени. Въ числѣ отправленныхъ былъ и Моисей Хоренскій, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ людей своего отечества.

Семь лѣтъ оставались въ Греціи молодые Армяне, и хотя изъ Александріи они отправились въ Аѳины, Римъ и Византію, но съ того времени Александрійская Академія дѣлается преимущественно центромъ просвѣщенія для армянской молодежи. Академія состояла изъ четырехъ отдѣленій: литературнаго, математическаго, астрономическаго и медицинскаго. Въ каждомъ отдѣленіи преподавались всѣ науки, имѣющія связь съ главнымъ предметомъ. При Академіи находились знаменитая библіотека, ботаническій и зоологическій садъ для изученія естественныхъ наукъ, обсерваторія, химическій и анатомическій кабинеты.

Ко времени возвращенія ихъ въ Арменію, около половины V столѣтія, благодѣтелей ихъ, Саака и Месропа, не было уже на свѣтѣ; они были забыты и предоставлены самимъ себѣ, долго скитались по своему несчастному отечеству, изучая его, и вездѣ почти встрѣчая зависть невѣжественнаго духовенства. Моисей Хоренскій, живо рисуетъ положеніе ихъ слѣдующими словами: „гдѣ теперь сладкое спокойствіе взгляда на добрыхъ и ужасающее негодование на злыхъ? Гдѣ пріятная улыбка при встрѣчѣ съ добрыми учениками? Гдѣ сердечное добродушіе при приѣмѣ служителей? Гдѣ надежда, улаждающая долгій путь, успокоивающая труды? Исчезъ пріютодатель, пристань скрылась, покинулъ помогающій, умолкъ увѣщающій голосъ. Кто теперь оцѣнитъ наше образованіе? Кто порадуется успѣхамъ ученика? Кто выскажетъ отеческую радость при видѣ меня, своего сына, его превзошедшаго“?

Изобрѣтеніе армянскихъ буквъ Месропомъ было причиною размноженія армянскихъ школъ. Какъ въ школахъ, такъ и при богослуженіи употреблялись въ Арменіи сирійскій и греческій языки. По изобрѣтеніи армянскихъ буквъ все это нужно было перемѣнить, перевести на армянскій языкъ. И вотъ Месропъ, содѣйствуемый во всемъ мудрымъ царемъ армянскимъ Врамшапу (отъ 392 до 414 года), основываетъ въ разныхъ мѣстахъ школы, собираетъ дѣтей и обучаетъ новому чтенію. По усердію и заботамъ о развитіи школьнаго дѣла въ Арменіи, никто не можетъ сравниться съ Месропомъ, ни до, ни послѣ него. Первая школа для новаго обученія была основана въ Самостіи въ Малой Арменіи, гдѣ учительствовалъ нѣкто Ропаній. Эта страна составляла часть

Восточной имперіи, тогда какъ наибольшая часть Арменіи находилась подъ вліяніемъ Персіи. Въ малой Арменіи мѣстные греческіе правители и нѣкоторые армянскіе нахарары не оказали Месропу хорошаго пріема. То же самое случилось въ Верхней Арменіи, куда направили чрезъ нѣсколько лѣтъ свою дѣятельность Саакъ и Месропъ. Какъ въ IV вѣкѣ Персы, такъ въ V вѣкѣ Греки не позволяли армянамъ обитавшимъ въ греческихъ владѣніяхъ, изучать армянскую письменность, чтобы армяне, усвоивъ національное образованіе, не отстали отъ грековъ. Месропъ принужденъ былъ отправиться въ Византію съ письмомъ Саака къ императору Θεодосію, въ которомъ онъ горько жаловался на греческихъ правителей. „Они до такой степени возненавидѣли насъ, писалъ Саакъ къ Θεодосію, что не хотѣли даже принять письма, принесенныя тѣмъ же самымъ мужемъ, котораго я отправилъ къ тебѣ, моему благодѣтелю: не разъ приходилось ему переносить трудности и въ землѣ сирійской. Не благоугодно ли будетъ вашему величеству не оставить насъ въ нашей епархіи безъ власти и приказать принимать насъ и наше пастырское наставленіе“.

Θеодосій, узнавъ отъ Месропа, что совершеніе того искусства дано было свыше, предписываетъ, чтобы всѣ немедленно учились ему и чтобы издержки шли отъ казны. Тогда, говоритъ Моисей Хоренскій, безъ отлагательства приступили къ ученію и быстро начали наставлять западную страну наравнѣ съ восточною Арменіею. Изъ множества школъ, основанныхъ Месропомъ, извѣстны: Вагаршапатская, Пайтакаранская, Гохтенская, Сюникская, Шахагумская и пр. Изъ Самостіи Месропъ прибылъ въ Араратскій край, въ столицу Вагаршапатъ. Сюда собирались юноши изъ разныхъ областей армянской земли къ открытому источнику божественнаго знанія, по выраженію историка Корюна, благодать истекала для армянъ изъ араратской области, изъ дома царей и первосвященниковъ. Вагаршапатская школа была въ родѣ главнаго училища или учительскаго института; ученики котораго назывались первыми учениками или переводчиками. Таковы: Іосифъ, Гевондъ, Езникъ, Корюнъ, Іоаннъ и другіе. Они расходились подъ руководствомъ Саака и Месропа по разнымъ концамъ Арменіи, открывали школы, собирали избранныхъ мальчиковъ, умныхъ, чисто выговаривающихъ, имѣющихъ пріятный голосъ и долгое дыханіе, и обучали ихъ, (Хор. 3, 54).

Изъ этихъ послѣднихъ школъ именитыми учениками вышли: Моисей Хоренскій, Мамбре, Давидъ, Гютъ, Ованъ, Егише, Хазаръ и многіе другіе, которые извѣстны подъ именемъ *младшихъ переводчиковъ*. Сами же Саакъ и Месропъ заботились о воспитаніи царскаго дома. Саакъ училъ божественной мудрости преимущественно родичей Мамиконянъ, изъ которыхъ первымъ лицомъ былъ знаменитый военачальникъ Варданъ.

Изъ Вагаршапата Месропъ, съ разрѣшенія царя, отправился въ Пайтакаранъ, область Великой Арменіи недалеко отъ рѣки Ерасха или Аракса. Такъ какъ жители Пайтакарана, смѣшанные съ сосѣдними Мидянами, были полуязычники и, по выраженію Корюна, „дьявольскихъ нравовъ“, не знали никакой грамотности, ни священнаго писанія, и притомъ языкъ у нихъ былъ варварскій и грубѣйшій, то никто къ нимъ не заходилъ. Основавъ въ Пайтакаранѣ, главномъ городѣ провинціи, между рѣками Курою и Араксомъ, школу, Месропъ обратилъ этихъ отчужденныхъ изъ рода въ родъ Армянъ, обучилъ ихъ новому письму и языку, упражнялъ юношей переводами, чѣмъ языкъ ихъ сталъ настоящимъ армянскимъ и Пайтакаранцы познали наконецъ священное слово, о которомъ до тѣхъ поръ никогда не слыхали Учредивъ центръ просвѣщенія для всего Пайтакарана, самой сѣверо-восточной области Великой

Арменіи, находившейся между Арцахомъ, Албанією, Каспійскимъ моремъ и Атрапатаканомъ и возбудивъ среди Пайтакаранцевъ ревность къ національному языку и христіанской религіи, Месропъ отправился въ Гохтенскую область, страну рапсодовъ армянскихъ, обильную виномъ и фруктами (бывшій Ордубадскій уѣздъ). и началъ наполнять ее благовѣстью Евангелія Христова вмѣстѣ съ благочестивымъ Шабатомъ. Въ деревняхъ онъ назначалъ монаховъ для обученія дѣтей новому чтенію. Центральную же школу для всей области, онъ открылъ, вѣроятно, въ Джугѣ, городѣ находящемся на Араксѣ въ 30 верстахъ отъ Нахичевани, (нынѣ разоренное селеніе Джульфа). Изъ Гохтенской области Месропъ отправился въ сосѣднюю Сюникскую провинцію, на востокъ отъ Айраратской между рѣкою Араксомъ и провинціею Арцахъ (нынѣшніе Зангезурскій, Гогчайскій и частью Шушинскій и Нахичеванскій уѣзды). Тамъ его принялъ армянскій владѣтельный князь, Сюника Вахенакъ, съ величайшею любовью и далъ ему объѣхать всю сюникскую провинцію. Месропъ собиралъ юношей преимущественно дикихъ мѣстностей, трудился, обучалъ и наставлялъ ихъ такъ кротко и успѣшно, что онъ назначилъ епископовъ, учителей для сюникской церкви, одной изъ самыхъ важныхъ епархій въ древней Арменіи, изъ мѣстныхъ, бывшихъ дикихъ людей. Наставники для всей сюникской провинціи выходили, какъ увидимъ дальше, изъ главной школы при знаменитомъ Татевскомъ монастырѣ, мѣстѣ пребыванія одного изъ важнѣйшихъ архіепископовъ въ Арменіи. Изъ учениковъ Месропа въ этой провинціи прославился въ особенности Ананія, о которомъ Степаносъ Орбелянъ, армянскій писатель XIII вѣка, говорилъ слѣдующее: „съ давнихъ поръ небыло наставника и учителя въ Сюникской землѣ“,—въ патриаршество же Саака Великаго былъ рукоположенъ Ананія, ученикъ Месропа, на сюникское епископство, искусный переводчикъ, исполненный всѣми добродѣтелями. „Ананія открылъ въ Сюникѣ много школъ и назначилъ руководителемъ соученика своего Веніамина и скоро научилъ всѣхъ армянскому языку и сдѣлалъ ихъ знатоками божественныхъ завѣтовъ“ 1.

Весьма мало извѣстно о школахъ, основанныхъ Месропомъ въ Сперѣ, Держанѣ, Екехиацѣ и Бахасаканѣ, областяхъ Верхней Арменіи (нынѣшній Арзерумскій пашалыкъ). Какъ видно, Месропъ болѣе оставался въ Шахагумѣ, области также Верхней Арменіи. Моисей Хоренскій хвалитъ мѣстоположеніе этой области, наполненной тѣнистыми рощами. Въ Шахагумской школѣ, по словамъ же Моисея, „Месропъ училъ не искусству, но какъ апостоль, передавалъ ученикамъ душу“ (III, 60). Окончивъ дѣло своего наставленія въ Сюникской провинціи, онъ отправляется въ Гардманскую область, провинціи Ути, между провинціею Арцахомъ и рѣкою Курою (нынѣшніе Казахскій, Елисаветпольскій и частью Шушинскій уѣзды). Здѣсь онъ получаетъ приглашеніе отъ Ашуши Гугаркскаго бдешха или правителя пріѣхать на дѣло обученія и наставленія въ его владѣнія въ Таширь, одна изъ областей, провинціи Гугаркъ, въ сѣверной Арменіи (Гугаркъ нынѣшніе Ардаганскій, Карскій и частью Ахалцыхскій уѣзды).

Таширь составлялъ особое княжество, на что указываетъ само названіе правителя—бдешхъ. Бдешхами назывались правители Гугарковъ, Иверовъ—сѣверныхъ провинцій и Ахцникъ—южной провинціи Великой Арменіи. Бдешхи назывались также великими князьями и при дворѣ армянскихъ царей занимали первыя старшія мѣста. Месропъ отправляется въ Таширь, и жители Ташира, по словамъ историка, принимаютъ его ученіе лучше и съ большею готовностью, нежели его прочіе ученики, т.-е. скоро научаются читать по новымъ письменамъ.

Вотъ школы основанныя, древнѣйшимъ армянскимъ великимъ педагогомъ Месропомъ. Онѣ служили источниками просвѣщенія въ Арменіи, не только въ V вѣкѣ, но и въ послѣдующее время. Замѣчательно, что геніальный дѣятель Месропъ въ V вѣкѣ вполне понялъ то, что его соотечественники какъ то не ясно сознають въ XIX вѣкѣ, а именно, что успѣшность истиннаго народнаго образованія зависитъ лишь отъ знающихъ свое дѣло, преданныхъ дѣлу и умѣлыхъ учителей. Месропъ населялъ свои школы не дѣтьми, а преимущественно юношами, способными и *съ пріятнымъ голосомъ*, по замѣчанію историка.

Такъ какъ онъ не могъ рассчитывать на долгое пребываніе въ каждой области, то по пріѣздѣ въ извѣстную область онъ собиралъ наиспособныхъ юношей со всей области и начиналъ заниматься съ ними. Цѣлью его было: не только передавать свѣдѣнія, но и воспитывать, создать изъ нихъ народныхъ учителей. Понятно что евангельская нравственность была основаніемъ его педагоги. Онъ не только передавалъ свѣдѣнія, но, какъ сказано выше, какъ апостоль, передавалъ имъ душу. Если онъ заканчивалъ воспитаніе своихъ учениковъ, то самъ назначалъ ихъ учителями, даже епископами, какъ то мы видѣли, напр., въ Сюникской провинціи. Если же время не позволяло ему, то доведя дѣло воспитанія учениковъ до извѣстной степени, поручалъ руководство опытному лицу, какъ, напр., въ Бахасаканѣ епископу Муше. Если нужно было для успѣха дѣла, онъ предпринималъ даже дальнее путешествіе съ своими учениками. Такъ, напр., еще до приведенія въ систему своихъ новыхъ буквъ онъ обучалъ дѣтей въ Арменіи. По истеченіи двухъ лѣтъ, онъ чувствуетъ невозможность продолжать обученіе по имѣющимся буквамъ, беретъ своихъ учениковъ съ собою и переходитъ въ Месопотамію и открываетъ школу въ Едессѣ. Здѣсь тоже не достигаетъ цѣли и потому съ учениками своими переходитъ въ Самостію, и здѣсь только успѣваетъ обучать новому алфавиту. Школы Месропа главнымъ образомъ представляютъ, если можно такъ выразиться, подвижные учительскіе институты. Пріѣхавъ, воспитавъ и обучивъ немногочисленныхъ юношей, передавъ имъ душу свою, геніальный наставникъ оставляетъ въ каждой провинціи подобныхъ себѣ душевно преданныхъ, дѣлу народнаго возражденія молодыхъ армянъ, самъидетъ далѣе съ своею просвѣтительною дѣятельностью.

О результатахъ дѣятельности Месропа арм. писатель Степаносъ Орбелянъ говоритъ слѣдующее: „Арменія была обновлена имъ и обогащена: Армяне стали учеными и глубокими знатоками языковъ и литературы. (тц.). Ученики Месропа составляютъ гордость и славу армянской литературы какъ изящные классическіе писатели и служатъ неизсякаемыми источниками и высокими образцами учителямъ для изученія армянскаго классическаго языка“.

V вѣкъ съ XII-мъ составляютъ тѣ двѣ характеристическія эпохи въ исторіи Арменіи, имѣющія между собою большую аналогію, въ которыя вся сила армянскаго народнаго духа, развившагося и окрѣпшаго научнымъ образованіемъ, была вызвана наружу событіями, отъ которыхъ зависѣла дальнѣйшая судьба потомковъ Найка. Въ обѣ эпохи рѣчь шла о томъ—быть или не быть Арменіи. Въ V вѣкѣ, не смотря на опасность великой борьбы христіанской Арменіи съ однимъ изъ сильнѣйшихъ фанатическихъ государей востока, персидскимъ царемъ Азкертомъ Саассанидомъ, Арменія восторжествовала и мученическою кровью своихъ сыновъ—великихъ Варданяновъ—выкупая самостоятельность своей церкви, отстояла съ тѣмъ вмѣстѣ и политическую

свою независимость. Предводителями въ этомъ дѣлѣ были не цари, ибо тогда прекратилась царствовавшая до того времени династія армянскихъ Аршакуни, но настоятели армянской церкви,—мужи разума и воли, крѣпкіе вѣрою, одаренные мощнымъ словомъ, которымъ они возбуждали и поддерживали въ народѣ религіозный и патриотическій духъ. То были эти же самые ученики Саака и Месропа, корифеи золотого вѣка армянскаго слова.

Въ продолженіи почти всего VI вѣка армянскіе юноши получали образованіе въ школахъ, основанныхъ Месропомъ.

Въ VII вѣкѣ появилась новая школа въ Аршаруникѣ близъ Аракса, въ провинціи Айраратъ (нынѣ Сурмалинскій уѣздъ). Слава этой школы распространилась подъ названіемъ Вардикъ *Հար* по всей Арменіи. Въ Вардикъ Айрѣ были собраны всѣ Армянскіе ученые того времени.

Школы, основанныя Месропомъ, наибольшее развитіе получили въ провинціи Сюникъ. Тамъ то и образовалась знаменитая въ VIII вѣкѣ сюникская академія для образованія духовенства и учителей подъ названіемъ Вардапетаранъ. По словамъ Степаноса Орбеляна, упомянутаго писателя изъ сюникской же провинціи (*Կ. Իր.*), сюникская академія такъ высоко стояла въ VIII вѣкѣ надъ всѣми другими училищами, что католикосъ армянскій Комитасъ, желая опредѣлить племянника своего Теодора въ лучшую школу, не помѣстивъ его въ академію патріархата, въ которой находились многіе ученые вардапеты, архимандриты, ни даже въ академію Аршаруникъ, а отправивъ его къ ритору сюникскому Матусага, предпочитая сюникскую Академію всѣмъ прочимъ мѣстамъ. Степаносъ называетъ эту школу источникомъ премудрости, главою всѣхъ Армянскихъ ученыхъ. Подобно тому какъ Аѳиняне были наиболѣе щедро одарены между Римлянами и Греками, говоритъ историкъ, и назывались матерью мудрости въ испанскомъ мѣрѣ, вслѣдствіе знакомства ихъ съ латинской и греческой письменностью, такъ точно считается матерью мудрости Сюникъ въ Армянскомъ мѣрѣ (*Կ. Իր.*) и это потому во первыхъ, что сюникская епархія считалась первопрестольною и чрезвычайно уважаемою. Во вторыхъ, лишь этому престолу было даровано право Саакомъ и Месропомъ объяснять и переводить священное писаніе (*Կ. Է.*). Въ третьихъ, преподавателями въ сюникской школѣ были именитые ученые и многіе прославленные риторы, таковы, напр., Петръ, Матусага, Теодоръ, Моисей и Степаносъ. Сюникскую Академію замѣняетъ въ IX вѣкѣ славная своимъ воспитаніемъ школа при Татевскомъ монастырѣ, въ той же самой провинціи. Армянское юношество стремилось особенно къ татевскимъ философамъ и преподавателямъ музыкальнаго пѣснопѣнія. Другимъ знаменитымъ центромъ образованія IX вѣка была Севанская школа на севанскомъ или гогчайскомъ озерѣ. Степаносъ Асохинъ, писатель X вѣка, говоритъ, что школу эту содержало монастырское братство. Католикосъ Армянскій Маштоцъ въ IX вѣкѣ, избравъ мѣстомъ своего жительства островъ Севанъ на севанскомъ озерѣ, построилъ тамъ церковь во имя Апостоловъ. Здѣсь собралось многочисленное братство, управлявшееся уставами св. Василія: въ этой божіей обители, проникнутое одною вѣрою братство посвящало себя изученію всѣхъ священныхъ книгъ (*Ասողիկ Գ. Գրք.*). Какъ татевская школа привлекала юношество своими философами, такъ севанская своими богословами.

Въ X вѣкѣ замѣчательнымъ мѣстомъ образованія дѣлается опять Аршаруникъ (нынѣ Сурмал. уѣздъ) именно Камрджадзорскій монастырь. Именитый настоятель

Камрджадзора Иоаннъ ввелъ уставъ св. Василя и собралъ до 300 мужей, между которыми были весьма уважаемые преподаватели. Въ это же время въ Ширакской области былъ построенъ Оромоцъ ванкъ, т. е. монастырь Грековъ, такъ названный вслѣдствіе того обстоятельства, что здѣсь нашли убѣжище монахи, гонимые императоромъ Романомъ. Монастырь этотъ былъ основанъ Иоанномъ, украшеннымъ всеми добродѣтелями, а еще болѣе, по выраженію Степаноса Асохика, прелестью милосердія, ибо движимый милосердіемъ и добродѣтелью, онъ при встрѣчѣ съ нищими отдавалъ все до послѣдней одежды; для прохожихъ онъ устроилъ въ монастырѣ мѣсто отдохновенія, гдѣ всѣ странники, какъ въ собственномъ домѣ, находили покой. Въ той обители до сихъ поръ соблюдается это милостивое гостепріимство, добавляетъ Асохикъ. Этотъ Оромоцъ назывался также Хошаванкъ; онъ находился въ 7 верстахъ отъ Ани, знаменитой столицы Армянскихъ царей Багратуни близъ Александрополя. Такъ какъ изъ исторіи не видно особой замѣчательной школы въ самой столицѣ Ани, то надо полагать, что Хошаванкъ служилъ мѣстомъ образованія для анискаго юношества. Въ Хошаванкѣ же находилась богатая библіотека. По прекрасному фотографическому снимку Хошаванской или Оромоцеванской библіотеки г. Кюркчяна, находящемуся на выставкѣ Археологическаго съѣзда, можно составить понятіе о размѣрахъ библіотеки. Вообще величественныя развалины Ани такъ художественно воспроизведенныя и выставленныя здѣсь нашимъ страстнымъ любителемъ древнихъ памятниковъ г. Кюркчяномъ, всецѣло посвятившимъ себя развалинамъ Арменіи, живо представляютъ степень просвѣщенія столицы Ани—армянской народной сокровищницы.

Описанію этихъ же развалинъ посвящено послѣднее сочиненіе подъ названіемъ Ширакъ О. Геванда Алишана (изъ Венеціи), поэта и классика армянскаго, который пламенную любовь къ отдаленному отечеству удовлетворяетъ глубокимъ изученіемъ развалинъ его. Многолѣтній труженикъ называетъ ихъ безгласными глаголами ума, вѣры, искусства и величія отцевъ, священными залогами, которые новое поколѣніе должно чтить и сохранять благоговѣнно и какъ неотъемлемое наслѣдіе передовать потомству...

Не менѣе Хошаванка привлекалъ армянское юношество въ X же вѣкѣ основанный (въ 935 году) Нарекъ или Нарекскій монастырь въ рштуникской области, васпураканской провинціи (нынѣ часть Ванскаго пашалыка, Адарбеджана и Эриванской губерніи). Братія нарекскаго монастыря были извѣстны своими свѣдѣніями свящ. писанія и своимъ многочисленнымъ хоромъ пѣвчихъ. Во главѣ монастыря стоялъ Ананія вардапетъ, великій философъ, именитый ученый, просвѣтитель церкви, какъ называютъ его разные армянскіе писатели. Въ этомъ монастырѣ жилъ въ X же вѣкѣ извѣстный своею святостію и знаменитый величественными своими гимнами Григорій, названный Нарекаци. Преподавателями въ этихъ школахъ были вардапеты—учители истины, изощрявшіеся, по выраженію Асохика, въ ученіи Христа. Исторія сохранила имена тѣхъ нѣкоторыхъ преподавателей, которые пользовались любовью учениковъ и уваженіемъ современниковъ своихъ. Таковы, напр., старецъ Василій, владѣвшій мощнымъ словомъ, искусный толкователь божественнаго слова, преподаватель экзегетики; Григорій, іерей съ рѣчью обильной въ проповѣдываніи заповѣдей Господнихъ, преподаватель ораторскаго искусства; Степаносъ, ученикъ Василя, прозванный Вдохновеннымъ съ апостольскимъ даромъ въ словѣ и дѣлѣ; Моисей славный познаніями и добродѣтелями, проводившій иногда цѣлыхъ сорокъ дней безъ пищи;

Давидъ, по прозванію Машквотъ, мужъ ученый, ходившій всегда въ нищенской одеждѣ; Петръ, толкователь св. писанія и вышеупомянутый Ананія, написавшій книгу противъ ереси Тондракцевъ. Нѣкоторыхъ изъ этихъ мужей, присовокупляетъ Асохикъ, въ дни ихъ старости видѣлъ я въ юности моей собственными глазами, и упивался сладостью ихъ рѣчей. Въ XI столѣтіи лучшими мѣстами образованія считались школы при монастыряхъ Санаинскомъ и Ахпатскомъ въ Дзоропорѣ (гугарской провинціи). Монастыри эти со школами были воздвигнуты въ 964 году женою армянскаго царя, Ашота Милостиваго, Хосровануйшъ. Библиотека при Ахпатскомъ монастырѣ была одною изъ богатѣйшихъ, на что ясно указываетъ названіе *маироскошнѣйшаю казозхранилища*. Самою почетною школою XI столѣтія была такъ наз. Великая Аргина въ Ширакской области, Айраратской провинціи, въ 20 верстахъ отъ Ани.

Матеевъ, писатель XI же столѣтія восхваляя князя армянскаго Нерсеса изъ области Багревандъ, Айраратской провинціи, называетъ его геніальнымъ мужемъ, глубокимъ философомъ, знатокомъ завѣтовъ, мощнымъ ученымъ, дивнымъ ораторомъ и къ этому прибавляетъ, что мѣстомъ образованія его была вышеназванная Великая Аргина. Особенную любовь и рвеніе къ наукамъ и образованію Аргинцевъ и ученость преподавателей Аргинской школы, свидѣтельствуетъ въ высшей степени замѣчательная библиотека со множествомъ книгъ, собранныхъ здѣсь Католикосомъ Хачикомъ, котораго резиденціею и была Аргина. Близость двухъ большихъ библиотекъ—Аниской въ предмѣстіи города Ани Хошаванкъ и Аргинской, въ 20 верстахъ, доказываетъ большую любознательность армянской интеллигенціи XI столѣтія. Школы эти имѣли вообще религіозно-богослов. характеръ, на что указываетъ самое названіе школы по армянски—*դպրոց*—мѣсто чтенія или діаконатъ. Слѣдовательно, онѣ населялись преимущественно тѣми юношами, которые предназначали себя къ духовному званію. На этомъ основаніи духовенство въ Арменіи представляло преимущественно грамотное сословіе и литературная дѣятельность сосредоточивалась болѣе всего въ тишинѣ монастырскихъ келій.

Предметами обученія въ школахъ были: богословіе, философія, герменевтика или экзегетика, духовное краснорѣчіе, грамматика, риторика, пѣніе, гимнастика, медицина и календаріографія. Не буду исчислять именъ лицъ, прославившихся на каждой изъ этихъ наукъ, скажу лишь, что въ Арменіи были не только искусные преподаватели этихъ наукъ, но нѣкоторые оставили даже цѣнные сочиненія по разнымъ отраслямъ. Аббатъ Вильфруа, французскій ученый минувшаго столѣтія, говоритъ слѣдующее: можно утвердительно сказать, что Арменія имѣла по XIII-ое столѣтіе мужей знаменитыхъ во всѣхъ отрасляхъ наукъ и отлично свѣдущихъ въ греческомъ, латинскомъ, сирійскомъ, арабскомъ, персидскомъ и даже древне-франкскомъ языкахъ. Въ начальныхъ школахъ главными руководствами обученія служили св. писаніе, церковно-служебныя книги и творенія св. отцевъ.

Замѣчательно, что пѣніе въ армянскихъ школахъ занимало одно изъ первыхъ мѣстъ въ курсѣ наукъ, который проходило тогдашнее юношество, готовившее себя къ духовному званію. Одинъ изъ замѣчательныхъ авторовъ XI столѣтія и серьезный историкъ, Степаносъ Таронскій, котораго я цитировалъ нѣсколько разъ, назывался *Асохикъ* т. е. пѣвцомъ, вѣроятно потому говоритъ ученый арменистъ и высокочтимый бывшій наставникъ мой, Н. О. Эминъ, что не только основательно зналъ духовную музыку, но къ тому же былъ отличнымъ пѣвцомъ. При этомъ описывая знаменитыхъ

монашествующихъ, современныхъ мужей, прославившихся или святостью жизни, или глубокими богословскими познаніями, или знакомствомъ съ философіею, Асогигъ не упускаетъ случая замѣтить, что такой-то, при такихъ-то высокихъ своихъ качествахъ владѣлъ также искусствомъ пѣнія или музыкою, чѣмъ онъ, конечно, доказываетъ, какъ серьезно смотрѣли на этотъ предметъ, входившій въ кругъ ученія монастырскихъ школъ того времени. Такъ, напр., говоря о настоятеляхъ Камрджадзорскаго монастыря, онъ между прочимъ упоминаетъ о философѣ Самуилѣ, щедро одаренномъ разумніемъ священныхъ книгъ и *искусствомъ тѣснопѣнія*. Что же касается до гимнастики, то слова Моисея Хоренскаго ясно показываютъ какъ много значенія придавали армяне гимнастическимъ упражненіямъ. Армянскіе (высшіе сановники) нахарары отдавали своихъ сыновей къ другому нахарору, извѣстному своими познаніями по части гимнастики и владѣнію оружіемъ; домъ его служилъ мѣстомъ гимнастическихъ упражненій для нахарарскихъ дѣтей. Моисей Хоренскій передаетъ, что всѣмъ армянскимъ нахарарамъ понравился Гнелъ, племянникъ царя Аршака (IV столѣтіи послѣ Р. Х.) и потому передалъ ему своихъ сыновей на обученіе. Гнелъ одѣлъ ихъ въ великолѣпную одежду и вооружилъ, т.-е. обучилъ употреблять оружіе, за что нахарары еще болѣе полюбили его. Еще яснѣе указываетъ Моисей Хоренскій на обычай Армянъ обучать дѣтей гимнастикѣ въ разсказѣ о царѣ армянскомъ Арташесѣ I-мъ. Арташесъ возложилъ воспитаніе своего сына, Тиграна, на юнаго Ваража, сына Дата, изъ потомковъ Гарника, (въ первомъ вѣкѣ до Р. Х.), потому что Варажъ былъ юноша замѣчательный своею силою и мудростью въ стрѣлометавіи. Арташесъ поручилъ ему надзоръ надъ царской охотой, пожаловалъ ему селенія близъ рѣки Разданъ; отъ него родъ Варажнуни (Моисей Хорен. кн. I, гл. 11). На охоту отправлялись въ Арменіи весьма часто съ гимнастическою цѣлью и брали всегда дѣтей и юношей для упражненія ихъ въ ношеніи оружія и въ верховой ѣздѣ.

Армянская женщина не осталась безъ значенія въ исторіи своего отечества. Замѣчательно что въ VIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ даже на педагогическомъ поприщѣ женщину Саакадухтъ, основательницу спеціальныхъ классовъ для пѣнія. Саакадухтъ была сестра Степаноса Сюникскаго. Объ ней писатель Орбелянъ говоритъ слѣдующее: Съ малолѣтства она была кротчайшаго нрава и уединившись въ Горнидское ущелье въ одну пещеру, вела невыносимую жизнь, полную лишеній. Она была весьма свѣдущая въ музыкальномъ искусствѣ и сидя за занавѣсью учила пѣнію. Она написала множество мелодій и пѣсней, изъ коихъ одна подъ названіемъ Святая Марія, составлена ея именемъ, т.-е. начальныя буквы стиховъ, начиная отъ *С* первой буквы имени ея и кончая буквой *т*, составляли слово Саакадухтъ.

Другую Армянку Маріамъ, дочь царя Ашота I-го, мать Сюникскаго князя Григорія II-го, встрѣчаемъ въ IX вѣкѣ. Она была извѣстна, своею любовью къ чтенію, и для большаго распространенія она дала вторично перевести на лучшій армянскій языкъ толкованіе Евангелія Св. Іоанна.

Въ XI столѣтіи встрѣчается также замѣчательная женщина по своей дѣятельности на поприщѣ школъ и другихъ общепользныхъ учрежденій Шушанъ Шахлавуни. Дѣятельность ея восхваляетъ Григорій магистръ, писатель XI столѣтія.

Здѣсь закончу свой бѣглый очеркъ, или лучше, краткій перечень центровъ образованія древней Арменіи по XI вѣкѣ, оставляя специалистамъ обстоятельное выясненіе хорошихъ и слабыхъ сторонъ древняго Армянскаго образованія. Какъ вы видѣли,

центрами этими съ IV вѣка служили монастыри, или вообще церкви: въ понятіи армянина неразрывно слилось понятіе о школь. Армянинъ не въ состояніи былъ представить себѣ національную церковь безъ школы; церковь и школа стали синонимомъ у армянъ. Это обстоятельство и позволяетъ сказать, что національное образованіе сдѣлалось для Армянъ съ древнѣйшихъ временъ какъ бы восьмымъ таинствомъ церковнымъ. Не безъ намѣренія закончиваю XI вѣкомъ. XII вѣкъ составляетъ вторую великую эпоху въ исторіи древней Арменіи. Въ этотъ періодъ всеобщаго упадка наукъ на европейскомъ западѣ, Киликія, завоеванная Армянами въ 1080 году, гдѣ Рубенъ I положилъ начало своей династіи, продолжавшейся до 1393 года, стала новымъ центромъ армянскаго просвѣщенія, гдѣ процвѣтали какъ духовныя, такъ и свѣтскія науки. Изъ Киликійскихъ армянскихъ школъ вышли замѣчательныя лица духовнаго званія, подъ перомъ которыхъ армянская письменность снова воскресла въ блескѣ, неуступавшемъ блеску литературы золотого вѣка Арменіи. Имена Нерсеса Шнорали (благодатный), Игнатія, Саркиса Шнорали (благодатный), Нерсеса Ламбронаци и другихъ не менѣе замѣчательныхъ духовныхъ писателей киликійскаго періода смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ славнѣйшими именами литературныхъ дѣятелей V вѣка. А изученіе ихъ завлекло бы насъ далеко. Нѣкогда полная жизни Арменія нынѣ составляетъ предметъ изученія для археологіи. Не изъ патріотизма и отечествовѣдѣнія преимущественно изучаются развалины и древности.

У науки нѣтъ отечества. Границамъ научнаго отечества суть свѣтъ и истина. Да приведетъ съ своей стороны людей науки и всѣхъ сочувствующихъ Археологическое Общество къ желаннымъ границамъ.

Обращеніе Осетинъ въ христіанство въ XVIII вѣкѣ.

Протоіерея И. Коменскаго.

Въ одно время съ покореніемъ Астраханскаго царства (1557 г.) Промыслъ Божій открылъ православной Россіи новое, — прежде недоступное, поприще апостольскаго служенія—между жителями горъ Кавказскихъ.

Здѣсь христіанство насаждено было еще въ первыя времена Византійской имперіи. Но въ смутныя времена переворотовъ и бѣдствій, постигшихъ Византійскую имперію и церковь на Востокъ, обитатели горъ Кавказскихъ, еще не утвержденные въ вѣрѣ, отвлеченные отъ средоточія православной церкви на Востокъ, при недостаткѣ учителей вѣры, уклонились—одни въ прежнее язычество, другіе, подъ влияніемъ воинственныхъ распространителей ученія Магомета, приняли Исламъ¹⁾. Православная Грузія, находившаяся до поступленія подъ могущественное покровительство единовѣрной Россіи, въ бѣдственномъ угнетеніи отъ невѣрныхъ, не могла имѣть благотѣльнаго вліянія на слѣпотствующихъ сосѣдей своихъ. Въ этомъ ослѣпленіи они находились до того времени, пока не открылась имъ возможность вступить въ ближайшее сообщеніе съ православною Россією.

Въ началѣ второй половины XVI столѣтія (не позже 1557 г.) нѣкоторые изъ князей Черкесскихъ, добровольно присягнувъ въ вѣрности Іоанну IV, — одни сами крестились въ Москвѣ, другіе крестили дѣтей своихъ, и отдавали ихъ царю московскому для христіанскаго воспитанія²⁾. Вѣроятно, въ это время они просили у Іоанна пастырей церкви для возстановленія христіанства въ странахъ, имъ подвластныхъ, гдѣ память о немъ сохранялась еще въ темныхъ преданіяхъ и нѣкоторыхъ обрядахъ, потерявшихъ для народа свое истинное значеніе. Іоаннъ послалъ туда своихъ духовныхъ, которые, переходя съ мѣста на мѣсто съ словомъ спасенія, приобрѣли многихъ послѣдователей Христу Спасителю, и на высотахъ кавказскихъ частію возобновили и очистили древніе храмы, а частію соорудили новые³⁾.

¹⁾ См. Ист. Груз. іерарх. изд. 1826 г. М. стр. 71.

²⁾ Карамз. И. Г. Р. т. VIII, стр. 227; Совр. Руководство къ Русс. Церк. Ист. П. Знаменскаго. Изд. 1880 г., стр. 125.

³⁾ Anton. Rozhev. p. 9.

Со времянъ самозванцевъ, до послѣднихъ смуть стрѣлецкихъ, когда и нѣкоторыя области русскія нерѣдко на долго оставались внѣ благодѣтельнаго попеченія правительства, обитатели отдаленнаго Кавказа, оставленные самимъ себѣ, снова забыли вѣру *отцовъ своихъ* ¹⁾. Въ первой половинѣ XVIII столѣтїа, когда грузинская правосл. церковь вступила въ непосредственное общеніе съ церковію русскою, снова обращено было христіанское заботливое вниманіе на забытыхъ горцевъ. Въ это время, первую мысль возобновить евангельскую проповѣдь въ горахъ кавказскихъ подали русскому правительству: бывший въ Москвѣ грузинскій архіепископъ Іосифъ и московскаго Знаменскаго монастыря настоятель изъ грузинъ же, архимандритъ Николай. Вслѣдствіе ихъ представленія (1743 г.) Св. Синодомъ посланы были (7 дек. 1744 г.) на проповѣдь евангельскую къ осетинамъ и другимъ горскимъ народамъ грузины: архимандритъ Пахомій, игумены Христофоръ и Николай, два іеромонаха, 5 священниковъ, 1 діаконъ, 5 дьячковъ, 5 пономарей и одинъ переводчикъ. Имъ дано было возможно полное обезпеченіе, единовременное пособіе, руга; для нихъ устроены были дома, а равно и для школы, въ которой бы обучались дѣти обращенныхъ въ христіанство осетинъ. Просвѣщеніе осетинъ св. вѣрою началось съ 1745 года ²⁾. Первоначальные успѣхи миссіонеровъ обѣщали, повидимому, многое въ будущемъ. Архимандритъ Пахомій въ 1745, 1746 по 12 іюля 1747 года просвѣтилъ крещеніемъ 760 душъ ³⁾ имъ построены были въ Малой Кабардѣ двѣ церкви: на Коммиссійскомъ подворьѣ деревянная и въ одномъ изъ селеній — полотняная ⁴⁾. Въ первомъ же году проповѣдники встрѣтили множество недоумѣній, почему архимандритъ Пахомій съ братією двумя доношеніями (отъ 12 іюля) и личного чрезъ іеромонаха Ефрема просили отъ Св. Синода разрѣшенія на встрѣтившіяся для нихъ недоумѣнія, а именно относительно а) постовъ б) исповѣди и причащенія, в) сопряженія браковъ и д) учрежденія школы для осетинъ и пр., и въ слѣдующемъ 1746 году получили должное наставленіе ⁵⁾. Но какъ осетинцы слишкомъ поспѣшно принимали св. крещеніе и не по внутреннему убѣжденію въ святости истинъ вѣры Христовой, а болѣе побуждаемые видами корыстными, и потому они также легко и совращались въ магометанство. Къ большому прискорбію церкви, алчные и кровожадные кабардинцы, благопріятствуемые самою мѣстностью, полагали непреоборимыя препятствія къ утверженію христіанской вѣры между осетинцами и другими племенами, и даже самихъ проповѣдниковъ обижали ⁶⁾. Такъ полотняная церковь была ограблена горцами, а деревянная, по раззореніи подворья, была въ 1769 году упразднена; вмѣсто ея впослѣдствіи передана была въ вѣдѣніе осетинской миссіи Моздокская соборная церковь. Такъ продолжалось до 1771 года; тѣ же

¹⁾ Даже попеченія о Грузіи Россія ограничила помощью въ устроеніи богослужебнаго порядка и радужныхъ приѣмахъ царя Теймураза и разныхъ грузин. эмигрантовъ. См. Рук. къ церк. истор. П. Зн., стр. 253.

²⁾ См. полное собр. рос. зак. т. XIX, а также въ приложеніи 1-мъ Высочайше утвержденный докладъ 17 февр. 1771 г.; Хр. Ч. 1822 г. ч. V., стр. 211. Ист. Груз. іер., изд. 1826 г. М. Дѣла Осет. комисс. въ Архивѣ Астрах. Консист. 1755 г. № 1.

³⁾ Архивъ астраханской консисторіи 1747 г. № 1.

⁴⁾ См. Арх. астр. консист. дѣла осет. комисс. 1764 г., № 1. Указы св. Синода 12 іюня 1777 г., № 685 и 27 іюня 1793 г., № 995.

⁵⁾ Указъ св. Синода 27 іюля 1767 г. № 1598. Дѣла ос. ком. 1799 г. № 10 Высочайшій рескриптъ къ астр. губер. Якобію 27 іюля 1777 г. при указѣ св. Синода отъ 9 августа того-же года, № 1210.

⁶⁾ См. выше: докладъ Сената 17 февр. 1771 г. Хрест. чт. ч. V, стр. 212. Ист. груз. іерар., стр. 74. Дѣла осет. 1761 г. № 3.

препятствія, нестроенія, тяжбы, доносы, грабежи и даже убійства продолжались и послѣ того ¹⁾, несмотря на всѣ предпринимаемыя мѣры къ отвращенію сего со стороны высшаго правительства духовнаго и гражданскаго ²⁾. И сами проповѣдники оказались неимѣющими ни должной ревности, ни способности къ порученному имъ святому дѣлу. Они заботились больше о своихъ выгодахъ, и жили почти постоянно въ Кизлярѣ, а Осетію посѣщали только по временамъ. Отъ Кизлярскаго и Моздокскаго военнаго начальства проповѣдники не только не получали никакого содѣйствія, но не рѣдко терпѣли отъ нихъ неудовольствія. Желая прекратить вкравшіяся злоупотребленія со стороны комиссіи и утвердить ее на началахъ болѣе прочныхъ, чтобы она соотвѣтствовала благому желанію правительства, Св. Синодъ въ 1769 году, согласно съ мнѣніемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, положилъ: учредить смѣшанную комиссію, состоящую изъ русскихъ проповѣдниковъ и изъ грузинъ, подчинивъ ее, вмѣсто Архимандрита, русскому протоіерею; всей комиссіи по дѣламъ духовнымъ опредѣлено было находиться въ зависимости отъ преосвященнаго астраханскаго; относительно же дѣйствованія въ Осетіи, не велѣно было предпринимать ничего безъ вѣдома и наставленія кизлярскаго коменданта. Комиссіа должна была находиться постоянно въ Осетіи, а протоіерею велѣно было жить въ Моздокѣ ³⁾.

Вновь учрежденная комиссіа начала свои дѣйствія съ 1771 года. Начальствующимъ назначенъ былъ изъ Тверской епархіи протоіерей Аѳанасій Лебедевъ, которому въ руководство дана весьма замѣчательная, исполненная простоты и мудрости евангельской, инструкція, а для комиссеевскихъ духовныхъ чиновъ составлена особая присяга ⁴⁾.

Изъ дѣйствій осетинскихъ протоіереевъ, замѣчательно донесеніе (1780 г.) Св. Синоду протоіерея Іоанна Болгарскаго, въ которомъ онъ между прочимъ сообщилъ, что въ осетинскихъ разныхъ селеніяхъ находится болѣе 10-ти древнихъ каменныхъ церквей, хотя онѣ всѣ весьма малы и нѣкоторыя уже разрушились; однако есть нѣсколько и твердыхъ, которыхъ извѣстны и названія, а въ нѣкоторыхъ сохранились еще и св. иконы ⁵⁾.

Осетинская комиссіа существовала до 1792 года. Въ продолженіе всего времени существованія той и другой комиссіи (1745—1792) просвѣщено св. крещеніемъ 8,199 душъ ⁶⁾. Судьба этихъ новокрещенныхъ осетинъ, какъ видно, изъ донесеній священниковъ, была тяжелая. Ихъ притѣсняли кабардинцы, которые угоняли у нихъ скотъ, забирали даже дѣтей и продавали ихъ въ далекія мѣста. Правительство поручало новокрещенныхъ защитѣ свѣтскихъ русскихъ властей, но все было тщетно ⁷⁾. Миссіа имѣла множество всякаго рода недостатковъ; она не снабжена была даже достаточною ризницей ⁸⁾.

1) Указъ св. Синода 13 апрѣля 1777 г. № 685. Дѣла осетин. комиссіи 1772 г. № 8. 1774 г., №№ 5 и 6, 1779 г., № 11, 1789 г., № 1, 1793 г. № 3, 1794 г., №№ 20 и 34, 1796 г., №№ 5, 6, 7, 24.

2) Дѣла осет. 1776 г., № 2, 1799 г., № 9.

3) См. 1-е приложеніе, гдѣ значится штатъ комм. и окладъ. Истор. грузин. іерарх., стр. 74 и 75.

4) Полн. собр. Рос. Зак., т. XIX 8 апр. 1771 г. Инструкція осет. прот. Указъ св. Синода 8 апр. 1771 г. № 519. См. приложеніе 2-е. Текстъ присяги см. приложеніе 3.

5) Указъ св. Синода 27 іюля 1793 г., № 995.

6) См. выше Хрис. Чт. ч. V 1802 г. Истор. груз. іерарх., стр. 77.

7) См. приложеніе 4-е.

8) См. приложеніе 5-е.

Вслѣдствіе донесенія протопопа Лебедева, указомъ императрицы Екатерины II, 1777 г. іюля 27-го, опредѣлено было астраханскому губернатору Якобію, чтобы онъ всячески посодѣйствовалъ возстановленію осетинской школы въ Моздокъ, а равно и всему миссіонерскому дѣлу, чтобы былъ построенъ домъ и для протопопа ¹⁾. Но въ томъ же году на имя астраханскаго преосвященнаго послѣдовалъ указъ изъ святѣйшаго Синода, въ которомъ внушалось, чтобы сей протопопъ не полагалъ свой долгъ единственно въ торопливомъ сподобленіи крещенія ²⁾. Въмѣсто скончавшагося въ томъ же 1777 году протопопа Лебедева, былъ поставленъ преемникъ ему изъ Казани, именно Іоаннъ Болгарскій, которому были преемники: томскаго пѣхотнаго полка священникъ Егоръ Васильевъ (1784), протоіерей Іоаннъ Григорьевъ Аретинскій († 1785), кабард. полка священникъ Василій Петровъ († 1791), членъ астраханской духовной консисторіи, протоіерей Трофимъ Чудновскій и наконецъ протоіерей Петровъ (1794). Въ 1793 году императрица Екатерина II, видя, что попеченія предковъ Ея въ распространеніи евангельскаго ученія между Осетинами и другими горскими племенами, имѣли, при помощи Божіей, успѣхъ, доказанный обращеніемъ къ нашей церкви многихъ изъ нихъ, и желая, чтобы такое распространеніе и утвержденіе православія между ними наилучшимъ и надежнѣйшимъ образомъ укрѣпилось, признала за благо учредить въ городѣ Моздокъ викарнаго епископа астраханской епархіи, препоручивъ его попеченію всѣ тѣ обязанности, которыя возложены были на духовную осетинскую комиссію—относительно просвѣщенія народовъ, находящихся въ близости къ кавказской линіи ³⁾.

Такимъ образомъ осетинская комиссія была упразднена, и съ того времени обращеніе осетинъ приняло характеръ болѣе частный. Преосвященный епископъ моздокскій Гаій только по временамъ посылалъ въ Осетию соборныхъ и приходскихъ священниковъ съ причтомъ для проповѣди ⁴⁾. Такъ въ 1799 году онъ отправлялъ въ Дигорскій осетинскій уѣздъ іеромонаха изъ Грузинъ Евфимія ⁵⁾. Въ теченіи сего времени (1794—1800) принято въ нѣдра православной церкви изъ разныхъ горскихъ народовъ обоюга пола 286 душъ ⁶⁾.

Святѣйшій Синодъ вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія 31 іюля 1799 г. о распределеніи епархій сообразно границамъ губерній, между прочимъ, находя, что въ вѣдомствѣ астраханской епархіи находится только 69 церквей, полагалъ: 1) Викаріатство моздовское упразднить, а церкви его присоединить по прежнему къ епархіи астраханской; 2) бывшую осетинскую комиссію открыть вновь, „на какомъ же основаніи ей быть впредь для достиженія успѣховъ и пользы, архіепископу астраханскому сдѣлать съ гражданскимъ начальствомъ сношеніе и представить Синоду съ мнѣні-

¹⁾ См. приложение 6-е.

²⁾ См. приложение 7-е.

³⁾ См. указъ св. Синода 27 іюня 1793 года.

⁴⁾ Дѣла осетинской комиссіи 1799 г., № 10.

⁵⁾ Тамъ же № 5.

⁶⁾ Дѣла осетинскія находятся въ Астр. Дух. Консисторіи, но не всѣ. Нѣкоторые изъ нихъ затерялись по случаю пересылки ихъ (1794 г.) изъ Астрахани въ Моздокъ и оттуда обратно (1880) въ Астрахань. Наприм. 1748, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 763, 770, 780, 784 и 1785 годовъ вовсе нѣтъ, а въ нѣсколькихъ другихъ годахъ находится по одному только дѣлу и потому собрать полныхъ свѣдѣній объ обращеніи осетинъ и въ особенности о числѣ лицъ, обращенныхъ въ христіанство невозможно.

емъ, положивъ тому средства приличныя и благонадежныя¹⁾, что и было Высочайше утверждено¹⁾).

Преосвященнѣйшій архіепископъ астраханскій Платонъ, по сношеніи съ Гаіемъ, епископомъ Саратовскимъ и Пензенскимъ, бывшимъ Моздокскимъ и Астраханскимъ военнымъ губернаторомъ Кноррингомъ, представилъ по сему предмету Св. Синоду отъ 29 марта 1880 года свое мнѣніе, коимъ предполагалъ: «Осетинскую комиссію возстановить по прежнему въ Моздокъ, на такомъ же основаніи, какъ она существовала до 1793 года, по Высочайше конфирмованному въ 1771 году докладу, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Но на это мнѣніе отъ св. Синода не послѣдовало разрѣшенія²⁾).

Въ 1814 году Святѣйшій Синодъ учредилъ штатъ Осетинской духовной комиссіи на новыхъ началахъ, болѣе сообразныхъ съ мѣстными потребностями, возложивъ всѣ тѣ обязанности, какія имѣла бывшая въ Моздокъ Осетинская комиссія, на архіепископа Телавскаго и Грузино-Кавказскаго Досиоея³⁾).

Такимъ образомъ Астраханская епархія впервые насадила сѣмена Слова Божія между Осетинами и другими народами, обитающими на Кавказѣ, а продолжать это дѣло Божіе предоставлено нынѣ Экзарху Грузіи⁴⁾ и достопочтеннѣйшему сотруднику Его преосвященному Іосифу Владикавказскому, одноименнику Іосифа, архіепископа Грузинскаго, который въ 1745 году первый подалъ мысль объ обращеніи въ христіанство Осетинъ⁵⁾.

Приложение 1-е.

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ, Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской.

Отъ Сената Всеподанныйшій докладъ.

На подлинномъ собственнаго Ея Императорскаго Величества рукою подписано такъ:
Быть по сему Февраля 17 дня 1771 года.

По представленію Святѣйшему Синоду бывшаго въ Москвѣ Грузинскаго архіепископа Іосифа да Московскаго Знаменскаго монастыря архимандрита Грузинца-жъ Николая, учреждена съ 1745 года проповѣдь христіанскаго Закона въ Осетинскомъ за Кизляромъ и за малою Кабардою въ Кавказскихъ горахъ живущемъ народѣ, который напредъ сего содержалъ христіанскій Законъ, но по времени оной потерялъ.

¹⁾ См. указъ св. Синода 3 ноября 1799 г., № 6690.

²⁾ Дѣла осетинс. 1799 г., № 10.

³⁾ Истор. Росс. Іерарх. ч. II, стр. 866--870.

⁴⁾ См. Христ. Чтен. 1822 г. ч. V. Исторія. Груз. Іерарх., стр. 77.

⁵⁾ Дальнѣйшая исторія обращенія въ христіанство осетинъ можетъ быть почерпнута изъ разнообразныхъ мѣстныхъ источниковъ.

Будучи съ начала употреблены къ тому архимандритъ и два игумена изъ Грузинцовъ, которые по нынѣ и перемѣнялись, а при отправленіи первыхъ въ 1745 году изъ Москвы въ Осетию выдано имъ по сношенію Святѣйшаго Синода съ Сенатомъ тысячу рублей изъ статсъ-конторы, и жалованье по 1752 годъ производилось по Московскому Грузинскихъ духовныхъ персонъ окладу, а въ томъ году по неоднократнымъ ихъ представленіямъ, а по сношенію между Синода же и Сената, учинено и точное опредѣленіе, какимъ чинамъ быть при Осетинской комиссіи, и о производеніи имъ изъ Астраханскихъ сверхъ штата доходовъ жалованья.

По оному опредѣленію назначено быть одному архимандриту, ему жалованья двѣсти рублей да хлѣба тридцать четвертей, одному игумену сто двадцать пять рублей да хлѣба двадцать четвертей, двумъ іеромонахамъ каждому по семидесяти пяти рублей и хлѣба по десяти четвертей, пяти бѣлымъ священникамъ каждому одного денежнаго жалованья по семидесяти пяти рублей, одному діакону пятьдесятъ рублей, пятерымъ дьячкамъ, толикимъ же пономарямъ, каждому по сороку рублей, да одному переводчику по двѣсти пятидесяти рублей, и такъ стать сей комиссіи ежегодно сочинять деньгами кромѣ хлѣба по тысячи пяти сотъ пятидесяти рублей.

Между тѣмъ хотя нѣсколько изъ Осетинцовъ помянутыми Грузинскими проповѣдниками дѣйствительно и крещено, о чемъ они Святѣйшему Синоду съ великимъ уваженіемъ употребляемыхъ при томъ своихъ трудовъ, время отъ времени доносили, но наконецъ по разсмотрѣнію коллегіи Иностранныхъ дѣлъ оказалось, что Осетинцы какъ вступаютъ въ христіанскій Законъ безъ всякаго внутренняго удостовѣренія, такъ легко и оставляютъ оной, и что тамошніе проповѣдники Грузинцы какъ неимѣющіе ни должной ревности ни способности, больше о собственныхъ своихъ прибыткахъ мыслили, и потому больше и жили въ Кизлярѣ, а въ Осетию временно ѣздили, и что такимъ образомъ употребляемое на нихъ иждивеніе почти совсѣмъ напрасно проходило, почему коллегія Иностранныхъ дѣлъ отбирала нужныя къ тому объясненія отъ послѣдняго Кизлярскаго коменданта Потапова, какія бы наилучше способы и распоряженія употреблены быть могли къ дѣйствительному проповѣди исполненію, и по разсмотрѣніи оныхъ во всѣхъ подробностяхъ представила по принадлежности для разсмотрѣнія и Святѣйшему Синоду. Вслѣдствіи того по соглашенію Святѣйшаго Синода съ коллегіею для приведенія въ дѣйствительность сей комиссіи, за нужно нынѣ находится главнымъ при оной на мѣсто бывшихъ архимандритовъ изъ грузинцовъ, быть протопопу изъ російскихъ ученому одному, священникомъ изъ російскихъ же ученымъ двумъ да двумъ же изъ грузинцевъ, діаконамъ изъ російскихъ ученымъ двумъ и одному изъ грузинцовъ, дьячкамъ пяти въ томъ числѣ изъ грузинцовъ двумъ, а тремъ російскимъ и одному переводчику. Протопопу имѣть свое пребываніе въ Моздокѣ въ поселеніи для новокрещенныхъ горскихъ жителей заведенномъ, гдѣ для него и казенный домъ построенъ быть можетъ, но прочимъ священникамъ, діаконамъ и дьячкамъ, кромѣ одного діакона дьячка при протопопѣ оставляемыхъ, всегда въ Осетіи, куда временно и самому протопопу для очевиднаго свидѣтельства и наставленія ѣздить, ему же смотрѣніе имѣть и надъ заведенною въ Моздокѣ для осетинскихъ дѣтей школою; впротчемъ какъ протопопу такъ и всѣмъ духовнымъ, къ Осетинской комиссіи принадлежащимъ, по духовнымъ дѣламъ состоять въ вѣдомствѣ астраханскаго архіерея, къ которому, равно какъ и въ Святѣйшій Синодъ, о успѣхахъ врученнаго имъ дѣла чрезъ каждыя полгода рапортовать, но со всѣмъ тѣмъ безъ вѣ-

дома и наставленія кизлярскаго коменданта, которому всѣ обстоятельства тамошнихъ народовъ извѣстны быть могутъ, ничего собою не предпринимать, а при томъ распоряженіи будетъ имѣть и коллегія иностранныхъ дѣлъ по доношеніямъ сего коменданта способы о поступкахъ и радѣніи протопопа и прочихъ духовныхъ увѣдомляется и облегчать ихъ труды отвращеніемъ съ своей стороны встрѣчающихся препятствій.

Жалованья производить коллегія разсуждаетъ протопопу по триста рублей, да муки по двадцати четвертей, священникамъ каждому по сту пятидесяти рублей, муки по десяти четвертей, діаконамъ каждому по сту рублей, муки по восьми четвертей, дьячкамъ по шестидесяти рублей, муки по шести четвертей, да на приласканіе и трактованіе осетинскихъ и другихъ горскихъ старшинъ и лутчихъ людей отпускать протопопу по сту рублей, да чернилы, бумагу и сургучъ по тридцати рублей, но такимъ образомъ, чтобы обоихъ сихъ денегъ изъ одного года остатокъ, въ недостатокъ другаго замѣняемъ былъ, а что касается до муки, то отъ генерала-маіора Потапова представлено, что какъ въ натурѣ производить изъ магазейновъ провіантскаго вѣдомства безъ возврата денегъ не можно, то-бъ и за оное деньгами выдавать по статной цѣнѣ, а именно по рублю по двадцати копѣекъ, сверхъ же того противъ прежнихъ примѣровъ по введенному уже обыкновенію она коллегія почитаетъ за нужно, чтобы священники при крещеніи впредь осетинцамъ давали каждому крестъ, рубашку и образъ, и на сіе употребленіе назначиваетъ двѣсти рублей, но также съ замѣномъ одного года остатка въ недостатокъ другаго, ибо совсѣмъ не чаятельно, чтобы при первомъ случаѣ вдругъ и многіе осетинцы креститься стали, а ежели послѣ съ достовѣрностію усмотрится, что назначенныхъ денегъ недостаточно будетъ, то можно будетъ и новое на то положеніе сдѣлать, а чтобы священники надлежащее онымъ употребленіе дѣлали, въ томъ протопопу обще съ переводчикомъ за ними имѣть смотрѣніе. Итакъ посему настоящему положенію имѣеть выходить ежегодно на осетинскую комиссію, включая и переводческой окладъ, двѣ тысячи двѣсти шестнадцать рублей восемьдесятъ копѣекъ, противъ прежняго опредѣленія больше пять сотъ восемьдесятъ два рубля восемьдесятъ копѣекъ, но жалованье противъ бывшихъ при оной духовныхъ коллегія назначиваетъ съ прибавкою для приведенія въ состояніе опредѣляемыхъ нынѣ содержать себя съ пристойностію и въ предупрежденіе, чтобы они не въ принадлежація къ нимъ дѣла, какъ то въ мѣны и торгъ, по примѣру прежнихъ не вступали, не подавали соблазна тамошнимъ народамъ и что сверхъ того прочтѣйшее нынѣ сей комиссіи установленіе современемъ наградить можетъ расходъ утвержденіемъ въ кавказскихъ горахъ христіанства и съ чего и государственная польза неминуемо восплѣдуетъ.

А какъ святѣйшій Синодъ полагаемое къ отправленію туда число духовныхъ персонъ уже назначилъ, то коллегія иностранныхъ дѣлъ представляетъ Сенату свое мнѣніе, чтобы на проѣздъ и обзаведеніе при первомъ случаѣ выдать протопопу, священникамъ, діаконамъ и дьячкамъ російскимъ не взычетъ годовые оклады въ разсужденіи дальняго изъ настоящихъ ихъ мѣстъ до Моздока и Осетіи переѣзда, напротивъ же того грузинскіе духовные, которые хотя вновь къ сей комиссіи въ Астрахани или Кизлярѣ, когда прежніе совсѣмъ неспособными окажутся, выбраны бѣ были, и безъ всякаго снабженія получаемымъ въ свое время жалованьемъ исправиться могутъ, а изъ доходовъ ли вѣдомства статсъ-конторы по прежнему, или вѣдомства коллегіи экономіи по принадлежности сего дѣла къ церковнымъ расходамъ, какъ сію

временную выдачу произвестъ, такъ и впредь ежегодно полагаемую сумму отпускать, оное передаетъ на разсмотрѣніе Сената.

Сенатъ, разсматривая мнѣніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, пріемлетъ смѣлость Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представить, что какъ съ начала учрежденія осетинской комиссіи, на всѣ принадлежащія до оной расходы, а равно на проѣздъ отправляемымъ туда духовнымъ чинамъ, и въ бытность ихъ тамо на жалованье выдачи производимы были изъ астраханскихъ подлежащихъ до статсъ-конторы доходовъ, то хотя сенатъ и нынѣ вышепоказаннымъ отправляющимся въ осетинскую комиссію протопопу и прочимъ духовнымъ чинамъ, въ разсужденіи представленныхъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ резоновъ, какъ на проѣздъ ихъ и обзаведеніе при первомъ случаѣ годовые не въ зачетъ окладъ выдать, такъ и въ бытность ихъ въ той комиссіи на жалованье и на другіе расходы ежегодную сумму а именно: всего по двѣ тысячи по двѣсти шестнадцать рублей по восьмидесяти копѣекъ отпускать почитаеетъ за нужно, но не имѣя на это Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, собою сіи выдачи ассигновать не можетъ и для того проситъ на оное Высочайшей конфирмаціи.

Подлинный за подписомъ правительствующаго Сената.

Приложеніе 2-е.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, преосвященному Мефодію, епископу Астраханскому и Ставропольскому: въ 1769 году марта 30 дня Святѣйшему Синоду въ доношеніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, такъ же и въ приложенныхъ при немъ копіяхъ съ представленіемъ въ оную отъ кизлярскаго коменданта генерала-маіора Потапова, обстоятельно изъяснено, съ какимъ успѣхомъ бывшіе напередъ сего въ осетинской комиссіи для проповѣди слова Божія и для обращенія тамошняго народа въ христіанскую вѣру грузинскія духовныя персоны обращались. А на какомъ основаніи отъ нынѣ духовнымъ же персонамъ и коликому числу тамо быть, оная коллегія за пристойно разсуждаетъ, представляла на разсмотрѣніе и рѣшеніе Святѣйшаго Синода слѣдующее: 1) Что де хотя помянутой генералъ-маіоръ Потаповъ въ учиненномъ имъ штатѣ и полагаетъ къ опредѣленію въ ту комиссію протопопа одного, іеромонаха одного, обоихъ изъ ученыхъ, священниковъ россійскихъ трехъ, грузинскихъ трехъ и и того шесть, діаконовъ россійскихъ и грузинскихъ по три, да дьячковъ толикое жъ число; но оная коллегія разсуждаетъ, что де тѣхъ духовныхъ для перваго случая и половиннаго числа будетъ довольно, а протопопа ли, или по прежнему Святѣйшаго Синода намѣренію архимандрита къ тому употребить, оное оставяла та коллегія на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода съ тѣмъ, что де іеромонаха въ Моздокъ для обученія малолѣтнихъ держать нужды нѣтъ; ибо де и протопопу или архимандриту, который при осетинской комиссіи имѣетъ быть главнымъ и будетъ жить въ Моздокъ, гдѣ для житья его и казенный домъ построенъ будетъ, довольно время останется осе-

тинскихъ молодыхъ дѣтей наставлятъ въ законѣ и имѣтъ за ними присмотръ. 2) Онымъ духовнымъ по упомянутому генераломъ-маіоромъ Потаповымъ учиненному штату полагается жалованья, протопопу триста рублей, муки двадцать четвертей, священникамъ по сту по пятидесять рублей, муки по десяти четвертей, діаконамъ по сту рублей, муки по осьми четвертей, дьячкамъ по шестидесять рублей, муки по шести четвертей, на приласканіе и трактваніе въ Моздокъ старшинъ и лутчихъ людей сто рублей; на чернила, бумагу и сургучъ тридцать, въ чемъ и та коллегія соглашается. 3) Хотя же де въ томъ штатѣ и полагается быть учителю изъ грузинъ для школьниковъ съ жалованьемъ по шестидесяти рублей, муки по шести четвертей, но коллегія разсуждаетъ, что де обучать ихъ не столько нужно грузинской грамотѣ, сколько російскому языку, а какъ уже въ Моздокъ для обученія осетинскихъ и другихъ горскихъ народовъ дѣтей російской грамотѣ школа заведена и объ ней надлежащее положеніе учинено, то де она въ штатѣ осетинской комиссіи и не включается, а къ обученію російской грамоты, когда на положенное для учителя жалованье нарочнаго способнаго человѣка имѣтъ не можно бѣ было, то де употребленіе къ тому изъ дьяконовъ или дьячковъ къ осетинской комиссіи принадлежащихъ, съ выдачею ему положенныхъ на учителя денегъ сверхъ настоящаго жалованья, чаятельно не сдѣлаетъ никакого препятствія въ проповѣди, а равномерно де поступлено быть можетъ и въ такомъ случаѣ, ежели бѣ нѣкоторые изъ нихъ и по грузински обучаться хотѣли и отцы ихъ или родственники потребовали, опредѣля учителю или употребляемому къ тому изъ грузинскихъ дьяконовъ, или дьячковъ къ осетинской комиссіи принадлежащихъ, такой же окладъ изъ кизлярскихъ доходовъ, какой для русскаго учителя назначенъ. 4) О переводчикѣ, который въ томъ же штатѣ сверхъ дѣйствительно нынѣ находящагося при оной комиссіи переводчика Пицхелаурова положенъ, и о придачѣ къ нему трехъ помощниковъ, коллегія, почитая совсѣмъ за излишнее, разсуждаетъ, что оный Пицхелауровъ исправляться можетъ и безъ помощи другаго переводчика. 5) Впрочемъ же о содержаніи оныхъ священниковъ, дьяконовъ, дьячковъ въ Осетіи на такомъ основаніи, что при русскомъ священникѣ дьяконъ и дьячекъ были изъ грузинскихъ, знающіе російскій языкъ, а при грузинскомъ дьяконъ и дьячекъ російскіе и о предоставленіи строенія въ тамошнихъ мѣстахъ церквей до лучшей къ тому удобности, а вмѣсто того о заведеніи для молитвы часовень и упраздненіи въ Малой Кабардѣ церкви, и что протопопъ, имѣя пребываніе свое въ Моздокъ, самъ для очевиднаго о успѣхѣ въ проповѣди свидѣтельства и для лучшаго изъясненія и толкованія христіанскаго закона, въ Осетію ѣздилъ, коллегія съ представленіемъ означеннаго коменданта Потапова соглашается. 6) А о перезывѣ изъ тамошнихъ народовъ на поселеніе въ Моздокъ и о ласковомъ съ ними обхожденіи, употребляя деньги изъ полагаемой на то самое особой суммы, и о бытіи тамошнимъ проповѣдникамъ въ единственномъ вѣдомствѣ Святѣйшаго Синода и подѣ наставленіемъ кизлярскаго коменданта коллегія разсуждаетъ, что де и въ самомъ дѣлѣ случиться иногда могутъ такіа обстоятельства, при которыхъ проповѣдники, не зная союза тамошнихъ дѣлъ, безъ руководства комендантскаго и наставленія поступковъ своихъ располагать не могутъ, такъ, чтобы и намѣреніе проповѣди и перезыва въ здѣшнія границы изъ городскихъ народовъ на поселеніе съ успѣхомъ продолжаемо было, а притомъ не меньше и подозрѣнія никакого сосѣдственнымъ народамъ не подавалось, потому де конечно нужно, чтобъ объ обращеніяхъ ихъ комендантъ всегда вѣдалъ, но надобно ли, чтобы епархі-

альный архіерей, то есть астраханскій, имѣлъ въ нихъ какое участіе по послѣдней мѣрѣ сколько на мѣсто до произведенія въ духовныя чины на порожнія мѣста, то де сіе состоитъ въ единственномъ Святѣйшаго Синода разсмотрѣніи. 7) А сверхъ того оная жь коллегія разсуждаетъ, что удобнѣе быть можетъ, когда уже прописанныхъ въ доношеніи оной коллегіи резоновъ, первое стараніе приложится о обращеніи въ христіанскую вѣру и объ утвержденіи въ оной ближнихъ къ здѣшнимъ мѣстамъ осетинцевъ, а потомъ, съ помощью такихъ обращенныхъ, уже и о дальнихъ мыслиться можетъ будетъ, а живущіе у такимъ ближнихъ христіанскіе священники по востребованію нуждъ и усматривая полезныя обстоятельства и къ дальнимъ ѣздить могутъ же. А понеже о бытіи въ Осетіи на предбудущее время духовнымъ персонамъ, какъ иностранная коллегія представляетъ, Святѣйшій Синодъ за нужное почитаетъ. Того ради, Святѣйшимъ Синодомъ того жь года іюня 17-го дня опредѣлено и посланнымъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ указомъ предписано, что Святѣйшій Синодъ, по довольномъ всего вышеписаннаго разсмотрѣніи, полагаетъ слѣдующее: 1) Для обращенія тамошняго осетинскаго народа въ вѣру грекороссійскаго исповѣданія вмѣсто архимандрита быть протопопу ученому одному, священникамъ изъ россійскихъ ученыхъ же двумъ, да двумъ же изъ грузинцевъ, дьяконамъ изъ россійскихъ ученыхъ же двумъ и одному изъ грузинской націи, дьячкамъ пяти, въ числѣ ихъ грузинцевъ двумъ, а тремъ россійскимъ, изъ коихъ могутъ быть одинъ діаконъ и дьячекъ россійскіе при протопопѣ, а другой діаконъ и двое дьячковъ россійскихъ же при грузинскихъ священникахъ, а грузинскій діаконъ и двое дьячковъ при россійскихъ священникахъ. 2) Онымъ протопопу, священникамъ, діаконамъ и дьячкамъ въ тамошнюю ихъ бытность жалованье производить такое, какое нынѣ кизлярскій комендантъ Потаповъ въ учиненномъ для оной осетинской комиссіи статѣ полагаетъ, а именно: протопопу триста рублей, муки двадцать четвертей, священникамъ каждому по сту пятидесяти рублей, муки по десяти четвертей. Діаконамъ по сту рублей, муки по осьми четвертей, дьячкамъ по шестидесяти рублей, муки по шести четвертей, да на приласканіе и трактваніе въ Моздокъ старшинъ и лучшихъ людей сто рублей, на чернилы, бумагу и сургучъ тридцать рублей. 3) Грузинскихъ священниковъ, діакона, также и дьячковъ, знающихъ россійскій языкъ, по способности выбрать вашему преосвященству по сношенію съ кизлярскимъ комендантомъ, а россійскихъ духовныхъ персонъ выбрать изъ нижеозначенныхъ епархій, а именно: изъ Тверской протопопа одного, изъ Коломенской священника одного и діакона одного, изъ Рязанской священника одного и діакона одного, а дьячковъ трехъ изъ Тамбовской епархій, по разсмотрѣнію тамошнихъ епархіальныхъ преосвященныхъ архіереевъ, и чтобы оныя протопопъ, священники и діаконы были ученые, состоянія добраго и не престарѣлые, церковники же притомъ въ церковномъ чтеніи и пѣніи довольно искусные, коимъ о опредѣленіи на проѣздъ и на заведеніи домовства кошту, слѣдуетъ разсмотрѣніе учинить иностранной коллегіи, а объ отводѣ тѣмъ священнослужителямъ во время пребыванія ихъ въ Моздокъ квартиръ, также и о жительствѣ ихъ въ Осетіи оставить на попеченіе кизлярскаго коменданта. 4) Что же слѣдуетъ до представленія онаго кизлярскаго коменданта, а вслѣдствіе того и до разсужденія иностранной коллегіи, о упраздненіи находящейся нынѣ въ Малой Кабардѣ церкви и о предоставленіи строенія въ тамошнихъ мѣстахъ церковей до лучшей удобности и о заведеніи въ Осетіи для молитвъ часовень, и чтобъ первое стараніе о обращеніи въ христіанскую вѣру и о утвержденіи въ оной

употребить къ ближнимъ здѣшнимъ мѣстамъ живущимъ осетинцамъ, также и объ имѣніи протопопу надъ обучающимися въ Моздокѣ осетинскими молодыми людьми при-смotra и о наставленіи ихъ въ законъ и о построеніи ему казеннаго дома, а притомъ и обученіи ихъ россійскому, а желающихъ и грузинскому языкамъ, изъ означенныхъ дьяконовъ или дьячковъ съ выдачею имъ сверхъ жалованья положенныхъ на учителя денегъ, Святѣйшій Синодъ съ разсужденіемъ оной коллегіи согласенъ. 5) О бытіи при оной комиссіи переводчику Пицхелаурову одному Святѣйшій Синодъ съ разсужденіемъ иностранной коллегіи хотя и согласенъ же точію оному переводчику учинено было надлежащее подтвержденіе, дабы онъ всѣ касающіяся до оной комиссіи дѣла исправлялъ безостановочно. 6) Означеннымъ священникамъ, діаконамъ и дьячкамъ, какъ россійскимъ такъ и грузинцамъ быть въ смотрѣніи и правленіи опредѣленнаго надъ ними протопопа, а сверхъ того и всѣмъ имъ обще и съ протопопомъ по духовнымъ дѣламъ состоять въ вѣдомствѣ вашего преосвященства, точію что касается до оной комиссіи, то безъ вѣдома и наставленія кизлярскаго коменданта собою ничего имъ не предпринимать, а о тамошнихъ ими чинимыхъ дѣйствіяхъ и происхожденіяхъ и какой чрезъ ихъ проповѣдь будетъ успѣхъ, репортовать прямо въ Святѣйшій Синодъ, а таковыя же репорты за извѣстіе къ вашему преосвященству отправлять. Ежели кто изъ оныхъ духовныхъ окажется въ какихъ не порядкахъ, о томъ представлять вашему преосвященству, а вашему преосвященству по разсмотрѣнію своему ихъ исправлять и до худыхъ поступковъ не допускать, а есть-ли по изслѣдованіи кто изъ нихъ явится въ такихъ погрѣшностяхъ, за кои бы слѣдовалъ отрѣшенію или перемѣнѣ, въ такомъ случаѣ о россійскихъ въ разсужденіи того, что за неимѣніемъ въ епархіи вашего преосвященства ученыхъ должно будетъ и другихъ на мѣсто ихъ опредѣлять ученыхъ же, съ надлежащимъ обстоятельствомъ представлять со мнѣніемъ своимъ въ Святѣйшій Синодъ и ожидать указа, а собою отъ той комиссіи никого не отрѣшать и другихъ не опредѣлять, а о грузинскихъ по сношенію жъ съ кизлярскимъ комендантомъ разсмотрѣніи и рѣшеніи чинить вашему преосвященству. 7) Онымъ священникамъ, а при нихъ діаконамъ и дьячкамъ непрестанное пребываніе имѣть, такъ какъ помянутая коллегія въ доношеніи своемъ представляетъ въ Осетіи, а протопопу въ Моздокѣ, однако жъ ему для очевиднаго о успѣхѣ проповѣди свидѣтельства и для лучшаго изъясненія и истолкованія христіанскаго закона ѣздить и въ Осетію. 8) А какъ на содержаніе означенныхъ прежде бывшихъ въ той осетинской комиссіи духовныхъ денежная сумма отпускаема была по опредѣленіямъ правительствующаго сената изъ доходовъ статсъ-конторы, то объ отпускѣ какъ на отправку тѣхъ духовныхъ персонъ, такъ и на предбудущее время полагаемой на всѣхъ будущихъ при этой комиссіи персонъ и на расходы денежной суммы, требовать отъ правительствующаго сената опредѣленія оной комиссіи иностранныхъ дѣлъ. И что по сему въ оной коллегіи учинено будетъ о томъ Святѣйшему Синоду дано было знать. А сего марта 7 дня Святѣйшему Синоду приведеніи изъ правительствующаго сената сообщена для свѣдѣнія съ подносиною Ея Императорскому Величеству отъ сената и Ея Величествомъ высочайше конфирмованнаго доклада о выдачѣ означеннымъ отправляющимся въ осетинскую комиссію протопопу и прочимъ духовнымъ чинамъ—въ разсужденіи представленныхъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ резонъ, какъ въ проѣздъ ихъ и обзаведеніе при первомъ случаѣ годовыхъ не взачетъ окладовъ, такъ и въ бытность ихъ въ той комиссіи объ отпускѣ на жалованье и на другіе расходы

ежегодной суммы, а именно: всего по двѣ тысячи по двѣсти по шестнадцати рублей по осьмидесяти копѣекъ, точная копія, а таковыя де въ статсъ-контору, въ Астраханскую губернскую канцелярію при указахъ посланы, а Московскимъ сената департаментамъ и коллегіи иностранныхъ дѣлъ знать дано. А какъ нынѣ святѣйшему синоду не безъизвѣстно, что въ Коломенской епархіи ученыхъ священнослужителей находится не довольно, а въ Тамбовской епархіи и семинаріи нѣтъ. Того ради въ исполненіе вышеозначенной Ея Императорскаго Величества на подносимомъ отъ сената докладѣ конфирмаціи, святѣйшій правительствующій синодъ приказали: 1) Для бытія при оной осетинской комиссіи протопопа и трехъ дьячковъ избрать изъ Тверской епархіи или изъ Троицкой семинаріи синодальному члену преосвященному Платону архіепископу Тверскому, а по одному священнику и по одному діакону синодальнымъ же членамъ преосвященнымъ Веніамину архіепископу Казанскому и Палладію епископу Рязанскому изъ своихъ епархій съ тѣмъ, чтобы оныя протопопъ, священники и діаконы были слушавшіе богословію, также и церковники изъ обучающихся въ школахъ, а при томъ въ церковномъ чтеніи и пѣніи довольно искусные, всѣ же состоянія добраго и не престарѣлые. 2) По избраніи оныхъ протопопа и прочихъ священно-церковнослужителей епархіальнымъ преосвященнымъ архіереямъ каждому своихъ отправить къ вашему преосвященству по надлежащему, снабдѣжа притомъ оныхъ церковниковъ, что ежели они въ должности и поведеніи исправными и рачительными себя окажутъ, то могутъ заслужить при оной и высшія священнослужительскія степени. 3) Кто именно избраны и когда отправлены будутъ, о томъ онымъ синодальнымъ членамъ прислать въ Святѣйшій Синодъ репорты. 4) О ассигнованіи имъ на проѣздъ отъ своихъ мѣстъ до Моздока не взычетъ окладнаго годоваго жалованья и для выдачи имъ о присылкѣ тѣхъ денегъ въ Тверскую, Казанскую и Рязанскую духовныя консисторіи, по способности изъ тамошнихъ мѣстъ, въ статсъ-контору послать указъ. 5) Что жъ принадлежитъ до прочихъ священно и церковнослужителей изъ грузинцевъ, оныхъ избрать вашему преосвященству, на такомъ основаніи, какъ Святѣйшимъ Синодомъ іюня 17-го дня 1769 года опредѣлено, и о томъ къ вышеозначеннымъ синодальнымъ членамъ, также и къ вашему преосвященству съ приложеніемъ съ Высочайше конфирмованнаго доклада копіи послать указы, причемъ къ вашему преосвященству напробанную Святѣйшимъ Синодомъ инструкцію, какимъ образомъ объявленному протопопу съ прочими поступать, также и съ сочиненной проповѣдникамъ присяги копію сообщить (кои и прилагаются при семъ), а вашему преосвященству по прибытіи въ Астрахань опредѣленныхъ протопопа съ прочими священно-церковно-служителями также и грузинцевъ (кои къ тому будутъ избраны) первѣе къ той присягѣ привести и потомъ имъ, протопопу и священникамъ оную, инструкцію для исполненія вруча на опредѣленное имъ званіе по надлежащему отправить и въ Святѣйшій Синодъ репортовать. Съ оной же апробованной инструкціи и въ иностранную коллегію для вѣдома послать копію при Указѣ. И преосвященному Меѳодію, епископу Астраханскому и Ставропольскому, о томъ вѣдать и чинить по сему Ея Императорскаго Величества Указу. А въ прочія, куда надлежало, мѣста указы изъ Святѣйшаго Синода послать.

Оберъ-Секретарь *Михаилъ Остолоповъ*.

Апрѣля 8 дня 1771 г.

Приложение 3-е.

Присяга проповѣдникамъ, отправляемымъ для обращенія иновѣрныхъ въ Христіанскую вѣру.

„Азъ нижепоименованный обѣщаюся и клянуся всемогущимъ Богомъ, предъ Святымъ Его Евангеліемъ, что долженъ есмь и по должности хочу и всячески тщатися буду въ возложенномъ на меня дѣлѣ обращенія иновѣрныхъ въ вѣру Христіанскую, не иначе умствовать и учить и во всемъ поступать, какъ Церковь наша Православная содержитъ и учить, и какъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества указу отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода данная инструкція приказываетъ и повелѣваетъ. Клянуся же Богомъ живымъ, что всегда памятуя страшное слово Его,— проклять всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ,— сіе положенное дѣло Божіе исполнять буду со всякимъ прилежаніемъ по крайней силѣ и разумнію моему; не оказывая лицемѣрства, не вымышляя никакихъ къ скверноприбытчеству способовъ, яко то угроженія, грабленія, обмана, или какихъ либо незаконныхъ привязокъ и не употребляя ни въ чемъ ни малѣйшаго насильства, но чистосердечно, безкорыстно, снисходительно съ истинною кротостью и Христіанскою любовью, полагая всѣмъ мыслямъ, словамъ и поведеніямъ моимъ, яко вину конечную славу Божію и спасеніе душъ человѣческихъ, не искій яже моя, но яже Господа Иисуса. Клянуся же паки всемогущимъ Богомъ, что хочу и долженъ есмь, Ея Императорскому Величеству, моей Всемиловитѣйшей Государынѣ и любезному Ея сыну законному Всероссійскаго Престола Наслѣднику, какъ всегда, такъ и во время исправленія порученнаго дѣла сего, вѣрнымъ, добрымъ, и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть, и все къ Высокому Ея Императорскаго Величества Самодержавію, силѣ и власти принадлежащее, по крайнему разумнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и въ томъ живота, своего въ потребномъ случаѣ не щадить. Клянуся же и еще всевидящимъ Богомъ, что вся сія много обѣщаемое не иначе толкую во умѣ, какъ произношу языкомъ моимъ: въ противномъ же буди мнѣ Онъ сердцевѣдецъ Богъ отмститель праведный. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

Въ чемъ и подписуюсь.

Приложение 4-е.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Преосвященному Антонію Епископу Астраханскому и Ставропольскому. Святѣйшему Правительствующему Синоду Осетинской Коммисіи протопопъ Афанасій Лебедевъ отъ 29 декабря прошлаго 1776 года рапортомъ пред-

ставлялъ, что оную Коммиссію по довольномъ увѣщаніи въ разныхъ Осетіи и Кшитыніи мѣстахъ и въ Моздокѣ, по собственному произволенію обоого пола окрещено довольное число, которымъ и имянной списокъ притомъ приложенъ, точію де по присланнымъ къ тому протопопу отъ священниковъ Даніила Михайлова, Семіона Васильева и Феодора Прокофьева рапортамъ явствуетъ, что въ оныхъ крещенныхъ Осетіи народа за притѣсненіемъ отъ Кабардинцевъ, какъ они по своему бусурманству отъ Осетинцевъ отгоняють скоть, и самыхъ ихъ дѣтей крещенныхъ ловятъ и продають въ дальнія бусурманскія мѣста, оскудѣваетъ къ благочестію ревность, въ некрещенныхъ же угасаетъ желаніе къ принятію крещенія и къ священникамъ почтеніе, почему въ октябрѣ мѣсяцѣ въ проѣздѣ бывшихъ священниковъ съ причтомъ много и пограбили платья, холста и провіанта, говоря, что когда де намъ отъ васъ защищенія нѣтъ отъ Кабардинцевъ, не почто намъ и креститься, и вы къ намъ не ходите, и по Указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, приказали г-ну генералу Аншефу Астраханскому, Новороссійскому и Азовскому генералу-губернатору и кавалеру князю Григорію Александровичу Потемкину рекомендовать, чтобы о защищеніи осетинскаго народа новокрещенныхъ отъ Кабардинцевъ и о пресѣченіи происходимыхъ отъ нихъ грабежей учинено было надлежащее разсмотрѣніе и естли можно кому надлежитъ подтвержденіе, дабы проповѣдь Слова Божія и обращеніе иноувѣрныхъ въ Христіанскій Законъ могли навсегда оставаться подъ защищеніемъ. А Вашему Преосвященству о вышеписанныхъ отъ Кабардинцевъ осетинскому народу притѣсненія и грабежей и кромѣ протопопа чрезъ кого благопристойно развѣдать и естли представленія протопоповскія окажутся справедливыми, то и съ своей стороны по сношенію съ свѣтскими командами, кому отъ помянутаго г-на Астраханскаго генерала губернатора и кавалера подтвержденіе учинено быть имѣеть, приложить пастырское стараніе, и что послѣдуетъ Святѣйшему Синоду репортовать, для чего и оному, протопопу, что впредь случится по способности представлять вашему преосвященству, и отъ васъ наставленія просить, а о томъ же и Святѣйшему Синоду присылать рапорты. О чемъ къ означенному г-ну генералу аншефу князю Григорію Александровичу Потемкину, и протопопу Лебедеву и Указы изъ Святѣйшаго Синода посланы апрѣля 13 дня 1777 года.

Оберъ Секретарь *Аполлосъ Наумовъ.*

Секретарь *Павель Страховъ.*

Канцеляристъ *Стефанъ Марковскій.*

Приложеніе 5-е.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія, изъ Святѣйшаго правительствующаго Синода преосвященному Антонію епископу Астраханскому и Ставропольскому святѣйшему правительствующему Синоду, осетинской коммиссіи протопопъ Афанасій Лебедевъ доношеніемъ представлялъ, что при той ком-

миссіи разницы священнической и діаконской никакой не имѣется, кромѣ данной отъ покойнаго Мефодія епископа Астраханскаго двоихъ ризъ и трехъ подризниковъ ветхихъ, почему же не только случающимся въ Моздокъ комисскимъ четверемъ священникамъ при случаѣ государственныхъ молебновъ облачиться, но и при немъ протопопѣ діакону служить не въ чемъ, а всегда должны просить церковныхъ священниковъ о одномъ только стихарѣ, со уничиженіемъ. Того ради по Указу Ея Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій Синодъ приказали: вашему преосвященству для пресѣченія того, дабы оному протопопу Лебедеву съ находящимися при комиссіи священнослужителями въ священнослужительскихъ облаченіяхъ и другихъ различныхъ вещахъ и церковныхъ потребностяхъ, не могли впредь слѣдовать нужды, находящуюся въ Моздокъ соборную церковь поручить въ полное вѣдомство оному находящемуся при осетинской комиссіи протопопу Лебедеву, которому съ имѣющимися при немъ четырьмя священниками, естли они одолжатся при той церкви и священнослуженіе и въ приходѣ мірскія требы отправлять, и въ такомъ случаѣ находящагося нынѣ при той церкви священника перевести къ другой церкви по своему разсмотрѣнію. Іюня 12 дня 1777 года.

Оберъ-секретарь *Аполлосъ Наумовъ.*

Секретарь *Павель Страховъ.*

Банцеляристъ *Стефанъ Марковский.*

Приложеніе 6-е.

Божією милостію мы Екатерина вторая Императрица и Самодержица всероссійская

и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему Астраханскому Губернатору Генералъ-Маіору Якобію.

Въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ сообщено отъ нашего Синода по доношенію въ оной находящагося въ Моздокъ при Осетинской комиссіи протопопа Афанасія Лебедева о встрѣтившихся препятствіяхъ и неудобствахъ въ продолженіе преподаемаго обученія въ Моздокъ новокрещенныхъ осетинцовъ дѣтямъ, какъ въ законѣ христіанскомъ, такъ въ Россійской грамматѣ, потому что они напередъ сего содержаны были и жили въ особливыхъ пристойныхъ покояхъ, за присмотромъ учителя, и имѣли отъ своего жалованья пищу и платье, напротивъ того, нынѣ по обветшаніи и разрушеніи оныхъ покоевъ, оставшіе ученики безъ пристанища скитаются по разнымъ домамъ у поселившихся осетинцевъ и претерпѣваютъ крайнюю бѣдность и недостатокъ, не имѣя ни обуви, ни рубахъ, по причинѣ отбираемаго отъ нихъ жало-

ванья отцами ихъ и родственниками во время ихъ въ Моздокъ прїѣздовъ, для чего не только въ церковь, но и въ школу ходить не могутъ, къ чему и отведена тѣсная изба, въ которой лѣтомъ отъ течи, а зимой отъ угаровъ великое безпокойство и ученикамъ и учителямъ причиняется, о построении же для школы для лучшихъ и особливыхъ покоевъ и о поправлении отведеннаго ему протопопу весьма тѣснаго и никакихъ домовыхъ потребностей не имѣющаго дома, хотя онъ протопопъ неоднократно и просилъ моздокскаго коменданта полковника Иванова, но онъ потому никакого исполненія не дѣлаетъ, который сверхъ того по своему недоброхотству и употребленнымъ въ учительство Осетинской комиссіи діакономъ съ самаго ихъ вступленія въ сію должность, принадлежащаго за то жалованья не выдаетъ, хотя бывшіе до нихъ при томъ грузинцы оное всегда исправно получали. По сему доношенію осетинской комиссіи протопопа слѣдующее предписывается къ исполненію.

Хотя съ не малаго уже времени по распоряженіямъ нашего Синода и происходитъ приповѣдь христіанскаго закона въ осетинскомъ и ингушевскомъ народахъ, живущихъ въ горахъ за малою Кабардою по дорогѣ къ Грузіи, по воспріятой надеждѣ къ ихъ обращенію въ разсужденіи всегда оказыванной ихъ къ тому склонности и въ разсужденіи еще и того, что по оставшимся въ ихъ жилищахъ слѣдамъ старыхъ церковныхъ строеній предки ихъ были христіане, почему подлинно многіе изъ нихъ и крестятся съ великою охотою и желаніемъ, но почти всѣхъ по нынѣ бывшихъ въ Кизлярской сторонѣ начальниковъ единоголасное напротивъ того, предъявленіе, не предполагаетъ однако же въ томъ ни малѣйшей пользы и прочности, по причинѣ грубаго и дикаго ихъ людей состоянія и неспособности ихъ понимать христіанскія истины и приступать къ онымъ со внутреннимъ удостовѣреніемъ, крестятся они по большей части изъ корыстолюбія для опредѣленнаго на тотъ случай снабженія, и оставаясь потомъ въ прежнемъ своемъ нечестіи и своевольствѣ, какъ неподручные къ здѣшнему за ними всегдашнему смотрѣнію, временные жъ къ нимъ здѣшнихъ священниковъ прїѣзды, иногда и со опасностію соединенные не могутъ къ тому достаточны быть, чтобы утвердить ихъ въ общемъ благоустройствѣ, и всѣ другія мѣры означивали бы уже ихъ въ нашей сторонѣ и непосредственное присвоеніе, но тѣмъ кабардинскіе владѣльцы, кои ихъ своими подчиненными называютъ, были бы напрасно огорченными, и можетъ быть больше наконецъ изобрѣли бы затруднительныя въ теченіи проповѣди и произвели бы здѣсь нужду совсѣмъ отъ оныхъ людей отступить, не стои они въ настоящемъ своемъ состояніи употребленія великихъ усилій.

Такимъ образомъ довольно видимо изъ сего, что нѣтъ лучшаго способа по обстоятельствамъ осетинцевъ и ингушевцевъ учинить ихъ прямыми христіанами и къ здѣшней сторонѣ приверженными, какъ просвѣщеніемъ изъ нихъ молодыхъ людей, для чего по докладу, поднесенному намъ отъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и нами 27 сентября 1764 года конфирмованному и заведена особливая школа, съ опредѣленіемъ на каждаго ученика и учителя по два рубля на мѣсяць изъ кизлярскихъ и астраханскихъ доходовъ, или же изъ процентныхъ астраханскаго банка, и съ порученіемъ учрежденія и управленія оной школы астраханскому губернатору и кизлярскому коменданту, и о чемъ о всемъ по настоящему вашему званію и мѣсту не можетъ быть и вамъ не извѣстно изъ отправленнаго для исполненія изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ къ тогдашнему губернатору генералу порутчику Бекетову рескрипта отъ 21 октября того жъ 1764 года.

Вы какъ настоящій губернаторъ астраханскій получа теперь дѣла отъ генералъ порутчика Демедова и всѣ дѣла до кизлярскаго пограничнаго края касающіяся въ ваше же вѣдомство, имѣете для того по сему сугубому вашему долгу обратить все возможное попеченіе на возстановленіе заведенной въ Моздокъ столь нужной для осетинскихъ малолѣтнихъ дѣтей школы, вслѣдствіе чего и прикажите какъ пристойныя для оной, такъ и для жительства учениковъ покои немедленно вновь построить, когда старыя въ починку уже не годятся, употребляя на то деньги изъ означенныхъ выше сего суммъ, изъ коихъ снабженіе такихъ учениковъ и ихъ учителей назначено, а сверхъ того воспріймите вы наилучшія мѣры и къ тому, чтобъ и число учениковъ всегда было нарочитое, и чтобъ совокупное и содержаніе и наставленіе происходило всегда съ порядкомъ, и со всемъ пособіемъ отъ моздокскаго начальства, будучи напротивъ того здѣсь неоднократно жалобы принесены на настоящаго моздокскаго коменданта полковника Иванова, какъ отъ протопопа осетинской комиссіи въ помѣшательствѣ ему протопопу въ порученныхъ дѣлахъ разными затруднительствами и суровыми поступками въ разсужденіи пріѣзжающихъ въ Моздокъ новокрещенныхъ осетинцевъ, такъ и отъ самого генерала порутчика Демедова въ явныхъ ему послушаніяхъ, почему и общее такихъ на границѣ соблазновъ пресѣченіе равнымъ образомъ теперь отъ вашего же подвига зависѣть имѣетъ, а между тѣмъ относительно въ заведенной въ Моздокъ школѣ и происходящей въ тамошнихъ горскихъ народахъ проповѣди еще вамъ здѣсь сказать остается, что будучи къ оной школѣ употреблены учителями, какъ доносить нашему Синоду протопопъ осетинскій, діаконы той же комиссіи, они за сію свою должность, возложенную на нихъ сверхъ проповѣди и діаконскаго служенія, по справедливости заслуживаютъ и жалованье, на учителей определенное, которое вы имъ въ надлежащее время и дѣйствительно производите прикажите, а при первомъ случаѣ и съ самаго ихъ употребленія въ учительство оное имъ выдано быть имѣетъ, и что непристойно было равнымъ образомъ и протопопа осетинскаго, жалующагося на худое свое жилище, оставлять всегда безъ удовольствія, когда онъ въ столь нужномъ званіи и дѣлѣ употребляется, да и по докладу нашего Сената всемилостивѣйше отъ насъ подтвержденному 17 февраля 1771 года, съ котораго и въ астраханскую губернскую канцелярію при указѣ изъ онаго отъ 7 марта того жъ года сообщена, какія именно и точно предписано построить въ Моздокъ для него протопопа казенный домъ, что нынѣ когда по сіе время не учинено, непремѣнно исполнить надлежитъ.

Впрочемъ съ начала заведенія при Моздокѣ селенія время отъ времени присылали въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ и вѣдомости сколько когда въ сіе мѣсто выходило изъ горскихъ и другихъ народовъ для жительства, но съ нѣкотораго не малаго уже времени совсѣмъ такая присылка оставлена, неизвѣстно по какимъ причинамъ, а здѣсь однако же вѣдать нужно, какъ о наличныхъ тамошнихъ обывателяхъ, такъ и о томъ еще наипаче, продолжаютъ ли и нынѣ такіе выходы или же и совсѣмъ пресѣклись, почему и подтвердите вы накрѣпко моздокскому коменданту о присылкѣ къ вамъ вѣдомости о всѣхъ настоящихъ въ Моздокѣ живущихъ выходцахъ, которые вы и сюда въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ себя препроводите, и чтобъ онъ впредь сюда посредствомъ же вашимъ доносилъ и о нововступающихъ поселенцахъ, а ежели въ настоящее время больше охотниковъ не является къ тамошнему поселенію, вы не приминете разсмотрѣть и отвратить тотчасъ

препятствующія причины, соображаясь съ тѣми основательными положеніями, на коихъ начато моздокское поселеніе и кои пока были въ своей силѣ и исполненіи многіе изъ горцевъ крестились и въ семь мѣстѣ селились охотою.

О всемъ томъ, что у васъ будетъ происходить и какія мѣры ваши когда употребятся къ лучшему устройству и благосостоянію моздокскаго поселенія, тамошней школы и проповѣди, имѣете вы въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ доносить. Се мы пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Санктпетербургѣ 27 іюля 1777 года.

По Ея Императорскаго Величества Указу

Подлинный подписалъ посему графъ *Иванъ Остерманъ*.

Таковую копію слушалъ секретарь *Теодоръ Козельскій*.

Съ копіею читалъ канцеляристъ *Стефанъ Марковскій*.

Приложеніе 7-е.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссийскія, изъ Святѣйшаго правительствующаго Синода преосвященному Антонію епископу Астраханскому и Ставропольскому Святѣйшему Правительствующему Синоду при доношеніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ приложена копія съ отправленнаго изъ оной коллегіи къ Астраханскому губернатору генералу-маіору Якобію рескрипта, о поправленіи заведенной въ Моздокъ школы, о построеніи осетинской комиссіи протопопу дома, и чтобъ отъ Святѣйшаго Синода дано было тому протопопу наставленіе въ томъ, чтобы онъ не считалъ исполненнымъ званія и долгъ свой единственно въ торопливомъ сподобленіи крещенія желающихъ, но не меньше старался внушать имъ и силу христіанскаго закона ученія, сколько возможно понятнымъ для нихъ образомъ, и руководствовать имъ къ слѣдствіямъ сего ученія, добродѣтелямъ и всякому благонравію, безъ чего и самое крещеніе тѣмъ дикимъ людямъ преподаемое и потомъ ими отвергаемое, едва ли не можетъ названо быть злоупотребленіемъ одного изъ величайшихъ таинствъ вѣры христіанской и по Указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: съ оной съ репорта копіи и для надлежащаго вѣдома къ вашему преосвященству послать при указѣ копію жъ, (которая при семъ и посылается) а притомъ предписать, чтобъ ваше преосвященство новоопредѣляемаго въ осетинскую комиссію на мѣсто умершаго протопопа Лебедева, протопопа, когда онъ отъ преосвященнаго казанскаго присланъ будетъ, при отправленіи его въ комиссію, снабдили отъ себя съ посланной при указѣ изъ Святѣйшаго Синода къ покойному преосвященному Мефодію епископу астраханскому 1771 года апрѣля 8-го числа для отдачи обретающимся въ осетинской комиссіи духовнымъ инструкціи, таковая инструкція, подтверждая притомъ дабы онъ протопопъ въ обращеніи осетинскаго и другихъ тамошнихъ народовъ въ православную грекороссійскую вѣру и

впротчемъ во всемъ поступать не иначе, какъ по точной силѣ той инструкціи, а особливо, чтобъ таковыя иновѣрцы въ христіанскій законъ приводимы были безъ торопливости, но по довольномъ наставленіи и утвержденіи въ христіанской вѣрѣ, какъ помянутой инструкціей, 2 пункта въ 5 и 7 отдѣленіяхъ точно повелѣно, не упустительно, а чтобъ опредѣленные въ ту комиссію духовные во всемъ по точной силѣ и инструкціи поступали, въ томъ надъ ними вамъ преосвященному по пастырской должности имѣть прилежное наблюдательство, и для того, что ими будетъ производимо, имѣть о всемъ вѣроятное свѣдѣніе, а коллегіи иностранныхъ дѣлъ дать знать указомъ, что о довольномъ помянутымъ осетинцамъ и другимъ тамошнимъ народамъ христіанскаго ученія прежде крещенія и внушенія и истолкованія, не меньше же того и о руководствѣ къ добродѣтелямъ и благонравію данное отъ Святѣйшаго Синода въ 1771 году бывшему въ той комиссіи протопопу Лебедеву инструкціи довольное предписаніе сдѣлано, о чемъ тогда-жъ и оной коллегіи съ приобщеніемъ той инструкціи копіи знать дано, и хотя Святѣйшій Синодъ до нынѣ не имѣетъ никакого и ни отъ кого представленія, чтобъ бывшимъ въ той комиссіи протопопомъ Лебедевымъ и опредѣленными въ его вѣдомство духовными о чемъ либо въ противность той инструкціи поступлено было, но еще отъ генералъ-поручика Демедова о добромъ тѣхъ духовныхъ поведеніи и письменно засвидѣтельствовано, однако въ предосторожность, чтобъ сіе дѣло съ лучшимъ успѣхомъ происходить могло и нынѣ надлежащее подтвержденіе и наставленіе учинить Святѣйшій Синодъ не оставить. () чемъ въ оную и Указъ изъ Святѣйшаго Синода послать. Августа 9 дня 1777 года.

Оберъ-Секретарь *Аномось Наумовъ.*

Секретарь *Павель Стриховъ.*

Банцеляристъ *Стефанъ Марковскій.*

Приложеніе 8-е.

Представленіе Святѣйшему Синоду Астраханскаго архіепископа Платона объ вторичномъ учрежденіи комиссіи осетинской.

1) Осетинскую комиссію возстановить по прежнему въ Моздокѣ на такомъ же основаніи, какъ она существовала до 1793 года по Высочайше конфирмованному въ 1771 году докладу съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. 2) Духовнымъ чинамъ при оной быть такимъ же, какіе были, т. е. протопопу изъ россіянъ ученому одному, священникамъ изъ россіянъ же ученымъ двумъ, да двумъ же изъ грузинцевъ или осетинцевъ, діаконамъ изъ россіянъ ученымъ двумъ, да одному изъ грузинцевъ или осетинцевъ; причетникамъ пяти, изъ коихъ тремъ россійскимъ, а двумъ изъ грузинцевъ или осетинцевъ; въ горы же ихъ для проповѣди отправлять, и имъ будучи тамо во всемъ поступать по точной силѣ инструкціи Святѣйшаго Синода въ 1771 году данной. 3) По прежнему учрежденію при комиссіи осетинской положенъ былъ переводчикъ съ жалованьемъ по двѣсти пятидесяти рублей въ годъ, но какъ послѣ на опытѣ усмотрѣно, что въ немъ нужды нѣтъ: ибо при священникахъ во время проповѣди въ горахъ и

крещенія осетинцевъ въ переводъ употреблялись причетники изъ грузинцовъ, священники-жь грузинскіе, яко знающіе осетинскій языкъ, говорили сами, а переводчикъ никогда въ горахъ и не бывалъ, то протопопы осетинской комиссіи настоятельно требовали объ отмѣнѣ того переводчика и объ опредѣленіи вмѣсто него письмоводителя, описывая необходимую въ семъ, для исправленія по комиссіи письменныхъ дѣлъ, надобность. Согласно сему и по моему мнѣнію, надлежитъ вмѣсто переводчика опредѣлить комиссара съ класснымъ чиномъ и съ двухъ сотъ пятидесяти-жь рублевымъ въ годъ жалованьемъ, да для пособія ему придать одного писаря или копейста съ жалованьемъ въ годъ же по сту рублей. Оному комиссару поручить всѣ письменныя дѣла, также приходныя и расходныя книги и вѣдомости съ тѣмъ, чтобы все оное было имъ исправляемо въ надлежащемъ порядкѣ, а сверхъ того, по довѣренности протопопа обязанъ онъ какъ принимать изъ казны всю на комиссію денежную сумму подъ свои росписки, такъ и употреблять оную въ расходъ обще съ протопомъ. 4) Поелику построенныя въ Моздокѣ для протопопа и осетинскихъ учениковъ покои пришли нынѣ въ крайнюю ветхость и разрушеніе, напротивъ же того въ упраздненномъ тамо Спасо-Преображенскомъ монастырѣ церковь и для бывшихъ настоятеля и монашествующихъ кельи недавно построены деревянныя и довольно просторныя со всѣми службами, которыя теперь за упраздненіемъ монастыря остаются впускъ: то за удобное нахожу все сіе строеніе обратить какъ для жительства протопопа и прочихъ комиссійскихъ священно и церковно-служителей и комиссара съ писаремъ, такъ и для школы осетинскихъ учениковъ, гдѣ они и жить могутъ все вообще подъ непосредственнымъ наблюденіемъ протопопа и комиссара, оставя и церковь оную въ монастырѣ комиссейскою. 5) Учителями при осетинской школѣ, какъ и прежде бывало, могутъ быть употребляемы россійскіе діаконы, а по достиженіи учениками знанія россійской грамоты и писать и, сколько возможно, пѣть, присылать изъ нихъ способныхъ и не превозрастныхъ въ Астраханскую семинарію для обученія, на опредѣляемомъ по комиссейскому штату жаловань, дальнѣйшимъ наукамъ, дабы ихъ потомъ можно было съ вѣщшею надеждою производить въ священно и церковно-служители и проповѣдники къ единоплеменнымъ ихъ осетинцамъ. 6) Для всякихъ прислугъ при осетинской комиссіи, школѣ и ученикахъ и для береженія нужно опредѣлить пять человекъ (изъ прежде бывшихъ тамъ при домѣ архіерейскомъ и монастыряхъ или другихъ экономическихъ крестьянъ) служителей съ жалованьемъ на основаніи духовныхъ штатовъ, т. е. полагая каждому изъ служителей въ годъ по двадцати одному рублю по пятидесяти пяти копѣекъ, а всѣмъ сто семь рублей семьдесятъ пять копѣекъ, и съ платежемъ за нихъ и дѣтей ихъ мужеска пола до 16-ти лѣтъ подушныхъ и оброчныхъ денегъ изъ казны же. 7) Жалованье на комиссейскихъ священно и церковно-служителей и учениковъ осетинской школы въ разсужденіи возвысившихся нынѣ на все цѣнъ, и что они кромѣ сего ничего ни откуда получать больше уже не могутъ, а при томъ дабы въ первыхъ возбудить вѣщшую ревность и усердіе къ проповѣди Слова Божія, а послѣднихъ пріохотить больше къ ученію, также отцовъ и родственниковъ ихъ къ принятію Святаго Крещенія, къ прежнимъ ихъ годовымъ окладамъ слѣдуетъ прибавить, а именно: протопопу вмѣсто 324 р.—400 рублей; священникамъ, каждому вмѣсто 162 р.—250 рублей, а всѣмъ 1000 рублей; тремъ діаконамъ, каждому по 150 рублей, а всѣмъ 450 рублей; за учительскія-жь должности россійскимъ ничего не прибавлять, но получать обоимъ, какъ и прежде было, по 24 рубля только

въ годъ; пятерымъ причетникамъ, каждому по 100 рублей, а всѣмъ 500 рублей; на каждаго изъ старшинскихъ дѣтей по 50-ти, а на обывательскаго по 40 рублей. Но сіи жалованныя деньги ученикамъ, въ отвращеніе прежняго не порядка, дабы они по разнымъ квартирамъ не скитались, а другіе по малолѣтству своему напрасно деньги тратить не могли, не раздавая по рукамъ, какъ доселѣ было, хранить въ комиссіи, и не смѣшивая съ другими суммами употреблять съ добрымъ и хозяйственнымъ протопопа и комиссара распоряженіемъ на собственное ихъ содержаніе, какъ то: на пищу, платье, обувь, мытье бѣлья и прочее, съ вѣрнѣйшею въ расходныя запиской, наблюдая однако-жь, чтобы старшинскихъ дѣтей жалованье не было употребляемо на обывательскихъ, а сихъ на старшинскихъ, но и то и другое по ихъ состоянію: ибо старшинскіе должны быть содержимы по отличію отъ обывательскихъ; для чего на нихъ, какъ прежде отпускалось, такъ и нынѣ полагается жалованье отпускать болѣе, нежели на обывательскихъ. 8) На холстъ, кресты и образа для новокрещенныхъ къ двумъ стамъ и протопопу на приласканіе и угощеніе осетинцовъ и другихъ горскихъ старшинъ и лучшихъ людей, ко сту рублямъ, также на чернилы, бумагу и сургучъ, свѣчи и проч. къ тридцати рублямъ, уважая нынѣшнее на все цѣнѣ возвышеніе, прибавить еще по толикому-жь числу; итакъ первой суммы будетъ 400 рублей, второй 200 р., а послѣдней 60 рублей; въ расходъ же употреблять оныя съ вѣрною запискою въ шнуроспечатанныя книги и отчетомъ въ казенную палату, причитая всѣхъ сихъ суммъ остатки одного года, буде случатся, къ слѣдующему году. 9) Сверхъ сего за нужное признается вновь отпускать изъ казны же на починку комиссійскихъ церкви, ризницы и другой утвари, также покоевъ, школы и прочихъ принадлежащихъ тому служебъ; равнымъ образомъ на покупку для учениковъ книгъ, посуды и прочаго ежегодно по 200 рублей съ запиской и отчетомъ объ нихъ въ казенную палату, а посему производимымъ впредь въ комиссію священно и церковно-служителямъ выдавать деньги на одинъ только туда проѣздъ, а не на обзаведеніе, и не полнымъ ихъ, какъ прежде выдавалось, окладамъ, по поверстно изъ казенной палаты. 10) Сумму на осетинскую комиссію всю слѣдуетъ опредѣлить отпускать изъ казенной палаты. 11) Нужно также опредѣлить, чтобы сумма изъ казенной палаты отпускаема была въ началѣ каждой половины года впередъ, а на учениковъ по числу оныхъ. 12) Комиссію со всѣми полагаемыми въ ней чинами и дѣлами подчинить въ полное управленіе епархіальнаго архіерея, который непосредственно, какъ вѣдомости комиссейскія и другія отношенія въ Святѣйшій Синодъ доставлять, такъ и отъ онаго казны получать имѣть. 13) Чтожь принадлежитъ до участія, какое прежде по сему предмету и другимъ духовнымъ тамошнимъ дѣламъ свѣтское начальство (какъ то Астраханскіе губернаторы, Кизлярскіе и Моздокскіе коменданты) имѣло: то оно нынѣ признается вовсе ненужнымъ, а потребны только со стороны военнаго губернатора, коему ввѣрены всѣ липейскіе дѣла, неукоснительное споспѣшествованіе и защищеніе по сношеніямъ. 14) Суммы на осетинскую комиссію по сему положенію (кромѣ суммы на учениковъ, коихъ числа ограничить не можно) имѣть выходить въ каждый годъ по 3715 рублей 75 копѣекъ. 15) Комиссейскаго протопопа по важности, видамъ и мѣсту комиссіи пристойно отличить изъ установленныхъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества именному 1797 года декабря 18 дня Указу для духовенства знаковъ почестей крестомъ (на лентѣ). Марта 29 дня 1880 года.

Художественныя и бытовыя данныя въ славянскомъ спискѣ лѣтописи Георгія Амартола изъ библіотеки московской Духовной Академіи.

И. Д. Мансветова.

Предметомъ настоящаго реферата будетъ сообщеніе объ одномъ малоизвѣстномъ, но весьма замѣчательномъ памятникѣ славянской письменности, принадлежащемъ библіотекѣ московской Духовной Академіи. Рукопись, о которой идетъ здѣсь рѣчь, заключаетъ въ себѣ временникъ Георгія Амартола въ спискѣ XIII вѣка, древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ переводовъ этого памятника болгарской редакціи. Я не буду говорить объ этой рукописи, какъ о памятникѣ историческомъ, и дѣлать выводы объ отношеніи ея къ греческому тексту Амартола и нашей первоначальной лѣтописи, не буду касаться и ея палеографическаго значенія, но остановлюсь на разборѣ нѣкоторыхъ данныхъ, которыя она представляетъ для изученія древняго быта и искусства. Для этой цѣли предлагается нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ со стороны его содержанія, особенно же со стороны миниатюръ или покрывающихъ ее лицевыхъ изображеній.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этому анализу, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ этого памятника. Рукопись эта, безъ начала и конца, писана на пергаментѣ (исключая 8 и 9 листы, вставленные послѣ) четкимъ уставомъ на 273 листахъ. Каждый листъ раздѣленъ на двѣ колонки большею частію по 28 строкъ въ каждой, но иногда ихъ бываетъ 27 и 29. Говоря это, разумѣемъ полные листы, не занятые миниатюрами. Въ отношеніи письма различаются два почерка: первый, болѣе крупный и квадратный, отличается рыжими полинявшими чернилами и проходитъ большую часть рукописи; второй, удлинненный, болѣе тщательный и съ прекрасно сохранившимися чернилами, употребляется въ срединѣ и имъ писаны листы отъ 153 по 204. Какъ извѣстно, хроника Амартола обнимаетъ событія отъ сотворенія міра до императора Михаила Метиста, сына Теофила, и состоитъ изъ 4-хъ частей: 1-я передаетъ событія отъ сотворенія міра до Александра Македонскаго; 2-я—исторію еврейскаго народа; 3-я—римскую исторію отъ Цезаря до Константина Великаго, и 4-я—византійскую—отъ Константина до смерти Михаила, т. е. до 867 г. Въ нашей рукописи въ началѣ не достаетъ оглавленія къ хронографу, а на концѣ — разказа отъ

смерти Юстиниана до смерти Михаила, на которой должна была прерваться летопись согласно намерению составителя.

Рукопись московской Духовной Академии представляет особый переводъ текста Амартола, отличный отъ содержащагося въ синодальной рукописи (XIV в.), и замѣчательный тѣмъ, что переводчикъ, для уясненія греческаго текста, старался вводить выраженія, взятые изъ житейскаго бытоваго языка. Онъ относился въ подлиннику, осмысливая его содержаніе аналогіями изъ славянскаго быта и проводя связь между однородными явленіями византійско-греческаго быта и славянскаго. Аналогіи эти, правда, не всегда оказывались удачными и держались иногда на чисто случайной внѣшней связи, не проходя въ смыслъ объясняемыхъ явленій, но были и случаи противоположнаго свойства, гдѣ эти параллели отмѣчали живую внутреннюю связь между сближаемыми предметами и доказывали въ переводчикѣ способность живо схватывать и остроумно сближать старое съ новымъ. Оттого, у него не мало встрѣчается старорусскихъ бытовыхъ словъ, и что особенно замѣчательно — эти выраженія стоятъ въ тѣхъ мѣстахъ текста, гдѣ другіе списки или оставляютъ греческое слово безъ перевода, или передаютъ его выраженіемъ книжнымъ. Списокъ такихъ словъ составилъ бы очень значительную цифру, но мы ограничимся перечнемъ болѣе типичныхъ и указаніемъ болѣе крупныхъ особенностей въ передачахъ греческаго текста по рукописямъ синодальной и академической.

Такъ, на примѣръ, не рѣдко употребляется слово: *Болре, болярм* (л. 52, об.). Такъ переводится греческое „οἱ συνήθεοι“ (р. 67) (близкіе къ царю люди, всегда съ нимъ находящіеся); въ синодальномъ спискѣ, согласно съ подлинникомъ, читается „и съ обычными“ (л. 40, об.).

Не урдити (228, об.), такъ переводится греческое „μη στρατεύεσθαι“ (р. 445). Говорится о томъ, что Юліанъ запретилъ христіанамъ поступать въ военную службу.

Трѣмъ (теремъ) (л. 112), такъ переводится греческое „ὄτιος ἀντρώδης“ (подробнѣе скажемъ далѣе).

Ножницъ мѣдiane на ноу ею (л. 81). Греч. „κνημίδες χαλκαί“ — мѣдные наколѣнники, внемиды, ногавицы (р. 118), въ синод. спискѣ — гонатаре мѣдніи на голѣнѣхъ ему (л. 67, об.).

Ножницъ или же кровь пущаютъ (л. 158), замѣчательно по своеобразному переводу греческаго текста, гдѣ рѣчь идетъ о томъ, что для обнаруженія гроба Ап. Іакова выпали съ неба надъ нимъ „κολλήρια ἰατρικᾶ“, какъ символъ врачевнаго искусства, которымъ, по преданію, занимался Апостоль (р. 279). Въ синодальномъ спискѣ переводъ ближе къ подлиннику и читается — *колачече* (колачи) врачевніи (л. 161). Переводчикъ Амартола, по нашему списку, какъ видно, произвольно отнесся къ тексту подлинника и можетъ быть вмѣсто κολλήριον — пирожекъ — читалъ κολέριον отъ κολέω — decurto, amputo, trunco.

Медяны обручи и мнози поперсыци (л. 210), въ греч. „χαλκαὶ ζῶναι καὶ οἱ πλείστοι λῶροι“ р. 400. Въ летописи описывается знаменитый монолитъ или колонна Константина, съ его изображеніемъ, поставленная на форумѣ. Она была покрыта мѣдными спиральными полосами, которыя и называются ζῶναι и λῶροι. При переводѣ того и другаго слова переводчикъ выражаетъ попытку и попытку очень удачную — осмыслить техническія выраженія и выяснитъ ихъ значеніе. Такъ ζῶνη у него является — обручемъ, а λῶρος — поперсыцемъ, такъ какъ въ костюмѣ высшихъ чиновъ двора византійскаго

лоръ имѣлъ видъ повязки извѣстнымъ образомъ, въ родѣ омофора, носимой на груди (См. нашу статью объ омофорѣ).

Жуковина (л. 213, об.) въ греческомъ *δακτύλιον* (р. 409)— перстень. На печатяхъ у перстня иногда изображался жукъ—*scarabeus* и это изображеніе имѣло профилактическое значеніе, а самые перстни употреблялись какъ амулеты. У Амартола говорится, что Константинъ Великій запечаталъ своимъ перстнемъ доносъ, сдѣланный ему на отцовъ 1-го вселенскаго собора. Употребленіе слова жуковина въ переводѣ показываетъ, что въ XII—XIII вв. у Славянъ были перстни съ такимъ изображеніемъ; оно было такъ употребительно, что дало свое имя самому перстню.

Полници, по гречески „γίγαντες“, исполины. Рассказывая о Немвродѣ, наша рукопись отзывается о немъ такимъ образомъ: потомъ бысть нѣкій гигантъ, рекомый „полникъ“ (л. 20), имя ему Невродъ. Мы подчеркиваемъ здѣсь слово „полникъ“; оно нѣсколько разъ встрѣчается въ нашей рукописи и вездѣ въ одинаковомъ значеніи, какъ эпитетъ гиганта, силача, великана и представителя грубой силы. Въ греческомъ текстѣ Амартола этому слову вездѣ соотвѣтствуетъ „γίγας“, гигантъ, напр., *μετὰ δὲ ταῦτα γέγονε τίς γίγας τινος Νεβρώδ*. Въ синодальномъ спискѣ Амартола оно переводится словомъ исполивъ, но наша рукопись замѣчательна въ томъ отношеніи, что, удерживая греческое „γίγας“ безъ перевода, вездѣ прибавляетъ къ нему для поясненія „ржкие полникъ“ и дѣлаетъ это объясненіе отъ себя. Это даетъ понять, что въ эпоху перевода слово „полникъ“ было общепонятнымъ, и болгарскій переводчикъ обращался къ нему каждый разъ, какъ только встрѣчалъ греческое γίγας. Мы не сомнѣваемся, что это именно слово имѣютъ въ виду наши былины тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о поляницѣ, поляникѣ, которая выводится въ видѣ женщины, одаренной необыкновенною силою и грубостію нрава. Можетъ быть на образованіе этого слова имѣло вліяніе и греческое ἄγριος.

Переходимъ теперь къ художественной сторонѣ рукописи. Въ этомъ отношеніи она представляетъ весьма важный памятникъ, замѣчательный сколько по древности, столько же и по богатству украшающихъ ее лицевыхъ изображеній, и должна занять видное мѣсто между лицевыми славяно-русскими рукописями. Всѣхъ миниатюръ въ ней 127. Онѣ писаны не на цѣломъ листѣ и не на поляхъ, а въ самомъ текстѣ. Каждая изъ нихъ обведена киноварною полоскою и представляется какъ бы писанною въ рамкѣ. Писецъ для этихъ иллюстрацій оставлялъ въ рукописи пустое мѣсто, что даетъ поводъ предполагать, что онѣ копированы съ готоваго, вѣроятно, греческаго оригинала, и потому нѣкоторыя изъ этихъ пустыхъ мѣстечекъ остались не занятыми. Въ пользу этой копировки говоритъ замѣчательная ихъ близость въ греческимъ миниатюрамъ, условность иконографической и технической композиціи, свойственная византійскимъ миниатюристамъ позднѣйшей эпохи; особенно же говоритъ въ пользу этого первая выходная картина вотивнаго содержанія, очевидно открывавшая собою греческій подлинникъ и перешедшая отсюда въ славянскій списокъ Амартола. Картина эта представляетъ императора Михаила Метиста, царствованіемъ котораго оканчивается лѣтопись, и его супруги Евдокіи по сторонамъ Христа, сидящаго на тронѣ. На другомъ листѣ представленъ самъ Амартолъ за своимъ лѣтописнымъ занятіемъ за столомъ, между письменными принадлежностями. Замѣчательно, что императоръ представленъ здѣсь не въ стемнѣ, не въ коронѣ, а въ шапочкѣ или въ фескѣ по татарски, какъ изображенъ Ярославъ на фрескѣ Спасо-Нередицкой церкви, по перво-

начальному рисунку, изданному Прохоровымъ. Подъ вліяніемъ этихъ готовыхъ образцевъ, личное участіе славянскаго рисовальщика было самое незначительное и какъ бы теряется среди однообразнаго византійскаго тона, который господствуетъ въ миниатюрахъ и проходитъ черезъ всю рукопись. Національнаго славянскаго здѣсь также мало, можно сказать еще меньше, чѣмъ въ самомъ текстѣ перевода, и отношеніе къ оригиналу славянскаго рисовальщика было еще зависимѣе, чѣмъ у переводчика. Послѣдній все-таки подыскивалъ подходящее родное слово для выраженія греческаго термина, часто ковалъ его по образцу послѣдняго, за неимѣніемъ подходящаго въ языкѣ родномъ. Оттого, во многихъ случаяхъ, онъ механически перекладывалъ иноземное слово на искусственно составленное книжное и считалъ такимъ образомъ свой трудъ поконченнымъ. Но это не мѣшало ему по временамъ возвышаться надъ уровнемъ условнаго языка подлинника и черпать лингвистическій матеріалъ изъ обиходнаго языка, осмысливая съ помощію бытовыхъ представленій и формъ. Участіе личнаго взгляда рисовальщика и вліяніе славянской житейской среды проглядываетъ въ миниатюрахъ нашей рукописи лишь въ немногихъ чертахъ; по крайней мѣрѣ, я не въ состояніи былъ подмѣтить большаго, при сличеніи ихъ съ другими греческими и славянскими лицевыми рукописями. Два-три изображенія одноглавыхъ церквей, въ стилѣ древнихъ храмовъ Владимірской области, нѣсколько деталей нашей народной одежды, нѣкоторые предметы бытоваго назначенія, какъ, напр., сани, колесныя повозки, земледѣльческія орудія—вотъ, собственно говоря, и весь запасъ бытовыхъ представленій, нашедшихъ себѣ мѣсто въ миниатюрахъ нашей рукописи. Число, вообще говоря, очень маленькое, но, за неимѣніемъ большаго, тѣмъ естественнѣе будетъ дорожить этими указаніями и обратить на нихъ особенное вниманіе. Выяснимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Во второй части временника ведется разсказъ о возвращеніи Іудеевъ изъ плѣна и о построеніи втораго храма; при чемъ подробно описывается его устройство, согласно съ библейскимъ разсказомъ; но совершенно вопреки ему на миниатюрѣ (№ 82), служащей иллюстраціей этого разсказа, мы находимъ изображеніе одноглавой церкви (л. 2, рис. № 1). Фасадъ ея, близкій къ квадрату (немного болѣе въ высоту, чѣмъ въ ширину), занятъ больше, чѣмъ на половину, входною дверью, арка которой доходитъ вплоть до крыши и имѣетъ въ точкѣ соприкосновенія съ нею (т. е. въ вершинѣ) чуть замѣтный изломъ. Не смотря на очень дурно сохранившійся рисунокъ, легко различить наличникъ этой двери съ орнаментомъ капители, на которую опирается арка; но середина этой двери, точно также какъ и фасадъ, до того стерлась, что ничего разобрать нельзя. Крыша выдается тремя арками, изъ которыхъ средняя, почти вдвое больше остальныхъ, — должна соответствовать среднему нефу церкви, а двѣ боковыхъ меньшихъ—боковымъ. Надъ среднею аркою круглый фонарь или барабанъ съ намѣченными узкими длинными окнами, а на барабанѣ глава съ четвероконечнымъ крестомъ и луною. Этотъ крестъ носитъ слѣды поправки; сдѣланъ черниломъ, а не красками, и очень вѣроятно, додѣланъ кѣмъ нибудь послѣ, но орнаментъ, въ видѣ луны, во всякомъ случаѣ у мѣста, потому что встрѣчается и въ другихъ миниатюрахъ этой рукописи. По моему мнѣнію, въ этомъ рисункѣ воспроизведенъ схематически храмъ во вкусѣ Суздальско-романскихъ и очень напоминаетъ фасадъ Дмитровскаго и Боголюбскаго собора. Широкія входныя врата этихъ церквей, образованныя колонками въ видѣ глубокой арки, соответствуютъ очень удачно нашему ри-

сунку, а три арки на крышѣ тремъ раздѣламъ этихъ церквей по фасаду. Такой же фасадъ, только въ очень грубомъ видѣ, представленъ и на миниатюрахъ № 122 и 114.

Другая форма покрытія, принятая въ нашей рукописи, замѣчательна по своему отношенію къ генезису шатроваго верха и имѣеть слѣдующій видъ: на двухскатной крышѣ барабанъ, на который поставлена глава. Глава имѣеть видъ колокола, края котораго выступаютъ за барабанъ, или опрокинутой чашки. Вообще въ нашей рукописи шатровая форма не такъ намѣчена, не такъ представлена въ своемъ переходномъ моментѣ отъ купола, но имѣеть ясно выработанныхъ представителей и идетъ рядомъ съ купольною, какъ особый архитектурный стиль, какъ особая строительная манера. Образцемъ этой формы служитъ шатеръ, именно въ томъ видѣ, какъ онъ изображенъ на рис. 107. Это широкій коническій навѣсъ, въ видѣ колокола съ широкимъ основаніемъ, упирающійся по срединѣ на столбъ или балку. Чтобы нагляднѣе представить себѣ эту форму, я прошу припомнить тѣ шатры и палатки, которые устраиваются на гуляньяхъ для продажи вина и извѣстны въ народѣ подъ названіемъ колокола (*строс*). Такого рода верхи въ нашей рукописи встрѣчаются не рѣдко, только они изображаются большею частію схематически въ видѣ треугольника на плоскости, а потому не производятъ полного впечатлѣнія. Тѣмъ не менѣе мы видимъ ихъ на домахъ (40, 41 и друг.), на городскихъ башняхъ (45), на церквахъ (л. 19), на сѣняхъ или киворіяхъ. Я обращаю особенное вниманіе на эти послѣдніе, потому что по нимъ всего легче прослѣдить послѣдовательность въ развитіи этой формы и ея постепенный переходъ отъ сферической въ коническую и пирамидальную. Извѣстно, что киворіи составляли навѣсъ или шатеръ надъ престоломъ, надъ мѣстами для сидѣній, надъ ковчегами съ мощами и т. д. Въ нашей рукописи они фигурируютъ или въ этомъ значеніи надпрестольнаго шатра, или въ значеніи цѣлой церкви. Такъ мы встрѣчаемъ киворіи круглые, совершенно купольной формы (100, 102 и 123); далѣе круглые, сведенные остроконечно, въ родѣ луковицы (53, 54), и наконецъ чисто шатровые. Для этой послѣдней формы миниатюры нашей рукописи даютъ законченные образцы лишь въ зданіяхъ цѣльныхъ, а не въ киворіяхъ (напр., л. 17 и рис. 19); но этотъ пробѣлъ можно дополнить изъ другихъ источниковъ ближайшаго времени, напр., въ Хлудовской лицевой псалтири XIII—XIV в., изданной въ „Трудахъ московскаго Археологическаго Общества“, встрѣчаются рисунки сѣней съ ясно выраженнымъ шатровымъ верхомъ. Онѣ опираются на четырехъ столбикахъ, сведенныхъ арками; на аркѣ невысокая надстройка, изъ середины которой выдается пирамидальный, иногда покрытый чешуею шатеръ, на вершинѣ котораго крестъ съ украшеніемъ въ видѣ луны. Иногда этотъ шатеръ имѣеть треугольную схематическую форму и, очевидно, въ существѣ дѣла есть также пирамидальный шатеръ, представленный на плоскости въ одномъ очеркѣ. А отсюда естественный переходъ, что и въ нашей рукописи треугольныя покрытія представляютъ ту же упрощенную форму. Въ армянскихъ лицевыхъ рукописяхъ XIII и XIV вѣка пирамидальная форма покрытія также выработана со всею ясностію. Ссылаюсь на рисунки, снятые съ разныхъ армянскихъ рукописей и помѣщенные въ приложеніи къ статьѣ графа Уварова объ Эчмиадзинской библіотекѣ.

Въ заключеніе представлю образецъ такого же покрытія, примененнаго къ устройству цѣлой церкви. Въ Московской типографской библіотекѣ есть одинъ очень древній рукописный уставъ, студійской редакціи, отнесенный по письму покойнымъ И. И.

Срезневскимъ къ XI—XII вѣку. На поляхъ этой рукописи сдѣлано писцомъ нѣсколько рисунковъ, изъ которыхъ для нашей цѣли важно изображеніе церкви съ молящимся предъ нею человѣкомъ. (на л. 18). И вотъ въ какомъ видѣ изображено здѣсь это зданіе. Фасадъ четырехугольный, поднятый въ высоту, на него опирается крыша въ видѣ усѣченной пирамиды, основаніе которой не много выступаетъ за края фасада; стороны пирамиды обрисовываются продольными линиями. На шатрѣ показанъ барабанъ, который заканчивается конической покрывкою съ крестомъ надъ нею. Писецъ рукописи, конечно, не выдумалъ этого фасада, но пользовался или готовымъ образцомъ въ подлинникѣ, съ котораго списывалъ, или воспроизвелъ его, на основаніи существовавшихъ тогда и ему наглядно извѣстныхъ храмовыхъ построекъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ вытекаетъ несомнѣнно, что шатровая форма покрытія, въ приложеніи къ церквамъ, въ XI—XII вѣкѣ уже существовала, составляла живой архитектурный фактъ и засвидѣтельствована рядомъ изображеній въ нашихъ лицевыхъ памятникахъ. Одновременное существованіе ея въ греческихъ рукописяхъ, и нашихъ славянскихъ, и въ армянскихъ, показываетъ, что на востокъ въ то время она стояла уже на твердой почвѣ и не можетъ быть объясняема вліяніемъ западныхъ архитектурныхъ формъ.

Возвращаясь къ нашей рукописи, мы находимъ въ ней весьма важное упоминаніе о теремѣ. На основаніи извѣстія, передаваемого 2 Маккавейскою книгою (2. 4—5), рассказывается здѣсь, что пророкъ Іеремія передъ разрушеніемъ Іерусалима, по внушенію свыше, пришелъ въ одно мѣсто „и обрѣте домъ яко теремъ (теремъ) высокъ и скрылъ въ немъ святыню Іерусалимскаго храма, „двери же заада“ (т. е. задѣлалъ). Какъ представлялъ себѣ художникъ XIII—XIV вѣка теремъ—видно изъ приложеннаго къ этому мѣсту рисунка, гдѣ изображено на лѣвой сторонѣ зданіе въ видѣ башни съ расширеннымъ плоскимъ верхомъ, на которомъ выведена крыша шатромъ; шатеръ, благодаря схематичности рисунка, представляется треугольнымъ. Башня, приблизительно на $\frac{3}{4}$ высоты, имѣетъ довольно широкій фризъ или полосу. Справа, съ боку, видна полурастворенная дверь, къ которой Іеремія протягиваетъ руку. Передъ зданіемъ кивотъ завѣта, кадильный алтарь и другія принадлежности храмоваго культа, спасенныя въ этомъ убѣжищѣ. Вотъ снимокъ съ этого терема (см. лист. 1, № 1). Замѣчательно, что упоминаніе о теремѣ находится только въ текстѣ нашей рукописи; но въ греческомъ подлинникѣ дѣло излагается иначе, и рѣчь идетъ не о теремѣ высокомъ, а о *пещерѣ глубокой* — οἶκος ἀντρῶδης, — слѣдовательно какъ разъ на оборотъ. Καὶ εὗρον Ἰερεμίας—говорится въ греческомъ текстѣ Амартола, „οἶκον ἀντρῶδῆ εἰσένευχε τὸν κιβωτὸν καὶ τὸ θυσιαστήριον τῆ θυμιάματος καὶ τὴν θύραν ἀνέφραξε“ р. 17 в. Согласно съ греческимъ подлинникомъ читается это мѣсто и въ синодальномъ спискѣ лѣтовника Георгія Амартола (XIV в.), первая половина котораго не такъ давно издана Обществомъ Любителей древней письменности въ точномъ фотолитографическомъ снимкѣ. Здѣсь читается: „и обрѣте храмъ образомъ пещерскимъ“ (Изд. О. Л. Д. П. л. 100). При сравненіи этихъ текстовъ является вопросъ: что значитъ самое слово теремъ и какъ оно вяжется съ текстомъ Амартола? На какомъ основаніи въ нашемъ спискѣ Амартола этимъ словомъ передается современникамъ противоположное понятіе о пещерѣ? Что касается до филологической стороны, то слово теремъ очень древнее и употреблялось еще у классиковъ (Еврипида, Лукіана и друг.). У нихъ „τέρεμνον и τέραμνον“ употребляется въ значеніи горницы ἀνώγειον οὐρεῶον, т. е. помѣщенія въ верхнемъ этажѣ дома или плоской крыши и соотвѣтствуетъ нашему: *вышка*. Въ позднѣйшихъ лексиконахъ τέραμνα

переводится словомъ *tectum domorum*—крыша, палатка (*tentorium*), кивоть, шатерь. Къ сожалѣнію, этого слова нѣтъ у Дюканжа, и это отсутствіе показываетъ, что оно было малоупотребительно въ средневѣковой литературѣ, а если и употреблялось, то въ томъ же классическомъ значеніи, въ какомъ извѣстно и у древнихъ авторовъ, а потому не нуждалось въ объясненіи. О томъ, какое представленіе соединяли съ зданіемъ этого рода у насъ въ старину, отвѣтомъ можетъ служить употребленіе словъ теремъ и теремець въ смыслѣ техническаго архитектурнаго термина. Даниилъ Паломникъ и лѣтописцы употребляютъ слово теремець, уменьшительное отъ теремъ, въ значеніи шатра, сѣни, вообще небольшой надстройки въ видѣ палатки съ круглымъ или шатровымъ пирамидальнымъ верхомъ. Представьте себѣ древніе кіоты и сѣни надъ престоломъ—это будутъ формы аналогичныя съ древнимъ теремцемъ. Дѣлая отъ уменьшительной формы заключеніе къ полной, мы естественно должны представить себѣ теремъ съ сохраненіемъ тѣхъ же существенныхъ чертъ, т. е. какъ постройки въ видѣ зданія съ верхомъ. Паломникъ Даниилъ (писатъ XII в.), рассказывая о пещерѣ Гроба Господня въ Иерусалимѣ, говоритъ, что на верху ея „созданъ яко теремець красной на столбцѣхъ и вершень (вершина, верхъ) ему спертъ (сжать, сведенъ) кругло и серебряными чешуйками позлащенными покованъ, а на верху теремца стоитъ Христосъ, сдѣланъ серебрянъ, яко мужа вболѣе... суть же дверцы трой у теремца того... и тѣми дверцы входятъ люди ко Гробу Господню“ (Сказ. р. люд. 14). Даниилъ не рѣдко для уясненія архитектурныхъ подробностей, видѣнныхъ имъ на востокѣ, обращается къ нагляднымъ сравненіямъ съ тогдашними русскими строительными формами и съ тою же цѣлію употребляетъ и выраженіе теремець. Изъ его словъ выходитъ, что теремець былъ не что иное, какъ палатка или шатерь надъ пещерою Гроба, сведенный къ верху шатромъ или пирамидально, и на этомъ шатрѣ находилось литое изъ серебра изображеніе Спасителя. Въ указателѣ Строева къ выходамъ русскихъ царей приведено нѣсколько указаній на подробное же употребленіе слова теремець изъ лѣтописей. На основаніи этихъ и подобныхъ данныхъ, я прихожу къ тому заключенію, что словомъ „теремъ“ называлось помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ дома, устроенное въ видѣ столпа или башни съ шатровымъ верхомъ, и въ этомъ видѣ нашъ теремъ самъ собою родится и въ архитектурной и въ филологической формѣ съ нѣмецкимъ *Thurm*, латинскимъ *turgis*. И дѣйствительно, нашему терему соответствуетъ латинское *turgis* и греческое *πύργος* въ уменьшительной формѣ: *turricula* и *πυργίσκος*, которые значатъ кивоть, арка, шатерь, сѣнь.

Теперь второй вопросъ, на какомъ основаніи славянскій переводчикъ Амартола въ нашемъ спискѣ отступалъ отъ подлинника и передалъ греческое выраженіе — „ὄχιος αὐτρώδης“—словомъ „теремъ высокій“, какъ разъ на оборотъ прямому смыслу подлинника? На первый разъ подобный приѣмъ не оправдывается и со стороны логической, не говоря о произвольномъ отношеніи къ тексту. Къ пещерѣ или скалѣ цѣлесообразно обратиться, какъ къ потайному мѣсту, гдѣ можно скрыть отъ людскаго взгляда святыню и сохранить отъ похищенія сокровище. Но избрать для этого теремъ высокій, зданіе открытое, бросающееся въ глаза, и при этомъ сказать, что путь къ нему оказался потеряннымъ, — находится въ противорѣчій съ требованіями общаго смысла. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Переводчикъ Амартола, допустивъ отступленіе отъ буквы подлинника, оказался на высотѣ его смысла и что особенно важно—понялъ дѣло съ точки зрѣнія современныхъ ему бытовыхъ представленій. Извѣстно,

что какъ у византійцевъ, такъ и у славянъ домашнее добро и церковныя сокровища— такъ называемыя кузнь,—откуда происходитъ и наша казна, — хранились въ кладовыхъ, помѣщавшихся на верху дома. Такъ, церковная ризница хранилась на полатахъ или на хорахъ, куда вели крытые потайные ходы, до которыхъ не могли добраться люди не вполне знакомые съ устройствомъ церкви. Андрей Боголюбскій при построенной имъ великолѣпной церкви во Владимірѣ, по словамъ лѣтописи, поставилъ снаружи ея столпъ и покрылъ его позолотою. Говоря о пожарѣ, бывшемъ во Владимірѣ въ 1185 году, жертвою котораго сдѣлался „мало не весь городъ“ и потерпѣла соборная златоверхая церковь, лѣтописецъ упоминаетъ о теремѣ, изъ котораго выносили церковное имущество и говорить: „а изъ терема (выносили) книги, куны и паволоки и укси церковныя иже вешаху на праздникъ и до ссудъ (т. е. сосудовъ), имъ же нѣсть числа“ (1185 г.). Здѣсь подъ теремомъ лѣтописецъ имѣетъ въ виду вышеупомянутый имъ столпъ, давая этимъ за разъ понятъ и особенность его архитектурной структуры и назначеніе въ качествѣ церковной кладовой, т. е. ризницы.

Переводчикъ Амартола по нашей рукописи отправлялся отъ этого представленія, имѣвшаго полное практическое оправданіе въ тогдашнемъ бытѣ, и заставилъ Іеремію вмѣсто пещерной храмины помѣстить храмовую утварь въ „теремъ высокомъ“, куда тотъ, по его выраженію, „вносить“ церковное добро, т. е. поднимается съ нимъ на верхъ, какъ на полаты, на хоры и дверь этой башни заздаетъ, т. е. заградилъ, замкнулъ. Исходя отъ этой формы, дѣлается само собою понятнымъ, что теремъ не есть какая нибудь отличительная особенность русской архитектуры и не создана особыми условіями славяно-русскаго быта и культуры. Мы встрѣчаемъ намекъ на существованіе такихъ зданій у византійцевъ, хотя, къ сожалѣнію, должно сказать, что словоохотливые, когда дѣло касалось догматики и войнъ, они становились чрезвычайно скупыми въ вопросахъ бытоваго свойства и не оставили ни одного описанія своихъ жилыхъ построекъ и палатъ. Укажу два-три данныхъ, относящихся къ этому предмету. Объ Исаакѣ Ангелѣ (слѣд. XII в.) біографія рассказываетъ, что онъ велѣлъ устроить пиргъ или башню во Влахернскомъ дворцѣ для укрѣпленія послѣдняго и для помѣщенія себѣ (εις ἐνοικησίου ἑαυτοῦ). Такимъ образомъ пиргъ здѣсь употребленъ въ значеніи башни, а бы сказалъ терема, примыкавшаго къ палатамъ и назначеннаго для жилья (Cpl. Christ. lib II p., 131). Албертъ Ахенскій упоминаетъ о столпообразныхъ *turritae domus*“, которые въ большемъ числѣ были расположены по берегу залива въ предмѣстьи города. Подъ этими „*turritae domus*“, мнѣ кажется, всего естественнѣе разумѣть именно эти пирги или башни съ шатровымъ или пирамидальнымъ верхомъ, которые составляли одну изъ выдающихся частей въ постройкахъ этого рода. Наконецъ съ архитектурою жилыхъ помѣщеній у византійцевъ знакомитъ насъ видъ ипподрома и его окрестностей, помѣщенный у Бандури въ его *Imperium orientale*. Видъ этотъ представляетъ центральную часть Византіи и снятъ съ (ex antiqua Constantinopolis topographia) рисунка, сдѣланнаго въ XV в. еще до взятія Константинополя (Imp. Orient. II, p. 664). Слѣдить за архитектурными деталями по этому рисунку, конечно, нельзя, но онъ даетъ понятіе объ общемъ видѣ тогдашнихъ зданій и способѣ ихъ отдѣлки. Дома имѣютъ большею частію продолговатую форму и покрыты двухскатною крышею съ острымъ ребромъ, иногда крыша плоская, на которыхъ видны трубы. Входная дверь иногда помѣщается на боковомъ фасадѣ, иногда

со стороны фронтона, формы большею частью полукруглой, а иногда четырехугольной. Иныя зданія имѣютъ форму четырехугольныхъ башенъ съ пирамидальнымъ верхомъ, или круглыхъ съ коническою воршиною. И если это не башни на самомъ дѣлѣ, но особая пристройка около жилыхъ домовъ, то въ нихъ мы и будемъ имѣть образчикъ средневѣковыхъ византійскихъ теремовъ.

Еще болѣе извѣстно о пиргахъ или столпахъ въ архитектурѣ церковной. Самое раннее изъ извѣстныхъ мнѣ указаній этого рода находится въ біографіи Саввы освященнаго, написанной Кирилломъ Скиеопольскимъ и изданной Котельеромъ. Здѣсь рѣчь идетъ о пещерной церкви, устроенной этимъ подвижникомъ и замѣчательной въ археологическомъ отношеніи, какъ образчикъ приспособленія естественныхъ пещеръ къ устройству церкви. Она находилась на западномъ берегу потока, протекавшаго неподалеку отъ лавры, и представляла, говоря словами житія, просторную пещеру, подходившую своимъ устройствомъ къ церкви. Именно съ восточной ея стороны находился выступъ (κόχη), съ сѣверной стороны—отдѣленіе (δίκος), имѣющее видъ диаконика, съ юга — широкій входъ, достаточно освѣщаемый проникающими чрезъ него солнечными лучами. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь образчикъ какой нибудь троглодитской пещеры, обращенной, какъ и должно быть, устьемъ къ сторонѣ солнечной. „Украсивши съ Божіею помощію эту пещеру, онъ положилъ совершать въ ней по субботамъ и воскресеньямъ обычное правило“. Одно изъ приспособленій, введенныхъ св. Саввою въ это естественное пещерное помѣщеніе, состояло въ томъ, что онъ устроилъ надъ пещерою башню или πύργον, которая имѣла сообщеніе съ внутренностию пещеры посредствомъ потайнаго хода. Сюда, въ этотъ пиргъ, Савва уходилъ для одиночной молитвы и исполненія дневнаго правила. Въ византійскихъ церквахъ пирги также составляли явленіе обычное. Впрочемъ, ихъ не слѣдуетъ отождествлять съ западными башнями романскаго и готическаго стиля, которыя имѣли симметрическое расположеніе и фланкировали входъ въ зданіе. Въ византійской церковной архитектурѣ пирги или служили цѣлямъ обороны, какъ, напр., въ монастыряхъ аѳонскихъ, или устраивались надъ папертію церкви въ видѣ столба, и въ этомъ видѣ послужили основою для нашихъ позднѣйшихъ колоколенъ, т. е. получили вполнѣдствіи это назначеніе, а въ началѣ для этой цѣли служили звонницы. Въ одномъ греческомъ актѣ 1235 года, заключающемъ опись владѣній одного монастыря на горѣ Лембо, близъ Смирны, упоминается купольная церковь во имя мученика Пантелеймона, съ папертію (πρωάος) и съ башнею на верху ея ἢ καὶ ἄνωθεν πύργος. Въ другомъ документѣ такого же рода отъ 1232 г. значится: „передъ святымъ храмомъ преддверіе (πρότολον) (μετὰ πύργον). Такимъ образомъ подъ πύργος здѣсь разумѣется надстройка передъ входомъ въ церковь въ видѣ столба или башни. Впрочемъ, ближайшихъ, болѣе опредѣленныхъ указаній на эти церковные пирги, цитуемый нами документъ не представляетъ. Но во всякомъ случаѣ мы считаемъ эти указанія очень цѣнными и увѣрены, что при дальнейшей разработкѣ византійскихъ матеріаловъ, такихъ архитектурныхъ указаній найдется еще болѣе, и онѣ прольютъ новый свѣтъ въ область византійскаго церковнаго искусства,—область, еще такъ мало освѣщенную.

О миньятюрахъ греческаго Никомидійскаго евангелія (XIII в.) въ сравненіи съ миньятюрами евангелія Гелатскаго монастыря XI вѣка.

Н. Петрова.

Въ прошломъ 1880 году Церковно-Археологическое общество при Кіевской духовной Академіи, при моемъ посредствѣ, приобрѣло у Кіевскаго мѣщанина В. В. Добровольскаго за 200 р. серебромъ, греческое пергаминное евангеліе in 8°, на 325 листкахъ, купленное имъ у одного болгарина, привезшаго его изъ Никомидіи. Это евангеліе, относимое знатоками къ XIII вѣку, особенно замѣчательно четырьмя заставками и двадцатью миньятюрами, которыя, имѣя значеніе сами по себѣ какъ памятники византійской миньятюрной живописи даннаго времени, вмѣстѣ съ тѣмъ, проливаютъ значительный свѣтъ на характеръ и судьбы византійскаго искусства въ Россіи, и въ частности въ Кіевѣ, и на зарожденіе русскаго искусства подъ вліяніемъ византійскимъ. Въ Никомидійскомъ евангеліи мы нашли нѣсколько миньятюръ, весьма сходныхъ съ фресковыми изображеніями Кіево-Софійскаго собора (XI вѣка) и, обличающихъ допущенные при возстановленіи этихъ фресокъ пробѣлы и искаженіе ихъ.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ миньятюръ Никомидійскаго евангелія, мы имѣли здѣсь, въ Тифлисѣ, случай и возможность, благодаря любезности его сіятельства князя Сергѣя Никитича Трубецкаго, пересмотрѣть фотографическіе снимки съ миньятюръ грузинскаго пергаминнаго евангелія XI вѣка, которое хранится въ Гелатскомъ монастырѣ, Кутаисской губерніи, и при этомъ сразу увидѣли въ нихъ что то, какъ будто, уже знакомое намъ и родственное миньятюрамъ греческаго никомидійскаго евангелія, не смотря на то, что гелатское евангеліе писано по грузински и переписано грузиномъ. При болѣе близкомъ ознакомленіи съ миньятюрами послѣдняго евангелія мы пришли къ убѣжденію, что онѣ носятъ на себѣ яркую печать византійскаго происхожденія и характера, могутъ быть введены въ общій процессъ развитія византійской миньятюрной живописи и дѣйствительно имѣютъ родство съ миньятюрами греческаго никомидійскаго евангелія. Это родство, впрочемъ, далеко не такого рода, чтобы миньятюры одного евангелія можно было признать копіями миньятюръ другаго евангелія. Тѣ и другія въ большинствѣ случаевъ даже разнятся между собою въ количествѣ

миньютуръ, выборъ для нихъ сюжетовъ и въ частностяхъ сходныхъ миньютуръ. Но эти разности обобщаются и сближаются между собою въ историческомъ развитіи византійской миньютурной живописи. Но есть въ обоихъ евангеліяхъ и такія миньютуры, которыя представляютъ ближайшую аналогію другъ другу.

На этомъ основаніи мы можемъ утверждать, что никомидійское и гелатское евангеліе съ ихъ миньютурами представляетъ изъ себя лишь два потока, выходящіе изъ одного общаго византійскаго источника и направляющіеся въ различныя стороны, съ одной стороны къ Россіи и Киеву, съ другой—къ Кавказу и Грузіи.

Въ подтвержденіе нашей мысли, представимъ обзоръ нѣсколькихъ миньютуръ изъ того и другаго евангелія и въ заключеніе сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно значенія миньютуръ этихъ евангелій въ общемъ ходѣ развитія византійской миньютуры и взаимнаго отношенія миньютуръ этихъ евангелій.

Изъ миньютуръ греческаго никомидійскаго евангелія XIII вѣка особенный интересъ имѣютъ для насъ миньютуры, имѣющія отношенія къ фресковымъ изображеніямъ Киево-Софійскаго собора. Таковы особенно миньютуры: явленіе воскресшаго Спасителя двумъ мирноносцамъ, Распятіе и Воскресеніе Господне. При изученіи и описаніи ихъ мы пользовались частію указаніемъ евангельскаго текста, частію сличеніемъ съ другими доступными намъ соотвѣтствующими изображеніями. При сличеніи мы имѣли въ виду слѣдующія данныя: 1) *L'Évangile, Etudes iconographiques et archéologiques par Ch. Rogault de Fleury. Tours. 1874. 2 t.*; 2) „Древности“ графа Мих. Влад. Толстова,—неизданный альбомъ акварельныхъ его рисунковъ съ разныхъ предметовъ христіанской древности, въ девяти книгахъ, хранящійся въ церковно-археологическомъ музеѣ при Киевской дух. Академіи; 3) рисунки Ѡ. Солнцева съ мозаическихъ и фресковыхъ изображеній въ Киево-Софійскомъ соборѣ, помѣщенные въ изданіи: „Древности Россійскаго Государства. Киево-Софійскій соборъ“. С.-Петербургъ. 1873; 4) нигдѣ еще не изданные рисунки съ тѣхъ же фресокъ, сдѣланные священникомъ Киево-Рождественской церкви І. Р. Желтоножскимъ. Рисунки о. Желтоножскаго имѣютъ особенную важность потому, что они *большою частію* сняты при самомъ очищеніи Киево-Софійскихъ фресокъ отъ позднѣйшей штукатурки и слѣдовательно точнѣ воспроизводятъ подлинныя изображенія ихъ. Извѣстно, что фрески Киево-Софійскаго собора возстановлялись преименно тремя мастерами: Пѣшехоновымъ, монахомъ Иринархомъ и священникомъ Желтоножскимъ, изъ коихъ два первые устранены были отъ дѣла за неточность и производъ въ возстановленіи фресокъ. О. Желтоножскій началъ работу по возстановленію фресокъ еще подъ руководствомъ іеромонаха Иринарха и окончилъ ее въ качествѣ главнаго мастера, ¹⁾ слѣдов., онъ имѣлъ возможность снимать свои рисунки и дѣйствительно снималъ ихъ большою частію съ только что открытыхъ и не возстановленныхъ фресокъ, за исключеніемъ возстановленныхъ уже Пѣшехоновымъ. Что же касается рисунковъ Ѡ. Солнцева, изданныхъ въ „Древностяхъ“, то они сняты въ 1867 году по окончательномъ возстановленіи всѣхъ фресокъ и представляютъ изъ себя копіи реставрацій всѣхъ трехъ означенныхъ мастеровъ.

Обращаемся къ самымъ миньютурамъ никомидійскаго евангелія, имѣющимъ отношеніе къ фрескамъ Киево-Софійскаго собора.

¹⁾ См. „Возобновленіе Киево-Софійскаго собора“—протоіерей П. Г. Лебединцева, въ „Грудахъ Киев. Дух. Академіи“—за августъ и декабрь 1878 года.

1) л. 92 на оборотѣ, миньютюра на текстъ евангелія: „И се Іисусъ срѣте ея (Марію Магдалину и другую Марію), глаголя: радуйтеся. Онѣ же приступше, ястѣся за нозѣ его и поклонистѣся ему (Матѣ. гл. 28, ст. 9). Спаситель изображенъ между двумя скалами, съ распростертыми благословляющими руками надъ главами двухъ Марій, припадающихъ къ его стопамъ. По сторонамъ лика Спасителя—надпись Іс. Хр. Подобное изображеніе мы находимъ въ сирійской библии VI вѣка, гдѣ однако, двѣ припадающія мироносицы изображены рядомъ одна подлѣ другой ¹⁾).

Эта миньютюра имѣетъ ближайшее отношеніе къ одному изъ фресковыхъ изображеній въ Києво-Софійскомъ соборѣ. На рисункѣ о. Желтоножскаго, снятомъ съ этой фрески, сохранились только изображеніе Спасителя, не вполне уцѣлѣвшее, силуэтъ скалъ и съ правой стороны одна мироносица, припавшая къ ногамъ Спасителя, а лѣвая сторона фрески до того испортилась, что на ней не видно никакого изображенія человѣческой фигуры. Кажется, въ такомъ видѣ возстановлена была первоначально эта фреска и Пѣшехоновымъ, какъ можно заключать изъ слѣдующаго акта освидѣтельствованія ея въ ноябрѣ 1849 года. „3 ноября прибыли въ соборъ митрополитъ Филаретъ, преосвященный викарій, епископъ Чигиринскій Аполлинарій, и въ присутствіи членовъ комитета Скворцова, Ремезова, Сухобрусова и Иринарха, для удостовѣренія въ точности возстановленія фресокъ на иконѣ І. Христа, по воскресеніи явившагося Маріи Магдалинѣ, снято было вновь написанное изображеніе благословляющей руки Спасителя, и, по снятіи, оказались въ древней фрескѣ рука, простертая просто, безъ всякаго знака благословенія, какъ и должно быть по исторіи евангельской, а новое изображеніе благословляющей руки написано самовольно по рисунку мастера Пѣшехонова“ ²⁾). Здѣсь упоминается одна только Марія Магдалина. Но о. Иринархъ, замѣнившій Пѣшехонова, измѣнивъ положеніе руки спасителя, по всей вѣроятности прибавилъ на фрескѣ вторую и третью мироносицъ, должно быть, на основаніи евангелія Луки, гдѣ однако три мироносицы бесѣдуютъ только съ ангеломъ, а не Спасителемъ, и не припадаютъ къ его стопамъ. Возстановленная въ такомъ видѣ фреска изображена и на рисункѣ Ѳ. Солнцева въ „Древностяхъ Россійскаго Государства“. Очевидно, миньютюра Никомидійскаго евангелія всего ближе къ оригиналу фрески и можетъ служить какъ бы прототипомъ ея.

2) л. 316. Миньютюра, изображающая распятіе Господне, на текстъ: „Іисусъ же видѣвъ Матерь и ученика стояща, его же любяше, глагола матери своей: жено, се сынъ твой. Потомъ, глаголя ученику: се мати твоя“ (Іоан. гл. 19, ст. 26—27). Распятому Спасителю, изъ прободеннаго ребра и рукъ котораго струится кровь, предстоятъ Богоматерь, съ полупростертой къ Спасителю правой рукой, и евангелистъ Іоаннъ, склонившійся лицомъ на правую свою руку. Вверху креста, вмѣсто титла Пилатова, надпись Іс. Хр., надъ главою Богоматери Мῆρ Θῷ, а съ правой стороны лица Іоанна Богослова ἰ ἄϋ ὁ θεόλογος. За распятіемъ виднѣтся зданіе съ плоскою красною кровлею и тремя окнами.

Эта миньютюра имѣетъ довольно много параллелей съ другими соответствующими памятниками древняго христіанскаго искусства. Больше всего она имѣетъ сходства съ

¹⁾ L'Évangile Fleury, t. II, page XC. III.

²⁾ „Возобновленіе Києво-Соф. собора—П. Лебединцева, въ трудахъ Кіевской Дух. Академіи за августъ, 1878 г., стр. 386 387 и 391“.

металлическимъ изображеніемъ X вѣка, вывезеннымъ изъ Цареграда и находящимся теперь во Флоренціи, а также съ изображеніемъ распятія на мѣдныхъ Панталеоновыхъ вратахъ 1070 года, находящихся въ церкви св. Павла въ Римѣ ¹⁾. Разница только въ томъ, что на этихъ изображеніяхъ или вовсе нѣтъ зданія, или оно изображено въ другомъ видѣ. Въ такомъ же положеніи какъ на нашей миньютюрѣ, изображены Богоматерь и Іоаннъ Богословъ на мозаикѣ храма св. Марка въ Венеціи XI вѣка ²⁾ и на фрескѣ Кіево-Софійскаго собора; но на этихъ двухъ изображеніяхъ, кромѣ Богоматери и Богослова, предстоятъ распятому Спасителю и другія лица, между которыми рѣзко выдѣляются два воина Логгинъ, прободающій ребро Спасителя, и Кальпурній, напоющій его желчію и оцтомъ. Кромѣ того на Кіево-Софійской фрескѣ изображены по сторонамъ распятыя разбойники, какъ изображены они и въ сирійской библии VI вѣка, и на фрескѣ въ церкви св. Урбана въ Римѣ XI св. ³⁾. Не смотря, однако, на эти подробности Кіево-Софійской фрески, которыхъ нѣтъ на нашей миньютюрѣ, ихъ соединяетъ еще одна особенность, которыхъ мы не встрѣчаемъ на другихъ древнихъ изображеніяхъ распятія Господня. На рисункахъ священника І. Желтоножскаго и Θ. Солнцева, снятыхъ съ Кіево-Софійской фрески, позади распятія Спасителя и впереди двухъ распятыхъ разбойниковъ, какъ бы на половинѣ высоты распятія, видны слѣды какихъ то двухъ линий, подъ которыми замѣтно нѣсколько отверстій, въ родѣ оконъ. Миньютюра нашего евангелія показываетъ, что эти линии суть не что иное, какъ слѣды протяженія кровли зданія, съ двумя окнами подъ ней. Судя по рисунку о. Желтоножскаго и Θ. Солнцева, это зданіе изображено было на первоначальной Кіево-Софійской фрескѣ позади распятія Спасителя и впереди распятыхъ разбойниковъ. Такимъ образомъ первоначальная фреска Кіево-Софійскаго собора представляла изъ себя соединенія характерныхъ особенностей рисунка въ сирійской библии и фрески въ церкви св. Урбана, мозаики въ венеціанской церкви св. Марка и миньютюры никоидійскаго евангелія.

3) л. 319. Миньютюра, изображающая воскресеніе Спасителя. Воскресшій Спаситель стоитъ на холмѣ, опираясь стопами на двѣ половины адскихъ вратъ, сложенныхъ въ видѣ Андреевскаго креста. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ шестиконечный (а можетъ быть восьмиконечный) крестъ, а правую воздвигаетъ Адама, взявъ его за руку. На правой сторонѣ, кромѣ Адама, изображена стоящею праматерь Ева въ червленой одеждѣ; на лѣвой—два царя (Давидъ и Соломонъ) и позади ихъ Іоаннъ Предтеча; указывающій на Спасителя правую руку. Вверху, на золотомъ полѣ, надпись: ἡ ἀνάστασις.

Къ этой миньютюрѣ мы подыскали слѣдующія параллельныя изображенія. Въ греческомъ евангеліи XII вѣка, въ Ватиканской библиотекѣ. (Aginc LIX), есть изображеніе воскресенія Христова, на которомъ Спаситель изображенъ съ шестиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ, и лѣвою воздвигаетъ Адама падшаго ⁴⁾. Здѣсь сходство съ миньютюрой Никоидійскаго евангелія—только въ основномъ содержаніи и мотивѣ. Подробности же миньютюры нашего евангелія встрѣчаются на миньютюрѣ воскресенія Спасителя къ псалму „Да воскреснетъ Богъ“ въ греческой псалтирѣ X—XI вѣка, хранившейся на Аѳонѣ. На фотографическомъ снимкѣ Севастьянова съ этой миньютюрой,

1) „Древности“ графа М. В. Толстаго, кн. VI, №№ 3456 и 3455; см. L'Evangile, Fleury, t. II, p. LXXXVIII.

2) L'Evangile, Fleury, t. II, p. XC.

3) Тамъ же, т. II, табл. LXXXVII и LXXXIX.

4) „Древности“ графа М. В. Толстаго, кн. III, № 1941.

хранящемся въ церковно археологическомъ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи. Спаситель изображенъ также стоящимъ на холмѣ и опирающимся стопами на адскія врата, сложенные въ формѣ Андреевскаго креста, около которыхъ валяются замокъ, ключъ, петли и гвозди отъ адскихъ вратъ; также держитъ въ лѣвой рукѣ, шестиконечный крестъ, а правую простираетъ къ подъятію Адама; но самъ Адамъ, съ Евою, находится еще у самой подошвы холма и только лишь простираетъ свою руку къ Спасителю. Есть здѣсь и Іоаннъ Предтеча, въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и на миньютюрѣ никоидійскаго евангелія, съ надписью надъ главою его *ὁ ἀγ ἰω ὁ προδρόμος*. Но впереди Предтечи стоитъ сонмъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, а не цари, когорые изображены здѣсь на правой сторонѣ, въ сопровожденіи многихъ другихъ ветхозавѣтныхъ праотцевъ.—Весьма сходно съ нашей миньютурой и изображеніе воскресенія въ венеціанской библіотекѣ св. Марка, изданное у Fleury, безъ означенія вѣка, гдѣ Спаситель, стоя на верхушкахъ адовыхъ вратъ, съ восьмиконечнымъ крестомъ въ лѣвой рукѣ, правую воздвигаетъ Адама, за которымъ стоитъ Ева, въ такомъ же положеніи, какъ и на нашей миньютюрѣ; на лѣвой сторонѣ Іоаннъ Креститель, указывающій на Спасителя, царь и кто-то изъ праотцевъ. Этотъ послѣдній собственно и составляетъ болѣе замѣтное отличіе венеціанскаго изображенія отъ нашей миньютуры ¹⁾.

Но, что особенно для насъ важно и интересно,—миньютюра Никоидійскаго евангелія имѣетъ весьма близкое отношеніе къ фресковому изображенію воскресенія Спасителя въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Первоначально эта фреска возстановлена была Пѣшеховымъ, который изобразилъ на ней Спасителя съ большимъ семиконечнымъ крестомъ. „Въ октябрѣ 1849 года митрополитъ (Кіевскій) Филаретъ, при посѣщеніи Кіево-Софійскаго собора, замѣтилъ, что въ возобновленномъ на лѣвой сторонѣ собора изображеніи „изведеніе Іисусомъ Христомъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ изъ ада“ вновь написанъ яркими желтыми красками крестъ огромной величины, несообразный съ другими крестами, уцѣлѣвшими въ древнихъ фрескахъ; почему поручилъ членамъ комитета, учрежденнаго для возобновленія собора, кафедральному протоіерею Іоанну Скворцову, протоіереямъ Ремезову и Сухобрусову и соборному старцу іеромонаху Ирнарху негласно освидѣтельствовать со всею точностію, сообразенъ ли возобновленный крестъ съ уцѣлѣвшимъ въ томъ мѣстѣ древнимъ, и донести ему для его личнаго обозрѣнія. Вышепрописанные члены донесли, что они 31 октября освидѣтельствовали написанный Пѣшеховымъ большой семиконечный крестъ, изображенный въ рукѣ Спасителя, изводящаго ветхозавѣтныхъ праведниковъ изъ ада, и нашли слѣдующее: подъ крестомъ, написаннымъ одною желтою краской, обведеннымъ только по одному краю краской бѣлой, послѣ первой смывки оказался крестъ нѣсколько уже новый и обведенный черною чертой по всей своей длинѣ такъ, что одна сторона продольной части представлялась болѣе свѣтлою, а другая—болѣе темною. Средняя перекладина была короче, а нижняя значительно шире противъ смываго креста. Послѣ второй смывки оказалось, что всѣ поперечныя перекладины упраздняются, а остается только по длинѣ черной черты такое какъ бы древко, и поверхъ его, выше прежнихъ перекладинъ, особенная тонкая перекладина, прочерченная чѣмъ то ²⁾“. Единствен-

¹⁾ L'Evangile, Fleury, t. II, p. 266.

²⁾ „Возобновленіе Кіевско-Софійскаго собора“ П. Г. Лебединцева въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, за августъ, 1878 г., p. 386.

нымъ специалистомъ и душой комитета, свидѣтельствовавшаго работу Пѣшехова, былъ іеромонахъ Иринархъ. Хотя самый актъ освидѣтельствованія возстановленнаго Пѣшеховымъ креста показываетъ, что на мѣстѣ его были древніе слѣды, если не всего креста, то, по крайнѣй, мѣръ продольнаго древка отъ него однако о. Иринархъ, заступившій мѣсто Пѣшехова, совершенно уничтожилъ крестъ въ рукѣ Спасителя и, вмѣсто креста, далъ ему свернутую хартію, о древнихъ слѣдахъ которой ни слова не сказано въ актѣ. Въ такомъ видѣ лѣвая рука Спасителя изображена на рисункахъ о. Желтоножскаго и Θ. Солнцева. Но эти рисунки довольно разнятся между собою относительно другихъ частей фрески. На рисунокъ о. Желтоножскаго по лѣвую сторону Спасителя изображены два царя и за ними Предтеча, указывающій на Спасителя, а на правой сторонѣ видѣется только часть руки Адама, за которую держитъ его Спаситель, тогда какъ изображеніе самаго Адама и другихъ лицъ за нимъ совершенно утрачено. Этотъ рисунокъ о. Желтоножскаго съ сохранившихся частей фрески совершенно сходенъ съ отвѣтствующими частями миньютюры Никомидійскаго евангелія, за исключеніемъ свернутой хартіи въ лѣвой рукѣ Спасителя. Что же касается рисунка Θ. Солнцева, то онъ отличается отъ рисунка о. Желтоножскаго тѣмъ, что восполняетъ утраченную правую сторону фрески изображеніемъ самаго Адама, за нимъ—колѣнопреклоненной Евы, а за Евою—еще двухъ протцевъ или пророковъ ¹⁾).

Въ Гелатскомъ грузинскомъ евангеліи сохранилось не менѣе 40 миньютюръ; но мы имѣли подъ руками фотографическіе снимки только съ 36 миньютюръ. Не одна изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства по сюжету съ фресковыми изображеніями Кіево-Софійскаго собора; но за то большая часть миньютюръ гелатскаго евангелія имѣетъ сходство и родство частію съ миньютюрами и другими древними изображеніями, изданными у Fleury, частію съ миньютюрами греческаго Никомидійскаго евангелія XIII вѣка. Таковы, напр., миньютюры, изображающія Богоявленіе, искушеніе Спасителя въ пустынѣ, призваніе апостоловъ, исцѣленіе бѣсноватаго, исцѣленіе разслабленнаго, исцѣленіе слѣпцаго, воскрешеніе дочери Іаировой, хожденіе апостола Петра по водамъ, умноженіе хлѣбовъ, Преображеніе, Тайная вечеря, преданіе Спасителя, бичеваніе Спасителя, снятіе со креста, явленіе ангела двумъ мироносицамъ при гробѣ Господнемъ, Вознесеніе и др. Мы остановимся только на слѣдующихъ пяти миньютюрахъ: Богоявленіе, воскрешеніе дочери Іаировой, хожденіе апостола Петра по водамъ, исцѣленіе слѣпцаго и Вознесеніе. Первые три миньютюры находятъ себѣ параллели въ изданіи Fleury, а послѣднія двѣ, кромѣ того, имѣютъ сходство съ соотвѣтствующими миньютюрами Никомидійскаго евангелія.

1) „И бысть во онѣхъ днѣхъ, пріиде Исусъ отъ Назарета Галилейскаго, и крестися отъ Іоанна въ Іорданѣ. И абіе восходя отъ воды, видѣ разводящася небеса, и и Духа яко голубя сходяща на нь. И гласъ бысть съ небесе: Ты еси Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ“. (Марк. 1, 9—11). На миньютюрѣ гелатскаго евангелія это событіе изображено въ такомъ видѣ: въ срединѣ миньютюры—Спаситель, погруженный до главы въ воды Іордана, а надъ нимъ чуть замѣтенъ на снимкѣ Духъ святой, парящій въ видѣ голубя; направо стоитъ на берегу Предтеча, возложившій

¹⁾ Объ остальныхъ миньютюрахъ Никомидійскаго евангелія см. тамъ же, за май 1881 года, и въ 1 выпускѣ „Чтеній въ церковно-археологическомъ обществѣ при Кіевской Духовной Академіи“. Кіевъ, 1883.

на главу Спасителя правую руку свою; съ лѣвой стороны изображены два ангела, поклоняющіеся Спасителю и держащіе въ рукахъ одежды его, а за ангелами еще два лица съ нимбами вокругъ главъ, вѣроятно, ученики Христовы. Наиболѣе простую и элементарную форму этого изображенія представляютъ изображенія Богоявленія на саркофагѣ IV—V в. въ Латеранскомъ музеѣ и на миньютюрѣ сирійской бібліи VI вѣка, гдѣ изображены только Спаситель въ водахъ Иордана, Предтеча, возлагающій руку на Спасителя, рука Бога Отца, простертая изъ облака, и Духъ святой въ видѣ голубя. Но мало по малу эта первоначальная и простая форма изображенія Богоявленія осложняется изображеніемъ олицетвореннаго Иордана, отъ одного до трехъ ангеловъ съ одеждами и одного ученика Христова. На равеннской епископской каедрѣ VI вѣка, кромѣ вышеозначенныхъ главныхъ сюжетовъ, изображены также съ лѣвой стороны отъ Спасителя два ангела съ одеждами и внизу-лежащій олицетворенный Иорданъ. Но къ разсматриваемой миньютюрѣ гелатскаго евангелія ближе подходятъ миньютюры въ лиможскомъ миссалѣ XI вѣка въ Национальной Парижской бібліотекѣ, и въ Торжественникѣ Минервинской римской бібліотеки XII вѣка. На первой изъ нихъ слѣва изображенъ одинъ изъ учениковъ Христовыхъ, а на второй—два ангела съ одеждами ¹⁾. Гелатская миньютюра, опустивъ олицетвореніе Иордана, въ остальныхъ подробностяхъ является болѣе сложною, потому что, кромѣ основнаго сюжета Богоявленія, изображаетъ еще двухъ ангеловъ и двухъ учениковъ Христовыхъ.

2) Воскрешеніе дочери Іаировой. „Пришедъ же (Иисусъ) въ домъ, не остави ни единого внити, токмо Петра и Іоанна и Іакова, и отца отроковицы и матере... и емъ за руку ея, возгласи глаголя: отроковице востани. И возвратися духъ ея, и воскресе абіе“ (Лук. 8, 51—55). На гелатской миньютюрѣ къ этому тексту изображена внутренность дома и въ срединѣ его одръ, съ котораго Спаситель поднимаетъ за руку воскрешенную имъ дочь Іаира. За Спасителемъ, на правой сторонѣ миньютюры, стоятъ два ученика его, а на лѣвой сторонѣ — родители умершей отроковицы. Сюжетъ этотъ съ любовію разрабатывался въ древнехристианскомъ искусствѣ и въ довольно разнообразнымъ формахъ, начиная съ простаго изображенія Спасителя, Іаира и его дочери и оканчивая сложными сценами первоначальнаго обращенія Іаира къ Спасителю съ просьбою, встрѣчи Спасителя скорбящими супругами, оплакиванія умершей родственницами и знакомыми ея и самаго событія воскрешенія дочери Іаировой; но гелатская миньютюра по своему содержанию и составу ближе всего подходитъ къ барельефу IV вѣка въ Арльскомъ музеѣ, на которомъ изображены Спаситель, воздвигающій дочь Іаира, слѣва самъ Іаиръ съ женою и справа двѣ фигуры, вѣроятно, учениковъ Христовыхъ. Разница въ томъ только, что на Арльскомъ барельефѣ изображена еще припадающая къ стопамъ Спасителя женщина, вѣроятно, кровоточивая исцѣленная Спасителемъ по пути Его къ дому Іаира ²⁾.

3) Хожденіе апостола Петра по водамъ. „И видѣвше его ученицы по морю ходяща, смутишася глаголюще, яко призракъ есть, и отъ страха возопиша. Абіе же рече имъ Иисусъ глаголя: дерзайте, азъ есмь, не бойтесе. Отвѣщавъ же Петръ рече: Господи, аще ты еси, повели ми прійти къ тебѣ по водамъ. Онъ же рече: прійди. И излѣзъ изъ корабля Петръ, хождаше по водамъ, прійти ко Иисусови. Видя же вѣтръ

¹⁾ L'Evangile Fleury, t. I, tabl. XXXII—XXXV.

²⁾ Тамъ же, т. I, табл. XLIV—XLV.

крѣпокъ, убоися, и наченъ утопати, возопи глаголя: Господи, спаси мя. И абіе Иисусъ простеръ руку, ятъ его, и глагола ему: маловѣре, почто усумнился еси¹⁾, и проч. (Матѣ. 14, 26—31). На гелатской миньютюрѣ къ этому тексту евангелія изображено волнующееся море, слѣва часть корабля съ четырьмя учениками Христовыми, изъ коихъ передній наклонился и какъ будто собирается выльзть изъ корабля. Вѣроятно, это—апостоль Петръ. Въ срединѣ миньютюры тотъ же Петръ погрязаетъ въ морскихъ волнахъ, а справа Спаситель, ходящій по морю, беретъ утопающаго апостола Петра за руку. Весьма сходная съ гелатской миньютюра находится въ рукописи св. Григорія Назіанзина IX вѣка, съ тѣмъ только несущественнымъ отличіемъ, что на этой послѣдней миньютюрѣ сполна изображенъ корабль и на немъ 11-ть учениковъ Христовыхъ, кромѣ Петра, погружающагося въ море и спасаемаго Иисусомъ Христомъ¹⁾.

4) Исцѣленіе слѣпаго. „Плюну (І. Христось) на землю, и сотвори брение отъ плюновения, и помаза очи брениемъ слѣпому“ (Іоан. 9, 6). На гелатской миньютюрѣ къ этому тексту въ срединѣ изображенъ Спаситель, помазывающій брениемъ очи слѣпому. Справа, за Спасителемъ, стоятъ три ученика его, а слѣва, при входѣ въ какое-то зданіе, еще фигура челоуѣка, но, повидимому, не ученика Христова, а какого-либо фарисея или книжника. Древнѣйшее изображеніе этого событія на равеннскомъ слоновомъ скульптурномъ изображеніи V вѣка представленъ только І. Христось, держащій въ лѣвой рукѣ крестъ, а правой помазывающій очи слѣпому. Гелатская миньютюра ближе подходитъ къ мозаическому изображенію въ равеннскомъ храмѣ св. Аполлинарія VI вѣка, — гдѣ по сторонамъ Спасителя, помазывающаго очи слѣпому, стоятъ два ученика Христовы. Миньютюра эта сходна отчасти съ соотвѣтствующей миньютюрой Никомедійскаго евангелія, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ въ этой послѣдней, что на ней изображенъ и послѣдующій моментъ этого чуда, т. е. умовеніе слѣпаго въ купели Силоамской. Эти два момента изображаемаго чуда представлены также въ греческой рукописи IX вѣка, на мозаикѣ въ венеціанскомъ храмѣ св. Марка и въ пизанской рукописи XII вѣка²⁾.

5) Вознесеніе Господне. Событіе это описано евангелистами Маркомъ (гл. 16, ст. 19) и Лукой (гл. 24, ст. 50—51). Но миньютюра гелатскаго евангелія, изображающая это событіе, ближе подходитъ къ тексту книги Дѣяній св. апостоль: „И сія рекъ (І. Христось),—сказано здѣсь,—зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ его отъ очію ихъ. И егда взирающе бяху на небо, идущу ему, и се мужа два стаа предъ ними во одежди бѣлѣ, иже и рекоста: „мужіе галилейсти, что стоите зряще на небо? Сей Иисусъ, вознесшійся отъ васъ на небо такожде пріидеть, имже образомъ видѣсте его идуща на небо“ (Дѣян. 1, 9—11). На гелатской миньютюрѣ вверху изображенъ возносящійся Спаситель, въ овальномъ кругѣ, поддерживаемомъ четырьмя ангелами. Внизу, въ срединѣ, Богоматерь съ распростертыми и воздѣтыми вверхъ руками, по сторонамъ ея два ангелами съ жезлами, а за ангелами — апостолы, но не всѣ, а столько, сколько могло ихъ умѣститься на миньютюрѣ. Наибольшее сходство имѣетъ настоящая миньютюра съ изображеніями Вознесенія Господня въ сирійской библии VI

1) Тамъ же, т. II, табл. LIV.

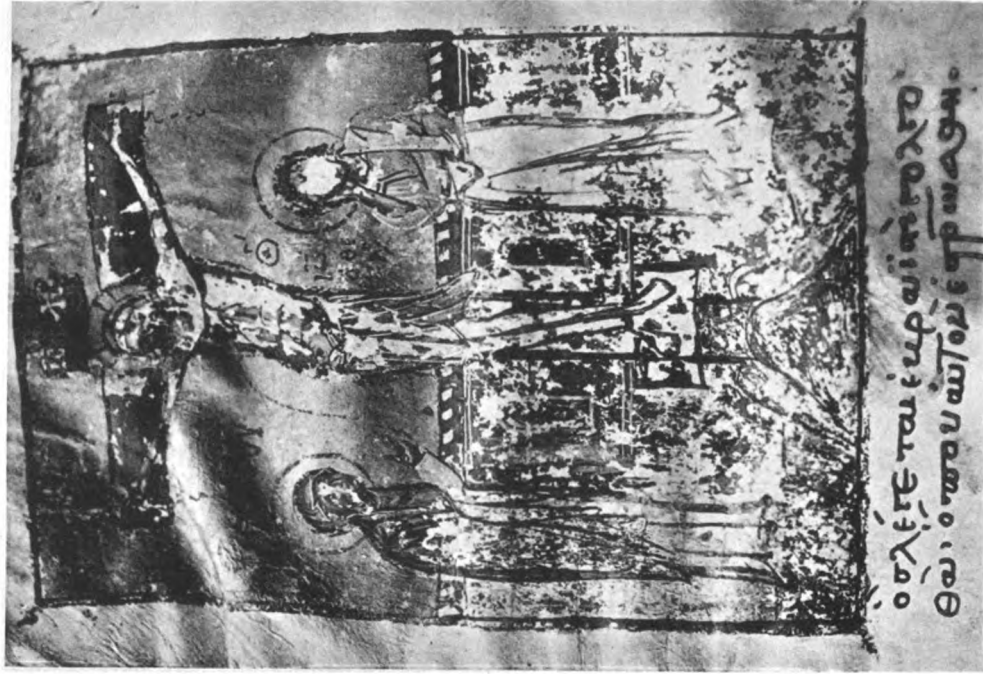
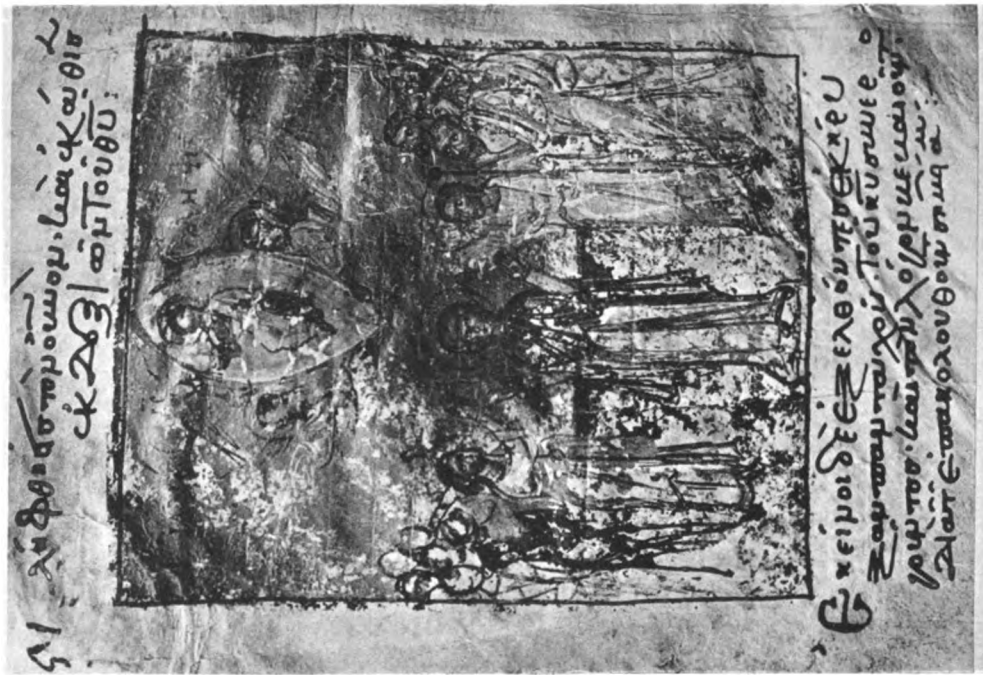
2) Тамъ же, т. II, табл. LIX—LX.

вѣка и Вердунскомъ Сакроментаріѣ XI вѣка ¹⁾). Она весьма сходна также и съ миниатюрой греческаго Никомедійскаго евангелія XIII вѣка, съ самыми незначительными отличіями въ нѣкоторыхъ подробностяхъ: на миниатюрѣ Никомедійскаго евангелія изображены всѣ дванадцать апостоловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что сходство миниатюрныхъ изображеній въ разныхъ рукописяхъ и особенно въ евангеліяхъ отчасти обусловливалось самымъ содержаніемъ того евангельскаго текста, къ которому относится извѣстная миниатюра. Но нельзя отрицать и участія художественнаго преданія въ установленіи опредѣленныхъ типовъ миниатюрныхъ изображеній евангельскихъ событій. Особенно это нужно сказать о такихъ евангельскихъ миниатюрахъ, которыя, не имѣя въ подробностяхъ полного соответствія съ евангельскимъ текстомъ, къ коему относятся, тѣмъ не менѣе съ замѣчательною точностію повторяются въ разныхъ евангеліяхъ и рукописяхъ и вообще на разныхъ памятникахъ древне-христіанскаго искусства. Установленіе живописныхъ типовъ миниатюръ восходитъ еще къ первымъ вѣкамъ христіанства (къ III вѣку) и захватываетъ еще собою область античныхъ преданій, отразившихся въ миниатюрной живописи олицетвореніями рѣкъ и другихъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ предметовъ. Дальнѣйшее же развитіе этихъ типовъ совершалось двоякимъ путемъ, именно: путемъ постепенной утраты античныхъ преданій и путемъ осложненія первоначальныхъ простыхъ и несложныхъ сюжетовъ новыми подробностями и даже цѣлыми сценами, хотя и въ ущербъ внутреннему достоинству своему. Въ этомъ отношеніи миниатюры гелатскаго и Никомидійскаго евангелій, относясь одинаково съ сравнительно позднему времени развитія византійской миниатюры, ко времени упадка ея, все же таки занимаютъ нѣсколько различныя ступени въ историческомъ процессѣ развитія или, лучше разложенія византійской миниатюры. Миниатюры гелатскаго евангелія XI вѣка менѣе сложны по своему составу и, на сколько можно судить по фотографическимъ снимкамъ, болѣе художественно выполнены, чѣмъ миниатюры Никомидійскаго евангелія. Но каково бы ни было ихъ внутреннее достоинство, тѣ и другія имѣютъ для насъ особенную важность потому, что относятся, по своему выполненію, къ первымъ временамъ перехода византійскаго церковнаго искусства въ Россію и Грузію и вліянія его на зарожденіе національнаго русскаго и грузинскаго церковнаго искусства.

Что касается миниатюръ Никомидійскаго евангелія, то изъ обзора нѣкоторыхъ изъ нихъ мы видѣли, что онѣ имѣютъ сходство съ фресковыми и мозаическими изображениями Кіево-Софійскаго собора XI вѣка. Вслѣдствіе этого, миниатюры Никомидійскаго евангелія, имѣя общій церковно-археологическій интересъ, получаютъ особенное мѣстное значеніе для Кіева, при объясненіи его христіанскихъ древностей. Эти миниатюры показываютъ: 1) что фрески Кіево-Софійскаго собора *въ общемъ своемъ составѣ и видѣ* дѣйствительно принадлежатъ къ первымъ временамъ христіанства въ Россіи и до нынѣшняго вѣка удержали свой подлинный характеръ; 2) что онѣ писаны византійскими художниками на основаніи выработанныхъ и болѣе или менѣе твердо установившихся живописныхъ типовъ, на подобіе иконописныхъ подлинниковъ; 3) что нѣкоторыя Кіево-Софійскія фрески не дошли до насъ въ цѣломъ видѣ и мѣстами испортились; 4) что нѣкоторые изъ позднѣйшихъ реставраторовъ Кіево-Софійскихъ фресокъ, возстановляя ихъ и восполняя недостающее по своимъ соображеніямъ, допускали

¹⁾ Тамъ же, т. II, табл. ХCVIII—С.

Фиг. 17. Гелатский Евангелий.

МИНИАТЮРЫ НИКОМЕДІЙСКАГО ЕВАНГЕЛІЯ.

ГЕЛАТСКАГО ЕВАНГЕЛІЯ.

иногда погрѣшности, и 5) что надлежащее строго научное изслѣдованіе Кіево-Софійскихъ фресокъ возможно только при помощи византійскихъ источниковъ и пособій, въ родѣ миньятюръ Никомидійскаго евангелія.

Но имѣютъ ли миньятюры гелатскаго евангелія какое-либо значеніе для развитія и изученія грузинскаго церковнаго искусства,—этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, могутъ рѣшить только мѣстные грузинскіе ученые. (Смотри табл.).

Списокъ Грузинскихъ памятниковъ находящихся въ Кіевѣ.

Студента Кіев. Дух. Академіи Давида Аладова.

Главное Управленіе намѣстника Кавказскаго поручило мнѣ: 1) осмотрѣть библіотеки Кіевскаго университета, Кіевской Духовной Академіи, Кіево-Печерской Лавры и Кіево-Софійскаго собора, и буде въ нихъ окажутся на грузинскомъ языкѣ какіе либо историческіе письменные и печатные памятники, имѣющіе интересъ для исторіи Грузіи и Грузинской церкви, снять съ письменныхъ памятниковъ копии, а изъ печатныхъ сдѣлать краткое извлеченіе ихъ содержанія; 2) сдѣлать снимки съ надписей на церковныхъ облаченіяхъ и иконахъ, если таковыя найдутся; 3) снять копии съ приписокъ церковныхъ и другихъ Грузинскихъ книгъ; 4) собрать свѣдѣнія о рѣдкихъ сочиненіяхъ на русскомъ и иностранномъ языкахъ относительно исторіи Грузіи.

По тщательномъ осмотрѣніи ризницъ и библіотекъ Кіево-Печерской Лавры, Кіево-Софійскаго собора, библіотекъ Кіевскаго университета и Духовной Академіи и музея, находящагося при послѣдней, честь имѣю представить на благоусмотрѣніе Тифлискаго Археологическаго съѣзда слѣдующее:

I. Въ ризницѣ Кіево-Печерской Лавры имѣются: 1) Митра, принадлежавшая католикосу Имеретинскому и Абхазскому Максиму. Въ описи ризницы 1803 года подъ № 25 въ графѣ „чьего владыка“ значится: „католикоса Преосв. Максима, скончавшагося въ Кіево-Печерской Лаврѣ“. Самое описаніе митры гласитъ: „Митра на Красномъ бархатѣ золотомъ и жемчугомъ, шитая, на которой штучекъ финифтевыхъ четыре ¹⁾ съ изображеніемъ на первой Воскресенія Христова, на второй Богоматери съ Младенцемъ Христомъ, на третьей Іоанна Предтечи, а на четвертой Святаго Евангелиста Іоанна Богослова; все вокругъ обложено простыми бѣлыми и зелеными стекольцами, посреди оныхъ на финифтахъ ²⁾ изображены четыре херувима, на коихъ вѣнцы крупнымъ жемчугомъ, а крылья мелкимъ жемчугомъ же вынизаны. Внизу поясъ золотого газу, весь унизанъ разнымъ жемчугомъ. Вокругъ него золотыхъ стеколецъ восемнадцать; повыше

¹⁾ Дробницы эти не финифтяныя, а фарфоровыя, какъ ясно видно на табл. Зам. Редакціи.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить то же, что сказано выше.

коего другой съ коронками поясъ вынизанъ весь жемчугомъ съ блесками. На верху митры бляшка серебрянная, вызолоченная, на коей поясокъ весь обложенъ бѣлыми стекольцами. Крестъ на ней серебрянный, въ коемъ вдѣланы таковыя же бѣлыя стекольца“. См. табл.

2) Антиминсъ, оставшійся отъ Максима. На верхней сторонѣ антиминса напечатано славянскими буквами: „Сій антиминсъ, сіестъ трапеза священная на приношеніе безкровныя въ Божественной литургіи освятися благодатію Пресвятаго и Животворящаго Духа. Сего ради имѣеть власть священнодѣйствовать во храмѣ“. А внизу имѣется слѣдующая грузинская надпись: „ბჰანუბთია უკეთილმსახურებისა უთუთიმურადკლესისა დადისა ხელ მწიგისა ჩვენისა იმპერატორისა ეკატერინე ალექსიევნასა სრულიად რუსეთისა, და კუთობეკეთია უწმინდესისა შინათუბელისა სინადისა, იკუთობა უსამღყოფელისა დიანისი ტფილისის მიტროპოლიტისამიერ თაჟადის ამილახვარისათა. წელსა სოფლის შექმნისსა ხსუგ, შაბიღვან ქრისტესსა ჩღაზ ინდიტანს ა, თუგს იანგარს დღეს ზ.“ (По указу благочестивѣйшія Самодержавнѣйшія Великія Государыни нашей императрицы Екатерины Алексіевны всея Россіи и благословеніемъ святѣйшаго правительствующаго Синода, освященъ преосвященнымъ Афанасіемъ, Митрополитомъ Тифлискимъ, княземъ Ашилохваровымъ. Отъ сотворенія міра 7276 года, отъ рожденія Христова 1768, индикта 1, января 2 дня.

II. Въ ризницѣ Кіево-Софійскаго собора хранится патріаршій омофоръ, присланный грузинскимъ царемъ Арчиломъ и супругой его Кетеваной въ даръ Московскому Успенскому собору. О томъ, какъ омофоръ сей попалъ въ Кіевъ, Евгений извѣстный митрополитъ Кіевскій, въ своемъ „описаніи Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи“ говоритъ: „когда и по какому случаю омофоръ сей принесенъ въ Кіевъ—неизвѣстно, а вѣроятно патріархомъ пожертвованъ онъ митрополиту Гедeonу“. Омофоръ состоитъ, какъ это можно видѣть изъ фотографическихъ снимковъ, изъ вышитыхъ по золотому полю изображенія двѣнадцати большихъ праздниковъ, а именно: на одной половинѣ: 1) Воскресеніе Лазаря, 2) Входъ І. Христа въ Іерусалимъ; 3) Распятіе; 4) Воскресеніе Христово; 5) Вознесеніе; 6) Сошествіе св. духа на апостоловъ. На другой половинѣ: 7) Преображеніе; 8) Снятіе Спасителя со креста и положеніе во гробъ; 9) Крещеніе; 10) Срѣтеніе; 11) Рождество Христово; 12) Благовѣщеніе. На первой половинѣ, подъ изображеніемъ Сошествія Св. Духа на апостоловъ, выткано на червленомъ полукругѣ изображеніе царя Ираклія въ царскомъ одѣяннѣ съ короною на головѣ, держащаго въ обѣихъ рукахъ бѣлую свернутую пелену на подобіе гирлянды. ¹⁾ Надъ каждымъ изображеніемъ выткано названіе праздника арабскими а внизу греческими словами. По концамъ омофора, оканчивающагося двумя небольшими сѣтками изъ серебра, золота и жемчуга, имѣются слѣдующія червлеными буквами вытканныя надписи на Грузинскомъ языкѣ, надпись перваго конца: ზმბრწყინკალნა: და უღ სტრღნა: უფღნა წღნა მახკვისა: და: უღსა ჩრღლოეთის: ზტრღჩნა მგვსხნისი: ჩნ: ცღღნი: რღთა: შემკსწარეთი: წინ ღინ მშღლის: ტაძრსა რმიგრნი: ესე: ქვის: ტათ: ტატ. ქვს: ტუთი. (Святѣйшіе и блаженнѣйшіе патріархи Москвы и всего сѣвера, помяните насъ грѣшныхъ, принесшихъ храму святыя Богородицы омофоръ сей. 1691 г. (въ описи стоитъ 1611 г.). На другомъ концѣ написано, ღინ: მშღლო: ქნა მშმ არა თუ: მსკვისა: ჩრღლოთისა:

¹⁾ Не есть ли это скорѣй изображеніе Космоса? Зам. Редакціи.

ქუენის მტრულა: აღ უის სჯლის მტრულა იეს ძის შის ღთღ: თუენის: მცმლოთ: მსტრულა: ნუ გკრცხნ ღლსა მას გნკიოხესსა: მნთა შთა მტს ანჩილს: და ღჭლს ქოევენს და მთა ჩნთა. (Богородице Дѣво Маріе, не одной Москвы и всего сѣвера, но и всего міра Покровительнице, поклоняющимися Богу сыну твоему величаемая, не осуди въ день страшнаго суда насъ—рабовъ твоихъ царя Арчила, царицу Кетевану и дѣтей нашихъ).

III. Въ Музѣе при Кіевской Духовной Академіи хранятся слѣдующіе предметы:

1) Грузинская архіерейская палица, вся шитая изъ парчи, золота и серебра. На золотомъ полѣ вышито двѣнадцать священныхъ изображеній: у корня дерева изображенъ Іесей. По прямой вѣтви отъ корня (отъ нижняго угла палицы до верхняго) расположены изображенія царей—Давида и Соломона (оба въ вѣнцахъ), Пр. Богородицы и Іисуса Христа. Направо и налево отъ этой главной вѣтви расположены по четыре изображенія по два ветхозавѣтной и новозавѣтной церкви. Кромѣ Іисуса Христа и Пречистой его матери и Іесея (послѣдній изображенъ усопшимъ) всѣ держатъ по развернотому свитку, одни—въ правой, а другіе—въ лѣвой рукѣ. Ветхозавѣтные праведники изображены съ шапочками на главахъ, изъ новозавѣтныхъ святыхъ можно узнать по лику апостола Петра. По угламъ палицы вышиты символы четырехъ Евангелистовъ: Телець, Ангель, Левъ и Орель. Вокругъ палицы вышиты червлеными церковно-грузинскими буквами слѣдующая надпись: «ქ ჩვენ ანაგვის ერისთვის რეკაზის ახულისა და ბატონის შვილის ლუიანბის შემკვიდრემ, ბატონმა მარიაშ შვეკვერტინე ენქერნი ესე სულისა ჩვენისა სახსად და შვილითა ჩვენთა საღვგებამლოთი.» (Мы, дочь арагвскаго Эриваста Реваза и супруга царевича Дуарсаба, царевна Марія, приказала вышить палицу сію, души нашей во спасеніе и дѣтей нашихъ во здравіе. (См. табл.).

Палица эта прислана въ церковно археологическій музей въ 1876 году ректоромъ Иркутской духовной семинаріи архимандритомъ Модестомъ, который писалъ, что „когда св. епископъ Иннокентій Кульчинскій отправился въ Китай, велѣно было выдать ему ризницу грузинскаго архіерея, умершаго въ Россіи“. Изъ этой ризницы палица какимъ то образомъ попала въ посольскій Спасо-Преображенскій монастырь. По просьбѣ архимандрита Модеста, палица уступлена церковно-археологическому музею при Кіевской Духовной Академіи преосвященнымъ Мартиніаномъ, епископомъ Селенгинскимъ, викаріемъ Иркутскимъ.

2) Иконы Муравьевской коллекціи музея:

а) Остатокъ древнихъ святцевъ синайскихъ, за декабрь писанныхъ на деревѣ, съ двойными надписями греческими и церковно-грузинскими. (Икона эта была спасена отъ огня, которому предназначалась, однимъ русскимъ богомольцемъ). Самъ Муравьевъ относитъ святцы къ X—XI в.

б) Икона Иверской Божіей матери, въ серебряномъ окладѣ, съ архангелами, Михаиломъ и Гавріиломъ; она, по мнѣнію Муравьева, который приобрѣлъ ее въ Иверской Лаврѣ на Аѳонѣ, едва ли не грузинскаго письма. Муравьевъ относитъ ее къ XIV в.

в) Древняя небольшая греческаго письма икона Антонія Великаго, изящной кисти, приобретенная Муравьевымъ въ пещерной церкви „Натлисъ Миемели“¹⁾. На свиткѣ,

¹⁾ Иоанно-Крестительскій монастырь, въ 25 верстахъ отъ Тифлиса.

который держитъ въ рукѣ преподобный, начертано одно изъ его посланій на греческомъ языкѣ. Перстосложеніе правой руки его именованное. Въ футлярѣ иконы есть собственноручная записка Московскаго митрополита Филарета, которая гласитъ: „икона сія принесена изъ Грузіи въ 1847 году Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ и, послѣ меня, опять ему принадлежитъ, Ф. М. Московскій. Мар. 31 1848“. Выше этой записки—помѣтка самого Муравьева, который относитъ этотъ образъ къ VII вѣку. Но въ печатномъ „описаніи предметовъ древности и святыни“, собранныхъ имъ (Муравьевымъ) онъ предположительно относитъ этотъ образъ къ IX вѣку.

г) Икона великомученика Георгія, греческаго письма, въ серебряномъ окладѣ, изъ *царственной* обители Шуамта, ¹⁾ не такъ древняя и изящна, какъ образъ великаго Антонія. По предположенію Муравьева, она принадлежала царямъ Кахетинскимъ; подарена Муравьеву въ 1847 году бывшимъ экзархомъ Грузіи митрополитомъ Исидоромъ. Вънецъ кругомъ лика и правая рука обложены серебромъ. Въ рукописномъ описаніи своемъ путешественникъ по святымъ мѣстамъ относитъ эту икону къ IX—X вѣку.

д) Серебряная бляха съ изображеніемъ св. великомученика Георгія на конѣ, поражающаго копьемъ змія, изъ древней разрушенной уже христіанской церкви построенной въ XII в. въ Дигоріи, у аула, „Цей“ бляха поступила въ музей отъ профессора Кіев. университета В. Б. Антоновича.

е) Небольшая икона св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, съ крестомъ изъ виноградныхъ лозъ, списана съ древняго евангелія, хранящагося въ Сіонскомъ соборѣ Тифлиса. ²⁾

ж) Мраморный крестъ, изсѣченный изъ обломковъ престола древней закубанской церкви, присланный въ 1851 году А. Н. Муравьеву черкесскимъ султаномъ Кази-Гиреемъ, въ память его крещенія, когда онъ обратился въ христіанство, какъ это значится на оборотѣ креста.

з) Ликъ Нерсеса благодатнаго, католикоса всѣхъ армянъ, полученный отъ патриарха армянскаго Нерсеса V, съ надписью послѣдняго на оборотѣ, сдѣланнаго въ февралѣ 1884 года.

и) Большая икона всѣхъ святыхъ грузинскихъ святителей, царей, мучениковъ и преподобныхъ, собранныхъ вокругъ надгробнаго столба Сидонія, почиющей съ хитомъ Господнимъ въ рукахъ, составлена по указанію самаго Муравьева. Образцомъ для составленія этой иконы послужила икона всѣхъ святыхъ Новгородскихъ, написанныхъ въ новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ и принадлежавшая графини Орловой-Чесменской.

і) Серебряная армянская дароносица, съ армянскою надписью на крышкѣ вокругъ основанія крестика—„Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра“ и обозначеніемъ *1173 года* ³⁾. Она поступила въ музей въ 1880 году отъ священника селенія Шибенаго, Кіевскаго уѣзда, К. Мировича. (См. табл).

IV) Въ библиотекѣ церковно-археологическаго музея: одновременно поступили:

1) Письмо, на русскомъ языкѣ, вдовствующей супруги грузинскаго царя Бакара,

¹⁾ Шуамтинскій монастырь, въ 8 верстахъ отъ Телова.

²⁾ Всѣ эти, въ высшей степени, интересныя иконы, не удалось къ несчастію снять ни фотографическимъ ни какимъ либо инымъ способомъ. Зам. Редаціи.

³⁾ Прибавляя по армянскому счисленію 551 г. получится 1724 г. Зам. Редаціи.

Анны, къ Нижегородскому епископу Веніамину, 1751 г., съ собственноручною подписью по грузински.

Вотъ это письмо:

„Преосвященнѣйшій Владыко!

„Вашему Преосвященству по прибытію своему въ Москву долго продолжительно благодарить и покорно просить вашего преосвященства съ дѣтьми моими благословенія не удостоилась, чему воспрепятствовала самая законная мнѣ радостная недоступность. Къ прибытію нашему въ Москву даровалъ мнѣ Богъ внуку, князю Дарію. Нынѣ же вашего преосвященства за оказанное въ пребываніе мое съ фамиліей въ Нижнемъ покорнѣйшую приношу мою благодарность. Съ грядущимъ же торжественнымъ праздникомъ Рождества Спасителя нашего и новаго года униженно поздравляю и ревностно желаю слѣдующіе праздники вашему преосвященству препроводить въ свято-благополучно радостномъ должайшихъ лѣтъ пребываніи. Я же какъ и есмь со всегдашнимъ моимъ благодареніемъ и съ покорнѣйшимъ и съ дѣтьми моими вашего преосвященства благословенія пребуду

вашего преосвященства охотная ко услугамъ покойнаго царевича грузинскаго Бакара, вдовствующая княгиня Анна ჰბაგბ ზბ ჯბოგგა.

25 дек. 1751 г.

Москва

Письмо это поступило въ музей отъ профессора Кіевской Духовной Академіи С. М. Сонвекаго, изъ бібліотеки покойнаго профессора той же Академіи К. И. Скворцова.

2) Черновой переводъ съ грузинскаго предисловія къ изданію бібліи на грузинскомъ языкѣ въ 1743 году, заключающій въ себѣ исторію исправленія и изданія грузинской бібліи, написанъ рукою Евгенія, митрополита Кіевскаго. Переводъ: „Во славу Св. Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы Отца и Сына и Св. Духа во время благочестивѣйшія и пресвѣтлѣйшія Императрицы и Самодержицы всея Россіи Елизаветы Петровны и при наслѣдникѣ Ея Великомъ Князѣ Петрѣ Феодоровичѣ по тщаніемъ и по стараніемъ напечатали мы Давидовъ, Соломоновъ, Багратіоновъ, Царя Вахтанга Леоновича, сынъ Бакаръ, сію душеспасительную книгу священную біблію. Понеже прежде всякимъ усердіемъ хотя блаженныя памяти Царь Арчиоъ ошибочное въ оной бібліи исправилъ и собралъ, потому что въ нашей землѣ въ то время не найдено цѣлой бібліи, которую Св. Отцы перевели, а нѣкоторыя книги изъ бібліи пропали, какъ то Иисусъ Сирахъ и Маккавейскія, а которыя и найдены и то отъ переписчиковъ всѣ испорчены и смѣшаны главы и стихи. Но Царь Арчилъ все то собралъ и исправилъ и недостававшее перевелъ по своей возможности и также блаженныя памяти Отецъ Нашъ Царь Вахтангъ хотѣлъ въ столичномъ своемъ городѣ Тифлисѣ напечатать и призвалъ изъ Валахіи типографщика и завели типографію и трудомъ и усердіемъ привелъ въ совершенство все нужное для типографіи и нѣкоторыя пророческія книги въ Грузіи напечаталъ, но отъ времени и случая сей трудъ остался недоконченнымъ и въ то время изъ нашего отечества пріѣхали мы въ великое государство, въ Россію 1724 года, въ царствованіе вел. Государя Императора Петра

Алексѣевича, въ царствующій городъ Москву. По прошествіи нѣкотораго времени разсматривалъ труды двухъ тѣхъ царей Арчила и Вахтанга и ихъ усердіе къ напечатанію библіи недовершенное возжелалъ и я, яко елень на источники водные слѣдовать имъ въ семь трудъ, и совершить. Нынѣ помощью Господа Саваоа я совершилъ желаніе ихъ и дѣло рукъ моихъ исправилъ и напечаталъ въ царствующемъ градѣ великой Москвѣ благословеніемъ Св. Правительствующаго Синода, и нынѣ по хотѣнію моему трудился въ исправленіи печатанія архіепископъ Іосифъ Самебельскій и также напечатано то, что переведено было отъ Царя Арчила и съ перевода Св. Отецъ исправлено, и такъ всѣ книги и главы и стихи поправлены и теперь нѣтъ сомнѣнія, чтобы было ошибочное противу Еврейскаго, Еллинскаго, Ассирійскаго, Булгарскаго и Армянскаго и другихъ прочихъ библій для пользы душъ царей нашихъ, Арчила и дочерей отца моего, Царя Вахтанга и матери моей царицы Русудави и жены моей Анны и проч.

Издавалъ Царь Вокаръ. Главы и стихи поставлены противъ Россійской библіи, ибо въ Арчилиной библіи все было безъ раздѣленія и напечатано близъ Москвы въ селѣ Всесвятскомъ. 1743 г.

Наборщикомъ былъ іеромонахъ Христофоръ Гурашовъ и два священника Филиппъ и Давидъ. Надзирателемъ былъ секретарь царскій Мелхиседекъ Кавкасievъ.

На концѣ библіи по примѣру русской напечатанъ въ мѣсяцесловѣ отдѣлъ Евангелія и каталогъ.

Послѣ всего этого припечана пасхалія съ златымъ числомъ по рукамъ, росписание праздниковъ по мѣсяцамъ, указатель опечатокъ и „увѣдомленіе о изданіи св. библіи отъ Вахушта побочнаго сына Вахтангiева“.

Переводъ сей написанъ на полулистѣ, въ которомъ завернута трагикомедія—о воскресеніи мертвыхъ,—Георгія Коннискаго, переданная въ академическую бібліотеку профессоромъ А. М. Воскресенскимъ.

Въ 1885 году, по завѣщанію преосвященнаго Порфирія (Успенскаго), поступила въ церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи, въ числѣ другихъ иконъ, часть грузинской иконы на золотомъ фонѣ, вѣроятно отъ лицевыхъ святцевъ, вышиною въ 4½, а шириною въ 2 вершка. На ней вполне сохранились три изображенія святыхъ съ грузинскими надписями и рядомъ съ ними остатки трехъ подобныхъ изображеній безъ надписей. Уцѣлѣвшія изображенія представляютъ собою св. Алексѣя Божія человека, св. Іессе Каликыти и св. Константина. Первый изъ нихъ общеизвѣстенъ, а остальные два—мѣстные грузинскіе святые. Изъ нихъ Іессе вѣроятно есть грузинскій святой Іессей или Исе, епископъ Цикланскій, VI вѣка. Что же касается св. Константина, то съ этимъ именемъ извѣстны въ Грузіи три святые: Константинъ, сынъ Царя Ираклія, VII вѣка; Константинъ, князь Аргвентскій, пострадавшій въ VIII вѣкѣ, вмѣстѣ съ княземъ Давидомъ, за изслѣдованіе вѣры отъ Халифа Эмиль-Эль-Муменима въ царствованіе Льва Исаврянина, и Константинъ князь Грузинскій, пострадавшій на 86 году своей жизни въ Бѣлградѣ за исповѣданіе І. Христа, IX вѣка¹⁾. По всей вѣроятности, на иконѣ изображенъ первый изъ этихъ Константиновъ, такъ какъ онъ здѣсь изображенъ одинъ и съ молодежавымъ, почти отроческимъ лицомъ. Икона приобрѣтена преосвященнымъ Порфиріемъ на Синаѣ. На

¹⁾ Мѣсяцесловъ православной католической церкви—Ив. Косолапова. Сибирскъ, 1880.

Синаѣ же грузины жили уже въ VI вѣкѣ. Карталинскій Царь Давидъ II, царствовавшій съ 1089 по 1125 годъ, построилъ церковь съ келліями на Хоривѣ, надъ пещерой св. пророка Іліи. Ее поддерживала щедротами своими благочестивая и славная царица грузинская Тамара (1148 — 1212). Но около XV вѣка грузинскіе монахи удалились съ Синая ¹⁾. Къ цвѣтущему времени развитія грузинскаго иночества на Синаѣ въ XII—XIII вв. и должна быть отнесена описываемая икона ²⁾.

¹⁾ Первое путешествіе въ Синайскій монастырь, преосвященнаго Порфирія въ 1845 году. С.-Петербургъ, 1856 г., стр. 116 и 190.

²⁾ Послѣдняя замѣтка объ иконахъ изъ коллекціи преосв. Порфирія сообщена проф. Н. Петровымъ.

XV.

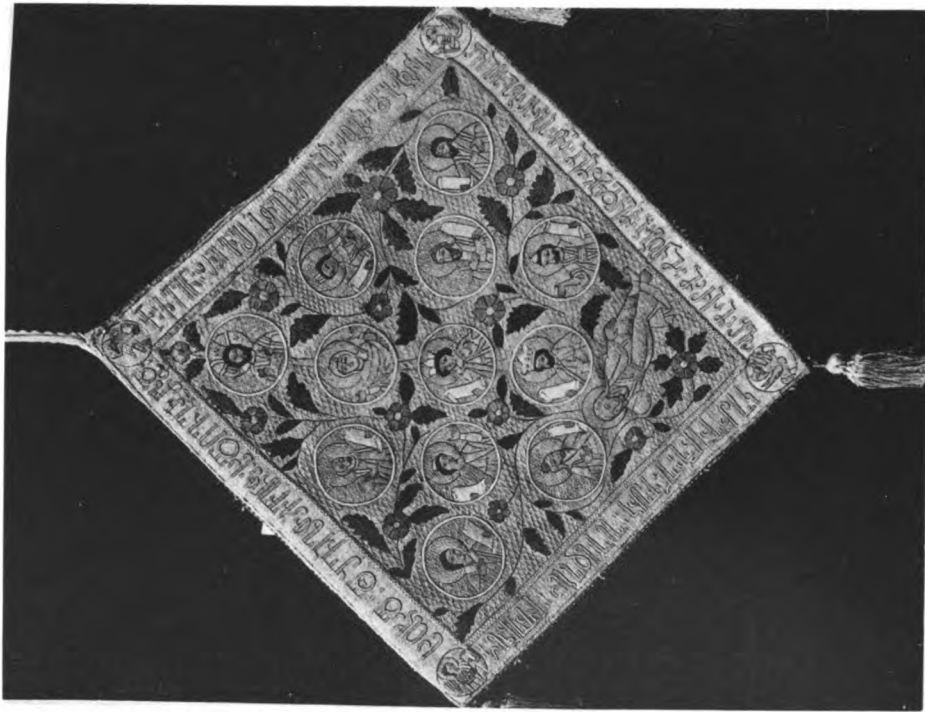
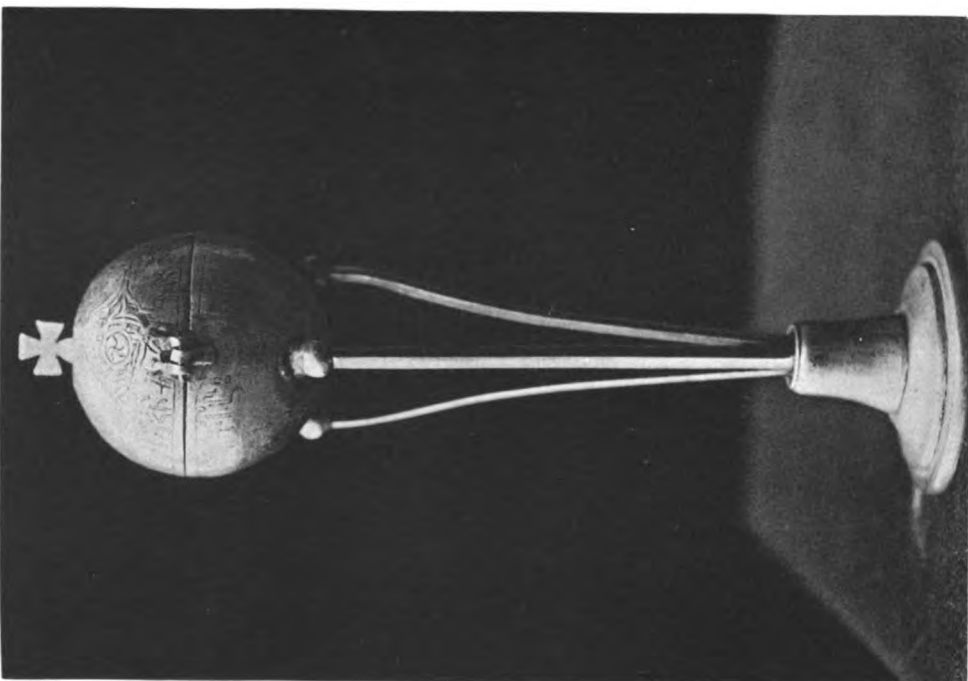
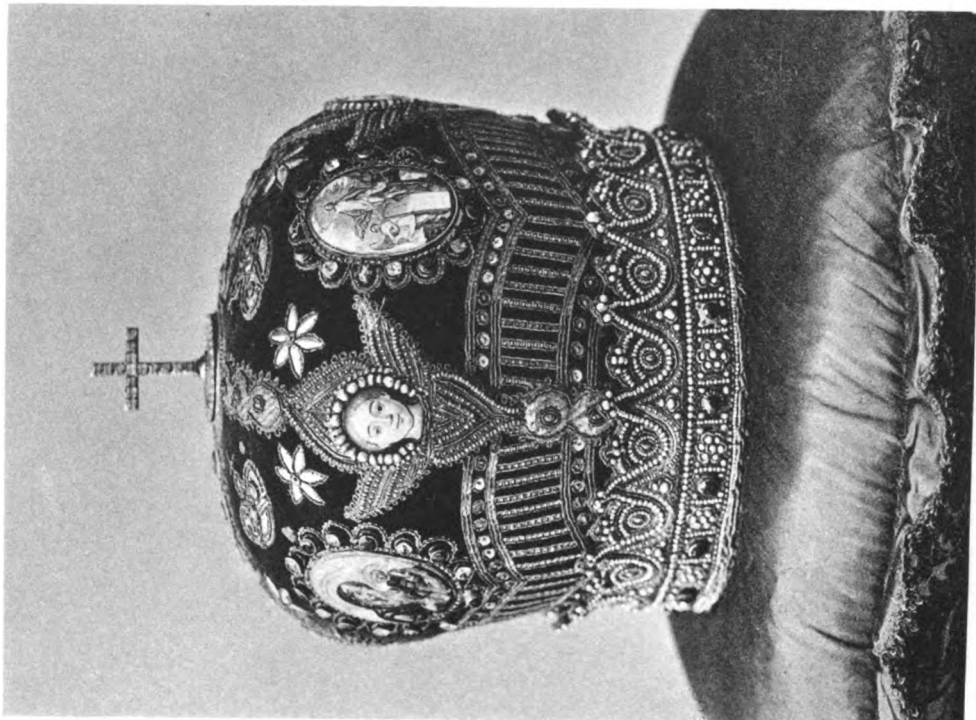

Фото Гравюра Шерер, Иллюстрация в Русь Москва

Грузинскія вещи въ Кіевѣ.

Фотс Гравюра Шереръ. Набоглицъ № въ Москвѣ.

Грузинскій Омофоръ въ Кіевѣ.

О сектѣ Тондракскихъ армянъ.

А. Д. Ерицова.

Послѣдніе 20 лѣтъ русскій ученый міръ съ особеннымъ рвеніемъ стремится къ изученію причинъ и сущности русскаго раскола. Благодаря существующей въ наше время вѣротерпимости, почти не проходитъ недѣли и мѣсяца, чтобы въ русской журналистикѣ не появлялись все новыя и новыя свѣдѣнія по этому предмету. Кавказъ, богатый вообще матеріалами для археологін и исторіи, представляетъ и въ этомъ отношеніи не маловажный матеріаль. Въ то время, когда изъ внутри Россіи выселялись сюда на водвореніе духоборцы и молокане, съ цѣлью ограничить пропаганду ихъ ученія, секты и здѣсь въ своемъ развитіи идутъ постепенно далѣе и даютъ новыя отростки, чуждые, такъ сказать, Россіи. У насъ на Кавказѣ самостоятельно произошли новыя секты, новый расколъ среди русскихъ раскольниковъ. Въ Шемахинскомъ уѣздѣ, въ 40-хъ годахъ, образовалась секта „общихъ“, нѣчто подобное русской коммуны, но она вскорѣ распалась, по крайнѣй мѣрѣ, ученіе это было оставлено и приняло другую форму. Субботчики получили на Кавказѣ особое развитіе. Такъ называемыя „духовныя“ также считаются принадлежностью Кавказа, а выдѣлившіеся изъ духовныхъ „прыгуны“ считаются положительно родившеюся на Кавказѣ сектою. Ученіе „духовныхъ“ на Кавказѣ и до сихъ поръ еще продолжаетъ развиваться. Къ сожалѣнію, вообще бытъ русскихъ сектаторовъ на Кавказѣ мало изучается и трудно пока съ точностью прослѣдить всѣ фазисы ихъ развитія. У насъ на Кавказѣ, сколько мнѣ извѣстно, литература въ этомъ отношеніи довольно бѣдна, и я бы позволилъ себѣ указать лишь на одну большую статью, появившуюся въ газетѣ „Обзоръ“ за 1878 г. Другихъ дѣльныхъ статей по этому предмету я не знаю въ кавказской литературѣ. Въ настоящее время въ русской литературѣ чуть не окончательно установилось мнѣніе, что молокане и духоборцы произошли въ Россіи подъ вліяніемъ западнаго протестантизма. Я не позволю себѣ пока опровергать этого мнѣнія и возвращусь къ этому вопросу въ то время, когда буду говорить объ ученіи армянской тондракской секты, и выясню на основаніи фактовъ участіе востока въ этомъ дѣлѣ.

Въ Арменіи въ IV столѣтіи, до принятія Армянами христіанства, существовало чрезвычайно много колоній иностранцевъ и иновѣрцевъ; здѣсь были Евреи, Сирійцы и др. Въ особенности Евреи въ Арменіи были такъ многочисленны, что въ IV и V столѣтіяхъ изъ нѣсколькихъ городовъ Персіане выводятъ въ плѣнъ нѣсколько чуть не сотенъ тысячъ семействъ. вмѣстѣ съ такимъ гостепріимствомъ Арменія тогдашняго времени имѣла чрезвычайное стремленіе воспринимать божества иновѣрцевъ, такъ, что армянскій пантеонъ богатъ богами не только чисто армянскими, но и заимствованными изъ сосѣднихъ странъ, часто весьма отдаленныхъ. Тѣмъ не менѣе съ принятіемъ христіанства мы замѣчаемъ два факта, чрезвычайно на мой взглядъ важныхъ: во 1-хъ, народности, живущія въ Арменіи теряютъ всѣ свое значеніе, даже свое имя, и съ принятіемъ христіанства считаются всѣ Армянами, тогда какъ до того времени онѣ раздѣлялись на національности; во 2-хъ несмотря на легкость съ которой, Армяне воспринимали божества сосѣднихъ и даже отдаленныхъ странъ, съ принятіемъ христіанства въ Арменіи не появляется никакого раскола, никакихъ ересей. Между тѣмъ общеизвѣстенъ фактъ, что въ первые вѣка христіанства въ греческомъ мірѣ и вообще на западѣ было очень много лжеученій. Я не могу здѣсь упустить случая, чтобы не указать на тотъ фактъ, что за все время 15—16 столѣтняго существованія въ Арменіи и Грузіи христіанства въ Арменіи появилось всего только двѣ самостоятельныя секты; въ Грузіи же я не знаю ни одной ереси, ни одной секты. Указавъ на эти факты, не могу не припомнить, что еще въ IV столѣтіи была попытка перенести изъ греческаго міра въ Арменію ученія еретическія; но въ IV-мъ же вѣкѣ съ появленіемъ лицъ, большею частью бѣжавшихъ изъ Греціи и искавшихъ спасенія въ отдаленной Арменіи, имъ былъ положенъ конецъ и они совершенно исчезаютъ. Однако же на востокъ еще въ III столѣтіи нѣкто Манія Персіанинъ, который принялъ христіанство и сдѣлался священникомъ, основалъ особую секту, подъ названіемъ Манихійской. Онъ признавалъ два начала—доброе и злое, отвергалъ первородный грѣхъ, всякую силу воли, не признавалъ никакого возмездія за грѣхи и такимъ образомъ отвергалъ всякую самостоятельность въ человѣкѣ. Онъ не признавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Вѣтхаго Завѣта, таинства крещенія, брака и т. д. Противъ его ученія въ Арменіи V столѣтія имѣются цѣлые трактаты. Въ VII столѣтіи, секта эта получаетъ дальнѣйшее развитіе подъ названіемъ Павликіянъ. Мало по малу еретики эти отвергаютъ таинства церкви, не признаютъ святыхъ иконъ, ни даже креста. Сектанты изгоняются изъ Арменіи въ концѣ VII ст. и переносятъ свое ученіе въ Византію. При арабскомъ владычествѣ, когда въ Арменіи появилось магометанство, изъ одной арабской провинціи Цахкотъ, явился нѣкто Смбатъ и вступилъ въ духовное сословіе, принявъ ученіе Павликіянъ. Онъ у какого-то Персіанина Мендуски изучалъ медицину и магію, а въ 840 г. поселился въ с. Тондракъ, недалеко отъ Ванскаго озера. Въ началѣ, будучи свѣтскимъ и нерукоположеннымъ, Смбатъ выдавалъ себя за епископа. Внѣшнее его благочестіе простиралось до того, что, по описанію лѣтописца, тогдашній князь армянскій готовъ былъ отдать душу свою за него. Ученіе свое онъ развивалъ путемъ проповѣди весьма осторожно и ловко. Въ проповѣдяхъ своихъ отвергалъ Промыслъ Божій, благодать Святаго Духа, будущую жизнь и, разумѣется, таинства церкви. Онъ также не признавалъ никакихъ грѣховъ, никакого возмездія за грѣхи, никакихъ властей, никакого начальства на свѣтѣ. Надъ всѣмъ этимъ онъ смѣялся, и смѣялся весьма зло. Главнымъ условіемъ для своей секты онъ ставилъ слѣдующее:

всѣ послѣдователи его должны были притворяться внѣшнимъ образомъ христіанами, т. е. вмѣстѣ съ прочими армянами они должны были ходить въ церковь, приобщаться, говѣть, вообще держаться всей обрядности армянъ и всячески стараться не выдавать своего ученія; ученіе же свое они имѣли право открывать лишь тѣмъ, которые безвозвратно попали въ ихъ секту. Особенность этой секты, по описанію современныхъ писателей, заключалась въ томъ, что послѣдователи помимо хожденія въ церковь собирались у себя тайно и предавались здѣсь свальному грѣху. Ночныя ихъ оргіи описываются у Аристакеса Ластивертскаго довольно ясно. Ученіе это въ скоромъ времени охватило всѣхъ жителей с. Тондрака, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Секта, развиваясь все болѣе и болѣе, стала нападать на армянскую церковь и вступать въ догматическую полемику, что и побудило армянскаго католика Іоанна въ 847 г. предать проклятію Смбата и всѣхъ его послѣдователей. Съ преданіемъ проклятію началось немедленно страшное гоненіе противъ сектаторовъ: ихъ жгли живыми, рѣзали, сжигали дома, уничтожали имущество, и они, повидимому, исчезли окончательно. Однако въ то время, когда въ Тондракѣ старались уничтожить секту, недалеко оттуда, въ селеніи Тулаайлѣ и городкѣ Хнусѣ, появились сектаторы и начали распространять свое ученіе, въ которомъ замѣчалось однакожъ нѣкоторое различіе отъ прежняго ученія тондракцевъ. Въ X столѣтіи тондракцы въ Арменіи были такъ многочисленны, что они составляли особую силу, силу на столько большую, что армянскій католикосъ просить одного изъ малаховъ армянскихъ составить руководство для борьбы съ тондракцами, за что ивзялся Ананій Нарекскій. Въ XI столѣтіи одинъ изъ епархіальныхъ начальниковъ, нѣкто епископъ Яковъ, пользуясь въ народѣ общеою любовью, вновь принимается за пропаганду того же ученія, но весьма осторожно. Пользуясь тѣмъ, что армянское черное и бѣлое духовенство въ это время значительно упало и несоотвѣтствовало требованіямъ своего достоинства и сана, онъ прежде всего сталъ возбуждать ненависть противъ духовенства; открыто упрекалъ духовенство въ его паденіи и проповѣдью своей благотворно вліялъ на народъ. Прежде всего онъ уменьшилъ число духовенства и такъ какъ въ числѣ его было много недостойныхъ, то онъ старался начать сокращеніе съ этихъ лицъ. Затѣмъ, избравши малое количество достойныхъ духовныхъ отцовъ, онъ приказалъ имъ служить обѣдню только 3 раза въ годъ. Не смотря на сочувствіе народа къ новымъ строгостямъ и порядкамъ, нашлись и противники, которые видѣли въ этомъ ересь, но епископъ велъ свое дѣло на столько успѣшно и ловко, что два раза католикосъ собиралъ соборъ, чтобы предать его проклятію и каждый разъ не находилъ возможности обвинить его. Однако же одинъ изъ приближенныхъ учениковъ Якова является однажды къ католикосу и выдаетъ его помыслы и ученіе, послѣ чего онъ лишается сана и заключается въ темницу. Въ послѣдствіи Яковъ бѣжалъ въ Константинополь и умеръ въ изгнаніи въ 1054 году. Но тѣмъ дѣло не кончилось. Женщины, игравшія столь видную роль въ распространеніи въ Россіи раскола, пришли на помощь и тондракской секты въ Арменіи. Одинъ монахъ, нѣкто Кундзикъ, находитъ поддержку въ одной богатой армянкѣ. Черезъ ея поддержку онъ знакомится съ другими высокопоставленными женщинами, передаетъ имъ сущность ученія и, такимъ образомъ, эти женщины являются защитницами тондракскаго ученія въ Арменіи, занимаются пропагандой и не боятся даже иногда открыто нападать на армянскія церкви и духовенство. Противъ сектаторовъ возбуждается гоненіе, поднимаются власти и секта тондракцевъ считается уничтоженной въ

XI вѣкѣ, но въ настоящемъ столѣтіи вдругъ обнаруживается слѣдующее обстоятельство.

Послѣ 1-й восточной войны, въ 30-хъ годахъ, изъ турецкой Арменіи въ предѣлы Россіи выселилось около 80,000 армянъ, преимущественно изъ Эрзерумской области; въ числѣ переселенцевъ были люди изъ Кнуса, Тулая, гдѣ родилось и развилось ученіе тондракцевъ. Переселенцы эти были размѣнены въ Ахалцыхскомъ и Александропольскомъ уѣздахъ. Въ 34 году тифлисскій епархіальный начальникъ, епископъ Карапетъ, узнаетъ, что въ селеніи Араэвлич, близъ Александрополя, появилась какая то секта. Изъ подробностей, которыя могъ собрать епископъ, оказалось, что секта эта существовала еще въ турецкой арменіи и что турецкіе армяне придерживаются этого ученія съ давнихъ поръ. Немедленно черезъ духовныхъ и свѣтскихъ властей было возбуждено слѣдствіе и гонеченіе противъ сектаторовъ. Въ подробности этого слѣдствія я не стану входить, но скажу, что первоначально армянская церковь приняла это ученіе за результатъ проповѣди протестантскихъ миссіонеровъ, имѣвшихъ въ 20 годахъ, школы въ городѣ Шушѣ. Въ послѣдствіи только, по окончаніи слѣдствія, узнали, что это не вѣрно, что нѣмецкіе миссіонеры не принимали здѣсь никакого участія. Вслѣдствіе возбужденія этого вопроса русское правительство принялось за дѣло горячо, и тифлисская палата первоначально по предложенію барона Розена, а потомъ Головина, присудила этихъ сектаторовъ с. Арахвили къ отдачѣ въ солдаты; впослѣдствіи же они были выселены въ Сибирь. Сектаторы эти подобно тондракцамъ отвергаютъ всѣ таинства церкви, и учатъ слѣдующему: 1) Иисусъ Христосъ не есть Богъ, а Сынъ Божій посредникъ; 2) непорочность Дѣвы Маріи и святость святыхъ ими не признается; 3) апостоламъ они не придаютъ того значенія, какое признается за ними христіанской церковью; 4) такъ какъ Христосъ принялъ крещеніе 30 лѣтъ, они требуютъ, чтобы всякій былъ крещенъ не ранѣе 30 лѣтъ; исключеніе дѣлается лишь для женскаго пола, на томъ основаніи, что женскій полъ познаетъ добро и зло раньше мужскаго, чему доказательствомъ служитъ Ева, познавшая жизнь ранѣе Адама; 5) они признаютъ полное равноправіе женщинъ; 5) первороднаго грѣха они не признаютъ, а предоставляютъ всякому, впавшему во грѣхъ, раскаяться, послѣ чего допускается искупленіе и крещеніе. Но такъ какъ до 30 лѣтъ нужно каждому имѣть имя, то обрядъ наименованія заключается въ слѣдующемъ: на 8-й день послѣ родовъ всѣ являются въ домъ новорожденнаго, приносятъ поздравленіе, и такъ какъ всякій сектаторъ имѣетъ право быть пресвитеромъ, или священникомъ, то кто нибудь изъ нихъ произноситъ „Отче нашъ“, а потомъ, узнавъ отъ родителей, какъ они желаютъ назвать ребенка, даетъ это имя; поздравляютъ другъ друга и расходятся. При этомъ кто читаетъ Отче нашъ, обязанъ дать наставленіе родителямъ, чтобы они приготовили новорожденнаго къ будущей благочестивой жизни, къ достойному воспріятію крещенія. Для этого всѣ родители обязаны учить своихъ дѣтей и воспитывать ихъ въ добротѣ. Между сектаторами ученіе обязательно для всѣхъ, какъ для мужскаго, такъ и для женскаго пола, при чемъ я долженъ однакожь замѣтить, что изъ 18 лицъ, привлеченныхъ къ суду, грамотнымъ оказался только одинъ. Въ 30 л. крещеніе производится слѣдующимъ образомъ: собираются въ модельный домъ; на столѣ лежитъ простой хлѣбъ и чашка вина; тотъ, кто долженъ принять крещеніе, подходитъ къ пресвитеру и проситъ, чтобы его крестили: пресвитеръ, не требуя снятія верхней одежды, окропляетъ его простой водой во имя Отца и Сына и Святаго Духа, которое произносится

одинъ разъ. Затѣмъ, новокрещенный беретъ кусокъ хлѣба и глотаетъ нѣсколько капель вина. Отвергая святыхъ, сектаторы требуютъ уничтоженія иконъ, не признаютъ креста и хоругвей и вообще чуждаются всякой обрядности. Когда производилось слѣдствіе, у жителей с. Арахвили былъ сдѣланъ обыскъ при чемъ найдена рукописная книга—катехизисъ ихъ ученія. Катехизисъ этотъ писанъ въ 1780 г. въ провинціи Хнисъ въ Турціи, и авторъ его священникъ. Къ чести Турціи я долженъ заявить, что турки преслѣдовали Тондракскую секту, появившуюся въ Хнисъ въ прошломъ столѣтіи. Священникъ, составитель катехизиса былъ преслѣдуемъ и умеръ мученическою смертью отъ руки турецкаго правительства. Книга его сохранилась въ домѣ переселившихся армянъ, у одного изъ послѣдователей Тондракской секты, Вархана, но такъ какъ хозяинъ опасался властей и обыска, то къ сожалѣнію вырвалъ изъ этой книги самыя интересныя мѣста, гдѣ говорится о Христѣ Сынѣ Божіемъ, но не Богъ, и о взглядѣ сектаторовъ на армянскую, латинскую и греческую церкви, считаемыя ими еретическими.

Въ Карской области мы наталкиваемся на новую народность—Туркменовъ, которыхъ Турки всегда признавали сектаторами и преслѣдовали ихъ, какъ и остальныхъ послѣдователей Тондракской секты. Живутъ они отдѣльными общинами, питаютъ ненависть къ туркамъ, но выказываютъ симпатію къ Армянамъ и Армяне къ нимъ. Одно изъ главныхъ основаній ученія Туркменовъ заключается въ томъ, что никто изъ непринявшихъ ихъ ученія, не узнаетъ тайны его. Въ настоящее время въ Александропольскомъ уѣздѣ, въ Эчмиадзинскомъ, Гокчайскомъ и др. округахъ, замѣчается сильное влеченіе къ послѣдованію ученія Туркменскихъ проповѣдниковъ, но такъ какъ по ихъ катехизису требуется не выдавать тайны ученія, а они къ тому же опасаются преслѣдованія правительства, то новыя армянскія тондракцы придаютъ себѣ названіе армянскихъ протестантовъ, или же живутъ среди русскихъ прыгуновъ. Прыгуны не брезгаютъ ими, такъ что въ Эриванской губерніи нерѣдко встрѣтятся между прыгунами священниковъ изъ армянъ. Сектаторы армяне, съ своей стороны, поддаются подъ вліяніе среды, среди которой вращаются и заимствуютъ обычаи и привычки, изъ которыхъ приведу только нѣсколько примѣровъ. Извѣстно, что прыгуны, какъ и другіе сектаторы русскіе, при входѣ къ властямъ, принуждены поклониться въ поясъ, затѣмъ произносятся въ душѣ проклятіе противъ власти ими отрицаемой, и осмѣивая тайно свой поступокъ, немедленно отбрасываютъ вверхъ голову, т. е. принимаютъ поклонъ назадъ. У русскихъ сектантовъ это имѣетъ видъ, что они поправляютъ волосы, спустившіеся при поклонѣ, и начальство не имѣетъ права придратъ къ поступку; но что же думать о Тондракцѣ, когда онъ, будучи призванъ къ начальству, повторяетъ ту же процедуру, не смотря на то, что у него волосы сбриты. Армянскія женщины тондракскаго ученія въ настоящее время ходятъ въ короткихъ юбкахъ и длинныхъ русскихъ сапогахъ. Никто не питаетъ такой симпатіи къ Армянамъ, и въ свою очередь Армяне не питаютъ такой симпатіи ни къ одной изъ другихъ народностей, какъ къ русскимъ раскольникамъ. Раскольники, какъ извѣстно, ожидаютъ спасенія міра съ горы Араратъ и потому понятно, что раскольникъ, увидѣвъ гору Араратъ воочию, считаетъ Арменію за страну, откуда должно прійти спасеніе міра. Армяне, въ свою очередь, настолько сблизились съ русскими раскольниками, въ особенности съ прыгунами и молоканами, что безъ церемоніи имѣютъ право входить въ ихъ дома во всякое время, дома ли глава семейства, или нѣтъ. Располагаются

Армяне въ домѣ молоканъ или прыгуновъ, какъ не распоряжаются у себя дома. Теперь, когда молокане и прыгуны въ значительной массѣ переселяются въ Карскую область изъ сосѣднихъ губерній Эриванской, Тифлисской и Елисаветпольской, имъ предстоитъ въ скоромъ будущемъ сблизиться и съ Туркменами, которыхъ они до сихъ поръ не знали, не смотря на то, что въ сущности понятія и взгляды ихъ на вѣру и обрядность весьма схожи. Туркмены, подобно армянамъ тондракской секты и нашимъ прыгунамъ собираются по ночамъ, начинаютъ съ пѣнія и толкованія священнаго писанія, а за тѣмъ переходятъ къ круженію вокругъ того стола, гдѣ сидитъ пресвитерь; круженіе доходитъ до изступленія, а затѣмъ слѣдуетъ общій свальный грѣхъ.

О планахъ церквей Грузіи и Арменіи и ихъ отношеніи къ планамъ церквей византійскихъ.

А. А. Авдѣева.

Архитектура византійская, будучи общей матерью для архитектуръ: армянской, грузинской и русской, остается сама искусствомъ свободнымъ въ обработкѣ общаго плана церквей. Разнообразіе, находимое въ церквахъ Константинополя и Равенны, служить тому доказательствомъ.

Цѣлю настоящаго реферата будетъ указать, на сколько архитектура Грузіи и Арменіи удержала за собою свободу въ сочиненіи плана.

Архитектура русская наслѣдовала общій планъ церквей византійскихъ, современныхъ принятію Россіею Христіанства, который въ ней и оставался, пока искусство, съ принятіемъ другихъ элементовъ, не выработало своего собственнаго стиля. Измѣнился при этомъ планъ, хотя удерживались одни внѣшнія формы фасада, указывающіе на планъ первоначальный. Такъ, на примѣръ, пять главъ помѣщались на сводѣ съ четырехъ стѣнъ, такъ называемомъ монастырскомъ. Низкая алтарная преграда замѣнилась высокимъ иконостасомъ, прислоненнымъ къ стѣнѣ, а отдѣльныя проскомидія и дьяконикъ соединялись въ общій алтарь. Благоговѣя передъ совершенствомъ плана архитектуры византійской, допускающей полную свободу въ его сочиненіи, какъ указываетъ множество примѣровъ ея церквей, слѣдуетъ сказать, что въ ней каждая форма осмыслена; въ ней фасадъ только выражаетъ внутреннее расположеніе, а не составляетъ главнаго въ ущербъ иногда удобствамъ внутренности.

Попробуемъ провести нѣкоторую параллель между архитектурой византійскою съ одной и архитектурами грузинскою и армянскою съ другой стороны, представляющими подобныя же видоизмѣненія въ выработкѣ плана.

Общее большинство византійскихъ церквей, какъ извѣстно, состоитъ изъ средней части, образуемой пересѣченіемъ двухъ нефовъ подъ куполомъ, паперти и тройственнаго алтаря. То же самое находимъ мы въ архитектурѣ грузинской и армянской. Тройственный алтарь съ выступающими абсидами сохранился еще въ древнихъ грузинскихъ и армянскихъ церквахъ. Примѣромъ могутъ служить церкви монастыря въ Гелатѣ конца XI вѣка.

Интересно наблюдать, какъ условія стили сгладили выступы алтарныхъ абсидъ. Въ архитектурѣ византійской, какъ и въ древнѣйшихъ церквахъ Грузіи и Арменіи, встрѣчаемъ мы въ выступѣ абсиды, снаружи большею частію не круглую, а многогранную стѣну: половину не только шести, но и десятиугольника. Архитектура грузинская и армянская ставитъ двѣ такія апсиды рядомъ съ одинаковымъ удаленіемъ выступа, причемъ образуется между абсидами снаружи треугольная впадина, которая завершается аркою или даже сталактитами.

Эта форма иногда сглаживается въ прямую стѣну, какъ въ главной церкви въ Санагинѣ.

Практичность этой формы находимъ въ церкви Аллаверды, гдѣ два боковыхъ окна средней абсиды алтаря получаютъ свѣтъ изъ впадины треугольника.

Въ архитектурѣ византійской крестообразно пересѣкающійся средней нефъ завершается иногда на оконечностяхъ абсидами. Такъ въ храмѣ Іерусалимскомъ, построенномъ Константиномъ Великимъ.

Въ архитектурѣ Грузіи и Арменіи, число выступающихъ частей, кромѣ главной алтарной абсиды, простирается отъ двухъ и до трехъ, какъ, напр., въ Эчмиадзинѣ. Или ежели не обращать вниманіе на внѣшность плана, то и съ большимъ числомъ выступающихъ полукруговъ, какова епископская церковь въ Никорцминдѣ въ Имеретіи, съ 3 выступающими полукругами, за исключеніемъ алтарной абсиды. Затѣмъ мы находимъ церковь животворящаго креста въ Манглисѣ, съ 3 внутренними полукругами и церковь Аллаверды. Вотъ все, что извѣстно по изданіямъ Гримма и Дюбуа.

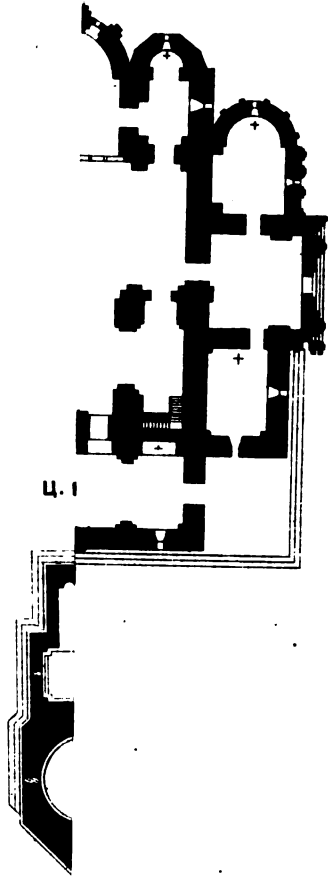
Архитектура византійская выразилась тою прекрасною особенностію, которую представляютъ намъ планы церквей св. Виталія въ Равеннѣ и св. Лаврентія въ Миланѣ, гдѣ осьмиугольникъ въ срединѣ окруженъ 8 полукругами нашими изъ колоннъ. Мотивъ этотъ достигъ, съ значительными измѣненіями, въ церкви большой Софіи до величайшей степени своего развитія.

Ежели въ архитектурахъ Грузіи и Арменіи, мы этого приѣма, т. е. собственно коллонъ съ арками не встрѣчаемъ, то особый, подобный византійскому приѣмъ встрѣчается одновременно въ 3 церквахъ. Это церковь въ Мартвили XI вѣка, церковь св. Рицсима въ Вагаршападѣ и епископская Сіонская церковь въ Атенской долинѣ. Вотъ ихъ особенность: въ основаніи плана находится четырехугольникъ, на сторонахъ котораго три ниши, кромѣ средней алтарной абсиды, и такія же четыре малыя по угламъ. Кромѣ этихъ примѣровъ совершенно свободнаго сочиненія плана архитекторами Грузіи и Арменіи, мы укажемъ еще на тѣ нѣкоторыя особенности, вкравшіяся въ этой архитектурѣ, которыя мы находимъ въ трудахъ Дюбуа и Гримма, такъ какъ на нихъ однихъ мы только и можемъ ссылаться.

Ежели Византійская архитектура представляетъ намъ церкви ротондами; какъ, напримѣръ, св. Константина въ Римѣ, то въ архитектурахъ Грузіи и Арменіи этому также есть примѣры. Церковь Кацки въ Имеретіи имѣетъ, кромѣ алтарной абсиды, 7 нишей. Малая церковь въ Санагинѣ въ Арменіи также представляетъ сказуемую ротонду.

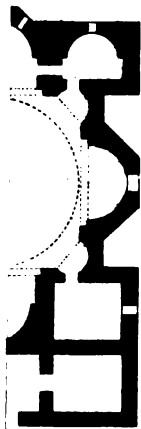
Какъ на особенность въ планѣ нужно указать на церковь Животворящаго Креста въ Манглисѣ. Три ниши, кромѣ отдѣльной средней алтарной абсиды, заключены въ неполный правильный осьмиугольникъ, къ двумъ сторонамъ котораго примыкаютъ паперти. Но самая рѣзкая особенность, которую выразила армянская архитектура,

ти
дицы. 1154.
ния

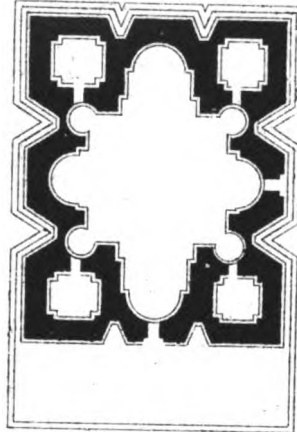

ц. 1

или
селія

ц. Св. Рипсимы
Въ Вархашабдѣ. VII.?
Арменія.

это маленькая, такъ называемая, базарная церковь Сурбъ-Григоръ XI вѣка въ Ани, гдѣ около ротонды расположены шесть, совершенно равныхъ, нишей, въ томъ же числѣ и алтарная абсида. Всѣ они выступаютъ снаружи прямоугольниками со срѣзанными углами, образуютъ въ планѣ треугольныя впадины, которыя будучи, перекрыты вверху коническими сводами, составляютъ двѣнадцатиугольникъ. Сверхъ крыши выступаетъ другой малый двѣнадцатиугольникъ съ окнами, который и есть трибунъ купола.

Замѣчательную изъ особенностей представилъ бы, по нашему мнѣнію, соборъ въ Кутаисѣ, видѣнный нами на дняхъ, такъ какъ въ срединѣ его находятся—круглыя колонны, не встрѣчаемыя въ другихъ церквахъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точнаго его плана, снятаго архитекторомъ. Плану, помѣщенному въ изданіи Дюбуа, вѣрить мы не можемъ, и, конечно, съ нами согласится каждый специалистъ дѣла. О невѣрностяхъ же, встрѣчающихся въ книгѣ Дюбуа, мы имѣемъ самое положительное свѣдѣніе и для примѣра укажемъ только въ его атласѣ на планъ церкви въ Херсонесѣ, надъ развалинами которой построены въ настоящее время храмъ св. Владиміра и на планѣ той же церкви, снятой нами, и помѣщенный въ Архитектурномъ вѣстникѣ, издававшемся архитекторомъ Жуковскимъ за 1862 годъ.

Прослѣдивши развитіе архитектуры Грузіи и Арменіи въ выработкѣ плана, мы невольно должны обратить вниманіе на то, что оно было въ зависимости отъ мѣстныхъ матеріаловъ и что привозимыхъ матеріаловъ тутъ вовсе не находится.

Ежели въ облеченіи фасада въ данную форму архитекторъ былъ рабскимъ подражателемъ извѣстныхъ формъ стіля, уже установившагося, то въ сочиненіи плана онъ былъ такимъ же творцомъ, какъ и архитекторъ Византійскій ¹⁾.

¹⁾ См. табл. XVIII.

Генетическое, этнографическое сродство Скифовъ и Славянъ.

Д. Я. Самоквасова.

Въ эпоху великаго переселенія народовъ въ IV и V столѣтіяхъ, европейская лѣтопись, въ областяхъ наддунайскихъ и надпонтійскихъ, въ предѣлахъ европейской Скифіи эпохи Геродота, называетъ Славянъ и Антовъ, имена народовъ, „чрезвычайно многочисленныхъ и занимающихъ неизмѣримыя пространства“.

Откуда же явились Славяне и Анты и когда они заняли области, лежащія между нижнимъ теченіемъ Дуная и нижнимъ теченіемъ Дона?

Прискъ Панійскій, членъ посольства Θεодосія II къ Атилѣ, царю Гунновъ, лично наблюдалъ населеніе областей V вѣка, лежавшихъ надъ нижнимъ теченіемъ Дуная. Онъ встрѣтилъ здѣсь „туземцевъ-Скифовъ“, говорившихъ „скифскимъ языкомъ“. Этотъ скифскій языкъ, по словамъ Приска, отличался отъ языковъ Грековъ, Римлянъ, Нѣмцевъ и Гунновъ ¹⁾. Сохранились только три слова этого языка: *medos*,—названіе скифскаго напитка, замѣнявшаго вино; *самон*,—названіе скифскаго напитка, приготовлявшагося изъ ячменя, и *strava*,—названіе скифской тризны, погребальнаго стола на могилѣ покойника. Слова эти до сихъ поръ существуютъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ и „не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что языкъ, который употреблялся въ Дакіи половины пятаго вѣка, который Прискъ, въ отличіе отъ гунскаго, готскаго и латинскаго языковъ, называетъ *скифскимъ языкомъ*, былъ языкъ *славянской*“ ²⁾.

Иорнандъ, писатель VI вѣка, различаетъ въ Европѣ Германію и Скифію: „*Scythia siquidem*, говоритъ онъ, *Germaniae terrae confinis*“ ³⁾. Въ Скифіи Иорнандъ помѣщаетъ Дакію, какъ вѣнцомъ огражденную высокими горами, за которыми, на неизмѣримомъ пространствѣ, обиталъ многочисленный народъ Венедскій: „*per immensa spatia Winidagum natio populosa consendit*“. „Названіе этого народа, продолжаетъ Иорнандъ,

¹⁾ См. Дестуниса: Сказанія Приска Панійскаго. 1860 г. стр. 46, 50. Ср. Гильеердинга: Собр. Сочиненій 1868 г. I, с. 5.

²⁾ См. Дринова. Заселеніе Балк. пол. Славянами. 1873 г.; стр. 68, 69.

³⁾ De Get. s. Got. orig. cap. 5.

измѣняется, по различію областей и племенъ; но преимущественно называются они Славянами и Антами. Славяне обитаютъ, начиная отъ славяно-римскаго города и озера Музіана до рѣки Днѣстра, а на сѣверъ по Вислу. Болота и лѣса служатъ имъ вмѣсто городовъ. Анты же, храбрѣйшій у нихъ народъ, занимаютъ земли надъ Понтскимъ моремъ, между Днѣстромъ и Днѣпромъ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, описывая за воеванія Эрманрика, Иорнадъ высказываетъ: „Эрманрикъ поднялъ оружіе на Венетовъ, которые, происходя отъ одного народа, въ настоящее время составляютъ уже три народа: *Венетовъ, Антоу и Славянъ*. Благоразуміемъ своимъ покорилъ Эрманрикъ и Эстиевъ, обитающихъ вдоль германскаго океана и повелѣвалъ народами *Скифіи* и *Германіи*, какъ своими“²⁾.

Историкъ Феофилактъ Симоката часто употребляетъ имена Гетовъ-Скифовъ и Славянъ, какъ названія одного народа, и прямо утверждаетъ, что „названіе Геты есть древнѣйшее имя Славянъ“³⁾. Географъ Равенскій прямо называетъ Скифію прародиною славянскихъ народовъ: „Scytharum est patria, unde Sclavinorum exorta est prosaria“⁴⁾.

Наконецъ, первый изъ славянскихъ лѣтописцевъ оставилъ намъ слѣдующее свидѣтельство: „Дулѣбы живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Воляныне, а Уличи и Тиверцы сѣдяху по Днѣпру и присѣдяху къ Дунаеву, и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру оли до моря, и суть города ихъ и до сего дне; да то ся зовяху отъ Грекъ Великая Скифъ“⁵⁾.

Если дѣйствительно европейская Скифія эпохи Геродота была прародиною славянскихъ народовъ, а Скифы того времени были прямыми предками Славянъ, то въ этнографіи Славянъ мы должны встрѣтить много общаго съ этнографическими особенностями скифской народности?

Дѣйствительно, въ этнографіи Скифовъ и Славянъ очень много общаго.

По Геродоту, Скифы поклонялись *огню, небу, землѣ, солнцу, лунѣ и богамъ борьбы съ природою и людьми*⁶⁾. Тѣхъ же боговъ, подъ именами *Сварога, Хорса, Дажь-бога, Матери сырой земли, Волоса, Перуна и Егорія храбраю*, мы встрѣчаемъ у славянскихъ народовъ позднѣйшей эпохи язычества⁷⁾. Поклоненіе богамъ выражалось у Скифовъ *въ жертвоприношеніяхъ*, для которыхъ они *не созидали храмовъ, жертвенниковъ и кумировъ*, за исключеніемъ *бога войны*, кумиръ котораго изображался въ образѣ стараго желѣзнаго меча, *воткнутаго на вершинѣ холма*⁸⁾. Точно также у русскихъ Славянъ эпохи язычества *не существовало храмовъ, жертвенниковъ и кумировъ*, за исключеніемъ кумира

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же, гл. 23.

3) Феоф. Ист. кн. III, сар. 4; VI, с. 6; VII, с. 2: «Τοῖς Νέταις τοῦτο γάρ τοῖς βαρβάρους (τοῖς Ἐχλαβήνοισι) τὸ πρεσβύτερον ὄνομα». Доказательства ближайшаго родства Славянъ съ Гетами см. у Ф. Бруна: „Черноморье“. Ст. „О родствѣ Гетовъ съ Даками, сихъ послѣднихъ съ Славянами“, стр. 141 и слѣд.

4) Геогр. Рав.; кн. I, гл. 12.

5) См. списки Лаврентьевскій, Ипатскій, Троицкій, Кенигсбергскій и Густинскій.

6) Исторія; кн. IV; гл. 59. „Скифы поклонялись Вестъ, больше всѣхъ; а по ней, Зевсу и Геѣ, почитая Землю женою Неба; за ними, Аполлону и Небесной Аѳродитѣ, Ираклу и Арею“.

7) См. Бестужева-Рюмина: Русская Исторія; 1872 года; т. I, гл. I, стр. 11 и 16.

8) Исторія Геродота; кн. IV, гл. 59—62. „Скифы не имѣютъ храмовъ, жертвенника и кумировъ, за исключеніемъ Арея... На холмѣ водружается старый желѣзный мечъ, который и означаетъ Кумиръ Арея“.

Перуна, бога войны, стояшаю на холмъ, а богослуженіе выражалось только въ жертвоприношеніяхъ ¹⁾.

Древніе Скифы приносили богу войны *человѣческія жертвы*, а для отправленія богослуженія не имѣли *спеціального класса жрецовъ*. Каждый Скифъ приносилъ жертву самъ и гдѣ ему вздумалось; *общественныя жертвы приносились царями, въ общественныхъ собраніяхъ* ²⁾. Точно также, и у русскихъ Славянъ языческой эпохи *приносились Перуну человѣческія жертвы, не было жрецовъ, а общественныя жертвы приносили „князь и люди“* ³⁾.

Какъ у Скифовъ, такъ и у Славянъ, при отсутствіи класса спеціальныхъ служителей богамъ-жрецовъ, существовалъ *многочисленный классъ гадателей, знахарей, врачей, прорицаній* которыхъ *безусловно повиновались*, а въ случаѣ неудачныхъ гаданій ихъ сожигали ⁴⁾.

Скифъ, приносившій жертву, по словамъ Геродота, *„спутывалъ переднія ноги жертвеннаго животнаго и посредствомъ веревки опрокидывалъ его на бокъ“*, взывая къ богу, которому приносилась жертва; потомъ, безъ огня, предвѣщаній и возліаній, онъ удавливалъ животное, *„посредствомъ поворотовъ пилки, вложенной въ петлю, накинутаю на его шею“* ⁵⁾. Эти способы опрокидывать и удавливать крупныхъ домашнихъ животныхъ до сихъ поръ практикуются въ Малороссіи, мѣстными крестьянами и коновалами.

Содержаніе обычаевъ изъ области уголовного и гражданскаго права, какъ древнихъ Скифовъ, такъ и Славянъ позднѣйшей эпохи язычества, намъ мало извѣстно. Но тѣмъ не менѣе, въ томъ, что извѣстно, мы находимъ факты ближайшаго сродства Скифовъ и Славянъ. Такъ, напримѣръ, по Геродоту: *„кого скифскій царь казнить, того и дѣтей не оставляетъ въ живыхъ* ⁶⁾; и по Русской Правдѣ: *разбойникъ подвергается потопу и разграбленію вмѣстѣ съ его дѣтьми* ⁷⁾. По Геродоту, *„при частныхъ ссорахъ, по суду царскому, послѣ судебного поединка, одинъ Скифъ отдавался во власть другаго, который отрубалъ первому голову“* ⁸⁾. Этотъ обычай представлялъ собою въ первобытномъ, буквальномъ значеніи то, что впоследствии называлось у насъ „вы-

¹⁾ „Были ли у насъ храмы? Лѣтописецъ о храмахъ у Славянъ Русскихъ не упоминаетъ, и говоритъ о томъ, что плоды стояли на холмахъ: и приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ“. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія; т. I, стр. 31.

²⁾ Геродотъ. Тамъ-же; 7, 59, 71 и 72. „Арею Скифы приносили къ жертву сотую часть военнопленныхъ непріятелей“. „Ежегодныя умилоствительныя жертвы приносятся у Скифовъ царями, въ народномъ собраніи, на открытомъ воздухѣ“.

³⁾ П. С. Р. Л., т. I, стр. 35. „Иде Володиміръ... Кіеву и творяше потребу кумирамъ съ людьми своими; и рѣша старцы и бояре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарвѣмъ богомъ“.

⁴⁾ Геродотъ; кн. VI; гл. 67—69. „Есть у Славянъ изъ среды ихъ врачи, имѣющіе такое вліяніе на царя ихъ, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву творцу ихъ что ни вздумается: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ врачъ, не исполнить его приказанія нельзя никоимъ образомъ“. Сказанія о Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста. Изд. Д. А. Хвольсона. 1869 г. гл. VI, п. 9, стр. 38. „Что касается до волхвовъ (у древнихъ Славянъ), говоритъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, то это были гадатели, но никакъ не жрецы“. Рус. Ист. I, стр. 22. „У Скифовъ великое множество гадателей“. Геродотъ, IV. 67. „Когда скифскій царь занеможетъ, призываетъ къ себѣ трехъ знаменитѣйшихъ гадателей“... Тамъ-же, 68.

⁵⁾ Геродотъ; IV, 60.

⁶⁾ Тамъ-же, 69.

⁷⁾ Христоматія по Ист. Рус. права. Владимірскаго-Буданова. 1872 г. стр. 43.

⁸⁾ Геродотъ; IV, 65.

дача головою“¹⁾. О судебномъ поединкѣ у Славянъ говорятъ древнѣйшіе памятники славянскаго права, а также Арабскій писатель X вѣка Ибнъ-Дастъ, по которому: „если кто изъ Руссовъ имѣетъ дѣло противъ другаго, то зоветъ его *на судъ къ царю*, передъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, то исполняется то, что онъ рѣшитъ. Если же обѣ стороны приговоромъ царя не довольны, то, по его приказанію, *должны предоставить окончательное рѣшеніе оружію: чей мечъ острѣе, тотъ и одержитъ верхъ*“²⁾. По Геродоту, древніе Скифы союзный договоръ запивали виномъ, „*смѣшаннымъ съ кровью договаривавшихся сторонъ*“³⁾. По понятіямъ русскихъ крестьянъ, и теперь еще каждую договорную сдѣлку необходимо запить виномъ, а самая важная сдѣлка, договоръ съ чертомъ, скрѣпляется не иначе, какъ *кровью договаривающихся*.

Древніе индоевропейцы отличались особеннымъ уваженіемъ къ своимъ покойникамъ и хоронили мертвыхъ, при соблюденіи извѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ, въ отношеніи которыхъ они являются особенно консервативными, такъ какъ, по понятіямъ древнихъ народовъ, уклоненіе въ этомъ случаѣ отъ установленныхъ давностию обычаевъ и обрядовъ могло отразиться на благополучіи будущей жизни покойника и вызвать съ его стороны непріязненное отношеніе къ живымъ. Отсюда, признавая происхожденіе Славянъ отъ Скифовъ, мы вправѣ ожидать, что въ области погребальныхъ обычаевъ и обрядовъ Славянъ языческой эпохи мы встрѣтимъ много общаго съ такими же обычаями и обрядами древнихъ Скифовъ. И дѣйствительно, факты, состоящіе въ нашемъ распоряженіи, вполне подтверждаютъ это заключеніе.

По Геродоту, „въ могилѣ скифскаго царя погребали: одну изъ женъ покойника, его виночерпця, повара, конюшаго, секретаря и вѣтчика“⁴⁾. Тотъ же обычай соблюдался и у Славянъ позднѣйшей эпохи язычества: „Славяне, говоритъ славянская хроника, сожигаютъ тѣла своихъ государей, а вмѣстѣ съ ними, сжигаютъ рабовъ обою пола, ихъ женъ и всѣхъ тѣхъ, которые находятся при особѣ государя; какъ-то: секретаря, визиря, любимца и лѣкаря“⁵⁾.

По Геродоту, по смерти царя обитатели скифскихъ областей, къ которымъ привозили тѣло покойника, „въ знакъ печали, *надръзывали себѣ уши, царапали лобъ и ноздри и проклявали лъвую руку стрѣлами*“⁶⁾. По свидѣтельству Ибнъ-Даста, женщины Славянъ, когда случится у нихъ покойникъ, „*царапаютъ себѣ ножемъ руки и лица*“⁷⁾. Въ „Житіи князя Константина Муромскаго“, между прочимъ, читаемъ: когда князь Константинъ похоронилъ тѣло усопшаго сына своего Михаила по христіанскому обычаю, то „невѣрные люди, видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе; яко погребаему сущу сыну самодержцеву, князю Михаилу, во знакъ на востокъ лицемъ, а могилы вверху холмомъ не сыпаху, но ровно съ землею; ни тризница не дѣяху, ни битвы, ни *кожикроенія не творящися, ни лицедранія, ни плача безмррнаго; и о томъ безумніи ругахуся*“⁸⁾.

1) См. Д. И. Иловайскаго: Розысканія о началѣ Руси, стр. 21.

2) См. Гаркави: Сказанія Мус. писателей о Славянахъ и Руссахъ; 1870 г.; стр. 269.

3) Геродотъ. IV, 70.

4) Тамъ-же, 71.

5) См. В. В. Макушева: Сказанія иностр. о бытѣ и нравахъ Славянъ. 1861 г. стр. 141, прим. 19.

6) Геродотъ. IV, 71.

7) Хвольсона: Извѣстія Ибнъ-Даста о Слав. и Рус.; стр. 29. Гаркави: Сказ. Мус. Пис. стр. 264.

8) См. А. А. Котляревскаго: „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“. 1868 г. стр. 126. „Житіе Константина Муромскаго“, основательно говоритъ Котляревскій, „представляетъ весьма древнее, мо-

По Геродоту, „по истеченіи юда послѣ смерти царя“, Скифы поминали его жертвой „на мошльномъ курганѣ“ ¹⁾. По свидѣтельству Ибнъ-Даста, Славяне X вѣка, „черезъ юдъ по смерти покойника“, брали кувшиновъ двадцать меду, иногда болѣе, иногда менѣе, несли ихъ „на мошльный холмъ“ и тамъ ѣли, пили и затѣмъ расходились ²⁾. *Годичный поминальный столъ* славянскихъ народовъ настоящаго времени, противный духу христіанскаго ученія, представляетъ собою также воспоминаніе или остатокъ годичной поминальной тризны скифской эпохи.

По Геродоту, ближайшіе родственники умершаго Скифа клали тѣло его въ телѣгу и „въ теченіе сорока дней“ объѣзжали съ нимъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, угощавшихъ гостей, какъ возможно роскошнѣе, „предлагая и мертвецу то, что ѣли живые, а на сороковой день покойника хоронили“ ³⁾. У Русскихъ и Польскихъ крестьянъ настоящаго времени повсемѣстно распространено вѣрованіе, по которому душа покойника въ теченіе сорока дней не оставляетъ земли, посѣщаетъ оставленное тѣло и домъ, въ которомъ разсталась съ нимъ. Во многихъ мѣстностяхъ родные покойника выставляютъ для души его, обыкновенно на окно, а иногда подъ образами, „на покутѣ“, различныя кушанья: блины, пироги, воду, медъ и пр., въ предположеніи, что душа покойника, посѣщая въ теченіе сорока дней оставленный ею домъ, пользуется этими предметами ⁴⁾. Повсемѣстно также у русскихъ крестьянъ и другихъ славянскихъ народовъ соблюдается нынѣ или практиковался до новѣйшаго времени обычай поминаленія покойника обѣденнымъ столомъ *въ сороковой день послѣ ея смерти*, когда, по народнымъ вѣрованіямъ, душа, оставляя землю, окончательно улетаетъ на небо.

Скифы эпохи Геродота, по погребеніи покойника, очищались, „парились въ баняхъ“, представлявшихъ собою „деревянные палатки, обтянутыя войлокомъ, которыя нагрѣвались посредствомъ воды, изливаемой на раскаленные камни; и отъ того происходилъ такой паръ, какого не могла дать ни одна ванна въ Элладѣ; Скифы восхищались такимъ паромъ и кричали отъ удовольствія“ ⁵⁾. По словамъ начальной Русской дѣтописи, Апостолъ Андрей видѣлъ у Славянъ „бани древесны, и пережгутъ е рамяно, совлекутся и будутъ назн; и облекутся квасомъ усніянымъ; и возьмутъ на ся прутье младое и бьются сами; и того ся добьютъ, егда выльзутъ ли живы; и облекутся водою студною, тако оживутъ“ ⁶⁾. Скифы эпохи Приска Панійскаго также парились *въ деревянныхъ баняхъ* ⁷⁾. Въ настоящее время у Русскихъ Славянъ какъ въ помѣщичьихъ, такъ и въ зажиточныхъ крестьянскихъ усадьбахъ встрѣчаются „деревянные бани, въ которыхъ поддается паръ посредствомъ воды, изливаемой на раскаленные камни“, то есть именно такимъ способомъ, о которомъ говоритъ Геродотъ въ извѣстіи о скифскихъ баняхъ.

жетъ быть, современное введенію христіанства свидѣтельство о языческой погребальной старинѣ Русскихъ Славянъ“. Тамъ-же, стр. 127, 128.

1) Геродотъ; IV, 72.

2) Хвольсонъ; стр. 29. Гаркави; стр. 265.

3) Геродотъ; IV, 73.

4) Въ Новгородѣверскомъ уездѣ. Черниговской губерніи, крестьянскіе дома, живущіе по старинѣ, тщательнѣе наблюдаютъ за ежедневною убылью жидкости въ сосудѣ, выставленномъ на окно, для утоленія жажды покойника, и, смотря по количеству убыли, заключаютъ, посѣщаетъ душа оставленный ею домъ или не посѣщаетъ, а также довольна она своими родственниками или не довольна.

5) Тамъ-же.

6) П. С. Р. Д. I, 4.

7) См. Д. С. Дестуниса: Сказанія Приска Панійскаго; стр. 50.

Положительныя доказательства ближайшаго родства Славянъ съ древними Скифами мы находимъ также въ содержаніи могилъ древней Скифіи.

Наружность древнихъ Скифовъ, изображенная на сосудахъ, бляхахъ, перстняхъ, монетахъ и другихъ предметахъ, открытыхъ въ скифскихъ могилахъ, будучи несомнѣнно индоевропейскою, приближается всего болѣе къ типу славяно-русскому.

Академикъ Стефани, признанный знатокъ древностей, открытыхъ въ курганахъ южной Россіи, относящихся къ скифской эпохѣ, изучая изображенія Скифовъ на извѣстныхъ художественныхъ вазахъ, безъ всякой мысли отыскать въ нихъ признаки славянской народности, нашелъ, между прочимъ, слѣдующее: „всѣ человѣческія фигуры, помѣщенныя на фризѣ серебрянной вазы, открытой И. Е. Забѣлинымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ, очевидно, изображаютъ Скифовъ. Передъ нами пять бородатыхъ мужчинъ и трое безбородыхъ юношей. Ни у одного нѣтъ шапки на головѣ, но всѣ отличаются *пустыми, длинно-остриженными волосами, какіе еще и теперь точно также носятъ русскіе крестьяне и которые повторяются на множествѣ другихъ изображеній Скифовъ*. За исключеніемъ одной лишь фигуры, всѣ эти Скифы представлены въ короткихъ сапогахъ; на каждомъ изъ нихъ длинныя, широкіе шаравары, которые также какъ на изображеніяхъ Скифовъ золотой Куль-обской вазы, заткнуты за сапоги, но будучи шире и длиннѣе чѣмъ тамъ, болѣе свисли надъ ними. Извѣстно, что *такой нарядъ еще и теперь въ употребленіи у русскихъ крестьянъ*. Верхняя часть тѣла всѣхъ фигуръ прикрыта короткимъ, тѣсно примыкающимъ къ тѣлу и опоясаннымъ кафтаномъ, который покроемъ своимъ напоминаетъ *казацкій кафтанъ—казакинъ*“¹⁾.

И. Е. Забѣлинъ, въ его очеркѣ „Древняя Скифія въ своихъ могилахъ“, представляющемъ собою сводъ фактовъ, относящихся къ этнографіи древнихъ Скифовъ, добытыхъ раскопками въ южной Россіи до послѣдняго десятилѣтія, высказываетъ рядъ заключеній не менѣе для насъ интересныхъ. „Простыя глиняныя горшки скифскихъ могилъ, говоритъ уважаемый изслѣдователь русской старины, имѣютъ весьма разнообразную форму, начиная отъ *простой нашей чашки, и доходя до кувшина или малороссійскаго лечика*; обыкновенная форма очень сходна съ *малороссійскою же мокитрою*“. „Скифы подпоясывались поясомъ ременнымъ или состоявшимъ изъ бронзовыхъ пластинокъ, *собранныхъ на ремни въ чешую, другъ на друга*. Переднія полы кафтана кроились косяками, въ родѣ фалдъ, длиннѣе одежды. По бокамъ, *какъ у русскихъ одежды, дѣлались прорѣхи*“. „Скифская рубашка пряталась *по малороссійски въ широчайшіе таровары*“. „Изображенія скифскихъ царичъ во многомъ напоминаютъ русскую старину даже XVII вѣка“. „На скифскихъ издѣліяхъ, относимыхъ къ IV вѣку до Рождества Христова, мы находимъ форму травчатого узора и каемочнаго бордюрнаго украшенія, *очень извѣстную въ нашихъ русскихъ украшеніяхъ, на вещахъ и въ рукописяхъ*“. „Любимымъ питейнымъ сосудомъ Скифовъ была *братина, очень сходная формою съ нашею древнею братиною, и рогъ, тоже любимый сосудъ Славянъ* и на нашемъ югѣ и на славянскомъ сѣверѣ, на Балтійскомъ поморьѣ“²⁾.

В. А. Прохоровъ, бывший профессоръ исторіи русскаго искусства въ Петербургской Академіи Художествъ, нѣсколько лѣтъ посвятившій специально собранію и сличенію древностей скифскихъ и славянскихъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію:

1) См. Отчетъ Археол. Имп. Комисіи за 1864 г. Статя А. Стефани, стр. 10, 11, 15 и 16.

2) Ист. Рус. жизни. т. I, с. 640, 642, 645—647.

„Многіе изъ древнѣйшихъ памятниковъ, относящихся къ обстановкѣ быта Скифовъ, повторяются въ послѣдующихъ періодахъ жизни Славянъ вообще и въ особенности Славяно-русовъ, даже въ періодъ христіанскомъ, гдѣ они или буквально повторяются, или имѣютъ близкое сходство и значеніе“¹⁾.

Слѣдовательно, этнографическія особенности Скифовъ эпохи Геродота и Славянъ позднѣйшаго времени вполнѣ подтверждаютъ приведенныя выше историческія свидѣтельства о происхожденіи Славянъ отъ Скифовъ. Указанную нами этнографическую близость Скифовъ и Славянъ невозможно объяснить ни единствомъ степени цивилизаціи этихъ народовъ, ни заимствованіемъ, ни случайностью, а только генетическою связью потомковъ съ предками.

¹⁾ Матеріалы по исторіи русскыхъ одеждъ. 1881 г. с. 7.

О брачных вѣнцахъ.

Н. В. Локровскаго.

Появленіе вѣнковъ относится къ отдаленной до христіанской древности; но всѣ существующія догадки о томъ, кто именно изобрѣлъ вѣнки, не имѣютъ исторической достовѣрности. Всѣ древніе культурные народы: египтяне, евреи, паряне, македоняне, сирійцы, персы, фригійцы, греки и римляне знали вѣнки и соединяли съ ними извѣстный смыслъ. Особенно разнообразное значеніе и примѣненіе имѣли вѣнки въ греко-римскомъ мірѣ, гдѣ, по отзывамъ древне-греческихъ писателей, извѣстно было до 20 видовъ ихъ. Приготавливались они здѣсь изъ растений и металловъ. Въ христіанствѣ вѣнки явились не позднѣе IV вѣка и были признаны символомъ побѣды человѣка надъ своими страстями (Златоустъ). Приготавливались они изъ растений, какъ это принято и доселѣ въ греческой церкви. Въ Россіи вѣнцы явились вмѣстѣ съ христіанствомъ; приготавливались изъ дерева и металла и имѣли форму 1) обруча, украшеннаго орнаментами и священными изображеніями. Въ памятникахъ русской древности сохранились до насъ образцы брачныхъ вѣнцовъ этого рода. Въ коллекціи С.-Петербургской духовной академіи находится 6 экземпляровъ такихъ вѣнцовъ, всѣ они имѣютъ форму обруча или ободка высотой отъ $1\frac{3}{4}$ до $2\frac{1}{4}$ вершковъ безъ всякаго наглавія сверху,—слѣдовательно представляютъ сходство съ византійскою діадимою.

2) Діадима весьма часто на памятникахъ византійской древности встрѣчается съ прибавленіемъ жемчужныхъ, или иныхъ драгоценныхъ привѣсокъ по сторонамъ (ἐνώτια, κρεμαστήρια), въ количествѣ одной—двухъ нитей справа и слѣва, съ крестами на нижнихъ концахъ. Отличительныя черты этой формы заключаются въ обиліи драгоценныхъ украшеній и цѣлыхъ жемчужныхъ привѣсокъ, и потому она уже по самой дороговизнѣ своей не могла находить широкаго примѣненія въ брачныхъ вѣнцахъ. Единственный извѣстный намъ примѣръ украшенія брачнаго вѣнца привѣсками приведенъ у Олеарія на рисункѣ, изображающемъ русскую свадьбу. Но недостатокъ памятниковъ этого рода въ русской древности вознаграждается полнымъ изобиліемъ ихъ на Кавказѣ. До настоящаго времени брачные вѣнцы Грузіи и Арменіи сохранили свою первоначальную форму діадимы съ привѣсками. Драгоценныя матеріалы возмѣ-

щаются здѣсь мишурными блестками: вмѣсто золота является фольга, жемчуги замѣняются стеклярусомъ; но древняя форма тѣмъ не менѣе удерживается.

3) Сверхъ указанныхъ формъ нерѣдко встрѣчается въ памятникахъ византійской древности еще особая форма царской короны—конусообразная, иногда украшенная дробницами и привѣсками по сторонамъ, какъ это видно въ изображеніи коронъ Іоанна Комнина и сына его Алексѣя въ греческомъ евангелиаріи (XII в.) ватиканской бібліотеки и болгарскаго царя Александра въ славянскомъ манускриптѣ (XIII—XIV в.) той же бібліотеки. Разложивъ эту форму на ея составныя части, находимъ здѣсь тотъ же обыкновенный обручъ и прикрѣпленное къ нему сверху конусообразное наглавіе, а направляясь далѣе по пути параллелей наталкиваемся на форму извѣстныхъ великокняжескихъ шапокъ—мономаховой, казанской, астраханской и проч., которыя также въ сущности состоятъ изъ околыша и конусообразнаго покрытія сверху. Примѣры повторенія этой формы въ примѣненіи къ брачнымъ вѣнцамъ намъ приходилось видѣть; одинъ изъ такихъ экземпляровъ срисованъ академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ въ Владимірской губерніи (снимокъ въ коллекціи г. Солнцева). Подобную же форму имѣютъ четыре деревянныхъ вѣнца въ музеѣ христіанскаго искусства при академіи художествъ (№№ 59—60, 63—64), съ тою разницею, что наглавіе ихъ состоитъ изъ трехъ дугъ, съ колонками, кокошниками и крестами (59 и 60), а обручи украшены изображеніями Деисуса Зинаменія Богоматери.

4) Въ XVII в. появляется у насъ особая форма брачнаго вѣнца: обычной широты обручъ украшается по верхнему ребру четырьмя противолежащими фигурами трилиственника. Соотвѣтствующей формы короны съ украшеніями въ видѣ трилиственниковъ въ византійской древности нѣтъ; и хотя напоминаетъ ее діадима съ крестомъ изъ жемчуговъ, но не существуетъ ни одного примѣра, гдѣ форма креста переходила бы совершенно въ форму трилиственника и повторялась на одной и той же діадимѣ четыре раза. Напротивъ въ памятникахъ западно-европейской древности такое явленіе не рѣдко. Трилиственниками украшены императорскія короны въ рукописной латинской Библии (IX в.), въ церкви св. Павла за стѣнами Рима, нерѣдко являются они и на западно-европейскихъ монетахъ. Періодъ западно-европейской готики окончательно упрочилъ эту, арабскую по своему началу, форму въ области изобразительнаго искусства. Въ виду этого сходства нашихъ вѣнцовъ съ западно-европейскими коронами, при отсутствіи прецедентовъ для нихъ въ византійской древности, наконецъ въ виду общепризнаннаго факта вліянія на русское искусство XVII в. со стороны запада, будетъ вѣроятнымъ заключеніе о родствѣ этой формы брачныхъ вѣнцовъ съ формою средневѣковыхъ коронъ запада.

5) Мѣсто украшеній въ видѣ трилиственника въ нѣкоторыхъ экземплярахъ вѣнцовъ занимаютъ острые шипы, разставленные по всей окружности верхняго ребра вѣнца. Форма эта, употребительная у насъ въ XVII и XVIII в. и особенно въ юго-западной Россіи, имѣетъ также свои параллели въ формѣ царскихъ коронъ. Въ памятникахъ Византіи шипообразная корона усвоется олицетвореніемъ отвлеченныхъ понятій, напр. въ греческомъ евангелиаріи (XII в.) ватиканской бібліотеки „*ἐλεημοσίνη* и *δικαιοσύνη*“; изрѣдка шипы соединяются здѣсь также съ жемчужною повязкою, какъ въ медальонныхъ изображеніяхъ Евдоксіи, дочери Θεодосіа младшаго и жены Валентиніана III, и императора Ираклія. Въ Россіи ее находимъ на древнихъ новгородскихъ и псковскихъ монетахъ, также на монетахъ великокняжескихъ отъ временъ

Василія Васильевича до Алексѣя Михайловича включительно и на памятникахъ иконографіи XVIII в. Въ западной Европѣ образцовъ ея безчисленное множество. По своему первоначальному происхожденію—это одна изъ древнѣйшихъ формъ короны и извѣстна была задолго до Р. Хр.

б) Последняя въ хронологическомъ порядкѣ форма брачнаго вѣнца приближается къ обычному типу современной намъ европейской короны. Въ основѣ ея лежитъ тотъ же обручъ діадимы, окаймленный по верхнему ребру сплошнымъ рядомъ зубцовъ или шиповъ, съ перекрестіемъ вверху, состоящимъ изъ двухъ или трехъ скрещенныхъ дугъ, въ центрѣ пресѣченія которыхъ находится колонка съ маковицею и крестомъ. Наиболее типическое отличіе этой формы составляетъ перекрестіе изъ двухъ или трехъ высокихъ дугъ; но и оно не есть продуктъ изобрѣтательности новыхъ художниковъ, а старая форма, лишь видоизмѣненная примѣнительно къ своему новому назначенію. Въ ней мы можемъ наблюдать постепенный переходъ формы изъ области практической въ область эстетики. Раскопки на сѣверномъ берегу Чернаго моря, въ областяхъ греческихъ колоній, и памятники византійскаго искусства даютъ знать, что древняя діадима иногда имѣла тонкое перекрестіе, не выступающее наружу, но скрытое внутри обруча. Оно нужно было отчасти для того, чтобы голова имѣла вверху діадимы точку опоры, отчасти же, какъ въ византійскихъ діадимахъ, для того, чтобы служить опорой для креста, который утверждался иногда сверху надъ центромъ діадимы. Съ теченіемъ же времени перекрестіе это стало подниматься выше и выдаваться сверху діадимы; форма его оказалась пригодною для цѣлей эстетическихъ, а первоначальное назначеніе его забылось.

Въ числѣ украшеній брачныхъ вѣнцовъ чаще всего встрѣчается изображеніе деисуса. Составляя одно изъ весьма распространенныхъ, начиная съ глубокой древности, изображеній, находя мѣсто и въ церквахъ, и въ домахъ, и даже на предметахъ обычнаго употребленія, изображеніе это было весьма умѣстно и на брачныхъ вѣнцахъ, тѣмъ болѣе, что и по своей виѣшней формѣ оно оказывалось весьма удобнымъ для вѣчнаго ободка. На женскихъ вѣнцахъ повторяется то же самое изображеніе, или изображеніе знаменія Богоматери: послѣднее является обычнымъ въ новгородскихъ вѣнцахъ, какъ изображеніе мѣстной святыни. На задней сторонѣ вѣнцовъ изображался крестъ съ тростію, копіемъ и обычными надписями; по бокамъ—херувимы и серафимы. Всѣ эти изображенія, выражая собою общія христіанскія мысли и понятія, не имѣютъ здѣсь спеціальнаго значенія; оно открывается здѣсь лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда Спаситель изображенъ въ видѣ царя, а Богоматерь въ видѣ царицы. Царскіе вѣнцы на главахъ Спасителя и Богоматери (изображенныхъ на вѣнцахъ) указываютъ косвеннымъ образомъ на высокое значеніе таинства брака и наводятъ на мысль о томъ, что въ умѣ художника царскіе и брачные вѣнцы представлялись явленіями сродными. Такое же сопоставленіе идеи брачнаго вѣнца съ идеею царской короны можно видѣть и въ изображеніяхъ равноапостольныхъ царей Константина и Елены. Какъ первый царь, доставившій торжество церкви и причисленный вмѣстѣ съ своею благочестивою матерью, царицею Еленою, къ лику святыхъ, Константинъ Великій естественно выдвигался впередъ всякій разъ, когда возбуждался въ умѣ богослова или художника вопросъ о царскомъ достоинствѣ въ православіи. И вотъ, нося въ своемъ сознаніи мысль о царскомъ достоинствѣ брачнаго союза, художникъ изображалъ Константина и Елену на брачныхъ вѣнцахъ, какъ символахъ этого до-

стоинства. Православная русская церковь съ своей стороны поддерживала это убѣжденіе, доказательствомъ чего служитъ то, что въ древнерусскихъ чинопослѣдованіяхъ брака весьма часто встрѣчается тропарь, а иногда и кондакъ Константину и Еленѣ, а въ отпускѣ поминаются ихъ имена. Почему именно этотъ тропарь и кондакъ,—и эти имена, а не другія, считались приличными брачному чинопослѣдованію, отвѣтъ на это получается изъ сопоставленія идеи царскаго вѣнца съ вѣнцомъ брачнымъ. Изображенія Адама и Евы на брачныхъ вѣнцахъ имѣютъ иной смыслъ: они указываютъ на то, что таинство брака освящаетъ собою естественное чадородіе, начало котораго соединено съ именами прародителей. Наконецъ изображеніе Іоакима и Анны усиливаютъ мысль о вліяніи брака на естественное дѣторожденіе, показывая, что даже неплодные по природѣ, каковы были Іоакимъ и Анна, подѣ дѣйствіемъ этого таинства, получаютъ благословеніе чадородія.

Таковы главнѣйшія формы брачныхъ вѣнцовъ.

Грузинская палеографія.

Д. З. Факрадзе.

При изслѣдованіи старыхъ письменныхъ памятниковъ Грузіи археологъ и филологъ встрѣчаютъ такія затрудненія, изъ которыхъ они очень часто не могутъ выйти. Очертанія буквъ одного изъ ея алфавитовъ, а именно *мхедрули*, или, какъ въ русскомъ переводѣ принято называть его „гражданскій“ въ противоположность *хуцури* или церковнаго, все дальше и дальше назадъ отъ XIV в., до того уклоняются отъ очертаній нынѣ употребляемыхъ буквъ, что съ перваго взгляда съ трудомъ можете принять ихъ за знаки грузинскаго алфавита; и если къ тому же мы примемъ существующее мнѣніе о томъ, что Грузины, кромѣ хуцури и мхедрули, употребляли еще секретный алфавитъ, то станетъ понятно положеніе ученаго, имѣющаго дѣло съ древними грузинскими памятниками письма.

Починный академикъ Броссе, долгую свою жизнь посвятившій добросовѣстному изученію всѣхъ родовъ памятниковъ Грузіи, не разъ останавливается на грузинскомъ секретномъ алфавитѣ. „Когда-то, говоритъ онъ въ одной изъ статей, читанныхъ имъ въ Академіи Наукъ, Грузины имѣли свою криптографію, составленную изъ опрокинутыхъ буквъ. Образцы такого письма сняты нами въ манускриптѣ Парижской императорской бібліотеки: это суть условные знаки, которыхъ одна серія вмѣстѣ съ ключомъ извѣстна намъ; извѣстно намъ и нѣсколько такихъ приписей на поляхъ какъ древняго Грузинскаго Номоканона въ Азіатскомъ Музеѣ, такъ и рукописныхъ Грузинскихъ Лѣтописей, принадлежащихъ Румянцовскому Музею“ ¹⁾. Разбирая пергаментный „Сборникъ поученій отцовъ церкви“, или, какъ онъ названъ въ одной его припискѣ, Метафразъ, лѣтъ 40 тому назадъ вывезенный изъ Сванетіи и нынѣ хранящійся въ бібліотекѣ Тифлисской Духовной Семинаріи, Броссе пишетъ: „Внизу одной страницы, относящейся къ № 33, помѣщена небольшая записъ, сдѣланная секретнымъ алфавитомъ, употреблявшимся въ Грузіи. Я не могъ разобрать ее, хотя и имѣю 19 образцовъ такого письма“ ²⁾.

¹⁾ Mém. Asiat., V, 65—66.

²⁾ Voyage archéol. dans la Georgie et dans l'Arménie, 1-re Rapp., p. 7.

Если подъ секретнымъ письмомъ разумѣть какіе либо особые неизвѣстные знаки, или хоть знаки извѣстнаго алфавита, но имѣющіе, независимо отъ того значенія, какое имъ придается въ самомъ алфавитѣ, и особое условное значеніе, то мы не можемъ раздѣлять мнѣнія Броссе о существованіи секретнаго письма въ Грузіи. Мы сами находили въ древнихъ грузинскихъ манускриптахъ массу записей въ родѣ тѣхъ, какія онъ указываетъ; намъ извѣстна и самая запись Сванетскаго „Сборника“ и, сравнивая ихъ знаки съ знаками, бывшими когда-то въ общемъ употребленіи, мы находимъ, что они ни формами своими, ни выражаемыми ими звуками никакого секретнаго письма не образуютъ и что всѣ записи въ манускриптахъ и всѣ акты писаны обще-извѣстнымъ въ тѣ эпохи, которымъ они принадлежатъ, алфавитомъ, хотя нужно при этомъ помнить, что прежде чѣмъ окончательно установился мхедрули, *которымъ исключительно дѣлались всѣ записи, относимыя покойнымъ академикомъ Броссе къ секретному письму*, знаки его представляютъ, какъ и было замѣчено, типичныя особенности; но обратимся сначала къ исторіи.

Предварительно замѣчу, что названіе хуцури и мхедрули въ древней грузинской литературѣ совсѣмъ неизвѣстно и время, когда эти особыя названія впервые входятъ въ употребленіе еще не опредѣлено. Не опредѣлена и эпоха появленія этихъ алфавитовъ. Изъ существующихъ по этому вопросу двухъ мнѣній одно признаетъ мхедрули древнѣе хуцури и относитъ его изобрѣтеніе къ первому царю Грузіи Фарнаозу въ II в. до Р. X.; изобрѣтеніе же хуцури приписываетъ армянскому ученому Месробу въ V в. по Р. X.; другое мнѣніе наоборотъ находитъ, что хуцури образовался гораздо ранѣе мхедрули и что этотъ послѣдній есть ничто иное, какъ тотъ же хуцури, но съ теченіемъ времени упростившійся. Что касается самаго порядка, въ которомъ буквы грузинскаго алфавита расположены, то въ этомъ отношеніи онъ держится порядка греческаго алфавита, кромѣ того, однѣ изъ грузинскихъ буквъ очертаніями своими напоминаютъ буквы греческаго же алфавита, а буква *Მ* какъ въ грузинскомъ такъ и въ древне-греческомъ носитъ даже одно и то же названіе *σάν* — *сѣб*¹⁾; другія же буквы, преимущественно уставнаго хуцури, какъ формами, такъ иногда и выражаемыми ими звуками весьма близко подходятъ къ буквамъ дева-нагари и другихъ письменъ Индіи²⁾. Введеніе письма въ Грузіи подъ влияніемъ греческой культуры, вѣроятно еще во времена черно-морскихъ греческихъ колоній, по моему мнѣнію, едва ли должно подлежать сомнѣнію и потому, что самое названіе у Грузинъ чернилъ и камышеваго пера *მელანა* *меланъ* *კალამი* — *каламъ* должно быть заимствовано отъ Грековъ: *μέλανιον* и *καλαμάριον*³⁾.

Вопросъ, который изъ двухъ грузинскихъ алфавитовъ древнѣе, можетъ быть рѣшенъ только сравнительнымъ изученіемъ грузинской палеографіи. Какъ извѣстно, въ палеографіи уже признанъ тотъ фактъ, что нѣтъ ни одного стараго алфавита, который бы появился на свѣтъ Божій въ самомъ началѣ вполне законченнымъ, но что каждый изъ нихъ измѣнялся, пополнялся и совершенствовался съ теченіемъ времени. Палеографія же установила законъ, при руководствѣ котораго не трудно распознать,

1) Lenormant, Alphabetum: въ Diction des antiquités grecs et romaines, par Daremberg et Saglio, fasc. II, p. 195.

2) Brosset, L'Eléments de la langue Géorg., p. 6—7.

3) Dict. des antiq., fasc. III, p. 528—540.

который изъ двухъ родственныхъ алфавитовъ долженъ быть признаваемъ прототипомъ или отцомъ другого. Къ сожалѣнiю, грузинскую палеографiю никто еще не изучалъ научно. Единственная попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана дляятаго Археологическаго съѣзда. Палеографическая таблица грузинскаго алфавита съ образчиками его изъ старыхъ актовъ, приложенная къ протоколамъ съѣзда, даетъ, правда, вѣрное понятие о характерѣ мхедрули въ периодъ времени между XI и XV вѣками; но она по своей отрывочности не показываетъ связи мхедрули съ бывшимъ въ употребленiи въ предшествующiе вѣка алфавитными знаками. Прослѣдить эту связь по периодамъ, насколько это возможно, въ настоящее время, значитъ подвинуть впередъ спорный вопросъ объ относительной древности того или другаго изъ грузинскихъ алфавитовъ.

Памятники, дающiе намъ ключъ къ уразумѣнiю этой связи, суть вещественные и письменные. Древнѣйшими доселѣ извѣстными памятниками перваго рода должны быть признаны, во первыхъ, грузинскiя монеты съ ихъ монограммами, относящiяся къ эпохѣ Сассанидовъ; во вторыхъ, монастыри: Урбнуса и Ркони въ Горiйскомъ уѣздѣ и Креста противъ Мцхета, послѣднiй съ надписями VII в. Памятниками втораго рода служатъ манускрипты V—IX вв. Мы прилагаемъ въ концѣ настоящей замѣтки палеографическую таблицу по эпохамъ съ образчиками хуцури и мхедрули, которая показываетъ слѣдующее:

Алфавитные знаки извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ Грузiи состоятъ исключительно изъ буквъ уставнаго или заглавнаго хуцури. Въ тотъ периодъ нѣтъ еще слѣда не только мхедрули, но даже скорописнаго или строчнаго хуцури. Буквы этого устава отличаются грубымъ, вполнѣ архаическимъ характеромъ, какимъ отличается и древнѣйшiй армянскiй уставъ. Въ нихъ, какъ справедливо замѣтилъ еще покойный Броссе, тонкiя черточки, долженствующiя служить связью корпуса буквы, въ большинствѣ случаевъ отсутствуютъ. Въ уставномъ алфавитѣ не встрѣчаются еще нѣкоторыя буквы, появляющiяся лишь впоследствии; въ числѣ ихъ буква *o*, замѣняется соединенiемъ двухъ буквъ *o, ч*—*oʒ* какъ въ греческомъ и славянскомъ *ou* вм. *o*. Звукъ *o, ч* выражаетъ разные звуки: и *u*, и *e*, и *ue*; букву *ч* *g* часто замѣняютъ и буква *р* *ʒ* и буква *ч* *z*. Эти и другiя паразитныя буквы сильно затрудняютъ чтенiе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя буквы, выражающiя каждая особый звукъ, мало отличаются другъ отъ друга, напр. *к*—*q* отъ *к*, *р*—*ʒ* отъ *р* *ʒ*—*ʒ*. Скорописный хуцури встрѣчаемъ начинающимъ входить въ употребленiе въ одномъ древнемъ вариантѣ четверо-евангелiя съ датой VII в., которую, впрочемъ, я признаю сомнительною, хотя глубокая древность самаго четверо-евангелiя, по моему мнѣнiю, не подлежитъ сомнѣнiю (см. замѣтку III). Затѣмъ онъ является болѣе распространеннымъ. Въ немъ и паразитныхъ буквъ гораздо меньше и самая сложная *o, ч* замѣняется отдѣльнымъ знакомъ *oʒ*, тогда какъ *o, ч* въ уставѣ господствуетъ до XII или XIII в. Буква *oʒ* первоначально ставится отдѣльно въ формѣ *oʒ*, соответствующей *o, ч*; эти двѣ *oʒ* съ теченiемъ времени сливаются и образуютъ одну букву, состоящую сначала изъ четырехъ черточекъ *oʒ*, а потомъ изъ трехъ, что нынѣ въ употребленiи. Изъ этой *oʒ* родилась буква *oʒ* въ алфавитѣ мхедрули. Мы полагаемъ, что появленiе скорописнаго хуцури предшествуетъ не большимъ промежуткомъ времени образованiю мхедрули. Во всякомъ случаѣ мхедрули, какъ пока-

зывается таблица, есть тот же скорописный хуцури, но только болѣе упростившійся, принявшій съ продолженіемъ времени характеръ общественнаго, такъ сказать, свѣтскаго почерка. Древнѣйшіе образцы мхедрули мы находимъ въ памятникахъ X—XI вв. въ надписяхъ, во первыхъ, на фасадѣ церкви г. Ани, которая неправильно извѣстна подъ именемъ „греческой“ и которой мы посвятимъ впослѣдствіи особую замѣтку; во вторыхъ, въ храмѣ Соукъ-су въ Абхазіи, и въ третьихъ, въ весьма интересномъ и въ палеографическомъ и историческомъ отношеніяхъ, вновь найденномъ пергаментномъ актѣ царя Баграта IV (1027—1072). Разборъ этого акта см. замѣтку V. Этотъ то мхедрули образуетъ въ теченіе X—XIII вв. тотъ алфавитъ, который Броссе относитъ къ числу секретныхъ. Онъ таковъ, что дѣйствительно не можетъ быть прочтенъ безъ ключа въ рукахъ. Особенно съ большимъ трудомъ онъ разбирается, когда принимаетъ характеръ сложнаго вязнаго письма. Интересна исторія грузинской вязи. Вязь въ древнія эпохи грузинской палеографіи совсѣмъ неизвѣстна ни въ уставѣ, ни въ скорописномъ хуцури; извѣстно лишь употребленіе словъ сокращенныхъ, подъ титлами. Вязь родилась изъ мхедруми и затѣмъ принята была уставомъ хуцури. Она начинается развиваться съ XIV в. Вязью писались въ большинствѣ случаевъ заголовки книгъ и актовъ, записи въ концѣ ихъ и подписи рукъ, въ особенности же подписи членовъ царскаго дома и католикосовъ. Вязныя подписи нѣкоторыхъ каталикосовъ нерѣдко заканчиваются какою либо фигурою, напр., креста, руки и пр. Оригиналенъ въ подписяхъ каталикосовъ: Николая (1683—1693 г.) и Доментія III (1705—1742), фигура сложенной для благословенія руки. Вообще вязное письмо въ періодъ наибольшаго его развитія до того замысловато, что вамъ приходится ломать голову, чтобы въ лабиринтѣ вкривь и вкось переплетающихся знаковъ и линій подмѣтить буквы, едва похожія на буквы и угадать ихъ смыслъ, который, однако, часто остается неразъясненнымъ. Упоминаемыя вязныя подписи даютъ полную возможность опредѣлить время, къ которому относятся тѣ и другіе акты безъ даты, одна серія которыхъ, въ числѣ около 500, нынѣ хранящихся въ Грузино-Имеретинской Синодальной конторѣ, по предложенію Императорской академіи наукъ еще въ 1877—78 гг., была мною тщательнo изучена, но которую, къ сожалѣнію, по неимѣнію времени, я не могу привести въ порядокъ для представленія Академіи.

Вообще говоря, кто внимательно и долго изучалъ уставъ письма хуцури и особенно мхедрули, по періодамъ ихъ развитія, тотъ безъ особаго затрудненія можетъ распознать эпоху, а нерѣдко и вѣкъ, къ которому относится то или другое письмо на стѣнахъ ли храма, въ манускриптахъ ли, на утвари ли и пр. Этого не можемъ сказать о строчномъ письмѣ хуцури: оно во всѣ періоды болѣе или менѣе однообразно и распознать его по періодамъ или трудно, или невозможно; только аеонскій строчный хуцури бросается въ глаза своимъ оригинальнымъ характеромъ: ¹⁾ манускрипты, имъ писанные въ X—XI вв. на Аеонѣ, на Синаѣ, въ Іерусалимѣ и въ Антиохіи, замѣтно отступаютъ характеромъ письма отъ манускриптовъ, писанныхъ въ монастыряхъ самой Грузіи: буквы перваго письма, снабженнаго иногда прекрасно исполненными, на манеръ византійскій, инициалами, всегда удлинены и ставятся болѣе косо; буквы же послѣдняго короче и прямѣе. Здѣсь нужно замѣтить и то, что съ ра-

¹⁾ Называю аеонскимъ потому, что, думаю, онъ долженъ былъ возникнуть на Аеонѣ, служившемъ въ древности главнымъ центромъ литературной дѣятельности грузинскихъ иноковъ.

спространеніемъ строчнаго хуцури уставъ хуцури отходить на задній планъ, встрѣчаясь лишь въ видѣ прописныхъ буквъ, въ заголовкахъ и въ краткихъ записяхъ; манускрипты всецѣло имъ уже не пишутся, а потому, если вамъ встрѣятся цѣлыя книги, писанныя исключительно уставомъ, то вы ихъ смѣло можете отнести къ періоду времени до XI в. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и то, почему уставъ съ продолженіемъ времени все больше и больше падаетъ въ каллиграфическомъ отношеніи. То же самое замѣчается и въ мхедрули только въ обратномъ смыслѣ: онъ съ теченіемъ времени все болѣе или болѣе совершенствуется въ своихъ формахъ и періодомъ наибольшаго его развитія въ семь отношеніи служатъ XVII и XVIII вв.

Объясненіе таблицъ.

ТАБЛИЦА XIX.

№ 1. Начало Евангелія отъ Іоанна изъ Ксанскаго четверо-Евангелія. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ четверо-Евангеліи см. въ моей статьѣ „Древніе варианты грузинскаго четверо-Евангелія“.

№ 2. Изъ древняго Сванетскаго манускрипта IX в. Данныя объ немъ можно видѣть у Броссе въ Voyage archéol. dans la Géorgie et dans l'Arménie. Spb. 1849. 1-ге Rapp., 2—9.

№ 3. Изъ того же Сванетскаго манускрипта.

№ 4. Изъ пергаментнаго Псалтыря, отъ котораго уцѣлѣло только нѣсколько листовъ, найденныхъ лѣтъ 6—7 тому назадъ въ развалинахъ церкви въ Галгайскомъ обществѣ.

№ 5. Изъ манускрипта X в., принадлежащаго Никозской церкви въ Душетскомъ уездѣ.

ТАБЛИЦА XX.

№ 1. Изъ приписки въ одномъ Сванетскомъ манускриптѣ, найденномъ мною въ самой Сванетіи, въ бытность мою тамъ въ 1860 г. См. мою статью „Сванетія“ въ Запискахъ Кавк. отд. Русск. геогр. Общ., кн. VI, прил. № 22.

№ 2. Изъ приписокъ Сванетскаго греческаго Евангелія, что нынѣ въ Гелатскомъ монастырѣ. Объ этомъ Евангеліи см. въ Melanges asiatiques статью Броссе „Note sur un manuscrit des quatre Evangiles, rapporté du Souanet-Libre et appartenant au comte Panine“, t. VI, p. 269—286. По приведенной и другимъ припискамъ указываемое Евангеліе принадлежало Коридетскому монастырю, который Броссе ищетъ въ Сванетіи, но который, по моему убѣжденію, долженъ былъ лежать въ Мургульскомъ ущельи, бывшей Батумской области, въ селеніи, до сихъ поръ сохранившемъ названіе Каридети. Манускриптъ долженъ быть IX—X в.

№ 3. Изъ гуджара въ числѣ болѣе 2000 хранящихся въ управленіи государственными имуществами Тифлисскаго губерніи и переданныхъ туда въ 1852—3 г. изъ Грузино-Имеретинской Синодальной конторы. По реестру Шіо-мгвимскаго монастыря № 35. Къ сожалѣнію, гуджаръ не имѣетъ уже начала, но кто-то, снявшій со всего его копию, ввратно,

когда онъ еще хранился въ Синодальной конторѣ—копія приложена къ подлиннику—сохранилъ намъ самое начало гуджара, и въ немъ упоминается царь Георгій, „сынъ Давида Куропалата“. Этотъ Георгій утверждаетъ въ собственноручной припискѣ гуджаръ, хотя отца своего непоименовываетъ (табл. II, № 4). Въ другой припискѣ гуджара (табл. III, № 1) даетъ свое удостовѣреніе неизвѣстный католикосъ Гавриилъ. Если вѣрно передалъ переписчикъ гуджара содержаніе его объ отцѣ Георгія, то послѣдній долженъ быть Гургенъ (онъ же Георгій), сынъ Давида, умершаго въ 994 г., и отецъ абхазскаго царя Баграта III († 1014 г.) (*Histoire de la Géorg.*, II, livr., p. 623). Во всякомъ случаѣ глубокая древность акта несомнѣнна: онъ палеографическимъ характеромъ письма весьма близко подходитъ къ гуджару Баграта IV, царствовавшаго въ 1027—1072 гг. (См. табл. IV, № 1), а характеръ письма въ припискѣ Гавриила напоминаетъ письмо таблицы III, № 2.

№ 4. Приписка царя Георгія на вышеупомянутомъ актѣ.

ТАБЛИЦА XXI.

№ 1. Приписка католикоса Гавриила на гуджарѣ табл. II, № 3.

№ 2. Изъ надписи на фрескѣ древняго храма въ Соукъ-су въ Абхазіи. Броссе не вѣрно передаетъ, со словъ какого-то священника, все содержаніе ея въ *V. archéol.*, VIII гarr. 118. Правда, она читается не вся, но безъ особаго труда разбирается то мѣсто ея, которое говоритъ „о царствующемъ благочестивомъ царѣ Куропалатѣ Георгіѣ“. Это, полагаю, Георгій I, сынъ Баграта IV, умершій въ 1027 г. (*H. de la G.*, II, livr., 623).

ТАБЛИЦА XXII.

№ 1. Изъ гуджара, найденнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Имеретіи Д. П. Пурцеладзе. Онъ не имѣетъ ни начала, ни конца, но несомнѣнно принадлежитъ Баграту IV. Онъ важенъ, между прочимъ тѣмъ, что перечисляетъ предковъ Баграта IV, начиная отъ *мамала* Гварама († 883 г.) въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ они указаны въ самыхъ Грузинскихъ лѣтописяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ ссылки на ихъ акты, данныя Опизскому и Миджнадзорскому монастырямъ, что въ бывшей Батумской области. Гуджаръ этотъ послужилъ мнѣ предметомъ особой статьи, посланной мною въ 1865 г. въ Императорскую Академію Наукъ.

№ 2. Изъ гуджара по реестру Шіо-мгвимскаго монастыря № 1. Онъ данъ царицею Тамарою „въ индиктіонѣ“ или годъ „царствованія ея 19-й“, значитъ въ 1203 г., ибо какъ доселѣ извѣстно, она вступила на престолъ въ 1184 г. (*H. de la G.*, I, 403). Подпись въ концѣ акта (см. на самой табл.) я признаю сдѣланною собственною рукою Тамары, хотя имени ея въ ней нѣтъ, ибо подписью утверждается гуджаръ, а утвердить его могла только она сама. Вторая надпись гуджара (табл. V, № 1) принадлежитъ мужу ея Давиду, а приписка его на той же табл. № 2, сдѣлана Антоніемъ Чкондидели, игравшимъ въ царствованіе Тамары выдающуюся роль (*H. de la G.*, I, 423, 440). Въ этой припискѣ въ началѣ Чкондидели молятъ Бога о долгоденствіи царицы Тамары съ мужемъ ея Давидомъ и сыномъ Георгіемъ Лашою.

ТАБЛИЦА XXIII.

№ 1. Подпись царя Давида, мужа царицы Тамары на гуджарѣ табл. IV № 1.

№ 2. Приписка на томъ же гуджарѣ № 2, Антонія Чкондидели.

№ 3. Изъ гуджара по реестру Шіомгв. монаст. № 64. Онъ данъ Шіо-мгвимскому монастырю однимъ изъ блиставшихъ при царицѣ Тамарѣ Мандатуртъ ухуцесомъ (*chef des mandators*) Чіаберомъ. На немъ подпись Чіабера и католикоса Іоанна (*H. de la G.*, I, 409, 428, 450—453). Актъ принадлежитъ Грузино-Имеретинской Синодальной конторѣ.

№ 4. Изъ гуджара по реестру Шю-мгвимс. мон. № 65, принадлежащаго Синодальной же конторѣ. Его даетъ Шю-мгв. монастырю „сынъ Эривана Эривановъ“ Іоаннъ Дзаганъ Абулетидзе, при царицѣ же Тамарѣ (H. de la G., I, 410).

ТАБЛИЦА XXIV.

№ 1. Изъ гуджара по реестру Шю-мг. м. № 56. Гуджаръ данъ этому монастырю сыномъ царицы Тамары царемъ Георгіемъ Лашою въ индикціонъ его царствованія 10-ый (1222 г.) при католикосѣ Іоаннѣ, который, впрочемъ, въ лѣтописяхъ Грузіи при Георгіѣ Лашѣ уже не упоминается. На гуджарѣ имѣется подпись Георгія.

ТАБЛИЦА XXV.

№ 1. Изъ гуджара по реестру Синодальной конторы № 485, относящагося къ царствованію внука царицы Тамары и сына Русудани Давида IV, какъ и двоюроднаго брата послѣдняго, сына Георгія Лаши Давида V (XIII в.). Актъ этотъ, интересный картиною начала монгольскаго періода въ Грузіи, данъ нѣкимъ „Эриваномъ Эривановъ Кахою“ монастырю Ркони, что въ ущельѣ Тедзмисъ-хеви въ Горійскомъ уѣздѣ. Подробный анализъ его см. въ H. de la G., II, 2 livr., 452 — 460. Онъ хранится въ управл. госуд. имущ. Тифл. Губерніи.

№ 2. Изъ приписки въ фоліантномъ четверо-Евангеліи, писанномъ *на бумагѣ* и найденномъ мною въ 1879 у грузино-католическаго епископа въ Артвинѣ, бывшей Батумс. обл. По содержанію она историческаго интереса не представляетъ; но помѣщая здѣсь выдержку изъ нея въ виду ея значенія въ палеограф. отношеніи: характеромъ письма она замѣчательно сходствуетъ съ актомъ, передъ симъ указаннымъ, такъ что можно подумать, что и то и другое письмо принадлежитъ одной и той же рукѣ. Поэтому не сомнѣваюсь, что онъ относится къ эпохѣ появленія рконскаго акта, тѣмъ болѣе, что самое Евангеліе принадлежитъ XIII вѣку.

№ 3. Изъ акта по реестру Шю-мгв. м. № 63, писаннаго въ корониконъ 32—1344 г. На немъ подпись вязью (см. табл. VIII, № 1).

ТАБЛИЦА XXVI.

№ 1. Подпись вязью на актѣ 1344 г. (Табл. VII, № 3).

№ 2. Изъ акта царя Александра 1438 г. Въ актѣ названы жена Александра Тамара и сыновья: Вахтангъ, Дмитрій и Баграть (H. de la G. II, 1 livr., 625).

№ 3. Изъ акта царя Георгія IX. Онъ данъ въ кор. 135—1447.

№ 4. Изъ акта того же царя Георгія, супруги его Нестанъ-Дареджаны и сына Александра. Онъ данъ въ корон. 148—1460 г.

ТАБЛИЦА XXVII.

№ 1. Изъ акта того же царя Георгія, даннаго въ корон. 150—1462 г.

№ 2. Изъ акта сестры царя Баграта, монахини Гаіане. Актъ данъ въ корон. 196—1508 г. Объ нихъ см. въ H. de la G., II, 1 livr., 626.

№ 3. Изъ акта, даннаго при сынѣ Константина, царѣ Давидѣ въ корон. 208—1520 г. Кватахевскому монастырю сыномъ Зазы Панасертели-Цицишвили Мерабомъ. Объ нихъ въ H. de la G. II, 1 livr., 626.

№ 4. Изъ акта 1699 г., даннаго Манглинскому храму и его епископу Гавріилу Джавахишвили католикосомъ Іоанномъ Діасамидзе. Что Іоаннъ Діасамидзе занималъ престолъ католикоса въ указанную нашимъ актомъ эпоху, объ этомъ см. въ H. de la G. II, 1 livr., 88, 90, 96; 2 livr., 499, 500 и 503.

ТАБЛИЦА XXVIII.

№ 1. Подпись на актъ 1538 г. католикоса Малакии, время католикосства котораго признается спорнымъ (Н. de la G. II, 1 livr., 265. п. 4).

№ 2. Подпись кат. Доментія I, бывшаго католикосомъ при царѣ Свимонѣ I (1558—1600). (Н. de la G. II, 1 livr., 31.

№ 3. Подпись кат. Христофора изъ фамиліи Урдубега-щвили. Онъ умеръ при Вахтангѣ V (1657—1676) (Н... II, 1 livr., 71, 75).

№ 4. Подпись кат. Доментія II, племянника Вахтанга V. Онъ занялъ постъ католикоса послѣ Христофора и † въ 1675 г. (Н. de la G., II, 1 livr., 75, 82).

№ 5. Подпись на актъ 1699 г. католикоса Николая изъ фамиліи Амилахвари, премника Доментія II (Н. de la G., II, 1 livr., 82, 88).

№ 6 и 7. Подписи на актахъ 1706 и 1724 гг. католикоса Доментія III, роднаго брата царя Вахтанга VI. Эпоха его святительства указывается между 1705 и 1742 гг. (Н... II, 1 livr., 53, 56, 62, 101, 109, 111, 125, 126, 133, 134).

№ 8. Подпись католикоса Антонія I, сына царя Иессея. Онъ † въ 1788 г. Полную исторію его жизни и подвиговъ см. въ Н... II, 2 livr., 62, 88, 197, 203, 228, 234, 237, 241, 253, 531, 540.

№ 9. Подпись католикоса Антонія II. Онъ былъ сынъ царя Ираклія II, въ мирѣ Теймуразъ, занималъ престолъ католикоса въ теченіе 39 лѣтъ и умеръ въ 1827 г. въ Нижнемъ Новгородѣ (Н... II, 2 livr., 250, 253, 298 и 331).

№ 10. Подпись на актъ 1520 г. католикоса Василія, хотя имени въ подписи нѣтъ. Указаніе его около того вр. въ другихъ актахъ, бывшихъ въ рукахъ Броссе, см. въ Н. de la G., II, 2 livr., 468, 473—475 г.

№ 11. Подпись неизвѣстнаго католикоса.

ТАБЛИЦА XXIX.

Алфавитъ грузинскій по эпохамъ, составленный на основаніи актовъ и манускриптовъ.

Ժնկն զՏիկար կուցն ք . ամ
 ունի սիւր ունիւր ք . արդ
 սուս ուսր քարցն արճոն ք ուր
 Կոզւոյ զբառնակիցար . աս
 Կեանկց ցն . ասճոյն՝ ալ ոն
 Ժարս . ասնիւլ ք . զբո . քարս
 քարսնուր . ար զբառնակիցար .

Ժոյր ասնկոյն ք . ասնիւր
 Կն . սիւր ասն . Կնկարցն . արս .
 Կնկն . Կնկն . ք . Կնկն . ար
 Կնկարցն . Կնկարցն ք .
 ասնուր . Կնկարցն Կնկարցն ք .

Ե Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն

Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն

Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն

Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն
 Կնկն Կնկն Կնկն Կնկն

Древніе варіанти грузинскаго четверо-Евангелія.

Д. З. Бакрадзе.

Въ ученѣмъ мірѣ въ настоящее время грузинское Евангеліе извѣстно только въ переводѣ Георгія Святогорца, жившаго въ XI в. Выказано было даже мнѣніе, что до этого Георгія Евангелія не было на грузинскомъ языкѣ ¹⁾. Что оно должно было существовать ранѣе Георгія, въ доказательство могутъ быть приведены во первыхъ, то обстоятельство, что введеніе въ какомъ бы то ни было народѣ христіанской религіи, имѣющей своимъ основаніемъ евангельское ученіе, всегда вызывало необходимость его перевода на языкъ того народа. Такъ, не говоря о греческомъ, уже въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ явились переводы его на языкахъ латинскомъ и сиріакскомъ, а въ V в. мы его находимъ на языкахъ—готескомъ, коптскомъ, еѳіопскомъ и армянскомъ ²⁾; во вторыхъ, свидѣтельство грузинскихъ лѣтописей какъ о грузинскомъ переводѣ Евангелія, сдѣланномъ въ первой половинѣ V в. для супруги царя Арчила Сандухты, такъ и о существованіи Евангелія, богато украшеннаго во второй половинѣ того же вѣка Вахтангомъ Гургасланомъ и принесеннаго въ даръ въ VI в. царемъ Парсманомъ одной изъ шіо-мгвимскихъ церквей ³⁾, и въ третьихъ, запись, имѣющаяся во многихъ спискахъ перевода евангелія Георгія Святогорца, которая гласитъ, что онъ только провѣрилъ и исправилъ „прежде тщательно сдѣланные переводы святого Евангелія“, хотя встрѣчаются и такіе списки, которыхъ записи говорятъ, что онъ вновь перевелъ Евангеліе.

Изъ списковъ грузинскаго четверо-Евангелія древнѣе XI в. пока извѣстенъ ученому міру одинъ, переписанный въ 936 г. для царя Сумбата и нынѣ хранящійся въ Джручскомъ монастырѣ въ Имеретіи. Его видѣлъ покойный академикъ Броссе въ 1848 г. ⁴⁾, но еще болѣе древними, чѣмъ джручское Евангеліе, оказываются два списка

¹⁾ Кондакова, Исторія византийскаго искусства. Одесса, 1876, стр. 240.

²⁾ Martigny, Dictionn. des antiq. chrét. Paris, 1877, p. 434. — Langlois, Collection des histor. armén., I, XXI—XXIII.—Tischendorf, De la date de nos Evangiles, Toulouse, 1866, p. 66, 266, 277.

³⁾ Hist. de la G., I, 147, 208.—Сборникъ Жизнеописаній Св. отцовъ груз. церкви, изд. Шіо-Мгвимскій, стр. 40.

⁴⁾ V. archéol., XII Rapp., 84—85.

Евангелія, случайно попавшіе въ мои руки. Такъ какъ одинъ изъ нихъ найденъ въ Ксанскомъ ущельи, а другой въ церкви св. Степана въ селеніи Урбниси, то я въ настоящей своей замѣткѣ буду называть первый *ксанскимъ*, а второй *урбнисскимъ*.

Очень интересна судьба и того и другаго манускрипта. Ксанское четверо-Евангеліе открыто во дворѣ одной изъ развалинныхъ ахалгорскихъ церквей въ 1880 г.; спустя два года нѣкоторые листы его отысканы мною въ томъ же мѣстѣ. Что оно пролежало долгое время подъ открытымъ небомъ, вслѣдствіе чего и подверглось влиянію стихій, это показываетъ самый видъ его; но злосчастная участь его этимъ не кончается: по привозѣ его въ Тифлисъ, одинъ изъ искателей грузинскихъ древностей, какъ я узналъ впоследствии, вынулъ изъ него часть съ рисунками евангелистовъ и вывезъ въ С.-Петербургъ. Въ нынѣшнемъ своемъ положеніи оно заключаетъ въ себѣ: изъ Евангелія Матѳея восемь послѣднихъ главъ; все Евангеліе Марка; Евангеліе Луки, за исключеніемъ IX—XVII главъ и Евангеліе Іоанна, не считая восемь сгнившихъ заключительныхъ его главъ.

Что касается урбнисскаго четверо-Евангелія, то оно дошло до насъ въ полной сохранности. Поля его покрыты множествомъ приписокъ, показывающихъ, что первоначальною родиною его былъ Чорохскій бассейнъ, откуда попало сначала въ Мингрелію и Имеретію, а впоследствии въ Россію и оттуда уже въ Урбнись. Изъ историческихъ лицъ, упоминаемыхъ въ его припискахъ, особенно извѣстны: во первыхъ, очень часто являющіеся члены древняго и именитаго рода Кавкасидзе, въ вотчинѣ которыхъ лежалъ знаменитый въ Чорохскомъ бассейнѣ Пархальскій монастырь, что нынѣ въ предѣлахъ Турціи; во вторыхъ, бедійскій архіепископъ Антоній Жванидзе, упоминаемый въ надписи памятника X в. Бедии въ Самурзакани ⁵⁾; въ третьихъ, Наринъ-Давидъ, вѣроятно, царствовавшій въ 1243—1259 гг.; въ четвертыхъ, какой-то царевичъ Іосафатъ и въ пятыхъ кутаисскій архіепископъ Свимонъ Чхетидзе, жившій въ началѣ XVI в. ⁶⁾. Оно было вывезено въ Россію епископомъ харчашнѣйскимъ Григоріемъ, отправленнымъ туда въ 1784 г. съ грамотою царя Ираклія. Григорій уже не возвращался въ Грузію и умеръ въ Астрахани ⁷⁾. Въ собственноручной его записи, сдѣланной письмомъ мхедрули въ началѣ Евангелія, читается: „Годъ 1798. Я смиренный Григорій, епископъ харчашнѣйскій жилъ въ городѣ Астрахани и святое сіе Евангеліе сдалъ въ астраханское книгохранилище“. Годомъ смерти Григорія, по имѣющимся у насъ другимъ даннымъ, показанъ 1797. Это, очевидно, ошибка, такъ какъ по записи Евангелія онъ еще жилъ въ 1798 г.

Повторяю, не можетъ подлежать сомнѣнію глубокая древность и ксанскаго и урбнисскаго четверо-Евангелій. Здѣсь достаточно сказать, что оба они писаны заглавнымъ или уставнымъ церковнымъ алфавитомъ. Вообще грузинскіе манускрипты, написанные всецѣло этимъ алфавитомъ, какъ я это показалъ въ предшествующей II замѣткѣ, позже X в. не встрѣчаются, ибо въ XI ст. церковно-уставное письмо уже вытѣснено повсемѣстно въ Грузіи отъ него происшедшимъ болѣе легкимъ скорописнымъ алфавитомъ. Правда, послѣдній встрѣчается и въ раннія эпохи, но какъ алфавитъ постепенно входящій въ употребленіе.

⁵⁾ V. archeol., VIII Rapp., 92—94.

⁶⁾ H. de la G., 11, 1 іюля, 265, 293.

⁷⁾ Акты Кавказ. Археограф. Комиссіи, V, стр. 1091.

По внѣшнимъ и палеографическимъ признакамъ изъ обоихъ четверо-Евангелій болѣе древнимъ является ксанское: пергаментъ его самой грубой выдѣлки; буквы аляповаты; инциалы безъ всякихъ украшеній, ни линейка, ни циркуль при начертаніи инциаловъ неизвѣстны; вообще буквы его своими очертаніями подходятъ близко къ характеру буквъ на извѣстныхъ нумизматахъ самыхъ древнихъ грузинскихъ монетахъ сассанидской эпохи, хотя, слѣдуетъ оговориться, этотъ самый характеръ онъ удерживаетъ часто въ манускриптахъ до IX в. включительно; къ тому же, въ немъ нѣтъ слѣда скорописнаго хуцури: очевидно, этотъ послѣдній совсѣмъ еще неизвѣстенъ. Относительно урбнисскаго четверо-Евангелія я долженъ замѣтить слѣдующее: совокупность всѣхъ внѣшнихъ признаковъ его показываетъ, что оно принадлежитъ послѣдующей эпохѣ: буквы его болѣе правильны и довольно красивы; инциалы ставятся при помощи линейки и циркуля, но безъ трехъ-угольника и имѣютъ разныя украшенія, сдѣланныя красками, хотя они гораздо грубѣе инциаловъ X—XI вв.; записи переписчика и своды содержанія каждаго Евангелія, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ ксанскомъ четверо-Евангеліи, сдѣланы скорописнымъ хуцури.

Можетъ быть время написанія ксанскаго четверо-Евангелія и имѣется на одномъ изъ его листовъ, вывезенныхъ въ С.-Петербургъ: намъ пока неизвѣстно. Въ урбнисскомъ же четверо-Евангеліи дата показана и въ началѣ и въ концѣ: въ обоихъ мѣстахъ запись, въ которой говоритъ о себѣ переписчикъ, нѣкто Іоаннъ Татанели, заканчивается словами: ღაბღაბღაღაბ ზაღა „отъ сотворенія (міра) 6110“. По грузинскому лѣтосчисленію 6110 г. соотвѣтствуетъ 506, а по греческому 596 по Р. X. Здѣсь, мнѣ кажется, слѣдуетъ держаться греческаго лѣтосчисленія, ибо у насъ нѣтъ данныхъ, чтобы въ то время Грузины имѣли свой отдѣльный корониконъ. Вообще, какъ видите, древность весьма почтенная! Между грузинскими манускриптами, извѣстными въ Европѣ, Россіи и самой Грузіи, еще не найдено ни одного манускрипта такой древности и притомъ съ датой, которая, замѣтимъ, чѣмъ древнѣе манускриптъ, тѣмъ менѣе встрѣчается, хотя въ самыхъ древнихъ манускриптахъ съ датой принята въ большинствѣ случаевъ дата отъ сотворенія міра. Къ сожалѣнію, дата въ урбнисскомъ четверо-Евангеліи представляется подозрительною: оно писано не рукою переписчика и не его чернилами: подновлена ли сглаживавшаяся первоначальная дата, или нѣтъ трудно положительно сказать, но чернила даты какъ будто однѣ съ тѣми, которыми сдѣлана запись Григорія Харчамнійскаго; хотя, какъ я нахожу, изъ подъ новыхъ буквъ и въ началѣ и въ концѣ манускрипта замѣтны края нѣкоторыхъ первоначальныхъ буквъ.

Какъ бы то ни было, но мы имѣли возможность провѣрить четверо-Евангелія, какъ между собою, такъ и съ переводомъ Георгія Святогорца, котораго нѣсколько древнихъ пергаментныхъ списковъ имѣлось у насъ въ рукахъ и провѣрка эта несомнѣнно показала, что всѣ три четверо-Евангелія суть отдѣльные варианты или даже, можетъ быть, отдѣльные переводы, рѣзко отличающіяся одно отъ другаго и что древнѣйшимъ изъ нихъ является и по содержанію именно ксанское четверо-Евангеліе, затѣмъ урбнисское и наконецъ Георгіево.

Здѣсь предварительно замѣчу, что мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, съ какаго именно языка былъ сдѣланъ въ началѣ переводъ грузинскаго четверо-Евангелія; вѣроятно же всего съ армянскаго, ибо, во первыхъ, есть въ немъ нѣкоторые слѣды вліянія армянскаго языка, и во вторыхъ, въ жизнеописаніи Георгія Святогорца,

оставленномъ намъ однимъ изъ его учениковъ, читаемъ слѣдующее: „Мы съ самаго начала имѣли и Писанія, и вѣру истинную; но такъ какъ мы были далеко отъ Грековъ, то Армяне, вкравшись въ наше довѣріе, подъ видомъ духовной пользы сѣяли въ нашемъ народѣ плевелы; отъ нихъ у насъ даже были нѣкоторыя книги, ими же переведенныя; но Господь воздвигъ среди насъ новаго Златоуста отца Евфимія, который началъ очищать нашъ край отъ плевелъ посредствомъ перевода Св. Писанія“¹⁾. Если къ числу переведенныхъ съ армянскаго книгъ причислимъ и четверо-Евангеліе, то первое время его перевода мы можемъ отнести къ той самой эпохѣ, когда Армяне приступили къ переводу Евангелія на свой языкъ съ греческаго языка, а именно къ V в. ²⁾.

Только тщательная провѣрка грузинскаго четверо-Евангелія съ древнимъ армянскимъ переводомъ можетъ вполне выяснитъ степень армянскаго вліянія на его складъ рѣчи и пр. Мы здѣсь остановимся на нѣкоторыхъ словахъ, которыхъ не можемъ объяснить иначе, какъ армянскимъ вліяніемъ и которыя совершенно чужды грузинскому языку и какъ таковыя давно вышли изъ употребленія: онѣ проникли изъ древнѣйшаго перевода и въ позднѣйшіе варианты: *პარაკად*: *ესე წართქრის პარაკად, რათა აღიღოს კვართი მისი*. Матѳ. XXVII, 32; *პერონ*: *და სულმან უკეთიუმან შეიპყრა ეგე და მეესეულად ღაღატევის და დაჭკვევის იგი და პერონ და მნიად განეშორის*. Луки, IX, 39; *რახ—ძი, ვინ—ძი: რახ—ძი უნდეს ღსახე დედად მისა*. Луки, I, 58; *ვინ—ძი იუალ უდიდეს*. Луки, IX, 46. Независимо сего въ Ксанскомъ четверо-Евангеліи постоянно встрѣчаются формы словъ, которыя весьма рѣдко находишь въ позднѣйшихъ переводахъ, напр. *მუბთქეესეე მეესეულად* (Матѳ. V, 27; Марка, I, 10; VII, 34; X, 52; XV, 1). Слово это только однажды попалось мнѣ въ переводѣ твореній Григорія Богослова, сдѣланномъ въ X в. ³⁾, когда переводъ четверо-Евангелія не былъ исправленъ Георгіемъ; *შაკრის*, *შაკრისა*, *განეშორა*; *იუაჟვადა*; *უჟლებედ* вм. *უჟლებენ*; *მეგებვადა*; *თაუგანისცეს*; *სცხამდეო*; *ამპაკრის—უაჟა*; *პარგულ* და *პარცსლ* вошедшія и въ Картлисъ-Цховреба (стр. 265) и въ грузинскую біблію; *ადგიდ—ადგიდ* (Марка, X, 38; Луки, VI, 7; VII, 34; XII, 46, XIX, 11; XXI, 11; XXII, 24; XXIV, 35; Іоанна, IV, 2; V, 34; XI, 11, 25; XII, 19, 21). Нѣкоторыя собственные имена въ Ксанскомъ четверо-Евангеліи имѣютъ армянскія формы, напр. *იოსეჟ*—*Иосерѳ* вм. *იოსებ*—*Иосебъ* (Іоанна, VI, 43); *იანანე* или *იაკანე*—*Іоване* (Марка, I, 29); *ნოეჟ*—*Нове* вм. *ნოე* (Луки, III, 35). Замѣчательно, что слово *კაპერნაუმ*—*Капернаумъ* и въ Ксанскомъ и въ Урбнисскомъ четверо-Евангеліяхъ всегда пишется въ формѣ *კაჟარნაუმ*—*Карфарнаумъ*, форма, не извѣстная ни въ переводѣ Георгія, ни въ другихъ: латинскомъ, греческомъ и славянскомъ.

Нѣкоторые термины пишутся въ ксанскомъ и урбнисскомъ четверо-Евангеліяхъ съ поясненіемъ ихъ значенія; такъ, *ტალანტი, რამელ არს ქანქანი*—*талантъ*, что значитъ канкаръ (Матѳ., XXV, 14); *ღრაქმა, რამელ არს სატინი*—*драхма*, что значитъ сатиръ (Луки, XV, 8); *პასქაჲ, რამელ არს ვნებაჲ*—*пасха*, что значитъ страсти (Матѳ.,

¹⁾ Сборникъ жизнеоп., т. 111.

²⁾ Langlois, Collect., I, XXII—XXIII.

³⁾ Рукопись Мцхатс. Собора, т. 374.

XXVI, 19; Иоан., XIII, 1); только въ Евангеліи Марка XIV, 1, послѣднее поясненіе осталось въ переводѣ Георгія. Видно, это толкованіе пасхи встрѣчалось еще въ древнѣйшихъ греческихъ текстахъ, ибо Григорій Богословъ въ одномъ изъ своихъ поученій сильно возсталъ противъ неправильности его ¹⁾, вслѣдствіе чего, вѣроятно, и исчезло оно во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ четверо-Евангелій вообще, въ ихъ числѣ и въ спискахъ перевода Георгія.

Въ ксанскомъ четверо-Евангеліи мы встрѣчаемъ массу отступленій въ переводѣ, сокращеній и пропусковъ не только цѣлыхъ фразъ, но и стиховъ, которыхъ невозможно объяснить описками или ошибками переписчика и которыя исправляются въ Урбнисскомъ четверо-Евангеліи; отступленія же, сокращенія и пропуски, одинаковые въ обоихъ четверо-Евангеліяхъ, окончательно исправлены въ XI в. преемникомъ въ переводахъ на Аеонѣ Евфимія Георгіемъ Святогорцемъ.

Изъ числа упомянутыхъ отступленій отъ перевода Георгія и пропусковъ представляю вниманію ученыхъ слѣдующіе:

1) Въ ксанскомъ четверо-Евангеліи каждое Евангеліе носитъ странное заглавіе, которое нѣсколько измѣнено въ урбнисскомъ, а въ позднѣйшихъ четверо-Евангеліяхъ уже болѣе не повторяется, а именно: въ ксанскомъ: *საბარგბაჲ მარკაშის თავისა: თავი; საბარგბა იაკობეს თავისა; თავი*—Евангеліе главы Марка; глава (такая-то); Евангеліе главы Иоанна; глава (такая-то). Въ урбнисскомъ: *საბარგბა: მარკაშის თავი; საბარგბა: იაკობეს თავი*—Евангеліе: глава Марка; Евангеліе: глава Иоанна. Ясный смыслъ заглавій обоихъ четверо-Евангелій показываетъ, что каждое изъ Евангелій принимаемо было во всей цѣлости, какъ одна особая глава, въ свою очередь подраздѣлявшаяся на внутреннія главы или отдѣлы. Вотъ откуда ведетъ свое начало слово *საბარგბა*—*თავი*—четверо-главъ (а не четверо-Евангеліе), вошедшее и въ позднѣйшіе письменные памятники Грузіи.

Въ Евангеліи Матѳея, гл. XXVII, стихъ 2, въ фразѣ „Понтій или Понтійскій Пилать“ слова „Понтій“ нѣтъ ни въ ксанскомъ, ни въ урбнисскомъ четверо-Евангеліи. Мнѣ кажется, „Понтійскій“ ошибочно получило право гражданства въ Евангеліи. Какъ извѣстно, имя Пилата было Понсь-Пилать и, вѣроятно, слово Понтій, Понтійскій явилось, какъ описка въ одномъ какомъ-либо древнемъ спискѣ и уже изъ него распространилось въ позднѣйшихъ его копіяхъ. Изъ современныхъ намъ изданій, на европейскихъ языкахъ, четверо-Евангелій мы находимъ замѣненнымъ слово Понтій словомъ Понсь только въ одномъ французскомъ переводѣ.

3) Во всѣхъ намъ извѣстныхъ Евангеліяхъ стихъ 25 главы X Еванг. Марка передается такъ: удобѣе бо есть вельбуду сквозѣ иглинѣ ушы проити, неже богату въ царствіе Божіе внити; *facilius est camelum per foramen acus transire, quam divitem in regnum Dei intrare*; то же самое и въ спискахъ перевода Георгія. Въ Ксанскомъ четверо-Евангеліи нѣтъ совсѣмъ этого стиха, а въ Урбнисскомъ онъ передается такъ: *ჟადვილეკს ანს მანქანის საძვლი სვრელსა ნემსისა განსვლად*—удобѣе бо есть веревкѣ отъ клина проити...

4) Извѣстная въ Евангеліи Матѳея, гл. XXI, стихи 28—31, притча 1, X—а о двухъ чадахъ, послушномъ и непослушномъ передается въ обоихъ четверо-Еванге-

¹⁾ Пергамент. поученія X вѣка, принадлежація Мцхатскому Собору, л. 21.

ліяхъ въ обратномъ порядкѣ противъ порядка, принятаго во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ и заключительный стихъ ея писанъ такъ: კობ ობოთა ააბოთგაბბბ უსა ბედაა მამისა ოზისისა. მტკეპს: უკანსკეგლმბ—Кій отъ обою сотвори волю отцю; глаголаша ему, *послѣдній*.

Въ ксанскомъ четверо-Евангеліи послѣдняя XVI глава въ Евангеліи Маттея заканчивается 8-мъ стихомъ, а не 20-мъ, такъ что нѣтъ послѣдующихъ стиховъ. Въ урбнисскомъ четверо-Евангеліи этотъ пропускъ пополненъ. Въ главѣ VIII еванг. Іоанна ни въ Ксанскомъ, ни въ Урбнисскомъ Евангеліяхъ нѣтъ первыхъ десяти стиховъ.

Такимъ образомъ становится очевиднымъ, почему въ XI ст. понадобилось Георгію пересмотрѣть и исправить существовавшіе до того переводы четверо-Евангелія. Переводъ Георгія, по словамъ одной записи пергаментнаго списка, сдѣланнаго при немъ же на Черной горѣ въ Антиохіи и найденнаго мною въ ризницѣ русской церкви, въ Горійскомъ уѣздѣ, былъ три раза провѣренъ Георгіемъ съ греческими текстами и такимъ образомъ окончательно установленъ, такъ что онъ ни въ чемъ почти уже не разнится отъ нынѣ существующихъ переводовъ—греческаго, латинскаго и славянскаго.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что глубокая древность грузинскихъ четверо-Евангелій, писанныхъ церковнымъ уставомъ, должна быть отнынѣ признана безспорною, а потому было бы весьма желательно, чтобы всѣ манускрипты этого рода, разсѣянные въ монастыряхъ и частныхъ домахъ Грузіи, были собраны въ Тифлисъ, тщательно сличены между собою и важнѣйшіе ихъ варианты отпечатаны параллельно. Къ числу ихъ можно отнести, намъ кажется, кромѣ указаннаго выше Джручскаго экземпляра ¹⁾ и экземпляръ, имѣющійся въ Зугдидахъ, въ библіотекѣ кн. Мингрельскаго (V. arch. VII, 65). Важность ихъ сличенія очевидна. Оно должно, во первыхъ, пролить свѣтъ на нѣкоторые вопросы въ исторической литературѣ четверо-Евангелій вообще, служащей нынѣ предметомъ изслѣдованій европейскихъ ученыхъ. См. Tischendorf, De la date de nos Évangiles; во вторыхъ, выяснитъ темный въ исторіи грузинской литературы вопросъ какъ объ участіи Армянъ и, конечно, и Сирійцевъ въ начальныхъ переводахъ священныхъ книгъ на грузинскій языкъ, такъ и о степени вліянія армянскаго и сиріакскаго языковъ на лексику и складъ рѣчи грузинскаго языка, оставившіе свои слѣды въ его словарѣ и синтаксисѣ, ибо мы нисколько не сомнѣваемся, что изъ всѣхъ переводовъ грузинскихъ ранѣе всѣхъ явился переводъ четверо-Евангелія и что его языкъ для послѣдующихъ переводовъ, церковныхъ и даже свѣтскихъ книгъ, послужилъ образцомъ и подражаніемъ, и не могъ быть вполне вытѣсненъ языкомъ переводовъ, сдѣланныхъ прямо съ греческаго въ X—XI вв. Независимо всего этого, сама орфографія первыхъ переводовъ наложила свой отпечатокъ на орфографію позднѣйшей грузинской письменности и исторію ея видоизмѣненій мы не можемъ прослѣдить, не обратившись къ самому ея источнику.

¹⁾ Я имѣлъ его недавно въ рукахъ. Онъ весьма близокъ къ урбнисскому экземпляру.

Объ изобрѣтеніи грузинскаго алфавита.

И. Л. Окрочделова.

Армянскіе писатели пятаго вѣка Корюнъ и Моисей Хоренскій, современники Месропа, изобрѣтателя или пополнителя армянскаго алфавита, утверждаютъ, что Месропъ изобрѣлъ и грузинскую азбуку. Корюнъ упоминаетъ объ этомъ въ своей біографіи Месропа въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Месропъ, по изобрѣтеніи армянской азбуки, отправился въ страну Иверовъ (въ Грузію), представился царю этой страны Бакуру и епископу Моисею, ознакомилъ ихъ съ своимъ изобрѣтеніемъ и, съ ихъ согласія, создалъ для Иверовъ азбуку. За симъ царь приказалъ одному свѣдущему въ иверскомъ языкѣ мужу, по имени Джахи, собрать мальчиковъ изъ разныхъ областей, раздѣленныхъ между собою различными нарѣчіями и учить одному языку, на которомъ и стали Иверы прославлять въ послѣдствіи Бога (1). Моисей Хоренскій въ своей исторіи Арменіи говоритъ: „Месропъ, отправившись въ землю Иверовъ съ помощью Божіей благодати и для нихъ устраиваетъ письма при содѣйствіи Джахи, переводчика греческаго и армянскаго языковъ; царь Иверовъ, Бакуръ, и епископъ Моисей содѣйствуютъ Месропу (2)“.

Корюнъ остался малоизвѣстенъ европейской публикѣ. Сочиненіе же Моисея Хоренскаго въ началѣ прошлаго столѣтія было переведено на латинскій языкъ и затѣмъ на всѣ почти европейскіе языки, а потому оріенталисты весьма рано ознакомились съ нимъ (3). Въ настоящее время это сочиненіе пользуется на Западѣ весьма виднымъ авторитетомъ и въ числѣ источниковъ изученія древняго востока занимаетъ не послѣднее мѣсто. Благодаря этому обстоятельству у европейскихъ ученыхъ въ настоящее время господствуетъ увѣренность, сообщенная имъ Хоренскимъ, что грузинская азбука изобрѣтена Месропомъ. Эта увѣренность такъ велика, что даже такой положительный и осторожный ученый какъ Уитней, въ своемъ сочиненіи, изданномъ въ 1875 году (4), утверждаетъ объ изобрѣтеніи грузинскаго алфавита Месропомъ такимъ тономъ, который предполагаетъ вопросъ совершенно рѣшеннымъ.

Между тѣмъ сказанія Корюна и Хоренскаго о грузинскомъ алфавитѣ не включаютъ въ себѣ истины и чтобы поддержать это положеніе мы намѣрены представить въ настоящемъ рефератѣ къ тому данныя.

Эти данные не будут основаны на палеографических фактахъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, грузинской палеографіи пока не существуетъ, но историческія свидѣтельства вообще, внимательное сравненіе грузинскаго алфавита съ армянскимъ, и наконецъ, разборъ самыхъ сказаній Корюна и Моисея Хоренскаго, а также сказанія грузинскихъ лѣтописей дадутъ достаточно основаній для подтвержденія нашего мнѣнія.

Когда говорятъ о грузинскомъ алфавитѣ, введенномъ будто Месропомъ, то всегда имѣютъ въ виду грузинскій алфавитъ церковный, называемый по грузински хуцури, такъ какъ эти письма представляютъ вѣдшее сходство съ армянскими письмами, но при этомъ обыкновенно забываютъ, что у Грузинъ есть и другія письма, называемыя мхедрули, т. е. гражданскія. Гражданскія письма, мхедрули, играютъ и играли въ жизни Грузіи болѣе важную роль, чѣмъ церковныя письма: тогда какъ мхедрули употреблялись всѣми классами общества и были, такъ сказать, популярны, церковныя письма, какъ показываетъ и ихъ названіе, исключительно служили для передачи церковно-служебныхъ, религиозныхъ книгъ. О грузинскомъ гражданскомъ алфавитѣ армянскіе историки ничего не говорятъ, не говорятъ объ этомъ специально и грузинскія лѣтописи, но однако-жъ въ этихъ лѣтописяхъ упоминается о томъ, что Фарнавазъ, первый царь Грузіи, ввелъ въ Грузію письменность, алфавитъ (5). Это упоминаніе грузинскихъ лѣтописей для насъ весьма важно, а потому прежде мы займемся имъ и постараемся доказать, во первыхъ, что сказаніе лѣтописей заслуживаетъ довѣрія и во вторыхъ, что царь Фарнавазъ ввелъ въ Грузію именно гражданскую азбуку, мхедрули; потомъ перейдемъ къ церковному алфавиту, изобрѣтеніе котораго приписывается Месропу.

Царь Фарнавазъ, живши въ концѣ IV и въ началѣ III в. до Р. Х., играетъ въ грузинской исторіи весьма важную роль. До Фарнаваза Грузія управлялась патриархально, лицами, носившими титулъ Мамасахлисовъ (мамасахлиси—отецъ дома). Завоеваніе Александра Македонскаго положило конецъ такому порядку вещей и установило надъ Грузіею военное господство македонянъ. По смерти Александра, Фарнавазъ, сынъ или племянникъ послѣдняго мамасахлиса, изгнавъ изъ Грузіи македонскихъ завоевателей, провозгласилъ себя царемъ Грузіи и, для того, чтобы лучше сплотить свое царство, ввелъ въ Грузію административное и военное устройство на манеръ того, какъ это было сдѣлано Даріемъ Гистаспомъ въ персидской монархіи (6) и вообще болѣе прочныя начала гражданственности. Ему же приписывается и введеніе въ Грузію письменности, и въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего неестественнаго. Человѣкъ, который освободилъ изъ подъ чужеземнаго ига свой народъ и введеніемъ новаго военнаго, административнаго и гражданскаго устройства вывелъ этотъ народъ изъ патриархальнаго состоянія на ступень болѣе развитой гражданственности, высказалъ этимъ ясный планъ придать Грузіи болѣе единства и свою собственную физиономію—такой человѣкъ естественно могъ усмотрѣть въ письменности великое средство для осуществленія своихъ намѣреній относительно Грузіи. Въ особенности доказательнымъ явится подобный взглядъ, если вспомнимъ, что въ эпоху Фарнаваза система передачи мыслей фонетическими знаками не была явленіемъ рѣдкимъ. Всѣ народы, съ которыми тогдашняя Грузія приходила въ столкновеніе, персы, греки и племена, населявшія переднюю Азію, хорошо были знакомы съ алфавитною системою письма.

Теперь рассмотримъ вопросъ — какія письма могъ ввести Фарнавазъ и у какаго народа онъ могъ ихъ заимствовать? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ, что Фар-

навазъ ввелъ зендскія письма и онъ заимствовалъ ихъ у персовъ. Палеографія насъ учитъ, что народъ, заимствующій у другаго азбуку, долженъ находиться въ близкихъ отношеніяхъ къ тому народу, у котораго ее заимствуетъ. Это требованіе вполне удовлетворяется данными, сообщаемыми, какъ исторіею Грузіи, такъ и всеобщою о близкихъ отношеніяхъ Грузіи къ Персіи.

Грузія съ незапамятныхъ временъ находилась въ близкихъ и безпрестанныхъ отношеніяхъ къ Персіи. Она входила въ составъ монархіи Дарія Гистаспа, какъ часть XVIII и XIX сотрапій (7) и Ахренидамъ платила опредѣленную дань. Нравы и религія Грузіи были то же, или почти то же, что у тогдашней Персіи (8); названіе грузинскаго Бога Армази сохранило имя Ормузда. Грузинскіе мамасахлиси находились въ родственныхъ связяхъ съ персидскими царями и съ знатными фамиліями Персіи. Отецъ и дядя Фарнаваза пали въ рядахъ войска Дарія Годомана, защищая владѣчество Персіи противъ вторженія македонскаго завоевателя. Мать Фарнаваза была персіанка (9). Эти факты ясно доказываютъ близость Грузіи къ Персіи.

Въ эпоху Фарнаваза и въ предшествующіе этой эпохѣ вѣка въ Персіи были въ употребленіи языкъ и письма, извѣстные подъ именемъ зендскихъ; клинообразныя письма имѣли специальное назначеніе (10). Если наше положеніе о заимствованіи Фарнавазомъ азбуки у Персовъ вѣрно, то заимствованныя письма, во первыхъ, должны быть зендскія, такъ какъ у персовъ въ то время другія письма не употреблялись и, во вторыхъ, должны были сохранить сходство съ этими письмами. И дѣйствительно, грузинскія письма мхедрули имѣютъ до настоящаго времени поразительное сходство съ зендскими письмами, не смотря на долгій рядъ вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ времени Фарнаваза.

Зендская азбука состоитъ изъ 35 простыхъ изображеній; затѣмъ идутъ дифтонги и лигатуры, которыя состоятъ изъ простыхъ же изображеній, различнымъ образомъ переплетенныхъ между собою и не увеличивающихъ собою общаго фонда изображеній (11). Изъ этихъ 35 буквъ — 25 имѣютъ прямыхъ представителей въ грузинской азбукѣ мхедрули, изъ коихъ однѣ до сихъ поръ сохранили поразительное сходство со своими прототипами, другія подверглись весьма легкому измѣненію, какъ можно удостовѣриться изъ слѣдующей параллели:

Зендскій. Грузинскій. Зендскій. Грузинскій. Зендскій. Грузинскій.

𐎠	ა	𐎡	ბ	𐎣	გ
𐎢	დ	𐎥	ე	𐎨	ვ
𐎦	ზ	𐎩	თ	𐎫	ი
𐎬	ყ	𐎭	რ	𐎯	ს
𐎰	ტ	𐎱	ც	𐎳	ძ
𐎴	ჭ	𐎶	კ	𐎸	ხ
𐎺	შ	𐎼	ჩ	𐎾	ც
𐎽	ც	𐎿	ც	𐏁	ც

Измѣненія и отступленіе буквъ отъ своего прототипа при переходѣ ихъ отъ одного народа къ другому явленіе, весьма обыкновенное въ палеографіи. Къ этому спо-

собствуютъ многія обстоятельства, напр., орудія письма, неодинаковое количество звуковъ, существующихъ у разныхъ народовъ, удобство писать справа на лѣво и наоборотъ, время и др. Грузинскія письма не могли избѣгнуть вліянія этихъ обстоятельствъ и, несмотря на это, многія изъ буквъ зендскихъ сохранились въ грузинскомъ безъ всякаго измѣненія, какъ, напр.: *ϱ, ρ* и пр.; другія, сохранивъ полное сходство, перемѣнили свое положеніе изъ горизонтальнаго въ перпендикулярное и наоборотъ или перевернулись справа налѣво, что весьма легко объясняется тѣмъ, что зендскія письма пишутся справа налѣво, а грузинскія слѣва направо; къ таковымъ можно отнести *ϱ, ρ, ρ, ρ* и пр.; наконецъ, есть и такія буквы, которыхъ отступленіе отъ зендскихъ состоитъ въ томъ, что онѣ утеряли лишь нѣкоторыя черточки, придатки или этимъ придаткамъ дали нѣсколько иное направленіе, чѣмъ какое онѣ имѣютъ въ зендскомъ, какъ, *ϱ, ρ, ρ, ρ* и пр.; нужно упомянуть и о томъ, что не всѣ буквы зендскаго алфавита выражаютъ въ грузинскомъ соответствующіе звуки. Всѣ эти измѣненія такъ незначительны въ грузинскомъ, что всякій знакомый съ палеографіею не сочтетъ натяжкою наше стремленіе доказать сходство, основанное на приведенныхъ данныхъ грузинскаго алфавита съ зендскимъ. Составленіе многихъ алфавитовъ, происшедшее во времена болѣе близкія къ намъ, чѣмъ время введенія грузинскаго алфавита, исторія которыхъ намъ извѣстна достоверно, представляютъ не меньше отступленій отъ своихъ прототиповъ, чѣмъ это мы находимъ, сравнивая грузинскій алфавитъ съ зендскимъ. Примѣромъ можетъ служить русскій алфавитъ, вышедшій изъ греческаго.

Приведенныя данныя, по нашему мнѣнію, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что сходство грузинскаго алфавита съ зендскимъ не есть случайное совпаденіе, а что оно указываетъ на тѣсное ихъ сродство. Но при этомъ можетъ возникнуть вопросъ: дѣйствительно ли зендская азбука введена въ Грузію во времена Фарнаваза? Для рѣшенія этого вопроса у насъ есть тотъ историческій фактъ, что зендскій языкъ и письма вышли изъ употребленія въ Персіи въ III вѣкѣ до Р. Х. вслѣдъ за разрушеніемъ Александромъ Македонскимъ персидской монархіи (12). Послѣ разрушенія и монархіи Александра Македонскаго на сцену выступило порфянское племя и какъ при Аршакидахъ, такъ и при Сассанидахъ въ употребленіи были языкъ и письма пехлевійскія или Гузварехъ. Затѣмъ Персія была завоевана арабами, которые, вмѣстѣ со своею религіею, внесли въ Персію и свои письма до сихъ поръ употребляющіяся. Во все это время зендскія письма совершенно потерялись, исчезли и только благодаря трудамъ Акетилиа Дюперона, во второй половинѣ прошлаго столѣтія выведены были изъ забвенія и стали извѣстны европейскому ученому міру. Это забвеніе, исчезновеніе зендской азбуки ясно указываетъ, что ея заимствованіе другими народами могло совершиться лишь тогда, когда она употреблялась народомъ вліятельнымъ политически и умственно, такъ какъ вліятельность народа, употребляющаго азбуку, есть одно изъ необходимыхъ условій ея принятія другими народами, а извѣстно, что Персія никогда болѣе не достигала той степени вліянія въ передней Азіи, какое она имѣла до македонскаго завоеванія.

Время господства зендской азбуки совершенно совпадаетъ съ эпохою царя Фарнаваза. Послѣ Фарнаваза грузины могли заимствовать азбуку, но эта азбука была бы не зендская, а другая. Но такъ какъ сравненіе показало, что гру-

зины заимствовали зендскую азбуку, то мы должны вывести, что заимствование совершилось именно во времена Фарнаваза.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что Грузины были знакомы съ азбукою гораздо раньше Месропа. Это же самое доказывается и другими сказаніями грузинскихъ лѣтописей, изъ каковыхъ еще нѣкоторыя мы приведемъ здѣсь, а потомъ перейдемъ къ церковной азбукѣ и къ сказаніямъ армянскихъ лѣтописей о роли Месропа.

Грузинскія лѣтописи повѣствуютъ, что царь Миріанъ, при которомъ введено было въ Грузію христіанство, до принятія новой религіи, захотѣлъ предварительно узнать ея достоинство, для чего, кромѣ неоднократныхъ объясненій съ проповѣдниками Христова ученія „много читалъ старыхъ и новыхъ книгъ, а также книгу Нимврода“, въ каковыхъ книгахъ Миріанъ нашелъ пророчества, свидѣтельствующія о пришествіи Мессіи (13). Тѣ же лѣтописи говорятъ, что Миріанъ, Св. Нина и вообще Грузины получили отъ римскаго патріарха привѣтственные письма по случаю принятія ими христіанства и съ своей стороны послали къ нему отвѣтныя письма чрезъ посланнаго патріарха (14). Дальше говорится, что св. Нина, введшая въ Грузію христіанство, вообще воздерживалась сообщать что либо о своей личности и прошлой жизни, но предъ ея смертію, происшедшею въ 338 году по Р. Х., уступая настояніямъ окружавшихъ ее, рассказала свою жизнь, причѣмъ изъявила желаніе, чтобы принесли перо и чернильницу и записали ея разсказъ. Изъ присутствовавшихъ царевна Саломе и Эроставъ Эрощъ Авристованъ принесли перья и чернильницу и записали все, что разсказывала про себя св. Нина (15). Тамъ же разсказывается, что когда маленькаго сына царя Варазбакара, по имени Мурваносъ, стали учить письму и чтенію, то онъ оказалъ въ ученіи такіе быстрые успѣхи, что поразилъ своихъ современниковъ (16). Мы оставляемъ въ сторонѣ многія другія свидѣтельства, относящіяся къ этимъ же временамъ. Эти указанія или данныя, относящіяся къ IV вѣку нашей эры, къ эпохѣ предшествовавшей изобрѣтенію Месропа, также подтверждаютъ, что Грузины имѣли письмена еще до Месропа.

Разъ мы допустимъ достовѣрность вышеннеложеннаго, мы непремѣнно должны будемъ вывести положеніе, что у Грузинъ до Месропа была азбука и эта азбука была мхедрули. Установивши это, мы перейдемъ къ азбукѣ церковной и къ сказаніямъ о Месропѣ.

Грузинская церковная азбука хуцури дѣйствительно на первый взглядъ весьма походить на армянскія письмена, изобрѣтеніе которыхъ приписывается Месропу, но все это сходство ограничивается только одною внѣшностью. Армянскія буквы для своего изображенія употребляютъ прямыя линіи и сочетаніемъ между собою этихъ прямыхъ линій получается изображеніе отдѣльныхъ звуковъ. Поэтому армянскія буквы имѣютъ углы и угловатый видъ. Этой же системѣ изображенія слѣдуютъ и грузинскія церковныя буквы и имѣютъ также угловатый видъ, въ отличіе отъ мхедрули, который, взамѣнъ прямыхъ линій, употребляетъ дуги и потому имѣетъ видъ совершенно округленный. Когда же вы минуете это внѣшнее сходство и начнете сравнивать отдѣльныя буквы грузинскаго церковнаго алфавита съ буквами армянскими, то въ нихъ не окажется никакого внутренняго сходства, за исключеніемъ изъ всего алфавита одной буквы *Გ* к. На оборотъ, когда сравните грузинскія церковныя буквы съ грузинскими же гражданскими, то получаютъ поразительные результаты, — изъ 38 буквъ, составляющихъ гражданскую азбуку, тридцать имѣютъ точныхъ предста-

вителей въ церковной азбукѣ, съ тѣмъ незначительнымъ отступленіемъ, что гражданскія буквы, какъ это было замѣчено выше, имѣютъ круглыя фигуры, дуги, церковныя же эти дуги разогнули въ прямыя линіи. Для примѣра приведемъ нѣсколько сравненій:

Гражданскія.	Церковныя.
с	ш
д	з
б	п
в	л

Изъ остальныхъ восьми буквъ, семь значительно отступили отъ гражданскихъ буквъ, но это отступленіе, во всякомъ случаѣ не такъ велико, чтобы нельзя было привести ихъ къ своимъ прототипамъ; восьмая же буква *h*, представляетъ весьма большое сходство съ армянскою буквою, соответствующаго значенія. Говоря о сходствѣ грузинскаго церковнаго алфавита съ гражданскимъ, мы имѣли въ виду всѣ строчныя буквы и нѣкоторыя заглавныя церковнаго алфавита; что же касается другихъ заглавныхъ буквъ, то сходство ихъ, какъ съ грузинскими гражданскими буквами такъ и армянскими весьма неуловимо (17). Достоянно замѣчанія, что нѣкоторыя буквы церковнаго алфавита представляютъ болѣе близкое сходство съ зендскими буквами чѣмъ алфавитъ мхедрули, напримѣръ: *з*, *ч*, *п* и *л*.

Этотъ разборъ насъ привелъ къ тому, что церковная азбука имѣетъ одну букву общую съ армянскою и систему изображенія буквъ; изъ остальныхъ же 37 буквъ—30 совсѣмъ похожи на гражданскія, а семь имѣютъ менѣе рѣзкое сходство съ ними. Изъ этого, мнѣ кажется, можно смѣло вывести, что грузинская церковная азбука есть та же гражданская азбука съ измѣненіемъ дугъ на прямыя линіи. Но это измѣненіе не такъ велико, чтобы для его совершенія необходимо было прибѣгнуть къ иностранной помощи тому народу, который находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Византією и другими центрами тогдашней образованности, который при томъ болѣе семи вѣковъ владѣлъ искусствомъ письма.

Теперь перейдемъ къ сказаніямъ Корюна и Моисея Хоренскаго и рассмотримъ ихъ внутреннее содержаніе. Надо замѣтить, что грузинскія лѣтописи не сохранили никакой памяти ни о Месропѣ, ни объ изобрѣтеніи или измѣненіи имъ церковнаго алфавита. Преданія Корюна и Моисея Хоренскаго весьма близки и согласны между собою. Оба они говорятъ, что изобрѣтеніе Месропа совершилось при царѣ Бакурѣ, епископѣ Моисеѣ и Джахи. Разница состоитъ лишь въ томъ, что Хоренскій Джахи считаетъ переводчикомъ съ греческаго и армянскаго языковъ, помогавшимъ Месропу, что съ своей стороны указываетъ на весьма вѣроятное обстоятельство, — на незнаніе Месропомъ грузинскаго языка; Корюнь же называетъ Джахи просто свѣдущимъ въ грузинскомъ языкѣ мужемъ. Къ своему разсказу Корюнь прибавляетъ, что Месропъ изъ Грузіи отправился въ Албанію и на возвратномъ пути на престолѣ Грузіи засталъ уже другаго царя, по имени Арцюхъ, который съ большимъ рвеніемъ распространялъ азбуку Месропа.

Здѣсь названы четыре имена: два царя Бакуръ и Арцюхъ, епископъ Моисей и Джахи. Что имени Джахи не сохранилось въ грузинскихъ лѣтописяхъ, нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ онъ могъ быть ученымъ, но сана никакого не имѣлъ, а грузин-

скія лѣтописи занимаются лишь дѣяніями царей, епископовъ и нѣкоторыхъ эриставовъ, наслѣдственныхъ правителей провинцій. Удивительно и непонятно то, что изъ упомянутыхъ лицъ въ эпоху Месропа грузинскія лѣтописи ни о какомъ царѣ Бакурѣ и епископѣ Моисей не упоминаютъ, а имени царя Арццоха грузинская исторія вовсе не знаетъ. Между тѣмъ всѣ имена грузинскихъ царей и епископовъ, высшихъ духовныхъ сановниковъ того времени, достовѣрно извѣстны. Месропъ родился въ 361 году и умеръ въ 441 (18). Со времени введенія христіанства въ Грузію до 446 года, т. е. до вступленія на престолъ царя Вахтанта I, значить пять лѣтъ спустя послѣ смерти Месропа, въ Грузіи было всего девять епископовъ и ни одинъ изъ нихъ не носитъ имени Моисея. Подъ именемъ Бакура въ Грузіи царствовали три царя, изъ коихъ первый умеръ въ 246 году послѣ Р. Х., второй въ 528 году, процарствовалъ всего 14 лѣтъ, а третій еще позже. Эти факты не могутъ не ослабить значенія преданія армянскихъ историковъ объ изобрѣтеніи Месропомъ грузинскаго алфавита. Есть еще фактъ не лишенный значенія — это именно буква о въ армянскомъ алфавитѣ. Эта буква, незнакомая алфавиту Месропа, была введена въ армянскую азбуку въ XII столѣтіи (19); между тѣмъ отдѣльная буква, для выраженія звука о употреблялась Грузинами, въ томъ же видѣ, какъ она употребляется и въ настоящее время, еще въ VI столѣтіи, чему доказательствомъ служитъ изображеніе монеты царя Степаноса, жившаго въ концѣ VI вѣка, помѣщенное Викторомъ Ланглуа въ его классификаціи грузинскихъ монетъ (20). Кромѣ этихъ данныхъ, рядъ неопровержимыхъ историческихъ фактовъ доказываетъ, что Грузія находилась въ частыхъ и близкихъ отношеніяхъ къ Персамъ, Грекамъ, Римлянамъ и Византіянамъ. У всѣхъ этихъ народовъ употребленіе азбучныхъ знаковъ, какъ извѣстно, было весьма распространено. По этому нельзя допустить, чтобы Грузія весьма рано не почувствовала пользу и благодѣтельность употребленія алфавитныхъ знаковъ. Грузинская азбука весьма совершенный инструментъ для выраженія богатыхъ звуковъ грузинскаго языка; она эти звуки передаетъ съ такою точностью и ясностью, что едва ли найдется много азбукъ, которыя выдержали-бы сравненіе съ нею, не исключая и армянской. Такое совершенство инструмента указываетъ, во первыхъ, на его глубокую древность и на то, что надъ нимъ работала длинный рядъ анонимныхъ тружениковъ, обладавшихъ такимъ умѣньемъ анализировать звуки языка и, во вторыхъ на то, что такой анализъ не могъ быть произведенъ чужестранцемъ, при томъ незнавшимъ языка, какимъ является Месропъ. По этимъ даннымъ сказанія армянскихъ историковъ объ изобрѣтеніи Месропомъ грузинскаго алфавита теряютъ въ нашихъ глазахъ всякое значеніе.

Однако-жъ намъ могутъ возразить, что свидѣтельство такихъ лицъ, какъ Моисей Хоренскій и Корюнъ, очень близкихъ и современныхъ Месропу, не можетъ заключать въ себѣ полный вымыселъ, что въ основаніи свидѣтельства должно лежать что нибудь фактическое (21). На этотъ затруднительный вопросъ мы можемъ отвѣтить только слѣдующимъ предположеніемъ. Вторая половина четвертаго вѣка и пятаго христіанской эры ознаменованы духомъ сильнаго развитія сектанства. Вражда между сектами доходила до грандіозныхъ размѣровъ и не останавливалась ни передъ чемъ. Духъ гоненія и нетерпимости подвергалъ уничтоженію все, что только напоминало противную секту. Это гоненіе постигало и алфавиты. Такъ мы знаемъ, что Несторіанцы, жившіе близъ западныхъ границъ Персіи въ V вѣкѣ, уничтожили

свой старый алфавитъ и изобрѣли новый, дабы уничтожить всякое воспоминаніе о тѣхъ, которые перестали раздѣлять ихъ религіозныя воззрѣнія (22). На ряду съ этимъ извѣстны также стремленія, вызванныя религіознымъ рвеніемъ, чтобы помѣшать новообращеннымъ имѣть сношеніе со старымъ міровоззрѣніемъ и тѣмъ предупредить соблазны,—вводить новыя азбуки. Это въ особенности практиковалось у тѣхъ народовъ, которые до христіанства имѣли не окрѣпшую литературу. Грузины никогда не отличались религіознымъ фанатизмомъ и духъ терпимости всегда былъ у нихъ въ почетѣ, но однако-жъ въ первые вѣка по принятіи христіанства грузинскіе цари и епископы оставили въ исторіи замѣтные слѣды своихъ усилій—отвлечь Грузинъ отъ старины до христіанской. Можетъ быть подъ вліяніемъ этихъ усилій задумано было измѣнить грузинскій алфавитъ и такъ какъ Месропъ ознаменовалъ себя въ Арменіи, былъ приглашенъ въ Грузію, какъ опытный человекъ и онъ посовѣтовѣлъ круглымъ фигуры грузинскихъ буквъ замѣнить прямыми линиями. Хотя при этомъ надо замѣтить, что прямыя линіи могли образоваться изъ кривыхъ и сами собой, путемъ естественнаго перехода. Къ этому переходу могло способствовать то обстоятельство, что до введенія христіанства, есть основаніе думать, что Грузины храмовъ не имѣли, христіанство ввело храмы и на первыхъ же порахъ соорудило ихъ довольно много. На храмахъ дѣлались надписи, которыя дѣлать удобнѣе и легче изъ буквъ, образующихся изъ прямыхъ линій, чѣмъ изъ кривыхъ.

На основаніи всего изложеннаго въ настоящемъ рефератѣ, мы осмѣливаемся предложить слѣдующія три положенія:

1) Въ Грузію азбука была введена царемъ Фарнавазомъ въ концѣ IV или въ началѣ III вѣка до Р. X.

2) Церковный алфавитъ хуцури ничто иное, какъ видоизмѣненный алфавитъ мхедрули и

3) Месропъ, если онъ принималъ какое либо участіе въ образованіи буквъ алфавита хуцури, могъ ограничить все свое участіе лишь введеніемъ въ изображеніи буквъ гражданскаго алфавита, взамѣнъ круглыхъ фигуръ, прямыхъ линій.

1) Сообщеніемъ этого извлеченія изъ Корюна и его переводомъ мы обязаны извѣстному арменисту Н. О. Эмину. Приписываемая Корюну біографія Месропа известна въ двухъ вариантахъ, изъ коихъ первая напечатана венеціанскими мехитаристами въ 1833 году, а вторая — 1854 г. Послѣдній вариантъ переведенъ на французскій языкъ и помѣщенъ въ *Collection des historiens de l'Arménie*, V. Langlois. Приведенное въ текстѣ извлеченіе сдѣлано изъ перваго варианта; второй вариантъ немногорѣчивъ и упоминаетъ только о фактѣ изобрѣтенія грузинскаго алфавита. Достойно вниманія, что оба варианта одинаково упоминаютъ объ отправленіи Месропа изъ Грузіи въ Албанію, гдѣ онъ также касается албанскаго алфавита, но ужъ не какъ создатель его, а какъ возстановитель существовавшаго алфавита; равнымъ образомъ онъ возстановляетъ и преданія о наукѣ или знаніяхъ. Изъ этого усматривается, что Албанія, страна менѣе развитая чѣмъ Грузія, имѣла алфавитъ и преданія о наукѣ раньше Месропа.

- 2) Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, переводъ Н. Эмина, ст. 212.
- 3) Тоже, ст. 19.
- 4) *La vie du langage*, Paris, ст. 202.
- 5) Лѣтописи грузинскія, изданныя академикомъ Броссе въ 1849 г., часть первая, ст. 32.
- 6) Тоже, ст. 31.
- 7) Геродотъ, французскій переводъ, книга III, параграфъ 94 и Исторія Грузіи кн. Баратова, тетрадь первая, ст. 16.
- 8) Грузинскія лѣтописи, ст. 27 и слѣдующія и Баратова, ст. 27.
- 9) Грузинскія лѣтописи, ст. 28 и Баратовъ, ст. 20—21.
- 10) *L'Avesta, Zoroastre et masdéisme* par A. Novelacque, 1880 г., ст. 41.
- 11) *Grammaire de la langue zende*, A. Novelacque, 1878 г., *Grammaire comparée*, t. p., Fr. Ворр. Азбуки восточныхъ и западныхъ языковъ, Р. Ниперта.
- 12) См. примѣчаніе 10.
- 13) Лѣтописи грузинскія, ст. 84.
- 14) Тоже, ст. 97.
- 15) Тоже, ст. 99.
- 16) Тоже, ст. 103.
- 17) Клопротъ, въ своемъ *Aperçu de l'origine des diverses écritures*, Paris, 1832 г., ст. 73 и слѣдующія, не будучи въ состояніи сблизить эти заглавныя буквы хуцури съ армянскими, сравниваетъ ихъ съ другими азбуками и находитъ большое сходство ихъ съ буквами *dévanâgarî* и другими, употребляемыми въ Индіи. Нѣкоторыя изъ сравненій Клопрота не лишены основанія, но мы считаемъ произвольнымъ его предположеніе о томъ, что Месропъ ѣздилъ за этими буквами въ Индію. Біографическія свѣдѣнія о Месропѣ и его путешествіяхъ не оправдываютъ Клопрота. Стремленіе все объяснить Месропомъ и только имъ, показываетъ въ Клопротѣ примѣръ несчастнаго слѣпаго подчиненія преданію, почерпнутому въ Хоренскомъ.
- 18) Исторія Хоренскаго, переводъ Н. Эмина, ст. 362.
- 19) Начальныя основанія гайканскаго языка, Бероева, ст. 7.
- 20) *Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie*, Paris 1860 г., planche II, № 13.
- 21) Грузины подъ словомъ Арменія, Самхети, разумѣли и всю Арменію и часть ея, провинцію сопредѣльную съ Грузіею, Гугаркъ; точно также и Армяне подъ словомъ Иверъ, Иверскъ, разумѣли и всю Грузію и часть ея, ту же самую провинцію, Гугаркъ, такъ какъ эта провинція то принадлежала Грузіи, то переходила къ Армянамъ. Населеніе этой провинціи состояло изъ Армянъ и Грузинъ; правители ея назывались и Бдешхами, и царями, и имя Бакуръ весьма обычное у нихъ. (См. Лазаря Парпеци). Выраженія Корюна и М. Хоренскаго: въ страну Иверовъ, въ землю Иверовъ—одинаково могутъ быть отнесены какъ къ Грузіи, такъ и къ части ея, Гугарку;—въ этомъ обстоятельстве нѣтъ ли разгадки сказаній Корюна и Хоренскаго?
- 22) Fr. Lenormant, *Essai sur la propagation de l'Alphabet phénicien*, томъ второй, стр. 24.

Русскія шатровыя церкви и ихъ соотношеніе къ грузино-армянскимъ пирамидальнымъ покрытіямъ.

Н. В. Султанова.

М. г.!

Я выбралъ предметомъ моего сообщенія русскія шатровыя церкви потому, что изслѣдованіе ихъ можетъ дать отвѣтъ на два запроса, поставленные Съезду по отдѣлу „Искусствъ и Художествъ“.

1) Въ чемъ заключается разница армяно-грузинскаго коническаго и пирамидальнаго покрытія и каменныхъ шатровъ русскихъ церквей московскаго періода?

2) Можно ли на основаніи ихъ сходства заключить, какъ это сдѣлали нѣкоторые изслѣдователи, и, между прочимъ, Виолле-ле-Дюкъ, о происхожденіи русской формы отъ армяно-грузинской?

Формы нашихъ церквей московскаго періода, по моему крайнему разумѣнію, есть форма деревянная и, вдобавокъ, чисто русская по своему происхожденію: это плоть отъ плоти нашей и кость отъ костей нашихъ!

Но, чтобы доказать это положеніе, высказанное *напередъ*, я долженъ сдѣлать, во 1-хъ, хотя самый краткій обзоръ исторіи московскаго зодчества до появленія въ немъ каменной шатровой формы; во 2-хъ, прослѣдить ея зарожденіе и ея историческія судьбы, и наконецъ въ 3-хъ, провести подробную параллель между обѣими формами, т. е. русской и грузино-армянской.

Въ суздальскій періодъ русское искусство достигло довольно значительнаго блеска и развитія и такія постройки, какъ, напр., Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ, основанный въ 1197 г., сдѣлали бы честь романской эпохѣ любой странѣ въ Европѣ. Но безпощадное татарское нашествіе убило зарождавшуюся художественную дѣятельность и не только заставило ее смолкнуть почти на цѣлыхъ полтора столѣтія, но, что хуже всего, порвало на нѣкоторое время всякую связь предъидущаго съ послѣдующимъ, такъ что Москвѣ не пришлось продолжать дѣла Суздаля, а нужно было начинать сначала.

Такимъ образомъ зодчество московскаго періода является искусствомъ относительно молодымъ, не говоря уже объ искусствѣ Грузіи и Арменіи, но даже сравни-

тельно съ зодчествомъ древнѣйшихъ русскихъ центровъ, каковы: Кіевъ, Новгородъ и Владиміръ.

Слѣдовательно, каменная шатровая форма могла появиться въ немъ только тройнымъ путемъ:

1) Или она могла быть занесена туда съ сѣверо-запада и сѣверо-востока Россіи, т. е. изъ Новгородской или Суздальской области; 2) или съ юга, т. е. изъ Грузіи и Арменіи; 3) или же наконецъ она могла появиться въ Москвѣ совершенно *самостоятельно*.

Первые каменные соборы въ Москвѣ, Успенскій, Спасъ на Бору и Архангельскій были основаны въ XIV вѣкѣ Петромъ митрополитомъ и великимъ княземъ Іоанномъ Даниловичемъ Калитою въ 1326, 1328 и 1330 гг. Каковы были эти первоначальные памятники московскаго зодчества, теперь рѣшить довольно трудно. Очевидно, впрочемъ, что они должны были служить продолженіемъ строительной дѣятельности одного изъ двухъ центровъ древне русской, до татарской жизни, Владиміра или Новгорода. О Кіевѣ мы не говоримъ; разоренный и заброшенный, едва влачившій свое существованіе, онъ, конечно, не могъ быть источникомъ какого-либо художественнаго вліянія. Что же касается до вліянія Владиміра или Новгорода, то оказывается не мало данныхъ въ пользу послѣдняго.

Во 1-хъ, Владиміро-Суздальская область до такой степени ослабѣла послѣ татарскаго погрома, что собственно во Владиміръ, Суздаль, Юрьевъ и Переяславль Залѣскомъ и ихъ уѣздахъ, во все продолженіе татарскаго періода, не было построено ни одной каменной церкви ¹⁾; между тѣмъ какъ во Псковѣ и Новгородѣ, избѣжавшихъ татарскаго нашествія, строились каменные церкви и имѣлись свои мастера.

Во 2-хъ, первые мастера московскіе, Кривцовъ и Мышкинъ, взявшіеся до прибытія Аристотеля Фіоравенти, за постройку Успенскаго собора, хотя и видѣли Владимірскій соборъ, но лѣстницу на хоры сдѣлали въ толщѣ стѣны, по новгородски, чего въ суздальскихъ церквахъ никогда не дѣлалось ²⁾.

Въ 3-хъ, существованіе въ Москвѣ нѣкоторыхъ памятниковъ, чисто новгородскаго типа, какова, напр., церковь Николы въ Мясникахъ, прямо показываетъ, что новгородское каменное дѣло вліяло нѣкогда на Москву.

И наконецъ, въ 4 хъ, построеніе въ Твери въ 1285 и 1323 гг. каменныхъ церквей Спаса и Св. Феодора, ранѣ первыхъ каменныхъ церквей московскихъ служить лучшимъ доказательствомъ, что первые каменные мастера пришли въ Москву не съ сѣверо-востока, а съ сѣверо-запада.

Впрочемъ, въ концѣ XIV вѣка въ московскомъ зодествѣ появляются храмы, несомнѣнно сооруженные по владиміро-суздальскимъ образцамъ; таковъ, напр., Успенскій соборъ въ Звенигородѣ, Московской губ. (около 1390 г.).

Затѣмъ, начиная съ княженія Іоанна III, появляются въ Москвѣ итальянскіе мастера, съ Аристотелемъ Фіоравенти во главѣ, который сѣзидилъ, по порученію Великаго Князя, во Владиміръ, осмотрѣлъ тамошнія постройки и выстроилъ по образцу ихъ нынѣ существующій Успенскій соборъ въ Москвѣ (1475—1478). Съ этихъ поръ Суздальскій типъ прочно водворяется въ Москвѣ.

¹⁾ См. у Арглебена: „Общій обзоръ памятниковъ зодчества древней суздальской области“. Владиміръ. 1880 г., стр. 25.

²⁾ *Ib.* стр. 23.

Но, ни во Владиміро-Суздальской, ни Новгородской области до наступленія въ этихъ мѣстностяхъ московскаго владычества каменныхъ шатровыхъ церквей не было; ибо всѣ каменные шатровыя церкви, сохранившіяся до нынѣ въ новгородскомъ и владимірскомъ зодчествѣ относятся ко временамъ московскаго владычества и носятъ несомнѣнный „московскій“ отпечатокъ ¹⁾; а, значить, ни одинъ изъ этихъ старыхъ центровъ не могъ дать Москвѣ того, чѣмъ не обладалъ самъ. Слѣдовательно, намъ остаются теперь только два предположенія: или каменный шатеръ занесенъ въ Москву съ юга, т. е. изъ Грузіи и Арменіи, или онъ появился въ ней самостоятельно!!

Какъ бы то ни было, но вслѣдъ за суздальскимъ типомъ появляются въ Москвѣ шатровыя церкви и форма эта не только не остается на точкѣ замерзанія, но вскорѣ достигаетъ такого развитія, что уже въ половинѣ XVI в. становится формою довольно распространенною и имѣетъ столь блестящихъ представителей, какъ, напр., Вознесенская церковь въ селѣ Коломенскомъ, или средняя часть собора Василя Блаженнаго въ Москвѣ..

Быстрое развитіе этой формы достаточно объясняется тѣмъ, что она, повидимому, вполне олицетворяла собою народное понятіе о красотѣ и потому стала вскорѣ формою, излюбленною народомъ. Извѣстно, что русскій народъ до сихъ поръ еще питаетъ слабость къ высокимъ сооруженіямъ: высокая колокольня сельской церкви составляетъ обыкновенно завѣтную мечту и вмѣстѣ съ тѣмъ гордость прихожанъ; — Иванъ Великій знаетъ вся Россія, а наша знаменитая Троице-Сергіева лавра ничѣмъ такъ не величается, какъ своей огромной колокольней, построенной въ XVIII в. въ стилѣ Барроко!

Виолле-ле-Дюкъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что народы издавна водворившіеся въ равнинахъ, имѣютъ стремленіе придавать своимъ сооруженіямъ большую высоту сравнительно съ площадью основанія и что Аріицы любятъ зданія стройныя, высокія, издали обозначающія городъ или селенія ²⁾.

И у насъ эта любовь не представляетъ собою явленія позднѣйшаго, а, на оборотъ есть чувство, унаслѣдованное отъ предковъ. Извѣстенъ, напр., тотъ фактъ, что царь Иванъ Васильвичъ, опасаясь нашествія крымскаго хана Девлетъ-Гирея, приказалъ сломать въ посадахъ всѣ „высокіе“ дома, какъ опасные отъ пожара.

Затѣмъ иностранные путешественники свидѣтельствуютъ то же самое. Петрей, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „дома у нихъ (т. е. у русскихъ) строятся чрезвычайно высокіе, деревянные, въ двѣ или три комнаты, одна подъ другой. Тотъ считается самымъ знатнымъ, пышнымъ и большимъ тузомъ въ городѣ, кто выстроитъ себѣ въ немъ самыя высокіе хоромы съ крышкою надъ лѣстницею крыльца ³⁾“.

Наконецъ, лѣтописи наши расточаютъ постоянныя похвалы высокимъ церквамъ: „бѣ же та церковь вельми чудна высотой и свѣтлостью“ говорятъ онѣ, про высокую шатровую церковь села Коломенскаго.

Такимъ образомъ шатровая форма церковныхъ сооруженій становится истинно народнымъ достояніемъ, удерживается въ теченіе всего XVI вѣка и первой половинѣ

¹⁾ О деревянныхъ же шатровыхъ церквахъ мы пока не говоримъ, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что онѣ существовали и тутъ и тамъ.

²⁾ См. его „L'art russe“ р. 67.

³⁾ См. переводъ Шеміяина, Москва, 1867 г., стр. 6.

XVII, но затѣмъ почти внезапно пропадаетъ изъ нашего каменнаго строительнаго обихода. Явленіе довольно странное и во всякомъ случаѣ трудно объяснимое! Почему форма прекрасная, форма достигшая высокаго развитія, наконецъ, форма, вполнѣ удовлетворявшая художественнымъ требованіямъ, народа почти сразу исчезаетъ изъ нашего древняго каменнаго зодчества? Почему вдругъ съ половины XVII вѣка поднимаются на нее гоненія и въ патриаршихъ благословенныхъ грамотахъ этого времени она строжайше воспрещается?

Вопросъ этотъ до сихъ поръ не разъясненъ удовлетворительно въ нашей ученой литературѣ. Что она казалась вполнѣ законной нашему духовенству въ XVI вѣкѣ, на это указываютъ постановленія Стоглаваго собора, который, опредѣляя, напр., такіа мелочи, что за вѣнчаніе съ отрока слѣдуетъ брать одинъ алтынъ, съ двоеженца—два, а троюженца—три алтына, въ то же время ни единымъ словомъ не обмолвливается о шатровыхъ церквахъ?

Съ какого года начинается въ XVII вѣкѣ гоненіе на шатровыя церкви, опредѣлительно сказать теперь весьма трудно, но есть довольно значительныя основанія полагать, что гоненія эти начаты страстнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразнымъ ревнителемъ чистоты православія—патріархомъ Никономъ. Предположенія эти мы основываемъ на документальныхъ данныхъ, которыя сейчасъ приведемъ для подтвержденія нашихъ словъ.

Вотъ они:

Въ подмосковномъ селѣ Вешняковѣ существуетъ каменная шатровая церковь, построенная въ 1644 году бояриномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ и перестроенная въ 1656 году, т. е. 12 лѣтъ спустя, княземъ Яковомъ Никитичемъ Одоевскимъ. Обѣ храмозданныя грамоты по счастью сохранились въ архивѣ графа С. Д. Шереметева и были напечатаны А. П. Барсуковымъ ¹⁾. Онѣ представляютъ слѣдующія любопытныя особенности: первая грамота 1644 года, благословляя построеніе церкви, ни слова не говоритъ объ ея формѣ, и самая церковь воздвигается съ „шатровымъ“ верхомъ, который и до нынѣ существуетъ; вторая же грамота 1656 года, разрѣшая перестройку церкви и сооруженіе новыхъ предѣловъ, прибавляетъ затѣмъ: „а главы-бъ на тѣхъ предѣлахъ были круглыя, а не островерхне“. И, въ самомъ дѣлѣ, на предѣлахъ и теперь еще возвышаются круглыя шеи съ луковичными главками. Отсюда ясно, что начало воспрещенія шатровыхъ церквей относится къ періоду времени съ 1644 по 1656 г. Но этотъ періодъ совпадаетъ со вступленіемъ на патриаршій престолъ Никона въ 1652 г.: и дѣйствительно, первая грамота дана патриархомъ Іосифомъ, вторая—съ воспрещеніемъ—Никономъ.

Эти воспрещенія продолжали дѣлать и всѣ преемники Никона. Такъ, напр., въ благословенной грамотѣ патриарха Іосифа 1670 года, данной на построеніе церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, въ Костромскомъ уѣздѣ, въ Устьѣ, говорится: верхи на церкви и на предѣлахъ были не шатровые, и алтари дѣлать круглыя ²⁾. Въ грамотѣ патриарха Іоакима на сооруженіе Соборнаго храма Рождества Христова, 1686 года также значится: „а верхъ на той церкви построить по чину про-

¹⁾ См. его „Родъ Шереметевыхъ“, часть III, стр. 242 и часть IV, стр. 274.

²⁾ См. Вѣстникъ Исторіи и Археологіи 1885 г., выпускъ IV, статья Н. В. Покровскаго — „Древности костромскаго Ипатьевскаго монастыря“, стр. 33.

чихъ каменныхъ церквей, а не шатровой¹⁾. Затѣмъ послѣдній патріархъ московскій Адрианъ, въ благословенной грамотѣ на построение церкви на святыхъ вратахъ Воскресенскаго монастыря во имя Входа Господня въ Іерусалимъ требуетъ того же самаго: „а верхи на церквѣ, пишетъ онъ, и на предѣлахъ сдѣлать не шатровые“²⁾. Наконецъ, блюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій дѣлаетъ тѣ же оговорки, благословляя въ 1715 г. построение церкви во имя Покрова, въ Костромѣ³⁾, „а верхъ бы на той церкви, говоритъ онъ, сдѣлать по чину противъ прочихъ церквей, а не шатровой“⁴⁾.

Чѣмъ объяснить подобныя воспрещенія шатровыхъ церквей?

Относительно деревянныхъ шатровыхъ церквей существуетъ объясненіе, что онѣ были опасны въ пожарномъ отношеніи, ибо весьма часто привлекали на себя удары молніи. Указаніе на это обстоятельство встрѣчается въ одномъ документѣ XVII в. — письмѣ ярославскаго купца Георгія Третьякова Лыткина къ игумену Красногорскаго монастыря Макарію, отъ 10 января 1630 года. Посылая деньги игумену на покупку матеріаловъ для постройки церкви Похвалы Богородицы, онъ даетъ ему разные совѣты и, между прочимъ, говоритъ: „среди кровли церковныя велѣть-бы вамъ сдѣлать четыре бочечки со всѣхъ сторонъ, шириною въ полсажени, а вышиною съ человѣка, изъ тѣхъ бочечекъ вывести шею, маковица и крестъ опаять желѣзомъ бѣлымъ, нѣмецкимъ; разваловъ на церкви и шатровъ круглаго и клинчатого у бочекъ снова отнюдь бы не дѣлать, ради того, что высокія церкви Божиємъ повелѣніемъ молнією пожигаетъ“⁵⁾.

Эти строки для насъ драгоцѣнны въ томъ смыслѣ, что онѣ указываютъ пожарную опасность деревянныхъ шатровыхъ церквей, признаваемую отдѣльными личностями. Что же касается до массы, то въ ней, повидимому, было мало сторонниковъ взглядовъ купца Лыткина, доказательствомъ чему служитъ сильная распространенность деревянныхъ шатровыхъ церквей въ XIV вѣкѣ, и множество подобныхъ церквей, до сихъ поръ еще сохранившихся на нашемъ Сѣверѣ. Это, безъ сомнѣнія, объясняется дешевизною матеріала и легкостью постройки, что давало возможность вновь безъ затрудненій отстраивать церкви послѣ пожара.

Но объясненіе это, конечно, не приложимо къ каменнымъ церквамъ, вполне безопаснымъ отъ огня, и въ своихъ воспрещеніяхъ духовенство наше конечно руководствовалось какими либо другими соображеніями. Вѣрнѣе всего предположить, что духовныя власти хотѣли этими воспрещеніями вернуть наше церковное зодчество на его старозавѣтную дорогу, къ пятикупольному или однокупольному типу православныхъ храмовъ, отъ котораго столь сильно отклонились наши шатровыя церкви съ самымъ блестящимъ своимъ представителемъ, Василиємъ Блаженнымъ, во главѣ. Тре-

¹⁾ См. Архимандрита Леонида: „Историческое описаніе ставропогійскаго, новый Іерусалимъ именуемаго монастыря“, стр. 746.

²⁾ *Ib.* стр. 751.

³⁾ См. у Н. В. Покровскаго, стр. 33.

⁴⁾ Къ счастью для русскаго искусства, въ дѣбряхъ нашего сѣвера, куда, повидимому, не доходили патріаршія воспрещенія, деревянныя шатровыя церкви продолжали строиться въ теченіе всего XVII вѣка, какъ мы это заключаемъ, напр., на основаніи церквей Желтозерскаго погоста (1685 г.) и Рыборѣцкаго погоста (1693 г.) въ Олонецкой губерніи.

⁵⁾ См. „Чтенія въ Имп. Об. Ист. и Др.“ 1880 г., книга III, стр. 64.

бование храмованных грамотъ, чтобы „верхи строились по чину прочихъ каменныхъ церквей, а не шатровые“, показываютъ прямо, что шатровая форма считалась нашими архипастырями несоотвѣтственною „церковному чину“, соблюденіе котораго было одною изъ ихъ главныхъ работъ. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что оно исполнѣ совпадаетъ съ характеромъ всѣхъ Никоновскихъ очистительныхъ преобразованій.

Прослѣдивъ такимъ образомъ историческую судьбу русскаго церковнаго шатра, мы могли бы перейти теперь къ сравненію его формы съ формою армяно-грузинскою, но прежде чѣмъ сдѣлать это сравненіе, мы позволимъ себѣ указать на причины, вслѣдствіе которыхъ теоріи, проповѣдующія непремѣнное подчиненіе всякой русской формы формѣ иноземной, такъ упорно держатся въ ученой литературѣ.

Странная судьба русскаго искусства! Оно, по весьма мѣткому выраженію французскаго ученаго Альфреда Дарсея, составляетъ, такъ сказать, „открытіе современной критики“, и лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ никто и не подозрѣвалъ его существованія. Затѣмъ появились изслѣдователи, посвятившіе ему свои силы, но, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ ученые эти видѣли въ немъ лишь одно наслоеніе различныхъ иноземныхъ основъ и вліяній, такъ что среди милліона вліяній, признанныхъ на наше искусство какъ русскими такъ и иностранными авторитетами, кажется одному только мексиканскому вліянію не отведено почетнаго мѣста, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, напр., Виолле-ле-Дюкъ, признаютъ даже сильное китайское вліяніе. Люди эти готовы, повидимому, утверждать, что русскій человѣкъ дѣлалъ фундаментъ внизу, а карнизъ вверху, а не на оборотъ, только потому, что такъ дѣлалось въ Индіи или тамъ гдѣ нибудь въ Италіи. И только за самое послѣднее время въ нашей наукѣ стали появляться теоріи, которыя неопровержимо доказываютъ, что русское искусство не могло быть простымъ наслоеніемъ разныхъ вліяній, что такой великій, многомилліонный народъ, каковъ народъ русскій, долженъ былъ имѣть кое-что своего въ этомъ отношеніи, и что Россія никогда не была такимъ пустымъ мѣстомъ, гдѣ всякая горсть пришельцевъ могла бросить и взростить какія угодно сѣмена.

Вотъ эту то страсть видѣть непремѣнно какое нибудь иноземное вліяніе и обусловливается ученіе о происхожденіи русскаго шатра отъ грузино-армянскаго!

Теперь мы можемъ перейти къ параллельному разсмотрѣнію обѣихъ формъ.

Русское зодчество искони было деревяннымъ, и основнымъ матеріаломъ ему служилъ лѣсъ, сплошь покрывавшій собою безграничныя равнины древней Руси. Простѣйшею формою, въ которую обрабатывался лѣсъ, было „бревно“, являющееся, такимъ образомъ основнымъ элементомъ нашего зодчества (черт. 1). Четыре бревна, разложенныя рамкой, образуютъ „вѣнецъ“ (черт. 2), а цѣлый рядъ вѣнцовъ, положенныхъ другъ на друга, составляютъ „срубъ“ (черт. 3), который становится, въ свою очередь, основною формою нашей архитектуры вплоть до самого Петровскаго преобразованія, убившаго наше древнее художество. Но срубъ не составляетъ еще жилища помѣщенія и для житія его необходимо покрыть, а покрыть четырехугольный срубъ можно, по неизмѣннымъ геометрическимъ законамъ, только двояко: или *на два ската* (черт. 4), или *на четыре ската* (черт. 5).

Такимъ образомъ появляется въ деревянномъ зодествѣ два главныхъ покрытія: двускатное—„съ конькомъ“ и четырехскатное—„шатромъ“. Оба покрытія восходятъ къ глубочайшей древности, ибо перво-образы ихъ мы видимъ въ шалашѣ лѣснаго дикаря и въ палаткѣ степняка-кочевника. Но форма сруба имѣетъ существенное не-

удобство, которое заключается въ томъ, что стѣны его нельзя дѣлать длиннѣе опредѣленной величины. Причина этого неудобства лежитъ не въ самомъ матеріалѣ, который можетъ быть весьма значительной длины, а въ томъ, что стѣны, у которыхъ разстояніе между углами больше 9—10 арш., обыкновенно „пучатся“, т. е. выходятъ изъ вертикальнаго положенія, какъ это показано въ разрѣзѣ, на черт. 5-мъ. Въ современной архитектурѣ подобное явленіе предупреждается тѣмъ, что по обѣимъ сторонамъ стѣнъ располагаютъ особыя вертикальныя схватки или „сжимы“, стянутыя между собою желѣзными болтами (черт. 7); или же прорѣзываютъ стѣны по длинѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ особыми контръ-форсами, называемыми „коротышами“ (черт. 8). Но эти приемы, сколько можно судить по существующимъ памятникамъ, нашими „плотничными старостами“ къ дѣлу не примѣнялись, а, между тѣмъ, явленіе „выпучиванія“ стѣнъ имъ, какъ превосходнымъ практикамъ, безъ сомнѣнія, было хорошо извѣстно. Поэтому, когда нужно было устроить помѣщеніе болѣе помѣстительное, чѣмъ обыкновенный срубъ или изба, то наши предки ставили нѣсколько срубовъ рядомъ, образуя избу, такъ называемую „пятистѣнную“, „шестистѣнную“ и т. д. (черт. 9 и 10). Въ другихъ случаяхъ, когда необходимо было сдѣлать помѣщеніе, которое *внутри* было бы шире обычнаго сруба, какъ, напр., въ башняхъ крѣпостныхъ стѣнъ, наши древніе зодчіе строили ихъ многогранникомъ, преимущественно восьмерикомъ (черт. 11). Не трудно понять, какъ они пришли къ этому выводу:— планъ по древнему называется „окладъ“ и названіе это очевидно показываетъ, что вмѣсто всякихъ предварительныхъ чертежей, какъ это дѣлается теперь, наши древніе строители прямо брали бревна и „окладывали“ ихъ на землѣ, по заранѣе задуманному плану. Представимъ себѣ теперь, что бревна опредѣленной длины, напр. 3-хъ саженныя, положены обычнымъ вѣнцомъ и что въ силу особыхъ условий ихъ пришлось раздвинуть (черт. 12). Немного надо думать, чтобы соединить ихъ по угламъ другими накосными бревнами и получить такимъ образомъ восьмиугольный вѣнецъ (черт. 13), который даетъ восьмигранный срубъ.

Покрывать такой срубъ при прямолинейномъ матеріалѣ, въ силу тѣхъ же неизмѣнныхъ геометрическихъ законовъ, можно одной только восьмигранною пирамидою (черт. 11)—и вотъ наше церковное покрытие *восьмиграннымъ шатромъ*—готово.

Отсюда ясно, что шатровыя церкви въ деревянномъ зодчествѣ — явленіе весьма древнее. Есть даже основаніе полагать, что онѣ существовали у насъ въ концѣ XI вѣка, какъ это показываетъ одно изображеніе деревянной шатровой церкви, начерченное перомъ въ пергаментномъ церковномъ Уставѣ съ кондакаріемъ конца XI или начала XII вѣка. (См. Библиотеку Печатнаго двора въ Москвѣ, № 285) ¹⁾.

Само собою разумѣется, что нашъ деревянный шатеръ не могъ остановиться на этой простой формѣ (черт. 11) и что развитіе его пошло дальше. Оно выразилось, во первыхъ, тѣмъ, что внизу, вокругъ всего шатра, располагалась болѣе пологая часть кровли, которая называлась „полицей“, а самый срубъ дѣлался къ верху шире, раструбомъ (черт. 14), какъ это мы видимъ, напр., въ церкви Желтозерскаго погоста; а, во вторыхъ, тѣмъ, что самый шатеръ стали крыть „лемехомъ“, т. е. мелкими тесинками, заостренными внизу, или „чешуею“, т. е. тѣми же тесинками,

¹⁾ Сообщено В. Е. Румицевымъ.

но только закругленными снизу; по ребрамъ шатра помѣщали особыя „стрѣлки“ или валики, образчикомъ чего могутъ служить шатры Коломенскаго дворца.

Вотъ въ этой-то формѣ, т. е. съ полицей внизу, съ разваломъ подъ полицей, и съ луковичной главкой сверху, деревянный шатеръ былъ перенесенъ въ каменное зодчество и повторился въ немъ почти дословно, какъ это видно изъ сравненія черт. № 14 съ чертежами 15 и 16, изображающими наши простѣйшіе каменные шатры церковей въ с. Городнѣ (Московской губ., Коломенскаго уѣзда) ¹⁾ и въ г. Старицѣ Тверской губ. ²⁾ (объ XVI вѣка).

Есть основаніе полагать, что впервые переносъ этотъ совершился именно въ Москвѣ и притомъ сперва на крѣпостныя башни, а съ нихъ уже на церкви.

Въ башняхъ московскаго кремля, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ покойный Л. В. Даль, мы видимъ рядомъ двѣ школы—иностранную и русскую. Башни Спасская и Троицкая ³⁾, съ ихъ передними дворами, бойницами и верхами, изукрашенными пестрою, но изящною путаницею разныхъ стилей, принадлежатъ первой, а всѣ остальные—второй; эти послѣднія башни покрыты каменными шатрами съ вышкой ⁴⁾ и представляютъ собою точную копію съ нашихъ деревянныхъ, такъ называемыхъ „подзорныхъ“, крѣпостныхъ башенъ. Шатры на среднихъ башняхъ—четырехгранные, а на угловыхъ—восьмигранные. Такіе же шатры водружены на башняхъ Китая-города; кромѣ того, на нѣкоторыхъ изъ нихъ есть шатры безъ вышки, просто въ видѣ четырехгранной пирамиды.

Какъ только каменные шатры появились на башняхъ,—оставалось сдѣлать лишь послѣдній шагъ, чтобы перенести ихъ съ деревянныхъ храмовъ на каменные и повторить въ каменномъ церковномъ зодествѣ приемы деревянной архитектуры.

Эти соображенія подтверждаются хронологическими данными.

Стѣны Китая-города были построены въ 1535 году Еленю, а стѣны и башни кремля московскаго, за нѣкоторыми исключеніями, въ концѣ XIV вѣка Иваномъ III. Между тѣмъ всѣ извѣстныя до сихъ поръ каменные шатровыя церкви относятся къ XVI и XVII вѣку и мы не знаемъ ни одной, которая относилась бы къ XV; древнѣйшія изъ нихъ, какъ, напр., уже упомянутая церковь въ селѣ Городнѣ (черт. 15), не восходятъ дальше начала XVI вѣка.

Изъ этихъ сопоставленій очевидно, что одна форма слѣдуетъ за другой и что обусловленные чисто военными потребностями, каменные шатры московскихъ башенъ ⁵⁾ натолкнули на мысль или скорѣе придали рѣшимости примѣнять шатровую форму при построеніи каменныхъ церковей.

Присматриваясь къ шатрамъ нашихъ каменныхъ церковей мы неизбежно приходимъ къ тому выводу, что самую красивую, самую богатую и вмѣстѣ съ тѣмъ самую слож-

¹⁾ Объ этой церкви подробно см. нашу статью: „Памятники древняго зодчества въ Коломенскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ Московск. губ.“ (Зодчій, 1884 г.).

²⁾ Соборъ этотъ теперь сломанъ.

³⁾ О Никольской башнѣ мы не упоминаемъ, такъ какъ она была перестроена послѣ французскаго погрома и древнихъ формъ не представляетъ.

⁴⁾ Исключеніе представляетъ Боровицкая башня, которая „вышки“ не имѣетъ: она прямо покрыта высокими шатромъ.

⁵⁾ Объ крѣпостныхъ башняхъ этого вида см. подробно наше изслѣдованіе „Образцы древне-русскаго зодчества въ мнѣиатурныхъ изображеніяхъ“. (Памятники древней письменности, Петербургъ, 1881 г.) стр. 21—25.

ною формою изъ нихъ является шатеръ средней части Василя Блаженнаго (рис. 21), который представляетъ собою громадный шагъ впередъ сравнительно съ шатромъ церкви въ Городнѣ. Но какъ ни велика между ними разница тѣмъ не менѣе можно подобрать рядъ промежуточныхъ формъ, который дастъ намъ возможность прослѣдить послѣдовательный переходъ отъ одной къ другой.

Шатеръ Воскресенской церкви въ Городнѣ, начала XVI вѣка, является въ настоящее время самою простою формою (черт. 15), по силуэту очень близко подходящей къ своему деревянному первообразу. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, всегда ли онъ былъ такимъ, такъ какъ самая церковь сильно потеряла отъ позднѣйшихъ передѣлокъ: окна растесаны вновь, и почти всѣ наружныя украшенія сбиты.

Слѣдующее мѣсто по степени развитія занимаютъ шатровые верхи собора, построеннаго въ 1561 г. въ г. Старицѣ, въ Тверской области; онъ былъ разобранъ по ветхости въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но рисунки его, по счастью, сохранились (черт. 16).

Верхи эти отличаются отъ предъидущихъ тѣмъ, что вокругъ шейки главки расположенъ рядъ мелкихъ кокошничковъ, а по верху восьмиграннаго барабана, или „восьмерика“, идетъ карнизъ; углы же его украшены пилястрами, соединенными между собою на каждой грани арками.

Затѣмъ на полицѣ шатра размѣщается рядъ кокошничковъ, по три на каждой грани, а восьмерикъ увѣнчивается вверху узорнымъ карнизомъ; при этомъ и самый шатеръ не остается безъ украшенія и по ребрамъ его тянутся выступныя полосы. Образчикомъ подобныхъ шатровъ можетъ служить шатровый верхъ Архангельскаго собора въ Нижнемъ-Новгородѣ, надстроенный при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1624 г. (черт. 17).

Шатровый верхъ Покровской церкви (XVI в.) въ с. Медвѣдковѣ, близъ Москвы (черт. 18) еще богаче: восьмерикъ его отдѣланъ узкими лопатками по угламъ, и карнизомъ—по верху; а на полицѣ шатра расположены кокошники въ три ряда, поля которыхъ убраны изразцами „на уголь“; на шатрѣ—четыре окна съ сильно выступающими наличниками.

Еще болѣе развитую форму, въ смыслѣ богатства, представляетъ собою шатеръ Богоявленской церкви села Краснаго, Костромской губ., на берегу Волги, построенный Годуновымъ (черт. 19). Ея вытянутый восьмерикъ украшенъ большими и малыми кокошниками; на лицевыхъ граняхъ въ два ряда, и на угловыхъ—въ три; а грани шатра убраны по низу цѣлыми купами кокошничковъ по шести на каждой, расположенныхъ треугольникомъ.

Затѣмъ слѣдуетъ указать на великолѣпный и огромный шатеръ Вознесенской церкви, села Коломенскаго, построенная въ 1532 году (черт. 20). Переходъ отъ нижней крестообразной части храма къ верхнему восьмеричку образованъ тремя рядами громадныхъ заостренныхъ кокошничковъ, повторяющихъ въ камнѣ силуэтъ тѣхъ покрытій „бочками“, которыя столь часто окружали восьмерики нашихъ деревянныхъ церквей¹⁾. Верхній восьмерикъ по угламъ отдѣланъ пилястрами съ частями карнизовъ, а по верху его расположены парные кокошнички, съ серьгой по срединѣ; на каждой грани есть окно, украшенное довольно богатымъ наличникомъ. Поверхность

¹⁾ См., напр. „Зодчій“ 1883 года, листъ 13-й.

шатра также не оставлена гладкой и убрана по ребрамъ валикомъ, а по гранямъ окнами и красивыми обронными геометральными разводами, въ видѣ ромбовъ. Хотя подробности наружной отдѣлки этой церкви безспорно представляютъ собою своеобразную русскую передѣлку свѣже принесенныхъ итальянскихъ формъ, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что весь храмъ есть не что иное, какъ величавое каменное повтореніе древне-русскаго деревяннаго прототипа.

Наконецъ, вънцомъ шатроваго зодчества является средняя часть Василя Блаженнаго (черт. 21): Она состоитъ изъ двухъ восьмериковъ: нижняго съ прямыми гранями, образующими въ планѣ восьмиугольникъ и верхняго, съ вогнутыми гранями, которыя представляютъ въ планѣ нѣчто въ родѣ восьмиугольной звѣзды—приемъ, единственный въ своемъ родѣ. Нижний восьмерикъ убранъ по гранямъ треугольными нишами и окнами; а по угламъ—круглыми колонками съ кольцевыми перехватами, которыя поддерживаютъ пестрый карнизъ. Надъ этимъ карнизомъ идутъ цѣлыя горы большихъ и малыхъ кокошниковъ, образующихъ роскошный и стройный переходъ къ верхнему звѣздообразному восьмерику съ пилястрами по угламъ и изогнутымъ карнизомъ по верху. Надъ этимъ послѣднимъ высится шатеръ съ луковичной главкой, богато изукрашенный по низу треугольными купами кокошниковъ, по ребрамъ—выступающими полосами и по гранямъ—звѣздами.

Таково богатѣйшее внѣшнее развитіе каменнаго шатра—этой типичнѣйшей формы древняго русскаго зодчества!

Познакомившись со внѣшнею, уборною стороною шатроваго покрытія, мы можемъ перейти теперь къ его внутреннему строенію, т. е. разсмотрѣть тѣ приемы, которые примѣняются въ нашемъ зодствѣ для перехода отъ нижней четырехгранной части церкви или „четверика“, къ верхнему восьмерику.

Самый употребительный приемъ заключается въ томъ, что по угламъ четверика располагаются или обыкновенные треугольные „сферическіе“, или такъ называемые *коническіе* „паруса“ (черт. 22), образуемые цѣлымъ рядомъ арочекъ постепенно уменьшающихся къ углу, какъ это видно на діагональномъ разрѣзѣ (черт. 23) и на перспективномъ изображеніи (черт. 24) ¹⁾. Нижнія части этихъ арочекъ образуютъ собою коническую поверхность, вершина которой совпадаетъ съ вершиной угла четверика. — Вотъ на этихъ-то коническихъ парусахъ и на стѣнахъ четверика основывается восьмерикъ шатра, который ставится такъ, что лицевыя его грани приходятся на нижнихъ стѣнахъ, а угловыя — на парусахъ. Такіе переходы встрѣчаются очень часто. — Какъ, на примѣры, мы укажемъ на церкви сель Коломенскаго и Вишнякова и на Архангельскій соборъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нижняя часть церкви не четверикъ, а восьмерикъ и когда для стройности и силуэта надо верхній восьмерикъ сжать нѣсколько противъ нижняго, тогда подъ него устраиваютъ особый арочный карнизикъ, свѣшивающійся внутрь на наклонныхъ выступахъ или кронштейнахъ (черт. 24). Приемъ этотъ заимствованъ у крѣпостнаго средневѣковаго зодчества, въ которомъ подобные карнизики въ силу особымъ военныхъ потребностей, увѣнчиваютъ собою башни и стѣны; они извѣстны на Западѣ подъ именемъ „машикули“, а у насъ подъ именемъ „навѣсныхъ

¹⁾ Мы не прилагаемъ спеціальнаго чертежа «сферическихъ» парусовъ по ихъ общей извѣстности. — Впрочемъ, для ясности мы можемъ сослаться на черт. 42-й, гдѣ они прекрасно видны.

бойницъ“¹⁾. Подобный переходъ отъ широкаго восьмерика къ узкому мы видимъ въ средней части Василя Блаженнаго (черт. 25) и въ томъ-же нижегородскомъ Архангельскомъ соборѣ (черт. 26).

Затѣмъ въ церкви села Медвѣдкова есть еще новый приѣмъ, едвали не единственный во всемъ нашемъ древнемъ зодствѣ, который заключается въ томъ, что четверикъ превращается съ помощью коническихъ парусовъ въ восьмерикъ, по гранямъ котораго расположено два ряда свѣшивающихся арокъ, какъ это показано на планѣ (черт. 28) и въ перспективѣ (черт. 29). При этомъ верхній рядъ арокъ выступаетъ противъ нижняго и пять арокъ обоихъ рядовъ находятся на вѣсу, т. е. почти висятъ на воздухѣ. Этотъ приѣмъ на первый взглядъ до того смѣлый и до того противорѣчащій требованіямъ строительнаго искусства и законамъ строительной механики, что „теоретически“ онъ буквально невозможенъ и ужь, конечно, ни одинъ современный архитекторъ не рѣшился бы его осуществить. Тѣмъ не менѣе онъ существуетъ и мы должны найти ему теоретическое объясненіе.

Прежде всего постараемся опредѣлить его происхожденіе. Вглядываясь въ него пристальнѣе мы замѣчаемъ въ немъ сходство съ коническимъ парусомъ, которое заключается въ томъ, что и тотъ и другой состоятъ изъ ряда свѣшивающихся арокъ (черт. 24 и черт. 29). Если мы представимъ себѣ теперь, что переднія части подобныхъ коническихъ парусовъ размѣщены не только по угламъ, но и по всемъ гранямъ восьмерика, то получимъ разсматриваемый нами внутренній строительный приѣмъ. Но все это только объясняетъ предполагаемое происхожденіе подобнаго приѣма, а вовсе не объясняетъ возможности его существованія, ибо въ положеніи арокъ коническихъ парусовъ и арокъ медвѣдковскаго шатра есть та громадная разница, что первыя опираются на угловыя части стѣнъ четверика, а вторыя буквально ни на что не упираются и имѣютъ пять „на вѣсу“.

Поэтому для теоретическаго оправданія устойчивости этого приѣма надо поискать другихъ объясненій, которыя мы попытаемся теперь привести.

Въ архитектурѣ, какъ извѣстно, въ числѣ многихъ другихъ сводовъ употребляется, такъ называемый, „крестовый“ сводъ (черт. 30), который перекрываетъ обыкновенно четырехугольное пространство и составляется изъ четырехъ „распалубокъ“ (черт. 31). Верхняя средняя линія, такъ называемая „шелыга“ подобной распалубки (черт. 31, *a—b*) можетъ быть или горизонтальна, какъ это показано на черт. 32, или наклонна (черт. 33). Сводъ, составленный изъ распалубокъ перваго рода, будетъ „простой“ крестовый сводъ (черт. 30), и середина такого свода лежитъ на одной высотѣ съ вершиной его боковъ. Сводъ, составленный изъ распалубокъ втораго рода называется „вспарушеннымъ“; середина его всегда лежитъ выше вершинъ боковыхъ частей, но крестовыми сводами могутъ покрываться не только четырехугольники, но и многоугольники. Представимъ себѣ теперь восьмиугольникъ, покрытый крестовымъ сводомъ, составленнымъ изъ весьма сильно вспарушенныхъ распалубокъ (черт. 34 и 35), части котораго будутъ безусловно находиться въ равновѣсіи. Равновѣсіе это очевидно не нарушится, если мы представимъ себѣ, что распалубки его имѣютъ столь значительную толщину, что въ ней можно вытесать, безъ вреда для прочности

¹⁾ Объ этомъ подробно см. наше изслѣдованіе, «Образцы древняго зодчества и пр.», стр. 23.

свода, свѣшивающіяся другъ надъ другомъ арочки, при чемъ мы несомнѣнно получимъ строительный приѣмъ Медвѣдковской церкви, какъ это видно на черт. 36.

Происшедшія такимъ образомъ арочки конечно не будутъ имѣть никакого „строительнаго“ значенія, а лишь одно „уборное“, потому что въ сущности говоря, они не будутъ представлять аркъ въ строгомъ смыслѣ слова. т. е. въ смыслѣ сводчатого построенія, а будутъ лишь уступчатою обработкою нижней поверхности распалубокъ и такимъ образомъ давленіе верхнихъ частей будетъ передаваться не по аркамъ, а по діагональнымъ выступающимъ ребрамъ ($ab, a'b', a''b''$, черт. 36), образующимъ ихъ видимыя пятны.

Эти соображенія вполне объясняютъ устойчивость разбираемаго нами приѣма; тѣмъ болѣе, что строитель Медвѣдковской церкви, не поспешилъ ни на толщину стѣнъ, ни на скрытыя въ кладкѣ желѣзныя связи и тѣмъ уничтожилъ всякіе „внутренніе распоры“.

Таковы особенности внутренняго устройства русскихъ каменныхъ церковныхъ шатровъ.

Ознакомившись съ формою русскаго каменнаго шатра, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію армяно-грузинскаго пирамидальнаго покрытія.

Какъ ни мало до сихъ поръ еще разработана древняя архитектура Грузіи и Арменіи, тѣмъ не менѣе мы попытаемся вкратцѣ прослѣдить развитіе ея пирамидальнаго покрытія, ограничиваясь, по возможности, немногими наиболѣе яркими примѣрами. При этомъ мы будемъ главнымъ образомъ основываться на тѣхъ памятникахъ, которые намъ удалось осмотрѣть во время археологической поѣздки Съезда, а во вторыхъ, на трудахъ Дюбуа-де-Монпере, Муравьева, Бакрадзе, Ерицова, профессоровъ Гримма и Кондакова и др. и на превосходныхъ фотографическихъ коллекціяхъ гг. Вестли и Ермакова.

Общій законъ развитія армяно-грузинскаго пирамидальнаго покрытія заключается, повидимому, въ томъ, что оно постепенно становится легче, тянется въ высоту, число граней его увеличивается, а наружныя украшенія умножаются. Это наглядно видно по чертежамъ 37 — 43-й.

Изъ нихъ куполь церкви св. Креста (черт. 37) представляетъ одну изъ древнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одну изъ простѣйшихъ формъ; онъ относится къ первому, византійскому, періоду грузинской архитектуры и по своему виду приближается къ византійской сферической формѣ, столь рѣзко выступающей въ церквахъ Византіи и Греціи. Гладкій барабанъ его представляетъ собою невысокій восьмерикъ, поставленный на четырехгранномъ основаніи; этотъ куполь—одинъ изъ весьма немногихъ примѣровъ приближенія къ византійской сферической формѣ, которая въ Грузіи и Арменіи была весьма рано замѣнена пирамидальной, что мы ясно видимъ въ слѣдующемъ примѣрѣ, въ куполѣ церкви въ Узунларѣ, въ Арменіи (черт. 38), построенной въ VIII вѣкѣ католикосомъ Ованесомъ IV (718—729 г.). Составныя части купола тѣ же, что и въ предъидущемъ случаѣ, т. е. восьмерикъ на четырехгранномъ основаніи, покрытый восьмигранною пирамидою; но пропорціи уже болѣе стройныя: высота восьмерика составляетъ около двухъ третей его поперечника, а высота пирамидальнаго покрытія, все еще довольно плоскаго, почти равняется половинѣ той же величины. По верху барабана, прорѣзаннаго 4-мя окнами, идетъ карнизикъ, а кровля сдѣлана изъ черепицы.

Примѣромъ дальнѣйшаго развитія можетъ служить куполь главнаго храма Гелатскаго монастыря близъ Кутаиса (черт. 39), сооруженнаго около 1100 года царемъ Давидомъ Возобновителемъ (1089—1125). Куполь его неизмѣнно сохраняетъ тѣ же составныя части, но пропорціи становятся еще стройнѣе, а отдѣлка богаче. Высота барабана—три четверти его поперечника, тогда какъ въ предъидущемъ примѣрѣ она была около двухъ третей; высота же конической кровли равна половинѣ поперечника, между тѣмъ какъ въ Узунларской церкви она меньше этой величины. Затѣмъ самый барабанъ прорѣзанъ шестнадцатью длинными и вытянутыми окнами, а простѣнки между ними украшены тонкими тройными колонками, на которыхъ перекинуты полуциркульныя арочки, концентричныя съ верхами оконъ. Кровля—черепичная.

Далѣе слѣдуетъ куполь Мцхетскаго собора (черт. 40), относящагося къ XVII вѣку. Онъ былъ вновь сооруженъ царемъ Ростомомъ (магометаниномъ) и его супругою царицею Маріамою, послѣ того какъ древній куполь собора разрушился отъ землетрясенія 1656 года.

Пропорціи его отличаются замѣчательною стройностью и превосходятъ въ этомъ отношеніи всѣ предъидущіе примѣры. Высота барабана почти равняется его поперечнику; высота пирамидальнаго верха представляетъ собою ту же величину, т. е. равняется высотѣ самаго барабана, тогда какъ въ Гелатскомъ куполѣ она составляетъ только двѣ трети ея.

Барабанъ имѣетъ шестнадцать граней, прорѣзанныхъ узкими окнами, которыя идутъ только до половины его высоты. Каждое окно обрамлено узорнымъ наличникомъ. По ребрамъ идутъ тонкіе валики съ двумя маленькими завитками на верху; по этимъ завиткамъ, подъ окнами, немного выше половины барабана, его опоясываетъ горизонтальный валикъ; нѣсколько выше дѣлаетъ тоже самое рѣзной каменный жгутъ, и надъ всѣмъ этимъ идетъ богато изукрашенный узорный карнизъ.

Наконецъ, послѣднюю ступень подобнаго развитія представляетъ собою куполь Аллавердской церкви (черт. 41), который по своимъ слишкомъ вытянутымъ пропорціямъ указываетъ уже на несомнѣнный упадокъ искусства.

Самый храмъ относится къ IX вѣку, но куполь его гораздо моложе, ибо здѣсь повторилась исторія Мцхетскаго собора, такъ какъ куполь дважды падалъ отъ землетрясенія. Въ послѣдній разъ это паденіе случилось въ половинѣ XVIII столѣтія ¹⁾ въ виду царицы Тамары, жены Теймураза II, послѣ чего онъ былъ вновь сооруженъ, но только ужъ не изъ камня, а изъ дерева. Не смотря на то, что этотъ куполь деревянный, а не каменный, мы полагаемъ возможнымъ рассмотреть его здѣсь, какъ послѣднее звено въ указанномъ нами направленіи, ибо матеріалъ тутъ очевидно не причемъ: дерево дословно повторяетъ здѣсь каменныя формы и будь куполь сложенъ изъ камня—онъ, несомнѣнно, былъ бы точно такимъ же. Пирамидальный верхъ имѣетъ тотъ же крутой подъемъ, что въ Мцхетскомъ соборѣ, но барабанъ гораздо вытянутѣе и высота его равняется пяти четвертямъ поперечника; что же касается до соотношенія между высотой барабана и высотой верха, то вторая гораздо меньше первой и составляетъ только пять седьмыхъ ея.

¹⁾ Всѣ приводимыя здѣсь хронологическія данныя заимствованы нами изъ изслѣдованія г. Бакрадзе „Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства“. (Записки общества любителей кавказской археологіи, книга I).

Отдѣлка довольно сложна: тонкіе вертикальные валики дѣлят его поверхность на шестнадцать частей, прорѣзанныхъ каждая столь вытянутыми и узкими окнами, что они положительно имѣютъ характеръ щелей. Надъ окнами и подъ карнизомъ горизонтально охватываютъ барабанъ два валика, которые своимъ пересѣченіемъ съ вертикальными валиками образуютъ квадратныя впадины, заполненныя внутри каждая пятью квадратиками, расположенными „андреевскимъ“ крестомъ.

Перейдя теперь къ строительнымъ приемамъ внутренняго устройства, мы увидимъ, что въ грузино-армянской архитектурѣ преобладаетъ одинъ приемъ: *сферическіе* паруса, образующіе переходъ отъ квадрато-подпружныхъ арокъ къ многоугольнику или кругу барабана, какъ мы это видимъ въ церкви въ Самтависѣ (черт. 42). И лишь въ видѣ исключенія употребляются съ этою цѣлью *коническіе* паруса, примѣромъ чему можетъ служить церковь въ Узунларѣ (черт. 43).

Что же касается до перваго приема, т. е. до сферическихъ парусовъ, то мы его встрѣчаемъ почти повсемѣстно: въ Гелатѣ, въ Самтависѣ, въ Сафарѣ, въ Эчмиадзинѣ, въ Ани, въ Манглисѣ и пр. и пр. ¹⁾.

Таково развитіе и особенности армяно-грузинской формы.

Перейдемъ теперь къ сравненію ея съ русской.

Этотъ сравнительный обзоръ даетъ слѣдующіе выводы:

1) Русскій церковный шатеръ *всегда* восьмигранный; грузино-армянское пирамидальное покрытіе восьмиграннымъ бываетъ *рѣдко*, а большею частью многогранное или коническое.

2) Русскій церковный шатеръ *всегда* увѣнчанъ шейкой съ луковичной главкой; армяно-грузинское покрытіе *никогда* ее не имѣетъ.

3) Русскій шатеръ имѣетъ художественное развитіе и представляетъ богатѣйшія архитектурныя формы (черт. 21); армяно-грузинскій конусъ-пирамида не имѣетъ художественнаго развитія, такъ какъ онъ лишенъ всякихъ украшеній и только покрытъ черепицей.

4) Русскій шатеръ, простой формы, *всегда* имѣетъ полицу; армяно-грузинскій верхъ *никогда* ея не имѣетъ.

5) Наклонныя грани русскаго шатра имѣютъ *иногда* окна (черт. 18, 19 и 20); грузино-армянская пирамида *никогда* ихъ не имѣетъ.

6) Черепичное покрытіе русскихъ шатровъ и черепичная кровля армяно-грузинскихъ куполовъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, что очевидно изъ простаго сравненія черт. 45 и 46.

7) Барабанъ русскихъ шатровъ обыкновенно не высокъ и высота его, за самыми немногими исключеніями, въ родѣ Старицкаго собора (черт. 16), не превышаетъ по большей части половины поперечника (черт. 17). Барабаны грузино-армянскихъ куполовъ, исключая нѣкоторые образцы въ родѣ церкви св. Рипсимы, гораздо выше, и высота его почти всегда больше половины поперечника.

8) Барабанъ русскихъ шатровъ *всегда* восьмигранный; барабанъ армяно-грузинскихъ церквей чаще бываетъ *многогранный*, а иногда даже *круглый*, чего у русскихъ шатровъ никогда не бываетъ.

¹⁾ См. Гримма „Памятники Византийской архитектуры въ Грузіи и Арменіи“.

9) Барабанъ русскихъ шатровъ *чаще всего* украшенъ по угламъ лопатками, а барабанъ армяно-грузинскихъ церквей *никогда* ихъ не имѣеть.

10) Армяно-грузинскій барабанъ украшается *весьма часто* по простѣнкамъ колонками, соединенными между собою арочками (черт. 39); барабанъ русскихъ шатровъ *никогда* подобнаго убранства не имѣеть; если же подобная отдѣлка встрѣчается въ русскомъ зодчествѣ, то только на круглыхъ шеяхъ луковичныхъ главъ.

11) Въ русскихъ шатровыхъ верхахъ переходъ отъ четверика къ восьмерику *почти всегда* замаскированъ кокошниками; въ армяно-грузинскомъ зодчествѣ этого *никогда* не бываетъ и переходъ этотъ всегда открытъ.

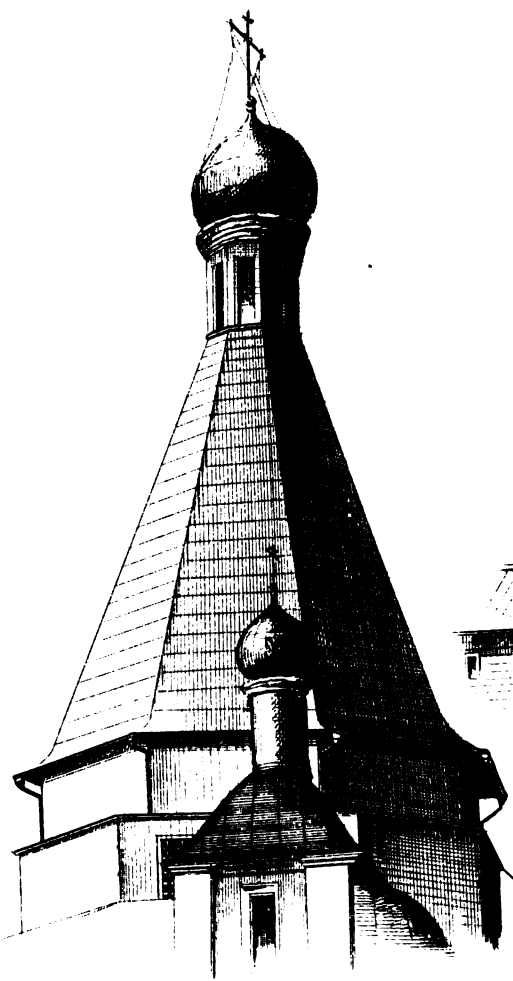
12) Грузино-армянская архитектура знаетъ лишь *два* внутреннихъ перехода отъ квадрата къ многограннику: паруса сферическіе (черт. 42) и паруса коническіе (черт. 43). Въ русскомъ зодчествѣ встрѣчается *цѣлыхъ четыре*: два предъидущихъ, а кромѣ того навѣсный карнизъ (черт. 25 и 26) и система навѣсныхъ арокъ (черт. 29).

13) Въ русскихъ шатровыхъ верхахъ шатеръ всегда *больше* барабана и иногда бываетъ даже въ три раза выше его (черт. 17); въ армяно-грузинской архитектурѣ пирамидальный верхъ почти всегда *ниже* барабана и только въ рѣдкихъ случаяхъ равняется ему по высотѣ. Такимъ образомъ въ русской архитектурѣ господствующею частью является *шатеръ*, а въ армяно-грузинской—*барабанъ*.

Наконецъ, 14) Армяно-грузинскій пирамидальный верхъ представляетъ собою только *кровлю* верха, ибо подъ нимъ всегда есть сферическій сводъ, который перекрываетъ барабанъ (черт. 42); русскій шатеръ, наоборотъ, есть не только кровля, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *покрытіе* барабана, ибо онъ всегда изнутри открытъ и подъ нимъ сферическаго свода никогда не бываетъ.

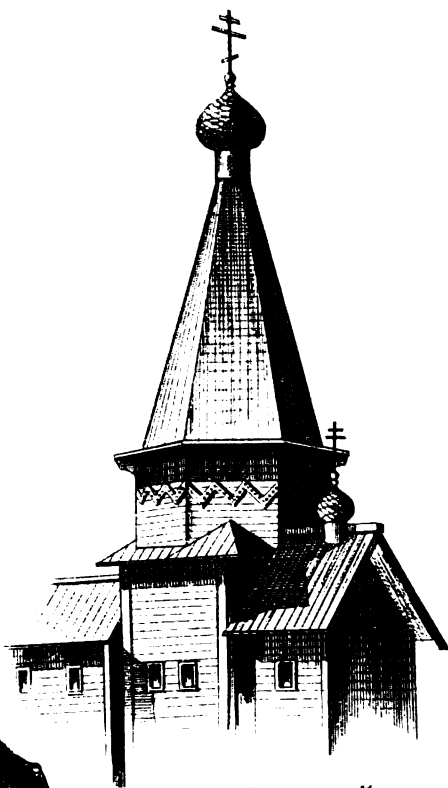
Отсюда ясно, что обѣ формы, русская и армяно-грузинская, представляютъ собою лишь самое отдаленное сходство по общему очертанію, но что по наружной отдѣлкѣ, строительнымъ приемамъ и внутреннему смыслу онѣ *вполнѣ различны между собою*, а, слѣдовательно, въ обѣихъ странахъ, въ Россіи и въ Грузіи, обѣ формы развивались *другъ отъ друга независимо и совершенно самостоятельно*.

(чер. 15^я)

Шатеръ церкви въ селѣ Городнѣ,
Московск. губ. Коломенскаго уѣзда.

(чер. 14^я)

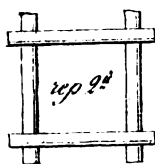
Шатеръ Ильинской
церкви. Олонецкой
губ. (по Далю.)

(чер. 17^я)

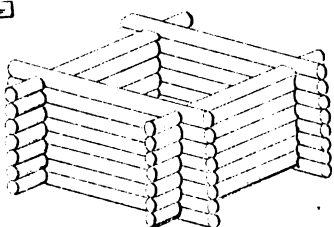
Архангельскій соборъ въ Нижнемъ-
Новгородѣ. (По Леонову и Веселовскому).

(чер. 1^я)

чер. 2^я

(чер. 3^я)

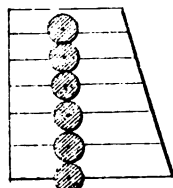
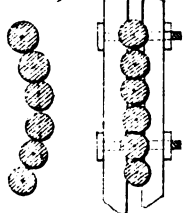
(чер. 4^я)

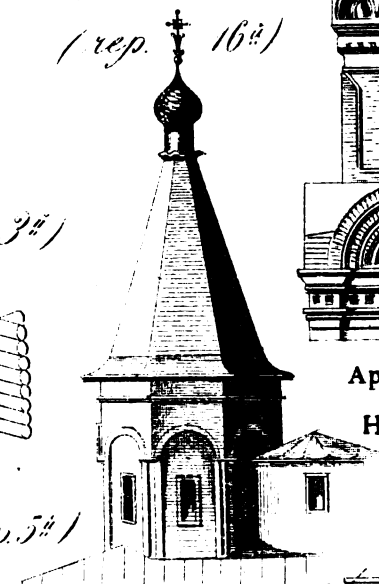
(чер. 5^я)

(чер. 6^я) (чер. 7^я) (чер. 8^я)

(чер. 16^я)

Шатеръ собора
въ г. Старицѣ,
Тв. губ.

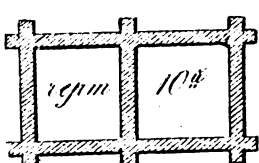
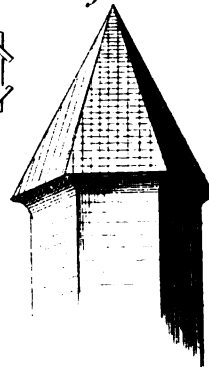

чер. 12^я

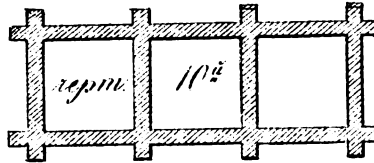

чер. 13^я

(чер. 11^я)

чер. 10^я

чер. 10^я

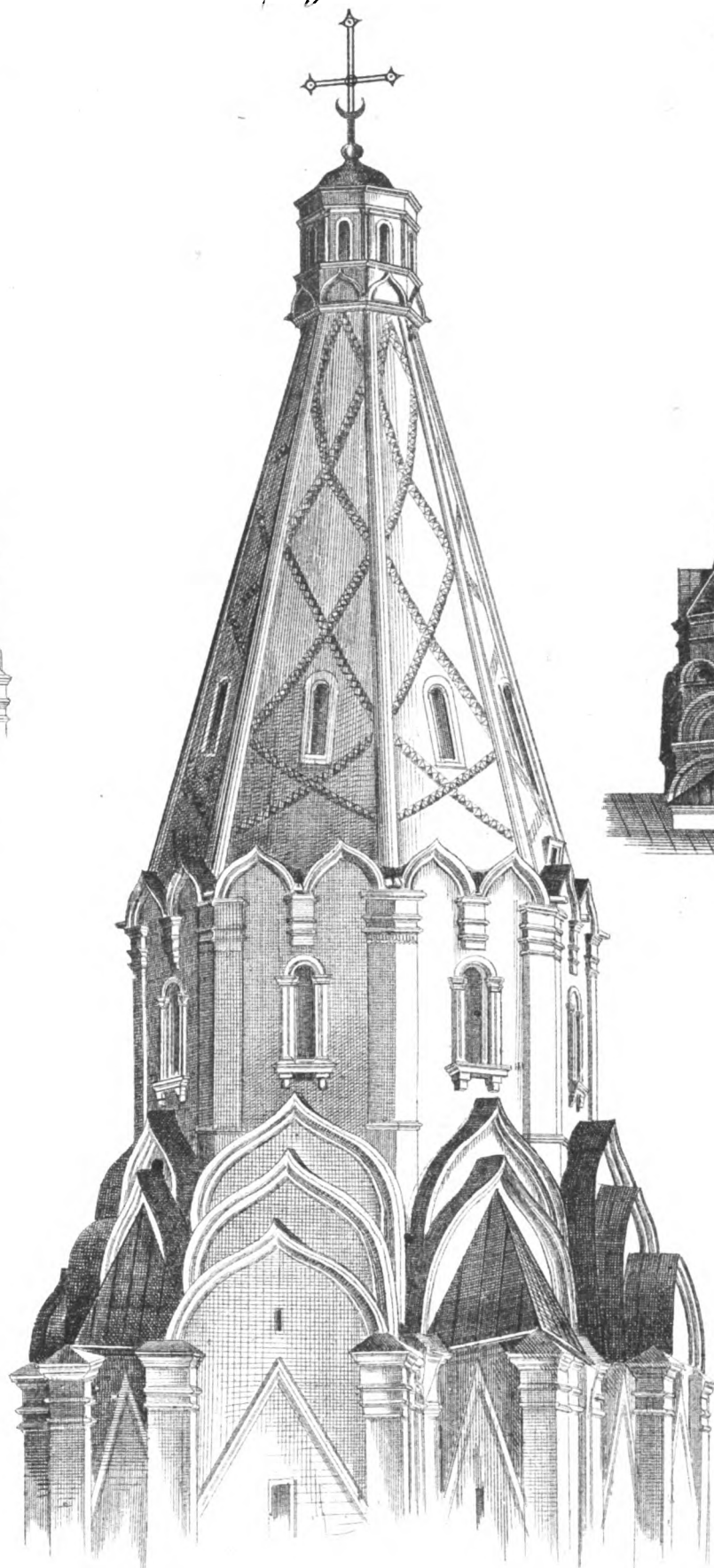
(черт. 20.)

(черт. 19.)

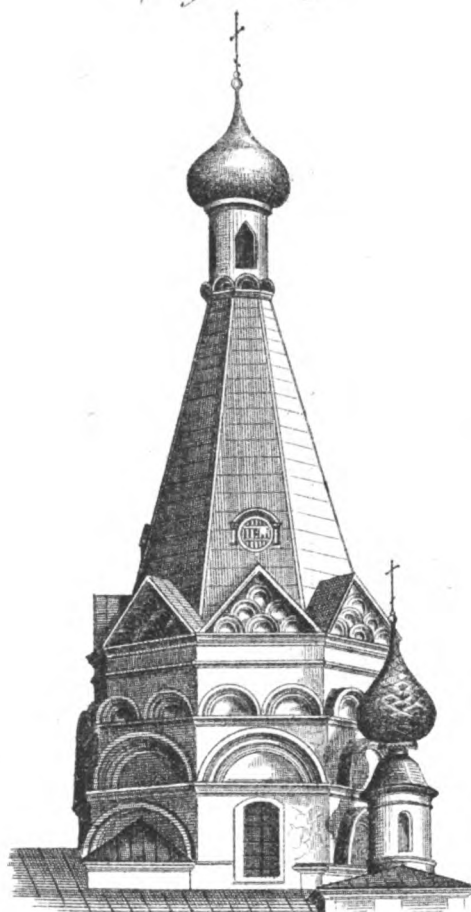
(черт. 18.)

Шатровый
верхъ церкви
с. Медвѣдко-
ва подь Мос-
квою
(по Снегиреву
и Мартынову.)

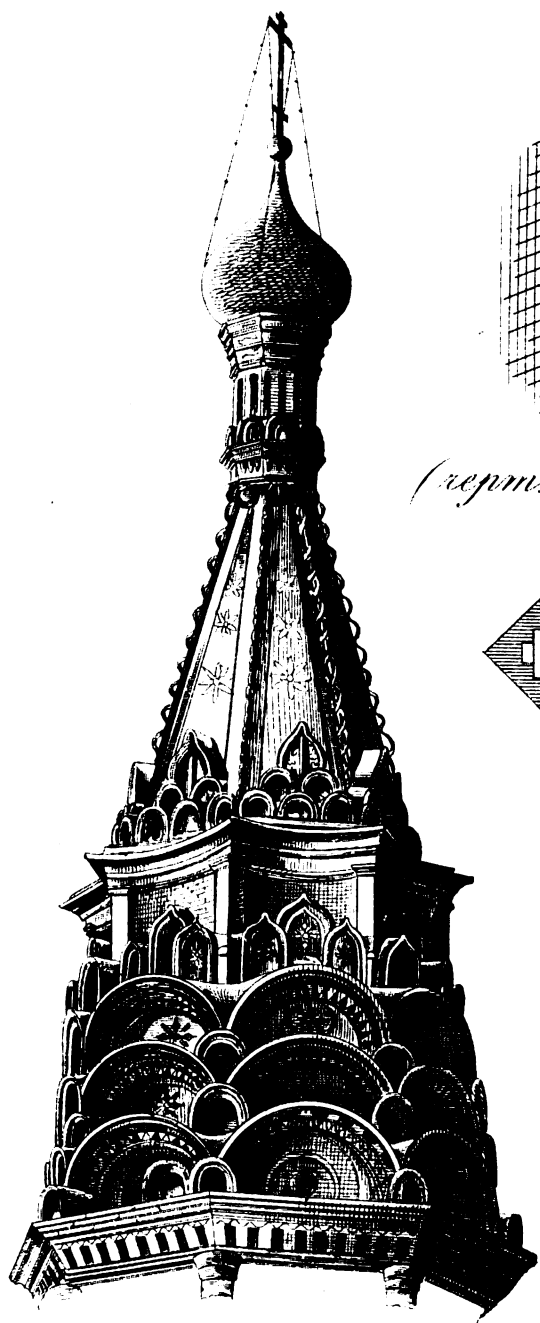

Шатровый верхъ церкви
с. Коломенскаго подь Москвою.

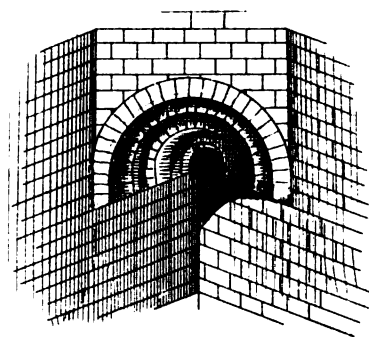
Шатровый
верхъ церкви
с. Краснаго
Костром-
ской губ.

(черт. 21.)

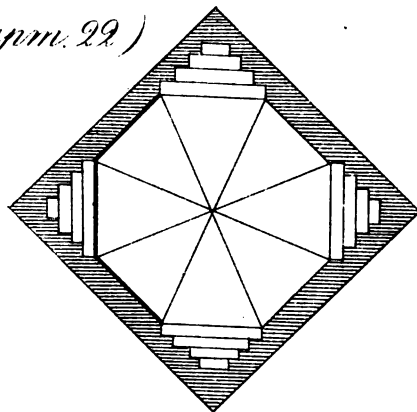

Средний шатер соб. Василия Блаженного.

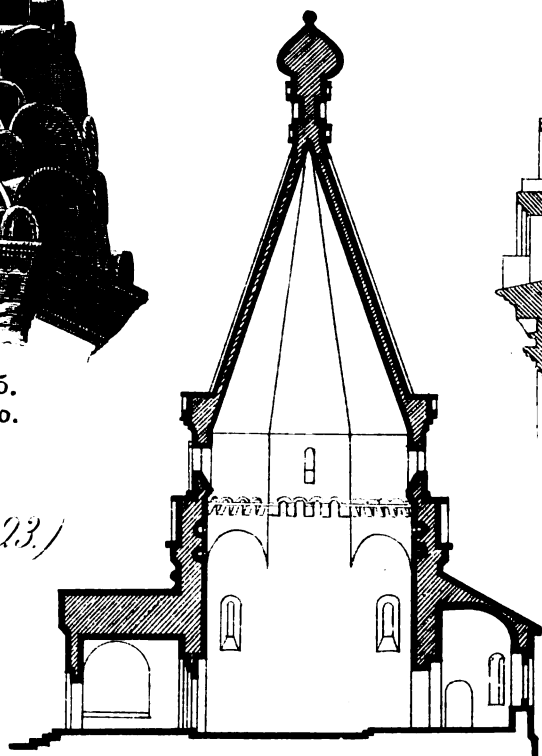
(черт. 24.)

(черт. 22.)

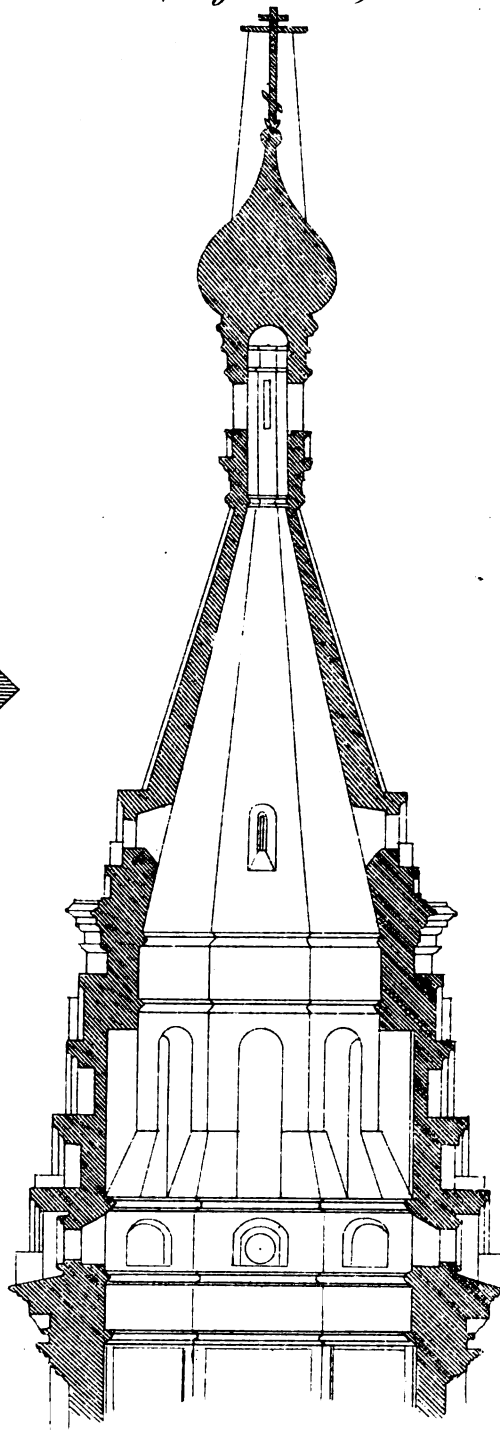
(черт. 27.)

Разрѣзъ Нижегородскаго Архангельскаго собора.
(по Леонову и Веселовскому.)

6 саж
2 4 6 8 10 12 metres

(черт. 26.)

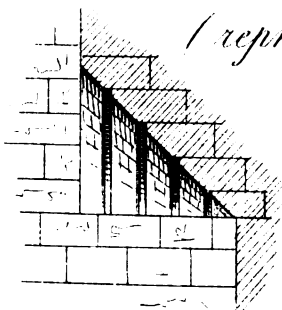
Разрѣзъ средняго шатра собора Василия Блаженнаго.
(по Рихтеру.)

(черт. 25.)

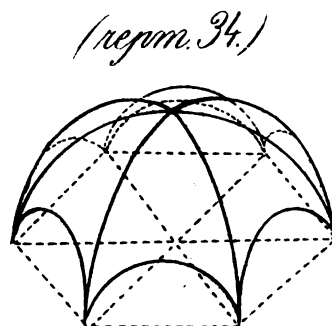
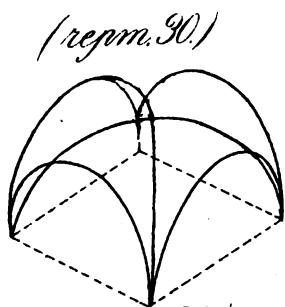
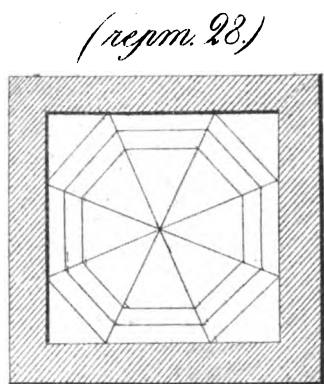

Внутренній навѣсный карнизикъ.

(черт. 23.)

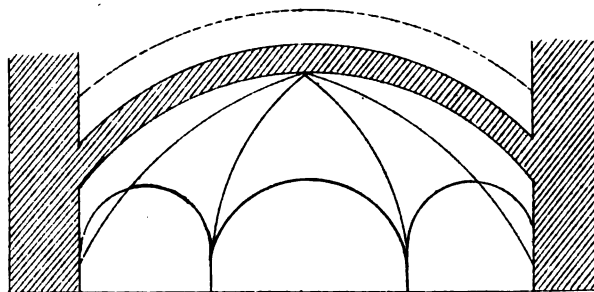
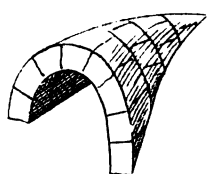
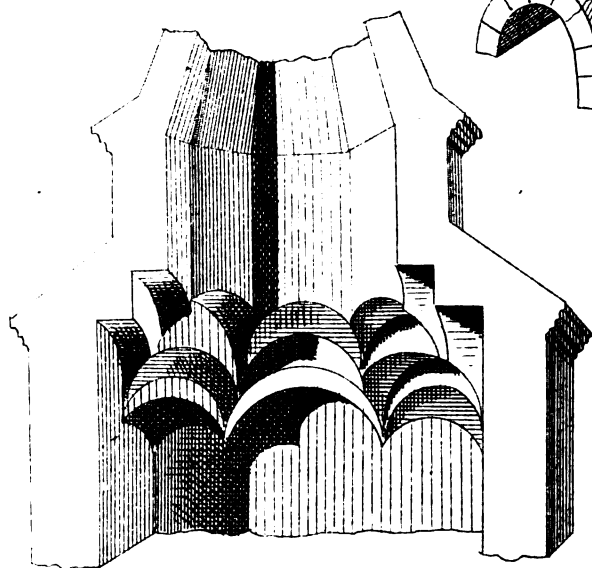
Разрѣзъ коническаго паруса.

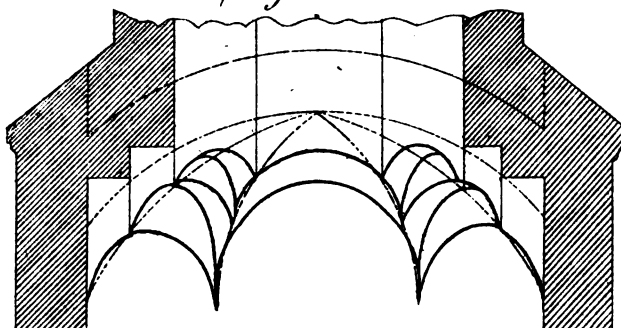
(черт. 31.)

(черт. 35.)

(черт. 29.)

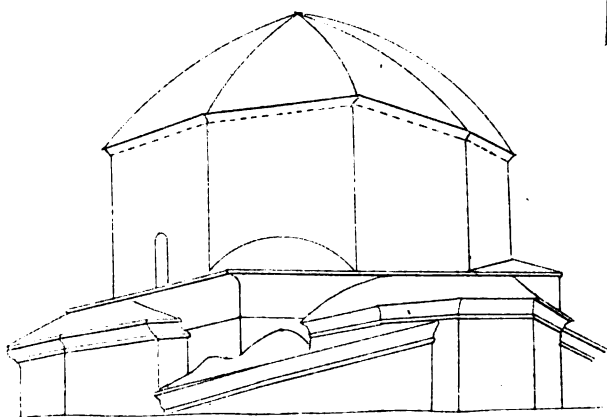

(черт. 36.)

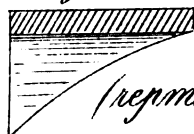
Схематическое изображение внутрен. устройства Медвѣдковской ц.

(черт. 37.)

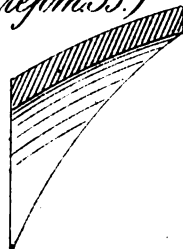

Куполь церкви Св. Креста (по Кондакову)

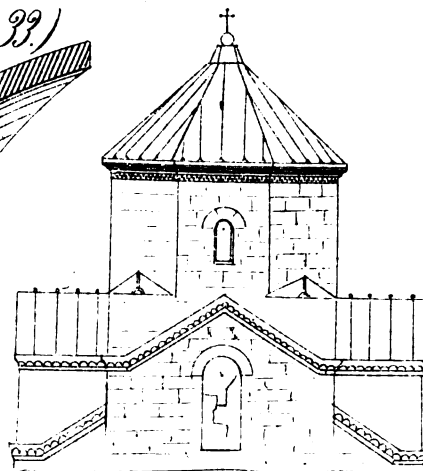
(черт. 32.)

(черт. 33.)

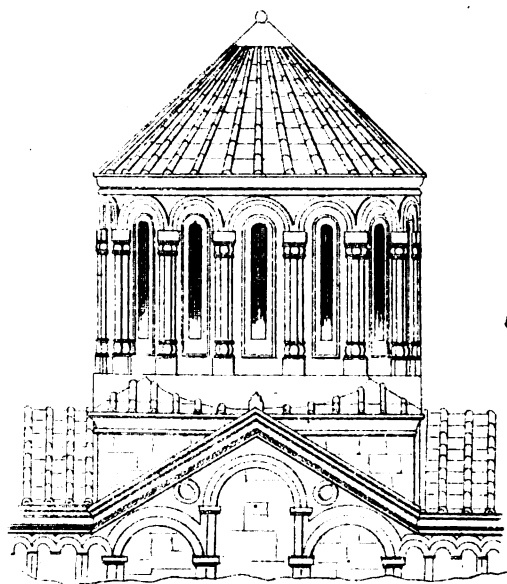

(черт. 38.)

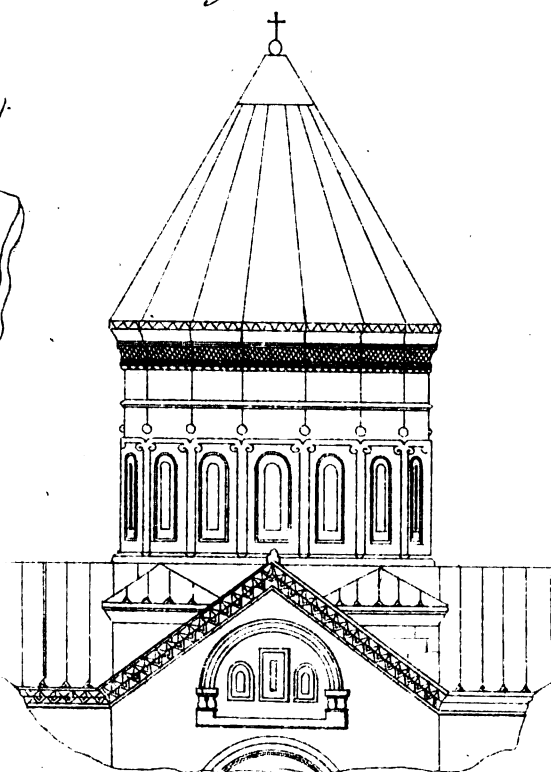
Куполь церкви въ Узунларѣ (по Гримму.)

(черт. 39.)

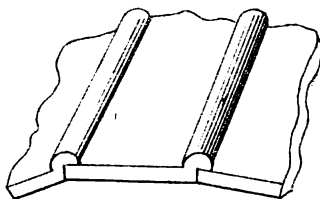
Куполь въ Гелатѣ (по Гримму.)

(черт. 40.)

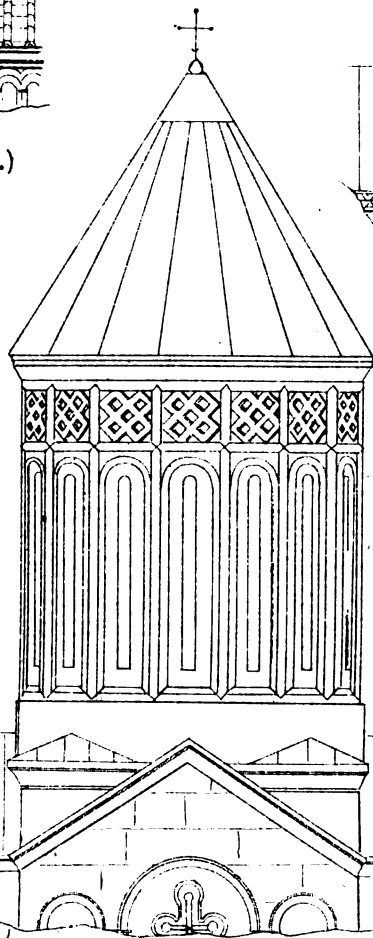

Куполь во Мцхетѣ (по Гримму.)

(черт. 46.)

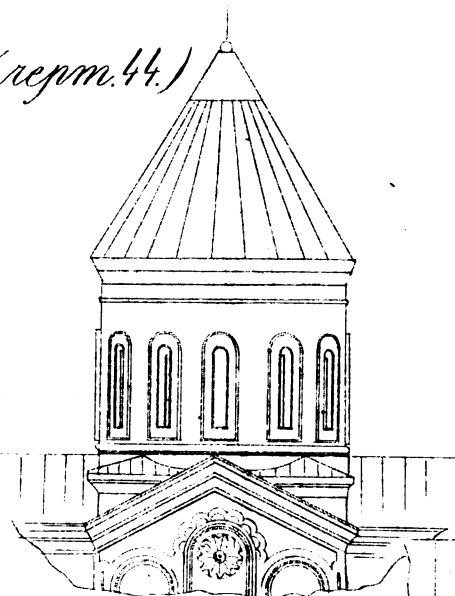

(черт. 41.)

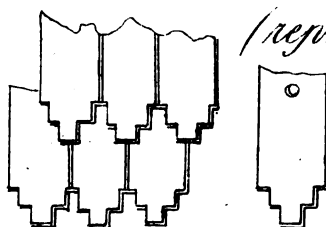
Куполь Алла-Верды (по Гримму.)

(черт. 44.)

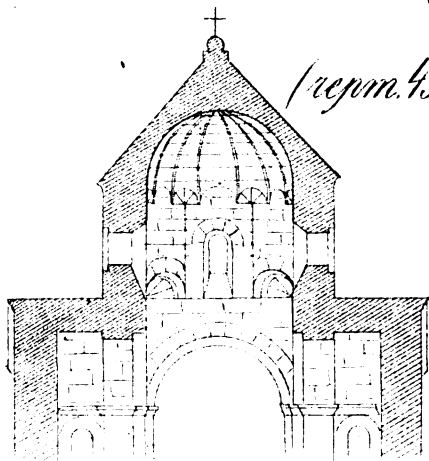

Куполь въ Самтависѣ (по Гримму.)

(черт. 45.)

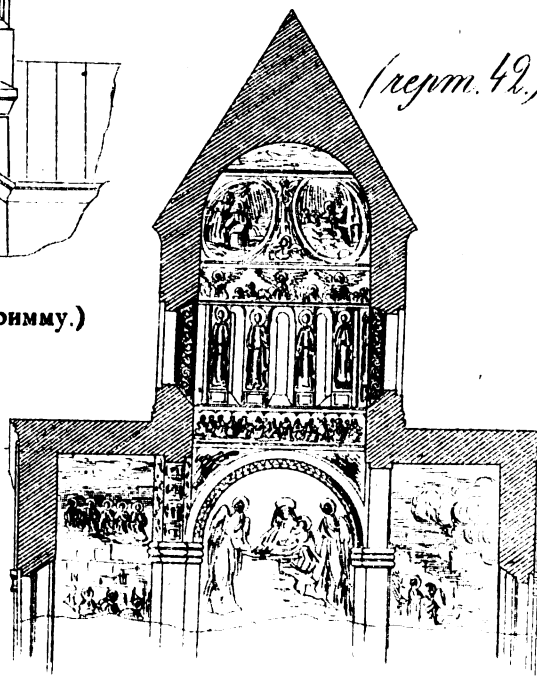

(черт. 43.)

Разрѣзъ ц. въ Узунларѣ (по Гримму.)

(черт. 42.)

Разрѣзъ ц. въ Самтависѣ, (по Гримму.)

Чиловская пещера и легенда объ Абласкиръ-Прометѣе.

И. Лихачева.

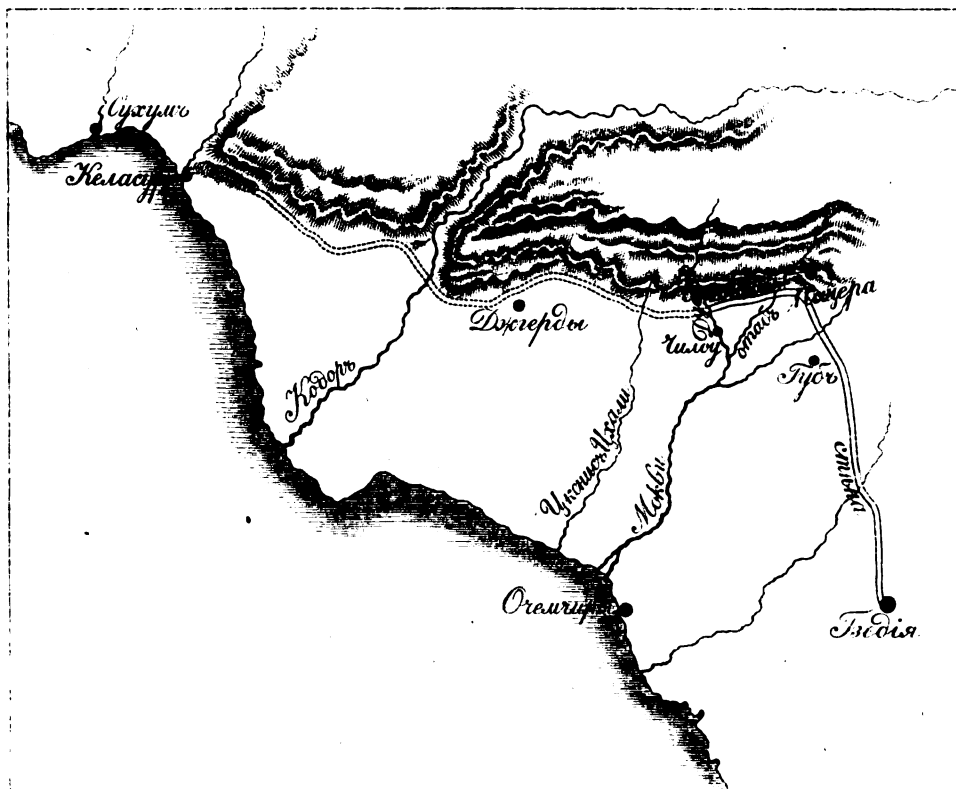
Инспектора школъ Общества Возникновенія Христіанства на Кавказѣ.

Сел. Чиловъ, въ предѣлахъ котораго расположена пещера, невѣрно нанесено на 5-и верстной картѣ Кавказа: значится оно на р. Цхенись-цхали, тогда какъ настоящее его мѣсто между рѣками Цхенись-цхали и Атабъ, но обѣимъ сторонамъ рѣки Дубабъ. Чиловъ исключительно населенъ абхазцами. Въ немъ есть деревянная церковь и до войны существовало деревянное зданіе школы, но такъ какъ оно служило хорошею засадою для возставшихъ абхазцевъ (мухаджировъ), то во время войны зданіе это было взято русскими и сожжено. Мѣстный владѣтель, князь Хабуга Анчибадзе, сообщилъ мнѣ слѣдующія преданія о богатырѣ *Абласкиръ и Чиловской пещерѣ*.

Родъ князей Анчибадзе весьма древній. Одинъ изъ предковъ ихъ, Бесланъ Анчибадзе имѣлъ въ абхазіи брата по воспитанію великана Абласкира. Этотъ Абласкиръ былъ идолопоклонникомъ и не признавалъ истиннаго Бога; онъ былъ настолько гордъ, что когда ѣздилъ верхомъ и ему на пути попадалась спустившаяся съ деревъ виноградная лоза, то перерубалъ ее, не желая нагибаться, для того чтобы не подать никому повода думать, что онъ поклоняется Богу; Абласкиръ постоянно истреблялъ папоротникъ, который мѣшалъ людямъ успѣшно заниматься земледѣліемъ и почему то не любилъ рыжихъ людей съ сѣрыми глазами, которыхъ при первой встрѣчѣ убивалъ.

Когда наконецъ истощилось терпѣніе Божіе, Абласкиръ внезапно исчезъ. Долго искалъ его братъ по воспитанію Бесланъ Анчибадзе и наконецъ пришелъ къ мысли искать его въ Чиловской пещерѣ, такъ какъ жители ему сказали, что вытекающая изъ этой пещеры вода стала выносить конскій навозъ. Бесланъ навьючилъ двухъ ословъ свѣчами и провизіей и, погоняя ихъ предъ собою, отправился въ пещеру. Сколько времени онъ шелъ сказать трудно, только замѣтилъ, что у него сгорѣла половина свѣчей. Наконецъ онъ пришелъ въ громадную залу, изъ которой слышались ему стоны. Бесланъ Анчибадзе громко спросилъ: „кто ты, что стонешь въ этой пещерѣ?“ Тогда слышался Беслану отвѣтъ: „я твой братъ по воспитанію, Абласкиръ; за мою гордость я и конь мой прикованы къ верху скалы такъ, что не

можемъ сойти внизъ. Скажи мнѣ: растеть ли у васъ по прежнему виноградъ и папоротникъ и живутъ ли еще рыжіе люди? До тѣхъ поръ я буду мучиться на скалѣ, пока не исчезнутъ виноградъ съ папоротникомъ и не погибнуть рыжіе люди. Ты же, братъ Бесланъ, помочь мнѣ не можешь, возвращайся скорѣе назадъ и расскажи про мое наказаніе людямъ; если же у тебя кончаются свѣчи, то предоставь идти впереди себя осламъ, которые по чутью выведутъ тебя изъ пещеры“.

Легенда эта въ своемъ искаженномъ видѣ относится вѣроятно къ Прометею, прикованному къ горамъ Кавказа. Замѣчательно однакожь, что у абхазцевъ не сохранился обычай, какъ у остальныхъ горскихъ племенъ, въ извѣстный день года ударять по наковальнѣ и тѣмъ самимъ сковывать цѣпи Прометея; но можетъ быть въ связи съ этимъ обычаемъ находится абхазское повѣрье, по которому самый закоренѣлый преступникъ абхаецъ боится клясться на наковальнѣ кузнеца въ томъ, что онъ не совершилъ то, или другое преступленіе.

„Лѣтъ 40 тому назадъ, прибавилъ кн. Анчибадзе, мой дѣдъ посѣтилъ Чиловскую пещеру, но дойти до ея конца не могъ, потому что, по мнѣнію абхазцевъ она имѣеть длину такую же, какъ отъ Чилова до Келасуръ, т. е. 40 верстъ, и, по ихъ мнѣнію, никто кромѣ Беслана Анчибадзе не могъ дойти до ея конца“. Не вѣря подобному предразсудку, разказчикъ, кн. Хабугъ, употребилъ свое вліяніе на мѣстныхъ жителей, чтобы уговорить ихъ оказать ему помощь для новаго осмотра Чиловской пещеры; долго они не соглашались, такъ какъ одна мысль объ осмотрѣ пещеры навѣвала на нихъ какой то суевѣрный ужасъ. Наконецъ въ маѣ мѣсяцѣ 1876 года, посѣщеніе это состоялось.

Съ восходомъ солнца вошли въ пещеру, запасшись свѣчами. Дно пещеры оґазалось ровнымъ и покатымъ къ выходу; со дна пещеры вытекаетъ быстрая рѣчка, глубина которой въ иныхъ мѣстахъ доходить до 1 аршина; во многихъ мѣстахъ рѣчка эта занимаетъ всю ширину пещеры, такъ что посѣтителѣмъ приходится идти по ея ложу; сводъ покрытъ сталактитами, съ которыхъ также капаетъ вода. Пещера то расширяется, то суживается; иногда встрѣчаются громадныя залы, а саженой около 20 приходится ползти по водѣ, поддерживая надъ головой зажженныя свѣчи. Продолжая путь по теченію ручья, посѣтителѣ миновали нѣсколько огромнѣйшихъ такихъ залъ и дошли наконецъ до мѣста, гдѣ ручей дѣлится на двѣ вѣтви: правая вѣтвь имѣла воду очень холодную, лѣвая, не большая вѣтвь, имѣла воду сѣрную и горячую. Лѣвый рукавъ вытекаетъ изъ глубины комнаты значительныхъ размѣровъ со сталактитами и сталагмитами, который являются здѣсь въ видѣ занавѣсей, наръ, кроватей, колоннъ и т. п. Посреди комнаты, изъ земли, бьетъ горячій ключъ, наполняющій углубленіе въ видѣ ванны, и образующій вышеупомянутую рѣчку.

Правый рукавъ, состоящій изъ простой холодной воды, вытекаетъ изъ круглой комнаты также съ нарами, и постелями изъ сталактиковъ, и также выбивается изъ подъ сталактиковой настилки.

Князь Анчибадзе, вернувшись изъ пещеры при закатѣ солнца, рассчитывалъ, что употребилъ на обходъ ея болѣе десяти часовъ, что заставляетъ его предполагать, что онъ сдѣлалъ въ оба конца около тридцати верстъ и что, такимъ образомъ, глубину пещеры можно приблизительно опредѣлить въ 15 верстъ.

Воодушевленный разказами князя Анчибадзе, я рѣшился серьезно обследовать пещеру и предпринялъ это дѣло съ мѣстнымъ священникомъ, Давидомъ Ахвледіани, основательно знающимъ абхазскій языкъ. По теченію рѣчки *Атабъ*, что по абхазски обозначаетъ названіе рыбы, которая водится въ этой рѣкѣ, мы, проѣхавъ версты 4, подъѣхали въ 10 часовъ утра къ горѣ *Оырды*, покрытой сплошнымъ лѣсомъ. Горное обнаженіе позволило намъ прійти къ убѣжденію, что мѣстная формація принадлежитъ къ известнякамъ, изъ подъ которыхъ вырывается притокъ рѣки Атабъ, образуя такимъ образомъ входъ въ Чиловскую пещеру.

Абхазцы называютъ пещеру *Ач-ке-изытыца*, что значитъ по русски: *конскій навозъ выносящая*; названіе это дано ей на томъ основаніи, что въ древнія времена рѣка выносила изъ нее конскій навозъ, что заставило жителей предполагать, что было время, когда она была обитаема.

При осмотрѣ пещеры оказалось, что входъ въ нее почти совершенно закрытъ громадными сталактитовыми натеками, такъ что попасть въ пещеру нельзя было иначе какъ по руслу рѣки, имѣющей въ этомъ мѣстѣ до 1 аршина глубины при ширинѣ въ одну сажень; далѣе по водѣ надо было идти нагнувшись подъ нависшими сталактитами, съ которыхъ капала вода.

Въ самыхъ нижнихъ слояхъ чувствовался сильный токъ воздуха изъ пещеры съ запахомъ изъ сѣрнистаго водорода, что указывало на присутствіе въ пещерѣ сѣрнаго источника.

Мѣстные жители увѣряютъ, что рыба изъ рѣчки Атабъ, на зиму прячется въ пещерѣ. При термометрическихъ наблюденіяхъ оказалось, что общій наружный воздухъ, имѣлъ 20° R; при входѣ онъ доходилъ до 18°; чѣмъ ближе къ водѣ, тѣмъ болѣе и болѣе температура понижалась и падала до 10½° R; въ самой водѣ было также не болѣе

10° R., такъ что мы не рѣшились войти во внутрь пещеры, не рискуя простудиться.

По словамъ жителей, самое лучшее время года для осмотра пещеры,—это Май и Іюнь мѣсяцы, когда и вода бываетъ теплѣе и ее, сравнительно, бываетъ меньше; въ дождливые же дни, по ихъ словамъ, изъ пещеры вытекаетъ такъ много воды, что она совершенно закрываетъ входъ въ пещеру, при чемъ вода бываетъ нѣсколько мутна, что ясно указываетъ на сообщеніе пещеры съ наружнымъ воздухомъ при помощи щелей или горныхъ воронокъ, коихъ въ Абхазіи множество въ известковыхъ горахъ.

Очень вѣроятно, что эта пещера служила мѣстомъ жительства для человека, и археологъ, могъ бы, при ея посѣщеніи и изученіи, найти обильную жатву. Интересна она и для геолога и натуралиста, такъ какъ въ ней по мнѣнію почтеннаго председателя съезда, А. В. Комарова, можно найти слѣпыхъ насѣкомыхъ, пауковъ и можетъ быть, прибавлю съ своей стороны, и рыбъ.

Слѣдуетъ только облегчить путь къ пещерѣ, построивъ къ ней мостки и проложивъ въ скалѣ дорогу; не лишнее было бы снять съ нее точный планъ со всѣми ея ходами и переходами и вообще подвергнуть ее научному изслѣдованію, какъ то сдѣлано для пещеръ Моравіи и вообще за границей.

Оканчивая свое сообщеніе, не могу не обратить вниманія господъ членовъ Съезда на ту огромную услугу, которую они оказали бы наукѣ, и вообще всѣмъ тѣмъ, которые интересуются ею, составивъ руководство по археологіи, которое могло бы научить насъ собирать, изслѣдовать и изучать тѣ древности, которыя окружаютъ насъ, на Кавказѣ, древности которыя остаются безъ вниманія, исчезаютъ и часто уродуются только по незнанію и неразвитію нашему.

О к л а д а х ъ.

Ю. Ф. Иверсена.

Изъ значительнаго числа монетныхъ кладовъ разнаго времени и разныхъ металловъ, которые ежегодно вырываются въ предѣлахъ россійскаго государства, были у меня на разсмотрѣніи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ всѣ клады, представленные по законамъ въ Императорскую Археологическую комиссію, исключая кладовъ монетъ восточныхъ. Кромѣ того, я просмотрѣлъ и многіе клады, попавшіе мимо археологической комиссіи въ частныя руки.

Самая большая часть этихъ кладовъ принадлежитъ XVII и XVIII вѣкамъ, и состоятъ преимущественно изъ польскихъ монетъ, голландскихъ и брабантскихъ талеровъ и монетъ сосѣднихъ Польшѣ краевъ. Эти клады представляютъ мало интереса.

Такимъ же образомъ клады русскихъ монетъ XVI и XVII вѣковъ не представляютъ интереса для историческаго изслѣдованія.

Всего интереснѣе клады монетъ болѣе отдаленныхъ временъ, о которыхъ я и намѣренъ сказать нѣсколько словъ, обращая особенное вниманіе на клады римскихъ и византійскихъ монетъ и клады XI вѣка.

I. Римскихъ кладовъ попало въ мои руки восемь. Они были найдены въ Кіевской, Минской, Пензенской, Радомской, Сѣдлецкой и Черниговской губерніяхъ.

а) Радомской губерніи, Олжецкаго уѣзда, на казенной пашнѣ Скаржинской гмины въ 1866 году былъ найденъ кладъ 4797 монетъ, изъ которыхъ мнѣ переданы на разсмотрѣніе въ 1870 году 2398 монетъ, другія уже ранѣе разошлись въ частныя руки. Онѣ были отъ временъ Траяна до Криспины.

б) Плоцкой губерніи, Серпецкаго уѣзда, въ деревнѣ Градково, въ имѣніи Якова Подчаскаго, въ 1868 году обнаружился кладъ 1540 римскихъ серебряныхъ монетъ. Онѣ принадлежали времени Антонина Пія и Марка Аврелія.

в) Кіевской губерніи, Владимірскаго уѣзда, въ Мазеппинецкой волости въ 1868 г. найдено 235 римскихъ серебряныхъ монетъ времени отъ Траяна до Септимія Севера.

г) Радомской губерніи, Опатовскаго уѣзда, въ деревнѣ Покрживянкѣ найдено въ 1870 году 153 римскихъ серебряныхъ монетъ времени отъ Веспасіана до Марка Аврелія.

д) Сѣдлецкой губерніи, Венгровскаго уѣзда, въ двухъ верстахъ отъ города Венг-

рова, на поляхъ посада Ливы, у деревни Ярницы въ 1873 году въ пещкѣ найдено 235 римскихъ серебряныхъ монетъ отъ Веспасіана до Альбина.

е) Черниговской губерніи, въ пяти верстахъ отъ города Нѣжина, близъ дороги въ село Пашково, найдено въ 1874 году 1312 римскихъ серебряныхъ монетъ, два запястья, украшенныя красными камнями и обтянутое золотомъ кольцо. Монеты были времени Нерона до Септимія Севера.

ж) Минской губерніи, при деревни Каменки, въ 1874 году было найдено 21 римскихъ серебряныхъ монетъ отъ Траяна до Коммода.

з) Пензенской губерніи, Саранскаго уѣзда на землѣ Безобразова, въ селеніи Лаба въ 1875 году найдены римскія монеты временъ Веспасіана до Юліи Домны.

II. Кладовъ византійскихъ монетъ было два, найденныхъ въ Черниговской и Эриванской губерніяхъ.

1) Эриванской губерніи при устройствѣ вала на эспланадѣ Александровской крѣпости, найдено въ 1878 году 27 византійскихъ золотыхъ монетъ Константина XIII Дуки.

2) Черниговской губерніи, Кролевецкаго уѣзда, въ селѣ Спасскомъ, въ 1879 году найдено пять византійскихъ золотыхъ монетъ, изъ которыхъ двѣ Іоанна Комнена и 3 Мануила Комнена.

III. Клады начала XI вѣка обнаруживались въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Варшавской, Псковской, Олонецкой, Плоцкой и Минской губерніяхъ. Въ нихъ смѣшаны англо-саксонскія монеты королей Этельрета II и Кнута, германскія монеты всѣхъ государствъ и мѣстностей конца X и начала XI вѣка, богемскія монеты Болеслава чешскаго и Яроміра, венгерскія монеты королей Андрея и Степана, калифскія монеты и византійскія серебряныя императоровъ Іоанна Цимисхія, Константина X Порфирогенита и Романа II и, наконецъ, сломанныя украшенія. Этихъ кладовъ было у меня на разсмотрѣніи семь.

1) Въ Эстляндіи, въ имѣніи покойнаго академика Бера, Пипъ, найденъ былъ въ 1863 года кладъ монетъ XI вѣка, который мною описанъ въ *Berliner Blätter für Münz, Siegel und Waprenkunde*, T. VI, стр. 271—286.

2) На островѣ Эзель, въ деревни Роцекуль въ 1864 году обнаружился кладъ монетъ XI вѣка, который разошелся въ частныя руки. 11 монетъ изъ него, представленные мнѣ, описаны въ *Berliner Blätter für Münz, Siegel und Waprenkunde*, T. VI, стр. 286—287.

3) Минской губерніи, не далеко отъ города Минска, въ 1871 году былъ найденъ кладъ 368 монетъ XI вѣка, который описанъ мною въ *Berliner Blätter für Münz, Siegel und Waprenkunde*, T. VI, стр. 287—296.

4) Плоцкой губерніи, Плоцкаго уѣзда, въ деревнѣ Бобры, въ гминѣ Монгомень, въ 1873 году при копаніи камней найдено 706 монетъ XI вѣка, которыя мною описаны, а потомъ пересланы для публикаціи г-ну Данненбергу въ Берлинъ, который описалъ этотъ кладъ въ *Zeitschrift für Numismatik*, т. I, стр. 348—370.

5) Варшавской губерніи, Нешавскаго уѣзда, на поляхъ деревни Пржибракова, въ 1875 году найденъ кладъ монетъ XI вѣка. Въ этомъ кладѣ нашлись монеты гг. Шпейера, Майнца, Вирцбурга, Регенсбурга, Кельна и Дортмунда. Кромѣ того монеты императора Оттона III и матери его Адельгейды, одна монета Болеслава III и подражанія германскихъ монетъ, такъ называемыя Венденскія монеты.

6) Олонецкой губернии, на Лодейномъ полѣ, въ 1878 году, найденъ случайно кладъ монетъ XI вѣка, особеннаго интереса для Кавказскаго края. Возлѣ пивовареннаго завода свинья вырыла изъ земли горшокъ, въ которомъ находились до одиннадцати фунтовъ серебряной монеты XI вѣка. Изъ нихъ переданы были въ Императорскую Археологическую Коммисію и послѣ мною приобрѣтены восемь фунтовъ. Другія монеты уже были переданы въ чужія руки, въ числѣ которыхъ всѣ восточныя, время которыхъ по этому нельзя было обозначить. Еще нѣсколько времени спустя удалось Великому Князю Сергію Александровичу приобрѣсти на мѣстѣ находки до ста монетъ этого клада. Въ большемъ числѣ монетъ этого клада ¹⁾ (болѣе 2,500 попали въ мои руки), кромѣ многихъ обыкновенныхъ и негодныхъ, находились и рѣдкія, какъ, напри- мѣръ, двѣ монеты Кнута съ руническими надписями, 3 датскія монеты короля Кнута, 5 ирландскихъ монетъ Ситрика III и одна неизданная монета Готфрида Бульонскаго. Въ числѣ болѣе ста варварскихъ подражаній англо-саксонскихъ монетъ, покрытыхъ окисью, оказалось при очищеніи самая рѣдкая монета Грузинскаго царя Давида Куропалата (см. рис. № 1). Первый и доселѣ единственный экземпляръ этой монеты найденъ въ 1859 году въ кладѣ такого состава, вырытомъ при городѣ Шванъ ²⁾ въ Мекленбургъ-Шверинѣ. Давидъ царствовалъ отъ 983 года по 1001 годъ. Не владѣя грузинскимъ языкомъ, ссылаюсь въ описаніи этой монеты на объясненія академика Ланглуа въ Парижѣ, который считаетъ эту монету подражаніемъ византійскихъ монетъ императора Романа Лакапена (Romanus Lacapenus) и читаетъ на лицевой сторонѣ „Krite cheit-gale David“ въ переводѣ: „Christ nie pitie de David“. На оборотной сторонѣ въ углахъ византійскаго креста сокращено „Curopalati“. Съ мнѣніемъ г-на Ланглуа согласились и академикъ Броссе и генералъ Шубертъ. Князь Баратаевъ этой монеты не зналъ.

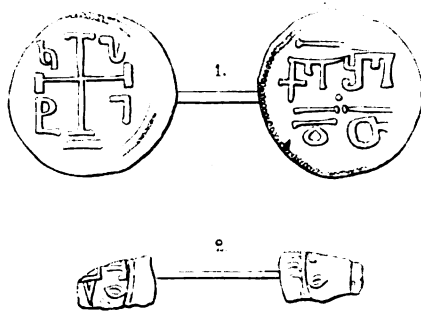
7) Псковской губернии, Жуковской волости, въ деревнѣ Молодахъ, недалеко отъ города Пскова, въ 1878 году найденъ кладъ монетъ XI вѣка, состоящій изъ 567 серебряныхъ монетъ и пяти фунтовъ 95 золотниковъ разной ломаной монеты. Эти монеты оказались восточными и были просмотрѣны барономъ Тизенгаузенемъ ³⁾, но небольшая часть „разной ломаной монеты“, оказавшаяся не восточною, въ 1879 году была передана мнѣ для разслѣдованія. Въ нихъ не одной цѣлой западной монеты не было, но разрѣзанныхъ и ломаныхъ было вѣсомъ около 75 золотниковъ. Въ этихъ обломкахъ можно было узнать монеты германскія X и начала XI вѣковъ, венденскія, англо-саксонскія монеты короля Этельрета II, византійскія Константина X и Иоанна Цимисхія и одинъ кусокъ монеты Болеслава Чешскаго. Всего интереснѣе былъ обломокъ серебряной монеты Владиміра съ надписью „Владиміръ на столѣ“ (см. рис. № 2), которая сколько мнѣ извѣстно, съ другими монетами вмѣстѣ въ Россіи до сихъ поръ не найдена. Этотъ обломокъ порядочно малъ, но все таки буквы тол и на другой сторонѣ верхняя часть загадочной фигуры на ней несомнѣнны. Такъ какъ всѣ другія монеты этого клада принадлежатъ концу X или началу XI вѣка, то и эта монета съ надписью „Владиміръ

¹⁾ Кладъ этотъ еще не опубликованъ.

²⁾ Кладъ этотъ описанъ въ Zeitschrift für Münz-Siegel-und Wappenkunde. Neue Folge, стр. 258—290. На табл. XIV, № 2 помѣщено изображеніе этой монеты.

³⁾ Восточныя монеты изъ диргемовъ Аббасидскихъ, Саманидскихъ, Илекскихъ, Бувейгидскихъ, Зіяридскихъ, Окайлидскихъ, Мерванидскихъ и одной Арсакидской Орода II, самая новѣйшая изъ нихъ показала 1009 годъ.

на столѣ“ принадлежитъ тому же времени и, слѣдовательно, должна быть монетою Владиміра Святаго. То же самое заключеніе было сдѣлано на IV-омъ създѣ Дм. Ив. Прозоровскимъ по поводу клада, найденнаго въ 1859 году при городѣ Шванѣ ¹⁾ въ Мекленбургъ - Шверинѣ, гдѣ въ почти томъ же составѣ клада находились монета съ надписью „Владиміро серебро“ и монета грузинская Давида Куропалата.

¹⁾ См. Zeitschrift für Münz-Siegel-und Wappenkunde, Neue Folge, стр. 258—290.

Отвѣтъ на замѣчанія А. Н. Введенскаго ¹⁾ по поводу моей записки „О памятникахъ Западнаго Закавказья“ ²⁾ и дополненія.

В. И. Чернявскаго.

Прочитавъ „Замѣчанія“ на мою записку А. Н. Введенскаго, я позволю себѣ дополнить сдѣланныя имъ дополненія и указать вмѣстѣ съ тѣмъ на неточность сдѣланныхъ почтеннымъ старожиломъ поправокъ.

1) Женское головное украшеніе въ видѣ обруча, видѣнное А. Н. Введенскимъ, напрасно смѣшивается имъ съ короною, о которой я сообщалъ по собраннымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ. Обручъ этотъ не могъ стоить 150 руб., а половина раздѣленной короны была продана наскоро и неопытнымъ человѣкомъ за 75 руб. По рассказамъ очевидцевъ, то былъ далеко не обручъ, и находка его совершена позднѣе, въ 1869 или 1870 году.

2) Абхазцы добывали свинецъ въ разныхъ мѣстахъ (около 13) края, особенно-же въ сѣверной Абхазіи и въ знаменитой *Ахы-цыхра*, т. е. *скальпунъ* (гдѣ теперь работаетъ компанія), а вовсе не „преимущественно на водораздѣлѣ рр. Баслы и Келасура“, какъ показываетъ А. Н. Введенскій. Подробнѣе сообщу въ другой статьѣ.

3) Замокъ *Са-Тамаша* я посѣтилъ тоже въ февралѣ 1872 года, когда его еще не взрывали съ археологическою цѣлью. Едва-ли тамъ былъ и прежде нижній этажъ. Сообщение производилось, какъ обыкновенно въ подобныхъ постройкахъ (см. одинъ изъ чертежей, представленныхъ мною въ 1878 г. Моск. Археол. Общ.) въ Крыму и во всей Абхазіи, посредствомъ приставныхъ лѣстницъ. На это указываютъ легенды о нѣкоторыхъ изъ нихъ. См., напр., подобную легенду о замкѣ вблизи Пицунды въ книгѣ *Немировича-Данченка*, „Въ гостяхъ“, 1880, Спб.

4) Монастырь, который я называлъ *армянскимъ*, зовется самими абхазцами этимъ именемъ; — перемѣнить его я не имѣлъ никакого основанія, подобно тому, какъ и А. Н. Введенскій, не бывшій въ немъ, а только видѣвшій чрезъ рѣку съ другой горы какой то храмъ, не имѣлъ основаній судить окончательно объ его происхожденіи.

1) Проток. V Археолог. Съѣзда, стр. 126—130.

2) Тамъ же, стр. 14—25, 1879.

Притомъ на разстояніи 15 верстъ отъ Пицундскаго храма находятся развалины далеко не одного храма. Что же касается утвержденій А. Н. Введенскаго, что библіотека и всѣ цѣнности Пицундскаго патріархата были дѣйствительно цѣликомъ перевезены въ Гелатскій монастырь, то это неосновательно потому, что патріархъ Максимъ не оставилъ добровольно Пицунду, а былъ изгнанъ турками во время войнъ Екатерины Великой; онъ долженъ былъ бѣжать, а не заботиться о сокровищахъ, вѣроятно, весьма обширныхъ, древняго Пицундскаго монастыря, которыя, разумѣется, не легко было спасти въ короткое и смутное время, въ бездорожномъ и полудикомъ краѣ. Что вещи Пицундскаго храма далеко не были вывезены, — это говорятъ единогласно всѣ путешественники, бывшіе послѣ того въ Пицундѣ, нашедшіе тамъ церковную утварь всю на тѣхъ же мѣстахъ и въ томъ же видѣ, какъ ее покинуло священнодѣйствовавшее духовенство многіе дѣсятки лѣтъ тому назадъ. Абхазцы ихъ охраняли какъ зѣницу ока отъ дерзкой руки, и только въ наши просвѣщенные дни мѣстные представители русской власти наложили на нихъ руку, разбирая ихъ безъ всякой надобности. Я видѣлъ часть ихъ въ Сухумѣ и это должно быть еще болѣе извѣстно А. Н. Введенскому, какъ старожилу. — Еще ранѣ одному изъ путешественниковъ, кажется барону Гакстгаузену, — абхазцы указывали на армянскій монастырь въ горахъ близъ Пицунды и на эти имъ непонятные свертки, которые они называли „ни кожа, ни бумага“. Какъ могли они указывать на эти свертки, если бы они ихъ видали?

5) Въ висяція надъ страшною бездною кельи *Мицъискаго* древняго монастыря, какъ показывалъ одинъ изъ провожавшихъ въ 1878 г. меня и геолога *Пренделя* абхазцевъ-крестьянъ, — есть тайный ходъ снизу отъ верховья рѣки по лѣстницѣ, пробитой въ скалѣ. Это весьма правдоподобно. Главный нашъ путеводитель, князь Магара Шервашидзе, уже бывший до того въ кельяхъ, провожая насъ туда, неудачно выбралъ веревки и цѣль для спуска въ кельи сверху скалы! Мы его заранѣ поощряли разказами на развѣдки разныхъ предметовъ монашескаго быта: свертковъ, утвари и т. п. Онъ могъ не желать имѣть конкурентовъ притомъ на своей землѣ.

6) *Мицъишъ* вытекаетъ не изъ подъ самаго монастыря, висящаго въ глубинѣ ущелья, а съ правой его стороны. Въ прежнихъ моихъ сообщеніяхъ я, не видя еще лично этой интересной мѣстности, основывался на разказахъ А. Н. Введенскаго и другихъ очевидцевъ, едвали, какъ теперь оказывается, лично посѣтившихъ начало рѣки. Поэтому я описывалъ неправильно, что *Мицъишъ* вырывается подъ самымъ монастыремъ изъ отверстія пещеры въ видѣ огромныхъ сводчатыхъ воротъ, въ которыя, какъ мнѣ говорили, свободно вѣхатъ на лодкѣ. На мѣстѣ я увидѣлъ неправильной формы и невысокое отверстіе пещеры, загражденное еще большимъ камнемъ, куда я бы ни какъ не рискнулъ предлагать вѣхатъ на лодкѣ; хотя и добраться до этого ужаснаго верховья, по обрывистымъ и ненадежнымъ тропкамъ, не вездѣ защищеннымъ пальмовою зарослью, — штука весьма головоломная. *Прендель*, мой спутникъ, погибъ бы на одной изъ этихъ тропокъ, если бы его не спасъ силачъ, князь Магара Шервашидзе, въ ту минуту когда онъ держась за некрѣпкій корень пальмы (*Buxus sempervirens*), сорвался вмѣстѣ съ нимъ и летѣлъ съ верха скалы.

7) Что касается горы *Дудрѣтишъ*, то замѣчательно, что абхазцы рѣшительно отрицали всегда, чтобы какой-либо русскій, хотя бы и А. Н. Введенскій, попиралъ своими ногами ея священную вершину, не будучи за то пораженъ молніей. До того вкоренилось суевѣріе.

8) Напрасно А. Н. Введенскій исправляетъ имена, относящіеся къ богатому серебро-свинцовому мѣсторожденію *Ахи-цыхра*, о которомъ я сообщилъ вскользь въ § 31. Хотя А. Н., какъ председатель Сословно-Поземельной комиссіи и особаго по поземельнымъ дѣламъ Абхазіи и Самурзакани присутствія, а прежде болѣе десятка лѣтъ дѣятельный членъ этихъ учреждений,—всегда имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько хорошихъ переводчиковъ, топографовъ и всѣ данныя подъ руками,—но абхазскія названія имъ рѣшительно извращаются, очевидно по ничѣмъ необъяснимому полному незнанію туземнаго языка просвѣщеннымъ лицомъ, такъ долго официально изслѣдующимъ этотъ заманчивый край. Я называлъ рѣку, въ которую впадаетъ ручей, текущій по ущелью *Гумъ-пта* отъ свинцоваго мѣсторожденія *Ахи-цыхра*—*Ахи-псы* (*свинцовая-рѣка*), такъ же какъ другія рѣки въ Абхазіи зовутся правильно *Аа-псы* (Негной-рѣка), *Гум-сы* и т. д.; въ родственной Джигетіи *Хошѣ-псе* и т. д. А. Н. Введенскій утверждаетъ, что правильнѣе писать *Ахи-пта*, т. е. буквально *свинцовое ущелье!* (въ статьѣ очевидная опечатка на стр. 129: *Ахи-пта*), потому что очевидно считаетъ непреложными имена рѣкъ на имѣющихся военно-топографическихъ картахъ, гдѣ, напр., р. *Аа-псы* названа по незнанію туземнаго языка *Аа-пта*, т. е. негной—ущелье или ущелье тисовъ (*Taxus baccata*); а водопадъ р. *Марухъ-южный*—*водопадомъ Азыртчара*, что есть искаженное абхазское *Адзы-тачара*—водопаденіе, т. е. водопадъ. Такихъ ошибокъ масса, но тѣ дѣлались одинокимъ топографомъ въ горахъ на съемкѣ, безъ хорошаго переводчика; А. Н. Введенскій же, поправляя меня, могъ опираться на цѣлый штатъ переводчиковъ и притомъ онъ стоитъ лицомъ къ этому дѣлу болѣе десятка лѣтъ. Замѣчу еще, что, кромѣ открытыхъ въ *Ахи-цыхра* шахтъ генуэзцевъ, о которыхъ говоритъ А. Н. Введенскій,—тамъ есть еще остатки шахтъ, современныхъ почтенному автору, въ которыхъ рылись наши Сухумскіе греки (между прочимъ, *Чанаровъ*) бравшіеся нѣсколько разъ за эту работу въ самое недавнее время.

А. И. Введенскій усумнился въ существованіи пещеръ въ котловинѣ Марамбы, на томъ странномъ основаніи, что урочище Марамба ему пожаловано было за долгую службу и, слѣдовательно, онъ тамъ хозяинъ. Но получивъ урочище, онъ его продалъ и едва ли когда либо много занимался этою мѣстностью. При томъ вся котловина Марамбы со склонами никогда ему не принадлежала, потому, что онъ имѣлъ въ ней участокъ всего въ 400 десятинъ отборно-ровнаго мѣста, исключительно сѣнокосъ, а пещеры коренятся почти всегда въ склонахъ и бесплодныхъ обрывахъ. Всѣ долго жившіе въ сосѣднихъ бывшемъ Цебельдинскомъ укрѣпленіи и селеніи Ольгинскомъ знали, что въ Марамбѣ и другихъ окрестностяхъ существуютъ большія пещеры.

Теперь же укажу пока еще на нѣкоторыя интересныя и легко доступныя развалины, пещеры и пр.

1) Въ 2-хъ верстахъ отъ Сухума, въ бывшемъ поселеніи Абхазцевъ *Быръ*, на выступѣ холма, лежатъ развалины храма, обросшія кустами; за слѣдующимъ выдающимся холмомъ въ ложбинѣ обдѣланный камнемъ по гречески (?) родникъ прекрасной воды, сооруженіе тоже древнее.

2) Не доходя этого же аула Быръ, на самомъ гребнѣ водораздѣла р. Баслы и ручья *Хаке-псы* (Сухумка)—лежитъ въ густой чаще колючихъ и другихъ лѣанъ *храмъ*, полуразвалившійся и греческой постройки. Мѣсто это не далѣе 1½ верствъ отъ ботаническаго сада.

3) Въ ущельи сзади новаго Сухумскаго кладбища, во 2-й отъ входа въ лѣвой

его боковой вѣтви, на обращенномъ къ ЮЗ. обрывѣ чернѣетъ еще изъ дали обширное отверстіе большой пещеры. Къ ней нужно пробираться отъ ручья по чащѣ лѣса до тропы, просѣченной подъ обрывомъ въ скалѣ изъ конгломерата, въ которомъ находится и вся пещера съ ея побочнымъ вмѣстилищемъ, гдѣ жилъ въ то время, повидимому, медвѣдь. Пещера прежде служила пастухамъ для загона овецъ и козъ, и ея полъ прикрытъ толстыми слоями ихъ навоза. Были слѣды загородки изъ плетня, такъ какъ входъ широчайшій. Къ сожалѣнію, погода и недостатокъ рабочихъ не дали мнѣ въ 1879 году порыться въ ней, а, вѣроятно, въ ней и прежде жилали люди.

4) Въ Гумѣ, въ горѣ *Гумбиху*, внизу склона, обращеннаго къ горѣ Абсянда — лежитъ пещера, съ узкимъ входомъ, населенная летучими мышами. Образецъ ихъ доставленъ мною въ Зоологическій музей Императорской Академіи Наукъ.

5) Въ селеніи *Лыхны*, около версты отъ дома окружнаго начальника, лежитъ входъ въ любопытную пещеру *Адз-мыара*; среди кукурузника крестьянина—абхаца *Соусрана Пля*, рядомъ съ его жильемъ, находится провалъ, сначала въ видѣ овальнаго чашеобразнаго углубленія до 40 саж. длиною, 30 саж. шириною и 1 саж. глубины; къ одному боку ближе лежитъ самый провалъ въ конгломератъ 5 саж. длины, 4 саж. ширины и 3 саж. глубины, тоже приблизительно овальной формы, приотсрениной на 2-хъ концахъ; сторона его, обращенная къ центру чашевиднаго верхняго углубленія менѣе обрывается, а другая — отвѣсный обрывъ. При спускѣ и СВ. склонъ все болѣе становится круче и въ самомъ низу, подъ зарослью колючей ежевики, довольно обрывистъ. Направо въ СЗ. углу ямы лежитъ входъ въ пещеру, въ ростъ челоуѣка. Здѣсь передъ входомъ изъ подъ камней дна вытекаетъ мелкая рѣчка и течетъ по пещерѣ на З., занимая большую часть мѣстами всю ширину ея дна, доходящую до 2—3 сажень. Пещера слегка изгибается на пройденной мною половинѣ всей ея длины (около 500 шаговъ) до башнеобразнаго 2-го или 3-го углубленія ¹⁾ въ потолкѣ ея, гдѣ кишатъ летучія мыши, образцы которыхъ доставлены мною въ Зоологическій музей Харьковскаго Университета. Ихъ было въ двухъ мѣстахъ цѣлыя сотни тысячъ и внизу и по краямъ стѣнъ слой ихъ помета достигалъ $\frac{1}{4}$ аршина толщины, хотя несомнѣнно ручей во время дождей смываетъ почти все. Во 2-мъ помѣщеніи былъ легкій просвѣтъ въ потолкѣ и летали простыя мухи. Мы шли туда и обратно, безъ отдыха ровно часъ (отъ 12 $\frac{1}{2}$ до 1 $\frac{1}{2}$ ч. попол.), останавливаясь только для ловли летучихъ мышей и для зажиганія тушимыхъ ими свѣчей, которыхъ изъ предосторожности захватили значительное количество. Рѣчка вездѣ мелка и съ боковъ ея, почти вездѣ, особенно съ лѣваго бока, есть сухое мѣсто въ видѣ панели для осторожнаго прохода. Высота свода почти вездѣ 2 $\frac{1}{2}$ —3 аршина и мѣстами только понижается до 2 $\frac{1}{4}$ и 2 аршинъ. Если бы не компанія, съ которою я ѣхалъ и которую долженъ былъ догонять, то я прошелъ бы всю пещеру до ея выхода у мельницы другаго абхаца (какъ мнѣ сообщили). Чертежъ провала мною сдѣланъ на мѣстѣ 15 іюля 1878 г. Входъ въ пещеру, называемую по абхацки *Адз-мыара-ахѣ-аханѣ* (*ахѣ* — голова, *аханѣ*—пещера).

6) Близъ Лыхны есть и другія пещеры, которыя только вслѣдствіе поспѣшности моихъ спутниковъ я не могъ посѣтить.

7) Близъ Псырсткаго казачьяго поста вверхъ по ущелью видно широкое отвер-

¹⁾ Эти башнеобразныя мѣста пещеры до 2—3 сажень вышиною.

стие огромной *Анхувской* пещеры (въ бывшемъ селеніи абхазцевъ—*Анхуа*). По вышеуказанной причинѣ и въ этой пещерѣ я не былъ.

8) Близъ Пицунды въ горахъ есть тоже нѣсколько пещеръ, о которыхъ мнѣ рассказывали абхазцы, живущіе между рр. *Мицши* и *Бзыбь*, во время моей поѣздки лѣтомъ 1878 года.

9) На лѣвомъ берегу р. *Хыпсы* (въ ущельѣ *Хыпста*) при выходѣ ея изъ горнаго хребта—выдается громадный, издали видный, камень, торчащій на большой высотѣ бока горы и имѣющій форму женщины. Абхазцы его называютъ *анхысь-хѣмта-дисцелубахъ* (т.-е. беременная женщина, стоящая на обрывѣ; *анхысь*—женщина, *хѣмта*—беременная, *абѣхъ*—обрывъ). Я видѣлъ её версты за 2 съ дороги, ведущей изъ *Калда-Хвары* въ *Лыхны*.

10) Въ селеніи *Дуритши*, откуда всѣ абхазцы теперь ушли въ Турцію (верстахъ въ 3-хъ отъ дома окружнаго начальника въ *Лыхны*)—лежитъ пещера *Кучиштра-аханѣ*.

11) Милиціонный постъ на берегу р. *Псырсты* помѣщается въ замкѣ характерной постройки, каждая стѣна которой имѣетъ форму трапеціи; толщина ея около $1\frac{1}{2}$ аршина и верхъ покрытъ пятиугольными зубцами. На одной стѣнѣ 2 окна небольшія и узкія. Замокъ окруженъ былъ пятиугольною стѣною, 2 стороны которой обращены къ морю и сходятся подъ тупымъ угломъ. Сохранились только 2 раздѣленные промежутками значительныя части стѣны. Толщина ея 2 аршина; въ одной обращенной къ морю сторонѣ я измѣрилъ узкое окно, служившее бойницею и лежащее почти вровень съ основаніемъ стѣны: высота его $1\frac{1}{2}$ аршина, а ширина 9 вершковъ. Лежитъ оно въ углубленіи стѣны. Чертежи всего этого мною набросаны на мѣстѣ.

12) Въ селеніи *Лыхны* близъ вышеописаннаго входа въ пещеру *Адз-аміара*—растетъ большое *священное дерево*, чтимое абхазцами и теперь. По рассказамъ очевидцевъ—туземцевъ подъ нимъ навалено много всякихъ приношеній и его, по возможности, скрываютъ отъ русскихъ, нечтущихъ абхазскія святыни. Какъ оказывается я проѣхалъ почти мимо этого мѣста по пути къ пещерѣ, не зная того.

13) Въ моемъ сообщеніи „Изъ изслѣдованій въ Ю.-З. Закавказьи“ (Изв. И. Р. Геогр. Общ. 1877), я указывалъ уже на сохранившійся почти до поверхности р. *Баслы* устой древняго моста немного выше Карантинной слободки, сажень 40 выше лежащаго тутъ водовознаго спуска и переправы чрезъ рѣчку. Устой лежитъ, кажется, на глубинѣ сажени, сдѣланъ изъ голышей и верхняя его плоскость только около $\frac{1}{4}$ арш. ниже нормальнаго уровня рѣки, квадратный, по 2 аршина въ длину и ширину. Я нашелъ его, купаясь здѣсь постоянно въ лѣтніе жары 1872 года.

14) Остатки портоваго города *Гуеносъ*, показанные на картѣ *Вирія* моего уважаемаго друга Ю. П. Проценко, въ селеніи *Тамышъ*—дѣйствительно должно искать въ одной изъ болотистыхъ частей сосѣдняго Кындыгскаго лѣса, на самомъ берегу моря, которую абхазцы и теперь зовутъ *Ола-чудна*.

15) Въ моемъ сообщеніи, упомянутомъ въ § 13, я указывалъ уже на слѣды обработаннаго топоромъ дерева, открытаго въ слоѣ торфа на Сухумской низменности между крѣпостью и рѣчкой *Дзашій*, при рытьѣ инженеромъ Ф. А. Султановымъ пробныхъ колодцевъ, на глубинѣ до 12 метровъ. Вопросъ этотъ заслуживаетъ по своей важности всесторонняго изслѣдованія.

16) У выхода ущелья *Гумиста*, въ началѣ приморской котловины лежатъ на

лѣвомъ склонѣ (версть 7 прямою тропкою отъ Сухума) прекрасныя развалины древняго замка, заросшія роскошною растительностію. Я былъ тамъ въ 1872 году.

16) Въ февралѣ 1872 года я посѣтилъ, вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ, природнымъ абхазцемъ, *Бесламомъ Хвардзкія*, — развалины маленькаго греческаго храма въ аулѣ *Кымдѣ*, недалеко отъ его дома. Я набросалъ чертежи ея на мѣстѣ. Съ холма, на которомъ она построена, открывается во всѣ стороны обширный видъ. Здѣсь растутъ одно или два тисовыхъ дерева (*Taxus baccata*). Въ алтарѣ церкви въ нишахъ по 2, кажутся, глиняныхъ *голосовыхъ кувшина*, вмазанныхъ въ стѣну и служащихъ для резонанса.

17) Заслуживаетъ особаго вниманія и пещера *Беслаха* въ Акапѣ, изъ которой во время дождей на верховьяхъ р. Келасура врывается въ р. Баслу подземная рѣка (см. мое сообщеніе: „Изъ изсл. въ Ю.-З. Закавказь“, въ Изв. И. Р. Г. Общ. 1877). Боже полный очеркъ этого интереснаго пункта приготовленъ мною начерно еще въ 1872 г., вмѣстѣ съ чертежами и составилъ особую статью: „Начало и теченіе р. *Басла*“.

18) На замѣчательную пещеру въ горѣ *Аи къара* мною указано въ той же статьѣ.

19) На С.-З. отъ Гагрѣ въ сухомъ ущельицѣ лежитъ пещера *Амбара-ханѣ*.

20) Въ 10 верстахъ къ С. отъ Пицунды, на лѣвомъ берегу р. Бзыби, лежитъ на возвышеніи древній „монастырь *Чукурнуху*“, въ которомъ Абхазцы по сохранившемуся обычаю принимали присягу.

21) Въ 15 верстахъ отъ Пицунды на правомъ берегу Бзыби лежатъ въ ущельѣ развалины „монастыря“.

22) Имя крѣпости „Старый Сухумъ“, о которой я сообщалъ въ статьѣ „Изъ изслѣд. въ Ю.-З. Закавказьи“ и въ „Запискѣ“, по абхазски *Ашѣ-шла* — значитъ въ переводѣ, повидимому, „сѣдой братъ“ (*ашѣ*—кровь или кровный, т.-е. братъ, а *ашла*—сѣдой).

23) „Укрѣпленіе *Схемарисъ* пограничное съ Аланами“, на которое обращаетъ вниманіе мѣстныхъ дѣятелей И. Д. Мансветовъ (на стр. 66 Проток. V Археолог. Съѣзда)—не совпадаетъ-ли съ абхазскимъ названіемъ урочища *Хумарра* къ С. отъ свѣтоваго хребта, т.-е. на подходящемъ мѣстѣ (*Хумарра* по абхазски значитъ *игра, забава*; объяснялъ Свѣтл. князь К. Г. Шервашидзе, братъ покойнаго владѣтеля Абхазіи).

24) „*Castrum Scoto* въ Аписиліи, смежной съ Абхазіей“, на которое тамъ же указываетъ И. Д. Мансветовъ,—не было-ли родовымъ замкомъ княжеской фамиліи *Чхотуга*, которая, повидимому, тоже итальянскаго происхожденія.

25) Два слова, составляющія названіе замка *Са-тамаша*, повидимому, не коренныя мингрельскія или грузинскія, а общія для этихъ племенъ съ индустанцами, гдѣ тоже употребляются и съ тѣмъ же значеніемъ (см. „Индія Раджей“, изд. Ильина).

26) Замѣчательно абхазское имя Сухума, очевидно древнее, — *аква* или правильнѣе *аквѣа*; притомъ любопытно, что *дождь* по абх. *аква*, а *дождь идетъ* — *аквѣуэ*. До послѣдней войны, когда окрестныя абхазцы еще не ушли въ Турцію, я жилъ въ тѣсной дружбѣ со многими изъ нихъ и всегда слышалъ при разговорѣ между ними о Сухумѣ, туземное имя *аква*, *аквѣа*, а не *Сухумъ*, которое говорятъ турецкаго происхожденія (многіе объясняли его турецкими словами *Су—вода* и *хумъ—песокъ*). Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ Абхазіи еще другое турецкое названіе *Суукъ-су* для абхазскаго княжескаго селенія *Лѣхны*. Наконецъ наши *Очемчиръ* отъ турецкаго слова *Чемчуръ-самшитъ* или кавказская пальма.

27) Замѣчательно еще, что ручей по абхазски — *аквара*, какъ и по итальянски; напр. *Шичъ-квара* (пальмовый ручей), *Тамерь-квара*, *Аи-квара* и т. д.

28) Мѣсто, гдѣ была при ген. Гейманѣ штабъ-квартира баталіона въ котловинѣ *Псхѣ*—наз. *Аква-мало* (чисто итальянское названіе; генуэзцы-же распространялись гораздо далѣе вглубь Кавказа).

29) Вся обширная котловина верховьевъ *Баслы*—наз. по абх. *Акапа*. Любопытны еще названія урочищъ *Мѣкси-юрта* и *Хачи-юрта*, *Лѣта*, селеній *Отара*, *Калда-хвара*, *Васса* и *Илори*; такихъ множество; и это наряду съ потомками итальянскихъ семействъ *Гѣчи*, *Моріани*, *Маршани*, *Барасъ* и др.; съ именами *Гвидо*, *Талу* и т. д.; наряду съ безчисленными замками и храмами.

30) Въ Сухумскомъ акклиматизаціонномъ саду на выступѣ гребня горы, при корчеваніи густаго дубоваго лѣса открытъ въ 1875 году маленькій древній невысокій фундаментъ; на немъ поставлена была мною бесѣдка и проложена къ нему садовая дорожка, идущая зизгагами по горѣ.

31) На моемъ участкѣ на горѣ Самато, въ котловинѣ, постоянно выкапываются то обломки древней посуды, то желѣзные плоскіе наконечники копій (образцы представлены мною въ Музей И. Русс. Геогр. Общ.); однажды найдены вмѣстѣ 6 штукъ. Тамъ же подъ корнями громадной ольхи при ея корчеваніи обнаруженъ большой разбитый кувшинъ.

Впрочемъ, развалины замковъ и храмовъ разсѣяно въ томъ краѣ, въ каждой существующей или бывшей недавно общинѣ, столько, что потребовалась бы цѣлая книга для одного ихъ перечисленія. Писать зоологу такую не приходится; я буду, однако, продолжать мои краткія указанія какъ очевидецъ, безъ дальнѣйшихъ притязаній, а разрабатывать ихъ могутъ специалисты археолги.

Кухонные остатки въ почвѣ Сухумской набережной.

Лѣтомъ 1878 года, мнѣ удалось открыть въ обрывѣ берега, между крѣпостью и Ольгинскою улицей, противъ бывшихъ таможи и провіантскаго магазина, кухонные остатки, въ верхнихъ и среднихъ слояхъ берега во множествѣ залегающіе. Множество раковинъ устрицъ (*Ostrea adriatica*), много мидій или ракушекъ (*Mytilus edulis*), 2 экз. морской улитки *Trochus*, множество полуистлѣвшихъ человѣческихъ костей (зубовъ, челюстей, черепныхъ костей, бедеръ и т. п.), кости лошади¹⁾, овцы, кабана (клыкъ, зубы, куски челюстей), черепъ овражка? (*Spermophilus*); кусокъ цвѣтнаго стекляннаго сосуда прекрасной работы; во множествѣ куски кувшиновъ и другихъ глиняныхъ издѣлій, большею частью весьма массивной грубой работы; *воздѣ* желѣзный на глубинѣ 4½ аршинъ отъ поверхности земли и около 1½ арш. выше поверхности моря (противъ провіантскаго магазина).

Матеріалы эти доставлены (цѣлый ящикъ) въ бывшій комитетъ московской антропологической выставки, въ декабрѣ 1878 года.

Данныя для исторіи судебъ Сухумской крѣпости.

Въ томъ же году, мы съ *Пренделемъ* рылись въ стѣнахъ Сухумской крѣпости. Оказалось слѣдующее:

¹⁾ Опредѣленіе костей ил. копитающихъ большею частью дѣлалъ на мѣстѣ мой спутникъ и товарищъ *Прендель*, одесскій геологъ.

Стѣна (мы изслѣдовали фасадъ), имѣющая до 3 сажень высоты, вся пронизана сосновыми бревнами въ 3-хъ направленіяхъ, между собою перпендикулярныхъ. Эти бревна, очевидно, служили связью и опорой для зыбкаго матеріала—клады изъ голышей, изъ котораго вся стѣна сложена. Ряды бревенъ въ каждомъ направленіи отстоятъ одинъ отъ другаго всего на 2 — 3 четверти аршина. Они принадлежатъ, очевидно, абхазской приморской соснѣ (*Pinus abchazica*), лѣса которой теперь сохранились въ Абхазіи только въ Пицундѣ и за Гаграми. Дерево и кора хорошо сохранились. Связаны бревна громадными желѣзными гвоздями.

Въ кладкѣ стѣнъ попадается много древней массивной черепицы: 1) обыкновенной греческой, 2) огромной четырехугольной и 3) круглой; также много обломковъ кувшиновъ.

До самой вершины стѣнъ, до 3-хъ сажень надъ поверхностью моря, у разваливающагося Ю. З. угла, найдены впервые Пренделемъ морскія раковины—доказательство того, что въ описанный мною прежде періодъ опусканія Діоскурскихъ развалинъ подъ морскую поверхность, сухумская крѣпость цѣликомъ была подъ водою! Въ щеляхъ между деревомъ и корою до вершины стѣнъ найдены Пренделемъ небольшіе сталактиты. Дерево пропиталось углекислою известью.

Матеріалъ мой весь доставленъ въ Москву вмѣстѣ съ предъидущимъ.

Данныя по пещерамъ и великанамъ изъ мѣстъ, сосѣднихъ съ Абхазіей великой.

1) На сѣверномъ склонѣ Кавказа по дорогѣ изъ *Шемрея* къ перевалу *Меловой*, надъ бывшимъ абазинскимъ ауломъ *Бай*—возвышается гора *Аншибонъ* „въ видѣ огромныхъ воротъ“. Ея каменистые отроги устѣяны пещерами (см. *Торнау*, Воспоминанія кавказскаго офицера, въ Русск. Вѣстн. 1864, ноябрь, стр. 6).

2) Тамъ же, нѣсколько далѣе вверхъ по Малой Лабѣ, лежитъ гора *Динъ*, опоясанная тремя рядами скалъ, въ которыхъ находится нѣсколько глубокихъ пещеръ. Черное отверстіе у самаго верха горы ведетъ въ огромную пещеру, которая спускается (по показанію туземцевъ) подъ самое основаніе горы. Въ глубинѣ этой пещеры лежитъ мѣстный Прометей—*Дашкэлъ*, прикованный 7-ю цѣпями. Онъ силится достать рукою мечъ. Передъ разрушеніемъ міра онъ явится въ роли, соотвѣтствующей антихристу—смущать людей (loc. cit. стр. 6—7).

3) Въ бывшей землѣ племени Шангиреевцевъ, въ такъ-называемомъ Шангиреевскомъ ущельѣ или *Псегаиша*, ведущихъ къ перевалу *Псегаиша*, версть 8 выше Псебая—въ пещерѣ прикованъ желѣзными цѣпями великанъ *Аддѣцъ*, другой мѣстный Прометей (показаніе почтеннаго переводчика Махмуда Бекъ-Булатова, служащаго въ Сухумѣ, отлично знающаго горы и превосходно умѣющаго рассказывать).

4) Въ Кувинскомъ ущельѣ, версть 8—10 отъ станицы Сторожевой, мѣсто одного изъ подвиговъ нарта *Сосрукъво*, дравшагося съ великаномъ *Кувуртисъ* (ирпысь—молодчина, по кабард.); если не ошибаюсь—это 3-й образчикъ Прометея. Но рассказъ о немъ Махмуда Бекъ-Булатова погибъ въ Сухумѣ вмѣстѣ съ моей бібліотекой.

5) Въ Чировской пещерѣ, въ далекихъ ея нѣдрахъ, прикованъ главный Абхазскій Прометей.

6) Въ горахъ южной Абхазіи, на плоской вершинѣ скалы прикованъ новый образчикъ великана—Прометея (кажется о немъ сообщаетъ и Дубровинъ). Другіе обра-

щики мифа о Прометей см. въ соч. Лаврентьева (военно-топогр. и статист. опис. Кутаисскаго ген.-губ.), Дубровина и Тетбу-де-Мариньи.

Данныя объ давнихъ остаткахъ морскихъ судовъ на горахъ.

1) Жители Абхазіи и Джигетіи указывали мнѣ въ горахъ бассейна р. Псоу—явленіе для нихъ загадочное: остатки морскаго судна, кажется, въ родѣ *кочермы* и якорь, лежащіе на высокой вершинѣ горы.

2) Подобныя остатки суденъ и якорей указывались и въ земляхъ Шапсуговъ и др. черкесскихъ племенъ. Я читалъ гдѣ-то и слышалъ отъ старыхъ кавказцевъ, что черкесы имѣли привычку цѣлою толпою тянуть волокомъ въ горы даже якоря нашихъ кораблей, часто по невозможнымъ тропкамъ.

Нѣкоторыя абхазскія названія важныя въ исторіи.

1) *Соча* абхазцами называется *Шача*.

2) *Адлеръ* и теперь зовется по абхазски *Лъшь* или *Лъши*.

3) *Дранды* съ ихъ извѣстнымъ храмомъ—по абхазски *Цхѣбен*.

4) Имя древняго укрѣпленія *Цивиллонъ*, упоминаемаго въ войнахъ Византіи съ Персами Прокопіемъ Кессарійскимъ, —повидимому, сохранилось въ названіи *Циль*. Во время послѣдней войны турецкія рекламы о взятіи Цебельскаго укрѣпленія (или Марамбы ?) говорили, что занято укрѣпленіе *Циль* (перепечатано было, кажется, „Голосомъ“).

5) Абхазскія названія Пицунды (*Лдзаа*) и Сухума (*Аква* или *Акваа*) уже были мною указаны.

6) Имя генуэзской крѣпости *Santa-Angela* живетъ еще въ самурзаканскомъ названіи селенія *Сатанча*.

7) Абхазцы зовутъ себя и теперь *Апсуа*, какъ и на зарѣ исторіи (отсюда римское *Apsili*).

Слѣды еврейскаго элемента въ современной Абхазіи.

1) При поѣздкѣ въ Калдахвары лѣтомъ 1868 г., вмѣстѣ съ Пренделемъ, мы были поражены чисто еврейскимъ типомъ лица одного изъ крестьянъ. Волосы онъ имѣлъ рыжіе, что рѣдко встрѣчается въ этой мѣстности.

2) Въ сѣверной же Абхазіи живетъ издавна 2 рода, крайне замѣчательные: въ одномъ сохранился еврейскій обрядъ приготовленія на пасху *опръсноковъ*, а въ другомъ, на оборотъ, свято держится обрядъ закланія и приготовленія въ пищу козленка. Замѣчательно, что при процедурѣ закланія и приготовленія козленка дѣйствуютъ поочередно одинъ за другимъ члены собранной семьи: одинъ пригналъ козленка, другой его рѣжетъ, третій сдираетъ шкуру и т. д.

Слѣды востока въ Новгородско-Ганзейской торговлѣ.

А. Никитскаго.

Существуетъ мнѣніе, что русско-ганзейское торговое движеніе состояло не болѣе, какъ только въ мѣнѣ продуктовъ одной страны, Россіи, на мануфактурныя произведенія другой, западной Европы, но что оно отнюдь не распространялось на болѣе обширный районъ, не захватывало въ свою сферу никакихъ другихъ странъ міра. Правда, Ризенкампфъ, высказывающій это мнѣніе, дѣлаетъ нѣкоторую уступку, готовъ признать, что по крайней мѣрѣ въ древнѣйшее время вдоль Волги и Днѣпра тянулась къ Славянскому сѣверу восточная торговая дорога; но въ то же время онъ сомнѣвается, чтобы эта восточная дорога распространялась далѣе за Великій Новгородъ, переносилась на Балтійское море, особенно во время процвѣтанія Ганзы, т. е., въ періодъ времени XIII, XIV и XV столѣтій ¹⁾.

Намъ кажется однако, что это мнѣніе, устранившее востокъ отъ всякаго участія въ Новгородско-Ганзейской торговлѣ, не выдерживаетъ критики даже въ той умѣренной формѣ, какая дается ему Ризенкампфомъ. Собранныя въ послѣдніе десятилѣтія научныя матеріалы говорятъ далеко не въ пользу сомнѣній послѣдняго. Напротивъ, въ нихъ замѣчается присутствіе данныхъ, несомнѣнно доказывающихъ, что Новгородско-Ганзейская торговля захватывала и восточныя страны и это не только во время сѣдой древности, но даже въ теченіе второй половины XV столѣтія. Мы можемъ даже указать на нѣкоторыя торговыя статьи, которыя играли въ Ганзейскихъ Коммерческихъ сношеніяхъ видную роль, которыя съ востока достигали Великаго Новгорода и затѣмъ уже передавались въ руки Западно-Европейцевъ. Одной изъ такихъ статей былъ именно шелкъ. Скажемъ больше. Сдѣлки съ шелкомъ, сколько можно судить по дошедшему до насъ объ этомъ предметѣ свидѣтельству, были довольно значительны и служили источникомъ большихъ торговыхъ потрясеній. Ганзейскіе памятники сообщаютъ намъ именно, что не задолго до 1477 года одна нѣмецкая купеческая жена заключила съ нѣкоторымъ Новгородцемъ договоръ, по которому она получала отъ послѣдняго шелкъ, а сама въ замѣнъ должна была поставить къ извѣ-

¹⁾ Risenkampf der deutsche Hof zu Nowgorud, S: 122—123

стному сроку поль-ласта ржи. Шелкъ дѣйствительно былъ полученъ купеческою женою, но условленной поставки хлѣба не послѣдовало. Мы не знаемъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ фрау фонъ-Доленъ оказалась нетвердою въ своемъ словѣ; но извѣстно, что нарушение договора повело къ секвестру товаровъ нѣмецкихъ купцовъ, пребывавшихъ въ Великомъ-Новгородѣ,—обстоятельство, показывающее, что сдѣлки съ восточными товарами были довольно значительны ¹⁾.

Приведенный фактъ показываетъ ясно, что Новгородско-Ганзейское торговое движеніе не ограничивалось предѣлами одной Европы, но захватывало въ свою сферу и восточныя страны. До нѣкоторой степени можно даже догадываться и на счетъ той страны, откуда шли восточные товары въ Великій Новгородъ. Страною этою съ нѣкоторою вѣроятностію можетъ быть признанъ Кабуль. Начать съ того, что въ Новгородѣ существовалъ особенный торговый рядъ, носившій названіе Хопыльскаго ²⁾. Названіе это могло произойти отъ тѣхъ товаровъ, которыми торговали въ этомъ ряду, а еще скорѣе отъ тѣхъ купцовъ, которые ихъ доставляли въ древнюю Русь. Такихъ купцовъ, далѣе, мы дѣйствительно встрѣчаемъ подъ названіями хопылей, хопыльскаго гостя какъ въ Твери, такъ и въ Москвѣ, еще въ самомъ началѣ XIV столѣтія ³⁾. Наконецъ—и это самое любопытное—хопыльскій гость находился въ тѣсной связи съ Татарами. Когда именно въ 1327 году Татары въ Твери подверглись избиенію, то послѣднее было распространено одинаково и на хопыльскаго гостя ⁴⁾. Всѣ эти обстоятельства говорятъ въ пользу того, что хопыльскихъ гостей, приходившихъ въ Русь съ Татарами, нужно искать не гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, какъ на востокѣ и что вмѣстѣ съ тѣмъ они-то и были непосредственными или посредственными поставщиками для Новгорода товаровъ, принадлежавшихъ по характеру къ разряду восточныхъ. А на востокѣ самой подходящей страной къ хопылямъ долженъ считаться Кабуль какъ со стороны лингвистической, такъ и со стороны торговой.

¹⁾ Hansereuse, III Abt., I B., 4, 1477 г.: „omme ener halven last roggen willen, den de er gemelte vrouwe vorkofft hefft vor gude syde unde den roggen nicht to levert; desz halven vele pandinghe byunen Nouwgarden gescheen sin up den Deutschen coopman“.

²⁾ А. Ю., 429. XIV в.: „А что лавка наша на Хопыльскомъ ряду и голбець въ св. Михаилѣ, а въ томъ мнѣ съ Григорьемъ половина, а Семену половина“

³⁾ С. Г. Г. и Д., I, 15, 1317; „а третьи 3 тысячи пояша хопыли къ собѣ, дати имъ на Вербицы безъ 2—сту и безъ полу-30 серебра, въ нязовскыи те вѣсь“.

⁴⁾ П. С. Р. Л., III, 74, 1327: «и торговци гость Хопыльскыи ивѣче... Ср. П. С. Р. Л., IV, 51, 1327: «и гость ихъ (Татаръ) Хопыльскій».

Краткій отчетъ о раскопкѣ могилы каменнаго періода въ Иркутской губерніи, произведенной въ 1880 году.

Н. И. Витковскаго.

Десять лѣтъ тому назадъ, проживая въ Тельминскомъ селеніи (Иркутской губерніи и округа) я узналъ отъ мѣстныхъ жителей, что не подалеку отъ устья р. Китоа, впадающей въ р. Ангару, находится нѣсколько „бугровъ“, на поверхности которыхъ валяется много обломковъ человѣческихъ костей, „фигурно“ обдѣланныхъ камней, а иногда вѣтромъ обнаруживаются и полные человѣческіе остовы.

Воспользовавшись первымъ свободнымъ временемъ, я отправился на указанное мѣсто и дѣйствительно на одномъ, частью уже распаханномъ бугрѣ, нашелъ нѣсколько костей человѣческаго черепа, много обломковъ другихъ костей и горшковъ и *два нефритовыхъ ножа*. Хотя такая находка и манила заглянуть во-внутрь холма, которому постепенно подвигающаяся распашка грозила скорымъ разрушеніемъ, но, находясь въ то время въ положеніи, далеко неблагоприятствующемъ какому бы то ни было изслѣдованію, я долженъ былъ ограничиться, до поры—до времени, собираніемъ преданій объ этихъ буграхъ и свѣдѣній о ихъ числѣ и мѣстѣнахожденія, а равно и о предметахъ, найденныхъ въ нихъ и на нихъ. Такова исторія открытія могилы.

Весною нынѣшняго года я сообщилъ объ этихъ буграхъ правителю дѣлъ Восточно-Сибирскаго Географическаго Отдѣла Н. Н. Агапиту и просилъ его предложить Распорядительному комитету командировать кого-либо для изслѣдованія ихъ. Въ запискѣ своей, представленной по этому поводу въ Распорядительный комитетъ, г. Агапитовъ, между прочимъ, говоритъ: „Раскопка упомянутыхъ кургановъ весьма желательна, особенно въ виду находенія въ нихъ каменныхъ орудій; если-бы эти орудія были найдены въ достаточномъ количествѣ, то они могли бы служить опроверженіемъ мнѣнія нѣкоторыхъ антропологовъ, утверждающихъ, что Сибирь не имѣла каменнаго періода и что находимыя въ ней каменные орудія—случайныя находки“ ¹⁾. Комитетъ въ засѣданіи 15 мая, соглашаясь съ мнѣніемъ г. Агапитова, постановилъ командировать его вмѣстѣ со мною, для изслѣдованія упомянутыхъ бугровъ.

¹⁾ *Materiaux pour l'hist. primitive et naturelle de l'homme* 1877 г. p. 264.

Въ половинѣ іюля мы намѣревались приступить къ выполненію возложеннаго на насъ порученія, какъ неожиданно служебныя обязанности сдѣлали выѣздъ г. Агапцова невозможнымъ и такимъ образомъ мнѣ пришлось отправиться одному.

Такъ какъ раскопка кургановъ была для меня дѣломъ совершенно новымъ, то при производствѣ ея я и придерживался строго указаній, изложенныхъ въ „инструкціи для научнаго изслѣдованія кургановъ“ профессора Самоквасова, съ нѣкоторымъ только отступленіемъ относительно самаго способа раскопки.

Холмъ, посѣщенный мною десять лѣтъ тому назадъ и изслѣдованный въ іюль нынѣшняго лѣта, находится въ Тельминской (бывшей Бадайской) волости, въ 10 верстахъ на Ю — З отъ с. Тельминскаго, въ мѣстности, лежащей на лѣвомъ берегу р. Ангары, въ 4 — 5 верстахъ отъ лѣваго ея притока Китоа, и называемой „Ярки“. Окрестность представляетъ сплошную низменную равнину, простирающуюся отъ р. Ангары по долину названнаго ея притока. Болѣе возвышенныя мѣста этой равнины распаханы, остальная площадь представляетъ или сѣнокосныя луга или небольшіе пролѣски изъ мелкаго березняка и сосны, между которыми изрѣдка попадаются огромныя стволы лиственницъ. Говорятъ, что, лѣтъ 150 тому назадъ, здѣсь былъ очень хорошій строевой лѣсъ, что подтверждается и множествомъ *изгнившихъ пней значительной толщины*, встрѣчающихся почти повсемѣстно. Во время рѣкостава, при высокомъ уровнѣ Ангары, низменность покрывается водою на большое разстояніе, остаются свободными только возвышенности.

На одной изъ такихъ возвышенностей, поднимающейся сажени на 4 надъ лѣтнимъ уровнемъ воды въ Ангарѣ, *находится курганъ, хотя названіе это врядъ-ли примѣнимо въ данномъ случаѣ, такъ какъ мѣсто погребенія не представляетъ, въ настоящее время, и слѣдовъ искусственной насыпи*. Юго-восточный склонъ возвышенности рѣзко подымается надъ низменностью и идетъ слегка вогнутою линіею (около 40 саж.) до р. Ангары, составляющей сѣверную ея сторону; юго-западный и западный ея склоны переходятъ незамѣтно въ низменность и распаханы почти до вершины. Поверхность возвышенности почти ровная, только на сѣверной ея части находятся два углубленія неправильной-эллиптической формы, *происшедшія, вѣроятно, отъ постояннаго сдуванія песку вътрюмъ*, на что указываетъ и направленіе ихъ длиннаго діаметра съ С—З на Ю—В. совпадающее вполне съ направленіемъ господствующаго вѣтра. Глубина ихъ, сравнительно съ наиболѣе возвышеннымъ мѣстомъ, не превосходитъ $\frac{1}{2}$ аршина. На днѣ этихъ углубленій, *на чистомъ пескѣ*, виднѣтся много обломковъ костей и горшечныхъ черепковъ, что и служитъ единственнымъ виѣшнимъ указаніемъ на существованіе здѣсь могилы. Почти вся возвышенность состоитъ изъ песку и слабо покрыта растительностью. Въ виду возвышенности, по срединѣ рѣки, простирается значительныхъ размѣровъ островъ, называемый „Ягоднымъ“ и густо покрытый мелкимъ тальникомъ; на противоположной сторонѣ рѣки высятся почти отвѣсныя утесы, изрытые вертикальными бороздами и увѣчаные сосновымъ лѣсомъ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ изобилуетъ рыбою; простирающаяся здѣсь „Тюменцевская тона“ считается очень хорошею.

Мѣстные старожилы называютъ изслѣдованный бугоръ „Мунгальскою могилою“. По ихъ словамъ, на всей площади треугольника, образуемаго рр. Ангарой и Китоемъ и линіею, проведенною отъ с. Китойскаго до устья р. Тельмы, впадающей въ Ангару въ с. Тельминскомъ, обитала въ старые годы „Мунгальская тварь“ ¹⁾. Указываютъ

¹⁾ Сибирскіе крестьяне называютъ всѣхъ инородцевъ общимъ именемъ „тварь“.

на мѣста, гдѣ, по преданію, были жилища этой твари; на такихъ мѣстахъ находятъ часто различныя жѣлѣзныя издѣлія: стремена, удила, ножи, плоскіе и трехгранные наконечники стрѣлъ, называемые „кибирь“ и проч. Неподалеку отъ такихъ мѣстъ, при обработкѣ земли, выпаживали куски шлаковъ; но человѣческія кости и „фигурныя“ издѣлія изъ камня были находимы многими *исключительно только на «бугрѣ»*. Несмотря на такое различіе предметовъ, находимыхъ въ томъ и другомъ мѣстѣ, мѣстный крестьянинъ относитъ все это къ „Мунгальской“ эпохѣ; для него въ исторіи Сибири существуетъ только два періода: мунгальскій и русскій, рѣдко услышишь, что раньше мунгаловъ здѣсь жили какіе-то „чудаки“. Число найденныхъ на „бугрѣ“ предметовъ, по рассказамъ, очень велико, но я не могъ ихъ розыскать; видѣлъ только одинъ *нефритовый топорикъ*, который, кажется, и по настоящее время находится у одного изъ жителей с. Тельминскаго.

Предъ началомъ раскопки, въ одномъ изъ упомянутыхъ уже углубленій, вырыта пробная яма, глубиною въ $\frac{1}{4}$ арш. Обнаруженный здѣсь слой сѣраго сыпучаго песку былъ толщиною 2 арш. 3 верш. и залегалъ на крупной галькѣ. Не замѣчено никакихъ слѣдовъ вскапыванія этого слоя—„чистѣйшій цѣликъ“, какъ говорили рабочіе. Въ прорытой затѣмъ на юго-западномъ краю того-же углубленія канавъ обнаружено слѣдующее, сверху внизъ, наслоеніе: едва замѣтный, образующійся слой растительной земли, подъ нимъ очень мелкій сѣроватый песокъ, толщиною въ $\frac{1}{2}$ арш., далѣе слой бурой растительной земли, въ 2 вершка, утолщающійся постепенно къ юго-восточному склону и выклинивающійся въ противоположномъ направленіи, и наконецъ сѣрый песокъ, встрѣченный уже въ пробной ямѣ. При рытьѣ этой канавы, на глубинѣ 8 верш. замѣчено красноватое пятно. Для изслѣдованія его прорыта новая канава, перпендикулярно къ первой, и въ ней, *на глубинѣ 11 верш.* отъ поверхности, открытъ *первый человѣческій остовъ, окруженный слоемъ краснаго песку*. Слой этотъ, кромѣ цвѣта, отличался отъ сѣраго песку и замѣтно большею плотностью, толщина его надъ остовомъ была неравномѣрна: надъ черепомъ онъ достигалъ 3 верш., надъ конечностями до 2. Распашка не коснулась еще почвы, покрывавшей костякъ, въ ней ясно были видны упомянутыя выше прослойки. Найденный здѣсь остовъ лежалъ на глубинѣ 10—11 верш. въ горизонтальномъ положеніи, лицомъ кверху, головою на С—В, съ руками, протянутыми вдоль тѣла, кисти рукъ располагались на бедренныхъ костяхъ, пониже тазово-бедреннаго сочлененія; ступни стояли почти вертикально и были удалены одна отъ другой на 2 верш. Длина костяка (отъ вѣчнаго шва до пальцевъ ногъ) 2 арш. 5 верш. При немъ найдены слѣдующія вещи: съ лѣвой стороны, почти прикасаясь къ черепу, лежалъ *нефритовый шлифованный топорикъ*, выш. 15 сент: шир: внизу 8 сент. (таб. XXXV, фиг. 1), подъ нимъ *кусочъ необдѣланнаго нефрита* и *три иарпуна изъ кости*; на лбу украшеніе *изъ расколотаго по длинѣ клыка кабана*, съ дырочками на обоихъ концахъ, длин: 14 сент. (таб. XXXV, фиг. 6), на шеѣ такое же украшеніе—оба направлены широкимъ концемъ влѣво. При правой плечевой кости—*два наконечника стрѣлъ*—одинъ изъ *жимы*, другой изъ *аморфнаго кварца* ¹⁾ и *два костяныхъ шила*; при лѣвой плечевой—одно такое же шило (таб. XXXVI, фиг. 4); на обѣихъ плечевыхъ, почти на срединѣ ихъ длины, найдены фрагменты браслетовъ изъ кости, съ пробурованными отверстіями на концахъ и украшенныя рисункомъ (таб. XXXV,

¹⁾ Приблизительное опредѣленіе костей и горныхъ породъ, изъ которыхъ сдѣланы найденныя орудія и украшенія принадлежитъ И. Д. Черскому.

фиг. 7). На груди, съ лѣвой стороны, лежала плоская кость съ вставленными въ нее тремя пластинками кварца (таб. XXXVI, фиг. 6); при лѣвой кисти—*нефритовый топорикъ*, такой же скребокъ (таб. XXXVI, фиг. 7), костяное орудіе, въ родѣ заостреннаго совка (таб. XXXV, фиг. 4), небольшой кусокъ песчаника, служившій, очевидно, брускомъ и издѣліе *изъ чернаго сланца*—продолговатое, закругленное, неравномѣрно суживающееся къ обоимъ концамъ и съ полулунными на нихъ головками, длин. 15 сент. (таб. XXXV, фиг. 5); повыше кисти, окружая локтевую кость, было расположено 5 такихъ же издѣлій, но значительно меньшихъ размѣровъ и 4 обдѣланныхъ стержня изъ когтей млекопитающихъ (таб. XXXV, фиг. 8); при правой кисти—фрагментъ костянаго гарпуна съ 3 зубцами, два колющихъ орудія, сдѣланныхъ, кажется, изъ шиловидныхъ отростковъ *пастыя лошади*, *кварцевый наконечникъ* стрѣлы (таб. XXXVI, фиг. 8), кусочекъ *яшмы*, маленькій, обдѣланный стержень изъ когтя и два небольшихъ издѣлія *изъ жировика* (таб. XXXV, фиг. 5). На поясничныхъ позвонкахъ найдено нѣсколько мелкихъ костей, со слѣдами обработки; на правой бедренной кости—нижняя челюсть ребенка съ 10 прорѣзавшимися зубами; подъ колѣнными сочлененіями нѣсколько кусковъ жировика со слѣдами распилки и кусокъ красной окиси желѣза, на которомъ хорошо видно соскабливаніе. На $1\frac{1}{2}$ арш. въ сторону отъ лѣвой ступни лежалъ круглый, плоскій камень, съ углубленіемъ въ срединѣ, діам. 14 сент. (таб. XXXVI, фиг. 11) и кусокъ *рога изюбра*; при правой ступнѣ, почти на такомъ же разстояніи, продолговатый, округленный камень, служившій, кажется, *пестикомъ* при камнѣ, съ углубленіемъ въ срединѣ, выш. 13 сент., толщ. $3\frac{1}{2}$ сент. (таб. XXXV, фиг. 6); здѣсь же лежало нѣсколько костей *зайца*, правая нижняя челюсть *бобра* и два кусочка древеснаго *угля*. На разстояніи 9 верш. отъ конца пальцевъ ногъ на глубинѣ 10 верш. отъ поверхности открытъ *остовъ ребенка*, окруженный *отдѣльнымъ слоемъ краснаго песку*; кости его лежали въ безпорядкѣ, какъ бы сброшенные въ кучу и очень дряблы; найденный здѣсь фрагментъ верхней челюсти соответствовалъ вполнѣ той нижней, что лежала на бедренной кости большаго остова. Вотъ все, что найдено при этомъ костякѣ и что, слѣдовательно, понадобилось умершему взять съ собою для загробной жизни. Черепъ и прочія кости сохранились очень хорошо, разрушилось только нѣсколько позвонковъ и нѣкоторыя издѣлія изъ кости. *Больше глубокою раскопкою мѣста, на которомъ лежалъ остовъ, обнаружень чистый сѣрый песокъ* съ едва замѣтнымъ, почти горизонтальнымъ, наслоеніемъ; въ немъ на $\frac{1}{2}$ арш. ниже остова, найдена куча мелкихъ костей, кажется *лягушки*.

При продолженіи первой канавы къ юго-восточному склону показались двѣ черныя полосы, верхка въ 3 ширины, идущія вертикально отъ поверхности. Сразу невозможно было опредѣлить ихъ происхожденіе, но продолжая копать вглубь, замѣчено, что цвѣтъ ихъ постепенно бурѣлъ, и на глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш., найдены слѣды гнилаго дерева, судя по наслоенію, *лиственницы*. Такъ какъ полосы оканчивались внизу незаостренно, а усѣченно и не имѣли боковыхъ развѣтвленій, слѣдуетъ предположить, что это не корни дерева, а *столбы или колья*, но имѣютъ ли они какое-либо отношеніе къ найденнымъ костякамъ—трудно рѣшить.

Второй остовъ найденъ на разстояніи $5\frac{1}{4}$ арш. восточнѣе перваго, на глубинѣ 1 арш. 3 верш. Онъ былъ также *окружень слоемъ блѣдно-краснаго песку* и лежалъ въ горизонтальномъ положеніи, съ руками, протянутыми вдоль тѣла, какъ у перваго; головою былъ обращенъ на С—В, лицомъ кверху, ступни почти соприкасались. Длина 2 арш. 4 верш. Въ почвѣ, покрывавшей остовъ, особенно былъ толстъ слой мелкаго песку, заключенный между двумя растительными, онъ достигалъ 12 вершковъ. При

остовъ были расположены слѣдующія вещи: съ лѣвой стороны черепа одинъ, хорошо сохранившійся, *артунъ* изъ кости, съ 9 зубцами, выш: 23 сент. (табл. XXXVI, фиг. 1) и фрагменты 2-хъ другихъ, 3 куса рога *изюбра* со слѣдами распиловки, 3 *кварцевыхъ* *наконечника стрѣлы* (табл. XXXVI, фиг. 8), 3 костяныхъ орудія, заостренныхъ на одномъ концѣ конически, на другомъ долотообразно, выш: 23 сент. (табл. XXXVI, фиг. 2), небольшое костяное шило съ развиленкой на одномъ концѣ (табл. XXXVI, фиг. 5), два такихъ же шила, заостренныхъ съ одного конца ланцетовидно (табл. XXXVI, фиг. 3), 2 полуцилиндрическихъ камня съ желобкомъ на плоской сторонѣ (табл. XXXVI, фиг. 5), точильный камень изъ песчаника и обломки костей. Съ правой стороны черепа—3 костяныхъ шила (табл. XXXVI, фиг. 4) и такой-же гарпунъ; при правой кисти вокругъ локтевой кости, было расположено 17 мелкихъ издѣлій изъ жировика (табл. XXXV, фиг. 5), 5 обдѣланныхъ стержней изъ когтей и узенькая пластинка яшмы; всѣ эти вещи, судя по положенію, составляли украшеніе, въ родѣ браслета. При лѣвой кисти, въ такомъ же положеніи, — 10 такихъ же издѣлій изъ жировика. На $\frac{1}{4}$ арш. въ сторону отъ лѣвой ступни найденъ кусокъ рога *изюбра* съ отрѣзанной верхушкой и со слѣдами отсѣченія при основаніи, а также дугообразно изогнутая пластинка изъ кости, съ 7-ю дырочками на одной сторонѣ, шир: дуги 23 сент. (табл. XXXVI, фиг. 7). Всѣ кости этого остова массивнѣе, чѣмъ перваго, но сильно истлѣли: черепъ распался на нѣсколько частей, а тазовыхъ костей не было и слѣдовъ, хорошо сохранились только кости нижнихъ конечностей.

Третій затѣмъ остовъ найденъ въ 10 верш. на В. отъ только что рассмотрѣннаго; онъ лежалъ въ красномъ пескѣ на самомъ краю углубленія; большая часть его была покрыта очень тонкимъ слоемъ земли и совершенно разрушена, сохранились только кости рукъ и черепъ, который при прикосновеніи къ нему развалился на нѣсколько частей. Положеніе костяка горизонтальное, но направленіе обратное, т. е. головою на Ю — 3 съ руками, протянутыми вдоль тѣла. Съ правой стороны, почти подъ черепомъ, найденъ *нефритовый топорикъ*, 3 пластинки *яшмы*, 2 издѣлія изъ *министаю сланца* (табл. XXXV, фиг. 5) и орудіе изъ кости подобно найденному при лѣвой кисти 1-го остова (табл. XXXV, фиг. 4). Вблизи этого остова, на незначительной глубинѣ, вырыто нѣсколько черепковъ *юрика*, *чернаго* и *красноватаго цвѣта*, съ узорами и безъ нихъ (табл. XXXV, фиг. 3, а, b, c, d).

Дальнѣйшее ислѣдованіе производилось параллельными траншеями, идущими, въ 2 арш. одна отъ другой съ С—З на Ю—В, т. е. перпендикулярно къ направленію найденныхъ уже костяковъ. Въ первой изъ нихъ, на разстояніи 2-хъ арш. къ Ю—З отъ послѣдняго костяка, показался снова красный песокъ. Для ближайшаго ислѣдованія этого слоя необходимо было собственноручно снять окружавшій его сѣрый песокъ; оказалось, что слой краснаго песку окружалъ остовъ со всѣхъ сторонъ, образуя надъ нимъ продолговатую выпуклость, подобную нынѣшнимъ могильнымъ насыпямъ, толщиной до 5 верш., что по сторонамъ остова онъ не превышалъ $2\frac{1}{2}$ верш., а подъ нимъ, на глубинѣ 3 верш., оканчивался выклинивающимися струйками, и что наибольшая интенсивность цвѣта была вообще непосредственно при костяхъ, а въ особенности при черепѣ. Плотность этого слоя была на столько значительна, что можно было ножомъ отдѣлять довольно большія плитки, которыя рассыпались, пролежавъ нѣкоторое время подъ лучами солнца. Найденный здѣсь остовъ лежалъ въ горизонтальномъ положеніи, на глубинѣ 15 верш. отъ поверхности, лицомъ къверху, съ

руками, протянутыми вдоль тѣла, кисти были расположены почти на тазово-бедренныхъ сочлененіяхъ, голова обращена на С — В. Черепъ и верхняя часть туловища наклонены слегка вправо. Длина 2 арш. 2 верш. Съ правой стороны черепа, почти на ключицѣ, найдено 7 кусочковъ *жировика* и *кварца*, конецъ костяного орудія, родъ наконечника стрѣлы (таб. XXXVI, фиг. 9) и небольшой нефритовый ножъ; на правой локтевой кости было расположено косвенно 9 рѣзцовъ бобра на $\frac{1}{2}$ вер. одинъ отъ другаго, отъ правой кисти къ лѣвой, по костямъ таза, располагался рядъ такихъ же рѣзцовъ (31 шт.). На поверхности этихъ рѣзцовъ незамѣтно слѣдовъ обдѣлки, только на нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилась хорошо окраска въ темно-красный цвѣтъ. Съ лѣвой стороны, въ 3 вершкахъ отъ черепа, лежалъ фрагментъ какого-то орудія изъ рога изюбра, кусокъ красной окиси желѣза и маленькое издѣліе изъ кости (таб. XXXVI, фиг. 10); при правой кисти—издѣліе изъ *чернаго сланца* (таб. XXXV, фиг. 5) и обломокъ орудія (ножа?) изъ *бѣлаго глинистаго сланца*; при лѣвой кисти—обломки костей и 4 обдѣланныхъ стержня изъ кости животныхъ; въ 3 вершкахъ отъ колѣннаго сочлененія правой ноги найдено 3 костяныхъ шила и часть нижней челюсти другаго чело-вѣка. Кости, за исключеніемъ зубовъ, очень хрупки и рассыпались.

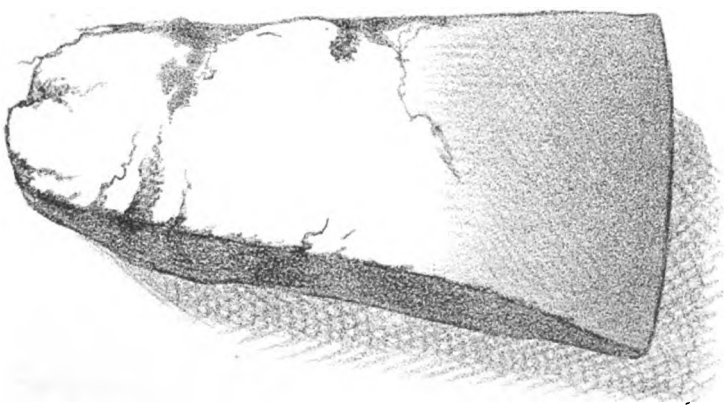
Въ той же траншеѣ, ближе къ юго-восточному склону, обнаружена снова слабо-красноватая земля. Прослѣживая ее, пришлось изрыть площадь въ 36 кв. арш., при глубинѣ отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ арш. На всемъ этомъ пространствѣ найдено нѣсколько отдѣльныхъ человѣческихъ костей, нѣсколько горшечныхъ черепковъ, маленькій кусочекъ *шлака* и четырехъ-угольный кусокъ песчаника, служившій, очевидно, точильнымъ камнемъ. Можетъ быть это есть то самое мѣсто, которое, по слухамъ, было когда-то раскопано мѣстнымъ жителемъ, искателемъ легкой наживы.

Пятый костякъ найденъ на юго-западномъ склонѣ, въ 3-хъ саженьяхъ отъ перваго, на глубинѣ 9 вершковъ; его окружалъ тоже слой краснаго песку. Мѣсто это было когда-то распаханно; почва, покрывающая костякъ, песчано-гнинистая, безъ слѣдовъ наслоенія. Положеніе остова горизонтальное, головою на Ю. З., руки, какъ у перваго. Черепъ сплюснутъ, причемъ разошлись только швы, безъ излома по цѣлому мѣсту; нѣкоторыя изъ костей (темянныя), отчасти, лишились своей вогнутости и почти выпрямились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Расположеніе частей черепа слѣдующее: лобная кость была обращена своей лицевой стороной, т. е. верхнею частью глазницъ, внизъ, темянныя прикрывали ее, образуя съ нею довольно острый уголъ, вершина котораго—вѣнечный шовъ—была надвинута къ нижней челюсти, лежавшей правильно на мѣстѣ; затылочный бугоръ видѣнъ былъ сверху, височныя чешуи отщелившись располагались по обѣ стороны совершенно симметрично. При такомъ положеніи черепа длина костяка, которая поэтому не могла быть опредѣлена съ точностью, отъ задняго края темянныхъ костей до конца пальцевъ ногъ 2 арш. 5 верш. Кости лѣвой ноги отодвинуты отъ правой на 5 вершковъ; перемѣщеніе это произошло, очевидно, позднѣе погребенія, такъ какъ кости лѣвой ступни найдены при костяхъ правой. Позади черепа *стоялъ ребромъ четырехугольный плоскій камень — осколокъ отъ большаго валуна*—длиною 7 верш., шириною 3, съ замѣтными *следами шлифовки* на одной сторонѣ; у ногъ почти такихъ же размѣровъ — стѣнка, сложенная изъ осколковъ яшмы кварца, а также и костей, всѣ эти обломки были цементированы бѣловатой глиной; въ стѣнку упирались концы пальцевъ ногъ. Съ правой стороны черепа найдено каменное орудіе, имѣющее форму усѣченнаго конуса, родъ песта (таб. XXXV, фиг. 6), *нефри-*

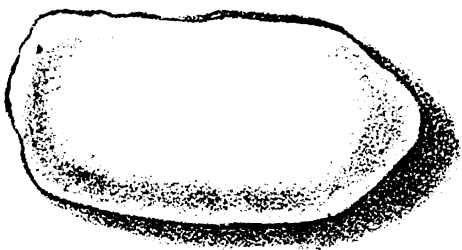
товое долото (таб. XXXV, фиг. 5), такой же ножъ, костяное шило и издѣліе изъ жировика (таб. XXXV, фиг. 5); на черепѣ, на затылочной кости, украшеніе изъ клыка кабана (таб. XXXV, фиг. 6); съ лѣвой стороны, почти подъ черепомъ, лежало нѣсколько осколковъ яшмы и кварца и 2 куски красной окиси желѣза, много костей, расколотыхъ по длинѣ и со слѣдами обдѣлки, костяной совокъ съ чертежемъ на выпуклой сторонѣ (таб. XXXVI, фиг. 3 а. б.) и орудіе изъ плоской кости, усаженной по обѣ стороны кварцевыми пластинками, съ отверстіемъ для привѣшиванія, родъ кинжала (таб. XXXVI, фиг. 4). На шеѣ найдено 4 украшенія изъ кабаньяго клыка, каждое изъ нихъ имѣло на широкомъ концѣ 3 дырочки, на узкомъ — одну; недалеко отъ лѣваго плеча — нѣсколько костей зайца и фрагментъ челюсти лисицы; при правомъ плечѣ брусокъ изъ песчаника и кусокъ камня со слѣдами распиловки съ обѣихъ сторонъ, при кисти лѣвой руки — 17 небольшихъ костяныхъ шильевъ, различной формы, костяной гарпунъ, 8 издѣлій изъ жировика (таб. XXXV, фиг. 5), колющее орудіе изъ рога изюбра и нефритовый топорикъ; при правой кисти — нѣсколько осколковъ кварца, костяное шило съ рисункомъ и нѣсколько обломковъ костей. На груди лежалъ плоскій круглый камень, какъ кажется, обыкновенная галька на $\frac{1}{4}$ арш. отъ правой бедренной кости — три куса жировика со слѣдами распиловки и кусокъ рога изюбра; на такомъ же разстояніи отъ лѣвой бедренной — брусокъ, нефритовый топорикъ и кусокъ кости. Пятки ногъ лежали на лопаткѣ какого- животнаго; при правой изъ нихъ, съ наружной стороны, найдено 20 наконечниковъ стрѣлъ изъ кварца и яшмы и 25 мелкихъ издѣлій изъ жировика (таб. XXXV, фиг. 5); при лѣвой ступнѣ, съ той же стороны, — 12 наконечниковъ стрѣлъ и 9 такихъ же издѣлій изъ жировика. Когда черепъ былъ удаленъ съ мѣста, подъ нимъ найдено очень дряблѣе ребро какого-то животнаго съ 5-ю пластинками кварца, вставленными съ одной его стороны; орудіе это служило, очевидно, для распиловки кости и камня; здѣсь же лежало нѣсколько фрагментовъ четырехгранно-шлифованной кости; до того истлѣвшихъ, что при прикосновеніи къ нимъ, они рассыпались въ мелкій порошокъ. Съ правой стороны, на $\frac{1}{2}$ арш. отъ черепа, обнаружены остатки *нетолстаго деревяннаго кола*, вбитаго на $\frac{1}{4}$ арш. глубже костяка; съ лѣвой стороны, почти на такомъ же разстояніи — слѣды двухъ такихъ же колевъ. Кости остова, кромѣ трубчатыхъ костей конечностей и частей черепа, истлѣли до того, что многіе изъ нихъ, напр., ребра, нѣкоторые позвонки и тазовыя рассыпались еще при снятіи покрывавшей ихъ земли. Судя по количеству и разнообразію вещей, найденныхъ при настоящемъ костякѣ, слѣдуетъ заключить, что онъ принадлежалъ субъекту, выходящему почему-либо изъ ряда покоящихся съ нимъ сотоварищей.

Слѣдующіе затѣмъ 6-й и 7-й остовы открыты въ $2\frac{1}{2}$ арш. къ Ю. отъ предыдущаго, они лежали на глубинѣ 13 верш. непосредственно одинъ при другомъ и были окружены общимъ слоемъ краснаго песку, толщиною до 3-хъ вершковъ. Положеніе обоихъ горизонтальное, но направленіе обратное: одинъ головою на С. В., другой на Ю. З. Руки у обоихъ протянуты вдоль тѣла; кисти рукъ, обращеннаго головою на Ю. З., лежали на бедренныхъ костяхъ; у другаго кисть правой руки занимала такое же положеніе, а лѣвая находилась на лобковыхъ костяхъ перваго. Ступни перваго соприкасались пятнами, пальцы же были обращены въ противоположныя стороны; у втораго онѣ стояли почти вертикально. Длина костяка, обращеннаго головою на С. В. и лицомъ кверху, 2 арш. 6 верш.; судя по незначительной ширинѣ отчасти сохранившагося таза, онъ принадлежалъ мужчинѣ. Черепъ былъ наклоненъ слегка вправо;

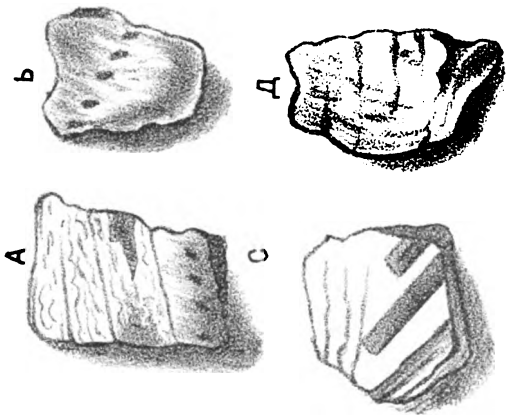
ФИГ. 1.

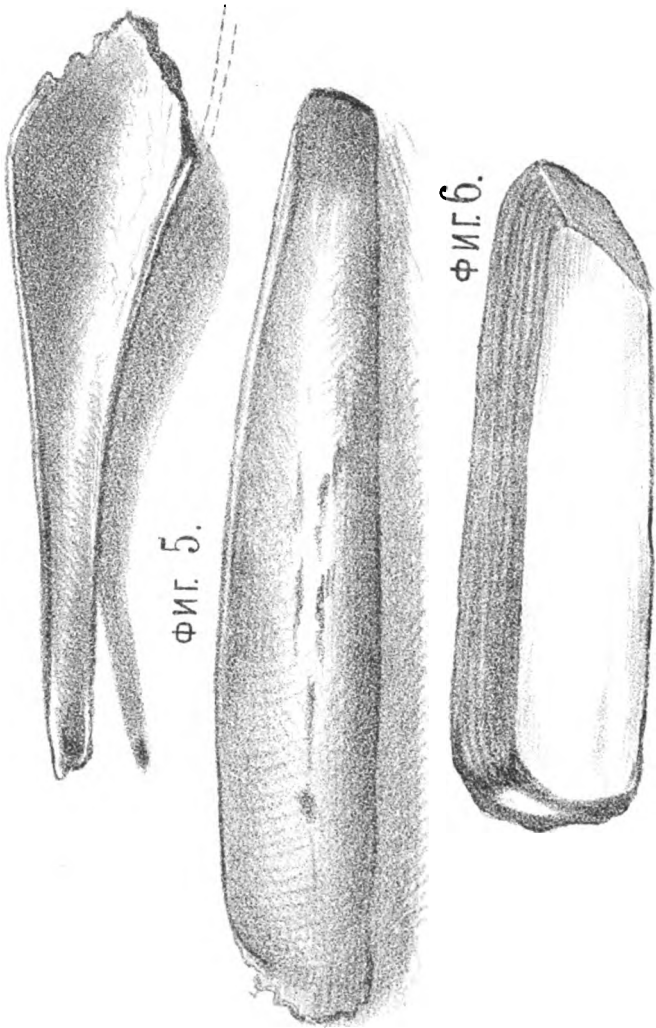
ФИГ. 2.

ФИГ. 3.

ФИГ. 4.

ФИГ. 5.

ФИГ. 6.

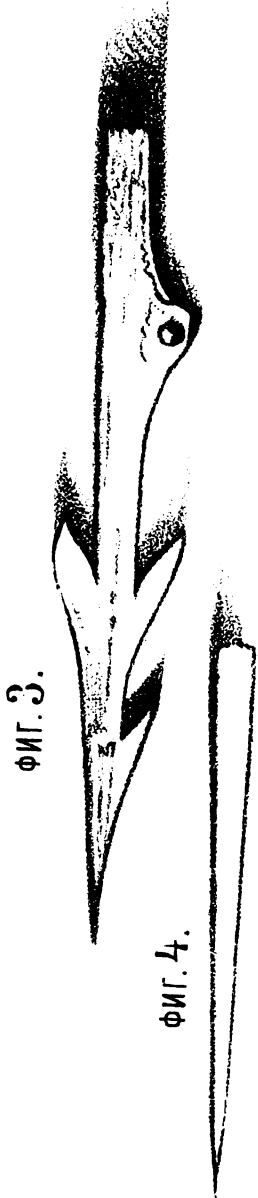

ФИГ. 8

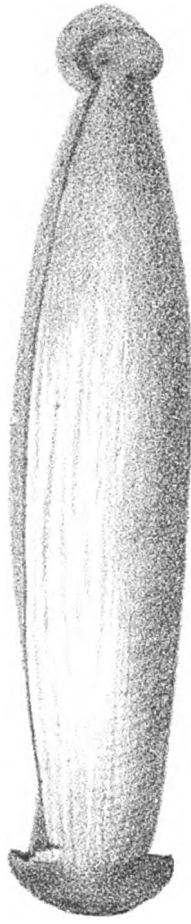

ФИГ. 4.

ФИГ. 3.

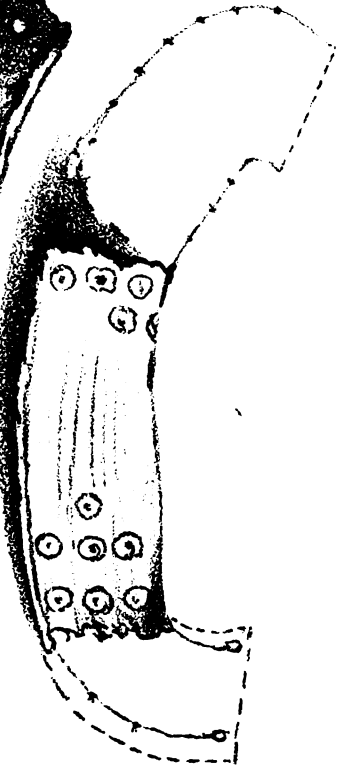
ФИГ. 5.

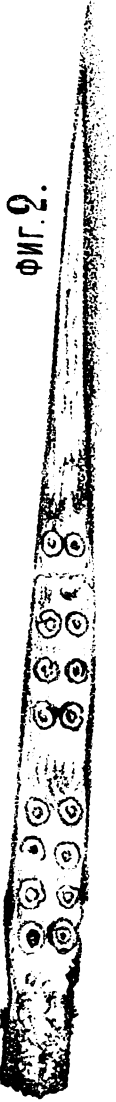
ФИГ. 6.

ФИГ. 7.

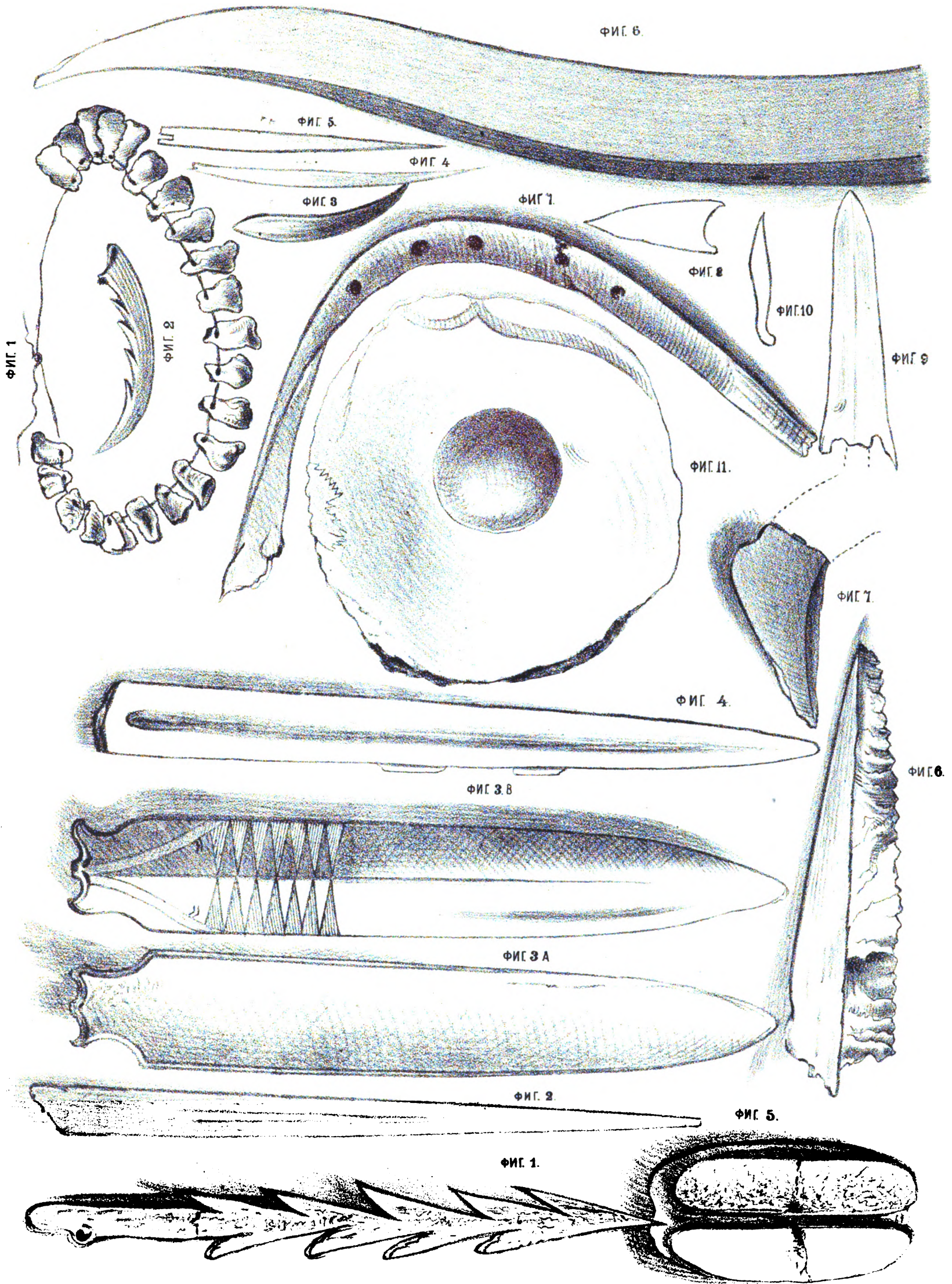

ФИГ. 2.

ФИГ. 1.

на лбу найдено украшение изъ узенькой пластинки клыка, пиловидно-зазубренной со стороны, обращенной къ лицу; съ правой стороны при черепѣ, кусокъ рога изюбра, 2 колющихъ орудія изъ кости и кусокъ кварца; съ лѣвой стороны черепа—4 маленькихъ костяныхъ шила. При лѣвой плечевой кости сохранились кусочки костянаго браслета; при кисти той же руки, на локтевой—почти цѣлый браслетъ, украшенный рисункомъ (таб. XXXV, фиг. 7) и обхватывавшій только наружную часть руки; дырочки по концамъ служили, очевидно, для стягиванія его на внутренней сторонѣ; подъ пальцами лѣвой кисти лежалъ нефритовый топорикъ, 5 издѣлій изъ жировика (таб. XXXV, фиг. 5) и два куска кости; при лѣвой бедренной кости—каменный наконечникъ стрѣлы и кусокъ красной окиси желѣза; на голенныхъ костяхъ поперегъ нихъ—лопатка животнаго, очень похожая на найденную подъ пятками предъидущаго остова.

Приблизительная длина другаго костяка 2 арш. 2 верш.; всѣ кости значительно тоньше и болѣе округлены; эпифизы суставовъ пальцевъ не срослись еще съ тѣлами, а также и концы трубчатыхъ костей рукъ и ногъ; тазъ рассыпался. Черепъ сплюснуть; расположеніе частей его почти такое же, какъ у 5 остова, съ тою разницею, что передняя лицевая часть черепа слегка сдвинута и наклонена вправо и правая височная чешуя покрыта темными костями; нижняя челюсть тоже отодвинута къ правому плечу. На темянной кости почти на ламбовидномъ швѣ, найдено украшение изъ расколотаго клыка кабана; на шеѣ—три такихъ украшенія; пониже на груди было расположено полукругомъ отъ одного плеча къ другому 37 клыковъ изюбра съ пробуравленными дырочками для нанизыванія нужно полагать, что клыки эти составляли первообразъ нынѣшняго ожерелья. (Табл. XXXVI, фиг. 1). Съ правой стороны черепа, при ушномъ отверстіи, лежало 2 издѣлія изъ бѣлаго глинистаго сланца (таб. XXXV, фиг. 5) и 4 куска трубчатой кости, расколотой по длинѣ; съ лѣвой стороны черепа—колющее орудіе изъ рога изюбра; на груди—плоскій округленный камень съ углубленіемъ въ центрѣ, подобный найденному при ногахъ перваго костяка; при правой кисти небольшой продолговатый камень, служившій, быть можетъ, пестикомъ при предъидущемъ камнѣ. Изъ костей разсмотрѣнныхъ двухъ остововъ удалось взять: одинъ черепъ совершенно цѣлый, части другаго и нѣкоторыя кости конечностей, остальные рассыпались.

Восьмой по порядку остовъ, найденный на глубинѣ 8 верш., лежалъ въ горизонтальномъ положеніи, головою на С. В. Черепъ сплюснуть и очень дряблъ. Приблизительная длина 2 арш. 6 верш. Лѣвая рука отодвинута на 5 вершковъ въ сторону, правая протянута вдоль тѣла съ кистью на бедренной кости. Съ правой стороны черепа, надъ плечемъ, найденъ нефритовый топорикъ, 2 небольшихъ костяныхъ гарпуна и колющее орудіе изъ рога изюбра (таб. XXXVI, фиг. 6); сзади черепа—осколокъ нефритоваго топора и такой же ножъ, (одно издѣліе изъ глинистаго сланца) (таб. XXXV, фиг. 5) и нѣсколько кусковъ яшмы и костей; на шеѣ—три клыка кабана, распавшіеся на нѣсколько частей и наконецъ при кисти правой руки—небольшой нефритовый ножъ и 4 издѣлія (таб. 2, фиг. 5). Всѣ кости остова очень дряблы и были опутаны спирально—свернутыми корнями полыни (*Artemisia scoraria?*), составляющей почти единственный покровъ западнаго склона возвышенности; пути этихъ корешковъ обозначались бороздками, отъ чего кости кажутся какъ бы исписанными. Почва, окружавшая костякъ, имѣла слабо красноватый цвѣтъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ была прорѣзана ходами землероекъ.

Девятый остовъ открытъ на разстояніи 1 саж. къ Ю. З. отъ предъидущаго. Онъ

лежалъ въ слоѣ красноватаго песку, на глубинѣ почти 1 арш. Найдены только кости туловища и верхнія части бедренныхъ костей, въ горизонтальномъ положеніи, съ руками вдоль тѣла; черепа и остальныхъ костей ногъ не оказалось. На шеѣ, обращенной къ С. В. находилось украшеніе изъ клыка кабана; при правой кисти—2 маленькихъ костяныхъ шила, кусокъ окиси желѣза, и каменный наконечникъ стрѣлы. Куда дѣвались недостающія кости остова, трудно рѣшить. Мѣсто, гдѣ найденъ остовъ, было когда-то распаханно; можетъ быть соха земледѣльца сдвинула ихъ съ мѣста, но такому предположенію противорѣчитъ какъ отсутствіе обломковъ костей, такъ и правильность въ расположеніи оставшихся, а особенно глубина, на какой лежалъ костякъ.

Десятый остовъ былъ самый крайній на юго-западномъ склонѣ возвышенности. Окруженный слоємъ темно-краснаго песку, значительной плотности, онъ лежалъ на глубинѣ 13-ти верш. отъ поверхности и на разстояніи 2-хъ арш. къ 3. отъ предъидущаго. Положеніе горизонтальное, головою на Ю. З.; руки протянуты вдоль тѣла, кисть правой руки лежала при бедренной кости, а не на ней, какъ кисть лѣвой. Черепъ сплюснутъ; въ расположеніи костей его много сходства съ 5 остовомъ, нижняя челюсть — на мѣстѣ. Длина приблизительно 2 арш. 5 верш. Большая часть костей разсыпалась при снятіи краснаго слоя. Съ правой стороны черепа найдено 3 зуба жвачнаго животнаго, четыре издѣлія изъ глинистаго сланца (таб. XXXV, фиг. 5), куски яшмы и костей со слѣдами отдѣлки; при правой плечевой кости — орудіе изъ рога изюбра; при кисти той же руки—костяное шило и 6 издѣлій изъ глинистаго сланца; при лѣвой кисти—такое же издѣліе (таб. XXXV, фиг. 5).

Послѣдній костякъ, найденный на западномъ склонѣ, лежалъ на глубинѣ 1 арш. 2 верш. въ горизонтальномъ положеніи, головою на С. В., съ руками, протянутыми вдоль тѣла. Кости окруженыя, красноватой почвой, лежали въ совершенномъ порядкѣ, но черепа не оказалось. На шеѣ было украшеніе изъ 2 клыковъ кабана; при лѣвомъ плечѣ фрагментъ пилы, т. е. плоская кость съ вставленными въ нее двумя пластинками яшмы, часть костянаго гарпуна и черепокъ горшка съ узоромъ (таб. XXXV, фиг. 3 d); при правой локтей—5-ть каменныхъ наконечниковъ стрѣлъ (таб. XXXVI, фиг. 8) и обломокъ нефритаго топора; между бедренными костями — 3 орудія изъ кости, заостренныхъ съ одного конца конически, съ другаго долотообразно (таб. XXXVI, фиг. 2); при правомъ колѣнѣ—круглый, плоскій камень съ углубленіемъ въ серединѣ, при немъ другой, въ родѣ пестика, безъ слѣдовъ отдѣлки, кажется обыкновенная галька, удлиненной формы и 2 куска красной окиси желѣза.

Вышеозначенные одинадцать костяковъ располагались на площади въ 28 кв. саж.; вся же изслѣдованная часть возвышенности—западный, юго-западный, южный и юго-восточный склоны — занимаетъ около 100 кв. саж. Здѣсь необходимо замѣтить, что наслоеніе почвы, встрѣченное въ первой — пробной—траншеѣ сохранилось почти въ такомъ же порядкѣ только на юго-восточномъ склонѣ и отчасти надъ 1, 2, 4 и 5-мъ костяками, т. е. на нераспаханномъ мѣстѣ; на остальномъ распаханномъ пространствѣ обнаружено только два пласта: верхній—темно-сѣрый, песчано-глинистый и нижній—чистый, сѣрый песокъ; между ними, впрочемъ, нѣсколько углубляясь въ нижній, и простирались костяки, окруженные красной землей. Большая степень разрушенія костяковъ, располагавшихся на этой площади, обусловлена очевидно распашкою.

Для изслѣдованія остальной части возвышенности я не имѣлъ достаточно времени; на площади между упомянутыми двумя углубленіями прорыто только двѣ тран-

шеи; въ одной изъ нихъ оказались вышеупомянутые два пласта; въ верхнемъ изъ нихъ найдено 2 горшечныхъ черепка и обломокъ орудія изъ трубчатой кости; въ другой, на глубинѣ 6 верш., и почти на краю втораго углубленія, открытъ остовъ ребенка, лежавшій въ горизонтальномъ положеніи, лицомъ къ верху, головою на С. В. съ руками, протянутыми вдоль тѣла и окруженный слоемъ красной почвы. Кости этого остова истлѣли до того, что не было возможности опредѣлить размѣровъ его; сохранились только плечевыя и бедренныя кости да нѣсколько зубовъ; никакихъ орудій и украшеній при немъ не оказалось.

Въ послѣдней траншеѣ, прорытой почти на самомъ берегу р. Ангары, въ верхнемъ слое, на глубинѣ 5 вершковъ, найдены остовъ ребенка, не имѣющій, кажется, ничего общаго съ вышеописанными. Онъ былъ обращенъ головою на В., съ руками, скрещенными на груди; кости черепа очень тонки, въ сохранившейся нижней челюсти прорѣзалось только два рѣзца, окружавшая кости почва не отличалась по цвѣту отъ смежной съ нею. Вещей никакихъ не оказалось. Съ видимымъ удовольствіемъ успѣшили рабочіе зарыть кости, принадлежащія, по ихъ мнѣнію, „христіанской душѣ, а не твари“.

Окончивъ собственно описательную часть раскопки, перехожу къ изложенію важнѣйшихъ фактовъ, полученныхъ изъ наблюденныхъ мною условій погребенія, которые могутъ быть вкратцѣ сформулированы слѣдующимъ образомъ:

1-е) *Измѣдовинный холмъ представляетъ собою небольшихъ размѣровъ кладбище до историческаго человека Сибири.* Каковъ былъ первоначальный наружный видъ поверхности холма, съ достовѣрностью опредѣлить трудно, но несомнѣнно, что онъ былъ иной. Можно думать, что человекъ, снабжавшій своихъ покойниковъ при погребеніи значительнымъ количествомъ различныхъ орудій и украшеній, а также и матеріаломъ, изъ котораго они изготовлялись, имѣлъ нѣкоторое представленіе о продолженіи существованія за гробомъ и, вѣроятно, заботился также о защитѣ погребенныхъ и отъ внѣшнихъ разрушительныхъ вліяній. Слой почвы, толщиной въ 4—19 вершковъ, какимъ были покрыты остовы въ настоящее время, слишкомъ тонокъ для того, чтобы подъ нимъ могли сохраниться кости въ такомъ сравнительно хорошемъ состояніи. Можетъ быть, выемка земли для образованія надъ погребенными насыпи, исчезнувшей нынѣ отъ вліянія вѣтра, воды, распашки и т. д., и положила начало углубленіямъ, находящимся на поверхности холма и развитымъ въ позднѣйшее время вѣтромъ до настоящихъ ихъ размѣровъ. Что поверхность холма мѣнялась, можетъ быть и не разъ, на то указываетъ, повидимому и, прослойка растительной почвы, лежащая нынѣ на глубинѣ болѣе $\frac{1}{2}$ аршина.

2-е) *Всѣ вышеописанные остовы найдены на томъ мѣстѣ и въ такомъ положеніи, идя и какъ они были погребены,* что доказывается правильнымъ расположеніемъ около нихъ и на нихъ различныхъ орудій и украшеній. Сплюснутіе нѣкоторыхъ череповъ могло произойти отъ давленія почвы, въ которой они, по мнѣнію Топинара, „подъ вліяніемъ влажности принимаютъ консистенцію размяченнаго воска“¹⁾. Необходимо однако замѣтить, что своеобразное и почти тождественное расположеніе частей трехъ сплюснутыхъ череповъ (5, 7 и 10 ост.), нѣкоторая симметричность въ этомъ расположеніи, отсутствіе которой, по словамъ того же автора, служитъ доказательствомъ въ пользу

¹⁾ Антропол. перев. Мечникова, 1879, стр. 169.

измѣненій черепа, происшедшихъ отъ давленія почвы, а также находеніе украшеній изъ влыковъ кабана на темянныхъ костяхъ, а не на лобной, какъ на цѣлыхъ черепахъ, все это указываетъ, кажется, на иную причину. Отсутствие нѣкоторыхъ костей при остовахъ 9 и 11, а также находеніе постороннихъ (нижняя челюсть) при 1 и 4 можно объяснить, съ нѣкоторою вѣроятностью, такъ: при погребеніи кости ранѣе умершихъ легко могли быть сдвинуты съ мѣста, а также и попасть въ могилу позднѣе погребаемыхъ; подобные случаи не рѣдки и на современныхъ кладбищахъ.

3-е) *Полнѣйшее отсутствіе слѣдовъ гроба свидѣтельствуетъ, что трупы были зарыты непосредственно въ землю*, при чемъ однородность слоя почвы не даетъ возможности, хотя приблизительно, опредѣлить форму и глубину вырываемой при этомъ ямы.

4-е) *Каждый изъ костяковъ былъ окруженъ слоемъ песку (2—6 вер.), окрашеннаго болѣе или менѣе въ красный цвѣтъ*. Доступная мнѣ литература раскопокъ не представляетъ фактовъ подобнаго рода. Химическое изслѣдованіе образчиковъ этого песка, произведенное А. А. Шамаринымъ, обнаружило въ немъ присутствіе окиси желѣза. Какимъ путемъ произошла окраска и имѣетъ ли она какую-либо связь съ кусками красной охры, найденными при нѣкоторыхъ остовахъ—вопросы, разрѣшеніе которыхъ должно быть представлено специалистамъ.

5-е) *Направленіе найденныхъ остововъ относительно странъ свѣта было двойное: главою на С.-В. (66,7%) или на Ю.-З. (33,3%)*. Объясненіе такого двойнаго направленія слѣдовало бы, быть можетъ, искать въ половыхъ различіяхъ, которыхъ я, къ сожалѣнію, не могъ установить, особенно на разрушенныхъ костякахъ, не будучи достаточно ознакомленнымъ со способами и приѣмомъ этого дѣла.

6-е) *Погребальный обычай того времени требовалъ полагать покойниковъ въ горизонтальномъ положеніи, лицомъ къверху, съ руками, протянутыми вдоль тѣла*. Легкое наклоненіе черепа и верхней части туловища вправо, встрѣченное при нѣкоторыхъ костякахъ, могло произойти и послѣ погребенія. Въ положеніи кистей рукъ замѣтно непостоянство, при чемъ достойно вниманія находеніе кисти лѣвой руки 6-го остова на лобковыхъ костяхъ рядомъ съ нимъ лежавшаго 7-го; случайно-ли она попала туда, или ей намѣренно дано такое положеніе? Дальнѣйшія раскопки, а слѣдовательно ближайшее знакомство съ интересующимъ насъ человѣкомъ, бросить, вѣроятно, нѣкоторый свѣтъ и на эту загадку.

7-е) *Въ положеніи остововъ относительно другъ друга незамѣтно какою-либо опредѣлительною порядкомъ; замѣчательное исключеніе составляютъ 6 и 7 костяки*.

8-е) *При каждомъ изъ остововъ найдено известное количество орудій и украшеній, расположенныхъ около него въ нѣкоторомъ опредѣленномъ порядкѣ*. Орудія располагались преимущественно по обѣ стороны черепа и при кистяхъ рукъ, украшенія на лбу и шеѣ. Распредѣленіе вещей по костякамъ было неравномѣрно, какъ это видно изъ приложенной таблицы; нѣкоторыя изъ нихъ были найдены почти при каждомъ изъ костяковъ, другіе на оборотъ составляли принадлежность только одного.

9-е) *Всѣ эти вещи сдѣланы изъ камня и кости, изъ чего слѣдуетъ, что*

10-е) *Найденные остатки принадлежатъ человѣку, жившему въ ту эпоху, когда употребленіе металловъ было ему еще неизвѣстно*.

Все вышесказанное можетъ быть суммировано въ слѣдующей таблицѣ:

		1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.
Положеніе остова.	Глубина отъ поверхн. Окруж. остовъ почва	11 вер. красн.	19 вер. сл. кр.	4 вер. красн.	15 вер. оч. кр.	9 вер. красн.	18 вер. красн.	18 вер. красн.	8 вер. сл. кр.	16 вер. красн.	13 вер. оч. кр.	18 вер. красн.	6 вер. красн.
	Положеніе остова	Г о р и з о н т а л ь н о е											
Положеніе головы	Лицевъ. вверх.	лицевъ. вверх.	лицевъ. вверх.	лицевъ. вверх.	сплюс. Ю. З.	сплюс. вверх.	сплюс. Ю. З.	сплюс. С. В.	сплюс. С. В.	не-дос. С. В.	сплюс. Ю. З.	не-дос. С. В.	вверх. С. В.
	Направленіе головы	С. В.	С. В.	Ю. З.	С. В.	Ю. З.	С. В.	Ю. З.	С. В.	С. В.	Ю. З.	С. В.	С. В.
Руки протянуты		у в с ь х ь в д о л ь т ь л а.											
И. И. И. И. И. И. И. И. И. И. И. И. И. И. И. И. И. И. И. И.	Украшеніе изъ (на гол. клыка кабана.) нашесъ	1	—	—	—	1	1	1	—	—	—	—	—
	Ожерелье изъ клыка изюбра	1	—	—	—	4	—	3	3	1	—	2	—
	Украшеніе изъ рѣзцовъ бобра	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
	Браслеты изъ кости	2	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
	Издѣлія изъ камня (таб. XXXV, фиг. 5)	8	27	2	1	43	5	2	1	4	6	—	—
	Каменные топоры	2	—	1	—	2	1	—	2	—	—	1	—
	Ножи	1	—	—	1	1	—	—	2	—	—	—	—
	Долота	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
	Камень съ углубл. въ среднѣ	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—
	Песты	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—
	Точильные камни	1	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
	Наконечники стр. кам.	3	3	—	—	30	1	—	—	—	1	—	5
	Шпалы изъ камня	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—
	Полуцилиндричные кам. (таб. XXXVI, фиг. 5)	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Куски красной окиси желѣза	1	—	—	1	2	1	—	1	—	—	2	—
	Гарпуны изъ кости	4	4	—	—	1	—	—	2	—	—	1	—
	Шпалы и вообще колющ. орудія	5	9	—	3	20	6	1	1	2	2	3	—
	Стержни изъ когт. и когти	5	5	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—
	Кость усаж. кам. (кинжалъ)	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
	Совокъ изъ кости (таб. XXXVI, фиг. 3)	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Совокъ изъ кости (таб. XXXV, фиг. 4)	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

Въ заключеніе настоящаго моего отчета привожу краткую опись добытой раскопкою коллекціи. Она можетъ быть раздѣлена на три отдѣла: кости человѣка, издѣлія изъ камня и издѣлія изъ кости.

I. Кости человѣка.

- 1) Почти полный остовъ съ отлично сохранившимся черепомъ и нижнею челюстью (1 кост.).
- 2) Хорошо сохранившійся черепъ безъ нижней челюсти (6 кост.).
- 3) Черепъ безъ основной и лицевыхъ костей съ отдѣлившееся верхнею челюстью и часть нижней (2 кост.).
- 4) Черепъ безъ основной, лицевыхъ и височныхъ костей съ нижнею челюстью безъ 3-хъ переднихъ зубовъ (3 кост.).
- 5) Теменные и затылочная кости, часть верхней челюсти съ 6-ю зубами и нижняя челюсть съ 14 прорѣзавшимися зубами (кост. 4).

6) Обломки четырехъ череповъ, при нихъ три цѣлыхъ нижнихъ челюсти и фрагменты верхнихъ. Нѣкоторые изъ череповъ могутъ быть реставрированы.

7) Трубчатая кость конечностей отъ 2-хъ костяковъ (2 и 4) и много другихъ костей.

II. Издѣлія изъ камня.

1 Топоры.	Порода.	Длина въ мил.	Ширина въ милл.		Толщ.	ПРИМѢЧАНІЕ.
			обухъ	лѣзвіе		
1-й	Нефритъ	148	43	78	28	Отшлифов. только широк. стороны (таб. xxxv, ф. 1). Отшлифов. только широкія стороны Т о ж е. Отшлифов. со всѣхъ сторонъ (таб. xxxv, фиг. 1). Отшлифов. только широкія стороны. Отшлиф. только одна стор., кажется, осколокъ отъ большаго топора. Отшлифов. со всѣхъ сторонъ. Слегка отшлифованъ. Т о ж е. Тщательно шлифов. со всѣхъ сторонъ (таб. xxxv, ф. 5).
2-й	тоже	150	41	49	14	
3-й	тоже	105	25	37	13	
4-й	?	166	28	41	18	
5-й	Нефритъ	95	19	48	12	
6-й	тоже	75	26	41	17	
7-й	?	93	18	30	10	
8-й	Нефритъ	88	32	45	14	
9-й	тоже	98	28	35	12	
10 (долото)?	тоже	228	30	10	15	
11-й	три осколка	нефритовыхъ топоровъ.				
2 Ножи						
1-й	Нефритъ	92	47		6	Хорошо отшлифов. и заостренъ со всѣхъ сторонъ (таб. xxxv, фиг. 2). Конецъ отломанъ (таб. xxxvi, фиг. 7). Отшлифованъ. т о ж е.
2-й	тоже	80	40		7	
3-й	тоже	80	81		3	
4-й	тоже	61	19—26		3	
5-й	тоже	59	5—25		3	
6-й	тоже	56	32		4	
7-й	тоже	40	21		4	
8-й	тоже	40	22		4	

3) Три плоскихъ округленныхъ камня съ углубленіемъ на срединѣ:

- a) Наиб. діам. 130 м. толщ. 20 м., діам. углуб. 42 м.
- b) " " 123 " " 32 " " " 40 "
- c) " " 140 " " 25 " " " 40 "

4) Три песта:

- a) Длина 193 м. толщ. при основ. 190 м., при верш. 115 м.
- b) " 125 " " " " 90 " " " 70 "
- c) " 80

5) Четыре точильныхъ камня.

6) Четыреугольный осколокъ отъ большаго валуна, длиною 7 вер., шир. 3 вер. (при черепѣ 5 остова).

7) Три пилы, т. е. кости съ вставленными въ нихъ пластинками камня (таб. XXXVI, фиг. 6).

8) Десятью девять издѣлій изъ сланца и жировика (таб. XXXV, фиг. 5). Длина наибольшаго изъ нихъ 144 м., наименьшаго 15 м.

9) Сорокъ три наконечника стрѣлъ. Длина наибольшаго 50 м. ширина при основаніи—13 м.

10) Десять кусковъ красной охры со слѣдами соскабливанія и безъ нихъ.

11) Одинадцать кусковъ жировика со слѣдами распиловки и множество (около 300) осколковъ кварца, нефрита, яшмы и песчаника.

12) Сорокъ два горшечныхъ черепка съ узорами и безъ нихъ.

13) Два полуцилиндрическихъ издѣлія изъ песчаника съ бороздкой на плоской сторонѣ (таб. XXXVI, фиг. 5).

III. Издѣлія изъ кости.

1) Двадцать два небольшихъ пила различной формы и величины и много обломковъ.

2) Десять шилевъ большихъ размѣровъ, изъ нихъ одно украшено рисункомъ (таб. XXXV, фиг. 2).

3) Пять хорошо сохранившихся гарпуновъ и фрагменты нѣсколькихъ другихъ (таб. XXXVI, фиг. 1).

4) Пятнадцать украшеній изъ клыка кабана и обломки (таб. XXXV, фиг. 6).

5) Двадцать два стержня изъ костей животныхъ и 3 когтя со слѣдами обработки (таб. XXXVI, фиг. 1).

6) Дугообразно-изогнутая пластинка съ 7-ю дырочками на одной сторонѣ (таб. XXXVI, фиг. 7).

7) Три совка (ложки?) (таб. XXXV, фиг. 4).

8) Одинъ совокъ съ орнаментомъ на выпуклой сторонѣ (таб. XXXVI, фиг. 3).

9) Плоская кость, усаженная по обѣ стороны пластинками камня (сохранилось только двѣ пластинки), родъ кинжала (таб. XXXVI, фиг. 4).

10) Семь колющихъ орудій изъ рога изюбра. Длина наибольшаго изъ нихъ 335 м. (таб. XXXV, фиг. 6).

11) Ожерелье изъ клыковъ изюбра (таб. XXXVI фиг. 2).

12) Нѣсколько фрагментовъ браслетовъ съ рисункомъ и безъ него.

13) Сорокъ рѣзцовъ бобра.

14) Множество костей со слѣдами обработки и обломковъ различныхъ издѣлій.

15) Нижняя челюсть бобра, нѣсколько костей зайца, часть челюсти лисицы и много костей другихъ животныхъ.

Изъ этого краткаго перечня предметовъ видно, что нынѣшняя, такъ сказать, пробная раскопка дала не маловажный результатъ. Можно полагать, что изученіе добытыхъ остатковъ знатоками дѣла откроетъ нѣсколько занавѣсу, скрывающую отъ насъ обладателя ихъ. Можно также надѣяться, что дальнѣйшее изслѣдованіе какъ Китайской долины, такъ равно и другихъ мѣстностей Сибири, о которыхъ имѣются уже данныя, что и онѣ были обитаемы человѣкомъ, незнавшимъ употребленія металловъ, покажетъ намъ и полную картину его жизни.

О раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губерніи, на лѣвомъ берегу р. Ангары, произведенной лѣтомъ 1881 г.

Н. И. Витковскаго.

Въ дополненіе къ отчету раскопокъ 1880 г. спѣшу сообщить, что въ нынѣшнемъ году, въ той же мѣстности произведена дополнительная раскопка, описаніе и результаты которой составятъ предметъ настоящаго моего отчета.

Кромѣ того бугра, на которомъ въ прошломъ году производилась раскопка и на которомъ и нынѣ найдено не мало остатковъ первобытнаго человѣка, мнѣ удалось изслѣдовать еще нѣсколько другихъ бугровъ и осмотрѣть мѣстность (около 60 кв. верстъ), простирающуюся между р. Ангарою и лѣвымъ ея притокомъ Китоемъ, а также и прибрежную полосу противоположнаго берега Ангары.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію добытыхъ фактовъ, считаю нужнымъ дополнить нѣкоторыми подробностями описаніе изслѣдованной мѣстности (см. отчетъ 1880 г.). Лѣвая часть низовья Китайской долины, ограниченная съ двухъ сторонъ—восточной и сѣверной—рѣками Ангарою и Китоемъ, а съ юго-восточной Московскимъ трактомъ, представляетъ въ общемъ низменную равнину, перерѣзанную почти по срединѣ старымъ русломъ Китоя, вѣроятное устье котораго находилось верстахъ въ двухъ западнѣе отъ нынѣшняго устья этой рѣки. Часть равнины, простирающаяся между старымъ и новымъ русломъ, болотиста и, вслѣдствіе незначительнаго возвышенія ея надъ уровнемъ рѣкъ, весьма часто, особенно въ рѣкоставѣ, бываетъ залита водою, которая, не имѣя стока съ этой кочковатой и почти горизонтальной поверхности, скопляется во впадинахъ и образуетъ здѣсь нѣсколько небольшихъ озеръ, точнѣе болотистыхъ лужъ, густо поросшихъ тростникомъ и другими водными растениями ¹⁾; рядъ такихъ же лужъ образуетъ собою и прихотливо извивающаяся „старица“. Нѣ-

¹⁾ Объ одномъ изъ этихъ озеръ, называемомъ „Чистымъ“, сохранилось у мѣстныхъ жителей слѣдующее преданіе: Монголы, тѣсняемые русскими съ запада, устремились „всею аравой“ вверхъ по Ангарѣ, но, видя неизбежную гибель, побросали все свое достояніе: орудіе, сѣдла, платье, посуду и проч., въ это озеро и на легкѣ пустились бѣжать. Рассказывающіе убѣждены, что на днѣ озера „большое богатство“, но никто не можетъ его добыть.

сколько иной характер имѣетъ равнина влѣво отъ стараго русла: здѣсь болѣе древній, уцѣлѣвшій отъ размыва, наносъ образуетъ слегка возвышенное пространство, раздѣленное многими не глубокими впадинами, какъ кажется, руслами бывшихъ протоковъ Ангары, на нѣсколько отдѣльныхъ острововидныхъ частей. О впадинахъ этихъ старожилы говорятъ, что на ихъ памяти онѣ представляли трудно проходимыя трясины, для переѣзда черезъ которыя необходимо было ежегодно устраивать гати и мостки; въ настоящее же время онѣ совершенно высохли и заливаются водою только въ рѣкоставѣ, что не мѣшаетъ имъ однако бытъ лучшими сѣнокосными мѣстами. Часть возвышенной площади, идущая параллельно старому руслу Китоя, съ лѣвой его стороны, представляетъ въ своемъ очертаніи фигуру треугольника, вершина котораго, обращенная на С. къ Ангарѣ, оканчивается бугромъ, около 3-хъ сажень высоты, извѣстнымъ у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ „Барсучьи норы“; основаніемъ же треугольника можно считать цѣлую группу бугровъ, расположенныхъ въ виду Биликтуйскаго селенія и называемыхъ „Пески“. Сторона этой возвышенной площади, прилегающая къ старому руслу, на всемъ протяженіи носитъ хорошо выраженный террасовидный характеръ; противоположная сохраняетъ его только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, переходя въ другихъ постепенно въ кочковатую равнину, тянущуюся далеко къ западу, до той довольно высокой террасы, на которой расположено селеніе Тельминское и которая составляетъ водораздѣлъ для рѣкъ Китоя и Тельмы. Поверхность этого возвышеннаго пространства почти совершенно ровная, если не обращать вниманія на упомянутые краевые бугры, и на половину покрыта молодымъ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ; кое гдѣ встрѣчаются и распаханныя площади. Здѣсь, по преданію, было когда-то мѣсто жительства бурятъ; слѣды ихъ юртовъ сохранились и понынѣ въ видѣ небольшихъ бугорковъ и углубленій, поросшихъ свойственными перегнойной почвѣ растеніями. Въ растительномъ слое земледѣлецъ встрѣчаетъ здѣсь не рѣдко кости домашнихъ животныхъ (коровы, овцы, лошади), кучи древеснаго угля, желѣзные наконечники стрѣлъ, а также и куски шлаковъ, происшедшихъ отъ плавки желѣза. Упомянутая выше кочковатая равнина носитъ названіе „Бардиль“; преданіе говоритъ, что такъ именно назывался главнѣйшій изъ бурятскихъ родоначальниковъ.

Другое возвышенное пространство начинается неподалеку отъ перваго, въ мѣстности, называемой „Ярки“, и въ видѣ прибрежнаго увала тянется къ З. параллельно Ангарѣ, составляя на всемъ протяженіи обрывистый берегъ ея. Средняя высота этого увала надъ уровнемъ рѣки не превосходитъ (по глазомѣру) 4-хъ сажень; бугры же, расположенные на немъ, нѣсколько выше. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ перерѣзанъ широкими впадинами — руслами бывшихъ протоковъ Ангары; такая же отжившая протока отдѣляетъ его и отъ третьяго возвышеннаго пространства (см. карту С.) — образцовой террасы, сопровождающей далѣе берегъ Ангары и представляющей „у верхняго края селенія Тельмы“ выступы того же юрскаго песчаника ¹⁾, который высокою, обрывистою стѣною тянется по противоположному берегу рѣки.

Въ настоящее время вся прибрежная возвышенная полоса воздѣлана и въ мою бытность тамъ была покрыта роскошными хлѣбами, но многіе изъ мѣстныхъ старожилловъ собственными руками вырубали остатки бывшаго здѣсь дремучаго лѣса, слѣды

¹⁾ Ср. Чекановскій. Геолог. изслѣд. Иркут. губ. Записки Сибир. Отд. Т. XI, стр. 171.

котораго виднѣются еще и теперь въ видѣ многочисленныхъ обгорѣлыхъ пней и кое-гдѣ торчащихъ могучихъ стволовъ засохшихъ лиственницъ.

На этомъ увалѣ, какъ сказано выше, находится нѣсколько бугровъ, въ числѣ ихъ и тотъ, въ которомъ сохранились драгоцѣнные остатки человѣка, обитавшаго здѣсь въ до-историческую эпоху; бугоръ этотъ въ отличіе отъ другихъ я буду называть „могилицей“. Нѣкоторые изъ бугровъ едва покрыты растительностью и представляютъ на поверхности глубокіе выдувы; другіе, наоборотъ, густо поросли молодымъ лѣсомъ и выглядятъ зелеными островками среди желтѣющихъ пашень. Рассказываютъ, что лѣтъ тридцать тому назадъ, всѣ бугры имѣли обнаженную поверхность, на которой вѣтеръ выражалъ всѣ свои прихоти, и что вслѣдствіе этого почти всѣ они потеряли свой первоначальный видъ, а нѣкоторые и совсѣмъ исчезли. Такой процессъ исчезновенія можно наблюдать и въ настоящее время на бугрѣ, называемомъ „Тѣстовскимъ“, гдѣ остается только узкая грядка песку, сдерживаемаго корнями растущихъ здѣсь мелкихъ березокъ, остальное разнесено по окрестнымъ полямъ (см. ниже).

Таковъ въ общихъ чертахъ рельефъ изслѣдованной мѣстности, составляющей, по словамъ покойнаго Чекановскаго, часть того обширнаго „вообще ровнаго, размытаго въ отдаленномъ прошломъ и покрытаго мощными наносами пространства, мало возвышеннаго надъ уровнемъ Ангары, текущей здѣсь по направленію сдвига породъ, который, вѣроятно, опредѣлилъ направленіе долины и указалъ путь стихіи, размывшей ее“¹⁾.

Какъ не спеціалистъ, я не могу вдаваться въ разсужденіе относительно возраста и взаимнаго расположенія пластовъ залегающихъ здѣсь наносовъ, скажу только, что подпочву кочковатой равнины составляетъ сѣроватая глина, залегающая, какъ кажется, на галькѣ; въ составъ вышеописанныхъ возвышеній входитъ очень тонкій, сѣроватый песокъ съ значительнымъ процентомъ глины; бугры, составляющіе высшія точки равнины, состоятъ изъ свѣтло-сѣраго, сыпучаго песка съ едва замѣтнымъ почти горизонтальнымъ наслоеніемъ, въ которомъ попадается очень много мелкихъ раковинъ, принадлежащихъ, по опредѣленію г. Черскаго, къ родамъ *Planorbis*, *Succinea*, *Helix*, а также *Cyclas* или *Pisidium*, которые, какъ извѣстно, могутъ быть какъ въ озерныхъ, такъ и рѣчныхъ наносахъ историческаго и постплюценнаго періода; въ этомъ именно пескѣ найдены и остатки человѣка.

Послѣ этого краткаго очерка мѣстности, перехожу къ описанію самой раскопки. Такъ какъ въ прошломъ году я не имѣлъ достаточно свободнаго времени, чтобы окончить изслѣдованіе могильнаго бугра (см. мой отчетъ 1880 г.), то въ поѣздку нынѣшняго лѣта я прежде всего и направился туда. Бугоръ этотъ, какъ сказано выше, находится на прибрежномъ увалѣ, почти на самомъ берегу Ангары; онъ не имѣетъ никакой рѣзко очерченной формы и не представляетъ ничего, что напоминало бы искусственную насыпь; значительная часть его почти плоской поверхности расплывана, но на этотъ разъ не была ничѣмъ засѣяна. Раскопка производилась тѣмъ-же способомъ, что и въ прошломъ году, а именно: прорывались паралельныя канавы съ ЮВ на СЗ, на разстояніи 1½ аршинъ другъ отъ друга; способъ этотъ оказался и нынѣ весьма цѣлесообразнымъ: костяки, лежавшіе, какъ показало изслѣдованіе прош-

1) Чекановскій, I. с.

лаго года, въ перпендикулярномъ къ канавамъ направленіи, не могли остаться не замѣченными. Ширина и глубина канавъ зависѣли отъ обстоятельствъ: иной разъ, прослѣживая какое-нибудь пятно, приходилось рыть до глубины 4-хъ аршинъ при соответствующей ширинѣ, а иногда достаточно было и 10 вершковъ, чтобы обнаружить нетронутый слой или встрѣтить костякъ. На мѣстѣ бывшихъ пашень работа шла значительно медленнѣе, такъ какъ верхній, налегающій на песокъ, глинистый слой былъ твердъ, подобно кирпичу, и съ трудомъ поддавался обыкновенному заступу; за то песокъ можно было выгребать почти руками. Почти во всѣхъ прорытыхъ здѣсь канавахъ обнаруженъ и нынѣ такой же порядокъ наслоенія, какой былъ наблюдаемъ въ прошломъ году, а именно: подъ очень тонкимъ растительнымъ слоемъ залегалъ, ближе къ юго-восточному склону, свѣтло-сѣрый песокъ съ обломками мелкихъ раковинъ и съ едва замѣтнымъ, почти горизонтальнымъ наслоеніемъ, идущій въ глубь на 4 аршина и залегающій на галькѣ; далѣе къ западу онъ покрытъ выше упомянутымъ глинистымъ слоемъ, утолщающимся на этомъ склонѣ до 1 аршина. Въ прошломъ году галька встрѣчена почти на такой же глубинѣ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что она залегаетъ въ бугрѣ сажени на три (по глазомѣру) выше настоящаго уровня Ангары и около двухъ—выше прилегающей кочковатой равнины; подстилаетъ ли она на такомъ же уровнѣ весь прибрежный увалъ или только бугры, или одинъ изъ нихъ—Могильный, я не имѣлъ возможности наблюдать.

Въ нынѣшнемъ году на этомъ бугрѣ найдено снова 12 человѣческихъ костяковъ съ различными, расположенными около нихъ, каменными и костяными орудіями. Хотя въ положеніи костяковъ и не замѣчено ничего, что представляло бы рѣзкое различіе съ наблюденіями прошлаго года, считаю однако необходимымъ изложить здѣсь всѣ подробности, записанныя въ моемъ дневникѣ.

1-й костякъ найденъ на глубинѣ $13\frac{1}{2}$ вершковъ; голова строго на СВ; прилегающая къ костямъ почва слабо и неравномѣрно окрашена въ красный цвѣтъ; мѣсто это было, повидимому, разрыто, на что указываетъ и беспорядокъ въ положеніи костей, а также и недостатокъ ихъ. Сдавленный черепъ былъ повернутъ вправо и лежалъ на небольшомъ плоскомъ кружкѣ изъ нефрита; нижняя челюсть разломана на двое; правая ея половина лежала при черепѣ и была покрыта распавшеюся на части раковиною ¹⁾, служившею, быть можетъ, шейнымъ украшеніемъ, лѣвая же оказалась сдвинутою на $\frac{1}{4}$ аршина въ сторону и впередъ; кости правой руки, куски реберъ, правая лопатка и нѣсколько позвонковъ представляли беспорядочную кучу, подъ которой найдено два орудія изъ нефрита — наконечникъ стрѣлы и небольшой скребокъ; отъ костей лѣвой руки остались только небольшіе обломки; почти на $\frac{1}{4}$ аршина глубже найдены часть таза и кусокъ правой бедренной кости, торчавшій почти вертикально; голенные кости не были сдвинуты съ мѣста, но переломлены почти на срединѣ своей длины; подъ правой изъ нихъ, ближе къ колѣнному сочлененію, лежалъ нефритовый топорикъ и нѣсколько обломковъ трубчатой кости какого-то животнаго; ступни стояли вертикально, почти соприкасаясь, и были окружены темно-краснымъ пескомъ, какимъ, вѣроятно, былъ обсыпанъ и весь костякъ до разрушенія его; не подалеку отъ ногъ, на незначительной глубинѣ найденъ брусокъ изъ песчаника; на разстояніи 1 аршина отъ головы, прямо за ней, и на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина, стоялъ горшокъ, развалившійся

¹⁾ По опредѣленію г. Черскаго Anadonta, проживающая здѣсь почти во всѣхъ рѣкахъ.

Трусы Тиѣнзискаго сѣзда.

при прикосновеніи на множество черепковъ; вокругъ него, въ 3—4 вершкахъ, было вбито пять кольевъ, слѣды которыхъ, въ видѣ буреватыхъ полосъ, окончились на глубинѣ болѣе 1 аршина. (Изъ собранныхъ черепковъ удалось возстановить большую часть горшка, дающую полное понятіе о его формѣ и величинѣ. (Табл. XXXVII, рисунокъ 1).

2-й *косякъ* найденъ близъ прошлогодней раскопки; онъ лежалъ на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина, въ горизонтальномъ положеніи, головою на СВ; окружающій его, блѣдно-красный песокъ былъ сухъ и плотенъ, какъ плохо обожженный кирпичъ и съ трудомъ отдѣлялся отъ костей. Хотя въ почвѣ не замѣтно было малѣйшихъ слѣдовъ вскапыванія, но многихъ костей не оказалось. Черепъ сплющенъ и раздробленъ на мелкія части; нижняя челюсть тоже разломана; позвонковъ, реберъ, лопатокъ, таза и плечевыхъ костей совсѣмъ не было; остальные—локтевыя и кости нижнихъ конечностей—истлѣли до такой степени, что рассыпались при очисткѣ вмѣстѣ съ окружающимъ ихъ пескомъ. Между бедренными костями найденъ полированный наконечникъ стрѣлы изъ нефрита; на мѣстѣ шеи три когтя (птицы?) и два клыка изюбра со слѣдами бывшихъ на нихъ дырочекъ для нанизыванія; съ лѣвой стороны черепа, на мѣстѣ плеча, лежала куча кусковъ красной охры, вмѣстѣ съ небольшою круглою плиткой изъ нефрита, служившей, быть можетъ, для растиранія этой краски.

3-й *косякъ* на глубинѣ 15 вершковъ; головою на СВ; окруженъ толстымъ и плотнымъ слоемъ краснаго песку. Черепъ повернуть вправо и сплющенъ; въ обѣихъ челюстяхъ по 16 великолѣпно сохранившихся зубовъ; позвонки и кости правой руки, кромѣ двухъ нижнихъ суставовъ пальцевъ, были гдѣ слѣдуетъ, на мѣстѣ; нижняя же часть косяка — тазъ, кости конечностей, вмѣстѣ съ костями лѣвой руки и частью правой—были сдвинуты на $\frac{1}{2}$ аршина въ сторону (къ ЮВ) и впередъ, отчего косякъ казался какъ бы разорваннымъ на двое. При кисти лѣвой руки, расположенной на тазово-бедренномъ сочлененіи, найденъ обломокъ обдѣланной кости (часть футляра для иголъ?); при отдѣленныхъ пальцахъ правой, покрытыхъ разрушеннымъ тазомъ,— три каменныхъ издѣлія, изображенныхъ на табл. XXXVII, рис. 2 и маленькій коготь; на разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина отъ черепа, на глубинѣ 11 вершковъ, открыто огнище — слой пепла и древесныхъ углей, толщиною въ 3—5 вершковъ, отъ котораго вверхъ и внизъ проходили три жилы угля, вѣроятно, слѣды сгорѣвшихъ кольевъ или столбовъ.

4-й *косякъ* найденъ на краю выдува (см. мой отчетъ за 1880 г.), вслѣдствіе чего слой прикрывающаго песку былъ очень неравномеренъ: надъ головою, обращенною на СВ, онъ оказался не толще 3 вершковъ, надъ ногами достигалъ 10 вершковъ. Не смотря, однако, на такую незначительную глубину, всѣ кости лежали въ полномъ порядкѣ, покрытыя тонкимъ слоемъ темно-краснаго песку, который подъ ними достигалъ 7 вершковъ толщины. Длина косяка отъ вѣчнаго шва до пятокъ 2 арш. 3 вершка; положеніе, какъ у предыдущаго; черепъ тоже повернуть на правый високъ; основная и лицевыя кости совершенно разрушены; нижняя челюсть разломана; поверхъ черепа, по направленію совершенно сросшагося вѣчнаго шва, были расположены въ рядъ 5 зубовъ какого-то животнаго и столько же клыковъ изюбра, съ отверстіями для нанизыванія; пониже, на лбу, украшеніе изъ расколотаго клыка дикаго кабана, на шеѣ два такихъ же украшенія, одно широкимъ концомъ вправо, другое влѣво; клыки эти были, повидимому, окрашены, такъ какъ подъ ними, на косякахъ, остались темно-красныя пятна. Кромѣ упомянутыхъ украшеній при ко-

стѣкѣ найдены еще слѣдующія вещи: съ правой стороны черепа нѣсколько изломанныхъ костяныхъ шильевъ и обломковъ кости; при правой локтевой, ближе къ кисти, 4 издѣлія изъ глинистаго сланца и жировика, назначеніе которыхъ неизвѣстно (табл. XXXVII, рис. 2), 14 небольшихъ осколковъ яшмы, маленькій коготь и стержень изъ когтя какого-то большаго животнаго съ 4 зубцами, вырѣзанными на вогнутой его сторонѣ и бороздкой при основаніи; при лѣвой локтевой, на томъ же мѣстѣ, 33 упомянутыхъ издѣлій изъ жировика и сланца (таб. XXXVII, рис. 2), осколокъ яшмы и 2 небольшихъ костяныхъ шила; на тазовыхъ костяхъ футляръ изъ кости, въ которомъ отлично сохранились двѣ костяныя иглы съ ушками (таб. XXXVIII, рис. 8 а, b, c); подъ пятками ногъ тонкая костяная пластинка, что-то въ родѣ ножа; при правой ступнѣ, съ наружной ея стороны, 2 небольшихъ наконечника стрѣлъ изъ кварцевой породы, при лѣвой 5 такихъ же наконечниковъ изъ яшмы.

5-й *костякъ* неподалеку отъ предъидущаго на глубинѣ 14 вершковъ. Онъ лежалъ въ очень твердой, песчано-глинистой почвѣ, головою на СВ, съ руками, протянутыми вдоль тѣла; непосредственно прилегающая къ нему земля была окрашена въ буровато-красный цвѣтъ. Верхняя часть *костяка*, вмѣстѣ съ черепомъ повернута вправо такъ, что глаза смотрѣли прямо на западъ; кисти рукъ расположены на тазово-бедренныхъ сочлененіяхъ: голенные кости найдены разломанными на куски вмѣстѣ съ нѣкоторыми костями ступень на разстояніи $\frac{3}{4}$ аршина отъ *костяка*, вслѣдствіе чего длины его невозможно было опредѣлить (отъ вѣчнаго шва до колѣннаго сочлененія 1,08 м.). Съ правой стороны черепа, почти подъ нимъ, лежало шило, приготовленное изъ трубчатой кости; позади черепа, прикасаясь къ нему, одна на другой были сложены слѣдующія вещи: острога съ обломаннымъ верхнимъ концемъ и двумя зубцами на каждой сторонѣ, колющее орудіе изъ рога изюбра съ плоско заостреннымъ и тщательно полированнымъ концемъ, кусокъ трубчатой кости со слѣдами распиловки, еще колющее орудіе изъ рога изюбра, конецъ котораго заостренъ четырехгранно, 2 нефритовыхъ топорика и два обломка тонкой трубчатой кости. Всѣ кости этого *костяка* сохранились, сравнительно, очень хорошо, особенно черепъ.

6-й *костякъ* найденъ на распаханномъ мѣстѣ, на глубинѣ менѣе $\frac{1}{2}$ аршина. Почти всѣ кости въ безпорядкѣ; прилегающій къ нимъ песокъ краснаго цвѣта, но перемѣшанъ съ верхнимъ пахатнымъ слоемъ: соха земледѣльца, повидимому, принимала наибольшее участіе въ разрушеніи *костяка*. Отъ черепа не осталось и слѣдовъ; на мѣстѣ, гдѣ слѣдовало бы ему быть, найдено два нефритовыхъ топора и три крыловыхъ кости птицы; неподалеку попадались обломки реберъ, позвонковъ, таза и ручныхъ костей; кости нижнихъ конечностей оказались на своемъ мѣстѣ и, судя по ихъ положенію, голова была обращена на СВ; кисти рукъ, вѣрнѣе только пальцы, лежали на бедренныхъ костяхъ; тутъ же при правой бедренной найдено два колющихъ орудія изъ кости, 15 издѣлій изъ жировика, изображенныхъ на табл. XXXVII, рис. 2, маленькій коготь, костяное шило, кусокъ жировика, со слѣдами распиловки и небольшой нефритовый скребокъ; при лѣвой—два осколка нефрита и нѣсколько обломковъ кости; на бедренныхъ костяхъ лежала растрескавшаяся на части лопатка какого-то большаго животнаго, служившая, по всей вѣроятности, орудіемъ для рытья земли; подъ голенными костями нѣсколько кусковъ жировика, брусокъ изъ песчаника и осколки яшмы.

Слѣдующіе затѣмъ два *костяка* найдены на глубинѣ 10 вершковъ, непосредственно

другъ при другѣ, такъ что между ихъ головами, обращенными на СВ, было разстояніе менѣе 7 вершковъ, локтевыя же сочлененія соприкасались. Окружающая ихъ темно-красная почва была очень жестка и съ трудомъ отдѣлялась отъ костей. При раскопкѣ этого мѣста краснота показалась уже на глубинѣ 4 вершковъ въ видѣ небольшихъ пятенъ, которыя, постепенно увеличиваясь, сливались на глубинѣ 7 вершковъ и образовали надъ костями общій красный покровъ, длиною 2 арш. 7 вершковъ и шириною въ $1\frac{1}{2}$ аршина.

7-й костякъ (на юго-восточной сторонѣ) въ горизонтальномъ положеніи, лицомъ къверху; приблизительная длина 2 арш. 4 верш.; черепъ сплющенъ; лицевыя кости вмѣстѣ съ разломанною нижнею челюстью были отодвинуты вправо, къ плечу; темяныя разъединены по шву, ламбдоидный шовъ тоже разошелся и верхній край затылочной кости торчалъ ребромъ. Руки протянуты вдоль тѣла; лѣвая кисть на бедренной кости, кисть правой на совершенно разрушенномъ тазѣ; разстояніе между внутренними бугорками (*Troch. minor*) бедренныхъ 0,15 м., ступни соприкасались пятками, правая изъ нихъ была отклонена въ сторону; лѣвая стояла почти вертикально. Съ лѣвой стороны, при черепѣ, были сложены въ кучу одна на другой слѣдующія вещи: два костяныхъ шила (сохранились только фрагменты), 2 нижнія лѣвыя челюсти бобра, нефритовый скребокъ, еще нижняя лѣвая челюсть бобра, одинъ топорикъ изъ яшмы и шесть изъ нефрита и на послѣднемъ изъ нихъ костяная ложка (см. отчетъ за 1880 г., табл. XXXV, фиг. 4), края которой обломались при разборкѣ кучи; на груди, вдоль костей лѣвой руки, были расположены другъ при другѣ шесть грубо оббитыхъ топоровъ изъ нефрита и три полированныхъ, колющее орудіе изъ рога изюбра, кусокъ трубчатой кости и небольшое костяное шило съ обломанными концами; при лѣвой кисти найдены обломки костяныхъ гарпуновъ, нѣсколько осколковъ яшмы и куски какого-то костяного орудія; неподалеку вдоль бедренной кости—колющее орудіе изъ рога; правая кисть была прикрыта кускомъ нефрита, составляющимъ часть одного изъ оббитыхъ топоровъ, найденныхъ на груди; на прилипшемъ къ этому камню красномъ пескѣ хорошо отпечатались кости пальцевъ; тутъ же найдено 15 мелкихъ издѣлій изъ жировика (табл. XXXVII, рис. 2), осколокъ нефритоваго орудія, два костяныхъ гарпуна, два маленькихъ костяныхъ шила и кусокъ жировика.

8-й костякъ въ такомъ же точно положеніи. Приблизительная длина 2 арш. 5 вершковъ. Черепъ раздробленъ на мелкія части, хотя всѣ остальные кости сохранились замѣтно лучше, чѣмъ у предъидущаго. Судя по большой ширинѣ таза, который тоже сильно разрушенъ, костякъ принадлежалъ женщинѣ (разстояніе между *Troch. min.* бедренныхъ 0,21 м.). При правомъ плечѣ найдены сложенными въ кучу: 33 осколка яшмы, нефритовый топоръ, обломокъ орудія изъ рога и 2 издѣлія изъ глинистаго сланца (табл. XXXVII, рис. 2); правая плечевая была прикрыта 20-ю такими же издѣліями, расположенными косвенно другъ при другѣ; на груди, съ правой стороны, лежали: маленькій обдѣланный коготь, пластинка яшмы и крыловая кость птицы; при лѣвой кисти 22 издѣлія изъ сланца и жировика (табл. XXXVII, рис. 2), осколокъ нефрита, пять наконечниковъ стрѣлъ изъ яшмы, маленькое костяное шило и обломокъ костяного гарпуна; наконецъ, при правомъ колѣнѣ, нефритовый скребокъ.

Изъ сказаннаго объ этихъ двухъ костякахъ видно, что въ положеніи каждаго изъ нихъ, взятаго отдѣльно, не было замѣтно никакого отличія отъ прочихъ, но фактъ находженія ихъ непосредственно другъ при другѣ, на одномъ и томъ же уровнѣ, въ

связи съ непрерывностью и чистотою прикрывающаго ихъ краснаго слоя, а также и съ полнѣйшею правильностью въ расположеніи ихъ костей, что едва ли было бы возможно при одновременномъ погребеніи, — все это заставляетъ думать, что они погребены въ одно и то же время. То же самое слѣдуетъ сказать и о другой такой парѣ, найденной на бугрѣ въ прошломъ году (см. мой отчетъ 1880 г.).

9-й костякъ на юго-восточномъ склонѣ бугра, на глубинѣ 11 вершковъ. Головою на СВ, лицомъ кверху, руки вдоль тѣла, но кисти лежали между бедренными, прикрывая другъ друга; ноги согнуты въ колѣнахъ и повернуты влѣво. Окружающій песокъ кости слабо окрашенъ въ красный цвѣтъ и очень мелокъ; очевидно, что и въ то время, когда погребали здѣсь умершихъ, вѣтеръ сносилъ уже на этотъ склонъ болѣе мелкія частицы. Всѣ кости очень дряблы; черепъ расщелялся по швамъ, нѣкоторыя его части почти выпрямились, другія разломаны на мелкія кусочки; въ челюстяхъ по 15 зубовъ. Изъ вещей найденъ только одинъ нефритовый скребокъ, который лежалъ на лѣвой локтевой, ближе къ кисти.

Неподалеку отъ этого костяка краснота обнаружилась почти въ растительномъ слое; изслѣдованіе показало, что мѣсто было уже раньше разрыто, такъ какъ окрашенный песокъ оказался перемѣшаннымъ какъ съ растительною, такъ и съ нижележащею почвою. Здѣсь, на глубинѣ 9 вершковъ, найдены обломки человѣческихъ костей, между прочимъ части черепа, кости конечностей и правая ключица ребенка (длина правой бедренной 0,075 м.), а также и нѣкоторыя издѣлія: 30 мелкихъ вещицъ изъ жировика (табл. XXXVII, рис. 1), 9 мелкихъ наконечниковъ стрѣлъ изъ яшмы, нижняя лѣвая челюсть бобра, 2 нефритовыхъ скребка, 3 обломка украшеній изъ клыка дикаго кабана и обломокъ какого-то костянаго орудія. На разстояніи 1 арш. и на глубинѣ 2 аршинъ открыта куча переломанныхъ человѣческихъ костей, принадлежащихъ несомнѣнно нѣсколькимъ особямъ, но вещей никакихъ; слѣдуетъ полагать, что онѣ зарыты здѣсь какимъ-нибудь кладоискателемъ, обманутымъ въ своихъ надеждахъ: въ разказахъ мѣстныхъ жителей есть много указаній на такихъ изслѣдователей.

10-й костякъ на томъ же юго-восточномъ склонѣ, на глубинѣ 9 $\frac{1}{4}$ вершковъ. Онъ лежалъ въ горизонтальномъ положеніи, головою на ЮЗ, лицомъ кверху съ руками вдоль тѣла, кисти которыхъ покоились на бедренныхъ костяхъ. Длина 2 арш., 4 вер. Окружающая почва слегка окрашена въ красный цвѣтъ. Лобной и лицевыхъ костей вовсе не оказалось; нижняя челюсть была сдвинута далеко влѣво, въ ней сохранилось только 5 переднихъ зубовъ и открытыми остались только двѣ ячейки, остальные заросли. Вещей никакихъ не найдено. Тутъ же на разстояніи 1 $\frac{1}{2}$ аршинъ къ ЮЗ открытъ и

11-й костякъ на такой же почти глубинѣ (10 вершковъ) и въ такомъ точно положеніи, только головою на СВ. Длина 2 арш. 3 вер. Окружающая кости почва тоже слабо красновата. Черепъ сохранился отлично, остальные кости очень хрупки и рассыпались при очисткѣ; обѣ бедренныя были переломлены въ одномъ и томъ же мѣстѣ, ближе къ колѣнному сочлененію. На груди, съ правой стороны, прикрывая локтевое сочлененіе, лежала лопатка какого-то животнаго, подобная найденной при 6 костякѣ (см. выше), — единственная вещь, какою оставшіеся потомки нашли возможнымъ снабдить своего предка.

12-й костякъ рядомъ съ предъидущимъ, на глубинѣ 12 вершковъ, на ЮЗ. Черепа не оказалось, не найдено также и обломковъ его; всѣ остальные кости очень истлѣли,

но лежали въ порядкѣ. При правой кисти найдено издѣліе изъ глинистаго сланца (табл. XXXVII, рис. 2) и кусокъ костянаго гарпуна. Отсутствіе черепа даетъ право на предположеніе, что мѣсто это было уже кѣмъ-то разрыто, хотя въ мелкомъ, слабо красноватомъ пескѣ и не замѣчено никакихъ слѣдовъ раскопки.

По количеству найденныхъ при нихъ вещей четыре послѣдніе костяка представляютъ замѣчательное исключеніе, такъ какъ ни одинъ изъ остальныхъ двадцати, найденныхъ въ прошломъ и нынѣшнемъ году, за исключеніемъ, впрочемъ, остова ребенка (см. отчетъ 1880 года) не оказался такимъ бѣднякомъ. Обстоятельство это въ связи съ нахожденіемъ сказанныхъ костяковъ на краю бугра и на значительномъ разстояніи отъ прочихъ позволяетъ предполагать, что и въ періодъ каменныхъ орудій существовала уже имущественная рознь и посмертные останки неимущихъ погребались, какъ и въ наше время, на окраинахъ кладбища.

Кромѣ описанныхъ здѣсь 12 костяковъ, на могильномъ бугрѣ найдено еще три кучи различныхъ вещей, очагъ и слѣды нѣсколькихъ огнищъ.

Кучи были расположены рядомъ внѣ площади погребенія, на сѣверной сторонѣ бугра. Въ первой изъ нихъ, открытой на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина, оказались слѣдующія вещи: брусокъ изъ песчаника, рогъ козули съ заостреннымъ концомъ и слѣдами двухъ отсѣченныхъ отростковъ, два костяныхъ шила, костяной гарпунъ, тщательной отдѣлки (табл. XXXVIII, рис. 1) съ 4-мя зубцами на одной сторонѣ, кусокъ кости, распиленной по длинѣ, маленькій нефритовый скребокъ, издѣліе изъ глинистаго сланца (табл. XXXVIII, рис. 2) и нѣсколько осколковъ яшмы; всѣ эти вещи были сложены одна на другой и окружены темно-краснымъ пескомъ. На разстояніи $\frac{3}{4}$ арш. отъ предъидущей и на такой же почти глубинѣ встрѣчена другая куча въ видѣ маленькой, темно-красной кочки, вершковъ около 5 въ діаметрѣ; въ ней найдено только 23 маленькихъ гальки безъ всякихъ слѣдовъ обработки. Третью кучу, не обсыпанную краснымъ пескомъ, составляли: стержень изъ когтя большаго животнаго съ тремя зубцами на вогнутой сторонѣ и тремя бороздками при основаніи (табл. XXXVIII, рис. 5), два маленькихъ обдѣланныхъ когтя, 18 издѣлій изъ жировика (табл. XXXVII, рис. 2) и 10 мелкихъ осколковъ яшмы. Трудно сказать съ достовѣрностью, каково было значеніе этихъ кучъ, но едвали можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что онѣ современны погребенному на бугрѣ человѣку и найдены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впервые были положены.

Очагъ открытъ на разстояніи 3 саж., 2 арш. отъ крайняго на западномъ склонѣ костяка, на глубинѣ 22 вершковъ. Въ окружающей почвѣ сохранились слѣды, доказывающіе, что предъ постройкою очага здѣсь была вырыта довольно большая воронкообразная яма, въ настоящее время выполненная песчано-глинистою, сѣро-желтоватою землею, въ которой попадалось не мало древесныхъ углей. Очагъ представлялъ плоскій кругъ въ $\frac{1}{2}$ арш. вышины и около 20 вершковъ въ діаметрѣ, сложенный изъ гальки среднихъ размѣровъ; рядъ болѣе крупныхъ камней составлялъ основаніе; камни верхнихъ рядовъ растрескались отъ дѣйствія огня; на поверхности очага было небольшое углубленіе, выполненное углемъ и золою, золою же были выполнены и щели между камнями. Близъ очага найдены разбросанными нѣкоторыя кости человѣка, какъ то: нѣсколько кусковъ черепа, части челюстей, ключица, ребро и одинъ позвонокъ. Кости эти по наружному виду кажутся очень свѣжими въ сравненіи съ прочими, найденными на бугрѣ; нѣкоторыя изъ нихъ, особенно куски черепа почти совершенно обуглены, другія слегка только обгорѣли; толщина стѣнокъ черепа превосходитъ 1

сантиметръ. Не смотря на самое тщательное изслѣдованіе мѣста вокругъ очага, ничего больше здѣсь не найдено. Обстоятельство это въ связи съ замѣтною свѣжестью костей говоритъ, кажется, въ пользу позднѣйшаго происхожденія очага; и въ самомъ дѣлѣ, трудно допустить, чтобы человѣкъ, устроившій его на мѣстѣ погребенія своихъ предковъ, слѣдовательно совершавшій здѣсь не разъ обряды своего вѣрованія, чтобы онъ не оставилъ на очагѣ или около него, хотя случайно, какого-нибудь обломка тѣхъ каменныхъ и костяныхъ издѣлій, которыя клалъ въ могилу, находящуюся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ (см. ниже).

Такимъ же отсутствіемъ какихъ-либо вещей и даже костей отличались и встрѣченныя на этомъ склонѣ огнища; находясь на незначительной глубинѣ, онѣ представляли круглыя площади, иногда до 1 саж. въ діаметрѣ, обожженной, кирпично-красной земли, покрытой тонкимъ слоемъ древеснаго угля, причемъ слой этотъ наравнѣ съ обожженной землей постепенно утолщался къ центру круга.

Таковъ результатъ нынѣшнихъ работъ на бугрѣ, названномъ мною могильнымъ. Если теперь припомнить себѣ, что и въ прошломъ году на немъ было найдено 12 костяковъ съ различными орудіями и украшеніями изъ камня и кости, и имѣть также въ виду, что, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, не малое число ихъ вырыто кладочискателями и земледѣльцами, то смѣло можно будетъ сказать, что бугоръ этотъ былъ кладбищемъ доисторическаго человѣка, обитавшаго здѣсь довольно долгое время. Послѣ такого заключенія вполне естественно рождается вопросъ: гдѣ же было жилище этого человѣка, гдѣ онъ строилъ свой шалашъ или рылъ землянку? А ргіогі можно бы было уже сказать, что жилище это не должно было быть далеко отъ кладбища. Не имѣя, по всей вѣроятности, какъ можно судить по найденнымъ остаткамъ, домашнихъ животныхъ, которыя помогали бы ему при переноскѣ тяжестей, человѣкъ этотъ долженъ былъ на собственныхъ плечахъ тащить и своего мертвеца и не могъ, конечно, въ такомъ положеніи относиться равнодушно къ лишней сотнѣ сажень пути. Къ тому же, находясь вблизи отъ могилъ своихъ предковъ, онъ съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, могъ сохранить ихъ отъ разрушенія, а забота объ этомъ, какъ кажется, входила въ программу его дѣятельности. Не могъ онъ также селиться вдали и отъ воды, составляющей насущную потребность человѣка, потому что для храненія ея въ жилищѣ онъ не имѣлъ, вѣроятно, никакихъ другихъ сосудовъ, кромѣ глиняныхъ горшковъ, которые и по своимъ незначительнымъ размѣрамъ, и по плохому обжогу едва-ли могли служить для этой цѣли. Устраивая же свой шалашъ, или землянку гдѣ нибудь по близости воды, человѣкъ избиралъ для этого, несомнѣнно, возвышенное мѣсто, какой-нибудь бугоръ. Такими соображеніями руководствовался я при моихъ дальнѣйшихъ поискахъ.

Окончивъ работу на могильномъ бугрѣ, я перешелъ съ рабочими къ старому руслу Китою, гдѣ, какъ сказано выше, находится группа бугровъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Пески“. Бугры эти, соприкасаясь основаніями, образуютъ возвышенную площадь около 3,000 кв. саж.; сѣверо-восточный склонъ ихъ значительно круче противоположнаго, переходящаго постепенно въ низменность; на поверхности ихъ, покрытой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодымъ осиновымъ и березовымъ лѣсомъ, находится нѣсколько углубленій, указывающихъ на направленіе господствующаго сѣверо-западнаго вѣтра, которому онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ. Дно этихъ выдувовъ, достигающихъ иногда глубины 1 сажени, покрыто крупнымъ, отвѣяннымъ пескомъ,

стѣны же, а равно и края занесены болѣе мелкими частицами, легче поддающимися дѣйствию вѣтра. Послѣ самаго тщательнаго осмотра этихъ, прорытыхъ уже вѣтромъ, траншей, не давшихъ, впрочемъ, никакихъ доказательствъ въ пользу пребыванія здѣсь интересующаго насъ человѣка, я приступилъ къ раскопкѣ. Но имѣя въ виду, что и въ разказахъ мѣстныхъ жителей, имѣющихъ по сосѣдству пашни, нѣтъ указаній на то, чтобы здѣсь были находимы какія-либо кости или издѣлія, я счелъ бесполезнымъ вести правильную раскопку, т. е. изрѣзать такую большую площадь параллельными траншеями, какъ это сдѣлано на предъидущемъ бугрѣ. Такая работа потребовала бы значительныхъ денежныхъ затратъ и не мало времени, результатъ же скорѣе всего могъ получиться только отрицательный, поэтому я и ограничился проведеніемъ только нѣсколькихъ канавъ чрезъ вершины и на склонахъ бугровъ.

Въ первыхъ двухъ канавахъ, прорытыхъ по вершинѣ самаго высокаго бугра (глубиною отъ 1 до 2½ арш. и длиною 12 саж.), подъ тонкимъ растительнымъ слоемъ (1½ вершка) обнаруженъ вездѣ свѣтло-сѣрый, сыпучій песокъ, съ большимъ количествомъ вышеупомянутыхъ раковинъ и съ едва замѣтнымъ горизонтальнымъ наслоеніемъ; далѣе, на западномъ склонѣ того же бугра растительный слой значительно утолщается (4 вершка) и содержитъ въ себѣ много древеснаго угля, на происхожденіе котораго указываетъ преданіе о бывшемъ здѣсь когда-то большомъ лѣсѣ, уничтоженномъ лѣснымъ пожаромъ; въ залегающемъ ниже пескѣ, на глубинѣ болѣе 1 арш., попадаются часто обугленные и истлѣвшіе древесные остатки, повидимому корни бывшихъ деревьевъ, при чемъ и самый песокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обожженъ; затѣмъ на сѣверномъ склонѣ, почти у подошвы бугра, на толщѣ песка съ раковинами залегаютъ пластъ буреватой почвы, толщиною въ ¾ аршина, содержащій много измельченнаго древеснаго угля и прикрытый въ свою очередь чернымъ растительнымъ слоемъ, достигающимъ здѣсь 5 вер. толщины. Таково строеніе и всѣхъ остальныхъ бугровъ этой группы, представляющихъ, какъ кажется, такой же точно „менѣ размытый остатокъ прежняго, болѣе высокаго дна долины“, каковымъ, по мнѣнію г. Черскаго (см. Изв. В.—Сиб. От. томъ XI, № 3—4, стр. 13), слѣдуетъ считать могильный бугоръ. Залегаютъ-ли и здѣшніе пески на галькѣ, я не имѣлъ возможности наблюдать, потому что не приходилось рыть до такой глубины, но принимая во вниманіе, что на пашняхъ, прилегающихъ къ буграмъ съ южной стороны, подъ тонкимъ слоемъ почвы находится галька, можно предположить, что она подстилаетъ и бугры. Во всѣхъ прорытыхъ здѣсь канавахъ, составившихъ вмѣстѣ болѣе 60 сажень протяженія, не встрѣчено никакихъ слѣдовъ пребыванія человѣка, погребавшаго своихъ умершихъ въ такихъ же точно наносахъ, образующихъ могильный бугоръ.

На обратномъ пути съ „Песковъ“ осмотрѣнъ бугоръ „Барсучьи норы“, гдѣ не понадобилось производить раскопку, такъ какъ весь онъ изрытъ жившими здѣсь когда-то барсуками, а потомъ и человѣкомъ, преслѣдовавшимъ ихъ. Десятки готовыхъ уже ямъ доказывали наглядно, что было бы напрасно искать остатковъ человѣка въ этомъ неслоистомъ илѣ, отложенномъ, повидимому, тѣми водами, которыя размыли толщу песковъ, образующихъ другіе бугры и выполнили своими осадками нѣкоторыя пространства между ними.

На прибрежномъ увалѣ, кромѣ могильнаго, изслѣдовано еще два бугра и на одномъ изъ нихъ, находящемся на разстояніи 1 версты къ СЗ. отъ кладбища, на самомъ берегу Ангары, найдены нѣкоторыя указанія на пребываніе на немъ

погребеннаго по сосѣдству человѣка. Очертаніе этого бугра эллиптическое, съ длиннымъ діаметромъ въ 33 саж. (черезъ вершину), идущимъ параллельно Ангарѣ; вершина его тупая, округленная. По рассказамъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, бугоръ былъ окруженъ густымъ лѣсомъ, но песчаная поверхность его была совершенно обнажена, теперь на оборотъ — прилегающая мѣстность воздѣлана и только полу-сгнившіе пни свидѣтельствуютъ о бывшемъ лѣсѣ, бугоръ же, особенно западный его склонъ покрытъ густо молодымъ соснякомъ; высота бугра надъ уровнемъ рѣки не болѣе 5—6 сажень (по глазомѣру), образуемый имъ берегъ обрывистъ. На западномъ склонѣ, ближе къ рѣкѣ, находится небольшой выдувъ, на днѣ котораго найдено нѣсколько горшечныхъ черепковъ, много мелкихъ осколковъ яшмы и очень маленькой обломокъ тщательно полированного нефритоваго орудія; неподалеку на пашнѣ встрѣчены тоже осколки яшмы и кварца, небольшой яшмовый нуклеусъ и кусокъ красной охры. Послѣ такихъ находокъ на поверхности бугра вполне естественно было ожидать, что въ нѣдрахъ его будетъ открыто жилище здѣшняго аборигена или, быть можетъ, другое кладбище. Произведенная раскопка не оправдала однако этихъ ожиданій: во всѣхъ канавахъ, прорытыхъ здѣсь какъ на вершинѣ, такъ и на склонахъ, вездѣ тонкимъ растительнымъ слоемъ залегалъ такой же сѣрый песокъ съ обломками мелкихъ раковинъ, какой встрѣченъ и въ другихъ буграхъ и нигдѣ не было замѣтно слѣдовъ вскапыванія. Только на западной сторонѣ, почти при основаніи бугра, на глубинѣ около $\frac{1}{2}$ арш., найдено нѣсколько огнищъ, расположенныхъ рядомъ на незначительномъ разстояніи другъ отъ друга; каждое изъ нихъ представляло небольшое чашевидное углубленіе, наполненное золою и древеснымъ углемъ; около нихъ попадались слегка обугленные сосновыя шишки, небольшіе осколки яшмы и горшечные черепки, которые, по наружнымъ признакамъ, были совершенно сходны съ найденными на кладбищѣ. Неподалеку, на такой же глубинѣ, лежали въ разбросъ куски известняка, которые, по мнѣнію г. Черскаго, скорѣе всего занесены сюда человекомъ, такъ какъ порода эта находится внизъ по рѣкѣ не ближе Усоля, т. е. около 20-и верстъ отъ бугра, а вверхъ — по р. Иркуту, откуда галька ея не достигаешь даже г. Иркутска. На прилегающей пашнѣ, гдѣ были найдены осколки яшмы, прорыто тоже нѣсколько канавъ, но только въ одной изъ нихъ, на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина и на разстояніи 10 сажень къ З. отъ бугра, найденъ небольшой обломокъ полированного нефритоваго орудія (см. ниже).

Остатки эти, доказывающіе неоспоримо пребываніе здѣсь человѣка, погребавшаго своихъ умершихъ на сосѣдномъ бугрѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ позволяютъ думать, что пребываніе это было очень кратковременное и что не здѣсь было его постоянное жилище. Владѣя такими несовершенными орудіями, едва ли могъ человѣкъ устраивать въ то время такой шалашъ, который бы защищалъ его отъ холода во время суровой сибирской зимы, скорѣе всего онъ прискивалъ для этого какое-нибудь естественное углубленіе или вырывалъ яму въ землѣ, слѣды которой во всякомъ случаѣ не могли бы при раскопкѣ остаться не замѣченными. Къ тому же, оставаясь долго на одномъ мѣстѣ, при одномъ и томъ же очагѣ, онъ оставилъ бы и большее количество различныхъ вещей, какъ-то: осколковъ тѣхъ породъ, изъ которыхъ дѣлалъ свои орудія, необходимыхъ при этомъ точильныхъ камней, а также и костей, словомъ при такомъ очагѣ мы встрѣтили бы остатки всей его незатѣйливой домашней утвари; на основаніи же найденнаго можно только сказать, не рискуя впасть въ большую ошибку,

что бугоръ этотъ былъ мѣстомъ, куда здѣшній аборигенъ заходилъ на короткое время, можетъ быть только на лѣто.

На разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты къ югу отъ только что описаннаго находится другой бугоръ, упомянутый выше подъ названіемъ „Тѣстовскаго“ (по имени владѣльца прилегающихъ пашень). Мѣстные крестьяне рассказываютъ, что въ недавнее, сравнительно, время, бугоръ этотъ былъ значительно больше и что на немъ валялось много полуобгорѣлыхъ человѣческихъ костей, а иногда вѣтромъ выдувало и цѣлые черепа; никто однако не помнитъ, чтобы здѣсь были находимы какія-либо вещи, кромѣ горшечныхъ черепковъ. Въ настоящее время бугоръ представляетъ узкую гряду, длиною около 50 сажень и вышиною около $\frac{1}{2}$ саж. надъ окружающею равниною. Каждый болѣе сильный порывъ вѣтра сноситъ съ его обнаженной поверхности значительное количество песку и настойчиво подтачиваетъ скрѣпленную еще дерномъ южную часть его; съ другой стороны соха земледѣльца, забираясь ежегодно далѣе въ песокъ, перемѣшиваетъ его съ прилежащею плодородною почвою, и такимъ образомъ въ недалекомъ будущемъ отъ бугра не останется и слѣдовъ. Отъ бывшихъ здѣсь когда-то костей остались только очень мелкіе обломки, да и тѣ встрѣчаются очень рѣдко, такъ что при раскопкѣ найдено всего три отличимыхъ кусочка человѣческаго черепа и больше ничего.

Неподалеку отсюда простирается мѣстность, называемая „Братскій лугъ“, гдѣ, по преданію, тоже находилось стойбище бурятъ. Очень быть можетъ, что валявшіяся раньше на бугрѣ обгорѣлыя кости и принадлежали именно этимъ позднѣйшимъ обитателямъ страны, потомки которыхъ, какъ извѣстно, и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сожигаютъ своихъ покойниковъ. Возможно также, что ими былъ сооруженъ и очагъ, открытый на могильномъ бугрѣ?

Этимъ и окончились мои изслѣдованія на лѣвомъ берегу Ангары. На противоположномъ, куда я, пользуясь случаемъ, переправился на маленькой рыбацкой лодкѣ, удалось осмотрѣть только самую незначительную часть берега, прилегающую съ восточной стороны къ пади Муровой. Высокая и крутая стѣна юрскаго песчаника, составляющая на значительномъ протяженіи правый берегъ рѣки, въ этомъ мѣстѣ отдѣлена отъ нея низменною наносною полосою, около $\frac{1}{4}$ версты въ ширину (ср. Чекановскій. Геологич. изслѣд. Иркут. губ., стр. 167). На западной части этого „Побережья“ находится узкое, но длинное озеро, повидимому, остатокъ бывшей протоки, протекающей почти у основанія горы. Обращенный къ югу склонъ горы почти обнаженъ; только кое-гдѣ торчатъ на немъ одинокія сосенки, вѣдрившіеся корнями въ расщелины камня, да изрѣдка мелкій кустарникъ покрываетъ бока глубокихъ бороздъ, тянущихся отъ вершины къ основанію и происшедшихъ, повидимому, отъ дѣйствія періодическихъ водъ; болѣе устойчивыя части песчаника остались не разрушенными и образуютъ по всей длинѣ такой борозды рядъ нависшихъ плитъ, прикрывающихъ небольшія пещеры. Дно такихъ пещеръ засыпано обыкновенно толстымъ слоемъ плитокъ песчаника, отпавшихъ отъ стѣнъ и потолка; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно въ большихъ, замѣтны на стѣнахъ слѣды продолжительнаго дѣйствія огня. Раскапывая ручною лопаткой дно одной такой пещеры, я нашелъ на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. довольно толстый слой древеснаго угля, перемѣшаннаго съ мелкими кусочками пережженаго песчаника — фактъ, доказывающій неоспоримо пребываніе въ ней человѣка, но какого человѣка? Можно, конечно, предполагать, что эти

своеобразные *abris sous roches* и служили убижищемъ чловѣку, погребавшему своихъ покойниковъ на противоположномъ берегу, но это будетъ только предположеніе ¹⁾; для окончательнаго же рѣшенія этого вопроса необходимо самое тщательное изслѣдованіе какъ всѣхъ этихъ углубленій, такъ и прилегающей пади Муровой. Работа эта не входила въ планъ моихъ нынѣшнихъ занятій, поэтому какъ не приготовленный къ ней, я долженъ былъ ограничиться только наружнымъ осмотромъ мѣстности, предоставляя будущимъ изслѣдователямъ сказать послѣднее слово.

Приступая затѣмъ къ описанію добытой мною въ нынѣшнемъ году коллекціи, считаю нужнымъ сказать, что, не имѣя возможности приложить къ настоящему отчету достаточнаго количества рисунковъ найденныхъ вещей, я старался пополнить этотъ недостатокъ возможно точнымъ описаніемъ каждой изъ нихъ.

Коллекція эта, по характеру составляющихъ ее предметовъ, можетъ быть раздѣлена на три отдѣла, а именно: I издѣлія изъ камня, II издѣлія изъ кости и III кости чловѣка и животныхъ.

I. Издѣлія изъ камня.

1) Топоръ изъ нефрита, длиною 250 мм. шир., при обухѣ 140, при остріѣ 180, наибольшая толщина 45 мм. Грубо оббитъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ на одной широкой сторонѣ осталась часть выглаженной естественнымъ путемъ поверхности валуна, отъ котораго онъ отколотъ; обухъ усѣченъ, боковые края заострены посредствомъ болѣе мелкой обивки, остріе округлено, но обивка его видимо еще не окончена и по оставшимся здѣсь бороздкамъ можно даже судить, какимъ образомъ производилъ чловѣкъ эту работу. Подлежащій обработкѣ камень ставился на ребро и на немъ посредствомъ заостреннаго уже орудія выдалбливалась бороздка, идущая въ глубь почти параллельно обиваемой сторонѣ и ближе къ краю ея, и когда она была доведена до извѣстной глубины, боковымъ ударомъ отдѣлялись осколки; рядомъ такихъ послѣдовательныхъ бороздокъ мастеръ придавалъ орудію требуемую форму и сглаживалъ всѣ большія неровности, а затѣмъ уже посредствомъ шлифовки доводилъ отдѣлку до конца. Но не часто, какъ видно, удавалось чловѣку того времени отбивать удачно такіе большіе куски: описанный топоръ есть единственный по своимъ размѣрамъ.

2) Топоръ изъ нефрита, дл. 240, шир. 140, наибольшая толщина, при обухѣ, 34 мм.; разбитъ на двое, что случилось, повидимому, при отдѣлкѣ и даже видно то мѣсто, по которому сдѣланъ роковой ударъ; грубо оббитъ со всѣхъ сторонъ, обухъ косвенно усѣченъ, лезвіе округлено и мелкой обивкой доведено до самой незначительной толщины.

3) Топоръ изъ нефрита, дл. 245, шир. при обухѣ 65, при остріѣ 90, наибольшая толщина, на срединѣ длины, 37 мм.; боковые края оббиты, на одной выпуклой сторонѣ сохранилась часть сглаженной поверхности валуна, на другой—замѣтны слѣды

¹⁾ Сообщение г. Геденштрама (Отрывки о Сибири) о находкѣ нефритовыхъ орудій въ каменоломнѣ близъ Иркутска на глубинѣ 5 саж. отъ поверхности горы, на томъ же правомъ берегу Ангары, можетъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого предположенія.

искусственной шлифовки въ видѣ небольшой поперечной выемки, находящейся почти по срединѣ длины орудія, и произведенной выпуклымъ брускомъ; обухъ и острие округлены.

4) Топоръ изъ нефрита, дл. 225, шир. при обухѣ 60, при остриѣ 85, наибольшая толщина, почти по срединѣ длины, 31 мм.; одна сторона представляетъ поверхность, сглаженную естественнымъ путемъ, другая, а также боковые края и обухъ очень не удачно оббиты. Можно думать, что первобытный человекъ, еще въ періодъ тесаныхъ орудій, отбивши случайно отъ валуна осколокъ съ одною уже полированной стороной и замѣтивъ большую его пригодность къ дѣлу, сталъ впоследствии утилизировать сглаженную поверхность валуна и вмѣстѣ съ тѣмъ искать способа гладить свои орудія и научился такимъ путемъ шлифовать ихъ.

5) Топоръ изъ нефрита, дл. 190, шир. при обухѣ 45, при остриѣ 75, наибольшая толщина, ближе къ острию, 22 мм.; оббитъ со всѣхъ сторонъ, края округлены посредствомъ мелкой обивки, оба конца округлены такъ, что орудіе получило удлиненно-яйцевидную форму; на одномъ боковомъ краѣ, ближе къ обуху, сдѣлана небольшая выемка, какъ кажется не случайно, а съ цѣлью дать орудію большую устойчивость при прикрѣпленіи его къ рукояткѣ, при чемъ необходимо однако замѣтить, что такія выемки встрѣчаются весьма рѣдко и что, слѣдовательно, здѣшній аборигенъ, прикрѣпляя орудія, умѣлъ обходиться и безъ нихъ.

6) Топоръ изъ нефрита, дл. 155, шир. 60—35, наибольшая толщина, почти по срединѣ, 19 мм.; только при остриѣ отшлифованъ съ обѣихъ сторонъ; боковые края заострены, особенно одинъ изъ нихъ оббитъ очень тщательно по всей длинѣ; оба конца округлены.

Всѣ описанные выше экземпляры слѣдуетъ, кажется, считать слегка подготовленнымъ только матеріаломъ, а не орудіями, бывшими уже въ употребленіи, ибо нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы человекъ, умѣвшій такъ хорошо обрабатывать нефритъ, на ряду съ изящно шлифованными, употреблялъ и грубо-оббитыя орудія изъ того же матеріала.

7) Топоръ изъ нефрита, дл. 250, шир. 80—50, наибольшая толщина 25 м.; отшлифованъ только въ нижней части, къ острию, верхняя же, а равно и боковые края оббиты, оба конца слегка округлены; выщербленное лезвіе доказываетъ, что орудіе было уже въ употребленіи.

8) Топоръ изъ нефрита, дл. 178, шир. 53—34, наибольшая толщина, ближе къ острию, 19 мм., хорошо отшлифованъ только съ одной выпуклой стороны, съ другой только нижняя часть; края оббиты; лезвіе обломано; обухъ тонкій, округленный.

9) Топоръ изъ нефрита, дл. 130, шир. 54—30, толщ. 18 мм.; одна, слегка выпуклая сторона, а также и боковые края тщательно отполированы, другая—плоская, хорошо выглажена только при остриѣ, остальная ея часть осталась шероховатою и осталась она такою, какъ кажется, не случайно, а по волѣ мастера. Орудіе это, которому едва ли приличествуетъ выше данное названіе, употреблялось, по всей вѣроятности, безъ рукоятки и то такимъ образомъ, что выпуклая, гладкая сторона прилежала къ ладони, концы же пальцевъ, упираясь въ шероховатую поверхность другой стороны, не позволяли орудію скользить въ рукѣ. Держа такимъ образомъ этотъ клинъ, у котораго лезвіе слегка округлено и сточено подобно нашей стамезкѣ, можно безъ особаго труда тесать кирпичъ, песчаникъ и проч.

10) Топоръ изъ нефрита, дл. 145, шир. 32—43, толщ. 12 мм.; выпуклая сторона, какъ и у предыдущаго, сглажена лучше плоской, отшлифованной только при остриѣ; одинъ боковой край слегка сглаженъ, другой оббитъ и на немъ ближе къ острию находится неглубокая выемка; лезвіе округлено только къ одному краю и сточено къ одной сторонѣ; обухъ округленъ и почти заостренъ; вообще орудіе выглядитъ неоконченнымъ и, какъ кажется, не было въ употребленіи, на что указываетъ и цѣлая сѣтъ царапинъ, сохранившихся хорошо на полированныхъ мѣстахъ.

11) Топоръ изъ нефрита, удлиненно-яйцевидной формы, дл. 140, шир. 20 — 45, наибольшая толщина, на срединѣ длины, 18 мм.; грубо оббитъ со всѣхъ сторонъ и безъ малѣйшихъ слѣдовъ шлифовки; края слегка заострены.

12) Топоръ изъ нефрита, дл. 132, шир. 10—50, наибольшая толщина, при трехгранно заостренномъ обухѣ, 16 мм.; оббитъ со всѣхъ сторонъ, только нижній край—лезвіе—слегка сглаженъ, но не заостренъ.

13) Топоръ изъ нефрита, дл. 130, шир. 30 — 54, толщ. 18 мм.; слабо отшлифованъ только при остриѣ и то съ одной стороны; другая представляетъ бугристо-неровную поверхность; края плохо заострены посредствомъ мелкой оббивки. Орудіе это вмѣстѣ съ двумя предыдущими слѣдуетъ считать тоже подготовленнымъ только вчернѣ матеріаломъ.

14) Топоръ изъ нефрита, дл. 125, шир. 30 — 46, толщ. 13 мм.; по формѣ и отдѣлкѣ сходенъ съ № 9, только боковые края не такъ гладко отшлифованы; поврежденное лезвіе свидѣтельствуетъ, что орудіе было уже въ употребленіи.

15) Топоръ изъ нефрита, дл. 114, шир. 30—48, толщ. 9 мм.; нижняя часть, къ острию, отшлифована очень хорошо, верхняя, а равно края только слегка сглажены; острие правильно округлено и весьма тщательно заострено; противоположный конецъ тоже округленъ и тонко оббитъ.

16) Топоръ изъ нефрита, дл. 130, шир. 36—57, толщ. 11 мм.; выпуклая сторона отшлифована, хотя на ней и остались еще слѣды оббивки; другая хорошо выглажена только къ острию, остальная часть ея неровно оббита и на ней сохранилась прилипшею часть костяной ложки. Длина этого костяного обломка 90, шир. 31, толщ. около 2 мм.; соединяющій его съ камнемъ цементъ темно-краснаго цвѣта. Лезвіе топора округлено и тонко заострено, противоположный конецъ тупо усѣченъ.

17) Топорикъ изъ нефрита, дл. 95, шир. 35—45, толщ. 9 мм.; обѣ стороны отшлифованы, но кое-гдѣ остались еще слѣды оббивки; лезвіе косвенно усѣчено и рѣжущій край его круто и очень правильно сточенъ къ одной сторонѣ; такая отдѣлка лезвія не встрѣчается болѣе въ моей коллекціи; боковые края и обухъ оббиты.

18) Топоръ изъ нефрита, дл. 90, шир. 37—59, наибольшая толщина, почти на срединѣ длины и ширины 16 мм.; обѣ стороны слегка выпуклы и тщательно отполированы только на нижней части; лезвіе округлено и сточено къ одной сторонѣ; края и обухъ обиты.

19) Топоръ изъ нефрита, дл. 95, шир. 35—45, толщ. 8 мм.; сдѣланъ изъ плохо обитаго осколка, при шлифовкѣ сглажены только бугорки и глубокія впадины остались на обѣихъ сторонахъ; края тоже слегка только обтерты; лезвіе округлено и къ срединѣ выщерблено, рѣжущій край его сточенъ, какъ у предыдущаго.

20) Топоръ изъ нефрита, дл. 96, шир. 20—38, толщ. 7 мм., при остриѣ отшли-

фованъ съ обѣихъ сторонъ, остальная поверхность шероховата; боковые края заострены посредствомъ оббивки, лезвіе какъ у № 18, обухъ усѣченъ.

21) Топоръ изъ нефрита, дл. 98, шир. 24—49, толщ. 12 мм.; такая значительная разница въ ширинѣ концевъ произошла отъ разрушенія верхняго изъ нихъ, впоследствии слѣдовавшаго, повидимому, въ могилѣ; лезвіе округлено и сточено къ одной сторонѣ; отшлифованъ съ обѣихъ сторонъ.

22) Топоръ изъ блѣдно-зеленаго нефрита, дл. 88, шир. 22 — 42, толщ. 11 мм.; одна, слегка выпуклая, сторона и обухъ отлично отшлифованы, другая — только въ нижней части, верхняя же ея часть и края едва сглажены; лезвіе слабо округлено и тонко сточено къ одной сторонѣ. Единственный экземпляръ изъ нефрита такого цвѣта.

23) Топоръ изъ нефрита, дл. 110, шир. 25—38, толщ. 16 мм.; на одной сторонѣ выглаженъ хорошо, на другой—едва замѣтны слѣды сглаживанія; края не ровно оббиты, остріе не отдѣлано.

24) Топоръ изъ нефрита; дл. 80, шир. 18—38, толщ. 12 мм.; подобно предыдущему оббитъ и только рѣзущій край заостренъ посредствомъ шлифовки; обломанное лезвіе доказываетъ, что орудіе было уже въ употребленіи.

25) Топоръ изъ нефрита, дл. 85, шир. 25 — 38, толщ. 10 мм.; удлиненно-яйцевидной формы, грубо оббитъ со всѣхъ сторонъ, только лезвіе отшлифовано.

26) Топоръ изъ яшмы, дл. 117, шир. 36—45, толщ. 14 мм.; обѣ стороны хорошо отшлифованы, боковые края и обухъ оббиты, лезвіе округлено и сточено къ одной сторонѣ. Цвѣтъ яшмы пепельно-сѣрый, съ тонкими, черноватыми, извилистыми жилками.

27) Обломокъ шлифованнаго топора изъ нефрита, дл. 60, шир. 30, толщ. 9 мм.; найденъ на прибрежномъ бугрѣ, находящемся неподалеку отъ могильнаго (см. выше).

28) Круглая плитка изъ нефрита, діаметръ 72 — 75, толщ. 10 мм.; край тщательно оббитъ, обѣ стороны плоски и ровны, но не шлифованы.

29) Такая же плитка съ одной выпуклой и полированной, но кажется естественнымъ путемъ, стороной; оббивка края не окончена; діаметръ 70 — 78, толщ. 17 мм.

Трудно рѣшить, какое назначеніе имѣли эти плитки; послѣдняя изъ нихъ найдена при костякѣ вмѣстѣ съ кусками красной охры (см. выше); не служили ли онѣ для растиранія этой краски?

30) Орудіе изъ сѣрой, полосатой яшмы (табл. XXXVIII, рис. 3 а, в, с), родъ ножа или скребка; одна, слегка вогнутая и совершенно гладкая его сторона доказываетъ, что оно отбито отъ ядра однимъ ударомъ, на другой выпуклой сторонѣ явственно видно продольное ребро, идущее ближе къ тупому краю; оба конца и одинъ край заострены посредствомъ весьма мелкой оббивки, изъ чего можно заключить, что орудіе могло служить для рѣзанія и сверленія; длина 145, шир. 25 — 28, толщ. 10 мм. Орудіе это имѣетъ поразительное сходство съ найденнымъ г. Поляковымъ въ долинѣ р. Дона и изображеннымъ въ его отчетѣ на табл. III, рис. 21. (Записки Императ. Акад. Наукъ, т. XXXVII, 1880 г.).

31) Ножъ изъ сѣрой яшмы съ отломаннымъ верхнимъ концемъ, дл. 97, шир. 18, толщ. 3 мм.; тщательно отшлифованъ; на выпуклой сторонѣ слабо замѣтны два продольныхъ ребра; одинъ край очень тонко заостренъ, другой—тупо—округленъ; нижній конецъ суженъ посредствомъ оббивки, вѣроятно, съ цѣлью приспособить его для посадки на рукоять.

32) Скребокъ (grattoir) изъ яшмы, дл. 60, шир. 27 — 33, толщ. около 5 мм.;

верхній край дугообразно выгнуть, нижній заостренъ посредствомъ мелкой оббивки; стороны не шлифованы.

33) Кривой ножъ изъ нефрита (табл. XXXVIII, рис. 7), дл. 77, шир. 27—30, толщ. около 2 мм.; вогнутый край сточенъ съ одной стороны очень круто, съ другой только слегка, противоположный слабо заостренъ почти равномернымъ стачиваніемъ обѣихъ сторонъ; обѣ стороны прекрасно отшлифованы; просвѣчиваетъ вслѣдствіе незначительной толщины.

34) Ножъ изъ нефрита, формою своею напоминающій ножъ нашего сапожника; дл. 75, шир. 23—31, толщ. около 3 мм.; край, соответствующій тылью сапожничьяго ножа, очень тонко заостренъ посредствомъ стачиванія только одной стороны, другой—заостренъ только къ верхнему концу; нижній конецъ обломанъ и правдоподобно вставлялся въ рукоять, на что указываютъ и хорошо видныя на немъ царапины отъ шлифовки, которыхъ почти не замѣтно на остальной поверхности; разломанъ на двое.

35) Ножъ или скребокъ изъ нефрита, дл. 64, шир. 33, толщ. около 4 мм.; обѣ стороны гладко отшлифованы; выгнутый край полудиска слегка заостренъ и обломанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, противоположный—рѣжущій—тщательно заостренъ, подобно предыдущимъ; верхній конецъ отломанъ.

36) Ножъ изъ нефрита яйцевидной формы, дл. 48, шир. ближе къ основанію 37, толщ. 2 мм.; хорошо отшлифованъ, одинъ край заостренъ подобно предыдущимъ; ясно видимыя царапины только на расширенной части позволяютъ думать, что орудіе вставлялось въ рукоятку.

37) Скребокъ изъ нефрита, дл. 45, шир. 9—14, толщ. 2 мм.; тщательно отполированъ и оба края почти одинаково заострены; концы обломаны.

38) Скребокъ изъ нефрита, съ отломаннымъ верхнимъ концемъ, дл. 36, шир. 16—20, толщ. около 2 мм.; нижній, вогнутый край тонко заостренъ; обѣ стороны гладко отшлифованы.

39) Скребокъ изъ блѣдно-желтоватой яшмы, дл. 40, шир. 8—13 мм.; одна сторона его совершенно гладка, по другой идетъ острое продольное ребро; очень острый рѣжущій край полученъ не отдѣлкою, а ловкимъ ударомъ при откальваніи отъ ядра.

40) Скребокъ изъ яшмы, живо напоминающій крымскіе скребки, найденные г. Мережковскимъ, особенно одинъ изъ нихъ, изображенный въ его отчетѣ на табл. IV, рис. 12 (Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. XVI, в. 2) съ тою только разницею, что описываемый здѣсь имѣетъ почти четырехугольную форму, потому что его верхній, равно-усѣченный и эллиптическій въ разрѣзѣ край почти равенъ по длинѣ нижнему, на которомъ посредствомъ весьма мелкой оббивки произведена правильная, дуговидная выемка съ весьма острымъ рѣжущимъ краемъ. Дл. 20, шир. 9—10 мм.

41) Наконечникъ (стрѣлы?) изъ сѣрой яшмы, треугольной формы, съ отломаннымъ верхнимъ концемъ, дл. 35, шир. при косвенно-усѣченномъ основаніи 20, толщ. около 3 мм.; края заострены при посредствѣ мелкой оббивки, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что при заостреніи противоположныхъ краевъ оббивка производилась не на одной и той же сторонѣ.

42) Наконечникъ стрѣлы или копья изъ нефрита, листовидной формы, дл. 70, наибольшая шир. 30, толщ. около 3 мм.; тщательно отшлифованъ и весьма правильно заостренъ посредствомъ равномернаго стачиванія обѣихъ сторонъ; на ниж-

немъ концѣ одинъ край оббитъ на протяженіи 20 мм., вѣроятно для удобства при укрѣпленіи.

43) Такой же наконечникъ изъ нефрита, по формѣ и отдѣлкѣ сходный съ предыдущимъ, только рукоятка, полученная оббивкою одного края, длиннѣе и уже. Длина 56, шир. 22, толщ. около 5 мм.

44) Наконечникъ изъ нефрита, удлиненно-яйцевидной формы, дл. 50, шир. 24, толщ. 3 мм.; гладко отшлифованъ съ обѣихъ сторонъ; одинъ край и верхній конецъ тонко заострены, другой—и основаніе оббиты.

45) Наконечникъ изъ нефрита эллиптической формы, дл. 32, шир. 21, толщ. около 3 мм.; только на одномъ концѣ края заострены стачиваніемъ обѣихъ сторонъ.

46) Наконечникъ изъ нефрита, удлиненно-яйцевидной формы, дл. 60, шир. 32, толщ. 8 мм.; орудіе не оконченное, съ едва замѣтной шлифовкой и тупо оббитыми краями.

47) Наконечникъ изъ яшмы, треугольной формы, грубо оббитый съ обѣихъ сторонъ и по краямъ; дл. 43, шир. 31, толщ. около 12 мм.

48) Наконечникъ изъ кварцита, оббитый подобно предыдущему, дл. 50, шир. 27, толщ. около 10 мм.

49) Двадцать шесть мелкихъ наконечниковъ стрѣлъ изъ яшмы и кварцита; наибольшій изъ нихъ длиною 56 мм., шириною при округленномъ основаніи 17 мм., толщ. около 3 мм.; наименьшій—дл. 18, шириною при выемчатомъ основаніи 11 мм., толщ. около 2 мм. Всѣ они принадлежать къ разряду орудій оббитыхъ и поражаютъ глазъ тщательностью отдѣлки. На табл. XXXVIII, рис. отъ а до к изображены всѣ видоизмѣненія типичной треугольной формы этихъ наконечниковъ, представляющихъ полнѣйшее сходство съ тѣми, которые были найдены г. Поляковымъ въ окрестностяхъ Тунки. (См. Отчетъ о дѣйствіяхъ Сибирскаго Отд. за 1868 г., стр. 141).

50) Семь пластинокъ яшмы и кварцита; наибольшая изъ нихъ дл. 46, шир. 5—8, толщ. не болѣе 1 мм.; наименьшая дл. 18, шир. 5; нѣкоторыя оббиты съ обѣихъ сторонъ и по краямъ и въ разрѣзѣ эллиптической формы (табл. XXXVII, рис. 3 а); другія имѣютъ одну сторону совершенно гладкую, а на противоположной одно или два продольныхъ ребра и только края оббиты (табл. XXXVII, рис. 3 в); у однихъ заострены оба конца, у другихъ оба усѣчены, или одинъ заостренный, а другой тупой. Условія находенія этихъ пластинокъ дали мнѣ возможность узнать дѣйствительное ихъ назначеніе. Онѣ найдены вмѣстѣ съ истлѣвшею, длинною и плоскою костью, въ краяхъ которой были продѣланы продольныя бороздки до 5 мм. глубиною; въ эти то бороздки и укрѣплялись пластинки съ помощью неизвѣстнаго намъ цемента и составляли, такимъ образомъ, рѣжущій край орудія, подобнаго тому, какое изображено на табл. III, фиг. 4 моего прошлогодняго отчета (см. Изв. В — Сибир. Отд., т. XI, № 3—4) и о которомъ, пользуясь случаемъ, необходимо сказать, что, по сохранившимся на нижнемъ его концѣ слѣдамъ, оно несомнѣнно вставлялось въ рукоятъ. Изъ такихъ же пластинокъ, только большихъ размѣровъ, устраивалъ тогдашній человекъ и свою пилу (см. отчетъ за 1880 г., табл. 3, фиг. 6).

51) Сто шестьдесятъ издѣлій изъ жировика и различныхъ сланцевъ, табл. XXXVII, рис. 1. Наибольшее изъ нихъ представляетъ слѣдующіе размѣры: длина по плоской сторонѣ 151, по выпуклой 161 мм. окружность въ наиболѣе толстомъ мѣстѣ, ближе къ большей головкѣ 62, непосредственно при ушкахъ этой головки 52, при ушкахъ

малой головки 26 мм.; длина большей головки 11, ширина ея при основаніи 23 мм., длина меньшей—8, ширина ея 13 мм. Затѣмъ размѣры этихъ загадочныхъ вещицъ постепенно уменьшаются и наименьшая изъ нихъ имѣетъ въ длину только 15 мм. Всѣ онѣ отшлифованы съ замѣчательною тщательностью и, варьируя въ размѣрахъ до того, что между ними трудно найти двѣ совершенно равныя, съ удивительнымъ постоянствомъ сохраняютъ одну и ту же форму. На поверхности нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно сдѣланныхъ изъ жировика, хорошо видны еще спиральныя царапины, полученныя при шлифовкѣ; поверхность же нѣсколькихъ, выдѣланныхъ изъ глинистаго сланца, сильно разрушена и выглядит бугристо - неровною, что произошло, повидимому, уже въ могилѣ; встрѣчаются между ними также и экземпляры, не получившіе еще окончательной отдѣлки.

Какое значеніе имѣли эти издѣлія? Для какой цѣли здѣшній аборигенъ изготовлялъ ихъ въ такомъ значительномъ количествѣ, что на каждого изъ найденныхъ его покойниковъ приходится среднимъ числомъ болѣе 10 штукъ? — вопросы, на которые я не могу дать рѣшительнаго отвѣта. Производя раскопку въ нынѣшнемъ году, я съ возможно полнымъ вниманіемъ наблюдалъ расположеніе этихъ вещицъ около костяковъ съ цѣлью подмѣтить ихъ назначеніе, но тщетно: сложенные въ беспорядочную кучу при кистяхъ рукъ или при ступняхъ ногъ, или же расположенныя рядомъ на плечевой кости, онѣ не объясняли ничего. Принимая однако во вниманіе самыя незначительныя размѣры многихъ изъ нихъ, а также и то, что всѣ онѣ сдѣланы изъ породы сравнительно мягкихъ, съ болѣею вѣроятностью можно допустить, что *это не орудія въ тѣсномъ смыслѣ слова, а скорѣе предметы украшенія или какіе-нибудь символическіе знаки* ¹⁾. Въ доступной мнѣ литературѣ по части до-исторической археологіи я не встрѣтилъ указаній, чтобы такія издѣлія были находимы гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Восточной Сибири. Въ музеѣ В.—Сибирскаго Отдѣла, уничтоженномъ пожаромъ въ 1879 году, находилось нѣсколько точно такихъ же издѣлій, но мнѣ не удалось найти въ каталогахъ записи, кѣмъ, когда и откуда онѣ были доставлены. Есть однако много основаній предполагать, что онѣ принадлежали къ той „значительной коллекціи каменныхъ орудій“, которую доставилъ въ Отдѣлъ И. С. Поляковъ изъ окрестностей Тунки и въ составъ которой, какъ онъ говоритъ въ своемъ отчетѣ, входили „кромѣ стрѣлъ, также, какъ нужно думать, *символическія изображенія рыбъ*“ ²⁾. Нельзя не согласиться, что издѣлія эти представляютъ нѣкоторое отдаленное сходство съ рыбами. Такимъ образомъ, если предположеніе мое о происхожденіи сказанныхъ издѣлій, бывшихъ въ музеѣ, вѣрно, устанавливается почти несомнѣнная связь между Тункой и р. Китоемъ въ смыслѣ заселенія ихъ однимъ и тѣмъ-же племенемъ въ періодъ каменныхъ орудій.

Въ описаніи предметовъ, бывшихъ на Антропологической выставкѣ въ Москвѣ, въ числѣ каменныхъ орудій изъ окрестностей Иркутска, принадлежащихъ музею Гор-

¹⁾ Профессоръ Гревингъ въ своей статьѣ: „Eine ostibirische Gräberstätte des Steinalters. Dorpat 1882“, которую я имѣлъ честь получить отъ него уже по написаніи настоящаго отчета (Мартъ. 1882 г.), говоритъ объ этихъ издѣліяхъ: „Vielleicht waren es Steine, wie sie von den Tschuktschen an den Enden ihrer, aus langen feinen Riemen bestehenden, beim Vogel, insbesondere Gänsefang gebrauchten Schleudern angebracht werden“. 22 Самые незначительныя размѣры большей части этихъ вещицъ едва ли могутъ служить подтвержденіемъ такого предположенія.

²⁾ Отчетъ Сибир. Отд. за 1868 г.

Группы Тифлисскаго съѣзда.

наго Института, упоминается также „изображеніе налума“¹⁾, но, къ сожалѣнію, тамъ не дано ни подробнаго описанія этой вещи, ни точнаго указанія, гдѣ именно „въ окрестностяхъ Иркутска“ она была найдена.

52) Нѣсколько точильныхъ брусковъ изъ песчаника, менѣе или болѣе призматической формы; одинъ изъ нихъ—наибольшій, дл. 140 мм., имѣетъ почти округленныя ребра и больше стертъ къ одному концу; другой изъ очень мелко-зернистаго песчаника, сѣро-зеленоватаго цвѣта, представляетъ только двѣ сглаженныя стороны и былъ употребляемъ, повидимому, для окончательной отшлифовки издѣлій; остальные весьма незначительныхъ размѣровъ и скорѣе обломки брусковъ.

53) Три нуклеуса, отъ которыхъ отбивались различные скребки и прочія мелкія издѣлія; одинъ изъ нихъ, изъ породы чернаго цвѣта, овальной формы, дл. 87, шир. 60, толщ. 24 мм.; другой изъ яшмы, конической формы, длин. 56, діаметръ кососѣченнаго основанія 17—25 мм.; и послѣдній, имѣющій, форму 4-гранной призмы, дл. 60, шир. 37 и толщ. 15 мм. Относительно перваго есть нѣкоторое сомнѣніе, считать ли его ядромъ или грубо-оббитымъ орудіемъ.

Къ отдѣлу каменныхъ издѣлій отношу я и остатки гончарнаго искусства, а также и тѣ многочисленныя осколки различныхъ породъ, которые были найдены въ могилахъ.

54) Семнадцать небольшихъ кусковъ жировика со слѣдами распиловки и безъ нихъ. Порода эта, какъ можно видѣть изъ настоящей описи, употреблялась только на издѣлія, изображенныя на табл. XXXVII, рис. 2. Отдѣленіе частей отъ этихъ своеобразныхъ ядеръ производилось не посредствомъ удара, а распиловкою, оставшіеся слѣды которой прекрасно демонстрируютъ самый способъ работы. Если пластинка камня была незначительной толщины, не свыше 15 мм., то работающій распиливалъ ее на одной сторонѣ (изображеніе пилы на табл. XXXVIII, фиг. 6, отчетъ 1880 г.) до глубины 5 мм., потомъ дѣлалъ такой же глубины надрѣзъ на противоположной сторонѣ, какъ разъ противъ перваго, и наконецъ, боковымъ ударомъ по отдѣляемой части или же ударомъ сверху по вставленному въ разрѣзъ заостренному орудію, достигалъ цѣли. При большихъ размѣрахъ камня другой надрѣзъ производился не на противоположной, а на прилежащей сторонѣ, въ такомъ же приблизительно какъ и первый разстояніи отъ края и, намѣченная такимъ образомъ, часть отдѣлялась заостреннымъ орудіемъ. Дальнѣйшая обработка производилась, по всему вѣроятію, при помощи яшмовыхъ осколковъ, которые даже въ рукахъ неопытнаго человѣка вполне пригодны для роли такихъ скребковъ.

55) Сто двадцать осколковъ разныхъ породъ, преимущественно яшмы, въ числѣ которыхъ находится и нѣсколько мелкихъ обломковъ полированныхъ орудій. Большая часть этихъ осколковъ, изъ которыхъ каждый полученъ однимъ ударомъ, можетъ быть разсматриваема какъ отбросъ или, что вѣроятнѣе, какъ матеріалъ для мелкихъ издѣлій, но нѣкоторые изъ нихъ представляютъ несомнѣнныя доказательства въ пользу того, что они были употребляемы какъ орудія. У многихъ такихъ скребковъ края заострены при помощи весьма мелкой оббивки, у другихъ они притуплены повидимому отъ долгаго употребленія; формы ихъ весьма разнообразны и, благодаря свойству яшмы давать раковистый изломъ, не рѣдко даже причудливы; причемъ преобладаю-

¹⁾ Извѣстія Импер. Общ. Любит. Естествозн. Антроп. и Этногр. Т. XXXV. Часть 2-я в. 1, стр. 19.

щими являются различныя видоизмѣненія диска и призмы; размѣры осколковъ самыя незначительныя.

56) Деяносто небольшихъ кусковъ красной охры съ несомнѣнными слѣдами скабливанія или стиранія на многихъ изъ нихъ. Нахожденіе этой краски при костякахъ въ такомъ значительномъ количествѣ свидѣтельствуетъ о важномъ значеніи ея въ жизни сибирскаго аборигена. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ найденныхъ съ погребенными вещей были окрашены въ красный цвѣтъ именно этою краскою; можно также съ нѣкоторою вѣроятностью допустить, что она употреблялась для окраски одежды и прочей утвари, а можетъ быть, даже и тѣла человѣка, но въ данномъ случаѣ важнѣе всего вопросъ, какимъ путемъ совершилась окраска окружавшей костяки почвы. Обращаясь къ фактамъ, добытымъ раскопкою въ прошломъ и нынѣшнемъ году и относящимся къ настоящему вопросу, мы видимъ: во 1-хъ, что при каждомъ костякѣ песокъ, прилегающій непосредственно къ костямъ, былъ окрашенъ болѣе или менѣе въ красный цвѣтъ; во 2-хъ, что степень окраски не была одинакова при всѣхъ найденныхъ костякахъ и что въ большинствѣ случаевъ она находилась въ прямомъ отношеніи къ количеству лежавшихъ при погребенномъ вещей; въ 3-хъ, что нѣкоторые нетронутые костяки были окружены непрерывнымъ слоемъ равно-окрашеннаго песка, который, достигая нерѣдко значительной толщины, образовалъ надъ ними продолговатое возвышеніе, родъ могильнаго холмика съ весьма правильными склонами, что едва ли было бы возможно, если допустить, что окраска произошла отъ разложившейся окрашенной одежды; въ 4-хъ, что окрашенный песокъ обладалъ замѣтно болѣею плотностью, чѣмъ смежный съ нимъ сѣрый, причемъ цементирующимъ веществомъ была глина, которая, какъ показало изслѣдованіе, въ значительномъ количествѣ входитъ въ составъ красной охры въ кускахъ; наконецъ, въ 5-хъ, что не только костяки, но также найденныя нынѣ сложенными отдѣльно отъ нихъ различныя вещи были заключены въ такой же красный покровъ. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, а также имѣя въ виду химическое изслѣдованіе краснаго песка, произведенное г. Шамаринымъ, я считаю возможнымъ высказать предположеніе, безъ всякаго, впрочемъ, притязанія на его неоспоримость, что какъ тѣла умершихъ, такъ и предназначенныя для нихъ вещи были обсыпаны при погребеніи пескомъ, смѣшаннымъ предварительно съ измельченною красною охрою. Предположивши это, трудно, конечно, съ достовѣрностью сказать, какую цѣль при этомъ преслѣдовалъ человѣкъ, но въ виду того, что подобный обычай сохранился еще у одного изъ нынѣ обитающихъ на сѣверѣ Россіи полудикихъ племенъ, можно думать, что такими же мотивами руководствовался и здѣшній аборигенъ. Г. Бехтеревъ, описывая вѣрованія вотяковъ, населяющихъ нѣкоторыя части Вятской губерніи, между прочимъ, говоритъ: „Такъ первымъ дѣломъ Керемета (олицетвореніе злаго начала) было скрыть глубоко подъ землею находившуюся сначала на поверхности *красную глину*, изъ которыхъ были сотворены первыя пары людей, чтобы исполненіе повелѣнія Инмара (добраго начала) зарывать покойниковъ въ глину встрѣтило множество препятствій и затрудненій. *Согласно съ этимъ вѣрованіемъ*, говоритъ далѣе авторъ, *вотяки всегда хоронятъ своихъ покойниковъ въ красной глины, а если ее нѣтъ близко, то ѣздятъ за ней въ другія глинистыя мѣста* ¹⁾. Весьма возможно, полагаю я, что еслибы пришлось изслѣдовать такія, окрашенныя

1) Вѣстникъ Европы. Сентябрь 1880 г., стр. 153.

привозною глиною, могилы вотяковъ, можно бы встрѣтить въ нихъ такое же неравномерное распредѣленіе красящаго вещества, какое наблюдалось и въ могилахъ, изслѣдованныхъ мною на берегу Ангары и въ обоихъ случаяхъ вѣроятною причиною явленія можно было бы считать неравную степень матеріальнаго благосостоянія при жизни.

Куски красной охры были находимы, на сколько мнѣ извѣстно, многими изслѣдователями въ обиталищахъ неолитическаго человѣка во Франціи, а въ прошломъ году г. Мережковскій встрѣтилъ слѣды ея и въ крымскихъ пещерахъ, служившихъ убѣжищемъ въ болѣе древній періодъ тесаннаго камня, но нигдѣ мнѣ не удалось найти показаній о томъ, чтобы кости до-историческаго человѣка были окружены въ могилахъ краснымъ пескомъ, подобно китойскимъ ³⁾.

57) Двадцать три небольшихъ, продолговатыхъ галечки, изъ которыхъ наибольшая имѣетъ въ длину 35, наименьшая 20 мм.; на поверхности ихъ не замѣтно никакихъ слѣдовъ обработки или употребленія; почти всѣ онѣ имѣютъ одну сторону болѣе или менѣе плоскую, а противоположную ей выпуклую, округленную. Выше было сказано, что онѣ найдены сложенными въ кучу на значительномъ разстояніи отъ костей и были окружены краснымъ пескомъ; значеніе ихъ остается неизвѣстнымъ.

58) Нѣсколько десятковъ горшечныхъ черепковъ, изъ которыхъ удалось возстановить большую часть горшка, изображеннаго на табл. XXXVII, рис. 1. Вышина этого сосуда, отъ середины дна до верхняго края, 210 мм., діаметръ при устьи 130, толщина стѣнокъ около 5 мм.; дно его, какъ показано на рисункѣ, не плоско, а округлено, изъ чего видно, что онъ могъ стоять только зарытый нѣсколько въ землю; въ верхней части онъ слегка перехваченъ; верхній край равной со стѣнками толщины, шероховатъ и оканчивается усѣченно; внутренняя сторона совершенно гладка, наружная сохраняетъ несомнѣнные слѣды тонкой плетенки, въ которой горшокъ былъ вылѣпленъ. Масса рыхлая, легко ломается, издаетъ глухой звукъ; наружный слой красноватаго, внутренній темно-сѣраго, кое-гдѣ даже чернаго цвѣта; содержитъ значительное количество мелкаго песку, изрѣдка виднѣтся слюда. Остальные затѣмъ черепки, найденные какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ году, для удобства, при описаніи ихъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Въ первой, къ которой я отношу черепки въ совершенно гладкой наружной поверхностью, можно отличить остатки, по меньшей мѣрѣ, десяти сосудовъ; какъ по строенію массы, такъ по степени обжига и толщинѣ стѣнокъ (6—3 мм.), обломки эти представляютъ не мало различій, но большая часть изъ нихъ ломается очень легко, издаютъ глухой звукъ, содержатъ много, иногда очень крупнаго, песку; въ изломѣ они цвѣта или чернаго, или красноватаго, а нерѣдко верхній слой краснаго, а внутренній чернаго цвѣта, или на оборотъ. Вторую группу составляютъ черепки, на поверхности которыхъ сохранились или слѣды плетенки, служившей формою для сосуда, или какой-нибудь орнаментъ. Типичные образцы тѣхъ и другихъ изображены на табл. XXXV, фиг. 3 моего прошлагодняго и на табл. XXXVII, рис. 9, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 настоящаго отчета. Незначительные размѣры черепковъ съ орнаментомъ и ихъ малочисленность не даютъ, конечно, возможности составить точное понятіе о излюбленныхъ рисункахъ. какими

³⁾ «Der rothe Eisenoocker findet sich nicht gar selten als aeltestes Schmink oder Tätowirmittel in Gräbern des europäischen Steinalters und beispielweise auch unter den, am Burtnecksee im Rinnehügel angetroffenen Hinterlassenschaften der Urbewohner Livlands». Grewingk. l. c.

украшалъ свои сосуды тогдашній горшечникъ, но и по нимъ можно уже судить, что искусство это стояло у него на низкой ступени развитія и что онъ не шель далѣе самыхъ незатѣйливыхъ комбинацій прямыхъ линий и черточекъ. Но въ развитіи собственно гончарнаго искусства такіе орнаментированные черепки представляютъ несомнѣнный прогрессъ: масса ихъ болѣе плотна и однородна, цвѣтъ излома на всемъ протяженіи одинаковъ—черный (табл. XXXV, фиг. 3 а, б, отчетъ 1880 г.) или красный (табл. XXXV, рис. 3 и 5); издають звонкій звукъ, доказывающій высшую степень обжига; толщина стѣнокъ, различная въ различныхъ сосудахъ (3—6 мм.), была одинакова въ одномъ и томъ же сосудѣ, что не всегда замѣчается на черепкахъ другихъ типовъ. Что касается обломковъ со слѣдами плетенокъ (табл. XXXVII, рис. 9, 4, 6, 7 и 8), то они, по свойствамъ составляющей ихъ массы, не отличаются отъ черепковъ первой группы и между ними также нѣтъ такихъ, которые позволяли бы судить о формѣ сосудовъ, хотя полнѣйшее отсутствіе обломковъ плоскаго дна и даетъ нѣкоторое право предполагать, что всѣ горшки имѣли округленное дно, подобно вышеописанному (табл. XXXVII, рис. 1).

II. Издѣлія изъ кости.

1) Топоръ или долото изъ распиленнаго по длинѣ рога изюбра, длин. 175, шир. по плоской сторонѣ 60—50 мм.; лезвіе сточено болѣе къ одной—выпуклой—сторонѣ и гладко отшлифовано; сохранившіеся слѣды распиловки доказываютъ, что и при обработкѣ кости примѣнялся тотъ же способъ, что при обработкѣ камня, т. е. на противоположныхъ сторонахъ дѣлались надрѣзы, глубиною до 1 сантиметра, а остальное раскалывалось. На выпуклой сторонѣ топора хорошо сохранилась наружная оболочка рога и не замѣтно никакихъ слѣдовъ прикрѣпленія къ рукояткѣ. Единственный экземпляръ такого типа.

2) Колющее орудіе изъ рога козули, дл. 340 мм.; верхній конецъ рога гладко отшлифованъ, мѣста отсѣченія двухъ боковыхъ отростковъ слегка только сглажены; на нижней половинѣ сохранилась отчасти бугорчатая поверхность рога, а также и вѣнчикъ при основаніи его; употреблялось это орудіе, по всей вѣроятности, безъ рукоятки.

3) Колющее орудіе изъ расколотаго по длинѣ рога изюбра, длин. 185 мм.; верхній конецъ слегка изогнутъ и отшлифованъ очень гладко только съ трехъ сторонъ, выпуклая же сторона на всемъ протяженіи сохранила свой естественный видъ.

4) Такое же орудіе изъ рога, дл. 280 мм.; верхній конецъ его, а также и боковые края были, какъ видно, гладко отшлифованы.

5) Такое же орудіе изъ рога, дл. 195 мм.; верхній конецъ заостренъ 4-гранно, нижній усѣченъ и суженъ; плоская сторона сглажена и по краямъ ея идутъ глубокія борозды — слѣды распиловки; на выпуклой обработка видна только на концахъ. Можно полагать, что эти три орудія (3, 4, 5) служили наконечниками копій и, судя по количеству, (въ прошломъ году ихъ найдено 7 штукъ и кромѣ того много обломковъ) занимали къ числѣ орудій не послѣднее мѣсто.

6) Дугообразно-изогнутое орудіе изъ кости, дл. 140, толщ. при основаніи 5 мм.; верхній конецъ плоско заостренъ и округленъ, нижній ровно усѣченъ; обѣ стороны и края тщательно отшлифованы. Формою своею орудіе напоминаетъ тѣ „швайки“.

какія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европейской Россіи употребляются при шиваніи коробовъ изъ луба. Къ этому же типу слѣдуетъ отнести и нѣсколько обломковъ орудій, которые были найдены въ могилахъ.

7) Шило изъ трубчатой кости, длиною 185 мм.; верхній конецъ заостренъ конически, нижній слегка округленъ и представляетъ часть сочленовой впадины кости; тщательно отшлифовано и употреблялось, какъ видно, безъ рукоятки.

8) Плоское шило, длиною 128 мм.; нижній конецъ разрушенъ, отшлифовано хорошо.

9) Шило изъ кости, дл. 96 мм.; верхній конецъ заостренъ конически и весьма гладко отшлифованъ, нижній—долото-образно, посредствомъ равномернаго стачиванія обѣихъ сторонъ, на которыхъ ясно видны косвенныя царапины, несглаженныя быть можетъ, умышленно, съ цѣлью предохранить орудіе отъ выпаденія изъ рукоятки, такъ какъ не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія въ томъ, что этимъ плоскимъ концомъ оно вставлялось въ расщепъ деревяннаго черешка, въ которомъ и укрѣплялось съ помощью чего-нибудь, подобнаго бичевкѣ.

10) Острога изъ кости (табл. XXXVIII, рис. 1) съ четырьмя зубцами на одной только сторонѣ, дл. 185 мм., толщ. 12 мм.; верхній конецъ заостренъ копьевидно, нижній округленъ и на немъ, какъ на зазубренной, такъ и на противоположной—округленной—сторонѣ, расположены другъ противъ друга бугорки съ вѣзанными въ нихъ бороздками, служившими, очевидно, для прикрѣпленія вставленной въ конецъ древка остроги; вся поверхность орудія представляетъ самую тщательную шлифовку.

11) Острога съ тремя зубцами на одной и двумя на противоположной сторонѣ, на которой, на разстояніи 20 мм. отъ нижняго округленнаго конца, находится также и бугорокъ съ просверленнымъ въ немъ отверстіемъ, около 4 мм. въ просвѣтѣ, въ которое протягивалась прикрѣпляющая бичевка, длиною 130, толщ. около 7 мм.

Кромѣ двухъ описанныхъ острогъ сохранилось еще нѣсколько фрагментовъ ихъ, между которыми есть одинъ съ конически заостреннымъ нижнимъ концемъ и съ дырочкой на срединѣ, а не съ боку, какъ у прочихъ (табл. XXXVIII, рис. 4).

12) Ножъ изъ кости, т. е. пластинка, дл. 157, шир. 25 и толщ. около 2 мм.; оба конца округлены, стороны гладко отшлифованы, края разрушены и только кое-гдѣ на нихъ сохранилось сточенное къ одной сторонѣ лезвіе, объясняющее значеніе пластинки.

13) Шесть цѣлыхъ и двадцать обломковъ шильевъ. Размѣры ихъ самые незначительные: наибольшее имѣетъ въ длину 60 мм.; у нѣкоторыхъ одинъ конецъ заостренъ конически, а на другомъ—усѣченномъ—одна сторона сточена плоско; у другихъ одинъ болѣе толстый и широкій конецъ имѣетъ весьма правильную форму ланцета, а другой заостренъ шиловидно (табл. XXXVIII, рис. 6); относительно первыхъ почти съ достовѣрностью можно сказать, что они служили для шитья: заостреннымъ концемъ дѣлался уколъ, а плоскимъ, на которомъ иногда была развилинка (табл. XXXVI, фиг. 5, отчетъ 1880 г.), проводилась въ него нитка; но для какой цѣли употреблялись ланцетовидные экземпляры—остается неизвѣстнымъ.

14) Двѣ костяныхъ иглы съ ушками (табл. XXXVIII, рис. 8 а, b, c), одна изъ нихъ длиною 57 мм., діаметръ наиболѣе толстаго мѣста около 2 мм.; другая—дл. 54 и въ діаметрѣ около 1½ мм.; обѣ отшлифованы съ величайшею заботливостью и въ отношеніи отдѣлки ни въ чемъ не уступаютъ нашимъ стальнымъ игламъ. Судя по про-

свѣту ушка, толщина нитокъ или чего-нибудь подобнаго имъ не превосходила $\frac{1}{2}$ мм. Найдены эти иглы, какъ сказано выше (4 костякъ), въ костяномъ футлярѣ, благодаря которому онѣ и сохранились такъ хорошо. Самый футляръ весьма незатѣйливъ— это кусочекъ трубчатой кости, одинъ конецъ которой обломанъ, а другой слегка округленъ посредствомъ стирания наружнаго края стѣнки; на этомъ же концѣ находится и зародышъ нѣкотораго орнамента въ видѣ двухъ ломанныхъ линий, проведенныхъ параллельно другъ другу и перпендикулярно къ оси кости. Разсматривая груды костяныхъ обломковъ, собранныхъ при раскопкѣ въ прошломъ году, я нашелъ фрагментъ такого же футляра съ прилипшею къ его вогнутой сторонѣ иглою, верхній конецъ которой отломанъ, но на нижнемъ отлично сохранилось ушко съ еще меньшимъ просвѣтомъ.

15) Два стержня изъ когтей хищныхъ животныхъ; одинъ изъ нихъ, длиною по выпуклой сторонѣ 87 мм., имѣетъ на вогнутой сторонѣ 3 зубца (табл. XXXVIII, рис. 5), выпиленныхъ очень искусно ближе къ верхнему, очень острому концу и по три бороздки при основаніи на каждой изъ двухъ упомянутыхъ сторонъ: другой, длиною 77 мм., снабженъ четырьмя зубцами, размѣщенными почти на срединѣ вогнутой же стороны и только одною бороздкою при основаніи; оба очень хорошо выглажены. Можно бы полагать не безъ нѣкотораго, впрочемъ, сомнѣнія, что издѣлія эти служили удочками для ловли рыбы.

16) Шесть стержней изъ когтей мелкихъ животныхъ, съ явственными слѣдами обработки (табл. XXXVIII, рис. 2 а, b, c, d). Ничтожные размѣры многихъ изъ нихъ (13 мм.) позволяютъ думать, что крючки эти служили не орудіями, а символическими знаками, какими, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, „люди природы увѣщиваютъ себя охотно“.

17) Три цѣлыхъ и нѣсколько обломковъ украшеній изъ расколотыхъ по длинѣ клыковъ дикаго кабана (табл. XXXV, фиг. 6, отчетъ 1880 г.); длина наибольшаго изъ нихъ 250, ширина при основаніи 27 мм.; на верхнемъ концѣ каждаго одно отверстіе, на нижнемъ два или три; въ отверстія эти вдѣвались, повидимому, шнурки, которые и связывались позади шеи или головы; по сохранившимся слѣдамъ видно, что дырочки прорывались нерѣдко и были замѣняемы новыми; просвѣтъ ихъ отъ 1 до 2 мм.

18) Семь клыковъ изюбра, пять зубовъ жвачнаго животнаго и три когтя (птицы?), служившіе тоже украшеніемъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились цѣлыми просверленные отверстія для нанизыванія, на другихъ—только слѣды ихъ (табл. XXXVI, фиг. 2, отчетъ 1880 г.).

19) Двѣ (разломанныя) лопатки какого-то животнаго, которыя, судя по ихъ отдѣлкѣ (срѣзанъ гребень, слегка округленъ нижній — широкій конецъ, головка тоже обтесана), служили орудіями для рытья, точнѣе для выгребанія разрыхленной земли.

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь костяныхъ издѣлій, при раскопкѣ собрано не мало и обломковъ костей, между которыми попадаются фрагменты орудій, нерѣдко весьма загадочныхъ, но преобладаютъ тонкія трубчатые кости, круглыя или расколотыя на узкія пластинки.

Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать, что названія, данныя мною перечисленнымъ здѣсь каменнымъ и костянымъ издѣліямъ, можетъ быть, далеко не соотвѣтствуютъ правильной научной классификаціи, съ которою я, за неимѣніемъ необходимыхъ литературныхъ источниковъ, не могъ достаточно ознакомиться, но полагаю,

что вышеприведенные точные размеры и возможно подробное описание орудий дадутъ специалистамъ возможность отнести каждое изъ нихъ къ надлежащей группѣ.

III. Кости человѣка и животныхъ.

При описаніи предметовъ краниологическаго отдѣла я долженъ буду ограничиться почти самымъ только перечнемъ ихъ, указывая лишь на тѣ признаки, которые опредѣляются, такъ сказать, взглядомъ. По нѣкоторымъ причинамъ я не могъ произвести всѣхъ необходимыхъ измѣреній найденныхъ костей и потому въ приложенной ниже таблицѣ даны только тѣ размеры 4-хъ череповъ, которые можно было получить съ помощью метрической тесьмы и только нѣкоторые діаметры.

1) Черепъ съ нижнею челюстью. Надпереносье сильно развито, непосредственно надъ нимъ находится небольшая впадинка эллиптической формы, длинный діаметръ которой, около 10 мм., идетъ почти параллельно верхнему краю глазницъ; лобъ отлогій, темянныя кости въ передней своей части куполо-образно вздуты и тутъ же на лѣвой изъ нихъ круглое сквозное отверстіе 4 мм. въ діаметрѣ; всѣ швы явственны; челюсти рѣзко выпячены впередъ, въ каждой изъ нихъ по 16 совершенно здоровыхъ, гладко стертыхъ зубовъ; рѣзцы сидятъ очень косо.

2) Черепъ съ нижнею челюстью. При взглядѣ съ боку, кажется очень короткимъ высокимъ, чѣмъ и отличается рѣзко отъ прочихъ; надпереносье развито слабѣе, чѣмъ у предыдущаго: лобъ низкій, но прямой; черепъ замѣтно расширенъ у темянныхъ бугровъ; затылокъ почти прямой; всѣ швы явственны; въ челюстяхъ по 16 зубовъ, въ нижней одинъ изъ рѣзцовъ сидитъ внутри дуги, образуемой остальными зубами; рѣзцы торчатъ почти прямо.

3) Черепъ безъ основной и лицевыхъ костей съ одной височной чешуей и нижней челюстью. Надпереносье и надбровныя дуги развиты довольно сильно; замѣтно расширенъ въ области темянныхъ бугровъ; затылокъ выдающійся; наименьшая ширина лба 102 мм.; вѣнечный шовъ сросся почти на всемъ протяженіи, темянный только въ передней части; въ нижней челюсти 16 сильно стертыхъ, но вполне здоровыхъ зубовъ.

4) Лобная, съ частью темянныхъ, затылочная и правая височная кости, нижняя челюсть и права половина верхней отъ 1-го костьяка. Надбровныя возвышенія сильно развиты и за ними, по всей ширинѣ лба, равной 95 мм., тянется довольно глубокая впадина, за которою лобная кость снова круто подымается, образуя оригинальную выпуклость; на правой части лобной, ближе къ вѣнечному шву, находится продолговатый бугорокъ — наростъ — около 20 мм. въ длину; швы явственны; въ нижней челюсти сохранилось 11 гладко стертыхъ зубовъ и 4 пустыхъ ячеи; рѣзцы сидятъ почти прямо.

5) Лобная съ частью темянныхъ и затылочная кости и обѣ челюсти 9-го костьяка. Надбровныя дуги слабо развиты; наименьшая ширина лба 100 мм.; замѣтное срастаніе швовъ; сохранившіяся части темянныхъ растрескались и почти выпрямились; толщина стѣнокъ черепа самая незначительная (4—6 мм.).

6) Лобная и большая часть темянныхъ костей, а также нижняя челюсть 7-го костьяка. Надпереносье сильно развито; какъ лобная въ задней своей части, такъ и темянныя крыше-образно возвышены по направленію темяннаго шва; толщина стѣ-

нокъ 5—9 мм.; швы явственны; наименьшій діаметръ лба 102 мм.; въ нижней челюсти 16 зубовъ; рѣзцы сидятъ косо, но нижніе концы ихъ замѣтно загнуты внутрь; коронки зубовъ стерты слабѣе, чѣмъ у предъидущихъ. На правой темянной кости, почти на срединѣ ея длины и ширины, видны двѣ бороздки, направленныя почти перпендикулярно къ темянному шву и происшедшія, вѣроятно, отъ удара острымъ орудіемъ; длина каждой изъ нихъ около 5 мм., глубина и ширина не болѣе $\frac{1}{2}$ мм. Такое же нарушение непрерывности костной ткани замѣчается и на правой височной чешуѣ, гдѣ нѣсколько царапинъ пересекаются подъ различными углами и одна изъ нихъ пронизываетъ кость насквозь. Всѣ эти царапины ограничены болѣе или менѣе острыми краями и прилегающая къ нимъ ткань не представляетъ никакихъ слѣдовъ болѣзненнаго измѣненія, изъ чего слѣдовало бы, кажется, заключить, что пораненіе острымъ орудіемъ произведено или на живомъ человѣкѣ не залого передъ смертью, или на свѣжемъ трупѣ.

7) Заднія части (затылочные кости съ частью темянныхъ) отъ трехъ череповъ и нѣсколько челюстей. На двухъ изъ этихъ череповъ швы совершенно явственны, а на одномъ началось срастаніе темяннаго шва въ задней его части; у двухъ затылочная кость сильно выдается и толщина стѣнокъ самая незначительная, третій съ прямымъ почти затылкомъ отличается большою толщиной костей (около 1 сант.).

8) Лопатки, ключицы, позвонки, половина таза и кости конечностей (безъ голенныхъ), принадлежащія костяку, черепъ котораго описанъ подъ № 1.

9) Полуразрушенныя тазовыя кости отъ двухъ другихъ костяковъ и, наконецъ,

10) Тридцать восемь костей конечностей отъ разныхъ костяковъ. Наружный осмотръ этихъ костей позволяетъ замѣтить въ нихъ слѣдующія особенности: на нѣкоторыхъ плечевыхъ локтевыя впадины прободены; бедренныя кости (почти всѣ) болѣе обыкновеннаго выгнуты наружу и гребни прикрѣпленія мышцъ выражены на нихъ весьма рѣзко; большія берцовыя сплющены и поперечный разрѣзъ нѣкоторыхъ изъ нихъ (по срединѣ длины) не представляетъ той типичной треугольной формы, какая свойственна имъ.

Остатки костей животныхъ (не въ издѣліяхъ), найденные въ могилахъ въ нынѣшнемъ году, очень немногочисленны и если не принимать въ расчетъ тѣ мелкіе обломки, по которымъ невозможно опредѣлить принадлежность остатка, то къ числу опредѣлимыхъ можно отнести всего только четыре нижнія лѣвыя челюсти бобра и нѣсколько крыловыхъ костей птицы.

Для поясненія нижеслѣдующей таблицы необходимо сказать нѣсколько словъ: во 1-хъ, измѣреніе производилось на двухъ черепахъ, найденныхъ въ нынѣшнемъ году и на двухъ прошлогоднихъ, причемъ № 1 на таблицѣ принадлежитъ первому костяку, № 2 шестому изъ прошлогоднихъ, № 3 — пятому и № 4 — одиннадцатому изъ нынѣ добытыхъ; во 2-хъ, черепъ № 2 не симметриченъ, онъ изогнутъ вправо на подобіе турецкаго боба, вслѣдствіе чего правая половина его горизонтальной окружности на 12 мм. короче лѣвой. Такая неправильность произошла, какъ кажется, отъ неравномѣрнаго срастанія вѣчнаго шва; на правой сторонѣ онъ совершенно сросся, на лѣвой хорошо виденъ; въ 3-хъ, за неимѣніемъ инструментовъ, необходимыхъ при краіологическихъ измѣреніяхъ, я долженъ былъ ограничиться только нѣкоторыми главнѣйшими размѣрами, изъ которыхъ криволинейные взяты метрической тесьмой, хорды и небольшіе діаметры обыкновеннымъ циркулемъ съ загнутыми внутрь

концами, а главные диаметры—передне-задний и поперечный — съ помощью акушерскаго циркуля, причеъ не принималось во вниманіе показаніе на шкалѣ, а каждый разъ, посредствомъ той же метрической тесмы, опредѣлялось разстояніе между внутренними краями пуговчатыхъ ножекъ циркуля, которыми (краями) онъ только и прикасался къ черепу; въ 4-хъ, половыя различія череповъ не опредѣлены.

Не смѣю ручаться за безгрѣшность полученныхъ чиселъ, но могу сказать, что онѣ вставлены въ соотвѣтствующія графы послѣ многократной повѣрки.

ТАБЛИЦА ИЗМѢРЕНІЙ.

№	ИЗМѢРЕНІЯ.	ЧЕРЕПА.			
		1.	2.	3.	4.
1	Горизонтальная окружность по линіи наименьшаго діаметра лба	520	519	492	510
2	Продольно-вертикальная окружность отъ корня носа до передняго края затылочнаго отверстія	414	390	384	393
3	Лобная дуга отъ корня носа до вѣчнаго шва.	138	115	122	129
4	Хорда ея	118	104	106,5	112,5
5	Теменная дуга отъ вѣчнаго до ламбдовиднаго шва.	112	105	109	116
6	Хорда ея.	104	100	99,5	105
7	Затылочная дуга отъ ламбдовиднаго шва до передняго края затылочнаго отверстія.	164	170	153	148
8	Хорда ея.	113	120	97,5	102
9	Длина затылочнаго отверстія	33	36	37	36
10	Ширина его	29	30	27	33
11	Поперечно-вертикальная окружность отъ одного задняго скуловаго корешка къ другому (по своду черепа).	298	280	282	317
12	Основаніе черепа отъ передняго края затылочнаго отверстія до корня носа	100	101	93	100
13	Надушной діаметръ между задними корешками скуловыхъ отростковъ.	131	134	129	129
14	Продольный діаметръ отъ надпереносья до наибольшей затылочной точки.	191	183	174	171
15	Поперечникъ наибольшей ширины	137	134	137	149
16	Отношеніе длины къ ширинѣ	71,72	73,22	78,73	87,13
17	Высота черепа отъ передняго края затылочнаго отверстія до высшей точки на сводѣ черепа.	118	—	112	120
18	Наименьшій діаметръ лба	83	90	86	96
19	Разстояніе отъ корня носа до подбородка.	127	—	116	116
20	Разстояніе отъ передняго края затылочнаго отверстія до подбородка.	135	—	130	121
21	Ширина носа или глазничныя промежутковъ	19	20,5	20	21,5
22	Ширина скулъ между об. прос. зygomat. въ мѣстѣ наибольшаго ихъ разстоянія.	139	141	138	140
23	Разстояніе отъ корня носа до челюстной точки.	76,5	76	72	72
24	Разстояніе отъ подносовой до челюстной точки.	18	24,5	19	16

Изъ этой таблицы видно, что:

1) По горизонтальной окружности, которая въ среднемъ равна 508,5 черепа принадлежатъ къ типу среднеголовыхъ, а въ частности 3 мезозема и 1 микроземъ.

2) По полной вертикальной окружности (отъ корня носа чрезъ затылочное отверстие и основаніе черепа), въ среднемъ 493,75, они относятся къ микроземамъ и отдѣльно одинъ мезоземъ и три мезозема.

3) Изъ частей вертикальной окружности самая малая темянная, а наибольшая затылочная. По лобной дугѣ одинъ изъ череповъ мегаземъ, 2 мезозема и 1 микроземъ, въ общемъ (126) мезоземы, по темянной всѣ микроземы, а по затылочной всѣ мегаземы.

4) По величинѣ всей поперечной окружности (поперечная окружность + надушный діаметръ) въ среднемъ 425, всѣ принадлежатъ къ среднимъ, а въ частности 1 мегаземъ и 3 мезозема.

5) По продольному діаметру тоже 1 мегаземъ и 3 мезозема, а въ общемъ (179,75) мезоземы.

6) По поперечному діаметру, въ среднемъ 139,25, всѣ относятся къ средне-широкимъ, а въ частности 1 мегаземъ и 3 мезозема.

7) По высотному діаметру, взятому на трехъ черепахъ и достигающему въ среднемъ только 116,6, всѣ принадлежатъ къ микроземамъ.

8) По *cephalindex*'у распредѣляются такъ: 2 долихоцефала, 1 мезоцефаль и 1 брахицефаль, а въ общемъ (77,7) субдолихоцефалы (безъ черепа № 4—длинноголовые).

9) Высотный указатель, т. е. отношеніе высотнаго діаметра къ продольному, даетъ въ среднемъ для трехъ череповъ 65,43, слѣдовательно, всѣ очень низкіе.

10) По длинѣ основной линіи получается слѣдующій рядъ: 1 микроземъ, 2 мезозема и 1 мегаземъ, въ общемъ (98,5) мезоземы.

11) Отношеніе ширины затылочнаго отверстия къ его длинѣ даетъ въ среднемъ мезоземовъ, а въ частности 1 мегаземъ, 2 мезозема и 1 микроземъ.

12) Основаніе лица, т. е. разстояніе отъ передняго края затылочнаго отверстия до подбородка, очень велико: длина его въ среднемъ 128,6, при разности *maximum* и *minimum* въ 14 мм. Длина лица (отъ корня носа до верхушки подбородка), въ среднемъ 119,6, значительно короче основанія его, такъ что максимумъ длины (127) не достигаетъ средней величины основанія.

13) По отношенію длины лица (отъ корня носа до челюстной точки) къ ширинѣ его (наибольшее разстояніе между об. *proc. zygomatic.*) получаемъ въ среднемъ 53,1, т. е. средне-лицыхъ, съ преобладающею наклонностью къ коротколицести (55, 53,9, 52,2, 51,4).

14) По величинѣ надушнаго діаметра, въ среднемъ 130,75, всѣ мезоземы, очень близкіе къ мегаземамъ, а въ частности 2 мегазема и 2 мезозема; и, наконецъ, что

15) Наименьшій діаметръ лба даетъ въ среднемъ для восьми череповъ 94,87 при разности *maximum* и *minimum* въ 19 мм., т. е. значительную узколобость.

На основаніи перечисленныхъ здѣсь данныхъ можно бы сказать, что племя, обитавшее въ долинѣ р. Китоа въ періодъ каменныхъ орудій, было смѣшанное и что преобладающая его часть имѣла длинный, средне-широкій, весьма низкій и узколобый черепъ, съ сильно развитою затылочною частью, съ почти короткимъ лицомъ и рѣзко выраженнымъ челюстнымъ прогнатизмомъ. Черепъ № 4, какъ по производимому имъ впечатлѣнію, такъ и по полученнымъ размѣрамъ далеко не подходитъ подъ эту крат-

кую характеристику и, по моему мнѣнію, его слѣдуетъ отнести къ иному—короткоголовому типу. Впрочемъ, очень быть можетъ, что и самую характеристику придется впоследствии измѣнить, когда будетъ произведено болѣе точное изслѣдованіе и на большемъ количествѣ череповъ.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что ростъ описываемаго племени не превосходилъ въ общемъ средняго, такъ какъ измѣреніе длины 13 костяковъ дало въ среднемъ 2 арш. 4 верш. и если при этомъ принять во вниманіе, что въ прошломъ году измѣреніе производилось не совсѣмъ правильнымъ способомъ, то приведенное число окажется скорѣе ниже, а не выше дѣйствительнаго.

Что касается прочихъ антропометрическихъ признаковъ, то о нихъ я долженъ умолчать, потому что точное изслѣдованіе многочисленныхъ костей отъ найденныхъ скелетовъ лежитъ внѣ сферы моихъ средствъ.

Такимъ образомъ итогъ фактовъ, добытыхъ двухлѣтнею раскопкою, даетъ уже нѣкоторую возможность намѣтить общіе контуры образа жизни сибирскаго аборигена. Само собою разумѣется, что въ картину эту можно внести пока только весьма немногія детали, да и тѣ въ большинствѣ случаевъ будутъ основаны на предположеніяхъ. Но прежде, чѣмъ коснуться нѣкоторыхъ изъ этихъ подробностей и приступить къ очертанію картины, необходимо ближе познакомиться съ рамками ея, т. е. съ тѣми физическими условіями, среди которыхъ она созидалась. Какъ ни великъ, быть можетъ, промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ человѣка, пользовавшагося каменными и костяными орудіями, но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что промежутокъ этотъ не переходитъ за предѣлы того, что называется геологическою эпохою, и въ этомъ смыслѣ мы смѣло можемъ считать себя современниками сибирскаго каменнаго вѣка или, по меньшей мѣрѣ, послѣдней фазы его развитія—неолитическаго періода. По мнѣнію г. Черскаго, посѣтившаго со мною изслѣдованный бугоръ, конфигурація мѣстности подверглась лишь незначительнымъ измѣненіямъ со времени погребенія въ ней найденныхъ остатковъ (см. Изв. В. — Сиб. Отд. Т. XI, № 3—4, стр. 13); такъ же незначительно измѣнились, по всей всей вѣроятности, и климатическія условія страны. На основаніи этихъ данныхъ, а также имѣя въ виду и другія наблюденія и сохранившіяся преданія, можно съ приблизительной точностью возстановить обликъ, какой могла имѣть мѣстность, когда въ ней обиталъ интересующій насъ человѣкъ. Устье р. Китоя, а можетъ быть, одинъ изъ рукавовъ его, находилось версты на двѣ западнѣе нынѣшняго; прибрежный уваль, гдѣ найдены остатки, былъ расчлененъ протоками Ангары на нѣсколько отдѣльныхъ острововъ; одна изъ такихъ протокъ омывала основаніе могильнаго бугра; все пространство между рѣками, вплоть до синѣющихъ далеко на югъ горъ, было покрыто дремучимъ лѣсомъ, въ чащѣ котораго укрывались многочисленные звѣри и росли въ изобиліи свойственныя климату ягоды; песчаные бугры, любимое мѣстопробываніе человѣка, подъ защитою лѣса имѣли значительно большіе размѣры; обширныя болота, а можетъ быть и озера въ то время, перерѣзывали во многихъ мѣстахъ эту глухую тайгу, давая въ лѣтнее время пріютъ различной водной птицѣ и наполняя воздухъ сыростью, которая, въ свою очередь, содѣйствовала развитію безчисленныхъ роевъ мошекъ и прочихъ насѣкомыхъ, составляющихъ и нынѣ ужасный бичъ во многихъ сырыхъ и гѣсистыхъ мѣстностяхъ Сибири; наконецъ, суровая зима владычествовала надъ странною въ теченіи полугода, налагая на нее обычную печать безжизненности. Такова, прав-

доподобно, была среда, въ которой проводилъ жизнь здѣшній первобытный человѣкъ, обладавшій такими ничтожными средствами для борьбы за существованіе.

Современниками его, какъ можно судить по найденнымъ остаткамъ, были такія же животныя, какія и теперь водятся въ здѣшной странѣ, а именно: изюбрь, кабанъ, козуля, лисица, заяцъ, кажется, лошадь, вѣроятно также медвѣдь и волкъ, и только одинъ бобръ неизвѣстенъ въ настоящее время въ долину Ангары. Можно думать, что количество этихъ звѣрей въ ту эпоху было многимъ больше нынѣшняго и что охотнику не приходилось долго розыскивать ихъ, лишь бы только оружіе его было въ порядкѣ. Нечего и говорить о томъ, что отношеніе человѣка къ нимъ было самое враждебное: условіями жизни онъ былъ поставленъ въ необходимость вести съ ними непрерывную борьбу. Наибольшее число остатковъ принадлежитъ изюбру, кабану и бобру, остальные затѣмъ зайцу, лисицѣ и птицамъ. Что касается прирученныхъ животныхъ, то не сохранилось почти никакихъ слѣдовъ, которые могли бы оправдать предположеніе о существованіи ихъ въ то время, скорѣе всего человѣкъ не умѣлъ еще пользоваться ихъ услугами.

Общезвѣстенъ фактъ, что многіе изъ древнихъ народовъ Азіи придерживались того весьма распространеннаго между дикими племенами религіознаго воззрѣнія, по которому загробная жизнь считается продолженіемъ земной, со всѣми ея нуждами и радостями, а смерть не разрывомъ души съ тѣломъ, а только необходимымъ переходомъ изъ одной жизни въ другую. Въ силу такого вѣрованія, изъ чувства привязанности къ предкамъ, а можетъ быть и страха передъ ними, вполне естественно возникъ обычай снабжать умершихъ всѣми тѣми предметами, которые были имъ необходимы при жизни. Такое же представленіе о смерти и будущей жизни имѣлъ, вѣроятно, и китайскій обитатель: надежда предохранить своихъ умершихъ предковъ отъ лишней заставляла, повидимому, и его складывать въ могилу вещи, съ помощью которыхъ они, перешедшіе въ другой міръ, могли бы на первыхъ порахъ добывать себѣ все необходимое и защищаться отъ врага, а также и украсить себя при встрѣчѣ съ ранѣ отошедшими друзьями и сотоварищами ¹⁾. Наученный житейскимъ опытомъ, онъ зналъ очень хорошо, что отъ долгаго употребленія орудія изнашиваются и дѣлаются негодными, а потому, обладая самъ достаткомъ, могъ приносить и повторныя жертвы изъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, болѣе всего могъ нуждаться уважаемый предокъ. Съ этой точки зрѣнія можно бы объяснить значеніе тѣхъ кучъ различныхъ издѣлій, которыя въ нынѣшнемъ году были найдены отдѣльно отъ костяковъ. Такимъ образомъ, благодаря заботливости дикаря о благосостояніи умершихъ предковъ, мы получили возможность составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе о нѣкоторыхъ главнѣйшихъ чертахъ его земнаго быта.

Употребленіе металловъ было, повидимому, тогда еще совершенно неизвѣстно человѣку, такъ какъ всѣ его орудія выдѣлывались изъ камня и кости и ни въ одной изъ могилъ не найдено слѣдовъ чего-нибудь металлическаго. Выдѣлкою этихъ орудій занимался самъ ихъ обладатель, на мѣстѣ своего жительства, на что указываютъ какъ ядра, такъ и многочисленныя осколки и не вполне еще отдѣланные экземпляры.

¹⁾ In voraussetzung eines zukünftigen Lebens gaben sie dem Verstorbenen Waffen zum Schutz, Werkzeuge zur Beschäftigung, Kleidung und Schmuck zum würdigen Erscheinen und Speisen zur Nahrung mit ins Grab, C. Grewingk b, c.

По способу отдѣлки всё они должны быть отнесены къ такъ-называемому неолитическому періоду, т. е. къ періоду шлифованнаго камня, непосредственному предшественнику бронзоваго или желѣзнаго вѣка. Встрѣчаются между ними, правда, и оббитыя, безъ всякихъ слѣдовъ шлифовки, какъ, напр., яшмовые скребки и наконечники стрѣлъ, но обстоятельство это говоритъ только въ пользу того, что на способъ отдѣлки каменныхъ орудій, во всякомъ случаѣ, имѣло большое вліяніе и свойство матеріала, изъ котораго онѣ дѣлались: на ряду съ шлифованнымъ нефритовымъ скребкомъ могъ быть употребляемъ и яшмовый, полученный однимъ ловкимъ ударомъ, но едва ли наоборотъ. По назначенію, какое, вѣроятно, имѣли орудія, ихъ можно раздѣлить на слѣдующія шесть группъ:

1) *Топоры*. Матеріаломъ для изготовленія орудій этого типа служили нефритъ, яшма и изрѣдка рогъ изюбра; всё онѣ имѣютъ въ общемъ форму клина, то слегка выпуклаго, то почти совершенно плоскаго, нижній конецъ котораго, т. е. остріе всегда шире верхняго и отполированъ съ особенною тщательностью. При постоянствѣ формы размѣры топоровъ весьма различны: наибольшій изъ нихъ имѣетъ въ длину 280 м., наименьшій только 80 м.; неодинакова также и степень шлифовки: меньшіе выглажены безукоризненно со всѣхъ сторонъ, большіе—только при остріѣ. Хотя не сохранилось никакихъ слѣдовъ рукоятокъ, въ которыя были вставляемы эти клинья, но есть основаніе предполагать, что только немногіе изъ нихъ держались при работѣ непосредственно рукою, остальные укрѣплялись, вѣроятно, въ расщепъ куска дерева, при помощи ремней или древесныхъ прутьевъ. Несмотря на высокую степень совершенства, до какой достигъ здѣшній аборигенъ въ умѣніи обрабатывать камень. „важный шагъ въ технику каменнаго вѣка“ не былъ имъ, повидимому, еще сдѣланъ — онъ не умѣлъ еще сверлить камень. Впрочемъ, отсутствіе въ коллекціи просверленныхъ каменныхъ издѣлій обусловлено, быть можетъ, не столько неумѣніемъ мастера, сколько свойствами породы, изъ которой они дѣлались. Обработка нефрита, даже посредствомъ металлическихъ орудій, на столько трудна, что приходится изумляться при самой мысли о томъ, что человѣкъ могъ когда-нибудь съ помощью куска того же нефрита отдѣлать нужную ему часть отъ большой глыбы, придать ей посредствомъ оббивки требуемую форму и, наконецъ, брускомъ изъ песчаника отшлифовать такъ изящно. Для исполненія только этой одной работы необходимо было уже обладать непонятными для насъ терпѣніемъ и ловкостью. Во всей добытой мною (въ два года) коллекціи находится 36 орудій описаннаго типа. Значеніе ихъ въ жизни первобытнаго человѣка очень хорошо выяснено многими изслѣдователями до-исторической старины въ Европѣ. Нужно полагать, что подобную же роль они исполняли и въ жизни азіатскаго аборигена: съ помощью ихъ онъ, вѣроятно, устраивалъ свое жилище, дѣлалъ лодку или что-нибудь эквивалентное ей, добывалъ топливо, рубилъ мясо животныхъ, раскалывалъ ихъ кости, пробивалъ зимою ледъ на рѣкѣ, подготавливалъ вчернѣ матеріалъ для другихъ орудій, словомъ, такой топоръ былъ неразлучнымъ его спутникомъ въ домашнемъ обиходѣ, а въ исключительныхъ случаяхъ могъ служить и орудіемъ для защиты или нападенія.

(2) *Скребки или ножи*. Какъ ни незначительны по своимъ размѣрамъ и не затѣливы по формѣ эти каменные пластинки, но при помощи ихъ дикарь умѣлъ удовлетворять всѣмъ тѣмъ нуждамъ, которыя породили у насъ цѣлый арсеналъ мелкихъ орудій. Ими онъ скоблилъ при выдѣлкѣ кожи животныхъ, ими выкраивалъ платье и

обувь, ими разрѣзали мясо животныхъ, ими гладилъ костяныя и деревянныя издѣлія, изъ нихъ устраивали пилу для распиловки камня и кости, наконецъ, такой каменный ножъ да, можетъ быть, костяная игла съ ланцетовидно-заостреннымъ концомъ составляли и его хирургическій *nécessaire*. Скребки, сдѣланные изъ нефрита, употреблялись, вѣроятно, для болѣе тонкихъ работъ, на что указываетъ ихъ тщательная полировка и тонко-заостренное лезвіе; изъ яшмовыхъ выглажены только немногіе, остальные заострены посредствомъ мелкой оббивки и представляютъ какъ по формѣ, такъ и по способу отдѣлки поразительное сходство съ орудіями этого же типа, найденными въ Крыму (г. Мережковский) и на Дону (г. Поляковъ). Всѣхъ скребокъ имѣется въ коллекціи 19; нѣкоторыя изъ нихъ употреблялись безъ рукоятки, которую замѣняли въ такомъ случаѣ верхній, утолщенный край, другіе, несомнѣнно, вставлялись въ рукоять. Костяные ножи употреблялись, повидимому, очень рѣдко (см. выше отд. костян. изд., № 12).

3) *Оружіе*. По разнообразію формъ группа эта очень бѣдна: каменные наконечники стрѣлъ, размѣры которыхъ варьируютъ въ предѣлахъ отъ 2—7 сантиметровъ, костяные наконечники копій, тоже незначительныхъ размѣровъ—вотъ все вооруженіе, съ какимъ сибирскій дикарь выходилъ на борьбу съ окружающими его дикими звѣрами, а можетъ быть, и съ врагомъ человѣкомъ. Мелкія наконечники стрѣлъ выдѣлывались изъ яшмы и кварцита и принадлежатъ всѣ къ разряду орудій оббитыхъ, безъ малѣйшихъ слѣдовъ шлифовки; отдѣлка нѣкоторыхъ изъ нихъ доведена до такой поразительной тонкости, что трудно вѣрится, чтобы безъ помощи металлическихъ орудій и особыхъ приспособленій можно было достигнуть этого. Стрѣлки, бывшія въ музеѣ Отдѣла, уничтоженномъ пожаромъ, и доставленныя г. Поляковымъ изъ Тунки еще въ 1868 г., представляли во всѣхъ отношеніяхъ полнѣйшую тождественность съ настоящими и едва ли можно ошибиться, сказавши, что владѣльцы тѣхъ и другихъ жили въ одну эпоху и принадлежали къ одному и тому же племени. Каменные наконечники большихъ размѣровъ приготовлялись изъ нефрита; нижній конецъ ихъ нерѣдко суживался посредствомъ оббивки, вѣроятно, для удобства при укрѣпленіи въ древко. Наконечники копій (рогатинъ) выдѣлывались, повидимому, исключительно только изъ рога изюбра.

Какимъ образомъ тогдашній человѣкъ бросалъ свои стрѣлы, съ достовѣрностью сказать трудно. Известно, что нѣкоторыя дикія племена Азіи употребляли для этой цѣли лукъ, другія — своеобразно устроенныя дощечки. Такая дощечка, бывшая въ употребленіи у алеутовъ во времена Крашенинникова, устраивалась слѣдующимъ образомъ: „въ нижней ея части дѣлался родъ рукоятки и дыра, въ которую вставлялся указательный палецъ; въ верхней же части—углубленіе для трехъ пальцевъ и желобокъ, въ который вкладывалась стрѣла, заднимъ концомъ упирающаяся на вставленной косточкѣ, имѣющей видъ гвоздика“. Посредствомъ такого снаряда, длиною въ 2 фута и шириною 2 дюйма, „стрѣлы бросались правою рукою, прямо съ плеча“¹⁾. Возможно, что и китайскій звѣроловъ имѣлъ такую же или подобную ей дощечку для метанія своихъ тяжеловѣсныхъ, снабженныхъ крупными наконечниками стрѣлъ, но легкія, преобладающія по количеству, стрѣлы пускалъ онъ вѣроятно все изъ лука; мелкій наконечникъ маленькой стрѣлы только тогда могъ пробить шкуру животнаго и глубоко вонзиться въ тѣло, если былъ брошенъ съ достаточною силою и быстротою.

¹⁾ Собр. учен. путеш. по Россіи. Опис. Камч. Крашенинниковъ Ч. III. Прибавл. къ гл. XXIII.

Но такъ или иначе бросалъ дикарь свои стрѣлы, не можетъ, кажется, быть сомнѣнія въ томъ, что онѣ составляли главное его оружіе нападенія: въ мирное время, вооруженный ими, онъ преслѣдовалъ и убивалъ какъ мелкаго, такъ и крупнаго звѣря, и только застигнутый въ расплохъ или въ случаѣ нападенія на него раненаго хищника могъ прибѣгать къ помощи рогатины съ костянымъ наконечникомъ; во время войны, съ запасомъ такихъ же стрѣлъ, онъ защищалъ и область своей охоты отъ нападающаго врага. Царапины на одномъ изъ череповъ, о которыхъ сказано выше, даютъ право думать, что ратное дѣло было уже знакомо тогдашнему чешовѣку.

4) *Рыболовные снаряды*. Группа эта состоитъ изъ костяныхъ острогъ съ зубцами на одной только или на двухъ противоположныхъ сторонахъ; и стержней изъ костей животныхъ съ зубцами только на вогнутой сторонѣ. Нижній конецъ каждой остроги такъ или иначе приспособленъ для укрѣпленія въ раструбѣ древка, верхній весьма тщательно заостренъ. Различные размѣры этихъ орудій, снабженныхъ не одинаковымъ числомъ зубцовъ, доказываютъ, что съ помощью ихъ тогдашній рыболовъ промышлялъ какъ мелкую, такъ и крупную рыбу, значительное же количество ихъ, найденное въ могилахъ, говоритъ въ свою очередь въ пользу того, что рыболовство составляло немаловажную статью въ экономіи дикаря. Относительно крючковъ съ зубцами (табл. XXXVIII рис. 5) на вогнутой сторонѣ трудно сказать, какъ они употреблялись въ дѣло, даже самое причисленіе ихъ къ рыболовнымъ снарядамъ, есть не болѣе какъ догадка. Затѣмъ, хотя въ числѣ найденныхъ въ могилахъ предметовъ, кромѣ упомянутыхъ здѣсь, и нѣтъ ни одного, который можно бы смѣло отнести къ отдѣлу рыболовныхъ орудій, но изъ этого, мнѣ кажется, не слѣдуетъ еще заключать, что человекъ того времени не имѣлъ ихъ. Обитая при слияніи двухъ изобилующихъ рыбобою рѣкъ, онъ не могъ не понимать всѣхъ выгодъ рыболовнаго промысла и, вѣроятно, умѣлъ уже устраивать сѣти изъ ремней и другія приспособленія, чтобы, пользуясь благоприятнымъ для улова временемъ, добыть рыбы не только для удовлетворенія насущной потребности, но и про запасъ.

Когда говоришь о рыболовствѣ первобытнаго человека невольно рождается вопросъ, какъ плавалъ онъ по водѣ? Многочисленные находки въ Европѣ доказали неоспоримо, что въ періодъ шлифованнаго камня человекъ умѣлъ уже дѣлать челноки изъ одного древеснаго ствола, при чемъ орудіями ему служили огонь и каменный топоръ. При помощи каменныхъ орудій устраивали свои баты и камчадалы до прихода туда русскихъ казаковъ. Крашенинниковъ говоритъ: „топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также изъ яшмы, на подобіе глины, и привязывались ремнями къ кривымъ топорщикамъ плашмя, каковы у насъ бываютъ тѣсла. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и проч., однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради, говоритъ далѣе упомянутый авторъ, большія лодки и чаши въ такой чести и удивленія бывали, какъ нѣчто сдѣланное изъ дорогаго металла превысокою работою“¹⁾. Что нашъ приангарскій аборигенъ имѣлъ какое-нибудь приспособленіе для плаванія по водѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ могилы его, а можетъ быть и жилище, по всему вѣроятію, были на островѣ; но обладалъ ли онъ уже искусствомъ выдалбливать вышеописаннымъ способомъ чел-

¹⁾ Описаніе Камчатки. Крашенинниковъ. Ч. III, стр. 46.

ноки изъ толстыхъ древесныхъ стволовъ — вопросъ, для разрѣшенія котораго пока не имѣется никакихъ данныхъ. Однако, въ виду трудности работы, можно предположить, что если такіе челноки и дѣлались, то они составляли большую рѣдкость и были достояніемъ немногихъ, а можетъ быть даже общинною собственностью; обыкновеннымъ же снарядомъ для передвиженія по водѣ былъ скорѣе всего простой сплотовъ изъ нѣсколькихъ недлинныхъ древесныхъ стволовъ. Рѣка Ангара и въ настоящее время несетъ не мало какъ цѣлыхъ лѣсинъ, такъ и обломковъ различной длины и толщины, а въ то отдаленное время, когда не истребленные еще по берегамъ лѣса „глядѣлись въ ея воды“, количество такого плавника было несомнѣнно многимъ больше. Стоило только труда вытащить такіе куски на берегъ и, отобравъ подходящія по длинѣ и толщинѣ, связать древесными прутьями. Такіе маленькіе плотики употребляются кое-гдѣ въ Сибири рыбаками и нынѣ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ я встрѣтилъ ихъ на р. Шилгѣ (Забайкал обл.), а нынѣшнимъ лѣтомъ видѣлъ и на озерѣ Байкалѣ.

5) *Иглы и шилья*. Довольно большое количество орудій этого типа, встрѣченное при костякахъ, указываетъ на немаловажную роль ихъ въ жизни человѣка-дикаря. Матеріаломъ для изготовленія ихъ служила, повидимому, только кость ¹⁾ и на тщательность отдѣлки обращалось особое вниманіе — нѣкоторыя украшены даже рисункомъ (см. отчетъ 1880 г., табл. XXXV, фиг. 2). Судя по разнообразію формъ и размѣровъ, спеціализація въ этой группѣ орудій была доведена уже до значительно высокой степени — портной и сапожникъ, какъ видно, для всякаго дѣла имѣли особый инструментъ. Шилья большихъ размѣровъ употреблялись, вѣроятно, при сшиваніи толстыхъ шкуръ большихъ животныхъ, напр., изюбра, медвѣдя; меньшія же шилья и иглы служили для болѣе мягкихъ: бобровыхъ, заячьихъ и т. п. шкуръ.

Наконецъ, къ 6-й группѣ я отношу издѣлія, служившія для удовлетворенія потребностей „высшаго порядка“, т. е. *украшенія*. Наиболее распространеннымъ и любимымъ украшеніемъ, носимымъ на лбу и на шеѣ, были, повидимому, расколотые по длинѣ клыки дикаго кабана: изъ всѣхъ найденныхъ костяковъ только на семи не встрѣчено ихъ. Иногда такіе клыки покрывались красною краскою и одинъ изъ краевъ украшался рядомъ мелкихъ зубчиковъ; слѣды прорванныхъ дырочекъ на концахъ доказываютъ, что эти своеобразныя діадемы налагались не только на умершихъ, но были носимы и живыми. Болѣе рѣдкимъ, можетъ быть только женскимъ украшеніемъ, были браслеты изъ кости, которые, по обычаю того времени, слѣдовало носить не только на запястья, какъ нынѣ, но и на предплечья; незначительные размѣры уцѣлѣвшихъ фрагментовъ не позволяютъ рѣшить, надѣвались ли браслеты поверхъ платья или, непосредственно, на тѣло; на нѣкоторыхъ изъ этихъ обломковъ сохранились образцы орнамента, которымъ человѣкъ охотно украшалъ тогда нѣкоторыя изъ своихъ издѣлій — это рядъ или нѣсколько параллельныхъ рядовъ небольшихъ кружечковъ съ точкою въ центрѣ, изрѣдка только встрѣчается точка, заключенная въ два концентрическихъ круга. Еще болѣе рѣдкимъ и, вѣроятно, весьма цѣннымъ было украшеніе изъ клыковъ изюбра, которые для этой цѣли не подвергались никакой особенной обработкѣ, а только на суженномъ концѣ каждаго просверлива-

¹⁾ Въ описаніи до-историческихъ предметовъ, бывшихъ на Антропологической выставкѣ въ Москвѣ, упоминается, впрочемъ, „игла изъ нефрита“, доставленная изъ Восточной Сибири.

лось небольшое отверстие для нанизывания. Рядъ такихъ нанизанныхъ на нитку бляшекъ, иногда съ примѣсью зубовъ какого-то жвачнаго животнаго, привѣшивался на шею, откуда, спускаясь полукругомъ, почти до полугрудки, образовалъ родъ ожерелья, или же наложенный на голову могъ служить связкою для волосъ. Слѣды прорванныхъ дырочекъ встрѣчаются и здѣсь довольно часто, изъ чего слѣдуетъ заключить, что украшеніе, прежде чѣмъ попасть въ приданое умершему, послужило не мало и живому человѣку. Къ разряду украшеній слѣдуетъ отнести также и рѣзцы бобра, на поверхности которыхъ хорошо сохранилась окраска въ темно-красный цвѣтъ и которые, судя по ихъ положенію при костякѣ (см. отчетъ 1880 г., 4-й кост.), были нашиты на поясъ. Раковины, какъ украшеніе, составляли очень большую рѣдкость.

Для какой цѣли были положены съ умершимъ нижнія челюсти бобра, которыхъ въ прошломъ и нынѣшнемъ году найдено въ могилахъ 5 штукъ, остается пока загадкою; загадочнымъ остается также и дѣйствительное значеніе различныхъ мелкихъ костей и стержней изъ костей, а также и тѣхъ многочисленныхъ издѣлій изъ камня, которыя изображены на табл. XXXVII, рис. 2 настоящаго отчета.

Въ заключеніе обзора орудій до-историческаго человѣка Сибири кстати будетъ сказать нѣсколько словъ и о томъ, откуда могъ онъ получать главнѣйшій матеріалъ для изготовленія ихъ, т. е. нефритъ. Мѣсто нахождения этой породы въ предѣлахъ Иркутской губерніи до сихъ поръ съ точностью еще неизвѣстно. Свѣдѣнія по этому вопросу, собранныя въ доступныхъ мнѣ литературныхъ источникахъ, весьма мало-численны и неопредѣленны. Такъ профессоръ Щуровскій въ своемъ специальномъ рефератѣ „о коллекціи минераловъ, служившихъ для изготовленія каменныхъ орудій“ между прочимъ говоритъ: „Изъ всей Азіи мы знаемъ только одну мѣстность, гдѣ нефритъ встрѣчается въ своемъ естественномъ состояніи и то въ видѣ валуновъ или отдѣльными кусками; мѣстность эта южная часть Иркутской губерніи или точнѣе Забайкальская область ¹⁾“.

Въ описаніи до-историческихъ памятниковъ, бывшихъ на Антропологической выставкѣ въ Москвѣ, составленномъ г. Анучинымъ, о нефритѣ сказано, „что въ естественномъ состояніи онъ находится въ Китаѣ, около Иркутска и на Новой Зеландіи“ ²⁾.

Въ каталогѣ минералогическаго собранія музея Горнаго Института порода эта показана въ Иркутской губерніи *по рр. Бѣлой, Китюю и въ окрестностяхъ дер. Култукъ* ³⁾.

Не многимъ полнѣе указанія и мѣстныхъ изслѣдователей. Въ „каталогѣ минеральной коллекціи“, пожертвованной Сибирскому отдѣлу г. Съдаковымъ и уничтоженной впослѣдствіи пожаромъ, нефритъ, зеленаго цвѣта, показанъ по р. Оноту, впадающей въ р. Оку (?). Далѣе извѣстно, что г. Пермикинъ былъ командированъ Отдѣломъ въ Тункинскій край специально для поисковъ нефрита и что онъ, какъ видно изъ отчета Отдѣла, очень подробно изслѣдовалъ верховья рѣкъ Иркуты, Китюю и Бѣлой ⁴⁾, но мнѣ не удалось нигдѣ найти свѣдѣній о томъ, каковы были результаты поисковъ. Только г. Фитингофъ, изслѣдовавшій въ 1861 г. по порученію Генераль-Губернатора восточной Сибири русло р. Онота (притокъ р. Бѣлой), сообщаетъ,

¹⁾ Изв. Импер. Общ. Любит. Естествозн. Антроп. и Этногр., т. XXXI, стр. 31.

²⁾ Изв. того же Общ., т. XXXV. Ч. 2, в. 1. Примѣчаніе на стр. 19.

³⁾ Краткій катал. минер. собр. музея Горнаго Института, 1871 г., стр. 302.

⁴⁾ Отчетъ Сибир. Отдѣла Импер. Рус. Геогр. Общ. за 1868 г., стр. 256.

что онъ нашелъ этотъ минералъ вкрапленнымъ и желваками въ большихъ валунахъ у горы Харантула, неподалеку отъ р. Барангалтуя, лѣваго притока р. Онота, и что мѣстные крестьяне увѣрили его, что куски почти чистаго нефрита попадаются въ большемъ количествѣ по мѣрѣ приближенія къ вершинѣ р. Онота ¹⁾. Справедливость этого показанія не подтверждена однако никакими позднѣйшими данными.

Въ музей Отдѣла, сгорѣвшемъ въ 1879 г., находилось два валуна нефрита, изъ которыхъ меньшій отъ жару растрескался на мелкія части, другой же, значительныхъ размѣровъ уцѣлѣлъ и перевезенъ въ нынѣшній музей. По собраннымъ мною разспроснымъ свѣдѣніямъ, валуны эти были доставлены въ Отдѣлъ *несомнѣнно* съ долины р. Бѣлой, но откуда именно — неизвѣстно. По разсказамъ какъ мѣстныхъ жителей, такъ и лицъ, посѣщавшихъ эту долину, нефритовые валуны встрѣчаются тамъ не по р. Оноту, какъ сообщалъ г. Фитинговъ, а по р. Урику, гдѣ, какъ говорятъ, попадаетъ въ выносахъ не мало и мелкихъ голышей этого минерала. На сколько справедливы эти послѣднія свѣдѣнія, покажутъ будущія изслѣдованія, но на основаніи всего вышесказаннаго пока достовѣрно только одно, что *нефритъ есть въ Иркутской губерніи и что онъ находится идь-то въ бассейнѣ рѣки Бѣлой* ²⁾.

Что же касается долины р. Китоя, откуда, какъ сказано выше, въ Горномъ Институтѣ имѣются образцы нефрита и откуда удобнѣе всего было бы получать его и дикарю, жившему при устьѣ этой рѣки, то нахожденіе его здѣсь подлежитъ пока еще сомнѣнію. По крайней мѣрѣ, нынѣшніе жители низовья Китайской долины совершенно не знакомы съ такой, какъ они говорятъ, „зеленой породой“; забираясь не рѣдко далеко въ горы, вверхъ по рѣкѣ, они не встрѣчаютъ ее тамъ ни въ залежи, ни въ видѣ валуновъ, ни въ выносахъ рѣки; тѣ же изъ нихъ, которымъ приводилось бывать въ тайгѣ по р. Бѣлой, „видѣли тамъ такую гальку“. Не упоминаютъ также о нефритѣ и тѣ немногіе путешественники (Черскій, Гартунгъ), которымъ доводилось посѣщать малоизслѣдованную Китайскую долину. На основаніи этого, а также принимая во вниманіе сходство (впрочемъ, только наружное) массы, составляющей вышеупомянутый валунъ и куски нефрита, найденные въ могилахъ, я полагаю бы возможнымъ допустить, что, не смотря на дальность разстоянія, мастерская при устьи р. Китоя снабжалась матеріаломъ, принесеннымъ съ долины р. Бѣлой. Предположеніе это, если болѣе точныя данныя не докажутъ его несостоятельности, позволяетъ въ свою очередь думать, что самая добыча главнѣйшаго матеріала для выдѣлки орудій была въ то время для человѣка дѣломъ весьма не легкимъ. Не имѣя его подъ рукою, онъ долженъ былъ идти на поиски за нѣсколько десятковъ или даже сотенъ верстъ по дѣвственной тайгѣ, перерѣзанной болотами и быстротекущими рѣчками. И наконецъ, когда ему удавалось найти желанный валунъ (а онъ пользовался, кажется, только валунами), сколько силы и времени долженъ былъ онъ потратить, чтобы от-

¹⁾ Отчетъ Сибир. Отдѣла за 1868 г., стр. 10.

²⁾ Профессоръ Гревингъ I с. говоритъ: Der Nephrit wurde in Ostibirien bisher nur in Geschieben gefunden. Er scheint über das ganze Baicalgebiet verbreitet zu sein, doch ist am bekanntesten sein vorkommen am Batngol — Gebirge der Sajanischen Alpen, im Flussgebiet der Berlaja (въроятно Belaja), nicht weit von der Mariinsker Graphitgruben».

Гг. Черскій и Гартунгъ, посѣтившіе гору Батуголь, утверждаютъ однако положительно, что тамъ нѣтъ нефрита. Не вспоминаетъ о немъ также и г. Кропоткинъ въ своемъ отчетѣ о поѣздѣ на р. Оку. (Записки Отд.).

бить нужный кусок! Я имѣлъ случай убѣдиться, какъ трудна была эта работа. Чтобы отколотъ небольшой кусочекъ отъ имѣющагося въ музеѣ валуна, мнѣ пришлось сдѣлать нѣсколько десятковъ ударовъ испытаннымъ стальнымъ молоткомъ; отъ каждаго такого удара искры градомъ сыпались во всѣ стороны и отлетала часть молотка, и когда былъ полученъ нужный образчикъ, то и конецъ молотка оказался совершенно обломаннымъ. Поэтому дѣлается вполне понятнымъ, почему дикарь такъ высоко цѣнилъ этотъ матеріалъ, почему онъ обломки старыхъ орудій, даже очень мелкіе осколки нефрита старался обдѣлать въ какое-нибудь орудіе и то не въ такое, которое легко могло затеряться, какъ напр., мелкій наконечникъ стрѣлы, а непременно въ какой-нибудь скребокъ или ножъ.

Въ 60-хъ годахъ Сибирскій Отдѣлъ, какъ видно изъ его отчетовъ, очень интересовался открытіемъ мѣсторожденій нефрита: для этого имъ были снаряжаемы даже спеціальныя командировки; полученные тогда результаты не разрѣшили вопроса и съ тѣхъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, онъ болѣе не возбуждался и стоитъ открытымъ до настоящаго времени. Теперь же, когда находки двухъ послѣднихъ лѣтъ доказали неоспоримо существованіе въ Сибири человѣка, употреблявшаго нефритъ для выдѣлки орудій и когда извѣстно, что и въ европейской Россіи найдено не малое количество такихъ же орудій и то сдѣланныхъ, по слухамъ, именно изъ восточно сибирскаго нефрита, вопросъ этотъ силою обстоятельствъ выдвигается снова на первый планъ; остается только пожелать, чтобы въ списокъ предпріятій Отдѣла онъ былъ поставленъ также и на первую очередь.

Суровость климата страны налагала на человѣка того времени не легкую работу и по части устройства жилища. Лѣто могъ онъ, конечно, проводить и въ шалашѣ, построенномъ на-скоро изъ древесныхъ вѣтвей и коры, но къ зимѣ необходимо было позаботиться и о болѣе тепломъ притонѣ. Юрта изъ шкуръ животныхъ, какую пользуют многія изъ современныхъ намъ бродячихъ племенъ Сибири, была бы весьма пригодна и для тогдашняго звѣролова, но сомнительно, могъ ли онъ, при столь несовершенныхъ орудіяхъ, добывать достаточное количество такихъ шкуръ, изъ которыхъ ему приходилось дѣлать также и свою одежду. Вѣрнѣе будетъ предположить, но за неимѣніемъ точныхъ данныхъ только предположить, что не ставя такого важнаго жизненнаго вопроса въ зависимость отъ слѣпаго случая—удачной или неудачной охоты, — человѣкъ искалъ убѣжища отъ зимнихъ холодовъ въ какомъ-нибудь естественномъ углубленіи, напр., въ пещерѣ, или просто вырывалъ яму въ землѣ, и такъ или иначе приспособлялъ ее для своихъ потребностей. Разбросанные по равнинѣ бугры представляли ему въ этомъ отношеніи большое удобство: образующій ихъ песокъ безъ особеннаго труда можно было выгребать самымъ незатѣйливымъ орудіемъ, напр., лопаткою большаго животнаго (см. выше описъ костяныхъ изд., № 19), или непосредственно руками. Такое свойство почвы не могло быть не замѣчено человѣкомъ природы и мы видѣли, что онъ дѣйствительно пользовался имъ: выбирая мѣсто для погребенія своихъ умершихъ, онъ остановился на такомъ песчаномъ бугрѣ, на такомъ же точно бугрѣ найдены нынѣшнимъ лѣтомъ и нѣкоторые слѣды его стоянки. Впрочемъ, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, одного этого факта предпочтенія не достаточно еще для окончательнаго рѣшенія вопроса, гдѣ и какъ устраивалъ дикарь свое зимнее жильё.

Но каково бы оно ни было, былъ ли это шалашъ, юрта, яма или пещера, во

всякомъ случаѣ, не можно сомнѣваться въ томъ, что въ теченіи долгой сибирской зимы неугасаемое пламя очага согрѣвало и освѣщало его. Въ топливѣ не могло, конечно, быть недостатка, но какимъ образомъ человѣкъ добывалъ въ то время огонь? Въ коллекціи найденныхъ издѣлій нѣтъ такихъ, которыя своимъ устройствомъ намекали бы на то, что онѣ служили для добыванія огня, развѣ только круглыя каменные плитки съ углубленіемъ по срединѣ (см. отчетъ 1880 г. табл. XXXVI, фиг. 11) могли быть какъ-нибудь приспособлены для этой цѣли, но пока не доказано такое ихъ значеніе, вѣроятнѣе будетъ предположить, — особенно имѣя въ виду, что самый образъ жизни тогдашняго звѣролова ставилъ его въ необходимость носить съ собою постоянно огнедобывательный снарядъ, который поѣтому долженъ былъ отличаться легкостью и незначительными размѣрами, — что добываніе огня совершалось посредствомъ того простаго механизма, какой существуетъ у нѣкоторыхъ изъ современныхъ дикарей и какой былъ встрѣченъ Крашенинниковымъ у камчадаловъ, а именно: дощечки изъ сухаго дерева и такой же палочки, отъ которыхъ, если онѣ и были положены въ могилу, не могло, конечно, остаться никакихъ слѣдовъ.

Выше было высказано предположеніе, основанное на отсутствіи въ могилахъ костей домашнихъ животныхъ, что человѣку той отдаленной эпохи скотоводство не было еще знакомо; еще болѣе есть основаній предполагать, что онъ не занимался и культурою какихъ-либо растений. Такимъ образомъ, главными источниками его пропитанія могли быть только охота и рыбная ловля. Мясо дикихъ звѣрей составляло, вѣроятно, преобладающую пищу во время зимы, лѣтомъ же, когда рыболовство представляло болѣе шансовъ на успѣхъ, на обѣденномъ столѣ его чаще появлялась рыба. Сильно стертые коронки зубовъ доказываютъ, что человѣку приходилось жевать и что-то очень твердое; можетъ быть, и онъ, подобно камчадаламъ, разнообразилъ свой обѣдъ „живой и березовой коркой“, смѣшивая ее съ чѣмъ нибудь, или пережевывая одну „для забавы, вмѣсто конфектъ“¹⁾; можетъ быть и ему, въ случаяхъ неудачнаго лова, а такіе случаи были, вѣроятно, не рѣдки, приходилось по-долгу довольствоваться и одною только растительною пищею, которая могла состоять изъ ягодъ, корней и луковицъ различныхъ растений. Хорошее состояніе зубовъ во всѣхъ найденныхъ черепахъ указываетъ въ свою очередь на то, что въ составъ пищи дикаря не входили вещества, разрушительно дѣйствующія на зубную ткань. Извѣстно, что одною изъ причинъ, обуславливающихъ раннюю порчу зубовъ у европейцевъ, считается тѣсное положеніе ихъ другъ возлѣ друга²⁾, но глядя на найденныя мною черепа, приходится усомниться въ справедливости такого мнѣнія: въ нихъ зубы сидятъ не рѣже, чѣмъ у любого европейца, а между тѣмъ испорченныхъ нѣтъ ни одного. Найденныя на буграхъ горшечные черепки не обличаютъ, правда, большаго успѣха въ горшечномъ дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе могутъ служить доказательствомъ, что горшки были уже въ употребленіи, и не только для постановки въ могилу, но и для домашняго обихода, и что, слѣдовательно, дикарь любилъ иногда поѣсть и жидкой пищи, для чего у него имѣлись даже своеобразныя костяныя ложки (см. отчетъ 1880 г., табл. XXXV, фиг. 4).

Но если человѣкъ того времени и пользовался кое-какими растеніями для утоленія своего голода, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что одежда его состояла

1) Крашенинниковъ I. с.

2) Тоцинаръ. Антропол. Перев. Мечникова. 1879, стр. 356.

исключительно изъ продуктовъ животнаго царства. Мѣстность, гдѣ онъ обиталъ, не производитъ и, вѣроятно, не производила и тогда растеній, дающихъ волокно, пригодное для выдѣлки тканей (даже крапива, по рассказамъ мѣстныхъ жителей, развелась здѣсь одновременно съ распашкою земли); поэтому какъ ткацкое ремесло, такъ и произведенія его были, по всей вѣроятности, совершенно неизвѣстны человѣку, въ чемъ могъ насъ убѣдить также и обзоръ его орудій. Въ цитированномъ выше каталогѣ предметовъ, бывшихъ на Антропологической выставкѣ въ Москвѣ, упоминается, правда, „челнокъ изъ нефрита“, доставленный изъ Восточной Сибири, но мнѣ кажется, что если орудіе это и служило для выдѣлки тканей, то, вѣроятно, или въ позднѣйшую эпоху, или въ другомъ какомъ мѣстѣ. Высказывая такое мнѣніе, я основываюсь на томъ фактѣ, что въ добытой мною коллекціи ясно выражено стремленіе тогдашняго человѣка выдѣлывать изъ нефрита только такія орудія, которыя, по своему назначенію, должны были обладать большею устойчивостью и остротою, челнокъ же удобнѣе всего можно было сдѣлать изъ жировика или сланца. И такъ, почти съ достоверностью можно сказать, что шкуры дикихъ животныхъ были единственнымъ матеріаломъ, изъ котораго нашъ неолитическій человѣкъ приготовлялъ свою одежду. Но такъ какъ въ сыромъ видѣ онѣ едва-ли были годны для этой цѣли, то, кромѣ умѣнія добыть, онъ долженъ былъ умѣть также и выдѣлывать ихъ, т. е. придавать имъ необходимую мягкость, а для лѣтней одежды и сбивать съ нихъ шерсть. Найденные въ могилахъ скребки, посредствомъ которыхъ, по мнѣнію ученыхъ археологовъ, совершалась эта работа, свидѣтельствуютъ, что кожевенное дѣло было ему дѣйствительно знакомо. Умѣлъ онъ также и шивать выдѣланныя кожи при помощи костяныхъ иголъ и шильевъ, разнообразіе которыхъ указываетъ на значительный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ. Въмѣсто нитокъ портной и сапожникъ, по всей вѣроятности, употребляли сухожилія животныхъ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, были главнѣйшія потребности до-историческаго человѣка Китайской долины и вѣроятныя средства къ удовлетворенію ихъ.

На основаніи всего вышесказаннаго, образъ жизни этого человѣка можетъ быть охарактеризованъ вкратцѣ такъ: движимый инстинктомъ общежитія и руководимый практическими цѣлями, онъ соединялся уже въ довольно большія общества; мѣсто для поселенія избиралъ по сосѣдству проточныхъ водъ и на одномъ и томъ же мѣстѣ оставался подолгу; не зная металловъ, онъ дѣлалъ всѣ нужныя ему орудія изъ камня и кости и въ обработкѣ этихъ матеріаловъ достигъ значительно высокой степени развитія; знакомо было ему также и горшечное дѣло, хотя на этомъ поприщѣ онъ ставилъ, повидимому, только первые шаги; скотоводство и земледѣліе были ему совершенно неизвѣстны, а потому главными его занятіями была охота за дикимъ звѣремъ и рыболовство; эти два промысла составляли и главный источникъ его пропитанія, вспомошествоваемый, въ нѣкоторой степени, продуктами растительнаго царства; одежду свою какъ зимнюю, такъ и лѣтнюю изготовлялъ онъ исключительно изъ шкуръ тѣхъ же убитыхъ имъ животныхъ, подвергая эти шкуры предварительно обработкѣ; мирныя его занятія нарушались, повидимому, очень рѣдко: чуждый воинственности, онъ не запасался боевымъ оружіемъ и только вызванный нападеніемъ выходилъ на защиту; страсть къ украшенію себя, присущая человѣку, особенно на низкой ступени развитія, играла видную роль и въ жизни нашего дикаря: въ часы досуга онъ или раскалывалъ клыки дикаго кабана, эмальированная поверхность которыхъ про-

изводила на него особенно пріятное впечатлѣніе, и устраивалъ изъ нихъ своеобразныя діадемы, или сверлилъ зубы изюбра, чтобы, нанизавъ ихъ на нитку, украсить свою грудь, или же отшлифовывалъ тонкую костяную пластинку для браслета и вооруженный осколкомъ камня наносилъ на нее незатѣйливый, правда, орнаментъ, но исполненный такъ отчетливо и правильно, что невольно спрашиваешь себя, гдѣ же въ числѣ его орудій циркуль, которымъ наведены эти кружечка, гдѣ ножъ и линейка, при посредствѣ которыхъ вырѣзаны тонкіе параллельные штрихи, какіе можно видѣть на одномъ загадочномъ издѣліи изъ кости (см. отчетъ 1880 г., таб. XXXVI, фиг. 3 в.)? Любилъ онъ также и красный цвѣтъ, въ который охотно окрашивалъ нѣкоторыя изъ своихъ вещей и даже землю, въ которую зарывалъ умершихъ. Случались, быть можетъ, въ его жизни и минуты полнѣйшаго отдыха, когда, благодаря удачной охотѣ, онъ не заботился о насущной пищѣ и окруженный домочадцами и сотоварищами, пировалъ и веселился у своего очага, но такія минуты случались, вѣроятно, не часто, и вся жизнь его была почти непрерывнымъ рядомъ лишеній и тяжелаго труда, вслѣдствіе чего и продолжительность этой жизни рѣдко переходила за предѣлы средняго возраста, какъ можно судить по степени сращенія швовъ на черепахъ. Не ожидалъ онъ лучшей участи и за гробомъ: и тамъ, въ невѣдомомъ мірѣ, воображеніе рисовало ему такую же трудовую жизнь, полную всякихъ невзгодъ, такую же юдоль плача.

На основаніи добытыхъ фактовъ о погребальномъ обычаѣ того времени можно сказать слѣдующее: умершаго клали въ вырытую въ пескѣ яму безъ гроба, непременно въ горизонтальномъ положеніи, лицомъ кверху, съ протянутыми вдоль тѣла руками; голова направлялась строго на СВ или на ЮЗ—различіе, значеніе котораго остается загадочнымъ. Около трупа, или на немъ, располагались въ нѣкоторомъ порядкѣ всѣ тѣ вещи, которыя были человѣку необходимы при жизни, а не рѣдко даже и матеріалъ для выдѣлки орудій; у изголовья ставился иногда горшокъ, можетъ быть съ пищею; все это посыпалось не толстымъ слоемъ песку, смѣшаннаго съ красною охрою, и затѣмъ яма выполнялась уже обыкновеннымъ пескомъ, изъ котораго насыпался, вѣроятно, и могильный холмъ; по сторонамъ этого холма вбивались иногда колья, служившіе, быть можетъ, для привѣщиванія позднѣйшихъ приношеній или просто надгробными памятниками, по которымъ оставшіеся въ живыхъ могли отличать могилу своего предка; слѣды кострищъ и горшечные черепки, встрѣченные въ прикрывающемъ нѣкоторые костяки пескѣ, свидѣтельствуютъ, что забота объ усопшихъ не прекращалась еще съ погребеніемъ ихъ, но что, согласно обычаю, совершались по временамъ и надгробныя жертвоприношенія.

Еще въ 60-хъ годахъ Свенъ Нильсонъ высказалъ мнѣніе, что по устройству и формѣ могилъ и гробницъ человѣка въ данную эпоху можно судить о его жилищѣ. „Гробницы казанскихъ татаръ, говоритъ онъ, вполне напоминаютъ ихъ жилища въ маломъ масштабѣ: тѣ и другія состоятъ изъ бревенчатаго сруба; гробницы кавказскихъ горцевъ похожи на ихъ сакли; гробницы евреевъ, караимовъ въ Иосафатовой долинѣ подобны ихъ домамъ и храмамъ; гробницы крымскихъ грековъ подражаютъ архитектурѣ церквей“¹⁾; гробницы монгуновъ, прибавлю я отъ себя, представляютъ большое сходство съ ихъ домами²⁾. Какое же жилище напоминаетъ намъ только что

¹⁾ Les habitans primitifs de la Scandinavie, 1869.

²⁾ Путешествіе на Амуръ. Р. Маака. Атласъ, таб. 14.

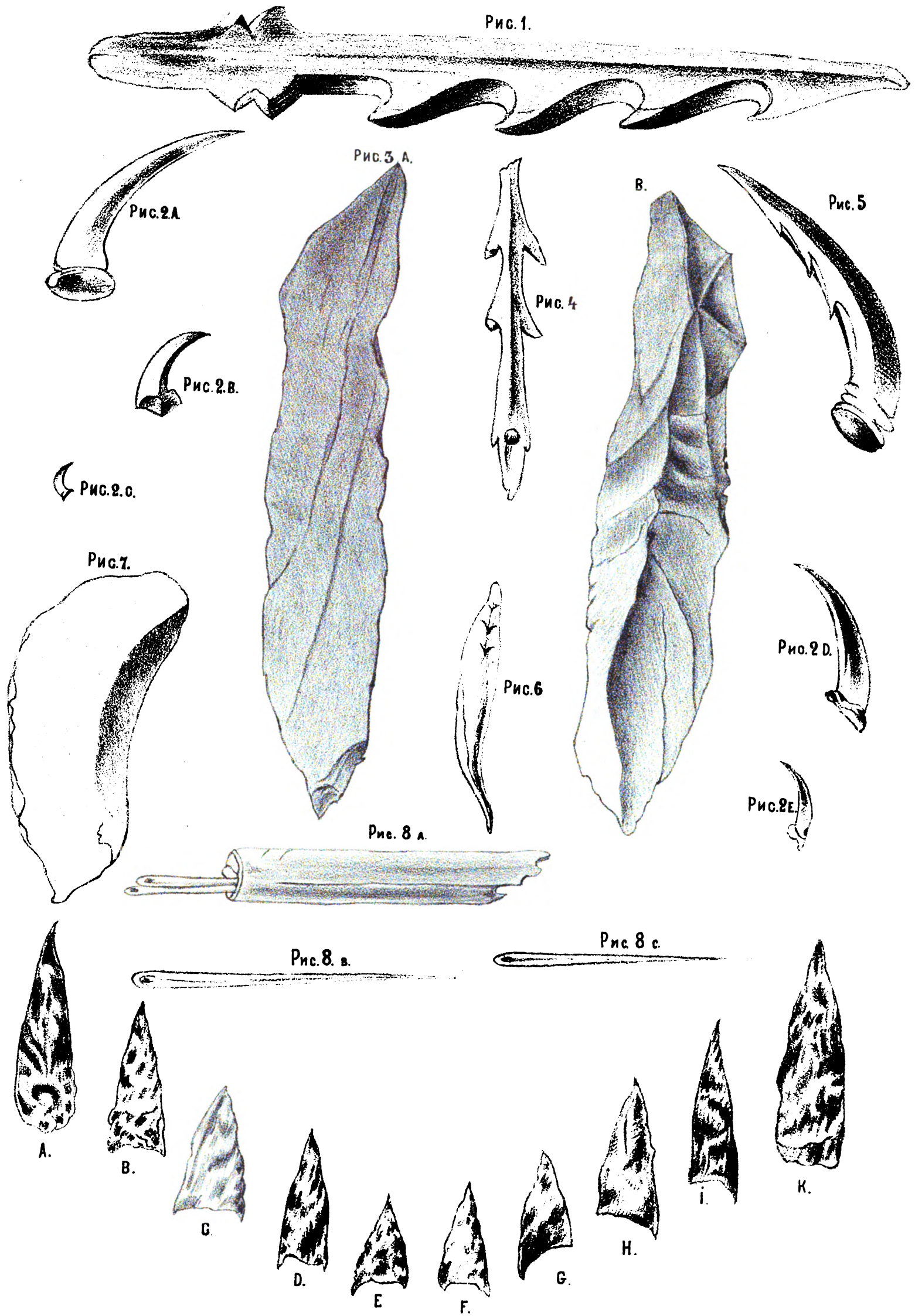
описанная могила сибирскаго аборигена? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ служить только подтвержденіемъ высказаннаго мною выше предположенія.

Въ заключеніе считаю нужнымъ упомянуть вкратцѣ и о другихъ мѣстностяхъ Иркутской губерніи, гдѣ были находимы издѣлія, принадлежащія неолитическому періоду каменнаго вѣка. Число такихъ орудій довольно велико, но только о немногихъ изъ нихъ имѣются точныя указанія, гдѣ именно онѣ были найдены. Находки гг. Пущило, Полякова, Ровинскаго и другихъ доказали неоспоримо, что Тункинскій край въ до-историческую эпоху былъ заселенъ народомъ, не знавшимъ употребленія металловъ. Найденныя тамъ орудія по способу отдѣлки представляютъ такое разительное сходство съ вырытыми мною на берегу Ангары, что принадлежность тѣхъ и другихъ одному племени и одной эпохѣ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Достойно также замѣчанія и то обстоятельство, что и въ Тункѣ эти орудія встрѣчаются только въ такихъ песчаныхъ буграхъ, въ какихъ они погребены и при устьи р. Китой. Затѣмъ другая предѣльная точка поселеній неолитическаго человѣка на сѣверѣ Иркутской губерніи находится уже въ бассейнѣ р. Лены, а именно въ Нижнеилимской водости, откуда въ 1880 году д. ч. Купенковымъ доставленъ въ Отдѣлъ небольшой, тщательно отполированный топорикъ изъ зеленаго нефрита, найденный на глубинѣ $\frac{1}{2}$ аршина, на берегу р. Купы, впадающей въ р. Куту (притокъ Лены). Условія находженія этого орудія позволяютъ думать, что оно не занесено туда случайно, а оставлено на мѣстѣ человѣкомъ, употреблявшимъ его. По характеру отдѣлки оно не представляетъ также никакого рѣзкаго отличія отъ китойскихъ. Еще большее сходство замѣчается въ отдѣлкѣ яшмоваго топорика, который въ настоящее время находится въ музеѣ В. Сибирскаго Отдѣла, съ неопредѣленною надписью: „близь Байкала, на западной сторонѣ, у дороги“. Затѣмъ топоръ изъ свѣтло-зеленаго нефрита, приобретенный въ прошломъ году правителемъ дѣлъ Отдѣла г. Агапитовымъ у одного изъ жителей Кудинской долины, можетъ служить доказательствомъ, что единоплеменники Китойскаго обитателя распространялись и по правымъ притокамъ Ангары. Гдѣ именно „въ окрестностяхъ Иркутска“ найдены каменные орудія, которыя принадлежатъ музею Горнаго Института и были на антропологической выставкѣ въ Москвѣ ¹⁾, мнѣ неизвѣстно. Можетъ, это „тѣ долота, топоры и стрѣлы изъ усада, которые, по сообщенію г. Геденштрома, найдены въ 4-хъ верстахъ отъ Иркутска, въ Верхоленской горѣ, въ каменоломнѣ, въ глубинѣ 5 сажень отъ поверхности горы“ ²⁾.

Такимъ образомъ, мы знаемъ пока только нѣсколько точныхъ пунктовъ въ Иркутской губерніи, гдѣ были находимы остатки неолитическаго періода — это рѣки: Иркутъ, Китой, Купа и, можетъ быть, Куда, но и этого вполне достаточно, чтобы вопросъ о существованіи въ Восточной Сибири человѣка въ эпоху шлифованнаго камня поставить внѣ всякаго сомнѣнія.

¹⁾ Известія Имп. Общ. Люб. Естествозн. Антроп. и Этногр. 1. с.

²⁾ Отрывки о Сибири М. Геденштрома. (Цитиров. въ Изв. Импер. Археолог. Общ. Т. VI, отд. 2, стр. 155).

Нѣсколько свѣдѣній объ Иверскомъ на Аѳонѣ монастырѣ и о бывшихъ насельникахъ онаго Грузинахъ.

Заимствовано изъ сочин. Еписк. Порфирія (Успенскаго).

Надъ нынѣшнимъ Иверскимъ монастыремъ господствуетъ горная высь, которую въ старину называли Аѳо; подъ челомъ этой выси, гдѣ нынѣ расположенъ Иверскій скитъ Іоанна Предтечи, съ незапамятныхъ временъ находился мореходный дозоръ (маякъ). Вотъ на этой дозорной высотѣ первоначально поселились Иверійцы, по нашему грузины, вскорѣ послѣ 787 г., въ царствованіе Константина и Ирины. Небольшой монастырь ихъ тутъ былъ общежительный. Существованіе же его въ такую раннюю пору доказывается слѣдующими письменными памятниками аѳонскими: 1) въ первый годъ царствованія Теофила иконоборца (829) въ Никеи, благочестивая вдова, мать единственнаго сына, пустила образъ Богоматери по водѣ, а сына своего отослала въ Македонію; онъ же изъ Солуни ушелъ на Аѳонъ и здѣсь въ свящ. киновіи Иверской принялъ монашество, жилъ свято и свято почилъ о Господѣ. Отъ него Иверцы узнали, какъ мать его поступила съ оною иконою; 2) игуменъ этой киновіи Іоаннъ (въ 943 г.) подписалъ дѣло о размежеваніи земель.

Въ 965 г. поселился на Аѳонѣ, подлѣ лавры св. Аѳанасія, знаменитый грузинецъ Іоаннъ Ивиръ. Къ нему вскорѣ пришли родной сынъ его, Евѳимій, и извѣстный полководецъ, Торникій, и приняли монашество. Всѣ они трое, и съ ними многіе другіе грузины, жили тамъ до 979, въ который Торникій возвратился на Аѳонъ послѣ пораженія Варды Склира, врага царя Василія Порфиророднаго, и возвратился съ богатою военною добычею. Но такъ какъ въ лаврѣ Аѳанасія и подлѣ нея грузинамъ стало тѣсно, то духовный вождь ихъ, Іоаннъ Ивиръ, задумалъ и рѣшился построить для нихъ особую лавру, на особыхъ правахъ, такъ чтобы она не зависѣла отъ Прота Св. Горы и состояла подъ непосредственнымъ покровительствомъ царей греческихъ. Осуществленію сей думы и рѣшимости его благопріятствовали обстоятельства какъ нельзя лучше. Царь Василій былъ признателенъ къ грузинскимъ аѳоникамъ за услугу, оказанную ему собратомъ ихъ Торникіемъ, и готовъ былъ исполнить благочестивыя желанія ихъ, а часть военной добычи сего Торникія, доставшаяся ему послѣ пораженія Варды

Склира, могла быть употреблена на постройку особой грузинской обители; этими обстоятельствами воспользовался Иоаннъ Ивиръ. Сперва онъ съ родными своими перемѣстился въ древній грузинскій монастырь Аео, въ которомъ настоятельствомъ Павель, и потомъ, въ 980 г., выпросилъ у царя Василія взаменъ 2-хъ грузинскихъ обителей: Иверской—въ Константинополѣ и Св. Фоки въ Трапезунтѣ, монастыри Леонтійскій въ Солунѣ, Иоанна Колову въ Ериссѣ и Климента на Аеонѣ, со всеми ихъ имѣніями и доходами для поддержанія монастыря Аео и для созданія новой Лавры. Но скоро онъ спустился изъ сего нагорнаго монастыря къ берегу моря и тутъ, на мѣстѣ выпрошенной у царя обители Св. Климента началъ строить свою лавру, которая и прозывалась долго Климентовою. Впрочемъ, строителемъ ея былъ не одинъ Иоаннъ Ивиръ и не одинъ доблестный Торникій, а еще какой-то грузинъ Варсвадзѣ.

Въ 985 г. эта лавра, въ небольшихъ размѣрахъ, была готова. Тогда, въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года, другъ Иоанна Ивира, Аеанасій Аеонскій, подарилъ ей хрисовулъ царя Василія, предоставляющій право имѣть мореходное судно. По окончаніи постройки Иверской лавры и по смерти строителя ея Иоанна Ивира (998 г. или 1005), явилась та самая икона, которая пущена была по морю никейскою вдовицею и о которой сообщилъ извѣстіе аеонскимъ грузинамъ сынъ ея назадъ тому сто лѣтъ, пересказавъ имъ примѣты ея, по которымъ можно было бы узнать ее. Это происходило въ первые годы игуменства Евѣимія, сына Иоанна Ивира. Этотъ Евѣимій оказалъ незабвенную услугу грузинской церкви своими переводами церковныхъ книгъ съ греческаго языка на свой родной, а на Аеонѣ въ разныхъ мѣстахъ строилъ храмы, больницы и пріюты для ветхихъ старцевъ и, кромѣ того, успѣшно ходатайствовалъ по дѣламъ святогорскимъ въ Солунѣ и Константинополѣ, гдѣ и умеръ въ 13 день мая 1028 г.—Преп. Евѣимій перевелъ болѣе сорока твореній, много житій св. мучениковъ и угодниковъ Божіихъ. Въ этомъ свящ. трудѣ помощниками ему были подвизавшіеся на Аеонѣ грузины: Василій, сынъ царя Баграта III, Арсеній, епископъ Никопминдскій и іеромонахъ Иоаннъ Грдаелизде, сынъ царя Георгія I, Багратида. Переводы эти съ св. горы и съ богоучрежденной лавры Иверской, „какъ живительные потоки рѣкъ эдемскихъ разлились по всей землѣ Иверской, для всего грузинскаго рода“. По дозволенію царя Василія, прибылъ и другой родичъ ихъ, протоспаеаръ и военачальникъ Греціи Торникій Кондалеонъ въ 1024, и на Кареѣ, у грузинскаго инока Георгія Харзаны, купилъ себѣ монастырекъ, построенный нѣкимъ Димитріемъ Лѣмори, при пособіи Иоанна Ивира и прозываемый Пиеара, и въ немъ принялъ монашескій постригъ и спасался до конца своей жизни. Замѣчательно содружество грузинскихъ царей, князей и вельможъ съ греческими государями, но еще замѣчательнѣе тяготѣніе ихъ къ Аеону и подвижничество на этой горѣ. Тутъ въ Иверской лаврѣ и въ сосѣднихъ съ нею покоищахъ они жили не только для Бога, но и для своего отечества, переписывая церковныя книги для раздачи приходскимъ церквамъ и монастырямъ въ Грузіи.

Преемникомъ преп. Евѣимія былъ племянникъ его, Георгій I-й. Во время игуменства его, царь Михаилъ Пафлагонъ, въ 1034 г., своимъ хрисовуломъ возвратилъ грузинской обители Аео, принадлежавшія ей, но по оплошности сего Георгія, отчисленные въ казну мѣтохи и имѣнія. Этотъ игумень подписался 4-мъ подъ Святогорскимъ уставомъ царя Константина Мономаха въ 1046. Послѣ него въ Иверской лаврѣ настоятельствомъ знаменитый Георгій II-й, Мтацминдели, съ 1051 г. по 30-е іюня

1066 г. Онъ перевелъ съ греческаго языка на грузинскій свящ. писаніе ветхаго и новаго завѣта и много церковныхъ и отеческихъ книгъ и въ Свято-горской лаврѣ своей устроилъ училище для сорока малолѣтковъ изъ грузинъ.

Преемникомъ его былъ Георгій III-й, Олтисели. Онъ скончался въ своей лаврѣ въ 1072 г. Имъ были переведены съ греческаго языка на грузинскій: 1) уставъ обители св. Саввы Освящ. 2) Поученіе св. Максима испов. и 3) Златоструй св. Іоанна Златоустаго. Въ царствованіе Алексѣя Комнина (1081 — 1118 г.) аеонскіе греческіе монастыри запусъли, а Иверская лавра, стрегомая небесною Вратарницею, не запусъбла. Доказательствомъ тому служатъ архивныя дѣписанія ея. Въ 1283 г., царь Андроникъ, хрисовуломъ своимъ утвердилъ за Аеоно-Иверскою обителью, принадлежавшія ей въ разныхъ мѣстахъ имѣнія и въ этой грамотѣ своей назвалъ ее обителью Пречистой Госпожи и Богоматери Вратарницы.

Въ 1285 г. аеонскіе грузины потерпѣли злостраданія отъ латинъ. Но тѣ изъ нихъ, которые успѣли убѣжать отъ сихъ варваровъ, унесли съ собою Иверскую икону Вратарницы, и скоро возвратились съ нею въ свою лавру. Въ 1295 г. они уже спокойно жили въ ней. Тогда составлена была землемѣрная опись ея имѣній. Въ 1306 г. каталонцы опустошили сію обитель, а вскорѣ послѣ нихъ ворвались въ нее сарацины (арабскіе пираты), подплывшіе къ Аеоноу на 16 судахъ, надѣясь найти тутъ богатая сокровища. Монахи, завидѣвъ эту флотилію, укрылись съ Богоматернею иконою въ крѣпкой башнѣ, и тутъ умоляли Вратарницу защитить ихъ. Между тѣмъ, варвары вошли въ соборную церковь и веревками опутавъ мраморныя колонны, поддерживающія куполъ ея, начали тащить ихъ съ мѣста, дабы уронить куполъ, но не могли сдѣлать сего и ушли на суда свои съ добычею. Когда же суда ихъ отчалили отъ аеонскаго берега, тогда разразилась страшная буря. Отъ нея погибла въ пучинѣ вся эта флотилія, кромѣ судна, на которомъ находился главноначальствующій. Онъ это несчастіе призналъ карою Божіею за ограбленіе св. обители и отдалъ ей все, что взялъ, а самъ возвратился во-свои.

Въ 1310 г., царь Михаилъ Комнинъ Палеологъ, хрисовуломъ своимъ утвердилъ за Иверскимъ монастыремъ всѣ имѣнія его, и назвалъ его обителью Богоматери Вратарницы. Такъ названъ онъ и въ дарственной записи Георгія Кондостефана Каламея.

Въ 1346 г., сербскій царь Стефанъ Душанъ Сильный, принялъ подъ свое покровительство Иверскую обитель и въ хрисовулѣ своемъ назвалъ ее обителью Вратарницы. Въ 1350 г. въ сей обители увеличилось число греческихъ монаховъ, такъ, что они начали вытѣснять весьма немногихъ грузинскихъ иноковъ изъ соборнаго храма Успенія Богоматери и отсылать ихъ въ церковь Вратарницы. Эти не соглашались и жаловались на нихъ сперва протамъ Св. горы Арсенію и Феодосію, а потомъ все-селенскому патріарху, Каллисту I, который святительствоваъ съ 1350 г. по 1362. Каллистъ рѣшилъ это дѣло въ пользу греческихъ насельниковъ Иверской обители, предоставивъ имъ Успенскій храмъ въ ней, а грузинамъ церковь Вратарницы, и ввѣрилъ грекамъ управленіе обителью. Это событіе совершилось или въ 1353 г. или немного позже, но до 1362, въ который вселенскимъ владыкою былъ уже Филофей. Съ 1492 г. греческіе монахи постепенно возобновляли, расширяли и обогащали Иверскій монастырь съ помощью царей, князей и бояръ Грузіи, Россіи и Влахомолдавіи, такъ что въ наше время онъ весьма благоустроенъ.

„Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты въ 1845 г.“ и „Чтенія въ обществѣ любителей дух. просвѣщенія“, годъ 17-й, ч. I, А. Н. Муравьевъ въ „Письмахъ съ востока“, упомянувъ въ 8-мъ письмѣ о главныхъ ктиторахъ Иверскаго монастыря, о послѣдующей судьбѣ онаго сообщаетъ слѣдующее:

Въ крестовые походы обитель Иверская много пострадала отъ суровыхъ выходцевъ запада, которые опустошили ее въ 1260 г., разграбили ея святыню и умертвили иноковъ; вѣроятно, это были страшныя дружины каталанцевъ, грабившія все поморье. Преданіе мѣстное гласитъ, что Императоръ Михаилъ Палеологъ, нѣсколько лѣтъ спустя, довершилъ разореніе Ивира за то, что братія православной сей обители не хотѣла подражать лаврѣ Аѳанасіевой и принять унию, которую насильно навязывалъ имъ Палеологъ, вмѣстѣ съ патріархомъ Веккомъ; но этотъ губительный походъ Михаила по всему Аѳону, ознаменованный кровопролитіями, едва ли былъ совершенъ имъ самимъ, потому что лѣтопись о томъ молчитъ. Какъ только начали собираться разбѣянные иноки, жестокое нашествіе турокъ повергло лавру въ окончательное запустѣніе и, при безсиліи имперіи греческой, она уже не могла возстать собственными средствами; такое бѣдственное положеніе продолжалось до 1500 г. Тогда нѣсколько иноковъ святогорскихъ пошли въ землю Иверскую и представили горькую судьбу именитой нѣкогда лавры сильному царю Георгію Свѣтлому, властвовавшему еще до раздѣленія Грузіи на 3 царства. Онъ и его сынъ Кай-Хозрой оказали дѣйствительную помощь, и ихъ даяніемъ воздвигнуты были изъ развалинъ всѣ башни и келіи; западная главная бойница сооружена вновь, новый притворъ пристроенъ былъ къ древнему собору и возобновлены три его падшіе купола. Опять процвѣла лавра Иверская, какъ во дни велик. Евфимія, добродѣтелями пустынныхъ своихъ иноковъ, о чемъ свидѣтельствуемъ раздѣлявшій ихъ подвиги пришлецъ палестинскій Θεодосій, въ 1511 г., занимавшійся также и перепискою церковныхъ книгъ.

Но въ исходѣ XVI столѣтія, отъ нестерпимыхъ притѣсненій турецкаго правительства, лавра впала въ неоплатные долги и пришла бы въ конечное запустѣніе, еслибы братія не прибѣгла снова къ великодушію властителей иверскихъ. Имъ поднесли иноки и ключи монастырскіе въ 1592 г. и Александръ, царь кахетинскій, немедленно пожертвовалъ на уплату долговъ 12 тысячъ червонцевъ, которыми въ теченіе десяти лѣтъ, при благоразумномъ управленіи, были очищены всѣ долги. Окончательное устройство Иверскаго монастыря довершено было въ 1674 г. содѣйствіемъ владѣтельнаго князя Мухранскаго Асетана, изъ рода Багратіоновъ грузинскихъ; тогда росписаны были стѣны собора и трапезы весьма изящною живописью, которая уничтожена теперь, при послѣднемъ обновленіи; уцѣлѣли только портреты Радула и Асетана, въ привратной церкви.

Изъ Грузинскихъ древностей сохранились въ Иверскомъ монастырѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ портретовъ, древніе рукописи и акты.

Самое древнее зданіе въ Ивирѣ есть соборная церковь Успенія Божіей Матери. Она построена еще Іоанномъ Ивиромъ въ мѣсяцы, протекшіе между 980 и 985 г. Но тогда на ней не было купола; его же соорудилъ, на четырехъ мраморныхъ легкихъ колоннахъ, съ 12-ю окнами, игуменъ Георгій Мтацминдели въ 1053 г. или 4 г. „Азъ утвердихъ столпы сіи и неподвижатся: Георгій инокъ Ивиръ“, такъ начерталъ киторъ на хоросѣ собора. Прочія главы безъ оконъ поставлены грузинскими властителями Кай-Хозроемъ и братомъ его Мцедшабукомъ. Ими же пристроенъ къ соборной

церкви нартексъ (1500—1516), а перестроенъ въ 1614 г. Стѣнная живопись внутри Иверскаго собора произведена была грузинскимъ іереемъ Маркомъ не много ранѣе 1610 г. Придѣлы св. Николая и Архангеловъ тоже очень древни, и были росписаны въ 1671 г. Въ алтарѣ за св. трапезою, вверху надъ окнами, написана во весь ростъ Богоматерь, высшая небесъ, съ бѣлымъ платомъ въ правой рукѣ; грузинское лице Ея, продолговатое, дѣвственное, нѣжное, не земное, съ тонкими чертами, съ черными глазами и маленькими устами, весьма благообразно. Это образецъ красоты Иверійской; платокъ же въ рукѣ Ея есть показателъ молитвы слезной. Обычай изображать Богоматерь съ платочкомъ весьма древень. Соборъ пострадалъ отъ неумѣстной ревности нынѣшнихъ епитроповъ, расширившихъ его окна и ярко росписавшихъ стѣны. Одно предверіе еще осталось неприкосновеннымъ, и теперь это самый замѣчательный остатокъ прошедшихъ вѣковъ; своды его росписаны дѣянїями вселенскихъ соборовъ и картинами Апокалипсиса. Образъ Спасителя во весь ростъ, съ Богоматерію и Предтечу, поражаетъ взоры входящаго въ паперть; царственные ктиторы изображены также на стѣнахъ паперти, но утрачены ихъ надписи, и надобно угадывать Велик. Константина, Романа и Теофанію съ сыномъ Василиемъ и воеводу ихъ Торникію. Должно предполагать, что стоящіе по правую руку Константина, въ одеждѣ царской, были грузинскіе властители, Багратъ Куропалать, Георгій Свѣтлый и Александръ Кахетинскій, обновлявшіе лавру; въ Западной стѣнѣ второй внутренней паперти собора находится лучшее сокровище (собора) Лавры мраморная гробница трехъ св. ктиторовъ Іоанна, Евфимія и Георгія. Храмъ во имя св. Іоанна Предтечи, на мѣстѣ Посейдонова капища, построенъ во дни царя Константина велик. первымъ Аѳонскимъ епископомъ Климентомъ, возобновленъ при царѣ Константианѣ Погонатѣ, хранилъ мощи преп. Петра Аѳонскаго въ 734 г. и вошелъ въ составъ Иверской Лавры въ 980 г.

Храмъ Богоматери Вратарницы, съ основаній, построенъ иждивеніемъ благочестивѣйшихъ властителей Ашотана и Стефанія въ 1680 г. при содѣйствіи преп. игумена Соломона, а росписанъ во дни грузинскаго Католикоса Николая. Въ немъ Иверская Икона Богоматери есть та самая, которая по морю приплыла къ Аѳону въ концѣ X в. Умилительна грузинская надпись на исподней ризѣ Иверской Иконы, свидѣтельствующая о древнемъ благочестіи властителей Грузїи, „О, Владычице, Матерь Человѣколюбиваго Бога, всенепорочная Невѣста Марїа! Спаси душу господина моего Куаркуара, сына Кай-Хозроя. Я же рабъ твой благодарю Тебя, что удостоила меня недостойнаго позолотить и украсить св. икону Твою Вратарницу; се приношу тебѣ малый даръ: прїими оный отъ меня грѣшнаго, и въ жизни сей сохрани меня непорочнымъ, и въ день исхода души моей заступи и невидимымъ сотвори рукописаніе грѣховъ моихъ, поставляя и меня грѣшнаго одесную Сына Твоего и Бога“. Кромѣ этой иконы замѣчателенъ большой образъ Богоматери съ Младенцемъ въ притворѣ храма Вратарницы: онъ почитается Чудотворнымъ. Все Святилище Вратарницы росписано въ 1683 г. Живописецъ внутри его изобразилъ властителя Ашотана и сына его Іессея, а въ притворѣ Константинопольскаго патріарха Діонисія, грузинскаго Католикоса Николая и, что всего любопытнѣе, языческихъ мудрецовъ съ заднею мыслию, что греческая философія вела умы къ принятію христіанства, какъ церковный притворъ ведетъ внутрь Христова Святилища!—Надъ притворомъ, гдѣ была келїя преп. Евфимія, возвышается пиргъ, или башня. Надъ входомъ въ братскую трапезу древле

построена была колокольня въ грузинскомъ стилѣ, съ частыми узкими окнами, съуживающаяся къ верху пирамидально. Въ 1848 г., къ сожалѣнію, она была сломана, и съ основаній вновь построена.

Краткое описаніе грузинскихъ рукописей въ Иверскомъ монастырѣ, составленное въ 1836 г. іеромонахомъ Иларіономъ, духовникомъ Соломона II, послѣдняго Имеретинскаго царя упоминаетъ: — Библию, переведенную на грузинскій языкъ преп. Евѣиміемъ (Георгіемъ?); рукопись въ 2-хъ томахъ довольно хорошо сохранена, хотя нѣкоторые листы и порваны. Въ началѣ недостаетъ 3-хъ главъ, а также 4—7 гл. 3-й кн. царствъ и 3-й гл. Притчей и Маккавеевъ.

Св. Василя Велик. толкованіе на псалмы—бесѣды.

Св. Ефрема Сирина молитвы и посланія къ монахамъ пустынникамъ.

Сборникъ, содержащій толкованіе на св. Матвея, св. Іоанна Златоуста въ 3-хъ книгахъ и на св. Іоанна въ одной книгѣ; разныя религіозныя и аскетическія сочиненія—64 статьи.

Мартирологій содержащій 89 житій св. Восточныхъ—грековъ, армянъ и грузинъ и избранныя чтенія изъ жизни святыхъ.—Мартирологій содержащій, 25 житій святыхъ и избран. чтенія. И еще 6 номеровъ сборниковъ съ словами св. отецъ и житіями.

Перечисливъ вышеупомянутыя 12 номеровъ авторъ описанія прибавляетъ что множество грузинскихъ рукописей не рассмотрѣно, потому что онѣ въ худомъ положеніи. О грузинскихъ актахъ онъ говоритъ слѣдующее: „вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не предположить, что когда-то существовали въ монастырскихъ архивахъ Аѳонской горы хрисовулы и акты, дарованные грузинскими царями и князьями разнымъ монастырямъ св. горы, но до сихъ поръ путешественниками не замѣчено въ этихъ архивахъ ни одного документа, написанаго на грузинскомъ языкѣ. Все это приводитъ къ заключенію, что эти документы, вѣроятно уничтожены давно ужъ потому, что ни архіерей Тимошей Кабашвили, ни другіе грузинскіе изслѣдователи Аѳонской горы не нашли ихъ слѣдовъ въ архивахъ монастырей Аѳонскаго полуострова“.

Любопытнѣйшій изъ ученыхъ еписк. Порейрій (Успенскій) пишетъ: „Обзорѣніе Иверской бібліотеки), Архива Иверскаго я не видалъ: но монастырскій письмоводитель говорилъ мнѣ, что тамъ хранится превеликое множество разныхъ дѣписаній. Изъ этого множества властные старцы выбрали и представили мнѣ для прочтенія въ оба раза—въ 1845 и 46 гг. лишь небольшую толику разныхъ хартій“.

Архимандритъ Антонинъ въ „Замѣткахъ Поклонника Св. Горы“ пишетъ: „Обзорѣніе Иверской бібліотеки приготовило меня къ разбору древнихъ грамотъ и актовъ монастыря, весьма многочисленныхъ и весьма занимательныхъ по своему разнообразію и по своей, большею частію, глубокой древности. По краткости времени, я рассмотрѣлъ только два самыхъ древнихъ акта изъ X столѣтія. Оба они написаны на кожѣ козьею или бараньею, почти цѣлою. Первый изъ нихъ есть дарственная запись Св. Аѳанасія аѳонскаго Іоанну Ивиру, т. е. Грузинцу на хрисовулѣ, коимъ предоставляются монастырю деньги и дома въ Хрисополѣ. Она писана въ декабрѣ 985 г. Этотъ Актъ доставилъ мнѣ высокое удовольствіе, давъ случай видѣть собственно-ручную подпись Св. Аѳанасія, удивившую меня своею сохранностію и свѣжестію чернилъ. Въ немъ Обитель Аѳанасіева называется просто—Лаврою, а Обитель Іоаннова Лаврою Климентовою. Подписей подъ актомъ двѣ. Прежде всѣхъ стоитъ слѣдующая подпись Св. Аѳанасія; „Аѳанасій монахъ и игуменъ Лавры, прочитавъ весь текстъ,

и удовлетворившись во всемъ, собственною рукою поставилъ и въ началѣ и въ концѣ честный Крестъ и свое имя“.

Другой актъ, получившій не такъ давно громкую извѣстность, есть торговая сдѣлка того же Іоанна Ивира съ жителями сопредѣльнаго св. горѣ гор. Эриссо, написанная въ царствованіе Василія и Константина, въ 982 г. Верхняя часть этого документа занята печатами или рукоприкладными знаками, вѣроятно, жителей города и между ними нѣкоего неизвѣстнаго, подписавшагося глаголическими буквами. Этотъ актъ подробно описалъ еписк. Порфирій въ книгѣ: „Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри и скиты въ 1845 г.“ ч. 1, отд. 2, стр. 310—316.

Въ Иверѣ есть три грузинскія евангелія. Первое, въ серебряномъ окладѣ, описано Броссе въ „Melanges asiatiques“. Спб. Акад. Наук. т. IV, стр. 364 и далѣе, второе евангеліе съ миниатюрами, въ серебр. окладѣ. Въ Филоееѣ имѣется на грузинскомъ языкѣ Литургія Св. Іоанна Златоустаго.

Грузинскій монастырь Св. Креста въ Іерусалимѣ.

Д. З. Бакрадзе.

Къ вопросамъ существенной важности, долженствующимъ пролить свѣтъ на Грузинскую церковную археологію, слѣдуетъ, по моему мнѣнію, отнести и вопросъ о научномъ изслѣдованіи грузинскихъ памятниковъ внѣ Грузіи. Болѣе или менѣе извѣстно уже, что во многихъ мѣстахъ Святой земли встрѣчаются монастыри, основанные въ лучшія эпохи Грузіи царями и вельможами ея, заключающіе въ себѣ древніе грузинскіе манускрипты, съ иконами и утварью, жертвовавшимися изъ самой Грузіи.

По этому предмету у насъ имѣется слѣдующая литература: независимо отъ грузинскихъ лѣтописей, о монастыряхъ Грузіи на Аѳонѣ, на Синаѣ и въ другихъ мѣстахъ Палестины трактуютъ—въ исходѣ XVII в. іерусалимскій патріархъ Досиѳей (см. „Посланія его въ Грузію, извлеченныя архимандритомъ Порфиріемъ изъ дѣловаго Кодекса, хранящагося въ библиотекѣ Святогробскаго подворья въ Константинополѣ... въ грузинскомъ духовномъ Вѣстникѣ за май 1866 г.); въ XVIII в. путешественники—русскій Барскій и грузинскій митрополитъ Тимоте Габашвили, какъ равно и грузинскіе церковные гуджары или акты о недвижимыхъ имуществахъ означенныхъ монастырей въ Грузіи. Въ нынѣшнемъ столѣтіи съ научною цѣлью посѣтили Иверскій монастырь на Аѳонѣ Севастьяновъ, архимандритъ Порфирій и покойный Іоселіани, давшіе намъ факты о несомнѣнномъ обилии грузинскихъ археологическихъ сокровищъ Аѳона.

Всѣ упомянутыя данныя служатъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы было начато правильное изслѣдованіе археологическихъ сокровищъ грузинскихъ монастырей внѣ предѣловъ Грузіи. Безъ этого и невозможно, по моему мнѣнію, полное изученіе археологіи Грузіи вообще, ибо грузинская церковная литература, какъ извѣстно, въ періодъ времени IX — XII вв., создалась преимущественно въ грузинскихъ монастыряхъ Аѳона, Черной Горы, въ предѣлахъ Антіохіи, Синаи и Іерусалима. Въ тотъ періодъ молодые люди изъ грузинъ стремились въ Византію для образованія и селились въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ принимались за переводы Священнаго Писанія и твореній Отцовъ церкви. При этомъ нужно имѣть въ виду, что тамъ

именно выработался особый церковный грузинский языкъ, что самые цѣнные манускрипты, встрѣчающіеся нынѣ въ Грузіи, попали сюда изъ монастырскихъ библиотекъ Аѳона, Синая, Іерусалима и Черной Горы и что во всѣ почти вѣка цари и владѣтели Грузіи щедрою рукою жертвовали тамошнимъ монастырямъ населенныя мѣста въ Грузіи, богатую утварь и другія принадлежности.

Все это я говорю по поводу сообщенія, сдѣланнаго изъ Іерусалима V-му Археологическому Съѣзду архимандритомъ Антониномъ. Сообщение это служитъ новымъ доказательствомъ моихъ словъ. Отецъ Антонинъ подробно описываетъ грузинскій монастырь Креста въ Іерусалимѣ, богатые и дорогія вещи „въ сосудохранилищѣ храма Воскресенія Христа, пожертвованныя въ разныя времена несчетными, по его словамъ, боголюбцами изъ благоговѣйнѣйшаго народа грузинскаго“. Вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ Антонинъ касается „богатой когда-то при грузинскомъ монастырѣ національной библиотекы, отъ которой еще сохранилось десятка три-четыре ветхихъ, разбитыхъ, источенныхъ червемъ, пыльныхъ и пренебреженныхъ рукописныхъ книгъ, сваленныхъ теперь въ одной комнатѣ, при домашней церкви Креста во имя Святаго Іоанна Дамаскина. Всѣ эти рукописи церковно-богослужебнаго и церковно-учительскаго содержанія. Нумеровъ 5—6 писаны на пергаментѣ. Въ числѣ послѣднихъ есть два Сборника Синаксарей или краткихъ житій Святыхъ, заслуживающихъ вниманія въ историческомъ отношеніи“. Копіи грузинскихъ и греческихъ надписей и фресковъ двумя фотографическими снимками, приложенными къ сообщенію Антонина, сдѣланы безукоризненно хорошо.

„Монастырь Креста“, пишетъ отецъ Антонинъ, „состоитъ изъ массы зданій, старыхъ и новыхъ, скученныхъ и террасовидно расположенныхъ; обнесенныхъ высокою и крѣпкою стѣною, поддерживаемою по мѣстамъ контръ-форсами. Средину его занимаетъ церковь византійскаго стиля, закрытая пристройками, надъ которыми возвышается только своимъ куполомъ, окнами котораго единственно и освѣщается. Вся она внутри по стѣнамъ, аркамъ и сводамъ покрыта иконописными изображеніями, теперь въ большинствѣ попорченными, съ греческими и грузинскими надписями, сравнительно нехудой, а по мѣстамъ весьма свѣжей кисти. На сколько могу судить, не будучи специалистомъ дѣла, росписаніе церкви принадлежитъ одному и тому же времени, а именно 1644 г., о которомъ два раза сдѣлана на стѣнахъ церкви замѣтка. Глубокою древностью вѣдетъ отъ мозаичнаго пола церкви, особенно же въ центральной ея части подъ куполомъ, гдѣ видны изображенія птицъ и другихъ животныхъ, невысокаго, правда, достоинства, но съ изящными орнаментами“.

Тѣ изъ надписей Креста, которыя разбираются, показываютъ, по мнѣнію отца Антонина, что церковь построена царемъ царей Багратомъ; росписана при настоятелѣ монастыря Никифорѣ; „издержками и помощью Левана Дадіана въ 1644 г. Въ фресковой живописи на стѣнахъ церкви имѣются портреты царей Миріана, Вахтанга и Баграта; изъ другихъ фресковъ замѣчательны: какой-то Чолохашила, сынъ его Муръ (?) и жена Барбаре, Паата Цулукидзе и колѣнопреклоненный старецъ съ надписью Рустаель“. „Важнѣйшую“, по словамъ отца Антонина, „часть стѣнныхъ изображеній составляетъ рядъ фигуръ, написанныхъ во весь ростъ, по южной стѣнѣ церкви, гдѣ она примыкаетъ уже къ абсидѣ алтаря. Всѣхъ ихъ числомъ 7. Ближайшія къ алтарю суть: мужчина и женщина въ царскихъ (или княжескихъ) облаченіяхъ, съ діадемами на головахъ, держащіе церковь съ куполомъ. Подъ церковью

стоитъ малая, худо различаемая фигура мальчика, тоже одѣтаго по царски и съ діадемою на головѣ. Это очевидно настоящіе ктиторы или возобновители церкви. Къ сожалѣнію, изображенія весьма попорчены и надписи, находящіяся при нихъ, почти уже не разбираются. Въ надписи, идущей поверхъ изображеній, въ 1867 г. читалось: „Мы, Богомъ благословенный, великій царь Леонъ росписалъ во спасеніе души моей и супруги моей царицы Нестора Даржіи и пожертвовалъ монастырю Креста селеніе Коцхри съ 100 дымами“. При царевичѣ читалось имя Константинъ“.

Въ историческомъ отдѣлѣ своего сообщенія отецъ Антонинъ приводитъ грузинское преданіе о появленіи Грузинъ въ Иерусалимѣ въ раннія эпохи христіанства, о приобрѣтеніи въ немъ первымъ христіанскимъ царемъ Грузіи Миріаномъ (265 + 342) участка земли и о завоеваніи Палестины Вахтангомъ Гургасланомъ (446 + 499); но находитъ это преданіе сомнительнымъ и самыя фрески монастыря Креста относятъ къ XVII ст. Сомнѣніе Антонина не лишено основанія. Разсказъ о приобрѣтеніи, сдѣланномъ Миріаномъ, и о завоеваніи Палестины Вахтангомъ передаютъ лишь Грузинскія Лѣтописи и онъ, по нашему мнѣнію, до тѣхъ поръ будетъ имѣть характеръ легенды, пока не подтвердится безспорнымъ фактомъ. Въ этомъ отношеніи нельзя, конечно, придавать значенія портретамъ Миріана и Вахтанга, если даже допустить, что фрески монастыря Креста гораздо древнѣе эпохи, указываемой Антониномъ. Портреты Миріана и Вахтанга, указываемые вмѣстѣ съ портретомъ автора поэмы „Барсова кожа“ Руставели и митрополитомъ Тимоте Габашвили въ 1755 г., — существовали ли они ранѣе XVII в., или нѣтъ, это безразлично, — доказываютъ только то, что легенда объ этихъ царяхъ ходила въ грузинскомъ населеніи еще ранѣе и возобновитель монастыря Креста лишь осуществилъ легенду въ фрескахъ. Хотя постройку монастыря Креста и относятъ къ V в. (Иоселіани, Древности Тифлиса, 1866, ст. 61) вѣроятно, на основаніи жизнеописанія сына Грузинскаго царя Варазъ-Бакура (379 + 393) Мурваноза, или Палестинскаго епископа Св. Петра, о подвигахъ котораго упоминаетъ въ числѣ другихъ и писатель XII в. Сирійскій патріархъ Михаилъ Victor Langlois, Chronique de Michel le grand patriarche des Syriens jacobites, Paris, 1868, стр. 153—154, — жизнеописанія, въ которомъ приписывается Св. Петру постройка монастырей въ Египтѣ, въ пустынѣ Иорданской и въ Иерусалимѣ, но свидѣтельство это принадлежащее, допустимъ, современнику, въ свою очередь требуетъ еще провѣрки другими безспорными фактами. Безспорные же факты, пока имѣющіеся у насъ въ рукахъ, относятъ постройку монастыря Креста къ XI в. Такъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ манускриптовъ X — XI вв., принадлежащій Иверскому монастырю на Аѳонѣ, временно попавшій въ Тифлисъ въ 1876 г. и заключающій въ себѣ, какъ „жизнеописаніе основателей Иверскаго монастыря Іоанна и Евфимія“, такъ равно и весьма интересные синодики между прочимъ объ историческихъ лицахъ Грузіи X — XII вв., признаетъ строителемъ монастыря Креста по повелѣнію Баграта IV инока Прохоре, подвизавшагося въ монастырѣ Св. Саввы въ Иерусалимѣ при царѣ Багратѣ IV (1027 + 1072). Сказаніе это подтверждаетъ и другой манускриптъ, нынѣ хранящійся въ Азіатскомъ музеѣ Академіи Наукъ. Въ записи его, сдѣланной въ 1038 г. собственноручно самимъ Прохоре, послѣдній благодаритъ Бога за то, что онъ сподобилъ его быть строителемъ Креста (Histoire de la Géorgie, I, p. 338; Addit. et Eclairciss à l'Hist. de la Géor., 1851, p. 197).

Въ заключеніе, обращаясь къ надписямъ, снятымъ отцомъ Антониномъ, я дол-

женъ замѣтить, что палеографическій характеръ снимка надписи о Багратѣ я не могъ выяснитъ себѣ, а потому не могу сказать, упоминаемый въ ней Багратъ есть ли Багратъ IV XI в., или Имеретинскій царь Багратъ III, жившій въ первой половинѣ XVII в., хотя по имѣющимся у насъ историческимъ даннымъ, конечно, всякій приметъ его за Баграта IV, роль котораго, какъ перваго строителя была, конечно, извѣстна живописцу. У меня подѣ сомнѣніемъ и самый титулъ Баграта, т. е. дѣйствительно ли онъ названъ „царемъ царей“. Вообще нѣкоторыя лица надписей отца Антонина переданы невѣрно; такъ вмѣсто Чолокашила долженъ быть Чолокашвили, вмѣсто Нестара Даржіи Нестанъ Дареджанъ. Леванъ и супруга его это несомнѣнно Мингрельскій владѣтель Дадіанъ Леванъ II со второю женою его Нестанъ Дареджаною, жившій между 1611 и 1658 гг., приобрѣвшій печальную извѣстность своимъ изувѣрствомъ какъ въ Лѣтописяхъ Грузіи, такъ и въ разсказѣ французскаго путешественника Шардена, посѣтившаго Мингрелію при наследникѣ Левана (*Voyage en Perse, Paris, 1811, t. F., p. 378—382*), наполнившій иконами съ длинными надписями церкви Мингреліи и Абхазіи въ благодарность за успѣхи его въ войнахъ въ Западной Грузіи (*Brosset v. archéol... VII Rapp., 29—33; VIII, 99—109*). Сама Нестанъ Дареджанъ очень часто упоминается въ надписяхъ Левана II. Что касается Константина, то свѣдѣнія объ немъ отца Антонина или невѣрны, ибо Константинъ въ числѣ сыновей Левана неизвѣстенъ, или же это долженъ быть непоименованный сынъ Левана отъ первой его жены, отравленный Нестанъ Дареджаною. Упоминаемый у отца Антонина Никифоръ дѣйствительно былъ современникомъ Левана II. Это тотъ самый митрополитъ Никифоръ, который принималъ дѣятельное участіе въ сношеніяхъ Грузинскаго царя Теймураза съ Русскимъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, который въ первый разъ явился въ Москву въ 1636 г., а въ 1640 г. подавалъ Михаилу Ѳеодоровичу грамоту о бѣдственномъ состояніи Грузіи (*Броссе, Переписка Грузинскихъ царей съ Россійск. государями, Спб. 1861, стр. XXVII, L*).

Индійскія монеты, найденныя близъ Переславля-Залѣскаго и Ростова.

Л. С. Савельева.

Первое описаніе такихъ монетъ встрѣчаемъ мы у Пеллерена, въ 1778 году ¹⁾. Но, при тогдашнемъ состояніи нумизматики, не было возможности съ достовѣрностью опредѣлить монету съ санскритскою надписью. Пеллеренъ приписалъ ее Египту, полагая, что она выбита правителемъ этой области, Ариандомъ, при Даріи, который казнилъ его за то, что онъ билъ монету съ своимъ именемъ (о чемъ говорится у Геродота, кн. IV, 166). Оправданіе этого сказанія находилъ Пеллеренъ на кабульской монетѣ, принимая горбатаго вола за Аписа или Мневиса, боготворимаго Египтянами; Ариандъ, полагалъ онъ, выбивъ монету съ символомъ египетскаго почитанія, ненавистнаго Персамъ, по справедливости заслужилъ гнѣвъ своего государя. Эккель ²⁾ на половину соглашался съ мнѣніемъ Пеллерена, полагая, что монета эта дѣйствительно египетская, только не Ариандова. Эта ошибка двухъ знаменитыхъ нумизматовъ, оправдываемая младенческимъ состояніемъ восточной нумизматики въ ихъ время, повторялась и другими нумизматами до нашего времени.

Въ 1832 году, извѣстный остъ-индскій ориенталистъ Джемсъ Принсепъ, секретарь Калькутскаго Азіятскаго Общества, первый разобралъ санскритскую надпись на одной изъ этихъ монетъ, слѣпокъ съ которой присланъ былъ ему докторомъ Свини ³⁾.

Въ 1835 году тотъ же ученый издалъ монографію индійскихъ монетъ ⁴⁾, между которыми нашель семь видовъ серебряныхъ монетъ съ изображеніемъ всадника и лежащаго горбатаго вола. Изъ ста монетъ этого типа, полученныхъ авторомъ изъ Кабула, на шестидесяти-пяти находилась надпись:

श्रीसामन्तदेवः श्रीसामन्ति देवा; на двадцати-пяти: श्रीरपालपीतदेवः श्रीसालामन्ति देवा, и на четырехъ: श्रीभीमदेवः श्रीभीमा देवा.

¹⁾ Pellerin. Additions aux neuf volumes du Recueil des médailles des rois, des villes, etc. A la Haye., 1778, in—4°, p. 15.

²⁾ Eckhel. Doctrina numor. veter. 1794, t. IV, p. 2.

³⁾ Journal of the Asiatic Society of Bengal., t. II, p. 416, tab. XVI, n° 11.

⁴⁾ J. Prinsep. Notice of ancient Hindu coins, въ Journ. of the Asiat. Soc. of Bengal, t. IV, p. 668 и слѣд. табл. рисунок. XXXV.

Удачно разобравъ надпись, Принсепъ не зналъ однакожь, кому именно приписать эти монеты. Имя *Бима* или *Бимси* (т. е. *Бима Сима*, „Страшный Левъ) онъ нашелъ въ Гуджератъ, гдѣ было трое раджей этого имени, старѣйшій въ XIV вѣкѣ. Былъ *Саманта Сима* около 745 года до Р. Х. и *Саманта-Дева* въ 1209 году. Очевидно, что имена одни и тѣ-же, что на монетѣ; но какъ приписать монеты одного и того-же типа государямъ, раздѣленнымъ нѣсколькими столѣтіями? Г. Принсепъ оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ, назвавъ монеты „раджпутскими“.

Въ 1841 году вышло въ свѣтъ сочиненіе знаменитаго индіаниста Вильсона о древностяхъ и монетахъ Афганистана и Индіи ¹⁾. Разсматриваемыя нами монеты авторъ, слѣдуя Принсепу, назвалъ „раджпутскими“, *Rajput coins*. Вотъ все, что онъ говоритъ о нихъ ²⁾:

„Этого разряда гиндуйскія монеты находятъ въ значительномъ количествѣ къ западу и сѣверо-западу отъ Индостана, въ Пенджабѣ и Афганистанѣ, и отчасти въ восточныхъ областяхъ Персіи; хотя на низовьяхъ Инда, въ Синдѣ и Гузератѣ, онѣ не встрѣчаются. Ихъ принято называть „раджпутскими“. На одной сторонѣ ихъ изображенъ всадникъ на копѣ, поражающій копьемъ что-то неопредѣленное; на другой, *вола* Сивы, *нанди*, лежащій, покрытый попоною, какимъ изображается онъ въ храмахъ этого божества. Изображенія ясны, хотя грубы; надъ ними, санскритскими буквами, имена и титулы, принадлежавшія несомнѣнно гиндуйскимъ князьямъ. Замѣчательно впрочемъ, что имя, которое всего чаще встрѣчается на нихъ, въ особенности же на лучшихъ серебряныхъ экземплярахъ, не есть обыкновенное индійское. Полный титулъ: *Сри Саману дева*; первое и послѣднее слово совершенно гиндуйскія; среднее же весьма загадочно. Предлагали читать его *Саманта*, что устранило бы затрудненіе: но сомнительно, можно ли допустить это. Послѣдній слогъ, правда, неупотребительной формы; но едва ли можно принять чтеніе *нта*. Оно явственно читается *ну* въ большей части надписей, хотя иногда подходит къ *три*, *три* или *итри*. Никоторое изъ нихъ не доставитъ болѣе удовлетворительнаго чтенія. Необычная форма имени не отстраняетъ впрочемъ вѣроятности его индійскаго происхожденія, потому что и доселѣ находимъ между Раджпутами имена, нелегко подходящія къ санскритскому языку; поэтому оно можетъ быть индійское, хотя и не санскритское слово.

„Имя и титулъ *Саману дева* находятся надъ лежащимъ воломъ; на другихъ серебряныхъ монетахъ находимъ, на томъ-же мѣстѣ, также индійскую надпись *Сри Салапати дева*. На оборотной сторонѣ имѣется также гиндуйское имя *Бима*.

„Большая часть этого разряда монетъ состоитъ изъ весьма низкаго серебра или мѣди. Немногія изъ послѣднихъ отличаются типомъ, имѣя слона на лиц. ст., или льва на оборотной, съ именами *Саману дева* или (одинъ случай) *Сри Ванка дева*. Вообще же, мѣдныя монеты удерживаютъ девизы серебряныхъ, всадника и вола. Надъ послѣднимъ помѣщены имена *Саману* и *Салапати дева*, предшествуемые иногда словомъ *Асавари*; а на оборотѣ другія гиндуйскія имена, какъ то *Сри Раджа*, *Сри Мадана Пала*, и, что всего любопытнѣе, имя *Сри Притви Пала дева*, въ которомъ нельзя не узнать великолѣпнаго Притви-Раджу, покровителя и друга поэта Чанда, и который, послѣ долгаго и мужественнаго сопротивленія мухаммеданскому оружію, лишился свободы и жизни

¹⁾ *Ariana Antiqua*. A descriptive account of the antiquities and coins of Afghanistan. By H. H. Wilson. London. 1841, 4°.

²⁾ Loc. cit, p. 428—429.

въ битвѣ съ Мухаммедъ-Самомъ въ 1192 году. Несомнѣнно, поэтому, что монеты эти принадлежатъ послѣднимъ гиндуйскимъ государямъ Индостана. Мѣдныя монеты Притви-Пала, явно, позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ лучшія изъ серебряныхъ монетъ; послѣднія могли быть древнѣе ихъ столѣтіемъ или болѣе, и выбиты Палійскими князьями Пенджаба, которые тревожимы были, но не совершенно покорены, Махмудомъ-Газне-видомъ и его преемниками, въ десятомъ и началѣ одиннадцатаго столѣтія, и прекратились со смертью Притви-Пала, въ концѣ двѣнадцатаго⁴.

Какъ видно изъ этихъ словъ, Вильсонъ не подвинулъ впередъ вопроса объ этихъ монетахъ. Онъ утвердилъ только одно положеніе, — что монеты эти не моложе XI вѣка, а серебряныя изъ нихъ даже X вѣка. Относительно же имени *Саманта*, знаменитый оксфордскій профессоръ погрѣшилъ, не принявъ чтенія г. Принсепа, который писалъ, что послѣдній слогъ этого имени походитъ на *ṣu* или *ṣra*, но на нѣкоторыхъ экземплярахъ явственно бенгальское *ṣanta*; и что чтеніе *Саманта* потому уже слѣдуетъ предпочесть чтенію *Саману*, что послѣднее слово вовсе не индійское, тогда какъ *Саманта* очень обыкновенное имя, которое значитъ „начальникъ, храбрый“.

Окончательное приуроченіе этихъ монетъ сдѣлано знаменитымъ французскимъ ориенталистомъ г. Рено. Въ 1845 году онъ издалъ извѣстія арабскихъ и персидскихъ писателей объ Индіи временъ до XI столѣтія¹). Въ этомъ любопытномъ сочиненіи, говоря о брахманской династіи Кабульскихъ раджей, ученый французскій ориенталистъ, въ двухъ строкахъ примѣчанія къ стр. 153, сдѣлалъ примѣчательное открытіе: этой брахманской династіи приписалъ онъ тѣ монеты, которыя Принсепъ и Вильсонъ относили къ раджпутскимъ²); г. Лонгнерье, въ письмѣ къ г. Рено, напечатанномъ въ концѣ той же книги³), подтвердилъ его открытіе.

Вотъ вкратцѣ что говорить, приводимый въ книгѣ г. Рено, арабскій писатель XI вѣка, Аль-Бируни, о кабульскихъ царяхъ.

„Кабуль управлялся нѣкогда царями турецкаго происхожденія; говорятъ, что они были родомъ изъ Тибета. Первый изъ нихъ назывался *Баратекинъ*⁴)... Потомки его царствовали въ продолженіе шестидесяти (?) поколѣній... Въ числѣ этихъ государей былъ *Канкъ* *کنک*, основавшій въ Пишаверѣ вигару (буддійское училище), сохранившую его имя... Послѣднимъ государемъ этой династіи былъ *Лактуземаъ* *لکتوزمان*, у котораго визиремъ былъ брахманъ, по имени *Каларъ* *کلر*. Лактуземаъ, обращеніемъ своимъ, вооружилъ противъ себя всѣхъ, и Каларъ, обладая великими богатствами, овладѣлъ престоломъ. Преемникомъ его былъ брахманъ-же *Оаманда* *سامندا*. Ему наслѣдовалъ *Камалава* *کملو*; потомъ правили *Бима* *بیم*, *Джаянала* *چینپال*, *Анандапала* *انندپال* и *Нардаджаннала* *نرد جنپال*. Послѣдній, говорятъ, вступилъ на престолъ въ 412 году гиджры (1021 нашей эры). Сынъ его *Биманала* *بیمپال* наслѣдовалъ ему черезъ пять лѣтъ, и индійское владычество угасло въ лицѣ его, такъ что изъ фамиліи его

¹) *Fragments arabes et persans inédits relatifs à l'Inde*, antérieurement au XI siècle, recueillis par M. Reinaud. Paris. 1845. (Extrait du Journal Asiatique, 1844—1845).

²) „J'attribue à ces princes la série des médailles que M. Wilson a cru d'origine Rajepout“. *Fragm. ar.*, p. 153.

³) Lettre à M. Reinaud, membre de l'Institut etc., au sujet des monnaies des rois de Caboul. *Ibid.*, p. 219—227.

⁴) *برهتکین* *Тейинъ*, дѣйствительно, турецкое окончаніе.

не осталось даже никого, кто-бы задулъ огонь ¹⁾. Государи эти, несмотря на обширность своихъ владѣній, исполнены были прекрасныхъ качествъ и всякаго принимали благосклонно⁴.

Между приводимыми Аль-Бируніемъ именами брахманскихъ государей Кабула находимъ имена *Саманта* и *Б'има*, находящіяся на нашихъ монетахъ. Прекращеніе брахманской династіи арабскій писатель полагаетъ въ первой четверти XI вѣка; шесть первыхъ брахмановъ восходятъ, слѣдовательно, до X столѣтія.

Отнесеніе этихъ монетъ къ X вѣку отъ Р. X подтверждается: I. II) тремя нумизматическими находками, въ которыхъ эти индійскія монеты найдены вмѣстѣ съ арабскими монетами X вѣка, и III) экземпляромъ монеты, хранящейся въ минцкабинетѣ парижской публичной библіотеки, монеты съ изображеніемъ того-же всадника и горбатаго вола, но съ надписью не санскритскою, а арабскою во имя аббасидскаго халифа Моктадера.

I. Въ сентябрѣ 1842 г. найденъ былъ близъ города Обржицко, въ познанскомъ герцогствѣ, кладъ съ серебряными монетами и издѣліями X вѣка, описанный г. Фридендеромъ ²⁾. Монеты были западно-европейскія, византійскія и арабскія, всѣ X столѣтія. Въ числѣ ихъ встрѣтился и одинъ экземпляръ серебряной монеты съ изображеніемъ всадника и горбатаго вола и санскритскою надписью *Сри Саманта Дева*. Опредивъ эту монету по Вильсону, г. Фридендеръ присовокупилъ справедливое замѣчаніе, что прекрасно сохранившійся экземпляръ ея, найденный въ массѣ разнородныхъ монетъ X вѣка, долженъ также принадлежать къ тому-же столѣтію.

II. Лѣтомъ 1853 года близъ Переславля—Залѣскаго (владимірской губерніи), и въ 1854 году близъ Ростова (ярославской губерніи), найдены мною въ курганахъ три подобныя-же монеты, служившія привѣсками на монистѣ ³⁾.

III. Серебряный экземпляръ монеты съ изображеніями всадника и горбатаго вола, хранящійся въ минцкабинетѣ парижской публичной библіотеки и описанный г. Лонгперье ⁴⁾, окончательно подтверждаетъ принадлежность этихъ монетъ къ X вѣку. Вмѣсто санскритской надписи, на помннутомъ экземплярѣ находится слѣдующая арабская: *المقتدر بالله جعفر لله* т. е. *Богу* (слава). *Джафаръ Эль-Моктадеръ-Биллахъ* ⁵⁾. Халифъ Моктадеръ-Биллахъ назывался Джафаромъ; такъ назывался и визирь его, Джафаръ, сынъ Эль-Фората. Къ кому бы изъ нихъ ни относилось имя Джафара, выбитое на монетѣ, нѣтъ сомнѣнія, что она чеканена при халифѣ Моктадерѣ. А онъ халифствовалъ въ первой половинѣ X вѣка, отъ 908 по 932 годъ отъ Р. X. Въ обржицкомъ кладѣ найдено девять видовъ его монетъ вмѣстѣ съ монетою Саманта-Дева; значить, какъ тѣ, такъ и другія, были въ обращеніи въ одно и тоже время. Кѣмъ бы ни выбита описанная г. Лонгперье индо-халифская монета,—самимъ ли халифомъ, для легкости торговыхъ сношеній съ Индією, или индійскимъ князькомъ, признававшимъ его

¹⁾ „Задуть огонь“—арабскій идиотизмъ, то же, что „потушить очагъ“.

²⁾ Der Fund von Obrzucko; Silbermünzen aus dem zehnten Jahrhundert. Von Dr. J. Friedländer. Berlin, 1844, 8°. Объ этой находкѣ говорено въ моей *Мухаммед. Пумизм.*, стр. 166.

³⁾ О подобной-же монетѣ, найденной въ смоленской губ., см. выше прот. стр. LXXXII. Къ литературѣ о монетахъ „Саманта Девы“ слѣдуетъ прибавить статью Э. Томаса во 2-мъ изд. *Приисповыхъ: Essays on Indian antiquities*, I, 304—319. (В. Т.).

⁴⁾ Lettre à M. Reinaud, libr. cit., p. 224 - 225.

⁵⁾ О монетахъ этого III-го вида см. изданныя мною „Монеты Вост. Халифата“ № 2363, и *Zeitschr. d. Dent. Morg. Ges.* XX., 368. (В. Т.).

верховную власть,—все таки она есть подражаніе, въ началѣ X вѣка выбитое, типу кабульскихъ брахманскихъ монетъ, а какъ подражаніе не можетъ предшествовать своему первообразу, то и монеты кабульскихъ брахмановъ должны быть отнесены по крайней мѣрѣ къ десятому-же вѣку.

Принявъ въ основаніе приведенный выше текстъ Аль-Бируніа, свидѣтельствующаго, что седьмой государь кабульскій брахманской династіи вступилъ на престолъ въ 412 году гижры или 1021 нашего лѣтосчисленія, и предположивъ, среднимъ числомъ, пятнадцать лѣтъ царствованія на каждого изъ его предшественниковъ, получимъ для вступленія на престолъ перваго изъ государей этой династіи, Каллары, годъ 930, а для правленія преемника его, Саманты, 945—960 годы. И этотъ періодъ времени вполне совпадаетъ съ правленіями тринадцати государей, которыхъ монеты, найдены вмѣстѣ съ монетою Саманты, въ обржицкомъ кладѣ ¹⁾.

¹⁾ Loc. cit., p. 226.

О древнемъ лукѣ и стрѣлахъ.

Д. Н. Анучина.

Настоящій очеркъ имѣеть своимъ предметомъ обзоръ простѣйшихъ приспособленій для метанія дротиковъ и стрѣлъ и въ особенности сравнительный анализъ различныхъ формъ лука, способовъ пользованія имъ и разновидностей пускаемыхъ съ него стрѣлъ и ихъ наконечниковъ. Онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ небольшая глава изъ исторіи развитія матеріальной культуры, въ частности — исторіи развитія оружія, и въ то же время—какъ археологическій этюдъ, представляющій попытку болѣе подробнаго изученія одного изъ бывшихъ наиболѣе распространенными видовъ вооруженія, варіаціи котораго въ ихъ распространеніи по областямъ, могутъ иногда характеризовать различныя группы народовъ или различныя культурныя вліянія, смѣнявшіяся въ теченіи послѣдовательныхъ эпохъ. Не имѣя претензій на полноту и всестороннее разсмотрѣніе предмета, составляя не болѣе, какъ очеркъ наиболѣе существенныхъ моментовъ въ исторіи развитія лука и стрѣлъ и наиболѣе характерныхъ варіацій въ ихъ устройствѣ и формахъ, статья эта имѣеть болѣе въ виду обратить вниманіе на интересъ подобнаго сравнительнаго изученія, которое, приложенное къ различнымъ сторонамъ древняго быта, можетъ навѣрное, при большемъ знаніи и при пользованіи болѣе большимъ матеріаломъ, повести къ болѣе плодотворнымъ выводамъ и общеніямъ, чѣмъ къ какимъ могъ придти авторъ настоящаго очерка.

Статья эта помѣщается значительно дополненною сравнительно съ тѣмъ сообщеніемъ, которое было сдѣлано на Тифлисскомъ съѣздѣ. Получивъ приглашеніе отъ графини П. С. Уваровой доставить для напечатанія рефератъ, сдѣланный на Съѣздѣ устно, авторъ считалъ себя обязаннымъ дополнить его соотвѣтственно современному состоянію науки и придать ему болѣе систематичность и полноту, насколько то было для него возможно.

I.

Орудія для метанія стрѣль. — Лукъ и его разновидности.

Широкое распространение стрѣль. — Отсутствие ихъ въ Австраліи. — Метаніе тамъ дротиковъ помощью дощечки. — Употребленіе такой дощечки у Эскимосовъ и американскихъ Индѣйцевъ. — Amentum. — Трубки для выдуванія стрѣль—на Малайскомъ Архипелагѣ и въ Южной Америкѣ. — Догадка о первоначальномъ изобрѣтеніи лука. — Три вида луковъ. — Простой лукъ, области его распространенія. — Форма лука у древнихъ Германцевъ. — Причина, почему нѣкоторые народы не приняли лука. — Употребленіе щита, особенно большаго, трудно совмѣстимо съ употребленіемъ лука. — Развитіе щита изъ парирующей дубинки. — Узкіе и длинные щиты—въ Австраліи, Индіи и Африкѣ. — Древнѣйшая форма щитовъ въ Европѣ. — Вращеніе щитомъ — какъ военный приѣмъ. — Umbo. — Оставленіе лука въ пользу другаго оружія; замѣна его шарами (боласъ)—въ нѣкоторыхъ частяхъ Америки. — Сложный лукъ и его происхожденіе. — Различныя сопособы устройства сложнаго лука. — Распространеніе его изъ одного центра. — Сложный лукъ у Скизовъ, Даковъ, Финновъ и древнихъ русскихъ. — Части Русскаго лука по описаніямъ и народнымъ былинамъ. — Самострѣлы и ихъ распространеніе въ Восточной Азіи и въ Западной Европѣ.

Стрѣлы, въ качествѣ метательнаго оружія, были въ употребленіи почти у всѣхъ народовъ на извѣстной стадіи ихъ развитія. Единственное исключеніе составляютъ, повидимому, первобытные жители Австраліи, которые, вмѣсто стрѣль, пользуются для метанія палицами, бумерангами и копьями. Ихъ копья имѣютъ въ длину отъ 6 до 8 футовъ, дѣлаются изъ дерева или изъ тростника и снабжены наконечниками изъ твердаго дерева, кости или камня, часто еще съ боковыми зубцами или зазубринами. Метаніе копій производится однако и у Австралійцевъ не рукой, а помощью особой дощечки, которая называется *куррукъ*, *мира* или *вомера*, имѣетъ въ длину 1½—2 фута и представляетъ форму, нѣсколько напоминающую плоское, сплющенное веретено: именно удлиненная овальная дощечка суживается къ обоимъ концамъ, изъ коихъ передній переходитъ въ круглую палочку, а задній заостренъ и снабженъ сверху крючкомъ или выступомъ для упора въ него задняго конца копья (т. е. копейнаго древка) ¹⁾. При метаніи *вомера* берется за передній (суженный, палкообраз-

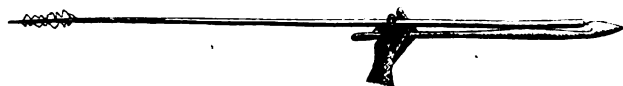

Рис. 1. „Вомера“, метательная дощечка Австралійцевъ, для метанія дротиковъ (Tylog).

нѣй) ея конецъ, между указательнымъ и третьимъ пальцами правой руки, а копье держится большимъ и указательнымъ пальцами той же руки, причемъ задняя часть копья лежитъ на горизонтально держимой дощечкѣ и упирается своимъ заднимъ концомъ (въ которомъ сдѣлана небольшая ямка) въ крючокъ или выступъ на заднемъ концѣ *вомеры* (иногда роль такого выступа играетъ зубъ кенгуру плотно укрѣпленный посредствомъ растительныхъ волоконъ и смолы). Поднявъ горизонтально копье на дощечкѣ, Австраліецъ быстрымъ размахомъ пускаетъ его, причемъ остающаяся въ его рукъ *вомера*, напоромъ своего крючка въ задній конецъ копья, сообщаетъ послѣднему значительно большую силу полета, чѣмъ если бы копье было пущено

¹⁾ B. Smith. The Aborigines of Victoria V. I. 1878, p. 304—310.

просто рукою. По словам очевидцев, копье, брошенное таким образом, в состоянии попадать в цель на расстоянии 35—40 сажень. Любопытно, что такое же приспособление для метания дротиков встречается и в некоторых местностях Америки, а именно у Эскимосов на севере, у индейских племен Пуру-пурсов и Конибов в западной части Южной Америки, а также у древних Мексиканцев. У всех этих народов дощечка снабжена у заднего конца крючком или шпильком, но у Алеутов она представляет, напротив того, желобок, в который вкладывается задняя часть копейного древка и кроме того имеет еще в передней части сквозное отверстие для просовывания большого пальца руки, на котором и держится дощечка при метании дротика ¹⁾. Такое отверстие для большого пальца имеется впрочем, и на дощечках Эскимосов и Конибов, так что его можно считать вообще американским приспособлением, до которого Австралийцы, однако, дойти были не в состоянии.

Цель описанной дощечки — достигнуть ускорения и большей силы полета дротика, но для той же цели может служить еще одно приспособление, распространенное у Папуасов и Меланезийцев и бывшее также в употреблении у древних Греков и Римлян.

Это так наз. ἀχόλη Греков, римское *amentum*, меланезийский „унеп“, именно — петля, прикрепленная к средине копейного древка, или к центру

Рис. 2. Петля на копье (*amentum*) — для усиления его полета, у Меланезийцев (Lane Fox).

тяжести копья. Петля эта натягивается указательным пальцем правой руки в то время, как копье держится первым и третьим (при метании), что придает значительно большую силу полету. Наполеон III, когда занимался историей Юлия Цезаря, приказал сделать ряд дротиков того же веса и длины, как римские, несколько образчиков коих было найдено во рвах древнего городища близ *Alise-Sainte-Reine*, и испробовать на опыте их пригодность, как метательного оружия. Опыты показали, что дротик, пущенный одною рукою, без *amentum*, летел не далее 30 метров; при помощи же *amentum* расстояние увеличивалось до 70 метров. Греческие и римские дротики были снабжены, каждый отдельным *amentum*, но меланезийский „унеп“ представляет прогресс в том отношении, что он прикрепляется к дротику слабо (полупетлей) и при пускании дротика остается в руках ²⁾.

Во всех этих случаях мы имеем дело не со стрелами, а с дротиками, однако следует заметить, что различие между этими двумя видами метательного оружия не может быть проведено резко. Если судить по длине древка, то мы найдем племена, у которых дротики, сравнительно, короткие, и, наоборот, встретим народы, у которых стрелы, пускаемые с лука, очень длинны. В примѣръ послѣднихъ можно указать на стрѣлы Папуасовъ Новой Гвиней и обитателей сѣверной части Австраліи, ближайшей къ Торресову проливу, которые заимствовали ихъ, очевидно, у Папуасовъ. Лукъ, употребляемый этими племенами, очень большой и стрѣлы, длиною до пяти футовъ, напоминаютъ дротики. Такія же длинныя стрѣлы употребительны и у некоторыхъ племенъ Америки, и всегда въ областяхъ сосѣднихъ съ тѣми, гдѣ лукъ

¹⁾ *Klemm. Die Weikzeuge und Waffen. 1858. S. 39.* Иногда такое сквозное отверстие слишком мало для пальца и служит только для вставания дощечки на гвоздь или для привѣшиванія къ поясу.

²⁾ *Catalogue of the Anthropological Collection etc. by Col. Lane Fox. L. 1877, p. 39—40.*

неизвѣстенъ и замѣняется метательной дощечкой. По мнѣнію Лэнъ-Фокса, это можно объяснить только тѣмъ, что такія племена перешли къ употребленію лука отъ дротиковъ, и примѣнили послѣдніе въ качествѣ стрѣлъ. Съ другой стороны, если признать за стрѣлы только пускаемыя съ лука, то это будетъ произвольно въ томъ отношеніи, что у Эскимосовъ и Алеутовъ, напримѣръ, мы видимъ типичныя стрѣлы, пускаемыя съ дощечки, а у нѣкоторыхъ племенъ Малайскаго архипелага и Южной Америки—выдуваемыя изъ трубки, какъ бы изъ духоваго ружья. Этотъ послѣдній видъ оружія представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что онъ встрѣчается въ весьма сходныхъ формахъ, въ двухъ, совершенно разобщенныхъ между собою областяхъ. Можно было бы думать, что онъ былъ изобрѣтенъ въ каждой области самостоятельно, но этому противорѣчитъ полнѣйшее сходство въ устройствѣ трубки, въ формѣ стрѣлъ, намазываемыхъ ядомъ и т. д.

Въ области Южной Азіи — такая трубка употребляется у племени Даяковъ на островѣ Борнео, у нѣкоторыхъ племенъ Малайскаго полуострова, а также была известна на о—въ Цейлонѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бенгаліи и въ Японіи. У Даяковъ она называется „сулепитанъ“, имѣетъ до 8 футовъ въ длину и не болѣе дюйма въ діаметрѣ. Дѣлается сулепитанъ изъ разныхъ сортовъ дерева и такъ искусно пробуравленъ во всю длину, что совершенно прямой и круглый его стволъ вездѣ имѣетъ одинаковую толщину и тщательно выровненъ и отполированъ внутри. Эта длинная и легкая трубка вставляется иногда въ подобную же, но болѣе тяжелую, которая можетъ быть употребляема и въ качествѣ копья, такъ какъ къ концу ея прикрѣпленъ довольно широкій и острый желѣзный наконечникъ, и притомъ такъ, что онъ не мѣшаетъ полету стрѣлы, ибо привязанъ и торчитъ сбоку трубки, въ родѣ того, какъ штыкъ у ружья. Стрѣлы сулепитана дѣлаются изъ иглъ саговой пальмы и въ толщину не больше толстой вязальной иглы; на одномъ концѣ онѣ заострены, а на другомъ къ нимъ прикрѣпленъ коническій кусокъ легкаго дерева, иногда выдолбленный (полый). Этимъ концомъ стрѣла вплотную входитъ въ дуло сулепитана съ нижняго его конца, который (какъ и верхній) обдѣланъ металломъ (мѣдью) и представляется ко рту. Стрѣла вылетаетъ вслѣдствіе усиленнаго выдуванія ея изъ трубки, и, такъ какъ, по своей тонкости, она не въ состояніи нанести значительной раны, то конецъ ея помазывается ядомъ. Американское духовое ружье извѣстно подъ двумя формами, одной—болѣе тяжелой, другой—болѣе легкой. Первая форма носитъ названіе „зарботана“, вѣроятно, отъ европейскаго *Sarbacane* (сапна камышь), вторая, болѣе легкая, называется „пукуна“ и состоитъ изъ двухъ вставляемыхъ одна въ другую трубокъ. Внутренняя трубка — дѣлается изъ одного вида тростника (*Arundinaria*, *Schomburskii*), наружная изъ ствола пальмы *Jreartia setigera*, сердцевина которой выскабливается. Внутренняя трубка такъ тонка и гибка, что стѣнки ея немногимъ толще игральной карты, поэтому ее необходимо вставлять въ болѣе солидную трубку, длина которой достигаетъ до 11 футовъ. На наружной трубкѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ конца, прикладываемого ко рту, дѣлается прицѣлъ изъ скорлупы одного орѣха, а съ боковъ для той же цѣли укрѣпляются смолою два зуба одного грызуна (акуши). Стрѣлы дѣлаются изъ срединнаго нерва листа кукурузовой пальмы, одинъ конецъ котораго заостряется посредствомъ острыхъ зубовъ рыбы „пирай“ (*Serrosalmus pigaia*), а другой—обвертывается особой ватой, получаемой отъ *Bombax seiba*, и обматывается волокнами „шелковой травы“. Благодаря ватѣ, стрѣла плотно вхо-

дить въ дуло, торчитъ въ срединѣ трубки (не лежитъ на днѣ ея) и конецъ ея удерживается у нижняго отверстія трубки, въ которое дуютъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, вмѣсто ваты, употребляется тонкая древесная кора, которая прикрѣпляется къ стрѣлѣ такимъ образомъ, что образуетъ полый конусъ на ея концѣ и родъ парныхъ крыльевъ (перьевъ) вдоль древка, способствующихъ вращенію стрѣлы при полетѣ. Наконечникъ этихъ стрѣлъ дѣлается изъ желѣза и, подобно деревяннымъ, намазывается ядомъ. При этомъ существуетъ особое приспособленіе для того, чтобы вложенныя въ колчанъ и намазанныя ядомъ стрѣлы не ломались и не могли нечаянно оцарапать руку. Передъ тѣмъ, какъ вложить стрѣлу въ трубку, индѣецъ обыкновенно надрѣзываетъ ее кругомъ, недалеко отъ острія, зубомъ рыбы пираи, такъ, что остріе держится на тоненькомъ черешкѣ и, попадая въ животное или человѣка, отламывается отъ древка и остается въ ранѣ. „Зарабатана“ и „пукуна“ въ употребленіи у различныхъ племенъ Бразиліи, Гвіяны и Даріенскаго перешейка. Въ тропическихъ лѣсахъ эти духовыя ружья представляютъ то преимущество передъ огнестрѣльными, что они безшумны и не пугаютъ дичи, а между тѣмъ довольно дальнотбойны, и стрѣлы летятъ изъ нихъ на разстояніе пятидесяти и болѣе саженъ съ такою быстротою, что нельзя даже замѣтить ихъ полета ¹⁾).

Метаніе посредствомъ дощечки или выдувательной трубки встрѣчается однако лишь въ немногихъ областяхъ земной поверхности и можетъ быть разсматриваемо скорѣе какъ исключеніе изъ общаго правила. Въ большинствѣ странъ, въ теченіи ряда послѣдовательныхъ эпохъ, главнымъ метательнымъ оружіемъ служилъ лукъ, изобрѣтеніе котораго относится, по всей вѣроятности, къ древнѣйшему каменному вѣку (палеолитической эпохѣ). Какимъ образомъ люди дошли до того, чтобы воспользоваться эластическимъ лукомъ для его сгибанія и натяженія посредствомъ тетивы, по мнѣнію Клемма, прослѣдить невозможно, но Лэнъ-Фоксъ полагаетъ, что на это могло навести дикаря, при его странствіяхъ въ тропическихъ лѣсахъ, повседневное наблюденіе надъ гибкостью сучьевъ, выказывающихъ значительную эластическую силу при своемъ разгибаніи. Лэнъ-Фоксъ полагаетъ, что стрѣлѣ предшествовалъ дропикъ, а луку — метательная дощечка, но что, разъ лукъ былъ изобрѣтенъ и употребленіе его распространилось, онъ долженъ былъ скоро вытѣснить метательную дощечку, которая удержалась только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ лукъ остался неизвѣстнымъ, или гдѣ (какъ въ полярныхъ странахъ) встрѣчалось затрудненіе въ добычаніи пригоднаго для выдѣлки его дерева.

Наблюденіе надъ силою, которую проявляютъ эластическіе сучья при ихъ разгибаніи, должно было повести прежде всего, по мнѣнію Лэнъ-Фокса, къ устройству западней для ловли звѣрей, весьма употребительныхъ въ лѣсныхъ областяхъ Африки и Азіи, и которыя устраиваются обыкновенно такъ, что на согнутомъ эластическомъ древесномъ сукѣ прикрѣпляется копье, которое легко срывается при быстромъ разгибаніи сука и вонзается въ проходящаго лѣсной тропинкой звѣря. Опытъ могъ показать, что если подобный сукъ согнуть помощью длиннаго ременнаго шнура или веревки и приспособить такъ, чтобы копье металось этою натянутой веревкой, а не самимъ сукомъ, то сила и мѣткость копья увеличиваются, а отсюда, какъ думаетъ Лэнъ-Фоксъ, недалеко былъ переходъ и къ изобрѣтенію лука. Любопытно, что у нѣ-

¹⁾ Wood. The Natural History of Man. II, p. 464—467 и 582—588.

которых дикарей лукъ и теперь еще напоминает о первоначальномъ своемъ происхожденіи тѣмъ, что дерево его согнуто дугою только на одномъ концѣ, а на другомъ — прямо или слегка изогнуто въ обратномъ направленіи. Такіе несимметричныя луки употребительны у жителей Большаго Анзаманскаго острова въ Бенгальскомъ заливѣ и у меланезійскихъ племенъ острововъ Малликолло, Ново-Гебридскихъ и Новой-Ирландіи ¹⁾. Въ большинствѣ случаевъ, однако, лукъ бываетъ изогнутъ симметрично, хотя устройство его представляетъ различія по областямъ. Различія эти могутъ быть сведены къ трѣмъ типамъ: а) простой лукъ; б) сложный и в) самострѣлъ. Простой

Рис. 3. Лукъ (несимметричный) жителей острова Большаго Андамана (Man).

Рис. 4. Простой лукъ (arcus).

лукъ дѣлается изъ одного согнутаго сука; это—arcus Римлянъ, названный такъ по его сходству со сводомъ или аркой. Величина (длина) такого лука варьируетъ отъ 2 до 7 футовъ. Луки крупныхъ размѣровъ (7—5 ф.) употребительны у Папуасовъ Новой Гвинеи,—Негритосовъ Филиппинскихъ острововъ,—Веддовъ острова Цейлона, Дравидовъ—Индіи, многихъ негритянскихъ племенъ Африки, а также были въ употребленіи у многихъ племенъ индѣйцевъ Сѣверной Америки (впрочемъ, повидимому, только въ южныхъ и восточныхъ ея частяхъ) и Южной—(у Ароваковъ, Ботокудовъ и др.). Меньшаго размѣра луки были найдены у перуанскихъ индѣйцевъ, у Малайцевъ, особенно же у Бушменовъ Южной Африки, у которыхъ они не длиннѣе двухъ футовъ (при толщинѣ, въ центрѣ, въ дюймъ), но могутъ метать стрѣлы на разстояніе около 250 шаговъ. Народы Западной Европы употребляли также простой лукъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ мало имъ пользовались. У Галловъ лукъ былъ въ употребленіи, но Римляне, напримѣръ, не особенно его цѣнили и, въ качествѣ лучниковъ, въ ихъ войскахъ служили Критяне и другіе союзники ²⁾. У Франковъ и Саксовъ лукъ также не считался главнымъ оружіемъ; Тацитъ, впрочемъ, упоминаетъ о лучникахъ въ германскихъ войскахъ и извѣстенъ случай, когда Римляне были приводимы въ замѣшательство массой стрѣлъ, пущенныхъ въ нихъ Германцами ³⁾. Линденшмидтъ приводитъ даже извѣстія о Готахъ,

¹⁾ *L. Fox. Observations on M-r Man's Collection of Andamanese and Nicobarese Objects* въ «Journal of the Anthropol. Institute» т. VII. 1878 г.—На Маломъ Андаманѣ луки, сдѣланные изъ бамбука, однако симметричны.—Несимметричныя имѣютъ расширенное плоское древко (вѣроятно для большей эластичности), которое, впрочемъ въ срединѣ (въ рукояткѣ) округлено, равно какъ и на концахъ.

²⁾ Страбонъ говоритъ о Галлахъ: «нѣкоторые употребляютъ также лукъ и пращу», но Цезарь упоминаетъ о большомъ числѣ лучниковъ въ Галліи: *Bell. Gall. VII. 31. «Vercingetorix sagittarios omnes quorum erat permagnus numerus in Gallia conquiri et ad se mitti jubet.* Римляне стали употреблять лучниковъ со времени 2-ой Пунической войны. Пользу лука сознавалъ Ю. Цезарь. Въ сраженіи при Диррахиумѣ одно укрѣпленіе, занятое войсками Цезаря, было такъ засыпано стрѣлами войскъ Помпея, что по выручкѣ его въ немъ нашлось до 30,000 стрѣлъ, а щитъ одного центуріона былъ проткнутъ 230 стрѣлами. Въ другой разъ лучники Помпея прогнали конницу Цезаря. Въ сраженіи при Изиставитѣ Германикъ имѣлъ при себѣ пѣшихъ и конныхъ лучниковъ. См. Klemm, l. c. s. 317.

³⁾ Аммианъ Марцеллинъ (XIV, 10) сообщаетъ, что въ 354 г., когда Императоръ Констанцій II хотѣлъ перейти Рейнъ у Базеля, чтобы наказать Алеманновъ, Римляне подверглись такому дождю стрѣлъ, что не могли окончить постройку понтоннаго моста. По свидѣтельству Прокопія и Агаеія, походъ Римлянъ при Квинтинѣ въ 388 г. неудался, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отпора даннаго франкскими лучниками.

Фризахъ, Вандалахъ и другихъ племенахъ Германцевъ, доказывающія, что лукъ былъ у нихъ довольно распространенъ, и то же подтверждаютъ нѣкоторыя статьи древнихъ германскихъ законодательныхъ памятниковъ ¹⁾. О формѣ древне-германскихъ луковъ даютъ понятіе остатки ихъ изъ древнихъ могилъ, особенно изъ разрытыхъ въ Лупфенѣ близъ Оберфлахта, гдѣ было найдено восемь луковъ, вмѣстѣ съ другимъ оружіемъ, въ плотно закрытыхъ гробахъ—колодахъ. Могилы эти относятся, правда, къ эпохѣ, нѣсколько позднѣйшей, чѣмъ меровингская, тѣмъ не менѣе содержаніе ихъ представляетъ столько сходнаго съ гробницами послѣдней, что, по Линденшмидту, найденные здѣсь луки воспроизводятъ, несомнѣнно, древнюю Наудонольную форму. Луки эти сдѣланы изъ тисоваго дерева, имѣютъ въ длину семь футовъ (только одинъ—6) и слабо согнуты. По мнѣнію Линденшмидта, при навязываніи тетивы, они выгибались въ противоположную сторону, чѣмъ усиливалось ихъ натяженіе и метательная сила. Въ срединѣ, гдѣ лукъ схватывался лѣвою рукою, онъ толще; на обоихъ утонченныхъ концахъ видны зарубки для привязыванія тетивы.

Въ торфеникахъ Нидама и Ташберга въ Шлезвигѣ также находили отчасти цѣлые, отчасти поломанные, величиной отъ 4 до 9 футовъ, древко коихъ или овальное (въ поперечномъ разрѣзѣ), или плоское на внутренней и выпуклое на наружной сторонѣ, иногда съ нарѣзаннымъ орнаментомъ или съ острыми, металлическими наставками на концахъ. Любопытно, что луки, подобные

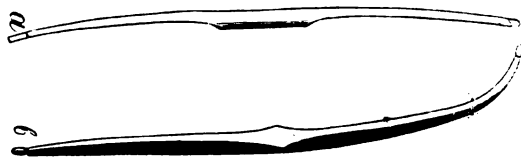

Рис. 5. Европейскіе простые луки доисторическаго періода: а) лукъ изъ тисоваго дерева, найденный въ одной древне-германской могилѣ (Lindenschmidt); б) лукъ, тоже тисовый, изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи (Mortillet).

германскимъ и сдѣланные также изъ тисоваго дерева, были находимы въ отложеніяхъ каменнаго вѣка въ свайныхъ постройкахъ Робенгаузена. (Mortillet, Musée préhistorique. pl. XLV. № 410). Въ средніе вѣка лукъ употреблялся Нѣмцами какъ для охоты, такъ и въ качествѣ военнаго оружія, Императоръ Фридрихъ былъ ловкій стрѣлокъ, и при осадѣ Милана лично пустилъ одну стрѣлу въ городъ. Въ старинныхъ гравюрахъ на деревѣ Бургмайера есть изображеніе императора Максимилиана, сгибающаго одинъ конецъ лука для зацѣпленія за него петли отъ тетивы; лукъ этотъ простой, деревянный, дугообразный.—Французы не отличались въ стрѣльбѣ изъ лука и мало имъ пользовались, но въ Испаніи еще во второй половинѣ XVI вѣка лейбъ-гвардейцы Филиппа II были вооружены луками. Важнымъ орудіемъ былъ, повидимому, лукъ у Норманновъ, которые ввели его и въ Англію. Здѣсь онъ имѣлъ значеніе главнаго оружія, и Англичане считались въ средніе вѣка первыми лучниками въ Западной Европѣ. Лукъ продолжалъ употребляться въ Англіи до эпохи королевы Елисаветы, а у горныхъ Шотландцевъ даже до половины XVII вѣка. Англійскій лукъ былъ простой, въ формѣ дуги, длиною отъ 6 ф. до 6 фут. 6 дюймовъ, и дѣлался, большею частію, изъ тисоваго дерева. Стрѣлы пускались изъ него на разстояніе отъ 50 до 100 сажень, но были искусники, которые попадали въ 150 и даже 250 саженьяхъ. О силѣ, съ какою

¹⁾ Lindenschmidt, Handbuch der deutschen Alterthumskunde. S. 157—161. Стрѣлы (и даже ядовитыя) упоминаются у Франковъ, Вандавовъ, Лангобардовъ. Готскимъ стрѣлкамъ Вегетъ приписываетъ многія пораженія Римлянъ. Остъ-Готскій король Теодорикъ отличался своимъ искусствомъ метанія стрѣлъ и еще болѣе Алигернъ, братъ короля Остъ-Готовъ. У Фризовъ—каждый воинъ обязанъ былъ являться съ лукомъ и стрѣлами. Карлъ Великій приказывалъ, чтобы и конница была вооружена луками.

пускались стрѣлы, даетъ понятіе опытъ, произведенный королемъ Эдуардомъ VI и имъ самимъ записанный, надъ стрѣльбою (вѣроятно—на недалекомъ разстояніи) ста лучниковъ его гвардіи. Стрѣлы металась въ доску изъ крѣпкаго строеваго лѣса, толщиной въ дюймъ, и многія изъ нихъ проходили насквозь и втыкались въ другую доску, поставленную сзади первой ¹⁾. Фактъ этотъ свидѣтельствуесть, что простой лукъ въ опытныхъ рукахъ, развитыхъ упражненіемъ, могъ быть весьма сильнымъ металельнымъ оружіемъ, но у дикихъ народовъ онъ употреблялся большею частію на меньшемъ разстояніи и далеко не выказываетъ такой силы.

Первоначальное мѣсто происхожденія простаго лука не можетъ быть опредѣлено съ достовѣрностію: исторія застаесть его въ нѣсколькихъ разобщенныхъ между собою областяхъ,—въ Америкѣ, Африкѣ и Южной Азіи, такъ что возможно, что онъ имѣлъ нѣсколько центровъ распространенія. Въ Южной Америкѣ, у нѣкоторыхъ племенъ Перу, Гвіяны, а также въ древней Мексикѣ—лукъ былъ снабженъ, на его передней сторонѣ, болѣе или менѣе глубокимъ желобкомъ, въ который вкладывалась другая стрѣлка, для замѣны спускаемой, и которая держалась лѣвою рукою вмѣстѣ съ лукомъ. Употребленіе лука на Новой Гвинѣе могло быть заимствовано у Малайцевъ, подобно обычаю возводить жилища на столбахъ и употребленію цилиндрическихъ мѣховъ изъ тростника. У Папуасовъ Новой-Каледоніи лука нѣтъ, такъ же какъ у Тасманійцевъ и Австралійцевъ (за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ племенъ, живущихъ насупротивъ Новой Гвиней). Впрочемъ, Малайцы, хотя и знаютъ лукъ, но мало пользуются имъ на войнѣ, а Бугисы даже вовсе его не употребляютъ. Тѣмъ не менѣе, есть основанія думать, что употребленіе лука распространилось въ Меланезіи и Полинезійи отъ Малайцевъ. На это указываетъ уже сходство его названій на разныхъ островахъ: Рена, Гапа, Кауфана и т. д. съ малайскимъ *Rappah*. На нѣкоторыхъ изъ Ново-гебридскихъ острововъ—стрѣла и лукъ называются одинаково *fana*, что указываетъ, по всей вѣроятности, на заимствование, такъ какъ во всѣхъ другихъ языкахъ лукъ и стрѣла носятъ различныя названія. Любопытно, что на островахъ Дружбы на наружной сторонѣ лука дѣлался такой же желобокъ для стрѣлы, какъ и у нѣкоторыхъ племенъ Америки. У Папуасовъ и Меланезійцевъ лукъ служитъ военнымъ оружіемъ, но въ Полинезійи, къ востоку отъ острововъ Фиджи и—Дружбы, онъ употребляется только для забавы, для состязанія въ силѣ и для охоты за крысами.

Изъ племенъ Азіи, кромѣ Малайцевъ, простой лукъ употребляется (или употреблялся племенами Декани (Дравизами) въ Индіи, Минкопіями—жителями Андоманскихъ острововъ, Негритосами—Филиппинскихъ, племенами Бутана и Ассама, Ведами—острова Цейлона, и Айнами—острова Іезо, южной части Сахалина и острововъ Курильскихъ. Въ Африкѣ, по словамъ Барта, имъ рѣдко пользуются Богирми и другіе племена къ югу отъ острова Чадъ, но его упоминаесть у Эфіоповъ еще Геродотъ, а новѣйшіе путешественники встрѣтили его у многихъ народовъ центрального Судана, Восточной и Южной Африки. Племена Кафровъ, однако, большей частью его не употребляютъ, хотя въ сосѣдствѣ ихъ и живутъ народы, употребляющіе лукъ, съ которыми Кафрамъ приходится и воевать. Но Кафры надѣются болѣе на свои дротики и щиты, чѣмъ на лукъ, и дѣйствительно, имъ удалось одолѣть и отгнать первобытное населеніе Юго-восточной Африки.

¹⁾ *Lane Fox*. I. с. р. 46.

Причина, почему некоторые народы, в том числе и Кафры не усвоили себе лукъ (хотя, по свидетельству Барбозы, восточные Кафры имѣли луки въ XVI вѣкѣ) заключалась, повидимому, в томъ, что они не нашли себе выгоды въ его употребленіи. Стрѣляя изъ лука, воинъ долженъ открыть свое тѣло для стрѣлъ противника, и ему невозможно при этомъ закрыться щитомъ. Кафры же (зулусы) употребляютъ щитъ такой величины и формы, что онъ почти совершенно закрываетъ тѣло. Здѣсь умѣстно замѣтить, что такіе большіе и высокіе щиты должны были развиваться, сравнительно поздно. Первоначальные щиты были, несомнѣнно, узкіе, и какъ показалъ Лэнъ Фоксъ, ведутъ свое происхожденіе отъ палокъ или дубинокъ, которыми оборонялись отъ пращей и дротиковъ. Подобныя палки употребительны и теперь у первобытныхъ обитателей Австраліи, гдѣ онѣ извѣстны подъ названіями: Mulga, Magga, Тамаганг и др. Простѣйшая форма ихъ—это дубинка, длиною около 30—40 дюймовъ, нѣсколько расширенная и утолщенная въ срединѣ и—постепенно или болѣе рѣзко—суженная къ концамъ. Дѣлается она изъ твердой коры нѣкоторыхъ видовъ эвкалиптовъ или другаго твердаго дерева и имѣетъ видъ узкой лодочки, иногда даже съ продольнымъ килемъ на выпуклой передней сторонѣ и съ плоской исподней стороной. Въ срединѣ палки, въ утолщенной ея части, прорѣзается съ боку на бокъ сквозное отверстіе, въ которое можно просунуть четыре пальца лѣвой руки, а на наружной, выпуклой сторонѣ, наводятся рѣзбою различныя узоры. Орудіе это служитъ, главнымъ образомъ, для отраженія ударовъ метательныхъ палицъ (не бумеранговъ), а также и дротиковъ. Воинъ держитъ его въ лѣвой рукѣ (въ правой у него — копье, дротикъ, палица или бумерангъ) и ловко вращая имъ передъ собою въ ту и другую сторону, быстро отталкиваетъ летящіе въ него палицы и дротики. При длинѣ въ 30—40 дюймовъ эти „мульги“ имѣютъ въ ширину только 2 дюйма, а въ толщину—около 5. Для защиты руки, крѣпко держащей мульгу, сквозное отверстіе въ ней выстилается иногда кусочкомъ шкурки кенгуру. Нѣкоторыя мульги дѣлаются шире въ срединѣ, до 10 дюймовъ, но всегда онѣ сужены къ концамъ, которыми и отражаютъ главнымъ образомъ удары ¹⁾. Подобныя же парирующія орудія или очень узкіе щиты были найдены на нѣкоторыхъ островахъ Полинезіи (Кингсмильскихъ, Самоа), на островахъ Молуккскихъ и на Борнео. Мы встрѣчаемъ ихъ также въ Индіи, въ видѣ двухъ роговъ антилопы, соединенныхъ своими основаніями и представляющихъ такимъ образомъ постепенно изогнутую палку съ острыми концами (она называется Маду или Мару). Ею также вертятъ въ сраженіи для отраженія ударовъ метательныхъ орудій (палицъ) и дро-

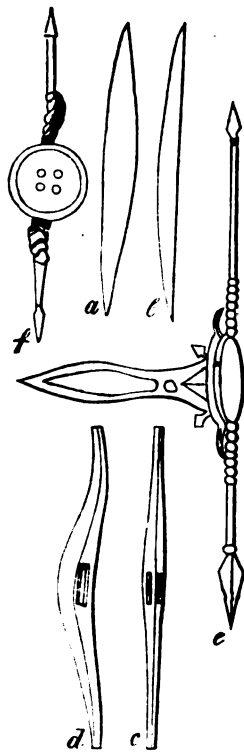

Рис. 6. Простѣйшіе щиты *a, b*—парирующія палки Австралийцевъ; *c, d*—тоже съ сквознымъ отверстіемъ для удобства держанія рукой; *e*—древнее японское металлическое орудіе—для парированія ударовъ и нападенія (Lane Fox); *f*—индійское орудіе изъ круглой металлической бляхи, защищающей руку, и двухъ остриевъ для парированія и нападенія (Wood).

¹⁾ Smith, The Aborigenes of Victoria I, p. 330—334.

тиковъ; въ крайнемъ же случаѣ она пускается въ ходъ и какъ кинжалъ съ двумя остріями, въ рукопашномъ бою. Обыкновенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ рога соединены своими основаніями, къ нимъ прикрѣплена круглая металлическая бляха, дающая защиту для руки, а иногда на наружной сторонѣ этой бляхи укрѣплено еще круглое металлическое остріе, которое при натискѣ также приноситъ пользу. Въ болѣе совершенной формѣ все оружіе дѣлается изъ стали и имѣетъ тогда видъ короткаго копья, съ остріями на верхнемъ и нижнемъ концахъ и съ перпендикулярнымъ остріемъ на бляхѣ. Оружія такого рода были въ употребленіи въ прежнее время и у Японцевъ. Въ Африкѣ—мы встрѣчаемъ простыя парирующія дубинки у Готтентотовъ, и старинный путешественникъ Кольбенъ былъ свидѣтелемъ необыкновенной ловкости, съ какою Готтентоты отражали удары пращей своими „кирри“. Племя Динка въ восточной центральной Африкѣ имѣетъ узкіе выпуклые щиты, въ родѣ лодки или широкаго лука, концами которыхъ они ловко парируютъ пускаемые въ нихъ непріателемъ дротики. Подобныя же узкіе парирующіе щиты были встрѣчены и у другихъ африканскихъ племенъ, а одинъ щитъ такой формы (узкая палка съ небольшимъ круглымъ расширеніемъ въ срединѣ) былъ найденъ и въ древне-египетской гробницѣ (теперь хранится въ Луврскомъ музее). У другихъ африканскихъ народностей щитъ является уже болѣе широкимъ, но все таки, въ большинствѣ случаевъ, онъ удерживаетъ признаки своего развитія изъ парирующей дубинки. Ширина его достигается тѣмъ, что къ дубинкѣ прикрѣпляется, съ наружной стороны, овальный или удлиненно-четыреугольный кусокъ толстой кожи или такой же формы плетенье изъ камыша, или, наконецъ, кусокъ толстой древесной коры. Но эта покрывка не идетъ вдоль всей дубинки, оба конца которой остаются

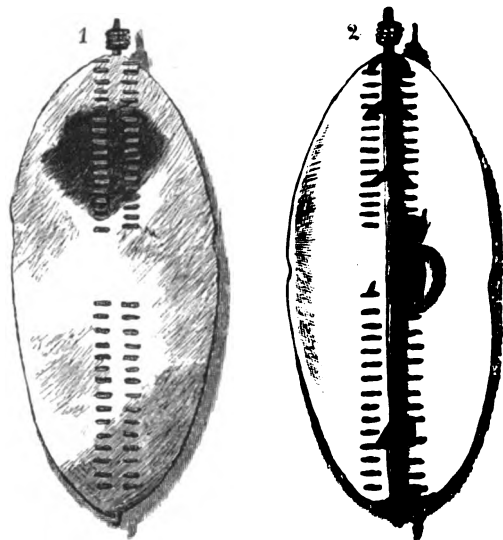

Рис. 7. Щитъ кафра, съ наружной и внутренней стороны. Состоитъ изъ палки, къ которой прикрѣпляется большой овальный кусокъ бычачьей кожи (Wood).

неприкрытыми (вершка на 2—4 каждый) и ими то, главнымъ образомъ, и производится парируваніе ударовъ метательныхъ орудій при вращеніи щита передъ собою ¹⁾. Дальнѣйшее развитіе представляетъ щитъ Кафровъ, который дѣлается обыкновенно изъ бѣлой ил и пѣгой коровьей шкуры, имѣетъ овальную форму и по величинѣ немногимъ меньше человѣческаго роста. Онъ укрѣпляется на длинной круглой палкѣ, которая проходитъ вдоль всей его длины и выдается на 2—4 вершка вверху и внизу. Палка эта просовывается въ петли, придѣланныя на задней сторонѣ щита, по средней его линіи, и можетъ выниматься и снова вставляться. Она служитъ для удержанія щитомъ его формы и для удобства его вращенія при парируваніи ударовъ во время сраженія. Щитъ имѣетъ такую величину, что, поставленный передъ воиномъ (на нижній конецъ

¹⁾ У нѣкоторыхъ племенъ негровъ (а также — въ слабой степени и у Кафровъ) по срединѣ боковыхъ краевъ длиннаго овальнаго щита дѣлаются еще вырѣзки (иногда столь значительныя, что щитъ принимаетъ форму цифры 8). Происхожденіе ихъ можно объяснить или потребностью удобнѣе наблюдать за противникомъ изъ-за щита или сдѣлать болѣе удобнымъ метаніе копья, не отодвигая при этомъ щита въ сторону.

палки), онъ закрываетъ его почти всего и верхній конецъ палки (который обматывается обыкновенно нѣсколькими полосками мѣха) приходится противъ лба, такъ что глаза воина смотрятъ поверхъ щита, по сторонамъ верхняго конца дубины. Имѣя такой щитъ, держа его за средину палки или за особую, прилаженную здѣсь, петлю лѣвою рукою (въ которой держатся еще, обыкновенно, нѣсколько запасныхъ дротиковъ), кафрѣ имѣеть правую руку свободно—для метанія дротика или палицы—и такимъ образомъ можетъ одновременно и защищать себя и поражать противника. Это составляетъ такое преимущество, что имъ можно вполне объяснить, почему Кафры не усвоили себѣ лукъ, при которомъ подобная защита является невозможною ¹⁾.

Есть основаніе думать, что древнѣйшій щитъ европейскихъ народностей также былъ узкій и длинный, и служилъ главнымъ образомъ для парирования ударовъ пращей и дротиковъ. Правда, древнѣйшіе изъ щитовъ, найденные на почвѣ Европы, относятся только къ „бронзовому“ вѣку и имѣютъ круглую форму, но такіе щиты (ихъ найдено лишь нѣсколько экземпляровъ въ Англіи, Даніи, Италіи) могли носиться только вождями, и были, несомнѣнно, слишкомъ дороги для рядовыхъ воиновъ. При этомъ обыкновенно находятъ не цѣльные щиты, а лишь срединную ихъ часть, ишбо, и это не только въ могилахъ „бронзоваго“ періода, но и болѣе поздняго, „железнаго“, такъ же какъ и въ могилахъ древнихъ Галловъ, Германцевъ и Славянъ.

Щиты позднѣйшаго кельтическаго періода, за 200—100 л. до Р. Х., судя по образцамъ, найденнымъ въ Англіи, имѣли удлиненную овальную форму и такіе же длинные щиты изображены въ рукахъ воиновъ на нѣкоторыхъ британскихъ монетахъ, а равно и у Норманновъ, пѣшихъ и конныхъ, на Матильдовой пеленѣ XI вѣка, гдѣ они представлены заостренными книзу). Въ большинствѣ случаевъ, какъ уже сказано, изъ металла дѣлалась только средняя выпуклая чашка щита, ишбо, а остальной щитъ былъ деревянный, плетеный или кожаный, иногда только еще съ металлической обивкой по краю ²⁾. Umbo германскихъ щитовъ (а также древне-славянскихъ) имѣеть обыкновенно форму круглой части, или заостреннаго колпака, иногда еще съ шишкой или остриемъ въ срединѣ. Съ внутренней вогнутой стороны umbo снабжалось перекладиной, за которую воинъ и держалъ щитъ, причемъ его рука была вполне ограждена отъ ударовъ. Иногда эта перекладина продолжалась за край umbo, шла

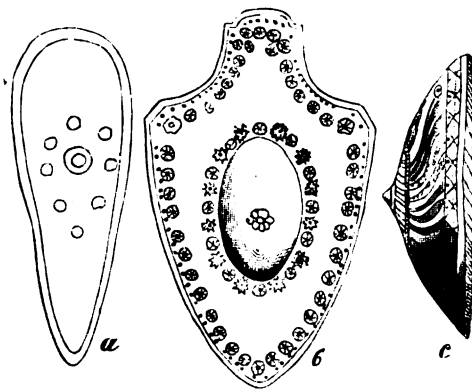

Рис. 8. Древніе щиты: а Норманскій (съ Матильдовой пелены) (Погодинъ); б—сердцевидный и с круглый (въ профиль)—Русскіе (Савваитовъ).

¹⁾ Lane Fox, l. c. p. 6—10, 12. По словамъ Петерика, племя Ньямъ-Ньямъ центральной Африки имѣеть овальные щиты, плетеные изъ камыша или изъ пальмовыхъ листьевъ. Такой щитъ не въ состояніи отразить дротика, но воинъ, легкими движеніями щита вправо или влево предохраняетъ себя отъ ударовъ и, такъ сказать, ловить дротики, которые застрѣваютъ въ его щитѣ и которые онъ потомъ выдергиваетъ и присвоиваетъ себѣ.

²⁾ Umbo было заимствовано Германцами у Римлянъ. Снаружи щитъ окрашивался бѣлой или красной краской, и выраженіе „насколько видѣнъ щитъ“ служило для опредѣленія дальности разстояній. Такъ какъ щиты дѣлались, преимущественно изъ дерева и кожи, то понятно замѣчаніе Агаѳіаса о франко-алеманскомъ войскѣ, что, готовясь къ сраженію, оно занималось исправленіемъ своихъ поломанныхъ щитовъ. По Григорію

вдоль середины щита и служила, очевидно, опорой ему, въ видѣ палки. Umbo съ его шишкой или остриемъ служило оружіемъ въ рукахъ воина для низверженія врага („ferire umbonibus“—было военнымъ приемомъ батавскихъ легионовъ, по Тациту; въ поэмѣ, прославляющей Вальтарія, при описаніи сраженія, говорится о смятіи ударами твердыхъ umbo—„sternitur et quaedam pars duro umbrone virorum Walth. v. 195).

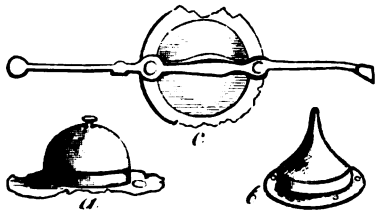

Рис. 9. Umbo—древнихъ Германскихъ щитовъ: круглое, шишакомъ и—съ перекладиной, служившей опорой кожаному или деревянному щиту (Lindenschmidt).

Лэнъ Фоксъ полагаетъ, что покрывка щитовъ, въ древнѣйшія эпохи, состояла часто изъ камышеваго плетенья, какъ это замѣчаетъ Тацитъ о германскихъ щитахъ; понятно, что отъ нея, такъ же какъ и отъ дерева и кожи, только въ рѣдкихъ случаяхъ могли сохраниться въ могилахъ немногіе остатки ¹⁾. Что щитъ у древнихъ европейскихъ народовъ былъ часто узкій и служилъ главнымъ образомъ для парирования ударовъ, доказываетъ описаніе Титомъ Ливіемъ сраженія между Римлянами и Галлами на горѣ Олимпѣ, въ 189-мъ году до Р. Х. Ливій говоритъ, что щиты Гал-

ловъ были длинные, но узкіе, такъ что не прикрывали тѣла, а въ рѣчи Кнея Манлія къ римскимъ воинамъ, при приближеніи Галловъ, говорится о послѣднихъ, что они „машутъ щитами особымъ, употребительнымъ въ ихъ странѣ, манеромъ“. Сидоній Аполлинарій, говоря о Франкахъ, также упоминаетъ объ ихъ игрѣ вращеніемъ щитовъ (clupeos rotare ludus). Щиты Римлянъ были большею частію круглые, но на памятникахъ можно видѣть также овальные, четырехугольные, выпуклые, даже шестиугольные. Щиты древнихъ Египтянъ были обыкновенно округленные, расширенные или суженные вверху и сръзанные поперекъ внизу, иногда почти треугольные, съ заостреннымъ верхнимъ концомъ, и подобная форма, или сердцевидная, встрѣчается иногда и на средневѣковыхъ щитахъ западной Европы ²⁾. Щиты древнихъ Ассирійцевъ и Грековъ имѣли, обыкновенно, круглую форму, какъ и позднѣйшіе щиты восточныхъ, азіатскихъ народовъ, но, по мнѣнію Лэнъ Фокса, такая круглая форма

Турскому, щиты Франковъ были деревянные и воины Сигиберта переплывали рѣку на щитахъ. О покрывкѣ франкскихъ щитовъ Павелъ Діаконъ замѣчаетъ, что войско Хильдеберта, мучимое голодомъ, пользовалось ими равно какъ и своимъ платьемъ для приготовленія пищи (т. е. тли кожу). Страбонъ говоритъ, что щиты Роксоланъ были изъ толстой бычачьей кожи. Umbo прикрѣплялось четырьмя гвоздями, блестящія шляпки которыхъ такъ же какъ шлемъ—служили цѣлями для метаемыхъ копій. О рѣдкости въ древнее время щитовъ (по крайней мѣрѣ съ металлическимъ umbo) можно судить потому, что въ древнихъ могильникахъ Londinières и Evreux, въ восточной Франціи, изъ 860 могилъ—только 4 дали по одному umbo. Изъ 532 англо-саксонскихъ могилъ въ Гилтонѣ, Кингстонѣ и Сибертсвудѣ—было добыто 52 umbo, изъ 240 такихъ же могилъ въ другихъ мѣстностяхъ Англіи—только 2. Въ Майнцскомъ музеѣ хранятся 35 umbo—изъ 352 могилъ; 500 могилъ около Нордендорфа дали только 40 щитовъ. Въ бургундскихъ могилахъ, разрытыхъ близъ Bel-Air, не нашлось ни одного щита, въ могилахъ близъ Chagnay 21, изъ 77 могилъ близъ Бокума въ Вестфаліи—ихъ добыли три штуки. См. Lindenschmidt, l. c. S. 241—249. Въ славянскихъ курганахъ Россіи щиты встрѣчаются еще рѣже; ихъ добыто только нѣсколько штукъ—Д. Я. Самоквасовымъ въ черниговскихъ курганахъ, В. И. Сизовымъ—въ смоленскихъ и нѣкоторыми другими.

¹⁾ Въ Липпе-Детмольдѣ былъ найденъ въ одной древней могилѣ щитъ, плетеный изъ лозъ и покрытый кожей, со слѣдами бѣлой и красной окраски, длиною 5½ ф. и шириною 4 ф. 4½ дюйма. Klemm. l. c. S. 377.

²⁾ Lindenschmidt. Tracht und Bewaffnung des römischen Heeres etc. Br. 1882. Weiss, Kostümkunde. 2-e Ausg. etc. 1881.

могла развиться только у конных народов, для которых длинный щитъ представляетъ неудобства. Въ доказательство онъ указываетъ на круглыя щиты сѣверо и южно-американскихъ степныхъ индѣйцевъ, — конницы племенъ Кано и Гаусса въ Африкѣ, Абиссинцевъ, Персовъ и Индусовъ, Китайцевъ, Японцевъ, Татаръ и Мавровъ. Старинныя русскіе щиты (см. рисунокъ № 8) были также круглыя (иногда сердце-видныя), имѣли *umbo* („навершье“ или „подвершье“ съ „яблокомъ“ и „маковкой“) и „кайму“ (окружную часть) и дѣлались изъ стали, желѣза, мѣди, камыша, дерева и кожи (иногда и инороговой, т. е. носорога), иногда съ серебряной насѣчкой, съ позолотой, съ бахромой или галуномъ „по вѣнцу“ (краю) и съ подкладкой или „подушкой“ на исподней сторонѣ, а также часто окрашивались снаружи въ красный цвѣтъ ¹⁾. Гербертштейнъ упоминаетъ еще объ угловатыхъ щитахъ, какъ у Грековъ, но образцы ихъ не сохранились въ музеяхъ. Древнѣйшіе щиты времени Святослава были, по описанію Льва Дьякона, длинныя до самыхъ ногъ, т. е., вѣроятно, овальныя, съ суженнымъ нижнимъ концемъ, какъ у Норманновъ (судя по изображеніямъ на Матильдовой пеленѣ XI вѣка ²⁾). Большею частью въ щитахъ съ исподней стороны дѣлалась одна рукоятка (иногда еще ремень—для вѣшанія на спину), но въ римскихъ и средневѣковыхъ щитахъ также нѣкоторыхъ восточныхъ и русскихъ часто было двѣ, такъ что воинъ могъ продѣвать въ нихъ лѣвую руку до плеча и свободными пальцами держать поводья лошади или дротикъ.

Если нѣкоторые народы совершенно не усвоили себѣ лукъ изъ-за щита, то другіе, употреблявшіе нѣкогда лукъ и стрѣлы, по какимъ-то причинамъ въ послѣдствіи оставили ихъ и замѣнили другимъ оружіемъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не западную Европу, смѣнившую лукъ на огнестрѣльное оружіе, а нѣкоторыя племена Южной Америки, какъ Патагонцевъ, Индѣйцевъ пампасовъ, Абипонцевъ и другихъ, въ области которыхъ находятъ много древнихъ наконечниковъ стрѣлъ, но которые, со времени знакомства съ ними европейцевъ, употребляютъ, замѣсто стрѣлъ, лассо и боласъ, т. е. метательныя шары. Шары эти состоятъ обыкновенно изъ двухъ или трехъ круглыхъ камней, величиной съ апельсинъ, обтянутыхъ кожею и соединенныхъ крѣпкой веревкой или ремнемъ въ 3—4½ фута длиною. Размахивая веревкой, Индѣйцы кидаютъ шары въ звѣря или человѣка, на разстояніи до 100 шаговъ, и падаютъ весьма мѣтко, причемъ шары обвиваются вокругъ ногъ или головы и останавливаются или сбиваютъ съ ногъ. Меньшее оружіе, такъ наз. *bola perdita*, имѣетъ мѣдныя или свинцовыя шарики и бросается на разстояніе до 150 шаговъ. Иногда эти шарики не круглыя, а яйцевидныя или даже съ заостренными концами, и напоминаютъ подобное же оружіе нѣкоторыхъ эскимосскихъ племенъ, у которыхъ оно состоитъ изъ семи костяныхъ шариковъ на ремешкахъ изъ оленьихъ жилъ и служитъ для охоты за птицами. Подобныя же метательныя снаряды были въ употребленіи у Мексиканцевъ, Перуанцевъ, калифорнскихъ индѣйцевъ и даже въ Старомъ свѣтѣ (у од-

¹⁾ Въ Словѣ о полку Игоревомъ щиты всегда называются „червленными“: „русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша“, „подъ чрълеными щиты на кровавъ травѣ пратрепанъ Литовскими мечи“. Въ описаніи Куликовской битвы также упоминаются „щиты червленныя“, равно какъ и во многихъ старинныхъ описаніяхъ оружія. См. П. Саввантовъ описаніе старинныхъ царскихъ утварей. Сиб. 1865.

²⁾ См. „Историческое описаніе одеждъ и вооруженія рос. войскъ“ (Висковатого. Ч. I. 1843). О количествѣ щитовъ въ арміи Святослава даетъ понятіе одно греческое извѣстіе о побѣдѣ надъ Руссами, которые потеряли до 15 тысячъ человѣкъ и у которыхъ было взято болѣе 20,000 щитовъ.

ного племени персидской пустыни, выставившемъ контингентъ изъ 8000 человекъ въ армию Ксеркса). Первообразомъ всѣхъ этихъ боласъ были несомнѣнно пращи, камни, которые бросались или отъ руки, или помощью ремня, или особой петли, или наконецъ дощечки съ ямкой, и которыя употреблялись многими народами — отъ Полинезийцевъ, Готтентотовъ и Эскимосовъ — до Индусовъ, Египтянъ, Грековъ, Балеарцевъ и Скандинавовъ ¹⁾).

Возвращаясь къ луку, слѣдуетъ прибавить, что изображенія простаго лука встрѣчаются на древне-ассирійскихъ и египетскихъ памятникахъ, и что эта же форма лука существовала, какъ уже сказано, у Римлянъ, Галловъ и Германцевъ ²⁾. Но у Грековъ, Этрусковъ, Скивовъ и другихъ восточныхъ народовъ — вмѣсто простаго лука употреблялся съ древнѣйшихъ временъ лукъ *сложный*,

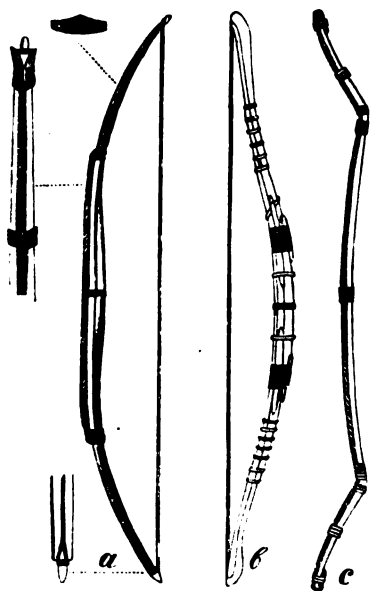

Рис. 10. Сложные луки: а — индѣйцевъ племени Атъ (Атл) Сѣверн. Америки; въ срединѣ (рукоятъ) и на концахъ онъ круглый, въ рогахъ — плоскій; эластичность его усилена шнуромъ который, искусно сплетенъ изъ нитокъ, ссученныхъ изъ сухожилий, и укрѣпленъ вдоль лука, какъ это видно на добавочныхъ рисункахъ (Wood); б — лукъ эскимосовъ Лабрадора изъ 5—6 деревянныхъ и костяныхъ частей, связанныхъ и перевитыхъ нитками изъ оленьихъ жилъ (Ratzel); в — лукъ эскимосовъ, безъ тетивы, изъ трехъ частей, соединенныхъ помощью ремня (Lane Fox).

который дѣлался изъ нѣсколькихъ соединенныхъ вмѣстѣ частей, именно изъ разныхъ сортовъ дерева, или изъ дерева и рога (также кости), и имѣлъ обыкновенно нѣсколько иную форму. Мѣсто происхожденія сложнаго лука, по мнѣнiю Лэнь Фокса, слѣдуетъ полагать въ такихъ странахъ, гдѣ лѣса нѣтъ, или гдѣ очень трудно добывать подходящiе, длинные и эластичные сучья, именно въ сѣверной полосѣ тундръ и тайги, въ прилегающихъ къ Ледовитому океану областяхъ Азiи, Европы и Америки. Здѣсь приходится довольствоваться только скуднымъ наноснымъ лѣсомъ или недостаточно гибкимъ хвойнымъ деревомъ, поэтому обыкновенный простой лукъ здѣсь не могъ быть изобрѣтенъ. Когда же знакомство съ лукомъ проникло сюда, откуда нибудь съ юга, то жившiе здѣсь народы должны были, для выдѣлки своихъ луковъ, или придумать комбинацiю хвойнаго дерева съ лиственнымъ (который могъ быть добываемъ лишь въ ограниченномъ количествѣ изъ лѣса, приносимаго теченiями), или же воспользоваться какимъ нибудь другимъ, доступнымъ эластическимъ матеріаломъ, какъ то: рогомъ (горнаго барана, мускуснаго быка, оленя), китовымъ усомъ, моржевымъ зубомъ, оленьими жилами и т. п. Такъ, Лопари дѣлали свои луки изъ твердаго хвойнаго дерева (лиственницы), обстрогавши который, они накладывали на него надлежащимъ образомъ приспособленную полоску березоваго

¹⁾ Lane Fox, I. с. р. 154—163. Переходъ нѣкоторыхъ племенъ индѣйцевъ отъ стрѣлъ къ боласъ былъ вызванъ, можетъ быть, превращенiемъ ихъ въ конныхъ народовъ (известно, что до прибытiя европейцевъ — лошади не было въ Америкѣ).

²⁾ На ассирiйскихъ, хеттiйскихъ и египетскихъ монументахъ, а также на памятникахъ древней Лидiи, встрѣчаются еще изображенiя угловатаго лука, древко котораго образуетъ тупой уголъ. Такiе луки едва ли могли обладать значительною силою и назначенiе ихъ трудно опредѣлить.

дерева, приклеивая ее рыбьим клеемъ и затѣмъ обматывая все лубомъ или берестой такъ плотно, что склейка нигдѣ не была замѣтна. Подобный же лукъ встрѣчается еще и теперь у Вогуловъ, у которыхъ въ составъ лука (древка) не входитъ ничего, кромѣ двухъ сортовъ дерева (склеиваемыхъ оленьимъ клеемъ) и бересты. Луки эти имѣютъ иногда до 6 фут. длины и концы ихъ только слегка загнуты въ обратную сторону. Эскимосы пользуются для изготовленія своихъ луковъ также хвойнымъ, наноснымъ лѣсомъ: вырѣзавъ изъ него соответственный кусокъ и выгнувъ его надлежащимъ образомъ на огнѣ, они прикрѣпляютъ къ нему, вдоль его одной стороны, клеемъ и оленьими нитками, крѣпкую веревку изъ оленьихъ сухожилий; такая жила значительно усиливаетъ эластичность лука ¹⁾. Иногда, для бѣльшей эластичности, вдоль одной стороны лука приклеиваются и привязываются еще: китовый усъ, полоски изъ оленьяго рога, моржеваго зуба или изъ рога мускуснаго быка. Такой сложный лукъ, въ ненапрянутомъ видѣ, вслѣдствіе бѣльшей эластичности рога, сгибается обыкновенно дугою взадъ, на манеръ буквы С, такъ что при надѣваніи на него тетивы его приходится, часто съ большимъ трудомъ, перегибать въ обратномъ направленіи. Бѣльшей частью, въ натянутомъ состояніи, сложный лукъ имѣетъ видъ не простой дуги, а изогнутой такимъ образомъ, что концы ея загибаются впередъ (а середина дуги нѣсколько взадъ). Такой видъ придается иногда намѣренно, при первоначальной выдѣлкѣ лука, согласно установившемуся шаблону, происхождение котораго, по мнѣнію Лэнъ Фокса, можно объяснить изъ формы лука, сдѣланнаго изъ однихъ роговъ. „Черноногіе“ (Blackfeet) и Орегоновыя Индѣйцы Сѣверной Америки употребляютъ луки, сдѣланные изъ роговъ горнаго барана. Распаривъ рогъ на огнѣ и перерѣзавъ его вдоль, они соединяютъ между собою половинки нижними концами, посредствомъ клея и оленьихъ жилъ, и общая форма такого лука весьма напоминаетъ двойко изогнутый лукъ Купидона. Такъ какъ сѣверная фауна и флора спускались нѣкогда гораздо далѣе на югъ, именно во время такъ называемаго ледниковаго періода, когда человѣкъ уже существовалъ въ Европѣ, и такъ какъ извѣстно, что въ отложеніяхъ палеолитической эпохи уже попадаются каменные и костяные наконечники стрѣлъ, то Лэнъ Фоксъ полагаетъ, что если въ Европѣ лукъ тогда былъ извѣстенъ, онъ могъ быть только сложнымъ и дѣлался, по всей вѣроятности, изъ дерева и рога. Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе широкое распространеніе сложнаго лука въ Сѣверной и Средней Азіи и въ Восточной Европѣ, можно думать, что онъ былъ изобрѣтенъ гдѣ нибудь въ предѣлахъ этого пространства и распространился уже отсюда, изъ одного центра, на Востокъ (въ Сѣверную Америку) и на Западъ. Сложный лукъ существовалъ, повидимому, съ незапамятныхъ временъ у Монголовъ, Турокъ, Манчжуръ, Тунгузовъ, Вогуловъ и другихъ народностей Сѣверной и Средней Азіи, также у нѣкоторыхъ племенъ Передней Азіи, Грековъ, Египтянъ, Этрусковъ и т. д. Въ Индію онъ проникъ съ сѣвера и путешественникъ начала XVI вѣка, Дуарте Барбоза, замѣчаетъ, что „Мавры“ Гужерата

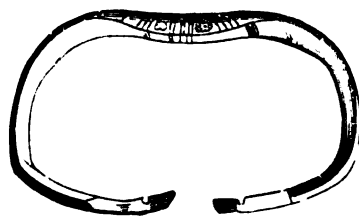

Рис. 11. Сложный лукъ изъ Индіи безъ тетивы, перегнувшійся дугою въ обратную сторону (Wood).

¹⁾ Образцы подобныхъ луковъ съ острова Кадьяка—можно видѣть въ Румянцевской коллекціи Московскаго Публичнаго Музея.

и Камбая употребляют „турецкій лук“, тогда какъ население Деккана имѣетъ длинный лукъ „той же формы, какъ англійскій“, слѣдовательно—простой. Въ Китай сложный лукъ также проникъ съ сѣвера отъ Монголовъ; въ Японію онъ былъ внесенъ Японцами, тогда какъ первобытное население японскихъ острововъ, Айны, употребляютъ

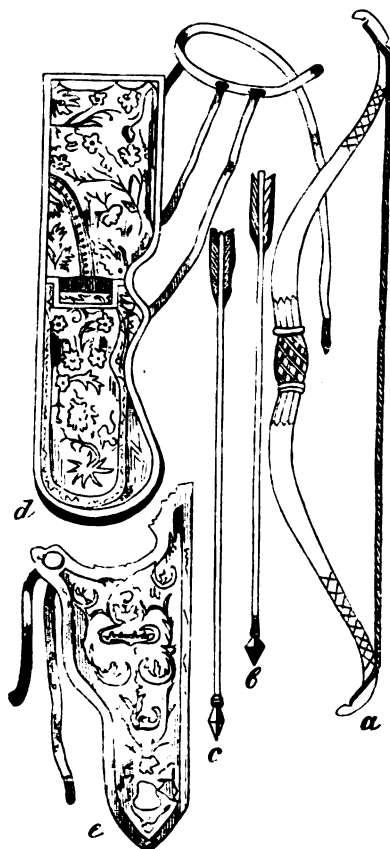

Рис. 12. (а) Старинный русскій богатый лукъ (b, c) стрѣлы, (d) колчанъ и (e) на-лучье (Саввантовъ).

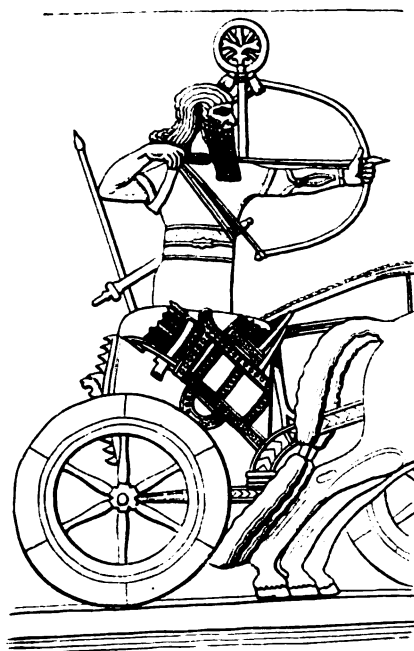

Рис. 13. Ассирійскій царь на колесницѣ, стрѣляющій изъ лука (съ берельева изъ дворца Ассурнатсирпала въ Калахъ (Нимрудъ), въ Британскомъ музеѣ)

еще и теперь — простой лукъ. Древній ассирійскій лукъ былъ также простой, и мы не встрѣчаемъ изображенія сложнаго лука на ассирійскихъ памятникахъ, но Персы усвоили его себѣ, повидимому во время войнъ со Скиѣами и Массагетами. Извѣстно, что лукъ имѣлъ значеніе важнаго оружія у Ассирійцевъ, цари которыхъ изображались нерѣдко мечущими стрѣлы, подобно тому, какъ и египетскіе фараоны ¹⁾. У Персовъ лукъ (сложный) игралъ также большую роль; на персидскихъ монетахъ изображался лучникъ и персидскіе луки славились до XVIII вѣка. Лукъ Тунгузовъ (по образцамъ Моск. Публичнаго Музея) сдѣланъ изъ двухъ сортовъ дерева и обвитъ плотно желтой берестой; съ задней стороны въ него вставлены (кромѣ середины, за которую держать лукъ рукою при натягиваніи) роговыя пластинки, а на концахъ прикрѣплены кости, въ которыхъ сдѣланы зарубки, для надѣванія петель тетивы. Луки Туркменъ

¹⁾ На египетскихъ изображеніяхъ (у Вилькинсона) видны и простые, и сложные луки. См. *Wilkinson*. I p. 203 и др.

дѣлались (по Клемму) изъ рога (горнаго барана), укрѣплялись сухожилиемъ или сыромятнымъ ремнемъ и покрывались краскою или позолотой. Лукъ Киргизовъ (также по образцу Моск. Публичнаго Музея) умѣренной величины (не болѣе 4½ футовъ) съ довольно длинными концами, загнутыми взадъ, въ которыхъ вставлены кости, обтянутыя рыбьей кожей, а ниже ихъ другія костяныя наставки, поперегъ которыхъ натянута тетива. Съ исподней стороны лука въ него вставлены роговыя пластинки, а наружная сторона разрисована узорами съ позолотою. Важнымъ значеніемъ пользовался лукъ (сложный) у Арабовъ и Турокъ, въ языкѣ которыхъ есть множество названій для отдѣльных видовъ луковъ, частей ихъ, тетивы, ея натягиванія, спусканія и т. д. Сложная форма лука была у Парянъ и у Даковъ, судя по изображеніямъ ихъ на Траяновой колоннѣ. Греческій лукъ былъ также сложный и форма его хорошо извѣстна изъ изображеній Эроса, Артемиды и Геракла, на статуяхъ, барельефахъ и монетахъ ¹⁾. Онъ дѣлался изъ рога (лукъ Пандара — у Гомера — изъ рога горнаго козла), или изъ дерева и рога, и мы знаемъ изъ описанія лука Одиссея — какъ иногда было трудно натянуть на него тетиву ²⁾. Греческая форма лука существовала также у Этрусковъ, какъ то доказываютъ изображенія на ихъ памятникахъ особенно въ Саеге (смотри рисунокъ № 33), а равно была извѣстна и Египтянамъ (хотя у нихъ употреблялся и простой лукъ), отъ коихъ перешла, повидимому, и къ нѣкоторымъ

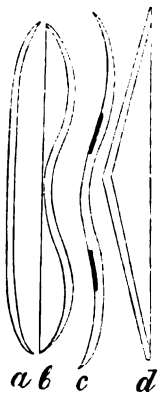

Рис. 14. Египетскіе луки: *a* — простой; *b* — сложный; *c* — сложный съ роговыми вставками; *d* — трёхугольный (Wilkinson).

Рис. 15. Монета Сиракузь — съ изображеніемъ стрѣляющей Артемиды и монеты Фазоса — съ изображеніемъ стрѣляющаго Геракла (Mionnet).

Рис. 16. Скиѣтъ съ лукомъ — съ изображенія на греческой вазѣ (Daremberg et Saglio).

племенамъ Негровъ. Съ греческими наемниками сложный лукъ распространился въ Италиі и въ XV—XVI вѣкахъ его формъ подражали здѣсь въ лукахъ изъ стали такъ же, какъ это дѣлали въ Индіи и въ другихъ мѣстахъ Востока (Въ Царскосельскомъ музеѣ — есть круглый желѣзный щитъ, итальянской работы XVI в., на которомъ

¹⁾ См. статью *arcus* въ Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines par *Daremberg et Saglio*. 2-me ed. 1875, p. 388—391; *Baumeister*, *Denkmäler des klassischen Altertums*, passim и др. Что касается монетъ, то изображенія Геракла съ лукомъ встрѣчаются на монетахъ Беотіи, Фазоса, Эминако и др.

²⁾ Рогъ Пандара такъ описывается въ IV пѣснѣ Илиады (ст. 105—111), въ переводѣ Гиздича:

Лукъ обнажилъ онъ лоснистый, рога быстро скачущей серны,
Дикой, которую нѣкогда самъ онъ подъ перси умѣтилъ,

Труды Гиздичаго съѣзда.

рельефомъ и рѣзьбою (*geroussé et ciselé*) изображено сраженіе при переходѣ черезъ рѣку: у трехъ всадниковъ можно видѣть сложные луки греческой формы („Musée de Tzarskoe-Selo“. I. Tab. XLIV). Вѣ предѣлахъ нынѣшней Россіи, съ древнихъ временъ употреблялся также сложный лукъ, какъ то доказываетъ описаніе и изображенія лука Скиѳовъ. Изображенія — на Куль-Обской вазѣ и на многихъ золотыхъ бляшкахъ — представляютъ лукъ Скиѳовъ похожимъ на греческій, тогда какъ по описанію Теокрита и Ликофрона онъ отличался отъ греческаго и походилъ, въ ненапрянутомъ состояніи, на букву С. На фрескахъ Керченскихъ катакомбъ также изображенъ одинъ всадникъ, стрѣляющій изъ сложнаго лука ¹⁾. У древнихъ Финновъ лукъ составлялъ, повидимому, важное оружіе, и по словамъ Тацита, — жившіе гдѣ то за германцами, *Fenni* — только на стрѣлы и возлагали свои надежды (т. е. на войнѣ и охотѣ). По всей вѣроятности, лукъ Финновъ — былъ такъ же сложный, какъ и теперь еще у Вогуловъ и Остяковъ. О древнѣйшемъ лукѣ Славянъ мы не имѣемъ опредѣленныхъ извѣстій и не можемъ сказать утвердительно, былъ ли онъ простой, какъ у Германцевъ или сложный, какъ у Скиѳовъ. Фрагменты луковъ были находимы иногда въ могилахъ Южной Россіи, но на ихъ форму и устройство обращали до сихъ поръ мало вниманія. Имѣя однако въ виду, что сложный лукъ былъ въ употребленіи у Скиѳовъ, Даковъ, а равно, — судя по сохранившимся первобытнымъ финскимъ племенамъ (Вогуламъ и др.), и у древнихъ Финновъ, вѣроятнѣе полагать, что и древнѣйшій лукъ Славянъ былъ сложный, хотя утверждать этого положительно нельзя. Что касается русскихъ Славянъ, то изъ древнѣйшихъ культурныхъ на нихъ вліяній, только одно, варяжское, могло занести къ нимъ простой лукъ, другія же: арабское, византійское, тюркское, монгольское, — только сложный ²⁾. Въ Святославовомъ Сборникѣ XI вѣка „стрѣлецъ“ изображенъ съ типичнымъ сложнымъ лукомъ и сложные же луки мы видимъ на извѣстномъ Новгородскомъ образѣ Знаменія Богородицы и на миниатюрахъ многихъ „Александрій“, „Космографій Козьмы Индикоплова“ (смотри рисунокъ 45) „Луцидаріевъ“ и другихъ иллюстрированныхъ рукописныхъ памятниковъ. На рисункахъ, приложенныхъ къ путешествіямъ Герберштейна, Мейербергера и др. можно также видѣть, что русскій лукъ былъ сложнымъ ³⁾. Ричардъ Ченслеръ говоритъ, что въ началѣ вто-

Съ ламы готовую принять: её ожидавшій въ засадѣ
Въ грудь онъ стрѣлой угодилъ и хребтомъ опрокинулъ на камень.
Роги ея отъ главы на шестнадцать ладоней вздымаялись.
Ихъ обработавъ искусно, сплотилъ рогодѣлецъ знаменитый,
Вылощилъ ярко весь лукъ и покрылъ его златомъ поверхность.

Переводчикъ только напрасно употребилъ названіе „серна“, такъ какъ изъ короткихъ роговъ серны невозможно сдѣлать никакого лука. Здѣсь, очевидно, подразумѣвается горный козелъ, имѣющій длинные рога, загнутые концами взадъ. — Что касается до украшенія лука, то кромѣ раскрашиванія и позолоты нѣкоторые народы (особенно Африки) навязываютъ еще на лукъ пучки волосъ (убитыхъ враговъ?)

¹⁾ Куль-обская ваза и золотыя бляшки съ лучниками изображены — въ отчетахъ Императорской Археологической Комиссіи, въ изданіи Прохорова „Древнія русскія одежды“, въ исторіи П. Полеваго и др. Изображенія Скиѳовъ съ луками встрѣчаются такъ же на нѣкоторыхъ росписныхъ вазахъ. Фрески керченскихъ катакомбъ приведены въ отчетъ Археологической Комиссіи, статья Стасова и у Прохорова.

²⁾ Простой лукъ Норманновъ можно видѣть изображеннымъ у воиновъ на такъ называемой Матильевой пеленѣ XI вѣка, снимки съ которой приведены въ атласъ къ «Древней русской исторіи» Погодина.

³⁾ Луки изображены, между прочимъ, въ рукописи „Александрій“, принадлежащей Н. Е. Забѣлну (у кентавровъ), въ Космографіи Козьмы Индикоплова, изданной Обществомъ Любителей Древнерусской письменности (у стрѣльца иноземной страны), у Герберштейна, Мейербергера и др. Въ описяхъ царскихъ ратныхъ дослѣжковъ

рой половины XVI вѣка Русскіе употребляли такой же лукъ, какъ и Турки (т. е. сложный). Впрочемъ, образцы древнихъ русскихъ луковъ XVI и XVII вв. сохранились еще, хотя и въ весьма немногихъ экземплярахъ, въ Московской Оружейной Палатѣ и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ ихъ принадлежности къ типу сложныхъ луковъ. Въ лукѣ различали у насъ основу древка — *кибитъ*, среднюю часть ея — *рукоять* или *рукометъ*, концы — *рога*, нижнія стороны роговъ — *подзоры*, верхнія накладки у концовъ роговъ — *маданы* и двѣ костяныя вставки снизу роговъ, противъ мадяновъ — *кости*, въ которыя вкладывались петли тетивы. Кромѣ дерева и костей въ устройство нѣкоторыхъ старинныхъ нашихъ луковъ входили: продольныя роговыя пластинки (какъ въ тунгузскихъ, киргизскихъ и другихъ восточныхъ лукахъ), а также — береста, которою плотно обвивался лукъ (напр., луки на московское дѣло: „кости черны буйволы, береста бѣлы“ или „береста буря“). Дорогіе луки расписывались красками и золотомъ, „подпетельники“ дѣлались иногда изъ „рыбьяго зуба“ (моржевой или слоновой кости), „кости“ — изъ чернаго рога буйвола ¹⁾. Изъ народныхъ былинъ мы узнаемъ, что въ составъ лука входили еще иногда „полосы булатныя“ и „жилы олени сохатныя“ (т. е. лосинныя).

Еще съ нимъ тугой лукъ разрывчатой
 А цѣна тому луку три тысячи,
 Потому цѣна луку три тысячи:
 Полосы были булатныя,
 А жилы олени сохатныя,
 И рога красна золота.....
 (Сказка о Михаилѣ Казариновѣ).

Въ русской арміи, у иррегулярныхъ войскъ (изъ инородцевъ), луки употреблялись еще въ нынѣшнемъ столѣтіи и иностранцы (нѣмцы, французы) съ изумленіемъ смотрѣли въ 1814 г. на башкиръ и калмыковъ, вооруженныхъ луками. На Кавказѣ, у горцевъ, лукъ и стрѣлы также были прежде въ большемъ употребленіи, но со времени прихода русскихъ луки скоро вездѣ замѣнились ружьями и винтовками. Не смотря на сложность своего устройства и большую трудность выдѣлки, сложный лукъ не представляетъ значительныхъ преимуществъ сравнительно съ простымъ. Правда, онъ обыкновенно — меньше (хотя у Лопарей и Вогуловъ доходитъ до 6 фут.) и потому болѣе удобенъ для ношенія, часто также легче и красивѣе, но его сила не только не превышаетъ силы простаго лука, но иногда значительно ей уступаетъ ²⁾. Это дока-

упоминаются луки: бухарскіе, крымскіе, турецкіе, черкасскіе, кизильбашскіе, т. е. персидскіе, мешетцкіе (т. е. мшхетскіе, грузинскіе), едринскіе, бахтянскіе и московскаго дѣла. Къ сожалѣнію, въ Московской Оружейной Палатѣ старинныхъ луковъ сохранилось очень мало.

¹⁾ Эти обозначенія приведены по Савваитову, но нѣкоторые изъ нихъ несовсѣмъ ясны. «Костями» назывались, несомнѣнно, длинныя костяныя вставки на концахъ роговъ, съ зарубками, на которыя надѣвались петли тетивы. Но ниже этихъ «костей» (обыкновенно изъ чернаго рога буйвола) вставлялись поперекъ роговъ другія кости, обыкновенно бѣлыя (язъ «рыбьяго зуба»), овальныя; черезъ нихъ шла тетива, которая иначе надавливала бы на деревянные рога и перетираала бы ихъ. Это и есть, очевидно, «подпетельники», вѣроятно — тоже, что и «маданы».

²⁾ Геродотъ рассказываетъ, что царь Эѳіопіи послалъ Камбизу, когда тотъ покорилъ Египетъ, лукъ какъ символъ вызова на борьбу, и между Персами нашелся только одинъ человекъ, который могъ его натянуть. Между тѣмъ эѳіопскій лукъ, длиною въ 4 локтя — былъ простой, обыкновеннаго африканскаго устройства.

зываетъ, по мнѣнію Лэнъ Фокса, что сложный лукъ явился скорѣе по необходимости, вслѣдствіе недостатка въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подходящаго гибкаго дерева, чѣмъ составлялъ прогрессъ по отношенію къ простому луку. Семьдесятъ пять сажень были, кажется, крайнимъ предѣломъ дальноты сложнаго лука, но обыкновенно имъ пользовались съ выгодой лишь на болѣе близкихъ разстояніяхъ.

Третій видъ луковъ, *самострѣлы*, имѣлъ гораздо болѣе ограниченное распространеніе. Происхожденіе самострѣла можно объяснить изъ нѣкоторыхъ ловушекъ, въ которыхъ стрѣла или копье спускается изъ горизонтальнаго лука, утвержденаго на поперечномъ къ его тетивѣ брускѣ. Самострѣлъ также состоялъ изъ лука, только металлическаго, стальнаго, укрѣплялся горизонтально на деревянномъ прикладѣ („сохѣ“) и толстая тетива котораго (изъ воловьихъ жилъ) натягивалась особымъ воротомъ („коловратомъ самострѣльнымъ“) по поперечному къ ней ложу („полосѣ“). Въ ложѣ (особенно у Китайцевъ) помѣщалось иногда по нѣсколькѣ стрѣлъ, которыя могли спускаться одна за другою. Такіе самострѣлы были въ употребленіи съ давнихъ поръ въ Китаѣ, Японіи, Бирмѣ, Камбоджѣ, Ассамѣ и другихъ областяхъ Восточной и Юго-Восточной Азіи. Въ Европѣ—ручной самострѣлъ былъ извѣстенъ Грекамъ, но у рим-

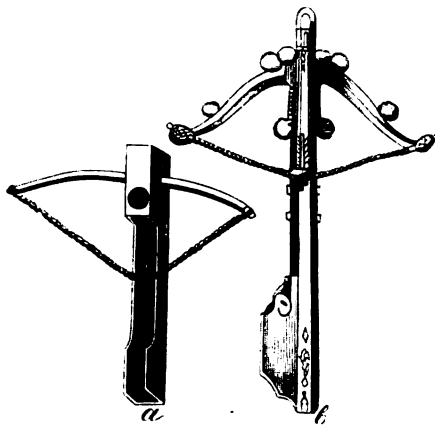

Рис. 17. Самострѣлы: *a* — восточно-азиатскій (Lane Fox); *b* — русскій (Саввантовъ).

лянъ—онъ употреблялся только въ качествѣ тяжелаго военнаго снаряда, катапульта (*tormentum*), для метанія дротиковъ. Въ Западной Европѣ самострѣлъ вошелъ въ употребленіе въ X—XI вѣкахъ; въ Британскомъ Музеѣ находится изображеніе самострѣла на миниатюрѣ одной англо-саксонской рукописи XI вѣка. Въ XIII—XIV вѣкахъ самострѣлъ пользовался значительнымъ распространеніемъ, какъ военное оружіе, въ Германіи, Франціи и Италіи (*arquebuse*, *arc à buse*—лукъ съ дуломъ). Въ XV вѣкѣ онъ упоминается часто, въ качествѣ охотничьяго оружія и употребленіе его въ цѣляхъ охоты продолжалось еще долго и послѣ введенія огнестрѣльнаго оружія. Изъ Западной Европы—самострѣлъ проникъ къ норвежскимъ Лопарямъ,

въ Персію и даже къ Неграмъ западнаго берега Африки, которые однако упростили его и видоизмѣнили по своему ¹⁾. Изъ Африки Негры занесли знакомство съ нимъ въ Америку, гдѣ употребленіе самострѣла распространилось особенно на островъ Ямаикъ. Въ Россіи въ XVI—XVII вѣкахъ употреблялись самострѣлы „Московскаго“ и „Псковскаго дѣла“; нѣкоторые изъ нихъ—были большіе для пусканія „болтовъ“ („лукъ болтовый“—*arcubalista*, *arbalète*) или желѣзные, „съ храпами“, а у половецкаго хана Кончака упоминаются такіе „лучи тузи самострѣлнн“, тетиву которыхъ „едва 50 мужъ можашеть напрящи“ ²⁾.

¹⁾ Китайскіе самострѣлы см. Wood, l. c. II p. 813; африканскій—*ibid*, I p. 595; греческій—*Baumeister*, l. c. 548, римскій (*catapulta*), *ibid*. S. 545; средневѣковой, англійскій—*Lindenschmidt* l. c. S. 183 (рис. 80); русскіе—у Саввантова, Висковатова и др. Ср. еще изображенія *arcuballistae* въ словарѣ *Daremberg et Saglio* p. 388, fig. 467 и 468. Подробнѣе объ арбалетахъ см. *Kl. mt.* l. c. S. 323—339.

²⁾ Одинъ самострѣлъ московскаго дѣла такъ описывается, напримѣръ, въ описи: „болтовый станокъ клеиновый, опушка кости лосинныя; рѣзанъ разводъ по сторонамъ, кости мелкія, промежъ костей разцвѣчено костями зелеными“. См. *Вельманъ*, Москов. Оруж. Палата, 1844 г.

Позднѣйшіе самострѣлы употреблялись и для метанія пуль (посредствомъ тетивы). Въ Московской Оружейной Палатѣ хранится одинъ такой самострѣлъ нѣмецкой работы, на которомъ значится „Potsdam. 1730“.

II.

Тетива и способы пусканія стрѣлъ съ лука.

Матеріалы, изъ которыхъ дѣлается тетива. — Прикрѣпленіе тетивы къ луку. — Двойная тетива. — Надѣваніе петли тетивы (у Египтянъ, Грековъ, Скиѳовъ). — Звукъ, издаваемый тугонатянутой тетивой. — Лукъ, какъ первообразъ простѣйшей арфы и скрипки — Смазываніе лука для удобства его сгибанія. — Растяженіе тетивы отъ сырости. — Надушно или надучье. — Различныя его формы. — Колчанъ или тулъ и способы его ношенія. — Пять стрѣлъ, какъ нѣчто цѣлое и колчанъ изъ кожи съ человѣческой руки. — Джида и ихъ ножи. — Держаніе лука лѣвою и правою рукою. — Рукоятъ лука. — Стрѣльба изъ лука при помощи ногъ. — Обыкновенныя позы стрѣлковъ изъ лука. — Горизонтальное, наклонное и вертикальное держаніе лука при стрѣльбѣ. — Оттягиваніе тетивы до груди, до плеча и за ухо. — Скрипѣніе и „вой“ лука при сгибаніи. — Предохранительная бляха для запястья лѣвой руки. — Замѣна ея особымъ приѣмомъ поворота лука послѣ спусканія тетивы. — Держаніе стрѣлъ наготовѣ въ лѣвой или въ правой рукѣ. — Различныя способы пусканія стрѣлъ у различныхъ народовъ. — Пять способовъ — по Морсу. — Первобытный или первый способъ и его распространеніе. — Второй и третій способъ. — При средиземный способъ. — Монгольскій способъ (кольцо). — Способы, употреблявшіеся у Ассирійцевъ, Египтянъ, Грековъ, Персовъ, Скиѳовъ и Русскихъ.

Существенную принадлежность лука, безъ которой онъ не можетъ исполнять своего назначенія, есть тетива. Она дѣлается изъ сухожилій и нервовъ животныхъ (напримѣръ, быка), толстой кишечной струны, узкаго, иногда завитаго спирально, ремня, волосъ или шнура, сплетеннаго изъ растительныхъ волоконъ или изъ шелка ¹⁾. На одномъ концѣ лука тетива прикрѣпляется крѣпко, узломъ, на другомъ, она, въ большинствѣ случаевъ, только надѣвается посредствомъ петли. На древнѣйшихъ ассирійскихъ изображеніяхъ можно видѣть, что тетива привязывалась на обоихъ концахъ лука, для чего, въ небольшомъ разстояніи отъ закругленныхъ концовъ, нарѣзалась кругомъ поперечная борозда (или желобокъ), въ которую и входила тетива, дѣлая нѣсколько оборотовъ. Узла тетивы при этомъ не видно, но конецъ ея замѣтенъ, такъ что, повидимому, тетива укрѣплялась безъ помощи узла, такимъ образомъ, что конецъ ея плотно нажимался послѣдующими оборотами. На другихъ изображеніяхъ — борозды у концовъ лука врѣзаны нѣсколько косвенно, и тетива надѣвалась на нихъ посредствомъ петель. На позднѣйшихъ изображеніяхъ, съ половины VII в. до Р. X. концы лука рѣзко загнуты взадъ или въ сторону и иногда заострены, такъ что напоминаютъ голову птицы ²⁾. Обыкновенно тетива бываетъ одна, но иногда (въ Сіамѣ, древней Японіи, кое-гдѣ въ Африкѣ) дѣлается и двойная

¹⁾ У Гомера тетива называется *νεβύη* повидимому, она дѣлалась изъ сѣдалищнаго нерва быка. Кромѣ того, тетивы дѣлались у грековъ изъ ремней, лошадиныхъ волосъ и плетеныхъ бичевокъ. Шелковая тетива употреблялась у Китайцевъ, Японцевъ, Монголовъ, также Индусовъ, Персовъ и Русскихъ. Она дѣлалась изъ разныхъ шелковъ, напримѣръ: «шолкъ бѣлый, перевивающъ шолкомъ червчатымъ», или «шолкъ желтъ, перевиванъ шолкъ зелены» и т. п.

²⁾ *E. Morse. Methods of Arrow-Release*, p. 27.

именно въ тѣхъ случаяхъ, если лукъ предназначенъ для метанія пращей. Въ Европѣ также употреблялся самострѣлъ съ двойной тетивой, такъ наз. генуезскій. Двѣ

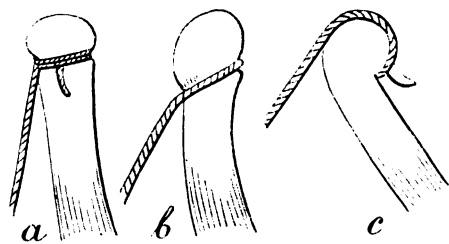

Рис. 18. Способы надѣванія тетивы на концы лука у Ассирійцевъ. (Morse).

тетивы обыкновенно соединялись въ срединѣ ихъ длины небольшою сѣтью или кускомъ кожи, для болѣе удобнаго помѣщенія пращи, которая бы иначе могла легко соскакивать.

Хотя хорошій лукъ долго сохраняетъ свою эластичность, однако при продолжительномъ сгибаніи онъ можетъ ее отчасти утрачивать, становится слабѣе. Для избѣжанія этого лукъ оставляютъ обыкновенно не натянутымъ, т. е. снимаютъ съ одного его конца, и надѣваютъ только, когда является въ томъ надобность, на войнѣ или на охотѣ.

Такой разогнутый лукъ становится или прямымъ (простой), или сгибается въ обратномъ направленіи (сложный), изъ котораго уже труднѣе перегнуть его въ настоящее. Всего пригоднѣе поэтому держать лукъ прямымъ, для чего, напримеръ, Вогулы и другіе сѣверные инородцы привязываютъ его къ длинной нѣскольکو сплющенной палкѣ и снимаютъ съ нея только тогда, когда выходятъ на охоту и когда надѣваютъ тетиву ¹⁾. Надѣваніе тетивы требуетъ часто значительныхъ усилій, такъ какъ главное достоинство лука—это, чтобы онъ былъ тугой. На многихъ древнихъ памятникахъ можно видѣть процессъ надѣванія тетивы (ея петли). Иногда для этого требовалось участіе двухъ лицъ, изъ коихъ одинъ сгибалъ лукъ, другой надѣвалъ тетиву (какъ у древнихъ Ассирійцевъ, по Морсу), но болѣею частью съ этимъ дѣломъ могъ справляться и одинъ. У Египтянъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ изображеній, сгибаніе лука и надѣваніе тетивы производилось или сидя (на табуреткѣ), причемъ одинъ конецъ лука упирался въ землю, а другой нагибался лѣвою рукою, въ средину же лука упирались колѣномъ,—или же стоя, причемъ лукъ

Рис. 19. Надѣваніе тетивы у древнихъ Египтянъ (Wilkinson).

Рис. 20. Надѣваніе тетивы у Грековъ—съ изображенія на одной вазѣ въ Луврскомъ музеѣ (Dagernberg et Saglio).

или лежалъ на плечѣ, или также упирался однимъ концомъ въ землю ²⁾. Надѣваніе тетивы у Грековъ изображено на нѣкоторыхъ расписныхъ вазахъ и монетахъ. На

¹⁾ Такой лукъ—на палкѣ—былъ вывезенъ съ Урала Н. Л. Гондатти и находится въ Антропологическомъ Музеѣ Университета (въ Историческомъ Музеѣ).

²⁾ Wilkinson. The Manners and Customs of the Ancient Egyptians. New Edit. revised by S. Birch. Vol. I. 1878, p. 203. (Mode of stringing the bow—съ изображеній въ Ойвахъ и въ Дени-Гассанѣ).

одной вазѣ Луврскаго музея, человѣкъ, нагибающій лукъ, представленъ стоящимъ на правой ногѣ; нога эта нѣсколько согнута въ колѣнѣ и на нее онъ опираетъ лукъ, который сверху нажимается по срединѣ икрой другой ноги, приподнятой и также согнутой въ колѣнѣ, причемъ лѣвая рука его нагибаетъ свободный конецъ лука, а правая тянетъ къ послѣдней петлю тетивы. Изъ монетъ—надѣваніе тетивы изображено на нѣкоторыхъ Беотійскихъ (Эиванскихъ) дидрахмахъ. На нихъ представленъ Гераклъ (нагой, безбородый), стоящій на правомъ колѣнѣ (вправо) и сгибающій лукъ. Послѣдній упертъ имъ въ правое бедро и подведенъ подъ лѣвое, которое помогаетъ такимъ образомъ сгибанію лука, производимому правой рукой, въ то время какъ лѣвая готовится надѣть петлю тетивы. Туловище Геракла при этомъ откинута взадъ и, очевидно, что главное усиліе бога обращено на согнутіе лука (отведеніемъ всего туловища) и подведеніе его конца къ тетивѣ. Наоборотъ, на монетѣ Эминако, Гераклъ (другого типа, бородатый, съ львиной шкурой за спиной), хотя представленъ въ той же позѣ, по съ туловищемъ согнутымъ впередъ, такъ что главное усиліе сосредоточено здѣсь, повидимому, въ рукахъ, именно въ сближеніи ихъ и особенно въ рукѣ, подводящей тетиву ¹⁾. Такое подведеніе тетивы требовало, конечно, значительнаго усилія и существуетъ предположеніе, что для облегченія его у Грековъ употреблялись особыя бронзовыя кольца, именно двойное кольцо, для двухъ пальцевъ

Рис. 21. Надѣваніе тетивы, изображенное на греческихъ монетахъ: (с) на Эиванской дидрахмѣ (Friedländer und Sallet) и (а) на монетѣ Эминако (Zeitschrift für Numismatik III, 2); внизу (b) бронзовое двойное кольцо съ шипами, которымъ пользовались, какъ полагаютъ, для надѣванія тетивы (Daremberg et Saglio).

Рис. 22. Скиѣъ, сгибающій лукъ и надѣвающій тетиву, съ Куль-обской вазы въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

указательнаго и средняго), снабженное въ мѣстѣ соединенія обоихъ колець 2—5 выдающимися зубцами ²⁾. О томъ, какъ трудно было согнуть тугой лукъ, особенно сложный и остававшійся долго разогнутымъ (или перегнутымъ въ обратную сторону) даетъ наглядное представленіе двадцать первая пѣснь Одиссеи, въ которой описываются тщетныя усилія жениховъ Пенелопы согнуть Одиссеевъ лукъ, что исполнилъ, и притомъ „безъ труда, во мгновение“ только самъ Одиссей. Процессъ надѣванія тетивы представленъ также на Куль-Обской вазѣ изъ электрона, находящейся въ Импе-

¹⁾ *Daremberg et Saglio*. Dictionnaire. I, p. 389, fig. 472. Archer bandant son arc. Эиванская дидрахма изображена въ сочиненіи: *Friedländer und Sallet*. Das Königliche Münzkabinet. Ber. 1877. Taf. I, fig. 68; описаніе тамъ же, стр. 61. Монета съ надписью *Eminako* была найдена на мѣстѣ древней Ольвیا, но къ какому времени и государству она относится—неизвѣстно. Полагаютъ, что это названіе какого-то греческаго города, нигдѣ и никѣмъ, впрочемъ, не упоминаемаго. Изображеніе ея приведено въ «*Zeitschrift für Numismatik*» III, 2. Taf. II, fig. 4, а описаніе въ томъ же журналѣ I. 1874. S. 21—22.

²⁾ *Daremberg et Saglio*, l. c. p. 389, fig. 473.

раторскомъ эрмитажѣ. Поза Скиаа, сгибающаго лукъ, напоминаетъ нѣсколько позу Геракла, но съ нѣкоторымъ измѣненіемъ и болѣе натуральна. Скиаеъ изображенъ вставшимъ на правое колѣно и присѣвшимъ на пятку правой ноги, которая носкомъ сапога крѣпко уперлась въ землю. Лѣвая нога протянута, слегка согнута въ колѣнѣ и уперлась ступнею въ небольшой холмикъ; подъ нее подведенъ лукъ, который нижнимъ концомъ опертъ на правое бедро. Лѣвая рука сгибаетъ свободный конецъ лука, а правая готовится надѣтъ на него петлю тетивы.

Про Одиссея въ поэмѣ Гомера сказано, что:

Крѣпкую, правой рукой, тетиву натянувши, онъ ею

Щелкнулъ: она провизжала, какъ ласточка звонкая въ небѣ ¹⁾.

Туго натянутая тетива способна издавать звукъ; поэтому и у Гомера она сравнивается съ „упругой струной, свитой изъ овечьихъ, тонкотягучихъ кишковъ“. На этомъ свойствѣ основано, очевидно, пользование лукомъ, какъ музыкальнымъ инструментомъ, примѣры чему мы встрѣчаемъ въ Африкѣ. Такъ, „арфа“ Кафровъ Натали есть ничто иное, какъ простой лукъ, съ тетивой изъ скрученнаго волоса, которая длиннѣе лука и можетъ натягиваться туже или слабѣе, обвиваясь болѣе или менѣе вокругъ одного конца лука. Къ луку, посредствомъ ремешковъ привязана пустая тыква (отверстіемъ къ луку), которая при игрѣ упирается въ лѣвое плечо стоящаго музыканта, причемъ лукъ держится лѣвою рукою вертикально, тетивой впередъ и звуки получаются отъ удара по луку, правою рукою, небольшой палочкой. Звуки эти слабые, едва слышные на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, но Кабрамъ они очень нравятся. Для разнообразія тона, къ тетивѣ, посредствомъ ремешка, прикрѣпляется еще кольцо, въ которое музыкантъ просовываетъ указательный палецъ лѣвой руки (держащей лукъ) и помощью котораго онъ можетъ измѣнить натяженіе тетивы. Пустая тыква служитъ резонаторомъ для приданія звукамъ большей глубины. Подоб-

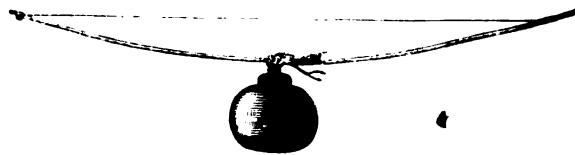

Рис. 23. „Арфа“ Кафровъ: лукъ съ пустой тыквой (Wood).

ный же инструментъ въ ходу у Готтентовъ и Бушменовъ, у которыхъ онъ называется „гура“. Это—тоже небольшой лукъ, тетива котораго, изъ кишечной струны, привязана къ одному его концу, другимъ же концомъ она удерживается, помощью узелка, въ стволѣ пера, который расщепленъ, сплющенъ и привязанъ противоположнымъ концомъ, посредствомъ весьма тоненькаго ремешка, къ луку (продолжающемуся у этого конца дальше за тетиву). При игрѣ музыкантъ прикладываетъ расщепленное перышко лука ко рту и, вдыханіемъ или выдыханіемъ, производитъ тихіе мелодическіе звуки. Женщины же, дую въ перо, въ тоже время ударяютъ палочкой по луку и достигаютъ тѣмъ большаго разнообразія звуковъ. Нѣчто подобное такому инструменту существовало и въ Европѣ, въ средніе вѣка (въ Англіи, по словамъ Вуда, даже до сравнительно недавняго времени); это именно — скрипка объ одной струнѣ, или точнѣе лукъ, на которомъ, между нимъ и тетивой (струной) помѣщался надутый пузырь. Инструментъ этотъ походилъ вообще на „арфу“ Кафровъ, съ тѣмъ только

¹⁾ Одиссея, въ пер. Жуковского, пѣснь 21, ст. 410—411.

различіемъ, что по немъ не ударили палочкой, а проводили по струнѣ—другимъ маленькимъ лукомъ, первобытнымъ смычкомъ ¹⁾).

Для приданія луку большей гибкости, уже у Гомера описывается приѣмъ смазыванія лука растопленнымъ саломъ. Антиной, одинъ изъ жениховъ Пенелопы, видя безуспѣшность усилій согнуть Одиссеевъ лукъ, приказываетъ пастуху Мелантію:

Слушай, Мелантія..., здѣсь огонь ты разложишь; къ огню же
Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирнаго сала потомъ принесешь намъ укругъ, чтобъ могли мы
Имъ, на огнѣ здѣсь его разогрѣвши, помазывать крѣпкій
Лукъ Одиссеевъ, тогда онъ удобнѣй натянуть быть можетъ. ²⁾

Не только жидкое сало, но и вода, при продолжительномъ дѣйствіи, вліяетъ на лукъ. Она размягчаетъ его и ослабляетъ тетиву, которая вытягивается. Поэтому, продолжительный и сильный дождь значительно вредилъ упругости луковъ. Французы приписываютъ дождю потерю сраженія при Креси, когда ихъ намокнувшіе луки отказывались дѣйствовать. Для предохраненія лука отъ сырости, его помѣщаютъ поэтому въ особый чехоль, „налучье“ или „налушно“, какъ онъ назывался у насъ въ Россіи. Онъ дѣлался, обыкновенно, по формѣ лука, изъ кожи, обтягивался иногда дорогою матеріей, вышивался золотомъ, серебромъ, шелками, металлическими бляхами и т. д. Образецъ налучья мы видимъ на изображеніяхъ Скивовъ (на Куль-Обской вазѣ); оно носилось ими на поясѣ, съ лѣвой стороны, какъ и Русскими, которые пристегивали его ремнями, бандями или цѣпочками, къ сабельному или особому поясу. У Скивовъ, впрочемъ, лукъ помѣщался, повидимому, вмѣстѣ съ стрѣлами, въ одномъ чехлѣ, но у Египтянъ, Ассирійцевъ, Китайцевъ, Тюркскихъ народовъ, Русскихъ,—употреблялись два мѣшка, одинъ, колчанъ или тугъ, для стрѣлъ, другой—налучье—для лука, хотя было въ ходу и общее названіе для лука со стрѣлами и ихъ вмѣстилища—саадакъ или сагадакъ. У Грековъ, судя по изображеніямъ,

Рис. 24. Способы ношенія лука и колчана у Грековъ (Daremberg et Saglio).

Рис. 25. Тактуй или налучье Египетской пѣхоты (Wilkinson).

лукъ носился или просто за плечами, привязаннымъ къ колчану, или въ одномъ мѣшкѣ со стрѣлами, но тоже за спиною ³⁾). Колчанъ и налучье покрывались, у восточныхъ народовъ и Русскихъ, для защиты отъ сырости, чехлами, „тохтуями“ (рѣже „покрыв-

¹⁾ Подробнѣе у Wood I. с. I, p. 231—232, 295—296.

²⁾ Одиссея, пер. Жуковскаго, XXI, стр. 176—180.

³⁾ Daremberg, Dictionnaire. I p. 390, fig. 478, 479.

цами⁴⁾ и носились: налучье на лѣвой сторонѣ, колчанъ на правой у пояса (особенно—конными). У Египтянъ налучье и колчаны помѣщались на военныхъ колесницахъ, у пѣхоты же налучье замѣнялось (судя по изображеніямъ) кускомъ кожи, которымъ обвертывалась только средняя часть лука, а концы (рога) оставались не прикрытыми. Такъ какъ пѣшіе лучники представлены (во время марша) держащими лукъ за эту среднюю часть, то надо полагать, что цѣлью такого налучья было предохраненіе лука и тетивы скорѣе отъ перетирания рукою и отъ пота, чѣмъ защита ихъ отъ дождя, въ чемъ, можетъ быть, по условіямъ сухаго египетскаго климата и не было настоящей потребности¹⁾. Колчанъ, въ простѣйшемъ своемъ видѣ, есть удлиненный мѣшокъ изъ кожи, шкуры (съ мѣхомъ), плетенья, дерева (бамбука и т. д.). Онъ дѣлается нѣсколько короче стрѣлъ, такъ что изъ него торчатъ оперенные задніе концы послѣднихъ. Чтобы мѣшокъ оставался открытымъ (не спадался бы и не мялъ стрѣлы) и изъ него было удобно вынимать стрѣлы, къ нему, съ внутренней стороны, пришивается обыкновенно нѣсколько палочекъ, не позволяющихъ спадаться даже пустому колчану. Иногда одна палочка дѣлается нѣсколько толще и длиннѣе, такъ что она торчитъ выше прочихъ, выше края колчана и концовъ стрѣлъ, какъ это мы видимъ на нѣкоторыхъ колчанахъ Эскимосовъ и Тунгузовъ, а также на древне-

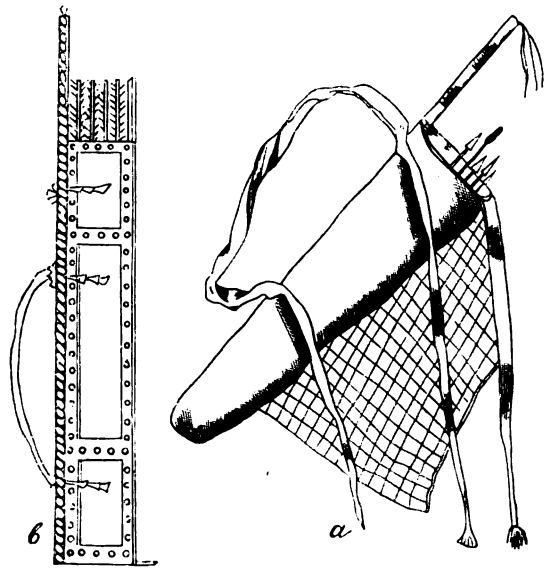

Рис. 26. Колчаны: а—Эскимосовъ, б—Ассирійцевъ (Lane Fox).

ассирійскихъ и иныхъ. Обыкновенно такая палочка представляетъ болѣе узорчатый видъ и оканчивается круглой шишкою или изображеніемъ какого ибудь звѣря. Цѣль такой палочки, повидимому, та, чтобы предохранить перья стрѣлъ отъ порчи ихъ, вслѣдствіе задѣванія или нечаяннаго удара рукою. Колчанъ бываетъ или круглой формы (въ поперечномъ разрѣзѣ), расширяющейся къ отверстию, или четырехъугольной или сходной съ формой налучья, только короче. У Египтянъ, Ассирійцевъ, Грековъ, Скиновъ, также Персовъ, Тюрковъ, Русскихъ—какъ налучье, такъ и колчаны бывали иногда богато украшены, не только матеріями, шитьемъ, но и металлическими украшениями, въ томъ числѣ большими золотыми и серебряными бляхами,

иногда съ художественными изображеніями животныхъ, охотничьихъ сценъ и т. п.²⁾

Число стрѣлъ, помѣщаемыхъ въ колчанъ, зависитъ отъ вмѣстимости послѣдняго, но иногда колчаны приспособлены къ помѣщенію лишь немногихъ, 3—5 стрѣлъ. Пять

¹⁾ Wilkinson, I. c. I, стр. 192.

²⁾ У Египтянъ—всѣ палочки колчановъ выдавались далеко за край и оканчивались шариками съ такими то тесемками. См. Wilkinson I p. 230. Примѣры четырехъугольныхъ колчановъ представляютъ Ассирійскія изображенія (см Lane Fox., I. c. pl. III, fig. 32) и, повидимому, нѣкоторыя Египетскія; примѣры колчановъ, похожихъ на налучья, представляютъ колчаны Китайцевъ, Бурятъ, Киргизовъ, Русскихъ и др. Къ указанной выше выдающейся палочкѣ прикрѣпляется, обыкновенно посредствомъ ремешковъ, перевязь, которою колчанъ держится на плечѣ или петли—для пристегиванія къ поясу. У первобытныхъ народовъ, напр. Тунгузовъ, Эскимосовъ и т. д., кожаный колчанъ убирается бусами, разноцвѣтными полосками сукна и т. д.

стрѣль упоминаются часто, какъ нѣчто цѣлое, какъ одинъ приборъ, на примѣръ, въ Махабаратѣ; въ одной пѣснѣ Минусинскихъ татаръ; въ извѣстномъ разсказѣ Геродота о подаркѣ Скиѣвъ Дарію (птица, мышь, лягушка и пять стрѣль); въ законахъ Калмыковъ (всегда, когда о стрѣлахъ говорится, какъ о предметѣ взысканія, число этихъ стрѣль опредѣляется цифрою 5, напр., штрафъ состоитъ изъ одной лошади, или изъ одной овцы, или изъ пяти стрѣль. Нейманъ („Die Hellenen im Scythenlande“, стр. 305 и Воеводскій „Чаши изъ человѣчск. череповъ“, стр. 28) сопоставили вышеприведенный разсказъ Геродота съ другимъ—того же писателя, именно—что Скиѣы сдираютъ съ правыхъ рукъ мертвыхъ враговъ кожи вмѣстѣ съ ногтями и дѣлаютъ изъ нихъ чахлы для колчановъ. Возможно, какъ полагаетъ Воеводскій, что Скиѣы и употребляли потому кожу съ руки для колчана, что колчанъ ихъ заключалъ въ себѣ пять стрѣль, а можетъ быть и обратно, пользованіе такимъ колчаномъ привело къ обычаю соединять вмѣстѣ по пяти стрѣль. У Вогуловъ употреблялись колчаны, поддерживающіе кожу которыхъ, палочки раздѣляли полость колчана на 3—4 отдѣленія въ каждомъ изъ коихъ помѣщалась лишь одна стрѣла. Въ числѣ старинныхъ русскихъ оружій (XVI—XVII в.) были такъ назыв. джиды, араб. джеридъ, короткія копья или сулицы, метаемыя отъ руки. Они носились въ особомъ колчанѣ съ тремя гнѣздами (для трехъ джидовъ), причѣмъ въ четвертомъ гнѣздѣ помѣщался еще длинный ножъ или тесакъ. Образцы такихъ колчановъ, или ноженъ съ джидами (они привѣшивались къ поясу у лѣваго бока) имѣются въ Оружейной палатѣ и въ Царско-сельскомъ музеѣ.

При стрѣльбѣ лукъ берется за его средину лѣвою рукою, а стрѣла прикладывается къ тетивѣ правою, которою тетива и натягивается. Но на многихъ древнихъ изображеніяхъ, Египетскихъ, Ассирійскихъ, Русскихъ (напр. у Герберштейна) можно видѣть и примѣры обратнаго, т. е. что лукъ держался правою рукою, а тетива натягивалась лѣвою. Объясненіе этому едва ли можно искать только въ существованіи во всѣ времена лѣвшеи, но слѣдуетъ думать, что лучники обучались владѣть лукомъ обѣими руками безразлично, какъ это рекомендовалось и Платономъ и старинными англійскими руководствами къ лучной стрѣльбѣ. Для удобства держанія лука рукою средина его („рукоятъ“ или „рукометъ“) дѣлается круглою, если даже остальныя части древка („кибити“) плоски (или чечевицеобразны въ поперечномъ разрѣзѣ), и

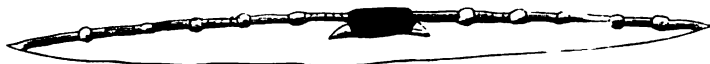

Рис. 27. Малайскій лукъ изъ бамбука, съ наставкой для рукоятки (Klemm).

ей придается удобная для обхвата рукою толщина. Въ иныхъ случаяхъ рукометъ толще остальной кибити, напр., въ древнихъ Германскихъ лукахъ или въ нѣкоторыхъ Малайскихъ, у которыхъ на средину тонкаго лука надѣвается, въ размѣрѣ ладони, болѣе толстая катушка, или наоборотъ—она нѣсколько тоньше или уже, если древко лука толсто или широко ¹⁾. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что у нѣкоторыхъ народовъ существуетъ обычай производить натяженіе лука ногами, т. е. они упираются ногами въ большой лукъ, лежа на землѣ, и натягиваютъ тетиву обѣими руками. Такъ поступаютъ именно нѣкоторые племена Индійцевъ Южной Америки, и Негровъ Аф-

¹⁾ Въ несимметричныхъ плоскихъ лукахъ Минкопьевъ—рукометъ круглая и значительно уже древка.

рики, Ведды о-ва Цейлона и тотъ же обычай существовалъ, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, и въ древности, у Китайцевъ, Арабовъ, Эѳіоповъ и др.

Обыкновенно, впрочемъ, лукъ натягивается рукою, причемъ стрѣлокъ или стоитъ, выставивъ впередъ одну ногу, или опускается на одно колѣно. Последнюю позу мы встрѣчаемъ на многихъ греческихъ изображеніяхъ, какъ въ произведеніяхъ скульптуры, такъ и на монетахъ. Особенно можно указать на изображенія Геракла, на фронтонѣ Эгинскаго храма и на монетахъ Фивъ (Беотія) и Фазоса ¹⁾. Лукъ при этомъ

Рис. 28. Стрѣлокъ, спустившій стрѣлу, — съ античнаго изображенія (Daremberg et Saglio).

держится вертикально, но нѣкоторые народы натягиваютъ его и въ горизонтальномъ положеніи, или въ близкомъ къ нему, косвенномъ. Такъ поступаютъ, на примѣръ, Сіу, Чейенни, Команчи, Ассинибойны и другіе племена Индѣйцевъ, также нѣкоторыя Малайскія и тотъ же способъ практиковался иногда, повидимому, древними Египтянами и Греками ²⁾. При этомъ способѣ натяженіе тетивы производится по необходимости нѣсколько иначе, т. е. при другомъ положеніи пальцевъ, чѣмъ обыкновенно, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. Лѣвая рука, держащая лукъ, также должна быть поворочена ладонью внизъ, тогда какъ при вертикальномъ лукѣ она держитъ его — ладонью вправо. Стрѣла, при горизонтальномъ лукѣ, кладется своимъ переднимъ концомъ на него и у нѣкоторыхъ народовъ (Малайскихъ) дѣлается даже, по срединѣ лука, особый же-

лобокъ для помѣщенія въ немъ стрѣлы; при вертикальномъ же лукѣ, передній конецъ стрѣлы поддерживается обхватывающею лукъ рукою и именно большимъ ея пальцемъ или (при положеніи стрѣлы влѣво отъ лука) первымъ суставомъ указательнаго пальца ³⁾. Возможно, какъ замѣчаетъ Морсъ, что лукъ держался первоначально всегда горизонтально, но необходимость, на примѣръ, въ густомъ лѣсу или въ сомкнутыхъ рядахъ, заставила перейти къ вертикальному держанію лука, причемъ стрѣла должна была оказаться влѣво отъ лука, опирающагося на конецъ пястной кости и первую фалангу указательнаго пальца. При натяженіи тетивы, лѣвая рука вытягивается во всю ея длину, а правая тянетъ въ это время тетиву со стрѣлою къ себѣ и тѣмъ сгибаетъ и напрягаетъ лукъ. Это натяженіе тетивы можетъ быть производимо съ большей или меньшей силой, причемъ тетива или не доводится до груди, или дотягивается за ухо. Кромѣ различія въ силѣ натяженія, это большее или меньшее отведеніе тетивы обусловливается отчасти и длиною стрѣлы, а также величиною лука, такъ какъ при небольшомъ лукѣ тетива, при вытянутой лѣвой рукѣ, не можетъ быть доведена до груди, а тѣмъ болѣе до уха. Слабое отведеніе тетивы (съ недоведеніемъ до груди) мы видимъ на изображеніяхъ нѣкоторыхъ греческихъ

¹⁾ Baumeister, Denkmäler, I, S. 335, Daremberg et Saglio, l. c. I, p. 390; монета Фазоса. В. Head, Coins and Medals of Brit. Mus. 2-ed. 1881 pl. 12, fig 7; монета Фивъ. Friedländer und Sallet, Das Königl. Münzkabinet. 2-te Aufl. В. 1877, Т. 1, fig. 70.

²⁾ Morse, l. c. p. 9, 21, 32, 39.

³⁾ Не всегда впрочемъ лѣвая рука обхватываетъ лукъ плотно въ кулакъ. Ассирійцы (см. рис. 13), судя по изображеніямъ на нѣкоторыхъ барельефахъ, держали такъ, что большой палецъ былъ поднятъ и упертъ въ лукъ, а на нѣкоторыхъ изображеніяхъ Скивовъ видно, что указательный палецъ лѣвой руки вытянутъ вдоль стрѣлы.

боговъ, стрѣляющихъ изъ лука, напримѣръ, Діаны, Геракла, также на изображеніяхъ Даковъ (на Траяновой колоннѣ), многихъ конныхъ лучниковъ и т. д. ¹⁾ Обыкновенно же у Грековъ тетива оттягивалась до груди, какъ это описывается у Гомера.

„Пандаръ же крышу колчанную поднялъ и выволокъ стрѣлу,
Новую, стрѣлу крылатую, черныхъ страданій источникъ.
Скоро къ тугой тетивѣ приспособилъ онъ горькую стрѣлу,
И обътъ сотворя луконосу Ликійскому Фебу,

.....
Разомъ повлекъ и пернатою ушки, и воловую жилу;
Жилу привлечь до сосца, и до лука железо пернатою.... ²⁾).

Изъ этого описанія, между прочимъ, видно, что тетиву и нельзя было оттягивать дальше, такъ какъ стрѣла уже и при этомъ способѣ дотягивалась своимъ наконечникомъ до лука. Объ этомъ способѣ говоритъ и сказаніе объ Амазонкахъ, которыя, будто бы, отрѣзали у себя правую грудь, чтобы она не мѣшала имъ при стрѣльбѣ изъ лука. Мы видимъ этотъ способъ и въ позднѣйшее время, въ Византіи, судя по описанію Львомъ Діакономъ военныхъ упражненій императора Никифора ³⁾. Египтяне, судя по изображеніямъ на ихъ памятникахъ, также практиковали этотъ способъ на охотѣ, но обычный ихъ военный приемъ требовалъ отведенія тетивы за ухо по одной линіи съ глазомъ. Скифы, судя по изображеніямъ на золотыхъ бляшкахъ изъ Чертомлыцкаго кургана, натягивали лукъ по греческому способу. Народы Восточной Азіи, Монголы, Китайцы и др., также Индусы и Англичане въ прежніе вѣка, наоборотъ, употребляли болѣе энергичный способъ—оттягиванія за ухо (или до уха). Этотъ же послѣдній способъ употреблялся и въ Россіи, какъ то видно изъ описанія дѣйствія лукомъ

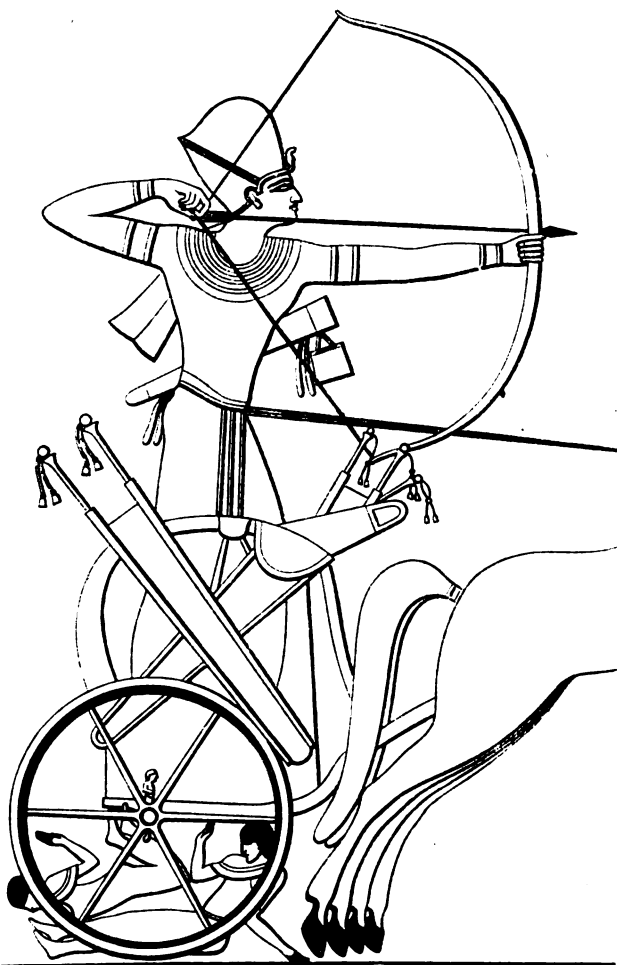

Рис. 29. Рамзесъ II на колесницѣ, поражающій Хетеевъ, — съ картины въ храмѣ Рамзесъ II въ Фивахъ (Lepsius). На рисунокѣ видны: простой лукъ, способъ отведенія тетивы за ухо, способъ держанія тетивы и стрѣлы, способъ ношенія колчана (у лѣваго бока) и формы налучья и колчана — на колесницѣ.

¹⁾ На изображеніи стрѣляющей Артемиды (на Сиракузской монетѣ, Mionnet, Description de médailles etc. p. 1808. Pl. 67, f. 6), а также Геракла и др.—видно, что наконечникъ стрѣлы дотягивался при этомъ до лука, который и не могъ быть поэтому сгибаемъ больше.

²⁾ Илиада, въ пер. Гиздича, IV, 116—123.

³⁾ „Тѣлохранительное войско его (Никифора) каждый день училось военнымъ дѣйствіямъ: сгибать легко

въ сказкахъ о Михаилѣ Казариновѣ и Михаилѣ Ивановичѣ Потокѣ. Но рядомъ съ нимъ, судя по нѣкоторымъ изображеніямъ на миниатюрахъ, былъ въ ходу и греческій способъ, который мы видимъ также на изображеніяхъ Даковъ ¹⁾.

Сильное отведеніе тетивы требуетъ, конечно, значительныхъ усилій и привычныхъ, загрубѣлыхъ рукъ, такъ какъ тетива давить и рѣжетъ пальцы. У нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ употребляются поэтому особыя перчатки или перстни для правой руки, какъ это мы увидимъ далѣе. Принужденный сгибаться, тугой лукъ подается съ трудомъ, скрипитъ и „воетъ“. Оттянувъ тетиву со стрѣлой, стрѣлокъ пускалъ ихъ, и это производило такое сотрясеніе, что тетива издавала звукъ, „гудѣла“ или „пѣла“, какъ это описывается, на примѣръ, у Гомера:

И едва круговидный огромный свой лукъ изогнулъ онъ,
Рогъ заскрипѣлъ, тетива загудѣла, и прынула стрѣлка.... ²⁾.

Еще обстоятельнѣе описывается процессъ натяженія тетивы въ нѣкоторыхъ русскихъ сказкахъ, на примѣръ, въ сказкѣ о Потокѣ, Михаилѣ Ивановичѣ:

Вынимаетъ онъ Потокъ
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя
И завывли рога у туга лука.... ³⁾.

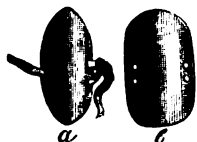

Рис. 30. Предохранительныя дощечки для лѣвой руки—деревянная и костяная, у Вогуловъ (съ натуры, коллекціи доставленная Н. А. Гондатти).

Срываясь, сильно натянутая тетива отскакиваетъ до самаго лука и ударяетъ по лѣвой рукѣ, держащей лукъ за его средину. Ударъ этотъ можетъ быть настолько силенъ, что въ состояніи разсѣчь руку до крови или, по крайней мѣрѣ, вызвать синякъ. Для избѣжанія этого, на запястьѣ лѣвой руки у многихъ народовъ надѣвается предохранительная бляха — изъ дерева, кости или кожи. У Эскимосовъ, Тунгузовъ, Вогуловъ, Монголовъ — такая бляха имѣетъ видъ вогнутой, овальной или четырехугольной дощечки, длиною

лукъ, притягивать тетиву со стрѣлою къ груди, мѣтко стрѣлять въ цѣль, проворно вертѣть копьемъ во всѣ стороны“ и т. д. см. „Исторію Льва Діакона Калойскаго“, пер. съ греч. Д. Попова. Спб. 1820, стр. 32.

¹⁾ *Wilkinson*, I. с. р. 203—205. Впослѣдствіи Греки примѣняли иногда и египетскій способъ. Ассирійцы, напр., на барельефѣ, изображающемъ битву, изъ дворца Ассурнатсирпала въ Калахѣ (Нимрудѣ), въ Британскомъ музеѣ (см. рисунокъ № 13) оттягивали тетиву до груди, но сильнѣе, нежели Греки, именно до праваго плеча и на уровнѣ его. Андаманцы (жители Большаго Андамана) натягиваютъ тетиву такъ, что подводятъ ея ко рту. На нѣкоторыхъ бронзовыхъ статуэткахъ изъ Чечни, изъ Сардиніи и на одномъ Чудскомъ изображеніи лучника въ Барнаульскомъ музеѣ (*Asprelin, Antiquités Finno-Ougriennes I, № 327*, явственно видно оттягиваніе до груди.

²⁾ Илиада, IV, 124—125. Въ одномъ гимнѣ Ригъ-Веды о тетивѣ говорится, что она «подходитъ къ уху, будто желая что-то сказать, и звучитъ какъ женщина, обнимающая милого друга». См. примѣчаніе въ концѣ III главы.

³⁾ *Савваитовъ*, I. с. стр. 214.

вершка 2, шириною въ вершокъ, иногда украшенной нарѣзными узорами, которая довольно плотно приходится къ округлости запястья и привязывается къ нему ремешками ¹⁾. Въ Западной Европѣ, напр., у Англичанъ, такая костяная пластинка замѣнялась толстою кожаной, и подобная же была, повидимому, въ употребленіи у древнихъ Египтянъ, у которыхъ она привязывалась иногда особою длинною тесемкою за локоть, такъ же у ассирійцевъ, судя потому, что лучники на ихъ изображеніяхъ представлены съ особою повязкой на лѣвой рукѣ, и у Индусовъ (смотри примѣчаніе въ концѣ 3 главы). Другимъ народамъ, однако, такая защита для запястья неизвѣстна, что предполагаетъ нѣсколько иной пріемъ въ держаніи лука лѣвой рукой во время и сейчасъ же послѣ спуска тетивы. Японцы, по Морсу, не употребляютъ предохранительной пластинки, но они придумали другой способъ для избѣжанія удара тетивою по рукѣ. Спустивъ тетиву, Японецъ моментально поворачиваетъ лукъ въ рукѣ, такъ что тетива приходится не сзади, а сбоку или спереди отъ лука. Этимъ быстрымъ поворотомъ ударъ тетивы настолько ослабляется, что не доходитъ до руки или только слегка ея касается. По всей вѣроятности, подобный же пріемъ существовалъ и въ Россіи, судя по тому, что въ древнихъ описаніяхъ оружія, въ частности луковъ и стрѣлъ, нигдѣ не упоминается о какой нибудь предохранительной накладкѣ для руки, да и не видно ея на изображеніяхъ лучниковъ ²⁾. Впрочемъ, примѣръ племени Айновъ (на островѣ Иезо) показываетъ, что и безъ описаннаго поворота лука тетива его можетъ не достигать лѣвой руки и, слѣдовательно, дѣлать ненужною предохранительную накладку. Для этого требуется только короткій и сильно согнутый лукъ, тетива котораго, по своей короткости, не могла бы дѣлать значительныхъ размаховъ и достигать лѣвой руки, какъ это мы и видимъ у айновъ. Другой примѣръ представляютъ Минкопіи, употребляющіе несимметричный, широкій лукъ, изогнутый въ видѣ буквы S: они имѣютъ защиту для лѣвой руки именно въ указанной двойной изогнутости лука, при чемъ при вертикальномъ лукѣ, нижняя половина его, выгнутая нѣсколько сзади (къ стрѣлкѣ), принимаетъ на себя ударъ сорвавшейся тетивы и тѣмъ предохраняетъ руку, держащую рукоять. — Пустивъ стрѣлу, стрѣлокъ долженъ имѣть другія наготовѣ. Онъ вынимаетъ ихъ изъ колчана, который привѣшенъ имъ или за плечомъ (какъ это было у Грековъ), или у праваго бедра (какъ у Скивовъ). Но для болѣе скорой замѣны пущенной стрѣлы новою, нѣсколько стрѣлъ держатся иногда

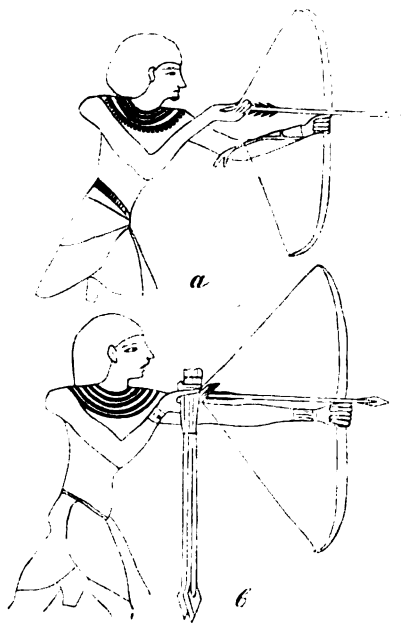

Рис. 31 и 32. Египетскій лучникъ съ кожаной повязкой на лѣвой рукѣ — для защиты отъ удара тетивою; Египетскій лучникъ со стрѣлами въ правой рукѣ (Wilkinson).

¹⁾ Образцы подобныхъ деревянныхъ и костяныхъ дощечекъ имѣются въ Антропологическомъ музеѣ университета (изъ коллекціи Н. Л. Гондатти) и въ Этнографическомъ отдѣленіи Публичнаго Румянцевскаго музея.

²⁾ Подобный поворотъ лука изображенъ, повидимому, на образѣ Знаменія Богородицы, хотя сраженіе представлено здѣсь слишкомъ неумѣлою рукой.

такъ же въ рукѣ, именно въ лѣвой, вмѣстѣ съ лукомъ. Мы уже упоминали, что у нѣкоторыхъ племенъ Южной Америки и въ древней Мексикѣ употреблялись луки съ

Рис. 33. Способъ держанія стрѣлъ на готовѣ въ лѣвой рукѣ, вмѣстѣ съ лукомъ — у Этрусковъ (съ изображеній въ Саеге) и у Нормановъ (съ Матильдовой пелены) (Dagemberg et Saglio; Погодинъ).

бороздкою или желобкомъ на наружной сторонѣ для вкладыванія стрѣлы. Подобные же луки были найдены въ Полинезiи, на островахъ Дружбы. Негритосы Филиппинскихъ острововъ, пользующіеся длинными луками, такъ же держатъ, при стрѣльбѣ, нѣсколько стрѣлъ въ лѣвой рукѣ, т. е. въ той же, въ которой и лукъ. То же замѣчаемъ мы на нѣкоторыхъ изображеніяхъ Грековъ (на вазахъ), Этрусковъ (на монументахъ Саеге) и Норманновъ (на Матильдовой пеленѣ). У Египтянъ, однако, употреблялся иногда и другой способъ, именно стрѣлы держались на готовѣ въ правой рукѣ, которою натягивалась тетива и въ которой, въ другихъ случаяхъ, мы видимъ изображенную нагайку. У татаръ и русскихъ, при лучной стрѣльбѣ (особенно конныхъ), былъ обычай держать на готовѣ саблю, которая висѣла на правой рукѣ подвѣшенною за ременную петлю.

Натяженіе тетивы и спусканіе стрѣлы можетъ производиться различною комбинаціей пальцевъ, какъ это показалъ недавно американецъ Морсъ въ интересномъ этюдѣ, помѣщенномъ въ бюллетенѣ Эссекскаго Института ¹⁾. Вниманіе Морса было возбуждено прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что, имѣвъ случай наблюдать приемы лучной стрѣльбы одного Японца, онъ убѣдился, что они существенно отличны отъ англійскихъ. Англичанинъ при стрѣльбѣ держитъ лукъ крѣпко, Японецъ — легко; у перваго стрѣла помѣщается на лѣво отъ лука, у втораго — на право; у Англичанъ на запястьѣ и основаніе большаго пальца лѣвой руки надѣвается предохранительная накладка изъ кожи, Японцамъ такая накладка неизвѣстна, и они предохраняютъ лѣвую руку тѣмъ, что во моментъ спусканія стрѣлы поворачиваютъ лукъ тетивою наружу. Англичанинъ держитъ лукъ за средину, Японецъ — на границѣ нижней и средней трети ²⁾. У Англичанъ тетива натягивается указательнымъ, среднимъ и четвертымъ пальцами, причемъ стрѣла держится между указательнымъ и среднимъ; у Японцевъ отведеніе тетивы производится большимъ пальцемъ, защищеннымъ особымъ пальцемъ или перчаткой, а стрѣла держится въ глубинѣ вырѣзки между большимъ и указательнымъ пальцами. Обративъ впоследствии вниманіе на лучную стрѣльбу сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ и Малайцевъ и собравъ свѣдѣнія о многихъ другихъ народахъ, Морсъ убѣдился, что въ различныхъ частяхъ свѣта существуютъ свои особенности стрѣльбы, причемъ иногда тотъ же самый способъ встрѣчается у весьма различныхъ народовъ, отдаленныхъ одинъ отъ другаго громадными пространствами.

¹⁾ *Morse*, Ancient and Modern Methods of Arrow-Release. (Bulletin of the Essex. Institute. V. XVII. Oct.—Dec. 1885.

²⁾ Эта послѣдняя особенность у Японцевъ объясняется, по Морзу, тѣмъ, что они привыкли въ прежнія эпохи стрѣлять стоя на колѣняхъ и изъ за толстыхъ деревянныхъ щитовъ.

Всѣ эти способы могутъ быть, по Морсу, сведены къ пяти. Простѣйшій изъ нихъ это—тотъ, которымъ пользуются и наши дѣти, когда стрѣляютъ изъ своего игрушечнаго лука. Онъ состоитъ въ томъ, что стрѣла захватывается, вмѣстѣ съ тетивой, концомъ большаго пальца и первымъ и вторымъ суставами согнутаго указательнаго. Морсъ могъ убѣдиться, что такъ поступаютъ не одни наши дѣти, но и дѣти Японцевъ и американскихъ Индѣйцевъ. Взрослыми этотъ способъ практикуется у нѣкоторыхъ племенъ Индѣйцевъ (Микмаковъ Канады, Навайосъ Сѣв. Амер., Демерара Южн. Америки и др.), а также у Айновъ о-ва Іезо. При легкомъ или слабомъ лукѣ такой способъ можетъ быть вполне пригоднымъ, и при пользованіи имъ безразлично, съ какой стороны, т. е. справа или слѣва отъ лука, держится стрѣла. Но натяженіе

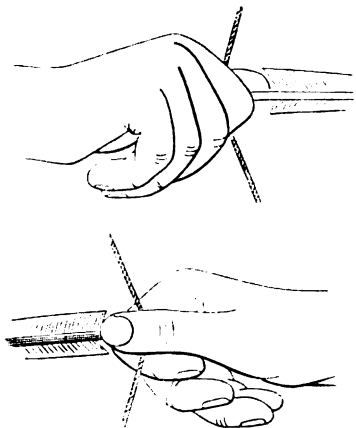

Рис. 34. Первобытный способъ натяженія тетивы и спусканія стрѣлы (Morse).

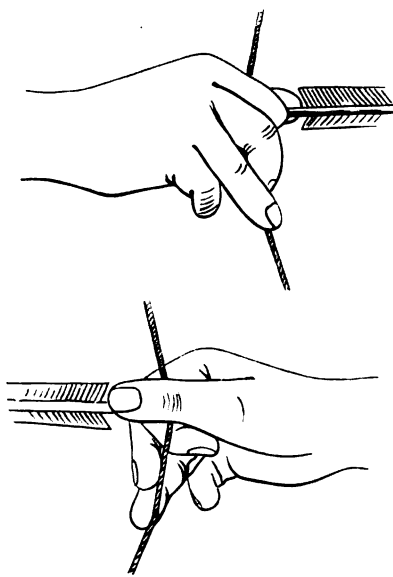

Рис. 35. Второй способъ Морса (Morse).

тугаго лука такимъ способомъ представляетъ значительную трудность и требуетъ громадной силы пальцевъ. Поэтому большинство народовъ оставило этотъ первобытный способъ и перешло къ другимъ, изъ коихъ ближайшій и простѣйшій, названный Морсомъ вторымъ, составляетъ лишь дальнѣйшее развитіе перваго. При этомъ способѣ стрѣла также держится большимъ и согнутымъ указательнымъ пальцами, но отведенію тетивы помогаютъ также третій и четвертый пальцы, упираясь въ нее своими концами. Морсъ наблюдалъ этотъ способъ у Индѣйцевъ Оттевеевъ и Зуньи, а также получилъ свѣдѣніе, что имъ пользуются и Чипевеи. Болѣе употребителенъ однако способъ, названный Морсомъ третьимъ, который отличается отъ предъидущихъ тѣмъ, что указательный палецъ почти не согнутъ, и прикладывается концомъ къ тетивѣ, также какъ и третій палецъ, тогда какъ четвертый и пятый согнуты. Морсъ наблюдалъ этотъ способъ у Индѣйцевъ Омаховъ и узналъ, что онъ употребляется также Сіу, Чейеннами, Ассинибойнами, Команчами, „Вороньими“, „Черноногими“, Индѣйцами и др., причемъ большинство ихъ держитъ лукъ при стрѣльбѣ почти горизонтально, такъ что большой палецъ лѣвой руки приходится сверху тетивы и стрѣла лежитъ на лукѣ. Тотъ же способъ Морсъ нашелъ у Сіамцевъ и, судя по описанію

Мана, у жителей большого изъ Андаманскихъ острововъ. Четвертый способъ Морсѣ называется „присредиземнымъ“, такъ какъ онъ употребляется еще и теперь Европейцами при лучной стрѣльбѣ въ качествѣ забавы: у Англичанъ, Американцевъ, Французовъ, а равно былъ въ ходу въ средніе вѣка — у Норманновъ, Англичанъ, Французовъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Арабовъ, и въ древности—у Римлянъ, Ассирійцевъ,

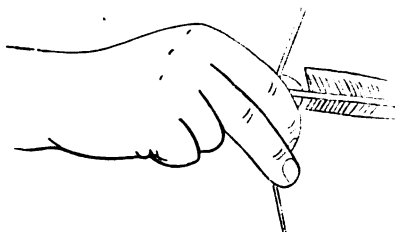

Рис. 36. Третій способъ Морса (Morse).

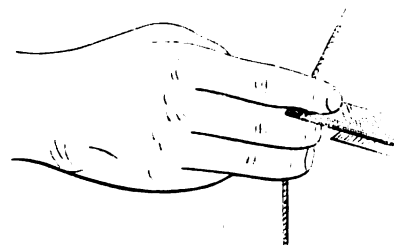

Рис. 37. Присредиземный способъ натяженія тетивы (Morse).

Египтянъ, Индусовъ. При этомъ способѣ тетива натягивается указательнымъ и среднимъ пальцами, которымъ часто помогаетъ еще четвертый, а стрѣла держится легко между указательнымъ и среднимъ; большой же палецъ и мизинецъ остаются свободными. Послѣдніе суставы 2—4 пальцевъ испытываютъ при этомъ такой сильный нажимъ тетивы, что для защиты ихъ употребляется обыкновенно кожаная перчатка или кожаные чохлы на три пальца. Въ одномъ англійскомъ руководствѣ къ лучной стрѣльбѣ 1544 г. ¹⁾ говорится, что указательный и четвертый палецъ тетивы подвергаются при отведеніи большому нажиму, нежели третій, который длиннѣе и только слѣдуетъ за первыми, поэтому они должны быть защищены болѣе толстыми кожаными чохлами. Стрѣла при этомъ способѣ помѣщается влѣво отъ лука, потому что, при отведеніи назадъ тетивы, треніе пальцевъ, держащихъ стрѣлу за ея задній конецъ, производитъ отклоненіе стрѣлы вправо, чему помогаетъ еще и треніе пальцевъ о тетиву, закручивающее ее также нѣсколько вправо, и, слѣдовательно, отклоняющее въ ту же сторону и стрѣлу. Но при такомъ отклоненіи стрѣла, помѣщенная вправо отъ лука, можетъ легко соскочить съ лѣвой руки, тогда какъ помѣщенная влѣво отъ лука она она этимъ только прижимается къ нему и, слѣдовательно, лучше удерживается въ требуемомъ положеніи. Любопытно, что этотъ же присредиземный способъ употребляется и нѣкоторыми дикарями, именно Эскимосами, Чукчами и жителями Малаго изъ Андаманскимъ острововъ.

¹⁾ Roger Ascham, Toxophilus. 1544. Cit. in Morse, l. c. p. 13. — Что древніе Германцы пользовались при стрѣльбѣ изъ лука присредиземнымъ способомъ явствуетъ и изъ древнѣйшихъ законовъ Франковъ, Салической Правды, которая за поврежденіе кому либо указательнаго пальца подвергала виновнаго большой пенѣ: «Si secundum digitum, quo sagittatur, excusserit, solidis XXXV culpabilis judicetur».

Пятый и послѣдній способъ Морсъ называетъ „Монгольскимъ“, потому что онъ особенно характеристиченъ для азіатскихъ племенъ монгольской расы: Манчжуровъ, Китайцевъ, Корейцевъ, Японцевъ, Турковъ, а также — Персовъ, заимствовавшемъ его, повидимому, у Монголовъ и Турокъ. При этомъ способѣ тетива натягивается согнутымъ большимъ пальцемъ, а указательный палецъ только помогаетъ первому, нажимая на него сверху. Большой палецъ при этомъ просовывается концомъ между указательнымъ и среднимъ, какъ въ известномъ сложеніи пальцевъ—для отвращенія дурнаго глаза, а стрѣла держится въ глубинѣ вырѣзки между большимъ и указательнымъ пальцами. Такое держаніе стрѣлы содѣйствуетъ ея отклоненію влѣво, поэтому

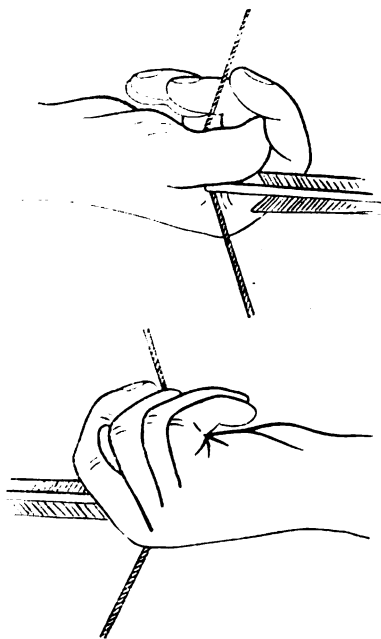

Рис. 38. Монгольскій способъ (Morse).

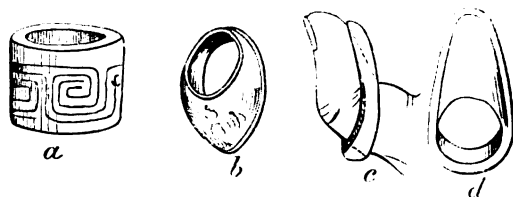

Рис. 39. Перстни, употребляемые для натягиванія тетивы при монгольскомъ способѣ; а — китайскій, б — персидскій, с, d — корейскій (Morse).

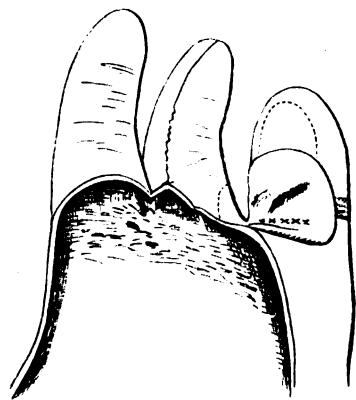

Рис. 40. Японскія перчатка (часть ея), употребляемая при стрѣльбѣ изъ лука (Morse).

при Монгольскомъ способѣ стрѣла помѣщается всегда вправо отъ лука. Для защиты большаго пальца, испытывающаго сильный нажимъ тетивы, на него надѣвается при этомъ способѣ или толстое кольцо—изъ рога, кости или камня (агата, яшмы и т. д.), круглой или нѣсколько изогнутой формы, или толстая перчатка — на большой и два слѣдующихъ пальца (у Японцевъ). У Корейцевъ и Японцевъ — большому пальцу помогаетъ въ натяженіи тетивы, кромѣ указательнаго, еще третій палецъ; у Манчжуровъ и Китайцевъ только—указательный; у Персовъ, судя по древнимъ изображеніямъ, третій и четвертый (тогда какъ указательный вытянутъ вдоль стрѣлы и какъ бы содѣйствуетъ удержанію ея въ требуемомъ положеніи).

Морсъ не довольствовался констатированіемъ указанныхъ способовъ стрѣльбы у современныхъ народовъ, но старался прослѣдить распространеніе и видоизмѣненіе ихъ у различныхъ народовъ древности. Матеріаломъ для того ему послужили изображенія стрѣляющихъ лучниковъ на древнихъ памятникахъ, насколько, конечно, они

позволяют различить подробности. Къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ положеніе руки, спускающей тетиву, изображено такъ неясно или ей придана такая не естественная поза, что вывести отсюда заключеніе объ употреблявшемся дѣйствительно способѣ представляется весьма затруднительнымъ. Тѣмъ не менѣе Морсу удалось все таки подмѣтить нѣкоторыя интересныя различія. Такъ, на примѣръ, на Ассирійскихъ изображеніяхъ видно, что въ древнѣйшую эпоху, во времена Ассурназирпала, около 884 г. до Р. Х. Ассирійцы пользовались первобытнымъ способомъ спуска стрѣлы, тогда какъ позже, въ царствованіе Ассурбарнипала, около 650 г. до Р. Х., вошелъ въ употребленіе второй способъ или варіація его, при которомъ всѣ пальцы отъ 3-го до мизинца помогали отведенію тетивы. Между указанными эпохами

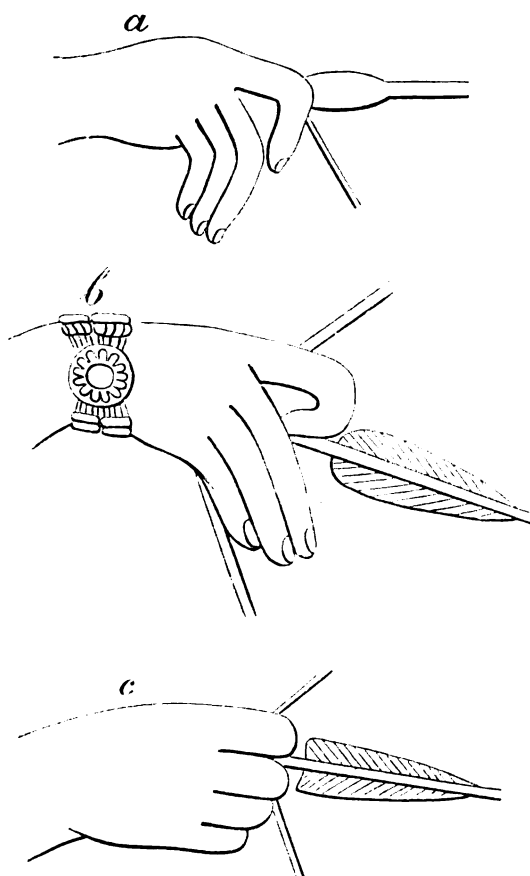

Рис. 41. Способы натяженія тетивы у Ассирійцевъ (съ изображеній на монументахъ); *a*—первобытный; время Ассурназирпала, 884 г. до Р. Х.; *b*—второй способъ, или его варіететъ—на изображеніяхъ времени Ассурбарнипала, 650 г. до Р. Х.; *c*—прасредиземный способъ—той же эпохи (Morse).

стрѣльбы. Еще въ болѣе позднюю эпоху Рамзеса II, фараонъ этотъ представленъ стрѣляющимъ по первобытному способу (стрѣла держится вытянутымъ большимъ и согнутымъ указательнымъ пальцемъ, прочіе три свободны и согнуты), тогда какъ на охотничьихъ и военныхъ сценахъ той же эпохи видѣвъ еще иной способъ, при которомъ кисть руки представлена повороченною ладонью кверху. Такое положеніе невозможно при стрѣльбѣ съ вертикальнаго лука, поэтому Морсъ предполагаетъ, что

на примѣръ, на скульптурахъ 748 — 705 гг. до Р. Х., въ Куюнджикскомъ дворцѣ, видны оба способа, а на таблицахъ Британскаго музея, время Тиглатъ Пелезера, а также и Ассурбарнипала — нѣкоторые лучники представлены стрѣляющими прасредиземнымъ способомъ.

У древнихъ Египтянъ, по описаніямъ Вилькинсона и Раулинсона, были въ употребленіи два способа: первобытный и прасредиземный, но Морсъ могъ констатировать, по крайней мѣрѣ три, а можетъ быть даже четыре различныхъ способа. Древнѣйшія изображенія, на гробницахъ Бени Гассана время Узуртазена I, за 2380 лл. до Р. Х., по Лепсіусу) выказываютъ, очевидно, прасредиземный способъ, но на изображеніяхъ время Сети I (1259 до Р. Х.) представленъ какой то другой способъ, при которомъ стрѣла отводилась за ухо. Судя по этому энергичному отведенію тетивы, Морсъ предполагаетъ Монгольскій способъ, и въ пользу такого предположенія приводитъ то обстоятельство, что способъ этотъ не похожъ ни на какой другой, хотя положеніе пальцевъ передано и не совѣмъ ясно. Такъ какъ Сети I воевалъ въ Азіи, то, по мнѣнію Морса, онъ могъ заимствовать оттуда и болѣе энергичный способъ

художникъ хотѣлъ изобразить лукъ въ горизонтальномъ положеніи, но, не понимая законовъ перспективы и ракурса, не умѣлъ этого сдѣлать и ограничился только поворотомъ кисти руки. Въ пользу своего предположенія Морсъ указываетъ на то, что всѣ пальцы, отъ 1-го до 5-го, представлены лежащими на тетивѣ, а это возможно только при третьемъ способѣ, при которомъ, какъ было сказано выше, лукъ обыкновенно держится въ горизонтальномъ положеніи или въ близкомъ къ нему.

Что касается древнихъ Грековъ, то выясненіе употреблявшихся у нихъ способовъ стрѣльбы представляетъ еще большія трудности. Ганзардъ ¹⁾ принималъ, что они стрѣляли по монгольскому способу, именно натягивая тетиву большимъ пальцемъ и удерживая стрѣлу на мѣстѣ указательнымъ. Но Морсъ нигдѣ не нашелъ этотъ способъ изображеннымъ явственно, хотя нѣкоторыя изображения можетъ быть и имѣли въ виду его передачу. Чаще всего и болѣе явственно (хотя также не вполне натурально) представленъ третій способъ (со всѣми пальцами на тетивѣ) и еще одинъ, который Морсъ предлагаетъ назвать „архаичнымъ“. При этомъ способѣ тетива схватывается крѣпко тремя или четырьмя согнутыми пальцами, а стрѣла держится между большимъ и указательнымъ пальцемъ. Нѣкоторыя племена Индійцевъ и Айны и теперь еще, по наблюдениямъ Морса, пользуются такимъ способомъ, когда имъ приходится стрѣлять второпяхъ, одна стрѣла за другой ²⁾.

На древне-персидскихъ изображенияхъ Морсъ могъ разобрать только одинъ способъ, при которомъ средний и четвертый палецъ помогаютъ большому, а указательный вытянутъ вдоль стрѣлы и остается безъ дѣйствія. На кисть руки надѣта при этомъ какая то ременная повязка, прикрѣпленная, повидному, къ круглому браслету на запястьѣ. Способъ этотъ, по всей вѣроятности, представляетъ одну изъ разновидностей Монгольскаго.

Изъ другихъ древнихъ народовъ Морсъ упоминаетъ еще о Скиѣхъ, которымъ приписываетъ монгольскій способъ. На известной золотой бляхѣ, изображающей двухъ стрѣляющихъ Скиѣовъ, опер-

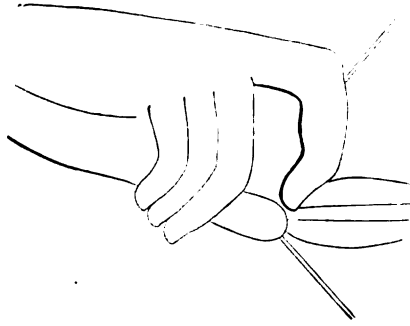

Рис. 42. Способъ натяженія тетивы — на изображеніи Рамзеса II (Morse)

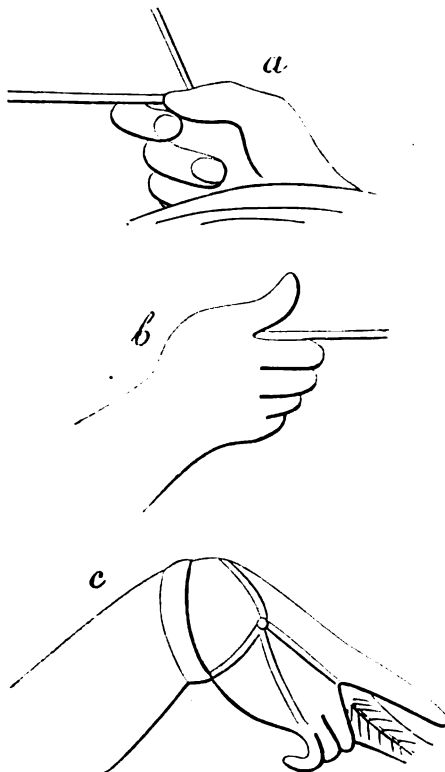

Рис. 43. Способы натяженія тетивы — у древнихъ Грековъ (а и б) и Персовъ с — съ изображенія на каменномъ цилиндрѣ (Morse).

¹⁾ Hansard, Book of Archery, p. 428, cit. Morse l. c. p. 33.

²⁾ Изъ рисунковъ, приведенныхъ въ IV томѣ «Histoire de l'art ancien» par Perrot et Chipiez, можно заключить, что древніе Сардинцы употребляли присредиземный способъ, а азиатскіе Хетей, повидному, первобытный, какъ и древнѣйшіе Ассирійцы.

шихся другъ о друга спинами, дѣйствительно видно, что указательный палецъ правой руки не согнуть и вытянуть вдоль стрѣлы, сверху ея, тогда какъ прочіе согнуты (большой скрытъ за рукой); это—слѣдовательно, не первый,

Рис. 44. Стрѣляющіе Скифы; съ изображенія на золотомъ блюшкѣ (Прокоповъ).

не второй, не третій и не присредиземный способъ, а всего вѣроятнѣе—монгольскій, и именно, можетъ быть, та разновидность его, которая была въ употребленіи (какъ мы только что видѣли) у древнихъ Персовъ. Насколько мнѣ извѣстно, однако, въ гробницахъ, приписываемыхъ Скифамъ, не было найдено перстней изъ кости или камня, въ родѣ китайскихъ или персидскихъ, для большого пальца, хотя фактъ этотъ еще не говоритъ самъ по себѣ противъ монгольскаго способа, такъ какъ перстень могъ замѣняться перчаткой и даже загрубѣлая кожа пальцевъ могла обходиться и безъ нея.

Что касается Русскихъ, то Морсъ не касается вопроса, какой способъ былъ у нихъ въ употребленіи, очевидно потому, что не имѣлъ для этого данныхъ. Вопросъ этотъ, дѣйствительно, трудно разрѣшить за малымъ числомъ отчетливыхъ изображеній стрѣльбы. Изъ народовъ, окружавшихъ или сосѣдившихъ съ Русскими, одни пользовались, несомнѣнно, присредиземнымъ способомъ, какъ, на примѣръ — Норманны, другіе — монгольскомъ, какъ Татары и, вообще, тюркскія племена, третьи, можетъ быть, первобытнымъ способомъ, какъ и теперь еще, на примѣръ, Вогулы, четвертые, наконецъ, третимъ способомъ, какъ, можетъ быть, Греки ¹⁾. Одни изъ древнѣйшихъ изображеній стрѣльцовъ мы находимъ въ Изборникѣ Святослава (XI в.) и на Корсунскихъ вратахъ въ Новгородѣ (конца XII вѣка). На послѣднихъ—кентавръ представленъ стрѣляющимъ присредиземнымъ способомъ, но это еще не можетъ служить доказательствомъ, что тотъ же способъ былъ въ употребленіи и у Новгородцевъ, потому что врата эти были вывезены изъ Германіи и представляютъ собою работу магдебургскихъ художниковъ и литейщиковъ. На изображеніи же стрѣльца въ Сборникѣ Святослава—положеніе правой руки по отношенію къ стрѣлѣ представлено неясно, хотя и можно разобрать, что всѣ пальцы съ 2-го до 5-го лежатъ на тетивѣ и большой палецъ не согнуть. Это какъ бы указываетъ на третій способъ (употреблявшійся, какъ мы видѣли, нерѣдко Греками), но можетъ и присредиземный; во всякомъ случаѣ, это не монгольскій способъ. Изображенія лучниковъ (на рисункахъ къ войнѣ Русскихъ съ Болгарами у Погодина, атласъ, табл. 31) и на фрескахъ по стѣнамъ лѣстницы, ведущей въ палаты, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ,—представляютъ тотъ же способъ. причемъ однако видно, что стрѣла держалась большимъ и указательнымъ пальцами и что 2—4 пальцы лежали на тетивѣ, т. е., слѣдовательно, употреблялся, по всей вѣроятности, третій способъ. На образѣ Знаменія, гдѣ изображена осада Новгорода Суздальцами въ 1169 г., стрѣльба изъ лука изображена неясно и момента спуска стрѣлы совсѣмъ нѣтъ ²⁾. На нѣкоторыхъ миниатюрахъ, напр., въ изображеніи Кентав-

¹⁾ Даки, судя по изображеніямъ на Траяновой колоннѣ, пользовались присредиземнымъ способомъ; также и Норманны, судя по изображеніямъ на Матильдовой пеленѣ. О способѣ Вогуловъ я получилъ свѣдѣніе отъ Н. Л. Говдатти.

²⁾ На образѣ Знаменія, въ сценѣ сраженія, внизу картины, представленъ одинъ конный воинъ, держащій лукъ правой рукой и притомъ такъ, что тетива лука повернута кнаружи. Въ то же время, однако, эта правая рука держитъ и стрѣлу, между указательнымъ и среднимъ пальцами, причемъ та же стрѣла держится за ушки

ровъ въ рукописи „Александриѣ“, принадлежащей И. Е. Забѣлину; въ изображеніи иноземнаго стрѣльца въ Космографіи Космы Индикоплова, изданной Обществомъ Любителей Древней Письменности; въ изображеніи стрѣляющаго ангела въ Апокалипсисѣ, изданномъ Архимандритомъ Амфилохіемъ, — можно болѣе или менѣе явственно различить присредиземный способъ, но эти миниатюры были дѣланы, повидимому, по иноземнымъ образцамъ. Довольно хорошее изображеніе коннаго русскаго лучника

Рис. 45. Иноземный стрѣлецъ (съ изображенія Космы Индикоплова, въ изд. Общества древне-русской письменности).

Рис. 46. Русскій конный лучникъ XVI вѣка (копія съ рисунка Герберштейна, въ вѣнскомъ нѣмецкомъ изданіи 1557 г.).

было дано Герберштейномъ, но оно неодинаково отчетливо въ различныхъ изданіяхъ и иногда представлено въ обратномъ положеніи, т. е. тетива натягивается лѣвой рукой. На болѣе явственномъ рисункѣ (въ вѣнскомъ, нѣмецкомъ изданіи 1557 г.) видно, что стрѣла помѣщается вправо отъ лука и на тетивѣ замѣтенъ только указательный палець, что, повидимому, указываетъ на монгольскій способъ стрѣльбы ¹⁾. Какъ бы то ни было, наши предки не употребляли, насколько извѣстно, перстней при лучной стрѣльбѣ, равно какъ и предохранительной пластинки для лѣвой руки.

и лѣвою рукой. Повидимому, художникъ хотѣлъ изобразить моментъ, когда стрѣла только что пущена, и воинъ намѣренъ замѣнить еѣ новой, но тогда непонятно, почему лукъ держится правою рукой. Въ другой, верхней сценѣ сраженія представлены два суздальца, держащіе лукъ правою рукой, тетивою наружу, причѣмъ стрѣлы изображены летящими, только что спущенными. Моментъ этотъ былъ бы понятенъ, если бы лукъ находился не въ правой рукѣ, но можетъ быть—это просто ошибка живописца.

¹⁾ Экземпляръ того же изданія въ Чертковской библіотекѣ не полонъ, не имѣетъ этого рисунка. Въ изданіяхъ 1567, 1568 и 1571 гг. въ Базелѣ рисунокъ этотъ повернутъ въ обратную сторону, т. е. тетива натягивается лѣвой рукой; при этомъ на тетивѣ показаны два пальца, указательный и средній, т. е. представленъ присредиземный способъ, но это, повидимому, подправка позднѣйшихъ европейскихъ рисовальщиковъ.

III.

Части стрѣлы и ихъ устройство.

Древко и наконечникъ. — Тупые наконечники (томары, болты). — Матеріалъ, изъ котораго дѣлается древко. — Вырѣзка на заднемъ концѣ древка (ушки). — Утолщеніе передъ ней для удобства держанія пальцами. — Перья. — Различныя стадіи ихъ примѣненія. — Ихъ расположеніе. — Украшеніе древка. — Простые и двойные наконечники. — Наконечники изъ твердаго дерева. — Наконечники, оканчивающіеся лезвемъ. — Приспособленія для большей вредности стрѣлы. — Зубцы и шипы деревянныхъ, костяныхъ и металлическихъ наконечниковъ. — Перья желѣзныхъ наконечниковъ. — Приспособленія для свиста стрѣлы при полетѣ. — Стрѣльный ядъ; его составныя части и его распространеніе у разныхъ народовъ. — Отламывающійся наконечникъ. — Гарпуны. — Различныя стадіи въ ихъ развитіи. — Гарпуны Алеутовъ и Эскимосовъ. — Примѣненіе гарпуновъ къ охотѣ за наземными звѣрями въ лѣсахъ. — Костяные гарпуны палеолитической эпохи: два типа ихъ. — Гарпуны неолитическаго и металлическаго періода. — Костяные и металлическіе гарпуны, найденные въ Россіи. — Наиболѣе совершенные виды гарпуновъ (у Эскимосовъ). — Способы прикрѣпленія неподвижныхъ наконечниковъ.

Стрѣлы, пускаемыя съ лука, состоятъ обыкновенно изъ двухъ частей, изъ древка и наконечника. Обѣ части одинаково существенны, такъ какъ безъ древка стрѣла не можетъ быть пущена, а безъ наконечника она не можетъ проникать въ тѣло или, по крайней мѣрѣ, наносить значительный ударъ. Впрочемъ—древко можетъ достигать до извѣстной степени своей цѣли и безъ наконечника, если оно будетъ заострено на концѣ или, наоборотъ, утолщено. Последняго рода стрѣлы, съ утолщеніемъ или шишкою на концѣ, вырѣзываются обыкновенно изъ одного куска дерева и употребляются въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду только нанести сильный ударъ, а не произвести рану, на примѣръ, при охотѣ за птицами или небольшими звѣрями, портить шкуру которыхъ для охотника нежелательно. Такія тупыя стрѣлы употребляются еще и теперь — Вогулами, Самоѣдами, Тунгузами, Бурятами, Эскимосами и другими народами, а ранѣе были въ употребленіи у Индусовъ, Персіянъ, Турокъ, народовъ Западной Европы и у Русскихъ. Въ Россіи онѣ назывались „томарами“ или „болтами“ и, кажется, употреблялись и на войнѣ ¹⁾. Стрѣлы съ острымъ концомъ также дѣлаются иногда изъ одного куска дерева, только заостреннаго и, обыкновенно, для твердости обожженнаго еще на огнѣ, но чаще, если остріе и деревянное, оно готовится изъ другой, болѣе твердой породы дерева и насаживается крѣпко или подвижно на древко. Что касается матеріала, изъ котораго дѣлается древко, то въ разныхъ частяхъ свѣта употребляются, конечно, разныя породы дерева. Въ старинныхъ русскихъ описяхъ упоминаются стрѣлы тростяныя, камышевыя, березовыя, яблонныя, кедровыя, кипарисныя (чипрасовыя), нѣмецкаго дерева, индѣйскаго дерева и др. На заднемъ концѣ древка, приставляемомъ къ тетивѣ, дѣлается обыкновенно вырѣзка, для того, чтобы стрѣла не спадала съ тетивы. Иногда эта вырѣзка довольно глубока,

¹⁾ «Томира» — монгольское слово и означаетъ стрѣлу, имѣющую на концѣ не остріе, а шишку. «Болты» пускались съ самострѣловъ; по объясненію Вельмана, это были «коротенькія стрѣлы, у которыхъ вмѣсто копыща шарики костяные или желѣзные». Въ Моск. Оружейной Палатѣ болтами называютъ однако и другаго рода стрѣлы, именно длинныя, острия, тяжелыя, сплошь желѣзныя, съ желѣзнымъ же тройнымъ перомъ, пускавшіяся, очевидно, съ большихъ самострѣловъ.

иногда мелка, иногда же ея совсѣмъ нѣтъ. Последнее обстоятельство свидѣтельствуетъ, что не всѣ народы додумались до необходимости такой вырѣзки. На островахъ Товарищества, напримѣръ, для того, чтобы стрѣла не соскальзывала съ тетивы, употребляется небольшой кусочекъ смолы, которымъ задній конецъ стрѣлы прилѣпляется къ тетивѣ. Вырѣзокъ нѣтъ также на стрѣлахъ жителей Сандвичевыхъ и Соломоновыхъ острововъ, на большей части Новогвинейскихъ стрѣлъ и на многихъ изъ Южной Америки ¹⁾. Въ томъ случаѣ, когда вырѣзка довольно глубока, задній конецъ стрѣлы представляетъ два выступа; такіе выступы называются въ старинныхъ русскихъ описяхъ „ушками“; они дѣлались иногда изъ слоновой кости, „рыбьяго зуба“, или въ нихъ вставляли бирюзу и драгоценные камни ²⁾. Кромѣ вырѣзки, задній конецъ древка представляетъ иногда еще утолщеніе (небольшую шишку), для болѣе удобнаго держанія стрѣлы пальцами при натяженіи тетивы. Такое утолщеніе встрѣчается особенно на стрѣлахъ тѣхъ народовъ, которые пользуются для спуска стрѣлъ первобытнымъ способомъ, т. е. держа стрѣлу первымъ и указательнымъ пальцами. Въ этомъ случаѣ утолщеніе оказывается весьма подходящимъ, такъ какъ позволяетъ крѣпче держать стрѣлу. Но при пользованіи присредиземнымъ способомъ, когда стрѣла держится легко между указательнымъ и среднимъ пальцами, такое утолщеніе скорѣе мѣшаетъ, такъ какъ можетъ задерживать стрѣлу въ моментъ ея спуска съ тетивы. Поэтому на европейскихъ стрѣлахъ, а также на стрѣлахъ Эскимосовъ его нѣтъ, и у послѣднихъ задній конецъ дѣлается иногда даже сплюснутымъ, для большаго удобства держанія и спуска стрѣлы по присредиземному способу. У народовъ, употребляющихъ монгольскій способъ, утолщеніе однако, въ болѣе или меньшей степени, встрѣчается и очевидно признается полезнымъ для болѣе крѣпкаго держанія стрѣлы при натяженіи тетивы ³⁾.

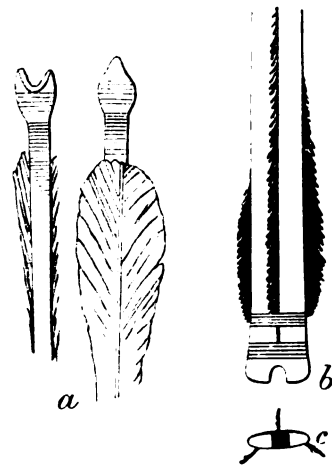

Рис. 47. Задній конецъ стрѣльнаго древка: *b* и *c* — у Эскимосовъ, — сплюснутый, безъ утолщенія; *a* — (концомъ вверхъ) у Индѣйцевъ Орегона, — округленный съ утолщеніемъ и поперечными наръзами, для удобства держанія большимъ и указательнымъ пальцами (Могге).

Въ большинствѣ случаевъ древко стрѣлы снабжается перьями, прикрѣпляемыми въ два, три или четыре ряда, ближе къ заднему концу стрѣлы, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ самого конца, чтобы не мѣшать держанію за конецъ пальцами. Употребленіе перьевъ имѣетъ цѣлью облегчить задній конецъ стрѣлы, сосредоточить тяжесть въ ея переднемъ концѣ и поддержать древко вѣрнѣе въ линіи полета. Мѣсто

¹⁾ На нѣкоторыхъ стрѣлахъ африканскихъ народовъ вырѣзки также нѣтъ, именно на тѣхъ, наконечникъ которыхъ спирально изогнутъ поперекъ. По мнѣнію Лэнъ-Фокса, стрѣла съ такимъ наконечникомъ должна была получать вращательное движеніе при полетѣ и притомъ съ самаго начальнаго момента, вслѣдствіе чего употребленіе вырѣзки было неудобно, такъ какъ она задерживала это движеніе. — Въ томъ случаѣ, когда древко стрѣлы тростяное, вырѣзка дѣлается не въ немъ, такъ какъ тогда тетива могла бы расщепить древко, а въ особомъ кусочкѣ плотнаго дерева, который прикрѣпляется къ заднему концу древка, какъ, напр. у Ароваковъ Южной Америки.

²⁾ Въ сказкѣ о Дюкѣ Степановичѣ говорится о стрѣлахъ, у коихъ «въ ушахъ поставлено по тирону, по камню по дорогу самоцвѣтному».

³⁾ Иногда еще выше ушковъ на древкѣ дѣлаются нѣсколько боковыхъ зарубокъ — для болѣе удобнаго держанія стрѣлы.

перьевъ иногда (въ Африкѣ, тропической Азіи) занимаютъ листья, но большей частью пользуются для этой цѣли перьями птицъ. Стрѣлы, однако, могутъ быть и безъ перьевъ, и, повидимому, не всѣ народы додумались до необходимости или, по крайней мѣрѣ, до пользы ихъ употребленія. Такъ, перьями не пользуются на Новой Гвинее, Андаманскихъ островахъ, на островахъ Меланезіи и Полинезіи, равно какъ и во многихъ мѣстностяхъ Африки и Южной Америки. Геродотъ, говоря о Ликійцахъ въ арміи Ксеркса, замѣчаетъ, что стрѣлы ихъ были безъ перьевъ. Съ другой стороны, въ пользованіи перьями можно подмѣтить рядъ переходовъ отъ простѣйшаго до болѣе совершеннаго. Простѣйшій способъ состоитъ въ прикрѣпленіи къ древку всего пера, плашмя, какъ онъ получается отъ птицы, такъ что оба опахала идутъ въ дѣло. Такъ поступаютъ Эскимосы и нѣкоторые Индѣйцы Южной Америки, у которыхъ, слѣдовательно, древко имѣетъ два пера (въ сущности—одно съ двумя опахалами). У Калифорнскихъ Индѣйцевъ тоже употребляются цѣльные перья, но одно опахало ихъ отчасти обрывается, такъ что въ одной половинѣ перо сохраняетъ оба опахала, а въ другой только одно. Это можетъ быть разсматриваемо какъ переходъ къ наиболѣе употребительному способу, когда съ пера сдирается только одно опахало (съ тою частью стержня, на которомъ оно держится) и прикрѣпляется къ древку вдоль его, бокомъ, помощью нитокъ или клея. Перья выбираютъ такія, опахало коихъ прямо, достаточно плотно (жестко) и непопорчено (не измято), такъ какъ помятыя перья не могутъ содѣйствовать прямому полету стрѣлы ¹⁾. Впрочемъ, иногда употребляются и выпуклыя

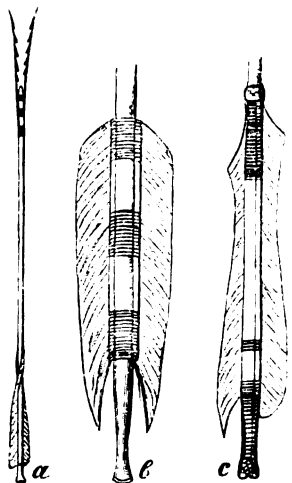

Рис. 48. Способы прикрѣпленія перьевъ къ древку стрѣлы: *a*—у Эскимосовъ, прикрѣпленіе спирально; *b*—у Индѣйцевъ Гвіяны—два соответственныхъ, но противоположныхъ пера *c*—тоже, но перья съ вырѣзками.

перья, но тогда соблюдается извѣстный порядокъ въ ихъ наложеніи. У Ароваковъ Ю. Америки (Гвіяны), употребляющихъ стрѣлы въ два пера, берутся соответственные перья изъ крыльевъ птицы, напр., второе маховое перо изъ праваго и лѣваго крыла: отъ нихъ отрываютъ внутреннія опахала и верхнія части наружныхъ и прикрѣпляютъ остальные части вдоль древка такимъ образомъ, что онѣ оказываются изогнутыми въ различныхъ направленіяхъ, подобно двумъ лопаткамъ паравознаго винта. Для другой стрѣлы берутся третьи махи, для слѣдующей—четвертые и т. д. Стрѣлы, оперенныя такимъ образомъ, получаютъ способность описывать при полетѣ спираль, подобно пулѣ, пущенной изъ наръзнаго ружья. Другіе народы употребляютъ для той же цѣли иное приспособленіе, именно, прикрѣпляютъ перья вдоль древка не по прямой, а по спиральной линіи, и, по словамъ Лэнъ-Фокса, такой способъ былъ извѣстенъ и въ Западной Европѣ и обозначался въ Италіи терминомъ *Vireton*. Иногда, повидимому, такіе спиральныя перья прикрѣпляются не у тупаго конца, а ближе къ наконечнику, какъ можно судить изъ описанія стрѣлъ Негровъ Золотаго Берега у стариннаго путешественника Босмана ²⁾.

¹⁾ Отсюда—забота о неповрежденіи перьевъ въ колчанѣ и разныя приспособленія для того, о которыхъ было сказано выше.

²⁾ Lane Fox, l. с. стр. 94. Какъ исключеніе, на нѣкоторыхъ стрѣлахъ Эскимосовъ перья прикрѣпляются вдвойнѣ—одни ближе къ заднему концу, другіе нѣсколько впереди.

У многихъ народовъ Африки перья однако, какъ уже сказано, не въ употребле-
ніи, и вращательное движеніе стрѣлы достигается совершенно особымъ приспособленіемъ, именно, особенною поперекъ-изогнутою формою желѣзнаго наконеч-
ника. Что касается до видовъ птицъ, перья которыхъ берутся для стрѣлъ, то они
многочисленны. Гезіодъ говоритъ, что стрѣлы Геракла были оперены перьями
горнаго орла. Въ Россіи (и у сосѣднихъ тюркскихъ народовъ) употреблялось перье
орловое (беркучье), бѣлохвоста (орла-бѣлохвоста), кречетъе, лебязье, павлинье; перья
прикрѣплялись обыкновенно въ три, иногда („Крымскія“) и въ четыре пера, и
подъ перьемъ, подлѣ ушей, иногда перевивалось серебромъ или золотомъ („плащенымъ“
или „пряденымъ“). Съ цѣлью украшенія древко также нерѣдко красилось, разрисовы-
валось разноцвѣтными крапинами и полосками, или золотилось, какъ это можно ви-
дѣть на стрѣлахъ Киргизовъ и другихъ азіатскихъ народностей, и какъ о томъ упо-
минаетъ Слово о полку Игоревѣ („злаченныя стрѣлы“). Въ Южной Россіи находили
стрѣлки (мѣдныя и желѣзныя) еще съ остатками крашеннаго древка ¹⁾.

Наконечники стрѣлъ бывають либо простые, либо двойные. Простые дѣлаются
изъ твердаго дерева, кости, камня (кремня, обсидіана, кварцита и т. д.) или металла
(мѣди, бронзы, желѣза). Двойные дѣлаются изъ двойнаго матерьяла, изъ твердаго де-
рева и камня, или изъ кости и камня или металла и т. п. Простой наконечникъ, какъ
простѣйшій, былъ изобрѣтенъ, вѣроятно, ранѣе, и двойной явился уже впоследствии.
Употребленіе для наконечника твердаго дерева имѣло, повидимому, цѣлью придать
большій вѣсъ и силу переднему концу стрѣлы. Такіе деревянные наконечники имѣютъ
иногда значительную длину, доходящую до $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ всей длины древка. Лэнъ-Фоксъ по-
лагаетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемъ двойные наконечники, причемъ
ближайшій къ древку—деревянный, а слѣдующій металлическій, употребленіе перваго
можетъ быть разсматриваемо, какъ пережитокъ, какъ остатокъ отъ той эпохи, когда
наконечники дѣлались исключительно изъ дерева. Въ доказательство онъ ссылается
на стрѣлы Минкопиевъ (жителей Андаманскихъ острововъ), у которыхъ онѣ либо снаб-
жены длиннымъ наконечникомъ изъ твердаго дерева, либо на этомъ наконечникѣ
(только не заостренномъ) насаженъ другой, изъ желѣза, получаемаго Минкопіями съ
разбиваемыхъ у ихъ береговъ кораблей. Здѣсь, очевидно, стрѣлы имѣли первоначально
только деревянные наконечники, но, когда островитяне познакомились съ желѣзомъ,
они воспользовались имъ для изготовленія остриевъ, сохранивъ однако прежній тра-
диціонный способъ изготовленія стрѣлъ съ длиннымъ наконечникомъ изъ твердаго де-

¹⁾ „Аще соколъ къ гнѣзду летать, соколича рострѣляевъ своимъ злаченными стрѣлами“—въ Словѣ о полку Игоревѣ.—Въ сказкѣ о Дюкѣ Степановичѣ—стрѣлы описываются такъ:

Колоты онѣ были изъ трость дерева,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новгородѣ,
Клеены онѣ клеємъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьяцемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича
А того орла, птицы Камскія.....
А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевивано
Аравитскимъ золотомъ.

рева ¹⁾. Очень твердые породы дерева встречаются однако болѣе въ тропическихъ и южныхъ умѣренныхъ странахъ; на сѣверѣ онѣ рѣдки, соответственно чему мы и не встрѣчаемъ тамъ такихъ твердыхъ деревянныхъ наконечниковъ. Стрѣлы Тунгузовъ, Самоѣдовъ, Эскимосовъ, такъ же какъ Китайцевъ, Персовъ имѣютъ простые наконечники, изъ одного куска, и, если у Эскимосовъ, нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ и встрѣчаются двойные (особенно у гарпуновъ), то, во всякомъ случаѣ, ни одинъ изъ нихъ не дѣлается изъ дерева, а изъ кости и камня, или кости и металла.

Цѣль наконечника, — чтобы онъ ранилъ, поэтому онъ и дѣлается острымъ, заканчивается остриемъ, но иногда остриеъ бываетъ два — три или мѣсто острия занимаетъ болѣе или менѣе широкое лезвие, такъ что такой наконечникъ, проникая въ тѣло, разрѣзаетъ его, а не прокалываетъ. Различные народы придумали еще цѣлый

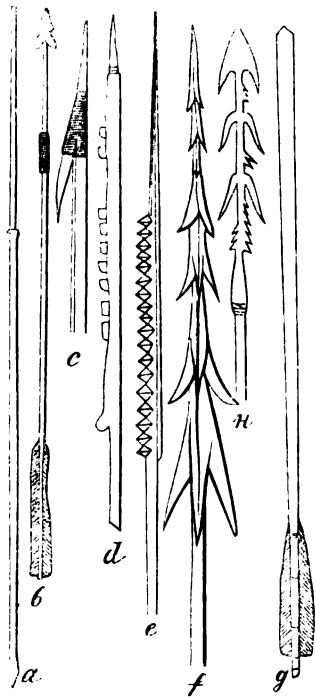

Рис. 49. Простыя, зубчатые и крючкатыя стрѣлы: *a* — съ деревяннымъ наконечникомъ; *b* — съ деревяннымъ и каменнымъ (американская); *c* — съ простымъ зубцомъ; *d* — дротикъ съ боковыми зубцами изъ кремневыхъ осколковъ (Австралія); *e* — дротикъ съ боковыми зубцами, нарѣзанными на деревѣ (Меланезія); *f* — дротикъ — съ искусно нарѣзанными зубцами (Меланезія) *g* — стрѣла съ тупымъ деревяннымъ наконечникомъ; *h* — желѣзная крючатая стрѣла (Африка) — (Lane Fox)

рядъ приспособленій для того чтобы наносимая наконечникомъ рана была болѣе вредоносна. Одно изъ наиболѣе распространенныхъ приспособленій состоитъ въ снабженіи наконечника боковыми зубцами, однимъ, двумя или болѣе. Простѣйшіе зубцы мы встрѣчаемъ на дротикахъ Австралійцевъ, у которыхъ позади деревяннаго острия прикрѣпляется, посредствомъ смолы, ремешковъ или растительныхъ волоконъ, другое острие изъ твердаго дерева, обращенное назадъ и нѣсколько въ сторону. Такой зубецъ мѣшаетъ выдернуть стрѣлу изъ раны и позволяетъ сдѣлать это, только еще болѣе увеличивъ рану. Въ другихъ дротикахъ мѣсто такого деревяннаго зубца занимаетъ острая кость или рядъ острыхъ кремней, укрѣпленныхъ позади наконечника, вдоль древка, смолою. Въ иныхъ, наконецъ, тоже въ Австраліи, зубецъ вырѣзается изъ одного куска съ остриемъ или въ наконечникѣ изъ твердаго дерева вырѣзывается цѣлый рядъ боковыхъ зубцовъ, какъ бы въ подражаніе острымъ кремнямъ. Такіе рѣзные дротики и стрѣлы со многими зубцами достигаютъ большаго совершенства на островахъ Великаго Океана (Новой Гвинее, Соломоновыхъ, Фиджи, Товарищества, Новой Зеландіи и др.), гдѣ они напоминаютъ иногда своею формою листву хвойныхъ деревьевъ, особенно *Agathis excelsa*, весьма обыкновенной въ тѣхъ областяхъ. Число зубцовъ иногда бываетъ неопредѣленно, иногда строго опредѣляется обычаемъ. Такъ, у Ароваковъ Гвинее — стрѣлы имѣютъ по семи зубцовъ, у Ботукудовъ — по одиннадцати. Зубцы дѣлаются также на костяныхъ наконечникахъ, особенно у Эскимосовъ,

¹⁾ Lane Fox. Observations on M-r Man's Collection of Andamanese Objects въ „Journal of the Anthropological Institute of Great Britain“ v. VII. L. 1878, p. 441—442, pl. XIV.

и на металлическихъ. Зубцы на костяныхъ гарпунахъ мы встрѣчаемъ уже въ палеолитическую эпоху; зубцы на кремневыхъ стрѣлкахъ—въ неолитическій періодъ. На бронзовыхъ стрѣлахъ зубцы, обыкновенно одинъ, иногда изогнутый крючкомъ, подъ остриемъ, также встрѣчаются, хотя всегда только у варварскихъ народовъ—Савроматовъ, Скивовъ и др. ¹⁾ Въ желѣзныхъ стрѣлахъ мѣсто зубцовъ занимаютъ обыкновенно боковые углы ромбоидальныхъ наконечниковъ или задніе углы боковыхъ реберъ и граней—въ плоскихъ и треугольныхъ наконечникахъ. Эти углы, въ наконечникахъ, съ черенкомъ или съ втулкой для налаживанія на деревко, иногда (какъ у нѣкоторыхъ древне-германскихъ стрѣлъ) настолько удлиненны взадъ и заострены, что принимаютъ характеръ настоящихъ шиповъ. Въ Сибири находятъ нерѣдко древніе желѣзные трехгранные наконечники стрѣлъ, грани которыхъ вытянуты въ тонкіе листы, какъ бы перья, съ острыми краями и углами ²⁾. Иногда углы ихъ торчатъ въ стороны, иногда взадъ, а иногда и впередъ; въ послѣднемъ случаѣ они содѣйствуютъ конечному среднему острию, которое иногда, въ свою очередь, также снабжено острыми гранями. Употребленіе боковыхъ зубцовъ, обращенныхъ впередъ, встрѣчается и на нѣкоторыхъ деревянныхъ наконечникахъ Ново-Зеландцевъ и Фиджійцевъ, равно и у Эскимосовъ, именно на стрѣлахъ, пускаемыхъ въ птицъ, но здѣсь они дѣлаются изъ острыхъ костей и прикрѣпляются по три, вилкою, въ срединѣ древка (смотри рис. 51, с). Цѣль ихъ, повидимому, та, чтобы увеличить шансы удачной стрѣльбы, такъ какъ, если не попадетъ главное острие, можетъ попасть одинъ изъ заднихъ, боковыхъ зубцовъ ³⁾. Что касается до перьевъ желѣзныхъ наконечниковъ, то они приносятъ пользу еще тѣмъ, что увеличиваютъ тяжесть передняго конца стрѣлы и въ то же время своею значительною поверхностью поддерживаютъ его въ воздухѣ, содѣйствуя этимъ перьямъ древка. Въ сибирскихъ трехперыхъ наконечникахъ замѣчаются еще обыкновенно сквозныя круглыя, овальныя или треугольныя отверстія. Цѣль ихъ, повидимому, та, чтобы стрѣла издавала при полетѣ свистъ, возбуждала болѣе страха и смятенія. Въ бурятскихъ стрѣлахъ, для этой же цѣли, употребляется иногда еще костяной, полный, многогранный шарикъ съ нѣсколькими симметричными сквозными прорѣзами, который насаживается на деревко подъ наконечникомъ. При полетѣ, проходящій сквозь эти отверстія воздухъ также производитъ особаго рода свистъ.

¹⁾ Мнѣ передавалъ И. Е. Забѣлинъ, что «крюкостыя» бронзовыя стрѣлы никогда не были находимы имъ, при раскопкахъ въ типичныхъ Скивскихъ курганахъ, съ золотыми издѣліями греческаго искусства IV в. до Р. Х. Но такія стрѣлы были находимы неоднократно въ другихъ курганахъ и просто въ землѣ въ предѣлахъ Южной Россіи. Греки такихъ стрѣлъ вообще не употребляли, но наконечникъ и у нихъ имѣлъ иногда удлиненныя взадъ ребра или грани оканчивающіяся острыми углами и игравшія роль зубцовъ. О такихъ «шипкахъ» говоритъ, по всѣй вѣроятности Гомеръ, описывая стрѣлу Пандара, поразившую Менелая. Стрѣла эта ударила въ зототую бляху пояса, пробила ее, броню и вонзилась въ тѣло, обгравивъ его кровью. Менелай испугался,

„Но, лишь увидѣлъ шипы и завязку пернатой въ тѣло,
Вновь у Атревѣва сына исполнились мужества перси“.

Призванный врачъ, Махаонъ, сталъ извлекать стрѣлу,

„Но, когда онъ повлекъ, закривилась шипы у пернатой“,—

птому что они уперлись въ бляху пояса, который и пришлось предварительно снять.

²⁾ См. напр. «Древности Минусинскаго Музея», сост. Клеменцъ. Томскъ. 1886. Атласъ, табл. XVI.

³⁾ Изображенія такихъ стрѣлъ есть у Вуда, Парри, Лэнъ-Фокса, Ратцеля (Völkerkunde), Вольдта (Сар. Jacobæns Reise an der Nordwestküste Amerikas. 1884).

Наибольшее распространение зубчатыхъ, шиповатыхъ, крюкастыхъ наконечниковъ стрѣлъ мы встрѣчаемъ въ тропической восточной и центральной Африкѣ, гдѣ они съ незапамятныхъ временъ дѣлаются изъ желѣза. Почти каждое племя здѣсь (Монбутту, Акка, Доръ, Мади и др.) имѣетъ по нѣскольку видовъ ихъ съ самыми разнообразными зубцами и шипами, напоминающими часто шипы и колючки разныхъ тропическихъ деревьевъ и кустарниковъ. Шипы эти, различной величины, и обыкновенно обращенные назадъ и въ сторону, насажены болѣе или менѣе симметрично по обѣ стороны длиннаго наконечника, съ которымъ они составляютъ одно цѣлое. Есть свидѣтельство, что подобныя же, хотя, вѣроятно, далеко не столь сложныя крюкастыя стрѣлы были также въ употребленіи у Арабовъ и Мавровъ.

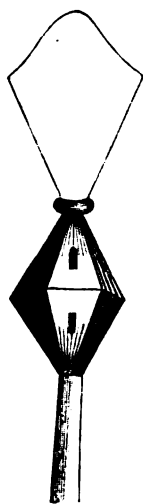

Рис. 50 Бурятская желѣзная стрѣла—съ костянымъ подѣй шарикомъ, для произведенія свиста при полетѣ.

Другое приспособленіе для болѣе вредоносности стрѣлъ состоитъ въ обмазываніи ихъ наконечниковъ ядомъ. Способъ этотъ распространенъ въ различныхъ частяхъ свѣта и трудно сказать, распространилось ли пользованіе имъ изъ одного центра или изъ нѣсколькихъ. Достоинно вниманія, что стрѣльный ядъ неизвѣстенъ дикарямъ Австраліи, Новой Гвинеи и—повидимому—всей Полинезіи, такъ что, слѣдовательно, до открытія и примѣненія его дошли не всѣ первобытныя народы. Тѣмъ не менѣе мы встрѣчаемъ его какъ у различныхъ народностей Малайскаго Архипелага (гдѣ онъ получается отъ разныхъ деревьевъ, упаса, хипобатанга и др. и, повидимому, не обладаетъ особенной силой), такъ и въ Африкѣ и Америкѣ. Отомаки Гвѣяны пользуются ядомъ кураре, обладающимъ свойствомъ лишать способности къ произвольнымъ движеніямъ, другія, южно—и средне-американскія племена употребляютъ непосредственно убивающіе растительныя яды, болѣе или меньшей силы, иногда еще смѣшивая ихъ съ ядомъ змѣй. Въ Африкѣ стрѣльный ядъ былъ найденъ у многихъ народовъ тропической Африки, какъ западной, такъ и восточной, и иногда дѣйствіе его описывается, какъ весьма быстрое и сильное. Ядъ Бушменовъ Южной Африки можетъ быть причисленъ также къ сильнодѣйствующимъ. По Ливингстону, главная составная часть его получается изъ внутренностей маленькой ядовитой гусеницы, по другимъ свидѣтельствамъ — изъ сока одной евфорбіи (по Ратцелю, вѣроятно, *Euphorbia capdelabrum*, сокомъ которой пользуются также Овагереро для своихъ стрѣлъ и горныя Дамара для отравленія лужъ, къ которымъ приходятъ на водопой дикіе звѣри). Кромѣ того, въ составъ яда входятъ, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, сокъ отъ одной луковицы (*Haemanthus toxicarius*), ядъ змѣй и т. д., хотя всѣ эти свидѣтельства основаны, повидимому, на разсказахъ туземцевъ, такъ какъ приготовленіе яда обыкновенно держится и совершается въ секретѣ. Въ качествѣ противоядія, въ Южной Америкѣ пользуются солью, тогда какъ Бушмены употребляютъ жиръ. Готтентоты, по словамъ Тунберга, съ цѣлью предохраненія отъ яда, приучали себя постепенно къ яду скорпіоновъ, змѣй и другихъ ядовитыхъ животныхъ. Ядъ Бушменовъ, по словамъ нѣкоторыхъ наблюдателей, дѣйствуетъ скоро и убійственно какъ на крупныхъ звѣрей (напр. льва), такъ и на человѣка.

Культурные народы, обыкновенно, не пользовались ядомъ, и считали употребленіе его варварствомъ. Ядъ неизвѣстенъ также Эскимосамъ и народамъ сѣверной и средней Азіи. Древніе писатели приписывали, однако, употребленіе его Скиѣамъ и Парѣянамъ; съ другой стороны, есть свидѣтельства, что ядъ употреблялся иногда Германцами и Славянами ¹⁾.

Чтобы ядъ могъ попасть вѣрнѣе въ кровь, у нѣкоторыхъ народовъ наконечникъ стрѣлы устраивается такъ, что, попавъ въ тѣло, онъ отламывается и остается въ ранѣ, если стрѣла и будетъ вытащена. На такое приспособленіе дикари могли быть наведены наблюденіемъ надъ жаломъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, какъ, на примѣръ, пчелы, обладающимъ, какъ извѣстно, также способностью отламываться. Съ другой стороны, такіе отламывающіеся наконечники могли, какъ полагаетъ Лэнъ Фоксъ, повести къ изобрѣтенію рыболовнаго гарпуна.

Гарпуномъ называется такое копьѣ или стрѣла, наконечникъ котораго легко отдѣляется отъ древка, но остается въ соединеніи съ нимъ помощью болѣе или менѣе длинной веревки. Гарпунъ употребляется преимущественно при охотѣ за морскими животными (напр. тюленями) и крупною рыбою. Пораженный гарпуномъ тюлень ныряетъ и стремится уйти отъ охотника, но послѣдній преслѣдуетъ звѣря и настигаетъ его при помощи древка гарпуна, плавающего на поверхности воды. За простѣйшую форму гарпуна Лэнъ Фоксъ считаетъ длинное, снабженное зубцами, копьѣ Австралійцевъ, употребляемое ими для ловли крупной рыбы. Къ копьѣ этому прикрѣпляется длинная веревка, за которую, если копьѣ попало въ цѣль, хватается нѣсколько чело-вѣкъ и вытаскиваютъ рыбу. Такъ какъ передняя часть копьѣ, его зубчатый наконечникъ, дѣлается у Австралійцевъ, какъ уже сказано, изъ болѣе твердаго дерева, и насаживается на бамбуковое или камышевое древко, то возможенъ случай, что при сильномъ ударѣ наконечникъ выпадетъ изъ своей втулки. Случаи эти могли навести болѣе толковыхъ дикарей на мысль — соединить древко съ наконечникомъ помощью ремня или веревки, и опытъ могъ показать, что при такомъ приспособленіи, если копьѣ и будетъ брошено въ рыбу, оно скоро появляется на поверхности воды и играетъ роль буйка, позволяющаго слѣдить за раненой рыбой. Такіе гарпуны, состоящіе изъ древка и соединеннаго съ нимъ, посредствомъ веревки, зубчатаго наконечника, были найдены въ употребленіи у Эскимосовъ, Пешересовъ Огненной земли, Индѣйцевъ Гвіяны и др. Иногда наконечникъ этотъ простой, костяной, иногда же онъ двойной, и именно часть, ближайшая къ древку, костяная (дѣлается изъ моржеваго или нарвальяго зуба, китовой челюсти или оленьяго рога), а самый наконечникъ—либо каменный (изъ обсидіана, аспида и т. д.), либо желѣзный (изготовляемый изъ желѣза метеоритовъ или изъ случайно попавшаго отъ европейцевъ). Вотъ какъ описываетъ, на примѣръ, Веніаминовъ стрѣлки (гарпуны) Алеутовъ. „Древко стрѣлокъ дѣлается изъ калифорнской чаги, какъ самаго легкаго дерева; къ толстому концу его придѣлываются костяные наконечники, отъ 5 до 8 вершковъ, дѣлаемые изъ морже-

¹⁾ Салическая Правда налагаетъ денежную пеню за употребленіе ядовитыхъ стрѣлъ. Въ IV вѣкѣ такіе стрѣлы употреблялись Германцами въ войнахъ съ Римлянами. Сидоній Аполлинарій упоминаетъ о ядовитыхъ стрѣлахъ у Визгатовъ. Плиній говоритъ о ядовитыхъ охотничьихъ стрѣлахъ у Галловъ. См. *Lindenschmidt*, I. c. S. 158—159. О ядовитыхъ стрѣлахъ у Славянъ см. *Макушевъ*. «Сказанія иностранцевъ о бытѣ Славянъ». Спб. 1861, стр. 130.

выхъ клыковъ или китовыхъ челюстей, или оленьихъ роговъ. Наконечники стрѣлокъ, особенно бобровыхъ, дѣлаются всегда въ такой пропорціи съ тяжестью древка, что

Рис. 51. Гарпуны: *a*—Алеутская стрѣлка на морскихъ бобровъ, съ костянымъ подвижнымъ наконечникомъ *b*—Алеутскій гарпунъ на нерпѣ, съ подвижнымъ наконечникомъ и пузыремъ; *c*—стрѣла на птицъ, съ тремя костяными остріями на древкѣ, ниже подвижнаго наконечника; *d*—наконечникъ эскимосскаго гарпуна—изъ кости и аспіада; *e*—тоже изъ аспіаднаго острія, укрѣпленнаго на костяномъ; *f*—тоже—съ двумя боковыми костяными зубцами; *g*—гарпунъ Эскимосовъ съ костянымъ, зубчатымъ наконечникомъ, поворачивающимся въ рамѣ поперекъ; *h*—железный европейскій гарпунъ, устроенный по типу эскимосскихъ (Jacobsen; Parry и Lane Fox).

стрѣлка не тонетъ и стоитъ въ водѣ перпендикулярно, выказываясь изъ оной около фута. Различіе стрѣлокъ состоитъ отчасти въ величинѣ ихъ и вооруженіи шнурками, а болѣе въ *носкахъ*. У бобровыхъ стрѣлокъ носки (которые обыкновенно вставляются въ костяной наконечникъ) бываютъ костяные, длиною около 2 дюймовъ и съ тремя зазубринками, а у китовыхъ стрѣлокъ носки—каменные, изъ обсидіана, на подобіе копья, длиною также около 2 дюймовъ... Нерпичьи стрѣлки бываютъ длиннѣе всѣхъ, наконечникъ у нихъ длиною отъ 3 до 5 четвертей, толщиною около 5 дюймовъ, а носки похожи на бобровые, только длиннѣе и толще. Кромѣ этихъ стрѣлокъ, есть еще особыя съ пузырями, которыя, по вооруженію и по носку, похожи на бобровыя, только подлиннѣе и поболѣе; къ древку ихъ прикрѣпляется небольшой пузырь съ крапомъ или затычкою, для надуванія. Эта стрѣлка употребляется только тогда, когда бобръ, или другой звѣрь, будетъ уже подстрѣленъ, и чтобы онъ не потонулъ или скорѣе замаялся. Носки у бобровыхъ и нерпичьихъ стрѣлокъ вынимаются и вставляются по надобности, а у прочихъ закрѣплены. Самая лучшая изъ всѣхъ стрѣлокъ, и по вооруженію своему болѣе замысловатая, есть бобровая. Когда стрѣлка эта попадетъ съ бобра, то носокъ ея, прикрѣпленный къ древку длиннымъ раздвоеннымъ шнуромъ изъ жилы, тотчасъ выходитъ изъ своего мѣста и остается въ бобрѣ, зацѣпившись зазубринками, и тѣмъ выпускаетъ обвитый вокругъ древка шнурокъ, который, будучи раздвоенъ и прикрѣпленъ близъ обоихъ концовъ стрѣлки, при ходѣ или, по здѣшнему, при поныркѣ бобра, волочится за нимъ не вдоль, но поперекъ, и тѣмъ, бурова въ водѣ, отнимаетъ у него ходъ. А если бы бобръ вздумалъ притаиться, т. е. остаться въ водѣ совсѣмъ

высуня изъ оной одно только рыло (что онъ дѣлаетъ нерѣдко), то эта стрѣлка измѣнитъ ему, стоя въ водѣ вертикально. Если бы случилось, что стрѣлка изломалась или древко отдѣлилось отъ наконечника, то для того, чтобы не утонулъ наконечникъ, придѣлывается тоненькій шнурокъ, во всю длину древка и прикрѣпляется къ на-

нечнику ¹⁾). Всѣ стрѣлки, исключая перпичьей, кидаются изъ рукъ съ помощью небольшой дощечки (асхукъ), длиною около $\frac{3}{4}$ аршина. На одномъ концѣ ея дѣлается дырочка для придержанія стрѣлки и дощечки, а на другомъ вставляется костяной крючекъ, въ который упирается конецъ стрѣлки, когда ее нужно кинуть; дощечка сія ничто иное есть, какъ дополненіе или наставка длины руки. Искусный и проворный стрѣлокъ такъ скоро можетъ кидать стрѣлки одну за другою, что первая находится еще на полетѣ, какъ другая уже полетѣла ²⁾).

Эти стрѣлки, описанныя Веніаминовымъ, употребляются еще и теперь въ бывшей русской Америкѣ (Аляскѣ), какъ то доказываютъ образцы ихъ, вывезенные недавно капитаномъ Якобсеномъ для Берлинскаго Этнографическаго музея и изображенные у Вольдта ³⁾. Подобными же стрѣлками пользуются и Эскимосы сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ береговъ Америки, а равно Индѣйцы Колумбіи, Пешересы и другіе. Иногда костяной наконечникъ имѣетъ удлиненную форму, напоминающую форму рыбы или нарвала, „носозъ“ же обыкновенно треугольный, въ формѣ равносторонняго или равнобедреннаго треугольника. Хотя обыкновенно такими гарпунами пользуются для охоты за морскими звѣрями, но есть народы, которые примѣняютъ ихъ и къ охотѣ за сухопутными животными. Въ примѣръ можно привести Минкопиевъ Андаманскихъ острововъ, которые, для охоты за кабаномъ, употребляютъ стрѣлы въ родѣ гарпуновъ. Стрѣлы эти безъ перьевъ и наконечникъ ихъ, дѣлаемый изъ желѣза, соединяется короткимъ ремешкомъ съ древкомъ. Попавъ въ кабана, наконечникъ отдѣляется отъ древка, и послѣднее, цѣпляясь за кусты и деревья, замедляетъ бѣгъ кабана и тѣмъ позволяетъ охотнику легче настичь свою добычу. Наконечники снабжены двумя шипами, обращенными назадъ и нѣсколько въ сторону; прежде они дѣлались довольно широкими, съ длинными шипами, впоследствии ихъ улучшили въ томъ смыслѣ, что стали дѣлать болѣе узкими, а шипы болѣе короткими ⁴⁾).

Фактъ, что гарпуны могутъ употребляться и для охоты за наземными звѣрями и даже за птицами, позволяетъ объяснить довольно широкое распространеніе этого рода орудій въ палеолитическую эпоху, у пещерныхъ обитателей Западной Европы. Въ пещерныхъ отложенияхъ Франціи (палеолитическаго періода) были найдены гарпуны двухъ видовъ: одни изъ нихъ имѣютъ форму круглой палочки, заостренной на одномъ концѣ, снабженной однимъ или многими загнутыми назадъ зубцами на бокахъ и суженной конусообразно на противоположномъ концѣ, который, очевидно, вставлялся въ камышевое (или иное) древко и привязывался къ нему снуркомъ, для

Рис. 52. Андаманскія стрѣлки съ подвижными желѣзными наконечниками, употребляемыми при охотѣ на кабановъ (Man).

¹⁾ Интересно, что древки стрѣлъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ имѣютъ часто продольную бороздку на одной или обѣихъ сторонахъ, проведенную острымъ орудіемъ. Значеніе ея туземцы объяснить не могутъ, но Лэнъ-Фоксъ полагаетъ, что она дѣлается въ подражаніе прежнему снурку, соединявшему наконечникъ гарпуна съ древкомъ—по всей длинѣ послѣдняго.

²⁾ Веніаминовъ. Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла. Ч. II. Спб. 1840. Стр. 245—248.

³⁾ Woldt, Cap. Jacobseu's Reise an der Nordwestküste Amerikas. 1881—83. L. 1884. S. 251. Ср. также Ratzel, Völkerkunde II, passim.

⁴⁾ Dobson, on the Andamans and Andamanese, въ «Journ. of the Anthropol. Institute» v. IV. 1875, p. 466. Подобные же гарпуны—съ болѣе длиннымъ снуркомъ употребляются и для ловли рыбы. Ср. еще статью Лэнъ-Фокса объ орудіяхъ Андаманцевъ, въ «Journal» Vol. VII.

чего надъ заднимъ концомъ гарпуна сдѣланы ободокъ или боковые выступы, или конецъ этотъ отдѣленъ отъ древка кольцевымъ углубленіемъ. Зубцовъ на такихъ гарпунахъ бываетъ иногда много, 8—10 и болѣе, обыкновенно расположенныхъ попеременно въ два ряда (иногда въ одинъ) и вырѣзанныхъ весьма искусно изъ того же куска кости или рога сѣвернаго оленя. Иногда на зубцахъ замѣчаются вѣрзанныя бороздки, которыя, по мнѣнію Мортилье, впрочемъ едва ли вѣроятному, могли служить для налитія въ нихъ яда. Другого вида гарпуны—болѣе плоскіе, съ 2—6 широкими зубцами и съ широкимъ основаніемъ, въ которомъ прорѣзана сквозная дыра, очевидно—для прикрѣпленія шнура. Гарпуны перваго вида болѣе обыкновенны и ихъ находили въ пещерахъ Дордони, въ Брюникельской, въ пиринейскихъ, швейцарскихъ, бельгійскихъ (Gouet), австрійскихъ (Костелицкой, въ Моравіи) и англійскихъ (Kent's Hole); гарпуны втораго типа встрѣчаются рѣже и почти исключительно въ пещерахъ Пиринеевъ ¹⁾.

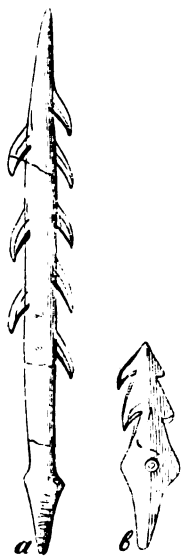

Рис. 53. Европейскіе костяные гарпуны палеолитическаго періода (Mortillet).

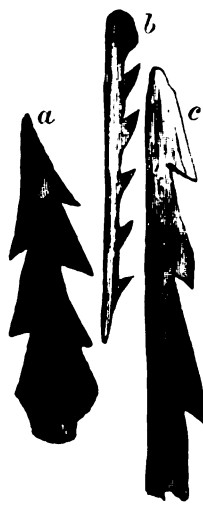

Рис. 54. Европейскіе костяные гарпуны неолитическаго періода: а — изъ швейцарскихъ сводныхъ построекъ (Gross); б — (остриемъ внизъ) изъ шведскихъ торфяниковъ (Nilsson); с — съ побережья Ладожскаго озера (Иностранцевъ).

Подобные же гарпуны, только нѣсколько иного типа, попадаются и въ западно-европейскихъ отложеніяхъ неолитическаго періода, но они сдѣланы здѣсь либо изъ костей, либо изъ рога благороднаго оленя (сѣвернаго въ этотъ періодъ уже не стало въ Западной Европѣ) и работа ихъ, относительно, грубѣе. Найденные въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ напоминаютъ нѣсколько полеолитическіе, втораго вида; они сдѣланы изъ оленьяго рога, снабжены 2—5 и даже 11 боковыми зубцами и расширенное основаніе ихъ имѣетъ либо дыру, либо кольцевой желобокъ для привязки шнура. Наоборотъ гарпуны, найденные въ Скандинавіи, сдѣланы болѣею частью изъ длинныхъ костей, имѣютъ обыкновенно зубцы (5—15 и даже болѣе) на одной

¹⁾ Mortillet, Le Préhistorique, p. 405—406, ego же Musée préhistorique, №№ 183—187; Evans, L'âge de la pierre, p. 507—508; Lartet, et Crisly, Reliquiae Aquitanae Atlas. B. pl. XXII, XXVII и XXIX и Text. p. 165 (сравненіе съ гарпунами Коняговъ Аляски); Maška. Der diluviale Mensch in Mähren. 1886. S. 29.

сторонѣ, и утолщенное основаніе ихъ не представляетъ дыры, а только нѣкоторое вздутіе или боковые выступы ¹⁾. Подобную же форму, съ зубцами на одной сторонѣ, имѣютъ обыкновенно и гарпуны, находимые въ Россіи. Проф. Иностранцевъ описалъ нѣсколько ихъ, найденныхъ на побережьи Ладожскаго озера. Сдѣланы они изъ трубчатыхъ костей (одинъ изъ ребра), имѣютъ по три зубца въ одинъ рядъ и основаніе ихъ (по крайней мѣрѣ на одномъ, достаточно сохранившемся экземплярѣ) округлено и снабжено отверстіемъ (вырѣзкой) для привязки. Обломки гарпуновъ были найдены также въ неолитическихъ отложеніяхъ села Волосова и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ музеѣ Казанскаго университета находится прекрасно сохранившейся гарпунъ изъ кости, длиною около четверти и съ рядомъ зубцовъ на одной сторонѣ. Нѣсколько прекрасныхъ костяныхъ гарпуновъ (иные съ боковыми зубцами изъ кремней) были найдены въ послѣднее время въ золотыхъ приискахъ Екатеринбургскаго уѣзда, на глубинѣ отъ 5 до 11 аршинъ подъ торфомъ, вмѣстѣ съ каменными и бронзовыми топорами, черепками грубой посуды и т. д. ²⁾.

Наиболѣе совершенныя формы гарпуновъ мы встрѣчаемъ однако у Эскимосовъ. Кромѣ вышеописанныхъ, костяной наконечникъ которыхъ входитъ въ древко, у нихъ употребляются еще другіе, въ которыхъ, наоборотъ, древко входитъ во втулку костянаго наконечника. Это составляетъ безспорно усовершенствованіе, такъ какъ при этомъ способѣ наконечникъ можетъ вполне войти въ рану, края которой закроются за нимъ по выходѣ древка. Если въ тоже время, какъ это и замѣчается на нѣкоторыхъ эскимосскихъ экземплярахъ, шнурокъ прикрѣпленъ къ срединѣ наконечника, на равномъ разстояніи между концомъ острія и концомъ обращеннаго назадъ зубца, то, по выходѣ изъ раны древка, какъ скоро идущій отъ него шнурокъ натянется, наконечникъ становится въ ранѣ поперекъ и тѣмъ еще болѣе затрудняетъ его извлеченіе ³⁾. — Гарпуны употреблялись и въ позднѣйшій металлическій періодъ, какъ то доказываютъ, напримѣръ, бронзовый наконечникъ копья съ зубцомъ и кольцевымъ отверстіемъ для привязки, найденный г. Залѣскимъ на мѣстѣ одной древней стоянки въ Харьковской губерніи, на берегу р. Мерли ⁴⁾.

Какъ бы то ни было, гарпуны или стрѣлки съ подвижными наконечниками, соединенными съ древкомъ посредствомъ шнурка, имѣютъ сравнительно ограниченное распространеніе и употребляются болѣе народами, живущими охотою за морскимъ звѣремъ. Гораздо болѣе распространено употребленіе настоящихъ стрѣлъ, съ неподвижнымъ наконечникомъ, который прикрѣпляется посредствомъ крѣпкихъ, жильныхъ или иныхъ нитокъ, иногда еще посредствомъ смолы. Употребленіе смолы для этой цѣли мы встрѣчаемъ уже у Австралійцевъ, а также и въ Европѣ, въ эпоху каменнаго

¹⁾ Nilsson, Das Steinalter. Hamb 1868. pl. IV fig. 69, 70, 71, 73, 74; V. Gross, Les Protohelvètes. P. 1883. Pl. VI, fig. 9, 14, 16

²⁾ Иностранцевъ. Доисторическій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. Спб. 1882, стр. 158—161, табл. X, фиг. 11—12; г. Уваровъ. Археологія Россіи, стр. 316, Атласъ, табл. 21. №№ 4084—4085; Поляковъ. Исслѣдованія по каменному вѣку. Рисунки, VIII, 2; Указатель Антропол. выставки 1879 г. Археол. Отдѣлъ. Предметы, доставленные Казанскимъ университетомъ.

³⁾ См. примѣры у Lane Fox, l. c., pl. IX, также Parry Second Voyage, plates. №№ 13, 15, 18.—Европейскій гарпунъ китолововъ былъ подражаніемъ этому виду эскимосскаго, хотя и дѣлался изъ желѣза.

⁴⁾ Альбомъ Залѣскаго, рисованный имъ самимъ и представленный имъ Антропологическому отдѣлу Общества любителей естествознанія.

вѣка. Гроссъ нашелъ въ свайныхъ постройкахъ Латригена (Швейцаріи) одинъ экземпляръ костяной стрѣлы, еще сохранившей отчасти свое древко, и на которомъ можно еще видѣть отпечатокъ нитокъ въ массѣ березовой смолы, окружавшей основаніе наконечника ¹⁾).

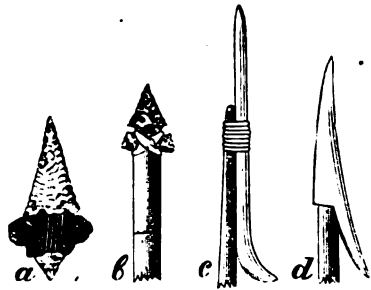

Рис. 55. Способы прикрѣпленія каменныхъ и костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ къ древку: *a*—каменный наконечникъ—съ остатками смолы и привязокъ, изъ Нефшальскаго озера; *b*—каменный наконечникъ, привязанный къ древку, по способу американскихъ индѣйцевъ; *c*—костяной наконечникъ съ частью древка—изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ; *d*—костяной наконечникъ со втулкою, насаженный на древко, оттуда же (Mortillet).

Каменные стрѣлы прикрѣплялись, повидимому, тѣмъ же способомъ — за черешокъ, суженное основаніе или, при треугольныхъ стрѣлахъ, за боковые края, въ которыхъ иногда (особенно въ Америкѣ) дѣлались для этой цѣли небольшія выемки. Въ костяныхъ стрѣлахъ иногда дѣлалась втулка, для насаживанія на древко, и этотъ способъ особенно получилъ примѣненіе, когда вошли въ употребленіе металлическія стрѣлы, бронзовыя и желѣзныя. Впрочемъ, какъ увидимъ далѣе, многія металлическія стрѣлы также снабжены черенкомъ или, при треугольной формѣ, имѣютъ дырочки, для привязыванія ниткой *).

¹⁾ Gross, l. c. p. 18. pl. VIII. fig. 5. Ср. также Mortillet, Atlas pl. XLV, № 408.

^{*)} *Примѣчаніе.* Профессоръ В. О. Миллеръ любезно предложилъ мнѣ слѣдующую замѣтку о лукѣ и стрѣлахъ, упоминаемыхъ въ Ригъ-ведѣ. Въ виду ея интереса, я привожу её цѣликомъ.

„Въ древнѣйшемъ сборникѣ индійскихъ гимновъ, Ригъ-ведѣ, находимъ въ шестомъ циклѣ (mandala) гимнъ (75), посвященный прославленію оружія. Гимнъ состоитъ изъ 19 стиховъ, которыхъ содержаніе можетъ быть резюмировано слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ стихѣ прославляется *панцыръ*; во 2-мъ *лукъ*; въ 3-мъ *тетива*; въ 4-мъ *концы лука*, къ которымъ послѣдняя прикрѣплена; въ 5-мъ *колчанъ*; въ 6-мъ *возница и возжи*; въ 7-мъ *кони*. Стихи 8, 9, 10 не имѣютъ прямого отношенія къ вооруженію. Далѣе, въ стихахъ 11 и 12 прославляются *стрѣлы*; въ 13-мъ *кнутъ*; въ 14-мъ *ремень*, защищающій лѣвую руку отъ удара тетивы; въ 15 и 16 снова стрѣлы. Стихи 17—19 содержатъ молитву къ богамъ о спасеніи въ битвѣ.—Представляемъ въ близкомъ переводѣ нѣкоторые стихи, относящіеся къ луку и стрѣламъ. Переводъ большинства стиховъ гимна помещенъ въ „Очеркахъ Арійской міеологіи“ (Асвины Діоскуры), т. I, стр. 72 и слѣд.

Стихъ 2. Лукомъ да завоюемъ мы коровъ, лукомъ — добычу; лукомъ да побѣдимъ въ жестокихъ бояхъ; лукъ отбиваетъ желаніи у врага; лукомъ да завоюемъ мы страны.

Стихъ 3. Эта тетива, спасающая въ битвѣ, натянутая на лукъ (постоянно), *подготовитъ къ уху*, будто жедая (нѣчто) сказать, и *звучитъ, какъ женщина, обнимающая милого друа*.

Стихъ 11. Она (стрѣла) *одѣвается (одѣта) птицей, зѣръ—ея зубъ, связанная (обвитая) ремнями*, она летитъ пущенная; гдѣ богатыри сбѣгаются и разбѣгаются (т. е. въ битвѣ), да даруютъ стрѣлы намъ защиту.

Примѣчаніе. Слова *зѣръ — ея зубъ*, кажется, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что остріе стрѣлы сдѣлано изъ звѣринаго зуба или вообще изъ кости. Впрочемъ, слово *тига* (звѣрь) обозначаетъ нерѣдко *антилопу, газель*. Слова—*она одѣта птицей*—указываютъ на опереніе стрѣлы.

Стихъ 14. Подобно змѣю, онъ (гастагна) *обвиваетъ руку извивами, отражая ударъ тетивы; гастагна*, знающій всякія искусства, да охраняетъ (насъ) отовсюду, какъ мужъ — мужа. *Гастагна* (hastaghna) кусокъ кожи (неизвѣстной формы), защищавшій руку отъ удара тетивы.

Стихъ 15. (Да будетъ) это великое поклоненіе этой, *намазанной ядомъ, съ рурувой головкой и съ мѣднымъ ртомъ*, божественной стрѣлѣ, происшедшей изъ сѣмени Парджаньи.

IV.

Наконечники стрѣлъ и ихъ варіаціи.

Простѣйшіе наконечники изъ камня. — Костяные наконечники палеолитическаго періода. — Два типа ихъ. — Костяныя стрѣлы въ неолитическій и позднѣйшіе періоды. — Наконечники изъ кости, сдѣланные въ подражаніе бронзовымъ. — Каменные наконечники палеолитическаго періода. — Главныя типы неолитическихъ каменныхъ стрѣлъ. — Различія въ величинѣ и отдѣлѣ. — Варіаціи различныхъ типовъ наконечниковъ и переходы ихъ изъ однихъ въ другіе. — Различіе въ географическомъ распространеніи различныхъ типовъ. — Преобладающія формы каменныхъ наконечниковъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. — Многогранные наконечники изъ камня. — Кремневая стрѣлка съ лезвиемъ. — Употребленіе каменныхъ стрѣлъ въ позднѣйшія эпохи. — Бронзовыя стрѣлы. — Ихъ рѣдкость на Западѣ. — Простѣйшія бронзовыя стрѣлки, вырѣзанныя изъ металлическаго листа. — Треугольныя стрѣлки съ сквозными дырочками. — «Шлоцики» и трѣхгранныя стрѣлы. — Ихъ разновидности. — Области распространенія литыхъ бронзовыхъ стрѣлъ. — Знаки собственности на бронзовыхъ стрѣлахъ. — Переходъ отъ каменныхъ стрѣлъ непосредственно къ желѣзнымъ. — Желѣзные наконечники стрѣлъ, двѣ главныхъ категоріи ихъ. — Наконечники со втулкой, характеристичныя для Западной Европы. — Наконечники съ черешкомъ: плоскіе и многогранные.

Когда именно получили начало стрѣлы и были ли онѣ изобрѣтены ранѣе или позже, чѣмъ нѣкоторыя другіе виды наступательнаго оружія, рѣшить положительно трудно, хотя и есть основанія думать, что онѣ вошли въ употребленіе позже, чѣмъ, напримѣръ—ножъ, палица или копье. Мы встрѣчаемъ, правда, стрѣлы уже въ палеолитическій періодъ, но только въ позднѣйшія его эпохи, обозначаемаыя нѣкоторыми французскими археологами, особенно Мортиллье, названіями Солютрэ и Маделень. Въ болѣе древнихъ отложеніяхъ эпохи Шелль (или Сентъ-Ашэль) и эпохи Мустье—типичныхъ наконечниковъ стрѣлъ не встрѣчается, хотя это и не можетъ еще служить рѣшительнымъ доказательствомъ, что стрѣлъ тогда совершенно не было. Первоначальными наконечниками стрѣлъ могли служить простые острые осколки кремня, какъ они получаютъ при расколѣ кремневыхъ желваковъ и ядрищъ. Всякій острый осколокъ, если онъ сколько нибудь симметриченъ и можетъ быть прикрѣпленъ къ древку своимъ основаніемъ, въ состояніи идти въ дѣло, и въ пользу этого говоритъ нахожденіе такихъ осколковъ не только на мѣстахъ фабрикаціи кремневыхъ издѣлій, но иногда также въ пещерныхъ отложеніяхъ и въ могилахъ ¹⁾. Съ другой стороны, это

Примѣчаніе. „Съ рурувой головой“ — по санскритски *gugurigāpa* — т. е. имѣющая голову (или головой) руру. *Ruru*—какой то видъ оленя. Эпитетъ *gugurigāpa* слѣдуетъ понимать, кажется, такъ, что верхъ (голова) стрѣлы сдѣланъ изъ оленьяго рога.

„Съ мѣднымъ ртомъ“;—въ подлинникѣ: коей (стрѣлы) *romā* (есть) *māda* (*yaśa auo mukham*). Вѣроятно, это значитъ, что остріе стрѣлы сдѣлано изъ *yaśa*. *Ayaz* обозначаетъ въ *ведійскомъ* періодѣ *мѣдь* и *бронзу* (см. мое примѣчаніе въ Очеркахъ Аріиской Миеологии на стр. 71 о значеніи слова *ayaz*). Такимъ образомъ, стрѣлы имѣли, повидимому, костяной наконечникъ съ вставленнымъ въ него мѣднымъ остріемъ.

„Происшедшая изъ съмени Парджаньи“. Парджанья—богъ дождя; его съми—дождь, возрастившій стрѣлу въ видѣ тростника.

Остальныя стихи гимна не прибавляютъ ничего къ характеристикѣ лука и стрѣлъ. В. Миллеръ.

¹⁾ Мнѣ попалось нѣсколько такихъ острыхъ, простыхъ осколковъ при раскопкѣ грота Vize во Франціи. См. мой «Отчетъ о поѣздкѣ къ доисторическимъ памятникамъ Франціи». 1879 въ «Извѣстіяхъ Общ. Любит. Естествознанія».—Баронъ de-Bye встрѣтилъ однажды острый осколокъ кремня засѣвшимъ въ человеческомъ поясничномъ позвонкѣ, найденномъ имъ, вмѣстѣ съ другими костями и издѣліями, на мѣстѣ одной древней стоянки. V. de Bye. L'archéologie préhistorique. p. 1880, p. 290—291.

же подтверждаетъ примѣръ Австралийцевъ и нѣкоторыхъ другихъ современныхъ дикарей, пользующихся часто, для своихъ орудій и оружій, такими грубыми осколками кремня, кварцита, обсидіана и т. д., которые, если бы они были найдены въ землѣ, едва ли бы кто призналъ за орудія человѣка. Но такіе простѣйшіе каменные наконечники стрѣлъ, которые могли употребляться иногда и въ болѣе позднія эпохи, не могутъ, по причинѣ ихъ простоты и отсутствію въ нихъ опредѣленной формы, быть предметомъ сравнительнаго анализа. Подобный анализъ приложимъ только къ наконечникамъ, выказывающимъ слѣды искусственной обдѣлки и представляющимъ настоящія „издѣлья“, въ которыхъ можно констатировать извѣстный типъ и опредѣленную форму. По счастью, въ такихъ, болѣе или менѣе тщательно выдѣланныхъ наконечникахъ, недостатка нѣтъ, и ихъ извѣстны тысячи изъ отложеній различныхъ эпохъ, начиная съ палеолитической и кончая новѣйшими. Древнѣйшіе мы находимъ въ

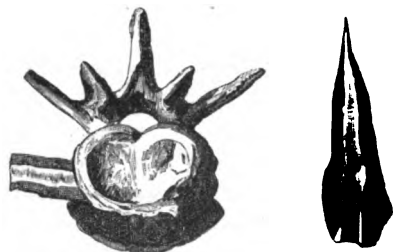

Рис. 56. Каменная простѣйшая стрѣлка изъ кремневаго осколка и пораженный такою стрѣлкою человѣческой позвонокъ (De Baye).

пещерныхъ отложеніяхъ палеолитическаго періода во Франціи, Бельгіи, Англии и т. д. Они — либо каменные, либо костяные, сдѣланные изъ кости или рога. Остановимся сперва на костяныхъ, такъ какъ вообще они представляютъ меньшее разнообразіе формъ. Впрочемъ, въ палеолитическій періодъ они были, повидимому, въ болѣе употребленіи, чѣмъ каменные. Матеріаломъ для нихъ (также какъ и для гарпуновъ) служили либо расколотыя (длинные или плоскія) кости, либо рога сѣвернаго оленя. Древнѣйшія формы, изъ отложеній, относимыхъ нѣкоторыми французскими археологами къ третьей эпохѣ палеолитическаго періода, такъ наз. Солютрэ, представляютъ удлиненные наконечники, нѣсколько дугообразно изогнутые и оканчиваю-

образіе формъ. Впрочемъ, въ палеолитическій періодъ они были, повидимому, въ болѣе употребленіи, чѣмъ каменные. Матеріаломъ для нихъ (также какъ и для гарпуновъ) служили либо расколотыя (длинные или плоскія) кости, либо рога сѣвернаго оленя. Древнѣйшія формы, изъ отложеній, относимыхъ нѣкоторыми французскими археологами къ третьей эпохѣ палеолитическаго періода, такъ наз. Солютрэ, представляютъ удлиненные наконечники, нѣсколько дугообразно изогнутые и оканчиваю-

Рис. 57. Древнѣйшія костяныя стрѣлы: *a* и *b*—эпохи Солютрэ; *c*, *d*—эпохи Маделень, съ расщепомъ внизу (*a*—en face, *b*—въ профиль); *e*—наиболѣе обыкновенный типъ стрѣлокъ эпохи Маделень; *f*—стрѣлка съ заднимъ концомъ, срезаннымъ долотообразно съ обѣихъ сторонъ и украшенная изображеніемъ (Mortillet).

образіе формъ. Впрочемъ, въ палеолитическій періодъ они были, повидимому, въ болѣе употребленіи, чѣмъ каменные. Матеріаломъ для нихъ (также какъ и для гарпуновъ) служили либо расколотыя (длинные или плоскія) кости, либо рога сѣвернаго оленя. Древнѣйшія формы, изъ отложеній, относимыхъ нѣкоторыми французскими археологами къ третьей эпохѣ палеолитическаго періода, такъ наз. Солютрэ, представляютъ удлиненные наконечники, нѣсколько дугообразно изогнутые и оканчиваю-

щіея остріями наперед и назад¹⁾. Приставленные къ древку и прикрѣпленные къ нему помощью жильныхъ нитокъ (съ придачей, можетъ быть, еще смолы), они давали наконечникъ съ зубцомъ, такъ какъ задній заостренный конецъ, отступая, вслѣдствіе своей кривизны, отъ древка, вполне замѣнялъ зубецъ. Наконечники такой формы имѣютъ аналогичные себѣ между каменными той же эпохи, которымъ они, какъ полагаетъ Мортилье, и были подражаніемъ (такъ наз. *pointes à cran*). Болѣе разнообразныя костяныя стрѣлки встрѣчаются въ отложеніяхъ эпохи Маделень. Кромѣ двухъ типовъ гарпуновъ мы находимъ здѣсь два вида собственно стрѣлъ, однѣ—съ долотообразно-срѣзаннымъ основаніемъ для утвержденія въ древкѣ, другія—съ расщепленнымъ или треугольно-вырѣзаннымъ основаніемъ для насаживанія на долотообразно-заостренный верхній конецъ древка. Послѣднія попадаютъ рѣже, и болѣе въ пещерахъ Пиринеевъ, первыя чаще, особенно въ пещерахъ по р. Везерѣ. Наиболѣе обыкновенныя изъ нихъ, это — нѣсколько плосковатыя, имѣющія срѣзанное наискось основаніе, которымъ стрѣла прикладывалась къ верхнему концу древка и затѣмъ привязывалась. Иногда на этомъ срѣзанномъ вкось основаніи замѣчаются поперечныя нарѣзки, въ видѣ черточекъ; полагаютъ, что онѣ служили для лучшаго укрѣпленія стрѣлы на древкѣ, чтобы она не скользила гладкой поверхностью своего срѣза. Подобныя нарѣзки замѣчаются однако и на заднемъ, заостренномъ концѣ костяныхъ гарпуновъ, концѣ, который только вкладывался въ древко и долженъ былъ свободно выходить изъ него при ударѣ. Мы вернемся еще далѣе къ этимъ нарѣзкамъ, покуда прибавимъ только, что кромѣ простаго срѣза наискось иногда замѣчается у задняго конца наконечника двойной срѣзь, съ обѣихъ сторонъ къ срединѣ; въ этомъ случаѣ нижній конецъ наконечника долженъ былъ входить въ расщепъ верхняго конца древка. Что касается до стрѣлокъ съ расщепленнымъ вилкообразно нижнимъ концомъ, то онѣ обыкновенно также имѣютъ нѣсколько сплюсненную форму, именно болѣе узкую съ той стороны, гдѣ расщепъ, и расширенную съ перпендикулярной къ ней. Эти вилкообразныя стрѣлки обыкновенно безъ украшеній; на другихъ же попадаютъ нерѣдко зарубки, выемки (было высказано предположеніе, что эти выемки могли служить для помѣщенія яда), даже изображенія животныхъ (особенно коней). Кромѣ Франціи, подобныя костяныя стрѣлки (именно—съ срѣзаннымъ наискось основаніемъ) были найдены и въ палеолитическихъ отложеніяхъ Германіи (въ Шуссенридѣ, Тайнгенской пещерѣ), Австріи (особенно въ пещерахъ по Днѣстру) и Россіи (въ пещерахъ Польши, изслѣдованныхъ графомъ Завишей)²⁾.

Костяныя стрѣлки продолжали употребляться и въ теченіе неолитическаго періода. Онѣ походили тогда частью на простыя стрѣлки палеолитическаго періода съ однимъ зубцомъ, и привязывались къ древку бокомъ, либо, при такой же изогнутой формѣ, имѣли втулку, для насаживанія на древко, либо, наконецъ, были снабжены срѣзаннымъ съ обонхъ боковъ долотообразно основаніемъ, входившемъ въ верхній конецъ древка³⁾. Въ неолитическихъ пещерныхъ отложеніяхъ Франконіи находили

¹⁾ *Mortillet*, Musée préhistorique pl. XIX. №№ 123—124.

²⁾ См. Musée préhistorique p. *Mortillet* pl. XXV; *Lartet et Christy*, Reliquiae Aquitanicae. Atlas. B. Pl. IX, X, XIII, XXVI; *Ranke*, Der Mensch. II Bd. S. 408; *Оссовскій*, статья въ «Трудахъ V Археологическаго Съезда въ Одессѣ», таблица V (3-я); *Comte Zavisza*, статья въ «Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris» 2 me série, T. I. pl. XII.

³⁾ *Mortillet*, Musée préhistorique, pl. XLIV, №№ 404—405; XLV, №№ 408—409.

также стрѣлки изъ кости и рога треугольной формы, иногда съ желобкомъ на одной сторонѣ для приложенія къ древку, или съ длиннымъ заднимъ боковымъ отросткомъ для той же цѣли, или съ небольшимъ черешкомъ у основанія. Въ свайныхъ построй-

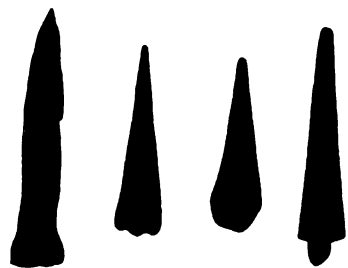

Рис. 58. Костяныя стрѣлки изъ франконскихъ пещеръ неолитическаго періода (Rance)

Р. 59. Костяныя стрѣлки съ побережья Ладожскаго озера (Иностранцевъ).

кахъ Швейцаріи было найдено нѣсколько экземпляровъ костяныхъ стрѣлъ еще съ остатками древка, а также березовой смолы, служившей для прикрѣпленія, и отпечатками нитокъ ¹⁾. Въ Россіи костяныя стрѣлы были найдены, во многихъ видахъ, въ торфяномъ слое на южномъ берегу Ладожскаго озера, совместно съ каменными орудіями (изъ глинистаго сланца) и остатками многихъ животныхъ, отчасти давно вымершихъ въ этихъ мѣстностяхъ, какъ первобытный быкъ, бобръ и др. Однѣ изъ найденныхъ здѣсь стрѣлокъ имѣютъ задній вонецъ неотдѣланнымъ, самое большее только

нѣсколько срѣзаннымъ для болѣе удобнаго приложенія къ древку; у другихъ оба конца, и передній, и задній правильно заострены, причемъ вся стрѣлка имѣетъ либо сплюснутую, либо округленную, либо трехгранную (въ поперечномъ разрѣзѣ) форму. Плоскія и трехгранныя костяныя стрѣлки, иногда съ черешкомъ у основанія, были найдены также и въ другихъ мѣстахъ, на берегахъ Днѣпра, въ Вятской и Пермской губерніяхъ, даже около Москвы, но не всегда можно утвердительно сказать, что онѣ относятся къ неолитической эпохѣ, а не къ одной изъ позднѣйшихъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе, что костяныя орудія, похожія на стрѣлки, служили также, въ теченіе каменнаго вѣка, шилами и даже употреблялись мѣстами при первобытномъ ткацкомъ производствѣ ²⁾.

Въ теченіи металлическаго періода костяныя стрѣлы также продолжали употребляться. Ихъ находятъ иногда вмѣстѣ съ бронзовыми, иногда вмѣстѣ съ желѣзными. Въ иныхъ случаяхъ онѣ имѣютъ форму, напоминающую палеолитическіе типы, въ другихъ онѣ составляютъ какъ бы подражаніе типамъ металлическихъ стрѣлъ. Такъ, напримѣръ, проф. Самоквасовъ нашелъ въ Острой могилѣ (близъ с. Яблоновки, Каневского уѣзда, Кіевской губ.) три костяныхъ трехгранныхъ наконечника со втулкой, совершенно той же формы, какъ и 30 бронзовыхъ наконечниковъ, найденныхъ тамъ же. Подобнымъ же образомъ Байернъ нашелъ въ одной изъ древнѣйшихъ гробницъ Самтаврскаго кладбища близъ Мцхета (№ 565) плоскій треугольный костяной наконечникъ съ сквознымъ отверстіемъ для привязки, совершенно такой же формы, какъ и найденные въ той же гроб-

¹⁾ Ranke, Der Mensch. Bd. II, S. 510; Gross. l. c. pl. VIII, fig. 5, 14.

²⁾ Иностранцевъ. Доисторическій человекъ и пр., стр. 156—157, табл. X, рис. 6, 8, 13, 14, 15, 16, 19 и др.; Гр. Уваровъ, Каменный вѣкъ, т. II, табл. IX, №№ 3443, 3447, 3448. Костяная стрѣлка изъ Чортова городища Москов. губ., находится въ Антропологическомъ музеѣ; подобная же съ береговъ Днѣпра изображена въ атласѣ Мортвилье, pl. XLII, № 362. — Нѣкоторые изъ костяныхъ стрѣлъ, изображенныхъ у Иностранцева, походятъ скорѣе на шилья. У Ранке изображено нѣсколько стрѣлообразныхъ орудій (S. 511 и 513), употреблявшихся для плетенія сѣтей и при тканьи на первобытномъ станкѣ.

ницѣ бронзовые треугольные наконечники съ отверстіемъ ¹⁾). Въ подобныхъ случаяхъ вѣрнѣе предполагать, что не металлическія стрѣлы были сдѣланы по типу костяныхъ, а наоборотъ костяныя были копіями бронзовыхъ, можетъ быть, замѣнявшими послѣднія у лицъ менѣе достаточныхъ. Наоборотъ, другія костяныя стрѣлы удерживаютъ видъ древнихъ остріевъ, плоской или трехгранной, удлиненной формы. Многіе образцы подобныхъ наконечниковъ, отъ 4 до 15 сантим. длины, большей частью многогранной (трехъ, четырехъ, пяти и шестигранной) формы въ поперечномъ разрѣзѣ и суживающіеся къ обоимъ концамъ (иногда даже съ черешкомъ при основаніи или, наоборотъ, расширенные и закругленные къ основанію) были найдены въ такъ наз. пермскихъ „костищахъ“, совмѣстно со многими наконечниками копій и стрѣлъ изъ желѣза, съ желѣзными ножами, мѣдными изображеніями, глиняными сосудами и т. д. Совершенно тождественныя наконечники были найдены въ вятскихъ и пермскихъ городищахъ, въ курганахъ Шадринскаго уѣзда, Пермской губ., и въ курганахъ Тарскаго Округа, Тобольской губерніи, и также совмѣстно съ металлическими (бронзовыми и желѣзными) издѣліями ²⁾). Въ настоящее время костяныя стрѣлы употребляются еще нѣкоторыми дикарями Меланезіи и Полинезіи, особенно же Эскимосами, въ болѣе отдаленныхъ полярныхъ областяхъ Сѣверной Америки.

Въ гораздо большемъ числѣ экземпляровъ встрѣчаются, однако, каменные наконечники. Древнѣйшая форма ихъ удлиненно-овальная и плоская, напоминающая форму лавроваго листа. Они изобилуютъ особенно въ отложеніяхъ т. наз. эпохи Солютрэ и встрѣчаются какъ болѣе крупной величины (наконечники копій), такъ и болѣе мелкой (стрѣлы). Самые крупные имѣютъ до 34 сантим. въ длину (при 8 сантим. ширины и 8 миллимет. толщины) и были найдены въ Volgu, недалеко отъ Шалона-на-Сонѣ. Въ Солютрэ самые крупные экземпляры не достигаютъ 20 сантиметровъ. Иногда удлиненно-овальная форма является нѣсколько неправильною и переходящею въ ромбoidalную, причемъ боковые углы, „плечики“, или приходятся противъ середины наконечника, или, что чаще, ближе къ нижнему концу, такъ что въ нѣкоторыхъ экземплярахъ получается какъ бы небольшой треугольный черешокъ. Рядомъ съ такими овальными стрѣлками въ отложеніяхъ эпохи Солютрэ попадаются и другія съ отро-

Рис. 60. Костяныя стрѣлы найденныя въ Россіи: *a*—изъ пермскихъ костищъ; *b*—изъ Чертובה Городища подъ Москвою; *c*—изъ кургановъ по Иртышу, Тобольской губ. (съ рисунка Теплоухова и съ натуры, въ $\frac{1}{2}$ величины).

¹⁾ Каталогъ Антропол. выставки 1879 г., Археолог. Отдѣлъ. Коллекція Самоковцова, Картонъ 53 (XXXII); «Предметы Древности въ хранилищѣ Общ. Любит. Кавк. Археологін». Тифл. 1877. Pl. I. №№ 1—3.

²⁾ Пермскія «костища» описаны А. Е. Теплоуховымъ, въ «Archiv für Anthropologie». XII Bd. 1879; статья эта переведена на русскій языкъ, подъ заглавіемъ «О доисторическихъ жертвенныхъ мѣстахъ на Уральскихъ горахъ» (съ 2 таблицами рисунковъ) въ «Запискахъ Уральского Общества Любителей Естествознанія». Т. VI, вып. 1. Екатеринбургъ. 1880. Изображенія костяныхъ стрѣлъ на табл. I, рис. 1—12. —Костяныя стрѣлы изъ кургановъ Шадринскаго уѣзда и Тарскаго округа находятся въ Историческомъ музеѣ. Масса костяныхъ стрѣлъ изъ вятскихъ городищъ (по рр. Вятѣ, Пижмѣ и др.) была добыта за послѣдніе годы гг. Пономаревымъ, Спицынымъ, Первухинымъ и др.

комъ при основаніи, обращеннымъ взадъ (*pointes à cran*). Получались онѣ, какъ видно, изъ овальныхъ, посредствомъ отбивки одного бока въ нижней половинѣ или трети и приостренія оставшейся части. Благодаря такой отбивкѣ, нижній конецъ наконечника могъ удобнѣе прикладываться и привязываться къ древку. Въ Solutré собственно такихъ наконечниковъ не найдено, но они оказались въ большомъ числѣ, вмѣстѣ съ удлинено-овальными, въ отложенияхъ той же эпохи въ Grotte de l'Eglise, Saint-Martin d'Excideuil, въ Laugerie-Haute, Euzies и другихъ пещерахъ и убѣжищахъ долины Дордони, также въ долинѣ Шаранты, въ гротахъ Baoussé-Roussés, близъ Ментоне, на франко-итальянской границѣ и въ долинѣ Вибраты въ Абруццахъ Италіи (здѣсь, вѣроятно, уже неолитической эпохи). Любопытно, что обѣ эти формы каменныхъ стрѣлокъ не встрѣчаются совершенно въ отложенияхъ эпохи Маделень и наоборотъ (по крайней мѣрѣ форма лавроваго листа) довольно обыкновенны въ отложенияхъ неолитическаго періода. Это какъ бы говоритъ въ пользу того мнѣнія, что отложения Сольотрэ не древнѣе эпохи Маделень и относятся скорѣе къ другой области той же культуры, чѣмъ къ другой эпохѣ, хотя Мортилье приводитъ рядъ данныхъ, доказывающихъ, что эпоха Сольотрэ древнѣе Маделени ¹⁾. Какъ бы то ни было, въ неолитическихъ отложенияхъ мы встрѣчаемся опять съ удлинено-овальными, плоскими наконечниками (иногда и съ отросткомъ при основаніи), которые, впрочемъ, нигдѣ не являются исключительными, даже преобладающими, а составляютъ лишь

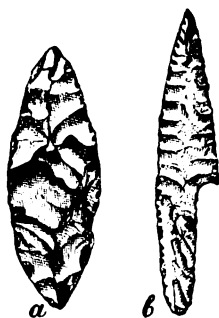

Рис. 61. Кремневые наконечники типа Сольотрэ; а—овальный; б—съ отросткомъ при основаніи, à cran (Mortillet).

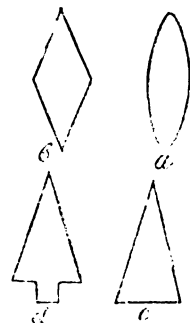

Рис. 62. Главные типы каменныхъ стрѣлокъ (схематически); а—овальный, б—ромбовзальный; с—треугольный; d — съ черешкомъ.

извѣстный процентъ на ряду съ наконечниками стрѣлъ другихъ формъ. Нѣсколько чаще попадаются мидалевыя острія, т. е. тоже удлинено-овальныя, но болѣе широкія и округленныя въ основаніи. Мортилье считаетъ ихъ неоконченными, отдѣланными лишь вчернѣ, но это отнюдь не приложимо ко всѣмъ стрѣлкамъ такой формы, такъ какъ инныя изъ нихъ весьма тщательно оббиты. Я самъ нашелъ два такихъ экземпляра и одно большое остріе типа Сольотрэ въ одномъ дольменѣ деп. Ардешъ. Образцы удлинено-овальныхъ стрѣлокъ попадаютъ также въ Италіи, Испаніи, Скандинавіи, средней Европѣ, Россіи и Америкѣ. Въ Россіи я встрѣчалъ ихъ между

¹⁾ Mortillet. Le Préhistorique p. 355—361; его же Musée, pl. XVII, XVIII; *Lartet et Christy* l. c. Atlas. A. pl. IV, VI и др. Каменные наконечники въ эпоху Маделень были, повидимому, неупотребительны, или ихъ замѣняли острые, удлиненыя осколки кремни. Мортилье могъ разъ убѣдиться, что отложения эпохи Solutré непосредственно покрываются отложениями эпохи Madelaine.

наконечниками стрѣлъ съ береговъ Бѣлаго моря (с. Зимняя Золотица), изъ Казанской и сосѣднихъ губерній, изъ Владимірской (Волосово), рѣже—изъ болѣе южныхъ губерній. Всегда они встрѣчаются либо съ наконечниками ромбоидальной, либо треугольной формы, либо съ снабженными черенкомъ. Ромбоидальными наконечниками называются такіе, которые заострены треугольникомъ къ обоимъ концамъ, верхнему и нижнему, и имѣютъ по треугольному выступу на каждомъ изъ двухъ боковыхъ реберъ. Если эти боковые выступы приходятся какъ разъ на половинѣ длины наконечника, то ромбъ является правильнымъ, ограниченнымъ параллельными линиями. Но часто выступы приходятся не противъ середины, а ближе къ одному изъ концовъ и тогда наконечникъ, заостряясь неодинаково къ обоимъ концамъ, имѣетъ неправильную ромбоидальную форму. Треугольныя стрѣлки имѣютъ три ребра, два боковыхъ и одно нижнее, которымъ онѣ насаживались на древко. Иногда онѣ удлиненныя и треугольникъ представляется равнобедреннымъ, иногда болѣе короткія, причемъ треугольникъ можетъ быть равностороннимъ. Нижняя сторона треугольника входящая въ древко, можетъ быть или выпуклой, или прямой, или болѣе или менѣе вогнутой и вырѣзанной. Подобнымъ же образомъ боковыя стороны треугольника, обыкновенно прямыя, могутъ быть выпуклыми (до такой степени, что съ выгнутымъ основаніемъ

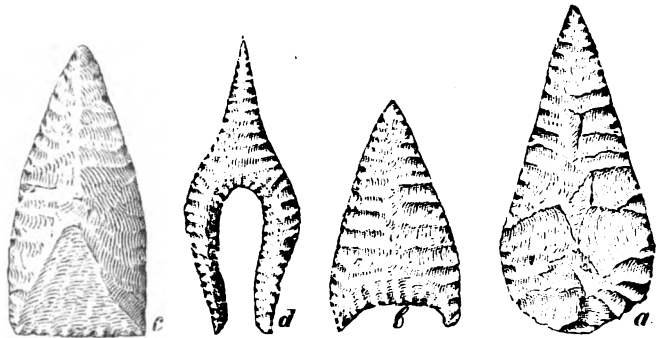

Рис. 63. Варіація треугольныхъ стрѣлокъ: *a* — съ выпуклымъ основаніемъ; *b* — съ вогнутымъ; *c* — съ прямымъ, поперечнымъ; *d* — съ вырѣзаннымъ — и съ длинными обращенными взадъ зубцами (Mortillet).

получается иногда форма полумѣсяца) или, наоборотъ, вогнутыми, причемъ самый конецъ можетъ еще удлиниться въ длинное и тонкое остріе. Стрѣлки съ черешкомъ могутъ представлять либо большее сходство съ овальными, либо съ треугольными, либо съ ромбоидальными, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что основаніе ихъ отдѣлено въ особый срединный отростокъ, которымъ стрѣлка и прикрѣпляется къ древку. Этотъ черешокъ можетъ быть короткимъ или болѣе удлиненнымъ, узкимъ или широкимъ (расширяющимся книзу), отдѣленнымъ рѣзко или болѣе постепенно и т. д. Иногда, какъ во многихъ американскихъ стрѣлкахъ, черешокъ образованъ двумя боковыми выемками, или одною боковою (въ нѣкоторыхъ сѣверо-африканскихъ), причемъ эти вырѣзки могутъ или направляться перпендикулярно къ оси наконечника или косвенно (снизу и сбоку вверхъ и внутрь); кромѣ того, самый черешокъ можетъ быть ограниченъ на своемъ нижнемъ концѣ выпуклымъ или прямымъ краемъ, либо представлять тоже вогнутость или вырѣзку. Боковыя нижніе углы стрѣлокъ треугольной формы и съ черешкомъ могутъ еще иногда быть оттянуты и заострены внизъ или въ стороны,

въ формѣ зубцовъ, или оба боковыхъ ребра стрѣлки могутъ быть болѣе или менѣе тщательно, крупно или мелко (пилообразно) зазубрены ¹⁾. Наконецъ, кромѣ всѣхъ этихъ плоскихъ наконечниковъ, встрѣчаются еще трехгранные, обыкновенно съ черешкомъ, даже четырехгранные, а между плоскими — попадаются такіе, у которыхъ остріе замѣняется, болѣе или менѣе остро сточеннымъ лезвиемъ. Стрѣлки различаются также по матеріалу, изъ котораго онѣ сдѣланы. Большинство ихъ изъ кремня, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Америки (Мексика), Закавказья, Греціи (Микены) преобладаютъ сдѣланныя изъ обсидіана; кромѣ того (особенно въ Америкѣ) нерѣдки кварцитовыя, сдѣланныя изъ сахаристаго и иныхъ песчаниковъ, халцедона, яшмы и т. д., а

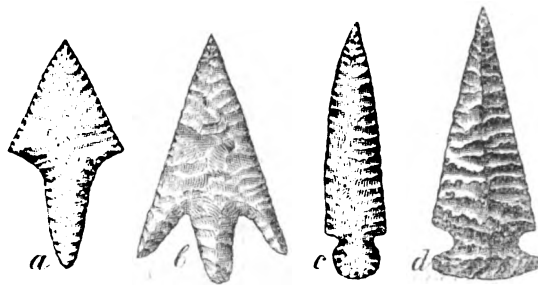

Рис. 64. Варіаціи стрѣлъ съ черешкомъ: *a* — американскій типъ — съ двумя боковыми выемками (Mortillet).

въ Норвегіи и на Алеутскихъ островахъ четырехгранныя, сточенныя изъ аспиднаго или кремнистаго и иныхъ сланцевъ. По величинѣ встрѣчаются значительныя варіаціи: отъ крупныхъ (болѣе 2 вершковъ), переходящихъ въ наконечники копій, до мелкихъ, длиною не болѣе сантиметра; средняя величина однако отъ 2 до 5 сантиметровъ. Замѣчается и разница въ искусствѣ и отдѣлкѣ: нѣкоторыя сдѣланы изъ простыхъ осколковъ, причѣмъ оббивка ограничивается самымъ необходимымъ или существеннымъ, другія оббиты весьма тщательно со всѣхъ сторонъ и одинаково къ обоимъ концамъ. При этомъ нельзя сказать, чтобы послѣднія представляли всегда болѣе совершенное оружіе; нѣкоторыя изъ болѣе грубо оббитыхъ — по своей симметричности и остротѣ — нисколько имъ не уступаютъ. По тщательности отдѣлки особенно поражаютъ нѣкоторые мелкіе экземпляры, снабженные длинными зубцами или симметричными боковыми вырѣзками и черешкомъ, но не менѣе обращаютъ на себя вниманіе многіе болѣе крупныя, въ которыхъ строго, на примѣръ, выдержана одинаковая острота передняго и задняго концовъ, прямизна реберъ, симметричность боковыхъ выступовъ, мелкая зубчатость реберъ и т. под. Прикрѣплялись каменные стрѣлки (какъ въ томъ убѣждаютъ нѣкоторые экземпляры изъ свайныхъ построекъ) такъ же, какъ и костяныя, т. е. посредствомъ смолы и крѣпкихъ нитокъ или одними нитками ²⁾.

Всѣ указанныя выше формы не разграничены между собою рѣзко — по своему типу и областямъ распространенія. Сравнивая большое число наконечниковъ (сотни и тысячи), можно убѣдиться, что одна форма связана рядомъ переходовъ съ другою, эта съ третью, третья въ свою очередь съ первою и въ то же время съ четвертою и т. д. Если взять за точку отправленія удлиненно-овальную стрѣлку, то изъ нея можно получить переходы и къ другимъ тремъ. Такъ, овальная форма, переходя въ миндалевидную, т. е. получая болѣе расширенное и округленное основаніе, можетъ перейти наконецъ въ треугольную съ слегка выпуклыми боковыми ребрами и съ выпуклымъ нижнимъ ребромъ. Послѣднее,

¹⁾ Такія стрѣлки съ зазубренными краями были находимы во французскихъ и испанскихъ дольменахъ, въ Англіи, а у насъ, въ Россіи, нѣсколько прекрасныхъ экземпляровъ ихъ, съ мелко зазубренными ребрами, извѣстно изъ Архангельской губ. (с. Зямня Золотица).

²⁾ Различныя формы кремневыхъ наконечниковъ изображены въ атласѣ Mortillet и въ сочиненіи Evans Les Ages de la pierre.

черезъ рядъ формъ, переходитъ въ прямое и наконецъ въ вогнутое и вырѣзанное, и притомъ или въ округленно-вырѣзанное или въ треугольно-врѣзанное. Нижніе боковые углы при этомъ, болѣе и болѣе удлиняясь и заостряясь, переходятъ въ болѣе и болѣе явственно-выраженные зубцы (иногда такой зубецъ дѣлается только на одномъ боку),

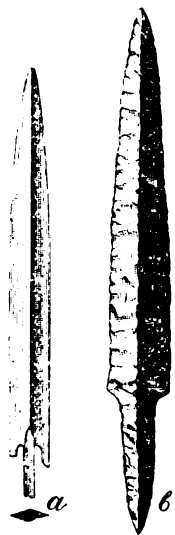

Рис. 65. Трехгранныя каменные стрѣлки: *a* — сланцевая изъ Норвегіи; *b* — кремневая — изъ Даніи (Martillet).

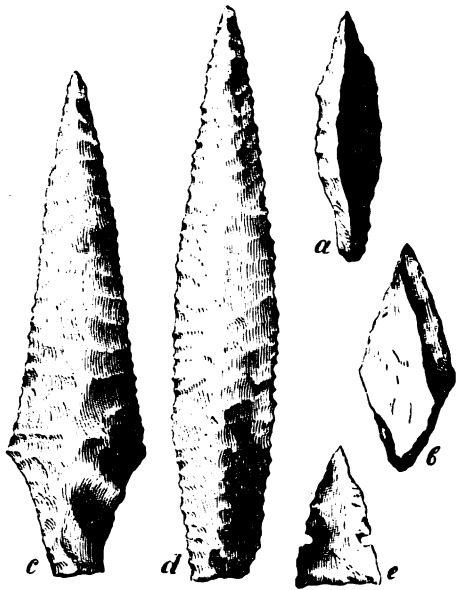

Рис. 66. Различныя степени отдѣлки каменныхъ наконечниковъ: *a* — трехгранный кремневый осколокъ, приспособленный для стрѣлы; *b* — плоскій осколокъ, обдѣланный въ стрѣлку ромбоидальной формы; *c* — тщательно оббитый ромбоидальный наконечникъ (съ отломаннымъ однимъ концомъ); всѣ три стрѣлки изъ Волосова, близъ Муромъ; *d* — тщательно оббитый наконечникъ съ пилообразнымъ краемъ — изъ Архангельской губерніи; *e* — американская стрѣла изъ бѣлаго кремня — съ боковыми выемками. (Съ натуры).

а измѣненія въ очертаніяхъ боковыхъ реберъ — даютъ опять различныя варіаціи. Переходъ отъ овальной формы къ ромбоидальной выражается прежде всего въ нѣкоторой угловатости боковыхъ реберъ, которыя изъ округленныхъ переходятъ постепенно въ прямыя, сходящіяся на бокахъ въ углы. Если эти углы получаютъ ближе къ основанію, то нижній конецъ принимаетъ характеръ черешка, который отдѣляется еще явственнѣе при оббивкѣ его съ боковъ. Черешокъ могъ впрочемъ также получиться и изъ треугольной формы, особенно съ выпуклымъ основаніемъ, путемъ боковой оббивки послѣдняго или, даже при вогнутомъ основаніи, посредствомъ боковыхъ выемокъ и т. д. ¹⁾

Вездѣ, гдѣ находятъ большое число каменныхъ наконечниковъ стрѣлъ, они встрѣчаются обыкновенно въ нѣсколькихъ разновидностяхъ. Эти разновидности могутъ относиться къ различнымъ эпохамъ, къ различнымъ народамъ (напримѣръ, на мѣстѣ

¹⁾ Эвансъ (Les Ages de la pierre. 1878), принимаетъ приблизительно такой порядокъ: стрѣлы въ формѣ листа, — ромбоидальныя, — съ черешкомъ, — треугольныя. Ту же послѣдовательность принимаетъ и Лэнъ Фоксъ. Литтль — полагаетъ, что самыя древнія стрѣлы — ромбоидальныя, а Вильде — что онѣ были треугольныя, и что листообразныя и ромбоидальныя — самыя позднѣйшія. Но этому противорѣчатъ типы палеолитическихъ стрѣлъ.

древняго побоища между двумя войсками, имѣвшими различныя формы стрѣлъ), но могутъ принадлежать и одному и тому же народу и эпохѣ. Примѣръ современныхъ народовъ, употребляющихъ стрѣлы, вполне это доказываетъ, такъ какъ почти у каждаго изъ нихъ встрѣчаются различныя виды стрѣлъ, смотря по тому, для какой цѣли онѣ служатъ, для войны или для охоты, для стрѣлянiя ли на близкомъ или дальнемъ разстоянiи, въ того или другого звѣря и т. д. Кромѣ того, въ этомъ убѣждаютъ и раскопки нѣкоторыхъ древнихъ могилъ, въ которыхъ иногда у одного костяка находятъ по нѣскольку экземпляровъ наконечниковъ различной формы. Лэнъ Фоксъ могъ сравнить сотни каменныхъ стрѣлъ, найденныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ области Рио-Негро и на мѣстахъ древнихъ селенiй (*pagaderos*) Патагонiи и встрѣтилъ между ними многочисленныя варiацiи отъ овальныхъ и ромбоидальныхъ до треугольныхъ и съ черешкомъ, съ поперечными и косвенными боковыми вырѣзками, съ шилообразнымъ остриемъ, полулунной формы и т. д. Распредѣляя ихъ по степени сходства, онъ получилъ рядъ серiй, наглядно убѣждающихъ въ постепенности развитiя отдѣльныхъ типовъ ¹⁾. Въ этомъ разнообразiи типовъ, связанныхъ переходными формами, могъ убѣдиться и я, просматривая большую коллекцiю каменныхъ наконечниковъ изъ Калифорнiи, бывшую на Московской антропологической выставкѣ 1879 г. (доставленную изъ Лейпцигскаго музея д-ромъ Обстомъ). Подобное же разнообразiе, хотя обыкновенно не въ столь широкихъ предѣлахъ, представляютъ также стрѣлки, находимыя въ могилахъ и на мѣстахъ древнихъ поселенiй въ Европѣ, напримѣръ во французскихъ дольменахъ, въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ, на мѣстахъ фабрикацiи неолитическихъ каменныхъ орудiй, на мѣстѣ древней стоянки у Волосова (Муромскаго уѣзда), на берегахъ Десны и Вислы, на побережьи Бѣлаго моря (у с. Зимняя Золотица), въ Казанской, Тульской губернiи, въ Сибири, въ Египтѣ и т. д.

Это разнообразiе не исключаетъ однако извѣстнаго постоянства въ типахъ стрѣлокъ изъ различныхъ мѣстностей. Нѣкоторыя формы наконечниковъ встрѣчаются весьма рѣдко въ иныхъ мѣстностяхъ и, наоборотъ, попадаются весьма часто въ другихъ, такъ что могутъ считаться для послѣднихъ характеристичными. Такъ, напримѣръ, стрѣлки треугольной формы съ боковыми выемками или, что тоже, съ широкимъ поперечно-срѣзаннымъ черешкомъ, отдѣленнымъ отъ тѣла стрѣлы шейкою, попадаются весьма рѣдко въ Европѣ, лишь какъ единичныя экземпляры среди сотенъ и тысячъ; наоборотъ, въ Америкѣ онѣ весьма обыкновенны и встрѣчаются на обширномъ пространствѣ отъ Соединенныхъ Штатовъ до Патагонiи. Это заставляетъ признать въ нихъ форму, характерную для Америки, и которая не привилась на почвѣ Европы (и Азiи). Между тѣмъ указанныя боковыя вырѣзки представляютъ явное усовершенствованiе треугольной формы, такъ какъ онѣ служатъ для болѣе удобнаго привязыванiя наконечника, причеиъ нитка, обвивая тупыя выемки, не перетирается такъ скоро острыми боковыми ребрами, черезъ которыя она должна обвиваться при обыкновенной формѣ треугольныхъ стрѣлокъ. Интересно, что въ Египтѣ (а также, повидимому, въ Алжирской Сахарѣ) были найдены наконечники съ одной (непарной) боковой выемкой, или точнѣе — съ черешкомъ, на которомъ находится одинъ непарный боковой вы-

¹⁾ *Lane Fox*. Flint and chert Arrow-Heads from Patagonia, With 2 plates. въ „Journal of the Anthropological Institute“ Lond. IV. 1875.

ступъ ¹⁾). Назначеніе этой выемки, повидимому, то же, но здѣсь не дошли до парныхъ выемокъ, съ обѣихъ сторонъ. Въ виду того, что стрѣлки такой формы не встрѣчаются, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ болѣе, ихъ можно считать характерными для сѣверной Африки. Въ различныхъ областяхъ Европы и Азіи можно также подмѣтить разницу въ преобладающихъ типахъ стрѣлокъ. Такъ, напримѣръ, въ долинѣ Вибраты, въ Абрुццахъ, Кончезіо Роза могъ собрать 1568 кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ; изъ нихъ оказалось: 195 миндалевидныхъ и овальныхъ, 27 треугольныхъ (съ прямымъ или вогнутымъ основаніемъ) и 1346 съ болѣе или менѣе узкимъ черешкомъ и большей частью о двухъ боковыхъ зубцахъ (только 25 съ однимъ). Подобное же отношеніе было найдено Белуччи между стрѣлками изъ области Перуджіи, гдѣ форма съ черешкомъ оказалась на 2100 экземплярахъ его коллекціи и, по меньшей мѣрѣ, на 3500 экземплярахъ, собранныхъ другими лицами, тогда какъ треугольную форму Белуччи встрѣтилъ только на 40 экземплярахъ. Стрѣлки съ черешкомъ, въ разныхъ варіаціяхъ, преобладаютъ также въ свайныхъ постройкахъ озера Варезе, что позволяетъ сдѣлать заключеніе, что онѣ вообще характерны для Италіи ²⁾. Но, онѣ составляютъ также самый обыкновенный видъ стрѣлокъ во Франціи, Алжирѣ, свайныхъ постройкахъ западной Швейцаріи, Англіи, западной Германіи, такъ что вообще могутъ считаться наиболѣе характерными для западной Европы. Наоборотъ, ромбоидальная форма, сравнительно, рѣдка тамъ. Мортилье говоритъ, что она очень рѣдка во Франціи. Белуччи могъ констатировать ее лишь на 60 экземплярахъ изъ Перуджино (между 2100); Роза встрѣчалъ ее весьма рѣдко въ Абруццахъ; Гроссъ приводитъ 1—2 экземпляра ихъ изъ свайныхъ построекъ Бьеннского и Нефшательскаго озеръ (хотя въ восточной Швейцаріи онѣ встрѣчаются чаще). Нѣсколько болѣе распространена эта форма въ Англіи, но въ Скандинавіи ея тоже почти нѣтъ, и только въ восточной Европѣ она получаетъ мѣстами преобладаніе. Подобнымъ же образомъ треугольная форма, съ прямымъ или вогнутымъ основаніемъ, составляетъ рѣдкость во Франціи, Италіи и Англіи, встрѣчается чаще въ Ирландіи, еще чаще въ Португаліи, въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, въ Греціи (въ Микенахъ) и становится характерною для Скандинавіи, Пруссіи, Австріи и Румыніи. Весьма нерѣдко (въ Португаліи, въ Микенахъ, въ Швеціи) основаніе этихъ стрѣлокъ значительно вогнуто и нижніе боковые углы ихъ выдаются въ видѣ длинныхъ загнутыхъ внизъ и внутрьъ зубцовъ или шиповъ (особенно на экземплярахъ изъ дольменовъ Портимайо, въ Португаліи). Что касается

Рис. 67. Каменные стрѣлки съ черешкомъ и съ однимъ боковымъ рубцомъ, изъ Египта (Mook).

¹⁾ Стрѣлки съ боковыми выемками, если и попадаются иногда въ Европѣ, то всетаки отличаются отъ типичныхъ американскихъ тѣмъ, что выемки не такъ правильны и глубоки и черешокъ не расширяется книзу, а округленъ или заостренъ. Египетскую форму съ одной боковой выемкой Мортилье, повидимому, смѣшиваетъ съ американскою, признавая, какъ надо полагать, что она случайная, и что выступъ на другомъ боку обломанъ, но среди многихъ изображеній такихъ стрѣлокъ у Mook' *Aegyptens Vormetallische Zeit.* 1880, я не встрѣтилъ ни одной съ двумя выемками, и, наоборотъ, такія стрѣлки съ одной боковой выемкой, не попадаются совершенно между американскими. См., напр., Abbot, *Primitive Industry*, passim.

²⁾ *Con. Rosa. Ricerche di Archeologia preistorica nella Valle della Vibrata*, въ „Archivio di Antropologia“, II. 1872, con 10 tavole; *Belucci. L'eta' della pietra nel Perugino*, con 3 tavole (Ibid. IX, 1879); *Mortillet, le Préhistorique*, 520—527.

до овальной формы, то она встрѣчается болѣе или менѣе вездѣ, хотя, повидимому, никогда не является преобладающею ¹⁾).

Въ предѣлахъ Россіи также можно подмѣтить преобладаніе по областямъ различныхъ типовъ. На сѣверѣ, напримѣръ, преобладающею формою является, повидимому, удлинено-треугольная съ прямымъ или вогнутымъ основаніемъ, причемъ иногда длина наконечника въ 4—5 разъ превышаетъ его ширину. Подобная же форма (только болѣе короткая) встрѣчается часто въ Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской губерніяхъ, но уже въ Казанской она находится рѣже (примѣрно на $\frac{1}{10}$ части экземпляровъ) и еще рѣже (единичными экземплярами) въ средней Россіи (Владимірской, Московской, Тверской, Новгородской губерніяхъ). На югѣ и западѣ она опять становится обыкновенной. Нѣсколько прекрасныхъ, длинныхъ наконечниковъ такой формы было найдено въ курганахъ Задонскаго уѣзда, вмѣстѣ съ бронзовыми наконечниками копій; нѣсколько десятковъ, но болѣе короткихъ и меньшей величины, въ Богодуховскомъ уѣздѣ, Харьковской губ.; значительное число, обыкновенно мелкихъ, на берегахъ Десны, въ Новгородъ—Сѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губ.; на берегахъ Вислы и Пиллицы, въ Польшѣ; въ Полтавской и Екатеринославской губерніяхъ. Въ Сибири ихъ также находили во многихъ мѣстахъ (около Красноярска, на Тункѣ, на Алеутскихъ островахъ и т. д.), иногда впрочемъ со стрѣлами съ черешкомъ (особенно въ Амурской области), которыя также довольно обыкновенны на Деснѣ и въ западной Россіи (на Вислѣ). Что касается до стрѣлъ ромбоидальной формы, то онѣ особенно характерны для Владимірской губерніи (стоянки по Окѣ, Волосово), также Тульской, Смоленской, Калужской, Тверской, Новгородской, Рязанской, Казанской, Кіевской, вообще средней Россіи, гдѣ встрѣчаются также, хотя и рѣже, овальные и съ черешкомъ ²⁾). Интересно однако, что находимыя у насъ стрѣлки съ черешкомъ рѣдко выказываютъ тѣ характерныя формы съ боковыми зубцами, какія столь обыкновенны въ западной Европѣ. Наши болѣе частью представляютъ переходъ къ ромбоидальной или овальной формѣ, т. е. черешокъ ихъ не такъ рѣзко отдѣленъ и боковые нижніе углы умѣренно заострены и не вытянуты въ длинные зубцы.

Болѣе рѣдкія формы каменныхъ стрѣлокъ представляютъ—многогранныя (трехъ и четырехъ-гранныя). Онѣ дѣлались изъ кремня и изъ болѣе мягкихъ породъ (аспида,

¹⁾ Мортилье говоритъ, что для свайныхъ построекъ наиболее характерна треугольная форма и приводит въ доказательство, что изъ 61 стрѣлки оттуда въ Сентъ-Жерменскомъ музее—50 такихъ, и только 10—съ черешкомъ. Но между стрѣлками изъ Бьенскаго и Нефшательскаго озеръ, изображенными у Гросса, большинство съ черешкомъ и только 2 треугольныхъ. Нѣсколько образцовъ ромбоидальныхъ стрѣлокъ изъ Англіи изображены у Эванса, который говоритъ впрочемъ, что онѣ встрѣчаются гораздо рѣже овальныхъ. Треугольныя стрѣлки попадаются часто въ Ирландіи, но онѣ очень рѣдки въ Англіи (по Эвансу). Португальскія стрѣлки съ глубокой выемкой и боковыми шипами, изображены въ сочиненіи *Carta:lhac, Ag:is prèhistoriques de l'Espagne et du Portugal*, p. 159; треугольныя съ небольшимъ зачаткомъ черешка, тамъ же p. 87, 184; треугольныя съ прямымъ и выпуклымъ основаніемъ, p. 170. Микенскія обсидіановыя стрѣлы изображены у *Schliemann*, Мукенае, 1878. S. 313. Скандинавскія можно видѣть у Нильсона и у *Montelius, Antiquités Suedoises I*, p. 14—15.

²⁾ Я пользовался, главнымъ образомъ, коллекціями историческаго и антропологическаго музеевъ, коллекціями проф. Самоковскаго и другими, бывшими на антропол. выставкѣ 1879 г., также атласомъ гр. Уварова, Аспелина, данными Полякова и др. Въ историч. музей находится около 200 треугольныхъ стрѣлокъ изъ Черниг. губ. и около 150 ромбоидальныхъ изъ Владимірской. Въ Японіи встрѣчаются, какъ треугольныя, такъ и стрѣлы съ черешкомъ. Изъ 35 японскихъ стрѣлокъ въ историч. музей—15 треугольныхъ (съ вырѣзкой при основаніи), 15 съ черешкомъ, 2 ромбоидальныхъ, 2 овальныхъ и 1 американскаго типа.

кремнистаго и иныхъ сланцевъ). Кремневая (большей частью съ черешкомъ) встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ Скандинавіи (Даніи, Швеціи, Норвегіи), но и тамъ не особенно часты (см. рисунокъ № 65); сланцевыя характеризуютъ преимущественно сѣверную Норвегію. Въ Россіи многогранныя кремневая стрѣлки, но болѣе грубой отдѣлки, чѣмъ скандинавскія, были найдены въ Польшѣ и на берегахъ Десны, и еще болѣе грубыя—въ Крыму (на Яйлѣ, близъ Кизиль-Коба) ¹⁾. Переходъ къ многограннымъ стрѣлкамъ представляютъ также нѣкоторыя плоскія, обѣ или одна сторона которыхъ обита такъ, что выказываетъ срединное ребро. Такія попадаются въ западной Европѣ (въ дольменахъ Ардеши и др.), въ Россіи (напр. въ Волосовѣ) и въ Египтѣ. Сланцевыя многогранныя стрѣлки также попадаются въ Россіи; ихъ находилъ, напримеръ, Малаховъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пермской губерніи ²⁾.

Довольно рѣдко, также, встрѣчаются стрѣлки съ лезвиемъ, вмѣсто острія. Это—не что иное, какъ осколки кремня, получившіеся отъ поперечнаго раскола длинныхъ кремневыхъ пластинокъ (lames). Имъ, посредствомъ оббивки съ боковъ, придавали такую форму, что они служивались къ основанію и расширялись къ лезвию, причемъ это лезвие составлялось острымъ естественнымъ боковымъ ребромъ кремневой пластинки. Подобныя наконечники съ лезвиемъ находили изрѣдка въ Скандинавіи (чаще всего въ Шведской провинціи Сканіи и на Датскомъ островѣ Лолландѣ, въ отложеніи промежуточномъ между къеккенмѣддингами и дольменами). Они походятъ иногда своею формою на такъ наз. „топоры“ (tranchets) къеккенмѣддинговъ (похожіе, въ свою очередь, на топоры дикарей Новой Зеландіи), только гораздо ихъ меньше, и напоминаютъ часто ружейные кремни. Подобныя наконечники съ лезвиемъ находили также въ Англии, въ южной Италиі, въ къеккенмѣддингахъ Португаліи, особенно же во Франціи, въ нѣкоторыхъ дольменахъ Бретани и др., на Сатр Вигбет, Сатену, около Аркашона, въ гротахъ Марны (въ долинѣ du petit-Morin) и др. ³⁾. Въ гротахъ Марны—de Baue находилъ ихъ при скелетахъ, въ большомъ числѣ (всего имъ найдено до 1500 экземпляровъ) и различной величины (отъ 5 до 1, 2 сантиметра). Замѣчательно, что острыхъ стрѣлокъ и другихъ каменныхъ орудій было найдено въ тѣхъ же гротахъ всего около 150. Принимая это во вниманіе и имѣя въ виду, съ другой стороны, сходство лезвечатыхъ стрѣлокъ съ топориками, Мортиллье отрицаетъ ихъ принадлежность къ стрѣлкамъ и видитъ въ нихъ только миниатюрныя топорики (tranchets), имѣвшіе, можетъ быть, какое нибудь символическое значеніе. Стрѣлки съ лезвиемъ

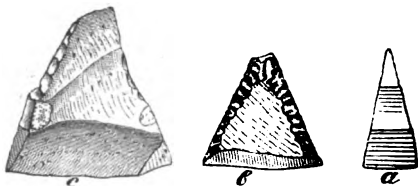

Рис. 68. Кремневая стрѣлки съ лезвиемъ (Mortillet).

¹⁾ Изображенія многогранныхъ кремневыхъ стрѣлокъ изъ Скандинавіи приведены у Нильсона, Монтелиуса, Мортиллье и др. Образцы ихъ есть въ Антропологическомъ музеѣ. Польскія многогранныя стрѣлки въ коллекціяхъ Самохвасова, Приборовскаго и др. О крымскихъ см. «Отчетъ объ изслѣдованіяхъ каменнаго вѣка въ Крыму» Мережковскаго. 1880, въ «Извѣстіяхъ Географ. Общества» XVI, 2.

²⁾ Слышано мною лично отъ покойнаго Малахова.

³⁾ Nilsson, l. c. pl. II. f. 36 — 37; Madsen. Stone Age. Afbildungen. pl. XXII. 18 — 19; Montelius, Antiq. Suedoises. I. № 66; Evans, l. c. p. 386 — 387; Mortillet, Le Préhistorique p. 518 — 520; B. de Baye, L'Archéologie préhistorique. p. 250—276. Ribeiro, Les kiokkenmoeddings de la Vallée du Tage, Pl. IV, въ «Congrès international d'archéologie» à Lisbonne. 1880. L. 1884.

вмѣсто острія, по его мнѣнію, противорѣчатъ всѣмъ законамъ баллистики и не могутъ проникать въ тѣло, т. е. исполнять своего назначенія. Кромѣ того, Мортиллье ссылается на находку въ Даніи, въ торфяномъ болотѣ, одного такого наконечника, еще укрѣпленнаго въ двухъ короткихъ деревяшкахъ помощью древесной коры. Короткость древка, утверждаетъ Мортиллье, не позволяетъ видѣть въ инструментѣ стрѣлу, а скорѣе родъ небольшого долота. Но есть факты, которыя подтверждаютъ, что эти кремневые лезвья могли быть и наконечниками стрѣлъ. Въ музеяхъ Лейдена, Берлина и въ Луврѣ находится нѣсколько подобныхъ наконечниковъ изъ египетскихъ гробницъ, отчасти еще насаженныхъ на древкахъ, укрѣпленныхъ въ свою очередь въ стебляхъ тростника. Шабà приводитъ изображеніе одной такой стрѣлы, находящейся въ Лейденскомъ музеѣ: широкій наконечникъ укрѣпленъ въ ней помощью смолы, причѣмъ ниже его, съ обоихъ боковъ, укрѣплено въ той же массѣ смолы еще по острому кремневому осколочку, въ родѣ зубцовъ. Изображенія подобныхъ стрѣлъ можно видѣть и на нѣкоторыхъ барельефахъ Фиванскихъ гробницъ (у Присса). Пассалаква нашелъ въ одномъ позднѣйшемъ Фиванскомъ некрополѣ (близъ Курны), эпохи Лагидовъ, можетъ быть даже римской, въ числѣ многихъ мумій ремесленниковъ, снабженныхъ орудіями ихъ ремесла, мумію одного охотника, съ лукомъ и 12 стрѣлами изъ тростника, съ такими же кремневыми лезвьями, укрѣпленными помощью смолы, какъ и только что описанный. Это показываетъ, что кремневые стрѣлки такого типа продолжали употребляться въ Египтѣ почти до начала нашей эры, когда уже металлическіе наконечники были давно извѣстны ¹⁾. Съ другой стороны, de Baye нашелъ въ гроттахъ Марны одну такую стрѣлку, воткнутую въ переднюю сторону человѣческаго поясничнаго позвонка. Мнѣніе, что подобные наконечники противорѣчатъ основнымъ требованіямъ баллистики, опровергается тѣмъ фактомъ, что мы встрѣчаемъ (какъ увидимъ далѣе) много желѣзныхъ наконечниковъ подобной формы (съ лезвеемъ, даже съ вырѣзкой на немъ, въ родѣ полумѣсяца) — какъ въ отложеніяхъ желѣзнаго вѣка, такъ и въ римскую эпоху, въ средніе вѣка на Западѣ и еще позже въ Россіи; они были также еще недавно въ употребленіи—у Персіанъ, Бурятъ, Тунгузовъ и другихъ народовъ.

Въ Россіи—кремневые стрѣлки съ лезвеемъ были находимы проф. Самоквасовымъ на берегахъ Десны, въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ, и на берегахъ Вислы и Пилицы; ихъ находили также въ Новгородской губерніи (въ Озеревичахъ, недалеко отъ Бологова) и въ Крыму. Г. Мережковскій, нашедшій ихъ на Яйлѣ, въ Кизиль-Коба, призналъ въ нихъ сначала маленькіе косые скребки, тѣмъ болѣе, что бока ихъ иногда скошены не равномерно, но впоследствии, познакомившись съ подобными наконечниками изъ Италіи, склонился къ мнѣнію, что это были стрѣлки. Нѣсколько подобныхъ наконечниковъ я могъ констатировать между кремневыми издѣліями, найденными въ Рынь-Пескахъ, въ Астраханской губ., и среди сибирскихъ; но въ Волосовѣ, по словамъ П. П. Кудрявцева, ихъ нѣтъ, или, если и попадаются, то признать ихъ за стрѣлки весьма трудно ²⁾.

Каменные наконечники стрѣлъ продолжали употребляться и въ теченіе металли-

¹⁾ *Chabas, Études sur l'Antiquité historique. 2-me edition P. 1873, p. 383—390; De-Baye, l. c. 255. Ср. также Mook, l. c. taf. V. f. 2.*

²⁾ *Мережковскій. Отчетъ и пр. Табл. IV; Каталогъ Антроп. выставки 1879 г., стр. 9.*

ческаго періода. Въ Россіи ихъ находятъ иногда рядомъ съ бронзовыми и даже съ желѣзными. Такъ, они были найдены въ курганѣ Куль - Оба и другихъ, рядомъ съ издѣліями скиѣскаго типа и греческими—IV в. до Р. Х.; въ городищѣ на р. Мерлѣ, Богодуховскаго уѣзда, вмѣстѣ съ бронзовыми стрѣлами, многими желѣзными предметами и римскою монетою III вѣка; въ могилахъ Польши (Пржиборовскимъ) вмѣстѣ съ одинаковой формы (съ черешкомъ) желѣзными стрѣлами и т. д. Подобнымъ же образомъ, мы встрѣчаемъ ихъ на Западѣ во все продолженіе бронзоваго вѣка, желѣзнаго и даже въ средніе вѣка. Въ бронзовый вѣкъ въ западной Европѣ, стрѣлы даже преимущественно вооружались кремневыми наконечниками. Въ Египтѣ, кромѣ каменныхъ наконечниковъ съ лезвеемъ, находили въ гробницахъ (какъ древнѣйшихъ, такъ и болѣе позднихъ) и наконечники съ остріями, отчасти еще насаженные на древкахъ. Каменные стрѣлки попадаются также на почвѣ Греціи, между прочимъ на Мараѳонскомъ полѣ. По всей вѣроятности, онѣ принадлежали какимъ нибудь народностямъ въ арміи Персовъ, судя по тому, что, по словамъ Геродота, Эѳіопы въ войскѣ Ксеркса были вооружены каменными стрѣлами ¹⁾. Линденшмидтъ приводитъ нѣсколько случаевъ находенія кремневыхъ стрѣлокъ въ могилахъ Франковъ, близъ Сансона, и въ бургундскихъ—Вадтланда ²⁾. Впослѣдствіи, однако, кремневые стрѣлки играли чаще роль амулетовъ; ихъ обдѣлывали въ серебро и золото и носили какъ привѣски, или въ видѣ бусъ ожерелья, не только въ эпоху Этрусковъ, но и Византіи, а мѣстами (напр у Туареговъ Сѣв. Африки или у Казанскихъ татаръ) еще и теперь. Повидимому, имъ приписывалась извѣстная лѣчебная или предохранительная сила, судя по тому, что и теперь еще простолюдины не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ признають кремневые стрѣлки „громовыми“, упавшими съ неба во время грозы, и приписываютъ имъ разныя чудодѣйственныя качества. Особенно распространень взглядъ, что онѣ помогаютъ отъ колики, зубной боли и при родахъ. На нихъ льютъ воду и даютъ потомъ пить эту воду больнымъ. Поэтому многіе крестьяне, особенно крестьянки (даже иногда лица нѣсколько образованныя) не охотно уступаютъ имѣющіяся у нихъ каменные стрѣлки, если даже имъ предлагаютъ за нихъ сравнительно значительную сумму.

Рано или поздно, однако, каменные наконечники смѣняются металлическими. бронзовыми или желѣзными. Но, въ то время, какъ желѣзные наконечники встрѣчаются почти на всемъ пространствѣ Европы, Азии и Африки, съ начала желѣзнаго вѣка и до введенія огнестрѣльнаго оружія, бронзовые имѣють, сравнительно, ограниченное распространеніе и характеризуютъ только извѣстный періодъ въ определенныхъ областяхъ. Особенно это приложимо къ встрѣчающимся тысячами литымъ наконечникамъ, которые свидѣтельствуютъ о фабричномъ ихъ производствѣ и о распространеніи ихъ изъ двухъ—трехъ, можетъ быть, главнымъ образомъ, даже одного культурнаго центра. Что касается кованыхъ наконечниковъ изъ мѣди, то до нихъ доходили въ разныхъ странахъ независимо. Такъ, мы встрѣчаемъ ихъ въ древнихъ могилахъ индѣйцевъ Сѣверной Америки, особенно ближе къ странѣ великихъ озеръ. Индѣйцы не дошли до искусства плавить мѣдь и пользовались только самородною мѣдью, встрѣчающеюся около Верхняго озера и на Мѣдной рѣкѣ. Изъ этой мѣди,

¹⁾ Evans, Les Ages de la pierre, p. 361—362; ego же L'âge du Bronze, p. 342.

²⁾ Lindenschmidt, Lehrbuch. S. 153—154.

обрабатывая ее каменными топорами и молотками, они приготовляли себѣ ножи, родъ топоровъ или долотъ, наконечники копій и наконечники стрѣлъ. Послѣдніе имѣютъ форму удлиненнаго листа съ черешкомъ, причемъ черешокъ этотъ загибается обыкновенно съ боковъ въ форму трубки, удобной для насаживанія на древко¹⁾. Плоскія мѣдныя и бронзовыя стрѣлки, выбитыя или вырѣзанныя изъ металлическаго листа, встрѣчаются и въ Европѣ и въ Азіи. Онѣ представляютъ либо треугольную форму съ прямымъ или вогнутымъ нижнимъ ребромъ, либо имѣютъ черешокъ. Первыя снабжены часто одной небольшою круглою сквозною дырочкою въ срединѣ, или имѣютъ двѣ такихъ дырочки на одной горизонтальной линіи, или три, двѣ внизу, третья выше ихъ, или четыре, изъ коихъ двѣ выше и двѣ ниже. Стрѣлы съ одной дырочкою, а также и совсѣмъ безъ дырочекъ, были находимы Байерномъ въ нижнихъ гробницахъ Самтаврскаго могильника, вмѣстѣ съ такими же треугольными костяными и каменными. Дырочка служила, повидимому, для продѣванія нитки или волоса, которымъ привязывался наконечникъ, всаженный нижнимъ ребромъ въ верхній конецъ древка. Стрѣлки о 2 и 4 дырочкахъ были находимы въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи,

(напр. въ кладѣ Lagnaud, Jura), въ свайныхъ постройкахъ озера Бурже, въ Савойѣ, въ пфальбаутахъ Неошательскаго озера, въ Греціи и другихъ мѣстахъ²⁾.

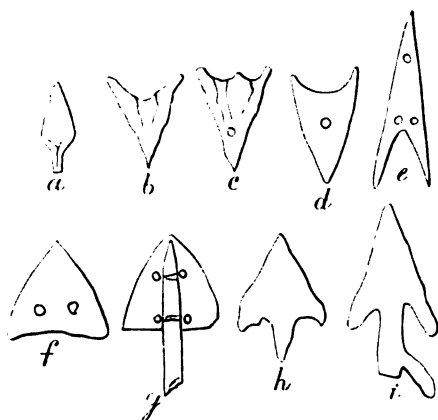

Рис. 69. Мѣдныя и бронзовыя стрѣлки: *a*—американскихъ индѣйцевъ—изъ ковальной мѣди (Andree); *b*—треугольная изъ бронзоваго листа, *c*—такая же съ дырочкою, *d*—такой же формы костяная—изъ нижняго слоя Самтаврскаго могильника, близъ Мцхета (Вырубовъ; — нарисованы остриями внизъ); *e*—древнѣйшая плоская греческая стрѣлка съ тремя дырочками (Sophus Müller); *f*—плоская треугольная, найденная во Франціи; *g*—подобная же, съ остатками древка (изъ lac du Bourget, Savoie); *h*—плоская съ черешкомъ; *i*—плоская съ черешкомъ и зубцомъ (Mortillet).

съ черешкомъ имѣютъ либо треугольную форму, иногда съ боковыми зубцами или съ 1—2 шипами на черешкѣ, либо овальную и даже ромбоидальную. Образцы ихъ извѣстны изъ различныхъ мѣстностей Франціи, Испаніи, Португаліи, Швейцаріи, Италіи, Германіи, Греціи, Египта, также были находимы изрѣдка въ Рос-

¹⁾ Schmidt, въ Archiv für Anthropologie, XI, S. 65 ff.; R. Andree, Die Metalle bei den Naturvölkern L. 1884. S. 143.

²⁾ Предметы древности въ хранилищѣ Общества Кавказской Археологіи, Т. I, p. 1—3, 7—8. Mortillet. Musée pl. LXXXIII, №№ 929—931; Gross l. c. pl. XV ff. 3, 30; Sophus Müller, въ Archiv für Anthropologie, XV, S. 329.

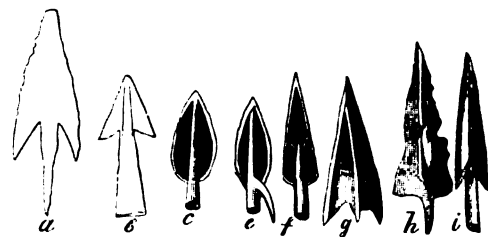

Рис. 70. Литыя бронзовыя стрѣлки: *a*—съ черешкомъ; *b*—со втулкою; *обѣ* изъ Франціи (Mortillet); *c*—«площикъ»; *e*—тоже съ шиномъ; *f*—треугольная (всѣ три изъ Полтавской губерніи) (Максевичъ), *g*—трехгранная; *h*—трехгранная съ черешкомъ; *i*—трехгранная со втулкою (всѣ три изъ Минусинскаго края (Клеменць).

Въ озерѣ Бурже была найдена одна стрѣлка еще съ остаткомъ древка, и можно было убѣдиться что черезъ 4 дырочки проходили двѣ нитки, прикрѣп- лявшія наконечникъ къ древку. Стрѣлки

си, на Кавказѣ и въ Сибири ¹⁾. Эти плоскіе наконечники, выбитые изъ листовой мѣди, Мортиллье, С. Мюллеръ и др. признають за простѣйшіе и древнѣйшіе. С. Мюллеръ не могъ констатировать ихъ среди находокъ, сдѣланныхъ въ Микенахъ (гдѣ попадаются только обсидіановыя стрѣлки), но встрѣтилъ между предметами, относящимися приблизительно къ той же эпохѣ, найденными въ Герайонѣ (въ Арголидѣ), въ Спатѣ и Мениди ²⁾. Къ позднѣйшему времени относятся, повидимому, литыя стрѣлки. Между ними попадаются также снабженныя черешкомъ для насадки (были находимы во Франціи, Греціи, Минусинскомъ краѣ), но большинство ихъ со втулкою, причемъ между этими послѣдними можно различить двѣ главныхъ категоріи. Однѣ—плоскія, обыкновенно овальныя, иногда ромбоидальныя или треугольныя; въ Малороссіи зовуть ихъ „площичками“; другія—трехгранныя съ шейкой или безъ оной. Площички, повидимому, древнѣе, хотя нерѣдко они встрѣчаются и рядомъ съ трехгранными ³⁾. Втулка проходитъ большей частью, постепенно суживаясь, вдоль средины всего наконечника до самаго его конца (или немного не доходя); по своей формѣ она представляетъ подражаніе верхнему концу древка, привязанному къ наконечнику, какъ это мы видѣли въ случаѣ плоскихъ треугольныхъ стрѣлокъ. Иногда отверстіе втулки находится сейчасъ же у нижняго конца наконечника, но чаще втулка продолжается далѣе (въ родѣ трубки) до $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{2}$ длины послѣдняго; кромѣ того, иногда на трубкѣ находится боковой зубецъ или шипъ. Трехгранныя стрѣлки имѣютъ 3 стороны и три ребра; онѣ либо безъ шейки, либо снабжены таковою, и представляютъ въ подробностяхъ много разновидностей, но обыкновенно не имѣютъ шиповъ (ребра ихъ могутъ, впрочемъ, выдаваться взадъ, какъ зубцы) и часто представляютъ сквозное отверстіе на одной изъ сторонъ, или на трубкѣ, или даже всѣ три стороны представляютъ отверстія, ведущія внутрь стрѣлы, или вдавленія, ямки ⁴⁾. Шипы встрѣчаются только на такихъ трехгранныхъ стрѣлкахъ, ребра которыхъ не прямыя, а слегка выпуклыя, такъ что не рѣзко отдѣлены внизу (или назади) отъ трубки ⁵⁾. Максимовичъ, въ своей статьѣ объ Украинскихъ мѣдныхъ и бронзовыхъ стрѣлахъ, собранныхъ надъ Днѣпромъ, въ Золотоношскомъ уѣздѣ, раздѣляетъ ихъ на два отряда, крюкастыя и трехгранныя, причемъ въ первомъ принимаетъ два рода: двубокія и трехбокія, а во второмъ—шесть: пирамидальныя, желобленыя, корытчатыя, бороздчатыя, значковыя и гладкія. Каждый родъ дѣлится имъ еще на виды, коихъ всего оказалось 54 (9—изъ отряда крюкастыхъ и 45—изъ отряда трехгранныхъ ⁶⁾). Но Максимовичъ не имѣлъ возможности сравнить стрѣлы, найденныя въ другихъ губерніяхъ, также на Кавказѣ, въ Сибири и за предѣлами Россіи. Если

1) *Mortillet*, Musée, pl. LXXXIII, №№ 932, 934; *Gross*, l. c. pl. XV, f. 7; *S. Müller*, l. c. S. 328; *Cartailhac*, l. c. pl. 107, 134, 221; *Hawlinson*, l. c. I, p. 206, f. 5.

2) Плоскіе бронзовые наконечники были найдены около Александрополя, на Кавказѣ, вмѣстѣ съ бронзовымъ мечемъ и кинжаломъ.

3) Площички нерѣдко сдѣланы изъ красной мѣди, тогда какъ трехгранныя почти всегда бронзовыя. Интересно однако, что вмѣстѣ съ типичными издѣліями древнѣйшей мѣдной эпохи, напр. въ Венгріи, мѣдныя стрѣлы не встрѣчаются, см. *Pulszky*. Die Kupferzeit in Ungarn. Budapest. 1884.

4) Было высказано мнѣніе, что эти ямки могли служить для яда, но, кажется безъ достаточнаго основанія.

5) У *Gross'a* l. c. приведена одна бронзовая трехгранная стрѣлка съ шипомъ и одна совершенно сходная съ ней по формѣ костяная. Обѣ представляютъ единичные экземпляры и есть основаніе думать, что костяная была подражаніемъ бронзовой, а не наоборотъ.

6) *Максимовичъ*. Украинскія стрѣлы, въ «Археологическомъ Вѣстникѣ», изд. Мос. Арх. Общ. 1867.

принять ихъ всё въ соображеніе, то можно было бы установить, вѣроятно, до сотни видовъ. Я не стану пускаться въ ихъ перечисленіе и описаніе, тѣмъ болѣе, что для этого потребовалась бы масса рисунковъ. Замѣчу только, что нерѣдко попадаются стрѣлы вполне тождественныя, вышедшія, очевидно, изъ однихъ и тѣхъ же формъ для отливки и представляющія тотъ же составъ (изъ сплава мѣди съ 10—12% олова, иногда еще со слѣдами свинца и желѣза). Величина стрѣлокъ также колеблется не много, среднимъ числомъ между 17—35 миллиметрами.

Бронзовыя стрѣлки съ втулкою попадаются и въ западной Европѣ, но очень рѣдко, единичными экземплярами. Притомъ онѣ отличаются и по формѣ отъ стрѣлъ восточной Европы, ибо трубчатый черешокъ у нихъ обыкновенно длинный, приблизительно равный по длинѣ собственно наконечнику. Типичныя „площички“ и трехгранныя стрѣлки встрѣчаются въ большомъ числѣ только въ восточной Европѣ и въ прилегающихъ частяхъ Азіи и Африки, именно въ Греціи, Египтѣ, на мѣстахъ древнихъ греческихъ колоній, въ Малой Азіи, южной Россіи, въ области Месопотаміи, на Кавказѣ, въ Румыніи, Венгріи, въ южной Сибири (въ Алтаѣ, Минусинскомъ краѣ) и въ Монголіи¹⁾. Въ Египтѣ бронзовыя стрѣлы были весьма употребительными; онѣ имѣютъ или форму площадковъ, или чаще трехъ и четырехгранную со втулкой и иногда еще съ оттянутыми взадъ, въ видѣ зубцовъ, углами граней. Въ Индіи, судя по одному гимну Ригъ-веды наконечники тростниковыхъ стрѣлъ были двойные, именно костяные съ бронзовымъ или мѣднымъ остріемъ. Въ Греціи бронзовыя стрѣлы встрѣчаются, по С. Мюллеру, массаами, причемъ трехгранныя, какъ болѣе позднія, чаще. Подобнымъ же образомъ онѣ изобилуютъ въ южной Россіи, въ курганахъ, городищахъ и просто въ землѣ, особенно по берегамъ рѣкъ, распространяясь на западъ въ Польшу, Румынію, Болгарію, Венгрію, Австрію, Италію, но, чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ встрѣчаются рѣже и рѣже. Это заставляетъ думать, что бронзовыя стрѣлы, бывшія уже въ употребленіи (въ древнемъ Египтѣ и Индіи, распространялись особенно чрезъ посредство Грековъ, а отчасти могли изготовляться и въ южной Россіи. Но первоначальное изобрѣтеніе литыхъ стрѣлъ послѣдовало, вѣроятно, въ области древней Халдеи, откуда онѣ могли распространяться какъ на западъ, такъ и на востокъ, въ предѣлы Индіи, Китая, Монголіи, Минусинскаго края, Алтая и оттуда на востокъ до Ананьинскаго могильника на берегу Камы²⁾ и до приволжскихъ степей. По мнѣнію С. Мюллера, литыя бронзовыя стрѣлки, особенно трехгранныя, а также и площадички, относятся не къ той эпохѣ, когда господствовала исключительно бронза, т. е. не къ типическому бронзовому вѣку. Это явствуетъ изъ того, что ни въ Греціи, ни въ окрестныхъ странахъ ихъ никогда не встрѣчаютъ вмѣстѣ съ древними бронзами, что ихъ нѣтъ, на примѣръ, въ Гиссарликѣ, Микенахъ и родственныхъ имъ находкахъ, а всегда онѣ попадаются въ сопровожденіи издѣлій позднѣйшей эпохи. Другими словами, ихъ можно отнести къ началу желѣзнаго вѣка, когда желѣзо уже было извѣстно, но многія орудія и оружія еще продолжали дѣлаться изъ бронзы. Этотъ выводъ подтверждается условіями нахождения бронзовыхъ стрѣлъ въ Египтѣ, южной

¹⁾ По S. Müller'у «man findet sie (bronzene Pfeilspitzen) auf einem breiten Gürtel rings um die klassischen Länder, aber nicht in nördlichen Europa». Образцы Сибирскихъ стрѣлъ — у Аспелина и Клеменца; стрѣлы Ананьинскаго могильника, въ статьѣ Невоструева въ «Трудахъ I Археол. Съезда въ Москвѣ». 1871.

²⁾ По Геродоту (I. 215) Массагеты, жившіе въ степяхъ, къ востоку отъ Каспійскаго моря, приготовляли себѣ копья, стрѣлы и сѣкиры изъ мѣди; желѣза же и серебра у нихъ не было.

Россіи, на Кавказѣ, въ Ананьинскомъ могильникѣ, Минусинскомъ краѣ и т. д. Въ южной Россіи онѣ характеризуютъ, повидимому, особенно эпоху съ IV в. до—и по III в. по Р. X. ¹⁾.

И. А. Залѣсскій обратилъ мое вниманіе на то, что на многихъ бронзовыхъ стрѣлкахъ, найденныхъ имъ на берегу р. Мерли, въ Богодуховскомъ уѣздѣ, замѣчаются, на трубчатомъ черешкѣ или на одной изъ сторонъ стрѣлы, небольшія нарѣзки, очевидно сдѣланныя нарочно и имѣющія видъ одной, двухъ, трехъ и болѣе черточекъ, иногда перекрещивающихся, сходящихся угломъ и т. п. По его предположенію, это могли быть значки владѣльцевъ, знаки собственности, тамги. И дѣйствительно, внимательное сличеніе значковъ заставляетъ принять такое объясненіе, какъ самое вѣроятное. Вѣроятность его увеличивается тѣмъ, что Энгельгардтъ нашелъ подобные же значки въ 1862 г. на желѣзныхъ стрѣлахъ изъ Нидамскихъ торфяниковъ въ Шлезвигѣ, и что путешественники встрѣтили такіе же (но уже несомнѣнные знаки собственности) на костяныхъ стрѣлахъ и гарпунахъ Эскимосовъ ²⁾. Если сопоставить съ этими значками тѣ, которые Лартэ и Христи встрѣтили на нѣкоторыхъ костяныхъ стрѣлахъ и гарпунахъ изъ французскихъ пещеръ Дордони, то приходится признать, что и эти палеолитическіе значки имѣли ту же цѣль, и что понятіе о собственности существовало уже въ тотъ отдаленный періодъ ³⁾.

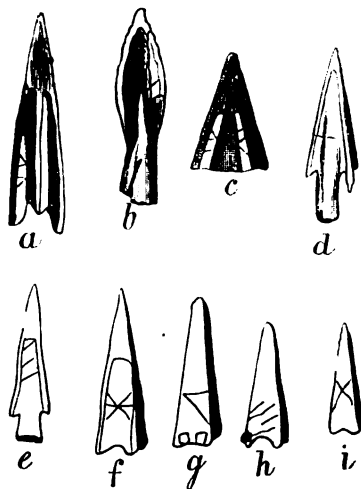

Рис. 71. Значки на бронзовыхъ стрѣлахъ, найденныхъ близъ с. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губ. (съ натуры, коллекція г. Зарѣцкаго).

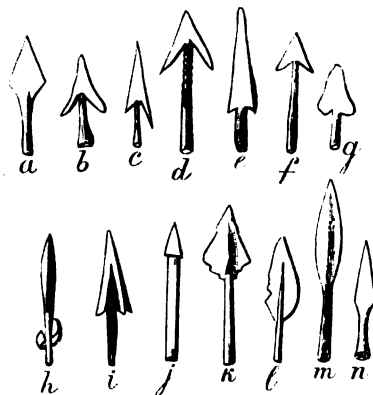

Рис. 72. Желѣзныя стрѣлы западно-европейскихъ типовъ: изъ нихъ h и i— съ черешками; всѣ же остальные—со втулками (Liudenschmidt)

Раньше или позже бронзовыя стрѣлы смѣнились однако желѣзными. Такой переходъ мы можемъ наблюдать всего лучше въ Россіи, гдѣ нерѣдко въ однѣхъ и тѣхъ же могилахъ встрѣчаются и бронзовые, и желѣзные наконечники. Въ большинствѣ странъ, однако, каменные стрѣлы смѣнились непосредственно желѣзными, какъ это можно

¹⁾ S. Müller, l. c. S. 343.

²⁾ Лѣббокъ. Доисторическія времена, пер. подъ ред. Анучина, стр. 7; Lartet et Christy l. c. p. 194. Подъ 988 г. упоминается въ лѣтописи. «И мужъ Корсунянинъ стрѣли именемъ Настасъ напсавъ саце на стрѣлѣ».

³⁾ Повидимому, знаки собственности на стрѣлахъ употреблялись и сибирскими инородцами—эвроловами. Смыслъ такихъ знаковъ понятенъ. На охотѣ (да и на войнѣ) важно знать, чья стрѣла поразила звѣря или человека, для рѣшенія вопроса, кому должна принадлежать добыча или что на ней есть.

утверждать, напимѣрь, относительно большей части Африки (Негры уже съ незапамятныхъ временъ были знакомы съ употребленіемъ желѣза, тогда какъ мѣдь въ Африкѣ рѣдка и, повидимому, не употреблялась никогда какъ матеріалъ для орудій). Многіе народы Азіи (Минкопіи, нѣкоторыя малайскія племена и др.), Америки (Алеуты) и Европы перешли тоже непосредственно отъ каменныхъ стрѣлъ къ желѣзнымъ ¹⁾. Эти желѣзныя стрѣлы представляютъ множество разновидностей, но всѣ онѣ могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ. Къ одной—могутъ быть отнесены наконечники со втулкою, для насаживанія на древко, къ другой—съ черешкомъ, для укрѣпленія въ камышовомъ или деревянномъ древкѣ. Прототипомъ первыхъ могли служить, отчасти, костяные наконечники со втулкой, отчасти и въ большей степени, бронзовые съ длинной трубкой для насадки; первообразъ вторыхъ вѣроятно исходить въ кремневыхъ наконечникахъ, ромбоидальныхъ или съ черешкомъ. Впрочемъ, формы трехъ и четырехгранныхъ или трех- и четырехперыхъ стрѣлъ могли развиваться и подъ вліяніемъ соответственныхъ образцовъ изъ бронзы ²⁾.

Наконечники со втулкою были въ употребленіи у Римлянъ и встрѣчаются въ большемъ числѣ въ могилахъ Германцевъ. Они имѣютъ либо овальную, либо ромбоидальную, либо треугольную форму, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ часто съ болѣе или менѣе глубокой вырѣзкой назадъ (у черешка), причемъ боковые углы выдаются взадъ острыми шипами. Втулка представляетъ обыкновенно трубку, равную по длинѣ половинѣ или всему наконечнику, или даже въ $1\frac{1}{2}$ —2 раза его длиннѣе. Въ восточной Европѣ (Россіи) такія стрѣлы встрѣчаются рѣдко (чаще въ западной половинѣ, начиная, примѣрно, съ Харьковской губ.), а на Кавказѣ и въ Сибири, повидимому, совершенно не попадаются. Такимъ образомъ, есть основаніе считать этотъ типъ характеристичнымъ для западной Европы. Рядомъ съ такими втульчатыми наконечниками попадаются, впрочемъ, иногда и снабженные черешкомъ, плоскіе или трехгранные. Они были извѣстны Римлянамъ и Германцамъ, но у послѣднихъ не получили значительнаго распространенія и были, повидимому, вытѣснены наконечниками со втулкой. Наоборотъ въ восточной Европѣ, въ Азіи и въ Африкѣ преобладающими формами являются снабженные черешкомъ. Онѣ могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: плоскія и трехъ или четырехгранныя. Наиболее обыкновенная форма первыхъ узко-ромбоидальная, т. е. съ двумя боковыми, тупыми углами и съ двумя острыми, изъ коихъ одинъ—составляетъ остріе, а противоположный продолжается въ черешокъ (см. рис. 73, а, g). Такія простыя ромбоидальныя стрѣлки встрѣчаются нерѣдко въ курганахъ Средней и Южной Россіи, также на Кавказѣ и въ Сибири. Онѣ же были въ употребленіи и въ до-Петровской Руси, какъ то доказываютъ сохранившіеся экземпляры стрѣлъ XVII вѣка, а равно рисунки русскихъ стрѣлъ у Герберштейна и др. Но, чѣмъ далѣе къ Востоку, тѣмъ желѣзныя стрѣлы представляютъ все болѣе и болѣе варіаціи и переходятъ въ самыя разнообразныя формы, коихъ, если слѣдовать примѣру Максимовича, можно насчитать многіе десятки. Ромбъ можетъ быть правильнымъ (съ боко-

¹⁾ Эскимосы еще до прихода европейцевъ дѣлали себѣ наконечники изъ самороднаго желѣза метеоритовъ; Алеуты замѣнили аспидные наконечники желѣзными съ приходомъ Русскихъ.

²⁾ Въ Минусинскомъ краѣ попадаются желѣзныя трѣхгранныя стрѣлки, сходныя съ бронзовыми, только снабженныя, вмѣсто втулки, черешкомъ; но Самоковасовъ нашелъ въ могилахъ близъ колоніи Каррасъ (около Пятигорска) желѣзныя стрѣлки со втулкою совершенно той же формы, какъ бронзовыя, и какъ бы сдѣланныя въ подражаніе послѣднимъ.

выми углами по срединѣ длины) или болѣе или менѣе неправильнымъ, узкимъ или широкимъ, съ болѣе или менѣе рѣзко отдѣленнымъ черешкомъ. Ребра, ближайшія къ черешку, иногда представляются нѣскольکو срѣзанными, т. е. задняя или нижняя половина ромба уже передней или верхней, причемъ боковые углы становятся острѣе, и черешокъ стрѣлы удлинняется и становится какъ бы двойнымъ (рис. 73, *i*). При неправильномъ ромбѣ боковые углы могутъ быть или ближе къ черешку, или ближе къ острию; въ первомъ случаѣ стрѣла переходитъ наконецъ въ треугольную съ черешкомъ, во второмъ остріе образуетъ все болѣе и болѣе тупой уголъ и наконецъ переходитъ въ лезвее (рис. 73, *d*). Такіе обратно-треугольные наконечники съ лезвеемъ были въ употребленіи у Монголовъ, Индусовъ, Персовъ, а также, повидимому, и у Русскихъ, и къ нимъ, вѣроятно, относится въ старинныхъ описяхъ оружія названіе стрѣлокъ „срѣзней“ ¹⁾. Дѣйствительно, онѣ не колютъ, а рѣжутъ, срѣзываютъ. Лезвее въ такихъ „срѣзняхъ“ можетъ быть слегка угловатымъ или выпуклымъ, или прямымъ, поперечнымъ, или, наконецъ, вогнутымъ. Вогнутость эта можетъ увеличиваться, и стрѣла получаетъ наконецъ два острія или развилчатый наконечникъ (рис. 72, *h, c*). Подобные находили на Кавказѣ, въ Сибири, но также и въ Европейской Россіи, особенно въ восточной ея половинѣ. Впрочемъ такіе наконечники въ видѣ полумѣсяца были извѣстны и въ Западной Европѣ. Геродіанъ рассказываетъ, что императоръ Коммодъ, чтобы показать свое искусство въ лучной стрѣльбѣ, срѣзалъ помощью стрѣлы въ формѣ полумѣсяца голову бѣжавшему страусу. Въ Средніе вѣка употреблялись иногда подобныя же стрѣлы при охотѣ съ арбалетомъ. Другія формы получаютъ изъ ромбоидальныхъ стрѣлъ, когда суживается верхняя (или передняя) часть ромба. Если при этомъ задняя часть расширяется, то наконечникъ можетъ получить пятиугольную форму (рис. 73, *f*). Если же задняя (или нижняя) часть остается трехугольною, а передняя начинаетъ срѣзываться съ боковъ, дѣлаться уже, то боковые углы становятся острѣе, и общая форма наконечника можетъ значительно измѣняться. Измѣненія эти зависятъ отъ очертаній верхней части наконечника, которая иногда становится болѣе округленною, короткою и тупою, такъ что образуетъ какъ бы переходъ къ срѣзнямъ. Подобныя наконечники, производные отъ ромбоидальныхъ, но съ округленнымъ верхнимъ концомъ были въ употребленіи еще недавно у Бурятъ; ихъ находили также въ могилахъ Минусинскаго округа и въ курганахъ Нижегородской губерніи. Вообще, варіаціи этихъ стрѣлъ весьма значительны и почти всѣ онѣ связываются между собою переходными формами;

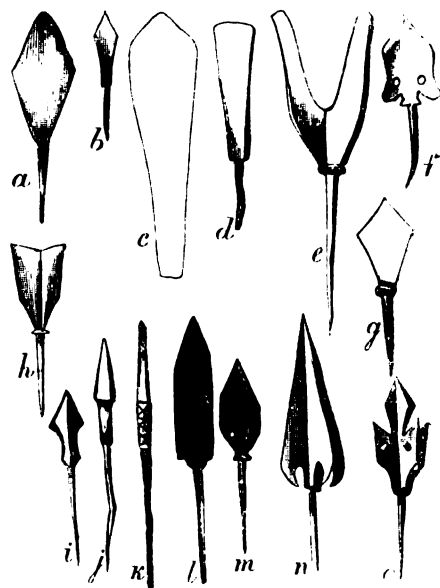

Рис. 73. Железные стрѣлы восточныхъ, азиатскихъ типовъ. Изъ нихъ *e, f, l* — изъ Европейской Россіи, всѣ остальные — изъ Сибири (съ рисунковъ атласа Клеменца и съ натуры, въ $\frac{1}{2}$ велич.).

¹⁾ На новгородскомъ образѣ Знаменія Богородицы войны изображены съ копьями, оканчивающимися либо остріями, либо лезвееми (срѣзнями).

Груды Тихвинскаго сѣзда.

величина ихъ также различна, отъ 17 — 18 миллиметровъ (безъ черешка) до 120 и даже болѣе ¹⁾).

Но еще болѣе разнообразны, можетъ быть, варіаціи многогранныхъ и многоперыхъ стрѣлокъ. Между ними есть кованныя и литыя (чугунныя), трехъ и четырехгранныя, узкія и широкія, трехъ и четырехперыя, острыя и съ лезвьями, съ зубцами взадъ, вбокъ или впередъ, съ прорѣзами, двойными и тройными углами на каждой грани и т. д. Литыя стрѣлки—обыкновенно узкія, длинныя, трехъ или четырехгранныя, причеиъ, большей частью, онѣ представляютъ форму двухъ пирамидъ, соединенныхъ своими основаніями, причеиъ вершина одной образуетъ остріе, а вершина другой удлиняется (или укорачивается) въ черешокъ (рис. 73, *k, j*). Но пирамиды эти могутъ быть равной высоты или одна изъ нихъ выше, причеиъ, если выше верхняя пирамида, остріе становится болѣе острымъ, а если выше нижняя — оно становится тупѣе. Иногда боковыя поперечныя грани (при соединеніи основаній пирамидъ) сглаживаются, становятся круглыми, иногда въ срединѣ наконечника дѣлается перетяжка, или онъ суживается рѣзче къ нижнему концу и т. д. Наконечники такой формы попадаются повсюду въ Россіи отъ Западнаго края до Минусинскаго, но обыкновенно въ маломъ числѣ и часто со стрѣлками другихъ формъ ²⁾. Если при этомъ стороны пирамидъ нѣсколько вдавливаются, а грани становятся уже и выступаютъ больше и рѣзче, то стрѣлы переходятъ въ трехъ или четырехгранныя. Въ дальнѣйшемъ развитіи грани или ребра выдѣляются все больше и рѣзче, такъ что въ концѣ концовъ получаются 3 или 4 пера (листка), расположенныхъ на одномъ срединномъ стержнѣ (рис. 73, *l, m, n*). Получивъ перья, стрѣлы проходятъ снова рядъ подобныхъ же варіацій, какъ и плоскія, т. е. онѣ или острѣе (къ вершинѣ) или тупѣе, шире или уже, имѣютъ въ общемъ или болѣе треугольное или овальное, ромбоидальное или четырехугольное очертаніе. Но варіаціи усиливаются въ данномъ случаѣ тѣмъ, что въ перьяхъ возможны различныя вырѣзки, прорѣзы, края перьевъ могутъ получать разнообразныя ломанныя контуры и т. д. (напр. рис. 73, *o*). Всѣхъ варіацій даже трудно перечестъ и только взгляды на рисунки (напр. въ „Древностяхъ Минусинскаго музея“) можетъ дать нѣкоторое понятіе объ ихъ многообразіи. Наибольшее богатство разновидностями встрѣчается, повидимому, въ Минусинскомъ краѣ, затѣмъ въ западной Сибири, но, чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ число ихъ сокращается. Въ новѣйшее время болѣе разнообразные желѣзные наконечники употреблялись Бурятами и Монголами, тогда какъ у Китайцевъ и Киргизъ они были болѣе однообразны и обыкновенно имѣли одинаковую форму, плоско-ромбоидальную.

На желѣзныхъ стрѣлахъ рѣдко можно встрѣтить какія либо нарѣзки, которыя можно бы было принять за знаки собственности. Впрочемъ, Энгельгардтъ встрѣчалъ различныя значки на желѣзныхъ стрѣлкахъ изъ торфяниковъ Нидама (въ Шлезвигѣ), а въ Сибири они попадаютъ иногда на узкихъ многогранныхъ стрѣлкахъ (см. рис. 73, *k*).

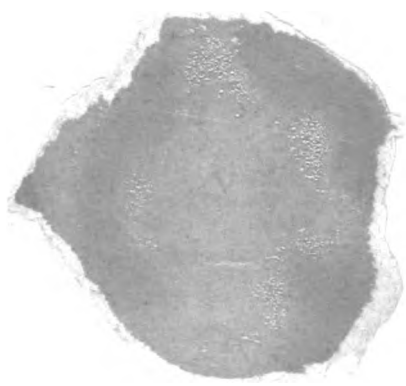
Что касается цѣлей, которыя преслѣдовались такимъ многообразіемъ наконечни-

¹⁾ Приведенный очеркъ разновидностей имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, формы, встрѣчающіяся въ Россіи и Азіи; но масса другихъ формъ, обыкновенно съ многочисленными и разнообразными шипами и зубцами, распространена въ Африкѣ, гдѣ иногда у одного племени употребляются десятки ихъ.

²⁾ Узкія многогранныя стрѣлки я встрѣчалъ между найденными въ Подтавской, Харьковской, Смоленской, Петербургской, Нижегородской, Владимірской губ. Онѣ довольно обыкновенны въ Меринскихъ курганахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ бывають и со втулкою.

ковъ, то о нихъ можно имѣть только приблизительное понятіе. Выше было уже упомянуто о нѣкоторыхъ; къ числу ихъ можно еще прибавить констатированныя у Бурятъ. У этого племени дѣлается различіе въ выборѣ стрѣлъ, смотря потому, стрѣляетъ ли конный лучникъ на близкомъ или дальнемъ разстояніи. На близкомъ—употребляются стрѣлы съ болѣе узкими наконечниками, на дальнемъ—съ болѣе широкими и многоперья. Это, очевидно, основано на томъ, что при дальнемъ разстояніи важно, чтобы стрѣла держалась дальше на полетѣ и могла бы, если не поразить, то хотя бы задѣть своимъ острымъ краемъ или ребромъ. Кромѣ того, стрѣлы въ этомъ случаѣ имѣютъ цѣлью наводить страхъ: для этого онѣ снабжаются часто, какъ было уже сказано, сквозными отверстіями—въ самой стрѣлѣ или въ укрѣпленномъ подъ нею поломъ шарикѣ,—отъ чего при полетѣ, разрѣзая воздухъ, онѣ производятъ особый свистъ.

Сравнительное изученіе наконечниковъ стрѣлъ, съ точки зрѣнія варіацій ихъ формъ и распредѣленія этихъ варіацій по эпохамъ, областямъ и народностямъ, затрудняется вообще тѣмъ обстоятельствомъ, что почти у каждаго народа употребительны стрѣлки различныхъ формъ, что древнія формы (напримѣръ каменные) могли существовать иногда долгое время рядомъ съ формами позднѣйшими (металлическими), что почти всѣ типы наконечниковъ связываются между собою переходными формами, что одинъ народъ могъ иногда усвоивать себѣ форму стрѣлъ народа сосѣдняго или получать её посредствомъ торговли и т. д. Несмотря однако на всѣ эти условія, затрудняющія изученіе распространенія различныхъ формъ—во времени и въ пространствѣ, можно все таки, пользуясь болѣе значительнымъ матеріаломъ изъ разныхъ мѣстностей и прилагая къ нему, по возможности, сравнительный и статистическій методъ, придти къ установленію характерныхъ для извѣстныхъ періодовъ и областей—типовъ и до нѣкоторой степени намѣтить ихъ развитіе и предѣлы ихъ распространенія. Чѣмъ больше будетъ накапливаться матеріалъ, тѣмъ выводы, конечно, должны болѣе приближаться къ истинѣ; въ настоящемъ очеркѣ сдѣлана попытка сгруппировать только главнѣйшія данныя, насколько къ нимъ можно было придти, основываясь на сравнительно ограниченномъ матеріалѣ.

47 266 ST 33-100-A-2

